

Георгий
Острогорский

ИСТОРИЯ
ВИЗАНТИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВА

ИСТОРИЯ
ВИЗАНТИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВА

G. Ostrofsky

Георгий Острогорский

Сибирская Благовонница
Москва
2011

УДК 242
ББК 86.3-574
О-78

*Рекомендовано к публикации
Издательским Советом Русской
Православной Церкви
ИС 11-109-0910*

Острогорский, Г.А.

О-78 История Византийского государства / Пер. с нем.: М.В. Грацианский; ред.: П.В. Кузенков. — М.: Сибирская Благовонница, 2011. — 895, [1] с., ил., карты.

Перевод по изданию: Ostrogorsky G. Geschichte des Byzantinischen Staates. Dritte, durchgearbeitete Auflage. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1963.

ISBN 978-5-91362-458-1

Книга известного сербского византиниста русского происхождения Георгия Александровича Острогорского (1902–1976), посвященная истории Византийского государства, признана одним из лучших общих очерков в мировом византиноведении и по праву может считаться классическим справочным трудом по истории Византии. Русский перевод сопровождается биографией автора, а также библиографическим дополнением. Книга снабжена указателями, таблицами и картами.

Для историков, политологов, студентов и всех любителей византийской истории.

ISBN 978-5-91362-458-1

© М.В. Грацианский, перевод, 2011
© П.В. Кузенков, приложения, карты, 2011
© Издательство Сибирская
Благовонница, оформление, 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

«История Византийского государства» выдающегося византиниста Георгия Александровича Острогорского, давно уже ставшая настольной книгой у разноязычной аудитории во многих частях мира, наконец-то дошла и до русского читателя. Несмотря на немалый срок, прошедший со времени ее создания, эта работа и на сегодняшний день может считаться лучшим в мировой науке изложением тысячелетней истории Византийского государства — средневековой Римской империи. Г.А. Острогорскому удалось создать взвешенное и научно обоснованное повествование, свободное от широко распространенных до сих пор клише о мрачной деспотии, каковой Византия представляется подчас сознанию обывателя.

Созданная Георгием Александровичем картина истории великого государства сочетает концептуальность и обилие сообщаемых фактов с живостью и доступностью изложения, что делает его книгу полезным пособием для широкого круга читателей. Вместе с тем, труд Острогорского остается чрезвычайно важным и в научном отношении. Текст изобилует ссылками на источники и исследования, предоставляя основательный библиографический и историографический материал по каждому периоду и едва ли не по всем ключевым сюжетам государственной, военной, социально-политической и экономической истории Византии.

«История Византийского государства» впервые вышла в свет на немецком языке в 1940 г. Во втором издании (1952) она была коренным образом переработана. Третье издание, исправленное и заново переработанное, вышло в 1963 г. В 1965 г. появилось сокращенное немецкое издание для широкой публики (без научного аппарата), выдержавшее множество стереотипных переизданий (последнее в 2006 г.). Наконец, в 1969 г. появился сербский вариант

«Истории». Книга Острогорского была признана одним из лучших обобщающих трудов по византийской истории, о чем говорят ее переводы на английский (1956, 1957, 1968, 1969), французский (1956, 1977, 1996), сербский (1959, 1969, 1985, 1993), словенский (1961), польский (1967, 2008), итальянский (1968, 1993), турецкий (1981), новогреческий (1997, 2000, 2008), болгарский (1998), венгерский (2001) и украинский (2002) языки. Ее перевод на русский язык уже давно ощущался как настоятельная необходимость, однако ждать его пришлось долгие десятилетия.

В настоящем издании предпринята попытка по возможности бережно передать авторский текст книги, исправив лишь некоторые мелкие ошибки и неточности. Издание снабжено указателем, справочными таблицами и списками, а также новыми картами и иллюстрациями. Кроме того, к книге приложены библиографические дополнения, призванные отчасти скомпенсировать разрыв между 1963 г. прошлого века, когда появилось взятое за основу перевода 3-е немецкое издание «История Византийского государства», и современным состоянием византиноведческой науки.

Свою работу переводчик и редактор посвящают светлой памяти своего безвременно почившего учителя, профессора Игоря Сергеевича Чичурова (1946–2008), высоко ценившего классический труд Г.А. Острогорского.

*М.В. Грацианский,
П.В. Кузенков*

Г. А. ОСТРОГОРСКИЙ

(1902–1976)

Георгий Александрович Острогорский, один из самых авторитетных историков-византинистов прошедшего столетия, родился в Санкт-Петербурге 6 (19) января 1902 г. в семье известного педагога и общественного деятеля Александра Яковлевича Острогорского (1868–1908). Окончив петербургскую классическую гимназию, Георгий с детства приобщился к изучению древнегреческого языка. После 1919 г. он вместе с родственниками уехал в Финляндию, и с тех пор его связи с родиной надолго оборвались.

В 1921 г. юноша, в совершенстве владевший многими иностранными языками, начал учебу в Гейдельбергском университете (Германия), где изучал сначала философию, а затем политэкономия, социологию и классическую археологию. Здесь он слушал лекции таких знаменитостей, как К. Ясперс, Х. Риккерт и А. Вебер, и увлекся социально-экономическими теориями. Интерес к истории Византии пробудил в нем немецкий медиевист П.Э. Шрамм. В 1924 г. Острогорский отправился в Париж, чтобы углубленно изучать византийскую историю в семинаре знаменитого Шарля Дия в Сорбонне, византийское искусство у Габриеля Мейе и греческую палеографию у Жермены Руйар. Вернувшись на следующий год в Гейдельберг, он в июле 1925 г. защитил диссертацию на тему «Сельские податные общины в Византийской империи в X в.», в которой постарался соединить две основные области своих интересов — экономику и византиноведение. После присвоения докторской степени молодой ученый, получивший немецкое гражданство, начал преподавательскую деятельность, с 1928 г. в звании приват-доцента читая лекции по истории Византии в университете Бреслау (совр. Вроцлав). С 1931 г. он также являлся активным членом Археологического института им. Н.П. Кондакова в Праге.

В 1933 г. после прихода к власти национал-социалистов Острогорский был вынужден оставить преподавание и покинуть Германию. В том же году, получив приглашение на кафедру византологии Белградского университета (основанную в 1906 г. профессором Д. Анастасиевичем), он переехал в Югославию, где и провел всю оставшуюся жизнь. В 1938–1940 гг. при содействии Острогорского Институт им. Кондакова был принят под покровительство принца-регента Югославии Павла и частично переехал из оккупированной немцами Чехословакии в Белград. Однако институту не было суждено укорениться на сербской земле: в 1941 г., во время первого же налета немецкой авиации на Белград, его помещение было разрушено, значительная часть библиотеки и архива погибла, а остатки были возвращены в Прагу. Туда же предлагали вернуться и Острогорскому, но план по приглашению его на кафедру византологии Карлова университета не встретил одобрения немецкого ректора.

В начале 1941 г. Острогорский получил статус штатного профессора Белградского университета, где преподавал византийскую историю на отделении истории философского факультета, был руководителем Византийского семинара и заведующим кафедрой византологии. В марте 1946 г. Г. Острогорский был избран членом-корреспондентом Сербской академии наук и искусств, а уже через два года 46-летний ученый стал ее действительным членом. В том же году, 26 марта 1948 г., по его инициативе при Сербской академии наук был организован специальный Византологический институт (Византолошки институт). Острогорский до самой кончины был его директором, а с 1951 г. — главным редактором ежегодника его трудов («Зборник радова Византолошког института»). Неутомимая преподавательская и научно-исследовательская деятельность ученого привела к созданию в Югославии мощной научной школы, выдвинув эту страну в число лидеров мирового византиноведения.

Академик Острогорский пользовался всемирным признанием: 15 академий и научных институтов Европы и Америки избрали его своим членом, а Оксфордский и Страсбургский университеты присвоили ему звание почетного доктора. Он был отмечен государственными наградами Югославии (орден Демократии) и ФРГ (орден «За заслуги в науке и искусстве»). В 1961 г. под его непосредственным руководством прошел 12-й Международный конгресс византийских исследований в Белграде; некоторое время он был президентом Меж-

дународной ассоциации византинистов. В декабре 1973 г. Острогорский вышел на пенсию, прекратив преподавание в университете, но оставаясь директором Института. Умер он 24 октября 1976 г. после тяжелой и продолжительной болезни, на семьдесят пятом году жизни.

С самого начала своей научной деятельности Острогорский проявлял интерес к двум основным темам — экономике и политической идеологии Византии. С исследования податного устава X в. (т.н. Трактата Эшбёрнера) берет начало его путь к раскрытию одной из ключевых проблем византиноведения — о роли и месте государства в экономической и политической жизни. Несколько ранних работ Острогорского посвящены иконоборчеству. В контексте анализа ученым внутренней политики императоров-иконоборцев VIII в. изучению подвергся также основной для этой эпохи источник — «Хронография» Феофана Исповедника. В дальнейшем Острогорский обратился к основательному изучению экономической проблематики средне- и поздневизантийской эпох, написав образцовое исследование об институте пронии (1951). В области византийских государственных институтов и идей особое внимание Острогорского привлекали две темы: возникновение фемного устройства и иерархическая система дипломатических отношений империи с окружающими странами. Впоследствии его все глубже интересовали связи Византии со славянским миром, и прежде всего с сербами. Выводы исследователя о главных аспектах экономического и социально-политического развития Византии нашли отражение в его главной работе — «Истории Византийского государства». Главные отличительные черты предложенной Острогорским концепции социально-политического устройства Византийской империи — признание непрерывного внутреннего развития общественных отношений, важной роли в этом развитии славянского фактора, глубинного воздействия феодализации на всю общественную структуру.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ Г.А. ОСТРОГОРСКОГО

1. Византийский податной устав // Сборник статей, посвященный памяти Н.П. Кондакова = Recueil Kondakov. Прага, 1926. С. 109–124.
2. Обзор литературы по истории Византии на немецком языке с 1914 г. // SK 1 (1926 [1927]). С. 325–330.
3. Соединение вопроса о св. иконах с христологической догматикой в сочинениях православных апологетов раннего периода иконоборчества // Ibid. С. 36–48.
4. Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X. Jahrhundert // Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte 20. 1927. S. 1–108. (Отдельное переиздание: Amsterdam: Hakkert, 1968).
5. F. I. Uspenskij // Byzantinisch-neugrichische Jahrbücher 6 (1928). S. 598–600.
6. John B. Bury // SK 2 (1928). S. 329–330.
7. Гносеологические основы византийского спора о свв. иконах // Ibid. С. 47–51.
8. Die Chronologie des Theophanes im 7. und 8. Jahrhundert; Anhang: Die Datierung nach Postkonsulatsjahren in Byzanz // Byzantinisch-neugrichische Jahrbücher 7 (1928–1929 [1930]). S. 1–51, 51–56.
9. Gustave Schlumberger // SK 3 (1929). S. 292–294.
10. Die wirtschaftlichen und sozialen Entwicklungsgrundlagen des byzantinischen Reiches // Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte 22 (1929). S. 129–143.
11. Studien zur Geschichte des byzantinischen Bilderstreites. Breslau, 1929. (Historische Untersuchungen; 5). (= Amsterdam: Hakkert, 1964).
12. Über die vermeintliche Reformtätigkeit der Isaurier // BZ 30 (1929–1930). S. 394–399.

13. Das Mitkaisertum im mittelalterlichen Byzanz // *Kornemann E.* Doppelprinzipat und Reichsteilung im Imperium Romanum. Leipzig; Berlin, 1930 [1931]. S. 166–178.
14. El relicario de los déspotas del Epiro // *Archivo Español de Arte y Arqueología* 18 (1930). P. 212–221. (Соавтор: *Schweinfurth Ph.*).
15. Les débuts de la Querelle des Images // *Mélanges Charles Diehl: Etudes sur l'histoire et sur l'art de Byzance*. T. I: Histoire. Paris, 1930. P. 235–255.
16. Les décisions du Stoglav au sujet de la peinture d'images et les principes de l'iconographie byzantine // *Recueil Uspenskij*. T. I. Paris, 1930. P. 393–411.
17. Das Steuersystem im byzantinischen Altertum und Mittelalter // *Byz* 6 (1931). S. 229–240.
18. Das Reliquiar des Despoten von Epirus (соавтор *Schweinfurth Ph.*) // *SK* 4 (1931). S. 165–172, 2 Taf.
19. Отношение Церкви и государства в Византии // *Ibid.* S. 119–134.
20. Афонские исихасты и их противники: (К истории поздневизантийской культуры) // *Записки Русского научного института в Белграде* 5 (1931). С. 349–370.
21. Nikolaj Beljaev // *BZ* 32 (1932). S. 254–255.
22. Löhne und Preise in Byzanz // *Ibid.* S. 293–333.
23. Zum Reisebericht des Harun-ibn-Jahja // *SK* 5 (1932). S. 251–257.
24. Славянский перевод хроники Симеона Логофета // *SK* 5. 1932. С. 17–37.
25. Die Krönungsordnungen des Zeremonienbuches: Chronologische und verfassungsgeschichtliche Bemerkungen // *Byz* 7 (1932). S. 185–233. (Соавтор: *Stein E.*; = *Stein E.* Opera minora selecta. Amsterdam: Hakkert, 1968. P. 255–304).
26. Das Projekt einer Rangtabelle aus der Zeit des Caren Fedor Alekseevič // *Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven*, N.F. 9 (1933). S. 87–138.
27. Rom und Byzanz im Kampfe um die Bilderverehrung // *SK* 6 (1933). S. 73–87.
28. Theophanes // *Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* / Hrsg. A. Pauly, G. Wissowa u.a. 2. Reihe. Bd. V A.2. 1934. Sp. 2127–2132.
29. Из чега и како је постала Византија // *Српски Књижевни Гласник*. 1934. С. 508–514.

30. Zum Stratordienst des Herrschers in der byzantinisch-slavischen Welt // SK 7 (1935). S. 187–204.
31. Синајска икона св. Јована Владимира // Гласник Српског научног друштва 14 (1935). С. 99–106.
32. Die Krönung Symeons von Bulgaren durch den Patriarchen Nikolaos Mystikos // Известия на Българския археологически институт 9 (1935). С. 275–286.
33. Автократор и самодржац: Прилог за историју владалачке титулатуре у Византији и у јужних Словена // Глас Српске Краљевске Академије Наука 164 (II разр. 84) (1935). С. 95–187. (= *Он же*. Сабрана дела. Књ. 4. Београд, 1970).
34. Das Kondakov-Institut in Prag (1925–1935) // BZ 36 (1936). S. 276–277.
35. Historische Entwicklung der Balkanhalbinsel im Zeitalter der byzantinischen Vorherrschaft // Revue internationale des Études balkaniques 4 (1936). S. 389–397.
36. Возвышение рода Ангелов // Сборник Русского археологического общества в королевстве Югославии. 1936. С. 111–129.
37. Die byzantinische Staatenhierarchie // SK 8 (1936). S. 41–61. (= *Idem*. Zur byzantinischen Geschichte: Ausgewählte kleine Schriften. Darmstadt, 1973.)
38. Станоје Станојевић // Annales de l'Institut Kondakov 9 (1937). С. 86–87.
39. Историски развој Балканское полуострва у доба византиске преласти // Књига о Балкану. Св. II. Београд, 1937. С. 92–100.
40. Autokrator Joannes II. und Basileus Alexios // Annales de l'Institut Kondakov 10 (1938). S. 179–183.
41. Рад Ст. Станојевића на проучавању каснијог Средњег века византиске историје // Гласник Историског друштва у Новом Саду 11 (1938). С. 67–74.
42. Der Brief des Demetrios Chomatianos an den hl. Sabas // Светосавски зборник 1 (1938). S. 91–113.
43. В.Г. Васильевский как византолог и творец новейшей русской византологии // Annales de l'Institut Kondakov 11 (1939 [1940]). С. 227–235.
44. L'expédition du prince Oleg contre Constantinople en 907 // Ibid. P. 47–62, 296–298. (= Byzanz und die Welt der Slaven. Darmstadt, 1974. S. 17–34).

45. Владимир Святой и Византия // Владимирский Сборник в память 950-летия крещения Руси, 988–1938. Белград, 1939. С. 31–40.
46. Писмо Димитрија Хоматијана св. Сави // Светосавски зборник 2 (1939). С. 89–113.
47. Основни принципи источно-хришћанске иконографије // Уметнички преглед. 1939. С. 43–45.
48. Братъя Василия I // Известия на Българското историческо дружество 16–18 (1940). С. 342–350.
49. Geschichte des byzantinischen Staates. 2 Bde. München: Beck, 1940. (Byzantinisches Handbuch im Rahmen des Handbuchs der Altertumswissenschaft, XII. Abt., 1/2).
50. Die Perioden der byzantinischen Geschichte // HZ 163 (1941). S. 229–254.
51. Предисловие // *Расовский Д. А.* Заметки к Слову о Полку Игореве. Вып. 2. 1941. С. I–VIII.
52. Agrarian Conditions in the Byzantine Empire in the Middle Ages // Cambridge Economic History of Europe from the Decline of the Roman Empire. Vol. I. Cambridge, 1941. P. 194–223, 579–583. (2 ed.: Cambridge, 1966. P. 205–234, 774–779).
53. Работы по византиноведению в Югославии за 1939–1945 гг. // BSl 9 (1947). С. 133–142. (Соавтор: *Радойчић С.*).
54. The peasant's pre-emption right // The Journal of Roman Studies 37 (1947). P. 117–126.
55. Историја Византије. Београд: Просвета, 1947.
56. Византијские писцовые книги // BSl 9 (1948). С. 203–306.
57. Утицај Словена на друштвени преображај Византије // Историски гласник 1 (1948). С. 12–21.
58. Une ambassade serbe auprès de l'empereur Basile II // Byz 19 (1949). P. 187–194.
59. Филарет Гранич (1883–1948) // BSl 10 (1949). С. 135–138.
60. Le grand domaine dans l'Empire byzantin // Recueils de la Société Jean Bodin 4 (1949). P. 35–50.
61. Сербское посольство к императору Василию II // Глас Српске Академије Наука 193 (1949). С. 15–29.
62. Елевтери: Прилог историји селяштва у Византији // Зборник Филозофског факултета Универзитета у Београду 1 (1949). С. 45–62.
63. Византиске катастарске књиге // Историско-правни зборник 2 (1949). С. 3–68.

64. Порфиригенитова хроника србских владара и њени хронолошки подаци // Историски часопис 1 (1949). С. 24–29.
65. Филарет Гранић // Там же. С. 399–402.
66. Le système de la pronoia à Byzance et en Serbie médiévale // Actes du VIe Congrès International des Études byzantines. 1950. Т. I. Р. 181–189.
67. Академик Драгутин Анастасијевић // Универзитетски весник. 1950, 25. септембар.
68. Пронија: Прилог историји феудализма у Византији и у јужно-словенским земљама. Београд: Просвета, 1951. (Посебна издања Византинолошког института; 1).
69. Les Koumanes pronoiaires // Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves 11 (1951). Р. 19–29.
70. Urum-Despotes: Die Anfänge der Despoteswürde in Byzanz // BZ 44 (1951). S. 448–460.
71. Душан и његова властела у борби са Византијом // Зборник у част шестестогодишњице Законака цара Душана. Београд, 1951. Т. I. С. 79–86.
72. Нове публикације византиских повеља // Историски часопис 2 (1951). С. 199–206.
73. Charles Diehl // Старица н.с. 2 (1951). С. 351–353.
74. Geschichte des byzantinischen Staates. 2. Aufl. München: Beck, 1952.
75. Dragutin Anastasijević // Byz 22 (1952 [1953]). Р. 532–537.
76. Étienne Dušan et la noblesse serbe dans la lutte contre Byzance // Ibid. Р. 151–159.
77. Sur la Pronoia: A propos de l'article de M. Lascaris // Ibid. Р. 161–164.
78. La Pronoia: Contribution à l'étude de la féodalité à Byzance et chez les Slaves du Sud // Ibid. Р. 437–517.
79. Постанак тема Хелада и Пелопонез // ЗРВИ 1 (1952). С. 64–77.
80. Konstantin Porfirogenit o Konstantinu Pogonatu // Zgodovinski časopis 6–7 (1952–1953). S. 116–123.
81. Sur la date de la composition du Livre des Thèmes et sur l'époque de la constitution des premiers thèmes d'Asie Mineure // Byz 23 (1953 [1954]). Р. 31–66.
82. Тактикон Успенског и Тактикон Бенешевевића: О времену њиховог постанка // ЗРВИ 2 (1953). С. 39–60.
83. Pour l'histoire de la féodalité byzantine / Traduction française, publiée avec la collaboration de P. Lemerle. Bruxelles: Ed. de l'Institut de

- Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves, 1954. (Corpus Bruxellense historiae Byzantinae, Subsidia; 1).
84. О византијским државним сељацима и војницима: Две повеље из доба Јована Цимиска // Глас Српске Академије Наука 214 (Одељење друштвених наука, н.с. 3) (1954). С. 42–43.
85. Размена поседа и сељака у хрисовуљи цара Алексија I Комнина светогорској Лаври из 1104 године // Историски часопис 5 (1954–1955). С. 19–26.
86. Bizantisko-južnoslovenski odnosi // Enciklopedija Jugoslavije. Sv. I. Zagreb, 1955. S. 591–599.
87. Bizantologija // Ibid. S. 603–605.
88. Лав Равдух и Лав Хиросфакт // ЗРВИ 3 (1955). С. 29–36.
89. Zur Kaisersalbung und Schilderhebung im spätbyzantinischen Krönungszeremoniell // Historia 4 (1955). S. 246–256. (= *Idem*. Zur byzantinischen Geschichte: Ausgewählte kleine Schriften. Darmstadt, 1973. S. 142–152; = Das byzantinische Herrscherbild / Hrsg. v. H. Hunger. Darmstadt, 1975. S. 94–108).
90. Две белешке о Душановим хрисовулима светогорском манастиру Ивируну // Зборник Матице српске 13–14 (1956). С. 75–84.
91. Histoire de l'État byzantin / Traduction française de J. Gouillard, Avant-propos de P. Lemerle. Paris, 1956. (Bibliothèque Historique).
92. History of the Byzantine State / Translated from the German by Joan Hussey; With a Foreword by Peter Charanis. Oxford: Blackwell, 1956.
93. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles: Ed. de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves, 1956. (Corpus Bruxellense historiae Byzantinae, Subsidia; 2).
94. Staat und Gesellschaft der frühbyzantinischen Zeit // Historia Mundi 4 (1956). S. 556–569.
95. History of the Byzantine State / Preface by P. Charanis. New Brunswick (NJ): Rutgers University Press, 1957. (Rutgers Byzantine Series).
96. The Byzantine Emperor and the Hierarchical World Order // The Slavonic and East European Review 35, N 84 (1957). P. 1–14.
97. Pour l'histoire de l'immunité à Byzance // Byz 28 (1958 [1959]). P. 165–254.
98. Die Entstehung der Themenverfassung: Korreferat zu A. Pertusi // Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongress. Bd. I. München, 1958. S. 1–8.

99. Das byzantinische Kaiserreich in seiner inneren Struktur // *Historia Mundi* 6 (1958). S. 445–473.
100. К истории иммунитета в Византии // *ВВ* 13 (1958). С. 55–106.
101. Byzance — état tributaire de l'Empire turc // *ЗРВИ* 5 (1958). S. 49–58.
102. Историја Византије. Београд: Српска књижевна задруга, 1959.
103. The Byzantine Empire in the World of the Seventh Century // *DOP* 13 (1959). P. 3–21.
104. Byzantine Cities in the Early Middle Ages // *Ibid.* P. 45–66. (= *Idem.* Zur byzantinischen Geschichte. Darmstadt, 1973. S. 109–113).
105. L'Exarchat de Ravenne et l'origine des thèmes byzantins // *Corso di cultura sull'arte Ravennate e Bizantina* 1 (1960). P. 99–110.
106. Византијска сеоска општина: Земљораднички закон — Трактат о пореском систему — Тебански катастар // *Гласник Српске Академије Наука и Уметности* 250 (Одељења друштвених наука, 10) (1961). С. 141–160.
107. Радоливо — село светогорског манастира Ивируса // *ЗРВИ* 7 (1961). С. 67–84.
108. Zgodovina Bizanca. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1961.
109. La Commune rurale byzantine: Loi agraire — Traité fiscal — Cadastre de Thèbes // *Byz* 32 (1962). P. 139–166.
110. Edgar Salin und die Anfänge eines Byzantinisten // *Ἀντίδωρον* Edgar Salin zum 70. Geburtstag. Tübingen, 1962. S. 91–97.
111. Geschichte des byzantinischen Staates. 3., durchgearbeitete Aufl. München: Beck, 1963.
112. Господин Константин Драгаш // *Зборник Филозофског факултета Универзитета у Београду* 7 (1963). С. 287–294.
113. Српска област после Душанове смрти. Београд, 1965. (Посебна издања Византинолошког института; 9).
114. Byzantinische Geschichte 324–1453. München: Beck, 1965. (Перепечатки: 1990, 1996, 2006).
115. La prise de Serrès par les Turcs // *Byz* 35 (1965). P. 302–319.
116. Nikola Radojčić (1882–1964) // *BZ* 58 (1965). S. 285–287.
117. The Byzantine Background of the Moravian Mission // *DOP* 19 (1965). P. 1–18.
118. The Palaeologi // *The Cambridge Medieval History. Second Edition.* Cambridge; New York, 1966. Vol. IV/1. P. 331–388.
119. Autour d'un prosthata de Jean VIII Paléologue // *ЗРВИ* 10 (1967). P. 63–86, 4 fig.

120. Византија и киевска кнегиня Ольга // To Honor Roman Jakobson: Essays on the Occasion of His Seventieth Birthday (11 October 1966). The Hague; Paris, 1967. (Janua Linguarum, Ser. major; 32). Vol. 2. P. 1458–1473.
121. Dzieje Bizancjum / Przekład pod redakcją H. Evert-Kappesowej. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1967 (переиздание: 2008).
122. Das Chrysobull des Despoten Johannes Orsini für das Kloster von Lykusada // ЗРВИ 11 (1968). S. 205–213.
123. History of the Byzantine State. 3rd ed. Oxford, 1968.
124. Двадесетогодишњица Византолошког института // ЗРВИ 11 (1968). С. 1–8.
125. Storia dell'impero bizantino. Torino, 1968.
126. Историја Византије. Београд: Просвета, 1969.
127. History of the Byzantine State. 3rd ed. New Brunswick (NJ): Rutgers University Press, 1969.
128. Сабрана дела. Књ. I: О византијском феудализму. Књ. II: Привреда и друштво у Византијском царству. Књ. III: Из византијске историје, историографије и просопографије. Књ. IV: Византија и Словени. Књ. V: О веровањима и схватањима Византинаца. Књ. VI: Историја Византије. Београд: Просвета, 1969–1970.
129. О византијском феудализму // Он же. Сабрана дела. Књ. 1. Београд, 1969. С. 282–311.
130. Време постанка тематског уређења // Там же. Књ. 3. Београд, 1970. С. 120–129.
131. Равенски егзархат и постанак византијских тема // Там же. С. 130–140.
132. Die Pronoia unter den Komnenen // ЗРВИ 12 (1970). S. 41–54.
133. Света Гора после Маричке битке // Зборник Филозофског факултета Универзитета у Београду 11/1 (1970). С. 277–282.
134. Observations on the Aristocracy in Byzantium // DOP 25 (1971). P. 1–32.
135. Комитиса и светогорски манастири // ЗРВИ 13 (1971). С. 221–256.
136. Эволюция византийского обряда коронования // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа: Искусство и культура: Сб. в честь В.Н. Лазарева. М.: Наука, 1973. С. 33–42.
137. Drei Praktika weltlicher Grundbesitzer aus der ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts // ЗРВИ 14–15 (1973). S. 81–101.

138. Zur byzantinischen Geschichte: Ausgewählte kleine Schriften. Darmstadt, 1973.
139. Byzanz und die Kiewer Fürstin Olga // *Idem*. Byzanz und die Welt der Slawen: Beiträge zur Geschichte der byzantinisch-slawischen Beziehungen. Darmstadt, 1974. S. 35–52.
140. Byzanz und die Welt der Slawen: Beiträge zur Geschichte der byzantinischslawischen Beziehungen. Darmstadt, 1974.
141. Србија и византијска хијерархија држава // О кнезу Лазару (Actes du Symposium, 1971). Београд, 1975. С. 125–137.
142. Bizans Devleti Tarihi. Ankara, 1981.
143. Ιστορία του Βυζαντινού Κράτους / Μεταφραστής: Ι. Παναγόπουλος, επιμελητής: Ευ. Χρυσός. Αθήνα: Βασιλόπουλος, 1997. 3 τόμοι. (Перевидання: 2000, 2008).
144. A bizánci állam története. Budapest: Osiris, 2001.
145. Історія Візантії / Переклав з німецької А. Онишко. Львів: Літопис, 2002.

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

ПРЕДИСЛОВИЕ В. ОТТО КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Приблизительно полстолетия назад, в 1891 г., в рамках тогдашнего «Справочника по науке о классической древности» (*Das Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft*), издававшегося Иваном фон Мюллером, вышла «История византийской литературы от Юстиниана до конца Восточной Римской Империи (527–1453 по Р.Х.)» Карла Крумбахера. Эта книга, в сущности, переступила ограду «классического палисадника», созданного трудом фон Мюллера. В свое время Крумбахер обосновал включение ее в «Справочник» тем, что исторический континуитет должен быть раскрыт в широком объеме и описан применительно к греческой филологии так же, как это принято во всех остальных областях знания. При этом позднее, в качестве своего рода параллели, в старый «Справочник» была включена и история латинской средневековой литературы.

В предисловии к первому изданию Крумбахер сетовал, что у него нет возможности разъяснить литературные факты посредством очерка исторических и культурных оснований византийской культуры. С его подачи ко второму изданию (1897) был приложен очерк истории Византии, написанный Генрихом Гельцером, а также обработанный Альбертом Эрхардом раздел о богословии. Тем самым был сделан первый подготовительный шаг к тому труду, который выходит ныне.

После преждевременной смерти Крумбахера его преемнику на кафедре, Августу Гейзенбергу, была поручена подготовка нового издания «Истории византийской литературы». При этом на его усмотрение оставлялась структура нового труда. Когда в 1920 г. я взял на себя руководство над изданием осиротевшего «Справочника» и, по соглашению с издательством «К. Бек», принял решение

переделать его в «Справочник по науке о древности» (*Handbuch der Altertumswissenschaft*)¹, передо мной тут же встал вопрос, следует ли в будущем придерживаться созданного Крумбахером *πάρεργον*², каким бы гениальным оно ни было, или также и в этом случае следовало бы предпринять некое продолжение. Программно заявленную Крумбахером точку зрения об историческом континуитете я всегда разделял. Кроме того, мое обусловленное всемирно-историческим подходом восприятие истории позволило мне легко сделать последний шаг, на который еще не мог решиться Крумбахер. Мне показалось вполне оправданным добавить к «Справочнику по науке о древности» византийский справочник, который демонстрировал бы исследователям античности, что все, что создали греческий и римский дух, а сверх того и Древний Восток, продолжало жить в Византии. Впрочем, несмотря на этот континуитет, византийское государство и его культуру следует воспринимать не в качестве отпрыска старины, но как некую самодостаточную и самостоятельную структуру, как некую новую культурную единицу³. Со времени завершения обозначаемого как «античность» периода всемирной истории эта структура, со всемирно-исторической точки зрения, на протяжении многих веков оказывала на историческое развитие исключительно большое влияние, которое долгое время недостаточно оценивалось

¹ К слову сказать, в научных книгах и статьях, а также в библиографических указателях в разделе истории культуры Востока иногда указывается «Справочник по науке о древности И. фон Мюллера». На это я должен заметить, что такого издания никогда не существовало, так как Иван фон Мюллер издавал «Справочник по науке о классической древности». Хотя задуманный мною «Справочник по науке о древности» и вышел из справочника Мюллера, он в своем построении, естественно, отличается от старого труда соответственно своему новому названию и во многом другом оформлен принципиально иначе. Поэтому для библиографической точности было бы весьма желательно, чтобы впредь под именем И. фон Мюллера цитировались лишь те тома, которые были изданы в рамках его собственного «Справочника по науке о классической древности»:

² Побочного (по отношению к классической древности) труда. — *Прим. пер.*

³ См. заметку, которую я сделал относительно этого в своей «Истории античной культуры» (*Otto W. Kulturgeschichte des Altertums*. München, 1925. S. 93; ср. S. 157) в связи с разделом Крумбахера в коллективном труде «Культура современности» (*Krumbacher K. Die griechische Litteratur des Mittelalters // Kultur der Gegenwart*. Teil I, Abt. VIII: Die griechische und lateinische Literatur und Sprache. Leipzig, 1922³. S. 320). Впрочем, сейчас я бы иначе сформулировал некоторые моменты.

историками, однако теперь, по счастью, признано, похоже, повсеместно. Это влияние вовсе не прекратилось с прискорбным закатом государства и угасанием столь долго поддерживавшейся им претензии на универсализм и даже сегодня, через полтысячи лет после его упадка, чувствуется вполне ощутимо.

План по изданию «Византийского справочника» (*Byzantinisches Handbuch* — образец для названия дал основанный Крумбахером журнал «*Byzantinische Zeitschrift*») я немедленно обсудил с А. Гейзенбергом и А. Эрхардом, и оба с радостью на него согласились. Издательство также решилось взять на себя это расширение «Справочника по науке о древности», однако по издательским соображениям новый труд не должен был стать слишком объемным, а также не должен был скрывать своего происхождения от старого. В воспоминание о шедевре Крумбахера особое место в новом справочнике должно быть предоставлено новой истории византийской литературы. Наряду с литературой достаточное внимание предполагается уделить стране, народу, языку, государству, его развитию, устройству, управлению и экономике, Церкви и искусству.

Положить какой-либо определенный год в качестве временной границы для начала предложенного в справочнике материала показалось невозможным, тем более что, как известно, не существует согласия относительно времени завершения античности: любой год, который в этой связи предлагается, является более или менее произвольным¹. Границы исторических периодов следует обозначать растяжимо. Большие перемены происходят в политической и культурной жизни народов не одновременно — одни не безусловно совпадают с другими. Также и многообразие жизни, которое должен отразить «Византийский справочник», оказывается несовместимым с установлением строгих временных границ. Эпоха Юстиниана не могла безусловно быть избрана в качестве исходного пункта изложения. Для раздела «Церковь и богословие» это вводило бы в очевидное заблуждение, ибо в этой области эпоха Юстиниана не ознаменовала никакого перелома. Таким образом, IV и V в. по Р.Х. должны равным образом учитываться в «Справочнике» как время подготовки последующего развития, хотя и в различном размере, согласно особенностям отдельных периодов: то более кратко, то более пространно.

¹ См. мою «Историю античной культуры» (*Kulturgeschichte...* S. 4–5).

Вследствие известного ограничения объема «Справочника» представляется недопустимым стремиться к полноте при приведении ссылок и литературы. Однако приложенный вспомогательный научный аппарат должен давать возможность каждому получить сведения об отдельных проблемах и их развитии; это, я надеюсь, облегчит расширение и продолжение исследовательской работы.

Как и с некоторыми другими частями «Справочника по науке о древности», Τύχη¹ сыграла с «Византийским справочником» свою зловещую шутку. Из числа привлеченных первоначально сотрудников остались лишь немногие. А. Гейзенберг и Э. Герланд, к прискорбию, умерли прежде, чем смогли выполнить взятую на себя задачу. Но здесь я хотел бы особо поблагодарить слишком рано ушедшего Гейзенберга за живое участие, которое он всегда проявлял к моему плану. То, что ему не довелось приступить к обновлению «Истории литературы» Крумбахера, как он того горячо желал, будучи учеником и преемником последнего, было тяжелой потерей для науки. Было введено новое членение, когда Георгий Острогорский принял на себя раздел о византийской истории. Во избежание дублирования и разбухания объема было решено отказаться от изначально запланированных самостоятельных разделов об устройстве государства, его управлении и экономике, присоединив их к изложению истории Империи. Название «История Византийского государства», который получил обработанный Острогорским раздел, должно указывать на обширность затронутого в нем материала. В истории Империи, само собой разумеется, нужно было остановиться на церковной истории. В этом случае невозможно было избежать пересечения с первым томом второй части, «Церковь и богословие», однако там на первом плане будет стоять не внешний ход церковной истории: помимо очерка богословской литературы, в нем в первую очередь должен быть представлен систематический обзор всех действовавших в истории Церкви факторов и религиозных идей.

Поскольку господа Э. Фельс и Ф. Дёльгер еще не вполне завершили свои разделы о стране, народе и языке, в то время как г-н Острогорский подал свою рукопись уже два года назад, то я в согласии с издательством решил опубликовать его раздел в качестве второго тома первой части еще до публикации первого тома, несмотря на то

¹ Судьба. — Прим. пер.

что этот первый том призван дать чрезвычайно важную для понимания сущности и развития истории византийского государства основу. Существует уверенная надежда на то, что первый том последует за вторым через краткий промежуток времени¹. Далее, том о византийском искусстве составит завершение второй части, а не первой, как это было изначально запланировано.

К сожалению, вследствие войны выход «Истории византийского государства», отпечатанной, кроме карт, уже осенью [1939 г.], затянулся на несколько месяцев. Мне показалось особенно насущным снабдить книгу достаточным количеством карт, которые при этом должны предложить больше, чем уже имеющиеся карты, и я благодарен г-ну Острогорскому за то, что он и в этом случае пошел навстречу моим инициативам, несмотря на большие усилия, которых ему стоило приготовление этих карт.

Наконец, я хочу исполнить приятную обязанность и искренне поблагодарить коллегу Франца Дёльгера за большой интерес, который он проявляет к «Справочнику», доказывая это делом. Неоднократно и бескорыстно оказывал он мне ценную помощь в деле устранения препятствий, которые стояли на пути всего предприятия. Тем самым он оказал большую услугу не только мне, но и византиноведческой науке.

Вальтер Отто
Мюнхен, весна 1940 г.

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ АВТОРА К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Этот том призван обрисовать развитие византийского государства, насколько оно было обусловлено действием внутри- и внешне-политических перемен. По этой причине внутреннее развитие государства будет учитываться полнее, чем в составленных до сего дня обобщающих очерках византийской истории; будет предпринята

¹ Указанный том «Византийского справочника» так и не вышел в свет. — *Прим. пер.*

попытка представить события внутренней и внешней истории, а также церковной истории и истории культуры в их живой, исторически заданной связи. Пришлось принципиально отказаться от деления материала на особые главы, посвященные истории государства, Церкви и культуры, восточной и западной политике, поскольку такой способ изложения не способен дать представление ни об общем развитии государства на протяжении столетий, ни об общей ситуации в конкретной временной точке, не говоря уже о назойливых повторях, к которым неизбежно приводит такой подход.

Соответственно плану «Справочника», ранневизантийский период изложен лишь в основных чертах: в той степени, в какой это показалось необходимым для понимания истории средневекового византийского государства.

Обзор источников и список научной литературы даются в начале каждого раздела, что позволило сэкономить место при указании источников и литературы в конкретных местах текста. <...>

ЮРИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Первое издание настоящего тома было распродано за неожиданно короткий срок, и уже долгое время давала о себе знать потребность в новом издании. Таким образом, я, следуя призывам издательства и неоднократно высказанным пожеланиями коллег, был вынужден решиться на пересмотр книги.

Прежде всего, следовало устранить недостатки, на которые либо сам я впоследствии обратил внимание, либо же мне указала критика. Впрочем, рецензии на книгу в специализированных журналах были, паче чаяния, по большей части благоприятными. Тем не менее они содержали и многочисленные критические замечания, которые не могли остаться неучтенными и, как я с искренней благодарностью могу подчеркнуть, пошли на пользу делу переработки книги. Но в первую очередь следовало учесть и оценить новые результаты исследований. Несмотря на неблагоприятные времена, прогресс нашей науки за прошедший со времени выхода первого издания книги срок был значительным,

и моим естественным стремлением было учесть этот факт, как можно более полно использовать надежные результаты, а также определиться в отношении достойных обсуждения гипотез и наиболее важных спорных вопросов. Сверх того, оказались необходимы и дальнейшие изменения первоначального изложения. Написанная более десяти лет назад книга, по понятным причинам, во многом уже не может удовлетворить автора. Некоторые части должны быть оформлены по-новому, другие расширены или дополнены, многое должно быть переформулировано или изложено с иными акцентами. Таким образом, это новое издание не только исправлено, но в значительной мере также и переработано.

Особенно возросшие с начала войны трудности в получении новой профессиональной литературы то и дело вставали препятствием в работе и, к сожалению, не могли быть устранены полностью. Однако они были значительно уменьшены благодаря любезности многих коллег, которые предоставляли мне свои работы. Особой благодарности заслуживают г-н Франц Дельгер (Мюнхен) и г-н Анри Грегуар (Брюссель), которые, наряду с прочим, как истинные коллеги предоставили в мое распоряжение из своих библиотек многие труднодоступные работы, в то время как издательство «С.Н. Веск» не щадило усилий, чтобы снабжать меня недостающей новой литературой. Кроме того, я имею долг искренней благодарности издательству и персонально г-ну д-ру Г. Зунду за часто доказывавшуюся готовность к помощи и чуткую предупредительность. Наконец, нельзя не упомянуть того, что г-н приват-доцент д-р Ханс-Георг Бек (Мюнхен) был столь любезен принять на себя трудную и затратную по времени работу по вычитке корректур, при этом сделав мне несколько ценных указаний, за что я ему здесь также хочу выразить искреннюю благодарность. Лично ему принадлежит заслуга в поощрении расширения приложенных к работе списков правителей и подготовка списка исламских правителей.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

После выхода в свет в 1952 г. второго издания у меня была неоднократная возможность провести ревизию данной книги. Поводом

к этому прежде всего послужили ее переводы на французский (*Histoire de l'Etat byzantin* / Trad. de Jean Gouillard. Paris: Payot, 1956) и на английский (*History of the Byzantine State* / Transl. by Joan Hussey. Oxford: Blackwell, 1956; New Brunswick (N.J.): Rutgers University Press, 1957) языки. Недолгое время спустя вышло в свет издание на сербохорватском языке (*Историја Византије*. Београд, 1959), которое затем было переведено на словенский (*Zgodovina Bizanca* / Prev. Jože in Milena Župančič. Ljubljana, 1961). Переводы на французский и на английский привели, по сравнению с немецким оригинальным изданием 1952 г., к многочисленным дополнениям и исправлениям, которые сделал необходимым бурный прогресс науки. Моя собственная работа над сербохорватским изданием, помимо дальнейших подобных дополнений, приводила также местами к изменению самого изложения.

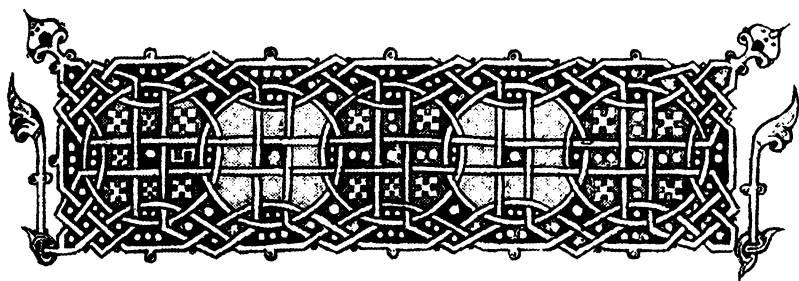
Настоящее новое издание, однако, значительно отличается не только от десятилетием старшего второго немецкого издания, но также и от более новых изданий на иных языках. Во-первых, были использованы результаты новейших исследований. При этом, так же как и в более старых изданиях, для меня была важной вовсе не библиографическая полнота, но выделение важнейших работ. Тем не менее неуклонное движение исследований вперед сделало необходимым большое количество исправлений и дополнений. В самом деле, продуктивность в области некогда находившейся в загоне византистики в настоящее время столь велика, а места публикации столь рассеянны, что автор общего изложения византийской истории должен с беспокойством задавать себе вопрос, в какой мере удалось ему просмотреть все достойное внимания и избежать нежелательных упущений. С другой стороны, при работе у меня возникала потребность в глубоких вмешательствах в форму текста. Такие вмешательства, конечно же, имеют свои пределы, поскольку, нравится это автору или нет, менять структуру работы при подготовке нового издания непозволительно. Как бы то ни было, предпринятые изменения являются более значительными, чем это дает понять простой прирост числа страниц книги по сравнению с предыдущим изданием.

С искренней благодарностью я хотел бы отметить, что издатель «Справочника по науке о древности» г-н Херманн Бенгстон сделал мне ряд предложений по улучшению текста, которые были весьма кстати. Я и на сей раз благодарю издательство «С.Н. Веск» и лично г-на д-ра Георга Зунда за многолетнее безоблачное сотрудничество,

чуткую предупредительность во всех возникающих вопросах и неослабную готовность к помощи.

От трудной и затратной по времени работы по пересмотру именного и предметного указателей избавил меня г-н Любомир Максимович, ассистент семинара по византистике Белградского университета, за что я его также благодарю здесь.

Георгий Острогорский
Белград, август 1963 г.

ВВЕДЕНИЕ. РАЗВИТИЕ НАУКИ ОБ ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ

Настоящий очерк, естественно, может обозначить лишь основные моменты развития и упомянуть лишь отдельные работы и исследователей. Обзоры общего развития византиноведческих исследований можно также найти в работах: *Васильевский В.Г.* Обзорение трудов по византийской истории // ЖМНП. Ч. 250. 1887. С. 222–265; Ч. 252. 1887. С. 113–147; Ч. 253. 1887. С. 97–153; Ч. 266. 1889. С. 380–392 (не окончено). — *Bréhier L.* Le développement des études d'histoire byzantine du XVIIe au XXe siècle // Revue d'Auvergne. 1901, Janvier–Février. — *Vasiliev A.* Histoire de l'Empire byzantin. Vol. 1 (1932). P. 1–51; дополнено: *Vasiliev A.* History of the Byzantine Empire [1952]. P. 3–42. — *Gerland E.* Das Studium der byzantinischen Geschichte vom Humanismus bis zur Jetztzeit. Athen, 1934 (BNJ; Beiheft 12). — *Ангелов Д.* История на Византия. Т. I. София, 1959. С. 4–17. — *Ζακυθινός Δ.* Βυζαντιναὶ σπουδαί // Μεγάλη Ἑλληνικὴ Ἐγκυκλοπαίδεια. Συμπλήρωμα. Τ. Β'. 1959. Σ. 176–182. Сообщения об исследованиях отдельных областей и периодов можно найти в большом и постоянно растущем числе в специализированных журналах. Они достаточно полно представлены в книге: *Moravcsik G.* Byzantinoturcica. Bd. I. Berlin, 1958². S. 2–6. Здесь укажем лишь на две специальные библиографические публикации (для 1938–1950 гг.): Dix années d'études byzantines: Bibliographie internationale 1939–1948. Paris, 1949; *Dölger F., Schneider A.M.* Byzanz // Wissenschaftliche Forschungsberichte. Geisteswissenschaftliche Reihe. Bd. 5. Bern, 1952. О развитии церковно-исторических и богословских исследований см.: *Beck.* Kirche. S. 7–23.

Научный интерес к Византии вырос из изучения классической древности. Путь к греческой древности вел через Византию, по-

сколько Византия сохранила античное наследие и была для людей Запада единственным источником, который мог утолить появившуюся в эпоху Возрождения жажду греческой культуры. Когда началось собирание греческих рукописей, исследование и издание классической литературы, неизбежно последовало обращение к Византии, и именно византийцы, такие как Мануил Хрисолора, Иоанн Аргиропул, Виссарион и др., положили начало греческой филологии на Западе. Впрочем, Византия поначалу заслуживала внимания только как хранилище культурных богатств античности: интерес к самой «схизматической» Византии был мал. Однако распространение знания греческого языка, частые поездки к местам древней византийской культуры и изучение классической литературы через посредство византийских авторов подготовили почву для исследования Византии. Это происходило тем быстрее из-за того, что собственная ценность византийской культуры еще не была признана, не было возможности провести четкую границу между античными и византийскими авторами, и потому наряду с классическими писателями часто издавались и византийские.

Первым, кто стал находить удовольствие в самой византийской истории и признал ее самостоятельную ценность, был ученик Меланхтона Иероним Вольф (1516–1580). Работая в Аугсбурге библиотекарем и секретарем семьи Фуггеров, он занимался византийскими авторами не менее интенсивно, чем классическими, и при поддержке Антона Фуггера издал хронику Иоанна Зонары, «Историю» Никиты Хониата и часть «Истории» Никифора Григоры. Вольф первым усмотрел в византийской истории особую историческую область и первым стал вынашивать мысль о создании «Корпуса византийской истории» (*Corpus byzantinae historiae*).

Пример Вольфа нашел подражателей. Новый исследовательский дух гуманизма подстегивался политическими и церковными интересами: борьбой с турками, стремлением к унии в католических кругах и симпатиями к враждебной Риму Византии в протестантских. В разных местах и исходя из разных побудительных мотивов западноевропейские гуманисты конца XVI и начала XVII в. приступали к изучению византийских исторических и правовых источников. Главные заслуги в этой работе принадлежат в Германии — ученикам Вольфа Вильгельму Гольцману, или Ксиландеру (*Wilhelm Holzmann, Xylander*), Давиду Хёшелю (*Hoeschel*) и крупному историку права

Иоганну Леунклавию (Leunclavius), во Франции — ученым иезуитам, прежде всего Дени Пето (Petau, Petavius), в Голландии — Бонавентуре Вулканию (Vulcanius) и в особенности Иоганну Меурсию (Meursius), в Италии — грекам-униатам Николаю Алеманну (Alemannus) и Льву Алляцию (Allatius).

Эта первая фаза византиноведческих штудий была отмечена тем, что в основном ограничивалась издательской работой и переводами источников на латинский язык, причем выбор конкретных авторов был более или менее случаен. Еще не было возможности обозреть весь материал, и работа велась без ясного плана, на ощупь.

После этого заметного, но все еще скромного начала византийские исследования пережили первый расцвет во Франции во второй половине XVII в. Научная активность при дворе Людовика XIII и особенно Людовика XIV весьма сильно сказалась в области византистики. Проводившаяся до того времени бессистемная издательская работа была подчинена единообразному долгосрочному плану, и постепенно началась активная и плодотворная исследовательская деятельность. Под патронатом Людовика XIV и Кольбера знаменитая луврская типография приступила к изданию большой серии византийских историков. Первым в 1645 г. вышло историческое произведение Иоанна Кантакузина, а опубликованным в 1648 г. «Отрывкам о посольствах» Константина Багрянородного Филипп Лаббе предпослал воззвание, в котором излагал план корпуса византийских историков, указывал на значение византийской истории и приглашал ученых всех стран к сотрудничеству. В последующие десятилетия работа деятельно продолжалась, и таким образом появилось первое полное издание византийских исторических источников, к которым присоединяются последующие издания (венецианское полностью и боннское большей частью).

В Парижском корпусе сотрудничали крупнейшие ученые тогдашней Франции, такие как иезуиты Филипп Лаббе (Labbé, 1607–1667), Пьер Пуссин (Poussine, 1609–1686), доминиканцы Жак Гоар (Goar, 1601–1653) и Франсуа Комбефис (Combéfis, 1605–1697), известный юрист Шарль Аннибаль Фабро (Fabrot, 1580–1659). Многие византийские авторы были впервые изданы в луврском корпусе. Поскольку уже известные ранее писатели были изданы заново, издания Парижского корпуса знаменовали собой значительный прогресс в оформлении текста, а особенно в комментировании.

Наряду с работой над луврским корпусом решающую поддержку получили также церковно-исторические исследования и исследования по истории права. Следует упомянуть акты Соборов Лаббе, заложившие основание для позднейших изданий Ж. Ардуэна и Дж. Манси¹, знаменитый греческий Евхологий Гоара, издаваемые Комбефисом патристические творения, издание «Василик» Фабро.

В то время как луврский корпус поначалу делался Гоаром и Фабро, с 70-х гг. в центре этого предприятия оказывается выдающаяся фигура Дюканжа. Шарль Дюфрен дю Канж (Charles Dufresne sieur du Cange, 1610–1688), собственно, и является основателем научных исследований по истории Византии и одновременно — величайшим и самым эрудированным интеллектуалом, который когда-либо подвизался на почве византиноведения. Дюканж издал историю Иоанна Киннама, хронику Иоанна Зонары и Пасхальную хронику, подробно откомментировал их, равно как и изданные Пуссином сочинения Анны Комнины и Никифора Вриенния. Кроме того, Дюканж развил поразительно плодотворную и многостороннюю исследовательскую деятельность, которая обнимала области истории, филологии, генеалогии, топографии и нумизматики. Некоторые из его сочинений до сих пор незаменимы для исследователей, особенно его «История Константинопольской империи при французских императорах» (*Histoire de l'empire de Constantinople sous les empereurs français*, 1657) и большой двухчастный труд «Византийская история, проиллюстрированная двойным комментарием» (*Historia Byzantina duplici commentario illustrata*), состоящий из топографического исследования «Христианский Константинополь» (*Constantinopolis Christiana*) и основополагающей генеалогической работы «О византийских фамилиях» (*De familiis byzantinis*). Но наиболее выдающимся достижением Дюканжа являются словари средневековых латинского и греческого языков, из которых для византиноведения особенно важным является «*Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis*»². Хотя современный византинист наряду с «Глоссарием» Дюканжа имеет перед собой и другие лексикографические пособия,

¹ На новые основания публикация актов Вселенских Соборов была поставлена лишь благодаря масштабному труду Эдуарда Шварца (*Schwartz E. Acta conciliorum oecumenicorum. Berlin etc., 1914–1940.*

² Репринт: Paris, 1943.

как, например, добротный словарь Е.А. Софоклиса¹, тем не менее поразительный труд Дюканжа с его многочисленными указаниями источников и историческими пояснениями остается до сих пор одним из главных столпов византиноведческих исследований.

Рядом с Дюканжем стоят его младшие современники, основатель науки о документах Жан Мабийон (Mabillon, 1632–1707) и Бернар де Монфокон (de Montfaucon, 1655–1741), с «Греческой палеографии» которого начинается изучение этого предмета. За ним следуют доминиканец Мишель Лекъен (Lequien, 1661–1733) с его «Христианским Востоком» (Oriens Christianus) и бенедиктинец Ансельмо Бандури (Banduri, 1661–1733) из Рагузы, автор важной с исторической, топографической и археологической точек зрения работы «Восточная империя» (Imperium Orientale).

Впрочем, большой интерес к Византии, который проявился в XVII в., а во Франции принес богатые плоды, под влиянием просветительского рационализма уступил место представлению, в наименьшей степени способствовавшему прогрессу византиноведческих штудий. Гордая своим «разумом», своим отвлеченным морализмом и религиозным скептицизмом, эпоха Просвещения с презрением взирала на весь средневековый период человеческой истории. Особо отталкивающим находили «просветители» дух консервативной, связанной с религией Византийской империи. История Византии была для них не чем иным, как «не имеющим никакой ценности собранием декламаций и чудес» (Вольтер), «сплетением мятежей, восстаний и низостей» (Монтескьё) или, в лучшем случае, трагическим эпилогом славной римской истории. Так, в виде истории тысячелетнего упадка Римской империи описывают византийскую историю известные труды Шарля Лебо «История поздней империи» (*Lebeau Ch. Histoire du Bas Empire. Paris, 1767–1786*) и Эдуарда Гиббона (*Gibbon E. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire. London, 1776–1788*)². Сам Гиббон говорит, что в своем труде он описал «триумф варварства и религии»...

¹ *Sophocles E.A. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods. Cambridge, 1914.* Особо следует указать на большой и очень содержательный словарь Д. Димитракоса (*Δημητράκος Δ. Μέγα Λεξικὸν τῆς ἐλληνικῆς γλώσσης. Ἀθῆναι, 1949–1950. Т. 1–9*), который включает все эпохи развития греческого языка.

² Русский перевод: М., 1883–1884. 7 т. — *Прим. пер.*

Сегодня распространяться об исторической несостоятельности воззрений Лебо и Гиббона означало бы ломиться в открытые двери. К счастью, мы пережили те времена, когда всякий, кто публиковал книгу из области византийской истории, считал своей обязанностью оправдывать выбор темы посредством долгих общих рассуждений о значении Византийской империи и посредством нудно повторяющихся пассажей горячо опровергать мнения Гиббона. Сейчас мы можем рассматривать труды Лебо и Гиббона с большим спокойствием, не боясь просмотреть за недостатками важных достижений обоих историописателей: ведь Лебо и Гиббон были настоящими историками, Гиббон — даже весьма крупным, и их содержательно неудовлетворительные труды с художественной точки зрения стоят на большой высоте. И потому, несмотря на все недостатки, они все еще заслуживают прочтения, в противоположность большинству либо совсем не обремененных просвещенческими воззрениями, либо обремененных ими в малой степени, более основательных с филологической и исторической точек зрения повествований о византийской истории XIX в. Подготовленное Джоном Б. Бёри (Bury) новое издание труда Гиббона (1897–1900) благодаря дополнениям и ученым примечаниям издателя является с содержательной точки зрения весьма полезным для исследователя.

Как известно, труд Гиббона, не в последнюю очередь благодаря силе повествования, сильно и продолжительно повлиял на умы, подавив при этом волю к исследованию византийской тематики более чем на полных сто лет. Понятно, что византиноведческие штудии полностью не прекратились. Иоганн Альберт Фабрициус (Fabricius) создал своей «Греческой библиотекой» (Bibliotheca graeca) до сих пор незаменимое пособие по истории византийской литературы (Hamburg, 1705–1728. 14 vol.; новое издание в 12 томах: 1790–1809). Счастливое открытие лейпцигской рукописи «Книги церемоний» и комментариев на нее Иоганна Якоба Райске (Reiske, 1716–1774), без сомнения, является одним из великих событий в истории византиноведческой науки; однако показательным образом комментариев выдающегося грециста и арабиста оставался неизданным на протяжении десятилетий. Значительный вклад в византиноведение также знаменовало собой подготовленное Карлом Бенедиктом Газе (Hase) издание Льва Диакона (1819), которым завершился Парижский корпус византийских историков. Вскоре после этого Бартольд Георг Нибур (Niebuhr) через издание Агафия (1828) заложил камень в основание боннского «Корпуса писателей

византийской истории» (*Corpus scriptorum historiae Byzantinae*). Для такого человека, как Нибур, общепринятые предрассудки и общее отсутствие интереса к предмету не могли затмить исторического значения Византии. Хотя Боннский корпус по большей части представляет собой перепечатку луврского, не стоит много распространяться о значении этого более полного и удобного для пользования издания.

Но и в области историографии по византийской тематике не наступило полного затишья. Филэллин Джордж Финлей (Finlay, 1799–1875), друг юности Байрона, в рамках своей широко задуманной «Истории греческого мира» уделил достаточно большое внимание византийскому периоду. Его многолетняя работа увенчалась семитомным трудом, покрывающим огромный период с 146 г. до Р.Х. до 1864 г., под названием «История Греции от завоевания ее римлянами до настоящего времени» (*A History of Greece from the Conquest by the Romans to the Present Time*. London, 1877)¹. Во Франции вышли монографии Валентена Паризо (Parisot) об Иоанне Кантакузине (1845) и Жюля Берже де Ксивре (Berger de Xivrey) о Мануиле II (1853), которые до сих пор не вполне утратили своего значения. В Германии следует упомянуть исследования и издания текстов Готлибом Л.Ф. Тафелем (Tafel, 1787–1860) и Георгом Мартином Томасом (Thomas, 1817–1887), а также остроумные сочинения Якоба Филиппа Фальмерайера (Fallmerayer, 1790–1861), особенно же — работы Карла Хопфа (Hopf, 1832–1873). «История Греции от начала Средневековья до нашего времени» Хопфа (*Geschichte Griechenlands vom Beginn des Mittelalters bis auf unsere Zeit // Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste von Ersch und Gruber*. Bd. 85–86. Leipzig, 1867–1868), которая опирается не только на тщательное исследование источников, но и на обширные архивные исследования, сохраняет устойчивую ценность как собрание материала, а конкретно для эпохи латинского господства и времени Палеологов является важным пособием, несмотря на то что чтение этого, в повествовательном отношении замысловатого, труда является мучительным, а также на то, что, как мы теперь знаем, данные Хопфа не всегда отличаются той надежностью, какую им в свое время приписывали. На представленном Хопфом материале в значительной мере основываются сейчас уже практически не заслуживающие прочтения, однако

¹ Русский перевод: М., 1877–1878. — *Прим. пер.*

в свое время очень популярные в качестве справочников изложения Густава Фридриха Херцберга «История Греции со времени отмирания античной жизни до современности» (*Hertzberg G.F. Geschichte Griechenlands seit dem Absterben des antiken Lebens bis zur Gegenwart. Gotha, 1876–1879. 4 Bd.*) и «История Византийской и Османской империи до конца XVI столетия» (*Geschichte der Byzantiner und des Osmanischen Reiches bis gegen Ende des 16. Jahrhunderts. Berlin, 1883*)¹. Непригодным ныне для использования является некогда весьма читаемый, исполненный фантазии труд Августа Фридриха Гфререра «Византийские истории» (*Gfrörer A.F. Byzantinische Geschichten. Graz, 1872–1877. 3 Bd.*). Примером серьезного, стимулирующего исследования, напротив, являются работы Фердинанда Хирша (Hirsch), а именно его «Византийские исследования» (*Byzantinische Studien. Leipzig, 1876*), из которых до сих пор можно почерпнуть много поучительного.

Более глубокое понимание истории, которое принесло человечеству XIX столетие, в конце концов пошло на пользу византийской истории, оказавшейся дискредитированной из-за пренебрежения в эпоху Просвещения. Пробудилось ощущение важности исторического развития, и после трудов Ранке и Моммзена уже нельзя было доверчиво придерживаться легенды о тысячелетнем состоянии упадка какого-либо государства. В последние десятилетия XIX в. в ведущих тогда европейских странах вновь пробудился интерес к византийской истории. Альфред Рамбо, Василий Григорьевич Васильевский, Карл Крумбахер, Джон Бэгнолл Бёри смогли, каждый в своей стране, придать авторитет византиноведению как самостоятельной отрасли науки. Деятельность этих личностей, основателей современного византиноведения, теперь, когда старые схемы и предубеждения уступили место много лучшим воззрениям, нашла сильный отклик, и исследование византийской истории, которое ранее хромало позади других исторических отраслей, постепенно стало выходить на первый план.

А. Рамбо (Rimbaud, 1842–1905), к сожалению, достаточно скоро изменил византиноведению, обратившись к русской истории, на попрание которой он, впрочем, смог выступить скорее как популяризатор, нежели как исследователь. Тем не менее его вышедшая в 1870 г. эпохальная книга об эпохе Константина Багрянородного

¹ Русский перевод: История Византии. М., 1897. — Прим. пер.

пробудила во Франции интерес к византийской истории, и его преемники, Гюстав Шлюмберже (Schlumberger, 1844–1928) и Шарль Диль (Diehl, 1859–1944), позаботились о том, чтобы этот интерес более не угас.

Г. Шлюмберже, следуя за Жюстеном Сабатье (*Sabatier J. Description des monnaies byzantines. Paris, 1862. 2 vol.*), чрезвычайно плодотворно поработал в области нумизматики и наряду с этим сигиллографии: среди его обширного научного наследия современный византинист более всего ценит «Сигиллографию Византийской империи» (*Sigillographie de l'Empire byzantin. Paris, 1884*). Не стоит недооценивать и значение его монументальной «Византийской эпопеи» (*Épopée byzantine*) и прочих многочисленных сочинений, ибо они смогли пробудить у широкой образованной публики интерес к Византии. Конечно, той же цели еще более блестяще достигли совершенные с точки зрения искусства эссе, которые представил Шарль Диль в виде своих знаменитых и по праву вызывающих восхищение «Византийских портретов» (*Figures byzantines*)¹. Чрезвычайно многосторонний ученый, мастерски владевший всеми областями византийской истории, в том числе и истории искусств, Ш. Диль соединял в себе редкий дар изображения со способностью к точному исследованию, наилучшим доказательством чему являются его большие работы по Равеннскому экзархату (1888), византийской Африке (1896), его труд о Юстиниане (1901), а также некоторые из собранных в «Византийских портретах» (1905) статей. Немногие так сильно продвинули византиноведение своими работами и стимулировали работу других, как Ш. Диль, который, как у себя на родине, так и за пределами ее границ, обрел большое число учеников. Таким образом, византийские исторические школы во Франции в конце XIX и начале XX в. пережили бурный взлет: наряду со многими стоит упомянуть о работах Луи Бреже (*Bréhier, 1868–1951*), Фердинана Шаландона (*Chalandon, 1875–1921*) и Жюля Ге (*Gay, 1867–1935*).

В Германии начало систематическим исследованиям в области византиноведения было положено Карлом Крумбахером (*Krumbacher, 1854–1909*). В 1891 г. Крумбахер опубликовал свою «Историю византийской литературы», а через шесть лет вышло значительно расширенное второе издание, в котором был также опубликован раздел

¹ Русский перевод: Харьков, 1911; М., 1914 (переизд. 1994). — Прим. пер.

по богословской литературе, переработанный Альбертом Эрхардом, и в качестве приложения — очерк истории византийских императоров Генриха Гельцера. Труд Крумбахера, самый великолепный памятник человеческой учености и трудоспособности, который только знало византиноведение со времен Дюканжа, стал для каждого византиниста важнейшей путеводной нитью в его работе. Основав в 1892 г. журнал «Byzantinische Zeitschrift», Крумбахер дал византистике постоянный профессиональный орган, вокруг которого тотчас сгруппировались западноевропейские византиноведческие исследования и который, благодаря превосходной библиографии, держал всех интересующихся византиноведением в курсе хода исследований. Кроме того, Крумбахер смог превратить свой Семинар по средне- и новогреческой филологии в Мюнхене в международный византиноведческий центр. Посредством всего этого великий филолог смог дать мощный импульс в том числе и историческим исследованиям в области византиноведения.

Изучение византийской истории велось в конце XIX в. в Германии прежде всего Карлом Нойманом (Neumann, 1860–1934) и Генрихом Гельцером (Gelzer, 1847–1906). Богатое идеями сочинение Ноймана «Международное положение Византийской империи до крестовых походов» (Die Weltstellung des byzantinischen Reiches vor den Kreuzzügen. Leipzig, 1894) остается шедевром исторического исследования и изложения, и можно только искренне пожалеть, что автор этого и других важных исследований по византийской истории достаточно быстро перешел к общей истории искусства. Хотя «Очерк истории византийских императоров» Гельцера (Abriß der byzantinischen Kaisergeschichte // Krumbacher. S. 911–1067)¹ и стоит далеко не на высоте труда Крумбахера, но его автор продвинул далеко вперед изучение византийской истории благодаря специальным исследованиям и особенно сочинению о генезисе византийского феодного устройства (Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Leipzig, 1899), как бы ни были его результаты далеки от окончательных. Преемник Крумбахера в Мюнхене, Август Гейзенберг (Heisenberg, 1869–1930), который также работал в исторической области и области истории искусств, имеет заслуги перед византиноведением

¹ Русский перевод: Очерки по истории Византии / Под ред. В.Н. Бенешевича. СПб., 1912. Вып. I. С. 1–193; Вып. II. С. 27–88. — *Прим. пер.*

прежде всего благодаря новым критическим изданиям византийских авторов, а также публикации и комментированию новых источников.

Большой стимул изучение византийской истории в Германии и Австрии получило благодаря работам интересовавшихся византиноведением историков и филологов, занимавшихся античностью и средневековьем, прежде всего Лудо Морица Хартманна [Hartmann, 1865–1924], Отто Зеэка [Seeck, 1850–1921], Эдуарда Швартца [Schwartz, 1858–1940] и особенно — благодаря трудам великого историка права Карла Эдуарда Цахариэ фон Лингенталя [Zachariä von Lingenthal, 1812–1894], который в своем «Греко-римском праве» (*Jus graeco-romanum*. Leipzig, 1856–1884. 7 pt.) сделал доступными науке важнейшие византийские правовые источники, а посредством своей «Истории греко-римского права» (*Geschichte des griechisch-römischen Rechtes*. Berlin, 1892³; репринт: Aalen, 1955) поставил на надежную основу изучение истории византийского права.

Начало византиноведения в России связано с изучением древнерусской истории. Одним из наиболее значительных предшественников русских византиноведческих исследований был силезец Арист Аристович Куник (Ernst Kunick, 1814–1899), который, будучи членом русской Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге, не только имел большие заслуги в деле изучения русской истории, но и придал сильный импульс византиноведческим исследованиям своим масштабным использованием важных для древнерусской истории византийских источников. Наряду с ним стоит упомянуть швейцарца Эдуарда фон Муральта (Muralt, 1808–1895), которому мы обязаны известным — хотя и сильно устаревшим, но все еще полезным — хронологическим трудом «Опыт византийской хронологии» (*Essai de chronographie byzantine*. St.-Petersbourg, 1855–1871. 2 vol.).

Основателем собственно византиноведческих исторических исследований в России является Василий Григорьевич Васильевский (1838–1899) — так же, как Никодим Павлович Кондаков (1844–1925) стал основоположником исследований в области византийской археологии и истории искусств. Уверенное владение материалом источников, острый критический взгляд и способность к плодотворной постановке вопроса обеспечили трудам Васильевского непреходящую ценность: его разыскания по истории византийско-русских отношений, глубокое сочинение о Византии и печенегах и, прежде всего, новаторские исследования по внутренней истории византийского го-

сударства по-прежнему остаются незаменимыми для науки. В 1894 г. Васильевский основал журнал «Византийский временник», и тем самым русское византиноведение, вынужденное до тех пор пользоваться гостеприимством других изданий, таких как «Журнал Министерства Народного Просвещения», получило свой собственный орган, который, наряду с основанным двумя годами ранее «Byzantinische Zeitschrift», внес основной вклад в тогдашнее византиноведение. Годом позднее Ф.И. Успенский в качестве директора основанного тогда Русского археологического института в Константинополе приступил к изданию «Известий» этого Института.

Вместе с В.Г. Васильевским и после него стоит прежде всего Федор Иванович Успенский (1845–1928), деятельность которого задала направление русскому византиноведению. Успенский, правда, не обладал гениально проницательным исследовательским даром и критическим умом Васильевского, однако благодаря своей обильной научной продуктивности он внес решающий вклад в византийские исторические исследования. Пожалуй, нет ни одной более или менее важной проблемы византийской истории, которой бы пристально не занимался Успенский; некоторые основополагающие проблемы он затронул первым. Он был не только наиболее плодовитым, но и наиболее разносторонним русским историком Византии и, в отличие от Васильевского, оставил большой обобщающий исторический труд — монументальную «Историю Византийской империи», наиболее подробное современное общее изложение византийской истории, которая в силу неблагоприятных времен выходила через большие промежутки времени и до сих пор полностью не опубликована (Т. 1. СПб., 1913; Т. 2, ч. 1. Л., 1927; Т. 3. М.; Л., 1948)¹.

Необычайная активность русского византиноведения в конце XIX и начале XX в. прежде всего была заслугой ученых школы Васильевского и Успенского, к числу которых наряду с другими исследователями относятся А.А. Васильев, Б.А. Панченко, П.А. Яковенко и П.В. Безобразов. Среди многочисленных проблем, которыми занимались русские византинисты, аграрная история Византии стала излюбленной темой, благодаря традиции, идущей от Васильевского и Успенского. Борис Амфианович Панченко [1872–1920] посвятил ей

¹ См. новое переиздание, с добавлением частично восстановленной по архивным материалам 2-й части 2-го тома: М., 1996–1997. 3 т. — *Прим. пер.*

свою известную книгу о крестьянском землевладении¹. В ней он, опираясь на своих великих предшественников — Цахариэ фон Лингенталя, Васильевского и Успенского, — стремился проложить новые пути. Так же как и Панченко, Павел Владимирович Безобразов [1859–1918] и особенно Петр Александрович Яковенко [1870–1920] прежде всего занимались проблемами внутренней истории Византийской империи и развивали начатое также Васильевским изучение византийских документов. Александр Александрович Васильев [1867–1953] издал основополагающий труд по истории византийско-арабских отношений в IX–X вв.² Пришедший из антиковедения Юлиан Андреевич Кулаковский [1855–1919] написал историю Византийской империи, три солидных тома которой охватывают период с 395 по 717 г. (Киев, 1913–1915): это сухой, однако весьма основательный и полезный труд. Сильный подъем русского византиноведения нашел свое выражение также и в том, что в 1915 г. наряду с «Византийским временником» был основан новый профессиональный орган — «Византийское обозрение», три тома которого вышли до 1917 г.

В Англии современное византиноведение в течение долгого времени с конца XIX в. было представлено фигурой Джона Бэгнолла Бёри (Bury, 1861–1927)³. Без сомнения, Бёри является одним из наиболее значительных историков Византии всех времен: это исследователь с большим кругозором и необыкновенной ученостью, отличающийся проницательной остротой анализа и образцовой методической строгостью. Наряду со многими важными специальными исследованиями он также оставил несколько обобщающих работ, которые охватывают большие периоды византийской истории: в 1889 г. вышел в свет его двухтомный труд «История поздней Римской империи» (*A History of the Later Roman Empire*), охватывающий 395–800 гг. За ней в 1912 г. последовала превосходная книга «История Восточной Римской империи» (*History of the Eastern Roman Empire*), которая описывает время от имперской коронации

¹ *Панченко Б.А.* Крестьянская собственность в Византии: Земледельческий закон и монастырские документы. София, 1903.

² Византия и арабы. СПб., 1900–1902. 2 ч.

³ Подробная оценка личности Бёри как ученого и полный библиографический список его трудов предлагается в кн.: *Baynes N.H.* Bibliography of the Works of J.B. Bury. Cambridge, 1929.

Карла Великого до восхождения на престол Василия I, а в 1923 г. Бёри предложил в качестве нового издания своей первой книги под тем же названием новый труд, который, также в двух томах, но с куда большей подробностью, описывает время от смерти Феодосия I до смерти Юстиниана I. Особенного упоминания заслуживает прекрасный комментарий Бёри к подготовленному им новому изданию «Клиторология» Филофея: «Имперская административная система в IX в.» (*The Imperial Administrative System in the Ninth Century*. London, 1911). Как русское византиноведение заложило основание исследованию византийской аграрной системы, так Бёри дал начало систематическому изучению истории византийского управления, которое позднее самым удачным образом было продолжено Эрнстом Штайном (Stein) и Францем Дёльгером.

Достойного продолжателя Бёри нашел в лице Нормана Хэпберна Бейнса (Baynes, [1877–1961]), который прежде всего отличился работами по ранневизантийской истории. История поздней Византийской империи в ее сношениях с латинскими государствами Востока была значительно продвинута важными работами Уильяма Миллера (Miller) по истории латинского Востока.

Рано начинается занятие византийской историей в Греции, поскольку для греческих ученых история Византии была частью истории их собственного народа. Большое место заняла византийская история уже в объемном труде ярого патриота Константина Папарригопуло [1815–1891] «История греческой нации с древнейших времен до новейших» (*Παπαρρηγόπουλος Κ. Ἱστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ ἔθνους ἀπὸ τῶν ἀρχαιοτάτων χρόνων μέχρι τῶν νεωτέρων*. Ἀθήναι, 1860–1877. 5 т.; новое издание Каролидиса, 1925; основные результаты суммируются в кн.: *Παπαρριγοπουλο С. Histoire de la civilisation hellénique*. Paris, 1878). Спиридон Ламброс (1851–1919), стяжавший в византиноведении большие заслуги благодаря изучению рукописей и многочисленным изданиям текстов, также написал популярную историю Греции с древности до 1453 г.: «История Греции с картинками с древнейших времен до взятия Константинополя» (*Λάμπρος Σπ. Ἱστορία τῆς Ἑλλάδος μετ' εἰκόνων ἀπὸ τῶν ἀρχαιοτάτων χρόνων μέχρι τῆς ἀλώσεως τῆς Κωνσταντινουπόλεως*. Ἀθήναι, 1886–1908. 6 т.). Схожим образом позднее Андреас Андреадис (1876–1935), разрабатывая греческую финансовую и экономическую историю в своем обобщающем труде «История греческого народного хозяйства» (*Ἀνδρεάδης Α.*

Ἱστορία τῆς ἐλληνικῆς δημοσίας οἰκονομίας. Ἀθῆναι, 1918) и в многочисленных специальных исследованиях, очень подробно занимался византийской эпохой. В соответствии с особым интересом греков к истории Византии греческие журналы уже довольно рано уделяли византинистике повышенное внимание, как, например, «Δελτίον τῆς Ἐθνολογικῆς Ἑταιρείας» (Афины, с 1893 г.) и «Νέος Ἑλληνομνήμων», издателем и единственным сотрудником которого с 1904 по 1917 г. был неутомимый Спиридон Ламброс¹. В качестве специализированного издания по византиноведению замышлялся основанный Никосом Веисом [Βέης, 1887–1958] журнал «Βυζαντίς», который, правда, вышел всего лишь в двух томах (1909, 1911).

На переломе двух веков началось изучение византийской истории также и во многих других странах. В Италии наряду с историческими и литературно-филологическими исследованиями замечен был прогресс в историко-правовых штудиях. В балканских странах византиноведение связывалось с изучением истории собственных народов, и эта связь оказалась весьма плодотворной как для византиноведения, так и для истории Балкан. В Болгарии на пользу византиноведению пошли, наряду с исследованиями историка Византии Петра Мутафчиева (1883–1943), также и работы историков болгарского средневековья Васи́ла Златарского (1866–1935) и Петра Нико́ва (1884–1939). На югославской земле исследованию византийской истории способствовали не только труды византинистов Драгутина Анастасиевича (1877–1950) и Филарета Гранича (1883–1948), но и в равной степени исследования по средневековой сербской и хорватской истории Станое Станоевича (1874–1937), Йована Радони́ча (1873–1956), Нико́лы Радойчи́ча [1882–1964] и Фердо Ши́шича (1869–1940). В Румынии также еще до Первой мировой войны пережили значительный подъем византийские исследования, прежде всего благодаря необычайной активности Николае Йорги (Jorga, 1871–1940), уникальная продуктивность которого в области как византийской, так и румынской истории вообще и литературной истории в частности, а также в области истории османской и всеобщей по праву вызывала большое восхищение.

¹ Издание было продолжено К. Диовуниотисом, который к опубликованным Ламбросом до 1927 г. 14 томам прибавил еще 7; указатель ко всем томам был опубликован в 1930 г. Харитакисом.

Сильно зависящие от международного сотрудничества, византиноведческие исследования весьма чувствительно пострадали от двух мировых войн. Но постепенно научный прогресс вновь возобновился, и последствия случившихся потрясений были преодолены, хотя и небезболезненно и не без тяжелых потерь. Во время затишья между двумя мировыми войнами византинистика пережила даже значительный подъем, а сегодня можно говорить уже о новом расцвете византиноведения после Второй мировой войны. Наряду с сильным расширением исследовательской и издательской деятельности этот расцвет нашел зримое выражение в проведении международных конгрессов византинистов, основании новых специализированных журналов и появлении новых исследовательских центров.

Если до Первой мировой войны византиноведение опиралось на два специализированных органа — «Византийский временник» и «Byzantinische Zeitschrift», то с 20-х гг. XX в. появился целый ряд профессиональных журналов, в которых отражался прогресс византийских исследований. На первом месте следует отметить основанный в 1925 г. «Byzantion», который под руководством Анри Грегуара смог значительно подстегнуть научные изыскания. Благодаря этому журналу и достойной удивления активности его издателя Брюссель стал одним из важных центров византийских исследований. Еще большее значение приобрел для византиноведения основанный также в Брюсселе в 1932 г. «Ежегодник Института восточной и славянской филологии и истории» (*Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves*). Значительную активность в качестве органа византиноведения проявил журнал «Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher» под руководством Никоса Веиса. Его издание началось еще в 1920 г. в Берлине и с 1926 г. было продолжено в Афинах, однако прервалось к концу Второй мировой войны (в 1960 г. задним числом вышел том 18 за 1945–1949 гг.). Голос греческого византиноведения звучит прежде всего в основанном в 1924 г. «Ежегоднике Общества византийских исследований» (Επετηρίς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν), а с 1928 г. — в журнале «Ελληνικά», равным образом посвященном преимущественно византинистике. С большими временными интервалами в Риме выходит с 1924 г. возглавляемый Сильвио Джузеппе Меркати журнал «Studi bizantini e neoellenici». В Праге вызванная к жизни в 1929 г. «Byzantinoslavica» должна была прервать на время войны свой выход, однако после войны не просто возродилась, но даже расширила

свое первоначальное поле деятельности. Не ограничивая себя исследованием византийско-славянских отношений, «Byzantinoslavica» представляет собой важный общий профессиональный орган для всей области византийских исследований. Напротив, умолк «Seminarium Kondakovianum» (с 1939 г. — «Annales de l'Institut Kondakov»), орган основанного в 1926 г. хорошо известного своей обширной издательской и иной деятельностью Института им. Н.П. Кондакова, который сначала в Праге, а с 1938 г. в Белграде представлял собой важный центр византиноведческих и археологических исследований. В 1941 г. он был разрушен во время воздушного налета, потеряв при этом двух своих наиболее преданных сотрудников.

Старым исследовательским центром, который в последнее время приобрел для византиноведения более весомое значение, является институт ученых монахов-ассумпционистов, который сначала в Кадикее близ Стамбула, затем в Бухаресте, а теперь в Париже со все возрастающей интенсивностью посвящает себя византиноведению. Его печатный орган «Échos d'Orient», который выходил с 1897 г. как «обозрение по истории, географии и литургии Востока», с течением времени все более развивался в профессиональный византиноведческий журнал, и это развитие, в котором можно усмотреть растущий интерес науки к Византии, привело в конце концов к тому, что в 1943 г. он был заменен на «Études byzantines» (с т. 4, 1946 г. — «Revue des études byzantines»), благодаря чему византиноведение обогатилось новым, весьма заслуженным печатным органом. Важным пунктом византиноведческих и археологических исследований стал основанный Томасом Уиттмором (Whittemore) Византийский институт в Париже, который в 1946 г. приступил к изданию своего «Бюллетеня» (Bulletin of the Byzantine Institute), преимущественно ориентированного на археологию и историю искусства. Одним из наиболее значительных центров византиноведческих археологических исследований, а также исследований по истории искусства и культуры, является сейчас исследовательский институт в Дамбартон Оукс (Dumbarton Oaks), который посредством публикации важных и прекрасно оформленных изданий «Dumbarton Oaks Papers» (с 1941 г.) и «Dumbarton Oaks Studies» (с 1950 г.) достойно являет себя внешнему миру. Византийский институт, по преимуществу имеющий богословскую и церковно-историческую направленность, возник в Шайерне (Бавария), наряду с ним встал подобный институт в Эттале. В Вене после Второй

мировой войны было основано «Австрийское византийское общество» (Österreichische Byzantinische Gesellschaft), свидетельством деятельности которого стал выходящий с 1951 г. журнал «Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft». Учреждением послевоенного времени также является Византийский институт в Белграде. Публикации этого института и издаваемый им с 1952 г. в качестве постоянного печатного органа «Сборник трудов» (Сборник трудов Византолошког института) служат исключительно изучению византийско-югославянских отношений.

Возникновение большого числа новых исследовательских центров и новых специализированных журналов является характерным признаком растущей активности молодой отрасли науки. При этом, правда, оно никоим образом не дает полной картины этой активности, ибо для растущего интереса науки к византийским исследованиям не менее показательным является и то, что наряду со специализированными византиноведческими печатными органами также и журналы, посвященные смежным научным областям, во все большем числе издают работы по византиноведческой тематике¹.

В этом расцвете византийских исследований Россия, страна, которая в свое время внесла столь большой вклад в их развитие, долгое время не принимала никакого участия. После Первой мировой войны в русском византиноведении произошел большой спад, а затем, после смерти Ф.И. Успенского в 1928 г., воцарился полный застой. Даже «Византийский временник», который до 1916 г. в непрерывной последовательности выдал 22 объемистых тома, в последующее десятилетие смог издать лишь три тонких томика (в 1922, 1925 и 1927 гг.), а затем надолго прекратился. Постепенно, однако, интерес к византийским исследованиям в СССР вновь стал пробуждаться (об этом позволял заключить уже вышедший в 1945 г. «Византийский сборник»), и с тех пор советская византистика находится на подъеме. В настоящее время византиноведение в Москве, Ленинграде и некоторых других городах Советского Союза демонстрирует удивительную активность, которая все сильнее проявляется в многочисленных публикациях.

¹ Опубликованная Международной Ассоциацией византийских исследований (Association Internationale des Études byzantines) библиография работ с 1939 по 1948 г. включает 2800 названий, которые распределяются между 280 различными журналами, сериями и сборниками.

Так, новая серия возобновленного в 1947 г. «Византийского временника» успела прирасти двадцатью двумя томами. При том, что уже старое русское византиноведение проявляло особый интерес к проблемам византийской экономической и социальной истории, ныне особой характерной чертой современных византийских исследований в СССР стал основной упор именно на эти проблемы и стремление освещать их в свете материалистического восприятия истории¹.

Большие успехи византийских исследований были бы невозможны, если бы доступный науке материал источников не претерпел значительного расширения. Благодаря кропотливой издательской работе увидели свет новые источники разных жанров, а неудовлетворительные старые издания во все большем масштабе заменяются новыми, критическими. Впрочем, здесь еще остается многое сделать, ибо до сих пор в отношении сочинений многих, если не сказать большинства византийских историков и хронистов мы продолжаем зависеть от неисправных старых текстов Боннского корпуса. И все же с конца XIX в. в «Тойбнеровской библиотеке» (*Bibliotheca Teubneriana*) и с недавнего времени в «Византийском собрании Ассоциации Гийома Бюде» (*Collection byzantine de l'Association Guillaume Budé*), а равно и в некоторых важных отдельных публикациях, были представлены новые, с научной точки зрения надежные тексты достаточно большого числа византийских историков и хронистов, которые делают уже ненужными соответствующие тома Боннского корпуса (подробности смотри ниже в обзорах источников к отдельным разделам).

Особенно сильное расширение исследовательской базы произвели публикации византийских документов. На первом месте стоит упомянуть содержательное, но еще совершенно некритическое издание Франца Миклошича и Йозефа Мюллера, относящееся ко второй половине XIX в., и не менее важное, а с точки зрения издательской техники уже существенно лучшее издание актов Афона в приложениях к «Византийскому временнику» начала XX в.². Какой шаг вперед

¹ Среди новых византиноведческих центров следует особо выделить Сицилийский институт византийских и новогреческих исследований в Палермо, Греческий институт византийских и поствизантийских исследований в Венеции и Центр византийских исследований в Афинах. О деятельности последнего см.: *Zakythinos D. Report of the Centre of Byzantine Research. Athens, 1962.*

² Акты афонские = *Actes de l'Athos* / Изд. В. Перель. СПб., 1903–1915. Т. 1–6.

смогла совершить наука в этой области, позволяют понять новейшие издания документов, прежде всего следующие публикации: *Actes de Lavra, I* / Ed. G. Rouillard et P. Collomp. Paris, 1937. (*Archives de l'Athos*; 1); *Actes de Kutlumus* / Ed. P. Lemerle. Paris, 1945. (*Archives de l'Athos*; 2); *Dölger F.* Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948; *Guillou A.* Les archives de Saint-Jean-Prodrôme sur le mont Ménécée. Paris, 1955. От старых публикаций эти отличаются в выгодную сторону не только приложением красивых альбомов с репродукциями документов и печатей, но и более критическим оформлением текстов, подробными и квалифицированными комментариями и более полными указателями.

Исследование документов занимает в византиноведении все большее место, поскольку современное изучение византийской истории более внимательно обращается к внутренней историей византийского государства, стремясь создать себе более четкий образ его административного устройства, его экономического и социального развития, для чего первой предпосылкой является систематическая обработка документального материала¹. Конечно, византиноведению еще далеко до того, чтобы воплотить представленный в свое время Крumbaхером Международной ассоциации академий план подготовки «Корпуса греческих документов Средневековья и Нового времени», однако уже благодаря недавним публикациям был изучен обширный и важный материал. Посредством этих публикаций, а также и посредством многочисленных специальных исследований, особенно благодаря новаторским работам Ф. Дёльгера, византийская дипломатика и палеография также сделали в последнее время весьма заметный шаг вперед².

¹ Сообщение о работах по византийской экономической и социальной истории содержится в: *Brätianu G.I.* Les études byzantines d'histoire économique et sociale // *Byz* 14 (1939). P. 497–511. См. также выделяющую наиболее важные моменты работу: *Charanis P.* On the social structure of the Later Roman Empire // *Byz* 17 (1944–1945). P. 39–57. О современных историко-правовых исследованиях см. подробное сообщение в: *Sinogowitz B.* Die byzantinische Rechtsgeschichte im Spiegel der Neuerscheinungen // *Speculum* 4 (1953). S. 313–333. О новейших изданиях документов: *Каждан А.П.* Новые материалы по внутренней истории Византии X–XV вв. // *ВВ* 13 (1958). С. 302–313. См. также краткий очерк современных исследований в области права: *Malafosse J. de.* Chronique du Droit byzantin // *Byz* 32 (1962). P. 605–619.

² Ср. подробные сообщения об исследованиях в области византийской дипломатики: *Rouillard G.* La diplomatie byzantine depuis 1905 // *Byz* 13 (1938). P. 605–629; *Dölger F.* Bulletin diplomatique // *REB* 7 (1949). P. 69–90.

Особо следует указать в этой связи на работу Дёльгера «Факсимиле византийских императорских документов» (*Dölger F. Facsimiles byzantinischer Kaiserurkunden*. München, 1931) и его же «Регесты императорских документов Восточно-римской империи 565–1453 гг.» (*Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 565–1453*), которые закладывают основу запланированного корпуса греческих документов Средневековья и Нового времени. Из предусмотренных пяти выпусков к настоящему времени вышли четыре: для 565–1025, 1025–1204, 1204–1282 и 1282–1341 гг. (München; Berlin, 1924, 1925, 1932, 1960).¹ Этот труд, в котором систематически отмечены, а также критически рассмотрены все императорские документы и все известия о не дошедших до нас императорских указах, которые можно обнаружить в источниках, представляет собой чрезвычайно важное для всякого историка Византии пособие. Для времени с 311 по 476 г. в нашем распоряжении имеются «Регесты императоров и пап» О. Зеека (*Seeck O. Regesten der Kaiser und Päpste*. Stuttgart, 1919), для документов константинопольских патриархов — «Регесты актов Константинопольского патриархата» Венанса Грюмеля (*Grumel V. Les Regestes des Actes du Patriarchat de Constantinople. Vol. I: Les Actes des Patriarches*), из которых сейчас доступны три выпуска: для 381–715, 715–1043 и 1043–1206 гг. (Constantinople, 1932; Paris, 1936, 1947)². Важнейшим на сегодня пособием для изучения византийской церковной истории, а также истории догматов является вышедший в рамках «Византийского справочника» труд Ханса-Георга Бека «Церковь и богословская литература в Византийской империи» (*Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich*. München, 1959. (Handbuch der Altertumswissenschaft, XII: Byzantinisches Handbuch; 2/1)).

Все большее внимание византиноведение Новейшего времени также уделяет эпиграфическим, нумизматическим и сфрагисти-

¹ 5-й выпуск (акты 1341–1453 гг.) вышел в 1965 г. Впоследствии отдельные выпуски «Регест» Дёльгера подверглись переработке: Вып. 2 — П. Виртом в 1995 г.; Вып. 1, ч. 2 (867–1025 гг.) — А. Мюллером в 2003 г. — *Прим. пер.*

² Выпуск 4 (1206–1310) составил Виталиан Лоран (Paris, 1971). Выпуски 5 (1310–1376), 6 (1377–1410) и 7 (1410–1453), а также справочные таблицы для всех 7 выпусков составил Жан Даррузес (Paris, 1977, 1979, 1991). Он же подготовил 2-е, пересмотренное и исправленное издание в одном томе выпусков 2–3 (Paris, 1989). Выпуск 1 был переиздан самим В. Грюмелем (Paris, 1972). — *Прим. пер.*

ческим памятникам. Изучение разнообразных проблем, особенно касающихся внутренней истории Византии, подчас решающим образом продвигается вперед благодаря информации монет и печатей. Нумизматический материал является незаменимым для изучения, с одной стороны, истории денежного обращения и экономики, а с другой — символики императорской власти. Равным образом исследование византийской системы управления сегодня просто немыслимо без внимательного учета сигиллографического материала. Тем не менее освоение этих важных видов источников остается, несмотря на заметный прогресс, далеко позади требований науки. Заметный шаг вперед был сделан благодаря публикации Виталианом Лораном крупного собрания печатей (*Laurent V. Documents de sigillographie byzantine: la collection C. Orghidan. Paris, 1952. (Bibliothèque byzantine, Documents; 1)*). Наряду с этой образцовой публикацией одного из выдающихся знатоков византийской сигиллографии и с более старыми сигиллографическими и нумизматическими сборниками (см. ниже, с. 63) богатый и постоянно растущий материал можно найти в отдельных публикациях и рассеянных в специализированных журналах исследованиях и сообщениях о находках монет и печатей. Использование этого нелегко обозримого материала существенно облегчается содержательными аннотациями того же Лорана¹. И все же публикация корпуса византийских монет и корпуса византийских печатей остается настоящей потребностью.

Насколько большое значение придает современное византиноведение вспомогательным историческим дисциплинам, показывает и то обстоятельство, что недавно в Париже была вызвана к жизни посвященная этим наукам серия трудов (*Bibliothèque byzantine. Traité d'Études byzantines*). В рамках этой серии, которую возглавляет заслуженный французский историк-византинист Поль Лемерль (*Lemerle, [1903–1989]*), появились два важных справочника: *Grumel V. La Chronologie. Paris, 1958* и *Bataille A. Les Papyrus. Paris, 1955*.

В нашу задачу не входит давать здесь подробную характеристику византиноведению. О его результатах информируют названные выше

¹ *Laurent V. Bulletin de sigillographie byzantine // Byz 5 (1929–1930). P. 571–654; 6 (1931). P. 771–829; Idem. Bulletin de numismatique byzantine (1940–1949) // REB 9 (1951). P. 192–251.*

специализированные журналы, которые все больше расширяют свои библиографические разделы и наряду с этим дают аналитические обзоры отдельных отраслей науки или ситуации с исследованиями в отдельных странах. О текущих работах особенно полно информирует «Byzantinische Zeitschrift», который со времени своего основания в 1892 г. до сего дня (с перерывом в несколько лет во время и после обеих мировых войн) систематически и с большой тщательностью регистрирует всю специализированную литературу в области византиноведения, занимая критическую позицию, будь то в рецензиях во втором разделе или библиографических заметках третьего раздела, по отношению ко всем наиболее важным работам. Подобную систематическую библиографию в настоящее время предлагает также «Byzantinoslavica». Отсылая здесь к этим важным библиографическим пособиям, а также к сообщениям прочих византиноведческих журналов, мы вынуждены ограничиться приведением новейших обзорных изложений византийской истории.

Ранневизантийская эпоха находит свое подробное рассмотрение в работах Эрнста Штайна [Stein, 1891–1945] «История поздней Римской империи» и «Истории поздней Империи»¹. Наряду с упомянутым выше изложением Дж.Б. Бёри это крупное произведение большого знатока истории византийской системы управления, охватывающее в двух томах период с 284 по 565 г., предоставляет надежнейшую путеводную нить для изучения ранневизантийской истории и, в особенности, является основополагающим для истории развития ранневизантийской государственной системы.

Редактируемая Бёри известная серия «The Cambridge Medieval History» посвятила византийской истории часть первого и второго томов (1911, 1913) и весь четвертый том, который содержит подзаголовок «Восточная Римская империя (717–1453)»². Как всякая коллективная работа, этот сборник содержит части разной ценности, однако в целом представляет собой прекрасный и надежный справочник. Большим преимуществом работы является ее подробная

¹ Stein E. Geschichte des spätrömischen Reiches. Bd. I (284–476). Wien, 1928; Histoire du Bas Empire. Vol. II. P. e.a., 1949. Посмертное французское издание первого тома: Stein E. Histoire du Bas Empire. Vol. I / Edition française par J.-R. Palanque. P. e.a., 1959.

² The Eastern Roman Empire, 717–1453. Cambridge, 1923. (CMH; IV).

библиография (сейчас готовится новое издание четвертого тома под редакций Дж.М. Хасси)¹.

Шарль Диль уже в 1919 г. дал краткий очерк византийской истории от Константина Великого до падения Империи в небольшой книжке под названием «История Византийской империи» (*Histoire de l'Empire byzantin*; новое издание вышло в 1924 г., английский перевод — в 1925 г., сербский — в 1933 г.)². Тот же великий французский историк-византист в рамках основанной Г. Глоцем «Всеобщей истории» (*Histoire générale*) дал великолепное подробное изложение византийской истории от смерти Феодосия I до восшествия на престол Алексея I Комнина, в то время как его коллега Жорж Марсе образцово описал историю арабов от Мухаммада до XII в. В следующем томе Диль смог обработать только период 1081–1204 гг., а дальнейшие отрезки византийской истории описал Родольф Гийан; Рене Груссе дополнил работу изложением истории латинских государств на Востоке³.

А.А. Васильев в 1917 г. составил на русском языке историю Византийской империи до крестовых походов, за которой в 1923–1925 гг. последовали три небольших выпуска, где излагалась эпоха крестовых походов, латинское владычество и время Палеологов⁴. Серьезно расширенным труд выдающегося русского византиноведа вышел на английском языке: *History of the Byzantine Empire* (Madison, 1928–1929. 2 vol.), после чего последовало вновь дополненное издание

¹ The Byzantine Empire / Ed. J. M. Hussey. Cambridge, 1966–1967. 2 parts. (СМН (2 ed.); IV). [Ср. новый кембриджский справочник по истории Византии: *The Cambridge History of the Byzantine Empire*, с. 500–1492 / Ed. J. Shepard. Cambridge, 2008. Отдельные разделы посвящены Византии в общих трудах: *Cambridge Ancient History*. Vol. 12 (2005), 13 (1998), 14 (2000); *The New Cambridge Medieval History*. Vol. 1 (2005), 2 (1995), 3 (1999), 4 (2004), 5 (1999), 6 (2000). — *Прим. пер.*]

² Русский перевод: М., 1948. — *Прим. пер.*

³ *Diehl Ch., Marçais G. Le monde oriental de 395 à 1081*. Paris, 1936 (*Histoire générale*, 2e sect.: *Histoire du Moyen Age*. T. 3); *Diehl Ch., Oeconomus L., Guiland R., Grousset R. L'Europe orientale de 1081 à 1453*. Paris, 1945 (*Ibid.* T. 9/1).

⁴ *Васильев А.А. Лекции по истории Византии*. Ч. I: Время до эпохи Крестовых походов (до 1081 г.). Пг., 1917; *Он же. История Византии*. [Вып. 1]: Византия и Крестоносцы: Эпоха Комнинов (1081–1185) и Ангелов (1185–1204). Пб., 1923; [Вып. 2]: Латинское владычество на Востоке: Эпоха Никейской и Латинской империй (1204–1261). Пг., 1924; [Вып. 3]: Падение Византии: Эпоха Палеологов (1261–1453). Л., 1925. — *Прим. пер.*

на французском (*Histoire de l'Empire byzantin*. Paris, 1932. 2 vol.), затем на испанском (1948) и на греческом (1954), первый том — также и на турецком (1943). Наконец, вышло новое, местами дополненное издание на английском языке (*History of the Byzantine Empire, 324–1453*. Madison, 1952). Этот по праву пользующийся всеобщим уважением труд представляет собой ясное и надежное руководство для изучения византийской истории¹.

Румынский полигистор Николае Йорга опубликовал великолепное, хотя и слишком беглое изложение византийской истории под названием «История византийской жизни»². Период до 1204 г. описывает греческий историк Констандинос Амандос³. Маленькая, очень неровная (и неравномерная в распределении материала) книжка Митрофана Васильевича Левченко «История Византии» (М.; Л., 1940) представляет собой первую попытку марксистского описания византийской истории; она имеется также на болгарском (История на Византия. София, 1948) и французском (*Byzance des origines à 1453*. Paris, 1949) языках. Очерк византийской истории предпринял и болгарский историк-византист Димитр Ангелов⁴. Ясный, хотя и совсем краткий популярный очерк предложил П. Лемерль⁵.

Особого признания заслуживает большой труд Луи Брейе «Византийский мир»⁶. В трех отдельных томах известный французский историк-византист предложил публике подробное изложение внешнеполитической истории Византийской империи (*Vie et Mort de Byzance*), византийского государственного устройства (*Les Institutions de l'Empire byzantin*) и византийской культуры (*La Civilisation byzantine*). Труд отличается большой основательностью, а третий том — самобытностью подхода к истории византий-

¹ См.: *Васильев А.А.* История Византийской империи / Вступ. ст., примеч., науч. ред., перевод с англ. яз. и именной указатель А.Г. Грушевого. СПб., 1998. 2 т. — *Прим. ред.*

² *Iorga N.* Histoire de la vie byzantine. Bucarest, 1934. 3 vol.

³ *Ἀμαντος Κ.* Ἱστορία τοῦ Βυζαντινοῦ κράτους. Ἀθήναι, 1939–1947; 1953–1957 (2 изд.).

⁴ *Ангелов Д.* История на Византия. София, 1948–1952. Ч. 1–3; 1959–1967 (3 изд.); 1976 (6 изд., ч. 1). — *Прим. пер.*

⁵ *Lemerle P.* Histoire de Byzance. Paris, 1948. («Que sais-je?»).

⁶ *Bréhier L.* Le monde Byzantin. Paris, 1947, 1949, 1950. (L'évolution de l'humanité / Dir. par H. Berr; N 32, 32bis, 32ter).

ской культуры; в нем предлагается наглядная картина византийской жизни, причем автор изображает быт разных слоев византийского населения с их повседневными занятиями, нравами и обычаями. Таким образом, историю культуры Брейе можно сравнить не столько с более ранними изложениями, сколько, скорее, с объемным трудом Федона Кукулеса¹, в котором выдающийся греческий исследователь представил результаты своих проводившихся не один десяток лет исследований по истории частной жизни византийцев.

Большинство имеющихся изложений истории византийской культуры, напротив, представляют собственно обзоры развития Византии, нанизывая отдельные компоненты один на другой и делая основной акцент на развитии государства. Из множества таких изложений специально укажем здесь следующие:

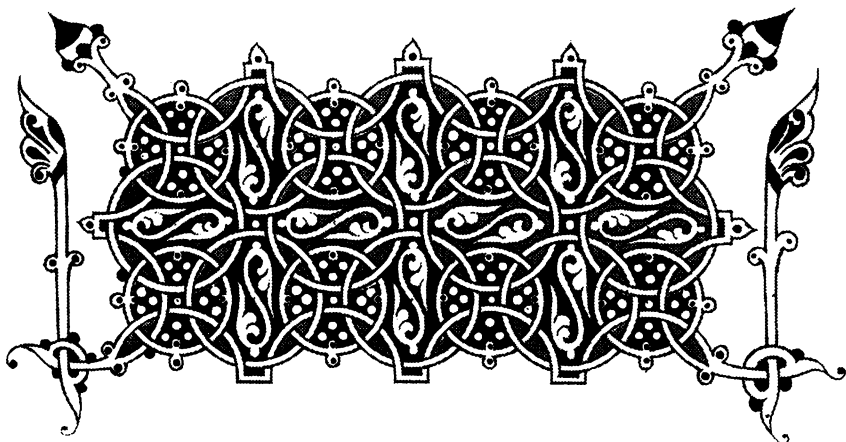
Diehl Ch. Byzance: Grandeur et Décadence. Paris, 1919 (англ. перевод: *Byzantium: Greatness and Decline.* New Brunswick, 1957); *Heisenberg A. Staat und Gesellschaft des byzantinischen Reiches // Die Kultur der Gegenwart. Bd. II. Abt. IV, 1–2.* Leipzig; Berlin, 1923². S. 364–414; *Baynes N.H. The Byzantine Empire.* London, 1926 (новое изд.: 1943); *Runciman St. Byzantine Civilisation.* London, 1933 (фр. перевод: Paris, 1934; итал. перевод: Firenze, 1960); *Hussey J.M. The Byzantine World.* London, 1957; *Haussig H.-W. Kulturgeschichte von Byzanz.* Stuttgart, 1959. Благодаря сотрудничеству нескольких византинистов разных стран возник коллективный труд: *Byzantium: An Introduction to East Roman Civilisation / Ed. by N.H. Baynes and H.St.L.B. Moss.* Oxford, 1948. Книга Херберта Хунгера «Византийский культурный мир от Константина Великого до падения Константинополя» (*Hunger H. Byzantinische Geisteswelt von Konstantin dem Großen bis zum Fall Konstantinopels.* Baden-Baden, 1958) иллюстрирует культурную жизнь Византии посредством отрывков из источников. Удачная подборка и прекрасный перевод текстов делают эту книжку вполне достойной чтения.

Большие услуги оказывают историкам-византинистам также изложения истории тех народов и стран, которые особенно сильно влияли на судьбы Византийской империи: итальянские города-республики, персы, арабы, турки и южные славяне. Чаше, чем некоторые работы по византийской истории, историки-византинисты

¹ *Κουκούλης Φ. Βυζαντινὼν βίος καὶ πολιτισμός.* Τ. 1–6. Ἀθήναι, 1948.

привлекают такие труды, как «История болгарской державы в средние века» В. Златарского (София, 1918, 1927, 1934, 1940. Кн. 1–4), которая хотя и слишком растянута и часто строится на гипотезах, однако похвальным образом сводит воедино с большой полнотой совокупный материал по истории византийско-болгарских отношений от их начала до конца XIII в.; или же сжатый, до сухости прозаический, но именно благодаря своему сухому и критическому духу поразительно надежный труд Константина Иречека «История сербов» (*Geschichte der Serben*. Gotha, 1911–1918. 2 Bde; серб. перевод: *Jurecek K. Историја Срба* / Превео и допунио Ј. Радонић. Београд, 1922–1923. Т. 1–2; 1952²).

В конце хотелось бы особо указать на важный труд Дьюлы Моравчика (*Moravcsik Gy. Byzantinoturcica*. Bd. 1–2), первое издание которого вышло в Будапеште в 1942–1943 гг., а второе, расширенное издание, до сих пор являющееся авторитетным, было опубликовано Немецкой Академией наук в Берлине в 1958 г. Выдающийся венгерский ученый с большой полнотой сводит воедино византийские источники по истории тюркских народов. Практически это означает, что в его труде обработана вся византийская историческая литература, поскольку тюркские народы в широком смысле этого слова (как воспринимает это понятие Моравчик) упоминаются практически в каждом византийском историческом сочинении. И поскольку Моравчик к каждому рассматриваемому источнику дает отдельное компетентное разъяснение и приводит исчерпывающие данные как о рукописях и изданиях, так и о научной литературе, его книга оказывается бесценным справочником, который по значению можно сравнить с историей литературы Крумбаха. И в самом деле, труд Моравчика является весьма удачным дополнением к вышедшему уже более шестидесяти лет назад шедевр Крумбаха и представляет собой авторитетный справочник по византийской историографии.

I

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ РАЗВИТИЯ РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА (324–610)

Источники

Наше знание византийской истории основывается на византийских и не византийских источниках самых различных жанров. В качестве путеводной нити выступают сочинения византийских историков и хронистов, которые, кто с большими, кто с меньшими талантом, подробностями и точностью, описывают для нас общий ход исторических событий. Затем полученная картина существенно дополняется, а подчас и исправляется, с одной стороны, на основе сведений западных и восточных, а позднее и славянских источников, а с другой — на основе материала, который предоставляют другие византийские источники. Произведения, возникшие по разным случаям, сообщения посольств, письма и речи зачастую могут значительно дополнить и лучше осветить данные исторических сочинений. При той большой роли, которую играла в развитии Византии Церковь, историк должен учитывать и богословскую литературу, прежде всего акты Соборов. Жития святых как источники обладают порой высокой ценностью, в некоторые эпохи они для нас не менее важны, чем собственно исторические сочинения¹.

¹ О церковной литературе см.: *Beck. Kirche*.

Однако все эти источники совершенно не достаточно информируют нас об экономической жизни, а также о правовом и административном устройстве Империи. Здесь нам приходят на помощь, с одной стороны, различные официальные и неофициальные описания двора, управления, военного дела и экономического устройства, а с другой — законодательные сборники, которыми Византия была особенно богата; далее, папирусы, а для более позднего времени — главным образом документы. Впрочем, последние в достаточно большом количестве имеются в нашем распоряжении лишь со 2-й половины XI в.; от времени Македонской династии их совсем немного, а от более ранней эпохи не сохранилось вообще никаких византийских документов.

И наконец, в качестве особой группы источников следует прибавить археологический материал: памятники искусства, надписи, монеты, печати и т.п. Несмотря на то что монументальный материал в византиноведении использован в гораздо меньшем объеме, чем в антиковедении, в новейшее время византинистами ему уделяется все большее внимание.¹

Обзоры источников, которые мы предпосылаем отдельным разделам настоящей работы, имеют в каждом случае цель выделить самое важное, причем в наиболее краткой форме. Полная разработка литературных источников будет предложена в «Истории византийской литературы» Ф. Дёльгера во второй части «Византийского справочника».

Для настоящего раздела, который носит характер введения, мы ограничимся совсем немногими указаниями.

Византийское историописание начинается с *Евсевия*, епископа Кесарии Палестинской. Как автор «Хроники» (в 2 книгах, до 325 г.) он является одним из первых представителей хронографического жанра, которому в Византии было суждено приобрести особенно большое значение; однако совершенно новый путь проторил он своей обширной «Церковной историей» (в 10 книгах, до 324 г.)². Ему

¹ Ср. весьма поучительную характеристику византийских источников в: *Moravcsik. Byzantinoturcica. Bd. I. S. 165–169.*

² *Eusebius. Die Kirchengeschichte / Hrsg. E. Schwartz und Th. Mommsen. Leipzig, 1903–1909. 3 Bde; 1914 (kleine Ausgabe).* См. статью Э. Шварцца в *RE. Bd. 6. 1907. S. 1370–1439.*

принадлежит также знаменитая «Жизнь Константина Великого»¹. Крупнейшим историком IV в. является *Аммиан Марцеллин*, толерантный язычник, «История» которого, написанная по-латыни, замышлялась как продолжение Тацита (сохранились только книги 14–31, с 353 до 378 г.)². Впрочем, уже в это время греческие авторы господствуют в историописании. Следует назвать сочинения трех языческих историков: *Евнатия* из Сард (для 270–404 гг., сохранилось лишь во фрагментах)³, *Олимпиодора* из Фив (фрагменты, относящиеся к 407–425 гг.)⁴ и *Зосима* (от Августа до 410 г., более подробен с Диоклетиана)⁵. Из исторического труда *Приска* до нас дошли ценные отрывки, относящиеся к 433–468 гг., касающиеся истории Аттилы и гуннов⁶. Церковная история была продолжена по примеру Евсевия *Сократом* (для 306–439 гг.)⁷, *Созоменом* (для 324–415 гг.)⁸,

¹ *Eusebius*. Über das Leben Constantins; Constantins Rede an die heilige Versammlung; Tricennatsrede an Constantin / Hrsg. I.A. Heikel. Leipzig, 1902. — Согласно Грегуюру, речь идет о подлоге или фальсификате, восходящем к концу IV в. (*Grégoire H.* Eusèbe n'est pas l'auteur de la «Vita Constantini» dans sa forme actuelle, et Constantin ne s'est pas «converti» en 312 // *Byz* 13 (1938). P. 561–583). Большинство исследователей, впрочем, отвергает этот тезис. См. сильные контраргументы Бейнса (*BZ* 39 (1939). S. 466–469); *Vogt J.* Berichte über Kreuzeserscheinungen aus dem 4. Jh. n.Chr. // *Mélanges Grégoire*, I. 1949. S. 593–606; *Idem*. Constantin der Große und sein Jahrhundert. 1949. S. 164 ff.; *Piganiol A.* Sur quelques passages de la Vita Constantini // *Mélanges Grégoire*, II. 1950. P. 513–548; *Idem*. Empire chrétien. P. xiii; *Dörries H.* Das Selbstzeugnis Kaiser Konstantins. Göttingen, 1954; *Jones A.H.M.* Notes on the Genuineness of the Constantinian Documents in Eusebius' Life of Constantine // *JEH* 5 (1954). P. 196–200; *Moreau J.* Zum Problem der Vita Constantini // *Historia* 4 (1955). S. 234–245; *Aland K.* Die religiöse Haltung Kaiser Konstantins // *Studia Patristica* 1 (1957). S. 549–600. Мнение Грегуюра поддерживает *Orgels P.* À propos des erreurs historiques de la Vita Constantini // *Mélanges Grégoire*, IV (1953). P. 575–.

² *Ammiani Marcellini*. Rerum Gestarum libri qui supersunt / Ed. C. Clark. Berlin, 1910, 1915.

³ *Müller*. FHG. T. IV. P. 7–56. См. тж.: *Excerpta de legationibus* / Ed. C. de Boor. 1903. P. 591–599.

⁴ *Müller*. FHG. T. IV. P. 57–68.

⁵ *Zosimi*. Comitibus et exadvocati fisci Historia nova / Ed. L. Mendelssohn. Leipzig, 1887.

⁶ *Müller*. FHG. IV. P. 69–100; V. P. 24–26. *Excerpta de legationibus* / Ed. C. de Boor. 1903. P. 121–255, 575–591.

⁷ PG 67. Col. 28–842.

⁸ PG 67. Col. 843–1630.

Феодоритом Кирским (для 325–428 гг.)¹; к ним присоединяется также *Евагрий*, труд которого (для 431–593 гг.) важен также и для светской истории²; то же касается лишь частично сохранившейся, написанной по-сирийски церковной истории *Иоанна Эфесского*, которая доводится до времени императора Маврикия³. Ценный исторический материал содержат также сочинения великих отцов Церкви, прежде всего Афанасия Александрийского, Григория Назианзина, Василия Кесарийского, Григория Нисского и Иоанна Златоуста. Очень важными для историка являются акты Вселенских Соборов⁴, из которых пять первых относятся к кратко рассмотренной в настоящем разделе ранневизантийской эпохе. Из числа обширных риторических сочинений особого внимания заслуживают сочинения императора Юлиана⁵, а также его современников Фемистия⁶ и Либания⁷, особенно же относящиеся уже и к V в. сочинения Синесия⁸.

Великим историком юстиниановой эпохи является *Прокопий Кесарийский* (из Кесарии Палестинской)⁹. Он описал в восьми книгах исто-

¹ *Theodoret. Kirchengeschichte* / Hrsg. L. Parmentier. Leipzig, 1911.

² *The Ecclesiastical History of Evagrius with the Scholia* / Ed. J. Bidez, L. Parmentier. London, 1898.

³ Перевод: *Die Kirchengeschichte des Johannes von Ephesus* / Übersetzt von J.M. Schönfelder. München, 1862. Новое издание важнейшей, 3-й части сочинения с латинским переводом: *Iohannis Ephesini Historiae ecclesiasticae pars tertia* / Ed. E.W. Brooks. Paris, 1935–1936. (CSCO. Vol. 105–106, Scriptores Syri. T. 54–55). См. большую монографию: *Дьяконов А.П.* Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды. СПб., 1908; *Его же.* Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах VI–VII вв. // ВДИ. 1946. № 1. С. 20–34.

⁴ Полное издание: *Mansi. Для Соборов Эфесского и Халкидонского имеет-ся критическое издание: Acta Conciliorum Oecumenicorum* / Ed. E. Schwartz. T. I: *Concilium Universale Ephesenum*. B.; Leipzig, 1922–1930. Vol. I–V; T. II: *Concilium Universale Chalcedonense*. B.; Leipzig, 1933–1936. Vol. I–IV.

⁵ *Iuliani. Epistulae, leges, fragmenta* / Ed. J. Bidez, F. Cumont. Paris, 1922, 1924.

⁶ *Themistii. Orationes* / Ed. W. Dindorf. Leipzig, 1832.

⁷ *Libanii. Opera* / Ed. R. Foerster. Leipzig, 1903–1927. T. I–XII.

⁸ PG. T. 66. Col. 1053–1616. Комментированный французский перевод трактата «О царстве» (Περὶ βασιλείας): *Lacombrade Ch.* Le Discours sur la Royauté de Synésios de Cyrène à l'empereur Arcadius. Paris, 1951. О любопытной личности и творчестве этого великого ритора см.: *Lacombrade Ch.* Synésios de Cyrène, Hellène et Chrétien. Paris, 1951.

⁹ *Procopii Caesariensis. Opera omnia* / Ed. J. Haury. Leipzig, 1905, 1906, 1913. T. I–III.

рию вандальских, готских и персидских войн, в которых участвовал сам, будучи советником Велисария (основная часть составлена в 551 г., дополнительная восьмая книга добавлена в 553 г.). В ряду с этим крупным сочинением стоит знаменитая «Тайная история» — пасквиль, направленный против Юстиниана и Феодоры, а также составленное в 554 г. сочинение о постройках Юстиниана¹. Хотя Прокопий и не всегда соблюдает объективность (в сочинении о постройках, а также по большей части и в истории войн он — панегирист, а в «Тайной истории» — злобный памфлетист), его сочинения как источники обладают неизмеримой ценностью. Также и по своей манере изложения они стоят на большой высоте. Продолжателя своих трудов Прокопий обрел в лице своего младшего современника *Агафия*, который в своем сочинении о Юстиниане описывает историю 552–558 гг.² К нему, в свою очередь, присоединяется *Менандр Протиктор*, очень важное, но, к сожалению, дошедшее только во фрагментах сочинение которого обнимает 558–582 гг.³ К нему в свою очередь примыкает *Феофилакт Симокатта*, который в восьми книгах излагает историю императора Маврикия (582–602)⁴. Так складывается непрерывная цепь сообщений: типичное явление также и для позднейшего византийского историописания. Характерным для всей византийской историографии является ее опора на образцы древнегреческого историописания, что в эту эпоху особенно проявляется у Прокопия, классически образованного подражателя Фукидида, а также и у Агафия и Симокатты. Этой связи с древней греческой традицией не в последнюю очередь следует приписать и то обстоятельство, что византийская историография в целом стоит на очень высокой ступени и намного превосходит западное средневековое историописание.

¹ О Прокопии и его сочинениях см. детальное исследование: *Rubin B. Prokopios von Kaisareia*. Stuttgart, 1954 (то же, с дополнениями: RE. Bd. XXIII/1 (1957). Sp. 273–599), где указана и вся более ранняя литература. См. тж. литературу в: *Moravcsik. Byzantinoturcica*. Bd. I. S. 496–500.

² *Agathiae Myrinaei. Historiarum libri quinque* / Ed. B.G. Niebuhr. Bonn, 1828. Русский перевод с подробным исследованием: *Агафий. О царствовании Юстиниана* / Пер. М.В. Левченко. М.; Л., 1953.

³ *Müller. FHG. T. IV. P. 69–100; T. V. P. 220–269; Excerpta de legationibus* / Ed. C. de Boor. 1903. P. 170–221, 442–477.

⁴ *Theophylacti Simocattae. Historiae* / Ed. C. de Boor. Leipzig, 1887. Русский перевод С.П. Кондратьева: *Феофилакт Симокатта. История*. М., 1957.

Рядом с историей в собственном смысле слова стоит второй, для Византии особенно характерный жанр исторического повествования — хронография. Всемирную хронику, которая доходит до последних лет царствования Юстиниана, написал *Иоанн Малала*¹. Другая, не полностью сохранившаяся хроника, которая, по-видимому, доходила до 610 г., вышла из-под пера *Иоанна Антиохийского*². О Феофане и прочих позднейших хронистах, сочинения которых отчасти имеют значение также и для ранневизантийской эпохи, пойдет речь в связи с последующими разделами.

Наше знание права и системы управления ранневизантийского времени прежде всего основывается на Кодексе Феодосия (*Codex Theodosianus*)³ и великом законодательном труде Юстиниана, из которого для византиноведов особенно важны Кодекс Юстиниана и новеллы⁴. О чиновной структуре ранневизантийского государства сообщают возникшие в первой половине V в. *Notitia dignitatum*⁵ и составленная в середине VI в. книга о магистратах *Иоанна Лиды*⁶. Только во фрагментах сохранились сочинения *Петра Патрикия*, который с 539 по 565 г. занимал пост магистра оффиций (*magister officiorum*)⁷. Особенно важны составленные им описания порядка венчания на царство в V и VI вв., которые Константин VII Багрянородный включил в свой трактат о церемониях (кн. I, гл. 84–95). К концу VI или началу VII в. относится знаменитый военный справочник, сохранившийся под названием «Стратегикон Маврикия» (или Псевдо-Маврикия).

¹ Далее при отсутствии дополнительных указаний издания текстов см. в Боннском корпусе византийских историков.

² *Müller*. FHG. T. IV. P. 535–622; T. V. P. 27–38.

³ *Theodosiani libri XVI cum Constitutionibus Sirmondianis et leges novellae ad Theodosianum pertinentes* / Ed. Th. Mommsen, P.M. Meyer. Berlin, 1905; 1954 (2. Aufl.). T. I–II.

⁴ *Corpus Iuris Civilis*. Vol. I/1: *Institutiones* / Ed. P. Krüger. Vol. I/2: *Digesta* / Ed. Th. Mommsen. Berlin, 1878; Vol. II: *Codex Justinianus* / Ed. P. Krüger. Berlin, 1906; Vol. III: *Novellae* / Ed. R. Schoell, G. Kroll. Berlin, 1912.

⁵ *Notitia dignitatum omnibus tam civilium quam militarium utriusque imperii* / Ed. O. Seeck. Berlin, 1876.

⁶ *Joannis Lydi De magistratibus populi Romani libri tres* / Ed. R. Wünsch. Leipzig, 1903. О времени создания этого сочинения прежде всего см.: *Stein*. *Bas Empire*. P. 729–734, 838–840.

⁷ См.: *Stein*. *Bas Empire*. P. 723–729.

Он важен не только для истории военного искусства византийцев, но и особенно для истории других народов (персов, тюрков, аваров, славян и антов, франков и лангобардов), о способе ведения войны которых, а также и о прочих обычаях здесь приводятся чрезвычайно ценные сведения¹.

Что касается нумизматического и сигиллографического материала, назовем здесь в качестве основных публикаций (в том числе и для последующих разделов) следующие: *Sabatier J.* Description générale des monnaies byzantines. Paris, 1862. 2 vol. (репринт: 1930); *Wroth W.* Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum. London, 1908. 2 vol.; *Толстой И.И.* Византийские монеты (Monnaies byzantines). СПб., 1912–1914. Вып. 1–9 [Вып. 10: Барнаул, 1991]; *Goodacre N.* Handbook of the Coinage of the Byzantine Empire. London, 1928–1933. 3 vol.; *Schlumberger G.* La sigillographie byzantine. Paris, 1884; *Панченко Б.А.* Каталог моливдовулов коллекции Русского Археологического Института в Константинополе // ИРАИК 8 (1903). С. 199–246; 9 (1904). С. 342–396; 13 (1908). С. 78–151; *Κωνσταντινόπουλος Κ.* Βυζαντιακά μολυβδόβουλλα. Ἀθήναι, 1917; *Laurent V.* Documents de sigillographie byzantine: La collection C. Orghidan. Paris, 1952. О рассеянных в специальной литературе отдельных публикациях монет и печатей, количество которых в последнее время быстро возрастает, см. приведенные на с. 15 (прим. 1) обзоры В. Лорана.

1. Христианизированная Римская империя

Общая литература: *Stein.* Geschichte, I; *Bury.* Later Roman Empire I²; *Piganiol.* Empire chrétien; *Seeck.* Untergang I–IV; *Lot.* Fin du Monde Antique; *Heichelheim F.* Wirtschaftsgeschichte des Altertums. Leiden, 1938. Bd. I. S. 766–859; Bd. II. S. 1191–1225; *Rostovtzeff.* Gesellschaft und Wirtschaft; *Mickwitz.* Geld und Wirtschaft; *Kornemann.* Weltgeschichte, II; *Bengtson H.* Griechische Geschichte. München, 1960 (2. Aufl.). S. 542 ff.; *Ensslin W.* The Reformes of Diocletian // САН. Vol. XII. 1939. P. 383–408; *Burckhardt J.* Die Zeit

¹ Единственное полное издание этого важного сочинения: *Arrianus.* Tactica et Mauricii Artis militaris libri duodecim / Ed. J. Scheffer. Upsala, 1664. О спорной атрибуции и датировке см.: *Moravcsik.* Byzantinoturcica. Bd. I. P. 417–418; ВИИНЖ. Т. I. С. 128.

Constantins des Großen. Stuttgart, 1929; *Schwartz E.* Kaiser Constantin und die christliche Kirche. Leipzig; Berlin, 1936; *Baynes N.H.* Constantine the Great and the Christian Church. London, 1929; *Piganiol A.* L'Empereur Constantin. Paris, 1932; *Grégoire H.* La «conversion» de Constantin // *Revue de l'Univ. de Bruxelles* 34 (1930–1931). P. 231–272; *Idem.* Nouvelles recherches constantiniennes // *Byz* 13 (1938). P. 551–593; *Álföldi A.* The Conversion of Constantine and Pagan Rome. Oxford, 1948; *Vogt J.* Constantin der Große und sein Jahrhundert. München, 1960; *Baynes N.H.* Constantine's Successors to Jovian // *CMH.* Vol. I. 1911. P. 24–54; *Allard P.* Julien l'Apostat. Paris, 1900–1903. 3 vol.; *Negri G.* L'imperatore Giuliano l'Apostata. Milano, 1902; *Geffcken J.* Kaiser Julianus. Leipzig, 1914; *Bidez J.* La vie de l'empereur Julien. Paris, 1930 (нем. перевод: München, 1940).

Римская государственность, греческая культура и христианская вера суть главные источники византийского развития. Без любого из этих трех элементов сущность Византии немыслима. Только синтез эллинистической культуры и христианской религии с римской государственной формой позволил возникнуть тому историческому зданию, которое мы обыкновенно называем Византийской империей. Этот синтез оказался возможен благодаря перемещению центра тяжести Римской империи на Восток, к чему привела кризисная эпоха III в. Свое наиболее наглядное проявление он нашел в христианизации *Imperium Romanum* и основании новой столицы на Босфоре. Оба эти события — победа христианства и окончательное перенесение центра государства на эллинизированный Восток — знаменуют собой начало византийской эры.

Византийская история — это прежде всего новая эпоха истории римской, а византийское государство — всего лишь продолжение старой Римской империи. Обозначение «византийский», как известно, является выражением поздним по времени, которого сами так называемые «византийцы» не знали. Они всегда называли себя римлянами (*Rωμαῖοι*), своего императора рассматривали как римского владыку, преемника и наследника древнеримских цезарей. Имя Рима очаровывало их во все времена, пока существовала их Империя, а римские государственные традиции до конца господствовали в политическом мышлении и воле¹. Разнородная в этническом отношении

¹ Ср.: *Dölger F.* Rom in der Gedankenwelt der Byzantiner // *ZKiG* 56 (1937). S. 1–42 (перепизд.: *Idem.* Byzanz u. d. europ. Staatenwelt. S. 70–115).

Империя держалась вместе благодаря римской государственной идее, а ее положение в окружающем мире определялось римской универсалистской идеей.

В качестве наследницы Римской империи Византия желала быть единственной Империей на земле: отсюда выдвигается притязание на обладание всеми землями, которые некогда принадлежали римскому «кругу» (*orbis terrarum*), а теперь представляли собой части христианской «вселенной» (ойкумены). Это притязание мало-помалу опровергалось суровой действительностью; однако государства, которые строились в пределах христианской ойкумены на старой римской территории рядом с римско-византийской Империей, ни в правовом, ни в идеологическом отношении не стояли с ней на одной ступени. Развивается сложная иерархия государств, на вершине которой стоит государь Византии как римский император и глава христианской ойкумены¹. Борьба за непосредственное господство над «римским миром» (*Orbis Romanus*) в ранневизантийское время и поддержание этой идеологической супрематии в средне- и поздневизантийский период становится стержнем, вокруг которого вращается политика Империи.

Как бы четко не осознавала Византия свою связь с древним Римом и как бы цепко — по идеологическим и по военно-политическим причинам — не держалась она за римское наследство, тем не менее она с течением времени все больше отдаляется от изначальных римских основ. В то время как в культуре и языке победно шествует эллинизация и одновременно все больше дает о себе знать оцерковление византийской жизни, развитие в экономической, социальной и политической сфере неизбежно приводит к тому, что создается новый экономический и социальный порядок, и уже в раннем Средневековье возникает в сущности новое государственное образование с новой системой управления. В противоположность некогда расхожему мнению, развитие византийского государства отличалось сильнейшей динамикой. Все находилось здесь в движении, в постоянной перестройке и созидании. В конце своего исторического развития Империя византийцев уже не имела ничего общего с прежней

¹ Cp. *Ostrogorsky G.* Die byzantinische Staatenhierarchie // SK 8 (1936). S. 41 ff. Тж.: *Dölger F.* Die «Familie der Könige» im Mittelalter // HJb 60 (1940). S. 397 ff. (= Byzanz und die europäische Staatenwelt. S. 34 ff.).

Римской империей, кроме названия и традиций с их неосуществимыми притязаниями.

В ранневизантийское время Империя, напротив, еще действительно являлась Римской империей и вся ее жизнь была пронизана римскими элементами. Эта эпоха, которую можно называть как ранневизантийской, так и позднеримской, в равной степени принадлежит и римскому, и византийскому развитию, охватывая три первых века византийской либо же три последних века Римской империи. Это типичная переходная эпоха, которая ведет нас от Римской империи к средневековой византийской и в которой старые римские формы жизни постепенно отмирают, а новые византийские все сильнее прорываются на поверхность.

Исходный пункт развития Византии задает Римская империя, какой она вышла из кризиса III века. Экономический упадок кризисного периода особенно опустошительно сказался в западной части Империи. Восток продемонстрировал большую силу сопротивления — обстоятельство, которое определит последующее развитие и объясняет «византинизацию» Римской империи. Тем не менее Восток тоже прошел через тот же самый кризис, который был общим кризисом и государственной системы позднего Рима, и его рыхлой экономической и социальной структуры. Экономический коллапс, сопровождавшийся тяжелыми социальными и политическими потрясениями, не миновал и восточную часть Империи. Если на Востоке уменьшение количества населения меньше бросалось в глаза, а упадок городской жизни и городской экономики был далеко не так безнадежен, как на Западе, то все же недостаток рабочей силы представлял собой бедствие, которое сказывалось на экономической жизни всей Империи, и по всей Империи был заметен упадок ремесла и торговли. В самом деле, кризис III в. означал крушение античной городской культуры¹. Общим явлением стало постоянное расширение латифундий. На всей территории Империи крупные частные земельные владения неудержимо росли в ущерб мелкому землевладению и государственным доменам. Следствием упадка мелкого земельного владения было прогрессирующее прикрепление крестьян

¹ Cp.: *Rostovtzeff. Gesellschaft und Wirtschaft. Bd. II. S. 238 ff.*; *Jones A.H.M. The Greek City from Alexander to Justinian. Oxford, 1940. P. 85 ff.* См. тж.: *Bengtsson H. Griechische Geschichte. München, 1960 (2. Aufl.). S. 534 ff., особенно 542–544.*

к земле, которое дополнительно ускорялось из-за острой нехватки рабочей силы. Закрепощение крестьянства было, тем не менее, всего лишь частным эпизодом общего принудительного закрепления людей за их профессией, которое позднеримское государство со времени кризиса III в. практиковало систематически. Принудительная экономика, однако, составляет основу административного государства (Zwangsstaat).

Римский принципат канул в лету в бурях кризисной эпохи и был заменен доминатом Диоклетиана, из которого развилось византийское самодержавие. Старый муниципальный порядок римских городов находился в глубоком упадке. Все государственное управление сконцентрировалось в руках императора и его аппарата чиновников, который, широко разросшись, становится стовым хребтом византийского административного государства. Система римских магистратов уступает место византийской бюрократии. Император более уже не является верховным магистратом, но олицетворяет собой деспотическую власть, и эта власть опирается уже не столько на земные факторы могущества, сколько на волю Божию, ибо эпоха кризиса с ее тяжелыми бедствиями и испытаниями знаменует собой эру религиозности и обращения к миру иному.

Впрочем, понятие суверенитета народа не отрицает полностью: и сенат (синклит), и городское население, организованное в партии ипподрома (димы — δῆμοι), и войско представляют собой политические силы, в которых император в ранневизантийское время видит реальное ограничение своей власти¹. Но все же постепенно значение этих коренящихся в римском прошлом факторов ослабевает перед императорским всевластием. Наоборот, Церковь в качестве духовной силы со временем приобретает в христианском государстве все больший вес. Если в ранневизантийское время император распоряжается в церковной сфере почти неограниченно, рассматривая религию своих подданных, согласно римским принципам, как часть публичного права (*ius publicum*), то в Средние века Церковь в Византии по необходимости занимает место важного фактора власти и именно в ней вырастают для императорского могущества наиболее серьезные ограничители. Это демонстрируют нередкие в том числе и в Византии столкновения между светской и церковной властью,

¹ Ср.: *Bury. Constitution*. P. 5–6.

в которых победа не всегда остается на стороне императора. И все же для Византии характерным было не столько напряжение в отношениях между царством и священством, сколько тесное внутреннее сплочение православного государства и Православной Церкви, создающее единый государственно-церковный организм. Характерным является переплетение интересов обеих властей и их целеустремленное сотрудничество в борьбе против покушений на богоустроенный мировой порядок, предпринимают ли их внутренние или внешние враги императора либо же подрывные силы враждебных Церкви ересей. Однако такой союз неизбежно ставит Церковь под опеку могущественной императорской власти. Таким образом, доминирование императорской власти над церковной остается в Византии во все времена типичным и, так сказать, нормальным положением вещей.

Император является не только верховным главнокомандующим войска, верховным судьей и единственным законодателем, он также является защитником Церкви и правой веры. Он — избранник Божий и в качестве такового — не только государь и повелитель, но и олицетворение врученной ему Богом христианской Империи. Вознесенный над земной человеческой сферой, он стоит в прямых отношениях с Богом и становится объектом своеобразного политикорелигиозного культа. Изо дня в день этот культ практикуется при императорском дворе во впечатляющих церемониальных действиях при участии духовенства и всего штата придворных. Он находит свое выражение во всяком изображении, которое воспроизводит христолюбивого владыку, на всяком предмете, который окружает его священную персону, в каждом слове, которое он произносит публично или которое говорится ему¹. Подданные суть его рабы. Всякий раз, когда им позволяется лицеизреть его, все они, не исключая и наиболее

¹ Alföldi A. Die Ausgestaltung des monarchischen Zeremoniells am römischen Kaiserhofe // MDAIR 49 (1934). S. 1–118; *Idem*. Insignien und Tracht der römischen Kaiser // Ibid. 50 (1935). S. 1–171; *Treitinger*. Kaiseridee (см. тж. краткое резюме: Vom oströmischen Staats- und Kaisergedanken // Leipziger Vierteljahrschrift für Südosteuropä 4 (1940). S. 1 ff.); *Grabar*. Empereur; *Dölger F.* Die Kaiserurkunde der Byzantiner als Ausdruck ihrer politischen Anschauungen // HZ 159 (1939). S. 234–250 (перевод: *Idem*. Byzanz und der europäische Staatenwelt. S. 9–30); *Straub J.* Vom Herrscherideal in der Spätantike. Stuttgart, 1939; *Ensslin W.* Gottkaiser und Kaiser von Gottes Gnaden. München, 1943; cp.: *Idem*. Das Gottesgnadentum des automatischen Kaisertums der frühbyzantinischen Zeit // SBN 5 (1939). S. 154–166; *Bréhier*. Institutions. P. 52 sv.

высокопоставленных, приветствуют его посредством проскинезы, простираясь пред ним ниц. И все же великолепие византийского придворного церемониала, так же, как и выражающееся в нем императорское всемогущество, имеют свои основы в римско-эллинистическом мире¹. Из этих основ, пронизанных восточными элементами, вырастает особая роскошь византийского императорского двора и те намекающие на их восточное происхождение черты Византийской империи, которые впоследствии получают еще более сильное выражение благодаря заимствованиям с Востока — у империи Сасанидов и арабского халифата².

С греческим миром византизм связан не только генетически, но еще и посредством глубокого сущностного родства. Как и эллинизм, византизм является унифицирующей, уравнивающей духовной силой. Обоим присуща эпигонская, эклектическая черта, византизму даже в большей степени, чем эллинизму. Тот и другой живут наследием более крупных и творческих культур, и исторические достижения и в том и в другом случае заключаются не столько в собственном творчестве, сколько скорее в синтезе. Как и человек эллинизма, византиец как культурный тип также является эклектиком. Но как эклектизм бывает лишен подлинной духовной свежести, как подражание может зачастую опопшлять смысл и содержание образца и изначальную красоту превращать в пустую условную риторику, в той же степени истинно и то, что любовное сбережение античного культурного наследия, работа о римском праве и греческом образовании являются великим

¹ Alföldi. Op. cit.; Treitinger. Kaiseridee.

² Эти непосредственные влияния Востока имеют, тем не менее, второстепенное значение: они никогда не были для византийской культуры определяющими в том масштабе, в каком ее определяло римское и греческое наследие, а также христианство — не просто как влияния, но как исходные элементы бытия. Нельзя по достоинству оценить своеобразие и сложность византийского развития, если пытаться характеризовать его, как это часто случается, посредством неопределенного понятия «ориентализация» и видеть в Византии всего лишь «ориентальную» империю. Моя отрицательная позиция относительно этой точки зрения в первом издании настоящей книги создала у некоторых рецензентов впечатление (см., напр., прекрасное обсуждение: Gerstinger H. // WZKM 48 (1941). S. 312–317), что я недооцениваю значения восточных элементов в византийской истории, — недоразумение, основная часть вины за которое лежит на многозначности понятия «восточный / ориентальный», а также, пожалуй, и на краткости соответствующих замечаний с моей стороны, которые я на последующих страницах постараюсь изложить яснее.

историческим достижением Византии¹. Две вершины и одновременно два противоположных полюса античности — греческий и римский миры — вместе прорастают на византийской почве, их наивысшие проявления, римская государственность и греческая культура, соединяются в новый живой синтез и нерасторжимо связываются с христианством, в котором старое государство и старая культура некогда находили свое полное отрицание. Христианская Византия не отвергает ни языческого искусства, ни языческой мудрости. Как римское право во все времена остается основой права и правового сознания византийцев, так же и греческая культура остается во все времена основой их интеллектуальной и духовной жизни. Греческая наука и философия, греческая историография и поэзия принадлежат к образовательному багажу даже самого благочестивого из византийцев. Сама византийская Церковь усваивает идейное наследие античной философии и использует ее понятийный аппарат при формировании христианской догматики.

Приверженность античным традициям была особым источником силы Византийской империи. Опираясь на традиции греческой культуры, Византия на протяжении столетий представляла собой наиболее значительный культурный и образовательный центр мира. Опираясь на традиции римской государственности, она как государство занимала в средневековом мире выдающееся положение. Византийское государство располагало уникальным административным механизмом с разветвленным, вышколенным аппаратом чиновников, оно владело превосходной техникой ведения боевых действий, зрелой правовой культурой, высокоразвитой экономической и финансовой системой. В его распоряжении были огромные богатства, все более крепкой становилась финансово-экономическая основа его государственного бюджета. Этим византийское государство принципиально отличается от остальных стран поздней античности и Средневековья с их примитивным натуральным хозяйством. На денежном богатстве основывается, в свою очередь, могущество и авторитет Византии, платежеспособность которой в лучшие времена казалась просто неисчерпаемой. Обратной стороной этого, разумеется, является без-

¹ Об эллинистических традициях в культуре и образовании см. основательное исследование: *Jenkins R.J.H. Byzantium and Byzantinism. Lectures in Memory of L. Taft Semple. The University of Cincinnati, 1963. P. 8 ff.*

жалостный фискальный пресс этого государства, которое все и вся подчиняло финансовым потребностям. Его прекрасно выстроенный административный аппарат также был инструментом самой безоглядной эксплуатации¹. Высококвалифицированный штат византийских чиновников, становой хребет бюрократического государства, отличался страшной коррумпированностью. Ставшие притчей во языцех взяточничество и стяжательство византийского чиновничества всегда были для населения тягчайшим бичом. Богатство и высокая культура государства были достигнуты в обмен на страдания народных масс, их бесправие и несвободу.

Новые отношения, которые создала кризисная эпоха III в., нашли свое выражение в больших реформах Диоклетиана. Диоклетиан, подведя итог предшествующему развитию и приведя в систему произошедшие изменения, провел основательную реорганизацию всего управления Империей. Реформы Диоклетиана были развиты и усовершенствованы Константином Великим, и таким образом возник порядок управления, от которого берет начало византийская административная система². В своих существенных чертах система Диоклетиана и Константина просуществовала все ранневизантийское время. Ее основные принципы — самодержавие императорской власти, централизация и бюрократизация государственного организма, — тем не менее, сохранялись все то время, что существовало византийское государство.

В основе мероприятий Диоклетиана и Константина, несомненно, лежит намерение укрепить поколебленный во времена смут авторитет императора и увеличить могущество самодержца. Отсюда стремление не только ограничить влияние сената и прочих коренящихся в республиканском прошлом Рима факторов, но также точно

¹ Бессмысленно отрицать это, как это делает И. Караяннопулос: *Karayannopoulos J.* Das Finanzwesen des frühbyzantinischen Staates. München, 1958. Ср. мою рецензию: *Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte* 47/2 (1960). S. 258 ff.

² Далее прежде всего см.: *Seeck.* Untergang. Bd. II. S. 59 ff.; *Bury.* Later Roman Empire. Vol. I². P. 18 ff.; *Lot.* Fin du monde antique. P. 99 sv.; *Rostovtzeff.* Gesellschaft und Wirtschaft. Bd. II. S. 210 ff.; *Stein.* Geschichte. Bd. I. S. 98 ff., 168 ff.; *Ensslin W.* The Reforms of Diocletian // *CAH.* Vol. XII. 1939. P. 383 ff.; *Kornemann.* Weltgeschichte. Bd. II. S. 247 ff.; *Piganiol.* Empire chrétien. P. 275 sv.; *Vögt.* Constantin der Große und sein Jahrhundert. 1960². S. 95 ff.

определить полномочия отдельных властных групп и таким образом предотвратить чрезмерное сосредоточение власти где бы то ни было. Гражданское и военное управление, а также центральное и провинциальное тщательно отграничиваются друг от друга. Отдельные ветви управления сводятся воедино в лице императора, который стоит во главе иерархически выстроенного государства и из центра управляет всем государственным аппаратом.

Впрочем, ввиду огромного размера Империи, предпринимается разделение ее территории и власти императора для того, чтобы обеспечить по возможности наибольшую эффективность императорского контроля. Опираясь на известный уже в более раннее имперское время институт совместного правления¹, Диоклетиан создает коллегия правителей, состоящую из четырех членов, в которую входили два августы и два цезаря. Один из августов должен был повелевать в восточной, а другой в западной части Империи. Рядом с каждым из них стоял один цезарь, который, не состоя с августом в отношениях кровного родства, а лишь приближенный путем усыновления, должен был избираться с учетом личных способностей. После отставки августов на их место должны были заступить цезари, восполнив тетрархию назначением двух новых цезарей. Впрочем, следствием этой слишком логически выстроенной системы стали бесконечные гражданские войны. Из кровавой борьбы вышел победителем и достиг единодержавного правления Константин Великий, который вновь воссоздал многочисленное соправительство, предприняв новое разделение территории Империи. Он, впрочем, отказался от искусственного выборного принципа, введенного Диоклетианом, и на сей раз разделил Империю между своим потомством; однако даже семейное правление сыновей Константина привело к тяжелым и кровавым осложнениям. Тем не менее системы разделения Империи придерживались и далее, и наличие нескольких человек у власти было правилом и впоследствии.

Предпринятое Диоклетианом реформирование провинциального управления подвело черту под особым положением Италии и ликвидировало ставшее бессмысленным разделение провинций на императорские и сенатские. Впредь управление всеми провинциями было подчинено только императору, и подобно всем остальным ча-

¹ Ср.: Kornemann. Doppelprinzipat.

стям Империи Италия, некогда страна-владычица, была разделена на провинции и подвергнута налогообложению. Не менее показательным является и то, что более крупные провинции были разделены на меньшие по площади. Так, количество провинций значительно возросло: со времени Диоклетиана в Империи насчитывалось приблизительно 100, с V столетия — даже более 120 провинций. Далее, Диоклетиан разделил территорию Империи на 12 диоцезов; к концу IV в. их количество возросло до 14¹. И наконец, при Константине Империя была разделена на префектуры, так что каждая префектура насчитывала несколько диоцезов, а каждый диоцез — достаточно большое количество провинций; таким образом, провинции были подразделениями диоцезов, а диоцезы — подразделением префектур: централизованная, иерархически устроенная административная система. Размеры и количество префектур поначалу колебались, и только с конца IV в. их границы стали твердо очерченными.

Огромная префектура Восток (*praefectura praetorio per Orientem*), которая состояла из пяти диоцезов — Египта, Востока, Понта, Асианы и Фракии, охватывала Египет с Ливией (Киренаикой), Переднюю Азию и Фракию. С ней граничила префектура Иллирик (*praefectura praetorio per Illyricum*), которая была составлена из диоцезов Дакии и Македонии, т.е. охватывала Грецию и Средние Балканы. К италийской префектуре (*praefectura praetorio Illyrici, Italiae et Africae*) относились, кроме Италии, большая часть латинской Африки и, с другой стороны, Далмация, Паннония, Норик и Реция. Галльская префектура (*praefectura praetorio Galliarum*) состояла из римской Британии, Галлии, Иберийского полуострова и противолежащей ему восточной части Мавритании. Таким образом, каждая из префектур распространялась на территорию, которую занимают многие современные государства. Во главе каждой префектуры стоял префект претория, иногда должность занимали на коллегиальной основе два префекта. Префект претория Востока, который имел резиденцией Константинополь, и префект претория Италии были высшими чиновниками

¹ Из диоцеза Востока был выделен самостоятельный диоцез Египта, а диоцез Мёзий был разделен на диоцезы Дакии и Македонии, которые впоследствии составили префектуру претория Иллирика (см. ниже с. 95). Ср.: *Bury. Later Roman Empire. Vol. I². P. 28 ff.*; *Kornemann E. Dioecesis // RE 5 (1905). S. 727–784; Weltgeschichte. S. 254 ff.*, с приложением хороших карт XIX и XXI.

Империи; за ними следовали префекты претория Иллирика, который сидел в Фессалонике, и префект претория Галлий.

Главным признаком системы управления Диоклетиана и Константина было принципиальное разделение военной и гражданской власти. Гражданская власть в провинции подчинялась теперь исключительно наместнику провинции, а военная — дуксу (*dux*), который был командующим в одной или в нескольких провинциях. Этот принцип был тщательным образом проведен в жизнь во всем провинциальном управлении. Даже префектура претория, единственный орган управления, который еще при Диоклетиане обладал как военными, так и гражданскими полномочиями, при Константине окончательно утратила свой некогда военный характер и превратилась в чисто гражданское ведомство. В качестве такового на протяжении всего ранневизантийского периода она обладала чрезвычайно широкими полномочиями¹.

Полнота власти, которой префекты претория обладали в качестве императорских наместников и которую стремились дополнительно расширить в конкуренции с органами центрального управления, является характерной чертой ранневизантийского административного устройства, в известном смысле являющейся символом всей системы. С другой стороны, императорская власть все время стремилась ограничить власть префектов претория, сужая круг их компетенции, выдвигая против них их викариев — правителей диоцезов и прежде всего расширяя за счет их полномочий компетенцию некоторых органов центрального правительства. В этой внутренней борьбе отдельных органов правительства друг против друга заключается динамический момент развития ранневизантийской административной системы.

Рим и Константинополь были изъяты из зоны действия префектов претория и подчинялись своим собственным городским префектам. Эти последние после префектов претория занимали среди всех имперских чиновников наивысшее положение. Городской префект считался высшим представителем сената и в известном смысле был воплощением того, что еще сохранялось от старых республиканских традиций городской жизни. Он был единственным импер-

¹ См.: *Stein*. Geschichte. Bd. I. S. 53 ff.; *Idem*. Untersuchungen über das Officium der Prätorianerpräfektur seit Diokletian. W., 1922; *Palanque J.R.* Essai sur la préfecture du prétoire au Bas-Empire. Paris, 1933.

ским чиновником, который носил не военную форму, а римское гражданское одеяние — тогу. Префект, или эпарх, Константинополя (ὁ ἑπαρχὸς τῆς πόλεως) не только в ранневизантийское, но и в более позднее время играл ведущую роль в жизни византийской столицы. Ему подчинялось судопроизводство в Константинополе, он должен был заботиться о поддержании спокойствия и порядка в городе и его снабжении продовольствием: вся экономическая жизнь столицы, ее торговля и ремесла находились под его контролем.

Если самоуправление Константинополя и Рима уже представляло собой чувствительное ограничение полноты власти префекта претория, то еще более ограничена она была благодаря созданию в эпоху Константина Великого центрального управления. Влиятельнейшим чиновником центрального аппарата стал магистр оффиций (*magister officiorum*)¹. Будучи сначала скромным чиновником, он достиг большого могущества, причем прежде всего за счет власти префекта претория. Его наблюдению подлежали все службы (*officia*) Империи, т.е. практически вся имперская администрация, включая и администрацию префектов, поскольку службы, канцелярии отдельных административных учреждений с их бесчисленными служащими и были, собственно, шестеренками бюрократической управленческой машины. В его собственную службу входили *agentes in rebus*, которые в качестве императорских курьеров и одновременно государственных агентов объезжали провинции, а в качестве *curiosi* исполняли службу осведомителей, следя за деятельностью и настроениями в среде чиновничества и подданных. Они составляли собой весьма обширный корпус, который в середине V в. только в восточной части Империи насчитывал 1200 человек. На магистра оффиций была возложена также и забота о личной безопасности императора, и потому он командовал подразделениями лейб-гвардии, называемыми *scholae palatinae*. В качестве верховного церемониймейстера он ведал всеми церемониями императорского двора, и отсюда проистекала его другая важная для государства функция: он принимал иностранные посольства и управлял прочими сношениями с зарубежными державами. И наконец, с конца IV в. он ведал почтовой службой Империи (*cursus publicus*), которая первоначально была подчинена префекту претория.

¹ См.: *Book A.E.R. The Master of the Offices in the Later Roman and Byzantine Empires. New York, 1924.*

Наряду с магистром оффиций важнейшим чиновником центрального правительства со времен Константина Великого был квестор (*quaestor sacri palatii*). Он был начальником службы юстиции, к кругу его компетенции относилась разработка законов, им контрастировались императорские указы. Начальниками финансового управления были два управляющих — фиска (*fiscus*) и частных императорских имуществ (*res privatae*), которые со времени Константина назывались комитом священных щедрот (*comes sacrarum largitionum*) и комитом частных имуществ (*comes rerum privatarum*). Их значение, правда, было сильно ограничено в силу того, что в провинциях Империи важнейший налог — аннона (*annona*) — относился к компетенции префектов претория.

Поскольку все, что окружало личность императора, приобретало повышенное значение, то возросло и значение ведомства священной опочивальни (*sacrum cubiculum*), в ведение которого входило управление личным домашним хозяйством императора, особенно же — забота о императорском гардеробе (*sacra vestis*). Препозит священной опочивальни (*praepositus sacri cubiculi*) был одним из высших и влиятельнейших сановников. Если скипетр находился в руках слабого властителя, то начальник его «спальных покоев» зачастую оказывался могущественнейшим человеком Империи. Под влиянием восточных обычаев препозиты священной опочивальни почти всегда были евнухами, из евнухов также состояли по большей части и подчиненные ему личные слуги императора¹.

Сложившийся уже при Константине сенат, или синклит, Константинополя представлял собой главным образом совещательный орган. Поскольку уже в римское время сенат, ослабленный растущим императорским абсолютизмом, по большей части утратил свое прежнее значение, в Византии круг его полномочий по понятным причинам сократился еще больше. Тем не менее он не полностью и не сразу утратил свои конституционные и законодательные функции, и прошло немало времени, прежде чем его прежний блеск полностью угас.

Много веков синклит Константинополя, хотя уже и будучи тенью древнего римского сената, играл в византийской государственной жизни

¹ *Dunlap A.S.* The Office of the Grand Chamberlain in the Later Roman and Byzantine Empires. New York, 1924; *Guilland R.* Les eunuques dans l'Empire byzantin // *Études byzantines* 1 (1943). P. 196–238; *Guilland R.* Fonctions et dignités des eunuques // *Études byzantines* 2 (1944). P. 185–225; 3 (1945). P. 179–214.

ни заметную роль¹. Хотя воля императора была решающей, сенат все же продолжал действовать в качестве консультативного законодательного органа и иногда выступал в качестве места оглашения законов. Он издавал положения (*senatus consulta*), которым император, если находил их приемлемыми, придавал силу закона. Некоторые законы зачитывались в сенате перед их утверждением. Также сенат по императорскому распоряжению мог выступать в качестве верховного суда. Важнейшим же являлось то, что при смене на престоле сенат имел право избрания и утверждения нового императора. Рядом с императором сенат значил немного: тем большим оказывается его значение в случае вакансии престола. Правда, голос сената оказывался весомым не при каждой перемене власти. Если император заранее называл преемника или же короновал соправителя, его утверждение сенатом было вопросом формальным. Если же наступала вакансия престола, то в том случае, если не был назначен преемник и он не мог быть избран в лице представителя или представительницы императорской фамилии, решение о замещении престола принадлежало сенату и предводителям войска.

Изначально членами константинопольского сената в силу наследственного права были потомки сенаторских родов Рима, и хотя уравнивание в правовом отношении сената Константинополя с римским произошло лишь при Констанции, уже Константин Великий смог в большом числе переманить представителей римской сенатской аристократии в Константинополь. В дальнейшем доступ в византийский сенат получали главным образом имперские чиновники трех высших классов: иллюстрии, спектабили и клариссимы (*illustris, spectabilis, clarissimus*). Как правило, сенаторы, происходили ли они из старой родовой аристократии или же из новой чиновной знати, были крупными землевладельцами. Именно в этом и в их положении на императорской службе, а не в принадлежности к сенатскому совету заключался вес этого высшего социального слоя. Большинство сенаторов, число которых уже к середине IV в. достигало почти 2000, предпочитали жить в своих поместьях. В качестве активных членов сената действовали фактически только представители высшей и в численном отношении наименьшей группы — *illustres*, к которым относились высшие чиновники Империи.

¹ О византийском сенате см. основательное исследование: *Χριστοφιλοπούλου Α. Ἡ σύγκλητος εἰς τὸ Βυζαντινὸν κράτος. Ἀθήναι, 1949.*

Впрочем, с середины VI в. высшие сановники стали носить вновь введенный титул — *gloriosi*. Растущая щедрость императора при раздаче титулов привела со временем к снижению ценности обозначений высокого достоинства. Поскольку титул *clarissimus* давался все чаще и распространялся на все более широкие круги, то его носители переместились в ранг *spectabiles*, а прежние носители этого титула поднялись до *illustres*, и потому для прежних *illustres* пришлось создавать более высокий ранг, *gloriosi*. Это — типичный пример обесценивания титулов, которому было суждено в поздневизантийский период случиться в еще больших масштабах¹.

Наряду с сенатом в качестве более узкого совещательного органа стоял священный консисторий (*sacrum consistorium*) — видоизменившийся прежний совет принцепса (*consilium principis*). Постоянные члены этого совета, комиты консистория (*comites consistorii*), выходили из рядов высших чиновников центральной администрации. Время от времени для участия в совещаниях привлекали и сенаторов, которые не принадлежали к консисторию. Префекты претория, первоначально важнейшие члены императорского совета, напротив, выбыли из него. Своим новым именем коронный совет обязан тому обстоятельству, что его члены должны были стоять в присутствии императора (*consistere*). Еще более своеобразный свет на отношение совета к своему владыке проливает то обстоятельство, что его «заседания» назывались *silentium* (молчание) или же, если в них принимали участия сенаторы, *silentium et conventus*. Это красноречивое обозначение стало в более позднее время названием императорского совета, однако позднейшее *σιλέντιον* не представляло собой постоянного органа, а созывалось императором при необходимости принимать решения по важным государственным или церковным делам². Под *κοινιστώριον*, напротив, в средневековой Византии понимался всего лишь церемониальный выход высших сановников во время празднеств при императорском дворе³.

¹ О ранневизантийских титулах см.: *Guilland R. Études sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin* // ЗРВИ 8/1 (1963). С. 117–133.

² *Χριστοφιλοπούλου Αί. Σιλέντιον* // BZ 44 (1951). S. 79–85.

³ См.: *Ebersolt J. Le Grand Palais de Constantinople et le Livre des cérémonies*. Paris, 1910. P. 40, n. 2. Изложение в кн.: *Vogt A. Constantin Porphyrogénète. Le Livre des cérémonies. Commentaire*, I. Paris, 1935. P. 126 — страдает неясностью, поскольку Фогт, как кажется, не заметил, что выражение *ἵστανται κοινιστώριον* (а не *κοινιστωρίῳ*, как

В то время как государственный организм благодаря реформам Диоклетиана и Константина стал выглядеть упорядоченным, а государственная власть укрепившейся, широкие народные массы, как и прежде, находились в жалком положении. Колоны, которые составляли большинство крестьянства и были на селе ведущей силой производительного процесса в позднеримском государстве, все больше оказывались в состоянии наследственного прикрепления к земле. Благодаря налоговому законодательству Диоклетиана это развитие еще ужесточается и ускоряется. Прежние денежные подати потеряли свое значение вследствие крушения денежной системы. Отсюда получили повышенное значение натуральные выплаты. Эти чрезвычайные выплаты кризисного времени Диоклетиан превратил в долгосрочное учреждение. Возникшая таким образом аннона (annona) становится на будущее время важнейшим налогом и главным источником дохода для римского бюджета. Его бремя при этом несло только сельское население. Согласно диоклетиановой системе *capitatio — iugatio*, подушный и поземельный налог как основные составные части анноны согласуются друг с другом¹. Единицу налогообложения составляет, с одной стороны, участок земли определенной величины и качества (*iugum*), а с другой — человек, который ее обрабатывает (*caput*). При расчете налога *iugum* и *caput* считаются раздельно², но поскольку

Фогт пишет в тексте, — I. P. 90.13) в гл. 16 также встречается во многих других местах «Книги церемоний».

¹ Вопрос относительно налоговой системы Диоклетиана обсуждался много. См. особенно: *Seeck O.* Die Schatzordnung Diocletians // *Zeitschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte* 4 (1896). S. 275 ff.; *Leo F.* Die capitatio plebeia und die capitatio humana im römisch-byzantinischen Staatsrecht. Berlin, 1900; *Thibault F.* Les impôts directs sous le Bas Empire romain // *Revue générale du droit* 23 (1899). P. 289 sv., 481 sv.; 24 (1900). P. 32 sv., 112 sv.; *Piganiol A.* L'impôt de capitation sous le Bas-Empire romain. Chambéry, 1916; *Lot F.* L'impôt foncier et la capitation personnelle sous le Bas-Empire et à l'époque franque. Paris, 1928; *Bott H.* Die Grundzüge der diokletianischen Steuerverfassung. Diss. Frankfurt, 1928; *Stein.* Geschichte. Bd. 1. S. 109 ff.; *Rostovtzeff.* Gesellschaft und Wirtschaft. Bd. II. S. 221 ff.; *Ensslin W.* The Reforms of Diocletian // *CAH XXI* (1939). P. 399 ff.; *Déléage A.* La capitation du Bas Empire. Macon, 1945; *Jones A.H.M.* Capitatio and iugatio // *Journal of Roman Studies* 47 (1957). P. 88–94; *Karayannopoulos J.* Das Finanzwesen des frühbyzantinischen Staates. München, 1958. S. 28–43. См. тж. следующую сноску.

² Это следует из указа 297 г. Ср.: *Boak A.E.R.* Early Byzantine Papyri from the Cairo Museum // *Etudes de papyrologie* 2/1 (1933). P. 4–22; *Piganiol A.* La capitation de Dioclétien // *Revue historique* 176 (1935). P. 1–13. Новые открытия, которые помог

iugum не может быть обложен, если ему не соответствует *caput*, то по диоклетиановой системе также и *caput* только тогда может быть обложен анноной, когда с ним соотносится определенный *iugum*. Отсюда по необходимости фиск стремится установить равновесие между *iugum* и *caput*, т.е. для каждого имеющегося в наличии *iugum* найти *caput*. При сильной депопуляции Империи и недостаточной оседлости крестьян, гонимых с одного места на другое нуждой и нестабильностью, это было непростой задачей, и потому государство прилагало все силы к тому, чтобы обнаружившийся *caput* закрепить за указанным ему *iugum*. Так диоклетианова система *capitatio — iugatio* внесла вклад в то, что все более широкие слои сельского населения стали терять свободу передвижения. Горожанин, который не владел земельным участком, не облагался анноной и тем самым поначалу находился в более выгодном положении. Однако уже с Константина на торговое и ремесленное городское население было возложено бремя уплаты очень тяжелого, выплачиваемого в золоте налога — *auri lustralis collatio*.

Недостаток сельскохозяйственной рабочей силы дал начало также весьма важному для византийской податной системы принципу ἐπιβολή (*adiectio sterilium*). Он возник в Египте, где уже в птолемеевское время лежащая неводеланной государственная земля принудительно передавалась частным землевладельцам для обработки, а на ее получателей возлагалась обязанность платить налоги за полученный участок. С конца III в. эта система нашла применение на всей территории Империи и впредь касалась не только государственных имений, но и запустевших земель частных владельцев.¹

Римская денежная система пришла в III в. в полный упадок. Последствием был не только чрезвычайно большой рост цен, но также прогрессирующий переход к меновой торговле и натуральному хозяйству². На Западе доминирует натуральное хозяйство, которое

сделать опубликованный Боуком (Boak) и частично переизданный и переведенный на французский язык Пиганьолем текст, касаются лишь техники расчета налога и ни в коей мере не касаются сделанного на материале других источников вывода о том, что система *capitatio — iugatio* является единой системой налогообложения. Ср. такое суждение: *Stein. Bas Empire*. P. 199, n. 2.

¹ *Rostowzew M. Studien zur Geschichte des römischen Kolonates // Archiv für Papyrusforschung. Beiheft 1 (1910). S. 57–58, 195, 329–330; Monier. Épirolé.*

² *Rostovtzeff. Gesellschaft und Wirtschaft. Bd. II. S. 177 ff.; Lot. Fin du monde antique. P. 62 sv.*

впоследствии в новых средневековых государствах становится господствующей формой хозяйствования, несмотря на то что определенные элементы денежной экономики продолжают сохраняться еще достаточно долгое время. На экономически более сильном Востоке денежная экономика вскоре вновь получает преобладание, хотя формы натурального хозяйства продолжают существовать достаточно долго. Укрепление денежной системы на византийской территории наиболее ясно проявляется в том, что аннона, а также прочие натуральные подати во все растущем размере подвергаются адерации, т.е. переводятся на деньги¹. Уже Константин Великий смог создать новую, очень стабильную денежную систему. Основу этой денежной системы составлял золотой солид (solidus), нормальным содержанием золота в котором было 4,48 г, так что в фунте золота насчитывалось 72 солида. Наряду с ним имелась серебряная силиква (siliqua), которая весила 2,24 г, и поскольку соотношение цены серебра и золота составляло 1 : 12, то она представляла собой 1/24 часть солида. Эта монетная система проявила уникальную устойчивость. Целое тысячелетие солид Константина (греч. νόμισμα, позднее ὑπέρπυρον) был основой византийской монетной системы и в течение многих столетий пользовался наибольшим авторитетом в мировой торговле. Хотя и его не миновали кризисы², однако его ценность стала ощутимо снижаться лишь в XI в., когда и сама Империя стала клониться к закату.

Коренные преобразования коснулись во времена Диоклетиана и Константина также и военного устройства³. Армия более раннего императорского времени в сущности была пограничной армией. Почти все вооруженные силы были распределены в качестве гарнизонов крепостей вдоль бесконечно протянувшихся римских границ. Не хватало

¹ Особенно познавательным для этой проблемы является следующее важное сочинение: *Geiss H.* Geld- und naturalwirtschaftliche Erscheinungsformen im staatlichen Aufbau Italiens während der Gotenzeit. Diss. Breslau, 1931.

² Ср.: *Mickwitz.* Geld und Wirtschaft; *Bratianu.* Études byzantines. P. 59 sv.; *Segrè A.* Inflation and its Implication in Early Byzantine Times // *Byz* 15 (1940–1941). P. 249–279.

³ Ср.: *Mommsen Th.* Das römische Militärwesen seit Diocletian // *Hermes* 24 (1889). S. 195–279; *Grosse.* Römische Militärgeschichte; *Maspero J.* Organisation militaire de l'Égypte byzantine. Paris, 1912; *Ensslin W.* Zum Heermeisteramt des spätrömischen Reiches // *Klio* 23 (1929). S. 306–325; 24 (1930). S. 102–147, 467–502; *Bury.* Later Roman Empire. Vol. I². P. 34 ff.; *Stein.* Geschichte. Bd. I. S. 106 ff., 186 ff.

мобильных войск и достаточно сильного войскового резерва внутри Империи; в качестве такового, собственно, имелась лишь преторианская гвардия в Риме. То, что эта система не может удовлетворить повышенным потребностям обороны, выявилось уже давно, а в эпоху кризиса III в. ее постигло полное крушение. Диоклетиан сначала значительно усилил пограничные войска. Однако прежде всего, и не только с военной, но и с политической точки зрения, было необходимо создание сильной мобильной армии внутри Империи, которая должна была служить как войсковым резервом против натиска внешних врагов, так и охраной императорской власти против подрывных элементов внутри страны. Эту двойную задачу должно было исполнить созданное Диоклетианом и значительно увеличенное Константином войско при императоре — *exercitus comitatensis*. Части *comitatenses* имели совершенно другое назначение и другой вес, нежели старая преторианская гвардия: эта последняя из-за ее ненадежности и известной склонности к выдвижению претендентов на престол была сокращена уже Диоклетианом, а Константином после битвы при Мильвийском мосту окончательно расформирована. Новые «войска сопровождения» вскоре стали ядром римской армии, ибо Константин без колебаний вновь заметно уменьшил усиленные Диоклетианом пограничные войска в пользу *comitatenses*. Тем самым *exercitus comitatensis* потерял свой первоначальный характер гвардейского корпуса. Самые лучшие его части отмечались титулом *palatini*, собственно же корпус телохранителей (лейб-гвардии) составляли *scholae palatinae* под командованием магистра оффиций.

Руководство войсками со времени Константина находилось в руках магистров армии (*magistri militum*), причем пехота подчинялась магистру пехоты (*magister peditum*), а кавалерия — магистру конницы (*magister equitum*). Такое разделение командования, несомненно, основывалось на том соображении, что командующий лишь одного из родов войск не мог быть опасным для императорской власти. Однако это своеобразное разделение было вскоре отменено, и достаточную гарантию безопасности стали видеть в том, что при каждом императорском дворе назначалось по два командующих, которые носили титул презентальных (т.е. присутствующих при особе императора) магистров конницы и пехоты (*magister equitum et peditum praesentalis*). В восточной части Империи, напротив, появляется даже три командующих отдельными военными округами: магистры

армии Востока, Фракии и Иллирика (*magistri militum per Orientem, per Thracias и per Illyricum*). Они командуют расположенными в их округах частями *comitatenses*, и, кроме того, им подчиняются дуксы (*duces*) — командующие пограничными войсками в отдельных провинциях, в то время как два *magistri militum praesentales* командуют дворцовыми войсками. Так на византийской территории появилось пять главнокомандующих с раздельной компетенцией; все они подчинялись непосредственно императору, который воплощал собой единство верховного командования.

Только с момента создания сильной подвижной армии (*comitatenses*) пограничные войска (*limitanei*) также получают значение особой категории войск, которые выполняют специальные задачи защиты границы. Расположенные в областях лимеса солдаты в качестве платы за свою службу получают в собственность участок земли. Таким образом, они представляют собой ополчение оседлых крестьян, которые живут с дохода от своих владений и обеспечивают защиту границы: учреждение, которому в византийской Империи было суждено большое будущее.

Характерным явлением была растущая варваризация римско-византийского войска. Наиболее пригодным и ценным элементом в императорской армии были варвары, а среди подданных империи — иллирийцы. Число иностранных наемников постоянно росло, и с IV в. знатные варвары во все большем числе проникают в офицерский корпус. Далее, характерным был рост значения конницы в римско-византийском войске, что не в последнюю очередь было обусловлено тем, что Империя должна была приспособливаться к тактике войск персидской Сасанидской империи, которая главным образом заключалась в использовании конных подразделений.

Перенесение центра тяжести Империи на Восток было прежде всего обусловлено большей экономической мощью более плотно заселенной восточной половины Империи¹, а с другой стороны — новыми задачами обороны, которые возникли у Империи на Востоке: в нижнем течении Дуная, где усилился натиск варваров с Севера,

¹ О распределении населения в позднеримское время: *Lot. Fin du monde antique. P. 27 sv.; Stein. Geschichte. Bd. I. S. 3 ff.*

и в Передней Азии, где стал более чувствителен нажим новоперсидской державы Сасанидов. Персидская держава Сасанидов была гораздо более опасным соперником, чем предшествовавшая ей Парфия. Как византийские императоры рассматривали себя преемниками римских цезарей, таким же образом и цари династии Сасанидов считали себя наследниками Ахеменидов и выдвигали притязание на все области, которые ранее входили в персидскую державу. Уже в предвизантийское время, с середины III в., и в течение всей ранневизантийской эпохи Империи непрерывно угрожала персидская опасность: борьба с персидскими «великими царями» стала для византийского государства одной из важнейших политических и военных задач¹.

Уже Диоклетиан, который оставил за собой восточную половину Империи и главным образом пребывал в своей резиденции в Никомидии, оставив западную половину своему коллеге Максимиану, отдавал себе отчет в том, что положение изменилось. Однако только Константин создал Империи на Востоке надежный государственный центр, приказав расширить и перестроить расположенную на Босфоре старую греческую колонию Византий и подняв ее до статуса имперской столицы. Строительство началось в ноябре 324 г.², немедленно после победы над Лицинием, которая распространила сферу власти Константина на Восток, а уже 11 мая 330 г. новая столица была торжественно освящена. Основание немногих городов имело в мировой истории сопоставимое значение³. Место было выбрано с гениальной

¹ См.: *Christensen A.* L'Iran sous les Sassanides. Kopenhagen; Paris, 1936; *Sassanid Persia* // *Cambridge Ancient History*. XII (1939). P. 109 и далее; *Kornemann E.* Die römische Kaiserzeit // *Einleitung in die Altertumswissenschaft*. Bd. III³, 2 (1933). S. 139 и далее: «Neurom und Neupersien»; *Weltgeschichte*. Bd. II. S. 276 и далее.

² *Maurice J.* Numismatique Constantinienne. Vol. II. Paris, 1911. P. 481 и далее; *Gerland E.* Byzantion und die Gründung der Stadt Konstantinopel // *BNJ* 10 (1933). S. 93 и далее; *Janin R.* Constantinople byzantin. Paris, 1950. P. 29.

³ Это утверждается уже в: *Gregorovius F.* Geschichte der Stadt Athen im Mittelalter. Stuttgart, 1889. Bd. I. S. 25: «Со времени основания Рима на земле не создавалось более важного города». Ср.: *Schwartz E.* Kaiser Constantin und die christliche Kirche. Leipzig, 1936 (2 Aufl.). S. 85: «С тех пор как Александр создал мировой город в Египте, никакое основание города не направило развитие истории на новые пути, кроме превращения пришедшего в упадок греческого городка в мощный очаг, который до сих пор свидетельствует о царственном духе его основателя». Филиппсон (*Philippson A.* Das byzantinische Reich als geographische Erscheinung. Leiden,

точностью. Расположенная на границе двух континентов, омываемая с востока Босфором, с севера Золотым Рогом, с юга Мраморным морем и доступная по суше только с одной стороны, новая столица обладала уникальным стратегическим положением. Кроме того, она господствовала над путями сообщения между Европой и Азией, а также над морским путем из Эгейского в Черное море и вскоре стала важнейшим торговым и транспортным центром тогдашнего мира. В течение тысячелетия Константинополю в качестве государственного, хозяйственного и военного центра Византийской империи, а также средоточия ее духовной и церковной жизни суждено было оказывать на культурное развитие человечества сильнейшее влияние.

В то время как значение и численность населения Рима постоянно сокращались, новая столица непрерывно росла. Менее чем столетие спустя после своего основания Константинополь обладал уже бóльшим населением, чем Рим; в VI в. он насчитывал почти один миллион жителей¹. Он был Новым Римом, которому суждено было занять место Старого Рима и заменить его в качестве нового административного

1939. S. 26) сравнивает основание Константинополя с основанием Александрии и Санкт-Петербурга. См. тж. его же замечания: *Ibid.* S. 29–30, 214.

¹ См. *Stein. Geschichte. Bd. I. S. 195, Anm. 6; Andréadès A. La population de Constantinople // Metron 1 (1920). P. 5–61 (ср. тж.: Idem. La population de l'Empire byzantin // Известия на Археологический институт при БАН 9 (1935). P. 117–126).* Слишком высокие оценки Андреадиса следует уменьшить согласно рассуждениям Штайна. В другой работе Андреадис в конце концов пришел к выводу, что Константинополь в свои лучшие времена «насчитывал не менее 500 000 жителей, а по временам, вероятно, превосходил эту цифру» (*Andreades A. Economic Life of the Byzantine Empire // Byzantium / Ed. N. Baynes, H. Moss. Oxford, 1949. P. 53).* Ср.: *Stein. Bas Empire. P. 759, 842,* где за минимальную цифру населения Константинополя при Юстиниане принимается 600 000. См. тж. расчет числа населения и этнического состава Константинополя в: *Bréhier. Civilisation. P. 81 sv.* Наше согласие с уменьшением Штайном ранее принятых оценок, тем не менее, ничуть не распространяется на его попытку принизить историческое значение Константинополя, которую он предпринял, опираясь на Зеека (см.: *Stein. Geschichte. Bd. I. S. 2–3* и его же рец. в *Gnomon 4 (1928). S. 410–414).* Согласно Жакоби (*Jacoby D. La population de Constantinople à l'époque byzantine: un problème de démographie urbaine // Byz 31 (1961). S. 81–109,* полученное Штайном число жителей Константинополя согласно следует еще более уменьшить: в VI в., по его мнению, оно составляло менее 400 000. Однако уже сами содержательные рассуждения Жакоби с особой ясностью показывают, что в них речь может идти только о весьма приблизительных оценках.

центра¹. Даже по плану строительства новая столица во всем была уравнена со старой и в нее перенесли все связанные со Старым Римом предания². Привилегии, которыми обладал Рим, были даны и Константинополю, и уже Константин Великий не упустил ничего, чтобы увеличить блеск и богатство новой столицы. Он украсил город роскошными постройками и памятниками искусства, которые он приказал привезти со всех концов Империи. Особенно ревностно заботился он о постройках церквей. С самого начала Константинополь получил христианский характер, с самого начала большая часть его населения в языковом отношении была греческой. Посредством христианизации Империи и создания новой столицы на Босфоре Константин дважды подчеркнул историческую победу Востока.

Существует немного вопросов, которые обсуждаются в исторической науке так же горячо и часто, получая самые разные ответы, как вопрос об отношении Константина к христианской религии³. В то время

¹ О возникновении понятия «Новый Рим», которое быстро заменило «Второй Рим», см.: *Dölger F.* Rom in der Gedankenwelt der Byzantiner // *Zeitschrift für Kirchengeschichte* 56 (1937), особ. S. 13 ff. (= Byzanz und die europäische Staatenwelt. S. 83 ff.): в работе правильно подчеркивается уважительное отношение Константина к преданиям Старого Рима и постепенность отхода на второй план старой столицы. Особ. ср.: *Alföldi A.* The Conversion of Constantine and Pagan Rome. Oxford, 1948; *Idem.* On the Foundation of Constantinople // *Journal of Roman Studies* 37 (1947). P. 10–16; *Toynbee J.M.C.* Roma and Constantinopolis in Late-Antique Art // *Journal of Roman Studies* 37 (1947). P. 135–144.

² Ср.: *Janin R.* Constantinople byzantine. Paris, 1950. P. 30–32.

³ Из чрезвычайно богатой литературы здесь можно привести лишь подборку наиболее важных сочинений: *Burckhardt J.* Die Zeit Constantins des Großen. Stuttgart, 1929; *Schwartz E.* Kaiser Constantin und die christliche Kirche. Leipzig; Berlin, 1936; *Baynes N.H.* Constantine the Great and the Christian Church. London, 1929; Constantine // *Cambridge Ancient History* XII (1939). P. 678–699; *Piganiol A.* L'empereur Constantin. Paris, 1932 и *Empire Chrétien*. P. 25 sv.; *Grégoire H.* La «conversion» de Constantin // *Revue de l'Université de Bruxelles* 34 (1930–1931). P. 231–272; *Idem.* Nouvelles recherches constantiniennes // *Byz* 13 (1938). P. 551–593; *Idem.* La vision de Constantin «liquidée» // *Byz* 14 (1939). P. 341–351; *Zeiller J.* Quelques remarques sur la «vision» de Constantin // *Byz* 14 (1939). P. 329–339; *Lietzmann K.* Der Glaube Konstantins des Großen // *Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften* 29 (1937). S. 263–277; *Alföldi A.* Hoc signo victor eris. Beiträge zur Bekehrung Konstantins des Großen // *Pisciculi*. Münster, 1939. S. 1–18; *Idem.* The Conversion of Constantine and Pagan Rome. Oxford, 1948; *Vogt J.* Constantin der Große und sein Jahrhundert. München, 1949 (2. Aufl.: 1960). S. 244 ff.

как одни говорят, что Константин был безразличен к вопросам религии и поддерживал христианство только из политических соображений, другие уверены в его обращении и видят в нем причину поворота в религиозной политике Империи. В пользу как одного, так и другого тезиса были выдвинуты многочисленные аргументы, и на самом деле многое говорит в пользу христианских убеждений Константина, но столь же многое, с другой стороны, — в пользу его приверженности старым языческим традициям, а многое даже в пользу того и другого одновременно. Ясно, что политические цели были для Константина решающими. То, что политика гонений, предпринятых против христиан Диоклетианом, потерпела неудачу, было ясно каждому, даже его верному соратнику Галерию, и не могло быть более иллюзий в том, что можно было перенести политический центр тяжести государства на Восток и при этом сохранять враждебные христианам настроения¹. Также очевидным являлось и то, что история жизни Константина была чрезвычайно богата религиозными событиями (христианскими и нехристианскими, или же дохристианскими) и что равнодушие к религии несправедливо ставится ему в упрек, главным образом задним числом. При этом нельзя забывать, что эпоха религиозного возбуждения, к которой он принадлежал, была временем религиозного синкретизма, для которого одновременное исповедание нескольких различных культов было вполне естественным. Когда Константин, самое позднее в 312 г., поставил себя под защиту христианского Бога и с тех пор неослабно и со все большей определенностью стал покровительствовать христианству, это не означало, что он полностью предался ему, окончательно порвал со всеми языческими традициями и стал христианином в том смысле, что и его византийские преемники. Известно, что он не отказал языческим религиозным обычаям в своей поддержке и даже был приверженцем некоторых из них; особенно недвусмысленна в этом отношении его подчеркнутая приверженность культу солнца. Ничто не было для эпохи религиозного синкретизма более чуждым и непостижимым, чем свойственная христианству религиозная исключительность. Чужда была она и «первому христианскому императору». Прошло достаточно долгое время, прежде

¹ Как это верно формулирует Грегуп (Byz 13 (1938). P. 588): «Qui veut l'Orient, doit être, sinon chrétien, du moins prochrétien». О предыстории торжества христианства см. тж.: Grégoire H. Les persécutions dans l'Empire romain. Bruxelles, 1951.

чем победил дух религиозной исключительности и в римском мире утвердилось воззрение на христианство как на единственную религию, которая обладает абсолютной истиной и всякое другое учение исключает как ложное. Конечно, необходимым следствием заданного Константином религиозно-политического направления было то, что христианская вера в конце концов заняла в римско-византийской Империи монопольное положение. До этого, однако, дело дошло существенно позднее (см. ниже, с. 94). Не только сам Константин, но и его преемники до 379 г. удерживали языческий титул *pontifex maximus*¹.

Ярчайшим и с исторической точки зрения важнейшим проявлением христианизации Римского государства во времена Константина было проведение Вселенского Собора в Никее (325), первого из тех Вселенских Соборов, которые заложили догматическую и каноническую основу христианской Церкви. Император, создавший Собор и руководивший его заседаниями, также в значительном объеме повлиял на его решения. Хотя формально Константин еще не принадлежал к Церкви (как известно, он принял крещение только на смертном одре), он уже был ее фактическим главой, став и в этом примером для своих преемников на византийском престоле. Предметом собеседований было учение александрийского пресвитера Ария, который как монотеист верил, что нельзя признавать равенство между Отцом и Сыном, и тем самым отрицал Божество Христа. Арианское учение было осуждено, был принят догмат о том, что Сын единосущен Отцу (*ὁμοούσιος τῷ Πατρί*). Так было сформулировано исповедание веры, которое с дополнениями, сделанными на втором Вселенском Соборе в Константинополе (381), представляет собой Символ веры христианской Церкви.

Союз государства и Церкви, основу которого заложил Константин, принес обеим сторонам большую выгоду, однако поставил их лицом к лицу с совершенно новыми трудностями. Римско-византийское государство нашло в христианской религии великую объединительную

¹ Небольшое, но содержательное исследование издал Алфёльди (*Alföldi A. A Festival of Isis in Rome under the Christian Emperors of the IVth Century*. Budapest, 1937. (Dissertationes Pannonicae, ser. II; 7)), установивший своеобразную группу египетских монет с изображениями Исиды или Сераписа времен императоров от Константина до Грациана. Только со времени этого последнего правителя, который также последним носил титул верховного понтифика (*Pontifex Maximus*; согласно убедительным аргументам Алфёльди (Op. cit. P. 36), он отказался от него в начале 379 г.), эта серия монет обрывается.

духовную силу, а императорский абсолютизм — крепкую моральную поддержку. Церковь получила от государства богатые материальные средства, поддержку как в своей миссионерской деятельности, так и в подавлении антицерковных течений, однако именно в силу этого оказалась под его опекой. Государство же, которое связало с нею свою судьбу, было втянуто во все бесконечные противостояния церковных партий. Борьба за веру перестала быть внутренним делом Церкви. Осложненная политическими обстоятельствами, она стала существенной составной частью не только церковного, но и государственного развития. Не всегда при этом цели государства совпадали с церковными. Сотрудничество Церкви и государства подчас приводило к антагонизму между двумя силами. Все эти моменты — участие государства в церковной борьбе, сотрудничество, но также и антагонизм между Церковью и государством — проявились уже во времена Константина.

Арианство не было искоренено осуждением Никейского Собора; император, который поначалу, как кажется, недооценил силу противной партии, изменил тактику и добился возвращения Ария к общению с Церковью. Тем самым он вступил в конфликт с православным клиром, прежде всего с Афанасием Великим, который с 328 г. пребывал в сане архиепископа Александрийского и, сменяя одно место ссылки на другое, до конца своей жизни (373) упорно боролся за православие.

Также из-за проблемы вероисповедания усилилась размолвка между сыновьями Константина и одновременно углубилось расхождение между двумя половинами Империи. Констанций, правивший в восточной части, исповедовал арианство; правившие на Западе Константин, рано ушедший из жизни (340), и молодой Констант поддерживали никейское вероисповедание. Превосходящие силы младшего брата, который после гибели Константина повелевал всем Западом, принудили Констанция к уступкам и восстановлению изгнанных епископов на их кафедрах. Вследствие этого побежденное политически арианство распалось на два лагеря: так называемые полуариане хотя и не признавали единосущие, однако выступали за подобосущие Отца и Сына (ὁμοιούσιος вместо ὁμοούσιος), в то время как радикальное крыло во главе с Евномием, как и прежде, отстаивало совершенное различие сущностей. Однако ситуация изменилась, когда Констант погиб в борьбе с узурпатором-язычником Магном

Магненцием (350), а Констанций в чрезвычайно кровопролитном сражении одолел узурпатора (351).

Победа восточного императора вновь вывела на первый план значение восточной части Империи. По примеру своего отца Констанций радел о конституционном уравнивании Константинополя с Римом, что фактически означало принижение старого полуязыческого Рима со стороны новой христианской столицы. Визит, который император нанес в Рим, сопровождался актом, олицетворявшим закат старого мира: из зала заседаний римского сената он приказал удалить алтарь Победы. Одновременно победа Констанция означала триумф арианства. Воля императора должна была неограниченно господствовать в Церкви так же, как и в государстве. Он разгромил противостоящую ему оппозицию во главе с Афанасием Александрийским и на Соборах в Сирмии и Аримине провозгласил арианство государственным вероисповеданием (359). Теперь уже и среди полуариан произошел раскол: более умеренные из них перешли в оппозицию и с того времени все более сближались с никейцами, другие же вступили в союз с евномианами и под предводительством императора превратились в господствующую партию. С исторической точки зрения большее значение, чем кратковременная победа арианства в римско-византийской Империи, имело при этом то обстоятельство, что во времена господства арианского учения началось обращение в христианство готов, и вследствие этого германские племена приняли новую веру в ее арианской форме. Переводчик Библии на готский язык, Ульфилас, принял епископское посвящение в 343 г. от арианина Евсевия Никомидийского, и еще долго после разгрома арианства в Византии большинство германских племен придерживалось арианского вероисповедания.

Состояние религиозного брожения при Констанции сменилось языческой реакцией при Юлиане (361–363)¹. Так проблема сосуществования старой культуры и новой веры, одна из ключевых проблем византийского культурного развития, вступила в стадию острого кризиса. Очарование уходящего мира, страстная любовь к его искусству, образованию и мудрости заставили последнего представителя дома Константина объявить войну новой вере. Бесплодные распри христианских церковных партий, казалось, сулят успех его предприятию. Численно язычники все еще были сильны, особен-

¹ См. прежде всего: *Bidez J. La vie de l'empereur Julien*. Paris, 1960.

но в западной части Империи, в том числе и в Риме, языческой по большей части оставалась сильно варваризированная армия. Число тех, кто теперь отпал от христианства, было также немалым. Однако враждебность Юлиана к христианству не смогла создать сильного движения. В борьбе против новой веры он оставался прежде всего выразителем идей высшего образованного слоя язычников из числа философов-неоплатоников и риторов, к кругу которых он сам принадлежал. В восточной части Империи и особенно в Антиохии, которую он избрал себе резиденцией, император испытал тяжелое разочарование. Внутреннее бессилие его реакционных попыток совершенно явственно проявилось в том, что при организации нового языческого клира он копировал устройство христианской Церкви. Рвение, с которым он работал над восстановлением старых языческих священнодействий, собственноручно принося богам жертвы, не только у христиан вызвало насмешливое отчуждение. Как и всякая реакция, которая вдохновляется старым как таковым и борется с новым как таковым, его предприятие было обречено на провал. Когда он во время дерзкого похода против персов был смертельно ранен копьем и скончался в походном лагере, вместе с ним умерло и его дело. Его быстрый крах был окончательным доказательством того, что в победе христианства заключалась историческая неизбежность.

2. Эпоха переселения народов и христологических споров

Общая литература: *Stein*. Geschichte. Bd. I; *Bury*. Later Roman Empire. Vol. I²; *Кулаковский*. История. Т. 1; *Seeck*. Untergang. Bd. V–VI; *Demougeot E.* De l'unité à la division de l'Empire romain, 395–410: Essai sur le gouvernement impérial. Paris, 1951; *Schmidt L.* Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung: Die Ostgermanen. München, 1941; *Schmidt L.* Geschichte der Wandalen. München, 1942 (2. Aufl.); *Lot F.* Les invasions germaniques. Paris, 1905; *Courtois Chr.* Les Vandales et l'Afrique. Paris, 1955; *Thompson E.A.* A History of Attila and the Huns. Oxford, 1948; *Altheim F.* Attila und die Hunnen. Baden-Baden, 1951; *Harnack A.* Lehrbuch der Dogmengeschichte. Bd. III. Tübingen, 1909; *Duchesne L.* Histoire ancienne de l'Eglise. Vol. III. Paris, 1911; *Lietzmann H.* Geschichte der Alten Kirche. Bd. IV. Berlin, 1953; *Ensslin W.* Die Religionspolitik des Kaisers Theodosius des Großen. München, 1953; Das Konzil

von Chalkedon // Hrsg. von A. Grillmeier und H. Bacht. Bd. I. Würzburg, 1951; *Baynes N.H.* The Dynasty of Valentinian and Theodosios the Great // CMH I (1911). P. 218–249; *Güldenpfennig A.* Geschichte des oströmischen Reiches unter den Kaisern Arcadius und Theodosius II. Halle, 1885; *Ensslin W.* Marcianus // RE XIV/2 (1930). S. 1514–1529; *Idem.* Leo I. // RE XII/1 (1924). S. 1947–1961; *Barth W.* Kaiser Zeno. Basel, 1894; *Brooks E.W.* The Emperor Zenon and the Isaurians // English Historical Review 8 (1893); *Brooks E.W.* The Eastern Provinces from Arcadius to Anastasius // CMH I (1911). P. 457–286; *Rose A.* Kaiser Anastasius I. Die äußere Politik des Kaisers. Halle, 1882; *Rose A.* Die byzantinische Kirchenpolitik unter Kaiser Anastasius I. Wohlau, 1888; *Charanis P.* The Religious Policy of Anastasius the First. Madison, 1939; *Ensslin W.* Theoderich der Große. München, 1959.

Из-за религиозных споров и частых гражданских войн, в которых римская армия истекала кровью, могущество Империи по отношению к внешним врагам было подорвано. Уже при Констанции наметилось сильное превосходство персов в районе северной Месопотамии. После трагического исхода экспедиции Юлиана Иовиан (363–364), христианский преемник последнего языческого владыки римлян, заключил с персами мирный договор, который предусматривал отказ Империи от преимуществ в Армении, а также повлек за собой чувствительные территориальные потери в Месопотамии.

С началом эпохи переселения народов в Империи возникли новые проблемы, последствия которых трудно было предвидеть. Теперь уже и северная граница восточной части Империи стала театром непрерывных военных действий. Началась изнурительная война на два фронта, которая уже не затихала, покуда стояла Византийская империя. С тех пор на протяжении всей своей истории Византия практически не выходила из состояния войны на два фронта против великих держав, сменявших друг друга на Востоке, и все новых и новых народов Севера и Запада, непрерывно выступавших в качестве ее противников.

Первым императором, который повел эту роковую войну на два фронта и пал ее жертвой, был арианин Валент. Подобно Констанцию и Константу, братья Валентиниан I (364–375) и Валент (364–378) придерживались противоположных религиозных направлений¹. Ва-

¹ *Nagl A.* Valentinianus // RE 2. R. VIIA (1943). S. 2158 и далее; *Valens* // Ibid. S. 2097–2137; *Alföldi A.* Valentinien Ier, le dernier des grands Pannoniens // Revue

лентиниан I, правивший на Западе, был приверженцем никейского вероисповедания. Валент, повелевавший Востоком, исповедовал арианство. Так в вероисповедном противоречии вновь выразились противоречия между Востоком и Западом. В самом деле, связь между двумя половинами Империи становилась все более слабой. Впрочем, все вопросы отступили на второй план перед решением насущных внешнеполитических задач. Вторжение саксов и ирландцев в Британию, ожесточенные сражения с аламанами на Рейне и Неккаре, с сарматами и квадами в области Дуная были лишь провозвестниками большого кризиса, который вызвало появление вестготов на Дунае. Поселившись во фракийском диоцезе, вестготы начали опустошать территорию Империи; к ним присоединились мигрировавшие остготы и гунны, и вскоре уже вся Фракия была наводнена варварами. Валент, который поспешно выдвинулся с персидского театра военных действий через Константинополь, встретился с врагом при Адрианополе. Здесь 9 августа 378 г. произошла достопамятная битва, в которой вестготы, поддержанные остготами, нанесли римской армии сокрушительное поражение, причем погиб и сам император.

Последствия этой катастрофы были неизмеримы. С германской проблемой, вышедшей с того времени на первый план, восточная часть Империи боролась целое столетие, западная же в этой борьбе погибла. Военная победа над готами казалась бесперспективной. Из отчаянного положения, в которое попала Империя, не было другого выхода, кроме мирного решения вопроса. Такое направление приняла политика Феодосия I, которого Грациан (375–383), сын и преемник Валентиниана I, 19 января 379 г. провозгласил августом и вручил ему управление восточной частью империи.

После вытеснения готов за Балканы императоры заключили с ними договор (*foedus*). Остготы были поселены в Паннонии, вестготы — в северной части фракийского диоцеза. Они получили полную автономию, освобождение от налогов, высокое жалованье и должны были служить в войске Империи в качестве федератов¹. Многие поступили непосредственно на службу императору. Так опасность насильственного

d'histoire comparée 4 (1946). P. 7–28. Cp. тж.: *Alföldi A.* A Conflict of Ideas in the Late Roman Empire. The Clash between the Senate and Valentinian I. Oxford, 1952.

¹ О федератах вообще: *Mommsen Th.* Das römische Militärwesen seit Diokletian // *Hermes* 24 (1889). S. 195–279; *Grosse.* Römische Militärgeschichte. S. 280 ff.

германского наводнения Империи была на некоторое время отвращена: захватчики стали служить Империи, а римская армия, ряды которой значительно поредели, получила благодаря притоку германских федератов сильное пополнение. Впрочем, это решение означало не что иное, как то, что вторжение германцев из враждебного превратилось в мирное. И без того постоянно продолжавшаяся германизация армии достигла теперь своего пика: значительное большинство частей было германскими, а вскоре и важнейшие командные посты оказались в руках у германцев¹. Другой оборотной стороной проготской политики Феодосия было сильное увеличение государственных расходов, а вместе с тем и усиление финансового бремени. Все более тяжелыми становились бедствия населения, и во всех частях Империи усилился процесс расширения патрониниев, против которого безуспешно боролись уже предшественники Феодосия. Экономически ослабленные, увязшие в непосильных долгах и беззащитные перед произволом и злоупотреблениями императорских чиновников, крестьяне отдавали себя под покровительство (патронат) могущественных крупных землевладельцев, расставаясь со своей многотрадальной свободой и становясь крепостными своего патрона. Так, представляется, что на рубеже IV и V вв. прикрепление колонов к земле завершается во всей Империи².

Гибель Валента привела к окончательному упадку арианства. Победу православия закрепил Второй Вселенский Собор в Константинополе (381), который, утвердив и расширив определения Никейского Собора, придал христианскому вероисповеданию окончательную форму. Горячий приверженец никейской веры, Феодосий I всеми силами поддерживал православие и безжалостно боролся как с язычеством, так и с инославными христианскими сектами. Только в его царствование завершилась христианизация Империи. Православное христианство в качестве государственной религии достигло монопольного положения, у прочих религий и исповеданий было отнято право на существование.

¹ *Delbrück H.* Geschichte der Kriegskunst. Bd. II. 1902. S. 219; *Grosse.* Römische Militärgeschichte. S. 260 ff.

² *Stein.* Geschichte. Bd. I. S. 301 ff.; *Gelzer H.* Studien zur byzantinischen Verwaltung Ägyptens. Leipzig, 1909. S. 63 ff.; *Vinogradoff P.* Social and Economic Conditions of the Roman Empire in the Fourth Century // CMH I (1911). P. 542 ff.

После долгой гражданской войны в западной части Империи Феодосий незадолго до своей смерти вновь объединил всю Империю под своим скипетром. На смертном одре он распорядился о новом разделении с трудом объединенной страны. При этом император, уроженец крайнего Запада, вновь однозначно отдал преимущество Востоку, ибо в то время как Константин Великий своему старшему сыну отдал в управление Британию, Галлию и Испанию, а Валентиниан I оставил за собой западную половину, а своему младшему брату уступил Восток, Феодосий в 395 г. поставил своего старшего сына Аркадия на Востоке, а младшего, Гонория, на Западе. Вскоре после этого спорные диоцезы Дакии и Македонии были признаны принадлежащими Востоку и присоединены к префектуре Иллирик с центром в Фессалонике. Западу от иллирийских владений остался только паннонский диоцез, впредь обыкновенно называемый диоцезом Иллирик¹. Этим между Западом и Востоком была проведена историческая граница, которая с течением времени все четче обозначала разделительную линию между западным, римским, и восточным, византийским, культурным пространством.

Предпринятое Феодосием разделение само по себе не означало ничего нового. Важным является, однако, то, что со времени этого разделения и вплоть до падения западноримской части Империя постоянно оставалась разделенной на две части. Тем не менее идея единства Империи сохранялась и далее: существовали не две империи, но две части одной-единственной Империи, которая находилась под управлением двух императоров. Часто законы издавались от имени обоих императоров, и изданные одним императором законы получали силу закона во всей Империи в том случае, если они посылались второму для публикации. После смерти одного императора второй имел право назначить преемника умершему. Фактически же связь обеих частей становилась все более слабой, тем более что обстоятельства на Востоке и на Западе складывались очень различно, а отношения между

¹ *Stein*. Geschichte. Bd. I. S. 353; *Demougeot E.* De l'unité à la division de l'Empire romain, 395–410. Paris, 1951. P. 143 sv. Cp. т.ж.: *Idem*. Les partages de l'Illyricum à la fin du IVe siècle // *Revue historique* 198 (1947). P. 16–31; *Idem*. A propos des partages de l'Illyricum en 386–395 // *Actes du VIe Congrès International d'Études byzantines*. Vol. I. 1950. P. 87–92; *Palanque J.-R.* La préfecture du prétoire d'Illyricum au IVe siècle // *Byz* 21 (1951). P. 5–14; *Grumel V.* L'Illyricum de la mort de Valentinien Ier à la mort de Stilicon // *REB* 9 (1951). P. 5–46.

обоими правительствами были, как правило, какими угодно, но только не дружескими. Уже при сыновьях Феодосия началось длительное соперничество между быстро сменявшимися друг друга восточными регентами, управлявшими делами при слабом Аркадии, и могущественным германцем Стилихоном, который от имени юного Гонория более десяти лет повелевал Западом¹.

Политика Феодосия по отношению к готам пережила тяжелый кризис — вестготы под предводительством Алариха поднялись и опустошили весь Балканский полуостров вплоть до стен Константинополя и южной оконечности Греции. Разногласия между двумя римскими правительствами затрудняли ответные действия, и в конце концов мир был куплен тем, что восточноримское правительство назначило Алариха императорским магистром армии в Иллирике (*magister militum per Illyricum*). Гот Гайна получил должность *magister militum praesentalis* и вместе со своими войсками вступил в Константинополь. Между тем в византийской столице все сильнее ощущалась антигерманская реакция², и на переломе веков это направление стало господствующим. Германцы были исключены из войска, и была проведена основательная реорганизация римских вооруженных сил³. Однако уже вскоре снова возникла необходимость набирать германцев в большем количестве, и вплоть до VII в. они представляли собой в имперской армии наиболее важный и боеспособный элемент. Однако отныне они вербовались как отдельные наемники и ставились под начало императорских офицеров, тогда как готские федераты Феодосия представляли собой единые независимые формирования, подчинявшиеся собственным предводителям. На Западе же такое положение вещей сохранилось и позже и в конце концов привело к тому, что западная Римская империя утонула в германском потоке. Показательным для различия положения двух частей Империи и определяющим для различия их последующей судьбы было то, что антигерманская реакция на Востоке достигла своих целей, в то время как враждебные германцам вы-

¹ Подробное описание этого времени см.: *Demougeot E. De l'unité à la division de l'Empire romain. Paris, 1951. P. 93 sv. Cp.: Idem. Note sur la politique orientale de Stilicon, de 405 à 407 // Byz 20 (1950). P. 27–37.*

² Особенно типичными в плане антигерманских настроений являются речи Синесия (PG 66. Col. 1089 sq.).

³ *Grosse. Römische Militärgeschichte. S. 262 ff.*

ступления на Западе оказались безрезультатными. Вскоре восточная часть освободилась и от Алариха. Он отправился со своими войсками в Италию и после троекратной осады в 410 г. взял штурмом Рим. Положение на Западе становилось все более безнадежным, на Востоке же, напротив, с начала V в. наступило долгое затишье.

На это время относительного спокойствия приходится основание университета в Константинополе и составление «Кодекса Феодосия». Слабый император Феодосий II (408–450) поначалу находился под опекой своей энергичной сестры Пульхерии, а в более поздние годы — под влиянием своей супруги Афинаиды-Евдокии, дочери язычника, профессора риторики из Афин. Личность этой императрицы, которая на протяжении всей своей жизни оставалась верна образовательному идеалу своего родного города, но одновременно с истинной страстью была привержена новой религии и которая писала как светские стихи, так и церковные песнопения, является живым примером сосуществования в Византии христианства и античной культуры. Ее влиянию следует, по-видимому, приписать то, что в 425 г. посредством реорганизации и расширения высшей школы времен Константина Великого в Константинополе был основан университет¹. В этом новом университете, который стал важнейшим образовательным центром Империи, преподавали десять греческих и десять латинских грамматиков, пять греческих и три латинских ритора, один философ и два юриста.

Так же, как реорганизация высшей школы для культурного развития, публикация «Кодекса Феодосия» стала эпохальным событием в развитии права в Империи. Будучи наиболее значительным трудом по кодификации права до появления «Корпуса права» (*Corpus juris*) Юстиниана, опубликованный в 438 г. «Кодекс Феодосия» представляет собой официальное собрание императорских указов, вышедших со времени Константина Великого. Новое уложение ставило правовую жизнь Империи на более прочное основание и устраняло правовую неопределенность, вызванную отсутствием официального сборника законов. Идея единства Империи нашла в «Кодексе Феодосия», который был опубликован как на Востоке, так и на Западе от имени обоих императоров, Феодосия II и Валентиниана III,

¹ Cod. Th. XIV 9, 3; VI 21, 1. Об этом: *Fuchs*. Höhere Schulen. S. 1 ff.; *Bréhier* L. Notes sur l'histoire de l'enseignement supérieur à Constantinople // Byz 3 (1926). P. 73–94.

свое четкое выражение. В действительности же единство Империи становилось все более сомнительным, что, естественно, отражалось и в правовой области. Показательно, что после публикации «Кодекса Феодосия» восточноримские императоры лишь изредка посылали на Запад свои законы, а законы западноримских императоров более вообще не достигали Востока¹. Несмотря на то что после воцарения Валентиниана III (423–455), которого восточное правительство посадило на престол Запада, между обеими частями Империи долгое время царил ничем не омрачаемый мир, взаимное отчуждение проявлялось все более ясно. В политическом отношении обе половины Империи существовали обособленно, в культурном отношении чем дальше, тем больше они расходились друг с другом. Бросающимся в глаза и в высшей степени важным знамением этого расхождения является укрепление языкового барьера. В то время как на Западе знание греческого языка практически сходит на нет, на Востоке латинский язык все более отходит на задний план по сравнению с греческим, несмотря на то что он по-прежнему является официальным языком всей Империи и в качестве такового искусственно поддерживается. Эллинизация Востока неуклонно продолжается и во времена императора Феодосия II и императрицы Афинаиды-Евдокии прогрессирует особенно сильно. Ведь даже и в новом университете профессоров греческого языка было несколько больше, чем преподающих на латыни².

На это время также приходится возникновение национальной церковной культуры в соседней с Империей Армении, изобретение ар-

¹ Кроме учебников по римскому праву, см.: *Seeck*. Regesten der Kaiser und Päpste für die Jahre 311–476; *Stein*. Geschichte. Bd. I. S. 431 ff.; *Bury*. Later Roman Empire. Vol. 1. P. 232–235.

² О языковой проблеме в целом см. работы: *Zilliacus H.* Zum Kampf der Welt-sprachen im oströmischen Reich. Helsingfors, 1935 — и замечания о ней Ф. Дёльгера в: *BZ* 36 (1936). S. 108–117. О языковой проблеме в управлении и в правовой сфере в V в. см. собранные Штайном (*Stein*. Geschichte. Bd. I. S. 443 и далее) данные, которые в равной мере являются показательными как для наступления греческого, так и для упорства в приверженности латинскому языку. Об употреблении обоих языков в папирусах ранневизантийского времени см.: *Wilcken U.* Atti del IV Congresso internazionale di papirologia (1936). P. 101 и далее; и *Otto W.* Zum heutigen Stand der Papyrusforschung // *Historische Zeitschrift* 157 (1937). S. 312, Anm. 1. Ср. тж.: *Bardy G.* La question des langues dans l'église ancienne. Paris, 1948.

мянского письма и перевод Библии на армянский язык¹. Со времени Феодосия I часть этой страны находилась под римским, однако большая часть под персидским господством. Византия поддерживала укрепление национально-церковного самосознания соседнего христианского народа, так же, как она вступалась за преследуемых в Персии христиан. Это подало повод к новому столкновению между двумя великими державами. Однако война не привела к каким-либо территориальным изменениям, и в 422 г. был заключен мирный договор, который должен был действовать сто лет, но на самом деле соблюдался менее двадцати.

В 40-е гг. V в. Восточная империя также пережила тяжелый внешнеполитический кризис, в который ее ввергла гуннская держава Аттилы². Опустошительные набеги гуннов чередовались заключением временных договоров, содержавших все более тяжелые и унижительные для Империи условия. Весь Балканский полуостров был опустошен и разграблен, после чего Аттила, который выжал Восточную империю и в финансовом отношении, направился на Запад. Во время вторжения в Галлию он был побежден римским полководцем Аэцием на Каталаунских полях (451). Спустя год после этого гунны обрушились на Италию, однако уже в 453 г. Аттила внезапно умер, и сразу после этого его огромная держава разрушилась. Впрочем, даже освобождение от гуннской опасности не принесло улучшения положению внутренне прогнившей западной части Империи — ситуация ухудшалась постоянно. После убийства Аэция (454) и Валентиниана III (455) в Италии воцарился хаос. При этом важнейшие территории за пределами Италии уже находились в руках германских племен, которые постепенно — как вандалы в Африке, вестготы в Галлии и Испании — основывали там собственные королевства.

Из хаоса, который поглотил Западную Римскую империю, начала вырастать сила, которой было суждено вновь превратить старый имперский город, ставший ареной борьбы варварских народов, в мировой духовный центр, — Римская Церковь. Во времена вторжения гуннов и разграбления города вандалами, посреди страшной неразберихи и непоправимого упадка государства, папа Лев Великий (440–461)

¹ См.: *Stein*. Geschichte. Bd. I. S. 425; *Ter-Mikelian A.* Die armenische Kirche in ihren Beziehungen zur byzantinischen. Leipzig, 1892. S. 33 и далее.

² См.: *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. I. S. 56 ff. — и приведенную там с большой полнотой литературу.

смог как никто до него подчеркнуть первенство Римской Церкви¹. В догматических сражениях V в., которые одновременно были борьбой церковных центров за преобладание в Церкви, Рим играл выдающуюся роль.

Еще сильнее, чем в эпоху арианского спора, развитие Византийской империи в V в., как представляется, определялось религиозными конфликтами². Если в борьбе с арианством в качестве догмата было принято понятие о совершенном Божестве Сына и Его единосущии Отцу, то теперь возник вопрос об отношении Божественного и человеческого начал во Христе. Согласно учению антиохийской богословской школы, во Христе друг подле друга находились две отдельные природы: Божество избрало Себе в качестве сосуда рожденного Марией человека — Христа; отсюда утверждение, что Марию следует называть не Богородицей (θεοτόκος), но лишь Христородицей (χριστοτόκος). Резкой противоположностью этому рационалистическому воззрению было александрийское мистическое учение о Богочеловеке, в котором соединились Божественная и человеческая природы. В 429 г. Несторий, представитель антиохийской школы, взошел на епископскую кафедру Константинополя и с высоты своего положения стал пропагандировать антиохийскую христологию. Однако в лице патриарха Александрийского Кирилла у него появился серьезный противник, превосходящий его и как богослов, и как политик. За Кириллом стояло сплоченное и преданное ему египетское монашество, представлявшее большую силу; встал на сторону Александрии и Рим. Несмотря на то что Нестория поддерживало правительство, он был низложен на Третьем Вселенском Соборе (431) и осужден как еретик. Кирилл одержал большую победу. Он

¹ См. известные работы: *Caspar E.* Geschichte des Papsttums. Bd. I и *Haller J.* Das Papsttum. Bd. I. Stuttgart, 1936. S. 142 ff. Халлер, однако, в отличие от Каспара, не захотел признать за личностью Льва I того значения, которое (по моему мнению, справедливо) ему приписывается. См. тж.: *Klinkenberg H.M.* Papsttum und Reichskirche bei Leo dem Großen // Zeitschrift der Savigny-Stiftung. Kan. Abt. 38 (1952). S. 37–113.

² Касательно дальнейшего, наряду с церковно-историческими и догматико-историческими справочниками, см.: *Schwartz E.* Die Konzilien des 4 und 5 Jahrhunderts // Historische Zeitschrift 104 (1910). S. 1–37; *Idem.* Zur Vorgeschichte des ephesinischen Konzils // Historische Zeitschrift 112 (1914). S. 237–263. См. тж.: *Idem.* Die sogenannten Gegenanathematismen des Nestorius // Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. 1922, Abh. 1.

восторжествовал над патриархом столицы и стоявшим за ним императорским правительством, он выдвинулся в качестве предводителя Восточной Церкви и смог возвысить также и свою светскую власть в Египте над властью местных императорских представителей. Александрийский патриархат, авторитет которого неуклонно возрастал со времен Афанасия Великого, достиг при нем пика своего могущества.

При Диоскоре, преемнике Кирилла (умершего в 444), Александрия поначалу притязала на еще более властное положение. Императорское правительство, признав свое поражение, следовало в фарватере Александрийской Церкви; архимандрит Евтих, представитель александрийской партии в Константинополе, был всемогущ при дворе. Однако теперь церковные престолы Константинополя и Рима объединились против чрезмерно усилившейся Александрии. С церковно-политической точки зрения Диоскор и Евтих были верными учениками Кирилла, однако с догматической точки зрения Евтих утвировал учение Кирилла, утверждая, что две природы Христа после воплощения стали единой божественной природой. Как у Нестория божественное, так у него человеческое начало во Христе оказалось приниженым: в борьбе с несторианской явилась монофиситская ересь. Поместным Собором в Константинополе (σύνδος ἐνδημοῦσα) Евтих был осужден как еретик, а папа Лев I объявил о своей солидарности с Константинопольским патриархатом, изложив в своем знаменитом «Томосе» принцип, что в одном лице (persona) Христа даже после воплощения следует различать две совершенные природы. Так Рим с Константинополем оказались союзниками в борьбе против преобладания Александрии. Впрочем, александрийская партия одержала еще один триумф на так называемом Разбойничьем Соборе в Эфесе (449), который под председательством Диоскора, после насильственного подавления оппозиции, изъявил свою приверженность монофиситству. После этого, однако, наступил резкий разворот. Немалый вклад в это внесло то обстоятельство, что после смерти Феодосия II в 450 г. власть принял заслуженный офицер Маркиан, вступивший в брак с августой Пульхерией, деятельной сестрой своего предшественника¹.

¹ О роли Пульхерии в подготовке Халкидонского Собора см. интересные замечания в: *Schwartz E. Die Kaiserin Pulcheria auf der Synode von Chalkedon // Festgabe für A. Jülicher. Tübingen, 1927. S. 203–212.*

Новый император (450–457) созвал в 451 г. в Халкидоне новый Собор, и на этом Четвертом Вселенском Соборе христианской Церкви был сформулирован догмат о двух совершенных, нераздельных, но и неслиянных природах Христа. Было осуждено как монофиситство, так и несторианство, по отношению к которым догматическая формула Халкидона занимала как бы срединное положение, ибо спасение лишь тогда представлялось обеспеченным, если Спаситель был как совершенным Богом, так и совершенным человеком.

Победа Константинополя была политической в неменьшей степени, чем догматической. Притязание Нового Рима на преобладающее положение в Восточной Церкви было сформулировано уже на Втором Вселенском Соборе 381 г., поскольку согласно третьему канону этого Собора епископу Константинопольскому подобает высшее положение в христианской Церкви сразу вслед за папой Римским. После достигнутой в союзе с Римом победы над Александрией это притязание было воплощено в жизнь, и теперь Константинополь сделал следующий шаг, который сильно подпортил его римскому союзнику радость общей победы. Знаменитый 28-й канон Халкидонского Собора хотя и обеспечил за папой первенство чести, в остальном же определил полное равенство положения епископов Нового и Старого Рима¹. Тем самым заявило о себе будущее соперничество двух церковных центров. Непосредственным следствием этих определений Халкидона было углубление пропасти между византийским центром и восточными провинциями Империи. Не только Египет, но также и Сирия, прежний оплот несторианской ереси, исповедали монофиситство и воспротивились догмату Халкидона. Противоречие между диофиситской византийской Церковью и монофиситскими Церквями христианского Востока стало с тех пор одной из самых острых церковно- и государственно-политических проблем ранневизантийского государства. Монофиситство стало выражением особых политических устремлений Египта и Сирии; оно служило коптскому и сирийскому сепаратизму лозунгом в борьбе против византийского владычества.

Наряду с религиозными спорами именно последствия произведенных переселением народов перемен выступают на первый план исторического развития Империи в V в., причем не только на Западе, но и на византийском Востоке. Хотя острый этнический кри-

¹ Mansi. T. VII. P. 445.

зис и казался преодоленным в восточной половине Империи около 400 г., однако после распада гуннской державы начался новый приток германских племен, вновь возросло влияние германского элемента в византийском государстве и армии, и в то время, когда Западная Римская империя вела свой последний бой, Византия вновь была поставлена лицом к лицу с германской проблемой. Уже в середине V в. алан Аспар приобрел значительное влияние на государственные дела в Константинополе¹. Ему Маркиан, и еще в большей степени его преемник Лев I (457–474), был обязан императорским венцом.

Лев был первым императором, который получил венец из рук патриарха Константинопольского². Все его уже принадлежавшие к христианству предшественники довольствовались тем, что по римской традиции получали диадему из рук высокопоставленного военного или сановника, поднимались на щит и принимали аккламации войска, народа и сената³. Нововведение 457 г. достойно внимания с точки зрения того властного положения, которого достиг Константинопольский патриарший престол на последнем Вселенском Соборе. С тех пор все византийские императоры венчались столичными патриархами, и тем самым акт венчания получил значение религиозного посвящения. К светской коронации военного характера присоединилась церковная церемония, которая постепенно полностью вытеснила старый римский обряд и в Средние века стала исключительным актом венчания на царство.

¹ Ср.: *Vernadsky G. Flavius Ardabur Aspar // Südost-Forschungen 6 (1941). S. 38* и далее.

² См. подробное сообщение о его венчании, составленное Петром Патрикием: *De caerim. Vol. I. P. 410–417*. Следуя Хронографии Феофана (*Vol. I. P. 103*) и Хронике Симеона Логофета (*Leo Gramm. P. 111*), Зиккель (*Sickel W. Das byzantinische Krönungsrecht bis zum 10. Jhr. // BZ 7 (1898). S. 517–518, 539–540*) предположил, что уже Маркиан был венчан на царство патриархом, и это воззрение нашло почти повсеместное согласие (я также разделял его в первом издании этой книги: *S. 35, Anm. 1*). Однако Энслин (*Ensslin W. Zur Frage nach der ersten Kaiserkrönung durch den Patriarchen und zur Bedeutung dieses Aktes im Wahlzeremoniell // BZ 42 (1943). S. 101–115*, более полное отд. изд.: Würzburg, 1946) привел более убедительную интерпретацию соответствующих источников, и теперь я присоединяюсь к его мнению о том, что первым венчанием, в котором принимал активное участие патриарх, было венчание Льва I, которое в «Книге церемоний» Константина Багрянородного открывает ряд сообщений о древних венчаниях.

³ *Ensslin W. Zur Torqueskrönung und Schilderhebung bei der Kaiserwahl // Klio 35 (1942). S. 268–298*.

Чтобы освободиться от опеки Аспара и создать противовес его остготскому окружению, Лев I обратился к воинственному народу исавров. Исаврийский вождь Тарасикодисса в сопровождении сильной дружины явился в имперскую столицу, принял греческое имя Зинон и женился на старшей дочери императора Ариадне (466)¹. Отстранение Аспара имело следствием то, что восточное правительство, которое до того времени под влиянием этого алана упорно не желало слышать призывы о помощи со стороны западноримского правительства, в 468 г. отправило экспедицию против Вандальского королевства в Африке. Благодаря ловкости великого вандальского короля Гейзериха и полной неспособности императорского командующего Василиска, брата жены Льва I, предприятие, которое стоило Империи 130 000 фунтов золота, несмотря на подавляющее преимущество византийцев, потерпело катастрофу².

После этого вновь возшла звезда Аспара, его сын Патрикий добился руки второй дочери императора и был, несмотря на иноплеменное происхождение и арианское вероисповедание, возведен в сан цезаря в качестве предполагаемого наследника престола. Затем, однако, в Константинополе вновь возобладало враждебное германцам движение, и в 471 г. Аспар и его сын Ардабурий пали жертвой заговора, в то время как Патрикий, отделавшийся тяжелым ранением, был разведен с императорской дочерью и лишен сана кесаря. Теперь в правительстве возобладал Зинон, а исаврийская волна сменила германскую. Когда в начале 474 г. умер Лев, а его преемником стал его внук Лев II, сын Зинона и Ариадны, Зинон стал соправителем своего маленького сына, а когда тот осенью того же года умер, исавр вступил на престол Константинополя как единодержавный правитель.

В культурном отношении исавры, без сомнения, стояли на значительно более низкой ступени, чем готы, для которых уже давно открылись сокровища греко-римского образования. Но в противоположность германцам они были давними подданными Империи и по греко-римским понятиям не считались варварами. Тем не менее

¹ Относительно хронологии см.: *Brooks E. W.* The Emperor Zenon and the Isaurians // *English Historical Review* 8 (1893). P. 212, n. 16; *Bury.* Later Roman Empire. Vol. I. P. 318, n. 2.

² См.: *Schmidt L.* Geschichte der Wandalen. München, 1942. S. 89 ff.; *Courtois Chr.* Les vandales et l'Afrique. Paris, 1955. P. 201 sv.

византийское население видело в них чужаков, и режим исавров возбуждал не меньшее недовольство, чем засилье германцев при Аспаре¹. Уже в январе 475 г. в результате заговора Зинон лишился власти. Но поскольку заговорщики не нашли более достойного кандидата на престол, чем Василиск, предводитель бесславного похода 468 г. против вандалов, то Зинону через 20 месяцев вновь удалось вернуть высшую власть, которую он и удерживал, несмотря на многочисленные заговоры и тяжелые гражданские войны, в течение полных пятнадцати лет (476–491).

Его второй приход к власти пришелся на время, когда Западной Римской империи наступил конец. Правительству Константинополя не оставалось ничего другого, как примириться со свершившимся фактом. Такое его отношение облегчалось примирительным жестом Одоакра, который открыто признал верховенство восточноримского императора. Новый властитель Италии был назначен магистром армии в Италии (*magister militum per Italiam*) и должен был одновременно управлять страной как уполномоченный императора. Внешнее приличие было, таким образом, соблюдено, но фактически Италия была потеряна для Империи и, как почти весь Запад, оказалась под германским владычеством.

Восточной половине, напротив, было суждено полностью избавиться от германцев. Устранением Аспара к этому был сделан только первый шаг, ибо на Балканах по-прежнему находились сильные контингенты готов: во Фракии под главенством Теодориха Страбона и в Мезии под главенством Теодориха Амала. Эти вожди германцев то поступали на службу Империи и получали высшие военные посты, то бунтовали против императорского правительства, и их войска опустошали ее территорию. Они принимали участие во всех гражданских войнах и партийной борьбе в Империи, и от них зачастую зависел их исход. От Теодориха Страбона империю освободила его смерть (481), а Теодориха Амала византийское правительство смогло в 488 г. побудить к уходу на Запад: он должен был устранить Одоакра, с которым у императорского правительства испортились отношения, и вместо него принять на себя управление Италией. Жестокая борьба между германскими королями закончилась победой Теодориха, который

¹ См.: *Brooks E.W.* The Emperor Zenon and the Isaurians // *English Historical Review* 8 (1893). P. 216, со ссылками на источники.

собственными руками убил своего соперника и провозгласил себя владыкой Италии (493). Так в Италии возникла держава Теодориха Великого¹. Византия была освобождена от необходимости самостоятельно противостоять Одоакру, а кроме того, избавилась от беспокойных остготов. Так же, как и кризис времен Алариха, этот последний германский кризис закончился для Восточной империи уходом готов на Запад. И вышло так, что в то время, как Запад полностью попал под власть германцев, Восток от них окончательно избавился.

Подлинного решения этнической проблемы освобождение от германцев, тем не менее, не означало, коль скоро в Империи продолжалось господство исавров. Пребывая в лихорадочном состоянии под германским гнетом, Империя приняла исаврийское противоядие в поисках целительного средства. Средство помогло, но доза была слишком большой и, в свою очередь, начала отравлять государственный организм. Империя превратилась в театр кровавого сведения счетов между исаврийскими вождями, один из которых носил императорский венец, а другие стремились его заполучить: много лет Зинон вел самую настоящую войну против своего бывшего полководца Илла и земляка Леонтия, который провозгласил себя императором.

Неразрешенной также оставалась религиозная проблема. Осужденное в Халкидоне монофиситство приобретало в восточных областях все большее влияние, и вследствие этого все глубже становился раскол между коренными территориями Империи и ее восточными провинциями. Недолго думая Василиск предался монофиситству и с высоты своего всевластия в императорской энциклике осудил решения Халкидонского Собора и Томос папы Льва². Однако эта мера, которая вызвала огромное возмущение православных византийцев, только ускорила его падение. Зинон, напротив, стремился путем компромисса достигнуть примирения между восточными монофиситами и диофиситским византийским населением. В 482 г. по соглашению с константинопольским патриархом Акакием он издал

¹ См.: *Schmidt L.* Die Ostgermanen. S. 88 ff., 337 ff.; *Ensslin W.* Theoderich der Große. München, 1959 (2 Aufl.).

² Текст энциклики см. у Евагрия (*Evagr.* P. 101–104). Об отмене энциклики, которую Василиск был вынужден вскоре осуществить и которая его уже не спасла, см.: *Ibid.* P. 107.

так называемый Энотикон, объединительный эдикт, который признавал определения первых трех Вселенских Соборов, а сам спорный вопрос стремился обойти посредством того, что избегал выражений «две природы» и «одна природа»¹. Очень скоро, однако, выяснилась невозможность компромисса на религиозной почве, ибо по понятным причинам Энотикон не мог удовлетворить ни приверженцев Халкидона, ни его противников. Вместо двух теперь противостояли друг другу три партии: убежденные монофиситы, убежденные диофиситы и конформисты из обоих лагерей, которые соглашались с императорской вероисповедной формулой. Папа также решительно отверг Энотикон и провозгласил отлучение патриарху Константинопольскому. В ответ на это тот вычеркнул имя папы из диптихов, и таким образом между Римом и Константинополем начался раскол, которому было суждено продлиться более тридцати лет.

Когда в 491 г. Зинон умер и речь зашла о выборе нового императора, народ стал кричать его вдове Ариадне: «Дай Империи православного императора! Дай Империи императора-римлянина!»². Оба самых жгучих вопроса времени — этнический и религиозный, — которые все еще ожидали ответа, были у всех на устах. В Константинополе более не желали подчиняться иноплеменным выскочкам и еретикам. Выбор пал на пожилого придворного чиновника Анастасия (491–518), который проявил себя как добросовестный управленец и стяжал особые заслуги в деле упорядочения финансов³. Он усовершенствовал созданную Константином Великим финансовую систему, стараясь поставить медный фоллис (follis), курс которого был подвержен значительным колебаниям, в четкое соотношение с золотой монетой.⁴ Но прежде всего он провел преобразование системы взимания налогов. Заботу о собирании налогов в городах от обедневших и ставших беспомощными куриалов он передал подчиненным префектам претория виндикам (vindices). Далее, он отменил χρυσάργυρον — старый налог auri lustralis collatio, лежавший тяжким бременем на городском

¹ *Evagr.* P. 111–114.

² *De caerim.* Vol. I. P. 418–419.

³ См.: СМН I (1911). P. 484; *Bury.* Later Roman Emire. Vol. I. P. 441–447; *Stein.* Studien. S. 146 и *Bas Empire.* Vol. II. P. 192–210.

⁴ См.: *Blake R.P.* The Monetary Reform of Anastasius I and its Economic Implications // *Studies in the History of Culture* (1942). P. 84–97.

торговом и ремесленном населении. Эта мера, вызвавшая большую радость у городского населения, означала значительное благоприствование городской торговле и ремеслу. Отмена χρυσάρυρον была компенсирована тем, что аннона с этого времени взималась только в деньгах, а не в натуре¹. Полная монетизация поземельного налога (χρυσотέλεια) была явным знаком того, что сельское хозяйство тоже все более переходило на денежные отношения. Однако одновременно потребность государства в поставках продуктов питания покрывалась посредством применения соῦμptio (συνωνή) — принудительной закупки продовольствия по низким, назначаемым правительством ценам². Таким образом, в то время как бремя, лежавшее на тех, кто занимался торговлей и ремеслом, было значительно облегчено, тяготы сельского населения, по-видимому, заметно возросли, как это вполне очевидно демонстрируют частые волнения и народные возмущения при Анастасии I. Строгая фискальная политика императора имела, тем не менее, успех, и к его смерти в государственной казне скопилось огромное богатство в виде 320 000 фунтов золота³.

Возвышение Анастасия I знаменовало собой конец исаврийского господства. Однако император в течение длительного времени должен был вести самую настоящую войну против исавров, пока окончательно не сломил их сопротивление (498). Впоследствии исавры в большом количестве были переселены со своей родины во Фракию, их сила была подорвана, а этнический кризис в Византии

¹ *Malalas*. P. 394: ἐποίησε χρυσотέλειαν τῶν ἰούγων τοῖς συντελεσταῖς πᾶσι διὰ τὸ μὴ ἀπατεῖσθαι τὰ εἶδη καὶ διατρέφεσθαι ὑπὸ τῶν στρατιωτῶν. Ср.: *Evagrius*. P. 144. См. замечание Энсслина (BZ 42 (1943). S. 260), интерпретации которого следует придерживаться, несмотря на возражение Караяннопулоса (*Karayannopoulos J.* Die chrysoteleia der iuga // BZ 49 (1956). S. 72–84).

² Широкое распространение соῦμptio — συνωνή и ее податной характер в конце концов приводят к тому, что в средневизантийское время συνωνή (как это я смог доказать в *Steurgemeinde*, s. 50) означает не что иное, как поземельный налог, который вносится теперь, естественно, исключительно деньгами. См. тж.: *Geiss H.* Geld- und naturalwirtschaftliche Erscheinungsformen im staatlichen Aufbau Italiens während der Gotenzeit. Breslau, 1931. S. 1 ff.; *Stein*. Bas Empire. Vol. II. P. 200. Сказанным выше, естественно, вовсе не утверждается, как это ошибочно полагает Караяннопулос (Op. cit. S. 75 ff.), что соῦμptio было введено лишь при Анастасии I.

³ *Procopius*. Anecdota // *Procopii Caesariensis opera omnia* / Ed. J. Haury. Vol. III/1. Leipzig, 1906. P. 121.

окончательно преодолен. Напротив, религиозный кризис претерпел очередное обострение. Хотя Анастасий при восшествии на престол по требованию патриарха клятвенно исповедал православие, он оставался горячим сторонником монофиситства. Поначалу он стоял на позициях Энотикона, но постепенно направлял церковную политику в монофиситское русло, пока в конце концов полностью не оказался в монофиситском фарватере. Удовлетворение монофиситствующих коптов и сирийцев было столь же глубоким, сколь глубоким было возмущение православных византийцев. Правление Анастасия превратилось в цепь мятежей и гражданских войн, тем более что жесткие методы правления создавали богатую почву для недовольства. Население находилось в постоянном возбуждении, борьба цирковых партий достигла необычайной остроты.

Византийские партии «синих» (венетов) и «зеленых» (прасинов), как известно, были не столько спортивными, сколько политическими организациями¹. Тем не менее они примыкали к старым партиям ипподрома и носили их цвета и названия, ибо ипподром в Константинополе, так же, как и форум в Риме или агора в Афинах, собственно, и был местом выражения политических устремлений народа. Народные партии «синих» и «зеленых», предводители которых назначались правительством, также выполняли важные общественные функции, служа в качестве городской милиции и принимая участие в постройке городских стен. Ядро этих партий (димов — οἱ δῆμοι), как кажется, и составляли организованные в городскую милицию части населения².

¹ Не только Гиббон (*Gibbon E. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire* / Ed. J.B. Bury. Vol. IV. London, 1898. P. 220), но и др. исследователи (*Wilken F. Die Parteien der Rennbahn, vornehmlich im byzantinischen Kaiserthum* // *Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaften*. Berlin, 1827. S. 217 ff.; *Rambaud A. De byzantino hippodromo et circensibus factionibus*. Paris, 1870; фр. резюме: *Revue des deux Mondes*. 1871 (= *Études sur l'histoire byzantine*. T. II. Paris, 1919. P. 3 sv.); *Monnier. Epibolé*. T. 16. P. 504–505) рассматривали димы исключительно как партии цирка. Их политическое значение первым подчеркнул Ф.И. Успенский (Партии цирка и димы в Константинополе // *ВВ* 1 (1894). С. 1–16), и вскоре все исследовательское сообщество усвоило себе это воззрение. Более значительного прогресса достигло исследование этой проблемы только в последнее время (см. далее).

² Так, Бёри (*Bury. Admin. System*. P. 105, n. 2) верно отмечает: «...димы были городским населением, организованным в местную милицию» (так уже у Успенского,

Вокруг этого ядра спланивались в обеих партиях широкие массы городского населения, примыкая либо к «синим», либо к «зеленым», поддерживая одну из партий и соперничая с другой. Так, «синие» и «зеленые» играли весьма значительную роль в качестве носителей и выразителей политических устремлений народа во всех более или менее крупных городах Империи. Ошибочной была попытка усматривать в «синих» партию аристократии, а в «зеленых» — партию социально более низких слоев¹. В обеих партиях большинство составляли широкие народные массы, ведущий же слой в партии «синих» составляли, как кажется, прежде всего представители крупной землевладельческой греко-римской аристократии, а в партии «зеленых» — представители торгового и ремесленного сословия, а также выдвинувшиеся на придворной службе и в финансовом управлении элементы, происходившие преимущественно из восточных частей Империи². Поэтому «синие» представляли греческое православие, в то время как «зеленые» являлись приверженцами монофиситства и других восточных ересей. Антагонизм, существовавший между двумя партиями, выражался в жестоких и частых побоищах: со второй половины V в. политическая жизнь в Империи проходила под знаком постоянной борьбы между «синими» и «зелеными». Центральная власть была вынуждена считаться с димами как с политическими факторами силы и поддерживать то одну, то другую партию, так что, как правило, одна из двух партий поддерживала правительство, а другая, напротив, олицетворяла антиправительственное течение. Подчас, однако, обе партии объединялись в общей борьбе против правительства, чтобы отстоять устремления к свободе вопреки абсолютизму центральной

см. выше). Показательны в этом отношении встречающиеся в источниках небольшие цифры, относящиеся к количеству активных димотов. Согласно современному, походящему на официальных данных известию Феофилакты Симокакты (ed. de Boor. P. 207), в 602 г. в Константинополе было 1500 «зеленых» и 900 «синих». Согласно более позднему известию Кодина (De signis, 47), при Феодосии II оба дима насчитывали вместе 8000 человек, что должно было составлять лишь совсем небольшую часть населения Константинополя.

¹ Так в: *Manojlovič S.* Le peuple de Constantinople de 400 à 800 après J.C. // Byz 11 (1936). P. 617–716.

² См.: *Дьяконов.* Византийские димы. Ср.: *Левченко М.В.* Венеты и прасины в Византии в V–VII вв. // ВВ 1 (1947). С. 164–183, — который в сущности лишь резюмирует важные результаты исследования Дьяконова.

власти, ибо в организациях димов продолжали жить свободолюбивые традиции античных городов¹.

Император Анастасий I, экономическая политика которого способствовала торговле и ремеслу, а религиозная открыто поддерживала монофиситов, был сторонником прасинов. Следствием было то, что против него взбунтовались венеты. Неоднократно поджигались общественные здания, сбрасывались и волочились по улицам статуи императора; на ипподроме не раз дело доходило до враждебных демонстраций против священной императорской особы: седовласого правителя поносили, в него даже кидали камни. Из-за монофиситской прибавки к Трисвятому (литургическому гимну) в 512 г. в Константинополе разразился бунт, который едва не стоил Анастасию престола. Наивысшей точкой кризиса явился мятеж главнокомандующего войск Фракии Виталиана, который начиная с 513 г. трижды подступал с армией и флотом к стенам Константинополя. Император, который в моменты наивысшей опасности решался на уступки, всякий раз, тем не менее, возвращался к прежней политике, как только наступала разрядка напряженности, так что Империю продолжало постоянно лихорадить. Очевидно, что восстание Виталиана было вызвано не только и не столько религиозными мотивами, однако тот факт, что он выступил против монофиситского императора в качестве борца за православие, придавал его предприятию особую пробивную силу. Правление Анастасия представило доказательство того, что монофиситская церковная политика зашла в тупик. Умиротворение отдаленных Египта и Сирии, долгосрочность которого была в высшей степени сомнительна, было куплено тем, что коренные земли Империи оказались в состоянии непрерывного волнения.

¹ Кроме приведенной выше литературы см.: *Bury*. Later Rom. Empire (1). P. 84–86 и др.; *Bratianu*. Privileges. P. 46 sv.; *Grégoire H.* Le peuple de Constantinople ou les Bleus et les Verts // *Comptes rendus de l'Acad. des Inscriptions et Belles Lettres*. 1946. P. 568–578; *Dvornik F.* The Circus Parties in Byzantion // *Byzantina-Metabyzantina* 1 (1946). P. 119 и далее. Особенно важными являются новейшие исследования: *Maricq A.* La durée du régime des partis populaires à Constantinople // *Bulletin de l'Acad. de Belgique* 35 (1949). P. 63 и далее; *Maricq A.* Factions du cirque et partis populaires // *Bulletin de l'Acad. de Belgique* 36 (1950). P. 396 и далее.

3. Реставрационная политика Юстиниана и ее крушение

Общая литература: *Bury*. Later Rom. Empire (2); *Кулаковский*. История. Т. 2; *Stein*. Bas Empire. Vol. II; *Vasiliev A.A.* Justin the First. An Introduction to the Epoch of Justinian the Great. Cambridge (Mass.), 1950; *Diehl*. Justinien; *Rubin B.* Das Zeitalter Justinians. Bd. I. Berlin, 1960; *Collinet P.* Études historiques sur le droit de Justinien. Vol. I. Paris, 1912; *Удальцова З.В.* Италия и Византия в VI в. М., 1959; *Schmidt L.* Geschichte der Wandalen. München, 1942; *Baynes N.H.* The Successors of Justinian // СМН II (1913). P. 263–301; *Stein*. Studien; *Hartmann*. Byzantinische Verwaltung; *Diehl*. Exarchat; *Adamek O.* Beiträge zur Geschichte des byzantinischen Kaisers Maurikios. Graz, 1890; *Higgins M.J.* The Persian War of the Emperor Maurice. Washington, 1939; *Goubert P.* Byzance avant l'Islam. T. I: Byzance et l'Orient sous les successeurs de Justinien. L'empereur Maurice. Paris, 1951; T. II: Byzance et l'Occident sous les successeurs de Justinien. Byzance et les Francs. Paris, 1956; *Spintler R.* De Phoca imperatore Romanorum. Jena, 1905; *Пигулевская Н.В.* Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. М.; Л., 1946; *Она же*. Византия на путях в Индию. М.; Л., 1951.

В кризисе, погубившем западную половину Римской империи, выстоял более здоровый организм экономически более сильной и более густонаселенной восточной ее части. Однако даже эта часть Империи подверглась этому кризису, пережив все ужасы переселения народов и в течение столетия борясь с опасностью варваризации своего государства и армии. В то время, когда волны переселения народов сомкнулись над Западом, сама Византия, ослабленная во всех частях, лишь изредка решалась выйти из роли просто пассивного наблюдателя. На рубеже V–VI вв. этнический кризис на Востоке был окончательно преодолен, и Византия наконец оказалась в состоянии проводить более активную политику и предпринять попытку спасения утраченных западных областей. Как удавалось сохраняться идее единства Империи, несмотря на раздельное управление ее обеих частей, так же осталась жива и идея универсальности Римской империи, несмотря на германское завоевание Запада. Как и раньше, римский император считался главой всего римского мира и христианской ойкумены. Территории, которые некогда принадлежали Римской державе, считались ее вечным и неотъемлемым владением, даже когда ими управляли

германские короли. Начнем с того, что и сами эти короли признавали суверенные права римского императора, пользуясь всего лишь делегированной им, императором, властью¹. Естественным правом римского императора было возвратить себе римское наследие. Более того, его священной миссией было освободить римскую землю от господства иноплеменных варваров и арианских еретиков, дабы восстановить Империю в ее старых границах как единственную римскую православную христианскую державу. Служению этой миссии была подчинена политика Юстиниана I (527–565).

Фактически Юстиниан направлял имперскую политику уже при своем дяде Юстине I (518–527), который, родившись в деревне Таврисий (вероятно, в районе Ниша), вступил в императорское войско, дослужился до офицера и командира гвардии экскувиторов и, наконец, после смерти Анастасия I был избран императором².

Разрыв с монофиситской политикой Анастасия I следует приписать Юстиниану; его же достижением стало восстановление церковного общения с Римом, которое послужило необходимой предпосылкой для осуществления больших политических задач на Западе. Наиболее сильным аргументом в пользу цивилизующей силы византийской столицы, который только можно помыслить, является то, что происходивший из балканского захолустья крестьянский сын Юстиниан становится самым образованным и эрудированным умом своего столетия. Бесспорным свидетельством величия личности Юстиниана является охватывающая весь мир широта его политических целей и исключительная многосторонность его деятельности. Весьма многочисленные и прискорбные слабости его характера бледнеют перед мощью его всеохватного ума. Конечно, не он, а Велисарий и после него Нарсес вели завоевательные войны, не он, а Трибониан провел масштабную кодификацию права, не он, а префект претория Иоанн Каппадокиец принимал важнейшие меры в управлении.

¹ Так же, как и Одоакр, Теодорих считался императорским магистром армии, его монеты всегда несут на себе изображение и имя императора, и он никогда не издавал законов (*leges*), только лишь указы (*edicta*), издание которых также было прерогативой высших имперских чиновников, таких как префект претория. См.: *Mommsen Th. Ostgotische Studien // Gesammelte Schriften. Bd. IV. S. 334 ff.; Bury. Later Rom. Empire (1). P. 453 ff.*

² О Юстине см. весьма детальную работу: *Vasiliev A.A. Justin the First. An Introduction to the Epoch of Justinian the Great. Cambridge (Mass.), 1950.*

Но тем не менее именно он был вдохновителем всех великих деяний своей великой эпохи. Восстановление всемирной Римской империи было вечным желанием византийцев. Этому желанию реставрационная политика Юстиниана дала грандиозное выражение. И потому для будущих поколений она является великим примером, даже несмотря на то, что дело реставрации оказалось недолговечным, а его неудача имела для Империи тяжелейшие последствия¹.

С небольшим войском примерно в 18 000 человек Велисарий в 533 г. переправился в Африку². Времена вандалской мощи при короле Гейзерихе были в прошлом: если большая экспедиция 468 г. закончилась плачевным поражением (см. выше, с. 104), то Велисарий в короткое время поверг Вандалское королевство в прах. Потерпевший решительное поражение при Дециме и Трикамаре король вандалов Гелимер был вынужден покориться, и в 534 г. Велисарий справил свой триумфальный вход в Константинополь. Правда, за этим последовала изнурительная мелкая война с местными мавританскими племенами, которые много лет (до 548 г.) оказывали упорное сопротивление византийскому господству. Несмотря на это, уже в 535 г. Велисарий начал поход против остготской державы. Эта война также поначалу походила на победный марш. В то время как одна византийская армия вторглась в Далмацию, Велисарий занял Сицилию и двинулся в Италию. Один за другим пали Неаполь и Рим. Но затем завязалась упорная борьба: в Риме Велисарий был вынужден выдержать длительную осаду, и только с величайшим напряжением ему удалось прорваться на север, взять Равенну и одолеть храброго короля Витигеса, которого он, как некогда вандала Гелимера, привез пленником в Константинополь (540). Но под энергичным предводительством Тотилы остготы вновь воспрянули духом, и по всей Италии началась ожесточенная борьба с византийским господством. Положение было серьезнее, чем когда-

¹ О внешнеполитических предприятиях Юстиниана и их последствиях см.: *Bury*. Later Roman Empire (2). P. 124 ff.; *Diehl*. Justinien. P. 173 sv.; *Кулаковский*. История. Т. 2. С. 93 сл.; *Stein*. Bas Empire. Vol. II. P. 283 sv., 485 sv. О войне с вандалами см.: *Diehl*. L'Afrique byzantine. Paris, 1896; *Schmidt L.* Geschichte der Wandalen. München, 1942 (2. Aufl.). S. 122 ff.; *Courtois Chr.* Les Vandales et l'Afrique. Paris, 1955. P. 353 sv.; о войне с готами: *Hartmann*. Geschichte Italiens im Mittelalter. Bd. I. S. 248 ff.; *Hodgkin*. Italy and her Invaders. Vol. IV–V (1895–1896); *Удальцова З.В.* Византия и Италия в VI в. С. 236 сл.

² См.: *Schmidt L.* Geschichte der Wandalen. 2. Aufl. S. 125–126.

либо: Велисарий был несколько раз разбит, плоды его прежних успехов были утрачены. Только гениальный стратег и хитроумный дипломат Нарсес после долгой и упорной борьбы сумел сломить сопротивление. После двадцатилетней полной превратностей войны страна лежала у ног Юстиниана (555). Реставрация византийской власти сопровождалась восстановлением старых социально-экономических отношений. Лишенная собственности крупная земельная аристократия вновь получила свои имения и привилегии.

Великие завоевания были завершены войной против вестготов в Испании. И здесь Византия, вмешавшись в распри местных властителей, смогла высадить в Испании армию и оккупировать юго-восточный угол Иберийского полуострова (554). Старая Империя, казалось, возникла вновь. Хотя отсутствовала еще немалая часть прежней римской территории, но Италия, большая часть Северной Африки, часть Испании вместе с островами Средиземного моря были отняты у германцев и пребывали под скипетром римского императора в Константинополе. Средиземное море вновь стало внутренним озером Империи.

Вскоре дала себя почувствовать оборотная сторона этих великих успехов: войны на Западе оголили дунайскую границу, кроме того, ослабили оборонительные возможности Империи на границе с Персией. Уже при Анастасии I Мартирополь, Феодосиополь и Амида временно попали в руки персов. В 532 г. Юстиниан заключил с персидским царем Хосровом I Ануширваном (531–579) «вечный» мир и купил для себя ценой уплаты дани персам свободу рук на Западе. Однако уже в 540 г. Хосров разорвал вечный мир, вторгся в Сирию, разрушил Антиохию и продвинулся вплоть до морского побережья. На севере персы опустошили Армению, Ивирию и завладели областью Лазики на восточном побережье Черного моря. Посредством увеличения дани Юстиниан обеспечил себе перемирие на пять лет, которое продлевалось дважды и только в 562 г. было преобразовано в прочный мирный договор сроком на 50 лет. Его ценой было новое повышение дани, однако византийский император смог, по крайней мере, достичь того, что Лазика была оставлена персами. Начался взлет персидского могущества, Византия же в Передней Азии была отодвинута на задний план.

Еще более тяжелые последствия имели события на Балканах. Едва завершилась большая миграция германских народов, как на границе

Империи появились новые племена. Особенное значение имело движение славян. Уже при Юстине I анты предприняли нападение на Империю¹. С первых лет правления Юстиниана славянские племена в союзе с болгарами начали постоянно вторгаться в район Балкан. Большие завоевательные войны в Африке и в Италии отняли у Империи силы, необходимые для защиты балканских областей. Впрочем, Юстиниан соорудил на границах как в Азии, так и в Европе мощную систему крепостей; на Балканском полуострове позади линии укреплений на Дунае в глубине также находился сильный пояс укреплений. Но даже самые сильные укрепления не очень помогали, поскольку не хватало необходимых войск. Славяне разлились по всему Балканскому полуострову вплоть до Адриатики, до Коринфского залива и до побережья Эгейского моря. Так были опустошены коренные земли Империи, в то время как византийские армии одерживали победы на отдаленном Западе. Правда, вторгающиеся отряды варваров поначалу ограничивались грабежом страны и удалялись со своей добычей назад за Дунай. Однако потоки славянской миграции уже хлынули на земли Империи, и недалеко уже было то время, когда славяне начали прочно оседать на Балканском полуострове.

Ко внешнеполитическим опасностям прибавились тяжелые внутренние беспорядки. Между автократической центральной властью и политическими организациями народа вспыхнула ожесточенная борьба, и уже в январе 532 г. в Константинополе разразилось ужасное восстание «Ника»². Во время правления Юстина I Юстиниан, вопреки поддерживаемой Анастасием партии прасинов, встал на сторону партии венетов, у которой его государственная и церковная политика находила поддержку. Придя к власти, он, однако, попытался вовсе освободиться от влияния димов и приказал правительственным органам применить к народным партиям жесткие меры. Карательные меры, которым подверглись обе партии, сделали как прасинов, так и венетов врагами императора, тем более что его политика реализации больших задач требовала от населения чрезвычайно больших

¹ *Niederle*. Manuel. S. 61–62; *Stein*. Bas Empire. Vol. II. P. 222; *Успенский*. История. Т. 1. С. 464–465; *Jireček*. Geschichte. Bd. I. S. 81; *Šišić*. Povijest. S. 207–208; *Grafenauer*. Nekaj vprašanj. S. 28–29; ВИНУ. Т. I. С. 55 сл.

² *Bury J.B.* The Nika Riot // JHS 17 (1897). P. 92–119; *Bury*. Later Roman Empire (2). P. 39 ff.; *Diehl*. Justinien. P. 455 sv.

жертв. Представители обоих димов объединились в общей борьбе против центральной власти. На ипподроме прозвучал необычный призыв: «Милостивым прасинам и венетам многая лета!»¹ Восстание приобрело устрашающие размеры, столица пылала в огне, племянник Анастасия I был провозглашен императором и облачен в пурпур на ипподроме. Юстиниан счел все потерянным и приготовился к бегству. От последнего его удержало бесстрашие императрицы Феодоры, престол же ему спасла решимость Велисария и расторопность Нарсеса. Посредством переговоров с венетами Нарсес расколол единый фронт мятежников, а Велисарий, выйдя на ипподром с отрядом преданных императору солдат, захватил их врасплох и стал избивать. Страшная резня, унесшая жизни тысяч, положила конец мятежному движению. Византийское самодержавие победило воплощенные в димах свободолюбивые устремления городов. Наиболее влиятельные соратники императора, которых он отстранил по требованию народа, были вновь восстановлены в своих должностях. Святая София восстала в новом блеске: на месте сожженного восставшими старого храма воздвиглась великолепная купольная постройка Юстиниана — творение, эпохальное для развития христианского искусства. Однако подавление восстания принесло лишь кажущееся облегчение. Бремя, которое политика Юстиниана возложила на народ, было все тяжелее и неизмеримо возросло вследствие больших военных предприятий и слишком активной строительной деятельности императора. Ценой юстиниановых завоеваний было полное финансовое истощение всей страны.

Префект претория Иоанн Каппадокиец, имевший неблагоприятную задачу поставлять средства для дорогостоящих предприятий своего государя, навлек на себя ожесточенную ненависть населения. Но в его обязанности входила и положительная управленческая работа, которая была проделана во времена Юстиниана; к нему обращено большинство новелл Юстиниана, и именно ему следует в первую очередь приписать то, что правительство Юстиниана предприняло энергичные меры против засилья крупной земельной аристократии². Правда, меры эти не имели успеха, рост крупного земельного владения продолжался как

¹ *Malalas*. P. 474.10.

² См.: *Stein E.* Justinian, Johannes der Kappadozier und das Ende des Konsulats // *BZ* 30 (1929–1930). S. 376–381; *Idem*. *Bas Empire*. Vol. II. P. 433–437.

за счет более мелких частных владений, так и за счет государственных имений. Административные меры Юстиниана имели своей целью укрепление системы управления, отмену продажности чиновных должностей и прежде всего обеспечение налоговых поступлений. Принцип строгого разделения военной и гражданской властей в провинциях, введенный Диоклетианом и Константином, был нарушен. Однако объединение обеих властей было осуществлено только в некоторых областях, причем так, что местами получила преимущество военная, а местами — гражданская власть. Проведение Юстинианом реформ управления было лишено четкой общей линии и не смогло достичь принципиального переустройства устаревшей административной системы. Оно создало смешанные формы и представляло собой лишь переход от четкого порядка Диоклетиана и Константина к противоположной ему, но столь же четкой системе управления Ираклия.

Большую активность продемонстрировало правительство Юстиниана также в своей экономической политике, нацеленной на поощрение торговли и ремесел. В качестве естественного средоточия торговых путей между Азией и Европой Константинополь господствовал в товарном обмене двух континентов. Средиземноморская торговля полностью находилась в руках греческих и сирийских торговцев. Главную роль при этом для Византийской империи играли не торговые отношения с обедневшими странами Запада, а торговля с Востоком: Китаем и Индией. Восточная торговля Империи была, тем не менее, пассивной, поскольку, хотя Византия и вывозила на Восток ценные ткани и посуду, производимую в мастерских Сирии, этот экспорт далеко отставал от потребности византийцев в восточных товарах, особенно в шелке. Еще большее значение имело то, что торговля с Китаем была зависима от посредничества персов. Это даже в мирное время влекло за собой лишние траты и усиливало отток золота из Империи, а частые периоды враждебных отношений с державой Сасанидов влекли за собой прекращение ввоза шелка. Путь в Китай по суше шел через территорию Персии, морское сообщение также было в руках персидских купцов, которые из Персидского залива отправлялись на Тапробану (Цейлон) и там загружали прибывающие из Китая товары¹.

¹ Важный очерк по истории византийской торговли: *Antoniadis-Bibicou H.* Recherches sur les douanes à Byzance. Paris, 1963.

Правительство Юстиниана стремилось теперь установить контакты с Китаем обходным путем, через свои опорные пункты Херсонес и Боспор в Крыму и через Лазику на Кавказе. Оттуда византийцы также поддерживали оживленные торговые сношения со степняками, живущими к северу от Понта, которым они поставляли ткани, украшения и вино, а в обмен получали меха, кожи и рабов. Именно поэтому для Византии было так важно усиление своего влияния в Крыму и в кавказском регионе. Задача обеспечения торговли шелком также впервые привела к контакту византийцев с тюрками, которые в то время распространили свое влияние вплоть до северного Кавказа и так же, как и византийцы, вступили в конфликт с персами из-за торговли шелком. При преемнике Юстиниана Юстине II византийцы заключили с тюрками союз и вместе с ними боролись против персидской державы.

С другой стороны, правительство Юстиниана прилагало усилия к тому, чтобы обеспечить себе морской путь в Индийский океан через Красное море; оно стремилось укрепить свои собственные морские коммуникации с Востоком и поэтому завязало отношения с эфиопской Аксумской державой. Впрочем, ни византийские, ни эфиопские купцы не смогли оспорить у персов господства в Индийском океане. Путь по суше из гаваней Черного моря во внутреннюю Азию был трудным и опасным. И потому для Империи было счастливым случаем то, что ее агентам удалось выведать секрет производства шелка и тайно доставить в Византию шелковичных червей. Вскоре производство шелка в Византии достигло большого расцвета, причем как в самом Константинополе, так и в Антиохии, Тире и Берите, а позднее также и в Фивах. Шелкопрядение стало одной из важнейших отраслей ремесла и, в качестве государственной монополии, одной из главных статей дохода Византийской империи¹.

Величайшим и наиболее долговечным достижением эпохи Юстиниана была кодификация римского права². Под руководством

¹ См.: *Heyd. Commerce du Levant*. Vol. I. P. 2 sv.; *Lopez R.S. Silk Industry in the Byzantine Empire* // *Speculum* 20 (1945). P. 1–42; *Пугулевская Н.В. Византийская дипломатия и торговля шелком* // *ВВ* 1 (1947). С. 184–214; *Она же. Византия на путях в Индию*. С. 184 сл.; *Hennig R. Die Einführung der Seidenraupenzucht ins Byzantinerreich* // *BZ* 33 (1933). S. 295–312.

² Наряду с учебниками и справочниками по римскому праву см.: *Collinet P. Etudes historiques sur le droit de Justinien*. T. I. Paris, 1921.

квестора Трибониана эта работа была выполнена в кратчайшее время. Прежде всего при помощи «Кодекса Феодосия» и созданных при Диоклетиане частных собраний, таких как *Codex Gregorianus* и *Codex Hermogenianus*, было подготовлено собрание действующих императорских постановлений со времен Адриана. Это собрание было опубликовано в 529 г. как «Юстинианов кодекс» (*Codex Justinianus*), а спустя пять лет вышло его дополненное издание. Еще более значительное достижение знаменовали опубликованные в 533 г. «Дигесты» («Пандекты»). Они представляли собой собрание сочинений классических римских юристов, которые, наряду с императорскими законами, составляли вторую часть действующего права. Кодекс Юстиниана, хотя и намного превосходил свои образцы, опирался на наработки предшествующих столетий. «Дигесты» же были совершенно новым произведением. Впервые все многочисленные и часто противоречащие друг другу суждения римских знатоков права были приведены в упорядоченную систему. Наряду с «Кодексом» и «Дигестами» стоят задуманные как руководство для изучения юриспруденции «Институции», которые представляют собой выборку из двух первых работ. Сложившийся таким образом «Корпус гражданского права» (*Corpus juris civilis*) Юстиниана был дополнен собранием новелл, куда вошли указы, изданные после публикации «Кодекса». «Кодекс», «Дигесты» и «Институции» были опубликованы на латинском языке, в то время как большинство новелл — уже на греческом. Вскоре для главных частей Корпуса стали появляться переводы на греческий язык, а также компиляции и комментарии на этом языке.

Посредством кодификации римского права централизованному государству была дана единообразная правовая основа. С неподражаемой идейной ясностью и выразительностью записанное византийскими учеными римское право регулирует все стороны общественной и частной жизни, жизнь государства, а также отдельных лиц и семей, отношения граждан между собой, их деловое общение и отношения собственности. Впрочем, «Корпус гражданского права» не является механической и тем самым совершенно точной передачей старого римского права. В классической римской правовой литературе правоведы Юстиниана предпринимали не только сокращения, но и некоторые изменения, чтобы таким образом приспособить кодифицированное право к общественному строю и отношениям своего времени, а также привести его в соответствие

с заповедями христианской нравственности и обычным правом эллинизированного Востока. Во многих случаях, особенно в сфере семейного права, влияние христианства привело к более гуманным представлениям о праве. Но с другой стороны, догматическая исключительность христианской религии имела то последствие, что иноверцам было наотрез отказано в какой-либо юридической защите. Таким образом, когда законодательство Юстиниана прокламирует свободу и равенство людей, не следует переоценивать практическую действенность этих высоких идей. То, что положение рабов претерпевает некоторое улучшение, а их отпуск на волю облегчается и даже поощряется¹, следует лишь отчасти рассматривать как следствие этих высоких принципов и христианских воззрений. Более важным здесь является то, что в экономической жизни VI в., особенно в сельском хозяйстве, рабский труд играл лишь вспомогательную роль. Ведущей силой производительного процесса уже с давних пор были колонны, и к ним юстинианово право не знает снисхождения. Прикрепление колонов к земле безжалостно ужесточается, и тем самым еще раз законодательно закрепляется крепостное состояние большинства сельского населения.

Одной чрезвычайно характерной чертой юстинианова законодательства является постоянное подчеркивание абсолютности императорской власти. Посредством правового обоснования монархии «Корпус гражданского права» не только в Византии, но и на Западе оказал продолжительное влияние на развитие политических идей. В Византии римское право во все времена составляло основу правовой жизни. Законодательный труд Юстиниана лежит в основе всего дальнейшего правового развития Византийской империи. Напротив, Запад лишь в XII в. вновь начал возвращаться к римскому праву. Рецепция римского права посредством изучения «Корпуса гражданского права» Юстиниана имела огромное значение для формирования правовых и политических воззрений на Западе, и с тех пор римское право в той версии, которую ему придали юристы Юстиниана, представляет собой вплоть до новейшего времени основной элемент общеевропейского правового развития.

¹ См.: *Hadjinicolaou-Marava A. Recherches sur la vie des esclaves dans le Monde byzantin*. Athènes, 1950. P. 22 sv.; *Удальцова З.В.* Некоторые изменения в экономическом положении рабов в Византии VI в. // ЗРВИ 8/1 (1963). С. 281–290.

Юстиниан был последним римским императором на византийском императорском престоле. В то же время он был также христианским владыкой, исполненным сознания того, что его императорская власть дана ему Божьей милостью. Его универсалистские устремления имели не только римскую, но и христианскую основу. Понятие Римской империи было для него идентичным понятию христианской ойкумены, победа христианской религии была для него столь же священной задачей, как и восстановление римского могущества. Со времени Феодосия I ни один правитель не прилагал столько усилий для христианизации Империи и искоренения язычества, как он. Насколько тонким стал уже к тому времени слой язычников, настолько влиятельным было еще язычество в науке и образовании. Юстиниан отнял у язычников право преподавать и в 529 г. закрыл афинскую Академию, оплот языческого неоплатонизма. Изгнанные ученые отправились ко двору персидского царя и принесли в Персию плоды греческой культуры. В Византии старая религия была уже мертва, и тем самым подошел к концу великий отрезок человеческой истории.

Христианская Церковь нашла в лице Юстиниана не только ревностного защитника, но и своего повелителя¹. Ведь даже будучи христианином, Юстиниан оставался римлянином, и идея автономии религиозной сферы была для него совершенно чужда. Пап и патриархов он рассматривал и обращался с ними как со своими слугами. Таким же образом, как он управлял государством, так же распоряжался он и в церковной жизни, лично вмешиваясь во все детали церковного устройства: даже в вопросах веры и обряда он сохранял за собой право принимать решение. Он проводил церковные Соборы, составлял богословские трактаты, сочинял церковные песнопения. В истории церковно-государственных отношений эпоха Юстиниана знаменует апогей императорского влияния на церковную жизнь. Столь неограниченно, как Юстиниан, ни один византийский император ни до, ни после него не правил Церковью.

Наиболее насущной церковно-политической проблемой оставались по-прежнему отношения с монофиситством. Политика за-

¹ См.: *Alivisatos H.* Die kirchliche Gesetzgebung des Kaisers Justinian I. Berlin, 1913; *Pargoire J.* L'Église byzantine de 527 à 847. Paris, 1905. P. 11 sv.; *Duchesne L.* L'Église au VIe siècle. Paris, 1925. P. 256 sv.

воеваний на Западе потребовала достижения согласия с Римской Церковью и как следствие антимонофиситской политики. Это, однако, углубило старые антипатии Египта и Сирии к византийскому центру и дало новую подпитку сепаратистским силам коптов и сирийцев. Но если мир с Западной Церковью можно было купить только путем углубления противоречий с Востоком, то и наоборот — сближение с монофиситскими церквями Сирии и Египта было возможно только ценой разрыва как с Западом, так и с населением византийских коренных областей. Тщетно Юстиниан искал компромисса. То, что на Пятом Вселенском Соборе в Константинополе (553) он дал осудить так называемые Три Главы — подозреваемые в несторианских тенденциях сочинения Феодора Мопсуэстийского, Феодорита Кирского и Ивы Эдесского, — вызвало лишь новый спор, но не удовлетворило монофиситов. Также и новые попытки сближения с монофиситством только лишь углубили противоречия в Империи.

При всех своих недугах все же неоспоримо, что Империя Юстиниана являет картину грандиозной мощи. Как будто желая вновь показать себя, старая Империя обнаружила все свои силы и как в политическом, так и в культурном отношении пережила последний крупный подъем. В своем территориальном протяжении она вновь достигла наивысшей точки, обьяв весь средиземноморский мир. В литературе и искусстве старая культура пережила в христианском обличье невиданный расцвет, за которым уже вскоре должен был последовать период культурного упадка. Эпоха Юстиниана не ознаменовала собой, как он этого хотел, начала новой эры: она означала конец великой умирающей эпохи. Юстиниану не дано было обновить Империю. Он смог лишь на краткое время внешне восстановить ее, внутреннего перерождения состарившееся позднеримское государство при нем не испытало. Поэтому территориальное восстановление было лишено прочного основания, и именно поэтому последствия стремительного крушения реставрационных усилий Юстиниана были вдвойне тяжелыми. После всех выдающихся успехов Юстиниан оставил своим преемникам внутренне истощенное, экономически и финансово полностью расстроенное государство. Им оставалось лишь исправлять огромные упущения, чтобы спасти то, что можно было спасти.

Самый тяжелый удар обрушился на Империю в Италии, важнейшей области восстановленной Империи, отвоевание которой потребовало затраты огромных усилий и стоило тяжелейших жертв. Уже в 568 г. в нее вторглись лангобарды, и за короткое время значительная часть страны попала в их руки¹. В Испании началось контрнаступление вестготов. Важнейший византийский опорный пункт, Кордуба (Кордова), вновь занятый в 572 г., окончательно был утрачен Империей в 584 г., а еще через четыре года последние остатки завоеваний Юстиниана в южной Испании также были возвращены вестготами². Свое положение в Северной Африке, несмотря на продолжительную и изнурительную войну с местными мавританскими племенами, Империя отстаивала вплоть до большого арабского вторжения; также и в самой Италии значительные территории все-таки оставались в ее собственности в течение нескольких столетий. Эти остатки потерпевшего неудачу проекта реставрации Юстиниана составили основу, на которой в будущем зиждилась византийская власть на Западе. Однако возжеланная универсальная держава была уже в прошлом...

Основная тяжесть византийской политики по необходимости вновь смещается на Восток, ибо первоочередной задачей для преемников Юстиниана стала необходимость укрепить пошатнувшееся положение Империи в Передней Азии. Твердое противостояние персидской державе в последующие десятилетия стало главной отличительной чертой византийской внешней политики. Несмотря на внутреннее опустошение государства, племянник и преемник Юстиниана Юстин II (565–578) без колебаний отказал персидскому царю в уплате полагающейся дани. Этим был нарушен мирный договор, заключения которого с таким трудом добился Юстиниан. Началась тяжелая затяжная война. Она велась в основном из-за Армении, этой чрезвычайно важной со стратегической и торговой точек зрения страны, которая извечно была яблоком раздора между двумя великими державами. Обладание армянскими землями для Империи оказалось как никогда важным. Как однажды приток германцев погрузил Импе-

¹ Об истории лангобардов см.: *Schmidt L.* Die Ostgermanen. S. 565 ff.

² Важные сведения о малоизученной истории византийского владычества в Испании приводятся в: *Goubert P.* Byzance et l'Espagne wisigothique // *Études byzantines* 2 (1944). P. 5–78; *Idem.* L'Espagne byzantine // *Études byzantines* 3 (1945). P. 127–142; 4 (1946). P. 71–133.

рию в тяжелый кризис, так и теперь их уход на Запад также породил острый кризис, ибо Византия более не могла покрыть своей потребности в наемниках. Она должна была в большем объеме прибегать к набору среди местного населения и обратила свои взоры к воинственному народу Армении¹. Полных двадцать лет при императорах Юстине II, Тиверии Константине (578–582) и Маврикии (582–602) война велась с приложением всех сил и переменным успехом, пока, наконец, разразившаяся в державе персов смута не ознаменовала собой счастливого поворота, а энергия императора Маврикия не привела к благоприятному для Византии ее окончанию. При его поддержке молодой Хосров II Парвиз, внук Хосрова Старшего, смог захватить царский престол, после чего он заключил с Византийской империей мирный договор, по которому значительная часть персидской Армении отошла к византийцам (591)².

Маврикий принадлежит к числу наиболее значительных византийских правителей. Время его правления представляет собой важный этап развития старого позднееримского государства и его перехода к новому полному жизни порядку средневековой византийской Империи. Обращение к Востоку и вынужденное оставление большинства присоединенных при Юстиниане западных областей не означало сдачу принципиальных имперских интересов на Западе. Посредством эпохальных организационных мероприятий Маврикий сохранил для Империи на длительное время по крайней мере часть западных владений. Консолидировав остатки могущества времен Юстиниана, он создал экзархаты в Равенне и в Карфагене, которые посредством строгой военной организации должны были стать способными к обороне. Североафриканские области и окруженную захваченными лангобардами областями Равенну он организовал в качестве военных наместничеств, передав во властные полномочия экзархов не только военную, но и гражданскую власть во всей полноте³. Оба экзархата

¹ См.: *Stein. Studien.* S. 5–7.

² *Dölger. Regesten*, N. 104. Cp.: *Goubert P. Byzance et l'Orient sous les successeurs de Justinien. L'empereur Maurice.* Paris, 1951; *Higgins M.J. The Persian War of the Emperor Maurice.* Washington, 1939. Византийско-персидских отношений касается также интересное исследование: *Higgins M.J. International Relations at the Close of the Sixth Century // The Catholic Historical Review* 27 (1941). P. 279–315.

³ Равеннский экзархат впервые упоминается в 584 г. См.: *Diehl. Exarchat.* P. 6 sv.; *Hartmann. Byzantinische Verwaltung.* S. 9 ff.; *Gelzer. Themenverfassung.* S. 6 ff.

стали форпостами византийского могущества на Западе. Их организация открыла эпоху милитаризации византийского управления и подала пример позднему феодальному устройству.

Сколь в малой степени Маврикий был склонен отказываться от западных владений, показывает завещание, которое он, пораженный тяжелой болезнью, составил в 597 г. По этому завещанию его старший сын Феодосий должен был из Константинополя управлять восточной частью, а второй сын, Тиверий, из Рима — Италией и западными островами¹. Рим в качестве второй имперской столицы должен был вновь стать городом императора. Идея всемирной Империи не была забыта, живыми оставались и традиции раздельного правления и деления единой Римской империи².

Если в Азии было, хотя и на краткое время, водворено спокойствие, если на Западе из наследия гордого дела Юстиниана было спасено то, что можно было спасти, то положение на Балканах становилось все более критическим. Смятение, которое царило здесь со времен славянских вторжений, все более усиливалось со времени вторжения аваров в Среднюю Европу. На Паннонской равнине возник мощный союз племен, и с тех пор Византия находилась под все возрастающим давлением аваров и подчиненных им славянских племен, живших в среднем течении Дуная. Вскоре вспыхнула ожесточенная борьба за византийские пограничные крепости, прикрывавшие переходы через Саву и Дунай. После продолжительной ожесточенной осады аварский хакан Баян в 582 г. вступил в Сирмию. Через два года пали Виминачий, а также, на некоторое время, Сингидун³. Византийская оборонительная линия была прорвана, и аварско-славянский поток стал распространяться по всему Балканскому полуострову. Одновременно независимые от аваров славянские племена с нижнего Дуная все более глубоко вторгались

Карфагенский экзархат впервые встречается в источниках в 591 г. См.: *Diehl. L'Afrique byzantine*. P. 478 sv.

¹ Феофилакт Симокатта (ed. de Boor. P. 305–306) далее сообщает, что «остальные части» римского государства должны были быть переданы двум младшим сыновьям Маврикия. Согласно весьма правдоподобному предположению Бёри (*Bury. Later Rom. Empire* (2). P. 94, n. 2), один из них должен был получить Иллирик, а другой — Северную Африку.

² См.: *Kornemann. Doppelprinzipat*. S. 161.

³ См. *Баршанский Ф.* Византиски Сингидунум // ЗРВИ 3 (1955). С. 10–13.

в византийские провинции¹. В это время случились первые славянские и аваро-славянские нападения на Фессалонику (584 и 586)². Но самым важным было то, что с 80-х гг. VI в. началось поселение славян на Балканском полуострове. Славянские племена более не удовлетворялись грабежом, они обосновывались на византийской территории и брали землю в прочное владение³.

Из крупных внешнеполитических событий ранневизантийской эпохи для дальнейшего развития Империи не было другого столь важного события, как вторжение славян на Балканы. Все прочие вторжения варваров, которым в ту эпоху подвергалась Империя, имели преходящий характер, и даже великое переселение германцев, как бы глубоко не отразилось оно на развитии Византии, всего лишь прокатилось мимо Восточной империи. Славяне же остались на Балканах навсегда, и со времени захвата страны славянами начался процесс, который позднее привел к возникновению независимых славянских государств на византийской почве.

Завоевательные войны на Западе во времена Юстиниана и продолжительная борьба с Персией во времена его преемников заставили Византию перейти на Балканском полуострове к обороне. Только

¹ О независимости славян на нижнем Дунае см.: *Станојевић*. Византија и Срби. Т. I. С. 171 сл., со ссылками на источники и литературу. См. тж.: *Grafenauer*. Nekaj vprašanj. С. 87 сл.

² Об этом сообщают так называемые Чудеса св. Димитрия: ср.: ВИИНЈ. Т. I. С. 175 сл.; *Баришић*. Чуда Димитрия Солунского. С. 49 сл., 56 сл.

³ См. восходящее к 584 г. сообщение Иоанна Эфесского (*Historia ecclesiastica*, VI, 25), согласно которому славяне «свободно и без страха» жили в римских провинциях. Если вопреки этому в одном из предыдущих предложений говорилось, что они населяли землю до тех пор, «пока Бог их не выгнал прочь», то это, как уже давно было подмечено, является ошибкой переводчика Иоанна Эфесского на немецкий язык Шёнфельдера. Ср.: *Васильев А.А.* Славяне в Греции // ВВ 5 (1898). С. 409, прим. 3; *Jireček C.* Die Romanen in den Städten Dalmatiens. I. Wien, 1901. S. 25; *Дьяконов А.* Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах в VI–VII вв. // ВДИ. 1946. Вып. 1. С. 32. Неправильно переведенный Шёнфельдером пассаж скорее означает «покуда Бог им позволяет», как переводил уже Пейн Смит (*The Third Part of the Ecclesiastical History of John Bishop of Ephesus* / Transl. R. Payne Smith. Oxford, 1860): «as far as God permits them». Издание Брукса в CSCO, *Scriptores Syri*, III (1935) с латинским переводом (1936) мне, к сожалению, недоступно; см.: *Honigmann E.* Byz 14 (1939). S. 615 ff. [Перевод Брукса (p. 249): «donec Deus eos deiciet» — «пока Бог не изгонит их». — *Прим. пер.*]. См. тж.: *Grégoire H.* L'origine et le nom des Croates et des Serbes // Byz 17 (1944–1945). P. 109–111.

победное окончание войны с персами дало возможность предпринять контрнаступление против славян в придунайских областях. На самом деле только большая и успешная кампания против основных славянских поселений по ту сторону Дуная могла предохранить северную имперскую границу от враждебных вторжений и обеспечить Империи владение Балканским полуостровом. Так в 592 г. началась борьба¹, которая должна была решить судьбу Балканского полуострова. Поначалу казалось, что ее ход принимает для византийцев благоприятный оборот. Неоднократно переходили они Дунай, одержав над славянами и аварами несколько побед. Впрочем, такие отдельные победы оказывали на огромную славянскую массу лишь небольшое действие. Борьба затянулась, ведение войны в отдаленной местности было трудным, и боевой настрой войск опасно упал.

Со времени крушения реставрационной политики Юстиниана верховная власть сильно потеряла в авторитете. В качестве естественной реакции на абсолютизм Юстиниана возросло не только политическое значение сената, но и стремление к свободе народа. В критические годы на переломе VI и VII вв. активность димов достигла нового пика. Постоянно обостряющиеся социальные и религиозные противоречия находили себе выход во внутренней борьбе и в столкновениях вентов и прасинов во всех крупных городах Империи. В войсках сильно упала дисциплина, и дело часто доходило до открытого проявления недовольства, тем более что правительство, вынужденное прибегать к мерам экономии, скупилось на выплаты жалования. Глубокое беспокойство, которое овладело Империей, охватило также усталую и пришедшую в уныние от безысходной войны армию. Когда в 602 г. войска вновь получили приказ зимовать в своих лагерях за Дунаем, возмущение прорвалось наружу. Младший офицер Фока, полуварвар по происхождению, был поднят на щит и двинулся вместе с мятежными солдатами на Константинополь. В самой столице также поднялось

¹ Хронологические трудности, которые возникают при оценке соответствующих данных Теофилакта Симокатты, уже не раз рассматривались. Подробнее других занимались этим вопросом в последнее время следующие исследователи: *Labuda G.* Chronologie des guerres de Byzance contre les Avars et les Slaves à la fin du VIe siècle // *BSI* 11 (1950). P. 167–173, согласно которому война началась лишь в 596 г., и *Grafenauer.* Nekaj vprašanj: S. 62 sl., согласно которому война длилась с 592 по 602 гг., что, по-моему, верно. Ср. тж.: *Bury J.B.* The Chronology of Theophylactus Simocatta // *English Historical Review* 3 (1888). P. 310–315.

восстание. Обе соперничающие партии объединились в борьбе против императорского правительства¹. Маврикий был свергнут, а Фока с согласия сената провозглашен императором.

Провал дунайской экспедиции после десятилетней напрасной войны решил судьбу не только Балканского полуострова, который был окончательно предоставлен славянам: долго сдерживаемый внутренний кризис Империи прорвался, наконец, наружу. В годы, когда Константинополем повелевал Фока (602–610), старое, обескровленное позднеримское государство вступило в свою последнюю смертельную агонию. Террористический режим Фоки представлял собой внешние рамки, в которых протекал распад позднеримского государственного и общественного порядка.

Состояние лихорадки, которое охватило Империю, вылилось в необузданное господство террора и в тяжелую внутреннюю борьбу. За убийством свергнутого Маврикия и его сыновей, которых перебили на глазах у отца, последовала волна массовых казней. Террор затронул прежде всего представителей наиболее уважаемых родов и вызвал в первую очередь их сопротивление. На террор со стороны правительства аристократия ответила длинной чередой заговоров, которые во всех случаях заканчивались новыми казнями.

Только в одном месте Фока нашел поддержку — в Риме. Между Константинополем и Римом уже в конце VI в. разгорелся горячий спор вследствие решительных протестов папы Григория I против титула «вселенский», который патриарх Константинопольский имел обыкновение прилагать к себе уже примерно сто лет². Маврикий воспринимал

¹ Согласно исследованию Ивонны Янссенс (*Janssens Y. Les Bleus et les Verts sous Maurice, Phocas et Héraclius // Byz 11 (1936). P. 499–536*), «зеленые» при Маврикии были господствующей партией. Это мнение подчеркнуто разделяет Грегуар (*Grégoire H. L'empereur Maurice s'appuyait-il sur les Verts ou sur les Bleus? // Annales de l'Institut Kondakov 10 (1938). P. 107–111*); см. тж. его остроумные рассуждения: *Idem. Sainte Euphémie et l'Empereur Maurice // Le Muséon 59 (1946). P. 295–302*. Напротив, Дёльгер (*BZ 37 (1937). S. 542–543; 38 (1938). S. 525–528*) их решительно опровергает. Согласно Дьяконову (Византийские димы. С. 221 сл.), Маврикий благоволил венецам, однако и по отношению к прасинам занимал дружелюбную позицию.

² См.: *Gelzer H. Der Streit über den Titel des ökumenischen Patriarchen // Jahrb. für protestantische Theologie 13 (1897). S. 549 ff.*; *Caspar E. Geschichte des Papsttums. Bd. II. S. 367, 452 ff.*; *Haller J. Das Papsttum. Bd. I. Stuttgart, 1934. S. 285 ff.*; *Laurent V. Le titre de patriarche oecuménique et la signature patriarchale // REB 6 (1948). P. 5–26.*

эти протесты со сдержанной прохладой. Фока же, напротив, с готовностью уступил: его подчеркнуто дружественная по отношению к Риму политика увенчалась адресованным в 607 г. папе Бонифацию III указом, который признавал апостольскую Церковь св. Петра главой всех Церквей¹. Памятником особого благоволения, которым пользовался Фока в Риме, стала воздвигнутая на римском форуме колонна, надпись на которой прославляет византийского тирана.

В самой Византии Фока навлекал на себя все большую ненависть, особенно в Передней Азии, где его православная церковная политика выразилась в кровавых гонениях на монофиситов и иудеев. Внутренние конфликты принимали все большие размеры и становились ожесточеннее. Партия прасинов, которая поначалу поддерживала Фоку, выступила затем против него с такой враждебностью, что ее членам было строго запрещено занимать государственные должности², при этом венецы поставили себя на службу режиму террора. Борьба димов достигла крайнего ожесточения. По Империи распространялось пламя гражданской войны³.

¹ *Dölger. Regesten*, N 155.

² *Theophanes*. P. 297.4: ἐκέλευσε τοὺς πρασίνοὺς μὴκέτι πολιτεύεσθαι. Ввиду многозначности показаний источников нелегко решить, когда партия прасинов окончательно отошла от Фоки: либо в 603 г., как это стремится подробно обосновать Янссенс (*Janssens*. Op. cit. P. 515 sv.; ср. ранее: Кулаковский Ю. К критике известий Феофана о последнем годе правления Фоки // ВВ 21 (1914). С. 9–14), либо в конце правления Фоки, как это полагает большинство исследователей: *Bury. Later Rom. Empire* (2). P. 204; *Pareti L. Verdi e azzurri ai tempi di Foca* // *Studi Italiani di Filologia classica* 19 (1912). P. 305–315; *Baynes N.H. The Successors of Justinian* // СМН II (1913). P. 286; *Dölger. Regesten*, N 159. Наконец, и Дьяконов (Византийские димы. С. 223 сл.) попытался пространно показать, что прасины только в 609 г. окончательно отошли от Фоки (так же *Левченко М.* Венецы и прасины в Византии в V–VII вв. // ВВ 1 (1947). С. 177–180, который и здесь вновь повторяет аргументы Дьяконова, причем практически дословно). При этом важен здесь не столько вопрос, в каком году произошел раскол между Фокой и прасинами, а скорее тот факт, что именно «зеленые» внесли решающий вклад в свержение Фоки, когда в критический момент стали ожесточенно против него бороться, решительно выступив за Ираклия. Также и подчеркнуто православная и дружественная Риму церковная политика Фоки — которая значит больше, чем это желает допустить Дьяконов (Византийские димы. С. 225; и в этом случае дословное повторение у Левченко, указ. соч., с. 179), — очевидно говорит не в пользу «зеленого» умонастроения.

³ О состоянии анархии, которое господствовало тогда в Византийской империи, имеются весьма впечатляющие современные сведения. Особенно показатель-

Но теперь обрушилась и внешняя катастрофа, предотвратить которую были призваны тяжелые сражения прошедших десятилетий. Как на Балканах, так и в Азии дело дошло до полного развала армии. Персидский царь Хосров II, выставив себя мстителем за убитого Маврикия, предпринял против Византии генеральное наступление. Обороноспособность и воля к сопротивлению расшатанной изнутри Империи год от года слабели. Поначалу сражения были весьма жестокими, хотя во всех случаях они имели для Византии печальный исход. Однако после того, как сопротивление в приграничных областях было сломлено и в 605 г. пала крепость Дара, персидские армии совершили быстрое вторжение в Переднюю Азию, достигли Малой Азии и заняли Кесарию. Один персидский отряд дошел даже до Халкидона. На Балканы же хлынул аваро-славянский поток. Не сильно помогло и то, что в 604 г. Фока повысил размер выплат аварскому хакану¹: вскоре весь Балканский полуостров оказался наводнен огромными массами славян. Империя стояла на краю гибели.

Спасли ее силы окраин. Экзарх Карфагена Ираклий восстал против режима Фоки и, после того как к нему присоединился Египет, отправил своего сына, тоже Ираклия, во главе флота на Константинополь. На островах и в гаванях, в которые флот причаливал по пути, Ираклия Младшего восторженно принимало население, особенно партия прасинов. 3 октября 610 г. его эскадра показалась перед Константинополем. Здесь его также приняли как избавителя: он положил быстрый конец режиму террора Фоки и 5 октября принял из рук патриарха императорский венец². После казни Фоки статуя свергнутого

ной является легенда о св. Димитрии (AASS. Oct. 8. IV, 132 (PG 116. Col. 1261–1262): «Вы очень хорошо знаете, — говорится в ней, — какие тучи дьявольской пыли взвились при преемнике блаженной памяти императора Маврикия, который задушил любовь и сеял всеобщую ненависть по всему Востоку: в Киликии, в Азии, в Палестине и в прилегающих областях вплоть до самого царственного града! Димы не довольствовались тем, что проливали кровь своих единокровных на улицах, но одни врывались в дома других и безжалостно убивали живущих в них; женщин и детей, стариков и юношей, которые были слишком слабы, чтобы спастись бегством, сбрасывали они с верхних этажей на землю, варварским образом грабили своих сограждан, знакомых и родных, и поджигали их дома».

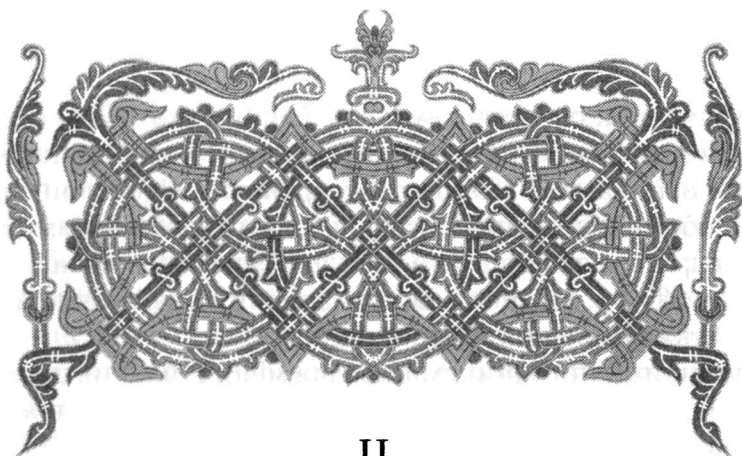
¹ Dölger. Regesten, N 152.

² Относительно даты см.: Ostrogorsky. Chronologie. S. 30, Anm. 1.

тирана в качестве символической *damnatio memoriae* была сброшена и публично сожжена, а с нею был сожжен и флаг партии венетов.¹

Годы анархии в правление Фоки знаменуют собой заключительный аккорд истории позднеимперского государства. На этом заканчивается позднеимперская, или ранневизантийская, эпоха. Из кризиса Византия выходит по существу в виде новой структуры, освобожденной от наследия прогнившего позднеимперского государственного организма и укрепленной новыми силами. Начинается собственно византийская история — история средневековой греческой Империи.

¹ Chronicon Paschale. P. 701.17. Это красноречивое свидетельство не было в достаточной мере учтено при выяснении вопроса, с какой из двух партий Фока был связан сильнее (см. выше с. 130, прим. 2).

II БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ И ОБНОВЛЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА (610–711)

Источники

После расцвета литературы при Юстиниане с VII в. начинается период литературного оскудения, который поэтому часто называется темными веками Византии. И в самом деле, никакая другая эпоха византийской истории не является столь бедной источниками, как VII и VIII вв. (конкретно это касается времени после Ираклия).

Великие деяния Ираклия воспел *Георгий Писиды*, бывший диаконом, скевофилаком и хартофилаком церкви Св. Софии при патриархе Сергии (610–639). Много восхваляемый поэт, которого позднейшие византийцы сравнивали с Еврипидом, он наряду с прочим написал ямбическим триметром несколько поэм на исторические темы. Наибольшее значение, несмотря на их ярко выраженный риторический характер, имеют поэмы о походе Ираклия против персов 622 г., о нападении аваров на Константинополь в 626 г. и панегирик «Ираклиада», описывающий победу над персидской державой¹. Об аваро-славянской осаде Константинополя также подробно говорится в речи *Феодора Синкеллы*, который так же, как и Писиды, писал при Ираклии

¹ Новое критическое издание с итальянским переводом и подробным комментарием: *Pertusi A. Giorgio di Pisidia. Poemi, I. Panegirici epici. Ettal, 1960.*

и был скевофилаком и пресвитером Св. Софии.¹ Современником Ираклия и доверенным лицом патриарха Сергия был также составитель так называемой «*Пасхальной хроники*». Это сочинение представляет собой дополненный историческими сообщениями хронологический перечень, идущий от Адама до 629 г. (сохранившийся список доходит до 627 г.). Ценность представляет только заключительная часть, с конца правления Маврикия.

Важнейшими источниками для времени Ираклия и единственными греческими историческими источниками для времени его преемников являются хроники *Феофана Исповедника* и патриарха *Никифора*. Составленная между 810 и 814 гг. «Хронография» монаха Феофана представляет собой продолжение оставшейся неоконченной всемирной хроники Георгия Синкелла. Она начинается там, где остановился Георгий Синкелл, а именно — на времени Диоклетиана, и завершается вскоре после восшествия на престол Льва V, охватывая, таким образом, период времени с 284 по 813 г.² Несмотря на то что Феофану не доставало достаточно глубокой учености, исторического понимания и объективности, его основанный на более старых источниках труд, особенно для VII и VIII вв., имеет чрезвычайно большое значение. Тщательно проработанная хронологическая система, представляющая собой особую отличительную черту хроники Феофана, является основой византийской хронологии двух «темных» веков. Повествование членится по анналистическому принципу, отдельные погодные отделы начинаются хронологическими заголовками, в которых наряду с годами от сотворения мира и от Боговоплощения (Рождества Христова) указываются не только текущие годы правления византийских императоров, но и годы правления персидских, а затем арабских владык, пап и четырех патриархов. Наряду с исчислением годов (по александрийской эре, которая насчитывает от сотворения мира до Рождества Христова по нашей эре 5492 г.) Феофан приводит также

¹ Издание: *Sternbach L. Analecta Avarica*. Cracovia, 1900. Ср. ВИИИИ. Т. 1. С. 159 сл.

² Издание: *Theophanis. Chronographia* / Ed. C. de Boor. Vol. I–II. Lipsiae, 1883–1885. Заключительная часть (717–813) была переведена на немецкий язык Л. Брайе-ром и снабжена предисловием: *Breyer L. Bilderstreit und Arabersturm in Byzanz: Das 8. Jahrhundert (717–813) aus der Weltchronik des Theophanes*. Graz, 1957. (Byzantinische Geschichtsschreiber; VI).

счет по циклам индиктов, хотя годы индиктов он в большинстве разделов явно не приводит. Однако следует заметить, что, начиная с 6102 г. от сотворения мира (609/10 по Р.Х.) и до 6265-го (772/3 по Р.Х.) — за исключением краткого периода с 6207-го по 6218-й (714/5–725/6) — числа годов из-за ошибочного расположения материала отстают на один год от приведенных там же или же надежно вычисляемых в каждом случае чисел индикта. Напротив, счет по индиктам у Феофана всегда правильный, так что мы при использовании его хронологических данных в указанный период должны прибавлять к указанному числу лет один год¹. Хроника Феофана пользовалась у византийцев большим авторитетом, от нее отталкивается вся последующая византийская анналистика. На Западе она стала известна благодаря выполненному в 70-е гг. IX в. латинскому переводу Анастасия Библиотекаря, который до сих пор имеет для современной науки ту ценность, что он сделан с оригинала, превосходящего своей древностью все сохранившиеся ныне рукописи «Хронографии» Феофана.

Патриарх Никифор, занимавший константинопольский престол с 806 г. вплоть до начала новой фазы иконоборчества в 815 г., наряду с многочисленными богословскими сочинениями написал

¹ Ср.: *Ostrogorsky. Chronologie. S. 1 ff.*, где также обсуждается более ранняя литература, посвященная проблеме хронологии Феофана. См. тж. мою статью: *Theophanes // RE. II. Reihe. Halbbd. 10. 1934. Sp. 2127–2132*. Попытка Грюмеля (*Grumel V. L'année du monde dans la Chronographie de Théophane // EO 33 (1934). P. 396–408*) объяснить несовпадение лет мира и индиктов посредством предположения о том, что Феофан считал начало года не с 1 сентября, а с 25 марта, является неудачной, как это показал Ф. Дёльгер (*BZ 35 (1935). S. 154–155*). См. тж.: *Dölger F. Das Kaiserjahr der Byzantiner // Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. 1949. Heft 1. S. 21, 38*. Также и Анастасиевич (Царский год в Византии // *Annales de l'Institut Kondakov 11 (1940). P. 147–200, особ. 170 сл.*) отвергает теорию Грюмеля и присоединяется к моим выводам, однако полагает, что встречающаяся в хронике Феофана в 609/10 г. разница между годами индикта и числами лет продолжается не до 714/5 г., а выравнивается уже в последние годы правления Константа II. Мартовский стиль отставал в недавнее время также Мошин (*Мошин В. Мартовско датирање // Историски Гласник 1–2 (1951). С. 19–57*). Ср. мою критику (*BZ 46 (1953). S. 170–174*), где показывается, что мартовский стиль в Византии не имел такого распространения, какое ему приписывают Грюмель и Мошин, и что он не может объяснить хронологических особенностей хроники Феофана, поскольку та основывается, скорее, на сентябрьском стиле.

также «Краткую историю» (ἱστορία σύντομος), охватывающую годы с 602 по 769¹, отчасти используя те же неизвестные нам источники, что и Феофан. Сведения Никифора менее подробны, чем у Феофана, однако его сочинение почти не уступает ему по исторической ценности и в целом отличается большей обстоятельностью. Напротив, весьма ограниченной ценностью обладает составленный им хронологический список (χρονογραφικὸν σύντομον), простирающийся от Адама до года смерти автора (829).

Определенную замену скудных греческих источников представляют собой сведения восточных писателей. На первом месте здесь следует упомянуть сочинение армянского епископа *Себеоса*, написавшего в 60-е гг. VII в. (предположительно в 661) «Историю Ираклия»². История Ираклия и его великого врага Хосрова II является центральной, хотя и не единственной темой этого сочинения, которое начинается кратким сообщением о предыдущих временах, продолжает повествование вплоть до восхождения Муавии на трон халифов (661) и подробно рассказывает о церковных делах Армении.

Очень важной для начала правления Ираклия является имеющая, к сожалению, значительные пропуски и сохранившаяся в поздней эфиопской версии всемирная хроника египетского епископа *Иоанна Никиуского* конца VII в.³ Следует также выделить несколько современных и позднейших анонимных сирийских хро-

¹ Breviarium historicum // *Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani*. Opuscula historica / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1880. P. 1–77. Не использованная Де Боором рукопись Lond. Add. 19390 (IX в.), которая, впрочем, доходит только до 713 г., была исследована Л. Орошем (*Orosz L. The London Manuscript of Nikephoros «Breviarium»*. Budapest, 1948), который опубликовал текст начальной части (до р. 15.2 по изданию Де Боора), а для остальной части, обнаруживающей незначительные расхождения, предложил колляцию с изданием Де Боора. О литературном творчестве Никифора см. обстоятельную работу: *Alexander. Patr. Nicephorus*.

² Русский перевод: История императора Иракла / Перевод с армянского К. Патканова. СПб., 1862; французский перевод: *Histoire d'Héraclius par l'évêque Sebéos / Traduite de l'arménien et annotée par F. Macler*. Paris, 1904. Относительно спорного вопроса о составе, источниках и времени составления сочинения см.: *Малхасянц С.С.* Историк Себеос (Аноним и Марабас Мцурнинский) // ВВ 2 (1949). С. 94–105.

³ Издание с фр. переводом: *Zotenberg H. Chronique de Jean, Evêque de Nikiou*. Paris, 1883. (Notices et Extraits des Mss. de la Bibl. Nationale; XXIV). Английский

ник¹, а также использующую более ранние сообщения хронику митрополита *Илии Нисибинского*², а также чрезвычайно важный труд *Михаила Сирийца*³.

Огромным значением для истории славянских вторжений на Балканы являются «*Чудеса св. Димитрия*», в которых с большой живостью и многочисленными яркими подробностями описываются нападения славян и аваров на Фессалонику (Солунь) в конце VI и начале VII в., а также во второй половине VII в.⁴ Это агиографическое произведение, которое значительно дополняет наши скудные знания о жизни южных славян на их новой родине, состоит из двух частей: первую часть около 620 г. составил арихиепископ Солунский Иоанн, а вторую — один из его учеников в 80-е гг. VII в. (добавленная позднее третья часть не имеет значения)⁵.

Для церковно-исторических событий этого времени наряду с актами Шестого Вселенского Собора и Пято-Шестого⁶ особенно важными являются труды Максима Исповедника⁷.

Исключительно беден VII в. и правовыми источниками. Тем не менее у нас есть все основания приписывать этому времени появление весьма важного «Земледельческого закона» (*νόμος*

перевод: *Charles R.H.* The Chronicle of John, Bishop of Nikiu, translated from Zotenberg's Ethiopic Text. London, 1916.

¹ Издание с латинским переводом И. Гвиди, Э. Брукса и Ж.-Б. Шабо: *Chronica minora*. I–III // CSCO. Ser. III. T. 4, partes 1–3. Scriptores Syri. Vol. 1–6. Parisiis, 1903–1907.

² Издание и латинский перевод: *Eliae metropolitae Nisibeni*. Opus chronologicum. I–II / Ed. E.W. Brooks et J.-B. Chabot // CSCO. Ser. III. T. 7–8. Scriptores Syri. Vol. 21–24. Parisiis, 1909–1910.

³ Издание с французским переводом: *Chronique de Michel le Syrien* / Ed. J.-B. Chabot. Paris, 1899–1924. Vol. 1–5.

⁴ Издание с латинским переводом: AASS. Octobris t. IV. Bruxellis, 1780. P. 104–162, 162–190 (= PG 116. Col. 1203–1324, 1325–1384). Дополнения: *Tougard A.* De l'histoire profane dans les actes grecs des Bollandistes. Paris, 1874.

⁵ *Баршум*. Чуда Димитрија Солунског; *Lemerle P.* La composition et la chronologie des deux premiers livres des Miracula S. Demetrii // BZ 46 (1953). S. 349–361; *Бурмов А.* Славянските нападения срещу Солун в «Чудесата на Св. Димитра» и тяхната хронология // Годишник на Филос.-истор. фак. 11 (1952). С. 167–215.

⁶ Mansi. T. XI. P. 196 sq., 929 sq.

⁷ PG 90–91.

γεωργικός)¹. С совершенной точностью, впрочем, можно сказать, что он возник в VII или в VIII в.; во всяком случае, исследователи в общем согласны в том, что он вряд ли по своему происхождению может быть моложе первой половины VIII в. Лучше всего этот правовой памятник подходит концу VII в., и вероятность того, что он происходит из этого времени, является тем больше, что его заглавие, как кажется, указывает на Юстиниана II². Здесь следует также

¹ Издания: *Ashburner W.* The Farmer's Law // *JHS* 30 (1910). P. 85–108; 32 (1912). P. 68–95 с критическим аппаратом, подробным комментарием и английским переводом. Текст воспроизведен в: *Zepos. Jus*, II. P. 65–71.

² Согласно заглавию, «Земледельческий закон» представляет собой избранные главы из уложения Юстиниана; соответственно, напрашивается вопрос, означает ли это указание, что закон должен рассматриваться в качестве выборки из законодательства Юстиниана I (тогда как на самом деле он представляет собой по преимуществу новое право, и те параллели из юстинианова законодательства, которые можно установить, представляются ничтожными и к тому же большей частью имеют совсем другую природу; ср.: *Ashburner. Op. cit.* 32. P. 90 ff.; *Dölger F.* Ist der Nomos Georgikos ein Gesetz Kaiser Justinians II.? // *Festschrift L. Wenger. München*, 1945. Bd. II. S. 18–48 (= *Paraspora*. S. 252 ff.), или же это отрывки из неизвестного нам по другим источникам уложения Юстиниана II. Старые исследователи, начиная с Куяция (*Cujacius*), разделяли эту последнюю возможность, однако она была оставлена вследствие возражений Мортрёя (*Mortreuil J.A.B.* *Histoire du droit byzantin*. T. I. Paris, 1843. P. 395) и Хаймбаха (*Heimbach C.W.E.* *Geschichte des griechisch-römischen Rechts* // *Enzyklopädie der Wissenschaft von Ersch und Gruber*. Bd. 86. 1868. S. 278–279), который посчитал заглавие «Земледельческого закона» намеком на уложения Юстиниана I, а особенно вследствие аргументов Цахариэ фон Лингенталля (*Zachariä. Geschichte*. S. 234–242), который стремился показать близкое родство «Закона» с «Эклогой» Льва III и Константина V и, соответственно, считал возможным приписать его этим императорам, ибо в целом имел особую любовь к императорам-иконобразам (своим «фаворитам», как выразился Эшбёрнер (*Op. cit.* 32. P. 73)), которым он также приписал целый ряд других законодательных сочинений, о которых, в свою очередь, мы сейчас определенно знаем, что они им не принадлежат. Как и в некоторых случаях, так и в этом авторитет Цахариэ помог его теории восторжествовать на длительное время: она стала господствующей доктриной, несмотря на обоснованные возражения таких знатоков «Земледельческого закона», как Б.А. Панченко (Крестьянская собственность. С. 24 сл.) и Эшбёрнера (*Op. cit.* 32. P. 87 ff.). Дискуссия получила дальнейший импульс после того, как Г. Вернадский недавно вновь выступил за то, чтобы приписывать «Закон» Юстиниану II (*Vernadsky G.* *Sur l'origine de la Loi agraire* // *Byz* 2 (1925). P. 169–180). Его аргументы нашли поддержку многих исследователей (см.: *Stein. Vom Altertum*. S. 162 и *BZ* 31 (1931). S. 355; *Vasiliev. Histoire*. Vol. I. 1932. P. 325 (ср. *History*. 1952. P. 245); *Bréhier. Institutions*. P. 176; *Ostrogorsky* в: *BZ* 30 (1929–1930). S. 396

и Byz 6 (1931). P. 240; ср.: Grégoire в: Byz 12 (1937). P. 642). Впрочем, другими исследователями они были отвергнуты (Dölger F. Historische Zeitschrift 141 (1930). S. 112–113 и Paraspora. S. 241 ff.; Луниниц, Византийское крестьянство. С. 100 сл.). Однако следует отметить, что из числа известных на настоящий момент рукописей «Земледельческого закона» явный намек на законодательные книги Юстиниана I содержит лишь рукопись Parisinus gr. 1367 (XII в.), которая имеет совершенно необыкновенное заглавие и наряду с большим количеством неидентифицируемых сочинений цитирует также Дигесты и Институции. Напротив, надписание в других рукописях с незначительными вариациями звучит следующим образом: Κεφάλαια νόμου γεωργικῆς κατ' ἐκλογὴν ἐκ τοῦ Ἰουστινιανοῦ βιβλίου (о рукописной традиции см.: Ashburner. Op. cit. 30. P. 85 ff.; de Malafosse J. Les lois agraires à l'époque byzantine // Recueil de l'Acad. de Législation 19 (1949). P. 1–75). Следует отметить единственное число слова βιβλίου, которое решительно говорит против Юстиниана I, ибо если бы имелся в виду он, то следовало бы, несомненно, ожидать βιβλίων. Из шести рукописей, которыми пользовался Эшбёрнер, наряду с Parisinus gr. 1367 только Marcianus gr. 167 (XII в.) содержит форму множественного числа, в то время как пять остальных, среди которых и три древнейшие, а также три зависящие друг от друга рукописи XI в. однозначно содержат βιβλίου (или βιβλου). Это наблюдение, которое я сделал еще в первом издании данной книги, имеет, по моему мнению, наибольший вес при решении этого спорного вопроса. Тем не менее Дёльгер (Paraspora. S. 249–250, Anm. 31) не захотел признать его доказательной силы, хотя и не смог опровергнуть его, поскольку опровержение было бы возможно только, если можно было бы привести византийский законодательный памятник, который бы в своем заглавии заведомо ссылался на законодательство Юстиниана I и обозначал бы его как τὸ Ἰουστινιανοῦ βιβλίον. Как на самом деле в подобных случаях цитировались законодательные труды Юстиниана I, можно проиллюстрировать на основе близкой по времени «Земледельческому закону» Эклоги, которая действительно претендует на то, чтобы считаться выборкой из юстиниановых законодательных книг и потому в надписании ясно и очевидно обозначается как «ἐκλογὴ τῶν νόμων... ἀπὸ τῶν ἰνστιτούτων, τῶν διγέστων, τοῦ κώδικος, τῶν νεαρῶν τοῦ μεγάλου Ἰουστινιανοῦ διατάξεων».

Вопреки мнению Цахариэ (Zachariä. Geschichte. S. 250 ff.) о том, что «Земледельческий закон» был официальным уложением, Дёльгер (Paraspora) стремится показать, что это произведение является, скорее, частной компиляцией. Независимо от того, имел ли наш «Земледельческий закон» официальное происхождение или нет, «книга Юстиниана», из которой он был скомпилирован и которая содержит определения, касающиеся жизни крестьян, во всяком случае была официальным уложением, и, как это показывают приведенные выше замечания, все, как представляется, говорит за то, что это было уложение Юстиниана II.

Более важным, чем вопрос авторства, является вопрос о времени возникновения «Земледельческого закона», и даже Дёльгер (Paraspora. S. 262) признаёт в конце своих рассуждений, что он, скорее всего, возник в конце VII или 1-й четверти VIII в. См. также: Dölger F. Harmenopulos und der Nomos Georgikos // Τόμος Κωνσταντίνου Ἀρμενοπούλου ἐπὶ τῇ ἐξακοσιετηρίδι τῆς Ἐξαβίβλου αὐτοῦ (1345–1945). Θεσσαλονίκη,

указать на «Родосский морской закон» (νόμος Ῥοδίων ναυτικός), который представляет собой собрание постановлений, относящихся к морскому праву¹. Более точная датировка этого компилятивного произведения невозможна, и приходится удовлетвориться констатацией того, что ее появление приходится на время между 600 и 800 гг.².

1. Войны с персами и с аvaraми. Реформы Ираклия

Общая литература: *Bury*. Later Rom. Empire (2), I (для этой и последующих глав вплоть до 800 г. ссылки даются на первое издание труда Бёри); *Кулаковский*. История. Т. 3 (так и в последующих главах вплоть

1951. S. 151–161; *Lemerle*. Histoire agraire. 219/1. P. 53 sv. Совершенно неудачной является статья Караяннопулоса (*Karayannopulos J.* Entstehung und Bedeutung des Nomos Georgikos // BZ 51 (1958). S. 357–373), который хотел доказать, что «Земледельческий закон» «не содержит никаких нововведений» и «только воспроизводит старое законодательство».

О значении и распространении «Земледельческого закона» свидетельствует большое число сохранившихся рукописей. Его влияние выходило даже за границы Византийской империи. Уже в раннее время он был переведен на славянский язык и оказал сильное влияние на развитие права южных и восточных славян. Древнерусский перевод был опубликован А.С. Павловым (Книги законные // Сб. 2-го отд. Имп. Российской Академии наук, 38 (1885). С. 1–92). Недавно был опубликован старосербский перевод: *Радожичић Ђ.Сп.* Српски рукопис Земљорадничког закона // ЗРВИ 3 (1955). С. 15–28. «Земледельческий закон» представляет собой также существенную составную часть важной для развития сербского права правовой компиляции, которая называется «Закон царя Юстиниана» (Юстинианов закон) и в рукописях регулярно встречается наряду с уложением Стефана Душана и «Синтагмой» Матфея Властаря. См.: *Соловьев А.* Законодавство Стефана Душана. Скопје, 1928. С. 49 сл.

¹ Издание: *Ashburner W.* The Rhodian See Law. Oxford, 1909.

² *Ashburner W.* Op. cit. P. CXII ff. Цахариз (*Zachariä*. Geschichte. S. 316) приписал императорам-иконоборцам и этот закон, а кроме того, «Тактику» Льва (см. его рассуждения: Zum Militärgesetz des Leo // BZ 2 (1893). S. 606–608; Wissenschaft und Recht für das Heer vom 6. bis zum Anfang des 10. Jahrhunderts // BZ 3 (1894). S. 437–457), которая, вне всякого сомнения, принадлежит Льву VI (см. ниже с. 284, прим. 2). Обо всех этих законодательных сочинениях см. мои резюмирующие рассуждения: Über die vermeintliche Reformtätigkeit der Isaurier // BZ 30 (1929–1930). S. 394–400.

до 717 г.); *Pernice*. Eraclio; *Stein*. Studien; *Stein*. Ein Kapitel; *Diehl*. Regime des themes; *Gelzer*. Themenverfassung; *Owsepian G.* Die Entstehungsgeschichte des Monotheletismus. Leipzig, 1897; *Grumel V.* Recherches sur l'histoire du monothélisme // *Échos d'Orient* 27 (1928). P. 6–16, 257–277; 28 (1929). P. 272–282; 29 (1930). P. 16–28; *Пигулевская Н.В.* Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М.; Л., 1946.

Империя лежала в развалинах, когда Ираклий (610–641), один из величайших правителей в византийской истории, пришел к власти. Страна с экономической и финансовой точек зрения была разрушена, устаревший управленческий аппарат не работал. Построенная на найме военная организация более не функционировала, поскольку не хватало денег и старые источники рекрутов были исчерпаны. Коренные земли Империи были заняты врагом: на Балканском полуострове хозяйничали авары и славяне, в сердце Малой Азии стояли персы. Только внутренняя реорганизация могла спасти Империю.

Спасение пришло, ибо Византия нашла в себе силы для глубокого социального, политического и культурного обновления. Поначалу обессиленное и обедневшее государство было беспомощно перед наступлением врагов. Некоторое время Ираклий даже обдумывал идею перенесения своей резиденции в Карфаген, чтобы оттуда организовать контрнаступление так же, как в свое время оттуда была начата война против режима Фоки. Глубокое недовольство, которое вызвало это решение у населения Константинополя, и несогласие патриарха Сергия удержали императора от реализации этого плана¹. Но уже то, что этот план мог возникнуть, является доказательством как крайне затруднительного положения Востока, так и большого значения западных областей.

Если в конце VI в. дело дошло до отдельных случаев поселения славян на Балканском полуострове, то с первых лет VII столетия, после краха дунайской кампании Маврикия, началось крупномасштабное занятие земель славянами. Безбрежные массы славян и аваров разлились по всему Балканскому полуострову вплоть до побережья Адриатики на западе и Эгейского моря на юге и востоке. После жестоких грабежей и разрушений авары по большей части вновь уходили назад за Дунай, славяне же прочно обосновывались на Балканском

¹ *Nicephorus*. P. 12.10.

полуострове и завладевали землей. Византийское владычество на Балканах рухнуло. Не только придунайские провинции, но и вся Македония была насильственно занята славянами, а Фракия вплоть до стен Константинополя была опустошена. Особенно ожесточенными были нападения на Фессалонику, которая неоднократно подвергалась осаде и штурму со стороны бесчисленных отрядов аваров и славян¹. Город устоял, однако все его окрестности оказались в руках славян, и через Фессалию славяно-аварская волна прокатилась по Средней Греции и далее на Пелопоннес. Отсюда знавшие морское дело славяне переправились и на греческие острова, высадившись даже на Крите. Не менее жестокими были и нападения на Далмацию. В 614 г. была разрушена Салона, административный центр Далмации, и тем самым упадок римско-византийского господства и культуры был предreshен также и на западе полуострова. Как Салона и некоторые другие города в Далмации, так и большинство важнейших городов внутри Балканского полуострова, такие как Сингидун (Белград), Виминачий (Костолац), Наисс (Ниш) и Сердика (София), пришли в упадок. Единственными сохранившимися опорными пунктами византийской власти на Балканском полуострове, наряду с самим Константинополем, были прежде всего Фессалоника, а также небольшое количество городов на побережье Адриатики, таких как Ядер (Задар, Зара) и Трагурий (Трогир) на севере, Бутуа (Будва), Сходра (Шкодер) и Лисс (Лежа) на юге².

На всем балканском полуострове произошел мощный этнический переворот, поскольку приток славян продолжался и далее. Весь полуостров вплоть до его южной оконечности был наводнен славянами. Естественно, это не означает, что дело дошло до полной и окончательной славянизации греческих областей³. Хотя, конечно, даже на

¹ После описанных в 1-й части «Чудес св. Димитрия» нападений 80-х гг. VI в. во 2-й части «Чудес» рассказывается о нападениях примерно 616 и 618 гг. См.: *Баришић*. Чуда Димитрија Солунског. С. 81 сл.

² *Jireček C.* Die Romanen in den Städten Dalmatiens, I. Wien, 1901. S. 21 ff. и *Geschichte*. Bd. I. S. 93 ff.; *Šišić*. Povijest. S. 232; *Niederle*. Manuel. S. 65–66, 103 sv.

³ Как это утверждал Якоб Фальмерайер (*Fallmerayer J. Ph.* Geschichte der Halbinsel Morea während des Mittelalters. Stuttgart, 1830). По этому вопросу, поставленному в остроумных, но неумеренно заостренных рассуждениях Фальмерайера, существует обширная, однако весьма неравная по своей ценности литература, которая как раз в последнее время заметно увеличилась благодаря греческим работам. Из них

Пелопоннесе славяне господствовали более двух веков¹. Мало-помалу византийское правление вновь смогло закрепиться как в Греции, так и на других побережьях, благодаря чему эти области сохранили или восстановили свой греческий характер. Под давлением наступающих славян прежнее население повсеместно стягивалось в приморские области и на острова, и этот процесс внес свой вклад в то, что в южных и восточных приморских областях греческий элемент, а в западных — романский смогли вновь окрепнуть и постепенно приобрести перевес над славянским. Однако и в эти области проникли славяне. Бóльшая же часть Балканского полуострова, а именно — все его внутренние области стали полностью славянской землей и находились под властью отдельных славянских племен. Византийские Балканы распались на ряд «склавиний»: так впоследствии обозначались в византийских источниках перешедшие во владение славян области, в которых византийская власть фактически более не существовала.

Одновременно в Передней Азии ширились персидские завоевания. Хотя византийцам и удалось принудить врага к оставлению Кесарии Каппадокийской (611), однако попытка контрнаступления в Армении в 613 г. потерпела сокрушительную неудачу, после чего повсюду персы начали быстро продвигаться вперед. Устремившись

следует упомянуть: Ζακυθινός Δ.Α. Οἱ Σλάβοι ἐν Ἑλλάδι. Ἀθήναι, 1945; Διομήδης Α.Ν. Αἱ σλαβικαὶ ἐπιδρομαὶ εἰς τὴν Ἑλλάδα καὶ ἡ πολιτικὴ τοῦ Βυζαντίου // Βυζαντινὰ μελέται 2. Ἀθήναι, 1946; Κυριακίδης Στ. Οἱ Σκλάβοι ἐν Πελοποννήσῳ // Βυζαντινὰ μελέται 6. Θεσσαλονίκη, 1947. Подробный, подлинно научный разбор проблемы см.: Васильев А.А. Славяне в Греции // ВВ 5 (1898). С. 404–438, 626–670. См. далее: Vasmer M. Die Slaven in Griechenland // Abhandlung der Preußischen Akademie der Wissenschaften, 1941. Phil.-hist. Klasse. N 12 (критика этой работы Георгакасом (*Georgakas D. Beiträge zur Deutung als slavisch erklärter Ortsnamen* // BZ 41 (1941). S. 351–381) даже в тех случаях, когда его толкование приемлемо или заслуживает внимания, ни в коем случае не смогла приуменьшить ценности труда Фасмера) — и основательную, отличающуюся осторожной объективностью работу А. Бона: Bon. Le Péloponnèse (о ней: Lemerle P. Une province byzantine: Le Péloponnèse // Byz 21 (1951). P. 341–354). Весьма содержательны работы: Dölger F. Ein Fall slavischer Einsiedlung im Hinterland von Thessalonike im 10. Jahrhundert // Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse. 1952. Heft 1; Maricq A. Notes sur les Slaves dans le Péloponnèse et en Bithynie et sur l'emploi de «Slave» comme appellatif // Byz 22 (1952). P. 337–355; Lemerle P. Invasions. P. 303 sv. См. тж. следующее примечание.

¹ См.: Charanis P. The Chronicle of Monemvasia and the Question of the Slavonic Settlements in Greece // DOP 5 (1950). P. 141–166. Ср. ниже: с. 256, прим. 4.

на юг, они взяли Дамаск. На севере они открыли себе дорогу в Киликию и захватили важную крепость Тарс. Одновременно византийцы были вытеснены из Армении. Особенно же тяжелый с моральной точки зрения удар постиг христиан в 614 г., когда после трехнедельной осады в руки персам попал священный город Иерусалим. В захваченном городе несколько дней свирепствовали смерть и огонь, погибла построенная Константином Великим церковь Гроба Господня. Впечатление, произведенное этим на Византию, было ошеломляющим, тем более что самая ценная из всех реликвий, Святой Животворящий Крест, попал в руки захватчиков и был увезен в Ктесифон. В 615 г. начинаются новые вторжения в Малую Азию, часть персидских войск выходит к Босфору. С двух сторон приблизились враги к византийской столице: с востока персы, а с севера — авары и славяне. Сам император в июне 617 г. во время встречи с аварским хаканом в Ираклии Фракийской чуть не пал жертвой вероломного нападения¹. В начале 619 г. началось завоевание Египта: вскоре и эта богатейшая провинция была потеряна для Империи, а вместе с тем встала проблема снабжения зерном византийской столицы.

Так вся Передняя Азия оказалась под персидским владычеством. Казалось, вновь возродилась древняя держава Ахеменидов, как в свое время при Юстиниане — старый *Imperium Romanum*. Но новую Персию еще стремительнее поразил ответный удар и еще страшнее было ее падение. В те страшные годы, когда славяно-аварское нашествие разлилось по Балканскому полуострову, а персидское — по восточным провинциям Империи, в Византии начался процесс сосредоточения и внутреннего укрепления. Скудные сведения источников позволяют нам лишь в общих чертах узнать о коренных изменениях, которые начались тогда во внутреннем развитии Византийской империи. Все признаки говорят за то, что именно в эти критические годы византийское военное и административное устройство подверглись коренному преобразованию: началось создание фемного строя. Оставшиеся не затронутыми вражеским нашествием малоазийские области были разделены на военные округа — фемы, и тем самым был заложен камень в основание системы, которая была характерной для провинциального управления средневекового византийского го-

¹ О хронологии см.: *Baynes N.H.* The Date of the Avar Surprise: A chronological study // *BZ* 21 (1912). P. 110–128.

сударства на протяжении столетий¹. Фемный строй подводит черту под строем Диоклетиана—Константина, продолжая развитие, предвосхищенное созданием Равеннского и Карфагенского экзархатов. Как и эти экзархаты, малоазийские фемы являются ярко выраженными военными административными единицами. Во главе фем стоят стратиги, которые в своих округах представляют высшую военную и гражданскую власть. Впрочем, организация фем была длительным процессом, и лишь постепенно фемная система приобрела свою завершенную форму. Более раннее деление на провинции не было полностью отменено учреждением фем: скорее, старые провинции еще длительное время сохранялись внутри фем, и наряду со стратигами в качестве глав гражданской администрации существовали фемные проконсулы². Тем не менее стратиг изначально имел преимущество, поскольку фема включала в себя несколько старых провинций.

Слово фема (θέμα) обозначало армейский корпус и было перенесено на новые военные округа, что проливает яркий свет на генезис

¹ О фемном устройстве см.: *Gelzer. Themenverfassung; Diehl. Régime des thèmes; Успенский. Военное устройство; Brooks E. W. Arabic Lists of the Byzantine Themes // JHS 21 (1901). P. 67–77; Кулаковский. История. Т. 3. С. 387–431. Особенно важно: Stein. Studien. S. 114–140 и Ein Kapitel. S. 50–89. Ср.: *Honigmann. Ostgrenze. S. 43 ff., 64 ff.* В последние годы появилось большое число исследований, посвященных возникновению фемного строя; особенно оживленно вопрос о времени возникновения обсуждался в работах: *Pertusi A. Costantino Porfirogenito «De thematibus».* Città del Vaticano, 1952 (комментарий к новому изданию книги о фемах; особ. р. 103 sg.); *Idem. Nuova ipotesi sull'origine dei «temi» bizantini // Aevum 28 (1954). P. 126–150; Idem. La formation des thèmes byzantins // Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongreß. Bd. I. München, 1958. P. 1–40; Baynes N. H. The Emperor Heraclius and the Military Theme System // English Historical Review 67 (1952). P. 380–381; Ensslin W. Der Kaiser Herakleios und die Themenverfassung // BZ 46 (1953). S. 362–386; Ostrogorsky G. Sur la date de la composition du Livre des Thèmes et sur l'époque de la constitution des premiers thèmes d'Asie Mineure // Byz 23 (1953). P. 31–66; Ostrogorsky G. Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongreß. München, 1958. Korreferate, 1–8; Haussig H.-W. Anfänge der Themenordnung // Finanzgeschichte der Spätantike / Hrsg. H. Althelm, R. Stiehl. Frankfurt am Main, 1957. S. 82–114; Karayannopoulos J. Die Entstehung der byzantinischen Themenordnung. München, 1959 (о ней моя рецензия в: Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte 47 (1960). S. 261–263). — О происхождении слова «фема»: *Κυριακίδης Σ. Πώς ή λέξις θέμα έφθασεν εις την σημασιαν της στρατιωτικής περιοχής; // ΕΕΒΣ 23 (1953). Σ. 392–394 и 'Ελληνικά 13 (1954). Σ. 339; Dölger F. Zur Ableitung des byzantinischen Verwaltungsterminus θέμα // Historia 4 (1955). S. 189–198.***

² См.: *Stein. Ein Kapitel. S. 70 ff.*

нового строя. Он возник путем поселения отрядов — «фем» — в малоазийских округах, и именно поэтому эти округа стали называться фемами. Они представляли, собственно, не административные единицы, а области расселения войск. В обмен на обязательство наследственной воинской службы солдатам (стратиотам, греч. *στρατιῶται*) передаются в наследственное владение участки земли, которые в позднейших источниках называются воинскими владениями (*στρατιωτικά κτήματα*)¹. Так фемное устройство смыкается со старым устройством областей лимеса с их солдатами, живущими на своей земле (*limitanei*). Система обороны границ рухнула под давлением вражеских нашествий, войска из приграничных областей были отведены во внутренние части Малой Азии и поселены в областях, которые еще оставались под византийским господством². Наряду с воинами из приграничных областей в Малой Азии были поселены также элитные части византийской армии. Таким образом, уже при Ираклии возникли фемы Опсикия, Армениаков и Анатоликов,

¹ На связь фемной организации с поселением войск и появлением воинских владений первым указал Ф.И. Успенский («Военное устройство»). Не зная работы Успенского, Штайн (*Stein. Studien. S. 134 ff.*) пришел к тому же заключению, и после публикации его важных рассуждений все исследователи присоединились к его выводам. Не вполне справедливо его выводы были недавно поставлены под сомнение Лемерлем (*Lemerle P. Histoire agraire 219/1. P. 70 sv.; 219/2. P. 43 sv.*) и Караяннопулосом (*Karayannopoulos J. Op. cit. S. 15–16, 71–73*). См. мои замечания: *L'exarchat de Ravenne et l'orgine des thèmes byzantins // VII Corso di cultura sull'arte ravennate e bizantina. 1960. Fasc. 1. P. 105–110*. См. также обоснованные возражения А.П. Каждана (Еще раз об аграрных отношениях в Византии IV–XI вв. (По поводу новой работы П. Лемерля) // *ВВ 16 (1959). С. 92–113*).

² См.: *Pertusi A. La formation des thèmes byzantins. P. 31* — и мою статью, цитированную в предыдущем примечании. Относительно очевидного родства фемного устройства с более старыми учреждениями римско-византийской Империи (институтом пограничников-*limitanei* и устройством экзархатов) я не вижу смысла предполагать вслед за Штайном (*Ein Kapitel. S. 50 ff.*), что фемное устройство Ираклия было заимствованием у персов, как бы велико ни было его сходство с подобными персидскими учреждениями. То же касается и теории о том, что фемная организация сводится к туранским образцам: *Darkó E. Influences touraniennes sur l'évolution de l'art militaire des Grecs, des Romains et des Byzantins // Byz 10 (1935). P. 443–469; 12 (1937). P. 119–147; La militarizzazione dell'Impero bizantino // Studi bizantini e neoellenici 5 (1939). P. 88–99; Le rôle des peuples nomades cavaliers dans la transformation de l'Empire romain aux premiers siècles du Moyen Age // Byz 18 (1948). P. 85–97*.

возможно, тогда же возникла приморская фема Карависианов на южном побережье Малой Азии¹.

Примечательно, что учреждение фемной организации на этом первом этапе ограничилось областями Малой Азии. На Балканском полуострове введение фемного строя в то время казалось невозможным: обстоятельство, которое наглядно иллюстрирует размеры катастрофы Византии на Балканах. Лишь существенно позднее и лишь постепенно византийская администрация, а равно и фемное устройство смогло укрепиться на Балканах, прежде всего в прибрежных областях (см. ниже, с. 186 и 257–259).

Фемная организация создала основу для появления сильного отечественного войска и сделала Империю независимой от необходимости дорогостоящей вербовки всегда ненадежных и не всегда доступных в достаточном числе иноплеменных наемников. Наряду с солдатами пограничного войска и византийскими элитными частями, которые главным образом рекрутировались из воинственных народностей Малой Азии и Кавказа, конечно же, и определенная часть византийского крестьянства была наделена воинскими наделами с обязательством военной службы. К этому присоединялись большие массы славян, которые византийское правительство позднее переселяло в Малую Азию и поселяло в тамошних фемах в качестве стратиотов (см. ниже, с. 168–169, 183–184). Так личный состав византийского войска, неизбежные колебания численности которого при системе наемничества часто ввергали Империю в большие затруднения, благодаря притоку новых сил в рамках новой, более здоровой военно-административной системы значительно увеличился. Новое фемное войско состояло из коренных крестьян-стратиотов, которые получали средства для проживания и вооружения со своих стратиотских наделов. Как показывают позднейшие

¹ Название фемы Опсикия (лат. obsequium) недвусмысленно указывает на то, что здесь были поселены гвардейские части. Сходное происхождение выдают также названия выделенных позже из фемы Опсикия фем Вукеллариев и Оптиматов. Равным образом фемы Армениаков и Анатоликов являются не географическими названиями, а областями расселения соответствующих войск, тем более что фема Армениаков не располагается собственно в армянских областях, а фема Анатоликов находится в западной части Малой Азии, — таким же образом, как и более поздняя фема Фракисиев является областью расселения войск, перемещенных в Малую Азию из Фракии (см. ниже с. 150, прим. 4).

источники, стратиот был обязан по призыву являться в войско с оружием и конем¹; конечно, он получал и определенное жалованье — впрочем, очень небольшое². Так следствием новой системы стало резкое снижение государственных расходов³. Сверх того, создание стратиотских наделов привело к укреплению свободных мелких землевладельцев (см. ниже, с. 187–188).

Как в управлении провинциями, так и в центральном управлении происходили в это время глубокие перемены, которые положили конец административной системе ранневизантийского времени и имели для византийского государства долгосрочное значение. Власть префектур претория, один из главных символов ранневизантийского государственного устройства, пришла к концу. В качестве органа управления префектура теперь оказывается обречена на призрачное существование, ибо фемная организация вырвала у нее почву из-под ног, а в областях, в которых фемный строй еще не был введен, из-за нападений врагов упорядоченное управление фактически более не существовало. А по мере того, как византийская власть в этих областях постепенно укреплялась, там также вводилось фемное устройство, так что в конце концов даже призрачное существование института префектур прекратилось окончательно (см. ниже, с. 187 и 257–259). Разветвленная система финансового управления префектур распалась, уступив место ряду самостоятельных финансовых ведомств. Этим в развитии византийского центрального управления в известной степени было положено начало попятному процессу, поскольку разрастание префектур претория (см. выше, с. 73) в предшествующие столетия привело в упадок старые центральные органы финансового управления — *comitiva sacrarum largitionum* и *comitiva rerum privatarum*⁴.

¹ La Vie de S. Philarète / Ed. M.-H. Fourmy, M. Leroy // Byz 6 (1934). P. 126.

² *Ibn Khordadbeh*. Kitab al-masalik wa-l-mamalik / Ed. M.J. de Goeje. Leuven, 1889. P. 84–85; ср. тж.: *De caerim*. P. 651–669.

³ Согласно Штайну, общие расходы на войско в средневизантийское время составляли приблизительно половину того, «что в VI в. расходовалось на немного бóльшую, но худшую армию» (*Stein*. Studien. S. 143).

⁴ Это развитие описал Штайн (Studien. S. 144 ff.). См. тж. его же рассуждения: *Untersuchungen zum Staatsrecht des Bas-Empire* // Zeitschrift der Savigny-Stiftung, Römische Abteilung 41 (1920). S. 239 ff.; *Untersuchungen zur spätromischen Verwaltungsgeschichte* // Rheinisches Museum 74 (1925). S. 389 ff.; *Geschichte*. Bd. I. S. 340–341.

Чтобы удовлетворить свои растущие финансовые потребности, префектура забрала себе доход *res privatae* и *sacrae largitiones*. Обедневшая *comitiva sacrarum largitionum* была вынуждена постоянно подпитываться из личной казны императора — сакеллия, и следствием этого было то, что к началу VII в. сакеллярий полностью заместил комита священных щедрот (*comes sacrarum largitionum*) и, по всей видимости, также взял на себя круг обязанностей *comitiva rerum privatarum*. Вскоре после этого раздутое финансовое управление префектуры распалось¹. Финансовые канцелярии префектуры претория — *τὸ στράτιωτικόν, γενικὴ τράπεζα, ἰδικὴ τράπεζα* — становятся независимыми органами, а их прежние руководители в звании логофетов стратиотикона, геникона и идикона (*λογοθέτης τοῦ στράτιωτικοῦ, τοῦ γενικοῦ, τοῦ ἰδικοῦ*) становятся во главе новых финансовых ведомств². Наряду с управляющими финансами логофетами позднее появляется логофет дрома (*λογοθέτης τοῦ δρόμου*), который в основном принимает на себя круг обязанностей прежнего магистра оффиций и постепенно становится главным чиновником Империи³.

Так же, как фемы в провинциальном управлении, в центральной администрации ведомства логофетов (*λογοθεσίαι*) являются отличительной чертой византийского государства в течение столетий. Значение реорганизации государственного и военного механизма можно оценить на примере последующих событий. В персидско-византийской войне 20-х гг. VII в. наступает кардинальный перелом. Баснословные успехи приходят на смену поражениям предшествовавшего времени.

¹ *Stein. Studien. S. 147*: «В то время как старые финансовые ведомства, а именно *largitiones*, таким образом погибли от истощения, префектура претория умерла через недолгое время от противоположного несчастья: она буквально взорвалась от переизбытка».

² Логофет, которого Штайн (*Ein Kapitel. S. 74–75*) определяет как *λογοθέτης τοῦ στράτιωτικοῦ*, появляется уже под 626 г. в «Пасхальной хронике» (р. 721.8). Для конца VII в. имеется документальное подтверждение существования логофета геникона (*λογοθέτης τοῦ γενικοῦ*): *Theophanes. P. 365.24, 369.27; Nicephorus. P. 37.19. Ср.: Bury. Admin. System. P. 86.* — Последнее надежное упоминание префекта претория Востока восходит к 629 г.: *Zepos. Jus. I. P. 37; Stein. Ein Kapitel. S. 72 ff.* Упомянутый в хронике Никифора под 695 г. *τοῦ πραιπορίου ἐπαρχος* однозначно является не префектом претория Востока, а начальником претория в Константинополе.

³ Первый известный нам логофет дрома (*λογοθέτης τοῦ δρόμου*) пал в 759/60 г. в сражении с болгарами: *Theophanes. P. 431. См.: Stein. Studien. S. 144; Dölger. Kodikellos. S. 54.*

Лежащая в руинах Империя вновь поднимается и одерживает над превосходящим до того времени врагом блистательную победу.

Не меньший вклад в успех внесла помощь могущественной Церкви. Ввиду предстоящей борьбы против неверных она предоставила в распоряжение обедневшему государству свои сокровища. Война началась при общем религиозном возбуждении, чего в более раннее время не было известно. Это была первая типично средневековая война, напоминающая позднейшие крестовые походы. Император лично встал во главе войска, передав на время своего отсутствия регентство над своим несовершеннолетним сыном патриарху Сергию и патрикию Бону. В этом, как, впрочем, и во многом другом, он следовал примеру императора Маврикия, который лично возглавил один из походов против аваров. Такой образ действий был в высшей степени необычным, и как некогда Маврикий, так теперь и Ираклий столкнулся поначалу с упорным сопротивлением своих советников¹, ибо со времени Феодосия I ни один император самолично уже не отправлялся в поход.

Ценой больших денежных выплат Ираклий прежде всего заключил мир с хаканом аваров (619). После этого он смог перебросить войска из Европы в Азию². 5 апреля 622 г., на второй день после Пасхи, Ираклий после торжественного богослужения покинул столицу.³ Прибыв в Малую Азию, император отправился в «области фем».⁴

¹ См.: *Theophyl. Sim.* P. 218; *Theophanes.* P. 268 (о Маврикии); *Georg. Pisides.* Exped. Pers. I, 104 sq. (об Ираклии).

² *Theophanes.* P. 302 (под 621 г.): μετ' ἡγεύκε τὰ στρατεύματα τῆς Εὐρώπης ἐπὶ τὴν Ἀσίαν. В связи с этой переброской, вероятно, стоит, как это виделось уже Кулаковскому (История. Т. 3. С. 58), основание фемы Фракисиев (τῶν Θρακησίων), тогда всего лишь турмы, т.е. подразделения фемы Анатоликов.

³ О персидском походе Ираклия см., наряду с Пернице (*Pernice.* Eraglio. P. 111 sq.), Бёри (*Bury.* Later Rom. Empire (1). Vol. II. P. 222 ff.) и Кулаковским (История. Т. 3. С. 57 сл.), специальные исследования: *Gerland E.* Die persischen Feldzüge des Kaisers Herakleios // BZ 3 (1898). S. 330–373; особенно: *Baynes N.H.* The First Campaign of Heraclius against Persia // English Historical Review 19 (1904). P. 694–702; The Restoration of the Cross at Jerusalem // Ibid. 27 (1912). P. 287–299, а также: A Note on the Chronology of the Reign of the Emperor Heraclius // BZ 26 (1926). P. 55–56 — против Юлихера (*Harnack-Festgabe* (1921). S. 121–133); наконец, *Манандян Я.А.* Маршруты персидских походов императора Ираклия // ВВ 3 (1950). С. 133–153.

⁴ *Theophanes.* P. 303.10 (под 622 г.): ἐντεῦθεν δὲ ἐπὶ τὰς τῶν θεμάτων χώρας ἀφικόμενος, συνέλεγε τὰ στρατόπεδα καὶ προσετίθει αὐτοῖς νέαν στρατείαν. Выражение «области фем» показывает, что процесс закрепления войск (фем) за определенны-

Здесь он собрал войско и все лето упражнял новобранцев. Ираклий уже ранее интенсивно занимался военной наукой и разработал новую тактику¹. В византийском войске все большее значение приобретала конница, особое же значение Ираклий, как кажется, придавал легковооруженным конным лучникам². Сам поход начался лишь осенью. Благодаря ловкому маневру император открыл себе путь в Армению. Это принудило персов оставить свои позиции в малоазийских горных проходах, и они потянулись за имперской армией, «как пес на цепи»³. Столкновение обеих армий на армянской территории закончилось блистательной победой византийцев над великим персидским полководцем Шахрваразом. Первая цель была достигнута: Малая Азия была очищена от врага.

Угрожающее поведение хакана аваров потребовало затем от императора возвращения в Константинополь. Именно тогда, вероятно, были увеличены выплаты аварам и близкие родственники императора отправлены к хакану в качестве заложников⁴. Так Ираклий

ми областями Малой Азии тогда уже начался. Это сверхважное сообщение, которое Феофан, несомненно, почерпнул из какого-то современного источника, является показательным для начальной стадии фемной организации. Вскоре после этого появляются уже названия отдельных фем: в 626 г. в современной описываемым событиям «Пасхальной хронике» (р. 715.20) фигурирует комит Опсикия (вместо ὀψαρίου читай Ὀψικίου: см. *Diehl Ch.* // *BZ* 9 (1900). S. 677), а под январем 627 г. в хронике Феофана (р. 325.3) — турмарх Армениаков. Следовательно, введение фемного устройства началось не после победы Ираклия над Персией, как это предполагал Штайн (а также Энсслин в статье, цитированной на с. 145, прим. 1), оспаривая верное мнение о том, что фемная организация является единственно возможным объяснением для «граничащего с чудом перелома» в византийско-персидской войне (*Stein. Studien*. S. 133). Еще менее приемлемым является мнение А. Пертузи и Н.Х. Бейнза (см. прим. 1 на с. 145) о том, что основание фем началось лишь во второй половине VII в. Подробно об этом в моих статьях, приведенных в том же примечании.

¹ *Georg. Pisides. Heraclias*, II, 108 сл. (ed. Pertusi. P. 256).

² См.: *Darkó E.* Die militärischen Reformen des Kaisers Herakleios // *Bulletin de l'Institut archéologique bulgare* 9 (1935). P. 110–116; *Influences touraniennes sur l'évolution de l'art militaire des Grecs, des Romains et des Byzantins* // *Byz* 10 (1935). P. 443–469; 12 (1937). P. 119–147; *Le rôle des peuples nomades cavaliers dans la transformation de l'Empire romain aux premiers siècles du Moyen Age* // *Byz* 18 (1948). P. 85–97.

³ *Georg Pisides. Exped. Pers.* II, 357 (ed. Pertusi. P. 114).

⁴ См.: *Pernice. Eraclio*. P. 121; *Кулаковский. История*. Т. 3. С. 65, прим. 4.

смог уже в марте 623 г. возобновить войну с Персией. Несмотря на перенесенное в предыдущем году поражение, Хосров II не желал и слышать о заключении мирного договора и отправил императору письмо с весьма оскорбительными выражениями и богохульными высказываниями о христианской вере¹. Через Каппадокию Ираклий вновь направился в Армению. Им был взят штурмом и разрушен Двин; та же судьба постигла несколько других городов. Затем император прошел на юг, направившись к Ганзаку, резиденции первого Сасанида — Ардашира, важному религиозному центру персов. Хосров был вынужден бежать из города, и тот попал в руки византийцев. Его крупнейшая святыня, храм огня Зороастра, был разрушен в отместку за разграбление Иерусалима. На зиму император со множеством пленных отошел назад за Аракс. Здесь он достиг соглашения с христианскими кавказскими племенами и смог усилить свои войска благодаря притоку лазов, абазгов и иверов. Тем не менее положение было тяжелым и следующий год прошел в изнурительных боях с наступающими персами на территории Армении. Прорыв в Персию не удался, и в 626 г. Ираклий попытался вступить во вражескую землю обходным путем через Киликию. Однако и на этот раз не было достигнуто решающего успеха, и, несмотря на несколько побед, император с началом зимы ушел через Севастию в область Понта².

Персы же теперь перешли в наступление, и в 626 г. Константинополь пережил страшную опасность двойного нападения со стороны персов и аваров, опасность, которой Ираклий постоянно опасался и которую пытался отвести посредством унижительных уступок аварскому хакану. Во главе большой армии Шахрвараз пересек Малую Азию, занял Халкидон и разбил свой лагерь на Босфоре. Вскоре после этого (27 июля) хакан аваров с безбрежной толпой аваров, славян, болгар и гепидов появился под Константинополем и осадил город с земли и с моря. Посредством проповедей, всенощных бдений и торжественных церковных процессий патриарх Сергий поддерживал религиозный

¹ Сохранилось у Себеоса (ed. F. Macler. Paris, 1904. P. 79). Надписание письма следующее: «Хосров, любимец богов, господин и царь всей земли, сын великого Ормузда, нашему рабу, глупому и ничтожному Ираклию».

² Кулаковский (История. Т. 3. С. 72 и 74) основательно замечает, что это новое отступление заставляет сделать вывод о том, что сражения 624 и 625 гг. были для византийского императора менее удачны, чем это может показаться при чтении сообщения Феофана (р. 312–313).

энтузиазм населения. Опытный гарнизон столицы отбил все атаки врага. Решающим оказалось преимущество византийцев на море: во время решающего штурма 10 августа славянские лодки были потоплены в бою с византийским флотом. Авары были вынуждены снять осаду и в большом замешательстве отступили¹. Поражение аварского хагана означало также и провал планов персидского наступления. Шахрвараз оставил Халкидон и отступил со своими войсками назад в Сирию; второму персидскому полководцу, Шахину, нанес тяжелое поражение брат императора, Феодор. Критический этап был пройден, теперь могло начаться большое византийское наступление.

В то время, когда над византийской столицей нависла смертельная опасность, Ираклий со своей армией находился в отдаленной Лазике. Как уже ранее с кавказскими племенами, теперь он установил отношения с державой хазар. С этого времени датируется начало византийско-хазарского сотрудничества, которое со временем стало одним из главных столпов византийской восточной политики. В союзе с императорскими войсками хазары сражались на кавказских и армянских землях против персов. Осенью 627 г. началось большое наступление императора на юг, в сердце земли противника. Правда, здесь он был вынужден рассчитывать только на собственные силы, поскольку хазары не вынесли тягот похода и вернулись на родину. Тем не менее уже в начале декабря Ираклий стоял под Ниневией, и здесь дело дошло до чрезвычайно ожесточенной битвы, в которой решился исход византийско-персидской борьбы: персидская армия была уничтожена, Византия выиграла войну. Победоносное наступление византийцев продолжилось, и уже в начале января 628 г. они вступили в излюбленную резиденцию Хосрова Дастагерд, которую великий царь был вынужден спешно покинуть. Весной 628 г. в персидской державе произошли события, которые сделали дальнейшую войну бессмысленной: Хосров был свергнут и убит, на престол взошел Кавад-Широе, который немедленно заключил мир с византийским императором. Возвращение всех областей, ранее принадлежавших Византийской империи, стало результатом великой победы византийцев и крушения персидского могущества. Армения, римская

¹ Подробное описание осады Константинополя с привлечением всех источников приводится в: *Barišić F. Le siège de Constantinople par les Avars et les Slaves en 626 // Byz 24 (1954). P. 371–395.*

Месопотамия, Сирия, Палестина и Египет должны были быть возвращены византийскому императору. Несколькими месяцами позже Широе на смертном одре сделал византийского императора опекуном своего сына, и если когда-то Хосров II называл императора своим рабом, то теперь Широе именовал своего сына и наследника престола рабом византийского владыки¹.

После шестилетнего отсутствия Ираклий вернулся в свою столицу. Его сын Константин, патриарх Сергей, клир, сенат и народ встретили его как славного победителя врагов Христа на малоазийском берегу в Иерии масличными ветвями, зажженными свечами, победными возгласами и церковными песнопениями. В то время как римские провинции освобождались от персов, Ираклий в начале 630 г. направился в Иерусалим. Там он при ликовании народа 21 марта вновь воздвиг отнятый у персов Честной Крест². Этот торжественный акт олицетворял победоносное завершение первой великой войны за веру христианской эры.

Оба противника, перед которыми Византия недавно трепетала, лежали поверженные, ибо как сражение при Ниневии сломило персидскую мощь, так битва под стенами Константинополя ниспровергла аварское могущество. Поражение аваров нашло свой отклик далеко за пределами Византийской империи. Для народов, которые вплоть до того времени находились в подчинении у хакана аваров, прежде всего для многочисленных славянских племен, это послужило сигналом к восстанию и освобождению от аварского ига. Около этого времени славяне под предводительством Само в борьбе против аваров создали первую крупную славянскую державу³. От аварского верховенства через несколько лет освободился и союз болгарских племен, живших к северу от Черного и Каспийского морей, во главе с Кувратом. В его борьбе против аваров Куврата поддерживала Византия: он заключил с императором Ираклием союз, получил от не-

¹ Согласно хронике Никифора (р. 20–21), он написал Ираклию следующее: «Так же, как вы говорите, что ваш Бог был передан старцу Симеону, так передаю я твоего раба, моего сына, в твои руки».

² См.: *Frolow A. La Vraie Croix et les expéditions d'Héraclius en Perse // REB 11 (1953). P. 88–105.*

³ К вопросу о возникновении государства Само: *Grafenauer B. Novejša literatura o Samu in njeni problemi // Zgodovinski časopis 4 (1950). S. 151 sl.*

го титул патрикия и принял в Константинополе крещение¹. В ряду перемещений народов, которыми сопровождались произошедшие изменения, стоит также миграция сербов и хорватов, о которой нам оставил подробное сообщение Константин Багрянородный². Она также осуществилась по договоренности с Византией в рамках борьбы против пошатнувшегося аварского могущества. Хорваты и сербы покинули свою прежнюю родину по ту сторону Карпат и с согласия императора Ираклия появились на Балканах. В результате победоносной войны с аварами хорваты закрепились в северо-западной части полуострова. Прилегающей с юго-востока областью завладели сербы³.

¹ Никифор (р. 24.9) также сообщает, что уже дядя Куврата Орхан, основатель болгарского союза племен на Северном Кавказе, в 619 г. посетил Константинополь, принял христианство и получил титул патрикия. Вероятно, Куврат находился тогда в его свите и был оставлен в Константинополе в качестве заложника: Иоанн Никиуский (tr. Zotenberg. P. 460) сообщает, что Куврат вырос при императорском дворе и принял христианство еще ребенком. См.: *Ostrogorsky G. The Byzantine Empire in the World of the Seventh Century* // DOP 13 (1959). P. 15–18.

² De administrando imperio. Cap. 29–36 (ed. Moravcsik-Jenkins. P. 122–164).

³ Против достоверности этого сообщения в свою очередь выдвигалось много возражений: *Dümmler E.* // Sitzungsberichte der Wiener Akademie 20 (1856). S. 357 ff.; *Rački F.* // Književnik 1 (1864). S. 36 sl., Rad Jugosl. Akad. 52 (1880). S. 141 sl.; особенно *Jagić V.* // Archiv für slavische Philologie 17 (1895). S. 47 ff. После этого в господствующую доктрину превратилось мнение о том, что хорваты и сербы, вопреки сообщению Константина Багрянородного, уже ок. 600 г. вместе с прочими славянскими племенами вторглись на Балканы, несмотря на некоторые возражения (см. особенно: *Гром К.* Известия Константина Багрянородного о сербах и хорватах. СПб., 1880; *Klaić V.* Povijest Hrvata. Zagreb, 1899. T. I. S. 30 sl.; Rad Jugosl. Akad. 130 (1897). S. 11 sl.; *Nodilo N.* Historija srednjega vijeka. T. III. Zagreb, 1905. S. 433 sl.), к которой присоединились крупнейшие авторитеты в области славянской истории и филологии (среди прочих К. Иречек, Л. Нидерле, Ст. Станоевич, Ф. Шишич). Однако постепенно давала о себе знать и реакция, и в конце концов было справедливо указано, что отвергать хотя и украшенное легендарными деталями, однако в своем ядре вполне правдоподобное сообщение Константина VII нет достаточных оснований. См. содержательную статью Д. Анастасиевича (Народна енциклопедија / Изд. Ст. Станоевић. Т. IV. 1929. С. 81 сл.), который выступал за достоверность сведения Багрянородного (см. тж. его статью в Народна енциклопедија. Т. III. С. 607 сл.). Несколько важными исследованиями по этому вопросу наука обязана Л. Хартманну (см. прежде всего: *Hartmann L.* Seoba Hrvata i Srba // Југословенски историски часопис 3 (1937). С. 30 сл.). Особого внимания заслуживает следующая работа: *Grafenauer B.* Prilog kritici izveštaja Konstantina Porfirogenita o doseljenju Hrvata // Historiski zbornik 5 (1952). S. 1–56, который во многом следует Хартманну, хотя и отвергает его теорию о кав-

Так славянский элемент на Балканском полуострове вновь значительно усилился. Император Константин VII без устали повторяет, что сербы и хорваты после своего прибытия на Балканы признавали верховную власть византийского императора, и ввиду сложившегося в результате победы Византии над аварами и персами положения это вполне правдоподобно. Однако никоим образом не стоит преувеличивать значение такого признания и видеть в нем действительное восстановление византийского господства. Тем не менее и на Балканском полуострове для Византии имело место значительное облегчение. Страшные нападения аваров прекратились навсегда.

Но как ни блистательны были победы Ираклия, однако не во внешнеполитических успехах заключается величие и значение его эпохи. Завоевания на Востоке через несколько лет были утрачены в ходе арабского нашествия. Осталось же новое военное и административное устройство. На нем зиждется византийское могущество последующих столетий, и с его упадком начинается упадок византийской государственности. Фемное устройство, краеугольный камень которого заложил Ираклий, стало становым хребтом средневекового византийского государства.

казском происхождении сербов и хорватов, а также о происхождении хорватской знати. Ср. тж.: *Dvornik F.* The Making of Central and Eastern Europe. London, 1949. P. 268–276; *Idem.* The Slavs, Their Early History and Civilization. Boston, 1956. P. 62 ff., а также будящие мысль рассуждения Грегуара (*Grégoire H.* L'origine et le nom des Croates et des Serbes // *Byz* 17 (1944–1945). 88–118), который ставит исследование на более широкое источниковедческое основание. Впрочем, ему не следует доверять там, где он пытается поставить этноним хорватов в связь с именем Куврата, и уж тем более там, где он делает попытку вслед за Константином Багрянородным возвести имя сербов к «servus». См. лучше Графенауера (Op. cit.) и Марика (*Maricq A.* Notes sur les Slaves dans le Péloponnèse et en Bithynie et sur l'emploi de «Slave» comme appellatif // *Byz* 22 (1952). P. 345–347). Впрочем, подобные манипуляции с именем хорватов можно найти уже у Бёри (*Bury.* Later Rom. Empire (1). Vol. II. P. 275–276) и Ховорта (*Howorth H.H.* // *Journ. of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland* 11 (1882). P. 224 ff.). Прекрасный обзор всей литературы по этому спорному вопросу до 1925 г. см. у Шишича (*Šišić.* Povijest. S. 236–265), который, впрочем, в своих критических замечаниях отстаивает «антиконстантиновскую» позицию. См. тж. обзор в: *Историја народа Југославије.* Т. I. 1953. С. 101–103. Особ. важна сейчас работа: ВИИИ. Т. II, где Б. Ферьянчич приводит все сообщения Константина Багрянородного о южных славянах в сербском переводе с подробным комментарием, в котором учитывается и вся старая литература. См. тж. комментарий Ф. Дворника: *Constantine Porphyrogenitus.* De administrando imperio: Commentary. London, 1962. P. 94 ff.

Не только в политическом, но и в культурном отношении время Ираклия является для восточной Империи поворотным моментом. Она завершает римскую эпоху и начинает византийскую в собственном смысле слова. Окончательное огречение и оцерковление всей общественной жизни формируют новый облик Империи. С удивительной цепкостью Византийское государство придерживалось латинского языка. Лишь постепенно и с колебаниями оно уступало прогрессирующей грецизации, так и не решаясь на радикальные перемены. Двухязычие правительства и народа было отличительной чертой ранневизантийского государства: во всем государственном управлении, а также в армии господствовала латынь, которую подавляющее большинство восточного населения не понимало. Теперь такому положению был положен конец. Греческий отныне стал официальным языком византийской Империи. Искусственно сдерживавшийся процесс грецизации пошел тем самым еще быстрее. Уже в следующем поколении знание латинского языка стало редкостью даже среди образованных византийцев¹.

Грецизация византийского государства привела в числе прочего к важному изменению и одновременно к существенному упрощению титулатуры правителя. Ираклий отказался от соблюдения сложной латинской императорской титулатуры и стал прилагать к себе народное греческое обозначение βασιλεὺς. Место римских императорских титулов *imperator*, *caesar*, *augustus* занял старый греческий царский титул, который до сих пор прилагался к византийским императорам лишь неофициально. Так обозначение «василевс» стало официальным титулом византийского правителя и с тех пор считалось в Византии собственно императорским титулом². Тот же титул Ираклий

¹ См.: *Zilliaceus H.* Zum Kampf der Weltsprache im oströmischen Reich. Heisingfors, 1935. S. 36 ff. См. тж. выше с. 98, прим. 2.

² Впервые титул «василевс» появляется в новелле 629 г., преамбула к которой гласит: Ἡράκλειος καὶ Ἡράκλειος νέος Κωνσταντῖνος, πιστοὶ ἐν Χριστῷ βασιλεῖς (*Zepos. Jus. I. P. 36*). В первый период своего царствования Ираклий так же, как и его предшественники, использовал старые римские титулы, и тогда соответствующая титулатура звучала следующим образом: αὐτοκράτορες καίσαρες Φλάβιοι Ἡράκλειος καὶ Ἡράκλειος νέος Κωνσταντῖνος πιστοὶ ἐν Χριστῷ αὐγουστοί (*Ibid. P. 33, ср. тж. р. 27 для 612 г.*). Таким образом, титул «василевс» заменил αὐτοκράτωρ, καίσαρ и αὐγουστος (т.е. *imperator*, *caesar*, *augustus*), отпало и имя Флавиев. Ср.: *Bréhier L.* L'origine des titres impériaux à Byzance // *BZ 15 (1906)*. S. 161–178; *Острогорскиј*. Авторкратор.→

передал своему сыну и соправителю Ираклию Новому Константину, а затем и второму сыну — Ираклоне. С тех пор и до падения Империи его носили все византийские императоры и их соправители, в то время как титул «цезарь» (кесарь) окончательно утратил свой императорский характер.

Институт соправительства служил в Византии прежде всего для регулирования престолонаследия. Поскольку соответствующий закон отсутствовал в Византии точно так же, как и в Риме, то избранный наследник престола короновался еще при жизни правителя и в качестве его соправителя (неофициально именуясь δεῦτερος или μικρὸς βασιλεὺς) носил венец и титул императора, изображался на монетах, главным образом вместе со старшим императором, и часто вместе с ним указывался в законах. После кончины старшего императора он, уже обладая всеми правами императора, принимал правление на себя. Так становилось возможным наследование престола в императорской семье и возникновение династий. Однако должно было пройти много времени, прежде чем окончательно утвердился порядок монархического престолонаследия. Сам Ираклий привнес в систему неопределенность, возвысив до императорского титула и назначив наследником престола наряду со своим первенцем также и второго своего сына¹.

- С. 99 сл. В нашей науке господствует неверное мнение о том, что произошедшее при Ираклии изменение титулатуры стоит в причинной связи с победой над персидской державой. Согласно этому мнению, принятие титула «василевс» следует возводить к победе над якобы единственным властителем, за которым византийцы наряду с собственным императором признавали титул василевса. В действительности применение титула «василевс» к иноземным властителям до официального принятия этого титула византийским императором ничего не говорит: слово «василевс» тогда означало то же, что и «гех» (царь), а потому в ранневизантийское время, когда византийский правитель официально носил титул императора, оно прилагалось отнюдь не только к великому царю Персии, но также сплошь и рядом к Аттиле и царям Армении и Эфиопии, а подчас также, чередуясь с другими обозначениями, к германским королям и даже к правителям абазгов и зикхов (свидетельства очень удачно собраны в: *Helm R. Untersuchungen über den auswärtigen diplomatischen Verkehr des römischen Reiches im Zeitalter der Spätantike* // *Archiv für Urkundenforschung* 12 (1932). S. 383–384, Anm. 2). Только официальное принятие титула «василевс» византийским правителем создало принципиальное отличие между гех и βασιλεὺς, поскольку теперь βασιλεὺς значило не что иное, как «император».

¹ Об институте соправительства в Византии см.: *Bury. Constitution*. P. 12 ff. — и мои рассуждения в: *Kornemann. Doppelprinzipat*. S. 166–178. О титулатуре соправителя см.: *Dölger F.* // *BZ* 33 (1933). S. 136–144 и *Острогорский*. Автократор. С. 107 сл.

Отвоевание восточных провинций вновь поставило государство лицом к лицу с проблемой монофиситства. Патриарх Сергей осознавал со всей ясностью серьезность этой проблемы и всегда выражал свою озабоченность восстановлением церковного мира. Его устремления нашли поддержку в возникшем в восточных провинциях учении о единой энергии (действии) во Христе¹. Предположение о том, что двум природам во Христе присущ единый образ действия (ἐνέργεια), казалось, создавало мост между догматом Халкидона и монофиситством. Сергей принял учение моноэнергизма и вступил в переговоры с представителями восточной Церкви. Политические события, казалось, благоприятствовали усилиями патриарха, поскольку нельзя было закрыть глаза на то, что старый раскол по вопросу вероучения между Константинополем и монофиситским населением Востока значительно облегчил персидское завоевание. Ираклий также присоединился к моноэнергетизму. Уже во время своих восточных походов, а именно в Армении, он вел переговоры с местным духовенством о церковном воссоединении. После отвоевания монофиситских провинций переговоры продолжились в более широком формате и с большей энергией, поскольку более, чем когда-либо, было необходимо примирение с монофиситами. Начало было многообещающим. Единение казалось достигнутым как в Армении, так и в Сирии и Египте, где поставленный в 631 г. патриархом Кир с величайшим рвением приступил к делу. Свое согласие с проводимой Сергием и Киrom политикой выразил также папа Гонорий.

Тем временем разочарования не заставили себя долго ждать. Дело воссоединения в Сирии и особенно в Египте было удачным только благодаря применению силы. Росло противодействие как с монофиситской, так и с православной стороны. Предводителем православной оппозиции стал известный своим красноречием монах Софроний, который в 634 г. вззошел на Иерусалимский патриарший престол. Он неумолимо бичевал новое учение как разновидность монофиситства и искажение православного халкидонского догмата. Вероятно, под

¹ *Owsepian G.* Die Entstehungsgeschichte des Monotheletismus. Leipzig, 1897; *Pargoire J.* L'Église byzantine de 527 à 847. Paris, 1905. P. 157 sv.; *Duchesne L.* L'Église au VIe siècle. Paris, 1925. P. 381 sv.; *Grumel V.* Recherches sur l'histoire du Monothélisme // EO 27 (1928). P. 6–16, 257–277; 28 (1929). P. 272–283; 29 (1930). P. 16–28; *Beck.* Kirche. S. 292–295.

впечатлением этой оппозиции, а также с оглядкой на позицию папы Гонория, который сдержанно высказался по проблеме энергии и рассуждал об одной воле во Христе, Сергей модифицировал учение: он отодвинул вопрос об энергии на задний план и стал учить, что во Христе следует признавать одну волю (θέλημα). Эта новая, монофелитская, формулировка лежит в основе изданного им эдикта, который император опубликовал под названием «Изложение веры», или «Эктесис» (ἑκθεσις), и приказал выставить в нартексе церкви Св. Софии. Однако несмотря на то, что лидеры Церкви и государства связали свое имя с монофелитством, а после смерти патриарха Сергия (9 декабря 638) на Константинопольский патриарший престол вступил ревностный монофелит Пирр, очень скоро выяснилось, что «Эктесис» был шагом в пустоту. Его не приняли ни православные, ни монофиситы, а преемники Гонория в Риме решительно его отклонили. Монофелитство привело к миру в столь же малой степени, сколь и попытки компромисса предшествующего столетия. Подобно им, оно лишь вызвало новые споры и тем самым увеличило смятение. К тому же в 638 г. Сирия и Палестина уже попали под арабское господство, а Египту неминуемо угрожала такая же судьба. Таким образом, монофелитство не достигло цели. Религиозное брожение в восточных провинциях поспособствовало арабскому завоеванию так же сильно, как некогда персидскому.

2. Время арабского вторжения: последние годы Ираклия; Констант II

Общая литература: *Caetani G.C.* Annali dell'Islam. Vol. I–VIII. Milano, 1905–1918; *Huart C.* Histoire des Arabes. Vol. I. Paris, 1912; *Becker C.* The Expansion of the Saracens // CMH. Vol. II. 1913. P. 329–364, 365–390; *Becker C.* Vom Werden und Wesen der Islamischen Welt. Bd. I. Leipzig, 1924; *Butler A.J.* The Arab Conquest of Egypt and the Last Thirty Years of the Roman Dominion. Oxford, 1902; *Brooks E.W.* The Successors of Heraclius to 717 // CMH. Vol. II. 1913. P. 391–417; *Brooks E.W.* The Arabs in Asia Minor (641–750) from Arabic Sources // Journal of Hellenic Studies 8 (1898). P. 182–208; *Wellhausen J.* Die Kämpfe der Araber mit den Romäern in der Zeit der Umajiden // Nachrichten der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften. Göttingen, 1901. S. 414–447;

Manandean H. Les invasions arabes en Arménie // Byz 18 (1948). P. 163–195;
Kaestner T. De imperio Constantini III (641–668). Leipzig, 1907.

Год, в который начались победы Византийской империи над Персией, был годом хиджры у арабов. В то время, когда Ираклий разгромил персидскую державу, Мухаммад заложил основание религиозного и политического объединения арабов. Исполненное духовной жажды и, хотя и неразвитое, но несущее стихийную энергию, дело Мухаммада заключало в себе мощный заряд. Уже через несколько лет после смерти пророка началось огромное арабское переселение. Огромная сила гнала арабов прочь с их неплодородной родины. Их целью было не столько обращение народов к новой вере, сколько захват новых земель и господство над неверными¹. Первыми жертвами их завоевательного порыва были соседние великие державы: уже через десятилетие после смерти пророка Персия пала при первом натиске, а Византия потеряла свои восточные провинции. Непрерывная борьба ослабила обе державы и открыла путь для арабов. В побежденной Персии царило полное замешательство, престол переходил из одних рук в другие, становой хребет державы Сасанидов был сломан. Но и силы победоносной Византии были исчерпаны в долгой и упорной борьбе. Кроме того, неустранимая религиозная распря воздвигла между Константинополем и его восточными провинциями стену ненависти, усилила сепаратистские устремления сирийского и коптского населения и окончательно сломила их волю к сопротивлению. Недостатки в организации войска и расстроенное засильем местных крупных землевладельцев хозяйство также сделали свое дело для того, чтобы облегчить в Египте задачу завоевателей².

Уже в 634 г. арабы под предводительством халифа Умара, великого завоевателя, вторглись на имперскую территорию и быстрым победоносным маршем прошли по недавно отвоеванным у персов провинциям. В достопамятной битве при Ярмуке 20 августа 636 г. они одержали решительную победу над византийской армией. Тем самым было сломлено сопротивление византийцев и решен исход сражения за Сирию. Сирийская митрополия Антиохия и большинство городов

¹ См.: *Becker C.* Vom Werden und Wesen der Islamischen Welt. Bd. I. 1924.

² См.: *Maspero J.* L'organisation militaire de l'Égypte byzantine. Paris, 1912. P. 120 sv.;
Gelzer M. Studien zur byzantinischen Verwaltung Ägyptens. Leipzig, 1909. S. 82 ff.

этой страны сдались победоносному врагу без борьбы. Более сильным было сопротивление в Палестине. Под предводительством патриарха Софрония Иерусалим долго сопротивлялся врагу, но в конце концов тяготы осады принудили Священный город открыть ворота перед халифом Умаром (638). Тем временем была покорена персидская держава, а затем занята и византийская Месопотамия (639–640). Оттуда арабы вторглись в Армению и взяли штурмом сильнейшую армянскую крепость Двин (октябрь 640)¹. Одновременно началось завоевание Египта.

Ираклий, который лично предводительствовал всеми походами против Персии, показательным образом не принял в сражениях с арабами никакого участия. Поначалу он еще пытался направлять из Антиохии военные операции, однако после сражения при Ярмуке он счел все потерянным и устранился от дел. Героическая борьба с Персией, казалось, была напрасной: подавив персидскую державу, Ираклий всего лишь выполнил подготовительную работу для арабов. По областям, которые он в невиданно тяжелой борьбе отвоевал у Сасанидов, теперь, подобно природной катастрофе, разливался арабский поток. В Святой Земле, которую, как он верил, он спас для христианства, вновь господствовали неверные. Этот ужасный рок надломил стареющего правителя душевно и телесно. Вернувшись из Сирии, он долгое время жил во дворце в Иерии на азиатском берегу. Переезжать в Константинополь было ему в тягость, ибо он уже не выносил вида моря. Только когда в Константинополе был раскрыт заговор, он собрался с силами и настолько преодолел свою фобию, что смог перейти через Босфор в столицу по мосту из кораблей, заполненных листвой и песком.

Трагически сложилась и семейная жизнь Ираклия. В день коронации он венчался с Фавией Евдокией, которая родила ему дочь и сына, Ираклия Нового Константина. Однако она страдала от эпилепсии и умерла вскоре после рождения сына (612). Год спустя император женился на своей племяннице Мартине. Этот брак вызвал большое недовольство. Церковь и народ считали его кровосмесительным; в самом деле, такая связь ввиду близкого родства означала нарушение как канонических норм, так и законов государства. Мартину ненавидели в Константинополе, но император, несмотря на ненависть подданных, относился с большой любовью к своей второй жене, ко-

¹ *Manandean H.* Les invasions arabes en Arménie // Byz 18 (1948). P. 163–195.

торая делила с ним горе и радость и сопровождала его в труднейших военных походах. Тем не менее это было для императора тяжелым испытанием. Очевидным, по общему мнению, знаком Божьего гнева было то, что из девяти детей, которых родила ему Мартина, четверо умерли во младенчестве, а двое старших сыновей родились калеками. Враждебность народа к Мартине была тем сильнее, что эта амбициозная женщина стремилась обеспечить право на престол своим детям в обход сына Евдокии. Возникшая отсюда семейная распря еще более омрачила и без того горький конец жизни императора, а после его смерти ввергла Империю в тяжелую смуту. 11 февраля 641 г. Ираклий скончался в тяжких мучениях.

Стремясь обеспечить детям от Мартины участие в правлении и не лишиться при этом своего первенца Константина прав на императорский титул, Ираклий оставил Империю обоим своим старшим сыновьям. Несмотря на значительную разницу в возрасте (Константину было тогда 28 лет, а сыну Мартины Ираклоне — 15), сводные братья, согласно ясно выраженной воле Ираклия, должны были править в качестве равноправных государей. Это является одним из ярчайших примеров совместного правления, которые знает история римско-византийских императоров¹. Чтобы обеспечить также и Мартине непосредственное влияние на дела управления, Ираклий далее распорядился в своем завещании, что она должна рассматриваться обоими правителями как «мать и императрица»².

Но как только Мартина обнародовала завещание своего почившего супруга, против этого требования возникла сильная оппозиция, в которой наряду со старой ненавистью к личности императрицы нашли выражение и воззрения общего государственно-правового содержания. Народ без возражений приветствовал обоих сыновей и прежних соправителей Ираклия в качестве своих государей, но не желал и слышать о соучастии в правлении Мартины и отверг ее на том основании, что она, как женщина, не могла представлять римское государство и принимать иностранные посольства³.

¹ См.: Kornemann. Doppelprinzipat. S. 162–163.

² Nicephorus. P. 27.13: διαθήκας οὖν ἐξετίθει, ὥστε Κωνσταντῖνον καὶ Ἡράκλειον τοὺς υἱοὺς αὐτοῦ βασιλεῖς ἰσοτίμους εἶναι, καὶ Μαρτίαν τὴν αὐτοῦ γυναῖκα τιμᾶσθαι παρ' αὐτῶν ὡς μητέρα καὶ βασίλισσαν.

³ Nicephorus. P. 28.5.

Мартина была вынуждена удалиться, не считая при этом игру проигранной. Разногласия между двумя линиями царствующего дома росли на глазах: две партии, из которых одна держала сторону Константина, а другая — Мартины и Ираклоны, стояли во враждебных отношениях друг к другу. Без сомнения, Константин III имел больше приверженцев, однако он страдал тяжелым заболеванием, вероятно чахоткой¹, и умер уже 25 мая того же года, пробыв у власти едва ли три месяца.

Теперь единственным правителем был юный Ираклона². Фактически же бразды правления захватила Мартина, а виднейшие сторонники умершего Константина были вынуждены отправиться в ссылку. При Мартине вновь усилил свое влияние патриарх Пирр, что означало новое оживление монофелитской церковной политики, прекращения которой желал Константин III³. На патриарший престол Александрии вновь вернулся ревностный монофелит Кир. Как и некоторые из его предшественников, он принял не только церковную, но и государственную власть над Египтом. По поручению нового правительства, которое, как кажется, считало дальнейшую борьбу с арабами бесперспективной, он вступил в переговоры с победоносными завоевателями и заключил с ними мирный договор, согласно которому им фактически уступался весь Египет. Этот мирный договор, заключение которого потребовало длительных переговоров, последовал, правда, уже после свержения Мартины и Ираклоны, в начале ноября 641 г.⁴

С самого начала над головами Мартины и Ираклоны сгустились тяжелые тучи. Высшие слои общества — сенатская аристократия, командование армии и православный клир — повернулись против правительства; народ также упорствовал в своей ненависти к императрице и к монофелитскому патриарху Пирру. Преждевременную смерть Константина III народ приписывал отравлению, произведенному Мартиной и Пирром, и требовал возведения на престол его малолетнего сына. Сторонник Константина III, армянин Валентин Аршакуни,

¹ См. *Jean de Nikiou* (tr. Zotenberg. P. 565).

² *Nicephorus*. P. 29.8: αὐτοκράτωρ τῆς βασιλείας ἀναγορεύεται Ἡράκλειος. Впервые в этом месте слово «автократор» встречается в значении «самодержец», т.е. единственный властитель.

³ Mansi. T. 10. Col. 703 и *Кулаковский*. История. Т. 3. С. 174. Ср.: *Bréhier-Argrain*. P. 143–144.

⁴ *Dölger*. Regesten. N 220.

поднял против Мартины и Ираклоны малоазийские войска и во главе их появился под Халкидоном. Поддаваясь давлению, Ираклона короновал своим соправителем сына Константина III, но, несмотря на это, в сентябре 641 г. произошел переворот¹. По постановлению сената Мартина и Ираклона были низложены, и этот акт был запечатлен тем, что Мартине урезали язык, а Ираклоне — нос. Впервые мы здесь встречаем на византийской почве восточный обычай обезображивания посредством урезания носа: оно служило знаком непригодности изувеченного к замещению должности. Мать и сын были сосланы на Родос; в ссылку был вынужден отправиться также патриарх Пирр, а на патриарший престол вззошел бывший эконо́м церкви Св. Софии Павел.

Власть сенат передал сыну Константина III, которому тогда шел одиннадцатый год. Так же, как и его отец, он в крещении имел имя Ираклий, однако при коронации получил имя Константин, а народом назывался Констант, или Конста (Κώνστας), что в данном случае является уменьшительным от «Константин». Позднее ему дали прозвище «Погонат» (бородач), поскольку в свои зрелые годы он отпустил особенно длинную и пышную бороду².

Могущество сената, которое нашло свое ясное выражение в решении о низложении Мартины и Ираклоны, проявлялось также в том, что юный император Констант II поначалу оказался на попечении сенаторов. В речи, которую он зачитал перед собранием сената при вступлении в должность, Констант подчеркнул, что Мартина и Ираклона были устранены «принятым с Божией помощью решением сената», поскольку сенаторы «в силу своего чрезвычайного благочестия

¹ См.: *Ostrogorsky. Chronologie. S. 31. Cp.: Kaestner. De Imperio Constantini III. S. 27–28*, который правильно увидел, что Пирр, преемник которого занял патриаршую кафедру в октябре, был низложен уже не в правление Ираклоны (как это сообщает Никифор, р. 31–32), а скорее в связи с низвержением Мартины и Ираклоны (как у Феофана, р. 341–342, и Иоанна Никиуского). Отсюда, правда, Кестнер не сделал естественного вывода о том, что свержение Ираклоны следует относить не к концу ноября, вслед за Феофаном (р. 341: срок правления «шесть месяцев»), но к концу сентября, следуя указанию Симеона Логофета (*Leo Gramm. P. 156.15: правление в «четыре месяца»*). С этим согласно то, что, как подчеркивает Брукс (*BZ 4 (1895). P. 440, n. 2*), проведенный в октябре 649 г. Латеранский Собор, по Манси (*T. 10. P. 864*), приходился на десятый год правления Константа II.

² См.: *Brooks E. W. Who was Constantinus Pogonatus? // BZ 17 (1908). P. 455–462* и изображения на монетах в: *Wroth. Byz. Coins. Vol. I. P. XXX–XXXI*.

не хотели терпеть беззакония в царстве ромеев». Также и в будущем просил он сенаторов быть «советниками и устроителями всеобщего блага подданных»¹. Естественно, эти слова были вложены в уста императора самими сенаторами, однако от этого они не становятся менее показательными в отношении того высокого положения и значения, на которые мог претендовать в то время византийский сенат.

Сильно оттесненный на задний план абсолютизмом Юстиниана, константинопольский сенат вновь завоевал большое значение и с VII в. переживал новый расцвет². При династии Ираклия он исполнял важные функции коронного совета и даже верховного суда (см. ниже, с. 171). При переменах на престоле его роль естественным образом выходила на первый план (см. выше, с. 77), и не стоит удивляться тому, что юный император прежде всего был вынужден препоручить себя защите и руководству сенаторов. Естественно, он не навсегда позволил опекать себя таким образом: как большинство представителей рода Ираклия, он обладал ярко выраженным властным характером и в свои зрелые годы обнаруживал даже слишком много своеволия.

Внешнеполитическое положение Империи, как и прежде, определялось наступлением арабов. Во исполнение договора, заключенного по предписанию Мартины с арабами патриархом Кириллом Александрийским, согласно которому для эвакуации страны византийцам предоставлялся определенный срок, византийские войска 12 сентября 642 г. покинули Александрию, переправившись на Родос, после чего 29 сентября арабский полководец Амр вступил в город Александра Великого. Оттуда он начал распространять арабскую власть вдоль североафриканского побережья, покорил Пентаполь и в 643 г. взял город Триполис на Сирте. Но после смерти Умара (ноябрь 644) Амр был отозван новым халифом Усманом. Это дало повод византийцам для контрнступления. Во главе сильного флота византийский военачальник Мануил отправился в Египет; ему удалось застать врасплох арабский гарнизон и занять Александрию. Впрочем, этот успех был кратковременным. Амр, который спешно был отправлен

¹ Речь сохранилась у Феофана (р. 342.10–20); ср. тж. у Симеона Логофета (*Leo Gramm.* P. 157.6–15).

² См. важные замечания в: *Diehl Ch.* Le sénat et le peuple byzantin aux VIIe et VIIIe siècles // *Byz* 1 (1924). P. 201–213.

назад в Египет, разбил армию Мануила при Никиу и летом 646 г. вновь ворвался в Александрию. Мануил был вынужден отступить в Константинополь, в то время как коптское население Александрии во главе с монофиситским патриархом Вениамином охотно подчинилось арабам и с соблюдением всех формальностей зафиксировало это подчинение, тем самым еще раз дав понять, что оно предпочитало арабское иго византийскому. После этого вторичного взятия Александрии Египет навсегда остался под мусульманским правлением. Для Византийской империи эта богатейшая и в экономическом смысле важнейшая из ее провинций была потеряна навсегда¹.

Еще более выдающимся военачальником, чем Амр, был тогдашний наместник Сирии Муавия. После того как арабы прочно обеспечили себе владение Сирией и Месопотамией, они устремили свой взгляд на Армению и Малую Азию. Уже в 642/43 г. они осуществили новое вторжение на армянскую территорию². В 647 г. Муавия вторгся в Каппадокию и занял Кесарию. Оттуда он пошел на Фригию; хотя ему и не удалась попытка взять сильно укрепленный город Аморий, однако он пересек эту плодородную провинцию и вернулся в Дамаск с богатой добычей и большим числом пленников.

Выход арабов к побережью Средиземного моря поставил их перед необходимостью создания военно-морского флота. Даже великому завоевателю Умару осознание значения флота было глубоко чуждо. Муавия был первым арабским деятелем, который понял, что борьба с Византией не может вестись без сильного флота. Вскоре после смерти Умара он приступил к строительству кораблей, и в 649 г. первая экспедиция вышла в море. Под личным предводительством Муавии арабский флот напал на Кипр и захватил столицу острова Константию. Византийское правительство посредством больших сумм купило перемирие на три года, однако это не помогло. Время перемирия Муавия использовал для дальнейшего усиления своего флота и по истечению назначенного срока с новой силой возобновил морские операции. В 654 г. он опустошил Родос; знаменитая колоссальная статуя Гелиоса, рухнувшая еще во время землетрясения 225 г. до Р.Х., однако и после этого считавшаяся одним из семи чудес света, была продана какому-то еврейскому купцу из Эдессы, который вывез эту

¹ Butler A.J. The Arab Conquest of Egypt. P. 194 ff.

² См.: Manandean H. Les invasions arabes en Arménie // Byz 18 (1948). P. 177–183.

массу металла на 900 верблюдах. Вскоре после этого в руки арабов попал остров Кос, а Крит подвергся грабежу. Не приходится сомневаться, что настоящей целью Муавии уже тогда был Константинополь: маршрут Кипр — Родос — Кос показывает это со всей очевидностью. На это целеустремленное наступление Византия не могла смотреть бездейтельно. Константин II дал арабам в 655 г. сражение у ликийского побережья, лично приняв командование византийским флотом. Это первое большое византийско-арабское сражение закончилось сокрушительным поражением византийцев. Сам император оказался в большой опасности и был спасен лишь самопожертвованием одного молодого византийского героя¹.

Византийская гегемония на море была поколеблена. Однако непосредственных следствий эта большая победа арабов не возымела из-за внутренних осложнений в халифате. Волнения, которые господствовали в арабской державе уже в последние годы правления Усмана, еще больше усилились после его убийства (17 июня 656). Между Муавией, который был провозглашен халифом в Сирии, и выдвинутым в Медине «праведным халифом» Али, зятем пророка, разгорелась тяжелая гражданская война, которая завершилась лишь в 661 г. с убийством Али. При таких обстоятельствах Муавия был вынужден искать взаимопонимания с византийцами. Он заключил с ними мир (659) и обязался даже выплачивать Империи дань². Перемена настроений наступила и в Армении: самые влиятельные армянские семьи возобновили связи с Византией.

Освобождение от опасности с Востока дало императору Константу возможность обратиться к европейским областям Империи. В 658 г. он предпринял поход на занятые славянами Балканы: он выступил против «склавинов», где он «многих взял в плен и подчинил»³.

¹ Этот спаситель императора, который, согласно Феофану (р. 346.9 sq.), поменялся с императором облачением и тем самым помог ему бежать, а сам пал в схватке с арабами, был одним из двух сыновей некоего Вукинатора (buccinator — трубач; ср.: Кулаковский. История. Т. 3. С. 207, прим. 1), чьи авантурные приключения Феофан описывал ранее (р. 345.10 sq.). Как кажется, Феофан вплетает здесь в свое повествование элементы народного героического эпоса.

² *Dölger. Regesten*, N 230.

³ *Theophanes*. Р. 347.6: ἐπεστράτευσεν ὁ βασιλεὺς κατὰ Σκλαυινίας καὶ ἤχμαλῶτευσεν πολλοὺς καὶ ὑπέταξεν. Нет повода подвергать сомнению правильность датировки Феофана и переносить этот поход либо на более раннее (как *Станојевић*. Византија

Какой размах приобрело наступление Константа II, это короткое сведение не позволяет понять. С надежностью можно установить лишь то, что Константин II навязал одной части славян (предположительно в Македонии) признание византийских суверенных прав. Со времени Маврикия это было первое большое контрнаступление, предпринятое против славян. Поход Константа II, вероятно, сопровождался переселением больших масс славян в Малую Азию. С этого времени мы слышим о славянах в Малой Азии и о славянских воинах на императорской службе. В 665 г. пятитысячный отряд славян перешел к арабам и был ими расселен в Сирии¹.

После успешного похода на Балканы Константин II обратил внимание на имперские области на отдаленном Западе, где ситуация была очень запутанной, не в последнюю очередь из-за вызванного монофелитством церковного спора. Особенно пагубными были последствия религиозных распрей в латинской Африке, которая после падения Египта находилась в наибольшей опасности. Как ожесточение сирийских и египетских монофиситов против Византии облегчило завоевание восточных провинций, так недовольство западного православного населения грозило уготовить латинской Африке такую же судьбу. Северная Африка была тогда оплотом православия в борьбе с монофелитством. Там на протяжении многих лет действовал предводитель православной оппозиции Максим Исповедник, крупнейший богослов своего времени. Вероятно, по его настоянию в начале 646 г. в нескольких североафриканских городах были проведены Соборы, на которых поддерживаемое византийским правительством монофелитское учение было единогласно осуждено как ересь.

и Срби. Т. II. С. 40–41, 215–216), либо на более позднее время (как *Kaestner*. De império Constantini III. P. 7). С одной стороны, ясно, что этот поход мог состояться только после начала смуты в халифате, и отсюда следует неприемлемость предложенной Станоевичем, вслед за рассуждениями Панченко, датировки свинцовой буллы из Вифинии (см. ниже с. 184, прим. 1) 649 г. С другой стороны, не обязательно предполагать вслед за Кестнером, что поход начался после формального заключения мира с Муавией (осенью 659 г.), поскольку уже начало арабской смуты принесло с собой разрядку ситуации на восточной границе. Впрочем, Илия Нисибинский (CSCO. Scr. Syri. VII. P. 64) этот поход датирует 39 годом хиджры (29 мая 659 — 16 мая 660); но и он помещает его, как и Феофан, *перед* заключением мира с арабами, который он ошибочно упоминает под 42 г. хиджры (с 26 апреля 662 г.).

¹ *Theophanes*. P. 348.18.

Эта оппозиция византийской центральной власти возымела вскоре опасное политическое следствие. Экзарх Карфагена Григорий провозгласил себя императором и нашел поддержку не только у североафриканского населения Империи, но и у соседних мавританских племен. Правда, от опасностей, которые могли отсюда возникнуть, византийское правительство избавили арабы. После укрепления своей власти в Египте арабы предприняли в 647 г. нападение на североафриканский экзархат. В борьбе с ними узурпатор Григорий нашел свою смерть. Разграбив резиденцию узурпатора Суфетулу и получив богатую дань, арабы отступили.

Так экзархат пока остался в византийском владении, однако события, которые здесь разыгрались, были серьезным предупреждением, тем более что они нашли сильный отклик в Риме. Император Константин не видел необходимости в церковном примирении. Стремясь достичь компромиссного решения, он в 648 г. издал свой знаменитый «Типос», который хотя и предписывал удалить «Эктесис» из Св. Софии, но сам спорный вопрос старался обойти еще более настоятельно, чем это делал эдикт Ираклия; всякая дискуссия не только об энергиях, но и о проблеме воли была запрещена под угрозой наказания. Тем самым проблема энергии и воли достигла той же точки, что и проблема природ полутора веками ранее после издания «Энотикона» Зинона. И как в то время «Энотикон», так теперь и «Типос» не мог послужить основой единства, ибо не был способен удовлетворить ни убежденных сторонников православного учения, ни убежденных монофелитов. Очень скоро обнаружилась нереальность попытки уладить идейный религиозный спор посредством умолчания проблемы и деспотического запрещения высказываться о ней.

Папа Мартин, который, не испросив подтверждения со стороны императорского экзарха, 5 июля 649 г. взошел на престол св. Петра, в октябре того же года провел в церкви Спасителя в Латеранском дворце Рима большой Собор. Сто пять епископов, которые приняли участие в Соборе, принадлежали главным образом к Римской митрополии, однако в богословском плане Собор находился полностью под греческим влиянием и во всей своей процедуре следовал примеру византийских Вселенских Соборов¹. Латеранский Собор

¹ Caspar E. Die Lateransynode von 649 // Zeitschrift für Kirchengeschichte 51 (1932). S. 75–137.

осудил как «Эктесис», так и «Типос», однако из политических соображений возложил вину за эти вероучительные постановления не на императорское правительство, но на патриархов Сергия и Павла, которые, наряду с Пирром, были подвергнуты анафеме. Энциклика папы была направлена всем епископам и клиру христианской Церкви, греческий перевод актов Собора вместе с корректно выдержанным посланием были направлены императору.

Однако уже вызывающего способа поставления Мартина хватило императору для того, чтобы прибегнуть к поспешному и деспотическому вмешательству. Экзарху Равенны Олимпию было приказано направиться в Рим, арестовать непризнанного императором папу и вынудить у всех епископов Италии подписи под «Типосом». Олимпий, который прибыл в Рим еще до завершения Латеранского Собора, очень скоро понял, насколько неблагоприятной была атмосфера для выполнения возложенной на него миссии. Вместо того чтобы выполнить приказ императора, он решился воспользоваться недовольством Рима против Константинополя, чтобы оторвать Италию от Империи и поставить ее под собственную власть. Таким образом, церковная политика византийского правительства привела как в Северной Африке, так и в Италии к мятежу носителей местной верховной власти против центральной власти в Константинополе. Для борьбы с узурпатором, который со своей армией направился на Сицилию, византийское правительство, как кажется, ничего не предприняло, что следует объяснить тем, что тогда, во время первой морской экспедиции Муавии, оно было полностью поглощено событиями на Востоке. Мятеж пришел к своему естественному окончанию со смертью Олимпия в 652 г.

Только через год дело дошло до сведения счетов с папой Мартином. Новый экзарх 15 июня 653 г. явился во главе своей армии в Рим и взял тяжело больного папу под стражу, чтобы ночью увезти его из пришедшего в возбуждение города. Мартина привезли в Константинополь и в конце сентября представили перед сенатом. Процесс имел ярко выраженный политический характер. Было выдвинуто обвинение в государственной измене, поскольку Мартина, вероятно не без основания, подозревали в поддержке Олимпия. Напротив, религиозный вопрос оказался на заднем плане, и попытка папы завести речь о «Типосе» была судьями резко пресечена. После приговора, который поначалу предусматривал смертную казнь, тяжело больной старик по личному распоряжению императора подвергся публичному

унижению и в конце концов был отправлен в отдаленный Херсонес, где он, претерпевая голод и нужду, окончил жизнь в апреле 656 г.¹ Вскоре после приговора Мартину из Италии в Константинополь под арестом был доставлен Максим и также был допрошен в присутствии сената византийской столицы. Как Мартина в связи с Олимпиаем, так Максима обвинили в поддержке мятежного североафриканского экзарха Григория, но главное — в непризнании императорского «Типоса». В то время как над папой суд был недолог, причем судьи не интересовались его религиозными воззрениями, на этот раз правительство приложило все усилия к тому, чтобы переубедить Максима, духовного вождя православных греков. Однако все усилия остались тщетными, несмотря на то что Максим на протяжении многих лет высылался то в одно место, то в другое и подвергался тяжелым истязаниям. Его последним местом ссылки была крепость Схимарий в Лазике (недалеко от современного Мури)²; здесь он, будучи восьмидесятилетним стариком, умер 13 августа 662 г.

Догматический спор проявился с церковно-политической точки зрения также в протесте оппозиции против порабощения Церкви императорской властью. Максим провозгласил принцип о том, что император, как мирянин, не имел никакого права принимать решения по вероучительным вопросам, поскольку это было исключительным делом Церкви³. Сама по себе эта мысль не была новой, она встречается уже у отцов Церкви ранневизантийского времени. Однако еще никто не вел борьбу за независимость Церкви с такой силой. Максим, первый по-настоящему средневековый византийский отец Церкви, легитимизировавший в церковной традиции мистику Псевдо-Дионисия, привнес в мир античных представлений новые, средневековые воззрения по церковно-политическим вопросам. В лице императора Константа и монаха Максима столкнулись два мира. Максим был побежден могуществом императора, однако идеи, которые он отстаивал, вновь ожили в борьбе за веру последующих веков.

После двадцатилетнего правления на Босфоре император Константин принял экстравагантное решение покинуть Константинополь

¹ См.: *Peeters P.* в *Anal. Boll.* 51 (1933). P. 255 и далее.

² См.: *Бриллиантов А.* О месте кончины и погребения св. Максима Исповедника // *Христианский Восток* 6 (1917). С. 1–62.

³ См., например, *Acta Maximi*, cap. 4 // PG 90. Col. 117BC.

и перенести свою резиденцию на Запад. Впрочем, он не считал территорию восточной части Империи потерянной: пока на Востоке бушевала война, он не покидал своего поста, но когда миновала опасность, он покинул старую византийскую столицу. Его отъезд на Запад показывает, насколько важным было в то время для Византийской империи сохранение владений на Западе. Если сопоставить решение Константа II с прежними планами императоров Маврикия и Ираклия, можно усмотреть некую преемственность политической воли, которая ясно дает понять, что византийцы в то время были весьма далеки от мысли ограничиться только Востоком, чтобы, к примеру (как это показало последующее столетие), посредством отказа от Запада теснее сплотить силы восточной части Империи.

Последний толчок к реализации намерения Константа был дан, вероятно, теми причинами, которые наши источники приводят в качестве единственных побудительных мотивов его отъезда. Из-за своей церковной политики и жестокой расправы с Мартином и Максимом император утратил симпатии православного византийского населения. Мало того, в 660 г. он приказал насильно рукоположить во священники, а затем умертвить своего брата Феодосия, якобы за умысел государственного переворота, а на самом деле, вероятно, за то, что брат императора, по воззрениям того времени (как показывает история сыновей Ираклия, а позднее и сыновей самого Константа), мог притязать на соправительство, тогда как Константин не хотел терпеть умаления своего единовластия. Непосредственный повод к разрыву с Феодосием был, по всей видимости, дан тем фактом, что Константин, который на Пасху 654 г. короновал своего старшего сына, Константина (IV), соправителем, в 659 г. вручил императорское достоинство также двум своим младшим сыновьям, Ираклию и Тиверии, и таким образом вновь обошел брата. Кровавый исход этого спора вызвал у византийского населения глубокое возмущение. Император увидел, что его преследует ненависть населения, называвшего его Каином¹. Эта своеобразная размолвка с жителями столицы могла укрепить Константа в его намерении покинуть Константинополь; это также внесло свой вклад в то, что отъезд императора на Запад имел характер разрыва со старой резиденцией.

По всей видимости, Константин намеревался посетить важнейшие пункты европейских имперских территорий. Сначала он остановился

¹ *Chronica Minora* // CSCO. Scr. Syri. IV. P. 55. Ср. тж.: *Cedrenus*. T. I. P. 762.

в Фессалонике, затем длительное время пробыл в Афинах и только в 663 г. прибыл в Тарент. Отсюда он начал войну против лангобардов. Поначалу он одержал несколько побед, многие города открыли ему ворота без сопротивления, и он приступил к осаде Беневента. Однако ни военных, ни финансовых средств императора, несмотря на безоглядную эксплуатацию итальянских подданных, для продолжительных военных действий не хватило, и вскоре Константин встал перед необходимостью снять осаду и удалиться в Неаполь. Так попытка очистить Италию от лангобардов, несмотря на первоначальные успехи, потерпела неудачу¹.

Из Неаполя Константин направился в Рим. Повелителя, который до смерти замучил папу Мартина, папа Виталиан встретил во главе римского клира в шести милях от стен города и торжественно сопровождал его в древнюю столицу, которая в то время сохраняла только воспоминание о своем былом величии. Константин был первым императором, который посетил ее со времен падения Западной империи. Его пребывание в Риме было торжественным, однако осталось не более чем визитом. Оно продолжалось лишь двенадцать дней и ограничилось торжествами и богослужениями. 17 июля 663 г. Константин покинул Вечный Город и вскоре после этого из Неаполя направился на Сицилию, которую было необходимо защищать от нападений арабов. Тут, в Сиракузах, он устроил свою новую резиденцию. Он намеревался даже перевезти на Сицилию свою семью — жену и сыновей; впрочем, этому воспротивились в Константинополе, где по понятным причинам план перенесения императорской резиденции на Запад не находил отклика².

Место новой резиденции было выбрано хорошо, ибо, находясь на Сицилии, которую в свое время узурпатор Олимпий выбрал местом своего пребывания, император занимал ключевое положение между землями Италии, находившимися под лангобардской угрозой, и подвергающейся арабским нападениям Северной Африкой. О правлении Константа II в Сиракузах мало что известно. Известно точно следующее: содержание двора и императорского войска стало тяжелым бременем для западных имперских территорий, а своенрав-

¹ Ср.: *Hartmann*. Geschichte Italiens im Mittelalter. Bd. II/1. 1900. S. 248 ff.; *Brooks* в: СМН. Vol. II. 1911. P. 394 ff.; *Кулаковский*. История. Т. 3. С. 221 сл.

² *Theophanes*. P. 348.4, 351.14.

ный деспотизм императора вскоре и здесь отвратил от него всех. Этим объясняется катастрофа, которой завершилось пребывание Константа в Сиракузах. В его окружении возник заговор, и 15 сентября 668 г. он был убит своим слугой в бане. В заговоре приняли участие многие представители знатных византийских и армянских родов. Армянином был также и некто Мезезий, которого войско после убийства Константа провозгласило императором. Впрочем, уже в начале 669 г. этот мятеж был подавлен экзархом Равенны¹. Узурпатор и несколько главных заговорщиков были казнены. Тело императора было перевезено в Константинополь и положено в церкви Святых Апостолов.

3. Спасение Константинополя и укрепление нового строя: Константин IV и Юстиниан II

Общая литература: *Canard M.* Les expéditions des Arabes contre Constantinople // *Journal Asiatique* 108 (1926). P. 61–121 (см. тж. приведенную выше, с. 140–141, литературу по истории арабского нашествия); *Златарски.* История. Т. I/1; *Мутафчиев.* История. Т. I; *Runciman.* Bulgarian Empire; *Diehl Ch.* L'empereur au nez coupe // *Choses et gens de Byzance.* Paris, 1926. P. 174–211; *Ostrogorsky G.* Das byzantinische Kaiserreich in seiner inneren Struktur // *Historia Mundi.* Bd. VI. Bern, 1958. S. 445–473.

После смерти Константа II на престол Константинополя взошел его юный сын Константин IV (668–685). Началось одно из наиболее значительных с всемирно-исторической точки зрения правлений в византийской истории: правление, события которого решающим образом повлияли на ход византийско-арабской борьбы.

Пока Констант II еще находился на Западе, Муавия, ликвидировав смуту в халифате, возобновил борьбу с Византией. В 663 г. арабы

¹ То, что часто приводимое в современной литературе сообщение Феофана (р. 352) о том, что Константин IV после смерти своего отца отправился с войсками на Сицилию, является ошибочным, показал уже Брукс (*Brooks E.W.* The Sicilian expedition of Constantine IV // *BZ* 17 (1908). P. 455–459. Ср.: *СМН.* Vol. II. 1913. P. 395 и *Кулаковский.* История. Т. 3. С. 235, 358. Впрочем, Грегуар (*Byz* 13 (1938). P. 160) пытается отстоять сообщение Феофана. Мне, однако, тезисы Брукса представляются более убедительными.

вновь появились в Малой Азии и с тех пор повторяли свои набеги ежегодно¹: страна опустошалась, а население угонялось в плен. Порой арабы доходили до самого Халкидона, а зачастую оставались на территории Империи даже на зиму. Впрочем, решающее сражение, сражение за Константинополь и за само существование Византийской державы, разыгралось на море. Реализацию плана захвата города, который халиф Муавия разработал еще будучи наместником Сирии, он начал с того пункта, на котором был вынужден прервать его десятилетием ранее. После того как линия захваченных островов Кипр — Родос — Кос была дополнена Хиосом, военачальник Муавии захватил в 670 г. полуостров Кизик в непосредственной близости от византийской столицы. Тем самым был создан надежный плацдарм для захвата Константинополя. Но перед тем как обрушить удар на государственный центр Византии, эскадра халифа в 672 г. заняла Смирну, в то время как другая напала на киликийское побережье.

Весной 674 г. началась главная операция: мощная эскадра появилась ввиду стен Константинополя. Сражения продолжались все лето, осенью арабский флот отошел к Кизику. Весной следующего года он появился опять, чтобы снова все лето держать в осаде византийскую столицу; то же самое повторялось и в последующие годы. Впрочем, все попытки арабов взять штурмом сильнейшую крепость тогдашнего мира оказались безуспешными. Они были вынуждены прекратить борьбу и в 678 г. покинули воды Константинополя после того, как понесли в многочисленных сражениях под стенами города тяжелые потери². По-видимому, тогда впервые был применен знаменитый «греческий огонь», который с тех пор неизменно оказывал византийцам большие услуги. Это изобретение уехавшего из Сирии в Константинополь греческого архитектора Каллиника представляло собой взрывчатый материал, изготовление которого было известно только византийцам; посредством так называемого сифона он бросался на большое расстояние по кораблям противника, устраивая на них

¹ См.: Кулаковский. История. Т. 3. С. 232–233.

² Соответственно, осада Константинополя продолжалась пять лет (674–678). Феофан (р. 354) и Никифор (р. 32) сообщают, что сражение за Константинополь продолжалось семь лет, хотя Феофан (р. 355–356) само заключение мира помещает под 678 г. Вероятно, оба хрониста считают от взятия Кизика, как это отметил еще Гиббон (ed. Bury. Vol. IV. P. 2, n. 1).

сильный пожар¹. Во время отступления арабский флот понес дополнительные потери от бури, которая застигла его у берегов Памфилии. Одновременно тяжелое поражение потерпела в Малой Азии арабская армия. Престарелый Муавия был вынужден заключить с Византией мирный договор сроком на тридцать лет. Он также обязался платить императору каждый год 3000 золотых монет, а кроме того присылать 50 пленников и 50 коней².

Неудача арабского нападения произвела огромное впечатление даже за границами Византийской империи. Аварский хакан и вожди славянских племен на Балканском полуострове отправили в Константинополь посольства, чтобы поклониться византийскому императору, просить его о мире и дружбе и признать его суверенные права. «И настал, — пишет Феофан в своей хронике, — безмятежный мир на Востоке и на Западе»³.

И действительно, значение византийской победы 678 г. нельзя переоценить. Впервые наступление арабов было приостановлено. Арабское вторжение, которое до тех пор без сопротивления двигалось наподобие лавины, получило первый сильный контрудар. В великой оборонительной борьбе Европы против арабского наступления победа Константина IV представляла собой поворотный момент всемирно-исторического значения, подобный более поздней победе Льва III в 718 г. и победе, которую в 732 г. на другом конце тогдашнего мира одержал над арабами при Пуатье Карл Мартелл. Из этих трех победных свершений, которые спасли Европу от наводнения ее мусульманами, победа Константина IV является не только первой, но и величайшей. Без сомнения, тогдашняя осада арабами Константинополя была самой страшной, которую только испытал от арабов

¹ О греческом огне см.: *Zenghelis C. Le feu grégeois et les armes à feu des Byzantins // Byz 7 (1932). P. 265–286*. Согласно этому исследованию, основной элемент греческого огня составляла селитра, так что изобретение Каллиника в известной степени предвосхищало позднейший порох.

² *Dölger. Regesten. N 239*.

³ *Theophanes. P. 356.2* (ср. тж.: *Nicephorus. P. 33.6*); см. об этом: *Šišić. Povijest. S. 270–271*, который в «ἐξαρχοὶ τῶν πρὸς δὺσιν ἔθνων», без сомнения, верно усматривает вождей славянских племен с византийского Запада и выражение «ἐκύρωσε καὶ πρὸς αὐτοὺς δεσποτικὴν εἰρήνην» интерпретирует в том смысле, что славяне признали суверенитет византийского императора, в обмен на что он предоставил им во владение занятые ими земли.

христианский мир. Константинополь же был последней плотиной, которая стояла в то время на пути арабского потока. То, что эта плотина устояла, было спасением не только для Византийской империи, но и для всей европейской культуры.

Впрочем, перед новыми большими проблемами поставило Империю вторжение на Балканский полуостров тюркского народа болгар. Булгарская, или оногуро-булгарская, держава, с которой Византия поддерживала при Иракии дружеские отношения, в середине VII в. распалась под давлениемдвигающихся на запад хазаров¹. В то время как часть болгар подчинилась хазарам, несколько болгарских племен покинули свои прежние места обитания. Большая орда под предводительством Аспаруха (Испериха староболгарских списков правителей) направилась на запад и в 70-е гг. появилась в устье Дуная. Константин IV не пренебрег опасностью, которой грозило для византийского государства появление воинственного народа на северной границе Империи. После заключения мира с арабами он немедленно приступил к подготовке экспедиции против болгар, и уже в 680 г.² война началась. Большой военно-морской корпус под личным предводительством императора пересек Черное море и высадился севернее устья Дуная; одновременно через Дунай перешли византийские конные части, переброшенные из Малой Азии во Фракию. Однако болотистая местность затруднила для византийцев ведение войны, болгарам же дала возможность избежать любого серьезного столкновения с превосходящим противником. Византийская армия исчерпала свои силы, не достигнув успеха, и, после того как заболел и был вынужден покинуть войска сам император, начала отход. При переправе через Дунай она была застигнута булгарами и понесла тяжелые потери. Вслед за отступающим врагом болгары переправились через Дунай и прорвались в область Варны³. Так экспедиция Константина IV вызвала то самое несчастье, которое она намеревалась предотвратить, облегчив для врага решающий шаг.

¹ См.: *Moravcsik J.* Zur Geschichte der Onoguren // *Ungarische Jahrbücher* 10 (1930). S. 53–90, а также пространную библиографию в его же: *Byzantinoturcica*. Bd. I. S. 112 ff.

² Феофан под 6171 = 679/80 г. (а не 678/9 г., согласно выводам в: *Ostrogorsky*. *Chronologie*. S. 1 ff.).

³ *Theophanes*. P. 359.7 sq.; *Nicephorus*. P. 35.15 sq.

Территория, на которую вторглись болгары, была в то время уже значительно славянизирована: она была заселена племенем северян и семью другими славянскими племенами. Они стали данниками болгар¹ и, вероятно, соединились с ними в борьбе против византийцев². На территории старой провинции Мёзия между Дунаем и балканскими горами возникла славяно-болгарская держава. Таким образом, вторжение болгар в северо-восточную часть занятого славянами Балканского полуострова ускорило процесс образования государства и привело к образованию первой южнославянской державы. Разумеется, болгары и славяне поначалу представляли собой две различные этнические группы, и еще долго они будут четко различаться в византийских источниках; однако постепенно болгары полностью растворились в славянской массе.

Византийский император был вынужден признать сложившееся положение заключением формального мирного договора и даже объявлялся — «к величайшему бесчестью для римского имени» — выплачивать ежегодную дань молодой Болгарской державе³. Так впервые на старой византийской земле возникло независимое государство, которое было в качестве такового признано самой Византией. Этот

¹ Феофан (р. 359.7 и далее) обозначает семь славянских племен как «ὄπὸ πάκτων ὄντες», причем становится совершенно понятно (с учетом *Theophanes*. P. 358.20: византийский император вынужден болгарам ἐτήσια... πάλτα παρέχειν), что «πάκτων» значит здесь не «договор» (как это пытался доказать Златарский, см.: История. Т. I/1. С. 142 сл.), а «дань», как это правильно отмечает Дуйчев (*Dujčev*. *Proto-bulgares et Slaves* // *Annales de l'Institut Kondakov* 10 (1938). P. 145–154), причем он верно указывает и на то, что данничество, по Феофану, не распространялось на северян. Однако даже новейшая история Болгарии, выпущенная Болгарской Академией наук (История на България. София, 1954. С. 65), говорит о союзе, который протоболгары якобы заключили со славянами и даже с первым славянским государством. Ср. тж.: Ангелов В., Андреев М. История на българската държава и право. София, 1955. С. 59.

² Сражения, которые велись в ходе создания болгарской державы, не окончились в течение одного 679/80 г., как у Феофана (р. 356 sq.); уже Кулаковский отметил (История. Т. III. С. 249, на основании Mansi. Т. XI. Col. 617), что война с болгарам еще продолжалась летом 681 г. На это же место указывает и Ю. Трифонов (Известие на сирийския презвитер Константин за Испериховата победа над византийците // Известия на историческо дружество 11–12 (1931–1932). С. 199–236), выводя отсюда, однако, ряд неубедительных гипотез.

³ *Theophanes*. P. 358.19; *Nikephoros*. P. 35–22; *Dölger*. *Regesten*, N 243.

факт остается в высшей степени знаменательным, хотя реальные потери, которые болгарское завоевание причинило Империи, не следует переоценивать: ведь захваченные территории уже со времени славянской миграции фактически ушли из сферы власти византийской державы.

Развитие ситуации на Востоке поставило византийское правительство перед необходимостью церковно-политических перемен. Поскольку на возвращение попавших в руки арабов восточных провинций очевидным образом уже нельзя было рассчитывать, дальнейшая приверженность монофелитству представлялась нецелесообразной. В качестве средства религиозного примирения с христианским населением Востока монофелитская ересь не оправдала себя, на Западе же и в самой Византии она привела к пагубным осложнениям. По договоренности с Римом Константин IV созвал в Константинополе Собор, который должен был положить конец монофелитству. Этот Шестой Вселенский Собор Православной Церкви, который имел необыкновенно большое число заседаний (восемнадцать), продолжался с 7 ноября 680 до 16 сентября 681 г., возвысил до положения догмата еще недавно отвергаемое учение о двух энергиях и о двух волях. Монофелитство было осуждено, и выдающиеся деятели монофелитской партии и ее бывшие вожди, среди них патриархи Сергей, Пирр, Кир и папа Гонорий, были подвергнуты анафеме. В соборных дискуссиях император принимал активное участие. Он присутствовал на одиннадцати первых и самых важных заседаниях, а также на заключительном заседании, председательствуя на них и направляя богословские дискуссии. На торжественном заключительном заседании, после того как император поставил свою подпись под постановлениями Собора, участники церковного собрания приветствовали его восклицаниями как хранителя и толкователя правой веры: «Многая лета василевсу! Ты изъяснил сущность природ Христа! Господи, сохрани светоча мира! Константину, новому Маркиану, вечная память! Константину, новому Юстиниану, вечная память! Ты изгнал всех еретиков!»¹

Вскоре после проведения Вселенского Собора в императорской семье вновь возник тяжелый конфликт, который, казалось, повторял кровавую распрю между Константином II и его братом Феодосием. Как и Константин II, Константин IV стремился к неограниченному самодер-

¹ Mansi. T. XI. Col. 656.

жавному правлению и потому решил снять у коронованных еще при жизни отца своих младших братьев все императорские права. При этом он столкнулся с сильной оппозицией как сената, так и армии, которые оставались верными прежнему образу правления¹ и давали ему своеобразное новое истолкование в христианском мистическом смысле. Свой протест против намерения императора войска фемы Анатоликов выразили в следующих словах: «Мы верим в Троицу и хотим видеть венчанными троих!»² Однако Константин IV не дал обескуражить себя этим сопротивлением. Прежде всего он лишил своих братьев подобающего им титула правителей³, а в конце 681 г. приказал отрезать носы обоим несчастным принцам⁴. Представители Анатолийской фемы, которые хотели помешать императору осуществить свое намерение, были казнены.

Государственный переворот, совершенный Константином IV, имел важные последствия для дальнейшего развития событий. После кровавой распри среди братьев, разыгравшейся на протяжении нескольких поколений, единодержавное правление оказывается теперь прочно установленным. Это означает, что принцип монархического престолонаследия, закрепляющий право престолонаследия за старшим сыном правителя, делает решительный шаг вперед⁵. В качестве

¹ Еще в 670 г. Константин IV был вынужден своим указом подтвердить то, что оба его брата имеют с ним равные права и что монеты должны нести на себе изображение трех императоров. См.: *Dölger. Regesten*, N 236.

² *Theophanes*. P. 352.15.

³ Акты Шестого Вселенского Собора упоминают Ираклия и Тиверия в официальных формулах датировки не как соправителей Константина IV, но как его «богохранимых братьев» (θεοφύλακτοι αὐτοῦ ἀδελφοί). См.: *Mansi*. T. XI. Col. 209A, 217A, 221CD, 229AB, 316DE и т.д.

⁴ См.: *Brooks E.W.* The Brothers of the Emperor Constantine IV // *English Historical Review* 30 (1915). P. 42–51.

⁵ Несмотря на мнение Дёльгера (BZ 33 (1933). S. 137–138), я уверен (как я уже отметил в: *Kornemann. Doppelprinzipat*. S. 166), что Константин IV устранением своих братьев пытался не только обеспечить престол своему сыну Юстиниану, но прежде всего установить собственное единодержавное правление. Это доказывается также тем обстоятельством, что он сделал своего сына соправителем не ранее 18 февраля 685 г., т.е. более чем через три года после переворота, поскольку письмо Юстиниана II от 17 февраля 687 г. к папе (равно как и надгробная надпись отца папы Иоанна VII) указывает на второй год правления или второй год после консульства Юстиниана.

средства обеспечения престолонаследия институт соправительства, как и прежде, сохраняет большое значение, но в осуществлении императорской власти впредь соправители не принимают никакого участия, коль скоро старший император является совершеннолетним и дееспособным. Вся власть находится в руках старшего императора — автократора.

Константину IV, правление которого оставило глубокие следы во внутренне- и внешнеполитической истории византийского государства, равно как и в его церковном и государственном развитии, было примерно 34 года, когда в сентябре 685 г. он умер после семнадцатилетнего правления. Рано умершему императору наследовал на престоле его сын Юстиниан II (685–695, 705–711). Как и его отцу, ему едва исполнилось 16 лет, когда он принял бразды правления. Впрочем, он не обладал рассудительностью и уравновешенностью, которые отличают истинного государственного деятеля. Обладая страстной, порывистой натурой, он по своим душевным склонностям был похож скорее на деда. Воля к власти, которая была присуща всем представителям династии Ираклия, выражалась в нем, как и в Константе II, в безрассудном деспотизме, которому были неведомы сдержанность и осмотрительность. Кроме того, он носил имя, которое ко многому обязывало, но в котором заключался и большой соблазн. С примером Юстиниана I перед глазами, полностью проникнутый ощущением величия своего императорского достоинства, молодой, незрелый и неуравновешенный правитель слишком часто давал волю своему пылкому честолюбию и неутолимой жажде славы. Его безудержный деспотизм и крайняя раздражительность часто приводили к действиям, которые создали ему дурную славу среди современников и потомков и которые нынешней историографии также не дают разглядеть значение его правления. Как бы то ни было, Юстиниан II, как истинный представитель рода Ираклия, был высокоодаренным правителем с ясным видением потребностей государства.

Благодаря решающей победе Константина IV, положение Империи на Востоке было весьма благоприятным, в то время как халифат после смерти Муавии, напротив, казался ослабленным внутренней смутой. Абд аль-Малик, взойшедший на престол в том же году, что и Юстиниан II, стремился к укреплению положения посредством нового мирного договора с Византией. Договор принес Империи

значительные выгоды: не только были повышены выплаты, которые арабы обязались делать при Константине IV, но также доходы, с одной стороны, с Кипра, а с другой — с Армении и Ивирии должны были делиться между двумя договаривающимися сторонами¹. С тех пор на протяжении нескольких столетий Кипр представлял собой кондоминиум двух держав².

Спокойствие на Востоке дало Юстиниану II возможность сосредоточить свое внимание на Балканах. Уже в 687/8 г. он перебросил кавалерийские части из Малой Азии во Фракию для того, чтобы, как говорит Феофан, «подчинить болгар и склавинии»³. Во главе этой армии он предпринял в 688/9 г. большой поход, направленный главным образом против славян. После столкновения с булгарами он поспешил к Фессалонике и «подчинил великое множество славян»⁴. Ход этой экспедиции ярко высвечивает тогдашнее положение на Балканах: чтобы добраться из Константинополя до Фессалоники, император был вынужден со специально собранными воинскими силами пробиваться через занятую славянами страну. Его прорыв к Фессалонике рассматривался как большой военный успех. Он отпраздновал свою победу торжественным входом в город и дарами, принесенными церкви св. Димитрия, покровителя Фессалоники⁵.

¹ Dölger. Regesten. N 257.

² См.: Jenkins R.J.H. Cyprus between Byzantium and Islam, A.D. 688–965 // Studies presented to D.M. Robinson. Saint-Louis, 1951. Vol. II. P. 1006–1014.

³ Theophanes. P. 364.8.

⁴ Theophanes. P. 364.13.

⁵ См. эдикт Юстиниана II от 688/9 г. (2 индикт), которым он передает церкви св. Димитрия в Фессалонике солеварню в качестве не подлежащего налогообложению владения как благодарность за помощь в борьбе против «общего врага». Там же упоминается и посещение императором Фессалоники. Новое издание см. в: Vasiliev A. An Edict of the Emperor Justinian II, September 688 // Speculum 18 (1943). P. 1–13; Grégoire H. Un Edit de l'Empereur Justinien II, daté de septembre 688 // Byz 17 (1944–1945). P. 119–124. Ср. тж.: Vasiliev A. L'entrée triomphale de l'empereur Justinien II à Thessalonique en 688 // ОCP 13 (1947). P. 355–368. Я не знаю, почему оба ученых утверждают, что эдикт был издан в сентябре 688 г., в то время как на самом деле строка 10 эдикта всего лишь сообщает, что владение церкви св. Димитрия подаренной ей солеварней считается с сентября «настоящего второго индикта», т.е. что доходы с подаренного объекта будут начисляться с начала года. В качестве параллели см. питтакий Михаила VII Дуки от февраля 1073 г., который содержит распоряжение о передаче некоторых владений Андронику Дуке

Покоренных славян Юстиниан приказал переправить в Малую Азию и поселить в качестве стратиотов в феме Опсикия¹. Так была продолжена начавшаяся при Константе II колонизация славянами Малой Азии, но теперь в гораздо больших масштабах. Поселенные теперь

и определяет, что доходы будут перечисляться получателю с начала текущего индикта (т.е. с сентября 1072 г.): Miklosich–Müller. T. VI. P. 4–15. Таким образом, мы должны довольствоваться тем утверждением, что эдикт Юстиниана II в соответствии с указанным 2-м индиктом должен быть отнесен к 688/89 г.; именно на этот год приходится, по Феофану, поход Юстиниана II, ибо год от сотворения мира 6180-й соответствует здесь 688/89 году (согласно выводам в: *Ostrogorsky. Chronologie*). Кириакидис (*Κυριακίδης Στ. Ιστορική τοιχογραφία τῆς ἐκκλησίας τοῦ ἁγίου Δημητρίου: Τρεῖς διαλέξεις. Θεσσαλονίκη, 1953. Σ. 5 κ.έ.*) вновь переиздал этот эдикт в рамках доклада о рассмотренном уже Васильевым (Op. cit.) изображении триумфального входа Юстиниана II в церковь св. Димитрия. Об этом изображении см.: *Kantorowicz E. The King's Advent // The Art Bulletin 26 (1944). P. 216, n. 63* и, с другой стороны, *Breckenridge J.D. The "Long Siege" of Thessalonika: its Date and Iconography // BZ 48 (1955). S. 116–122.*

¹ *Theophanes. P. 364.15.* — В связи с этим переселением следует рассматривать свинцовую печать (моливдовул), которую опубликовал Панченко (*Панченко Б.А. Памятник славян в Вифинии // ИРАИК 8 (1902). С. 15–62*) и легенда на лицевой стороне которой содержит ΑΠΟ ΥΠΑΤΩΝ, а на обратной стороне после исправлений Шлюмберже (*Schlumberger G. Sceau des esclaves (mercenaires) slaves de l'éparchie de Bithynie // BZ 12 (1903). P. 277*) можно прочесть ΤΩΝ ΑΝΔΡΑΠΟΔΩΝ ΤΩΝ ΣΚΛΑΒΩΝ ΤΗΣ ΒΙΘΥΝΩΝ ΕΠΑΡΧΙΑΣ. Соответственно указанному 8-му индикту, моливдовул можно датировать 694–695 гг., а изображенного на нем императора следует считать Юстинианом II. Печать принадлежала императорскому чиновнику, которому были подчинены поселенные в Вифинии (в западной части фемы Опсикия) славянские военнопленные и который носил титул проконсула (ἀπὸ ὑπάτων). К Юстиниану II относит моливдовул и Ю.А. Кулаковский (*История. Т. 3. С. 360*), который показывает, что датировка Панченко (650 г.) исходит из неверных предпосылок. Однако Кулаковский напрасно хочет датировать буллу 710/711 (правильнее — 709/710) годом. С этой датировкой не согласуется тип изображения юного императора; кроме того, во время второго правления Юстиниан обычно изображался вместе со своим сыном и соправителем Тиверием; ср.: *Wroth. Byzantine Coins. Vol. II. P. 354–355 (fig. XLI)*. Харанис (*Charanis P. The Slavic Element in Byzantine Asia Minor // Byz 18 (1948). P. 70*) возвращается к датировке Панченко, поскольку странным образом принимает за чистую монету сообщение Феофана о том, что поселенных в 682 г. в феме Опсикия славян Юстиниан полностью искоренил в 692 г. (см. ниже). См., однако, возражения Марика (*Maricq A. Notes sur les Slaves dans le Péloponnèse et en Bithynie // Byz 22 (1952). P. 348–350*), который выступает в защиту моей датировки (694/95 г.). С этой датировкой согласны также Васильев (Op. cit. P. 366) и Грегуар (Op. cit. P. 123; см. следующее примечание). Ср. тж.: ВИИНЖ. Т. I. С. 245.

в феме Опсикия славянские племена могли выставить тридцать тысяч человек войска¹. Такой приток новых сил означал не только значительное приращение византийской армии, но и, конечно же, вносил свой вклад в хозяйственное восстановление опустошенной вражескими вторжениями страны.

Переселение славян в Малую Азию было самым крупным, но не единственным такого рода мероприятием этого времени. Подобным образом и мардаиты — племя разбойников-христиан, живших в области Амана и некогда оказавших византийцам большие услуги в борьбе с арабами, а теперь постепенно начавших переходить на службу к арабам, — были призваны в Империю и в качестве моряков расселены на Пелопоннесе, на острове Кефаллиния, в эпирском портовом городе Никополь и в районе Атталии на южном побережье Малой Азии². Наконец, Юстиниан II переселил жителей Кипра в область Кизика, которая сильно пострадала во время осады Константинополя и в значительной мере нуждалась в опытных в морском деле жителях.

Переселение киприотов довольно чувствительно затронуло интересы халифата, и поскольку Юстиниан II в осознании своего превосходства надменно отверг представления по этому поводу халифа, дело дошло в 691/92 г. до военного противостояния. Правда, при этом новые славянские войска перешли к врагу, что имело своим следствием то, что византийцы потерпели тяжелое поражение при Севастополе Армянском (ныне Сулу-сарай)³ и византийская часть Армении вновь подчинилась халифату. Арабы же, следуя византийскому примеру, поселили славянских перебежчиков в Сирии и использовали их в качестве бойцов в дальнейших сражениях с византийцами. Не обязательно, конечно, доверять сообщению Феофана о том, что Юстиниан II в отместку за это приказал перебить всех славян в Вифинии⁴, как не следует принимать всерьез и его заявления о том, что переселение мардаитов было бессмысленным оголением византийской восточной границы, а переселение киприотов вообще закончилось неудачей и значительная

¹ *Theophanes*. P. 366.1.

² См.: *Honigmann*. Ostgrenze. S. 41.

³ К идентификации места сражения см. прежде всего: *Maricq* A. Notes sur les Slaves dans le Péloponnèse et en Bithynie // *Byz* 22 (1952). P. 350–354.

⁴ *Theophanes*. P. 366.1.

часть переселенцев умерла по дороге¹. Но если киприоты впоследствии, как кажется, действительно вернулись к себе на родину², то славяне еще в X в. встречаются в феме Опсикия, а мардаиты — как в феме Кивирреотов (где их военачальник, *κατεπάνω τῶν Μαρδαϊτῶν*, занимает наряду со стратигом Кивирреотов важное положение), так и в Греции (где их личный состав насчитывает 5087 или 4087 человек)³. Таким образом, переселенческая политика Юстиниана II показала себя жизнеспособной, и как бы ни велики были тяготы для вовлеченных в нее людей, она тем не менее отвечала жизненным потребностям византийского государства. С поселения стратиотов в фемах при Ираклии началось возрождение Империи. Его преемники продолжили его дело и дали процессу обновления новый сильный импульс, привлекая в обескровленные имперские области колонистов извне и поселяя их либо в качестве солдат, либо в качестве крестьян.

Становление фемного строя является одной из важнейших проблем византийского развития в раннем Средневековье. Несмотря на то что византийские исторические сочинения нигде подробно не останавливаются на этом вопросе, однако со второй половины VII в. в них встречаются все более частые упоминания фем, что является доказательством того, что фемная организация все глубже укоренялась в Византийской империи⁴. Документ Юстиниана II от 17 февраля 687 г. называет наряду с экзархами Италии и Африки пять стратигов — Опсикия, Анатоликов, Армениаков, морской фемы Карависианов и фемы Фракисиев⁵. В то время как малоазийские фемы восходят еще ко времени Ираклия, фема Фракия была создана при Константине IV для обороны от болгар⁶. При Юстиниана-

¹ *Theophanes*. P. 364.5 и 365.9.

² См.: *De adm. imp.*, cap. 47.24 (ed. Moravcsik–Jenkins).

³ О славянах: *De caerim.* P. 662.22, 666.15, 669.10. О мардаитах: P. 654.1 et passim.

⁴ См.: *Diehl. Régime des thèmes*. P. 276 sv.; *Gelzer. Themenverfassung*. S. 19 ff.

⁵ Mansi. T. XI. Col. 737. — [Строго говоря, указанное место не содержит терминов «экзарх», «стратиг» и «фема»: «...insuper etiam quosdam de Christo delectis exercitibus, tam a Deo conservando imperiali Obsequio, quamque ab Orientali [et] Thraciano, similiter et ab Armeniano, etiam ab exercitu Italiae, deinde ex Cabarisianis [sic!] et Septemsianis, seu de Sardinia atque de Africano exercitu...». — *Прим. пер.*]

⁶ *De thematibus*, cap. 1.25 (ed. Pertusi). Ср.: *Κυριακίδης. Βυζαντινὰ μελέται*. Σ. 117 κ.ε.; *Lemerle. Philippes*. P. 120–121.

не II возникла в Средней Греции фема Эллада¹. Вероятно, также и в области Стримона Юстиниан II создал некоторые элементы военно-административной организации, опять-таки поселив там славянских стратиотов². Впрочем, большая часть Балканского полуострова осталась вне поля действия византийской государственной власти, находясь в руках у болгар и отдельных славянских племен. Зона юрисдикции старой префектуры Иллирик фактически ограничивалась Фессалоникой и ее окрестностями. Не будучи даже официально упраздненной, префектура Иллирик постепенно угасла сама собой, а префект претория Иллирика превратился в префекта города Фессалоника³.

Фемное устройство, которое все сильнее развивалось в Малой Азии, а также начало укореняться в некоторых областях Балканского полуострова, представляет собой рамки, в которых протекало возрождение Византийской империи. В течение длительного времени византийское правительство с очевидным упорством боролось за то, чтобы привлечь как можно большее количество славян на территорию Империи и расселить их в качестве стратиотов и крестьян во вновь созданных фемах, чтобы тем самым увеличить вооруженные силы Империи и укрепить страну в хозяйственном отношении. Внутреннее обновление, которое Византийская империя переживает в VII в., заключается прежде всего в появлении сильного класса

¹ Первый стратиг Эллады упоминается под 695 г.: *Theophanes*. P. 368.20; *Nicephorus*. P. 38.1. См.: *Острогорски Г.* Постановка тема Хелада и Пелопонез // ЗРВИ 1 (1952). С. 64–75, где, как я считаю, мне удалось показать, что фема Эллада включала не всю территорию современной Греции, как полагали ранее, а ограничивалась территорией Средней Греции.

² *De thematibus*, cap. 3 (ed. Pertusi). См. тж. об этом: *Ражковић М.* Област Стримона и тема Стримон // ЗРВИ 5 (1958). С. 1–6.

³ См.: *Lemerle*. *Invasions*. P. 269 sv. Здесь можно оставить открытым вопрос о том, исчезла ли префектура Иллирика уже около середины VII в., как это предполагает Лемерль, т.е. во время между составлением первой и второй книг чудес св. Димитрия. Во всяком случае, напрашивается предположение, что в часто цитируемом месте из одного письма Феодора Студита, в котором еще в 796 г. упоминается эпарх Фессалоники (PG 99. Col. 917), имеется в виду городской эпарх Фессалоники. Тем самым, разумеется, отпадает необходимость в достаточно щекошливом предположении о том, что префектура претория Иллирика просуществовала вплоть до IX в., т.е. до возникновения фемы Фессалоника (так *Gelzer*. *Themenverfassung*. S. 35 ff.; *Bury*. *Eastern Roman Empire*. P. 223 ff. и все дальнейшие исследователи).

крестьян и создании нового стратиотского войска, т.е. в укреплении мелкого земельного владения, поскольку и сидящие на земле стратиоты также являются мелкими землевладельцами. В отправлении воинской службы стратиоту, как правило, наследовал его старший сын, который принимал и связанное с воинской обязанностью стратиотское имение¹. Прочие его потомки составляли избыток рабочих рук, естественным полем деятельности которых были избыточные неводеланные земли; кроме того, крестьянин в свою очередь мог вступить в сословие стратиотов. Свободные крестьяне и стратиоты принадлежали к одному классу, и этот класс становится теперь несущим хребтом Византийской империи.

Крупное земельное владение, которое господствует в ранневизантийское время, претерпело в кризисное время на рубеже VI–VII вв. сильное сокращение, а затем серьезно пострадало от вражеских вторжений. Вряд ли мыслимо, что старые крупные имения могли в достойном упоминания масштабе пережить, с одной стороны, нашествие аваров и славян, а с другой — персов и арабов. Насколько мы можем видеть, они по большей части исчезают и их место занимают мелкие землевладельцы: свободные крестьяне, которые берут во владение пустующую землю, и стратиоты нового фемного войска.

Так в Византии происходят на селе перемены, которые ставят весь каркас государства на новое основание и направляют развитие по новым путям. В противоположность этому государственное устройство Византии в значительной мере демонстрирует постоянство². В отличие от Запада, городская жизнь в Империи

¹ Basilika. T. V. P. 190 (ed. Heimbach).

² Изучение истории византийского города в его отношении к античному полису еще только начинается. Если не считать важной работы Брэттиану (*Brätianu. Privilèges*), лишь в последние годы вышло несколько работ по этой проблеме. См. прежде всего: *Kirsten E.* Die byzantinische Stadt // *Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongreß. München, 1958. Nr 3*; *Dölger F.* Die frühbyzantinische und byzantinisch beeinflusste Stadt // *Atti del 3° Congresso internazionale di studi sull'alto medioevo. Spoleto, 1958. P. 1–36*; *Ostrogorsky G.* Byzantine Cities in the Early Middle Ages // *DOP 13 (1959). P. 45–66*. Значительным является вклад советской византистики. См. интересные исследования А.П. Каждана (Византийские города в VII–XI вв. // Советская археология 21 (1954). С. 164–188; Деревня и город в Византии), который уверен в глубоком упадке византийских городов в раннем средневековье; см. тж.: *Липшиц Е.Е.* К вопросу о городе в Византии VIII–IX вв. // *ВВ 6 (1953). С. 113–131* и *Очерки. С. 87 сл.*; *Сюзюмов М.Я.* Роль городов-эмпориев в истории

не прерывается. Впрочем, многочисленные города, особенно на Балканах, были разрушены вражескими вторжениями, так что на большей части Балканского полуострова, которая вышла из-под контроля византийской власти, городская жизнь на долгое время прекратилась. Напротив, в Малой Азии, которая осталась под византийским правлением, города продолжали существовать и дальше, причем их число не демонстрирует заметного сокращения. Как бы мало мы ни были информированы о городской жизни в Византии в раннем Средневековье, не может быть сомнения в том, что многие византийские города сохранили свое значение как торговые и ремесленные центры, и этим объясняется тот факт, что денежная экономика в Византии доминировала. Собственно, городская жизнь является элементом континуитета византийского развития. Она обеспечила дальнейшее существование традиционной государственной формы и дальнейшую жизнь античной — духовной и материальной — культуры.

Новые отношения в византийской деревне ярче всего отражены в знаменитом «Земледельческом законе» (*νόμος γεωργικός*), по которому можно воссоздать картину повседневной жизни византийского крестьянства раннего Средневековья¹. Может показаться, что «Земледельческий закон» касается прежде всего новых поселений, которые возникли в процессе колонизации опустевших земель. Создается впечатление, что деревенские поселения располагаются в лесистых местах, поскольку постоянно заходит речь о выжигании

Византии // ВВ 8 (1956). С. 26–41, которые, по моему мнению, справедливо, говорят о непрерывном существовании византийских городов. См. тж. подводящее итог сообщение о городе и деревне в Византии: *Пигулевская Н.В., Липшиц Е.Е., Сюсюмов М.Я., Каждан А.П.* Город и деревня в Византии в IV–XII вв. // *Rapports du XIIe Congrès International des Etudes byzantines*. Belgrade-Ochride, 1961. Вопреки мнению Каждана, нумизматический материал не доказывает значительного упадка византийской городской жизни с VII в.; см. мои аргументы: *Op. cit.* P. 48 ff. и *Соколова И.В.* Клады византийских монет как источник для истории Византии VIII–XI вв. // ВВ 15 (1959). С. 50–63, а также важный разбор темы в: *Grierson Ph.* Commerce in the Dark Ages: A Critique of Evidence // *Transactions of the Royal Historical Society*. 5th Ser. Vol. 9 (1959). P. 123–140. — Ср. теперь также: *Курбатов Г.Л.* Ранневизантийский город: Антиохия в IV в. Ленинград, 1962; *Vryonis Sp.* An Attic Hoard of Byzantine Gold Coins (668–741) // ЗРВИ 8/1 (1963). P. 291 f.

¹ О времени происхождения «Земледельческого закона» см. выше, с. 138 и прим. 2.

лесов и распашке нови¹. Крестьяне, правовые отношения которых регулирует закон, являются независимыми землевладельцами. Они не обязаны выплатой подати никакому господину, кроме государства. Свобода их передвижения ничем не стеснена. Разумеется, это не означает, что в это время совсем не существовало зависимых крестьян, а лишь то, что свободные крестьяне составляли в это время широкий слой, так что в те времена под словом «земледелец» (γεωργός) понимался прежде всего свободный владелец земли. Примечательно, что закон обозначает их как хозяев (κύριοι) своего имущества и имения. Впрочем, они владеют не только землей и скотом, но подчас и рабами, которые в византийском сельском хозяйстве все еще играли достаточно значительную роль. За сохранением частной собственности каждого «Земледельческий закон» следит особо.

Тем не менее жители деревни составляют общину (κοινότης)², единство которой выражается весьма разнообразно. Поля, виноградники,

¹ На это справедливо указывает Липшиц (Византийское крестьянство. С. 105 сл.; Очерки. С. 57 сл.).

² Эта сельская община, конечно же, не имеет ничего общего с характеризующимся общностью земли и периодическими ее переделами общинным устройством, которое некогда считали возможным найти в Византии и возвести к влиянию привнесенного славянскими переселенцами в Византию «древнеславянского» общинного строя. Эта теория, пущенная в оборот Цахариэ фон Лингенталем и развитая Васильевским, а особенно Успенским, уже потому исходит из ложных предпосылок, что ее поборники конструировали постулируемую ими славянскую протообщину по образцу русского «мира», который, как уже никто теперь не сомневается, был явлением более позднего времени. То, что такое общинное устройство существовало у славян во время их поселения на Балканском полуострове, во всяком случае, не известно. Другими словами, характеризующегося общностью земли общинного устройства в Византии никогда не существовало, и если кто-то хочет придерживаться источников, то он должен признать, что о подобной общине у древних славян мы также ничего не знаем. С другой стороны, община в указанном выше смысле однозначно имела в Византии, причем задолго до прихода славян, так же, как имела она в других странах и у других народов. Заслугой работы Панченко «Крестьянская собственность» является то, что он, не дав себя ввести в заблуждение авторитетом Цахариэ и своих великих русских предшественников, на основании трезвого анализа источников доказал, что земельное владение византийских крестьян было их индивидуальной неограниченной наследственной собственностью. Впрочем, Панченко, к сожалению, не остался верен этому правильному выводу. Поскольку он, как и его предшественники, всегда имел в виду общность земли и постоянные ее переделы среди общинников, то, вовсе не находя для этого свидетельств в византийских источниках, он попросту утверждал, что в Византии

сады и огороды были в полной личной собственности крестьянина (крестьянской семьи), а подчас и участки леса находятся в частном владении отдельного лица. Впрочем, частное владение первоначально проистекает из разделения территории, полученной во владение сельской общиной, и в случае необходимости могут дополнительно предприниматься новые переделы. Определенные части территории села остаются во владении общины неразделенными. Пастбища используются совместно, стада общинников находятся под присмотром пастухов, которых оплачивает община.

Государственная власть рассматривает сельскую общину в качестве административной единицы. Члены общины отвечают за правильное поступление налогов и обязуются брать на себя подати неплатежеспособных соседей. В качестве модификации поздне-римской системы «эпиболе» (ἐπιβολή), которая предусматривала принудительную передачу пустующих земель владельцу доходной земли и как следствие налагала на него обязанность платить налоги за прибавленные ему земли, теперь налоги с пустующих земель перекладываются на соседей, к которым, соответственно, переходит право извлечения выгоды с этих участков. Это новое положение податной

вообще не существовало сельской общины, входя таким образом в противоречие с источниками, которые прекрасно знают общину и часто ее упоминают.

Не существует никакого сомнения в том, что славяне приняли чрезвычайно важное участие в обновлении Византийской державы в VII в., но не потому, что они — как это следует из построенной на целой цепочке ложных умозаключений теории — привнесли в Византию некое якобы специфически славянское общинное устройство, но потому, что они наполнили дряхлую Империю новыми силами: ведь как оседлые стратиоты, так и свободные крестьяне в византийских фемах, несомненно, в значительной мере происходили из вторгшейся в Империю славянской массы. Значение славян в развитии Византии особенно подчеркивается византиноведами Советского Союза (см. прежде всего: *Липицкий*, Византийское крестьянство); Лемерль (*Lemerle. Histoire agraire*. 219. P. 63 sv.) также подчеркивает понятие «демографический переворот» (*bouleversement démographique*), случившийся в Империи с появлением славян в VII в. С другой стороны, от теории о привнесенном в Византию славянском общинном устройстве все более отказывается и советское византиноведение, которое поначалу ее разделяло. Ср. уже в: *Левченко*. Материалы. С. 28 сл., 37, а особенно: *Сюзюмов М.Я.* Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии // Византийские очерки. М., 1961. С. 41–42. См., однако: *Удальцова З.В., Каждан А.П.* Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии // Вопросы истории. 1958. № 10. С. 83–96 — и, по моему мнению, веские возражения М.Я. Сюзюмова (Некоторые проблемы истории Византии // ВИ. 1959. № 3. С. 101–108).

круговой поруки, которое позднее получит название «аллиленгий» (ἀλληλέγγιον), впервые встречается в «Земледельческом законе»¹. Важнейшим моментом здесь является перекладывание налогов, а не передача земли, которая теперь становится лишь естественно сопутствующим явлением перекладывания налогового бремени, поскольку плательщик налога и является владельцем: этот по преимуществу византийский принцип получает теперь свое полное развитие.

К концу VII в., как кажется, претерпела важное изменение и система росписи основных налогов. Объединение подушного налога с поземельным, которое предусматривала созданная Диоклетианом система *capitatio—iugatio*, существовавшая еще в первые годы правления Юстиниана II², отменяется. Подушный налог теперь взимается отдельно от поземельного и касается каждого налогоплательщика без исключения. Взимание личного налога, таким образом, более не соединяется с предпосылкой оседлости в сельской местности. Тем самым отпадает важная причина прикрепления налогоплательщика к земле, которое ранневизантийское государство вынуждено было неизменно практиковать, чтобы, следуя тогдашнему порядку налогообложения, обеспечить поступления налогов в тяжелое с точки зрения наличия трудовых ресурсов время. Так изменения в налоговой системе вносили свой вклад в поощрение свободы передвижения крестьян³.

¹ На родство соответствующих положений «Земледельческого закона» (§ 19) и института аллиленгия указывает тж. Липшиц (Византийское крестьянство. С. 104), в то время как Каждан (Город и деревня. С. 169 сл.; К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII–X вв. // ВВ 10 (1956). С. 63–65) отрицает его.

² Vita Johannis V, cap. 2 и Vita Cononis, cap. 3. Ср.: Hartmann. Byzantinische Verwaltung. S. 90, 171; Stein. Vom Altertum. S. 150, 152.

³ Ostrogorsky G. Das Steuersystem im byzantinischen Altertum und Mittelalter // Byz 6 (1931). S. 229–240, где также рассматривается проблема ἐπιβολή — ἀλληλέγγιον. См. тж.: Constantinescu N.A. Réforme sociale ou réforme fiscale? // Bulletin de l'Acad. Roumaine. Section Historique 11 (1924). P. 94–109, который, впрочем 1) неправильно понимает суть указанной налоговой реформы, ибо полагает, что подушный налог распространялся лишь на безземельное население; 2) слишком далеко заходит в своем предположении о том, что налоговая реформа не просто способствовала свободе передвижения крестьян, но и впервые сделала ее возможной; 3) возвращаясь к старому тезису Цахариэ, Папарригопуло, Васильевского и Успенского, предполагает для времени с VII по XI вв. полное исчезновение

Постоянный рост переживает также церковная и монастырская земельная собственность, которая постоянно имеет своим источником земельные дарения благочестивых византийцев. Этот процесс, так же, как и беспрепятственный рост монашества, являлся выражением растущего могущества Церкви. Определенное представление о мощном развитии, которого достиг тогда в Византии институт монастырей, может дать сравнительно позднее свидетельство патриарха Антиохийского Иоанна конца XI в., которое, несмотря на очевидные преувеличения, выглядит достаточно характерным: этот высокопоставленный предстоятель восточного клира и решительный поборник неприкосновенности монастырской собственности утверждает, что до начала иконоборчества население Византийской империи распадалось на две части: монахи и миряне¹. Росту числа монастырей и монахов соответствовал также рост монастырского землевладения².

Юстиниан II был весьма благочестивым правителем. В надписях на монетах он называл себя «рабом Христовым» (*servus Christi*) и первым из византийских императоров приказал чеканить на аверсе монет образ Христа³. На время его правления приходится заседание Собора (691–692), который в дополнение к постановлениям двух последних Вселенских Соборов (Пятого 553 г. и Шестого 680–681 гг.) принял целый ряд канонов, почему и стал известен как Пято-Шестой Собор, а также, по месту своего проведения в Купольном (τροῦλλος) зале императорского дворца, Трулльским Собором. 102 канона этого Собора регулируют различные вопросы церковного устройства

крепостного крестьянства, не замечая, что часто встречающиеся также и в это время *пáроққоқ* собственно и являются крепостными.

Принципиальную разницу между *ἐπιβολή* и *ἀλληλέγγυον* в последнее время попытался оспорить Караяннопулос (*Karayannopulos J.* Die kollektive Steuerverantwortung in der frühbyzantinischen Zeit // Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte 43 (1956). S. 289–322. Ср., впрочем: *Lemerle.* Histoire agraire 219. P. 37 sv.

¹ PG 132. Col. 1117 sq.

² См.: *Васильевский В.Г.* Материалы по внутренней истории Византии // Труды. Т. 4. С. 319–331. См. теперь также основательное исследование о церковной земельной собственности в Византийской империи V–VII вв.: *Левченко М.В.* Церковные имущества в V–VII вв. в Восточно-римской империи // ВВ 2 (1949). С. 11–59.

³ *Wroth.* Byzantine Coins. Vol. II. P. 333–334, fig. XXXVIII ff.; *Grabar.* Empereur. P. 164 и Iconoclasme. P. 36 sv.

и ритуала, ставя особый акцент на повышении и укреплении христианской нравственности в народе и клире. При том, что в них осуждаются различные нравы и обычаи, отчасти в силу их языческого происхождения, отчасти же по соображениям нравственности, они дают интересную картину народной жизни того времени. Так, мы узнаем, что справлялись старые языческие празднества, в том числе, к примеру, брумалии, во время которых мужчины и женщины ходили по улицам, переодевшись и надев маски, что во время сбора винограда пелись песни в честь Диониса или что во время новолуния зажигались костры и молодежь прыгала через огонь. Эти, а также многие другие происходившие из языческих времен обычаи теперь запрещались; наряду с этим также и студентам константинопольской высшей школы запрещалось устраивать театральные представления¹. Но наибольшее историческое значение принадлежит тем постановлениям Пято-Шестого Собора, в которых проявляется различный подход Восточной и Западной Церкви: например, в разрешении брака священников или в подчеркнутом порицании римского обычая поста в субботу. Едва лишь за десятилетие перед тем на VI Вселенском Соборе произошло догматическое объединение, и вот между Римом и Константинополем вновь возникают противоречия. На сей раз речь идет не о проблемах веры, но, скорее, о вопросах, которые наглядно демонстрируют независимое друг от друга течение жизни двух мировых центров.

Неудивительно, что папа отверг постановления Пято-Шестого Собора. Юстиниан II был уверен, что сможет, по примеру своего деда, положить быстрый конец этому конфликту. Он направил в Рим своего уполномоченного, который должен был арестовать папу и доставить в Константинополь, чтобы представить его перед императорским трибуналом. Впрочем, ситуация со времен папы Мартина изменилась: авторитет императора в Италии уже не был прежним, а положение папы укрепилось. Ополчение Рима и Равенны воспротивилось намерению императорского уполномоченного с таким упорством, что только благодаря великодушию папы тому удалось сохранить жизнь. Это было расплатой за то унижение, которое папство сорок лет назад

¹ Действенность таких запретов, тем не менее, не следует преувеличивать. Так, в частности, брумалии справлялись и позже, причем при императорском дворе; см., к примеру: *Bury. Admin. System. P. 175.*

претерпело от византийского императора. Унижение, которое перенес теперь император, осталось неотомщенным, поскольку вскоре Юстиниана II свергли.

Политика династии Ираклия, которая сделала мелкое землевладение стратиотов и свободных крестьян одним из главных столпов государства, не могла быть приятна византийской аристократии. При Юстиниане II политика правительства приняла особенно жесткое антиаристократическое направление, а резкое, вызывающее поведение молодого императора, который никогда не останавливался перед применением насилия, только обострило это противоречие. Как свидетельствуют хорошо информированные восточные источники, меры Юстиниана II угрожали аристократии полным уничтожением. При этом некоторые из его мер определенно не годились для того, чтобы снискать расположение широких народных масс. Его политика колонизации, как бы ни отвечала она потребностям государства, была сопряжена для тех, кого она коснулась, с большими тяготами, поскольку людей заставляли покидать свою родину и отправляли в незнакомую и необжитую местность. Сверх того, правление Юстиниана II было сопряжено для подданных с усилением финансового бремени, ибо император, подражая своему великому тезке, с расточительной страстностью предавался строительной деятельности¹. Безжалостная фискальная политика вызвала у населения особое ожесточение против чиновников, в компетенцию которых входило управление финансами: сакеллария Стефана и логофета геникона Феодота, которые, как кажется, выделялись особой жестокостью и безоглядностью. В конце 695 г. произошло возмущение против правительства Юстиниана II, и партия венетов возвела на престол Леонтия, стратига фемы Эллада². В то время как

¹ Так, наряду с прочим, он приказал расширить императорский дворец и соорудить два огромных и роскошных зала, которые соединяли тронный зал, Хрисотриклиний, с Дафнийским дворцом и ипподромом; из них один получил название Лавсиак, а другой — Триклиний Юстиниана. См.: *Беляев Д. Ф.* Byzantina: Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. Кн. 1. СПб., 1891. Р. 45–61; *Ebersolt J.* Le Grand Palais de Constantinople et le Livre des Cérémonies. P. 1910. P. 77 sv., 93 sv.; *Bury J. B.* The Great Palace // *BZ* 21 (1912). P. 219–223.

² *Georg. Mon.* (ed. de Boor. T. II. P. 731.17): στασιάσας Λεόντιος ὁ πατρίκιος ἀναγορεύεται νυκτὸς ὑπὸ τοῦ δήμου τῶν βενέτων βασιλεὺς. На это важное место первым указал М. В. Левченко (Венеты и прасины в Византии в V–VII вв. // *ВВ* 1 (1947). С. 182);

главные помощники императора — сакелларий Стефан и логофет Феодосий — пали жертвой гнева толпы, самому Юстиниану урезали нос. Лишенный престола, он был сослан в Херсонес, где некогда окончил свои дни в ссылке папа Мартин.

4. Закат династии Ираклия

Переворот 695 г. вывел Византию из равновесия. Начался период нестроений, которые длились более двадцати лет. Это время внутреннего расстройств поставило Империю лицом к лицу с новыми опасностями и принесло ей новые чувствительные потери. Первой значительной потерей была утрата североафриканского побережья. Нападений арабов на Карфагенский экзархат долгое время не было, однако его падение было вопросом времени после того, как план Константа II по организации более действенной обороны западных имперских территорий потерпел неудачу. В 697 г. арабы вторглись в латинскую Африку и скорым победным маршем заняли Карфаген. Однако византийский флот, который император Леонтий (695–698) спешно отправил в Африку, смог в тот раз овладеть ситуацией. Но когда весной следующего года по морю и по суше прибыли усиленные арабские войска, византийцы были вынуждены уступить превосходящим силам врага и сдать ему страну. Последствием этого поражения было то, что византийский флот восстал против Леонтия и провозгласил императором Апсимара, друнгария Кивирреотов. Вероятно, благодаря помощи городского ополчения из числа прасинов ему удалось быстро овладеть столицей, после чего он вззошел на престол под именем Тиверия II (698–705): он был провозглашен

он же тщательно собрал сведения восточных источников о борьбе Юстиниана II со знатью. Процитированное место из Георгия Монаха показывает, что Юстиниан II, так же, как и сам Ираклий, опирался на партию прасинов и был противником венетов. Оно также показывает, как это обоснованно подчеркивает Левченко, ошибочность того взгляда, согласно которому политическая активность партий прекратилась уже во времена Ираклия. Этот взгляд, который вплоть до недавнего времени был господствующим, должен быть оставлен, поскольку Марик (*Maricq. Partis populaires. P. 63 sv.*) также привел достойные внимания свидетельства источников, которые доказывают, что политическое значение димов сохранялось, по крайней мере, вплоть до начала IX в.

прасинами, как его предшественник — венетами¹. Низложенный Леонтий был заключен в монастырь после того, как ему, так же, как и свергнутому им тремя годами ранее Юстиниану, урезали нос.

Правительство Тиверия II не предприняло попытки вернуть утраченный Карфагенский экзархат или, по крайней мере, выступить против продвижения арабов в Африке. Арабы, которые при своем продвижении были вынуждены сражаться теперь только с местными мавританскими племенами, уже в первые годы VIII в. достигли океанского побережья. С более сильным сопротивлением они столкнулись лишь у Септема (совр. Сеута на Гибралтарском проливе), западного форпоста Империи на африканском побережье. После того как в 711 г. эта крепость пала, арабы получили в свои руки все африканское побережье и одновременно начали покорение Испании, где им за несколько лет удалось сокрушить власть вестготов. Так окружным путем через Африку они вторглись в Европу после того, как на Востоке крепкие стены Константинополя преградили им путь.

Впрочем, династии Ираклия в лице Юстиниана II было суждено еще раз прийти к власти. Беспокойный дух Юстиниана не могли смирить ни жестокое увечье, ни ссылка в отдаленный Херсонес. Он не смирился с судьбой и помышлял о возвращении и мести. Как кажется, особенно ободрила его перемена на престоле в 698 г.: его поведение стало еще более подозрительным, так что местная администрация в Херсоне приняла решение выдать его правительству в Константинополе. Будучи своевременно предупрежден, Юстиниан бежал к хазарам, был с почетом принят хазарским каганом и женился на его дочери, которая перешла в христианство и приняла имя Феодоры, супруги императора Юстиниана I. В Константинополе действия Юстиниана вызывали все большую озабоченность, и к хазарскому двору прибыло посольство императора Тиверия, которое потребовало выдачи Юстиниана. Чтобы не вызвать осложнения добрых отношений с Византией, каган решил исполнить ходатайство византийского правительства. Юстиниан, вновь своевременно предупрежденный, пустился в бегство и после многочисленных

¹ См.: *Maricq. Partis populaires*. P. 66 sv., на основе сообщения анонимной Брюссельской хроники (издание: *Cumont F. Anecdota Bruxellensia. I: Chroniques byzantines du manuscrit 11376*. P. 30: Ἀψίμαρος ἀνηγορεύθη ὑπὸ τῶν πρᾶσινων, στεφθεὶς ὑπὸ τοῦ αὐτοῦ Καλλινίκου πατριάρχου).

приключений достиг западного побережья Черного моря. Здесь он завязал отношения с болгарским ханом Тервелем и заручился его поддержкой. Осенью 705 г. в сопровождении Тервеля и во главе большого болгаро-славянского войска он появился под Константинополем. Впрочем, против стен византийской столицы это воинство было бессильно. Три дня прошли без результата, а притязания Юстиниана на престол были встречены насмешкой и издевательствами. Тогда с несколькими отважными спутниками он через трубу акведука проник ночью в Константинополь. От неожиданности в городе поднялась паника, Тиверий пустился в бегство, оставив поле боя за своим противником. Юстиниан, который в Константинополе, по всей видимости, нашел не только врагов, но и сторонников, смог занять Влахернский дворец и во второй раз, после наполненного приключениями десятилетнего изгнания, вступил на престол своих предков. Шесть лет подряд (705–711) во всемирной митрополии на Босфоре правил император «с отрезанным носом» — Ринотмит, — который смог поставить себя выше ужасного увечья и связанной с ним наглядной дисквалификации. Его воля к власти доказала недостаточную действенность такого рода дисквалификации, которая так часто применялась в VII в.: впоследствии она никогда не применялась по отношению к претендентам на престол и низложенным императорам. Престол вместе со своим супругом разделила императрица Феодора, которая после удачного переворота была вызвана из хазарской державы в Константинополь и привезла с собой родившегося у них с Юстинианом сына. Он получил имя Тиверия и был провозглашен соправителем.

Необыкновенными были как плата, которую получили друзья и помощники императора, так и месть, которая обрушилась на его врагов. Была не только возобновлена выплата болгарам дани, которую Империя взяла на себя при Константине IV¹: в качестве особого отличия болгарский хан Тервель получил титул кесаря, который, хотя и утратил свое бывшее значение, все еще оставался наивысшим по чести византийским титулом после императорского. Впервые иностранный правитель получил этот славный титул, который хотя и не давал своему носителю прав на участие в императорской власти, однако предоставлял ему право императорских почестей. Прежде чем

¹ См.: *Дуйчев*. Проучвания. С. 5 сл.

Тервель удалился с богатыми дарами в свою страну, он, как носитель достоинства кесаря, принял славословия византийского народа, восседая на престоле рядом с императором¹. И наоборот, бежавший было Тиверий-Апсимар и низложенный семью годами ранее Леонтий были подвергнуты публичному унижению, а затем казнены. Патриарху Каллинику в качестве наказания за венчание на царство Леонтия были выколоты глаза. Впрочем, это были только первые жертвы систематического террора, который был призван искоренить всех врагов императора. Славу кровожадного тирана, которой его наградили современники и потомки, Юстиниан вполне заслужил во время своего второго правления. Одержимый неутолимой жадой мести, он в своем ослеплении позабыл о насущнейших государственных проблемах, пренебрегал войной с врагами Империи и все силы употребил на изнурительную борьбу со своими внутренними врагами.

Пользу из этого извлекали арабы. В 709 г. они осадили Тиану, одну из важнейших крепостей каппадокийского пограничья. Византийская армия, которая выступила против них, была недостаточна и плохо управлялась, поскольку способнейшие люди пали жертвами террора. Она была наголову разгромлена, а Тиана, измученная долгой осадой и лишенная надежды на помощь, сдалась врагу. При набегах на Киликию в 710 и 711 гг. арабы, как представляется, не встретили никакого сопротивления и смогли захватить несколько крепостей. Небольшой отряд арабов рискнул даже продвинуться до Хрисополя.

Между тем император, не удовлетворившийся массовыми казнями в Константинополе, приказал отправить карательную экспедицию в Равенну в отместку за враждебное отношение, которое равеннцы позволили себе по отношению к нему в его первое царствование. Город был подвергнут полному разграблению, а его виднейшие граждане в оковах были доставлены в Константинополь и там казнены, епископу города были выколоты глаза. Несмотря на это конфликт по поводу определений Пято-Шестого Собора был решен мирным путем: в конце 710 г. папа Константин I прибыл по приглашению императора в Константинополь и был принят там с величайшими почестями.

¹ *Nicephorus*. P. 42.23. Сообщение Феофана (р. 376) о том, что Юстиниан II вскоре после этого нарушил мирный договор и напал на Болгарскую державу, являются не вполне заслуживающим доверия, поскольку достоверно известно, что войска Тервеля оказывали помощь Юстиниану как в 705, так и в 711 г.

Несмотря на то что после карательной экспедиции 709 г. в Равенне уже в конце 710-го или в начале 711 г. вспыхнуло восстание, Юстиниан вскоре после этого отправил подобную экспедицию против Херсонеса — места своей прежней ссылки. Месть ему была еще ужаснее, чем Равенне, однако она стоила Юстиниану головы. Возмущение сначала охватило жителей Херсонеса, а затем императорскую армию и флот, командующие которыми в случае любой неудачи могли ожидать мести подозрительного владыки. Возмущение было поддержано хазарами, которые к тому времени распространили свое владычество на Крымский полуостров¹. Императором был провозглашен армянин Вардан, и когда в конце 711 г. он прибыл со своим флотом к Константинополю, город открыл перед ним ворота. Не было более никого, кто бы вступился за Юстиниана. Свергнутый император нашел свою смерть от руки одного из своих офицеров. Его голову отправили в Рим и в Равенну и там выставили на всеобщее обозрение. Был также умерщвлен его маленький сын и наследник Тиверий². Так ужасно и кроваво окончились дни династии Ираклия.

Это была первая византийская династия в собственном смысле этого слова, династия, представители которой на протяжении пяти поколений, в течение полных ста лет, управляли Империей. Когда мы рассматриваем историю этого необыкновенного рода, перед нами проходит галерея мужей, в которых истинное величие государственных мужей сочетается со своеобразным болезненным напряжением: великий Ираклий, обновитель Империи, который во главе своей армии отправляется на священную войну и одерживает баснословные победы над могущественной персидской державой, а затем, измученный и ослабевший, бессильно смотрит на арабское наступление, завершая свою жизнь в сильном умственном помрачении; Констант II, сын своего страдавшего чахоткой отца, ребенком вззошедший на престол и отягощенный воспоминаниями о кровавом внутрисемейном соперничестве, оказывается своенравным сорвиголовой и падает жертвой великой, но далекой от реальности идеи; Константин IV, героический победитель арабов, который наряду со своим прадедом более чем кто-либо заслуживает титула спасителя отечества, великий полководец

¹ См.: *Vasiliev A. The Goths in the Crimea. Cambridge (Mass.), 1936. P. 83 ff.*

² О втором правлении Юстиниана II и его свержении см.: *Diehl Ch. Choses et gens de Byzance. Paris, 1926. P. 190 sv.*

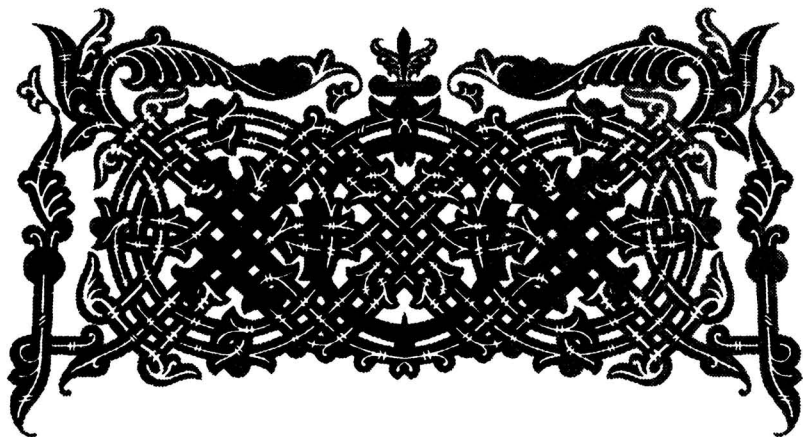
и государственный муж, который уже в 34 года расстаётся с жизнью; Юстиниан II, выдающийся и одаренный правитель, который сделал как никто много для организации нового государства, но из-за своего безграничного деспотизма, необузданности и нечеловеческой, прямо-таки патологической жестокости уготовил себе трагическую судьбу и оказался виновным в закате династии.

Творческая эпоха династии Ираклия пришла к своему концу с первым правлением Юстиниана II. На период, прошедший со времени вступления на престол Ираклия до первого свержения Юстиниана, приходится самая тяжелая борьба за выживание, которую когда-либо вела Византийская держава, и самое большое внутреннее преобразование, которое она когда-либо испытывала. Победительница персов и аваров, Византия была вынуждена уступить арабам обширные и богатые области. Тем не менее свои коренные земли Империя отстояла в жестокой борьбе и тем самым преградила мусульманам путь в Европу, а себе обеспечила существование в качестве великой державы. Протяженность Империи резко сократилась, однако в своих новых границах она была сплоченнее и крепче. В дряхлое римское государственное устройство вдохнули новую жизнь глубокие внутренние реформы и приток новых нерастраченных сил извне. Империя получила стройное, единообразное военно-административное устройство и новую военную организацию, которая основывалась на силах посаженных на землю стратиотов; возникает крепкое свободное крестьянство, которое возделывает новые земли и в качестве налогоплательщиков составляет надежнейшую опору государственного бюджета. На принципах, созданных в VII в., основывается в последующее время мощь византийского государства. Благодаря своему обновлению при династии Ираклия Византия смогла выдержать оборонительную войну с арабами и болгарами и в конце концов перейти в Азии и на Балканском полуострове в решительное и победоносное наступление.

Насколько эта эпоха богата героическими сражениями, настолько же она бедна культурным творчеством, ибо с отмиранием старого аристократического слоя исчезает и представляемая им старая культура, и за блеском и богатством литературы и искусства времен Юстиниана I с VII в. следует период культурного бесплодия. Это обстоятельство придает данной эпохе достаточно печальный облик, тем более что в Византии водворяется типично восточная жестокость нравов.

Изобразительное искусство скудно; мировая литература и науки умолкают; господствует получившее новый импульс в вероучительных спорах богословие; Церковь приобретает все больший вес; византийская жизнь обретает мистико-аскетические черты; мистиками являются сами императоры: «освободитель Святой Земли» Ираклий, «светоч Православия» Константин, «раб Христов» Юстиниан.

Римская универсальная Империя отныне принадлежит прошлому. В то время как на Западе формируются германские королевства, Византия, как бы крепко она ни цеплялась за римские государственные идеи и предания, становится средневековой греческой державой. Греческая культура и язык, которые в восточных областях одерживают окончательную победу над искусственно поддерживаемой «римскостью» ранневизантийской переходной эпохи, придают этой державе свой особый отпечаток и указывают ее развитию новое направление.

III ЭПОХА ИКОНОБОРЧЕСКОГО КРИЗИСА (711–843)

Источники

Основополагающими для первого периода данного раздела являются упомянутые выше хроники патриарха *Никифора* (до 769 г.) и *Феофана* (до 813 г.). Иконоборческий спор оба хрониста по понятным причинам описывают с точки зрения партии иконопочитателей¹. Эта же тенденция характерна и для уже более обильного историописания, которое относится ко второму периоду иконоборчества. Всемирная хроника *Георгия Монаха*, которая, будучи составлена

¹ Опубликованное посмертно большое критическое исследование К.Н. Успенского (Очерки по истории иконоборческого движения в Византийской империи в VIII–IX вв. Феофан и его хронография // ВВ 3 (1950). С. 393–438; 4 (1951). С. 211–262) стремится доказать, что источники, использованные Феофаном и Никифором для данной эпохи, происходят из иконоборческого лагеря и обнаруживают благоприятную для иконоборцев тенденцию, которая обоими писателями-иконопочитателями была обращена в свою противоположность. Впрочем, более пристальный анализ источников (как я уже указывал в английском и французском издании этой книги, 1956 г.) показывает, что этот тезис не выдерживает критики. Если, к примеру, понижение стоимости продуктов питания при Константине V объясняется обоими писателями тем, что жадный иконоборец копил золото, и если оба писателя за это называют его Мидасом (*Theophanes*. Р. 443.19; *Niceph.* Р. 76.5), то совершенно очевидно, что это насмешливое сравнение находилось уже в их общем источнике.

К такому же отрицательному результату, на основе таких же аргументов и не зная моих замечаний, пришел и Александер (*Alexander. Patriarch Nicephorus*. Р. 158 f.).

при Михаиле III (842–867), доходит до 842 г., является типичной монашеской хроникой¹; самостоятельную источниковую ценность представляет собой лишь заключительная часть с 813 по 842 г., в то время как предшествующее изложение списано у Феофана. Временем, которое лежит за пределами рассмотренной Феофаном эпохи, начинается и важнейшая часть всемирной хроники *Симеона Логофета*. Это сочинение, возникшее в середине X в., сохранилось во многих изводах: в так называемой хронике Феоodosия Мелитинского², у Продолжателя Георгия Монаха, в хронике Льва Грамматика³, в многочисленных неизданных рукописях⁴ и в старославянском переводе⁵. Далее, ко второму периоду иконоборчества относятся и три первые книги *Иосифа Генесия*, который писал при Константине VII (945–949), так же, как и первые три книги равным образом возникшего по инициативе Константина VII компилятивного труда, известного как хроника *Продолжателя Феофана* (Οἱ μετὰ Θεοφάνην, Theophanes continuatus)⁶. О болгарском походе Никифора I и роковом сражении 26 июля 811 г. мы имеем открытое Дуйчевым подробное анонимное «Повествование» (Διήγησις), которое восходит к современному, составленному непосредственно после сражения

¹ *Georgii Monachi Chronicon* / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1904. 2 vol. Интерполированная версия вместе с продолжением издана Муральто (*Georgii monachi, dicti Hamartoli, Chronicon* / Ed. E. de Muralto. СПб., 1859).

² *Theodosii Meliteni qui fertur Chronographia* / Ed. Th. Tafel. München, 1859.

³ *Leonis Grammatici Chronographia* / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842.

⁴ См. *Шестаков С.П.* Парижская рукопись хроники Симеона Логофета // ВВ 4 (1897). С. 167–183; 5 (1898). С. 19–62.

⁵ *Симеона Метафраста и Логофета* Списание мира от бытия и Летовник; собран от различных летописец / Изд. В.И. Срезневский. СПб., 1905. О сложной проблеме состава этого сочинения и соотношения различных изводов см. особ. *Васильевский В.Г.* Хроника Логофета на славянском и греческом // ВВ 2 (1985). С. 78–151; *Острогорский Г.* Славянский перевод хроники Симеона Логофета // SK 5 (1932). С. 17–37; *Каждан А.П.* Хроника Симеона Логофета // ВВ 15 (1959). С. 125–143. См. тж. литературу в: *Moravcsik. Byzantinoturcica. Bd. I. S. 517 f.*

⁶ К вопросу об источниках Генесия и Продолжателя Феофана см. прежде всего *Barišić F.* Les sources de Génésios et du continuateur de Théophane pour l'histoire du règne de Michel II // Byz 31 (1961). P. 257–271, который среди прочего показывает, что оба писателя для времени Михаила II (820–829) использовали упомянутое в «Библиотеке» Фотия современное сочинение Сергия Исповедника. Ср. тж.: *Баришић Ф.* Две верзије у изворима о устанику Томи // ЗРВИ 6 (1960). С. 145–165.

сообщению¹. Подробного изложения удостоилось также правление Льва V (813–820) в равным образом анонимном сочинении². Согласно убедительным аргументам Грегуара³, это сочинение о болгарском походе 811 г. и история Льва V вышли из-под пера одного автора и, таким образом, должны рассматриваться в качестве фрагментов не дошедшего до нас исторического произведения⁴. Здесь же следует упомянуть важную «Монемвасийскую хронику» с ее сведениями о славянском господстве на Пелопоннесе с конца VI до начала IX в.⁵

Сообщения византийских источников о византийско-арабских отношениях значительно дополняются сведениями арабских историографов, среди которых на первом месте следует упомянуть *Табари* (839–923). Крупный ученый, Табари составил всеобщую

¹ К настоящему времени имеется три издания: *Дуйчев И.* Нови житийни данни за похода на императора Никифора I в България през 811 год // Списание на бълг. Акад. на науките 54 (1936). С. 147–186; *Бешевлиев В.* Новият извор за поражението на Никифора I в България през 811 година // Годишник на Софийския Университет 33/2 (1936); *Grégoire H.* Un nouveau fragment du «Scriptor incertus de Leone Armenio» // Byz 11 (1936). P. 417–427. По истории Болгарии в IX в., наряду с сообщениями византийских источников, следует принимать во внимание также староболгарские надписи: *Бешевлиев В.* Първобългарски надписи // Годишник на Софийския Университет 31/1 (1934) и Добавки и оправки // Там же 32.5 (1935); ср. тж.: *Grégoire H.* Les sources épigraphiques de l'histoire bulgare // Byz 9 (1934). P. 745–786.

² Scriptor incertus de Leone Armenio в Боннском Корпусе после сочинения Льва Грамматика (Вонпае, 1842. P. 335–362).

³ *Grégoire H.* Un nouveau fragment du «Scriptor incertus de Leone Armenio» // Byz 11 (1936). P. 417–427; *Grégoire H.* Du nouveau sur la Chronographie byzantine: le Scriptor incertus de Leone Armenio est le dernier continuateur de Malalas // Bulletin de l'Acad. de Belgique 22 (1936). P. 420–436.

⁴ Как показывает Томић (*Томић Л.* Фрагменти једног историског списка IX века // ЗРВИ 1 (1972). С. 78–84), утраченное сочинение возникло во второй половине IX в. (после христианизации Болгарии) и, по всей вероятности, не являлось, как предполагал Грегуар, продолжением хроники Малалы, но было историей, современной описываемым событиям.

⁵ *Béts N.* Το περί της κτίσεως της Μονεμβασίας χρονικόν // Βυζαντις 1 (1909). Σ. 57–105. См., кроме того: *Charanis P.* The Chronicle of Monemvasia and the Question of the Slavonic Settlement in Greece // DOP 5 (1950). P. 141–166, где также приведены более ранние работы этого автора и указана прочая литература по данной проблеме. Довольно основательно Харанис подчеркивает надежность данных «Монемвасийской хроники» и делает предположение, что в ее основе также лежит вышеупомянутое утраченное историческое сочинение, в качестве частей которого можно идентифицировать повествование о болгарском походе Никифора I и историю Льва V.

историю, которая простирается от сотворения мира до его времени и особенно подробно останавливается на византийско-арабских войнах; более старые источники Табари главным образом приводит дословно¹. Большую ценность представляют для нас также описания арабских географов, особенно *Ибн Хордадбеха*, *Кудамы* и *Ибн аль-Факиха*, ибо они содержат очень важные сведения о положении Византийской империи, а именно о военной организации и фемном устройстве². Современные исследователи, особенно многочисленные новаторские работы Грегуара, показывают, что византийский народный эпос о *Дигенисе Акрите* содержит богатый исторический материал по византийско-арабским войнам³.

Так же, как и приведенные выше византийские хронисты и историки, если не в еще большей степени, агиографические сочинения этой эпохи отражают иконофильскую тенденцию, ибо они посвящены мученикам иконопочитания и естественно носят характер панегириков. Тем не менее некоторые из этих сочинений имеют большую ценность в качестве источников, дополняя скудные сведения собственно исторической литературы. Из числа весьма многочисленных житий святых иконоборческой эпохи упомянем здесь только наиболее важные с исторической точки зрения. Житие Стефана Нового († 767),

¹ Annales, quos scripsit Abu Djafar Mohammed Ibn Djarir At-Tabari / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1879–1901. 13 vol. Важнейшие сообщения арабских историков о времени Аморийской династии приводятся в отрывках в кн.: *Vasiliev. Byzance et les arabes*. Vol. I. App. P. 267–394; о времени Македонской династии: *Vasiliev. Byzance et les arabes*. Vol. II. Pt. 2.

² Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik auctore Abu'l-Kâsim Obaidallah Ibn Abdallah Ibn Khordâdhbeh. Accedunt excerpta e Kitâb al-Kharâdj auctore Kodâma Ibn Dja'far / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1899. (Bibliotheca geographorum Araborum; Vol. VI). P. 77 sq., 197 sq.; *Brooks E. W. Arabic Lists of the Byzantine Themes* // JHS 21 (1901). P. 67–77. Ср. тж.: *Gelzer. Themenverfassung*. S. 17 f., 81 f. См. образцовое издание (английский перевод с прекрасным комментарием) анонимного персидского географического сочинения 982 г.: *Minorsky V. Hudûd al-'Âlam — The Regions of the World*. London, 1937.

³ См. обзор в: *Grégoire H. 'Ο Διγενής Ἀκρίτας. Ἡ βυζαντινὴ ἐποποιία στὴν ἱστορία καὶ στὴν ποίηση*. New York, 1942. Прекрасное новое издание поэмы с английским переводом и комментарием: *Mavrogordato J. Digenis Akrites*. Oxford, 1956. Русский перевод: *Сыркин А.И. Дигенис Акрит*. М., 1960. Ср. тж. его же исследования в: ВВ 18 (1961). С. 124–149; 19 (1961). С. 97–119; 20 (1961). С. 129–155 и подробное сообщение о состоянии исследованности вопроса: ВВ 17 (1960). С. 203–226.

которое было составлено Стефаном, диаконом Св. Софии, в 808 г. на основании более ранних известий, содержит наиболее древние и подробные сведения о иконоборческих гонениях при Константине V¹. Недостатки, которые присущи всем произведениям этого литературного жанра, уравниваются обилием достоверных исторических деталей. Первостепенным источником является также житие Никиты, игумена Мидикийского монастыря в Вифинии († 824), написанное его учеником Феостириком вскоре после смерти святого². Неоценимым по своей важности, хотя и не столько для истории иконоборчества, сколько для внутренней истории Византийской империи, является написанное в 821–822 гг. житие Филарета Милостивого († 792)³. Далее, достаточно большую историческую ценность написанные также современниками жития Иоанна, епископа Готского⁴, и акты 42 аморийских мучеников⁵.

Важнейшими сочинениями по вопросу об иконах первого иконоборческого периода являются письма патриарха Германа (715–730), которые также обладают большим историческим значением⁶, а кроме того, три речи Иоанна Дамаскина⁷. «Назидание старца о святых иконах» (Νουθεσία γέροντος περὶ τῶν ἁγίων εἰκόνων) содержит поучения Георгия Кипрского и изложенный в виде протокола диспут между этим святым и неким епископом-иконоборцем — один из тех диспутов, которые перед созывом первого иконоборческого Собора, по-видимому, проводились в большом числе⁸. На речах

¹ PG 100. Col. 1069–1186.

² AASS. April. 1. App. 22–32.

³ Житие Филарета Милостивого / Изд. А. Васильев // ИРАИК 5 (1900). С. 49–86. Новое издание с фр. переводом: La Vie de s. Philarète / Ed. et trad. par M. H. Fourmy et M. Leroy // Byz 9 (1934). P. 112–167.

⁴ AASS. Junii 5. P. 190–191.

⁵ Сказания о 42 Аморийских мучениках и церковная служба им / Изд. В. Васильевский и П. Никитин // Записки Имп. АН. VIII сер. Т. 7/2 (1905). Ср. тж.: Васильев А. Греческий текст жития сорока двух Аморийских мучеников по рукописи Парижской Национальной библиотеки № 1534 // Там же. Т. 3/3 (1898).

⁶ PG 98. Col. 156 sq.

⁷ PG 94. Col. 1232–1420.

⁸ Издание с подробным комментарием: Мелиоранский Б. М. Георгий Кипрянин и Иоанн Иерусалимлянин, два малоизвестных борца за православие в VIII веке. СПб., 1901. С. I сл. Ср. тж.: Kurtz E. в BZ 11 (1902). S. 538–543.

Иоанна Дамаскина и «Назидании» основываются написанные незадолго перед созывом Никейского Собора сочинения Иоанна Иерусалимского¹ и трактат неизвестного автора, за которым закрепилось название «Против Константина Кавалина», где наряду с Иоанном Дамаскиным и Георгием Кипрским цитируется также Иоанн Иерусалимский². Наиболее важными с богословской точки зрения сочинениями второго иконоборческого периода являются сочинения и письма Феодора Студита³, а также многочисленные произведения упомянутого выше патриарха Никифора⁴. Следует упомянуть также послание, направленное императору Феофилу (829–842) восточными патриархами с целью подвигнуть его отказаться от иконоборческой политики⁵. Наряду с творениями Иоанна Дамаскина и Феодора Студита для проблемы иконопочитания важны акты VII Вселенского Собора в Никее⁶. Из сочинений противников иконопочитания ни одно не дошло в своей оригинальной форме, ибо VII Вселенский Собор 787 г. постановил уничтожить всю иконоборческую литературу; аналогичное постановление, вероятно, принял и Собор 843 г. Впрочем, сохранилось достаточное количество фрагментов, которые с полемическими целями приводятся в сочинениях иконопочитателей. Так, на основе актов Никейского Собора можно реконструировать определения иконоборческого Собора 754 г., на основе сочинений патриарха Никифора — определения иконоборческого Собора 815 г. и два

¹ Ему принадлежит *σπληντικὸς λόγος* (PG 96. Col. 1348–1362) и неизданное, по всей видимости, еще более важное сочинение. Ср.: Мелиоранский. Георгий Кипрянин. С. 99 сл.

² PG 95. Col. 309–344. См. тж.: *Hoock J.M.* Stand und Aufgaben der Damaskenos-Forschung // *Orientalia Christiana Periodica* 17 (1951). S. 26 и Anm. 2.

³ PG 99.

⁴ PG 100. Col. 169 sq.; *Spicilegium Solesmense* / Ed. J.-B. Pitra. T. I. Paris, 1852. P. 302 sq.; T. IV. P. 233 sq. Главное богословское произведение Никифора, сохранившееся в рукописях Национальной библиотеки Франции Coisl. 93 (fol. 1–158bis^v) и Paris. Gr. 1250 (fol. 173–332), остается неизданным. О его содержании подробно сообщается в: *Alexander. Patr. Nicephorus*. P. 242–262.

⁵ Издание: *Duchesne L.* L'Iconographie byzantine dans un document grec du IXe siècle // *Roma e l'Oriente* 5 (1912). P. 225–239. Более поздняя версия содержится в: *Epistula ad Theophilum* // PG 95. Col. 345 sq.

⁶ Mansi. T. XII. Col. 959 sq.; T. XIII. Col. 1 sq.

сочинения императора Константина V, которые важны с точки зрения истории идей и всеобщей истории.¹

Из жизнеописаний современных пап особенно важным и содержательным в плане отношений между Римом и Византией является житие Григория III². Подлинность обоих писем Григория II ко Льву III, сохранившихся в греческом варианте, является бесспорной: ныне оба этих важных документа уже не могут огульно отвергаться как фальшивки³. Наряду с ними стоит никогда не подвергавшееся сомнению в своей подлинности письмо Григория II к патриарху Герману⁴. Авторитетными в отношении позиции Запада в вопросе иконопочитания являются, с одной стороны, *Libri Carolini*⁵,

¹ Сопоставлены и откомментированы в: *Ostrogorsky. Bilderstreit*. S. 7 ff., 46 ff. Точное издание определений иконоборческого Собора 815 г.: *Alexander P. The Iconoclastic Council of St. Sophia (815) and its Definition // DOP 7 (1953)*. P. 58–66.

² *Liber Pontificalis* / Ed. L. Duchesne. T. 1. P. 415–421.

³ JE 2180 и 2182; Mansi. T. XII. Col. 959 sq. Новое издание, которое, однако, нельзя считать критическим, см. в: *Caspar E. Papst Gregor II. und der Bilderstreit // Zeitschrift für Kirchengeschichte* 52 (1933). S. 72–89. В отличие от исследователей прошлого времени (*Duchesne. Liber Pontificalis*. P. 413, n. 45; *Schwarzlose. Bilderstreit*. S. 113 f. и др.), я, с учетом ошибок в переводе и добавлений позднейших переписчиков, отстаивал их подлинность: *Ostrogorsky. Querelle des Images*. P. 244 sv. В продолжение этого см.: *Caspar E. Op. cit.* S. 29 f., который предполагает наличие в первом письме еще больших вставок. В качестве подлинных рассматривают эти письма также: *Grumel V.* в EO 39 (1936). P. 234 sv.; *Menges H.* Die Bilderlehre des Johannes von Damaskus. Münster, 1938. S. 167; *Bréhier-Aigrain*. P. 452; *Bréhier*. Vie et mort. P. 79; *Der-Nersessian S.* Une apologie des Images du VIIe siècle // *Byz* 17 (1944/45). P. 64, n. 25. Ср. тж.: *Dölger F.* в BZ 33 (1933). S. 451–452. Напротив, А. Грегяр (*Byz* 8 (1933). P. 761 sv.) требует возвращения к мнению Хартманна (*Hartmann. Byzantinische Verwaltung*. S. 131 f.; ср. *Geschichte Italiens im Mittelalter*. Bd. II/2. S. 118, Anm. 22), согласно которому второе письмо Григория является подлинным, в то время как первое — возникшая на его основе более поздняя фальшивка. Й. Халлер (*Haller J.* Das Papsttum. Bd. I. Stuttgart, 1936. S. 502), напротив, уверен, что оба письма следует считать «неуклюжими подделками». Доказать их подложность стремился также Фадджотто (*Faggiotto A.* Sulla discussa autenticità delle due lettere di Gregorio II a Leone III Isaurico // *Studi bizantini e neoellenici* 5 (1939). P. 437 sq.), не приведя, впрочем, существенно новых аргументов и не зная при этом аргументации Э. Каспара. Исследование рукописной традиции, предваряющее критическое издание: *Gouillard J.* Les lettres de Grégoire II à Léon III devant la critique du XIVe siècle // ЗРВИ 8 (1961) 103–110.

⁴ JE 2181. PG 98. Col. 147 sq.

⁵ MGH. Conc. II suppl.

а с другой — послания папы Адриана I Карлу Великому¹ и византийским правителям².

Важнейший законодательный памятник эпохи — «Эклога», обнародованная Львом III в 726 г.³ О законах, которые прежняя историография приписывала Льву III, см. выше (с.138–139).

1. Чехарда на престоле

Тяжелый кризис, который разразился в Византии в эпоху иконоборчества, обозначился уже в правление Вардана-Филиппика, и именно в этом заключается историческое значение этого краткого и несчастного царствования: Филиппик не только вновь вызвал христологические споры, но также развязал своеобразную борьбу с иконами — борьбу, которая хотя и не касалась пока

¹ MGH. Ep. V/1. P. 5 sq.

² Mansi. T. XII. Col. 1055–1056. Сверх того, следует сравнить греческий перевод, который был зачитан на Никейском Соборе и содержит важные с точки зрения истории идей расхождения с оригиналом. Ср. мои рассуждения в: *Rom und Byzanz im Kampfe um die Bilderverehrung* // SK 6 (1933). S. 73–87.

³ Эклогу опубликовал, вероятно, по одной венской рукописи — Леунклавий (*Jus graeco-romanum*. T. II. 1596. P. 59 sq.); по нескольким рукописям — Цахариэ фон Лингенталь (*Zachariae von Lingenthal. Collectio librorum iuris graeco-romani ineditorum*. Lipsiae, 1852); по одной афинской рукописи — *Monferratus A. Ecloga Leonis et Constantini*. Athenis, 1889. Текст Цахариэ перепечатан: *Zepos. Jus graeco-romanum*. T. II. P. 1 sq.; с фр. переводом и комментарием: *Spulber C.A. L'Éclogue des Isauriens*. Cernăuți, 1929; с болг. переводом и комментарием: *Благоев Н.П. Эклога*. София, 1932. У Фрешфилда (*Freshfield E.H. A Manuel of Roman Law: The Ecloga*. Cambridge, 1926) содержится англ. перевод текста Монферрата с комментарием.

Точный год промугляции Эклоги долго оставался весьма спорным. Впрочем, все говорит за то, что Эклога была опубликована в марте 726 г. Ср. *Васильевский В.Г. Законодательство иконоборцев* // Труды В.Г. Васильевского. Т. 4. Л., 1930. С. 157–163; *Ginis D.S. Das Promulgationsjahr der Isaurischen Eclogie* // BZ 24 (1924). S. 346–358; *Ostrogorsky. Chronologie*. S. 6–7; *Spulber*. Op. cit. P. 83. Аргументы, которые Благоев (Указ. соч. С. 19 сл.) приводит в пользу 741 г., вновь принимая опровергнутые еще Васильевским мнения Бинера (739 г.), Г.Э. Хаймбаха и Цахариэ (740 г.), являются недостаточными. Ту же дату отстаивает и Грюмель (EO 38 (1935). P. 325 sv.), исходя при этом из своей ошибочной хронологической системы и не учитывая аргументов Васильевского и Шпульбера.

культы икон как такового, но тем не менее использовала символический характер иконы в качестве повода к противостоянию и тем самым оказалась провозвестницей иконоборческого спора грядущего периода.

Будучи армянином, Вардан-Филиппик, по всей видимости, склонялся к монофиситству. Впрочем, он не заходил настолько далеко, чтобы требовать признания своей ереси, однако выступил в качестве решительного поборника монофелитства, осужденного за тридцать лет до того на Шестом Вселенском Соборе. Пользуясь полнотой своей власти, он императорским эдиктом отменил постановления VI Вселенского Собора и объявил монофелитство единственным дозволенным церковным учением. Свое видимое проявление этот переворот нашел в том, что в императорском дворце было уничтожено изображение VI Вселенского Собора, а с ворот Милия была удалена нанесенная на них в память о Соборе надпись: на ее месте было установлено изображение императора и патриарха Сергия¹. Впоследствии императоры-иконоборцы также удаляли изображения религиозного содержания и в то же время способствовали широкому распространению императорских изображений. И хотя Филиппику не удалось утвердить свое монофелитство, а его церковная политика вызвала сильное противодействие и ускорила его свержение, все же он смог найти в кругах высшего византийского клира некоторое количество сторонников или, по крайней мере, попутчиков, к которым принадлежал и будущий патриарх Герман. Сверх того, монофиситские настроения вновь дали себя почувствовать, что в совокупности служит доказательством того, что монофиситско-монофелитская ересь в Византии еще не была полностью преодолена.

В Риме открытое исповедание императором осужденной на последнем Соборе ереси по понятным причинам натолкнулось на сильнейшее неприятие, которое нашло своеобразные способы выражения. Возвестив о своем восшествии на престол, Филиппик отправил папе выдержанное в монофелитском духе исповедание веры вместе с собственным портретом. В Риме отвергли изображение императора-еретика, его не изображали даже на монетах, а его имя не поминали ни в богослужении, ни в датировке

¹ *Agatho Diaconus* // Mansi. T. XII. Col. 192 DE.

документов¹. На удаление изображения VI Вселенского Собора из императорского дворца в Константинополе папа ответил тем, что приказал поместить в соборе св. Петра в Риме изображения всех шести Вселенских Соборов². Так незадолго до начала иконоборческого спора между еретиком-императором и папой произошло своеобразное противостояние, в котором изображение служило орудием борьбы, а умонастроение обеих партий выражалось в принятии или отвержении определенных изображений³.

Тяжелые внешнеполитические потрясения усилили произошедшее смятение. Арабы использовали неопределенность, вызванную в Византии новой переменой правления, для вторжений на территорию Империи. Но прежде всего болгарский хан Тервель, в качестве мстителя за своего старого союзника Юстиниана II, не захотел упустить возможность начать войну против нового византийского императора — его убийцы. Он продвинулся вплоть до стен Константинополя и опустошил окрестности византийской столицы. Богатые виллы и имения в пригородах, где благородные византийцы имели обыкновение проводить лето, были разграблены и опустошены болгарскими ордами. То, что Тервель беспрепятственно смог пройти через всю Фракию и достичь стен византийской столицы, показывает, насколько слабыми были византийские вооруженные силы в европейской части Империи. Чтобы спасти положение, пришлось перебросить войска из фемы Опсикия через Босфор. Но опсикианцы восстали против Филиппика, и 3 июня 713 г. он был свергнут с престола и ослеплен.

Хотя мятежное движение исходило от военных, императором был провозглашен гражданский чиновник, протасикрит Артемий. При венчании на царство он принял имя Анастасий, которое уже носил один император на рубеже V и VI вв., равным образом бывший до своего восхождения на престол гражданским чиновником и как император особенно отметившийся талантами на поприще финансового управления. Первой мерой нового императора было аннулирова-

¹ Ср. об этом превосходное изложение Шрамма: *Schramm P.E. Die Anerkennung Karls des Großen als Kaiser. Ein Kapitel aus der Geschichte der mittelalterlichen "Staatssymbolik" // Historische Zeitschrift 172 (1951). S. 452–515.*

² *Duchesne. Liber Pontificalis. P. 391.* Об этом: *Кулаковский. История. Т. 3. С. 309, прим. 2; иначе: Bury в BZ 5 (1896). P. 570–571.*

³ Ср. теперь тж.: *Grabar. Iconoclasme. P. 47 sv.*

ние монофелитских распоряжений своего предшественника и торжественное признание VI Вселенского Собора. Изображение этого Собора, которое Филиппик приказал удалить, было восстановлено, в то время как изображения Филиппика и патриарха Сергия были уничтожены¹. Последующие заботы были направлены на отражение арабов, которые, как оказалось, готовили нападение на Константинополь. С большой энергией Анастасий II попытался наверстать упущенное, предпринимал меры для обороны и снабжения столицы, замещал командные посты способнейшими военачальниками и в конце концов решился упредить врага и застать врасплох арабский флот во время его приготовлений. В качестве сборного пункта византийских вооруженных сил был назначен остров Родос. Однако войска Опсикия, едва прибыв туда, вновь подняли знамя мятежа, вернулись на материк и провозгласили императором сборщика налогов своей провинции, по имени Феодосий. Тот пустился в бегство, чтобы избежать неожиданной и опасной чести, однако был настигнут и принужден к принятию императорского венца. Вместо войны с арабами дело дошло до новой гражданской войны, которая продолжалась полных шесть месяцев, пока наконец войска Опсикия при поддержке «готов-греков» (Γοτθογραικοί)², т.е. эллинизированных остготов, которые со времен переселения народов проживали на землях тогдашней фемы Опсикия, к концу 715 г. смогли посадить своего кандидата на престол Константинополя, в то время как Анастасий принял монашеский постриг и удалился в Фессалонику.

Феодосий III, ставший императором вопреки желанию, правил еще меньше, чем его предшественник. В эпицентре последующих событий стоит не он, а стратиг фемы Анатоликов Лев. Человек низкого происхождения, Лев происходил из северной Сирии³, однако во время

¹ Agatho Diaconus // Mansi. T. XII. Col. 193E–196A.

² *Theophanes*. P. 385.29, 386.6. См. об этом экскурс в: Кулаковский. История. Т. 3. С. 414 сл.

³ Он был родом из Германикии, что в северной Сирии. То, что слова τῇ ἀληθείᾳ δὲ ἐκ τῆς Ἰσαυρίας в хронике Феофана (р. 391.6) являются позднейшей прибавкой, доказал еще К. Шенк (см.: *Schenk K. Kaiser Leons III. Walten im Innern // BZ 5 (1896). S. 296–298*). Этого, по моему мнению, следует придерживаться и далее, несмотря на то что некоторые исследователи высказались в пользу его исаврийского происхождения: см., напр., «Историю» Кулаковского (Т. 3. С. 319 и прим. 2), который опирается на предание, согласно которому Лев при крещении получил

первого правления Юстиниана II в рамках мер этого императора по проведению политики переселения был переведен со своими родителями во Фракию. Это было для него счастливым случаем, ибо, когда император «с урезанным носом» (Ринотмит) после десятилетнего пребывания в ссылке в 705 г. проходил через Фракию, чтобы вновь вернуть себе отеческий престол, молодой стратиот поступил к нему на службу. За это он был назначен спафарием, и с тех пор началось его восхождение: сначала на службе у Юстиниана II, затем у его быстро сменявшихся преемников. Длительная, исполненная опасностей миссия на Кавказ предоставила ему возможность проявить свои военные и дипломатические способности. Анастасий II, стремившийся заместить командные посты наиболее способными военачальниками, назначил его стратигом фемы Анатоликов и тем самым поставил во главе одной из крупнейших и важнейших византийских провинций. Этот пост Лев использовал как трамплин для того, чтобы овладеть императорским престолом, когда после свержения Анастасия он поднял мятеж против слабого Феодосия. Лев вступил в союз со стратигом фемы Армениаков Артаваздом, которому обещал руку своей дочери и высокий и почетный титул куропалата. Исход борьбы между слабым императором и энергичным узурпатором был предрешен, тем более что Лев располагал более многочисленными войсками. Фактически это была борьба двух фем — Анатоликов и Армениаков — против фемы Опсикия, которая стояла за Феодосием III. Лев пересек территорию Опсикия, захватил в Никомидии в плен сына императора вместе с его придворными и выдвинулся к Хрисополю. После этого были начаты переговоры, и когда Феодосий получил для себя и своего сына необходимые гарантии, он сложил императорский венец, чтобы окончить свои дни монахом в Эфесе.

25 марта 717 г. Лев вступил в Константинополь и был венчан на царство в Святой Софии. Так закончился период чехарды на престоле. Империя, пережившая за двадцать лет семь насильственных перемен правительства, нашла в лице Льва III властителя, которому было суждено утвердить прочное и длительное правление и основать новую династию.

«типичное для исавров имя» Конон. Однако же и Римский папа Конон (686–687) совершенно определенно не был исавром, как это подчеркивает Liber Pontificalis: «natione Grecus, oriundus parte Thracessio, educatus apud Siciliam».

2. Иконоборчество и войны с арабами: Лев III

Общая литература: *Schenk K.* Kaiser Leo III. Halle, 1880; *Vasiliev A.* The Struggle with the Saracens I (717–867) // CMH. Vol. IV. 1923. P. 119–138; *Schwarzlose.* Bilderstreit; *Bréhier L.* La Querelle des Images. Paris, 1904; *Martin E.J.* A History of the Iconoclastic Controversy. London, 1930; *Bréhier–Aigrain;* *Сюзюмов М.Я.* Проблемы иконоборческого движения в Византии // Ученые записки Свердловского государственного педагогического института. Т. 4. Свердловск, 1948. С. 48–110; *Липшиц.* Очерки. С. 170 сл.; *Андреев.* Герман и Тарасий; *Ostrogorsky.* Querelle des Images; *Grabar.* Iconoclisme; *Beck.* Kirche. S. 292 f., 473 f.; *Diehl.* Exarchat; *Hartmann.* Byzantinische Verwaltung; *Hartmann L.M.* Geschichte Italiens im Mittelalter. Bd. II/2. Gotha, 1903.

Первой и настоящей задачей нового императора было отражение арабской опасности, которая все больше приближалась и вновь ставила под сомнение дальнейшее существование Империи. Поскольку византийское контрнаступление при Анастасии II сорвалось из-за внутренних осложнений, то теперь противостояние вновь разыгралось у самых стен византийской столицы. Лев III спешно готовил город к предстоящей осаде, возобновив сооружение оборонительных укреплений, к которому благоразумно приступил еще Анастасий II. В августе 717 г. брат халифа, Маслама, уже стоял перед Константинополем с армией и флотом. Как и в дни Константина IV, вновь началась ожесточенная борьба, в которой речь шла о жизни и смерти Византийской империи. Но, как и тогда, тридцатью годами ранее, Византия вновь выиграла решительный бой. Византийцам вновь удалось уничтожить вражеский флот с помощью греческого огня, в то время как попытки арабов взять Константинополь штурмом разбились о неприступность его стен. Сверх того, зима 717–718 гг. оказалась особенно суровой, так что арабы умирали в большом количестве, и в конце концов в арабском лагере разразился невыносимый голод, который унес еще больше жизней. Кроме того, арабское войско подверглось нападению болгар, которые причинили ему тяжелые потери. 15 августа 718 г., ровно через год после начала, осада была снята, а арабские корабли покинули византийские воды¹.

¹ Подробное описание осады с учетом всех источников и всей относящейся к делу литературы см. в: *Guilland R.* L'expédition de Maslama contre Constantinople (717–718) // *Idem.* Études byzantines. Paris, 1959. P. 109 sv.

Так уже во второй раз арабский натиск разбился на пороге Европы о стены византийской столицы.

Впрочем, на суше война вскоре вновь возобновилась и велась с большим ожесточением. С 726 г. арабы ежегодно вторгались в Малую Азию, ими была взята Кесария, осаждена Никея, и только после крупной победы Льва III при Акроине близ Амория в 740 г. это бедствие прекратилось. Большую помощь оказали Империи традиционно дружеские отношения с хазарами, которые чувствовали себя связанными с византийцами в их вражде против Халифата и своими вторжениями на Кавказе и в Армении создавали арабам большие проблемы¹. Союз с хазарской державой был подкреплён тем, что в 733 г. сын и преемник Льва III Константин был помолвлен с дочерью хазарского кагана.

С освобождением Константинополя и очищением Малой Азии завершился важный этап византийско-арабской войны. Позднейшие нападения арабов хотя и причиняли Империи постоянный ущерб, однако более не подвергали опасности само ее существование. Осады со стороны арабов Константинополь более не переживал, а Малая Азия благодаря фемной организации обладала теперь большей силой для сопротивления и, несмотря на некоторые потери, оставалась в прочном владении Империи.

В продолжение развития нового административного устройства Лев III предпринял разделение слишком крупной фемы Анатоликов. Эта мера, по-видимому, имела в первую очередь целью предотвратить возможные мятежи, ставшие обыкновенными в последние годы. Никто лучше Льва не знал, какие последствия для обладателя престолом может иметь объединение в руках одного стратига такой территории. Тот факт, что новый округ получил название фемы Фракисиев — по поселенным здесь некогда воинским частям из европейской Фракии, представлявших изначально турму Анатолийской фемы, — проливает яркий свет на генезис фемного устройства². Столь же большая, если не еще бо́льшая, фема Опсикия осталась, впрочем, неразделенной. Лев полагал, что может удовлетвориться тем, что командование Опсикием

¹ О дружеских отношениях между Византией и державой хазар в VIII в. см.: *Vasiliev A. The Goths in the Crimea. Cambridge (Mass.), 1936. P. 87.*

² См. выше с. 145–146 и 150, прим. 2. Стратиг фемы Фракисиев впервые встречается в 741 г.: *Theophanes. P. 414.33. Ср.: Diehl. Regime des thèmes. P. 282 и Gelzer. Themenverfassung. S. 77–78.*

он возложил на своего зятя Артавазда. Насколько он ошибся, суждено было узнать его сыну и преемнику, который после нового вызова со стороны судьбы разделил эту огромную территорию пополам и возвысил восточную часть до положения самостоятельной фемы, которая по имени размещенных здесь когда-то солдат-букеллариев получила соответствующее название — Вукелларии¹. Напротив, если еще не при Анастасии II, то точно при Льве III (во всяком случае, после 710 г. и до 732 г.) морская фема Карависианов, которая ранее включала все военно-морские силы имперских провинций, была подвергнута разделению, причем обе новые части, во главе с подчиненными ранее стратигу Карависианов друнгариями, стали независимыми единицами: малоазийское побережье и соседние острова составляли отныне фему Кивирреотов, а эгейские острова вошли в друнгарат Эгейское море, который позднее получил ранг фемы и был подвергнут дальнейшему разделению². Вероятно, примерно в это же время Крит также был возведен в ранг фемы³. Разделение чрезмерно больших фем VII в., без сомнения, имело и значение с точки зрения техники управления: оно внесло свой вклад в достижение гибкости административного аппарата и тем самым в усовершенствование системы. Так, императоры VIII в. продолжили, хотя и незначительно, великое дело династии Ираклия; крупномасштабное же достраивание фемной системы относится к следующему веку⁴.

¹ Стратиг фемы Вукеллариев впервые встречается в 767 г.: *Theophanes*. P. 440.28. Ср.: *Gelzer*. Themenverfassung. S. 79.

² Еще в 710 г. упоминается «patricius et stratigos Caravisionorum»: *Liber Pontificalis*. P. 390; но в 732 г. уже появляется стратиг Кивирреотов: *Theophanes*. P. 410.7. Ср.: *Diehl*. Régime des thèmes. P. 280 sv.; *Gelzer*. Themenverfassung. S. 34; *Guilland R*. Études de titulature et de prosopographie byzantines. Les chefs de la marine byzantine // *BZ* 44 (1951). P. 212.

³ Стратиг Крита упоминается в Житии Стефана Нового: PG 100. Col. 1164. *Σπυριδάκης Γ.* Τὸ θέμα Κρήτης πρὸ τῆς κατακτήσεως τῆς νήσου ὑπὸ τῶν Ἀράβων // *ΕΕΒΣ* 21 (1951). Σ. 59–68. Спиридакис, которому принадлежит заслуга впервые указать на это место, предполагает, что Крит получил ранг фемы при Льве III. Ср. тж.: *Glykatzi-Ahrweiler H.* L'administration militaire de la Crète byzantine // *Byz.* 31 (1961). P. 217–228, которая, по-видимому верно, предполагает, что Крит прежде был подчинен архонту и представлял собой архонтат.

⁴ Предположение о фундаментальной перестройке фемного строя при Льве III, так же, как и об обнимающей все сферы государственного устройства реформаторской деятельности этого императора, хотя и являлось длительное время общим

Эпохальным в истории византийской кодификации законов явилось уложение, которое Лев III опубликовал в 726 г. от имени своего и сына¹. «Эклога» императоров Льва и Константина представляет собой подборку важнейших действующих норм частного и уголовного права; особое внимание в ней уделяется семейному и наследственному праву, при этом вещное право оказывается в тени. Публикация «Эклоги» в первую очередь имела практическую цель: предоставить судье уложение, которое, по своему объему и содержанию будучи приспособлено для практических потребностей, могло бы заменить слишком пространные и весьма малодоступные законодательные книги Юстиниана. «Эклога» основывается на римском праве, каковое было зафиксировано в «Корпусе гражданского права» Юстиниана и по-прежнему составляло основу византийской правовой жизни. Однако она не довольствуется приведением отрывков из старого законодательства, но стремится пересмотреть их с точки зрения «большого человеколюбия». На самом деле «Эклога» обнаруживает значительные отклонения от юстинианова права, которые следует возводить, с одной стороны, к влиянию канонического права, а с другой — к восточному обычному праву. Так, власть отца (*patria potestas*) значительно ограничивается, в то время как права жены и детей значительно расширяются, а брак получает еще большую защиту. Особо стоит отметить изменения, которые претерпевает уголовное право. Правда, эти изменения не вполне диктуются духом христианского человеколюбия. «Эклога» предусматривает целую систему телесных наказаний, которой не знает юстинианово право: отсечение носа и языка, усекновение руки, ослепление,стрижение и выжигание волос и т.п. Хотя эти отвратительные увечья в некоторых случаях заступают место смертной казни, однако в других оказываются на месте прежних денежных штрафов юстинианова права. Подлинно восточная страсть к увечьям и ужасным телесным наказаниям, которую обнаруживает «Эклога» в противоположность римскому праву, не явилась, впрочем,

мнением византиноведов, не находит в источниках ни малейшего основания. Ср. мои аргументы: *Über die vermeintliche Reformtätigkeit der Isaurier* // BZ 30 (1929/30). S. 394–400. Старую теорию стремится спасти Ш. Диль (*Diehl Ch. Le monde oriental de 395 à 1081. Paris, 1936. P. 255–256*), однако он при описании «реформ» Льва III опирается на *νόμος στρατιωτικός* и *νόμος γεωργικός*, относительно которых он сам (р. 256) вынужден признать, что их атрибуция Льву III не может быть обоснована.

¹ Касательно датировки см. выше раздел «Источники» (с. 210, сн. 3), где также приведена литература об «Эклоге».

в Византии полным новшеством: история VII в. предоставляет тому многочисленные примеры. Отклоняясь от юстинианова права, «Эклога» представляет собой фиксацию обычного права, как оно выработалось в Византии на протяжении VII в.¹ Она знаменует собой перемены, которые произошли в византийской правовой жизни и правовом сознании со времен Юстиниана, перемены, которое отчасти следует отнести к более глубокому проникновению христианских воззрений, а отчасти к огрублению нравов, произошедшему под влиянием Востока.

Публикация нового, легко доступного и общепонятного уложения, без сомнения, пошла на пользу правовой и судебной системе. Достояния внимания выраженная в предисловии к «Эклогам» решимость императора противодействовать продажности в судебных инстанциях и положить всем судьям, начиная с квестора, государственный оклад². Будучи творением иконоборцев Льва и Константина, «Эклога» позднее имела дурную репутацию. Тем не менее она оказала сильное воздействие на дальнейшее развитие законодательства в Византии, а за ее пределами существенно повлияла на развитие права в славянских странах.

Борьба с иконами открывает в византийской истории новую своеобразную главу. Выступление Льва III против почитания икон вызвало большой кризис, который накладывает свой отпечаток на эту эпоху и более чем на столетие превращает Империю в арену жестокой внутренней борьбы. Этот кризис долго приближался. То, что он принял форму спора об иконах, было обусловлено особым символическим значением, которое по византийским воззрениям было присуще иконе. В греческой Церкви почитание изображений святых получало все большее распространение в последние столетия, особенно в послеюстинианову эпоху, и стало одной из важнейших форм выражения византийского благочестия³. С другой стороны, даже и в самой Церкви присутствовали враждебные иконам настроения, согласно которым христианство как чисто духовная религия исключало

¹ Р. Лопес (*Lopez R.S. Byzantine Law in the Seventh Century and its Reception by the Germans and the Arabs // Byz 16 (1942/43). P. 445–462*) считает возможным предполагать, что фиксация этого обычного права произошла уже при Ираклии и что законодательные предписания Ираклия (впрочем, лишь гипотетические) воздействовали на арабское и германское право.

² *Zepos. Jus. II. P. 16.*

³ См. особенно важную работу Китцингера: *Kitzinger E. The Cult of Images in the Age before Iconoclasm // DOP 8 (1954). P. 83–150.*

почитание икон¹. Особенно сильны были такие настроения в восточных провинциях Империи — старом оплоте религиозной смуты, где продолжали существовать заметные остатки монофиситства и где все больше распространялась враждебная всякому церковному культу секта павликиан. Впрочем, только соприкосновение с арабским миром заставило вспыхнуть тлеющую вражду к иконам.

Враждебное иконопочитанию умонастроение Льва III уже вскоре начало возводиться его противниками то к иудейскому, то к арабскому влиянию. То обстоятельство, что Лев III преследовал иудеев и принуждал их к крещению², тем не менее не исключает возможности влияния со стороны Моисеевой религии с ее строгим запретом на изображения, так же, как и борьба с арабами не говорит против чувствительности императора к влияниям арабской культуры. Гонение на иудеев при Льве, одно из сравнительно редких преследований иудеев в византийской истории, скорее является знаком усиления в это время иудейского влияния; в византийской богословской литературе с VII в. создаются в большом числе полемические сочинения, которые имеют дело с иудейскими нападками на христианство. Куда большее значение имеют при этом арабофильские настроения Льва, которого современники называли *σαρακηνόφρων*. Арабы, в течение многих десятилетий ходившие через малоазийские территории, принесли в Византию не только меч, но и свою культуру, а с ней и своеобразное отвращение к изображению человеческого лика. Таким образом, иконоборчество родилось в восточных землях Империи от своеобразного скрещивания стремящейся к чистой духовности христианской веры с учениями враждебных иконам сектантов и воззрениями древних христологических ересей, а также под влиянием нехристианских

¹ См. итоговые изложения: *von Campenhausen H.* Die Bilderfrage als theologisches Problem der alten Kirche // *Zeitschrift für Theologie und Kirche* 49 (1952). S. 33–60 (с обширной литературой) и *Ladner G.* The Concept of the Image in the Greek Fathers and the Byzantine Iconoclastic Controversy // *DOP* 7 (1953). P. 1–34. См. тж.: *Der Nersessian S.* Une apologie des images du septième siècle // *Byz* 17 (1944–45). P. 58–87; *Florovsky G.* Origen, Eusebius and the Iconoclastic Controversy // *Church History* 19 (1950). P. 77–96; *Baynes N.H.* The Icons before Iconoclasm // *The Harvard Theological Review* 44 (1951). P. 93–106 (= *Idem.* *Byzantine Studies and Other Essays.* London, 1955. P. 226–239).

² *Theophanes.* P. 401.22. Об этом подробно: *Starr J.* The Jews in the Byzantine Empire 641–1204. Athen, 1939.

религий: иудейства и особенно ислама. После отражения военного натиска Востока в виде спора об иконопочитании началось противостояние восточным культурным влияниям. Их проводником оказался сам император, который остановил завоевательный поход арабов перед самыми воротами Константинополя.

Борьбу с иконопочитанием сначала объявила держава Омейядов, где уже за несколько лет перед началом иконоборчества в Византии были приняты враждебные иконам меры¹. Прежде всего иконоборческое течение укрепилось в византийской Малой Азии, где создалась влиятельная партия иконоборцев. Во главе ее стояли высокопоставленные представители малоазийского клира: митрополит Фома Клавдиопольский и епископ Константин Наколийский, духовный отец византийского иконоборчества, которого православные византийцы называли «ересиархом». Теперь на службу иконоборческому движению поставил себя и сам Лев III, который происходил с Востока, много лет провел в восточных приграничных областях и в качестве стратига Анатоликов вступал в тесные сношения с арабами. Тем самым латентная враждебность к иконам превратилась в открытое наступление на них.

В 726 г. Лев III впервые открыто выступил против почитания икон². Это произошло под влиянием малоазийских епископов — противников икон, которые незадолго до этого посещали столицу³. Последним толчком для императора, как кажется, послужило сильное землетрясение, которое он счел знаком Божьего гнева из-за обычая почитать иконы. Поначалу он начал произносить проповеди, посредством которых стремился убедить свой народ отказаться от поклонения иконам⁴. В этом проявилось его восприятие своей обязанности как властителя, возложенной на него Богом: как позже Лев писал папе, он рассматривал себя не просто как царя, но

¹ Византийские источники сообщают, что халиф Йазид II в 723–724 гг. повелел уничтожить изображения христианских святых в своем государстве. На самом деле речь шла об уничтожении не только христианских икон, но и всех служащих целям поклонения изображений живых существ, причем подобную меру предпринял уже предшественник Йазидов халиф Умар II (717–720). По всему комплексу вопросов см.: *Grabar. Iconoclasmе*. P. 103 сл.

² *Theophanes*. P. 404.3: Τοῦτ' ἐπεὶ ἤρξατο ὁ δυσσεβὴς βασιλεὺς Λέων τῆς κατὰ τῶν ἁγίων καὶ σεπτῶν εἰκόνων καθαιρεσεως λόγον ποιεῖσθαι.

³ Cp.: *Ostrogorsky. Querelle des Images*. P. 235 sv.

⁴ *Vita Stephani* // PG 100. Col. 1084B: *Nicephorus*. P. 57.26.

и как первосвященника¹. Однако вскоре он перешел к делу и приказал одному из своих офицеров удалить изображение Христа, находившееся над воротами императорского дворца. Если Лев тем самым хотел проверить настроения населения столицы, то результат был не слишком ободряющим: разгневанный народ убил императорского уполномоченного на месте. Более значительным, чем это уличное возмущение, было восстание, вызванное в Греции вестью об иконоборческом поведении императора. Фема Эллада выставила узурпатора и выступила со своим флотом против Константинополя. Так с самого начала проявилось благоприятное к иконопочитанию настроение европейских частей Империи, которое постоянно проявлялось в течение всего дальнейшего хода конфликта вокруг икон. Несмотря на то что императору удалось подавить это восстание, возмущение целой провинции было серьезным предупреждением.

Несмотря на фанатическую преданность, с которой Лев следовал новому учению, поначалу он действовал с большой осмотрительностью. Только на десятый год своего правления он решился на открытое выступление против икон, а после этого прошло еще много лет, прежде чем он принял окончательное решение². Эти годы были посвящены переговорам с авторитетными церковными инстанциями: чтобы вести дело надежнее, Лев попытался заручиться согласием папы и патриарха Константинопольского. Однако его намерение на-

¹ Mansi. T. XII. Col. 975 (= *Caspar* в *Zeitschrift für Kirchengeschichte* 52. S. 85. Z. 382): βασιλεὺς καὶ ἱερεὺς εἰμι.

² То, что Лев III — вопреки тому, что полагали ранее на основе неверного понимания пассажа из Феофана (см. с. 221, прим. 2) — в 726 г. не издал свой «первый» эдикт против иконопочитания, но, скорее, начал публично высказываться против икон (ἥρξάτο λόγον ποιῆσθαι), а эдикт против икон (единственный, а не второй) вышел лишь в 730 г., представляется мне доказанным на основании однозначных свидетельств источников и убедительных аргументов: *Querelle des images*. P. 238 sv. Возражение Э. Каспара (*Zeitschrift für Kirchengeschichte* 52 (1933). S. 54–55) основывается на ошибочном предположении, что Житие Григория II знает два эдикта (*Liber pontificalis*. P. 404, 409). На самом деле в том месте, где говорится о «iussiones» императора, речь идет не об эдикте, а о знаменитом (первом) письме Льва III к папе: по понятным причинам императорские послания часто обозначаются в Риме таким словом. Мое толкование принято большинством исследователей: ср.: *Dölger F. BZ* 31 (1931). S. 458–460; *Haller J. Das Papsttum*. Bd. I. S. 328, 502; *Menges H. Die Bilderlehre des hl. Johannes von Damaskus*. Münster, 1938. S. 33; *Bréhier L. EO* 37 (1938). P. 21–22 и *Vie et mort*. P. 79; *Bréhier-Aigrain*. P. 448 сл.; *Alexander. Patriarch Nicephorus*. P. 9; *Beck. Kirche*. S. 299.

толкнулось на решительное противодействие престарелого патриарха Германа; также и переписка с папой Григорием II привела к совершенно отрицательному результату¹. Несмотря на то что Григорий II в необычайно резком тоне дал отповедь направленным против икон разглагольствованиям императора, тем не менее он старался избежать разрыва с Византией. Более того, он постарался утихомирить движения, направленные против императора, которые то и дело возникали тогда в Италии. Отделяя религиозные вопросы от политических, он сохранял полную лояльность по отношению к византийскому императору, от помощи которого в деле отражения лангобардской опасности папство тогда зависело².

Кроме патриарха Германа и папы Григория II, серьезнейшего противника император обрел в лице Иоанна Дамаскина. Грек, занимавший высокий пост при дворе халифа в Дамаске, а впоследствии ставший монахом в монастыре св. Саввы в Иерусалиме, Иоанн был крупнейшим богословом своего столетия. Если не наиболее известным, то, во всяком случае, наиболее оригинальным и с точки зрения искусства наиболее совершенным произведением Дамаскина являются три Слова, которые он составил в защиту иконопочитания³. Отвечая на обвинение в том, что почитание икон является новым рождением языческого идолопоклонства, Иоанн развивает своеобразную «иконософию», которая в неоплатоническом духе воспринимает изображение как символ и посредника, изображение Христа обосновывает посредством догмата вочеловечения и таким образом соединяет проблему икон с учением о спасении⁴. Эта система Иоанна Дамаскина задала направление всему дальнейшему развитию иконофильского учения.

После того как переговоры на всех направлениях потерпели неудачу, Лью III для воплощения в жизнь своих планов остался лишь путь

¹ О подлинности письма Григория II к Лью III см. выше в разделе «Источники». Однако как бы не решали этот вопрос на основе дошедших до нас текстов, факт переписки и ее отрицательных результатов несомненен.

² В авторитетной книге Каспара (*Caspar E. Geschichte des Papsttums. Bd. II. Tübingen, 1933*) образ Григория II, представленного в качестве национал-революционера, сильно искажен.

³ Ср.: *Menges H. Die Bilderlehre des hl. Johannes von Damaskus. Münster, 1938.*

⁴ См.: *Schwarzlose. Bilderstreit. S. 187 f.* — и мою статью: *Острогорский Г.А. Соединение вопроса о святых иконах с христологической догматикой // SK 1 (1927). С. 35–48.*

насилия. По этому пути он и пошел, эдиктом повелев уничтожить все культовые изображения. Впрочем, он пытался соблюсти видимость законности. 17 января 730 г. он собрал в императорском дворце собрание высших светских и духовных сановников, так называемый силенций, которому он предложил для принятия подготовленный к изданию эдикт. Поскольку, однако, патриарх Герман отказал дать свою подпись, его низложили, и уже 22 января на патриарший престол взошел его бывший келейник Анастасий, который был готов без возражений следовать указаниям императора. С публикацией иконоборческого эдикта враждебное иконам учение получило силу закона. Теперь началось гонение: уничтожение икон и преследование их почитателей.

Отдаленной Италии император не смог навязать иконоборчество, но для отношений Константинополя с Римом начавшееся в Византии иконоборчество имело далеко идущие последствия. После публикации иконоборческого эдикта, который возводил эту доктрину в ранг государственного и церковного учения Империи, давно сдерживаемый разрыв уже был неминуем. Папа Григорий III, преемник Григория II, был вынужден осудить византийское иконоборчество на Соборе, а Лев III, который так же разочаровался в своей надежде убедить папу, как и этот последний отчаялся образумить императора, приказал бросить легатов Григория III в темницу. За религиозным разрывом последовал политический. Углубление пропасти между Константинополем и Римом, а также ощутимое ослабление византийских позиций в Италии были первыми последствиями спора об иконопочитании.

3. Иконоборчество и войны с болгарами: Константин V

Общая литература: *Lombard A.* Constantin V, empereur des Romains. Paris, 1902; *Мелиоранский*. Георгий Кипрянин; *Ostrogorsky*. Bilderstreit (см. также общую литературу по иконоборчеству и ситуации в Италии, приведенную на с. 215); *Златарски*. История. Т. I/1. *Мутафчиев*. История. Т. 1; *Runciman*. Bulgarian Empire.

Как бы ни была велика слава Льва III как победителя арабов, эксцессы иконоборчества погубили его популярность. После смерти Льва правление взял в свои руки Константин V (741–775). Права на

престол молодого владыки были несомненны, ибо уже более двадцати лет он носил императорский венец, который на втором году жизни (на Пасху 720 г.) получил от своего отца, сделавшего его соправителем и наследником престола. Но еще не окончился первый год его правления, как против него явился узурпатор и на долгое время лишил его императорского венца. Этим узурпатором был не кто иной, как Артавазд, который в свое время в качестве стратига фемы Армениаков помог Льву взойти на престол и в благодарность за это получил в жены его дочь, был отличен титулом куропалата и возведен в комиты фемы Опсикия. В качестве командующего всеми вооруженными силами этого крупнейшего и важнейшего военного округа Артавазд теперь мог решиться на мятеж против своего молодого шурина. Решающим для его успеха было то обстоятельство, что он выступил в качестве приверженца иконопочитания. Таким образом, борьба между ним и законным императором, как и вся эта эпоха, прошла под знаком спора об иконах. Во время похода, который Константин в 742 г. предпринял против арабов, он и его армия во время марша через фему Опсикия была внезапно атакована и разбита Артаваздом. После этого Артавазд провозгласил себя императором и вступил в переговоры с Феофаном Монутом, которого Константин оставил в Константинополе в качестве регента. Монут присоединился к узурпатору, и так же поступили несколько высших чиновников столицы, что однозначно свидетельствует о том, что иконоборческая политика не нашла безусловной поддержки даже среди ближайших сотрудников императора. Артавазд вступил со своей армией в Константинополь и получил императорский венец из рук патриарха Анастасия, который еще раз сменил партийную принадлежность. Своего старшего сына Никифора Артавазд сделал соправителем, а младшего Никиту назначил верховным главнокомандующим армией и отправил в фему Армениаков. В Константинополе были восстановлены иконы святых, и время иконоборчества, казалось, ушло в прошлое.

Между тем Константин V бежал в Аморий и нашел там, в старом центре Анатолийского военного округа, где командовал его отец, восторженный прием. Выделенная недавно из Анатолийской фемы фема Фракисиев также встала на сторону юного иконоборца. Напротив, иконопочитатель Артавазд получил наиболее сильную поддержку со стороны европейской фемы Фракия, стратиг которой, сын того самого Феофана Монута, принял на себя оборону столицы Империи.

В Малой Азии сторону Артавазда держали фема Опсикия и фема Армениаков, военные округа, которыми он прежде командовал и которые были связаны с ним лично. Однако вероятно, что его иконофильская политика нашла весьма прохладный прием в этих областях — обстоятельство, которое наряду с выдающимся полководческим талантом Константина оказалось решающим для исхода борьбы. Едва войска Артавазда из фемы Опсикия вступили в фему Фракисию и еще до того, как Никита смог прийти на помощь отцу с войсками фемы Армениаков, Константин нанес узурпатору под Сардами в мае 743 г. тяжелое поражение. Затем он поспешил навстречу Никите и в августе обратил его армию в бегство при Модрине. Тем самым его окончательная победа была обеспечена, и уже в сентябре он стоял перед стенами Константинополя. После краткой осады он 2 ноября совершил торжественный вход в столицу, чтобы держать в ней ужасный суд: Артавазд и оба его сына, племянники императора Константина, были после публичного поругания ослеплены на ипподроме, их соучастники частью казнены, частью искалечены ослеплением или отсечением рук и ног. Неверного патриарха Анастасия возили по ипподрому на осле, однако после этого унижения ему было позволено остаться в своей должности, что, без сомнения, означало целенаправленную дискредитацию высшего церковного сана. Так завершилось правление Артавазда, который полных шестнадцать месяцев носил императорский венец и был признан императором также и в Риме¹.

Константин V был еще более выдающимся военачальником и еще более страстным врагом икон, чем его отец. По своей физической и психической предрасположенности он не был суровым солдатом, каким был Лев III. Нервный, страдающий тяжелыми болезнями, мучимый нездоровыми страстями, он был сложной двойственной натурой. Не от примитивной суровости, но от болезненной экзальтированности проистекала беспредельная жестокость, с которой он преследовал и карал своих религиозных противников. Не спонтанная удаль, но острый ум дальновидного стратега, соединенный с большой личной отвагой, позволил ему одерживать блестящие победы над арабами и болгарами, которые сделали его кумиром солдат.

¹ Ср. два письма папы Захарии (MGH. Ep. III. № 57, 58), в которых Артавазд и его сын Никифор называются императорами. О хронологии узурпации Артавазда см.: *Ostrogorsky. Chronologie. S. 18.*

Дела на Востоке приняли для Византии благоприятный оборот. Мощь арабов была поколеблена как войнами времен Льва III, так и тяжелым внутренним кризисом. Славная династия Омейядов клонилась к своему закату и в 750 г. после продолжительной гражданской войны была сменена династией Аббасидов. Перемена династии сопровождалась переносом центра государства из Дамаска в отдаленный Багдад. Давление, которому Византия подвергалась с этой стороны, ослабло. Империя смогла перейти в наступление. Уже в 746 г. Константин V вторгся в Северную Сирию и занял Германикию, родной город его предков. Следуя испытанным методам византийской колонизационной политики, он переселил большое количество пленных в отдаленную Фракию, где еще в IX в. сохранялись колонии сирийских монофиситов¹. Также и на море Византия одержала крупную победу: командующий византийским флотом, стратиг Кивирреотос, уничтожил близ Кипра отправленный из Александрии арабский флот (747 г.). Еще больший успех имел поход, который император предпринял в областях Армении и Месопотамии, где византийцам достались две важные пограничные крепости: Феодосиополь и Мелитина. Пленные были вновь расселены во Фракии, на болгарской границе, на которой император также создал укрепления². Правда, эти успехи не принесли Империи долговременных территориальных приобретений, ибо вскоре занятые крепости вновь попали в руки арабов. Однако победы Константина V на восточной границе оказались весьма симптоматичными: времена, когда Византия была вынуждена бороться за собственное существование, ушли в прошлое. Византийско-арабская борьба приняла характер пограничной войны, причем инициатива время от времени даже переходила в руки византийского императора. На Востоке Византия более не была стороной, подвергающейся нападению, — она сама атаковала.

Когда таким образом арабская опасность утратила остроту, на передний план угрожающе выступила болгарская проблема. Меры, которые Константин V предпринял для обороны Фракии, дают понять, что византийское правительство более не могло рассчитывать на дальнейшее состояния мира на болгарской границе. Со своей стороны, болгары ответили на сооружение укреплений на своей границе вторжением на территорию Империи (756 г.). Так начался

¹ *Theophanes*. P. 422.16: ὡν οἱ πλείους εἰς τὴν Θράκην οἰκοῦντες μέχρι τοῦ νῦν...

² *Theophanes*. P. 429; *Nicephorus*. P. 66.

период крупномасштабного военного противостояния между Византией и Болгарией. Константин V уже видел в Болгарии главного врага Византии. Против нее были направлены крупнейшие военные предприятия времени его правления: не менее девяти походов водил император в державу болгар. Наивысшей точки противостояние достигло в 762 г., когда хан Телец, представитель агрессивного анти-византийского направления, после долгой междоусобной борьбы захватил власть в Болгарии. В державе болгар все еще сохранялся раскол между славянской массой населения и озабоченной сохранением своего господствующего положения староболгарской знатью, особенно — бескомпромиссной партией боляр, которая захватила теперь вместе с Телецем бразды правления¹. После его восшествия на престол огромное множество славян ушло с болгарской территории в Византию. Византийский император указал им в качестве места проживания Вифинию, где уже ранее его предшественники селили большие массы славян. Тем самым славянский элемент в малоазийских фемах получил новое значительное усиление².

На вторжение болгарского хана во Фракию Константин V ответил полномасштабной военной экспедицией. Он выслал флот, который доставил к устью Дуная большой контингент византийских всадников, в то время как сам он со своим войском через Фракию вторгся во вражескую страну. Выдвинувшаяся от Дуная в южном направлении конница соединилась близ Анхиала на побережье Черного моря с наступающей на север армией императора. Здесь 30 июня 763 г. произошла кровавая битва, продолжавшаяся с рассвета до вечерних сумерек и закончившаяся полным поражением болгар³. Эту большую победу,

¹ Златарски. История. Т. I/1. С. 208 сл.

² Согласно Никифору (69.1), количество славянских переселенцев составило 208 000. Эту информацию не следует вслед за Харанисом (*Charanis P. The Slavic Element in Byzantine Asia Minor // Byz 18 (1948). P. 77–78*) отметить как преувеличение, но не требуется и увеличивать эту цифру вслед за Панченко (*Панченко Б.А. Памятник славян в Вифинии // ИРАИК 8 (1903). С. 35*), поскольку, конечно же, она — вопреки Панченко — относится не к боеспособным мужчинам, а ко всей массе переселенцев с женами и детьми. Преувеличенные цифры должны быть круглыми, в то время как число, приведенное Никифором, выделяется своей точностью, что с большой долей вероятности заставляет думать о его официальном характере.

³ *Lombard A. Constantin V, empereur des Romains. Paris, 1902. P. 47* — датирует битву 762 г. Златарски (История. Т. I/1. С. 214) и Рансиман (*Runciman. Bulg. Em-*

крупнейшую в его царствование, Константин V отметил триумфальным вступлением в Константинополь и праздничными играми на ипподроме. Телец же пал жертвой восстания, после чего Болгария на много лет превратилась в театр постоянных мятежей и перемен на престоле. Бразды правления захватывала то дружественная, то враждебная Византии партия, однако последнее слово принадлежало византийскому императору, который присвоил себе право определять отношения внутри болгарской державы и при их неблагоприятном развитии прибегал к военной силе. Лишь в 772 г. к власти пришел деятельный Телериг, Болгария пришла в себя и вновь восстановила прежнюю боеспособность. Вследствие этого весной 773 г. Константин V предпринял большой поход, который повторил тактику двойного нападения 763 г. и принудил болгар к мирным переговорам. Также и попытка Телерига начать в том же году наступление в Македонии была быстро и легко пресечена императорскими войсками. Впрочем, как бы ни было велико превосходство византийского императора, однако он не мог навязать болгарам длительного мира. Вплоть до конца своих дней Константин V был вынужден вести с ними войну. Он умер во время похода против Болгарии 14 сентября 775 г.

Войны с Византией значительно ослабили державу болгар: ее военная мощь была расстроена, а государственный организм парализован. Отважный Телериг сам был вынужден искать спасения от внутренних смут в своей стране при дворе наследника Константина V. Преобладание Византийской империи на Балканском полуострове, казалось, получило прочное основание. Однако на будущее не исключалось и то, что Болгария станет ожесточенным врагом византийского государства. Это стало новым фактором в византийской внешней политике, который навязывал Империи тяжелую борьбу на два фронта.

Большие успехи Константина V в войнах с арабами и болгарями были не в последнюю очередь куплены ценой одностороннего ограничения его внешней политики сферой интересов на Востоке. В то

pire. P. 38) — 763-м. Последняя датировка, безусловно, является правильной, хотя и не столько исходя из предложенных Рансиманом аргументов (Златарски не дает никакого обоснования), сколько просто потому, что она полностью согласуется с сообщением Феофана (р. 433.5) о том, что сражение произошло в 1 индикт, а 30 июня было субботой; указанный Феофаном 6254 год от сотворения мира, на котором основывается Ломбар, содержит обычное и, так сказать, нормальное для этого периода хроники Феофана противоречие между счетом по годам и по индиктам.

время, когда Константин одерживал свои победы на Востоке, византийское господство в Италии потерпело полный крах. Отчуждение между Римом и иконоборческой Империей на Босфоре постоянно усиливалось. Однако до тех пор, пока папство полагало, что может рассчитывать на помощь Византийской империи в борьбе с натиском лангобардов, и пока не существовало другой силы, которая могла заменить Византию, Рим закрывал глаза на религиозный конфликт и сохранял лояльность по отношению к императору. Между тем в 751 г. произошло событие, положившее конец византийскому господству в северной и средней Италии и похоронившее последние надежды папы на получение помощи со стороны византийского императора: Равенна попала в руки лангобардов и Равеннский экзархат прекратил свое существование. Одновременно на римском горизонте показалась новая сила, покровительство которой обещало более действенную помощь против лангобардов и было для Римской Церкви по многим причинам более приемлемым, чем еретическая Византия — молодая держава франков. Папа Стефан II лично отправился за Альпы и 6 января 754 г. встретился в замке Понтион с королем Пипином. Эта достопамятная встреча положила начало сближению Рима с державой франков и основанию Римского церковного государства. Папство отвернулось от византийского императора и вступило в сношения с Франкским королевством, из которого менее чем за полстолетия было суждено вырасти Западной империи.

Но если Византия на Западе потерпела тяжелый ущерб, то ее положение на Востоке и на юге укрепились. Напряженность в отношениях с Римом дала византийскому иконоборческому правительству повод предпринять решительные и далеко идущие меры. Император приказал отделить от Рима эллинизированные южноитальянские провинции Калабрию и Сицилию, а также Иллирик и подчинить их Константинопольскому патриархату¹. Неоднократные протесты Рима не возымели действия. Новые границы между двумя церковными

¹ Grumel V. L'annexion de l'Illyricum oriental, de la Sicile et de la Calabre au patriarcat de Constantinople // *Recherches de science religieuse* 40 (1952). P. 191–200 — показал, что эта мера была принята не в 30-е гг. при Льве III, как это полагали раньше, а двумя десятилетиями позднее, после крушения византийской власти в Италии при Константине V. Старую датировку отстаивает Анастос (*Anastos M. V. The Transfer of Illyricum, Calabria, and Sicily to the Jurisdiction of the Patriarchate of Constantinople in 732–733* // *Silloge bizantina in onore di S.G. Mercati*. Roma, 1957. P. 14–31).

центрами соответствовали границе между греческим Востоком и латинским Западом, как ее провела сама история. Посредством расширения территории церковной юрисдикции Константинополя на балканские провинции Иллирика и эллинизированную южную Италию великий иконоборец заложил основы того подъема, который было суждено пережить византийской Церкви после преодоления иконоборческого кризиса, и грядущего мощного распространения влияния византийской Церкви и культуры в славянских балканских странах.

Так византийское иконоборчество углубило пропасть между двумя мировыми центрами и привело к тому, что Рим был вытеснен с греческого Востока, а Византия — с латинского Запада. Это, в свою очередь, означало, что почву из-под ног стал терять как универсализм Византийской империи, так и универсализм Римской Церкви.

Очевидно, не было простым совпадением, что эти события совпали по времени с пиком византийского иконоборчества, которое при Константине V достигло своей наивысшей точки. Поначалу отклик, который получило восстание Артавазда в европейской части Империи, и прежде всего в самой столице, призывал к осторожности. Так же, как и его отец, Константин умел выжидать. Лишь в пятидесятые годы он приступил к осуществлению своего плана. Если Лев III провел запрет иконопочитания через посредство государственного совета, то теперь санкционировать иконоборчество был призван церковный Собор. Чтобы обеспечить надлежащий состав Собора, император стремился замещать своими сторонниками епископские кафедры и, кроме того, заботился о создании новых, на которые он ставил приверженцев иконоборческого учения. Наряду с этими организационными мерами развивалась активная пропагандистская и литературная деятельность. В различных местах проводились собрания, на которых ведущие фигуры иконоборческой партии обращались к народу, причем подчас при этом происходили бурные столкновения между сторонниками и противниками икон¹. Отважных оппонентов иконоборчества после завершения дебатов подвергали аресту и таким образом обезвреживали вплоть до времени начала Собора.

В литературной деятельности сам император также принял активное участие. Он составил не менее тринадцати богословских работ,

¹ См. наставление Георгия Кипрского в: *Мелиоранский*. Георгий Кипрянин. С. X сл.

из которых, впрочем, только две — по-видимому, важнейших — сохранились в отрывках¹. Сочинения Константина V, которые были призваны задать руководящую линию для выработки постановлений предстоявшего Собора, внесли существенный вклад в разработку иконоборческого учения. В противоположность сторонникам иконопочитания, которые видели принципиальное отличие между изображением и его архетипом, а икону рассматривали в неоплатоническом смысле как символ, Константин V, исходя из восточных магических представлений, постулирует полную идентичность и даже единосущие изображения изображаемому². Прежде всего он восстает против изображения Христа, становясь при этом на почву христологии и тем самым выходя за рамки аргументов прежних иконоборцев, которые боролись с иконопочитанием прежде всего как с возрождением идолопоклонничества. В то время как сторонники икон, такие как патриарх Герман и прежде всего Иоанн Дамаскин, обосновывали изображение Христа через факт Его вочеловечения и рассматривали изображение Спасителя в Его человеческом образе как подтверждение реальности Его вочеловечения, Константин оспаривает возможность правдивого изображения Христа, ссылаясь на его Божественную природу. Так проблема икон с обеих сторон смыкается с христологической догматикой. В новой форме спор об иконах представляет собой продолжение старых христологических дебатов. В своих наиболее радикальных высказываниях иконоборчество пересекается с монофиситством, и даже сочинения Константина V, представлявшего наиболее радикальное иконоборческое крыло, однозначно обнаруживают монофиситские тенденции³. Это не должно удивлять, если принять во внимание, что монофиситство господствовало не только на византийских границах в Сирии и Армении, но — как это выяснилось в связи с монофелитской реакцией при Филиппике — продолжало жить и в самой Империи.

10 февраля 754 г. хорошо подготовленный Собор приступил к работе в императорском дворце в Иерии на малоазийском берегу Босфо-

¹ Сведены воедино в: *Ostrogorsky. Bilderstreit*. S. 8 f.

² *Ostrogorsky. Bilderstreit*. S. 8, отрывок 2: καὶ εἰ καλῶς, ὁμοούσιον αὐτὴν (sc. τὴν εἰκόνα) εἶναι τοῦ εἰκονιζομένου.

³ *Ostrogorsky. Bilderstreit*. S. 24 f.; *Martin E.J. A History of the Iconoclastic Controversy*. London, 1930. P. 42; *Bréhier-Aigrain*. P. 467.

ра; его последнее заседание прошло 8 августа во Влахернской церкви в Константинополе. Меры императорского правительства достигли своей цели: собрание насчитывало не менее 338 епископов, из которых все исповедовали иконоборчество. Председательствовал епископ Феодосий Эфесский, сын бывшего императора Тиверия Аписмара, ибо патриарх Анастасий умер в конце 753 г. и ни папа, ни восточные патриархи не прислали своих представителей. Невзирая на это обстоятельство (которое вызвало со стороны православных насмешливое наименование «безглавого Собора»), собрание притязало на то, чтобы считаться Вселенским Собором. При выработке своих определений Собор исходил из программных сочинений императора и подобно ему сделал христологическую проблематику основанием своей аргументации, обходя между тем неосмотрительные формулировки, а именно — все монофиситские выражения сочинений Константина. Собор подхватил тезис о неизобразимости Христа, однако остерегся входить в противоречие с определениями прежних Вселенских Соборов. Более того, с большой изобретательностью он даже показал, что сторонники икон неотвратимо подпадали как под монофиситскую, так и под несторианскую ересь, поскольку они изображали на иконе либо только человеческую природу Христа — и таким образом разделяли неделимые природы Христа подобно несторианам, либо при этом изображали лишь божественную природу — и тем самым смешивали неслиянные природы Христа наподобие монофиситов¹. Рассуждения, в которых в большом числе приводились места из Священного Писания и святоотеческой литературы, увенчались жестким отвержением всех святых икон и всякого им поклонения. Император, который ощущал себя владыкой Церкви, представил собранию на заключительном заседании епископа Константина Силейского в качестве нового патриарха, которого он назначил своей властью, и приказал присутствующим епископам приветствовать его как своего нового архипастыря. 29 августа на константинопольском Форуме были оглашены постановления Собора, которые строго воспрещали поклонение иконам, предписывали уничтожение всех культовых изображений, подвергали анафеме поборников православной партии: патриарха Германа, Иоанна Дамаскина и других — и при этом воздавали величайшую хвалу «равноапостольному василевсу».

¹ Mansi. T. XIII. Col. 257E–260AB.

Теперь за императором оставалось провести определения Собора в жизнь. Повсюду начали уничтожать святые иконы и заменять их светскими изображениями. Декоративные украшения, изображения зверей и растений, но прежде всего — портреты императора и прославляющие его изображения сцен войны и охоты, конных ристаний и театральных игр должны были теперь украшать как светские здания, так и церкви. Светское искусство наряду с церковным во все времена играло в Византии бóльшую роль, чем это по большей части принято предполагать¹. Отныне же это искусство, которое прежде всего служило прославлению императора и олицетворяемой им Империи, должно было стать единственным. Иконоборцы не отвергали искусство как таковое, но только религиозное искусство и его культ. Искоренить это искусство и его культ стало теперь задачей императора. Опираясь на определения церковного собрания, которое считалось им Вселенским Собором, Константин V приступил к тому, чтобы выполнить эту задачу огнем и мечом.

Но его фанатичной воле к уничтожению противостояли столь же фанатично преданные своей вере противники. Разгорелась ожесточенная битва, которая достигла своей наивысшей точки в шестидесятые годы. Оппозиция иконопочитателей сплотилась вокруг личности игумена Стефана Нового с горы Авксентия, к которому во все возрастающем числе стекались сторонники из всех слоев народа. Попытки императора принудить предводителя оппозиции прекратить сопротивление остались бесплодными, и в ноябре 767 г. Стефан был жестоко убит возбужденной толпой на улицах Константинополя. Однако это не сломило оппозицию. Насколько широкие круги охватило недовольство правлением Константина V, демонстрирует тот факт, что он был вынужден казнить девятнадцать высших чиновников и офицеров, среди которых были его протостратор, логофет дрома, domestik гвардии экскувиторов, комит фемы Опсикия, стратеги Фракии и Сицилии². Но сильнее всего иконоборческой политике противостояло византийское монашество; расправа с ним также была особенно жестокой. Преследование иконопочитателей со временем все больше принимало характер похода против монаше-

¹ *Grabar*. Empereur. См. тж.: *Idem*. Les fresques des escaliers à Sainte-Sophie de Kiev et l'iconographie impériale byzantine // SK 7 (1935). P. 103–117.

² *Theophanes*. P. 438.8.

ства, и это антимонашеское направление, как кажется, нашло отклик в Малой Азии, а именно у малоазийского войска, а также у части столичного населения. Теперь монахи преследовались не только за их приверженность к иконопочитанию, но и просто за принадлежность к монашескому сословию, принуждаясь к оставлению монашеской жизни. Монастыри закрывались или превращались в казармы, бани или другие общественные здания, их огромные земельные владения конфисковались императором. Так иконоборчество во время своего наибольшего размаха предприняло борьбу против могущественного византийского монашества и монастырской собственности¹.

С каким ожесточением правительство Константина V вело эту борьбу, показывает поведение стратига Фракисиев Михаила Лахандракона, одного из наиболее ревностных помощников императора, который поставил монахов своей фемы перед выбором: либо сложить с себя монашеское облачение и взять жену, либо подвергнуться ослеплению и ссылке². Последовала массовая эмиграция монахов, которая главным образом была направлена в Южную Италию, где они посредством основания монастырей и школ создали новые очаги греческой культуры. В Византии же волны иконоборческой бури все нарастали: император, который в своем радикализме вышел далеко за границы определений Собора 754 г. и даже вступил с ними в противоречие, обратился не только против святых икон и мощей, но также запретил культ святых и почитание Богородицы. В жизни Византийской империи наступил бы полный переворот, если бы радикальная политика Константина V не пресеклась с его смертью.

¹ Это, однако, не означает, что борьба против монашества, собственно, и была целью иконоборческого движения и что «икономахия» в сущности была «монахомахия», как это первым утверждал Андреев («Герман и Тарасий») и с тех пор не раз говорили другие. Борьба против монашества была сопутствующим явлением иконоборчества, которое нашло свое проявление лишь в шестидесятые годы VIII в. Об антимонашеских мерах времен Льва III или первой половины царствования Константина V нам ничего не известно, причем не подлежит ни малейшему сомнению, что абсолютно враждебные иконоборцам и по большей части монашеские источники, которыми мы располагаем, не преминули бы со всей очевидностью указать на такого рода меры, если бы для этого существовало хотя бы малейшее основание. См. тж. критику этой теории в: *Сюзюмов М.Я.* Проблемы иконоборческого движения в Византии // Ученые записки Свердловского государственного педагогического института. 4 (1948). С. 78–110.

² *Theophanes*. P. 445.3.

В памяти потомков жестокое правление Константина V сохранилось как эпоха ужасающего террора. На протяжении столетий пылающая ненависть преследовала память о Константине Копроне, его тело после восстановления Православия было вынесено из церкви Святых Апостолов. Однако и воспоминания о его военных успехах и героических деяниях пережили его, и когда в начале IX в. Византия потерпела поражения от болгар, народ собрался у его гробницы и умолял умершего властителя подняться из гроба и избавить Империю от позора.

4. Закат иконоборчества и восстановление иконопочитания

Краткое правление Льва IV (775–780) представляет собой переход от времени расцвета иконоборчества при Константине V к восстановлению иконопочитания при Ирине. Лев IV, сын Константина V от его брака с хазарской принцессой, не был борцом по своему характеру. Выходки против культа Богородицы прекратились, было оставлено и антимонашеское движение, которого Константин V придерживался во второй половине своего правления. Новый император не останавливался перед тем, чтобы ставить монахов на важнейшие епископские кафедры¹. Впрочем, он по традиции придерживался иконоборческой линии и даже приказал публично высечь и бросить в тюрьму нескольких придворных чиновников, которые придерживались иконопочитания (780). В сравнении с методами Константина V это было вполне мягким наказанием, тем более что это единственный случай преследования иконопочитателей, о котором нам известно в царствование Льва IV². Некоторое усмирение иконоборчества при Льве IV было естественной реакцией против максимализма Константина V. К этому стоит добавить влияние энергичной супруги Льва IV, Ирины, которая происходила из приверженных иконопочитанию Афин и, соответственно, была предана культу икон.

Несмотря на то что братья императора Никифор и Христофор уже в 769 г. получили титул кесаря, в то время как Никита и Анфим

¹ *Theophanes*. P. 449.15.

² *Theophanes*. P. 453.10.

равно уже при Константине V носили титул новилиссима, а при Льве IV также и младший брат, Евдоким, получил этот титул, в соправители и преемники Львом IV был взят не один из кесарей, а его маленький сын Константин. Показательным образом это произошло по требованию войска, которое настоятельно призвало императора к тому, чтобы венчать своего сына на царство. 24 апреля 776 г. Лев IV, делая вид, что лишь следует желанию своих подданных, совершил венчание на царство своего сына, взяв с сенаторов, представителей столичного и провинциального войска и столичных сословий¹ письменную клятву сохранять верность нововенчанному императору и его единственному престолонаследнику. Это вполне характерное для того времени и в других случаях стремление опереться на волю народа следует рассматривать как реакцию на деспотическое правление Льва III и Константина V. В то время как участие подданных в выборе нового императора или соправителя в Византии обыкновенно выражалось лишь в аккламациях народа и армии нововенчанному императору, Лев IV уже само назначение наследника престола стремился выставить в качестве акта народного волеизъявления. Также показательно то, что здесь наряду с обычными конституирующими факторами — сенат, народ, войско — выступают также купцы и ремесленники Константинополя. Естественно, что войско, призвав Льва к венчанию своего сына, следовало намеку самого императора. Тем не менее нельзя отрицать того, что воззрения византийской армии претерпели сильные изменения со времен Константина IV: ведь это была та же самая армия, которая менее столетия назад выразила бурный протест против устранения братьев императора. Принцип единовластия с распространением права на престол только на старшего сына правителя сделал большие шаги вперед. Впрочем, самоочевидной эта система пока что для византийцев не стала, иначе не потребовалось бы демонстративного выступления армии в пользу наследника престола и принесения письменной клятвы. Не преминула проявить себя и ответная реакция в пользу кесаря Никифора, но заговор был своевременно раскрыт и виновные подвергнуты ссылке в Херсон. И в этом случае Лев IV стремился опереться на волеизъявление своих подданных:

¹ *Theophanes*. Р. 445.3: Οἱ τε τῶν θεμάτων καὶ τῆς συγκλήτου καὶ τῶν ἔσω ταγμάτων καὶ τῶν πολιτῶν πάντων καὶ ἐργαστηριακῶν.

создав в Магнаврском дворце силентион, он огласил дело перед этим собранием и приказал вынести приговор заговорщикам¹.

Преждевременная смерть Льва IV (8 сентября 780 г.) сделала обладателем престола его 10-летнего сына Константина VI. Регентство взяла на себя императрица Ирина, которая также официально разделила престол со своим малолетним сыном. Вновь имела место попытка переворота в пользу кесаря Никифора, однако энергичная императрица подавила мятежное движение, которое, по-видимому, исходило из иконоборческих кругов и насчитывало в своих рядах несколько видных вельмож, и принудила братьев своего покойного супруга к принятию священнического сана. С переходом государственных дел в руки Ирины реставрация иконопочитания была делом решенным. Впрочем, оно готовилось медленно и с большой осторожностью. В самом деле, резкая перемена церковной политики была невозможна, поскольку иконоборческая система уже столетия как утвердила свое господство и важнейшие государственные и церковные должности занимали люди, которые либо по убеждениям, либо из приспособления к обстоятельствам присоединились к иконоборчеству, а кроме того, большая часть армии, которая сохраняла верность памяти славного императора Константина V, была привержена его политике.

Лишь в конце 784 г., после того как правительству удалось принудить к отречению назначенного при Льве IV патриарха Павла (31 августа 784 г.), стали наконец известны его планы. Назначению нового патриарха Ирина, собрав «весь народ» в Магнаврском дворце, придала форму народного волеизъявления². Выбор пал на Тарасия, императорского секретаря, образованного мирянина с хорошей богословской подготовкой и ясным политическим видением. После того как Тарасий 25 декабря 784 г. был рукоположен в патриархи, начались приготовления к Вселенскому Собору, который должен был упразднить определения Собора 754 г. и восстановить иконопочитание. Византийское правительство вступило в сношения с Римом и восточными

¹ *Theophanes*. P. 445.3.

² *Theophanes*. P. 458.10: συναγοῦσα πάντα τὸν λαόν. То, что народ Константинополя, пусть и лишь формально, принимал участие в избрании своего архипастыря, засвидетельствовано также и для времени, непосредственно предшествующего началу иконоборчества. Согласно Феофану (р. 384), Герман был призван на патриаршество ψήφω... παντὸς τοῦ εὐαγοῦς κλήρου, καὶ τῆς ἱεράς συγκλήτου, καὶ τοῦ φιλοχρίστου λαοῦ τῆς θεοφυλάκτου ταύτης καὶ βασιλίδος πόλεως.

патриархами, которые приветствовали эти перемены и послали на Собор своих представителей.

31 июля 786 г.¹ в церкви Св. Апостолов в Константинополе открылись заседания Собора. Однако едва начались прения, как произошло событие, которое показало, что при подготовке Собора требовалась еще большая осторожность, чем та, что выказали Ирина и Тарасий. Памятуя заветы Константина V, солдаты столичных гвардейских полков ворвались с обнаженными мечами в церковь и разогнали Собор под воодушевленные и радостные крики некоторых из собравшихся епископов. Впрочем, воля императрицы не была сломлена этой неудачей. Она приказала иконоборческим частям переправиться в Малую Азию под мнимым предлогом похода против арабов, приказав одновременно дружественным иконопочитанию частям из Фракии явиться в столицу и взять на себя ее охрану. В мае 787 г. последовали новые приглашения на Собор, который должен был открыться в Никее. Именно так и произошло то, что Седьмой Вселенский Собор — последний, который признает Восточная Церковь, — проводил свои заседания в том же городе, в котором заседал Первый Вселенский Собор при Константине Великом.

Под председательством патриарха Тарасия и в присутствии примерно 350 епископов и большого числа монахов там с 24 сентября до 13 октября прошло быстрой чередой семь заседаний, что является доказательством основательной подготовки Собора. Перед важным с церковно-политической точки зрения решением Собор поставил вопрос о епископах, которые были замешаны в иконоборчестве и за время трех предыдущих правлений едва ли могли бы переменить свое настроение. Как сказал один из них, «мы были рождены в этой ереси, выросли и воспитаны в ней»². Следуя разумной умеренности, Собор принял в церковное общение бывших иконоборцев после того, как они клятвенно отреклись перед Собором от своей ереси. Впрочем, это терпимое отношение не нашло одобрения со стороны представителей монашества, и дело дошло до острых прений. Именно тогда впервые дал себя почувствовать раскол внутри византийской Церкви, который длился на протяжении всей ее последующей истории, — раскол между радикальным монашеским направлением так

¹ Касательно датировки см.: *Grumel. Reg.* 355.

² *Mansi. T. XII. Col.* 1031.

называемых зилотов (ревнителей), которые со всей строгостью придерживались канонических предписаний и принципиально отвергали любое компромиссное решение, и умеренной линией «политиков», которые умели приспосабливаться к государственной необходимости и политическим обстоятельствам, с готовностью сотрудничали со светской властью, покуда та придерживалась православия, и не чуждались определенных компромиссов. На Никейском Соборе победила именно эта умеренная линия.

По вероисповедным вопросам в среде православного большинства, напротив, царило полное согласие. После приведения длинного ряда свидетельств из Священного Писания и святоотеческих творений в качестве доказательств в пользу почитания икон с одной стороны и постановлений иконоборческого Собора 754 г. с другой было зачитано обстоятельное, по-видимому, принадлежащее перу патриарха Тарасия опровержение этих постановлений¹, после чего Собор осудил иконоборчество как ересь, предписал уничтожение иконоборческих сочинений и вновь восстановил иконопочитание. В русле идей Иоанна Дамаскина Собор увязал вопрос об иконах с учением о спасении и подчеркнул принцип, согласно которому почитание относится не к изображению, а к изображенному святому лицу и не имеет ничего общего с поклонением, предназначенным лишь Богу. Торжественное заключительное заседание, которое состоялось 23 октября в Магнаврском дворце Константинополя, подтвердило определения Собора, которые были подписаны императрицей и юным императором.

Между тем иконоборческие элементы все еще не были окончательно преодолены. Продолжение их существования вполне четко проявилось во время распри, которая разразилась между императрицей Ириной и ее сыном, — обстоятельство, которое придает этой бессмысленной ссоре повышенный исторический интерес. Хотя Константин VI уже достиг совершеннолетия, честолюбивая императрица не хотела выпускать власть из своих рук. Юный император возмутился против навязанной ему опеки и постепенно вступил в острую конфронтацию со своей матерью и ее советником, евнухом Ставракием. Так естественным образом вокруг него сосредоточилась оппозиция, которая не могла примириться с политикой Ирины, способствовавшей иконопочитанию. Одним из ближайших доверенных лиц Константи-

¹ Об авторстве Тарасия см.: *Андреев*. Герман и Тарасий. С. 142 сл.

на VI стал иконоборец Михаил Лаханодрокон. Тем не менее энергичной императрице весной 790 г. удалось в зародыше задушить составившийся заговор, и теперь она чувствовала себя достаточно сильной, чтобы предпринять официальную легализацию своего до той поры лишь фактически существовавшего первенства. Она потребовала от войска принесения присяги, которая передавала ей власть, упоминая ее на первом месте, а Константина VI в качестве ее соправителя — на втором. Войска столицы, которые теперь состояли из европейских контингентов, без возражений принесли требуемую присягу. Напротив, намерение Ирины натолкнулось на сильное противодействие войск фемы Армениаков, которые не слишком почитали императрицу-иконопочитательницу. Сложилось противодействующее движение, которое охватило также и прочие малоазийские фемы и окончилось тем, что армия, вступившись за права династии, не только отклонила требования властолюбивой императрицы, но и провозгласила Константина VI единовластным правителем (октябрь 790 г.).

Ирина проиграла борьбу и была вынуждена покинуть императорский дворец. Однако приверженцы императрицы не успокоились до тех пор, пока не получили у Константина VI разрешения на ее возвращение. С января 792 г. вновь действовала старая формула: Константин и Ирина. Слабость молодого императора вызвала разочарование в среде его сторонников; к этому присоединилось недовольство постыдным поведением Константина VI в войне с болгарам в июле 792 г. Вновь дало о себе знать движение в пользу кесаря Никифора, которого оппозиционеры почитали как старшего из живущих потомков Константина V. Однако в этот раз Константин VI быстро вмешался и приказал выколоть своему дяде глаза, а прочим четырем братьям своего отца урезать языки. Ослеплен был также стратиг Армениаков Алексей, который в свое время действовал в пользу Константина против Ирины. Вслед за этим в феме Армениаков вспыхнул сильный бунт, и Константин VI был вынужден начать самую настоящую войну против своих сторонников (весна 793 г.). Возмущение было подавлено со всей жестокостью, однако симпатии, которыми император там некогда пользовался, уступили место ожесточенной враждебности к его персоне.

Вскоре после этого он совершенно испортил отношения с православной партией, когда в январе 795 г. бросил свою жену, красавицу Марию из Пафлагонии, на которой он за семь лет до того должен был

жениться по желанию своей матери, и взял в жены свою любовницу, придворную даму Феодоту, сделал ее августой, а свадьбу, которая вызывающе подействовала на общественное мнение, справил с необыкновенной пышностью. Противоречащий церковным заповедям образ действий Константина VI вызвал в православных кругах величайшее возмущение. С особым ожесточением выступила против нарушившего святость брака императора радикальная монашеская партия зилотов, возглавляемая Платоном, знаменитым игуменом монастыря Саккудий, и его еще более знаменитым племянником Феодором. Император отправил дерзких предводителей зилотов в ссылку, однако дело тем самым не прекратилось. Так называемый михианский спор (от *μοιχος* — прелюбодеяние) еще долго занимал византийцев и вызывал большие осложнения. Он привел к чрезвычайному усилению вражды между партией зилотов и патриархом Тарасием, поскольку зилоты не одобряли оппортунистическое поведение патриарха по отношению к прелюбодею-императору и зашли в своем недовольстве так далеко, что прекратили с ним церковное общение. Бросающийся в глаза факт, что византийское монашество со времени победы православия постоянно находилось в плохих отношениях и даже в жестком противостоянии с государственным и церковным руководством, достаточно ясно показывает, что эта победа не принесла ему ожидаемой реабилитации и компенсации, и даже единовластие Ирины дало ему лишь временное и неполное удовлетворение.

Из-за своей неосмотрительности и коварной жестокости Константин VI потерял всякую поддержку как со стороны правящей православной партии, так и со стороны иконоборческой оппозиции и мог теперь быть устранен так, что на его защиту не поднялась бы уже ни одна рука. 15 августа 797 г. в пурпурной палате, где он был рожден 27 лет назад, Константин VI был ослеплен по приказу своей матери.

Ирина достигла своей цели: она стала единовластной правительницей Византийской империи. Она была первой женщиной, которая управляла Империей не в качестве регентши при несовершеннолетнем сыне или неспособном к правлению императоре, но от своего собственного имени, как единовластная правительница. В это время, когда императорский титул, согласно римской традиции, был неразрывно связан с высшим военным командованием, право женщины на занятие этой должности было по меньшей мере сомнительным,

и потому является достойным внимания, что Ирина в законодательных актах обозначала себя не как «василисса», но как «василевс»¹.

Методы, к которым прибегала Ирина при управлении, были не слишком удачны. При дворе господствовала затхлая атмосфера интриг, в которых состязались два главных советника императрицы, евнухи Ставракий и Аэтий. Чтобы обеспечить себе слабеющие симпатии населения, императрица с щедростью делала финансовые послабления, невзирая на потребности государственной казны. Прежде всего эти послабления касались монастырей, благосклонность которых была краеугольным камнем популярности Ирины, и столичного населения, от настроения которого в большой степени зависела судьба неустойчивого в своем положении правительства. Были упразднены городские налоги, которые должны были платить жители Константинополя и которые, по всей видимости, были в самом деле весьма высоки. Значительно были снижены ввозные и вывозные пошлины, которые взимались в таможнях Константинополя, Авидосе и Иероне и представляли собой важную статью доходов византийского государства. У населения столицы эти меры вызвали большое воодушевление, и даже Феодор Студит хвалит великодушные императрицы в восторженных выражениях². Впрочем, финансовое дело византийского государства, которое составляло основу византийского могущества, пришлось вследствие этого великодушия в сильнейшее расстройство.

Внешнеполитическое положение Империи за последние два десятилетия значительно ухудшилось. Конечно, это не в последнюю очередь обуславливалось тем, что держава Аббасидов переживала в те времена свой расцвет. Уже в 781 г. арабы проникли глубоко внутрь территории Империи и одержали победу в крупном и чрезвычайно кровопролитном сражении на территории фемы Фракисиев. После этого византийское правительство заключило с ними мирный договор и обязалось выплачивать Халифату дань³. Однако даже принятие на себя этого унижительного обязательства не смогло обеспечить

¹ *Zepos. Jus. I, 45: 'Εν ὀνόματι τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος Εἰρήνη πιστὸς βασιλεὺς* (ср. тж.: Там же. Р. 49). Ср.: *Bury. Constitution. P. 23–24.*

² *Theophanes. P. 475.15; Theodorus Studit. Ep. I, 6 // PG 99. Col. 929 сл. Ср.: Bury. Eastern Roman Empire. P. 3, 212.*

³ *Dölger. Reg. 340.*

спокойствия на долгое время: вскоре вновь начались арабские набеги на Малую Азию¹. Не слишком удачными были и войны на болгарской границе, которые начались в 789 г. и велись императором Константином VI. Летом 792 г. у пограничной крепости Маркеллы византийцы потерпели поражение, которое из-за бегства императора и пленения видных византийских военачальников произвело особенно болезненное впечатление. Вновь византийское правительство было вынуждено согласиться на выплату дани, однако и на этом направлении мир продолжался недолго, поскольку вскоре болгары потребовали увеличения дани². Византия оказалась уступающей обоим своим главным противникам и была вынуждена взвалить на себя выплату дани: после внушающего уважения преобладания времен Константина V это было более чем прискорбным обстоятельством.

5. Византия и Карл Великий

Общая литература: *Heldmann K.* Das Kaisertum Karls des Großen. Theorien und Wirklichkeit. Weimar, 1928; *Schramm P.E.* Kaiser, Rom und Renovatio, I. Leipzig-Berlin, 1929; *Ostrogorsky G.* Die byzantinische Staatenhierarchie // SK 8 (1936). S. 41–61; *Ohnsorge W.* Das Zweikaiserproblem im frühen Mittelalter. Die Bedeutung des byzantinischen Reiches für die Entwicklung der Staatsidee in Europa. Hildesheim, 1947; *Schramm P.E.* Die Anerkennung Karls des Großen als Kaiser. Ein Kapitel aus der Geschichte der mittelalterlichen “Staatsymbolik” // Historische Zeitschrift 172 (1951). S. 449–515; *Dölger F.* Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953. S. 282 ff.; *Ohnsorge W.* Abendland und Byzanz. Gesammelte Aufsätze zur Geschichte der byzantinischabendländischen Beziehungen und des Kaisertums. Darmstadt, 1958. S. 1 ff., 64 ff., 79 ff.

Между тем гораздо более значительными с исторической точки зрения, чем все военные неудачи в Азии и на Балканах, были идео-

¹ В 798 г. мирный договор и обязательство Империи выплачивать дань были возобновлены: *Dölger. Reg.* 352.

² Несмотря на мнение Рансимана (*Runciman. Bulgarian Empire.* P. 49), из текста Феофана (А.М. 6288 = 795/796) однозначно следует, что Константин VI выплачивал булгарам дань. Правильно у Бёри (*Bury. Eastern Roman Empire.* P. 339). По всей видимости, обязательство выплачивать дань восходит ко времени после поражения 792 г.

логические потери, которые причинило Византии развитие событий на Западе. Трагедией старой Империи было то, что в то время, когда во главе франкской державы стоял один из величайших правителей Средневековья, ее собственная судьба находилась в руках женщин и евнухов. Карл Великий благодаря присоединению Баварии, христианизации и аннексии Саксонии, расширения страны за счет славян на Востоке, разрушению державы аваров, разгрому и подчинению лангобардов смог превратить свое государство в величайшую державу тогдашнего христианского мира. Разгромив лангобардов, он выполнил задачу, которую была не в состоянии выполнить Византия и невыполнение которой похоронило авторитет Византийской империи в Риме. После этого Римская Церковь заключила еще более тесный союз с державой франков и тем самым еще более решительно отвернулась от Византии. Этого факта не могло отменить и то, что после того, как на Вселенском Соборе в Никее был восстановлен церковный мир между Константинополем и Римом, Византия вновь стала православной и с еще большей ревностью, чем когда-либо, исповедовала иконопочитание. Тем не менее настоящего примирения обоих мировых центров Никейский Собор не ознаменовал. Рим ожидал упразднения всех постановлений иконоборческой эпохи: не только религиозных, но и церковно-политических; он ожидал полного восстановления статус-кво, и прежде всего возвращения прав римской юрисдикции над Южной Италией и Иллириком. Но об этом в Константинополе не хотели слышать. Этот вопрос несколько раз поднимался на Никейском Соборе: соответствующий пассаж из послания папы Адриана I к византийским правителям был просто опущен в греческом переводе, который был зачитан на Соборе. Равным образом были изъяты и те части, в которых папа брал на себя право возражать против неканонического поставления патриарха Тарасия и протестовать против титула «вселенский патриарх». Но в первую очередь тщательно были обойдены многочисленные места папского послания, в которых шла речь о примате Рима или даже всего лишь о примате святого Петра¹. Фактически папство было отделено от Востока, равно как

¹ О различиях между оригинальным текстом письма Адриана (Mansi. T. XII. Col. 1055–1075) и зачитанным на Никейском Соборе греческим переводом см. мою работу: *Ostrogorsky G. Rom und Byzanz im Kampfe um die Bilderverehrung* // SK 6 (1933). S. 73–87.

и Византийская империя отделена от Запада. Движение в русле политики Константинополя более не могло принести выгод Римской Церкви, несмотря на то что она, казалось, теперь объединилась с Византией в отношении к наиболее жгучему вероучительному вопросу того времени. И наоборот: сотрудничество с великим победителем лангобардов представлялось многообещающим, несмотря на то что взаимопонимание с франкским королем по вопросу иконопочитания казалось трудным и требовало больших усилий.

В ходе острой полемики, которая нашла свою окончательную формулировку в «Карловых книгах» (*Libri Carolini*), Карл Великий отверг как иконоборческую точку зрения Собора Константина V, так и иконофильскую позицию Собора Константина VI и Ирины. Цель «Карловых книг», которые были призваны подчеркнуть религиозную самостоятельность Франкской державы вопреки Византии, была прежде всего политическая, и потому не так важно, что их аргументация по существу обходит суть дела и что латинский перевод никейских актов, который был предоставлен Карлу Великому, из-за грубых лингвистических ошибок и недоразумений искажал смысл принятых в Никее постановлений. Но позиция Карла не совпадала и с подлинными установками Никейского Собора, пересекаясь, скорее, со старыми воззрениями Григория Великого, который подобным образом отвергал как уничтожение, так и почитание священных изображений. Король франков настаивал на своей точке зрения, несмотря на все предупреждения и увещания, которые адресовал ему папа Адриан I, и именно папа был вынужден в конце концов уступить. Иконопочитание, которое Никейский Собор 787 г. с согласия обоих легатов Адриана I вменил в обязанность каждому благочестивому христианину, было осуждено Франкфуртским Собором 794 г. в присутствии двух других представителей того же самого папы¹. Несмотря на то что вопрос об иконах даже отдаленно не имел на Западе такого значения, какое ему придавалось в Византии,

¹ Попытка В. фон ден Штайненса (*Von den Steinens W. Entstehungsgeschichte der Libri Carolini // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibl.* 21 (1929–1930). S. 83 f.) выставить постановления Фракфуртского Собора в качестве компромиссного решения не может считаться удачной. В остальном же это важное исследование заслуживает особого внимания. Ср. тж.: *Idem. Karl der Große und die Libri Carolini // Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde* 49 (1932). S. 207 f.

а своеобразное византийское соединение проблемы икон с учением о спасении осталось Западу чуждым и непонятным, это все же было огромной уступкой, которая ясно показывает, что союз с франкским королевством стал краеугольным камнем папской политики. Последовательно продолжая начатую при Стефане II линию, успехи которой были налицо, Адриан I, отбросив все сомнения, оставался верен союзу с франкским королем. Его преемник Лев III, также последовательно продолжая эту линию, принял смелое, логически завершающее целенаправленную римскую политику VIII в., однако по своей сути революционное решение и 25 декабря 800 г. возложил в соборе Св. Петра в Риме на Карла императорскую корону¹.

Основание империи Карла Великого имело столь же революционное значение в политической сфере, что и позднейшее разделение Церквей — в религиозной. Для тогдашнего мира являлось аксиомой, что могла быть только одна Империя, так же, как и одна христианская Церковь. Императорская коронация Карла Великого перевернула все понятия с ног на голову и означала сильный подрыв византийских интересов, поскольку вплоть до того времени единственной Империей бесспорно считалась Византия, Новый Рим, которому перешло наследие древней Римской империи. Относясь со вниманием к своим имперским правам, Византия могла рассматривать принятие Карлом Великим титула императора только как узурпацию. Впрочем, Рим также исходил из идеи одной Империи и вовсе не имел в виду учредить еще одну Империю наряду с Византией; скорее, созданная им новая империя должна была занять место старой Византийской: в Риме полагали, что после низложения законного императора Константина VI императорский престол в Константинополе можно было считать вакантным. Иерархия государств, охватывающая всю

¹ Коронация была проведена по образцу византийской церемонии венчания на царство; ср.: *Eichmann E. Die Kaiserkrönung im Abendland. Würzburg, 1942. Bd. I. S. 23 f.*

Как показано в работе: *Sackur E. Ein römischer Majestätsprozeß und die Kaiserkrönung Karls des Großen // Historische Zeitschrift 87 (1901). S. 385 f.* — и как это неоднократно с настойчивостью подчеркивалось впоследствии (ср., к примеру: *Haller J. Das Papsttum. Bd. II, 1. Stuttgart, 1939. S. 18 f.*), при избрании Карла Великого императором большую роль сыграли местные римские события. Впрочем, выставлять эти события в качестве причины коронации Карла и объяснять исторический акт 25 декабря 800 г. только исходя из ситуации момента значит слишком упрощать проблему.

христианскую ойкумену и венчающаяся единой Империей, была как для Рима, так и для Византии единственным мыслимым мировым порядком. В действительности дело пришло к тому, что с 800 г. друг другу противостояли две империи, восточная и западная. Разделение между Востоком и Западом, подготовленное многовековым развитием и в эпоху иконоборчества со всей очевидностью вышедшее на первый план, осуществилось теперь и в политической сфере. Ойкумена распалась на две части, различные в языковом, культурном, политическом и религиозном отношении.

Несмотря на то что коронация Карла в соборе Св. Петра была делом папства, а не короля¹, он, совершив этот влекущий за собой серьезные последствия шаг, был вынужден разбираться с возникшими вследствие него проблемами. Он был вынужден истребовать у Византии признания, без которого его императорский титул повисал в воздухе. При помощи голословных утверждений о том, что императорский престол Константинополя был, дескать, вакантным, поскольку его занимала женщина, или о том, что Византия, как это растолковывали «Карловы книги», впала в ересь, дело явно не двигалось. В 802 г. послы Карла и папы прибыли в Константинополь. Они должны были передать византийской императрице предложение вступить в брак с их государем, дабы посредством него «вновь объединились Восток и Запад»². Однако вскоре после их прибытия случился дворцовый переворот, в результате которого Ирина была свергнута с престола (31 октября 802 г.), и решение проблемы было отложено. Эта акция, исходившая из кругов высших сановников и офицеров Империи, доставила императорский венец Никифору, бывшему логофетом геникона. Ирина была сначала сослана на Принцевы острова, а затем на Лесбос. Вскоре после этого она скончалась.

¹ См. приведенную в начале этой главы литературу. Иначе в: *Halphen L. Charlemagne et l'Empire carolingien*. Paris, 1947. P. 120 sv.

² *Theophanes*. P. 475.27. Об этом часто комментируемом сообщении см. прежде всего работу Онзорге (*Ohnsorge W. Orthodoxus imperator. Vom religiösen Motiv für das Kaisertum Karls des Großen // Jahrbuch der Gesellschaft für niedersächsische Kirchengeschichte* 48 (1950). S. 24 f. (= *Idem*. Abendland und Byzanz. S. 64 сл.)), остроумные, однако чересчур заостренные рассуждения которого касательно позиции Карла по вопросу об иконопочитании я, впрочем, разделить не могу. Ср. мои замечания в: *BZ* 46 (1953). S. 153 f., особ. s155.

6. Реформы Никифора I и внешнеполитические опасности: Византия и Крум

Общая литература: *Bury*. Eastern Roman Empire; *Златарски*. История. I, 1; *Мутафчиев*. История. I; *Runciman*. Bulgarian Empire; *Bratianu*. Etudes byzantines. P. 183–216.

В лице Никифора I (802–811) во главе Империи вновь встал способный правитель. Утверждения Феофана о том, что его возвышение принесло скорбь и отчаяние, всего лишь передают настроения радикального монашеского направления. Не следует полагать, что та жгучая ненависть, которую Феофан проявляет по отношению к этому императору, была общей для православных кругов Византии¹. Никифор не был клерикалом, от духовенства он требовал повиновения императорской власти, однако он был вполне православным и принципиально придерживался иконопочитания. Женив своего сына Ставракия на афинянке Феофано, родственнице Ирины, он подчеркнул свою решимость придерживаться иконопочитательскому направлению предшествующего царствования. Отношения правительства и руководства Церкви к радикальной монашеской партии тем не менее вновь ужесточилось, тем более что после смерти Тарасия (25 февраля 806 г.) на патриарший престол был призван ученый историограф Никифор. Подобно Тарасию, Никифор был сведущ как в светской науке, так и в богословии и отличился не только как историописатель, но в последующее время также и как автор многочисленных сочинений в защиту культа икон. Но, как и Тарасий, он был до своего возведения на патриарший престол высокопоставленным чиновником и в церковно-политическом отношении представлял то же умеренное направление. Замещение патриаршего престола мирянином вызвало у зилотов тем большее возмущение, что они, по всей видимости, рассчитывали на избрание их предводителя, Феодора Студита. Более того, император Никифор вновь извлек на свет Божий «михианское» дело, чтобы посредством него утвердить принцип, согласно которому император не связан канонами: составленный

¹ Монах Феостирикт восхваляет его как εὐσεβέστατος καὶ φιλόπῳχος καὶ φιλόμοναχος: Vita Nicetae // AASS, April. 1. P. XXIX.

из представителей мирян и духовенства Собор высказался за признание брака Константина VI с Феодотой и вновь принял в церковное общение священника Иосифа, освятившего этот брак (январь 809 г.). Это привело к открытому разрыву со студийскими монахами, которые вновь отвернулись от официального церковного руководства и подверглись гонениям со стороны государственной власти.

Но прежде всего задачей императора было упорядочить экономические отношения и вновь сбалансировать расстроенные из-за легкомыслия предыдущего правительства финансы. Как бывший руководитель финансового управления, он был прекрасно подготовлен для этой задачи и принял ряд важных и мудрых мер. Эти меры Феофан, его непримиримый враг, с многочисленными упреками и обвинениями описывает как «десять казней» императора Никифора¹. Прежде всего Никифор отменил предоставленные при Ирине налоговые послабления. Затем он приказал вновь обложить налогами всех подданных, причем их размер по сравнению с прошлыми временами был повышен, а за внесение в налоговые списки взималась пошлина в размере двух кератиев (вероятно, с номисмы, что составляет 8 1/3%). Пáрики монастырей и церквей, а также весьма многочисленных в Византии богоугодных заведений были обложены подымным налогом. «Налог с дыма» (*καπνικόν*; исходя из смысла — подушный налог, рассчитанный с семьи), который здесь впервые упоминается в византийских источниках, представляет собой, наряду с поземельным налогом, важнейшую подать. Он не был впервые введен Никифором, но, скорее, предстает здесь уже как известный вид налога, и речь идет лишь о том, что на этот раз он коснулся также той категории крестьян, которая ранее была свободна от его уплаты. Предположительно, освобождение от него восходило ко времени Ирины, поскольку церковные и монастырские владения в Византии всегда принципиально подлежали налогообложению, так что Никифор, по всей видимости, также и в этом случае не ввел ничего нового, но лишь восстановил старый порядок. Как показывают другие источники, в 20-е гг. IX в. налог с дыма составлял два милиарисия и в сельской местности платился всеми подлежащими налогообложению лицами². Чтобы обезопасить фиск от

¹ *Theophanes*. P. 486–487.

² *Theophan. Cont.* P. 54.5. Мнение Дёльгепа (*Dölger*. Finanzverwaltung. S. 62 f.) и Константинеску (*Constantinescu N.A.* в *Bulletin de l'Acad. Roumaine*, Section hist. 11 (1924)

потерь, Никифор ввел круговую поруку налогоплательщиков в деле уплаты налогов: на сельскую общину налагался общий налог, за выплату которого отвечали все жители деревни: невыплаченные суммы должны были вносить соседи неплательщиков. Этот порядок также был не нов: речь идет о старой системе аллиленгия (ἀλληλέγγιον), которая известна уже по «Земледельческому закону», хотя этот технический термин в этом месте также встречается впервые¹.

Некоторые церковные имения Никифор передал ведомству императорских доменов, однако так, что размер налога для уменьшившихся владений остался прежним. Можно предположить, что целью этой меры также было возвращение дарений, сделанных императрицей Ириной. Взимание налога с наследства и нахождения клада должно было проводиться более строго, а бедняки, которые неожиданно разбогатели, облагались налогом как нашедшие клад. Рабы, купленные за пределами таможенной границы в Авидосе, а особенно в области Двенадцати островов (Додеканис), облагались пошлиной в 2 номисмы². Далее,

и Deutsche Literaturzeitung (1928) II, 31. Sp. 161 f.) о том, что лишь крепостные платили капникон, опровергается как соответствующим пассажем из Продолжателя Феофана, так и Скилицей–Кедрином (II, 413) и Ибн Хордадбеком (de Goeje. P. 84). Ср.: *Ostrogorsky G.* Das Steuersystem im byzantinischen Altertum und Mittelalter // *Byz* 6 (1931) 234–235 и *Steuergemeinde*. S. 49 f., а также: *Stein.* Vom Altertum. S. 160. Дёльгер, конечно же, остается при своем мнении (BZ (1934). S. 371 f.).

¹ *Theophanes.* P. 486.26: ἀλληλέγγιος τὰ δημόσια. Дёльгер (*Dölger.* Finanzverwaltung. S. 130 и BZ 36 (1936). S. 158 mit Anm. 1) отвергает технический смысл этого понятия, причем для аллиленгия Василия II он согласен сделать исключение. В настоящее время за ним следует Лемерль (*Lemerle.* Histoire agraire 219. P. 261 сл.). Однако то, что это понятие, вполне вероятно, имело техническое значение, показывает уже трактат Эшбёрнера (*Ashburner*, § 14 = *Dölger.* Finanzverwaltung. S. 119.24: ἔποικοι ἀλληλέγγια ἀπαιτοῦμενοι). Это признает также К.А. Осипова (Аллиленгий в Византии в X веке // BB 17 (1960). С. 28–38), которая посвящает свое исследование прежде всего как раз аллиленгию в трактате Эшбёрнера, однако неверно — следуя Каждану (К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии в VIII–X вв. // BB (1956). С. 63 сл.; Еще раз об аграрных отношениях в Византии IV–XI вв. // BB (1959). С. 107 сл. — предполагает перерыв в существовании этого института в раннем Средневековье и его повторное введение в IX столетии.

² В среднем это являлось примерно 10-процентной надбавкой к цене покупки, поскольку здесь, вероятно, речь идет о ввозимых неквалифицированных иноземных рабах. При Юстиниане (*Cod. Just.* VI, 43, 3 от 531 г.) цена простых взрослых рабов доходила до 20 номисм, ремесленников — до 30, рабов, выполняющих более квалифицированные работы (писцы и врачи), — до 50–60 номисм. В первой половине

император, издав запрет своим подданным взимать ростовщический процент и тем самым предоставив лишь государству право получать прибыль от кредита, принудил богатых судовладельцев Константинополя брать займы у государства в размере 12 фунтов золота, беря с каждой номисмы по 4 кератия, т.е. $16 \frac{2}{3}\%$ ¹. Несмотря на то что ростовщичество противоречило нравственному чувству людей Средневековья, запрет на взимание процента, который вводили Никифор I и, например, Василий I, был в Византии чрезвычайно редким явлением. Потребности высокоразвитой византийской денежной экономики были сильнее морализаторства, и ростовщичество было широко распространено в Византии во все времена. Впрочем, запрет на взимание процента Никифора I, трезвомыслящего государственного деятеля, служил не идеальным целям: исключив частную инициативу, он сделал ростовщичество монопольным правом государства и, назначив чрезвычайно высокую процентную ставку, нашел новый источник для пополнения государственной казны².

VII в. (согласно житию Иоанна Милостивого, р. 44 по изд. Г. Гельцера) квалифицированные рабы продавались в Иерусалиме по 30 номисм. Русско-византийский договор 911 г. устанавливает для рабов, ввозимых с Руси, цену в 20, а менее выгодный для русских договор 944 г. за молодых пленников обоего пола — 10 номисм (ПСРЛ 1², стб. 36, 50; нем. перевод: *Trautmann R. Die Nestorchronik. S. 22, 32*). О положении рабов в Византии вообще см.: *Hadjinicolaou-Marava A. Recherches sur la vie des esclaves dans le Monde Byzantin. Athènes, 1950. P. 89 sv.*, где делается попытка предложить обобщающее исследование истории рабства в Византии. См., впрочем, критику А.П. Каждана (ВДИ. 1952. Вып. 4. С. 121 сл.). См. далее важные работы: *Каждан А.П. Рабы и мистии в Византии IX–XI вв. // Ученые записки Тульского государственного педагогического института. 1951. С. 63–84; Сюзюмов М.Я. О правовом положении рабов в Византии // Ученые записки Свердловского государственного педагогического института. 1955. С. 165–192; Браунинг Р. Рабство в Византийской империи (600–1200 гг.) // ВВ 14 (1958). С. 38–55.*

¹ С интерпретацией этой меры у Кассиматиса (*Cassimatis G. La dixième "vexation" de l'empereur Nicéphore // Byz 7 (1932). P. 149–160*), который следует за Бёри (*Bury. Eastern Roman Empire. P. 216–217*), я не могу согласиться и в основном следую за следующими авторами: *Monnier. Épibolé 19. P. 87 sv.; Stein. Studien. S. 156–157; Dölger. Regesten, 378; Bratianu. Études byzantins. P. 208 sv.* Ср. мои возражения Кассиматису и Бёри в: *Löhne und Preise in Byzanz // BZ 32 (1932). S. 308, Anm. 4; Ibid. S. 308–311*: сведения о ставке кредита и ростовщичестве в Византии. Более подробно в: *Cassimatis G. Les intérêts dans la législation de Justinien et dans le droit byzantin. Paris, 1931.*

² Согласно юстинианову праву (*Cod. Just. IV, 32, 26*), лицам высокого ранга позволялось взимать только 4 % (*trientes usurae*), торговцам 8 % (*besses usurae*),

Весьма важные распоряжения императора Никифор издал для укрепления системы обороны, основу которой с VII в. составляли посаженные на землю стратиоты. Сведения X в. сообщают, что имение солдата (стратиота), которое представляло собой основу его жизнеобеспечения, должно было оцениваться не менее чем в 4 фунта золота, поскольку стратиот, будучи призван в армию, должен был явиться с конем и полным вооружением. Поскольку, по всей видимости, не существовало достаточного числа крестьян-стратиотов, которые имели во владении такой надел, то Никифор заставил исполнять воинскую службу и более бедных крестьян, на снаряжение которых деревенская община была обязана ежегодно платить 18,5 номисм¹. Согласно этому распоряжению, земельное владение предписанной ценности не обязательно должно было представлять собой единое имение одного лица, но вполне могло делиться между несколькими крестьянами, из которых один проходил воинскую службу, а другие сообща несли бремя финансовых расходов по его вооружению. Также в случае, если стратиот беднел и более не мог самостоятельно обеспечить собственное снаряжение, возможность распределения финансового бремени между общинниками обеспечивала государству защиту от снижения обороноспособности. Эта система играла для поддержания численности вооруженных сил ту же роль, что и система аллиленгия для обеспечения поступления налогов.

Согласно сообщениям X в., бойцы военно-морских сил, как и сухопутные воины, имели земельные наделы, служившие для них экономической основой. Создание таких наделов, вероятно, и было целью тех мер Никифора, которые Феофан описывает как его девятое

всем остальным 6% (*semisses usurae*); также и государство могло брать лишь 6% (*Cod. Just. X, 8, 3*). Впрочем, даже официально признанный процент претерпел со временем повышение из-за того, что, не порывая с юстиниановым правом, но приспособляясь к ходячей монете, при Льве VI (*Novella 83*), в качестве *trientes usurae* стали считать 1 кератий с номисмы, т.е. вместо 4% — 4 1/6%, а в XI в. просили (согласно Пире, XIX, 1) в качестве *trientes usurae* — 4, *semisses usurae* — 6 и *besses usurae* — 8 номисм с фунта золота, т.е. 5,55%, 8,33% и 11,71%. Один фунт золота содержал 72 золотых номисмы; 1 золотая номисма — 12 серебряных милиарисиев, или 24 кератия; 1 милиарисий — 24 медных фоллиса.

¹ *Theophanes*. P. 486.24: προσέταξε στρατεύεσθαι πτωχοὺς καὶ ἐξοπλίζεσθαι παρὰ τῶν ὁμοχωρῶν, παρέχοντας καὶ ἀνὰ ὀκτωκαίδεκα ἡμίους νομισμάτων τῷ δημοσίῳ. Ср.: *Glykatzi-Ahrweiler*. *Recherches*. P. 19–20.

злодеяние: моряков прибрежных областей, особенно в Малой Азии, которые никогда не занимались земледелием, император принудил приобрести за назначенную им цену земельные участки конфискованных имений¹. Здесь, конечно же, идет речь о создании первых матросских имений²: чрезвычайно важная мера для византийского военно-морского флота. В первую очередь она касалась морских солдат фемы Кивирреотов.

Далее, Никифор предпринял меры по выведению колоний, которые должны были служить обороне областей, подвергавшихся наибольшей опасности. Так, он заставил жителей малоазийских фем продать свои владения и переселил их в «Склавинии», т.е. на славянизированный Балканский полуостров, где поселенцы, без сомнения, получили новые земли и должны были нести воинскую службу в качестве стратиотов. Эта мера, о которой Феофан сокрушается более всего, имеет свою опору в методах колонизационной политики двух предшествующих веков. В целом же политика Никифора отнюдь не имела характера переворота. Прежде всего он, стремясь устранить промахи и упущения своих предшественников, основательно оздоровил обстановку и если и вводил новые постановления, эти последние отнюдь не выходили за рамки традиционной византийской государственной политики. С большой проницательностью он прежде всего обратил свой взор на два столпа византийского государства: финансы и армию. Без сомнения, хотя подчас и насильственными мерами, он значительно повысил финансовые возможности государства. Его многосторонняя деятельность в этой области дает возможность рассмотреть методы византийского финансового управления и дает

¹ *Theophanes*. P. 487.16: τοὺς τὰ παραθαλασσίας οἰκοῦντας, μάλιστα τῆς Μικρᾶς Ἀσίας, ναυκλήρους μηδέποτε γηπονικῶς ζήσαντας, ἄκοντας ὠνεῖσθαι ἐκ τῶν καθαρπαγέντων αὐτῶ κτημάτων, ὡς ἂν ἐκτιμηθῶσι παρ' αὐτῶ.

² С моей точки зрения правильную интерпретацию этого долго бывшего непонятным места дал уже Ф.И. Успенский (История Византийской империи. Т. 2. С. 239–230). Лемерль, следуя своей теории позднего происхождения солдатских наделов, недавно оспорил правильность этой интерпретации (*Lemerle. Histoire agraire*. Vol. 219. P. 73, n. 2), не предложив, впрочем, другого убедительного толкования. В угоду своей теории он там же отрицает, что рассмотренная ранее мера предполагает наличие солдатских наделов у крестьян-стратиотов, которые не являлись «бедными», т.е. не причислялись к πτωχοί, и вооружались не за счет общинников, а покрывали самостоятельно расходы на свое вооружение.

картину высокого развития византийской денежной экономики в самый темный период Средневековья. Без сомнения, он также значительно усилил имперскую армию: ее касались наиболее оригинальные решительные мероприятия бывшего министра финансов.

Мероприятия колонизационной политики Никифора также имели особое значение в том смысле, что они касались славянизированных областей Балканского полуострова, а именно и прежде всего — граничащих с Болгарией областей Фракии и восточной Македонии¹. Большие славянские вторжения VI и VII вв. принудили Византийскую империю по большей части оставить свои позиции на всей территории Балканского полуострова, и с тех пор славянское наводнение все больше прибывало: согласно высказыванию Константина Багрянородного, Пелопоннес в середине VIII в. представлял собой варварскую славянскую страну². Впрочем, с конца VIII и в начале IX столетия начинается медленный, но непрерывный обратный процесс. При императрице Ирине Византия предпринимает большой поход против славян в Греции: в 783 г. логофет Ставракий с сильным войском направляется в область Фессалоники, затем идет в Грецию и на Пелопоннес и принуждает тамошние славянские племена признать византийскую власть и взять на себя уплату дани. После возвращения из своего успешного похода Ставракию было позволено справить на ипподроме триумф: столь высоко было значение, которое придавалось в Византии его победе над славянскими племенами в Греции³. Однако уже в последние годы VIII в. славяне Греции под предводительством вождя племени велегезитов принимали участие

¹ Уже Хопф (*Hopf. Geschichte. Bd. I. S. 98–99*) и Васильев (Славяне в Греции // ВВ 5 (1898). С. 422) предположили, что малоазийские стратиоты были поселены также в наводненной славянами Греции. Подробнее и с большей определенностью это мнение излагает Харанис (*Charanis P. Nicephorus I. The Saviour of Greece from the Slavs // Byzantina-Metabyzantina 1 (1946). P. 76–95*). См., впрочем, веские возражения Кириакидиса в: Βυζαντινὰ Μελέται 6. Σ. 7 сл. Ср. тж.: ВИИНЖ. Т. I. С. 235, прим. 67.

² De thematibus. Cap. 6.33 (ed. Pertusi): ἐσθλαβῶθη δὲ πᾶσα ἡ χώρα καὶ γέγονε βάρβαρος. Весьма показательным также является сообщение из Жития св. Виллибальда (*Vita S. Willibaldi // MGH SS. XV. P. 93*), согласно которому св. Виллибальд, епископ Айхштетта (ок. 723–728), по пути в Палестину остановился в Монемасии и убедился там, что этот город находился в «славянской стране» (in Slawina terra).

³ *Theophanes. P. 456–457.*

в заговоре против императрицы Ирины в пользу удерживаемых в заключении в Афинах сыновей Константина V¹, а в начале IX в. славяне Пелопоннеса подняли крупное восстание. Они разграбили окрестности, а затем в 805 г. предприняли крупное нападение на Патры². Осада города была исключительно упорной, однако завершилась поражением славян, что население Патр приписывало чудесному вмешательству апостола Андрея — так же, как в свое время спасение Фессалоники приписывалось помощи св. Димитрия. Тогда император приказал приписать не только всю военную добычу, но также и покоренных славян вместе с их семьями к церкви Св. Андрея в качестве крепостных, так что они теряли не только свою самостоятельность, но и гражданскую свободу. Тем не менее славяне на Пелопоннесе и дальше продолжали создавать проблемы византийскому правительству: племена мелингов и езеритов в Тайгете, с которыми еще в XIII в. пришлось вести тяжелую борьбу франкам, сохраняли свою этническую идентичность вплоть до времени турецкого завоевания³. Несмотря на это, поражение славян при Патрах знаменовало собой важный этап в процессе обратной эллинизации Южной Греции: для самих византийцев это событие было моментом восстановления византийской власти на Пелопоннесе после более чем двухвекового славянского господства⁴.

¹ *Theophanes*. P. 473.

² *De adm. imp.* / Ed. Moravcsik–Jenkins. Cap. 49. P. 228 f.

³ Нам нет нужды подробнее вдаваться здесь в спорный вопрос об этимологии названий этих славянских племен. Георгакас (*Georgacas D.J.* *The Mediaeval Names Melingi and Ezeritae of Slavic Groups in the Peloponnesus* // *BZ* 43 (1950). P. 301–333), хотя и не сомневается в славянской принадлежности этих племен, однако пожелал предположить — естественно, ошибочно — их греческое происхождение, в том числе даже езеритов. См. верную критику Грегара (*Grégoire H.* в *Byz* 21 (1951). P. 247–250, 280; *L'étymologie slave du nom des Melingi et des Ezerites* // *Nouvelle Clio* 4 (1952). P. 293 sv.). См. теперь: *Ahrweiler-Glykatzis H.* *Une inscription méconnue sur les Mélingues du Taygète* // *Bulletin de correspondance hellénique* 86 (1962). P. 1–10, где доказывается, что существование славянского племени мелингов продолжалось вплоть до XIV в.

⁴ Согласно «Монемвасийской хронике», Пелопоннес на протяжении 218 лет находился под славянским владычеством, а именно — с шестого года правления Маврикия (587) до четвертого года правления Никифора (805), когда была вновь восстановлена византийская власть: Βέης Ν. Τὸ περὶ τῆς κτίσεως τῆς Μονεμβασίας χρονικόν // *Βυζαντίς* 1 (1909). Σ. 73 κ.έ. Те же самые данные приводит схолия Арефы за 932 г.: *Κουγέας Σ.* *Ἐπὶ τοῦ καλουμένου χρονικοῦ «Περὶ τῆς κτίσεως τῆς Μονεμβασίας»* //

Постепенное укрепление византийского господства в некоторых областях Балканского полуострова находит свое наиболее яркое выражение в развитии фемного устройства посредством основания новых фем. Если кто-то желает узнать, какие области на самом деле находились во владении Византийской империи, т.е. не просто номинально признавали византийский суверенитет, но и фактически были подчинены византийскому правительству, он должен установить, как далеко распространялось византийское фемное устройство. Именно это является наиболее надежным мерилем действительных отношений: ведь только там, где существуют фемы, существует и более или менее упорядоченное византийское управление. Фракия и Эллада были единственными фемами, которыми Византия обладала на Балканском полуострове с конца VII в., и это положение сохранялось в течение долгого времени. При этом уже с последних годов VIII в. наряду с Фракией определенно имеется самостоятельная фема Македония, которая, правда, включает не собственно македонскую

Νέος Ἑλληνομνήμων 9 (1912). Σ. 473–480, а также соборное послание патриарха Николая III (1084–1111) императору Алексею I Комнину (*Le Quien. Oriens Christianus*. Т. II. Р. 179). За правдоподобность этих источников высказывается Харанис (*Charanis P.* в BSl 10 (1948). Р. 92 f., 254 f.; On the Slavic Settlement in the Peloponnesus // BZ 46 (1953). Р. 91–103), который правомерно выступает против распространения в современной греческой историографии учения о том, что Пелопоннес не был, как это явствует из источников, в конце VI в. занят славянами, и только лишь после эпидемии чумы в 746 г. славяне в большом количестве оказались там в качестве переселенцев. О проблеме источников «Монемвасийской хроники» см.: *Charanis P.* The Chronicle of Monemvasia and the Question of the Slavonic Settlements in Greece // DOP 5 (1950). Р. 140–166, где воспроизводятся соответствующие места из источников и обсуждается литература по данному вопросу.

Данные литературных источников, в том числе и «Монемвасийской хроники», подтверждаются археологическим и особенно нумизматическим материалом, ср. содержательные рассуждения в: *Bon A.* Le problème slave dans le Péloponnèse à la lumière de l'archéologie // Byz 20 (1950). Р. 13–20 — и его же важную обобщающую работу: *Le Péloponnèse byzantin jusqu'en 1204.* Paris, 1951.

Сеттон (*Setton K.M.* The Bulgars in the Balkans and the Occupation of Corinth in the Seventh Century // *Speculum* 25 (1950). Р. 502 сл.) выдвигает мнение о том, что сведения «Монемвасийской хроники» касательно аваро-славянских вторжений на самом деле относятся к взятию Коринфа оногурскими булгарами в 641–642 гг. и что византийское господство здесь было восстановлено во время похода Константа II в 658 г. Харанис (*Charanis P.* в *Speculum* 27 (1952). Р. 343 f.) обоснованно отвергает эту гипотезу. Ср. тж.: *Dölger F.* в BZ 45 (1952). S. 218. Сеттон (*Speculum* 27 (1952). Р. 351 сл.) пытается отстоять свою теорию.

область, а территорию западной Фракии¹. Примерно в это же время была основана и фема Пелопоннес². Самое позднее в первые годы IX в. возникает фема Кефаллиния, которая включает в себя Ионические острова³. В начале IX в., по всей вероятности, Фессалоника и Диррахий, важнейшие опорные пункты византийской власти на Эгейском и Адриатическом побережье, вместе со своими окрестностями организуются в особые фемы⁴. Несколько позднее фемное управление вводится в эпирских землях посредством образования фемы Никополя, а организация фемы Стримон связывает фему

¹ Впервые Македония в качестве самостоятельной фемы упоминается под 802 г.: *Theophanes*. P. 475.22. Как показывает Лемерль (*Lemerle. Philippes*. P. 122–123), основание этой фемы приходится на время между 789 и 802 гг. Сообщения арабских географов, согласно которым Константинополь с окрестностями в IX в. также составлял особую фему (ср.: *Gelzer. Themenverfassung*. S. 86 сл.; *Bury. Eastern Roman Empire*. P. 224), кажется, являются ошибочными; ср.: *Grégoire H. Le thème byzantin de Tafla-Tablan* // *Nouvelle Clío* 4 (1952). P. 388–391.

² Стратиг Пелопоннеса в качестве такового впервые встречается в 812 г.: *Scriptor incertus de Leone Armenio*. P. 336. Тем не менее фема Пелопоннес возникла не после поражения славян под Патрами в 805 г., как это предполагалось ранее, а уже существовала во время славянского нападения на Патры, как это явствует из текста *De administrando imperio* (ср. 49, 13); не является невероятным, что ее основание последовало вскоре после похода в Грецию логофета Ставракия; ср.: *Острогорски Г. Постапак тема Хелада и Пелопонез* // *ЗРВИ* 1 (1952). С. 64–75.

³ Стратиг Кефаллинии впервые упоминается под 809 г.: *Einh. Annal.* // *MGH SS*, I. P. 196–197. — Дворник (*Dvornik. Légendes*. P. 12) переносит создание фемы Кефаллинии в VIII в., ссылаясь при этом на один моливдовул, который опубликовал Панченко (Каталог моливдовулов // *ИРАИК* 13 (1908). С. 117), датировав его VII–VIII вв. Впрочем, чтение Панченко $\sigma\tau\rho[\alpha\tau]\eta\gamma\upsilon\phi\ \text{Κε}[φα]\lambda[\eta\nu(ιας)]$ является совершенно ненадежным, а его объяснения (там же, с. 118) не слишком убедительными.

⁴ Стратиг фемы Фессалоника впервые упоминается под 836 г. в житии Григория Декаполита (ed. *Dvornik*. P. 36, 62–63), стратиг фемы Диррахий — в составленном между 845 и 856 гг. Тактиконе Успенского (с. 115). Правдоподобным является предположение Дворника (*Dvornik. Légendes*. P. 9), что фема Фессалоника возникла при Никифоре I. Впрочем, создание фемы Диррахий Дворник (*Dvornik. Légendes*. P. 12) отодвигает во времена Теофила. Скорее, следует предполагать, что создание обеих фем приходится на одно и то же время. — Ферлуга (*Ferluga J. Sur la création du thème de Dyrrachium* // XIIe Congrès International des Études byzantines. Résumés des communications. Belgrad–Ochrid, 1961. P. 32) недавно указал на письмо Феодора Студита (PG 99. Ep. II. № 157), которое, как кажется, доказывает, что фема Диррахий существовала уже при жизни Феодора, т.е., во всяком случае, до 826 г. Ферлуга также считает возможным отнести ее создание ко времени Никифора I.

Фессалоника с фемами Фракия и Македония. Наконец, во второй половине IX в. возникает фема Далмация, которая включает в себя далматинские города и острова. Развитие фемного управления на Балканском полуострове является выражением постепенного восстановления византийской власти на территории Балкан, с которой она оказалась вытесненной славянскими вторжениями. Это демонстрирует нам продвижение и одновременно пределы отвоевания византийцами этих территорий и сопровождавшей их повторной эллинизации. Постепенно где более широкой, где более узкой полосой Византия смогла охватить своими фемами практически все прибрежные территории. В прибрежных областях, которые были доступны для ее военно-морских сил и были богаты старыми городами и гаванями, Империя вновь установила свое господство и свою систему управления. На этом, правда, успехи византийской реконкисты закончились: внутренние земли Балканского полуострова и дальше оставались вне поля ее досягаемости.

Переселение малоазийских стратиотов в область Склавиний явилось этапом в процессе укрепления византийских позиций на Балканах. Одновременно оно обуславливалось предстоящей войной с Болгарией. Не будучи изначально солдатом, Никифор I тем не менее вел войну с большой энергией и неоднократно лично выступал во главе войска. Выплату дани Халифату, которую позволила наложить на себя Ирина, он прекратил сразу по своему вступлению на престол. Однако силы Империи на Востоке были расстроены гражданской войной, которую вызвало возвышение назначенного летом 803 г. главнокомандующим всеми малоазийскими фемами Вардана Турка. Арабы вновь начали вторжения на территорию Империи, а в 806 г. Харун ар-Рашид явился с огромной армией, взял несколько крепостей на границе, занял Тиану и послал крупный отряд в область Анкиры. Император был вынужден просить мира, согласился на выплату дани и, кроме того, взял на себя унижительное обязательство каждый год выплачивать халифу за себя и за своего сына по три золотых монеты подушного налога¹. Между тем, однако, Харун умер (809), и разразившиеся вслед за этим в Халифате волнения доставили Империи с этой стороны облегчение. Центр тяжести византийской внешней политики все более стал смещаться на Балканы.

¹ *Theophanes*. P. 482.14; *Dölger*. Regesten, 366.

Уничтожение державы аваров Карлом Великим освободило от аварского ига в том числе и паннонских болгар. Держава болгар благодаря этому усилила свое могущество и выросла территориально: на Тисе она соприкоснулась с державой франков. На болгарский престол в Плиске вступил Крум, вождь паннонских болгар, прирожденный воин, жадный до войн и завоеваний, вскоре ставший наводить ужас на византийцев. В качестве дамба против державы болгар Византия воздвигла оборонительную линию, важнейшими пунктами которой были Девельт, Адрианополь, Филиппополь и Сердика. Однако в 809 г. Сердика подверглась нападению Крума, который разрушил крепость и перебил гарнизон. Византийский император немедленно вмешался, выступил на Плиску, а затем направился в Сердику, чтобы восстановить это укрепление. Главный контрудар византийцев последовал через два года, проведенных в незаметных приготовлениях, в рамках которых произошло переселение малоазийских стратиотов в славянские области Балкан. Весной 811 г. Никифор I перешел во главе большой армии границу и, не обращая внимание на предложение мира со стороны Крума, выступил на Плиску, разрушил ее и сжег дворец хана. Униженно предложенный мир победоносный император вновь отверг: он был твердо намерен раз и навсегда покончить с державой болгар и последовал за Крумом, который со своими людьми бежал в горы. Здесь, однако, его настиг рок: в горных проходах византийская армия была окружена Крумом и перебита вплоть до последнего человека (26 июля 811 г.). Погиб и сам император, а победоносный хан приказал сделать себе из черепа чашу, из которой он на пирях пил за здоровье своих бояр.

Последствия этой неожиданной катастрофы были неизмеримы. Но еще тяжелее, чем военное поражение, был удар, нанесенный по престижу Византии. Со времен переселения народов, когда в 378 г. император Валент пал в войне с вестготами при Адрианополе, ни один византийский император не оказывался жертвой варваров. Византия, превосходство которой в достаточной мере доказало начало войны, лежала простертой ниц, в то время как Крум, который незадолго перед этим молил о мире, оказался славным победителем. Его самоуверенность неизмеримо возросла, а для его страсти к завоеваниям открывались неслыханные перспективы. Для Империи начались тягостные годы, исполненные забот и трудов.

В битве, которая стоила жизни императору Никифору, его сын и престолонаследник Ставракий получил тяжелое ранение, однако с несколькими спутниками смог спастись в Адрианополь и там, в строгом соблюдении принципа легитимности, был провозглашен императором. Этот факт имел лишь формальное и предварительное значение, поскольку на выздоровление Ставракия рассчитывать не приходилось. Окончательное урегулирование вопроса о престолонаследии должно было состояться в Константинополе, куда был перевезен умирающий император для того, чтобы совершить коронацию своего преемника. Естественным претендентом на престол был куропалат Михаил Рангавé, ближайший родственник (муж сестры) бездетного императора, и за его провозглашение ходатайствовали как соратники императора, так и патриарх Никифор. Впрочем, этому решению воспротивилась супруга императора, афинянка Феофано, которая по примеру Ирины считала себя способной самой принять бразды правления. В то время как Ставракий, опасаясь тяжелых осложнений¹, колебался в принятии решения, столицей овладевало все большее возбуждение. Состояние междоусобицы казалось в это время близящихся внешнеполитических угроз более невыносимым, чем когда-либо, и как никогда необходимым представлялось восстановление нормального положения. Решение, которого невозможно было достичь законным путем, принес государственный переворот: 2 октября войско и сенат провозгласили Михаила Рангаве императором, а несколько часов спустя он был венчан на царство патриархом Никифором в соборе Св. Софии. Поставленный перед свершившимся

¹ *Theophanes*. P. 492.25: ὁ δὲ Σταυράκιος ἀνιάτως ὀρώων ἑαυτὸν διακείμενον τῇ γαμέτῃ τὴν βασιλείαν ἐσπούδαζε περιποιήσασθαι, ἢ δημοκρατίαν ἐγεῖραι Χριστιανοῖς ἐπὶ τοῖς προλαβοῦσι κακοῖς. Это место изначально понималось в том смысле, что Ставракий думал о введении демократии по афинскому образцу (см., например: *Bury*. *Eastern Roman Empire*. P. 18; *Bratianu*. *Privilèges*. P. 50 sv.). На самом деле в нем лишь говорится, что умирающий император опасался, что амбиции его супруги могли вызвать в добавление ко всем прочим бедствиям еще и гражданскую войну или же восстание димов. После одного указания Ф. Дёльгера, который первым увидел истину, Братиану также признал это единственно правильное толкование (*Bratianu* *G. Empire et "démocratie" à Byzance // BZ 37 (1937)*. P. 88, n. 3 (= *Idem*. *Études Byzantines*. 1938. P. 97, n. 4)). Кроме того, недавно Марик (*Maricq*. *Partis populaires*. P. 70 sv.) на основании прежде незамеченного пассажа из «*Origines*» Псевдо-Кодина показал, что политические выступления димов в то время еще вполне были возможны.

фактом, Ставракий отрекся и принял монашескую схиму, однако еще три месяца боролся со смертью.

Михаил Рангаве (811–813)¹ оказался слабым правителем. Он легко подчинялся влиянию более сильных личностей и не обладал смелостью для проведения непопулярных мер, которой отличался император Никифор. Политика экономии прекратилась, при любой возможности император делал денежные раздачи войску, двору и прежде всего клиру. Михаил I был ревностным иконопочитателем и верным служителем Церкви. При нем православие накануне нового этапа иконоборчества переживало свои лучшие дни. Студиты были возвращены из ссылки и примирились с церковноначалием после того, как михианский спор был разрешен в их смысле посредством отмены соборного постановления 809 г. и нового отлучения священника Иосифа. Безграничным стало влияние Феодора Студита, выдающаяся энергия и неутомимая деятельность которого подавляли слабого императора. Даже в делах войны и мира все решал голос великого настоятеля студитов.

По отношению к западной империи позиция византийского правительства коренным образом изменилось. Никифор I ничего не хотел слышать о претензиях Карла Великого на императорский титул, более того, он зашел настолько далеко, что запретил патриарху Никифору отправлять папе обычные синодики². Таким образом, он занял непримиримую позицию не только по отношению собственно к своему сопернику, но также и к стоящему за его спиной папе Римскому. Между тем могущество Карла Великого непрестанно росло и начало распространяться на византийские

¹ Михаил Рангаве оказывается первым византийским правителем, который носит прозвище (фамильное имя). Его наличие является признаком возникновения семей магнатов, древнейшие из которых, как, например, Мелиссины, появляются уже в середине VIII в. Имя «Рангаве», впервые встречающееся в конце VIII в. (ср.: *Theophanes*. P. 454.19: Θεοφύλακτος, ὁ τοῦ Ραγγαβῆ, δρουγγάριος τῆς Δωδεκανήσου — предположительно отец Михаила I), было предложено выводить из славянского языка и считать грецизированным вариантом слова «рѣжавъ» (что, впрочем, приходится реконструировать путем натянутых аналогий), которое могло бы означать «большерукий, рукастый» (см.: *Grégoire H.* в *Byz* 9 (1934). P. 793–794).

² Согласно Феофану (р. 494.22), патриарх Никифор лишь в 812 г. направил с согласия императора Михаила I синодик папе Льву III: πρὸ τοῦτου γὰρ ἐκωλύετο ὑπὸ Νικηφόρου τοῦτο ποιῆσαι.

владения. После того как уже в правление Ирины Карл подчинил Истрию и несколько далматинских городов, молодой король Пипин принял под свой скипетр и Венецию (810). Карл обладал теперь средством, которое не могло не оказать давления на ослабевшую в то время Византию. В обмен на возвращение отнятых территорий правительство Михаила I выразило готовность признать императорское достоинство Карла Великого: в 812 г. византийские послы приветствовали Карла в Ахене как василевса. Не только практически, но и теоретически теперь существовало две Империи¹. Впрочем, хотя правитель франков и был признан императором, однако не римским (правда, и сам Карл всегда осознанно избегал именоваться императором римлян)². Этот титул византийцы удержали только за собой, тем самым подчеркивая разницу между западным императором и единственным подлинным римским императором в Константинополе. Тем не менее связь с римской идеей становится сутью средневековой западноевропейской империи, и как Византия во все времена считала себя Римской империей (несмотря на то что до IX в. это редко находило свое выражение

¹ Бёри (*Bury. Eastern Roman Empire. P. 325*) придерживался того мнения, что акт 812 г. означал возвышение Карла Великого до статуса соправителя византийского императора и, не нарушая идеи единства Империи, восстанавливал положение, существовавшее в IV–V вв., когда обычно коллегиально правили два императора — один на Востоке и один на Западе. Авторитет Бёри обеспечил этому мнению признание. Впрочем, теперь обстоятельства были во всех отношениях иными, чем в позднеримское время, и мнение Бёри уже потому является неприемлемым, что совместное правление, как оно существовало в IV–V вв., своим условием имело подтверждение со стороны старшего по положению правителя, в то время как ни преемники Карла Великого не получали подобного подтверждения от византийских императоров, ни тем более эти последние от них. Подтверждение, которое Людовик Благочестивый в 814 г. получил от Льва V на имя Карла Великого, а в 815 г. — на собственное имя, касалось не восшествия на престол Людовика Благочестивого, но представляло собой документальную фиксацию высказанного в 812 г. признания западной империи; то, что в 815 г. на имя Людовика Благочестивого был издан равнозначный документ, сам Бёри рассматривает как «*punctiliousness of the diplomatic forms*» («педантизм дипломатических форм»). Напротив, является весьма существенным, что в 813 г. Карл посредством коронации Людовика по византийскому образцу поставил себе соправителя: одного этого факта достаточно, чтобы признать ошибочность мнения Бёри. Ср. тж. правильные возражения Дёльгера (*Dölger. Byzanz und die europäische Staatenwelt. S. 307 и Anm. 42*).

² Ср. приведенную в главе 5 литературу.

в императорской титулатуре)¹, так и западная империя посредством папства была связана с Римом, хотя связь с римской идеей нашла окончательное выражение в соответствующей титулатуре только во времена Оттонов². Так с возникновением и признанием второй империи было подвергнуто сомнению единоличное право Византийской империи на римское наследие. Впрочем, распад державы Каролингов и новое усиление Византийской империи дали последующим правителям Византии возможность не обращать внимания на высказанное в 812 г. признание западной империи и рассматривать его как не имевшее места.

Тот факт, что Никифор I отказал Карлу Великому в признании, в то время как Михаил I признал его, следует возводить не только к личным качествам обоих правителей, но прежде всего к изменению обстановки, которое наступило после катастрофы 811 г. Непосредственная опасность, которая угрожала Балканам, лишила Византийскую империю возможности позволить себе конфликт с Западом. Весной 812 г. Крум захватил крепость Девельт на Черном море, разрушил ее и по примеру византийцев увел ее жителей в свою страну. Сопровождение со стороны византийцев было не просто слабым — население

¹ Тезис Штайна (*Stein E. Zum mittelalterlichen Titel „Kaiser der Rhomäer“ // Forschungen und Fortschritte 6 (1930). S. 182–183*) о том, что титул βασιλεὺς Ῥωμαίων в Византии впервые появляется при Михаиле I и является следствием признания за Карлом титула просто василевса, нуждается в некоторых оговорках, учитывая обнаруженные со времен Штайна примеры употребления этого титула в более ранние времена; см. особ. императорские печати в: *Lichačev N. Sceaux de l'empereur Léon III l'Isaurien // Byz 11 (1936). P. 469–482* (с дополнением А. Грегуара. *Ibid.* P. 482); *Laurent V. Note de titulature byzantine // EO 38 (1939). P. 355–362 (Idem. Βασιλεὺς Ῥωμαίων, l'histoire d'un titre et le témoignage de la numismatique // Cronica numismatică și arheologică 15 (1940). P. 198–199*). Впрочем, и в самом деле титул «василевс» до 812 г. редко встречается с прибавкой Ῥωμαίων, в то время как после 812 г. он редко встречается без этой прибавки, так что титул βασιλεὺς Ῥωμαίων постепенно вытеснил титул просто василевса. Это, конечно, не было случайностью, и можно только согласиться с Дёльгером, когда он подчеркивает (*BZ 37 (1937). S. 579*), что византийцы «хотя время от времени и использовали титул βασιλεὺς Ῥωμαίων до 812 г., однако лишь после 812 г. с большей последовательностью и демонстративной настойчивостью стали его подчеркивать и сохранили вплоть до конца существования Империи». Ср. тж. его же заметки: *BZ 37 (1937). S. 133–135* и особ. *BZ 40 (1940). S. 518–520*.

² *Schramm P.E. Kaiser, Rom und Renovatio, I. Leipzig u. Berlin, 1929. S. 12 f. и 83–84.*

нескольких соседних пограничных городов пустилось в бегство. Крум предложил мир правительству Империи, причем свои условия облачил в форму ультиматума; поскольку Византия тянула с их принятием, он занял важный портовый город Месемврию (начало ноября 812 г.), в котором ему наряду с большим количеством золота и серебра попали в руки запасы греческого огня. В то время как часть императорских советников во главе с патриархом Никифором, разделяя мнение императора, выступила за принятие условий мирного договора, другие советники, выразителем позиции которых был студийский игумен Феодор, выступили за более энергичное ведение войны. Победила точка зрения игумена студитов, и в июне 813 г. большое византийское войско встретилось с наступающими ордами Крума близ Адрианополя при Версиникии. Простояв длительное время в нерешительности на-против болгар, 22 июня стратиг Фракии и Македонии напал на врага. Однако за ним не последовали малоазийские отряды, возглавляемые стратигом Анатоликов Львом Армянином, которые, наоборот, начали неожиданно отступать. Если двумя годами ранее участь византийцев определила судьба, то теперь Крум был обязан своей победой неудовлетворительному командованию и прежде всего отсутствию среди византийцев внутреннего единства. Положение православного императора Михаила Рангаве пошатнулось из-за понесенного им тяжелого поражения, и тем самым была подготовлена почва для переворота и возрождения иконоборчества. 11 июля 813 г. Михаила свергли и на престол был возведен Лев Армянин.

7. Иконоборческая реакция

Общая литература: *Bury*. Eastern Roman Empire; *Vasiliev*. Byzance et les Arabes. Vol. I; *Schwarzlose*. Bilderstreit; *Ostrogorsky*. Bilderstreit; *Martin E.J.* A History of the Iconoclastic Controversy. London, 1930; *Луниниц*. Очерки. С. 203 сл.; *Доброклонский А.* Преподобный Феодор, исповедник и игумен студийский. Т. 1–2. Одесса, 1913–1914; *Alexander*. Patriarch Nicephorus; *Grabar*. Iconoclasmе.

Лев V Армянин (813–820) был ставленником тех малоазийских кругов, которые отличались боевым духом и иконоборческими настроениями. Так же, как и Лев III, Лев V происходил с Востока; так же,

как и тот, перед своим восхождением на престол он был стратигом фемы Анатоликов. Великие полководцы и иконоборцы Лев III и Константин V служили для него образцом. Его программа заключалась в восстановлении военного могущества Империи и возрождении иконоборческого движения. Для него и его приверженцев не было ни малейшего сомнения в том, что военные неудачи предшествующих царствований явились следствием иконопочитания.

Первыми на повестке дня стояли военные задачи, поскольку после победы при Версиникии Крум перешел в большое и стремительное наступление: он осадил Адрианополь и за несколько дней до вступления на престол Льва V появился со значительной частью своего войска перед воротами византийской столицы. Впрочем, перед стенами Константинополя, о которые разбились даже атаки арабов, Крум оказался бессилён. Тогда он попросил императора о проведении личных переговоров с целью установления условий мира. Во время этих переговоров, на которые Крум, полагаясь на слово византийского императора, явился безоружным, византийцы совершили на него коварное нападение, которого он смог избежать только благодаря присутствию духа и молниеносному бегству. Возмущенный правитель болгар опустошил за это все окрестности византийской столицы, а затем вступил во взятый измором Адрианополь и приказал депортировать население города и соседних деревень в области за Дунаем. Тем не менее императору удалось одержать одну победу в окрестностях Месемврии (осень 813 г.), однако уже весной следующего года Крум вновь предпринял марш на Константинополь. Судьба избавила Византию от грозящей ей опасности: как в свое время Атиллы, Крум внезапно умер от кровоизлияния (13 апреля 814 г.).

После кратковременного периода междоусобицы¹ у болгар появился еще один значительный правитель в лице Омуртага. Однако он направил свою деятельность прежде всего на расширение болгарской власти в северо-восточном направлении и на внутреннюю консолидацию своей державы. С Византией он заключил мир на 30 лет, который, естественно, принес болгарам ощутимые выгоды. С территориальной точки зрения в сущности было восстановлено положение

¹ После Дукума и Дицевга, которые правили краткое время. См. статью В. Бешевлиева о наследниках Крума: Годишник на Софийския Университет 32, 9 (1936). С. 1 сл.

времен Тервеля: граница, деля Фракию между двумя государствами, должна была пройти вдоль так называемого большого девельтского вала вплоть до Макроливады, т.е. между Адрианополем и Филиппополем, а оттуда к северу через Балканские горы¹. После драматических событий недавнего времени на византийско-болгарской границе установилось на долгое время ничем не нарушаемое спокойствие. Также и со стороны Халифата, который со времени смерти Харуна ар-Рашида пребывал в состоянии внутренней смуты, Империи было нечего опасаться.

Состояние мира Лев V использовал для того, чтобы перейти к реализации своих иконоборческих планов. Как только ситуация после смерти Крума улучшилась, он дал ученому Иоанну Грамматiku, предводителю нового иконоборческого движения, задание собрать богословский материал для предстоящего иконоборческого собора. Против иконоборческих планов императора объединились теперь враждующие партии Православной Церкви. Патриарх Никифор оказался в первых рядах борцов со вновь разгоревшимся пламенем иконоборчества вместе со своим прежним противником Феодором Студитом. В многочисленных сочинениях они с пылкой ревностью выступили в защиту почитания икон и решительно воспротивились вмешательству императора в вопросы веры. Еще яснее, чем в VIII в., во второй период иконоборчества выступила на первый план церковно-политическая подоплека: стремление императорской власти подчинить церковную жизнь своей воле и упорное сопротивление, которое Церковь, а особенно ее радикальное крыло, этому стремлению оказывало. Преимущество административного ресурса обеспечивало поначалу победу делу императора. Феодор и многие из его сторонников были вынуждены отправиться в ссылку и претерпеть тяжелые испытания. Никифор был низложен. На патриарший престол в пасхальное воскресенье 1 апреля 815 г. вступил придворный Феодот Мелиссин, который был обязан своим избранием благородному происхождению своей семьи и родству с третьей женой Константина V.

Вскоре после Пасхи под председательством вновь назначенного патриарха в храме Св. Софии был проведен собор, который отменил постановления VII Вселенского Собора в Никее и принял определения иконоборческого собора 754 г. Впрочем, собор подчеркнул,

¹ Ср.: *Runciman. Bulgarian Empire. P. 72–73.*

что он не считает иконы идолами¹, но тем не менее предписал их уничтожение. Это было типично для собора Льва V: по сути дела он придерживался принципов старого иконоборчества, однако в способе выражения кое-что смягчал. Его единственным идейным источником были акты собора 754 г.; он воспроизводил старое иконоборческое учение, но немного разбавлял его, обходя ключевые вопросы посредством размытых формулировок². Как и новое иконоборческое движение в целом, собор 815 г. несет на себе печать беспомощного эпигонства. В то время как иконоборчество Льва III и Константина V было движением большой силы, иконоклазм IX в. представлял собой эпигонскую и реакционную попытку³. Относительно внутренней слабости этой реакции не может ввести в заблуждение даже тот факт, что император посредством имеющейся в его распоряжении государственной власти смог навязать Церкви свою волю и подвергнуть сопротивляющихся жестоким гонениям. Лев V далеко не имел той поддержки, которой обладали императоры-иконоборцы VIII в., и потому ему постоянно приходилось бояться за свое положение. Страх свержения в последние годы правления превратился у него в манию. Однако несмотря на все меры предосторожности, он не смог избежать судьбы: в рождественские дни 820 г. он был убит во время

¹ *Ostrogorsky*. Bilderstreit. S. 51, Bruchstück 17: εἰδῶλα δὲ ταῦτας εἰπεῖν φεισάμενοι.

² В то время как соборные определения 754 г. стараются обосновать иконоборческую позицию с христологической точки зрения посредством пространных доказательств, а с другой стороны сторонники иконопочитания как первого, так особенно и второго иконоборческого периода делают основной акцент на связи вопроса об иконах с христологической догматикой, собор 815 г. разделяется со всей совокупностью проблем одним предложением, делая упрек иконопочитателям в том, что они ἢ συμπεριγράφοντες τῇ εἰκόνι τὸ ἀπειράγραφον, ἢ τὴν σάρκα ἐκ τῆς θεότητος κατὰ τέμνοντες, καὶ τὸ κακὸν διορθοῦμενοι (*Ostrogorsky*. Bilderstreit. S. 50, Bruchstück 14). Только тот, кто был хорошо знаком с соборными актами 754 г., мог догадаться, что это предложение подхватывало выдвинутый там агрессивный и изощренный тезис о том, что иконопочитатели впали либо в монофиситскую, либо в несторианскую ересь.

³ Я должен настаивать на этом суждении, несмотря на иное мнение Александера (*Alexander P.J.* The Iconoclastic Council of St. Sophia and its Definition // DOP 7 (1953). P. 35), тем более что идеи, которые он выставляет в качестве нового учения собора 815 г., представляют собой цитаты из Василия Великого; при этом невозможно утверждать, что иконоборцы IX столетия делали из рассуждений Василия те выводы, которые из них желает извлечь Александер (p. 45).

богослужения перед алтарем Св. Софии сторонниками его бывшего соратника Михаила из Амория.

Михаил II (820–829), основатель Аморийской династии, был грубым солдатом, невежество которого стало у тонких византийцев предметом насмешек. Однако ему также недоставало энергии, разума и чувства меры. Во время его правления в религиозном споре установилось затишье. Преследования иконопочитателей прекратились, изгнанникам во главе с патриархом Никифором и Феодором Студитом было позволено вернуться. Однако, к большому разочарованию православных, несмотря на их неоднократные представления, восстановления иконопочитания не последовало. Михаил II занял отстраненную позицию, не признавая ни Вселенского Собора в Никее, ни иконоборческих соборов, и просто-напросто запретил всякие дискуссии по проблеме иконопочитания. По внутреннему своему настроению император, происходивший из Фригии, давнего оплота иконоборчества, без сомнения, был противником культа икон. Весьма явно это демонстрирует его письмо к Людовику Благодетелю, в котором он жалуется на некоторые злоупотребления в почитании икон¹. Равным образом на это указывает и то обстоятельство, что воспитание своего сына и наследника престола Феофила он доверил иконоборцу Иоанну Грамматику, а после смерти Феодота Мелиссина не призвал вновь на патриарший престол православного Никифора, а поставил на него епископа Антония Силейского, который наряду с Иоанном Грамматиком принимал активнейшее участие в разработке соборных определений 815 г. Таким образом, его сдержанность в меньшей степени проистекала от равнодушия, чем от понимания того, что иконоборческое движение уже выдохлось. Единственный иконопочитатель, против которого выступил Михаил II, был сицилиец Мефодий, который доставил ему письмо с папскими наставлениями в пользу иконопочитания. Мефодий подвергся издевательствам и был брошен в тюрьму, однако не из-за того, что был иконопочитателем, но из-за того, что связь византийских сторонников почитания икон с Римом вызвала недовольство императора.

Центральным внутривосточным событием правления Михаила II была страшная гражданская война, которую развязал Фома,

¹ Mansi. T. XIV. Col. 417 sq.

славянин из Малой Азии, бывший однополчанин Михаила¹. Получивший действительную поддержку со стороны арабов, Фома уже во времена Льва V собрал вокруг себя большую и пеструю толпу сторонников. Арабы, персы, армяне, иверы и другие кавказские племена встали под его знамена. Для дальнейшего распространения этого движения этнически разнородная Малая Азия, в которой в большом количестве жили и славяне, имела подготовленную почву. Большой притягательной силой предприятия Фома обладало также для тех элементов, которые по религиозным мотивам держали обиду на Константинополь, ибо Фома встал на сторону иконопочитателей и даже выдавал себя за незаконно лишенного престола императора Константина VI. Особым же весом обладает в данном случае тот факт, что мятежное движение приобрело социально-революционный характер: Фома выступил защитником бедных, которым он пообещал освобождение от их тягот. Благодаря этому он привел в движение озлобленные материальной нуждой, чрезмерным налоговым бременем и произволом правительственных чиновников народные массы. По словам византийского хрониста, «раб поднял убийственную руку на господина,

¹ В книге: *Vasiliev. Byzance et les Arabes. Vol. I. P. 22 sv.* — можно найти утверждение, что Фома был армянином. Впрочем, это мнение не самого Васильева, который в оригинальном тексте однозначно выступает за славянское происхождение Фома (ср.: Византия и арабы. Т. 1. С. 21; см. тж.: *History. P. 274 сл., особ. п. 131*), а издателя французского переложения его труда. Не вполне понятно, по какой причине из противоречащих друг другу сведений Генесия (рр. 8 и 32: согласно одному из них Фома был армянского происхождения, а согласно другому — «скифского») с такой определенностью и столь безоговорочно была избрана армянская версия, не поддерживаемая ни одним другим источником, и оставлено без внимания однозначное сообщение. Продолжателя Феофана (р. 50) о славянском происхождении Фома. Именно на основании Продолжателя Феофана и его содержательного ответа Генесию (р. 32) Васильев, а до него уже Бёри (*Bury. The Identity of Thomas the Slavonian // BZ 1 (1892). P. 55–59; ср. тж.: Eastern Roman Empire. P. 85 и passim*) видят в Фоме славянина из Малой Азии, и к этому мнению по справедливости присоединяется большинство исследователей. См. сейчас прежде всего: *Ражковић М.* О пореклу Томе, вође устанка 821–823 г. // ЗРВИ 2 (1953). С. 33–38, которая приводит решающие аргументы в пользу славянского происхождения Фома. Ср. тж. важное источниковедческое исследование: *Баришић Ф.* Две верзије у изворима о устанику Томи // ЗРВИ 6 (1959). С. 145–170. Более обстоятельное описание восстания см. в: *Липшиц Е.Э.* Восстание Фома Славянина и византийское крестьянство на грани VIII–IX вв. // ВДИ. 1939. № 1. С. 352–365 и *Липшиц.* Очерки. С. 212 сл.

а солдат — на офицера...»¹ Мятежное движение, в основе которого лежали этнические, религиозные и социальные противоречия, быстро охватило большую часть Малой Азии: из шести малоазийских фем только фемы Опсикия и Армениаков сохраняли верность императору. Фома был венчан на царство Антиохийским патриархом, что не могло произойти без согласия халифа. Поддержка фемы Кивирреотов позволила ему овладеть флотом и предоставила ему возможность переправиться в Европу и собрать под своими знаменами иконоборческое население европейской части Империи. Уже в декабре 821 г. началась осада Константинополя, продолжавшаяся более года; однако во время нее мощь восстания была полностью сокрушена: над плохо организованным движением масс одержали победу превосходящие в военном искусстве силы константинопольского императора. Не в последнюю очередь своим спасением Михаил II был обязан болгарскому хану. Так же, как в свое время Тервель выступил на стороне Льва III против арабов, так теперь Омуртаг, сын самого страшного врага Византии, выступил на стороне Михаила II против мятежного движения Фомы и рассеял его войска. Весной 823 г. Фома был вынужден снять осаду, и все его движение потерпело поражение. Однако только в октябре Фома, с небольшой группой сторонников засевший в Аркадиополе, попал в руки императора и после страшных пыток был казнен.

Михаил II оказался хозяином положения, но из-за гражданской войны, бушевавшей почти три года, Византия оказалась значительно ослаблена. Сверх того, обнаружилось, что расколотое религиозной распрей византийское государство было заражено также и социальной смутой. Если халиф, который всеми средствами поддерживал восстание Фомы, вследствие внутренних осложнений в своей державе не смог предпринять активного нападения на Византию, то Империи грозили большие опасности с других сторон исламского мира. Арабские эмигранты из Испании, которые в 816 г. овладели Египтом и временно утвердили там свое господство, десятилетием позднее захватили Крит². Так Византия потеряла один из наиболее

¹ *Theophan. Cont.* P. 53.15.

² *Vasiliev. Byzance et les Arabes. Vol. I.* P. 49 sv. Установить точное время завоевания Крита не представляется возможным. Попытки датировки, предпринятые в специальной литературе, дают временной промежуток с 823 по 828 г. Специальное исследование Пападопулоса (*Παπαδόπουλος Γ. Η Κρήτη υπό τούς Σαρακηνοὺς (824–961).*)→

значительных стратегических опорных пунктов в Восточном Средиземноморье. Все попытки Михаила II и его преемников отвоевать потерянные владения остались безрезультатными: почти полтора века арабы владели важным островом, чтобы оттуда посредством непрестанных набегов держать в напряжении все окрестные земли. В то же самое время неудача постигла Византию и на Западе: вмешавшись в споры местных византийских военачальников, африканские мусульмане явились в 827 г. на Сицилию. Нападения сарацин на Сицилию были частым явлением с середины VII в., теперь же началось настоящее завоевание острова. Тем самым могущество Византийской империи в Средиземном море, и особенно на Адриатике, было самым серьезным образом подорвано. Неудивительно, что Константин Багрянородный рассматривал время Михаила II как эпоху наиболее значительного упадка византийского влияния на Адриатическом побережье и в славянских землях на западе Балканского полуострова¹. Небрежение флотом, о котором византийцы со времени упадка сильного в военно-морском отношении Омейядского халифата заботились очень мало, привело к горьким последствиям.

В то время как выскочка Михаил II едва мог читать и писать, его сын и наследник Феофил (829–842) имел не только достаточное образование, но и подчеркнутую любовь к искусству и науке. Для Византии это не было чем-то необычным: Юстиниан, племянник необразованного солдата Юстина I, стал одним из образованнейших людей своего времени. На основании таких примеров можно получить представление об образовательном потенциале византийской столицы и высоком интеллектуальном уровне византийской придворной жизни. Однако Феофил был не только восприимчив к культуре византийской столицы, но также и к культурным влияниям, исходившим из дворца халифа в Багдаде. Очарование арабским искусством он, по всей видимости, перенял от своего учителя Иоанна Грамматика; от него же он перенял и ревностное иконоборчество, которое сделало

→ Athen, 1948. (Texte und Forschungen zur byzantinisch-neugriechischen Philologie; 43). Σ. 58 κ.έ.) также, на мой взгляд, не привело к надежному результату. Новейшее исследование истории арабского господства на Крите (*Τωμαδάκης Ν. Προβλήματα τῆς ἐν Κρήτῃ ἀραβοκρατίας* (826–961) // *ΕΕΒΣ* 30 (1960). Σ. 1–38) не останавливается на вопросе о годе падения Крита.

¹ De adm. imp. Cap. 29, 60 (ed. Moravcsik–Jenkins).

его пламенным противником икон. Время его правления было эпохой последнего всплеска иконоборческого движения и одновременно эпохой сильнейшего влияния арабской культуры на византийский мир.

Феофил не был выдающимся правителем, однако он был в высшей степени примечательной личностью. Он был мечтателем, и нечто идеалистическое вполне пробивается в его склонности к иконоборчеству, которое уже клонилось к упадку, так же, как и в его восхищении искусством и культурой арабского мира, лучшие времена которого уже принадлежали прошлому. Несмотря на отвратительные жестокости, которым он предавался в своем религиозном фанатизме, в этом человеке было нечто притягательное, и неудивительно, что вокруг его личности создавались легенды¹. Он хотел быть идеальным правителем, его воодушевляла сильная любовь к справедливости, которую он, однако, проявлял в несколько театральной форме. Подражая «праведному» халифу Харуну ар-Рашиду, он обычно устраивал прогулки по городу, ведя разговоры с самыми бедными и убогими своими подданными и принимая от них жалобы, чтобы затем примерно наказывать виновных, невзирая на их положение и чин.

После распространения фемной организации на Балканском полуострове в конце VIII и начале IX в. при Феофиле, по-видимому, последовало ее дальнейшее распространение на Восток и на отдаленный Север. Возникли новые фемы Пафлагония и Халдия, создание которых имело целью укрепление византийских позиций на Понте: Пафлагония охватывала северо-восточный угол прежней фемы Вукеллариев, а Халдия — северо-восточную часть фемы Армениаков. Затем посредством отделения частично от фемы Армениаков, а частично от фемы Анатоликов были созданы в горной местности на арабской границе три новых военно-административных единицы — названные клисурами (*κλεισούραι* — горные проходы) малые пограничные военные округа Харсиан, Каппадокия и Селевкия, которые в последующем также получили статус фем².

¹ *Diehl Ch.* La légende de l'empereur Théophile // SK 4 (1931). P. 33–37.

² Не только в 803 г. (*Theophan. Cont.* P. 6.15), но и в 819 г. (*Theodorus Studites. Epistolae*, II // PG 99. Col. 1284) в Малой Азии обнаруживаются пять фем (Опсикия, Вукеллариев, Армениаков, Анатоликов и Фракисиев), не считая морской фемы Кивирреотов; в 838 г., напротив, в актах 42 мучеников Аморийских (изд. Васильевский и Никитин. Зап. Имп. АН. VIII сер. VII, 2. С. 65) идет речь о семи, а в 834 г. в Житии

Еще более существенным является то, что во времена Феофила были объединены в фему так называемые Климаты, т.е. византийские города в Крыму, а в Херсонесе, важнейшем из этих городов, был поставлен византийский стратиг. На большой северо-восточной равнине Европы было неспокойно, и как Византия, так и дружественная ей хазарская держава были вынуждены принимать оборонительные меры. Одновременно с введением фемной организации в области Херсонеса византийские архитекторы выстроили по просьбе хазарского кагана крепость Саркел в устье Дона, соорудив тем самым в отдаленных степях памятник византийской строительной техники¹.

В течение всего своего царствования преклонявшийся перед арабским искусством и культурой император Феофил был вынужден вести войны против арабов. Хотя внутренняя борьба и особенно принявшее формы социального протеста мятежное движение секты хуррамитов во главе с персом Бабеком и создали для халифа Мамуна (813–833) большие осложнения, однако в последние годы своего правления он настолько овладел положением, что с 830 г. смог возобновить приостановленную на долгое время войну против Византии. Византия была не в состоянии сконцентрировать все свои силы для войны в Малой Азии, поскольку одновременно должна была вести войну на Сицилии, ибо там арабское завоевание продолжалось, несмотря на все оборонительные усилия, и уже в 831 г. пал Панорм (Палермо). На восточной

императрицы Феодоры (изд. Perель, *Analecta byzantino-russica*. P. 9), которое, по-видимому, причисляет к ним и фему Кивирреотов, о восьми (Никитин в указ соч., с. 244 сл., без нужды предполагает ошибку переписчика в обоих текстах). Поскольку повышенная активность византийской политики в области Понта началась лишь со времени Феофила (см. далее о создании фемы в области Херсонеса), то, пожалуй, основание фем Пафлагония и Халдия (как это предполагал уже Бёри: *Bury. Eastern Roman Empire*. P. 221 f.) приходится на правление Феофила, а не Михаила II. Вопреки Бёри я склонен отнести возникновение клисур на арабской границе также ко времени Феофила, при котором византийско-арабская борьба в Малой Азии разгорелась вновь после длительного затишья. О клисурах вообще см.: *Ферлуга J.* Ниже војно-административно единице тематског уређења // ЗРВИ 2 (1953). С. 76 сл.

¹ De adm. imp. Cap. 42, 24 (ed. Moravcsik-Jenkins); *Theophan. Cont.* P. 122–123. Вопрос о том, какой конкретно народ в то время угрожал хазарской державе и византийским владениям в Крыму, является спорным. См.: *Vasiliev A. The Goths in the Crimea*. Cambridge (Mass.), 1936. P. 108 f., который упомянутые меры византийской и хазарской держав объясняет опасностью, грозившей со стороны русских (там же мнения исследователей прежнего времени).

границе война шла с переменным успехом: то византийцы вторгались на вражескую территорию, и тогда Феофил справлял в Константинополе пышный триумф, то — причем чаще — арабы прорывались вглубь византийских земель, и тогда праздничное настроение императора быстро переменялось и он отправлял посольства, которые приносили халифу богатые дары и делали предложения о мире. Положение стало более серьезным, когда брат Мамуна, халиф Мутасим, преодолев смуты, обычные в державе халифов во время перемены на престоле, в 838 г. предпринял большой поход, который в отличие от прежних нападений был направлен не против приграничных крепостей, а против важнейших центров Малой Азии. Часть огромной армии Мутасима ударила в северо-западном направлении, разгромила в кровавой битве при Дазимоне (Дазмана) армию, которой командовал сам император, и захватила Анкиру. Между тем Мутасим с основной частью войска 12 августа взял приступом Аморий¹. Это событие произвело в Византии ошеломляющее впечатление, ведь Аморий был важнейшей крепостью фемы Анатоликов и, кроме того, родным городом правящего дома. Даже на Западе, в державе франков и в Венеции, император искал помощи против арабов².

Иконоборчество пережило при Феофиле свой последний подъем. В 837 г. предводитель иконоборцев Иоанн Грамматик вззошел на патриарший престол, после чего вновь началось строгое преследование иконопочитателей³. Как и во времена Константина V, борьба с иконами перешла в борьбу с монашеством. Мученичество особого рода выпало на долю братьев Феодора и Феофана из Палестины: им на лбу каленым железом были написаны иконоборческие стихи,

¹ *Vasiliev*. Byzance et les Arabes. Vol. I. P. 144 сл.; *Grégoire*. Michel III. P. 328 sv.; *Bury*. J.B. Mutasim's March through Cappadocia in A.D. 838 // JHS 29 (1909). P. 120–129.

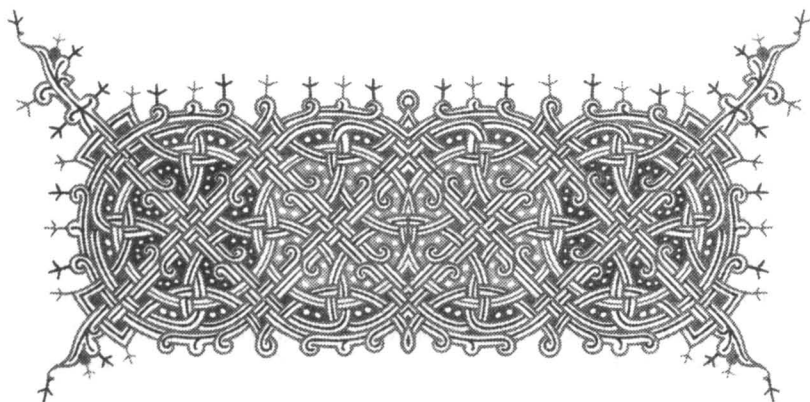
² В связи с посольством к императору Лотарю стоит известное письмо императора из Сен-Дени. См.: *Dölger F.* Der Pariser Papyrus von St. Denis als ältestes Kreuzzugsdokument // *Byzantinische Diplomatie*. Ettal, 1956. S. 204 f.; *Ohnsorge W.* Das Kaiserbündnis von 842–844 gegen die Sarazenen. Datum, Inhalt und politische Bedeutung des „Kaiserbriefes aus St. Denis“ // *Abendland und Byzanz*. Darmstadt, 1958. S. 131 сл.

³ Грюмель (*Grumel V.* Recherches récentes sur l'iconoclasme // EO 33 (1930). P. 99) указывает на сообщение о созыве нового иконоборческого собора при Феофиле. Однако это сообщение является поздним, как отмечает и сам Грюмель (*Reg.*, 413), и весьма сомнительным, поскольку современные источники ничего не знают об этом мнимом соборе.

из-за чего они получили прозвание «Начертанных» (ὑραπτοί). Из двух братьев Феофан, собственно, и был поэтом, известным своими стихотворными похвалами святым иконам; после восстановления православия он служил митрополитом в Никее.

Несмотря на то что император и патриарх стремились всеми средствами поддержать иконоборческое движение, их бессилие проявлялось все более наглядно. Поле их деятельности в основном ограничивалось столицей, и только воля императора и немногих его приближенных обеспечивала ему господство¹. Когда 20 января 842 г. Феофил умер, иконоборчество рухнуло и тем самым завершился большой кризис, который вызвало это движение.

¹ Ср.: *Bury*. Eastern Roman Empire. P. 141. Ср., впрочем: *Alexander*. Patr. Nicephorus. P. 142 f.

IV РАСЦВЕТ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (843–1025)

Источники

Уже упоминавшаяся выше (с. 204) хроника *Симеона Логофета*, доходившая, по всей видимости, до смерти Романа Лакапина (948 г.), обнаруживает дружественную направленность по отношению к этому императору; в некоторых изводах этой чрезвычайно часто переписывавшейся хроники к основной части произведения в позднейшее время делались дополнения, которые доходят вплоть до второй половины XI в., а иногда и дальше, но по существу уже не имеют большого значения. Четвертая и последняя книга *Иосифа Генесия* описывает время Михаила III и Василия I. Будучи памятником официальной историографии Македонской династии, этот весьма важный с исторической точки зрения труд несет в себе ярко выраженную тенденцию прославления родоначальника Македонской династии и принижения убитого им Михаила III. То же относится и к хронике *Продолжателя Феофана*, четвертая книга которой, посвященная времени Михаила III, очень близка к Генесию и, по-видимому, восходит к общему источнику. В качестве пятой книги в этом компилятивном сочинении появляется собственноручно составленная императором Константином VII обширная биография его деда Василия I, которая имеет ярко выраженный панегирический характер. Шестая книга состоит из двух разнородных частей: первая (история Льва VI, Александра, время несовершеннолетия Константина VII, правление Романа I Лакапина

и единоедержавие Константина VII до 948 г.) списана с хроники Симеона Логофета и, таким образом, не имеет самостоятельного значения; с другой стороны, немалой ценностью обладает заключительная часть (основная часть о единоедержавии Константина VII и неполная история Романа II) — сочинение хорошо осведомленного современника, возможно Феодора Дафнопата, чей исторический труд упоминает в своем прооимии Скилица¹. Взятие Фессалоники арабами в 904 г. описал очевидец событий священник *Иоанн Каминиата*². Изложение военных предприятий Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия представлено в труде *Льва Диакона*, описавшего в конце X в. преимущественно историю с 959 по 976 г. Примером ему служила история Агафия, что придало его изложению довольно искусственный характер. Эпоху Василия II, больше как введение, кратко изложил в первой книге своей знаменитой истории Михаил Пселл. *Иоанн Скилица*, высокопоставленный византийский сановник, написал в конце XI в. хронику, продолжающую Феодана и охватывающую период с 811 по 1057 г. Для периода вплоть до низвержения Романа Лакапина он пользовался прежде всего Продолжателем Феодана. Дальнейшее изложение покоится в первую очередь на не дошедших до нас источниках и имеет большое значение. Для времени до конца правления Никифора Фоки Скилица использует тот же самый источник, семейную хронику рода Фок, что и Лев Диакон, и наряду с этим источник церковного происхождения³. Особенно важна для рассматриваемой в этом разделе эпохи часть, относящаяся ко времени Василия II. Оригинальный текст этого важнейшего труда не издан до настоящего времени: Боннский корпус, как и более старые издания, довольствуется перепечаткой

¹ См. прежде всего подробные рассуждения в: *Каждан А.П.* Из истории византийской хронографии X в. // ВВ 19 (1961). С. 76–96 и 21 (1962). С. 95–117. О классицистической манере этого сочинения см. интересные замечания: *Jenkins R.J.H.* The Classical Background of the Scriptores post Theophanem // DOP 8 (1954). P. 11–30.

² Издан в Боннском корпусе после Продолжателя Феодана. Русский перевод этого важного текста, снабженный вступительной статьей и комментариями Р.А. Наследовой: *Две византийские хроники X века.* М., 1959. С. 141–158, 213–241.

³ См.: *Сюзюмов М.Я.* Об источниках Льва Диакона и Скилицы // Византийское обозрение 2 (1961). С. 106–166 — детальная аргументация по вопросу об источниках Льва Диакона и Скилицы. Ср. также важные уточнения по этой проблеме: *Каждан А.П.* Из истории византийской хронографии X в. // ВВ 20 (1961). С. 106–128.

Георгия Кедрина, переписавшего основную часть Скилицы¹. Под именем Скилицы в Боннском корпусе содержится только имеющееся в некоторых рукописях и не принадлежащее Кедрину продолжение 1057–1079 гг., которое, однако, как показывают новейшие исследования, принадлежит не Скилице, а является компиляцией неизвестного автора². *Иоанн Зонара*, другой высокопоставленный сановник, написал в середине XII в., удалившись в монастырь, пространную всемирную хронику, оканчивающуюся на 1118 г. Впрочем, по сравнению с более ранними источниками Зонара не предлагает по этой эпохе никакого нового материала, однако из уважения к самостоятельности, с которой он использует источники, его труд остается заслуживающим внимания.

Важные дополнения к неполным сообщениям византийских исторических сочинений дают арабские источники. Для византийской истории эпохи Македонской династии особенно содержательна хроника *Яхьи Антиохийского* (ум. 1066)³. Выдающимся латинским источником для истории Византии середины X в. является «Антаподосис» *Лиутпранда Кремонского*, в то время как донесение о посольстве, которое он возглавлял по поручению Оттона Великого ко двору Никифора Фоки, представляет собой остроумный памфлет, неоценимый по культурно-исторической значимости. *Древнерусская*

¹ Важные дополнения из одной рукописи Скилицы, которые касаются истории Самуила и его державы, содержатся в: *Prokić B.* Die Zusätze in der Hs. des J. Skylitzes cod. Vindob. hist. gr. LXXIV. München, 1906. *De Boor C.* Zu Johannes Skylitzes // BZ 13 (1904). S. 356–369; 14 (1905). S. 409–467, 757–759. О рукописях Кедрина: *Schweinburg K.* Die ursprüngliche Form der Kedrenchronik // BZ 30 (1929–1930). S. 68–77. [См. теперь критическое издание хроники Иоанна Скилицы: *Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum* / Ed. Ioannes Thurn. Berlin, 1973. — *Прим. пер.*]

² Моравчик (*Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. I². S. 340) справедливо обозначает его как «Продолжателя Иоанна Скилицы» (*Joannes Skylitzes continuatus*).

³ Все места, относящиеся к византийской истории времен Василия II, и некоторое число фрагментов из др. частей этой хроники были опубликованы и переведены на русский: *Розен*. Болгаробойца. Часть до смерти Иоанна Цимисхия содержится в оригинале и французском переводе в издании: *Kratschkovskij I., Vasiliev A.* Patrologia orientalis XVIII (1924). P. 705 ff. Некоторые извлечения для времен от 940 до 960 г. представляет в русском переводе: *Васильев*. Византия и арабы. II, Прил. С. 61 сл.; по-французски: *Vasiliev*. Byzance et les Arabes. II/2. P. 91 sv. На эту же работу следует указать и в отношении др. арабских источников по византийской истории (новое французское издание отличается большей подробностью).

летопись содержит много важных сообщений по истории русско-византийских связей; среди прочего она содержит в славянском переводе византийско-русские торговые договоры, греческий оригинал которых не сохранился¹.

Синодик, со времени восстановления иконопочитания в 843 г. ежегодно на первой неделе Великого поста зачитываемый в Православной Церкви, приводит в своей древнейшей части окончательные постановления по вопросу об иконах, предоставляя своеобразную замену для несохранившихся актов Собора 843 г. Позднее Синодик на протяжении многих столетий пополнялся определениями по дальнейшим религиозным спорам и потому, таким образом, представляет собой важный источник по византийской духовной жизни с IX по XIV в.²

Для истории и учения павликианской секты на первом месте следует назвать трактат Петра Сицилийского³. Основным источни-

¹ Полное собрание русских летописей, I (1926–1928); II (1908). Немецкий перевод: *Trautmann R.* Die Nestorchronik. Leipzig, 1931.

² Издание: *Успенский В.И.* Синодик в неделю Православия. Одесса, 1893. Ср.: *Успенский.* Очерки. С. 1 сл.; *Michel.* Kerullarios, II. S. 1 ff. и *Oriens Christianus*. N.S. 12 (1925). S. 151 ff.; *Grumel.* Reg. 425. См. теперь также подробное исследование: *Мошин В.А.* Сербская редакция Синодика в неделю Православия // ВВ 16 (1959). С. 317–394; 17 (1960). С. 278–353; 18 (1961). С. 359–380, где наряду с греческими рассмотрены и славянские (болгарские, русские и сербские) редакции Синодика, а также дано издание сербской версии с параллельным греческим текстом.

³ В последнее время в науке весьма подробно рассмотрен вопрос об источниках по истории павликианства, поднятый А. Грегуаром (*Les sources de l'histoire des Pauliciens* // *Bulletin de l'Acad. de Belgique* 22 (1936). P. 95–114; *Précisions géographiques et chronologiques sur les Pauliciens* // *Ibid.* 33 (1947). P. 289–324). Тезис Грегуара, согласно которому все отдельные источники восходят к Петру Сицилийскому и не имеют никакой самостоятельной ценности, в ходе дальнейших исследований был сильно ослаблен. Так, *Scheidweiler F.* (*Paulikianerprobleme* // *BZ* 43 (1950). S. 10–39, 366–384) отстаивает значение рассказа о секте павликиан в хронике Георгия Монаха. Согласно Шайдвайлеру, из трех различных версий этого рассказа «3-я краткая редакция» представляет первоначальную форму (так уже у *Friedrich J.* // *S. B. d. Bayer. Akad. d. Wiss.* 1896. S. 70 ff.) и восходит, вероятно, к тому же Петру Сицилийскому. К такому же выводу склоняется: *Loos M.* *Deux contributions à l'histoire des Pauliciens* // *BSI* 17 (1956). P. 19–57. Далее: *Scharf J.* *Zur Echtheitsfrage der Manichäerbücher des Photios* // *BZ* 44 (1951). S. 487–494 — выдвигает мнение, что из антипавликианских книг Фотия подлинными являются не только четвертая и последняя (как полагал Грегуар), но также вторая и третья

ком по происхождению богомилства является письмо патриарха Феофилакта (933–956) к болгарскому царю Петру¹ и прежде всего трактат пресвитера Козмы². По истории болгарского церковного вопроса и церковного спора между Римом и Константинополем наряду с актами Соборов 869–870 и 879 гг.³ следует прежде всего обратиться к письмам патриарха Фотия⁴, а также к письмам римских пап, его современников⁵. Важные документы Василия II от 1020 г., регламентирующие положение Охридского архиепископства после покорения державы Самуила, сохранились в хрисовуле Михаила VIII от 1272 г.⁶ Историю славянской миссии в Моравии освещают Жития апостолов славян Константина-Кирилла и Мефодия, чья историческая ценность не ставится под сомнение⁷. Среди греческих агиографических сочинений огромной значимостью обладают для этой эпохи Житие

и что даже в первой книге обнаруживаются «по крайней мере следы руки великого патриарха». См. также: *Липшиц Е.Э.* Павликианское движение в Византии в VIII и первой половине IX вв. // ВВ 5 (1952). С. 49–72 и Очерки. С. 133 сл.

¹ *Grumel. Reg. 789.* Текст: *Петровский Н.М.* Письмо патриарха Константинопольского Феофилакта царю Болгарии Петру // Известия отд. русск. яз. и словесн. Имп. АН. СПб., 1913. Ч. 18, № 3. С. 365–368; английский перевод: *Sharenkoff V.N.* A Study of Manichaeism in Bulgaria. New York, 1927. Р. 63–65; болгарский: *Златарски.* История, 1/2. С. 840–845.

² Издание: *Попруженко.* Козма Пресвитер, болгарский писатель X в. София, 1936. Французский перевод с превосходным комментарием: *Puech H.Ch., Vaillant A.* Le traité contre les Bogomiles de Cosmas le Prêtre. Paris, 1945.

³ *Mansi. T. XVI. Col. 1 sq. и XVII. Col. 372 sq.* Приложенное к актам Собора 869–870 гг. собрание документов (*Mansi. T. XVI. Col. 409–457*), которое вплоть до недавнего времени считалось главным источником по истории отношений Константинополя и Рима во время второго патриаршества Фотия, является, как это показали новейшие исследования, тенденциозно подобранной антифотианской компиляцией времен папы Формоза (891–896). См.: *Dvornik. Photian Schism. P. 216 ff., 271 ff.* См. также прим. 1 на с. 310.

⁴ PG 102. Col. 585 sq.

⁵ MGH. Ep. VI.II.1: ed. E. Perels (Николай I); Ep. VI.II.2: ed. E. Perels (Адриан II); Ep. VII.1: ed. E. Caspar (Иоанн VIII).

⁶ Критическое издание: *Benešević V.N.* Catalogue cod. manuscr. gr. in mon. St. Catharinae in Monte Sina, I. SPb., 1911. P. 452 ff. См. также: *Granić B.* Kirchenrechtliche Glossen zu den von Kaiser Basileios II. dem autokephalen Erzbisum von Achrida verliehenen Privilegien // Byz 12 (1937). P. 395–415.

⁷ См.: *Dvornik. Légendes,* где дан также французский перевод обоих Житий. О разных изданиях см. там же, р. 342 sv.

императрицы Феодоры¹, Житие императрицы Феофано, первой супруги Льва VI², составленное Никитой Давидом Пафлагоном Житие патриарха Игнатия³ и, прежде всего, Житие патриарха Евфимия, наиболее содержательный исторический источник того времени⁴.

Первостепенными историческими документами являются многочисленные письма патриарха Николая Мистика⁵, а также два письма Романа Лакапина⁶ к Симеону Болгарскому, поскольку они проливают свет на византийско-болгарские связи в критический период с 913 по 925 г. Для византийско-болгарских отношений во времена Льва VI особый интерес представляет переписка посла этого императора, Льва Хиросфакта, с болгарским царем Симеоном⁷.

К важнейшим византийским источникам всех времен относятся трактаты *Константина VII*: «О фемах» (*De thematibus*), историко-географическое описание византийских провинций, в основном, правда, взятое из более древних сочинений, прежде всего Иерокла⁸; единственный в своем роде важный трактат о землях и наро-

¹ Изд.: *Regel W. Analecta Byzantino-Rossica. Petersburg, 1891. P. 1–19, с комментарием на с. III–XIX.*

² Издал Э. Курц в *Mém. de l'Acad. Imp. de St. Pétersbourg, VIII. Série III, 2 (1898).*

³ PG 105. Col. 488 sq.

⁴ Издание с подробным историческим комментарием К. де Боора (Berlin, 1888). Новое издание (на основе издания де Боора) с англ. переводом: *Karlin-Hayter P. Vita S. Euthymii // Byz 25–27 (1955–1957). С. 1–172. Русский перевод с основательным комментарием в: Каждан А.П. Две византийские хроники X века. М., 1959. С. 7–139.*

⁵ PG 111. Col. 40 sq. Болгарский перевод с подробным комментарием: *Златарски В. Сборник на нар. умотв. и книжн. 10 (1894). С. 372–428; 11 (1894). С. 5–54; 12 (1895). С. 121–211. См. также: Дуйчев И. Сборник в чест проф. Ников. София, 1940. С. 212 сл.*

⁶ Издано И. Саккелионом в *Δελτίον 1 (1884). Σ. 658 έπ.; 2 (1885). Σ. 40 έπ. Ср.: Dölger. Reg. 606, 607.*

⁷ Издание с французским переводом: *Kolias G. Léon Choerosphactès. Athènes, 1939. P. 76 sv.*

⁸ Новое издание с подробным историческим комментарием: *Pertusi A. Constantino Porfirogenito De thematibus // Studi e Testi. Vol. 160. Vaticano, 1952. Мнение автора о том, что вторая часть сочинения возникла только в последние годы X в., не выдерживает критики. То, что как в первой книге (XIII.2), так и во второй (6.42) говорится о Романе Лакапине, не допускает сомнений в том, что обе книги были написаны в правление этого императора. См. мои рассуждения в: Sur la date de la*

дах, с которыми Византийская империя входила в соприкосновение (*De administrando imperio*)¹, и обширная «Книга церемоний» (*De caerimoniis aulae byzantinae*), подлинная сокровищница исторических и археологических знаний². Эти труды вбирают материалы различных эпох, и их следует привлекать также и для предшествующих разделов. В «Книгу церемоний» включен «Клиторологий» Филофея, сообщающий нам о византийской системе чинов около 900 г.³ Перечни рангов византийских чиновников содержат также «Тактикон» Успенского времен Михаила III и Феодоры (845–856)⁴

composition du Livre des Thèmes et sur l'époque de la constitution des premiers thèmes d'Asie Mineure // *Byz* 23 (1954). P. 31–66.

¹ Образцовое издание с английским переводом: *Moravcsik Gy., Jenkins R.J.H.* Constantine Porphyrogenitus. *De Administrando Imperio*. Budapest, 1949. См. также богатый комментарий: Constantine Porphyrogenitus. *De Administrando Imperio*. Vol. II: Commentary / Ed. R.H.J. Jenkins. London, 1962; авторы отдельных частей: F. Dvornik, R.J.H. Jenkins, B. Lewis, Gy. Moravcsik, D. Obolensky, S. Runciman.

² Новое издание 1-й книги (гл. 1–83) с французским переводом и подробным комментарием: *Vogt A.* Constantin VII Porphyrogénète. *Le Livre des Cérémonies*. Paris, 1935, 1939–1940. Большое количество важных исправлений к тексту как к изданию Райске в Боннском корпусе, так и особенно к изданию Фогта: *Κουκουλές Φ.* Διορθωτικά καὶ ἐρμηνευτικά εἰς τὴν Ἐκθεσὶν τῆς βασιλείας τάξεως Κωνσταντίνου τοῦ Πορφυρογεννήτου καὶ τὸ Κλητορολόγιον τοῦ Φιλοθέου // *ΕΕΒΣ* 19 (1949). Σ. 75–115. — До сих пор текст «Книги церемоний» был известен лишь по лейпцигской рукописи (*Lipsiensis bibl. urb. Rep. I. 17*). С. Манго и И. Шевченко сделали поразительное сообщение о том, что рукопись *Chalcensis S. Trinitatis* (125) 133 содержит довольно большие части этого сочинения, имеющие подчас весьма важные отличия от текста лейпцигской рукописи (*Mango C., Ševčenko I.* A New Manuscript of the *De Cerimoniis* // *DOP* 14 (1960). P. 247–249).

³ Отдельное издание с превосходным комментарием в: *Bury.* Administrative System. В надписании «Клиторологий» датируется сентябрем 899 г. Мнение о том, что он содержит некоторое количество интерполяций от времени ок. 910 г. (см.: *Maas P.* Der Interpolator des Philotheos // *BZ* 34 (1934). S. 257–261), оказалось неосновательным; ср.: *Grumel.* Chronologie. P. 13 sv., 19 sv.

⁴ *Успенский Ф.* Византийская табель о рангах // *ИРАИК* 3 (1898). С. 98–137. О времени его возникновения см. мою статью: *Острогорски Г.* Тактикон Успенского и Тактикон Бенешевича // *ЗРВИ* 2 (1953). С. 40–57, в которой я уточняю принятую Бёри (*Bury.* Administrative System. P. 12 ff.) датировку (842–856 гг.) и выступаю против датировки 809–828 гг., предложенной Кириакидисом (*Βυζ. Μελέται.* Σ. 235 ἑπ.).

и возникший между 921 и 934 гг. обширный «Тактикон» Бенешевича¹.

Искусству ведения войны посвящена «Тактика» Льва VI. Она восходит к «Стратегикону» Псевдо-Маврикия и, кроме того, задействует материал более позднего законодательства и военный опыт первого периода правления Льва VI². Подобное сочинение представляет собой также т.н. «Собрание тактик» (*Sylloge Tacticorum*), вероятно, восходящее к середине X в.³ О хозяйственной жизни Константинополя и о системе византийских корпораций эпохи Македонской династии повествует «Книга эпарха» — собрание постановлений, принятых византийским государством для регулирования торговли и ремесленного производства⁴. Пожалуй, следует согласиться, что основная часть

¹ *Beněševič. Ranglisten. S. 97 ff.* Здесь также заново перепечатаны списки чинов Филофея и «Тактикон» Успенского, так что списки чинов IX и X вв. в этом издании можно весьма удобно сравнивать. По хронологии см. мою статью, приведенную в предыдущем примечании. — На XII международном конгрессе византистов в Охриде Н. Икономидис рассказал об обнаруженном в рукописи Эскуриала тактиконе, относящемся к 70-м гг. X в., от которого позволительно ожидать богатейших сведений по истории византийской администрации. [См. теперь сводное издание всех тактиконов, включая Эскуриальский: *Oikonomidēs N. Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. Paris, 1972. — Прим. пер.*]

² Новое издание (переведшееся на гл. XIV. 38): *Vári R. Leonis imperatoris Tactica. Vol. I–II. Budapest, 1917–1922.* То, что это сочинение принадлежит ко времени Льва VI, а не Льва III, как это полагали ранее, известно уже со времен Ю.А. Кулаковского (Лев Мудрый или Лев Исавр был автором «Тактики»? // *BZ 5 (1898). С. 398–403*) и М. Митара (*Mitard M. Études sur le règne de Léon VI // BZ 12 (1903). S. 585–594*).

³ Издание: *Dain A. Sylloge Tacticorum quae olim «inedita Leonis Tactica» dicebatur. Paris, 1938.* Мнение Р. Вари (*Vári R. Die sogenannte «Inedita Tactica Leonis» // BZ 27 (1927). S. 241–270*) о том, что это сочинение хотя и не принадлежит перу Льва VI, однако относится к его времени и исходит от его соправителя Александра, Ден справедливо отвергает как необоснованное.

⁴ «Книга эпарха» была издана Ж. Николем по одной женевской рукописи: *Nicole J. Λέωντος τοῦ Σοφοῦ τὸ Ἐπαρχικὸν βιβλίον. Génève, 1893.* Перепечатано: *Zepos. Jus. II. P. 371–392.* Французский перевод с комментарием: *Nicole J. Le Livre du Préfet ou l'édit de l'empereur Léon le Sage sur les corporations de Constantinople. Génève, 1894.* Английский перевод: *Freshfield E.H. Roman Law in the Later Roman Empire. Cambridge, 1938.* Русский перевод с подробным комментарием: *Сюзюмов М.Я. Книга эпарха. Свердловск, 1949.* — Мнение, основывающееся на замечании Пападопуло-Керамевса (Γεροσολυμιτική βιβλιοθήκη. Т. IV. 1899. Σ. 37–38), что одна константинопольская рукопись содержала «Книгу эпарха» Льва VI, оказалось оши-

этого сборника относится ко времени Льва VI, хотя он, несомненно, содержит и более поздние добавления, относящиеся ко времени Никифора II Фоки, а возможно, даже и Иоанна Цимисхия¹. Наши знания налоговой системы и аграрных отношений в Византии в X столетии существенно обогатились благодаря анонимному *Трактату о налогообложении*². Этот чрезвычайно важный трактат, как и «Земледельческий закон», имеет в виду сельские поселения, населенные свободным крестьянством. Определенного внимания, наконец, заслуживают «Геопоники» — составленное при Константине VII руководство по византийскому сельскому хозяйству³. Из законодательных сборников в этом разделе следует называть, наряду с кодификациями двух первых

бочным; см. сообщение Д. Гиниса: *Γκίνης Δ. Τὸ ἐπαρχικὸν βιβλίον καὶ οἱ νόμοι τοῦ Ἰουλιανοῦ τοῦ Ἀσκαλωνίτου* // *ΕΕΒΣ* 13 (1937). Σ. 183–191.

¹ Например, определения, в которых упоминается тетартерон, что заставило Штёкле (*Stöckle. Zünfte*) перенести редакцию «Книги эпарха» ко времени Никифора Фоки. См. тж.: *Kubitschek W. Zum Ἐπαρχικὸν βιβλίον* // *Num. Zeitschr.* 44 (1911). S. 185–201. Христофилопулос (*Ἐπαρχικὸν βιβλίον. Σ. 22*) слишком легко обходит эти пассажи. Напротив, Миквитц (*Mickwitz. Zünfte. S. 205* и *BNJ* 12 (1936). S. 368 ff.) обоснованно воспринимает их как добавления. Р.С. Лопес (*Lopez R.S. La crise du besant au Xe siècle et la date du Livre du Préfet* // *Mélanges Grégoire, II. Paris, 1950. P. 403–418*) даже полагает, что это добавления времени Иоанна Цимисхия, указывая на то, что в «Книге эпарха» наряду с νόμισμα тетартρόν, введение которой Скилица приписывает Никифору Фоке, также встречается и δύο τετάρτων νόμισμα и что этот тип монеты может быть установлен для времени Иоанна Цимисхия.

² Первое издание У. Эшбёрнера: *Journal of Hellenic Studies* 35 (1915). P. 76–84. Новое улучшенное издание с подробным исследованием: *Dölger. Finanzverwaltung*. Немецкий перевод и исследование: *Ostrogorsky. Steuergemeinde*. — Дёльгер (*Finanzverwaltung. S. 8*) помещает создание трактата между 913 и 1139 гг. Вопреки ему я пытаюсь доказать (*Steuergemeinde. S. 3 ff.* и *Recueil Kondakov. Paris, 1926. P. 109 sv.*), что он возник предположительно при Константине VII, во всяком случае до 1002 г. Это мнение разделяется большинством исследователей. См., напр.: *Stein. Vom Altertum. S. 158 ff.*; *Andréadès A. Deux livres récents sur les finances byzantines* // *BZ* 28 (1928). P. 292–293; *Constantinescu N.A. La communauté de village byzantin et ses rapports avec le petit Traité fiscal byzantin* // *Bulletin de la Section hist. de l'Acad. Roumaine* 13 (1927). P. 160–174 и *Deutsche Literaturzeitung* (1928). Sp. 1619 ff.; *Lemerle. Histoire agraire. 219. P. 257 sv.*; *Каждан. Деревня и город. С. 85*.

³ Издание: *Beckh H. Leipzig, 1895. (Bibl. Teubneriana)*. Комментированный русский перевод: *Липшиц Е.Э. Геопоники, византийская сельскохозяйственная энциклопедия X века. М.; Л., 1960*; Липшиц подчеркивает, что это сочинение, несмотря на то, что черпает свой материал из более старых источников, все же имеет для X в. большее значение, чем это обыкновенно полагают.

императоров Македонской династии («Прохироном» и «Исагогой» Василия I, «Василиками» и собранием новелл Льва VI), новеллы по защите мелкого землевладения, освещающие центральную проблему внутреннего развития Византийской империи в X в.¹

1. На заре новой эпохи

Общая литература: *Bury*. Eastern Rom. Empire; *Grégoire*. Inscriptions; Michel III; Neuvième Siècle; L'épopée Byzantine; *Успенский*. Очерки; *Fuchs*. Höhere Schulen; *Dvornik*. Légendes; Les Slaves; Photian Schism; *Vasiliev* A. The Russian Attack on Constantinople. Cambridge (Mass.), 1946; Byzance et les Arabes, I.

Как борьба против персидского и арабского вторжений была судьбоносной для государственного существования Византийской империи, так и иконоборческий кризис стал временем ключевых решений для ее духовной самостоятельности. За военным вторжением следовала духовная интервенция Востока, нахлынувшая на Империю в форме иконоборчества. Ее преодоление для культурного развития Византийской империи имело значение, подобное тому, какое для ее государственности имело отражение военного вторжения. Крушение иконоборческого движения означало победу греческой религиозной и культурной самобытности над воплощенной в иконоборчестве азиатской сущностью. Отныне в качестве греко-христианской Империи Византия и в культурном отношении заняла свое особое положение между Востоком и Западом.

¹ После издания Цахариэ фон Лингенталя (*Zachariae*. Jus. III) перепечатаны у Зепоса (*Zepos*. Jus. I. P. 198 sq.). «Прохирон»: Ibid. II. P. 114–228; «Исагора»: ibid, II. P. 236–368; новеллы Льва VI: ibid, I. P. 54–191; «Василики»: Basilicorum libri LX / Ed. G.E. Heimbach et C.G.E. Heimbach. Lipsiae, 1833–1870 и Editionis Basilicorum Heimbachianae supplementum alterum / Ed. C. Ferrini, G. Mercati. Lipsiae, 1897. За новое критическое издание «Василик» с их схолиями взялся в 1953 г. Х.Я. Схелтема. К настоящему моменту имеется издание книг I–XXXIV и схолии к книгам I–XXX. [Издание завершено: *Scheltema H.J., van der Wal N., Holwerda D.* Basilicorum libri LX. Series A: Textus. Groningen, 1955–1988. Series B: Scholia. Groningen, 1953–1985. — *Прим. пер.*]. Новое издание новелл Льва VI с французским переводом: *Noaille P., Dain A.* Les Nouvelles de Léon VI le Sage. Texte et traduction. Paris, 1944. Др. французский перевод: *Monnier H.* Les Nouvelles de Léon le Sage. Bordeaux, 1923 и *Spulber A.* Les Nouvelles de Léon le Sage. Cernăuți, 1934.

Для Византии наступила новая эпоха — эпоха великого культурного подъема, за которым тотчас последовал и сильный политический взлет. Новую эпоху открывает не Македонская династия, но уже весьма активное правление последнего представителя Аморийской династии, Михаила III. Варда, Фотий, Константин — вот три великих фигуры, возвестивших наступление новой эры.

Кризисный иконоборческий период, с которым связано сильнейшее ослабление идеи универсальной Империи и крушение византийского могущества на Западе, был ознаменован чувствительным сужением политического горизонта. Церковная политика императоров-иконоборцев и их незначительный интерес к западной части Империи ускорили отчуждение между Византией и Западом и тем самым вызвали к жизни процесс, который через основание папского государства привел к императорской коронации Карла Великого. Но если универсализм Византийского государства потерпел крушение, то теперь Восток, во всяком случае, уже не был связан с универсализмом Римской Церкви. Иконоборец Константин V сделал к этому первый шаг, когда поставил под юрисдикцию Константинопольского Патриархата большую часть Балканского полуострова и Южную Италию. Однако лишь после преодоления иконоборческого кризиса Константинопольский патриарх смог выступить против папства как равный по положению соперник и возобновить борьбу с Римом. Как западная империя возникает за счет византийского государственного универсализма, так и Константинопольский Патриархат усиливается за счет римского церковного универсализма. Первый этап этого процесса, оттеснивший Византию на задний план, приходится на время кризисной эпохи; второй, восстановивший на новой основе равновесие в пользу Византии, нашел свое выражение в великом фотианском споре.

Еще большее значение имеет тот факт, что на пространстве Востока, которым историческое развитие ограничило сферу непосредственного влияния Византии, возникают новые великие задачи как для византийского государства, так и для византийской Церкви. Христианизация южных и восточных славян открыла Византийской империи новый мир и неслыханным образом расширила ее горизонт. Насколько узок был византийский мир в эпоху иконоборческого кризиса, настолько широк становится он со времени Фотия, Константина и Мефодия.

За культурной экспансией следует политическое и военное наступление. Империя, к концу иконоборческой эпохи оказавшаяся в тяжелом обороняющемся положении как по отношению к халифату, так и по отношению к Болгарии, далеко раздвинула — конечно, после долгой и упорной борьбы — свои границы на Востоке и снова подчинила себе весь Балканский полуостров. Было восстановлено также ее могущество на Средиземном море, пришедшее в упадок в период кризиса.

Как и временное восстановление икон в конце VIII столетия, окончательное утверждение иконопочитания после смерти Феофила произошло под руководством женщины. Когда умер Феофил, его сын и наследник Михаил III (842–867) был в возрасте трех лет¹, и регентство при нем получила вдова императора Феодора. Официально в правлении принимала участие также и Фекла, самая старшая сестра малолетнего императора: наряду с Михаилом и Феодорой ее изображение встречается на монетах, а имя упоминалось в официальных актах², хотя она, по-видимому, была совершенно в стороне от государственных дел. Важнейшими членами совета, состоявшегося при Феодоре и проводившего в полном согласии с новым патриархом восстановление иконопочитания, были братья императрицы Варда и Петрона, магистр Сергей Никитиат (по-видимому, дядя

¹ Theoph. cont. P. 148.8. Э. Штайн (Annuaire de l'Inst. de Phil. et d'Hist. Orientales 2 (1934). P. 899 ff., Anm. 2) не соглашается с этим, относя рождение Михаила примерно к 836 г. См. критические замечания А.П. Каждана (Из истории византийской хронографии X в. // ВВ 21 (1962). С. 96–97), который указывает на одну маргиналию из Генесия, согласующуюся с данными продолжателя Феофана. Кроме Михаила от брака Феофила и Феодоры родился еще сын Константин, умерший во младенчестве (вероятно, вскоре после 830 г.: см.: *Ostrogorsky G., Stein E. Die Krönungsordnungen des Zeremonienbuches. Chronologische und verfassungsgeschichtliche Bemerkungen* // Byz 7 (1932). S. 227–229), и пять дочерей: Мария, Фекла, Анна, Анастасия и Пульхерия (см.: *Bury. Eastern Roman Empire*. P. 465 ff.). Ввиду долгого отсутствия мужского потомства дочери Феофила пользовались положением, которое обыкновенно не предоставлялось царевнам: на одной монете наряду с изображениями Феофила и Феодоры встречаются также изображения Феклы, Анны и Анастасии (*Wroth. Byzantine Coins*. Vol. II. P. 418).

² См. монеты в: *Wroth. Byzantine Coins*. Vol. II. P. 431 и Сказание о 42 мучениках Аморийских / Изд. В. Васильевский, П. Никитин // ЗИАН. Т. VIII. № 2. СПб., 1905. С. 52: βασιλεύοντος τῆς Ῥωμαίων ἀρχῆς Μιχαὴλ καὶ Θεοδώρας καὶ Θέκλης. Ср.: *Vasiliev. Byzance et les Arabes*. Vol. I. P. 191.

Феодоры) и, прежде всего, ее фаворит логофет дрома Феоктист¹. Показательно, что новое правительство, несмотря на то что его члены по большей части были восточного происхождения (семейство императрицы было родом из Пафлагонии и имело армянские корни), рассматривало восстановление иконопочитания как свою первейшую и неотложнейшую задачу. После того как Иоанн Грамматик был отстранен и патриарший престол перешел к Мефодию, в марте 843 г. Собор торжественно возвестил о восстановлении иконопочитания².

В память об этом событии Православная Церковь ежегодно справляет в первое воскресенье Четырeдeсятницы праздник Торжества Православия, отмечая победу над иконоборчеством и в то же время преодоление древних ересей. И в самом деле, падение иконоборчества означает конец эпохи великих вероучительных споров в Византии. Для церковно-государственных отношений крах иконоборчества означал, что попытка полного подчинения Церкви государственной властью потерпела неудачу. Конечно, византийская Церковь ни тогда, ни когда-либо позже не добивалась той свободы, которой требовали для нее зилоты во главе с Феодором Студитом. Для византийского церковно-государственного организма оставалось характерным тесное взаимодействие государства и Церкви, и это взаимодействие, как правило, предполагало форму широкого попечительства о Церкви государственной власти.

Руководство всей государственной политикой вскоре попало в руки логофета Феоктиста, отстранившего своего главного соперника Варду и ставшего единственным советником императрицы. Человек высокой культуры, Феоктист содействовал образованности в Византии и таким образом подготавливал почву для грядущего культурного взлета Империи. Его разумная финансовая политика обеспечила государству большие золотые резервы. Иначе, чем во времена Ирины, без осложнений, осуществлялась церковно-политическая перестройка, поскольку иконоборческое движение внутренне разрушилось и сильной оппозиции более

¹ О составе совета см.: *Vasiliev. Byzance et les Arabes. Vol. I. P. 191–192, n. 2.* О Сергии Никитиате, на место которого некоторые источники ставят умершего уже в 838 г. Мануила, см.: *Grégoire. Neuvième siècle. P. 515 sv.*

² Относительно хронологии см.: *Grumel. Reg. 416, 425.*

не существовало¹. Тем не менее Феодора и Феоктист, имея поддержку патриарха Мефодия, при ликвидации еще недавно господствующей системы действовали с осторожностью и проявляли по отношению к бывшим сторонникам иконоборчества большую умеренность². Впрочем, эта политика не нашла одобрения у партии зилотов, и потому в византийской Церкви, которая временно объединилась для борьбы с иконоборчеством, вновь обнаружился старый раскол. Монахи-студиты боролись против патриарха Мефодия с тем же рвением, с каким они прежде выступали против патриархов Тарасия и Никифора. Спор принял поистине резкие формы, что привело к отлучению студитов. Однако уже 14 июня 847 г. Мефодий скончался. На патриарший престол вззошел Игнатий, сын бывшего императора Михаила Рангаве, который был осклопен после низвержения своего отца и принял монашество. Его возвышение означало уступку студитам, ведь хотя он и входил в оппозицию к церковному руководству, но как сторонник строгой монашеской жизни был близок к идеалам зилотского направления. Между тем Игнатий, которому следовало бы сглаживать противоречия, будучи противником Фотия, оказался вскоре вовлечен с ним в куда более сильный конфликт.

После восстановления иконопочитания тотчас же возобновилась война с арабами. Логофет Феоктист отправился во главе сильного флота на Крит, и на некоторое, пусть даже совсем короткое, время византийское господство там было восстановлено (843–844)³. Этот кратковременный успех возымел тем не менее значительное действие, что уже в 844 г. на суше, а именно у впадающей в Босфор реки Мав-

¹ Правда, и после 843 г. встречаются определенные отзвуки враждебных иконопочитанию учений. Ср.: *Dvornik F. The Patriarch Photius and Iconoclasm* // DOP 7 (1953). P. 68–97; впрочем, Дворник, кажется, преувеличивает значение этих отзвуков, когда он говорит об иконоборческой опасности во времена Фотия. Ср. его же размышления: *Dvornik F. Lettre à M. Henri Grégoire à propos de Michel II et des mosaïques de Sainte-Sophie* // Byz 10 (1935). P. 5–9. По проблеме дальнейшего существования иконоборческих учений см. теперь тж. интересные рассуждения: *Gouillard J. Deux figures mal connues du second Iconoclasme* // Byz 31 (1961). P. 371–401, особ. 387 sv.

² См. *Dvornik. Légendes*. P. 39 sv.

³ Об этом: *Παπαδόπουλος Β. Η Κρήτη υπό τὸς Σαρακηνούς. Ἀθήναι*, 1948. Σ. 71–72. *Glykatzis-Ahrweiler H. L'administration militaire de la Crète byzantine* // Byz 31 (1961). P. 220–221.

ропотам, византийцы потерпели тяжелое поражение¹. То, что арабы отважились проникнуть так далеко вглубь византийской территории, было результатом победоносных походов халифа аль-Мутасима (см. с. 275). Однако внутренняя борьба вынудила наследника Мутасима заключить мир с Византией, и на византийско-арабской границе, на реке Лам, произошел обмен пленными (845–846). Власть халифата был парализована появлением тюркского элемента и усилением феодальных сил, приведших к образованию отдельных государств. В свою очередь, византийское правительство должно было вести суровую борьбу против павликиан, которые при поддержке императоров-иконоборцев VIII в., а также при попустительстве Никифора I получили в восточных областях Малой Азии столь сильное распространение, что не только православный Михаил Рангаве, но даже его иконоборческие преемники должны были принимать против них меры². По-видимому, павликиане уже в то время в большом числе переселились в область эмира Мелитины и с тех пор воевали на стороне арабов против Византии. Новые преследования при Феодоре были особенно жестокими. Они стоили жизни тысячам павликиан и сопровождалась их массовым переселением во Фракию. С другой стороны, правительство Феодора должно было предпринять новый поход против непокорных славянских племен на юге Греции. Лишь с помощью военных сил фем Фракии и Македонии, а также «остальных западных фем» стратигу Пелопоннеса Феоктисту Вриеннию после долгой борьбы удалось привести славянские племена на Пелопоннесе к признанию над собой византийского сюзеренитета и обязанности платить подати³.

В войнах с арабами все более становится заметен новый дух отваги и предприимчивости, проявляющийся в византийском способе

¹ Идентификация местности: *Vasiliev*. Byzance et les Arabes. Vol. I. P. 196–197, p. 2. [Мнение французских издателей отличается от точки зрения самого А.А. Васильева, отождествляющего данный Мавропотам с гораздо более отдаленной рекой в Каппадокии. — *Прим. пер.*].

² *Vasiliev*. Byzance et les Arabes. Vol. I. P. 227 sv.; *Лунин* Е.Э. Павликианское движение в Византии в VIII и первой половине IX вв. // ВВ 5 (1952). С. 49–72 и Очерки. С. 132 сл.

³ De adm. imp. 50.9–25 (ed. Moravcsik–Jenkins). Впрочем, в правление Романа I Лакапина милинги и езериты вновь восстали против византийского владычества, после чего вновь началась война (*Ibid.* 50.25–70). Ср.: ВИИИ. Т. 2. С. 69 сл.

ведения войны. В 853 г. у берегов Египта, который по-прежнему составлял опору правителей Крита, внезапно появился довольно большой византийский флот. Расположенная недалеко от устья Нила крепость Дамьетта была взята штурмом и сожжена дотла¹. Впервые с начала арабского вторжения Византия осмелилась проникнуть так далеко во враждебные воды. Разумеется, впечатляющая демонстрация имела то последствие, что египетские арабы начали энергично строить флот и таким образом создавать основу морского могущества, которому предстояло достичь высшего расцвета в X в., при Фатимидах.

Впрочем, время большого политического и культурного взлета Византийской империи началось лишь после государственного переворота 856 г., который позволил молодому императору Михаилу III достичь практического осуществления властных прав и вручил руководство государственными делами его дяде Варде. Варда и Михаил были естественными союзниками, поскольку оба считали себя жертвами режима Феодоры и Феоктиста. Варда был отстранен от дел достигшим всевластия Феоктистом, а повзрослевший император болезненно переживал попечительство со стороны матери, так как Феодора не только лишила его власти, но и вмешивалась в личную жизнь, разлучив его с возлюбленной Евдокией Ингериной и принудив к браку с Евдокией Декаполитой (855). В согласии с молодым императором, но без ведома императрицы Варда вернулся ко двору. Феоктист был убит в императорском дворце на глазах Михаила III, который затем был провозглашен сенаторами автократом². Феодора была вынуждена отдать власть, в то время как ее дочери были заключены в монастырь; два года спустя, после неудачного покушения на своего брата Варду, Феодора была вынуждена разделить ее участь.

Образ молодого императора Михаила III представляется нам сегодня в существенно ином свете, нежели он выглядит в старой историографии, которая вслед за тенденциозным историописанием времен Македонской династии видела в Михаиле III лишь

¹ Grégoire. Neuvième siècle. P. 515 sv. См. тж.: Levi della Vida G. A Papyrus reference to the Damietta Raid of 853 A.D. // Byz 17 (1944–1945). P. 212–221.

² Pseudo-Symeon Magister. P. 658: καὶ ὑπὸ τῆς συγκλήτου πάσης ἀναγορεύεται, καὶ αὐτοκράτορι. См. тж.: Sym. Log., Georg. Mon. cont. P. 823.

«Пьяницу»¹. Разумеется, его жизнь не была прямым образцом высокой нравственности, однако у него не было недостатка в дарованиях и еще менее — в мужестве. Тем не менее не следует впадать из одной крайности в другую и видеть в Михаиле III «великого правителя». В действительности он добросовестно заботился об обороне империи и неоднократно лично водил войска в поход. Но так поступали многие правители. Своей собственной твердой и ясной воли он не имел. В великом и малом, в добром и дурном он позволял руководить собою другим, следовал изменчивым влияниям и нашептываниям двора, был своенравен и непостоянен до невыносимости. В великих делах, на которые его правление исключительно богато, инициатива исходила не от него. Великим был не он, а его эпоха — эпоха Варды и Фотия.

Как Феоктист при Феодоре, так теперь Варда был истинным руководителем Византийского государства. Внешне его выдающееся положение нашло выражение в том, что он облекся высшими чинами и под конец даже получил титул кесаря. Своего предшественника и прежнего соперника он превосходил энергией и способностями к государственным делам. В его время стали вполне очевидными признаки грядущего большого политического подъема Византийской империи. Культурный взлет, наметившийся уже во времена регентства, достиг теперь полного расцвета, обнаружилась большая действенная сила влияния византийской культуры. Важнейшим средоточием византийской образованности стал университет, учрежденный кесарем Вардой в палате Магnavры². Здесь культивировались все отрасли

¹ Реабилитация Михаила III является прежде всего заслугой А. Грегуара, остроумные исследования которого (*Inscriptions*. 437 sv.; *Michael III*. P. 327 sv.; *Neuvième siècle*. P. 515 sv.; *L'épopée byzantine*. P. 29 sv.) пользуются заслуженным авторитетом. В чем они, как мне кажется, заходят слишком далеко, будет мною указано ниже. См. тж. ценный вклад в разработку вопроса Р. Дженкинса: *Jenkins R.J.H. Constantine VII's portrait of Michael III // Bull. de l'Acad. de Belgique* 34 (1948). P. 71–77; *Vasiliev A. The Emperor Michael III in Apocryphal Literature // Byzantina-Metabyzantina* 1 (1946). P. 237–248; *Dvorník F. Lettre à M. Henri Grégoire à propos de Michel II et des mosaïques de Sainte-Sophie // Byz* 10 (1935). P. 5–9; *Jenkins R.J.H., Mango C. The Date and Significance of the Xth Homily of Photius // DOP* 9–10 (1956). P. 128–140; *Mango C. The Homilies of Photius, Patriarch of Constantinople. Cambridge (Mass.), 1958. P. 181 ff.*

² Несмотря на наличие нескольких заслуживающих внимания исследований, история высшей школы в Византии прояснена еще недостаточно. Согласно Фуксу (*Fuchs. Hochschulen*), она обнаруживает чередующиеся периоды взлета и упадка:

тогдашних светских наук. Просвещенный государственный кормчий привлек в университет лучшие научные силы. Руководителем его он назначил широко образованного Льва Математика, несмотря на то что тот был племянником вождя иконоборцев Иоанна Грамматика и сам при Феофиле разделял иконоборческие убеждения¹. Здесь трудился также Фотий, величайший ученый и учитель своего века.

Изменение государственного руководства повлекло за собой также изменение руководства церковного. Сотрудничество между новым регентом и Игнатием, связанным с предыдущим правительством и партией зилотов, было невозможно. Игнатий был вынужден отречься, и 25 декабря 858 г. на патриарший престол взошел Фотий. Для византийской Церкви наступило беспокойное и вместе с тем величайшее в ее истории время. Фотий — крупнейший ум, выдающийся политик и искуснейший дипломат, который когда-либо занимал пост Константинопольского патриарха. В церковно-политическом отношении он представлял то же направление, что и Тарасий, Никифор и Мефодий. Как и они, Фотий в силу этого подвергался нападениям зилотов во главе с игуменом студитов Николаем, оспаривавших

университет Феодосия II закрывается при Фоке, после чего при Ираклии создается новая высшая школа; эту последнюю при Льве III хотя и не сожгли, как на то по общему признанию ошибочно указывают позднейшие источники, но закрыли, после чего в системе высшего образования наступает застой, который продолжается вплоть до середины IX в. Согласно Л. Брейе (*Bréhier L. Notes sur l'histoire de l'enseignement supérieur à Constantinople // Byz 3 (1926). P. 73–94; 4 (1927/1928). P. 13–28 и L'enseignement classique et l'enseignement religieux à Byzance // Revue d'histoire et de philosophie religieuses 21 (1941). P. 34–69*), система высшей школы в Константинополе со времен Константина Великого и вплоть до XV в. не знала перерывов в своем существовании, причем наряду с государственным учебным заведением, которое служило цели изучения светских наук и обучения государственных чиновников, всегда существовала богословская высшая школа при патриархате. См. тж.: *Bréhier. Civilisation. P. 456 sv.* Это мнение, несмотря на то что оно, кажется, несколько упрощает картину развития и для полной убедительности ему не хватает некоторых звеньев, все же представляется более близким к истине. Ср. тж.: *Grégoire H. в Byz 4 (1927–1928). P. 771–778; Dvornik F. Photius et la réorganisation de l'Académie patriarcale // Analecta Bollandiana 68 (1950). P. 108–125; Buckler G. Byzantine Education // Byzantium. An Introduction to East Roman Civilization / Ed. N.H. Baynes, H.S.L.B. Moss. Oxford, 1949. P. 216–220.*

¹ О нем см. *Литвиц Е.Э. Византийский ученый Лев Математик // ВВ 2 (1949). С. 106–149 и Очерки. С. 338 сл. Ср. тж. замечания С. Манго: Mango C. The Legend of Leo the Wise // ЗРВИ 6 (1960). С. 91–93.*

его якобы неканоническое возведение и хранивших преданность Игнатию. Образовалось две партии, из которых одна поддерживала Фотия, другая — смещенного Игнатия.

Однако намного более значительным, чем этот внутренний спор, стала борьба с Римом, которую должен был выдержать новый патриарх. После событий иконоборческой эпохи, и прежде всего возникновения западной империи, отношения между обоими церковными центрами вступили в новую фазу развития. Этот факт мог игнорировать только косный догматизм зилотов, которые, не замечая знамений времени, как и прежде, при каждом удобном случае апеллировали к Риму. Однако это было ясно не только императору Никифору, воспретившему своему патриарху посылать традиционную синодику папе, но даже набожной императрице Феодоре и патриарху Мефодию, который был кем угодно, но только не врагом Рима. В отличие от Ирины перед созывом ее Собора, Феодора и Мефодий не сочли необходимым получать согласие Рима на восстановление иконопочитания. Историческая неизбежность заключалась в том, что Византия избавилась от верховенства римской Церкви после того, как Запад отделился от верховенства Византийской империи. Решительный шаг к этому сделал Фотий.

Втянутый в споры с игнатианами, Фотий — по крайней мере сначала — не желал и не ждал борьбы с Римом. Он послал свою синодику в Рим в надежде, что папское признание даст ему оружие против его византийских противников. Однако за несколько месяцев до его возведения на патриарший престол на кафедру св. Петра взошел Николай I, смелый и энергичный политик, чьей жизненной целью было укрепление римского универсализма¹. Вмешавшись в византийский церковный спор в качестве верховного арбитра, он высказался в пользу Игнатия и отказал Фотию в признании, сославшись на неканонический способ его возведения. Возведение Фотия действительно не было вполне каноничным, однако оно нисколько не отличалось от признанного и поддержанного в свое время Римом возведения Тарасия, также достигшего патриаршего престола из мирского звания после вынужденного отречения его предшественника. Однако Николай I исходил из утверждения того принципа, что ему как верховному главе

¹ Впрочем, Халлер (*Haller J. Das Papsttum*, II. 1. Stuttgart, 1939. S. 65 ff.) стремится преуменьшить значение личности Николая I.

христианского мира принадлежит право окончательного решения церковных вопросов как на Востоке, так и на Западе. В этом стремлении он не дал себя сбить с толку, когда его легаты в Константинополе капитулировали перед блестящим дипломатическим искусством Фотия и одобрили решение Собора, утвердившего избрание Фотия и отречение Игнатия (861). Дезавуировав решение своих представителей, Николай сделал так, что Латеранский Собор вынес противоположное решение и объявил Фотия низложенным (863).

Однако папа недооценил силу противника: Фотий вступил в борьбу. Если задачей Рима было придать авторитет своим универсалистским притязаниям, то задачей Константинопольского патриархата было утвердить свою самостоятельность. Идеал о пентархии в управлении Церковью, о котором мечтал Феодор Студит¹, принадлежал уже давнему прошлому. Минуло время, когда православная Византия, изнемогавшая под гнетом императоров-еретиков, вынуждена была вверить себя поддержке Рима; трое других первоиерархов, главы восточных патриархатов, под арабским чужеземным владычеством были обречены на полное бессилие. Византийская Церковь обладала одним предстоятелем — патриархом Константинопольским. В вековом развитии Константинопольский Патриархат заложил основы своей мощи и авторитета, победоносно завершил внутреннюю борьбу с ересью, за ним стояло отныне православное, сильное и целеустремленное государственное руководство, сфера власти которого простиралась теперь на территорию всей Византийской империи и вскоре должна была перешагнуть эти границы. Как византийское государство, так и византийская Церковь двигалась навстречу лучшим временам: временам мощного распространения их сферы влияния в славянском мире. Величие Фотия заключалось в том, что приближение этой эпохи новых задач и возможностей он видел отчетливее, чем кто-либо иной, и как никто другой его подготавливал.

Михаил III, при поддержке своих умелых полководцев, вел с большой энергией борьбу с арабами. Тем не менее на Сицилии Византия утрачивала одну позицию за другой и, несмотря на все усилия, не смогла воспрепятствовать ни завоеванию острова, ни продвижению арабов в Южной Италии, так что к концу правления Михаила III из более или менее значительных городов на Сицилии у Империи

¹ *Theod. Studit.* Ep. II. 129 // PG 99. Col. 1416 sq.

оставались лишь Сиракузы и Таормина. Однако в Малой Азии Империя перешла в наступление. Уже в 856 г. стратиг фемы Фракисиев Петра, брат кесаря Варды, предпринял поход в область Самосаты и продвинулся вплоть до Амиды. Оттуда он двинулся на Тефрику и вернулся домой с многочисленными пленниками¹. Успешным был, по всей видимости, и поход, состоявшийся тремя годами позднее под руководством Варды и молодого императора, которые вновь привели византийское войско в область Самосаты². Около того же времени византийский флот вновь появился у Дамьетты. Повышенное внимание уделялось постройке укреплений в Малой Азии: император приказал заново отстроить разрушенную Мутасимом Анкиру и укрепить Никею³.

Недавние успехи и смелые нападения на суше и на море, безусловно, подняли боевой дух византийцев, однако они не принесли ощутимой выгоды Империи, тем более что ответные атаки с арабской стороны не заставили себя ждать, и война неоднократно прерывалась временными мирными соглашениями с обычным обменом пленными. В 863 г. византийцы, отражая нападение эмира Омара Мелитинского, одержали большую и решительную победу. Омар пересек фему Армеников и занял важный портовый город Амис на побережье Черного моря, но на границе фемы Пафлагония против него выступил опытный Петра с сильным войском. Там 3 сентября разгорелась жаркая битва, в которой арабская армия была наголову разгромлена, а сам Омар погиб⁴. Эта крупная победа ознаменовала собой поворотный пункт в византийско-арабских войнах. Если со времени первого вторжения арабов и вплоть до победы Льва III под Константинополем Византия боролась лишь за собственное выживание, а затем в течение столетия она вела тяжелую оборонительную войну, то после победы 863 г. наступает поворот и начинается эпоха

¹ Tabari. T. III. P. 1434 (= *Vasiliev*. Byzance et les Arabes. Vol. I. App. P. 318–319). Ср.: *Grégoire*. L'épopée byzantine. P. 36–37.

² Tabari. T. III. P. 1447 (= *Vasiliev*. Byzance et les Arabes. Vol. I. App. P. 319). Ср.: *Grégoire*. Inscriptions. P. 437 sv.; L'épopée byzantine. P. 37–38.

³ *Grégoire*. Inscriptions. P. 441 sv. и Michel III. P. 327 sv.

⁴ О подробностях и более точной идентификации места сражения см.: *Vasiliev*. Byzance et les Arabes. Vol. I. P. 251 sv.; *Bury J.B.* Mutasim's march through Cappadocia in A.D. 838 // JHS 29 (1909). P. 124–129; *Grégoire*. Michel III. P. 331 sv. и Neuvième siècle. P. 534 ff.

византийского наступления в Азии, которое поначалу медленно, а со второй половины X в. в полную силу движется вперед.

Укрепление могущества на Востоке имело немаловажное значение для решения великих задач, ждавших Империю в славянском мире. Эти задачи вставали для Византии на Руси, в Моравии, в южнославянских землях. Уже в 860 г. русские впервые появились под Константинополем¹: они высадились, окружили город и опустошили все окрестности. Император, который только что выступил против арабов, поспешно вернулся и пробился в окруженный город, чтобы принять на себя командование обороной и вместе с патриархом ободрить уstraшенное население. Византийцы надолго запомнили это мощное нападение, а свое спасение приписывали лишь вмешательству Богородицы². С этого времени Византия завязывает сношения с нарождающимся русским государством и начинает среди этого народа, вплоть до того времени практически ей неизвестного, миссионерскую деятельность, имевшую большое будущее. Великий патриарх осознал, что обращение в христианство и вовлечение моло-

¹ Хронология устанавливается точно на основании малой Брюссельской хроники: *Anecdota Bruxellensia*, I. *Chroniques byzantines du Manuscrit 11376* / Ed. F. Cumont. Bruxelles, 1894. P. 33. Сюда же: *De Boor C. Der Angriff der Rhos auf Byzanz* // *BZ* 4 (1895). S. 445–466. Впрочем, верную дату установил уже Ф. Крузе (*Kruse Fr. Chronicon Nortmannorum*. Hamburg; Gotha, 1851. P. 261–262) на основании венецианских источников. Впечатление от нападения русских наиболее непосредственным образом передают две гомилии Фотия: *FHG* / Ed. Müller. P. 162 sq. Английский перевод с хорошим комментарием: *Mango C. The Homilies of Photius, Patriarch of Constantinople*. Cambridge (Mass.), 1958. P. 74 ff. Другие греческие источники удачно сопоставляются в: *Laehr G. Die Anfänge des russischen Reiches*. Berlin, 1930. S. 91 ff. Ср. тж.: *Vasiliev. Byzance et les Arabes*. Vol. I. P. 241 sv. и особенно подробное, детально рассматривающее все источники и специальную литературу исследование А.А. Васильева: *Vasiliev A. The Russian Attack on Constantinople*. Cambridge-Mass., 1946. [См. теперь комментированный свод источников с текстами и русским переводом: *Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение руси в средневековых письменных источниках* // *Древнейшие государства на территории Вост. Европы*, 2000 г. (2003). С. 3–172. — *Прим. пер.*].

² Согласно украшенному легендами рассказу Симеона Логофета (и древнерусской летописи, которая здесь следует за Логофетом и продолжателем Георгия Монаха), русские корабли потерпели крушение в буре, так что лишь немногие избежали гибели. Однако ни Фотий, ни Продолжатель Феофана ничего не знают о гибели русского флота, а согласно Иоанну Диякону (*MGH SS VII*. P. 18), русские «с триумфом» (*cum triumpho*) возвратились домой.

дого народа в византийскую сферу влияния является эффективным средством обуздания грозившей Империи с этой стороны опасности. Через несколько лет он с оправданной гордостью мог указать на первые успехи своей миссионерской работы¹.

Нападение русских заставило Империю восстановить посредством отправки посольства свои отношения с хазарами. Для царившего тогда в Византии нового духа весьма характерным является то, что с этим посольством были связаны и задачи миссии и что во главе его стоял молодой Константин из Фессалоники, который благодаря своим гениальным филологическим дарованиям и всеобъемлющим познаниям был более чем кто-либо другой способен отстаивать в державе хазар дело христианской религии против иудейского и исламского влияния.

Впрочем, куда более важную задачу перед ним и его братом Мефодием поставил призыв моравского князя Ростислава, который отправил посольство в Константинополь и просил об отправке миссионеров. Тот факт, что Ростислав обратился в Византию, объясняется, пожалуй, его страхом перед влиянием франкского клира и стремлением создать с опорой на Византию противовес опасности быть зажатым между франками и болгарами. Византии же представилась возможность распространить свое влияние еще на одну отдаленную область и оказать давление на расположенную посредине Болгарию. Доказательством проникательности византийского государственного и церковного руководства является то, что оно вверило важную миссию солунским братьям и приказало им проповедовать в славянской стране новую веру на славянском языке. Заслугу в приобретении славян для христианской веры Константин и Мефодий разделяют с патриархом Фотием и кесарем Вардой. Обращение живших в Империи славян проводилось византийцами уже длительное время², но только теперь началась

¹ Photii Epistolae // PG 102. Col. 736–737. К многократно обсуждавшемуся вопросу, происходили ли эти «росы» из Киева или из Тмутаракани, см. обширную библиографию в подробном и основательном обзоре: Мошин В. Варяго-русский вопрос // *Slavia* 10 (1931). С. 109–136, 343–379, 501–537 и Начало Руси. Норманны в Восточной Европе // *BSI* 3 (1931). С. 38–58, 285–307. См. тж.: Vasiliev A. The Russian Attack on Constantinople. Cambridge (Mass.), 1946. P. 169 ff., который высказывается за Киев.

² См. *Dvornik*. Les Slaves. P. 60 sv.

эпоха широкомасштабной миссионерской работы в отдаленном славянском мире за пределами имперских границ. Первым делом Константин создал славянскую письменность (так называемый глаголический алфавит), а затем приступил к переводу Священного Писания на славянский язык (македонско-славянский диалект). Богослужение солунские братья также проводили в Моравии на славянском языке. Тем самым был обеспечен успех миссии. Когда позднее, после преждевременной смерти Константина (который скончался 14 февраля 869 г. в греческом монастыре в Риме под именем монаха Кирилла), Мефодий потерпел поражение в борьбе с франкским клиром (поскольку поддержка далекой Византии не была действенной, а Рим после первоначального содействия в конце концов отказал в нем) и его ученики были изгнаны из страны, его делу и делу его брата было суждено пустить еще более глубокие корни и принести еще более обильные плоды византийской культуры в славянских странах. Своей письменностью, первым начаткам собственной литературы и культуры славянские народы обязаны солунским братьям, «апостолам славян»¹.

После крещения Моравии Болгария уже не могла долго избегать необходимости создать посредством принятия христианства более прочное основание для своего государственного и культурного существования. Как Моравия обратилась к Византии, так болгарский правитель Борис отправил посольство к франкам. Византия быстро вмешалась, поскольку не могла допустить духовного соединения соседней страны с государством франков и тем самым с Римом. Одержанная недавно победа над арабами, которая укрепила положение Империи и подняла ее авторитет, увеличила решимость византийского правительства и эффективность его действий. Появление византийской армии на болгарской границе, сопровождавшееся внушительной демонстрацией имперского флота у болгарского побережья, заставило Бориса согласиться с требованиями Византии. В 864 г. он принял христианство из Византии, получив в крещении имя Михаил, т.е. имя византийского императора, который выступил его крестным

¹ Чрезвычайно обильная литература об апостолах славян собрана в: Ильинский Г.А. Опыт систематической кирилло-мефодиевской библиографии. София, 1934. Продолжение этой библиографии: Попруженко М., Романски С. Кирило-мефодиевска библиография за 1934–1940 г. София, 1942.

отцом¹. Тотчас византийский клир приступил к крещению болгарского народа и организации болгарской Церкви.

Крещение означало для Болгарии не только большой прогресс в культурном развитии, но и привело к завершению процесс славянизации и тем самым — государственного и этнического сплочения молодой державы. Оппозиция старобулгарской знати, которая воспротивилась христианизации и славянизации страны, была подавлена Борисом-Михаилом, приказавшим отрубить головы 52 боярам. Однако как ни велики были выгоды христианизации для культурного прогресса и внутреннего укрепления болгарской державы, вскоре новообращенный властитель испытал разочарование. Византия намеревалась присоединить болгарскую Церковь под руководством греческого епископа к Константинопольскому Патриархату. Борис-Михаил, напротив, стремился к полной независимости своей юной Церкви под руководством собственного патриарха, и поскольку его притязания остались без удовлетворения, он отвернулся от Византии и обратился к Риму. Ничто не могло быть столь желанным для папы Николая I, как возможность оторвать Болгарию от византийской Церкви и поставить под римскую юрисдикцию. Он отправил в Болгарию своих легатов, которые с большой энергией приступили к делу, так что стало казаться, что Болгария полностью стала двигаться в римском фарватере. Впрочем, это положение продержалось недолго: очень скоро и здесь наступило разочарование, хотя на краткое время показалось, что Рим победил. Византия была вынуждена смотреть, как соседнее славянское государство ускользает от него, а римская сфера влияния продвигается к ее центру.

Конфликт между Римом и Константинополем достиг своей высшей точки. Как противник Рима, Фотий выступил поборником не только независимости византийской Церкви, но и самих жизненных интересов Византийской империи. Кесарь Варда и император Михаил III безоговорочно встали на сторону великого патриарха. Император направил папе послание, которое с беспримерной гордостью

¹ То, что крещение Бориса-Михаила, по всей видимости, произошло не в 865 г. (так *Златарски*. История. Т. 1, 2. С. 27 сл. и *Runciman*. Bulgarian Empire. P. 104), а уже в 864 г., показано в: *Vaillant A., Lascaris M.* La date de la conversion des Bulgares // *Revue des études slaves* 13 (1933). P. 5–15. Ср. тж.: Д. Анастасиевич в Архив за арбанаску старину 2 (1924). С. 137 сл.

выражало осознание византийским миром своей самодостаточности и превосходства. В ультимативной форме он потребовал аннулирования папского осуждения Фотия и с разящей резкостью отменил претензии Рима на первенство¹. Патриарх пошел еще дальше: он выставил себя судьей Западной Церкви, поставив ей в упрек заблуждения в вопросах литургики и церковной дисциплины, но прежде всего подверг нападению западное учение об исхождении Святого Духа от Отца и Сына (*ex Patre Filioque*). Фотий, которого папа считал возможным привлечь к своему суду в качестве обвиняемого, от имени Православия обвинил Рим в ереси. В 867 г. Собор, проведенный под председательством императора в Константинополе, наложил анафему на папу Николая, отверг римское учение об исхождении Святого Духа как еретическое и объявил вмешательство Рима в дела византийской Церкви незаконными. Окружное послание патриарха, которое подробно разъясняло и решительно клеймило ложность учения и обычаев Римской Церкви, прежде всего в вопросе о филиокве, было разослано восточным патриархам².

В этот момент наивысшего напряжения борьбы в Константинополе случился дворцовый переворот, который смешал все карты. На свою беду Михаил III подружился с Василием «Македонянином». Василий происходил из фемы Македония³ и вырос в крайней бедности. В поисках счастья он отправился в Константинополь и благодаря своей необычайной телесной силе получил место слуги при царской конюшне. Так начался его сказочный взлет, которым он обязан в равной мере своим выдающимся способностям и капризам императора. Умный и хитрый крестьянский сын стал ближайшим другом Михаила III и женился на его бывшей возлюбленной Евдокии Ингерине. С железной последовательностью, не чураясь ничем, он стремился к высшей власти. При этом он столкнулся с кесарем Вар-

¹ Реконструируется на основе Epist. Nicolai 86, 98 ad Michaellem imperatorem // MGH. Ep. VI, II, 1. P. 454 sq., 488 sq. (ed. Perels). *Dölger*. Reg. 464.

² *Grumel*. Reg. 481.

³ Т. е. из северо-западной Фракии. Несмотря на то что сам он звался Македонянин, а основанная им династия именуется Македонской, к собственно Македонии он не имеет никакого отношения, а по рождению происходит скорее из Фракии, из области Адрианополя. Также совершенно ненадежны сведения о его армянском происхождении, как это обычно полагают и как это с полной определенностью утверждает Адонц (*Adontz*. Basile Ier).

дой, но Михаил III оказался настолько очарован своим фаворитом, что бездумно пожертвовал в его пользу своим дядей. Громоздя одно клятвопреступление на другое, Василий и Михаил III заманили великого государственного деятеля в ловушку: во время похода на Крит, когда на одной из стоянок кесарь сидел на престоле рядом со своим племянником, Василий убил его собственной рукой (21 апреля 866¹). Наградой ему был венец соправителя, который Михаил III вручил ему по возвращении в Константинополь 26 мая 866 г. Теперь Василий получил от своего благодетеля все, что тот мог ему дать. Последний акт кровавой трагедии был ускорен тем, что Михаил III, будучи как всегда капризен и непредсказуем, начал менять отношение к своему соправителю. В ночь с 23 на 24 сентября 867 г. после праздничного пиршества Василий приказал убить пьяного императора в его покоях.

2. Эпоха кодификации права: Василий I и Лев VI

Общая литература: *Vogt. Basile Ier; Idem. La jeunesse de Léon VI le Sage // Revue Historique 174 (1934). P. 389–428; Moravcsik Gy. Sagen und Legenden über Kaiser Basileios I. // DOP 15 (1961). S. 59–126; Понов Н.А. Император Лев VI и его царствование в церковно-историческом отношении. М., 1892; Mitard M. Le pouvoir impérial au temps de Léon VI // Mélanges Diehl, I. Paris, 1930. P. 215–223; Kolias G. Léon Choerosphactès. Athènes, 1939; Grumel V. La chronologie des événements du règne de Léon VI // Échos d'Orient 35 (1936). P. 5–42; Monnier H. Les Nouvelles de Léon le Sage. Bordeaux, 1923; Spulber C.A. Les Nouvelles de Léon le Sage. Cernăuți, 1934; Noaille P., Dain A. Les Nouvelles de Léon VI le Sage. Paris, 1944; Bury. Administrative System; Dölger. Finanzverwaltung; Glykatzis-Ahrweiler. Recherches; Stöckle. Zünfte; Doormik. Photian Schism; Васильев. Византия и арабы. Т. 2; Vasiliev. The Struggle with the Saracens II (867–1057) // СМН, IV. 1923. P. 139–150; Gay. Italie.*

Мрачен был путь, который привел на константинопольский императорский престол Василия I (867–886), основателя так называемой Македонской династии. Рядом с ним стояла Евдокия Ингерина (ум. 882), бывшая возлюбленная убитого Михаила. Для обеспечения

¹ В оригинале ошибочно указан 865 г. — Прим. пер.

престолонаследия он уже 6 января 869 г. венчал в качестве соправителя своего старшего сына Константина; ровно через год и второй его сын Лев принял императорский венец, а примерно в 879 г., после преждевременной смерти Константина, и третий сын, Александр; младший, Стефан, пошел по духовной стезе и в правление своего брата Льва VI принял патриарший сан. Первенец и любимец императора, Константин, родился от его первого брака с «македонянской» Марией. Лев, Александр и Стефан были сыновьями Евдокии Ингерины¹, причем двое младших родились уже после вступления Василия на престол².

¹ Вопрос, являлся ли Лев VI законным сыном Василия I или скорее внебрачным сыном Михаила III, обсуждался чаще и жарче, чем некоторые основополагающие проблемы византийской истории. В настоящее время может считаться установленным, что Лев VI был сыном Василия I: ср.: *Adontz. Basile Ier. P. 501 sv.* Фогт (*Vogt A. Oraison funèbre de Basile Ier par son fils Léon VI le Sage. Rome, 1932. P. 10 sv.*) отказался от своего прежнего мнения о незаконнорожденности Льва (*Basile Ier. P. 60 sv.* и СМН, IV. P. 51, 54). Новая хронология Фогта тем не менее неприемлема; скорее, следует согласиться с Адонцем, что Константин происходил от первого брака Василия, что Евдокия Ингерина стала женой Василия лишь в 865 г., и далее вслед за Грюмелем (*Grumel V. Notes de chronologie byzantine // EO 35 (1936). P. 331–332*) полагать, что Лев родился 19 сентября 866 г. (ср. заметку Фогта: *Revue Historique 174 (1934). P. 389, n. 1*, где рождение Льва VI относится уже не к 864 г., а к 1 сентября 866 г.).

² Сведения источников о возрасте Александра и Стефана противоречивы, и Адонц (*Adontz. Basile Ier. P. 503 sv.*) стремится доказать, что родившийся в 870 г. Александр был младшим сыном Василия I. Однако мне кажется, что ясные соображения Жития Евфимия (ed. P. Karlin-Hayter // *Byz 25–27 (1955–1957). P. 10.20*) и самого Константина Багрянородного, безусловно, заслуживают предпочтения перед утверждениями хроники Логофета, сведения которой об истории семьи Василия I и в остальном не лишены ошибок. В высшей степени неправдоподобно, что Константин VII не был осведомлен о распределении по возрасту братьев своего отца и был вынужден установить его по акростику ВЕКЛАС, как это предполагает Адонц. Скорее, сам этот приписываемый Фотию акrostих (состоящий из начальных букв имен Василия, Евдокии, Константина, Льва, Александра и Стефана) является доказательством того, что Стефан был младшим сыном Василия I. В качестве такового он был определен для духовной карьеры. Равным образом Роман I посвятил Церкви своего четвертого и младшего сына Феофилакта. Как тот, так и другой в возрасте 16 лет вступили на патриарший престол, поскольку Стефан, который на основании вышеказанного родился примерно в 871 г., достиг сана патриарха в декабре 886 г. — Колиас (*Κολίας Γ. Βιογραφικά Στεφάνου Α' Οικογενεικὸν Πατριάρχου (886–893) // Προσφορά εἰς Στ. Κυριακίδην. Θεσσαλονίκη, 1953. Σ. 361*) ссылается на ямбический стих Льва Хиросфакта, согласно которому

Как и всякий византийский правитель, Василий I весьма активно занимался церковными делами. Поначалу он, однако, последовал линии, которая была противоположна той, что придерживались в церковной политике Варда и Михаил III. Сразу после вступления на престол он приказал заточить Фотия в монастырь, ударив тем самым в спину великому патриарху в решающий момент его исторической борьбы. Вслед за этим он вновь призвал на патриарший престол Игнатия (23 ноября 867) и возобновил сношения с Римом. В 869–870 гг. в присутствии легатов Адриана II в Константинополе состоялся Собор, который считается Римской Церковью Восьмым Вселенским и на котором над Фотием было произнесено отлучение. Тем не менее между Василием I и папскими легатами не было принципиального единогласия в весьма существенном пункте, поскольку обе партии имели совершенно разные представления о правах папской юрисдикции, и в то время как для римских легатов дело Фотия уже было в принципе решено приговором папы, то для императора было важно, чтобы возглавляемый им Собор вновь разъяснил это дело и вынес о нем суждение. Через три дня после завершения заседаний Собора в Константинополь явилось болгарское посольство; вновь было созвано церковное собрание, и перед ним был поставлен вопрос, должна ли болгарская Церковь относиться к римскому или к константинопольскому диоцезу, поскольку ожидания, которые правитель болгар Борис связывал с Римом, не оправдались. К достижению своей заветной цели, созданию самостоятельной Церкви в Болгарии, Борис посредством сотрудничества с папством не приблизился ни на шаг: оба его кандидата на призванный быть учрежденным болгарский архиепископский престол были отвергнуты Римом, и тогда он вновь обратился к Константинополю. Такова была подоплека болгарского посольства и поставленного им вопроса, который, несмотря на самые энергичные протесты римских легатов, был решен в пользу Византии благодаря третейскому решению представителей трех восточных патриархатов. Византия вынесла из событий последних лет урок и теперь была более

Стефан прожил «πενταπλὴν πεντάδα χρόνων». Тем не менее довольно сомнительно, что этот стихотворный оборот следует понимать буквально, как это делает Колиас, который исходя из этого полагает, что умерший 17 или 18 мая 893 г. Стефан родился «немногим до или после 17 или 18 мая 868 г.», то есть точно 25 лет тому назад, и, соответственно, вынужден менять даты рождения Льва VI и Александра.

уступчива: император приказал Игнатию посвятить для Болгарии архиепископа и нескольких епископов. Болгарская Церковь, хотя и признала право первенства Константинопольского Патриархата, однако обрела определенную автономию¹.

Так болгарский правитель благодаря ловкому использованию римско-византийского соперничества достиг своей цели, а Византия вновь обрела Болгарию. Болгарская держава, несмотря на повторные увещевания с римской стороны, осталась в лоне византийской Церкви и в сфере влияния византийской культуры². Однако тем самым исчезла почва для дружбы с Римом, которой Василий придавал большое значение и ради которой он пожертвовал Фотием. В самом деле, о задачах Византийской империи в славянском мире Василий думал то же, что и Фотий, которого он низложил, и Варда, которого он убил. Борьбу за Болгарию он вел в соответствии с их линией и довел ее до победного конца. Он также продолжил миссионерскую работу на Руси и, кроме того, привел к христианству славян в западной части Балканского полуострова, поставив их тем самым под влияние Византии.

Во время иконоборческого кризиса западная часть Балканского полуострова все больше выходила из-под сферы влияния византийского государства. К первой половине IX в. города Далмации и славянские племена на побережье и внутри материка, по-видимому, утратили связь с Византией³. В это время также образовалось независимое сербское государство под властью князя Властимира. Между тем адриатическому побережью грозила опасность со стороны арабов Южной Италии, и тут могло помочь только военно-морское могущество Византии. Когда после нападения на Будву (Бутуа) и Котор

¹ Доказательством особого положения Болгарской архиепископии внутри византийской Церкви является высокий ранг ее предстоятеля; см. «Клиторологий Филофея» (*Bury. Administrative System. P. 146*) и «Тактикон Бенешевича» (*Ranglisten. S. 114 ff.*), где архиепископ Болгарии занимает 16-е место среди всех духовных и светских чинов Империи, следуя непосредственно за синкеллом патриарха, в то время как прочие византийские митрополиты и архиепископы занимают 58-й и 59-й, а епископы — 60-й ранг.

² Теория Златарского (История. Т. 1, 2. С. 133 сл.) о том, что римские легаты одобрили решение Собора, лишена основания. Ср. мою критику в: Югосл. Истор. Часопис 1 (1935). С. 512 сл.

³ De adm. imp. Cap. 29.58 sq.

(Декатера, Катар) арабский флот в 867 г. появился перед Дубровником (Рагузой) и подверг город осаде, осажденные послали призыв о помощи в Константинополь. Прибытие сильной византийской эскадры принудило арабов снять осаду, продлившуюся 15 месяцев, и отступить в Южную Италию. Тем самым был вновь упрочен авторитет Византийской империи и восстановлен византийский суверенитет в восточной Адриатике. Тогда же была учреждена фема Далмация, которая включала в себя далматинские города и острова¹. Правда, эти византийские города и острова фактически находились в большей зависимости от славянского хинтерланда, чем от Константинополя: они платили дань славянским племенам, в то время как ничтожные выплаты императорским стратигам имели лишь символический характер². С другой стороны, эти славянские племена и сами признавали суверенные права Византии и были обязаны оказывать Империи военную помощь. Византийское влияние на Балканском полуострове значительно укрепилось, и это имело своим последствием быстрое распространение христианства. Именно тогда Сербия и сербские племена побережья приняли от Византии христианство³. Даже в Хорватии византийское влияние на некоторое время взяло верх над влиянием франкской державы и Римской Церкви. Дальнейший сильный импульс византийская миссионерская деятельность получила на Балканском полуострове, особенно в Болгарии и Македонии, когда сюда прибыли изгнанные из Моравии ученики Мефодия (ум. 885), чтобы посредством проповеди и просвещенческой деятельности на славянском языке распространять христианскую веру и византийскую культуру среди славянских народностей. Так установилось естественное с исторической точки зрения положение: Моравия осталась в сфере влияния Римской Церкви, в то время как Болгария, Македония и Сербия встали на сторону Византии.

После того как имперский флот отразил арабские нападения на далматинское побережье и сорвал осаду Дубровника, Византия вмешалась в дела Южной Италии. Против наступления сицилийских

¹ См.: *Ферлуга J.* Византиска управа в Далмацији. Београд, 1958.

² De adm. imp. Cap. 30.127 sq.

³ См. интересную статью Радойичича: *Radojičić G.Sp.* La date de la conversion des Serbes // Byz 22 (1952). P. 253–256, который обращение сербов помещает под 867–874 гг.

арабов Василий I планировал совместные действия с императором Людовиком II и Римом: в конечном итоге именно в этом заключалась причина его дружественной по отношению к Риму политики. Однако в Сицилии не удалось достичь ничего, более того, в 870 г. арабы заняли Мальту, что означало дальнейшее укрепление их положения в Средиземноморье. Впрочем, в 871 г. Людовик взял Бари, однако для византийцев, которые ушли с пустыми руками, это было лишь новым разочарованием. Отношения между двумя правителями сильно осложнились, и Василий, который незадолго перед этим согласился на свадьбу своего первенца с дочерью Людовика, осыпал своего союзника упреками и поставил под сомнение его право на титул римского императора¹.

Последующие годы были посвящены войне на Востоке, где все больше одерживали верх павликиане, распространившиеся по всей Малой Азии. Зять императора Христофор, бывший в чине доместика схол главнокомандующим, в 872 г. одержал над павликианами решительную победу, разрушил их цитадель Тефрику, а также несколько других крепостей и рассеял их армию в кровопролитном сражении, в котором погиб предводитель павликиан Хрисохир. Эта победа сделала возможной дальнейшее продвижение византийцев на Востоке. Уже в 873 г. Василий вторгся в приевфратские области, овладев Запетрой и Самосатой. Своей главной цели император, впрочем, не достиг, поскольку во время попытки взять крепость Мелитину он понес чувствительное поражение. Однако, несмотря на то что Василий как в этот раз, так и во время своих последующих походов в Приевфратье и пограничный Тавр был вынужден довольствоваться лишь половинчатыми успехами, на восточной границе для Византии начался период планомерного наступления². Ослабление арабской державы сделало возможным также возрождение Армении. Как халиф, так и византийский император признали Ашота I царем (885 или 887), и тем самым для Армении началась эпоха возвышения под властью туземной царской династии Багратуни³.

¹ Восстанавливается на основании: Epist. Ludovici ad Basilium imperatorem // MGH SS, III. P. 521 sq.; *Dölger*. Reg. 487.

² *Honigmann*. Ostgrenze. S. 64.

³ См.: *Laurent J.* L'Arménie entre Byzance et l'Islam depuis la conquête arabe jusqu'en 886. Paris, 1919; *Grousset R.* Histoire de l'Arménie. Paris, 1947.

В Италии положение Византии также укрепилось. Владелец Беневенто, восставший против Людовика II, поставил себя под защиту Византии (873), а после смерти Людовика II (875) город Бари также открыл свои ворота перед византийским стратигом (конец 876). Византия смогла отразить новые нападения арабов на приморские области Далмации, Средней Греции и Пелопоннеса и даже на 7 лет вновь овладела Кипром¹. Это, впрочем, не изменило того факта, что арабы, как и прежде, продолжали господствовать в Средиземноморье, и вскоре Византия получила очень жестокий удар в наиболее чувствительном месте, Сицилии: Сиракузы, долго сопротивлявшиеся врагу, в 878 г. попали в руки арабов. Впрочем, большим выигрышем оказалось то, что Византия смогла утвердиться по крайней мере в континентальной Южной Италии, а в последние годы правления Василия I здесь под руководством выдающегося полководца Никифора Фоки византийцы начали сильное и успешное наступление: Южная Италия вновь перешла под контроль Византии². Посреди враждовавших между собой мелких итальянских государств Византия представляла собой единственный прочных фактор, и даже Рим, который чувствовал опасность со стороны непрерывных нападений арабов на итальянское побережье, был вынужден искать помощи у византийского императора. Этой расстановкой сил и объясняется та уступчивая позиция, которую заняло в это время папство по отношению к Византии в церковных вопросах.

Император Василий должен был признать, что церковно-политическая переориентация, которую он осуществил после своего прихода к власти, оказалась холостым выстрелом. Его попытка уладить церковный спор в Византии посредством удаления Фотия потерпела неудачу, поскольку сторонники низложенного патриарха не дали

¹ Теория Р. Долли (*Dolley R.H. A forgotten byzantine conquest of Kypros // Bull. de l'Acad. de Belgique* 34 (1948). P. 209–224), согласно которой византийцы, вопреки совершенно ясному высказыванию Константина Багрянородного (*De thematibus*, XV.20, ed. Pertusi), заняли Кипр не при Василии I, а скорее при Льве VI и владели им, таким образом, с 906 по 915 гг. не выдерживает критики, как это показал уже приведенный А.А. Васильевым материал источников (Византия и арабы, II. С. 50 сл., 164 сл.). Ср. тж.: *Jenkins R.J.H. Cyprus between Byzantium and Islam // Studies presented to D.M. Robinson. St. Louis, 1953. P. 1008, n. 15.* О морских операциях Имерия при Льве VI см. ниже, гл. 2.

² См.: *Gay. Italie*. P. 132 sq.

себя обескуражить, и борьба партий продолжилась. С Фотием или без него, конфликт с Римом по болгарскому вопросу оказался неизбежен, а после разочаровывающих результатов сотрудничества с западными державами в Южной Италии император осознал, что его церковно-политическая переориентация не принесла плодов. Уже в 875 г. он вернул Фотия в Константинополь и поручил ему воспитание своих сыновей. Когда же 23 октября 877 г. умер престарелый Игнатий, уже через три дня Фотий вторично вступил на патриарший престол и на сей раз был признан Римом. Условия, с которыми папа Иоанн VIII связывал это признание, не возымели практического эффекта. В ноябре 879 г. Фотий в присутствии папских легатов провел Собор из 383 епископов, который принес ему лично чрезвычайное удовлетворение: осуждение 869–870 гг. было торжественно аннулировано¹.

Хотя и безродный выскочка, Василий I был горячим поклонником как греческой культуры, так и римского права. Культурный взлет, который начался при Феокисте и Варде, продолжился и в его правление. Василий запланировал произвести обширное собрание законов — пересмотр законодательных книг Юстиниана с добавлением более новых законов. Этот грандиозный труд, который император показательным образом назвал «очищением старых законов» (*ἀνακάθαρσις τῶν παλαιῶν νόμων*), по-видимому, остался незаконченным и не был опубликован, однако послужил тем фундаментом, на котором Лев VI создал свои «Василики». Сохранились две небольшие по объему книги законов, которые Василий I предпослал своему труду. Сначала вышел «Прόхирон» (*ὁ πρόχειρος νόμος*), который был издан от имени императоров Василия, Константина и Льва, — следовательно, между 870 и 879 гг. Как говорится уже в заглавии, «Прохирон» представляет собой руководство, предназначенное для практического

¹ То, что Собор 879 г. не привел к дальнейшему разрыву между Римом и Константинополем и что «второй фотиянский схизмы» вовсе не существовало, впервые показали Ф. Дворник и В. Грюмель (*Dvornik F. Le second schisme de Photius // Byz 8 (1933). P. 425–474; Grumel V. Y eut-il un second schisme de Photius? // Revue des Sciences philos. et théol. 32 (1933). P. 432–457; La liquidation de la querelle Photienne // EO 33 (1934). P. 257–288*). Этот важный результат нашел полное подтверждение в дальнейших исследованиях, которые здесь нет нужды приводить по отдельности, поскольку теперь можно сослаться на обобщающий большой труд: *Dvornik F. Photian Schism. P. 202 ff.*

использования. Из необозримого множества законов он выбирает важнейшие и наиболее употребительные предписания гражданского и публичного права и систематически излагает в 40 титулах. Целью сделать «Прохирон» общедоступным уложением обуславливается и то, что он прежде всего черпает свой материал из Институций и, напротив, в меньшей степени привлекает другие части юстинианова Корпуса. Авторы «Прохирона» лишь в редких случаях обращаются к оригиналу, чаще используя позднейшие греческие переводы и комментарии. В сущности, «Прохирон» служил той же цели, что и «Эклога» Льва III, которая также была задумана как практический судебник для повседневного использования судьями. Впрочем, Василий I, стремясь вновь оживить римское право, попытался весьма резко отмежеваться от правового труда императора-иконоборца, который, по его мнению, представлял собой «ниспровержение добрых законов»¹. На самом же деле «Прохирон» весьма многим обязан полезному и ставшему популярным уложению Льва III. Несмотря на все пренебрежение к «Эклогам», «Прохирон» обеими руками черпает из нее, особенно в своей второй части, содержащей постановления по наследственному и публичному праву. «Прохирон» нашел в Византии широкое распространение и сохранял свое действие вплоть до падения Империи. Кроме того, так же, как и «Эклога», он уже в раннее время был переведен на славянский язык и пользовался большим авторитетом как у южных, так и у восточных славян.

На время после 879 г. приходится составление от имени императоров Василия, Льва и Александра «Исагоги»², которая мыслилась в качестве введения к задуманному собранию законов³. В значительной

¹ «Прохирон»: *Zepos. Jus. II. P. 116.*

² Во времена Острогорского памятник был известен как «Эпанагога», но в переводе дается его современное более точное название «Исагога» (είσαγωγή, Введение). См.: *Schminck A. Studien zu mittelbyzantinischen Rechtsbüchern. Frankfurt a/M., 1986. S. 1–15. — Прим. пер.*

³ Цахариэ (*Zachariä. Geschichte. S. 22*) придерживался того мнения, что официальной публикации «Исагоги» так и не последовало. Это мнение разделяли многие исследователи, среди прочих: *Vogt. Basile Ier. P. 135; Collinet P. в СМН, IV. 1924. P. 712; Kržišnik C. O pravni naravi Epanagoge // Slov. pravnik (1935).* В пользу официального характера «Исагоги» высказались следующие исследователи: *Сокольский В. О характере и значении Эпанагоги // ВВ 1 (1894). С. 18–54; Вернадский Г. Византийские учения о власти царя и патриарха // Recueil Kondakov.→*

мере «Исагога» воспроизводит «Прохирон», однако при этом не только располагает материал в новом порядке, но местами также и со значительными изменениями. В еще большей степени, чем «Прохирон», она пользуется материалом «Эклоги», причем уже в разделе о брачном праве «Исагога» обращается к «предосудительному» уложению иконоборцев, в то время как «Прохирон» в этой части еще придерживается юстинианова права и только в последующих разделах начинает заимствовать из «Эклоги». Далее, «Исагога» содержит совершенно новые и достойные внимания части, которые посвящены правам и обязанностям императора, патриарха и других светских и церковных сановников. Церковно-государственный организм представлен здесь как состоящее из многих частей и членов единство, над которым, как две главы вселенной, возвышаются царь и патриарх, чтобы в тесном и мирном сотрудничестве заботиться о благе человечества. Параллельно этому описаны и функции обеих властей: светский глава заботится о телесном, а церковный — о духовном благополучии подданных. Без сомнения, автором этого учения о двух властях был не кто иной, как Фотий, который в то время вновь занимал патриарший престол. Его влиянию также следует приписать и то, что «Исагога» постулирует идеальное соотношение между верховной светской и духовной властью в духе идей православных церковных кругов.

То, что практика радикально расходилась с теорией, Фотию было известно слишком хорошо, причем вскоре ему было суждено вновь в этом убедиться. После ранней смерти Константина (879) права престолонаследия были переданы Льву, несмотря на отвращение и глубокое недоверие, которое испытывал к нему отец. Василий не мог успокоиться после смерти своего первенца и последние годы своей жизни провел в тяжелой депрессии. 29 августа 886 г. он умер, получив смертельную травму на охоте. После своего восшествия на

-
- Prague, 1926. С. 152; Die kirchlich-politische Lehre der Epanagoge // BNJ 6 (1928). S. 121 и The Tactics of Leo the Wise and the Epanagoge // Byz 6 (1931). P. 333–335; *Бенеманский М.И.* О прохѣрос νόμος императора Василия Македонянина. Сергиев Посад, 1906. С. 151 сл. Во всяком случае, «Исагога» никогда не достигла такого значения и распространения, как «Прохирон». В противоположность «Эклоге» и «Прохирону», она никогда не была полностью переведена на славянский язык. Ее учение об императоре и патриархе стало известно в славянском мире благодаря сделанному при Стефане Душане славянскому переводу составленной в 1335 г. «Синтагме» Матфея Властаря.

престол Лев VI устранил великого патриарха и передал патриаршую власть своему юному брату Стефану¹. После этого Фотий окончательно исчезает с исторической сцены. Умер он в ссылке в Армении.

Формально Лев VI (886–912) делил верховную власть со своим братом Александром, однако тот наслаждался жизнью, не заботясь о делах правления². Главнейшим советником императора в первый и наиболее плодотворный период его правления был отец его возлюбленной и позднее жены, Зои, армянин Стилиан Зауца (ум. 896),

¹ Грегюар (*Grégoire*. Neuvième siècle. P. 549; ср.: Byz 8 (1933). P. 503, n. 2) и Фогт (*Vogt A.* Note sur la chronologie des patriarches de Constantinople au IXe et au Xe siècles // EO 32 (1933). P. 276) относят возведение Стефана на патриаршество к декабрю 887 г., тогда как Грюмель (*Grumel V.* La chronologie des événements du règne de Léon VI // EO 35 (1936). P. 10 sv.) с новыми аргументами выступил в пользу принятой всеми старыми исследователями хронологии, утверждая, что Стефан вступил на патриарший престол в декабре 886 г., через несколько месяцев после вступления на императорский престол Льва VI. Ср.: *Grumel*. Reg. II. P. 130 (18 дек. 886); *Kolias Γ.* Βιογραφικά Στεφάνου Α' Οἰκουµενικοῦ Πατριάρχου (886–893) // Профсфорὰ εἰς Στ. Κυριακίδην. Θεσσαλονίκη, 1953. Σ. 358 ἐπ. Поставление на патриаршество своего еще не достигшего 16-летнего возраста брата, которое предоставляло Льву VI неограниченное влияние на управление Церковью, вероятно, и было главной целью отстранения сильного и самовластного Фотия. Во всяком случае, это представляется мне более убедительным объяснением, чем предположение Дворника (*Dvornik*. Photian Schism. P. 241 ff.) о том, что Лев VI руководствовался намерением в противоположность политике своего отца держаться другой стороны в споре византийских церковных партий и поддерживать радикальное течение в Церкви. Лев VI связал себя с монашеской партией только вследствие сложностей, которые у него возникли через 20 лет из-за его четвертого брака; кроме того, ничто не свидетельствует о том, что личная неприязнь между ним и его отцом привела к какой-либо политической смене курса. Представляется, что имело место как раз обратное, как это ясно демонстрирует работа в сфере кодификации права. Во всяком случае, с вопросом об отношениях с Римом (как это хорошо показал Дворник, *op. cit.*) второе низложение Фотия никак не связано.

² Отношения между двумя братьями были весьма натянутыми, а подчас прямо враждебными. Тем не менее мнение о том, что Лев VI на время даже лишил своего брата титула соправителя (так *Lampros S.* BZ 4 (1895). S. 92 и *Runciman*. Romanus Lecapenus. P. 45), является ошибочным. См. мои замечания в SK 5 (1932). С. 253, прим. 10. Неверно и мнение Шпульбера (*Spulber C.A.* Les Nouvelles de Léon le Sage. Cernăuți, 1934. P. 47) о том, что соправительство Александра прекратилось после венчания на царство Константина VII. Ошибочность этого доказывается уже византийско-русским договором 911 г., который упоминает императоров Льва, Александра и Константина: *Trautmann*. Die Nestorchronik. S. 19 (где в качестве даты заключения договора ошибочно назван 912 г.).

который был наделен специально изобретенным для него титулом василеопатора.

Как ученик Фотия, по отношению к которому он выказал такую неблагодарность, Лев, получивший прозвание Мудрого, был прекрасно образован и обладал многосторонней ученостью¹. Он был плодовитым писателем и вдохновенным ритором. Еще сильнее, чем у его отца, которого он по понятным причинам намного превосходил своей образованностью, в нем проявлялся антикизирующий вкус, который, впрочем, прежде всего находил выражение в его литературном творчестве, имевшем сильный богословский оттенок. Лев был благочестивым правителем, активно интересовавшимся церковными и богословскими вопросами. От него дошли литургические поэмы и многочисленные гомилии и речи, которые он имел обыкновение самолично произносить во время церковных празднеств, пространные догматические трактаты, уснащенные классическими реминисценциями. Он также сочинил длинную траурную речь, посвященную своему отцу, и ряд весьма вычурных светских поэм. Это литературное творчество принесло ему, по-видимому, уже при жизни прозвание Мудрого (Σοφός)². Впоследствии личность Льва Мудрого перешла в легенды, сделавшие из этого достаточно бесцветного правителя пророка, мага и астролога. В нем усматривали автора возникшего значительно позже собрания оракулов о судьбах Империи, которые в Византии, а также в латинском и славянском мире были чрезвычайно популярным чтением как в византийское, так и в поствизантийское время³.

Но с другой стороны, Лев Мудрый был, без сомнения, наиболее плодовитым законодателем со времен Юстиниана. Законодательная работа, которая приходится на его время, весьма значительна и чрезвычайно обширна. Впрочем, не следует переоценивать личного участия Льва Мудрого в этой работе, хотя и не подлежит сомнению, что его ученость и писательское рвение пошло этому предприятию на пользу. Обширные наработки имелись уже от времени его отца,

¹ См.: *Vogt A.* La jeunesse de Léon VI le Sage // *Revue historique.* 174 (1934). P. 403 sv.

² См.: *Grégoire H.* в *Byz* 5 (1929) 399–400; *Laurent V.* в *EO* 34 (1935). P. 461; *Spulber C.A.* Les Nouvelles de Léon le Sage. Cernăuți, 1934. P. 42.

³ См. об этом подробное исследование: *Mango C.* The Legend of Leo the Wise // *ЗРВИ* 6 (1960). С. 59–93.

причем бросается в глаза, что наибольшая законодательная активность приходится на первое десятилетие его правления, т.е. на то время, когда рядом с ним находился Стилиан Зауца. По сравнению с этим первым периодом последующее время правления Льва, время его большей зрелости, выглядит менее плодотворным.

Несмотря на глубокое отвращение, которые царило в отношениях между отцом и сыном, и сильные различия их характеров, цели Василия I и Льва VI во многом являются сходными. Предпринятая при Василии I новая переработка юстинианова права нашла свое завершение в «Василиках» Льва VI. Императорские законы Льва Мудрого (τὰ Βασιλικά), разделенные на 60 книг, заключенные в шести томах (почему они назывались Εξήκοντάβιβλος и Εξάβιβλος), представляют собой крупнейшее законодательное собрание средневековой Римской империи. Они были выработаны комиссией юристов под председательством протоспафария Симватия и были опубликованы уже в первые годы правления Льва VI, что служит еще одним доказательством, что предварительные наработки по «очищению», предпринятые при Василии, продвинулись весьма далеко вперед и были использованы при Льве VI. «Василики» представляют собой собрание как канонического, так и гражданско-публичного права. Прежде всего они черпают свой материал из юстинианова Кодекса и Дигест, в меньшей степени из Институций, далее — из новелл как Юстиниана, так и Юстина II и Тиверия, которые в позднейшем собрании так называемых 168 новелл были присоединены к юстиниановым. Наконец, кое-что они заимствуют из «Прохирона». Так же, как и ученые-юристы Василия I, юристы Льва VI не обращались к латинским источникам, а использовали греческие версии и комментарии VI–VII вв. По сравнению с Корпусом гражданского права Юстиниана «Василики» имели для византийского пользователя то большое преимущество, что были составлены на греческом языке и в то же время были легче обозримы, поскольку заключали весь систематически расположенный материал в одном труде, в то время как Корпус (что в прооймионе к «Василикам» упоминается в качестве его главного недостатка) об одном и том же предмете толкует в разных местах. Отсюда неудивительно, что «Василики» почти полностью вытеснили из употребления уложение Юстиниана и стали для средневековой Византии основой юриспруденции. Их текст был вскоре снабжен многочисленными схолиями, из которых

важнейшие, так называемые «старшие схолии», восходят ко времени Константина VII, а «младшие» относятся к XI, XII и XIII вв. В XII в. к «Василикам» был сделан указатель, который известен под названием «Типу́китос» (τί ποῦ κεῖται; — буквально: «что где лежит?»), ценность которого заключается для нас прежде всего в том, что он дает сведения о содержании несохранившихся книг¹.

Как бы ни велико было значение «Василик» для правового развития Византии, их ценность как исторического источника ограничена. Эта большая юридическая компиляция либо вовсе не отражает современной ей действительности, либо делает это в незначительной мере: прежде всего она отражает прежние и по большей части уже устаревшие правовые положения прошедших веков². Современные эпохе Льва VI отношения находят отражение в его новеллах. От Льва VI осталось собрание, состоящее из 113 указов, за которым, по примеру новелл Юстиниана, закрепилось название собрания новелл. Однако изначальное название этого собрания, которое еще раз подчеркивает тесную связь законодательного труда Льва VI с трудом его отца, звучит как «Исправляющие очищения законов» (αἱ τῶν νόμων ἐπανορθωτικά καὶ ἀνακαθάρσεις). Новеллы Льва VI касаются различных вопросов, которые выглядят бессистемно следующими друг за другом, и содержат упразднения или изменения старых законов, сопровождаемые соответствующей мотивировкой. Наряду с этим они содержат также предписания, которые придают силу закона обычной правовой практике. Чисто церковные постановления (Nov. 2–17, 75) адресованы патриарху Стефану, все прочие, за исключением нескольких

¹ Изд.: М. Κριτοῦ τοῦ Πατρὸς Τίπουκεϊτος. Lib. I–XII / Ed. C. Ferrini, J. Mercati. Roma, 1914 (Studi e Testi; 25); Lib. XIII–XXIII / Ed. F. Dölger. Roma, 1929 (Studi e Testi; 51); Lib. XXIV–XXXVIII / Ed. St. Hoermann, E. Seidl. Roma, 1943 (Studi e Testi; 107). См. тж.: Dölger F., Seidl E. Beiträge und Berichtigungen zum Tipukeitos // BZ 39 (1939). S. 146; Seidl E. Die Basilikenscholien im Tipukeitos // BZ 44 (1951). S. 534–540.

² Зачастую это учитывается недостаточно, и «Василики» без надлежащих оговорок используются как источник для IX в. Ср.: Каждан А.П. Василики как исторический источник // ВВ 14 (1958). С. 56–66; Каждан верно подчеркивает, что Василики отражают политические и социальные отношения шестого, а не девятого века. Это воззрение лишь незначительно опровергается возражениями М.Я. Сюзумова (Василики как источник для внутренней истории Византии // ВВ 14 (1958). С. 67–75) и Е.Э. Липшиц (Несколько замечаний о Василиках как источнике // ВВ 14 (1958). С. 76–80).

лишенных адресата, — Стилиану Зауце¹. Как и в случае с Юстинианом и его префектом претория Иоанном Каппадокийцем, адресат и здесь был, собственно, автором новелл. Этим объясняется то, почему законодательство Льва, столь обильное при жизни Зауцы, становится столь скромным после его смерти.

Особого внимания заслуживают те новеллы Льва, в которых отменяются древние права городских курий и сената². Между тем сословие куриалов уже очень давно пришло в упадок, а административные и законодательные функции сената сохранялись только на бумаге. Тем не менее их окончательное упразднение посредством законодательного акта является знаменательным, коль скоро в каждой из трех новелл оно недвусмысленно обосновывается тем, что теперь все управление Империей находится в руках императора. Законодательство Льва VI знаменует собой окончание важного с исторической точки зрения процесса, в результате которого вся государственная власть сосредотачивается в руках императора и все государственные дела поручаются попечению имперского чиновничьего аппарата. Всемогущество императора и бюрократизация государственного организма достигают при Македонской династии своего полного развития. Сенат (синклит), который состоит из высших чиновников Империи, влачит теперь призрачное существование и утрачивает не только свои древние функции, но и то значение, которым он обладал в VII и VIII вв. Государство отождествляется с императором и его военным и бюрократическим аппаратом. Император является избранником Божиим, на котором почит Божественный Промысл. Он является главой всей имперской администрации, верховным главнокомандующим, верховным судьей и единственным законодателем,

¹ Несмотря на аргументы Шпульбера (*Spulber C.A. Les Nouvelles de Léon le Sage. Cernăuți, 1934. P. 81–82*), часто высказываемое мнение о том, что собрание новелл было опубликовано перед заключением второго брака Льва VI, может оставаться в силе, ибо новелла 90 подчеркнуто не одобряет второй брак. При этом следует, однако, учесть, что Лев VI (как показал *Grumel V. La Chronologie des événements du règne de Léon VI // EO 35 (1936). P. 5 sv.*) вступил во второй брак лишь весной 898 г. В пользу более ранней даты публикации говорит, однако, то обстоятельство, что скончавшийся 17 мая 893 г. Стефан является единственным патриархом, который известен в новеллах Льва. См.: *Kržišnik C. BZ 37 (1937). S. 486–492.*

² Nov. 46, 47, 78: *Zepos. Jus. I. P. 116–117, 147; Noaille P., Dain A. Les Nouvelles de Léon VI le Sage. Paris, 1944. P. 182, 184, 270.*

защитником Церкви и хранителем правой веры. Он принимает решения о войне и мире, его приговор окончателен и не подлежит обжалованию, его законы считаются как бы данными от Бога. Впрочем, он должен придерживаться действующего права, однако ему также подобает издавать новые законы и отменять старые. В качестве главы государства император обладает практически неограниченной властью и является связанным лишь заветами морали и нравственности¹.

Лишь в религиозной сфере власть правителя сталкивается с реальным ограничением. Каким бы сильным ни было влияние императора на строй церковной жизни, как мирянин он мог быть лишь защитником, но не руководителем Церкви. Церковь имела своего собственного главу, патриарха Константинопольского, власть и авторитет которого постоянно росли. Несмотря на то что фактически император принимал решение о замещении патриаршего престола, а в качестве законодателя вмешивался и в дела церковного управления, однако, в отличие от назначения и снятия светских сановников, которое принадлежало к исключительной компетенции императора, назначение и тем более низложение церковных иерархов требовало также согласия клира. Кроме того, в отличие от законов своих предшественников, император не имел права отменять либо изменять определения церковных Соборов. Высшей инстанцией в церковной жизни остается церковный Собор, которому единственно и принадлежит право выносить решения по вопросам вероисповедания. Император должен лишь хранить существующую веру. В то время как светские факторы, некогда ограничивавшие власть правителя, утрачивают свое значение, власть Церкви растет одновременно с властью императора².

¹ Хотя законы Льва охотно рассуждают о всеобщем благе подданных, равной справедливости для всех и тому подобно, однако не выводят из этих назидательных максим тех следствий, которые хотят вывести из них некоторые современные исследователи. Ср.: *Michaélidès-Nouaros G.* Les idées philosophiques de Léon le Sage sur les limites du pouvoir législatif et son attitude envers les coutumes // *Μνημόσυνον Π. Βιζουκίδου. Θεσσαλονίκη*, 1960. P. 27 sv.; согласно этому автору, законодательство Льва VI велось в духе гуманизма и либерализма и опиралось на «общественное мнение» (*opinion publique*)...

² Часто применяемый к Византии жупел «цезарепапизма» дает искаженную картину отношений, которые в действительности существовали между государством и Церковью в средневековой Византийской империи, на что я уже указывал (*Отношение Церкви и государства в Византии* // *СК 4* (1933). С. 121 сл.). Не придерживаясь ныне всех моих тогдашних тезисов, я вместе с тем до сих пор

Система управления и чиновничий аппарат Византийской империи достигают в правление Македонской династии известной степени совершенства¹. Движение в направлении, принятом в VII в., зашло весьма далеко и достигло состояния, которое сильнейшим образом отличается от его исходного пункта — позднеимперской государственной системы.

Развитие фемного устройства приходит на рубеже IX–X вв. в определенном смысле к своему завершению. Вследствие постепенного деления первоначальных крупных фем на более мелкие фемные единицы и учреждения фемного устройства в отдаленных областях число фем значительно возросло; одновременно произошло значительное упрощение провинциального гражданского управления. Поскольку фемы IX в. были едва ли большими, чем старые провинции, фемное проконсульство слилось с провинциальным наместничеством. Соответственно, во второй половине IX в. исчезла должность фемного проконсула, и с нею исчез последний рудимент системы Диоклетиана—Константина. Вместо проконсулов (*ἀνθύπατοι*) в качестве руководителей гражданской администрации появляются фемные протонотариі (*πρωτοτάρχοι*), прежние начальники проконсульской канцелярии². Перевес военной власти стратигів становится тем самым еще более явным. В то же время пестрота прежней фемной организации уступает место единообразной; строго унифицированной системе, причем различные небольшие военные округа — клисуры,

сохраняю мнение о том, что между церковно-государственными отношениями в наполовину римской Империи первых веков с одной стороны и в средневековой Византийской империи с другой имеется фундаментальное различие. Напротив, Дёльгер (BZ 31 (1931). S. 449–450) полагает, что отношения между Церковью и государством в каждом конкретном случае зависели от качеств отдельных государственных и церковных руководителей. Особенно типичным для теории постоянной подчиненности Церкви «цезарепапистскому» византийскому государству являются рассуждения Г. Гельцера: *Gelzer H. Das Verhältnis von Staat und Kirche in Byzanz // Historische Zeitschrift* 86 (1901). S. 193–252. — Очерченное мной развитие церковно-государственных отношений в Византии находит, тем не менее, полное подтверждение и в памятниках изобразительного искусства; ср. глубокие рассуждения в: *Grabar. Empereur*. P. 175 sv. и *passim*.

¹ См.: *Bury. Administrative System*; *Bréhier. Institutions*. P. 121 sv.; *Ensslin W. The Emperor and the Imperial Administration // Byzantium. An Introduction to East Roman Civilization / Ed. N.H. Baynes, H.S.L.B. Moss. Oxford, 1949. P. 268–307.*

² См. важные рассуждения Штайна: *Stein. Ein Kapitel*. S. 70 ff.

архонтаты, дукаты, катепанаты, друнгариаты, — которые образовывались наряду с собственно фемными единицами, постепенно получают ранг фем¹.

В начале X в. в Империи насчитываются следующие фемы: в Азии — фемы Опсикия, Вукеллариев, Оптиматов, Фракисиев, Анатоликов, Армениаков, Пафлагония, Каппадокия, Халдия, Колония, Харсиан, Месопотамия, Севастия, Ликанд, Леонтокомис, Селевкия² и морская фема Кивирреотов; на море — фемы Самос и Эгейское море; в Европе — Фракия, Македония, Стримон, Фессалоника, Эллада, Пелопоннес, Кефаллиния, Никополь, Диррахий, Далмация, Сицилия, Лонгивардия и Херсонес³. В дальнейшем фемное устройство претерпевает изменения прежде всего вследствие учреждения в Империи новых фем благодаря завоеваниям новых областей, в противоположность чему создание новых фем на старой территории становится чрезвычайно редким. Только упадок византийской системы управления в конце XI в. повлек за собой новые разделения или разукрупнения⁴.

Если рассматривать византийский административный аппарат, о котором нам предоставляют сведения перечень чинов Филофея и родственные ему списки должностей IX и X вв.⁵, то следует строго различать между действительными должностями и почетными титулами. Внешне различие проявляется в том, что должности даются через издание указа о назначении (*διὰ λόγου*), а титулы — через

¹ Значение этих военно-административных единиц меньшего ранга внутри старой фемной системы прекрасно отмечено в: *Ферлуга J.* Ниже войно-административные единицы тематского устроения // ЗРВИ 2 (1953). С. 61–94.

² Пять последних фем еще отсутствуют в «Клиторологии» Филофея, но в качестве таковых фигурируют уже в «Тактиконе» Бенешевича и книге «О фемах» Константина Багрянородного (Леонтокомис отсутствует в последней определенно по недосмотру, так же, как без видимой причины отсутствуют там фемы Харсиан, Каппадокия и Далмация). Месопотамия уже ок. 908–910 гг. приводится в списке окладов фемных стратигов в «Книге церемоний» (*De caerim.* Р. 697.3) в качестве фемы, в то время как четыре других округа фигурируют там в качестве клисур. О списке окладов и времени его возникновения см.: *Ферлуга J.* Прилог датирану платного списка стратега из «*De caerimoniis aulae byzantinae*» // ЗРВИ 4 (1956). С. 63–70.

³ Упомянутая в книге «О фемах» Константина фема Кипр просуществовала недолгое время при Василии I, после чего вновь была захвачена арабами.

⁴ См.: *Stein.* Untersuchungen. S. 19 ff.

⁵ См.: главу «Источники» IV раздела. О «Клиторологии» Филофея см. теперь: *Guiland R.* Etudes sur l'histoire administrative de Byzance // REB 20 (1962). Р. 156–170.

вручение знаков отличия (διὰ βραβείων). По большей части титулы являются не чем иным, как более древними должностями, которые со временем утратили свое значение и сохранили лишь титулярный характер. В добавление к этому следует всегда иметь в виду, что в вышеупомянутых списках должностей отражено состояние византийского аппарата в определенную, ограниченную эпоху и что они вполне действительны только для этого времени, которое, впрочем, полностью совпадает с наивысшим расцветом византийского государственного устройства. Ибо, вопреки распространенной некогда теории о мнимой косности византийского государства, государственная система Византии, а тем самым и ее административный аппарат находились в состоянии непрестанной перестройки.

Согласно «Клиторологии» Филофея, система византийских чинов подразделяется на 18 ступеней; три высших чина — кесарь, новилиссим и куропалат — редко даются кому-то не из членов императорской фамилии¹. За ними следуют «препоясанная патрикия» (ζωστή πατρικία — высший придворный женский чин)², а за ней магистры, анфипаты (проконсулы), патрикии, протоспафарии, дисипаты, спафарокандидаты, спафарии, ипаты и т.п. Восемь почетных чинов, начинающиеся с патрикия, но по большей части имеющие свои собственные обозначения, предназначены для евнухов, причем евнухи-патрикии имеют преимущество перед прочими патрикиями и анфипатами. Евнухи играли при византийском дворе большую роль. Ни один более или менее высокий церковный или светский чин — за исключением императорского — не был для них в принципе недостижим, так что многие выдающиеся государственные деятели и военачальники, а также многие патрикии были евнухами. Также существовал ряд придворных чинов, которые как правило, хотя и не без исключений, замещались евнухами. Важнейшими среди них были чины паракимомена, который спал рядом с покоями императора и по большей части был его ближайшим доверенным лицом (впрочем, при Михаиле III эту должность одно время занимал

¹ О титуле кесаря см. основательное изложение: *Guilland R. Études sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin: le Césarat* // OCP 13 (1947). P. 168–194.

² См.: *Vogt A. La patricienne à ceinture* // EO 37 (1938). P. 352 sv. Cp.: *Del Medico H.E. Byzance avant Byzance: la patricienne à ceinture* // Actes du VIe Congrès International d'Études byzantines. Vol. I. Paris, 1950. P. 73–86.

Василий Македонянин), и протовестиария, заведующего царским гардеробом¹. Далее, весьма важные придворные функции имели ректор, один из высших чиновников византийского двора, появляющийся впервые при Македонской династии², протопреподит, а также церемониймейстер (ὁ ἐπὶ τῆς καταστάσεως), императорский протостратор³, конюший (κόμης τοῦ στάβλου) и т.п.

Среди чиновников центрального государственного управления особое место занимал эпарх Константинополя, который управлял всею жизнью столицы, «отец города», как его называет «Книга церемоний» Константина VII⁴. Большим и все возраставшим значением обладал пост логофета дрома, который при Феодоре занимал Феоктист, а при Льве VI — Стилиан Зауца⁵. Логофет дрома в это время зачастую собственно и является руководителем политики государства, хотя положение первого министра и не связано с какой-либо определенной функцией. Ведущим государственным деятелем, первым советником императора является, независимо от занимаемой должности, парадинастэвон (παράδυναστεύων), как его зачастую называли в то и даже более раннее время, либо же месадзон (μεσάζων) или меситевон (μεσιτεύων), как его обыкновенно именовали в поздневизантийскую эпоху⁶. При том большом значении, которое придавалось в византийском государстве финансам, неудивительно, что в византийском бюрократическом аппарате финансовое управление

¹ См.: *Guilland R.* Les eunuques dans l'Empire byzantin // *Études byzantines* 1 (1943). P. 196–238; *Idem.* Fonctions et dignités des eunuques // *Études byzantines* 2 (1944). P. 185–225; 3 (1945). P. 179–214; *Idem.* Études de titulature byzantine: les titres auliques réservés aux eunuques // *REB* 13 (1955). P. 50–84; 14 (1956). P. 122–157; *Idem.* Études sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin: les titres auliques des eunuques // *Byz* 25–27 (1955–1957). P. 649–711.

² *Guilland R.* Études de titulature byzantine: Le rectorat // *Mémorial L. Petit.* Paris, 1948. P. 185 sv.

³ *Guilland R.* Études de titulature et de prosopographie byzantines: le protostrator // *REB* 7 (1950). P. 156–179.

⁴ De caerim. P. 264, 528: πατὴρ πόλεως. См.: *Успенский Ф.И.* Константинопольский эпарх // *ИРАИК* 4 (1899). С. 90–104.

⁵ *Bury.* Administrative System. P. 91–92; *Dölger.* Finanzverwaltung. S. 22–23.

⁶ См.: *Beck H.-G.* Der byzantinische “Ministerpräsident” // *BZ* 48 (1955). S. 309–338; *Verpeaux J.* Contribution à l'étude de l'administration byzantine: ὁ μεσάζων // *BSI* 16 (1955). P. 270–296.

занимало особенно важное место. В качестве надзирателя за всеми финансовыми ведомствами в средневизантийское время выступает сакелларий, которого в XII в. сменяет великий логариаст; государственной казной заведует хартуларий сакеллия (τοῦ σακελλίου), государственными запасами в натуре — хартуларий вестиария (τοῦ βεστιάριου)¹. Заведующими отдельными финансовыми ведомствами с VII в. являются логофеты геникона, стратиотикона и идикона. Благодаря своему близкому положению к фигуре императора большим значением обладал заведующий императорской канцелярией (πρωτοασκήρητις)², регистратор прошений (ὁ ἐπὶ τῶν δεήσεων) и императорский письмоводитель (ὁ ἐπὶ τοῦ κανικλείου). Последняя должность часто объединялась с должностью логофета дрома, как это было, например, в случае с Феоктистом³.

Для военного управления значимым было различие между фемами провинций и расквартированными в Константинополе таγμαми⁴. Посаженные на землю солдаты фем представляли собой, собственно, крестьянское ополчение. Во главе фем в качестве командующих местными войсками и одновременно руководителей местной администрации стояли стратиги (но командующий фемы Опсикия носил звание комита, а Оптиматов — по большей части domestика и в качестве такового даже причислен Филофеем к domestикам тагм). Во главе тагм стояли domestики. Наиболее значительными в это время являются четыре тагмы — схолы, экскувиты, арифмы (ἀριθμοί, командиром которых является не domestик, а друнгарий) и иканаты (сформированы при Никифоре I). Domестик схол часто выступает в качестве главнокомандующего всей армии. С ростом разнообразия военных задач эта должность подверглась делению, и со второй половины X в. как правило имеются domestик Востока и domestик Запада⁵. В военно-морских силах также следует различать императорский флот, которым

¹ См.: Dölger. Finanzverwaltung. S. 24–25.

² См.: Dölger. Byzantinische Diplomatie. S. 62–63.

³ См.: Dölger. Byzantinische Diplomatie. S. 50 ff.

⁴ На это определенно указал уже Ф. Успенский (Военное устройство. С. 154 сл.). Недавно это отличие было прекрасно изложено в подробном исследовании: Glykatzi-Ahrweiler. Recherches. P. 2 sv., 24 sv.

⁵ См.: Guillard R. Études sur l'histoire administrative de Byzance: le Domestique des Scholes // REB 8 (1950). P. 5–63; Glykatzi-Ahrweiler. Recherches. P. 26, 55 sv.

командовал друнгарий флота (δρουγγάριος τῶν πλωϊμῶν), и подразделения морских фем, которые были подчинены местным стратигам¹. Показательным образом друнгарий императорского флота в IX в. и даже в 20-е гг. X в. имел более низкий ранг, чем любой из фемных стратигов. Однако уже около середины X в. он наряду с domestikом схол является главным военным чином Империи — явный признак возросшего значения флота².

В качестве имперских чиновников, причем сравнительно низкого ранга, выступают также димархи обеих партий ипподрома: синих (венетов) и зеленых (прасинов). Некогда столь могущественные, димы полностью утратили свое политическое значение и отныне играли лишь декоративную роль при императорском дворце, участвуя в придворных празднествах и произнося приглашения императору.

Перечень чинов Филофея содержит всего 60 основных должностей военного, гражданского и придворного управления, которые были ответственны непосредственно перед императором и кроме императора не имели других начальников (к этому надо добавить еще восемь «должностей евнухов», которые Филофей приводит в качестве особой группы). Большинству из этих сановников подчиняются многочисленные ведомства, которые включают больший или меньший штат чиновников. Весь строго централизованный аппарат управляется императором, который лично назначает всех руководящих чиновников, а также их важнейших подчиненных и имеет право по собственному усмотрению снять любого из них.

В позднейшее время византийский административный аппарат еще более усложнился: создавались новые учреждения и должности, в то время как старые приходили в упадок и теряли свое значение. Выдающейся чертой средневизантийского административного устройства является сильный перевес военных должностей и выдающееся положение фемных стратигов. Чрезвычайно важный чин эпарха города у Филофея стоит на 18-м месте, причем ему предшест-

¹ См.: *Guiland R. Études de titulature et de prosopographie byzantines. Les chefs de la marine byzantine // BZ 44 (1951). S. 212–240.*

² Ср. с одной стороны Тактикон Успенского, «Клиторологий» Филофея и Тактикон Бенешевича (*Benešević. Ranglisten. S. 124–125*) и с другой — *Liutprand. Antapodosis. VI.10.*

вуют 12 стратигов фем, а также domestici схол и экскувитов¹. Все 25 стратигов того времени имеют более высокий ранг, чем сакелларий и логофеты (только domestici Оптиматов ниже их по рангу). Среди стратигов показательным образом первенство принадлежит командующим малоазийскими фемами, составлявшими становой хребет военной мощи Византийской империи: почти все стратиги малоазийских фем имеют более высокий ранг, чем стратиги Македонии и Фракии, важнейшие командующие в европейской части Империи. До определенной степени это положение находит свое отношение и в окладах, которые получают стратиги фем. Так, при Льве VI стратиги Анатоликов, Армениаков и Фракисиев ежегодно получали по 40 фунтов золота (исходя из ценности металла — 44 438,40 золотых франков²), стратиги Опсики, Вукеллариюв и Македонии — по 30, стратиги Каппадокии, Харсиана, Пафлагонии, Фракии и Колонии — по 20, остальные — по 10 или по 5 фунтов³. Отдельные категории чиновников и их различные функции были, однако, не слишком строго отделены друг от друга, так что вполне частым явлением был не только переход из статской службы на военную, но даже и наделение функциями командующего гражданского или придворного сановника: все решало доверие и воля императора.

Самодержавный централизм византийского государства накладывал особый отпечаток на городскую жизнь и на городскую экономику Византии. Вся экономическая жизнь византийской столицы

¹ Перед стратигом Анатоликов, за которым следуют domestici схол, стратиг Армениаков, а затем и прочие стратиги, у Филофея стоят только три сановника, а именно (снизу вверх): синкелл патриарха Константинопольского, ректор и василеопатор — титул, который Лев VI создал для своего тестя Стилиана и который, как почетный титул, не должен относиться к чинам.

² 40 византийских фунтов золота = 13,32 кг, что по среднему курсу 2009 г. (около 30 \$ за 1 г) эквивалентно примерно 400 000 \$ или 12 млн рублей; при всей условности современного золотого курса, он вполне сопоставим со средневековым по покупательной способности: на 1 г золота в Византии можно было купить 40–50 кг хлеба или скромно питаться 10 дней. — *Прим. пер.*

³ De caerim. P. 696–697. Для сравнения укажем, что, согласно Лиутпранду (Antap. VI.10), в середине X в. обладатели титула патрикия ежегодно получали по 12 фунтов золота и праздничное одеяние, носители титула магистра — по 24 фунта золота и два праздничных одеяния, ректор, domestici схол и друнгариюв императорского флота — вероятно, даже по 48 фунтов и по 4 праздничных одеяния (оклад трех последних чиновников установил Э. Штайн: BZ 24 (1924). S. 385. Anm. 1).

подлежала контролю со стороны епарха Константинополя и, как показывает так называемая «Книга епарха», в X в., во времена всемогущества византийской государственной власти, этот контроль был особенно пристальным¹. Торговцы и ремесленники Константинополя и, конечно же, прочих городов были организованы в гильдии, или цеха. Особым значением обладали гильдии, которые занимались снабжением столицы продовольствием: торговцы скотом, мясом, рыбой, пекари и трактирщики. Прибыльной торговлей воском, благовониями и пряностями занимались гильдии торговцев благовониями, мылом, пряностями и производителей мыла и свечей. Ввиду выдающегося значения для Византии торговли шелком особенно большое число гильдий было связано с переработкой и сбытом товаров из шелка, причем здесь господствовала строжайшая специализация и точное разделение между производителями и торговцами: особые цеха составляли изготовители шелковой нити, прядильщики, красильщики, торговцы шелком-сырцом, торговцы сирийскими шелковыми тканями и, наконец, торговцы одеждой из шелка. Особые гильдии составляли также торговцы полотном и кожевники. Не приходится сомневаться, что «Книга епарха», не прошедшая окон-

¹ О времени составления «Книги епарха» см. выше раздел «Источники». Наиболее основательному анализу подверг ее Штёкле (*Stöckle. Zünfte*). Ценными являются работы: *Χριστοφίλόπουλος*. 'Επαρχικὸν βιβλίον и *Mickwitz. Zünfte*. S. 205 ff., а также статьи: *Черноуцов Е.А.* Римские и византийские цехи // ЖМНП Н.с. 53 (1914). Сентябрь. С. 154–178; *Kubitschek W.* Zum 'Επαρχικὸν βιβλίον // *Numismatische Zeitschrift* 44 (1911). S. 185–201). См. также важные исследования М.Я. Сюзюмова (Книга епарха. Свердловск, 1949 и Ремесло и торговля в Константинополе в начале X в. // ВВ 4 (1951). С. 11–41) и А.П. Каждана (Цехи и государственные мастерские в Константинополе в IX–X вв. // ВВ 6 (1953). С. 132–155 и Деревня и город. С. 301 сл.). Далее см. комментарий Николя к изданию (1893) и переводу (1894); краткий комментарий Фрешфилда к английскому переводу (1938); Цахариэ в BZ 2 (1893). С. 132–136, 177; *Hartmann L.M.* *Analekten zur Wirtschaftsgeschichte Italiens im frühen Mittelalter*. Gotha, 1904. S. 16 ff.; *Успенский Ф.И.* Константинопольский епарх // ИРАИК 4 (1899). С. 90 сл.; *Gehrig H.* Das Zunftwesen Konstantinopels im X. Jh. // *Jahrbuch für Nationalökonomie und Statistik* 38 (1909). S. 577–596; *Waltzing S.P.* *Etudes historiques sur les corporations*. Vol. II. Louvain, 1896. P. 347 sv.; *Kornemann. RE*. Bd. IV. 1901. S. 478–479; *Vogt. Basile Ier*. P. 139 sv., 389 sv.; *Marzemi G.* в *Atti del R. Istit. Veneto di scienze, lettere ed arti* 94 (1934–1935). P. 381 sq.; *Mickwitz G.* Die Organisationsformen zweier byzantinischer Gewerbe im X. Jh. // BZ 36 (1936). S. 63–76; *Macri Chr. M.* *L'organisation de l'économie urbaine dans Byzance*. Paris, 1925; *Zoras G.* *Le corporazioni bizantini*. Roma, 1931. Рус. пер. с комментариями: *Сюзюмов М.Я.* Византийская книга епарха. М., 1962,

чательной систематической редакции, рассматривает лишь часть цехов, которые на самом деле существовали в Константинополе. Насколько всеохватной была византийская система корпораций, видно из того обстоятельства, что особые гильдии составляли также нотариии, менялы и ювелиры.

Византийские корпорации генетически смыкаются с римскими коллегиями¹, но отличаются от них во многих отношениях, имея характер типично средневековых цеховых организаций². Так, в византийское время связь человека с профессией была далеко не такой строгой, как в позднеимперское. Принадлежность к цеху не была наследственной, принудительная запись граждан в профессиональные коллегии прекратилась, вступление в корпорацию было скорее сопряжено с определенными условиями и поставлено в зависимость от доказательства навыков. Впрочем, это означало усиление контроля со стороны государства. Ведь если прикрепление индивидуума к профессии вследствие изменившихся обстоятельств в византийское время значительно смягчилось, то привязка к государству, наоборот, стала более крепкой. Гильдии не только привлекаются государством к отправлению общественных литургий, как было уже в римское время, но вся деятельность корпораций начинает тщательно контролироваться и регулироваться ведомством городского эпарха. Особо тщательно контролируется деятельность тех гильдий, которые связаны со снабжением города продовольствием. Для того, чтобы обеспечить снабжение столицы всем необходимым, правительство дает разнарядку на объем закупаемых товаров, следит за их качеством, устанавливает закупочную и продажную цену. Ввоз в Константинополь как из провинций, так и из заграницы систематически поощряется, в то время как вывоз, особенно за границу, наоборот, строжайшим образом ограничивается³. Византийская цеховая система служит

¹ Это особо подчеркивается в: *Stöckle*. Zünfte. S. 135 ff.; *Hartmann L.M.* Analekten. S. 16 ff.; *Waltzing S.P.* Études historiques sur les corporations. Vol. II. Louvain, 1896. P. 347–348; *Kornemann E.* RE. Bd. IV. S. 478.

² Так: *Gehrig H.* Das Zunftwesen Konstantinopels im X. Jahrhundert // *Jahrbuch für Nationalökonomie und Statistik* 38 (1909). S. 592 ff.; *Каждан А.П.* Цехи и государственные мастерские в Константинополе в IX–X вв. // *ВВ* 6 (1953). С. 143 сл. и *Деревня и город*. С. 305 сл.

³ См.: *Сюзюмов М.Я.* Ремесло и торговля в Константинополе в начале X в. // *ВВ* 4 (1951). С. 33 сл.; *Каждан А.П.* Деревня и город. С. 291 сл.

не столько интересам производителей и торговцев, сколько требованиям удобного контроля правительства над экономической жизнью в интересах государства и потребителя¹. Посредством цехов, начальников которых оно назначает и над которыми оно ставит особых чиновников, правительство контролирует все городское хозяйство и идущие в городе экономические процессы.

Наряду с укреплением всевластия императора в законодательстве Льва VI находит выражение также усиление византийской аристократии — процесс, которому в его дальнейшем развитии будет суждено подорвать византийскую государственность и потрясти самые основы имперского абсолютизма. Начало этого процесса восходит к VIII в., поскольку именно тогда в Византии появляются первые семьи магнатов. Во времена Льва VI аристократия уже обладает большим могуществом, уже оформляется как особая прослойка и добивается того, что с ее привилегиями считаются, так что «Тактика» Льва уже настоятельно советует предоставлять должность стратига, а также высшие офицерские посты знатым и богатым людям². Так начинает заявлять о себе становящаяся все более резкой социальная дифференциация, о которой отдает себе отчет и само императорское правительство. Размаха этого явления правительство Льва VI еще не осознало, оно даже потворствовало желаниям знати в экономической сфере. Старые постановления³, которые запрещали чиновникам во время исполнения ими должности приобретать поместья, получать наследство и дары без особого разрешения императора Лев VI полностью отменил в отношении константинопольских чиновников, так что они остались в силе только для стратигов фем⁴. Одна поздняя новелла Льва VI отменяет даже право преимущественной покупки (πρωτίμης) для соседей, которое препятствовало отчуждению крестьянских имений в пользу крупных землевладельцев; только в пер-

¹ Иначе у Миквитца (*Mickwitz. Zünfte. S. 206 ff.*), который при своем анализе ставит экономические выгоды цеховой организации для членов цеха на первый план.

² *Tactica Leonis. II. 21 (Vári. Vol. I. P. 29):* προχειρίζεσθω μὲν στρατηγὸς ἀγαθός, εὐγενής, πλούσιος; IV. 3 (Vári. Vol. I. P. 50): καὶ εὐπορωτάτους αὐτοὺς εἶναι καὶ εὐγενεῖς κατὰ τὸ γένος... Ср., кроме того, важные рассуждения Митара: *Mitard M. Le pouvoir impérial au temps de Léon VI le Sage // Mélanges Diehl. Vol. I. Paris, 1930. P. 215–223.*

³ *Cod. Just. I, 53, 1* от 528 г.

⁴ *Nov. 84 (Zepos. Jus, I. P. 152–153).*

вые шесть месяцев соседи сохраняли право на эвикцию при условии внесения суммы покупки¹. Посредством этих распоряжений для знати была существенно облегчена скупка крестьянской земли, что в свою очередь означало дальнейшее укрепление крупной земельной аристократии и ускорение процесса феодализации, против которого преемники Льва VI были вынуждены вести отчаянную борьбу.

В противоположность Василию I, Лев VI не имел никакой ясной внешнеполитической программы. Сверх того, царствование Льва отличалось не в лучшую сторону от времени правления его отца еще и тем обстоятельством, что более не было возможности сосредоточиться на войне с арабами. В византийско-болгарских отношениях после периода продолжительного мира наступил поворот. После того как первый христианский правитель болгар Борис-Михаил отрекся от престола (889), а его старший сын Владимир пал жертвой попытки языческой реакции (893), власть в Болгарии принял младший сын Бориса Симеон (893–927), величайший правитель средневековой болгарской державы. Вскоре после своего вступления на престол между Болгарией и Византией разгорелся конфликт, который показательным образом имел торгово-политические причины². Монопольное право торговли с болгарами было передано двум византийским купцам. С согласия Стилиана Зауцы они перевели болгарский рынок из Константинополя в Фессалонику и значительно повысили таможенные пошлины. Тем самым оказались затронуты торговые интересы Болгарии, и поскольку протест со стороны болгар не возымел действия, Симеон вторгся на византийскую территорию и нанес поражение имперской армии (894)³. Византия, вооруженные силы которой на Балканах были недостаточны для ведения войны, попыталась отвести опасность посредством дипломатического маневра: она призвала на помощь венгров, которые в то время удерживали территорию между Днестром и Дунаем.

Призыв со стороны византийцев позволил венграм впервые вмешаться в политику европейских государств. Последовав ему, они

¹ Nov. 114 (*Zepos. Jus. I. P.* 186–187). *Dölger. Reg.* 558. Сомнения Цахариэ (*Zachariä. Geschichte. S.* 239) в подлинности этой новеллы неосновательны.

² См. *Bratianu G.J.* Le commerce bulgare dans l'Empire byzantin et le monopole de l'empereur Léon VI à Thessalonique // Сборник Ников. София, 1940. P. 30–36.

³ Хронология этой войны убедительно изложена В. Златарским: Известията. С. 88 сл. Ср. тж.: *Kolias G.* Léon Choerosphactès. Athènes, 1939. P. 23 sv.

ударили в тыл Симеону, нанесли ему несколько поражений и опустошили земли Северной Болгарии. Между тем византийский полководец Никифор Фока встал на южной границе Болгарии, в то время как друнгарий императорского флота Евстафий блокировал устье Дуная. Симеон заключил с Византией перемирие. Тем самым он выиграл время и, подобно тому как византийский император обратился к венграм, сам в свою очередь прибег к помощи воинственного народа печенегов, кочевавшего по южнорусской равнине. С помощью печенегов он смог одолеть венгров, а затем вновь обрушился на византийцев, одержав над ними решительную победу при Булгарофиге (896). Вслед за этим был заключен мир, причем Византия обязалась платить Болгарии ежегодную дань. Венгры под давлением печенегов отошли на запад и осели на своей нынешней территории на дунайской равнине, вклинившись в середину населенных славянами земель¹ и отделив южных славян от их соплеменников на севере и востоке¹.

Из-за войны с Симеоном силы Византийской империи, направленные против арабов на Востоке и на Западе, оказались подорваны. Никифор Фока был вынужден прервать победоносную кампанию в Южной Италии, чтобы принять командование на Балканах². На Востоке Армения оказалась брошенной на произвол судьбы перед лицом грабительских набегов арабов, которые начали также наступление в Киликии, сопровождавшееся широкомасштабными морскими операциями на южном побережье Малой Азии. Впрочем, положение Византии на малоазийском материке около 900 г. укрепилось после

¹ О происхождении, ранней истории и миграции венгров от устья Волги к их новой родине см.: *Moravcsik J.* Zur Geschichte der Onoguren // *Ungarisches Jahrbuch* 10 (1930). S. 53–90; *Macartney C.A.* The Magyars in the Ninth Century. Cambridge, 1930. Ср. тж.: *Grégoire H.* Le nom et l'origine des Hongrois // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* 91 (1937). P. 630–642. См. далее как всегда полную библиографию в: *Moravcsik.* Byzantinoturcica. Bd. I. S. 134 ff.

² Мнение Васильева (Византия и арабы. Т. 2. (1902). С. 114 и СМН IV. P. 140 ff.) о том, что Никифор Фока был отозван из Италии лишь ок. 900 г., неверно, поскольку все источники согласны в том, что в качестве domestika сходил Никифор Фока командовал византийской армией во время болгарской войны 894 г. (ср.: *Златарски.* Известия). Вскоре после этого он был снят со своего поста с подачи Стилиана Зауцы и заменен Львом Катакалоном, который был главнокомандующим в войне с болгарами в 896 г.; ср.: *Grumel.* Chronologie. P. 24 sv. См. тж.: *Grégoire H.* La carrière du premier Nicéphore Phocas // *Προσφορά εἰς Στ. Κυριακίδην. Θεσσαλονίκη*, 1953. P. 237–254.

того, как Никифор Фока в качестве стратига фемы Фракисии принял командование в киликийских проходах и одержал победу над арабами при Адане. Напротив, на Западе и на море Империя терпела одну катастрофу за другой: 1 августа 902 г. пала Таормина, последний опорный пункт Византийской империи на Сицилии. Тем самым после тяжелой борьбы, длившейся 75 лет и стоившей больших жертв, завершилось завоевание арабами Сицилии. На Востоке арабы господствовали не только на Средиземном, но и на окруженном византийскими землями Эгейском море. Так, они опустошали то Архипелаг, то побережье Пелопоннеса и Фессалии, а в 902 г. разрушили богатый приморский город Фессалии Димитриад¹. Особенно тяжелые последствия имело нападение, осуществленное арабами два года спустя под командованием греческого ренегата Льва Триполита. Сначала Лев Триполит двинулся по направлению к Константинополю. После взятия Авидоса, которое открывало ему путь к византийской столице, он внезапно изменил свой план и направился к Фессалонике. Крупный культурный и торговый центр, важнейший и богатейший после Константинополя город Византийской империи, 31 июля 904 г. после трехдневной осады попал в руки арабов². Победители учинили в захваченном городе ужасное побоище и покинули его, увозя многочисленных пленников и огромную добычу. Поражением византийцев воспользовался Симеон: Империя должна была согласиться на пересмотр границ, в результате чего болгарская граница сильно приблизилась к Фессалонике³.

¹ Касательно хронологии: *Grumel V. La chronologie des événements du règne de Léon VI* // EO 35 (1936). P. 34 sv.; ему возражает А. Грегуар (*Grégoire H. Le sac de Démétrias (Volo) par les Arabes* // Byz 5 (1930). P. 394–395), который высказывается в пользу 897 г.

² Вплоть до недавнего времени на основании сведений Табари обыкновенно полагали, что арабская экспедиция 904 г. началась со взятия Атталии. Однако Грегуар (*Grégoire H. Le communiqué arabe sur la prise de Thessalonique* // Byz 22 (1952). P. 373–378) показывает, что сообщение Табари на самом деле относится ко взятию Фессалоники, а не Атталии, о котором византийские источники ничего не знают.

³ Это показывают два пограничных камня от 6412 (= 904) г., которые были найдены недалеко от деревни Нарыш-Кай, примерно в 20 км от Фессалоники: см.: *Успенский Ф.И.* Пограничный столб между Византией и Болгарией при Симеоне // ИРАИК 3 (1898). С. 184–194. То, что в подлинности надписи не может быть ни малейшего сомнения, прекрасно показано в: *Lascaris M. Les sources épigraphiques de la légende d'Oleg* // Mélanges H. Grégoire. Vol. III. Bruxelles, 1951. P. 213–221→

Наученное горьким опытом, византийское правительство приказало воздвигнуть в Фессалонике и Атталии более мощные укрепления и предприняло энергичные меры к усилению флота. Успех не заставил себя ждать: в октябре 908 г.¹ логофет дрома Имерий одержал в Эгейском море блестящую победу над арабским флотом. Двумя годами позднее он предпринял высадку на Кипре, напал оттуда на сирийское побережье и взял штурмом Лаодикию. Но самое крупное предприятие состоялось в 911 г.²: мощный флот под руководством того же Имерия выступил против Крита. Там его, однако, постигла крупная неудача. После долгой и безрезультатной борьбы византийский флот был вынужден отступить. На обратном пути весной 912 г. он подвергся нападению арабской эскадры под предводительством Льва Триполита и другого греческого ренегата Дамиана и был уничтожен. Так крупная морская операция потерпела крах: чрезвычайные военные и финансовые усилия Империи оказались тщетными.

Подробное описание снаряжения этой экспедиции, содержащееся в «Книге церемоний» Константина Багрянородного, упоминает среди византийских морских экипажей 700 «росов», которым Империя платила в качестве жалования один кентинарий золота. Участие русских в походе византийцев является отражением новых византийско-русских отношений³. Русский князь Олег, обосновавшийся в Киеве и обеспечивший за собой «путь из варяг в греки», в 907 г. появился с сильным флотом под Константинополем и принудил византийское правительство подписать договор, который обеспечивал правовое положение русских купцов в Константинополе. Этот договор, официальное подписание которого произошло в сентябре 911 г., знаменует собой начало упорядоченных торговых отношений между Византией

→ (правда, с русским князем Олегом эта надпись, как подчеркивает сам автор, не имеет ничего общего). Эта важная статья перепечатана в: *Lascaris M. Deux notes sur le règne de Syméon de Bulgarie. Wetteren, 1952. P. 5–13.*

¹ *Grumel V. Notes chronologiques // EO 36 (1937). P. 202 sv.* Как показывает Дженкинз (*Jenkins R.J.H. Leo Choerosphactes and the Saracen Vizier // ЗРВИ 8/1 (1963). P. 167 ff.*), победа Имерия над арабами состоялась 6 октября 905 г.

² См. об этом и о дальнейшем: *Jenkins R.J.H. The Date of Leo VI's Cretan Expedition // Προσφορά εις Στ. Κυριακίδην. 1953. P. 277–281.*

³ На это правильно указал уже Васильев (Византия и арабы. Т. 2. С. 167 сл.).

и молодой русской державой. Среди прочего он предоставлял русским право принимать участие в военных походах Империи¹.

К внешнеполитическим неудачам присоединились и внутренние осложнения, которые вызвал четвертый брак Льва VI. Его юношеский брак с Феофано, заключенный по желанию Василия I, был несчастлив. После смерти благочестивой императрицы (10 ноября 897)², которую Православная Церковь почитает как святую, Лев весной 898 г. женился своей любовнице Зое, дочери Стилиана Зауцы. Но уже в конце 899 г. Зоя умерла, не оставив мужского потомства, и летом 900 г. император женился в третий раз на фригийке Евдокии Вайане. Это было открытым нарушением церковных и государственных предписаний; положение было тем более щекотливым, что сам Лев VI за несколько лет до того ужесточил посредством особого закона запрет третьего брака и даже не одобрил заключение второго³. Но несчастья преследовали императора: 12 апреля 901 г. Евдокия умерла, Лев вновь оказался вдовцом и вскоре стал вынашивать план четвертого брака, имея теперь на примете красавицу Зою Карвонопсину. Поскольку уже его третий брак вызвал трения с Церковью, а планы четвертого бракосочетания натолкнулись на всеобщее неприятие, император, пожалуй, не решился бы на новое, еще более тяжкое нарушение церковных канонов и гражданских законов. Однако в 905 г. Зоя родила сына, и теперь было необходимо легализовать рождение наследника престола. 6 января 906 г. мальчик был крещен патриархом Николаем

¹ Полное собрание русских летописей. Т. I/2. М., 1926. С. 30 сл. Немецкий перевод: *Trautmann. Die Nestorchronik. S. 19 ff.* В исторической достоверности похода Олега на Константинополь периодически высказываются сомнения: *Grégoire H. La légende d'Oleg et l'expédition d'Igor // Bull. de l'Acad. Royale de Belgique 23 (1937). P. 80–94; Dolley R.H. Oleg's Mythical Campaign against Constantinople // Bull. de l'Acad. Royale de Belgique 35 (1949). P. 106–155; и снова Грерыар: Grégoire H. L'histoire et la légende d'Oleg, prince de Kiev // Nouv. Clio 4 (1952). P. 281–287. То, что эти сомнения безосновательны, я показал уже в: L'expédition du prince Oleg contre Constantinople en 907 // Annales de l'Institut Kondakov 11 (1939). P. 47–62, 296–298. Это же в своем подробном исследовании показал и А.А. Васильев: *Vasiliev A.A. The Second Russian Attack on Constantinople // DOP 6 (1951). P. 161–225. См. далее: Jenkins R.J.H. The supposed Russian attack on Constantinople in 907: Evidence of the Pseudo-Symeon // Speculum 24 (1949). P. 403–406.**

² См.: *Grumel V. La chronologie des événements du règne de Léon VI // EO 35 (1936). P. 5 ff.*

³ Nov. 90 (*Zepos. Jus, I. P. 156–157*).

Мистиком в храме Святой Софии и наречен именем Константин — при условии, что император расстанется с Зоей. Тем не менее через три дня Лев обвенчался с матерью своего сына и возвел ее в сан августы. Этот акт вызвал огромное возмущение. Напряженность между Львом VI и священноначалием росла. Патриарх запретил императору вступать в церковь: на Рождество 906 г. и в день Богоявления 907 г. василевс был вынужден повернуть назад от самых врат Святой Софии. Впрочем, для него оставался путь, на который всегда вступали императоры, когда нуждались в поддержке против собственной Церкви: Лев обратился в Рим и получил от папы Сергия III отпущение, поскольку, во-первых, римские определения о браке были менее суровыми, а во-вторых, Римская Церковь не могла отвергнуть императора, который обращался к ней через голову собственной Церкви и тем, казалось, признавал римскую супрематию. Опираясь на римский вердикт, Лев смог принудить Николая Мистика к отречению и поставил на его место столь же благочестивого, сколь и ограниченного Евфимия (февраль 907)¹. Тем самым, однако, в византийской Церкви произошел новый раскол, который подлил масла в огонь старых раздоров церковных партий². Лев VI добился своего: его сын получил 9 июня 911 г. императорский венец, и таким образом с грехом пополам было обеспечено продолжение династии³. При этом спор ничуть не был урегулирован: он вышел за рамки правления Льва VI и в конце концов был улажен в духе требований патриарха.

3. Византия и Симеон Болгарский

Общая литература: *Златарски*. История. I, 2; *Runciman*. Bulgarian Empire; Мутафчиев. История. 1; *Dölger F.* Bulgarisches Zartum und byzantinisches Kaisertum // *Bulletin de l'Inst. archéol. bulgare* 9 (1935). P. 57–68 (= *Idem*. Byzanz und die europäische Staatenwelt. S. 140–158); *Ostrogorsky G.* Die

¹ *Grumel V.* La chronologie des événements du règne de Léon VI // EO 35 (1936). P. 8 ff.

² См.: *Dvornik*. Photian Schism. P. 275 ff.

³ Как показано в: *Grierson Ph., Jenkins R.J.H.* The date of Constantine VII's Coronation // Byz 32 (1962). P. 133–138, Константин был коронован уже 15 мая 908 г.

Krönung Symeons von Bulgarien durch den Patriarchen Nikolaos Mystikos // Bulletin de l'Inst. archéol. bulgare. 9 (1935). S. 275–286.

12 мая 912 г. умер Лев VI. Власть принял легкомысленный бонвиван Александр, дядя шестилетнего Константина¹. Прежде всего он попытался избавиться от наследия почившего брата. Императрицу Зою он приказал заключить в монастырь, а также лишил должностей наиболее выдающихся из соратников Льва с тем, чтобы заменить их на своих людей. В этом русле осуществилось также восстановление Николая Мистика, которому Евфимий был вынужден уступить патриарший престол². Во внешней политике поведение нового правителя имело роковые последствия: по своему легкомыслию он отказал Болгарии в выплате дани, которую Византия обязалась ежегодно платить по мирному договору 896 г. Тем самым он подал Симеону, могущество которого было на подъеме, желанный повод к началу войны. Большого несчастья не могло обрушиться на Империю. Вскоре после начала спровоцированной им войны, 6 июня 913 г., Александр скончался³. В качестве единственного представителя Македонской династии остался семилетний Константин. Регентство во главе с патриархом Николаем Мистиком должно было вести государственные дела.

¹ От радости, что после 33-летнего соправления он наконец стал старшим императором, Александр даже на монетах называл себя αὐτοκράτωρ πρὸς εὐσεβῆς βασιλεὺς Ῥωμαίων. См.: *Mušmov N.* Une monnaie d'argent de l'empereur Alexandre // *Byz 6* (1931). P. 99–100. Не только ввиду этой красноречивой надписи (древнейшей на настоящий момент известной легенде с титулом автократора), но и с учетом совокупного материала литературных источников совершенно неприемлема теория Шпульбера (*Spulber C.A.* Les Nouvelles de Léon le Sage. Cernăuți, 1934. P. 47, n. 1), согласно которой Александр никогда не был старшим императором и всего лишь правил от имени Константина VII.

² С. Рансиман (*Runciman. Romanus Lecapenus*. P. 45) справедливо не доверяет высказыванию Николая Мистика (PG 111. Col. 217) о том, что уже Лев VI, рассказавшись, вновь призвал его на патриарший престол. Византийские хроники ничего об этом не знают, упоминая его возвращение в качестве первой меры Александра. Ср.: *Sym. Log., Georg. Mon. Cont.* P. 871.

³ Согласно А.П. Каждану (К вопросу о начале второй болгаро-византийской войны при Симеоне // *Славянский архив*. Москва, 1959. С. 23–29), война с Симеоном началась не после смерти Александра, как это полагал Златарски (История. I, 2. С. 358 сл. и Первый поход болгарского царя Симеона на Константинополь // *Recueil Kondakov*. Prag, 1926. С. 19 сл.), но, по всей видимости, еще при его жизни.

Положение было сложным и неустойчивым. Подвергающийся нападкам со стороны сильной оппозиции из числа преданных династии элементов, группировавшихся вокруг императрицы Зои, нелюбимый частью клира, хранившего верность свергнутому Евфимию, Николай Мистик управлял вместо ребенка, происхождение и венчание на царство которого он не мог рассматривать как законные. Смута еще более усилилась из-за попытки захвата власти, предпринятой верховным главнокомандующим, domestikом схол Константином Дукой.

Не встречая серьезного сопротивления, Симеон пересек византийскую территорию и в августе 913 г. появился перед стенами столицы. Предприятие Симеона было не грабительским набегом и даже не завоевательной войной: его целью был римский императорский венец. Воспитанный в Византии, Симеон проникся идеей величия императорского достоинства и точно так же, как и византийцы, знал, что на земле может быть только одна Империя. То, к чему он стремился, было не основание этнически и регионально ограниченной Болгарской империи наряду с Византийской, но создание новой универсальной Империи на месте старой Византии¹. Это придает особое звучание теме войны Симеона с Византией, возвышая ее над обычными перипетиями военного противостояния Византийской империи с ее беспокойными соседями и придавая ей вид одного из самых суровых испытаний, которому когда-либо подвергалась Византийская империя. Борьба за Империю означает в Средние века борьбу за гегемонию. Византия была вынуждена защищать от Симеона свое ведущее положение в иерархии христианских государств.

Но хотя Симеон появился перед воротами Константинополя с совершенно иными, чем у прежних врагов Империи, целями, все же он разделил судьбу своих предшественников в том, что скоро убедился в неприступности мощнейших укреплений тогдашнего мира. Он вступил в переговоры с византийским правительством и был принят в столице с большой торжественностью патриархом Николаем Мистиком в присутствии малолетнего императора Константина VII.

¹ *Dölger F. Bulgarisches Zartum und byzantinisches Kaisertum // Bulletin de l'Inst. archéol. bulgare 9 (1935). S. 57–68 (= Byzanz und die europäische Staatenwelt. S. 140–158); Острогорский. Автократор. С. 121 сл. и Die byzantinische Staatenhierarchie // SK 8 (1936). S. 45. Ср. тж.: Dölger F. Der Bulgarenherrscher als geistlicher Sohn des byzantinischen Kaisers // Сборник Ников. София, 1940. S. 219–232 (= Byzanz und die europäische Staatenwelt. S. 183 сл.).*

Результатом переговоров Симеона с уstraшенным византийским правительством были неслыханные уступки: фактически регентство капитулировало перед могущественным властителем болгар. Одна из дочерей Симеона должна была стать женой юного императора, а сам он получил из рук патриарха императорский венец¹. Хотя тем самым Симеон становился соправителем Константина VII, а для начала был лишь признан как василевс болгар, однако ему казалось, что он близок к достижению заветной цели: украшенный титулом василевса, в качестве тестя малолетнего императора он полагал, что держит теперь власть над Византийской империей в своих руках. Он решил, что может вернуться в свою страну и пообещать Византии продолжительный мир.

Между тем в Византии вскоре после ухода Симеона произошел переворот, который похоронил все его гордые планы. По-видимому, слишком далеко идущие уступки Симеону выбили почву из-под ног у регентства патриарха Николая. Мать императора Зоя вернулась во дворец и взяла власть в свои руки. План византийско-болгарского брачного союза был отвергнут, а законность венчания Симеона василевсом поставлена под сомнение. Следствием этого был новый этап враждебных действий между Болгарией и Византией. Фракийская фема была наводнена болгарами, а Симеон потребовал, чтобы византийский народ признал его своим императором². В сентябре 914 г. ему сдался Адрианополь, а в последующие годы он опустошил области Диррахия и Фессалоники.

Правительство императрицы Зои было вынуждено решиться на контрнаступление. Командование войсками принял на себя в качестве доместика схол Лев Фока, сын прославленного Никифора, не унаследовавший, впрочем, полководческого таланта своего отца. С ним были его брат Варда, отец будущего императора Никифора Фоки, а также целый ряд представителей знатнейших византийских семей. Аристократизация византийского военного командования, рекомендуемая в «Тактике» Льва VI, уже в значительной мере произошла. Во главе военно-морского флота стоял друнгарий императорского флота Роман Лакапин, сын армянского крестьянина, которому суждено было

¹ О венчании Симеона см.: *Острогорский*. Автократор. С. 121 сл. и *Die Krönung Symeons von Bulgarien // Bulletin de l'Inst. archéol. bulgare* 9 (1935). S. 275–286.

² *Leo Diaconus*. P. 123: αὐτοκράτορα αὐτὸν ἀνακηρύττειν Ῥωμαίοις ἐκέλευεν.

превзойти своих благородных соперников. После широкомасштабных приготовлений византийская армия, двигаясь вдоль побережья Черного моря, вторглась на вражескую территорию. При Ахелое, близ Анхиала, 20 августа 917 г. она подверглась нападению Симеона и была полностью уничтожена. Вслед за этой катастрофой вскоре последовала новая при Катасиртах, недалеко от византийской столицы. Симеон стал господином всего Балканского полуострова. В 918 г. он пересек Северную Грецию и прорвался вплоть до Коринфского залива¹.

Если регентство патриарха Николая Мистика потерпело крах из-за того, что слишком далеко зашло в удовлетворении требований Симеона, то правительству императрицы Зои суждено было рухнуть из-за того, что его неуступчивая позиция была совершенно неадекватна его силам и возможностям. Отчаянное положение, в которое попала Империя, требовало создания сильного военного режима. Единственным, кто оказался соответствующим этой задаче, был друнгарий Роман Лакапин. Ему удалось упредить кандидата императрицы Льва Фоку и взять в свои руки бразды правления. С большой ловкостью он постепенно оттеснил императрицу Зою и ее помощников и шаг за шагом стал укреплять свою собственную власть. В мае 919 г.² юный император Константин VII был обвенчан с Еленой, дочерью нового регента. Роман Лакапин получил титул василеопатора, как некогда

¹ Согласно Житию св. Луки Нового (PG 11. Col. 449 sq.), из-за болгарского вторжения святой был вынужден покинуть свое место жительства на горе Иоанница в Фокиде и десять лет провел недалеко от Патр, чтобы вернуться домой только после смерти Симеона (927 г.). Вследствие этого Диль (*Diehl. Choses et gens de Byzance*. P. 3–4) принимает в качестве года болгарского вторжения в Северную Грецию 917 г. Однако поскольку Симеон в августе 917 г. сражался при Ахелое, а в конце того же года или в начале 918 г. — при Катасиртах, то эта датировка не представляется возможной, как это отмечает уже Рансиман (*Romanus Lecapenus*. P. 84 и *Bulgarian Empire*. P. 159), который, впрочем, ошибочно выступает за 916 г. Вполне возможно, что сообщение о «десяти годах» не следует принимать слишком буквально, однако в подобных случаях округление в большую сторону всегда является более вероятным, чем в меньшую. Кроме того, мощное продвижение Симеона в Северной Греции, как это правильно отметил уже Диль, без сомнения, было следствием победы при Ахелое. Все это располагает нас отнести поход в Грецию к 918 г. Для его отнесения ко времени после возвышения Романа Лакапина (*Златарски. История. I, 2. С. 405 сл.* предполагает 920 г., а также и *Мутафчиев. История. I. С. 232*) не имеется никакого повода.

² См. V. Grumel в: EO 36 (1937). P. 52 сл. и F. Dölger в: BZ 37 (1937). S. 532.

Стилиан Зауца при Льве VI. Но вскоре он поднялся еще выше: 24 сентября 920 г. зять возвысил его до кесаря, а 17 декабря того же года венчал его соправителем¹. Роман Лакапин достиг того, к чему тщетно стремился Симеон: он стал тестем и соправителем молодого законного императора и тем самым — владыкой Византийской империи.

Для Симеона возвышение Романа Лакапина стало страшным ударом. Тщетно патриарх Николай Мистик пытался вмешаться в качестве посредника и с помощью многочисленных писем смягчить гнев болгарского владыки. Симеон требовал не меньше, чем низложения своего удачливого соперника. Когда же после этого Роман Лакапин достиг положения покровителя и тестя молодого императора, для Симеона все пути для достижения цели своей жизни оказались закрыты. Своему дерзкому требованию Симеон мог бы придать вес только посредством взятия Царьграда: то, что он постоянно опустошал византийскую территорию и вновь захватил Адрианополь (923), ничего не могло изменить в существующем положении вещей. За крепостными стенами своей столицы Роман оставался в неприкосновенности и спокойно выжидал. Хозяином положения был тот, кто владел Константинополем: это Симеон знал слишком хорошо, но у него не было флота, необходимого для штурма города. Поэтому он заключил союз со сведушими в морском деле египетскими арабами, договорившись о совместном нападении на Константинополь. Однако этот план был перечеркнут бдительной византийской дипломатией. Византийскому императору не доставило большого труда превзойти посулы болгар и переменить настроение арабов посредством даров и обещаний регулярных выплат. Когда Симеон в 924 г. вновь появился перед Константинополем, он точно так же, как и в 913 г., был вынужден признать, что его могущество имеет своим пределом стены Константинополя, и так же, как и тогда, он начал переговоры с византийским правительством. Осенью 924 г.² между двумя

¹ В пользу 920, а не 919 г.: *Grunel V. Notes de chronologie byzantine* // EO 35 (1936). P. 333–335. То, что во время объединительного Собора в июле 920 г. Роман выступает еще как василеопатор, доказывает, что не только его императорская коронация, как это подчеркивает Грюмель, но и его венчание кесарем состоялось не в 919 г.

² О хронологии: *Dölger. Reg. 604*, который справедливо подчеркивает, что более точное определение времени ввиду противоречивых и внутренне ошибочных данных источников не является возможным. Датировка 9 сентября 924 г., которую отстаивал Рансиман (*Runciman. Romanus Lecapenus. P. 246* сл.), представляется столь же ненадежной, как и все прочие предложенные датировки.

правителями состоялась встреча, которая долго оставалась памятной современникам и потомкам и была разукрашена разными легендами. Но если прием Симеона патриархом Николаем Мистиком в 913 г. был многообещающим началом, то состоявшаяся одиннадцатью годами спустя встреча с императором Романом была концом его грандиозных надежд.

В отличие от правительства императрицы Зои, Роман не стремился раздражать могущественного противника. В послании к Симеону от 925 г. он энергично протестует против того, чтобы Симеон величал себя василевсом болгар и римлян, однако в одном из последующих посланий разъясняет, что его протест относился не столько к императорскому достоинству Симеона, сколько скорее к его претензиям на титул римского императора¹. Пускай и неохотно, однако же Византия смирилась с тем, что правитель болгар стал носить титул василевса, впрочем, с оговоркой, что значение этого титула ограничивалось пределами болгарских земель. Равным образом уже в 920 г. через патриарха Николая Мистика Симеону было сделано предложение о заключении брачного союза с новым царским домом Лакапинов, который должен был доставить ему почетное, хотя и исключаящее всякое влияние на дела в Византийской империи положение. Дальнейшие уступки отклонил уже сам Роман, а о территориальных уступках он и вовсе не желал слышать. В самом деле, опыт прошедших лет показывал, что Симеон, несмотря на свое военное превосходство, был не в состоянии осуществить свою программу силой оружия. Дипломатическое искусство византийцев при этом все сильнее заводило его в тупик.

Борьба между Византией и Болгарией, которая была основой событий, происходящих на Балканском полуострове, вовлекала в свой круг и прочие балканские страны. В Сербии перекрещивались и соперничали друг с другом влияния Византии и Болгарии. Представители сербской княжеской династии зависели от поддержки той или другой державы и использовались обеими во взаимной борьбе.

¹ Согласно письму Романа I, Симеон называл себя βασιλεὺς Βουλγάρων καὶ Ῥωμαίων (Δέλτιον I, 659). Однако Ῥωμαίων было для него важнее, чем Βουλγάρων. Был найден один моливдовул, на котором Симеон называет себя просто «василевсом ромеев»: Συμεὼν ἐν Χριστῷ βασιλεὺς Ῥωμέων (Т. Герасимов в Bull. de l'Inst. archéol. bulgare 8 (1934). С. 350).

То Симеону, то Роману Лакапину удавалось поставить у власти в Сербии своего протеже и устранить креатуру противника. Когда же после длительной борьбы и неоднократной перемены на престоле начало получать преобладание византийское влияние и поставленный при болгарской поддержке на сербский престол князь Захария стал склоняться на сторону Византии, Симеон решил устранить очаг беспокойства у себя в тылу. Однако посланная в Сербию болгарская армия была разбита, и потребовалось задействовать большие силы, чтобы после страшного опустошения привести страну под власть Симеона (ок. 924). Покорение Сербии вывело правителя болгар на границу Хорватии, которая тогда при своем первом короле Томиславе (910–928; король примерно с 925) обладала заметным могуществом. Вскоре Симеону и здесь была навязана необходимость вступить в военное противостояние, а тем самым вновь отвлечься от главного театра военных действий на византийском направлении. Во время вторжения в Хорватию армия Симеона потерпела свое крупнейшее поражение (ок. 926). Благодаря посредничеству папы Симеон был вынужден заключить мир с хорватами¹. После этого он, как кажется, начал готовить новый поход против Византии, однако 27 мая 927 г. его постигла неожиданная смерть.

Сразу после смерти Симеона положение полностью изменилось. Гордая целеустремленность и беспокойный боевой дух Симеона были совершенно чужды его сыну и наследнику Петру. Дальнейшая борьба казалась бесперспективной. Петр поспешил заключить с Византией мир, был признан болгарским царем и получил в жены Марию Лакапину, внучку императора Романа, дочь его старшего сына Христофора. Был признан и Болгарский патриархат, который Симеон, как кажется, учредил в последние годы своего царствования. Крупные военные успехи Симеона не прошли даром, тем не менее его заветная цель оказалась недостижимой. Впрочем, бесперспективным оказался и взятый Зоей курс на полное отвержение всех болгарских требований: победила средняя линия благоразумного императора Романа. Правитель болгар получил титул василевса, однако с подчеркнутым ограничением его действия только пределами болгарской державы; ему было позволено даже заключить брачный союз с византийской правящей династией, однако не с легитимным домом

¹ Šišić. Povijest. S. 407 sl.; Jireček. Geschichte. Bd. I. S. 199 сл.

порфирородных владык, а с Лакапинами. Соответствующим образом поменялись и роли: не правитель болгар стал тестем и покровителем византийского императора, как того хотелось Симеону, а византийские императоры Роман и Христофор нашли в болгарском царе Петре послушного зятя. Весьма внушительные уступки, которые Роман I — уже без внешнего давления — сделал болгарам, привели к формированию весьма благоприятных византийско-болгарских отношений. Никогда не было спокойствие на византийско-болгарской границе столь безмятежным, никогда не было влияние Византии на Болгарию столь мощным, как в десятилетия, которые последовали за миром 927 г.

Византийское положение укрепились и в других южнославянских землях. Покоренная и опустошенная Симеоном Сербия вновь пробудилась к самостоятельной жизни при князе Чеславе, который вскоре после смерти Симеона бежал из Преслава на родину и там принял власть, признав византийский суверенитет¹. Михаил из Захлумии, союзник Симеона, также возобновил связи с Византией и получил из Константинополя титул анфипата и патрикия². Так византийское влияние повсюду окрепло, тогда как болгарское ослабло. Сама Болгария целиком подпала под обаяние Византии. Культурная византинизация болгарской державы, которая быстро продвигалась со времени ее обращения в христианство, достигла своего пика³. Впрочем, политически и экономически страна была разорена и опустошена из-за беспрестанных войн времен Симеона. За быстрым движением вперед последних десятилетий последовало время кризиса. Как и в самой Византии, в Болгарии давали о себе знать серьезные общественные противоречия. Наряду со светским, постоянно росло крупное церковное землевладение, поскольку после христианизации страны процесс строительства церквей и особенно

¹ Чеслав взял власть уже в 927 или 928 г., а не в 30-е гг., как это ранее предполагалось. См. мои рассуждения: Порфирогенитова хроника српских владара и њени хронолошки подаци // Ист. часопис 1 (1948). С. 24–29.

² De adm. imp. Cap. 33.16 (ed. Moravcsik–Jenkins). Вопреки Шишичу (*Šišić. Povijest*. S. 412) следует, по моему мнению, согласиться с Иречеком (*Jireček. Geschichte*. Bd. I. S. 202), что сближение Михаила с Византией последовало только после смерти Симеона.

³ См.: *Mutaščiev P. Der Byzantinismus im mittelalterlichen Bulgarien* // BZ 30 (1929–1930). S. 387–394.

монастырей в Болгарии и присоединенной к ней Македонии шел полным ходом. Наряду с поощряемым официальной Церковью монастырской жизнью расцветает и враждебное Церкви сектантство, которое в кризисные времена обладает особой притягательной силой для неудовлетворенных и беспокоящихся душ.

Так во времена царя Петра в болгарской державе появляется враждебная Церкви радикальная секта богомилов. Учение попа Богомила, основателя этой ереси, берет свое начало в учении месалиан и особенно павликиан, которые, будучи в большом количестве переселенными византийским правительством во Фракию, уже длительное время жили бок о бок со славянским населением Болгарии и Македонии. Подобно павликианству, которое в свою очередь восходит к старому манихейству, богомильство является дуалистическим учением, согласно которому мир управляется двумя первоначалами: добрым (Бог) и злым (Сатанаил), причем борьба между этими противоположными силами определяет весь мировой процесс и каждую человеческую жизнь. Весь видимый мир есть творение сатаны и как таковое подвержен злу. Подобно своим восточным предшественникам, богомилы стремились к чисто духовной религиозности и суровому аскетическому образу жизни. Они строго отвергали всякий внешний культ, всякий церковный ритуал и даже весь церковный строй. Богомильский протест против господствующей Церкви одновременно означал и отвержение существующего миропорядка, мощнейшей духовной опорой которого была Церковь. Движение богомилов стало выражением протеста против властей, знати и богатых.

Богомильство пустило в Болгарии и особенно в Македонии глубокие корни, а затем нашло сильнейший отклик далеко за пределами тогдашней болгарской державы, проявившись под различными названиями в самой Византии, в Сербии и особенно в Боснии, в Италии и в Южной Франции. Секты богомилов, бабунов, патаренов, катаров, альбигойцев, так же, как и их малоазийских предшественников, являются различными формами выражения одного крупного движения, которое от нагорий Армении распространилось вплоть до Южной Франции, мощно вспыхивая то тут, то там. Сильнее всего ересь распространяется в трудные кризисные времена, ибо в такие времена ее в сущности глубоко пессимистичное мировоззрение, которое отвергает не только определенный порядок, но и сей мир как

таковой, находит для себя особенно богатую почву, а его протест выглядит особенно впечатляющим¹.

4. Борьба центральной власти против могущества феодалов. Культурный расцвет при византийском императорском дворе: Роман Лакапин и Константин Багрянородный

Общая литература: *Ramnaud A. L'empire grec au Xe siècle: Constantin Porphyrogénète. Paris, 1870; Runciman. Romanus Lecapenus; Васильев. Византия и арабы. Т. 2; Васильевский. Материалы; Ostrogorsky. Paysannerie; Lemerle. Histoire agraire; Каждан. Город и деревня.*

Роман Лакапин создал себе прочное положение внутри Империи, и этим объясняется большая уверенность его внешнеполитической деятельности. Он недолго довольствовался положением соправителя своего зятя. Вскоре официальное соотношение чинов изменилось: Роман I стал старшим императором, а молодой Константин VII — соправителем своего тестя. Соправителями также стали сыновья Романа Лакапина: Христофор (20 мая 921), Стефан и Константин (25 декабря 924), причем Христофор получил первенство над законным государем Константином VII. Христофор занял место второго императора после своего отца и стал его возможным наследником; напротив, представитель Македонской династии был вынужден

¹ Из весьма обширной, в последнее время сильно увеличившейся литературы по истории богомилства следует отметить следующие работы: *Ангелов Д. Богомилство в България. София, 1947* (сильно расширенное новое издание: *София, 1961*) и *Der Bogomilismus auf dem Gebiet des byzantinischen Reiches I. Sofia, 1948; Puech H. Ch., Vaillant A. Le traité contre les Bogomiles de Cosmas le Prêtre. Paris, 1945; Runciman St. The Medieval Manichee. A Study of the Christian Dualist Heresy. Cambridge, 1946; Obolensky D. The Bogomils. A Study in Balkan Neo-Manichaeism. Cambridge, 1948; Soloviev A. La doctrine de l'Eglise de Bosnie // Bull. de l'Acad. de Belgique 34 (1948). P. 481–534; Grégoire H. Cathares d'Asie Mineure, d'Italie et de France // Mémoires L. Petit. Paris, 1948. P. 142–151. См. далее весьма содержательное исследовательское сообщение: *Schmaus A. Der Neumanichäismus auf dem Balkan // Saeculum 2 (1951). P. 271–299.**

довольствоваться декоративной ролью третьего императора¹. Так Роман I рядом с законным Македонским царствующим домом создал свой, обеспечив ему преимущество. Трое из его сыновей носили императорский венец, а четвертый, Феофилакт, которому было предназначено духовное поприще, уже будучи ребенком, занимал должность синкелла Николая Мистика и позднее должен был стать патриархом. Система правления Романа I сильно напоминает порядок, созданный в свое время Василием I. Однако Роман, в отличие от Василия I, не устранял насильственно представителя законной династии, а связал его узами родства и затем постепенно, почти незаметно оттеснил на задний план.

Ловкий политик и дипломат Роман I был олицетворением разумной умеренности. Энергичный и обладающий твердым характером, он осуществлял свои замыслы с хладнокровной выдержкой, без спешки и не отвлекаясь от цели. Сверх того, он обладал одной из важнейших добродетелей правителя: способностью к правильному выбору соратников. В протовестиарии, а впоследствии паркимомене Феофане он нашел выдающегося министра, в Иоанне Куркуасе, которого он в 923 г. возвысил до чина доместика схол, — превосходного военачальника. Конечно, византийской аристократии выскочка низкого происхождения не был приятен. Однако посредством брака своих младших дочерей, сестер супруги порфирородного императора Константина, с представителями виднейших родов он вступил в родство с семьями таких магнатов, как Аргиры и Муселе.

Церковь была ему вполне предана: патриарха Николая Мистика с ним связывала дружба и общность интересов; объединившиеся

¹ Роман Лакапин получил преимущество перед Константином VII между 20 мая 921 г. (венчание Христофора было совершено еще не Романом, а Константином VII (Theoph. Cont. P. 398), тогда как младших Лакапинов венчал сам Роман (Ibid. P. 409.21)) и апрелем 922 г. (вышедшая, вероятно, в этом году новелла о протимисисе была издана от имени императоров Романа, Константина и Христофора: *Zepos. Jus. I. P. 200*); Христофор Лакапин оттеснил Константина после апреля 922 г. и до 25 декабря 924 г., когда были венчаны младшие Лакапины, поскольку у нас есть сведения о двух хрисовулах, изданных от имени императоров Романа, Христофора и Константина (*Zepos. Jus. I. P. 204; Dölger. Reg. 593, 594*; тем самым эти документы могут быть датированы временем между апрелем 922 и 25 декабря 924 г.). Т.о., возвышение Христофора не было связано с бракосочетанием его дочери с болгарским царем Борисом в 927 г., как об этом сообщает Продолжатель Феофана (p. 414.16; ему следует *Runciman. Romanus Lecapenus. P. 67*).

с Церковью сторонники умершего Евфимия († 917) более не имели веса; Римская Церковь, которая переживала в это время один из наиболее мрачных периодов своего существования, была покорна могущественному императору. Еще до официального возвышения Романа на Соборе в июле 920 г. в присутствии папских легатов вопрос о четырех браках Льва VI был решен в русле позиции патриарха Николая Мистика — путем запрещения четвертого брака и осуждения третьего, дозволяемого только при особых обстоятельствах. Это решение принесло патриарху глубокое моральное удовлетворение. Роману же оно принесло двойную выгоду, поскольку было неблагоприятным для авторитета Македонской династии, а ему самому доставило венец объединителя Церкви. После долгих бесплодных споров византийская Церковь была наконец объединена, и Николай Мистик смог объявить о своем триумфе в особом «томосе единения» (τόμος ἐνώσεως)¹. За этим последовали годы мирного сотрудничества между светской и духовной властью, которые напоминают идеальный образ, нарисованный в «Исагоге». Государь помог патриарху восстановить свои права, а тот в качестве верного помощника и советника содействовал императору во время войны с Симеоном.

Тем не менее церковным отношениям в Византии недоставало постоянства, коль скоро положение Церкви сильно зависело от личности ее предстоятеля. После смерти Николая Мистика (925) церковно-государственные отношения коренным образом изменились и высокий авторитет византийской Церкви бесследно исчез. После того как на патриаршем престоле сменились две ничего не значивших фигуры Роман I долго не давал заместить патриарший престол, чтобы затем возвести на него своего 16-летнего сына Феофилакта. Посвящение над юношей 2 февраля 933 г. совершили папские легаты, которых император специально для этого пригласил в Константинополь. Юный патриарх был слепым исполнителем воли отца. Остальное время он проводил больше в конюшне, чем в церкви, и это постыдное положение продолжалось вплоть до его смерти в 956 г., причем настроение и склонности патриарха за истекшее время не изменились.

Величие Романа Лакапина как государственного деятеля наиболее ярким образом проявилось в законодательстве, направленном на защиту мелкого земельного владения. Византийское государство

¹ *Grumel. Reg.* 669.

стояло перед весьма серьезной проблемой: со все растущей скоростью «сильные люди», динааты (οἱ δυνατοί), скупали земельные владения «бедных» (οἱ πτωχοί, οἱ πένητες), превращая последних в зависимых от них крестьян, páриков (πάροιχοι). Этот процесс, бывший сопутствующим явлением усиления византийской аристократии, представлял собой большую опасность для византийского государства, финансово-экономическая и военная мощь которого покоилась на мелком земельном владении крестьян и стратиотов. Роман Лакапин первым осознал эту опасность, по отношению к которой его предшественники оставались совершенно слепы. «Мелкое земельное владение приносит большую пользу благодаря уплате государственных налогов и исправлению воинской службы; они придут в полный упадок, если уменьшится число держателей мелких наделов»¹. Эти слова императора Романа показывают, насколько ясно он видел суть и серьезность проблемы. Для того, чтобы испытанная во многовековых войнах система финансового и военного могущества Византийской империи могла сохраниться, государственная власть должна была выступить против поглощения мелкого землевладения динаатами. Так между центральной властью и крупноземельной аристократией началась ожесточенная борьба, которая определила все дальнейшее развитие византийского государства.

Прежде всего Роман Лакапин в новелле, изданной, по-видимому, в апреле 922 г., восстановил ограниченное Львом VI право предпочтительной покупки земли соседями, придав положению о протимисе новую и более глубокую формулировку². При отчуждении

¹ Zepos. Jus, I. P. 209.

² Zepos. Jus, I. P. 198 sq.; Dölger. Reg. 595. Лемерль (*Lemerle. Histoire agraire. T. 219/1. P. 265 sv.*) — вкратце ставит вопрос о традиции текста этой и прочих новелл, посвященных защите мелкого земельного владения, и говорит, что их текст, дата и авторство вызывают большие сомнения. Уже Цахариев в одном примечании, которое, как справедливо говорит Лемерль, было недостаточно учтено в науке, кратко указал на то, что сохранившийся текст, как кажется, составлен из кусков разных новелл (*Zachariae. Jus, III. P. 234, n. 1*). При ближайшем рассмотрении мне в самом деле представляется, что гл. 2 находится не в полном согласии с гл. 1, основной частью новеллы, а скорее представляет собой дальнейшую стадию законодательства (дарения и завешания в пользу динаатов, которые, согласно гл. 1, не подпадают под положение о протимисе, во 2-й главе подчеркнуто запрещаются). Таким образом, нужно согласиться с Лемерлем, когда он подчеркивает необходимость критического изучения сохранившегося текста этой новеллы, а также и прочих ➔

крестьянского надела посредством продажи или аренды пять категорий лиц в определенном порядке должны были пользоваться правом предпочтительной покупки: 1) родственники-совладельцы; 2) прочие совладельцы; 3) владельцы участков, стоящих по отношению к продаваемому в чересполосных отношениях; 4) владельцы соседних участков, платящие подати вместе с прежним владельцем участка (однотягловые); 5) прочие соседи. Только после того, как все эти категории отклонили покупку, земля могла продаваться постороннему. Эта строго продуманная и во всех подробностях хорошо проработанная система¹ имела целью предохранить мелкое земельное владение как от скупки динатами, так и от чрезмерного раздробления. Динаты не могли более вообще покупать крестьянскую землю или брать ее в аренду за исключением случая, если они имели в соответствующих деревнях имения, т.е. подпадали под одну из пяти категорий. Они также не могли принимать ее в качестве дарения или наследства от бедняков, кроме тех случаев, когда они состояли с ними в родстве².

→ новелл, изданных в защиту мелкого земельного владения, и считает дальнейшее изучение всей этой группы новелл настоящей задачей современной науки. Однако сомневаться в том, что эта новелла с ее основополагающими определениями права протимисиса принадлежит Роману I, значило бы слишком далеко заходить в скептическом отношении к ней. В конце концов и Цахариэ (*Zachariä. Geschichte. S. 238 f., 265 f.*), несмотря на упомянутое выше замечание, справедливо считал эту «знаменитую и на все последующее время руководящую новеллу» без всяких сомнений законом Романа I от 922 г. Правда, дата — апрель 10 индикта 640 г. (= 922) — приводится лишь в позднейших уложениях (синопсисах 2-й и 3-й ступени). Но даже если ее правильность и не вполне ясна, не существует и оснований для ее отвержения, поскольку числа индикта и года находятся друг с другом в полном соответствии. — Критическое издание и обработку этой группы новелл можно ожидать от Н. Звороноса, как это показывает его сообщение на XII Международном Византиноведческом конгрессе в Охриде (1961 г.). [Обобщающее исследование новелл X в. о стратиотском землевладении Н. Звороноса вышло уже после его кончины: *Svoronos N. Les nouvelles des empereurs Macédoniens concernant la terre et les stratiotes: Introduction, édition, commentaires. Édition posthume et index établis par P. Gounaridis. Athènes, 1994. — Прим. пер.*].

¹ См.: *Ostrogorsky. Steuergemeinde. P. 32 сл.*

² Как указывается на с. 347, прим. 2, это постановление, по-видимому, было позднее приложено к новелле о протимисисе, что совершенно не обязательно должно означать, что она принадлежит не Роману I, тем более что изданная после голода 927–928 гг. новелла Романа Лакапина, как представляется, ссылается именно на это постановление (*Zepos. Jus. I. P. 210.27–29*). То же самое относится к постановлению о солдатских

Кто преступал эти определения, если его не защищал десятилетний срок давности, должен был вернуть приобретенный участок без всякого возмещения и, кроме того, уплатить штраф в казну. В случае стратиотских наделов обязанность безвозмездного возвращения распространялась и на земельные участки, отчужденные за последние тридцать лет, если имение стратиота вследствие отчуждения опускалось ниже уровня, необходимого для снаряжения воина.

Впрочем, этот указ не возымел ожидаемого действия. Из-за необычайно длинной и суровой зимы 927–928 гг. страну постиг сильный неурожай, вызвавший большой голод и опустошительную эпидемию. Это несчастье было использовано династами для того, чтобы скупить у голодающего населения землю по ничтожной цене или за предоставление продовольствия. Эти действия вызвали появление еще одной новеллы Романа I¹. С большой горечью император обрушивается на жадность динатов, которые показали себя «более беспощадными, чем голод и болезни». Впрочем, он не предписывает общего изъятия приобретенных крестьянских земель, как можно было бы ожидать при строгом соблюдении прежнего постановления. Правда, все дарения, наследства и подобного рода приобретения объявляются недействительными. Также должны быть возвращены без всякой компенсации имения, за которые была уплачена сумма, составляющая менее половины справедливой цены. Если же речь идет о справедливой покупке, то возвращение участка связывается с условием возвращения продажной цены в течение трех лет. На будущее еще раз налагается запрет всякого приобретения крестьянской земли династами, при этом предусматривается безвозмездное возвращение приобретенных

наделах, которое следует привести после него. Неупоминание этого постановления в новелле Константина VII о стратиотских наделах, во всяком случае, не является доказательством его позднейшего происхождения. Еще составленная тем же самым Феодором Декаполитом новелла Романа II избегает не только каких бы то ни было ссылок на Романа I, но даже утверждает, что безвозмездное возвращение незаконно приобретенной земли впервые было предписано Константином VII (*Zepos. Jus*, I. P. 240).

¹ *Zepos. Jus*, I. P. 205 сл.; *Dölger. Reg.* 628. Дата этой новеллы также указывается только в позднейших правовых сборниках, причем в них встречается сентябрь то 2-го индикта (928), то 8-го (934). Цахариэ принял последнюю дату, в чем за ним последовали все позднейшие исследователи, — насколько справедливо, вопрос остается открытым. Во всяком случае, неопределенность относительно датировки этой новеллы кажется мне большей, чем в случае с новеллой о протимисисе.

имений их прежним владельцам, а также уплата штрафа в казну. В заключение император выражает уверенность, что посредством силы закона он одолеет внутренних врагов Империи так же, как он одолел врагов внешних.

Какими бы строгими ни были слова императора, однако именно эта новелла показывает, что меры правительства не могли применяться с той строгостью, какую они предусматривали. Можно с уверенностью предположить, что значительная часть скупленных во время голода крестьянских наделов осталась в руках динатов. Ибо вряд ли мыслимо то, чтобы крестьяне, которых нужда заставила продать свои наделы, за три года смогли собрать необходимые для возврата продажной цены средства. Даже в случаях несправедливой покупки, которая по закону имела своим последствием безвозмездное возвращение приобретенного участка, крестьянин на деле далеко не всегда восстанавливался в своих правах, поскольку обвиняемые несправедливые покупатели часто могли быть родственниками или друзьями поставленных над ними местных чиновников. Крупные землевладельцы и чиновники составляли отдельную касту. Естественным стремлением высокопоставленного чиновника было приобрести в провинции имение, а богатые землевладельцы были озабочены тем, чтобы пробиться в сословие чиновников и создать для себя необходимый социальный вес и связи посредством занятия чиновной должности или приобретения служилого титула. Как правило, «сильные» были крупными землевладельцами и чиновниками в одном лице¹. Воле центрального правительства противостояла воля сплоченных, наиболее сильных экономически и социально значимых элементов. Те, от кого зависело практическое выполнение императорских постановлений, были по большей части заинтересованы в их саботаже².

Однако и мелкие землевладельцы, которых императорское правительство, казалось бы, защищало от алчности динатов, подчас сопротивлялись его видам. Чрезмерное налоговое бремя вызвало волну движения в пользу патрониния. Экономически разоренное

¹ См. важные рассуждения: *Васильевский*. Материалы // Труды. IV. С. 254 сл.

² Какими способами имперские чиновники и судьи пытались обойти предписания закона, я показываю на отдельных примерах в: *The Peasant's Pre-emption Right* // *Journal of Roman Studies* 37 (1947). P. 117–126.

крестьянство отказывалось от своей тягостной свободы и отдавало себя под покровительство (патронат) могущественного господина, что сулило освобождение от обременительных обязанностей и тягот. Этим объясняется то, что крестьяне не только продавали свои наделы динатам, как мы это узнаём из самих императорских законов, но подчас даже дарили, что означает не что иное, как то, что они добровольно становились в зависимость от землевладельца, чтобы избежать нищеты и неопределенности, а также чтобы найти защиту от чрезмерных налоговых требований государства и прежде всего от насилий сборщиков налогов. В действительности центральное правительство вступалось не за права и независимость мелких земельных владельцев, как это представляют императорские новеллы: государство защищало свои собственные права на налоги и подати мелких землевладельцев, которые у него оспаривала крупноземельная знать. Глубина кризиса заключалась именно в том, что окрепшая феодальная аристократия, увеличивая свои земельные владения и число своих париков, стремилась отнять у государства его крестьян и воинов. Борьба между центральной властью и феодальными магнатами шла не столько за земельные владения крестьян и стратиотов, сколько за самих мелких землевладельцев, которые в действительности и представляли для обеих сторон наибольший интерес¹.

В сфере внешней политики Империя вплоть до 927 г. была главным образом занята борьбой с Симеоном. Однако уже в этот период становится заметным некоторое усиление византийских вооруженных сил. Особенно укрепились во времена правления друнгария флота Романа Лакапина византийские военно-морские силы. Уже в 924 г. императорский флот разгромил при Лемносе эскадру Льва Триполита, покорителя Фессалоники, и вновь восстановил свое господство в Эгейском море. А после того как была устранена болгарская опасность, византийское наступление началось также и на суше под командованием выдающегося военачальника Иоанна Куркуаса². Граница по Тавру оставалась, как и прежде, стабильной, театром военного противостояния являлись Армения и особенно

¹ *Ostrogorsky*. Paysannerie. S. 11 сл.

² Внешнеполитическое развитие нашло свое образцовое изложение в: *Runciman*. Romanus Lecapenus.

северная Месопотамия¹. Первым большим успехом было взятие Мелитины: этот важный город, который уже неоднократно оказывался целью византийских военных предприятий, был впервые занят Иоанном Куркуасом в 931 г., затем вновь вернулся в руки арабов и наконец 19 мая 934 г. вторично сдался византийскому полководцу и с тех пор на долгое время остался под византийской властью. Достойный противник Иоанна Куркуаса явился в лице эмира Мосула и Алеппо Сайф ад-Даулы, одного из представителей династии Хамданидов. В то время как власть Аббасидского халифа в Багдаде все больше приходила в упадок, могущество Хамданидов росло, так что ведение войны с Византией выпало теперь на долю Сайф ад-Даулы, а Византия сочла необходимым завязать контакты с багдадским халифом и Ихшидидами Египта для отпора новому врагу. В сентябре 938 г. в области верхнего Евфрата Хамданид одержал над Иоанном Куркуасом значительную победу, после чего вторгся в Армению, принудил нескольких армянских и иверских князей к признанию его верховенства и, пройдя через покоренную страну, появился на византийской территории, чтобы опустошить область Колонии (940). Между тем в халифате началась смута, и Сайф ад-Даула, который не мог себе позволить упустить возможность вмешаться в багдадские дела, отступил.

Для Византии это было большой удачей, тем более что в июне 941 г. на нее обрушился неожиданный удар руси. Русь совершила высадку на вифинском побережье и опустошила весь азиатский берег Босфора. Затишье на Востоке дало Иоанну Куркуасу возможность явиться на театр военных действий на Босфоре и активно выступить против неприятеля. Русские потерпели несколько поражений, а когда приготовились к отступлению, их корабли были уничтожены греческим огнем в морском сражении, которое им навязал паракимомен Феофан². Разница в исходе русских нападений 907 и 941 гг. позволяет видеть, насколько возросла за этот промежуток времени военная мощь византийского государства. Но когда в 943 г. русский князь Игорь с большими силами руси и печенегов появился на Дунае, византийское правительство сочло разумным

¹ Об устойчивости границы по Тавру с VII и до середины X в. очень хорошее изложение в: *Honigmann. Ostgrenze*. S. 39 ff.

² Подробное описание нападения русов см. в: *Левченко. Очерки*. С. 128 сл.

достичь с ним договоренности и возобновить с Киевом торговый договор¹. Этот договор, который был подписан в 944 г., по существу следует договору, составленному в 911 г. после нападения на Константинополь Олега, однако в некоторых пунктах является более выгодным для Византии².

После разгрома русов на Босфоре Иоанн Куркуас смог вновь отправиться на Восток, чтобы возобновить свои операции в Месопотамии. Во время быстрого и победоносного похода он захватил Мартирополь, Амиду, Дару и Нисибин (943), а затем повернул на Эдессу, где хранилась одна из величайших христианских святынь — известное по легенде об Авгаре чудесное изображение Христа. Тяжелая осада заставила горожан выдать нерукотворный святой Убрус (Мандилион). С большой торжественностью эта святыня, освобожденная из-под власти неверных силой византийского оружия, была доставлена в Константинополь. Ее встреча в византийской столице 15 августа 944 г. превратилась в особый религиозный праздник.

Победы Иоанна Куркуаса отодвинули византийскую границу далеко на Восток, византийский авторитет в Азии вырос, заложив основу для решительного наступления при Никифоре Фоке и Иоанне Цимисхии. Под впечатлением раскрывшейся мощи Византийской империи целые арабские племена переходили на ее сторону, чтобы после принятия христианства поселиться в византийских провинциях. В результате этого арабские пограничные области значительно обезлюдили, что в дальнейшем значительно облегчило продвижение византийцев.

Возвращение святого Убруса было последним триумфом императора Романа I. Неожиданный трагический конец выпал на долю великого правителя, к судьбе которого подходят библейские слова о том, что наихудшие враги для человека — домашние его. Тот, чье положение казалось непоколебимым, пал жертвой стремления к власти своих собственных сыновей. Старший из них, Христофор, которого он определил в качестве наследника престола, умер в 931 г. Трезво

¹ Согласно Н.Я. Половому (О дате второго похода Игоря на греков и похода русских на Бердаа // ВВ 14 (1958). С. 138–147), этот второй поход Игоря против Византии, по всей видимости, приходится не на 944 г., как предполагалось ранее, а на 943 г.

² ПСРЛ. Т. 1. С. 46 сл. *Dölger*. Reg. 647.

оценивая своих более молодых отпрысков, Роман не дал им первенства перед законным императором¹. Поэтому Стефан и Константин из страха, что после смерти их престарелого отца власть вернется к порфирородному Константину, решились на государственный переворот. 16 декабря 944 г. старый император был схвачен по приказу своих сыновей и сослан на остров Проти. Там Роман, один из наиболее значительных правителей в византийской истории, 15 июня 948 г. закончил свои дни монахом в одинокой ссылке.

Однако вскоре выяснилось, что молодые Лакапины жестоко просчитались. Вполне вероятно, что во время переворота ими руководили сторонники Константина VII². Во всяком случае, вся выгода досталась Багрянородному, поскольку ему удалось найти опору в народном чувстве династической легитимности, тогда как за обоими заговорщиками никто не стоял: отстранив престарелого отца, они сами лишили себя единственной надежной опоры. До выполнения второй части их плана, устранения законного императора, дело так и не дошло. 27 января 945 г. они по приказу Константина VII были арестованы и отправлены в ссылку, где позднее оба умерли насильственной смертью.

Так Константин VII в возрасте около сорока лет получил наконец права самостоятельного государя, хотя уже в течение 33 лет, с самого раннего детства, носил императорский венец. В пасхальное воскресенье 6 апреля 945 г. его сын Роман также получил сан императора.³ То обстоятельство, что Константин VII так долго оставался отлученным от верховной власти и был вынужден находиться на вторых ролях, как бы это ни оскорбляло его чувство собственного достоинства, имело не столько внешние причины, сколько, скорее, личную предрасположенность порфирородного императора. В его характере еще более, чем у его отца Льва VI, проявлялся перевес ученого над государственным деятелем. Жадный до знания книжник, усердный

¹ Сообщение Скилицы–Кедрина (р. 321.19) о том, что Константин VII считался последним среди соправителей Романа Лакапина, неверно. Ср.: *Theoph. Cont.* P. 435.5.

² *Scylitzes–Cedren.* II. P. 322 sq.

³ Касательно хронологии см.: *Ostrogorsky G., Stein E.* Die Krönungsordnungen des Zeremonienbuches // *Byz 7* (1932). S. 197, Anm. 3. Ср. тж.: *De Jerphanion G.* La date du couronnement de Romain II // *OCP 1* (1935). P. 490 ff.

исследователь с глубоким интересом к истории, для которого наука и писательство были единственной страстью, он жил более в прошлом, чем в настоящем. Хотя он и интересовался политическими сюжетами и даже военным искусством, однако то был интерес только теоретический, как и к любым другим научным предметам. Впрочем, даже во время своего единовластия он всегда подчинялся воле других, прежде всего своей супруги Елены, в жилах которой текла властолюбивая кровь Лакапинов.

Историческая роль Константина VII заключалась не столько в его малоэффективной государственной деятельности, сколько в его живом и плодотворном творчестве в области образования и науки. Он составил энциклопедию, известную под заглавием «Книги церемоний», обладающую огромной ценностью как исторический источник; историко-географическое исследование о провинциях Империи; весьма важный трактат о зарубежных странах и народах, а также жизнеописание своего деда Василия I. По его указанию или побуждению были составлены несколько важных исторических трудов, а также целый ряд разного рода научных сочинений и практических руководств, с большим рвением делались выписки из старых писателей, особенно из старых историков. Коронованный писатель и меценат придал мощный импульс духовным силам Империи и вызвал к жизни необыкновенную научную активность. Эпоха его слабого правления была блистательным веком, бесспорно значительным для всего византийского развития. Впрочем, ученая деятельность императора и его окружения была прежде всего компилятивного характера. Ей недоставало творческой силы, которая создает новые культурные ценности. Речь шла о том, чтобы свести вместе то, что заслуживало знания, а именно — все то, что требовалось сохранить и передать дальше в виде материала для образования и обучения. Литературная деятельность Константина VII имела своим основанием практическую и дидактическую цель: сочинения, которые он сочинял сам и побуждал составлять других, должны были послужить современникам и потомкам, в первую очередь его сыну и наследнику Роману, в качестве научения и практического руководства. Это были справочные труды. Энциклопедия, трактат, исторический сборник — вот те литературные формы, которые культивировались в кругу Константина VII.

После крушения династии Лакапинов, как и следовало ожидать, произошла перемена лиц при византийском дворе. Константин VII

попал в объятия могущественного семейства Фок. Варда Фока, брат бывшего соперника Романа Лакапина, принял высшее военное командование в качестве доместика схол. Наряду с ним важнейшую роль в императорской армии играли три его сына. Однако, несмотря на перемену лиц и на то, что Константин VII всю жизнь хранил обиду на своего тестя¹, политическая линия великого правителя оставалась неизменной как во внутри-, так и во внешнеполитическом отношении. Даже в области аграрной политики правительство Константина VII прочно придерживалось заданного Романом Лакапином направления и издавало новые законы в защиту мелкого земельного владения — не ссылаясь, впрочем, на инициатора законодательных мер по этому вопросу.

Закон от марта 947 г.², составленный патрикием и квестором Теофилом, предусматривал немедленное и безвозмездное возвращение всех крестьянских наделов, которые динаты приобрели после начала самостоятельного правления Константина VII или могли приобрести в будущем. Крестьяне должны были впредь иметь право преимущественной покупки также и при отчуждении имений динатами при прочих равных условиях. Для более старых сделок действовали прежние распоряжения, и это означает, что обязанность возмещения продажной цены была распространена на все время вплоть до 945 г., что, без сомнения, было большой уступкой динатам. Впрочем, закон Константина VII не предусматривал этой обязанности для беднейших продавцов, чье имущество оценивалось менее чем в 50 золотых. Однако новелла его сына показывает, что Константин VII по представлению магнатов отменил это ограничение посредством более позднего, до нас не дошедшего закона и всего лишь увеличил срок возмещения цены продажи с трех до пяти лет³.

Еще один закон, который вышел из-под пера патрикия и квестора Феодора Декаполита⁴, касается стратиотских имений и определяет,

¹ Ср.: De admin. imp. Cap. 13, 149 (ed. Moravcsik–Jenkins), где Константин VII говорит: «Император Роман был человеком без образования и невежественным; он не был из числа тех, кто с детства воспитывался в императорском дворце и в римских традициях, был не из императорского рода и даже не благородного происхождения».

² Zepos. Jus, I. P. 214 sq. Dölger. Reg. 656.

³ Zepos. Jus, I. P. 240–241.

⁴ Zepos. Jus, I. P. 222 sq. Dölger. Reg. 673.

что имения, с которых стратиоты получают средства для собственного пропитания и вооружения, не могут быть отчуждены, причем наделы стратиотов-всадников и солдат военно-морского флота фем Кивирреотов, Эгейского моря и острова Самос должны, согласно обычаю, иметь ценность по крайней мере в четыре фунта золота, а получающих жалованье матросов императорского флота — в два фунта¹. Разделы воинского имения по наследству дозволяются при условии, что наследники совместно берут на себя исполнение службы. Если ценность имения одного стратиота превышает минимальную планку, установленную законом, то он имеет право продать излишнюю часть, но лишь в том случае, если она не занесена в стратиотские списки. Срок для вступления в невозбранное владение прежним стратиотским участком наступает лишь по истечении сорока лет. Старая норма, по которой стратиотские имения следовало отбирать у покупателей безо всякой компенсации, должна была исполняться более строго, причем право на возврат стратиотского имения принадлежит не только его прежнему владельцу, но и, согласно правилу о преимущественной покупке, также и родственникам вплоть до шестого колена, а потом и тем, кто вместе с прежним владельцем имения нес служебную повинность или вместе с ним исполнял воинскую службу, или же более бедным стратиотам, которые совместно с ним платили налоги, и, наконец, крестьянам, которые принадлежат к той же сельской общине.

Тот же Феодор Декаполит составил новеллу, опубликованную при сыне Константина VII, Романе II, которая разъясняет прошлые определения и имеет дело с еще не окончательно урегулированным вопросом об имениях, скупленных во время голода 927–928 гг.; в остальном она еще раз подтверждает, что отчужденные с начала самостоятельного правления Константина VII наделы крестьян и стратиотов должны быть возвращены без всякой компенсации². Новелла того же императора от марта 962 г. содержит разъяснения прежних распоряжений об отчужденных имениях стратиотов и выдвигает принцип,

¹ Эти важные сведения повторяются также в «Книге церемоний» Константина VII, где говорится, что наделы всадников должны иметь ценность в пять или, по крайней мере, в четыре фунта, а солдат императорского военно-морского флота — в три фунта.

² *Zepos. Jus*, I. P. 240 sq.

что благонамеренные покупатели подлежат только обязанности безвозмездного возврата, в то время как злонамеренные приобретатели, кроме того, обязаны уплатить штраф¹.

Жгучим вопросом внешней политики продолжала оставаться война на Востоке. Затяжная борьба в южной Италии также продолжалась, не оказывая сильного влияния на общее развитие внешней политики. На болгарской границе царил безмятежный мир, вторжения венгров были успешно отражены (как в 934 и 943, так и в 959 и 961 гг.). Таким образом, Византия смогла сконцентрировать свои силы на борьбе в Азии и в восточной части Средиземноморья. В 949 г. Константин VII организовал поход против пиратского гнезда на Крите, размах снаряжения которого напоминает большие экспедиции времен Льва VI². Впрочем, и на сей раз военные усилия и финансовые траты оказались тщетными. Предприятие потерпело плачевный крах из-за неспособности командующего Константина Гонгилы. С большим, хотя и переменным успехом шли бои в северной Месопотамии, где Империя противостояла своему старому врагу, Сайф ад-Дауле. В 949 г. византийцы отвоевали Германикию, нанесли вражеской армии несколько поражений и в 952 г. перешли Евфрат. После этого, однако, удача отвернулась от них, Сайф ад-Даула вновь овладел Германикией, вторгся на территорию Империи и захватил в плен сына domestika, Константина Фоку (953). В последующие годы Сайф ад-Даула также продолжал одерживать победы, и лишь постепенно византийская армия вновь перешла в наступление под предводительством Никифора Фоки, которому его отец уже в конце 954 г. вручил командование войском. В июне 957 г. сдалась Адата в северной Сирии, а в 958 г. Иоанн Цимисхий после упорного сражения взял Самосату в северной Месопотамии.

Характерной чертой эпохи Константина VII были исключительно оживленные сношения с иностранными дворами. Наряду с многочисленными посольствами, которые проводили переговоры с ведущими войну соседними арабскими государствами, произошел обмен пышными посольствами с омейядским кордовским халифом Абдаррахманом III и с Оттоном Великим. Но наибольшее историческое значение имел торжественный прием, оказанный русской

¹ *Zepos. Jus. I. P. 243–244. Dölger. Reg. 690.*

² Подробное описание см. в: *De caerim. P. 664 sq.*

княгине Ольге, которая осенью 957 г.¹ провела при императорском дворе продолжительное время. Личный визит правительницы молодого Киевского государства, которая незадолго до того приняла христианство и при крещении получила имя супруги византийского императора Елены, открыл новую эру в византийско-русских отношениях и придал новый импульс многообещающей миссионерской работе византийской Церкви².

5. Эпоха завоеваний: Никифор Фока и Иоанн Цимисхий

Общая литература: *Schlumberger*. Nicéphore Phocas // *Épopée byzantine*. Vol. I; *Ferradou*. Des biens des monastères à Byzance. Bordeaux, 1896; *Charanis*. Monastic Properties; ср. литературу к Гл. 4.

После смерти Константина VII (9 ноября 959 г.) взошел на престол его сын Роман II, приятный, любезный, но слабовольный и легкомысленный юноша, унаследовавший от своего отца политическую беспомощность, но не страсть к науке. В детстве по желанию Романа Лакапина он был обручен с незаконной дочерью Гуго Прованского, однако из-за ранней смерти маленькой принцессы унизительная для порфирородного сына императора помолвка утратила силу, не превратившись в настоящий брак. Ок. 956 г. Роман женился по собственной склонности на Анастасо, дочери трактирщика, которая как императрица получила имя Феофанó. Этой на редкость красивой,

¹ Существует альтернативная датировка посольства Ольги: 946 г. — *Прим. пер.*

² Подробное описание приема Ольги в императорском дворце находится в «Книге церемоний» Константина VII: De caerim. P. 594 sq. О том же подробно в: *Левченко*. Очерки. С. 217 сл., который в том числе обсуждает различные мнения исследователей о времени и месте крещения Ольги. Сам Левченко склоняется к тому воззрению, что Ольга приняла крещение в связи со своим посещением Константинополя. Этому, однако, противоречит не только полное молчание, которое хранит по этому поводу Константин VII, но и то обстоятельство, что в сопровождении Ольги уже находился священник. То, что русские хроники помещают крещение Ольги под 954 или 955 г., также говорит за то, что она приняла христианство в Киеве уже до своей поездки в Константинополь.

но совершенно безнравственной и безмерно тщеславной женщине было суждено сыграть в истории Византийской империи выдающуюся роль¹. Роман II полностью подпал под ее обаяние. Ради нее мать императора Елена была вынуждена отойти в тень, а пять сестер императора были насильно отправлены в монастырь. О государственных делах Роман II никогда по-настоящему не заботился, поручив их вниманию деятельного евнуха Иосифа Вринги, который в конце концов занял пост паракимомена и действовал в качестве парадинастевона. Но прежде всего император использовал славу domestika Никифора Фоки, и только как переход к правлению этого выдающегося полководца краткое царствование Романа заслуживает внимания.

Летом 960 г. Никифор Фока во главе большой эскадры выступил против Крита². После чрезвычайно упорной осады, которая продолжалась всю зиму, в марте 961 г. его войска взяли штурмом Хандакс (Кандию), столицу острова. После того как он почти полтора столетия принадлежал арабам, представляя собой наиболее значительную опору их военно-морской мощи в восточном Средиземноморье, остров вновь перешел во владение Византийской империи. Победу подобного масштаба Византия не одерживала уже давно.

Вернувшись с триумфом в Константинополь, Никифор Фока возобновил борьбу с Сайф ад-Даулой в Азии. Здесь его действия также увенчались величайшим успехом. Один за другим пали киликийский Аназарв, Германикия, за которую шло столько боев, Рабан и Дулук (Долиха, Телух); в декабре 962 г. после тяжелой осады сдался Халеб (Алеппо), столица Сайф ад-Даулы. Несмотря на то что взятие этих городов еще не означало их перехода в византийское владение, однако победоносное продвижение византийского полководца продемонстрировало его большое превосходство. Именно тогда исход борьбы с Хамданидами, которая на протяжении трех десятилетий стояла в центре византийской внешней политики, был решен в пользу византийцев. Как в восточном Средиземноморье благодаря покорению Крита, так и в Азии благодаря победе над Сайф ад-Даулой был устранен опаснейший для Византии арабский центр силы и открыта дорога для дальнейшего продвижения на Восток.

¹ См. блестящее эссе Диля (*Diehl*. Figures. Vol. I. P. 217 sv.).

² Подробное описание похода см. в: *Schlumberger*. Nicéphore Phocas. P. 25–79. См. тж.: *Παπαδόπουλος* Ι. Η Κρήτη ὑπὸ τοὺς Σαρακηνούς (824–961). Αθήναι, 1948. Σ. 90 ἐπ.

Наградой славному полководцу был императорский венец. Ранняя смерть Романа II 15 марта 963 г. поначалу оставила верховную власть в руках Феофано, которая приняла на себя регентство при своих малолетних сыновьях Василии II и Константине VIII. То, что такое положение не будет продолжительным, умная императрица понимала очень хорошо. Перечеркивая планы Иосифа Вринги, она вступила в соглашение с Никифором Фокой. В Кесарии войска провозгласили его императором, 14 августа он вступил в Константинополь, в кровопролитном уличном сражении подавил восстание Вринги и 16 августа был увенчан царским венцом в соборе Св. Софии. Юная императрица предложила руку посевшему в боях победителю. Тем самым он вступил в связь с законной Македонской династией и как приемный отец стал защитником обоих малолетних порфирородных принцев, императорские права которых с формальной точки зрения оставались неприкосновенными. Руководство гражданской администрацией вместо Вринги принял евнух Василий, незаконный сын Романа Лакапина, человек подлинно византийской хитрости и безграничного корыстолюбия, но в то же время обладавший необыкновенным дарованием государственного деятеля. Уже при Константине VII он играл значительную роль, теперь же, обладая титулом паракимомена, был украшен вновь созданным титулом проэдра¹ и стал правой рукой нового императора. Положение верховного главнокомандующего на Востоке занял в качестве доместика Востока блестящий полководец Иоанн Цимисхий, представитель благородного армянского рода, бывший наряду с императором наиболее выдающимся военачальником своего времени. Брат и старый соратник императора, Лев Фока, в качестве доместика Запада получил титул куропалата, а его престарелый отец, бывший domestik схол Варда Фока, был удостоен титула кесаря².

В лице Никифора Фоки (963–969) к власти пришла одна из наиболее значительных семей малоазийских магнатов. Впрочем, ни облик, ни поведение нового императора не выдавали его аристократического происхождения. Его внешность была не слишком привлекательна, характер был грубым и мрачным, а образ его жизни был аскетически

¹ Об этом титуле см.: *Diehl Ch. De la signification du titre de "proèdre" à Byzance // Mélanges Schlumberger. Vol. I (1924). P. 105–117.*

² *Leo Diac. P. 49; Scylitzes–Cedren. II. P. 379.*

прост. Борьба на поле брани была его единственной страстью, молитва и общение с людьми святого образа жизни — единственной духовной потребностью. Воин и монах в одном лице, он был страстным поклонником святого Афанасия, основателя Великой Лавры на горе Афон. При нем началось процветание этого важнейшего центра греческого монашества, и Никифор, «бледная смерть сарацин», по-видимому, всю жизнь мечтал удалиться от мира и стать монахом¹.

Однако, несмотря на неаристократические привычки, Никифор был и оставался подлинным представителем династов, и его возвышение к вершине власти означало победу византийской аристократии. Если ранее византийское правительство боролось с наступательным натиском крупных землевладельцев, то теперь династы нанесли ответный удар. Закон Никифора Фоки, который, по-видимому, датируется 967 г.², начинается с утверждения, что его предшественники продемонстрировали предвзятость в пользу крестьян и тем самым погрешили против принципа равной справедливости по отношению ко всем подданным. Никифор отнимает у бедняков право преимущественной покупки при отчуждении имений династов: у бедных должны покупать только бедные, у династов — только династы. В остальном остается в силе старое право, однако в отношении приобретений со времени голода 927–928 гг. прекращается всякое право апелляции, поскольку срок давности в 40 лет уже истек. Сами по себе эти определения не являлись слишком радикальными, тем более что сомнительно, была ли вообще у крестьян реальная возможность отстоять свое право предпочтительной покупки перед лицом династов. Но, во всяком случае, впечатляющим было психологическое действие нового закона, который во имя справедливости брал династов под защиту. От антиаристократической политики своих предшественников Никифор Фока решительно отошел.

Впрочем, император-воин стремился укрепить и приумножить владения стратиотов. При требовании возврата отчужденной в прежние времена собственности для солдатских имений по старому правилу действовала минимальная ценность в размере 4 фунтов золота, и возврат вплоть до достижения этого минимального размера производился без компенсации, а по превышении его — с возвращени-

¹ См.: *Schlumberger*. Nicéphore Phocas. P. 249 sv.

² *Zepos*. Jus, I. P. 253 sq.; *Dölger*. Reg. 712.

ем продажной цены. Впредь же, с учетом повысившейся стоимости нового тяжелого вооружения воинов, неотчуждаемая минимальная стоимость стратиотского имения должны была составлять не менее 12 фунтов золота, так что стратиот не имел права отчуждать какую-либо часть своих владений, если их совокупная стоимость не превышала этого предела, и любое отчуждение, которое понижало стоимость его владения ниже этого предела, должно было возвращаться без компенсации покупателю за возвращаемые отчужденные участки; только при отчуждениях того, что превышало этот минимальный размер, в случае востребования надо было возместить продажную цену¹. Желанное для Никифора троекратное увеличение стратиотских владений, без сомнения, должно было привести к изменению социального состава византийского войска. Это постановление также означало принципиальный отход от прежней политики, которая основывалась на мелком земельном владении «бедных». Тяжеловооруженные стратиоты Никифора, для которых он стремился обеспечить земельное владение стоимостью в 12 фунтов золота, уже не могли быть «бедными»². Они могли рекрутироваться только из честолюбивого слоя формирующегося мелкого дворянства, слоя, из которого позднее вышли проиары.

Одновременно Никифор стремился предотвратить рост церковного и монастырского земельного владения. С этой целью он издал в 964 г. закон, который представляет собой один из наиболее смелых памятников византийского законодательства³. Крупное церковное землевладение росло едва ли медленнее, чем светское, постоянно подпитываясь дарениями и завещаниями благочестивых людей всех общественных слоев. Непрестанно происходили основания новых монастырей с соответствующими земельными наделами. Несмотря на то что выморочное земельное владение в принципе было налогооблагаемым, государство не могло ожидать от него такой же отдачи, как и от других форм владений, тем более что принцип обязательной уплаты налогов зачастую нарушался раздачей привилегий. А в тот момент, когда в Империи

¹ *Zepos. Jus*, I. P. 255–256; *Dölger. Reg.* 721.

² Похожее уже в: *Neumann. Weltstellung*, S. 56.

³ *Zepos. Jus*, I. P. 249 sq.; *Dölger. Reg.* 699. Ср.: *Charanis. Monastic Properties*. P. 56 sq., где предлагается также английский перевод этого закона.

проявился земельный дефицит (то, что таковой существовал уже в X в., демонстрирует упорная борьба за крестьянские и стратиотские владения), рост церковного землевладения был для государства невыгоден, поскольку он происходил за счет наиболее продуктивных земельных владений. В не меньшей степени, чем этими соображениями, глубоко верующий император руководствовался при проведении своей политики и религиозно-нравственными мотивами. Он беспощадно бичует корыстолюбие, которое, озабоченное лишь накоплением богатств, заставляет монахов забывать данные ими обеты, а монастырскую жизнь превращает в «пустое театральное представление, порочащее имя Христово». Передача земель монастырям, богоугодным учреждениям, а также лицам духовного звания должна была быть прекращена. Также запрещалось основание новых монастырей и богоугодных заведений, зачастую продиктованное тщеславием. Кто хочет осуществить свое желание сделать пожертвование, должен помогать пришедшим в упадок существующим богоугодным заведениям. Однако и им запрещается дарить землю: дозволялась лишь продажа для этой цели имения и предоставление вырученной суммы в качестве пожертвования, причем продавать его дозволялось любому светскому землевладельцу, в том числе и динату. Напротив, сооружение в пустынных местностях келлий и лавр, не претендующих на приобретение чужих земель, не только разрешалось, но и выставлялось в качестве достохвального деяния. Этот смелый закон недолго сохранял силу, но тем не менее он является весьма показательным в отношении как государственно-политических принципов, так и высокого благочестия императора Никифора.

То, что экспансия наиболее сильных в хозяйственном отношении элементов прежде всего была направлена на сельское хозяйство и выражалась в скупке крестьянских наделов, не в последнюю очередь объясняется отношениями, господствовавшими в византийской городской экономике. Для свободной игры экономических сил государственная власть в городах установила еще большие ограничения, чем на селе. Для развития крупномасштабной частной инициативы стесненная и строго контролируемая городская экономика не оставляла никакого места, так что вложение избыточных денежных средств в приобретение земельных владений было практически единственно возможным путем.

Экспансионистские устремления землевладельческой аристократии выражались двояко. С одной стороны, они поглощали мелкое землевладение в византийских провинциях и таким образом уничтожали существовавший в Византии социально-экономический строй, а с другой — двигали дальше границы Империи, стремясь отвоевывать земли у врагов¹. Византийские завоевания на Востоке были прежде всего делом малоазийской аристократии. Одновременно они отражали сильное религиозное воодушевление, которое вело Византию на борьбу с неверными.

Этого воодушевления был целиком исполнен Никифор Фока. Война с исламом была для него своего рода священной миссией. Он даже требовал, чтобы все воины, павшие в войне с неверными, объявлялись мучениками. Это требование в заостренной форме выражало чувство того, что война с мусульманами была священной войной, — чувство, которое с огромной силой устремляло византийское государство к могуществу.

В качестве императора Никифор продолжил завоевания, которые он начал при Романе II как доместик. Правления Никифора Фоки и обоих его преемников составляют эпоху величайшего военного блеска средневекового византийского государства. Сохранявшаяся на протяжении столетий граница по Тавру была прорвана натиском его войск. Два первых года были посвящены войне в горной Киликии, в высшей степени тяжелой и изнурительной, в центре которой стояла осада Тарса и Мопсуэстии. Лишь летом 965 г. эти крепости были взяты измором. В том же самом году византийским флотом был занят Кипр. Это означало новое и весьма значительное усиление положения Византии в Восточном Средиземноморье. Но прежде всего благодаря завоеванию Киликии и Кипра открылся путь для достижения главной цели Никифора Фоки — подчинения Сирии. Уже в октябре 966 г. император стоял перед стенами Антиохии, однако был вынужден отступить, не взяв ее. Лишь в 968 г. он вновь появился в Сирии, вдоль побережья продвинулся далеко на юг, беря один за другим тамошние города, а затем вновь повернул против Антиохии. Несмотря на большие усилия, осада затянулась, сам император уже вернулся в Константинополь, когда наконец 28 октября 969 г. военачальникам Петру Фоке и Михаилу Вурце удалось взять сирийскую

¹ На это указывает уже *Neumann. Weltstellung*. S. 24.

столицу. Несколько месяцев спустя пал и Алеппо, эмир которого, второй преемник Сайф ад-Даулы (ум. 967), был вынужден заключить с Византией униженный договор. Часть Сирии с Антиохией была присоединена к Империи, более отдаленная часть вместе с Алеппо признала византийский суверенитет.

Благодаря присоединению Киликии и большей части Сирии территориальные владения Византийской империи значительно увеличились. В пределах ее границ лежал теперь один из важнейших восточных центров — патриарший город Антиохия, которая свыше трех столетий находилась под властью мусульман и, казалось, была навсегда потеряна для Империи. Теперь же эта богатая историческими воспоминаниями и религиозными традициями митрополия вновь оказалась византийской. Кроме этого непосредственного владения протекторат византийского императора простерся также и на области некогда столь могущественной столицы Хамданидов: эмир Алеппо был теперь византийским вассалом, его подданные-нехристиане теперь платили подати Империи.

На время этого раскрытия византийской мощи приходится обновление западной империи. Вновь пробудилось соперничество двух держав, которое с точки зрения истории идей коренилось в исключительности имперской идеи и обоюдных притязаниях на наследие Рима, а с политической — в столкновении интересов двух государств на южноитальянской почве. Оттон Великий, который за год до восшествия на престол Никифора Фоки получил в Риме императорскую корону и подчинил себе почти всю Италию, отправил в 968 г. в Константинополь посольство, чтобы достичь полюбовной договоренности относительно еще не попавшей под его власть части Италии. Его посланник, епископ Луитпранд Кремонский, который уже в 949 г. при Константине VII побывал в византийской столице по поручению Беренгария II, изложил византийскому правительству план брачного союза между сыном Оттона I и одной из сестер малолетних порфирородных императоров, приданым за которую должны были стать южноитальянские владения Византийской империи. Это предложение было воспринято в Византии как насмешка и, соответственно, с насмешкой и отвергнуто. Византийские правители считали, что интересы и достоинство Империи были во многих отношениях затронуты недавними событиями на Западе. То, что Оттон принял императорскую корону, объявил себя господином Рима и Римской Церкви, то, что он наложил

руку практически на всю Италию, вступив в союз с владетелями Капуи и Беневента, вассалов Византийской империи, и даже совершил, пусть и неудачное, нападение на византийский Бари, — все это крайне разгневало византийского императора, ощущение собственного могущества у которого после невероятных успехов недавних восточных походов чрезвычайно возросло. Усердный посланник Оттона Великого, с которым в Константинополе обходились почти как с пленником, должен был выслушать назидания в том смысле, что его владыка был никаким не императором и никаким не римлянином, но всего лишь варварским королем и что о браке между сыном варварского вождя и порфирородной дочерью императора не может быть и речи.

Значение стремительного роста могущества византийского государства не сразу осознала и соседняя Болгария. После покорения Киликии и Кипра, а именно осенью 965 г., в Константинополь прибыли болгарские послы для того, чтобы потребовать уплачивавшуюся прошлыми византийскими правительствами дань¹. Возмущенный этими притязаниями император приказал выпороть послов и отправил их восвояси с оскорблениями и угрозами. Снеся несколько болгарских пограничных крепостей, Никифор, впрочем, отказался от военного противостояния с Болгарией, чтобы не отвлекаться от операций на Востоке; он направил призыв русскому князю Святославу, который вместо него за хорошую плату должен был усмирить болгар. Воинственному сыну Ольги, разрушившему хазарскую державу и приобретшему большое могущество, призыв императора пришелся очень кстати. В 968 г. он перешел через Дунай и быстро покорил внутренне ослабевшую Болгарию². Впрочем, сделал он это не для того, чтобы оказать услугу византийскому императору, а для того, чтобы установить собственную власть на Дунае. Нападение печенегов на Киев в 969 г. заставило его вернуться на родину, однако летом того же года он вновь появился на Балканах, низложил царя Бориса, сына умершего тем временем Петра, и сделался владыкой Болгарии. Никифору пришлось признать, что вместо прежнего слабого противника он своими руками создал себе нового, куда более сильного и опасного врага. Теперь он старался заключить союз с болгарями

¹ Хронологию см. в: *Runciman. Bulgarian Empire*. P. 303 ff.

² Хронологию см. в: *Карышковский П.О. О хронологии русско-византийской войны при Святославе* // ВВ 5 (1952). С. 136–138.

против Святослава и даже планировал брак юного порфирородного императора с болгарской принцессой¹. Однако совершенную им оплошность было не так легко устранить: на Балканах он оставил своим преемникам тяжелое наследие.

Через шесть недель после взятия Антиохии Никифор пал жертвой покушения. Несмотря на свои замечательные успехи, он не смог стать популярным правителем. Военный режим императора, который всю государственную жизнь подчинил интересам армии и привел в действие все налоговые рычаги для покрытия расходов на свои походы, тяжким бременем лежал на населении. От его эпохи до нас дошли сведения о сильной дороговизне и ухудшении монеты². Однако не недовольство населения подготовило его падение, а ссора с прежним другом, Иоанном Цимисхием, и предательство его супруги Феофано. Она стала возлюбленной и помощницей молодого и блестящего военачальника, который, хотя и был мал ростом, но в противоположность императору Никифору был очень красив и обладал благородным и обаятельным характером. Она подготовила покушение на своего супруга, а Цимисхий и его друзья осуществили его: в ночь с 10 на 11 декабря 969 г. Никифор Фока был убит в своей спальне.

На престол вззошел Иоанн Цимисхий (969–976). Феофано же постигло горькое разочарование: ей не удалось предложить ему свою руку. Убитый император нашел мстителя за себя в лице патриарха Полиевкта, который был твердо намерен не оставить злодеяние

¹ О дате (969, а не 968 г.) и сопутствующих обстоятельствах этого союза см.: Анастасијевић Д. Година савеза Фокина с Булгарима против Руса // Гласник Србског Научног Друштва 11 (1932). С. 51 сл.

² *Scylitzes-Cedren.* II. P. 369; *Zonaras.* III. P. 507. Выпущенная при Никифоре Фоке монета меньшего веса, тетартерон, неоднократно привлекала внимание исследователей. См. особ.: *Kubitschek W.* Zum Ἐπαρχικὸν βιβλίον // *Numismatische Zeitschrift* 4 (1911). S. 194 ff.; *Mickwitz G.* Die Organisationsformen zweier byzantinischer Gewerbe im 10. Jahrhundert // *BZ* 36 (1936). S. 66–76; *Dworschak F.* Studien zum byzantinischen Münzwesen // *Numismatische Zeitschrift* N.F. 29 (1936). S. 77 ff. *Lopez R.S.* La crise du besant au Xe siècle et la date du Livre du Préfet // *Mélanges Grégoire.* II. Paris, 1950. P. 403–418. Тж.: *Χριστοφίλοπουλος Α.* Ζητήματα τινα ἐκ τοῦ Ἐπαρχικοῦ βιβλίου // *Ἑλληνικά* 19 (1940). Σ. 125–136; *Frolow A.* Les noms des monnaies dans le Typicon du Pantocrator // *BSI* 10 (1949). P. 251–252. Разъяснение, принятое в: *Ahrweiler-Glykatsi H.* Nouvelle hypothèse sur le tétrarteron d'or et la politique monétaire de Nicéphore Phocas // *ЗРВИ* 8/1 (1963). P. 1–9, убедительно показывает, что тетартерон Никифора Фоки был на 1/12 легче нормальной номисмы и весил т.о. 22 карата.

безнаказанным. Он потребовал, чтобы Цимисхий принес покаяние, императрица Феофано была удалена из дворца, а убийцы Никифора, помощники Цимисхия, были наказаны. Император был вынужден подчиниться и исполнить требования патриарха. Только после этого патриарх позволил ему вступить в церковь и лишь тогда совершил над ним венчание.

Эта византийская Каносса не могла остаться без последствий для церковно-государственных отношений. Нравственный триумф Церкви был дополнен тем, что Цимисхий был вынужден прекратить действие закона своего предшественника о монастырских и церковных владениях¹. От него, одного из величайших и могущественнейших императоров, дошла речь, которая звучит как исповедание учения «Исагоги» Фотия: «В этой жизни я признаю две власти: священство и царство. Первому Творец мира вручил заботу о душах, а второму владычество над телами. Если обе части не претерпят никакого ущерба, то благополучие будет царить в мире»². Феофано отправилась в ссылку, из которой ей было суждено вернуться лишь после вступления на престол своих сыновей. Эта ссылка положила конец роли этой женщины, которая занимает в византийской истории особое место как супруга и убийца Никифора Фоки, любовница Иоанна Цимисхия и мать Василия II. Цимисхий заключил разумный брак, который наиболее сильным образом учитывал принцип легитимности: он женился на Феодоре, уже немолодой дочери Константина VII, тетке малолетних императоров Василия и Константина. Как некогда Никифор Фока, так теперь Цимисхий взял на себя роль покровителя обоих порфирородных. Гражданское управление осталось в руках паракимомена Василия, который свое временно переметнулся к Цимисхию и в дальнейшем пользовался еще большим влиянием. Тщетно старались родственники убитого

¹ Ср. заметку о антимонышской новелле Никифора Фоки в Cod. Vindob. suppl. 47 et 48 (*Zepos. Jus*, I. P. 249, n. 1): ὅρα αὖτη ἡ νεὰρὰ κατηρμήθη παρὰ τοῦ τῷ μισχῇ-κακῶς δέ. П. Харанис (*Charanis. Monastic Properties*. P. 61), поддерживающий тезис, согласно которому закон Никифора Фоки был упразднен лишь новеллой Василия II от 4 апреля 988 г., не замечает, что подлинность этой новеллы по крайней мере весьма сомнительна. См.: *Dölger. Reg.* 772 и ниже, с. 384, прим. 1. Предположение Хараниса о том, что заметка в Венском кодексе путает Цимисхия с Василием II, не слишком убедительно.

² *Leo Diac.* P. 101.23.

императора оспорить престол у Цимисхия. Варда Фока, племянник Никифора и сын куропалата Льва, объявил себя императором в Кесарии, цитадели Фок, однако потерпел поражение от Варды Склира, свойственника Иоанна Цимисхия, и вместе со своей семьей был заключен в монастыре на острове Хиос. Сам куропалат Лев после неудавшегося мятежа был ослеплен.

Так же, как Никифор Фока, Иоанн Цимисхий принадлежал к высшей аристократии. По линии своего отца он был родственником Куркуаса, а по материнской — самих Фок; его первой женой была Склирена. Между тем, в отличие от своего предшественника, он не угодил знати при проведении аграрной политики. Сохранилось два документа, которые показывают, что Цимисхий приказывал чиновникам в фемах проводить розыск в монастырских владениях и имениях магнатов, и если в них найдутся бывшие стратиоты или крестьяне, имеющие обязательства перед государством, немедленно передавать их под государственный контроль. На этом примере с особой ясностью можно видеть, что византийская центральная власть в борьбе с ростом крупного землевладения отстаивала свои кровные права и интересы. Чтобы не упускать из-под своего контроля имеющих перед ним обязательства крестьян и стратиотов, императорское правительство прибегало к строгим полицейским мерам, приказывая проводить в поместьях магнатов облавы и принудительно водворять стратиотов и государственных крестьян, которые в них осели, в прежние места проживания. Тем самым оно превращало некогда независимых мелких землевладельцев в государственных париков, отнимая у них не только право свободно распоряжаться своим собственным земельным наделом, но и лишая их свободы перемещения¹.

Иоанн Цимисхий был, как и Никифор Фока, военачальником гениальных дарований, а как государственный деятель он превосходил своего слишком импульсивного предшественника. Сложное положение на Балканах, которое сложилось там из-за призвания Святослава, требовало принятия быстрых мер, поскольку поведение могущественного русского князя становилось все более угрожающим, а болгары, казалось, объединились с ним в общей борьбе

¹ См.: *Острогорски Г.* О византийским државним селяцима и војницима. Две повеле из доба Јована Цимиска // Глас САН 214 (1954). С. 23 сл. и Paysannerie. P. 11 sv.

против Византии¹. Усилия императора по достижению мирной договоренности со Святославом остались безрезультатны, поскольку новый владыка Болгарии требовал ни чего иного, как удаления византийцев в Азию и предоставления ему европейской части Империи вместе с Константинополем. Таким образом, Цимисхий был вынужден решить дело оружием. Его поход против Святослава принадлежит к наиболее блестящим достижениям, о которых может поведать византийская военная история. В апреле 971 г.² он выступил на Великий Преслав и взял болгарскую столицу штурмом после короткого и жаркого сражения. Низложенного царя, который попал ему при этом в руки, он приветствовал как правителя Болгарии. Такое точно рассчитанное поведение, а также победоносное наступление византийского войска произвели впечатление на болгар, которые начали отходить от Святослава. От Преслава Цимисхий пошел маршем на дунайский город Силистрию (Доростол), за стенами которого укрылся Святослав. Город был окружен, а на Дунае одновременно появился византийский флот с наводящим ужас греческим огнем. Русские оказывали отчаянное сопротивление, однако императорские войска отбили все их вылазки. Голод в городе становился все невыносимее. В конце июля, после провала последней попытки прорвать кольцо окружения, когда русские в результате необыкновенно тяжелого сражения, потребовавшего и от византийской стороны напряжения всех сил, вновь были загнаны внутрь

¹ См.: *Мутафчиев П.* Русско-болгарские отношения при Святославе // SK 4 (1931). С. 77–94.

² О хронологии см.: *Dölger F.* Die Chronologie des großen Feldzuges des Kaisers Johannes Tzimiskes gegen die Russen // BZ 32 (1932). S. 275–292. Иначе у Д. Анастасиевича (Лев Диакон о годе отвоевания Цимисхием Болгарии от русских // SK 3 (1929). P. 1–4; Die Zahl der Araberzüge des Tzimiskes // BZ 30 (1929–1930). S. 400–405 и Chronologische Angaben des Skylitzes über den Russenzug des Tzimiskes // BZ 31 (1931). S. 328–333; Les indications chronologiques de Yahya relatives à la guerre de Tzimiscès contre les Russes // Mélanges Diehl, I. Paris, 1930. P. 1–5; La chronologie de la guerre russe de Tzimiscès // Byz 6 (1931). P. 328–333), который пытался доказать тезис о том, что война против Святослава продолжалась не три месяца, а три года (до 974 г.). См., однако, Грегуара (*Grégoire H.* La dernière campagne de Jean Tzimiskès contre les Russes // Byz 12 (1937). P. 267–276), который, как и Дёльгер, передвигает поход на время с апреля по июль 971 г., а также *Dölger F.* в BZ 38 (1938). S. 232–234. Ср. тж.: *Карышковский П.О.* О хронологии русско-византийской войны при Святославе // BB 5 (1952). С. 127–138.

стен города, Святослав сдался победителю. Он обязался очистить Болгарию и более никогда не появляться на Балканах, а также не предпринимать никаких нападений на византийскую область Херсонеса; более того, он должен был оказывать помощь византийцам при отражении врагов¹. За это император доставил продовольствие его изголодавшимся воинам и возобновил старые торговые привилегии русских. После личной встречи со своим победителем Святослав отступил на родину, однако погиб по дороге у днепровских порогов в сражении с печенегами. Крупная победа Иоанна Цимисхия означала для Византии двойную удачу: она освободила Империю от опасного противника, который доказал свою мощь покорением державы хазар и подчинением болгар, и поставил Болгарию под власть Византии. Несмотря на то что во время войны со Святославом Цимисхий выставлял себя освободителем болгар, он не помышлял о восстановлении их державы. Лежавшую у его ног страну он аннексировал, царя Бориса пленником привезли в Константинополь, а болгарский патриархат был ликвидирован.

Другую нерешенную проблему, оставленную Иоанну его предшественником, император сумел решить дипломатическим путем. Наследнику престола Оттона Великого он хотя и не отправил порфирородную принцессу, однако согласился отдать в жены свою собственную родственницу Феофано², с которой Оттон II обвенчался

¹ Текст капитуляции Святослава сохранился в русской летописи: ПСРЛ. Т. 1. С. 72–73. Он датирован июлем 14 индикта 6497 года, т.е. июлем 971 г. Уже этот факт, на который в полемике между Дёльгером и Анастасиевичем (ср. предыдущее примечание) не было обращено внимания, недвусмысленно отвечает на вопрос о продолжительности войны со Святославом.

² То, что Феофано на была дочерью Романа II, как это старался доказать К. Улирц (*Uhlirz K. Über die Herkunft der Theophanu, Gemahlin Kaisers Otto II // BZ 4 (1895). S. 466–477*), но, скорее, как это предполагал уже Мольтманн (*Moltmann J. Theophano, die Gemahlin Ottos II. Diss. Göttingen, 1878*), была родственницей Иоанна Цимисхия, доказал посредством убедительных аргументов Шрамм (*Schramm P.E. Kaiser, Basileus und Papst in der Zeit der Ottonen // Historische Zeitschrift 129 (1924). S. 424–475*). С учетом новых попыток иной идентификации, предпринятых Морицем (*Moritz H. Die Herkunft der Theophano, der Gemahlin des Kaisers Otto II // BZ 39 (1939–40). S. 387–392: дочь Константина VII*) и Матильдой Улирц (*Uhlirz M. Studien über Theophano // Deutsches Archiv für Geschichte des Mittelalters 6 (1943). S. 442 ff.: дочь Стефана Лакапина*), Дёльгер (*Dölger F. Wer war Theophano? // Historisches Jahrbuch 62/9 (1949). S. 546 ff.*) вновь поднял этот вопрос, чтобы показать невозможность таких идентификаций и поставить вне сомнения правильность тезиса Мольтманна

14 апреля 972 г. в Риме. Конфликт с западной империей, который чрезмерно обострился вследствие высокомерия Никифора Фоки, был тем самым, по крайней мере, временно, улажен, по-видимому, с установлением территориального статус-кво.

Уже в 972 г. возобновилась война на Востоке, начавшаяся с вторжения императора в месопотамские области Нисибина и Майяфарикина¹. Главное же сражение разыгралось в Сирии, где предстояло упрочить и продолжить дело Никифора Фоки. Фатимиды, которые незадолго до того установили свою власть в Египте, распространили свою державу на переднеазиатские области и уже в 971 г. предприняли нападение на Антиохию. Поход Иоанна Цимисхия 974 и 975 гг. был сильным ответным ударом, который веял духом настоящего крестового похода. Из Антиохии император в начале апреля выступил против Эмесы, а оттуда пошел на Баальбек, который пал после недолгого сопротивления. Дамаск также сдался победоносному императору, признав его верховенство и обязавшись выплачивать дань. Затем Цимисхий вторгся на святую землю Палестины, захватил Тивериаду, Назарет, приморский город Акко и, наконец, Кесарию, главный опорный пункт египетских арабов. До Святого Града Иерусалима оставалось не так уж далеко, но император сознавал опасность слишком поспешного продвижения вперед. Он отступил на север, по пути заняв целый ряд важных приморских городов, среди которых были Берит (Бейрут) и Сидон. Во всех занятых городах были поставлены императорские коменданты. Своему союзнику, армянскому царю Ашоту III, Цимисхий направил победную реляцию, которая начиналась словами: «Услышь и узнай о чудесах!» — и завершалась заявлением: «Вся Финикия, Палестина и Сирия освобождены от ига сарацин и признают господство римлян!»² Ясно, что это

и Шрамма. Ср. тж. добавление в BZ 43 (1950). S. 338–339. — Васильев (Vasiliev A.A. *Hugh Capet of France and Byzantium* // DOP 6 (1951). P. 227–251) безосновательно пытался вновь оживить старый тезис, согласно которому Феофано была дочерью Романа II. См. мою заметку: BZ 46 (1953). S. 156.

¹ То, что Цимисхий предпринял свой поход в Месопотамии уже в 972 г., подтверждается Канаром (*Canard M. La date des expéditions mésopotamiennes de Jean Tzimiscès* // *Mélanges H. Grégoire*. Paris, 1950. Vol. II. P. 99–108).

² *Dulaurier E. Chronique de Matthieu d'Édessa*. 1858. P. 22; *Кучук-Иоаннесов Х.И.* Письмо императора Иоанна Цимисхия к армянскому царю Ашоту III // ВВ 10 (1903). С. 100.

утверждение являлось сильным преувеличением: оно указывало не на фактические достижения, но на цель, к которой стремился император в своем походе. Но даже и то, что было достигнуто во время этой стремительной победной экспедиции, означало невероятный успех: завоевания Никифора Фоки были не только закреплены, но и значительно расширены, а тем самым преимущественное положение Византийской державы в Передней Азии получило прочное основание. Из своего славного похода Иоанн Цимисхий вернулся в Константинополь смертельно больным (вероятно, тифом). Он умер 10 января 976 г.: его правление неожиданно оборвалось, продлившись всего шесть лет.

6. Наивысшая точка византийского могущества: Василий II

Общая литература: *Schlumberger. Épopée byzantine. Vol. I–II; Розен. Болгаробойца; Златарски. История, I, 2; Мутафчиев. История, I; Runciman. Bulgarian Empire; Лутаврин. Болгария и Византия; Neumann. Weltstellung; Gay. Italie.* См. тж. литературу по внутренней истории в гл. 4.

Несмотря на то что суверенные права представителей законной Македонской династии формально оставались в неприкосновенности как при Никифоре Фоке, так и при Иоанне Цимисхий, мысль о том, что престол принадлежит порфирородным, постепенно угасла в сознании византийских магнатов. Уже вошло в привычку, что государственная власть находится в руках полководцев из числа представителей семей магнатов, и потому после смерти Иоанна Цимисхия его свойственник Варда Склир оказался претендентом на освободившееся место правителя государства. Дело шло к тому, что Македонскому императорскому дому предстояло либо разделить судьбу Меровингов, став жертвой более жизнеспособных правителей, либо, подобно багдадским халифам, оставаться обреченным на чисто декоративное призрачное существование рядом с могущественным военным султанатом¹. То, что он избежал этой судьбы, является заслугой необыкновенной энергии молодого императора Василия II.

¹ См.: *Neumann. Weststellung.* P. 49.

Сыновья Романа II уже достигли возраста, необходимого для царствования: Василию было 18, а Константину 16 лет¹. При деятельной поддержке евнуха Василия, их двоюродного деда, они приступили к правлению. Правда, только старшему брату было суждено по настоящему заниматься государственными делами, ибо Константин VIII, как истинный сын своего отца, был легкомысленным бонвиваном, который не желал ничего иного, кроме как проводить жизнь в расточительных удовольствиях. Совсем иным был Василий II, который вскоре проявил себя как человек железной воли и необыкновенной энергии: среди всех потомков Василия I он один обладал характером властителя и был единственным по-настоящему великим государственным мужем. Однако и он был совершенно не подготовлен к исполнению своих обязанностей правителя. С детства рассматриваемый лишь как фигурант придворных церемоний, как декоративный, в сущности, совершенно ненужный довесок могущественных узурпаторов, он поначалу был беспомощен перед внешними влияниями. Только тяжелые испытания, которые выпали на его долю после принятия власти, сделали его зрелым и закалили его характер. Кормило власти в своих опытных руках держал паракимомен Василий. Скорее против него, чем против его внучатых племянников, которые сами по себе выглядели неопасными, было направлено мятежное движение, которое поднял Варда Склир. Этот представитель одного из старейших и богатейших византийских родов, выдающийся генерал, при Цимисхии занимавший высший военный пост доместика Востока, был провозглашен своими войсками императором летом 976 г. Одержав несколько побед над высланными против него верными императору полководцами, он постепенно поставил под свою власть всю Малую Азию и в начале 978 г., после взятия Никеи, приблизился к столице. В этот момент наивысшей опасности евнух Василий обратился к Варде Фоке, племяннику императора Никифора, отважному воину исполинского телосложения, который при Иоанне Цимисхии сам предпринял попытку узурпации. И так же, как тогда Варда Склир на службе у Иоанна Цимисхия нанес ему поражение, так теперь и он на службе у новых правителей должен был одолеть

¹ О годе рождения Василия II (958) см.: *Ostrogorsky G., Stein E. Die Krönungsordnungen des Zeremonienbuches. Chronologische und verfassungsgeschichtliche Bemerkungen // Byz 7 (1932). S. 198, Anm. 1.*

Склира. В действительности Варда Фока победил своего прежнего соперника не столько как слуга законных императоров, сколько как представитель могущественной семьи Фок. Не ввязываясь в сражение у Константинополя, он отошел к Кесарии, цитадели Фок, и тем самым принудил узурпатора к отступлению. Первые сражения выиграл Склир, однако 24 мая 979 г. на Панкалийской равнине близ Амория Фока смог сначала одолеть своего соперника в единоборстве, а затем нанести его армии решительное поражение. Склир бежал ко двору халифа, и этим завершилась длившаяся три года первая гражданская война, за которой, однако, вскоре последовали новые тяжелые осложнения.

Несколько лет спустя дело дошло до ссоры между молодым императором Василием и его всемогущим двоюродным дедом. Василий уже не был неопытным юнцом, нуждающимся в опеке, которому внешнее управление было не только нужно, но и полезно. Его сила и воля к власти вполне проявились; опека, которой он поначалу с готовностью подчинился, становилась для него все более тягостной, пока наконец неутолимая потребность власти и досада на свое длительное нахождение на вторых ролях достигли степени ненависти к человеку, которому он был обязан политической наукой и даже престолом. Так случилось, что крупный государственный деятель, который умел обращаться с могущественными солдатскими императорами, стал жертвой стремления к власти своего внучатого племянника. Вероятно, видя приближение опалы, он затеял заговор против своего неблагодарного подопечного и вступил в соглашение с Вардой Фокой и другими военачальниками. Но император упредил его: паракимомен Василий был арестован как обычный бунтовщик и, после конфискации его несметных богатств, отправлен в ссылку, где вскоре умер, сломленный таким ударом судьбы.

Несмотря на то что самостоятельное правление Василия II официально отсчитывалось с 976 г., на деле оно началось лишь после свержения евнуха Василия в 985 г.¹ Насколько большим было мо-

¹ Хронологическая последовательность следует Розену (Болгаробойца) и Шлюмберже (*Schlumberger*. *Épopée byzantine*. Vol. I. P. 510) на основании известий Яхьи, который в главном согласуется со Скилицей, в то время как Пселл низложение паракимомена Василия явно ошибочно переносит на время после смерти Варды Фоки, т.е. примерно в 989 г.

гущество паракимомена и какой сильной и продолжительной была обида императора на пренебрежение его персоной, демонстрирует тот факт, что он счел необходимым объявить недействительными законы, изданные до удаления своего двоюродного деда, если впоследствии они не были подтверждены его собственноручной визой, поскольку «во время после начала нашего самостоятельного правления и вплоть до низложения паракимомена Василия... многое происходило не по нашему желанию, но во всем решала и определяла его воля»¹.

Первым самостоятельным предприятием Василия II был его балканский поход 986 г. Смерть Иоанна Цимисхия стала для врагов Империи словно избавлением от кошмара. Разгоревшаяся вслед за этим гражданская война и тяжелые осложнения в Византии на много лет предоставили им полную свободу действий. И если набеги далекого египетского халифата Фатимидов, единственного теперь серьезного противника Империи на Востоке, были отражены на границах, то для хода дел на Балканах ослабление византийской центральной власти имело весьма далеко идущие последствия. В македонской области после смерти Иоанна Цимисхия вспыхнуло восстание под предводительством четырех Комитопулов, сыновей некоего комита Николая, провинциального чиновника в Македонии². Восстание приняло огромные размеры, превратившись в освободительную войну, которая грозила отторгнуть от византийской власти бóльшую часть Балканского полуострова. По получении известий о восстании на Балканах низложенный болгарский царь Борис бежал вместе со своим братом Романом из Константинополя, но погиб во время

¹ Новелла Василия II от 996 г.: *Zepos. Jus*, I. P. 270. К тому же сообщение Пселла (I, 12–13, ed. Renauld).

² О ранней истории Комитопулов ничего достоверного неизвестно. Согласно современнику, армянскому историку Стефану Таронскому (Асохику, пер. Гельцера и Буркхардта (1907), S. 185–186), они были армянского происхождения. Несмотря на мнения Адонца (*Adontz N. Samuel l'Arménien*. P. 3 sv.), остается вопрос, в какой степени заслуживает веры это сообщение армянского историографа, сведения которого о Самуиле полны всяческих нестыковок. Утверждения Н.П. Благоева (Братията Давид, Моисей, Аарон и Самуил // Годишник на Софийския Унив., Юрид. фак. 36 (1941–1942). № 14. С. 28–40) о том, что комит Николай был потомком протобулгарского хана Аспаруха, а его жена Рипсимия, мать комитопулов, дочерью царя Симеона, целиком взяты с потолка. Исполненными фантазий также являются рассуждения Благоева в: Теорията на Западно българско царство // Там же. С. 16–27.

перехода границы. Роман добрался до цели, однако, поскольку был оскроплен византийцами, не мог выдвинуть притязаний на царскую корону¹. Руководство восстанием, а впоследствии и царский венец достались самому молодому из Комитопулов, отважному Самуилу, ибо два старших брата пали в войне, третий же позднее принял смерть от руки самого Самуила.

Самуил стал создателем мощной державы, центр которой находился в Преспе, а затем в Охриде. Постепенно он объединил под своим скипетром область Македонии вплоть до Фессалоники, старые болгарские земли между Дунаем и Балканскими горами, а также Фессалию, Эпир, часть Албании с Диррахием и, наконец, также Расцию (Рашку) и Диоклею (Дуклю). Ликвидированный при Цимисхии болгарский патриархат вновь возродился в царстве Самуила. Несколько раз переменив место, он наконец прочно обосновался в Охриде, столице Самуила, которой в качестве нового церковного центра суждено было на столетия пережить его державу. В государственном и церковном отношении новая держава смыкалась с державой Симеона и Петра и своими создателями, как и византийцами, воспринималась как Болгарское царство, ибо наряду с Византией только Болгария обладала в то время собственными традициями царства и патриаршества. Самуил полностью усвоил себе эти традиции. В действительности же его македонская держава существенно отличалась от прежнего болгарского государства. По своему составу и характеру это была новая, вполне своеобразная структура: центр ее тяжести сместился на юго-запад, и Македония — периферийная область старой болгарской державы — собственно и стала теперь ее ядром².

¹ Так — несомненно правильно — у Рансимана (*Runciman. Bulgarian Empire*. P. 221), в то время как Златарски (История. I/2. С. 647 сл.) и Адонц (*Adontz. Samuel l'Arménien*. P. 9 sv.), основываясь на баснословных рассказах Яхьи (изд. Розен, с. 20–21) и упомянутого ранее армянского историка Асохика, стремятся доказать, что Роман был признан царем. Мы находим мнимого царя вновь в качестве коменданта Скопье: в 1004 г. он передал город византийцам, получил от императора Василия II титул патрикия и стал византийским стратигом в Авидосе. См.: *Scylitzes—Cedren*. II. P. 455.13.

² История возникновения державы Самуила является бурно обсуждаемым вопросом. С теорией Дринова о возникшем в 963 г. западноболгарском государстве Шишманидов наука более может не считаться. Однако до сих пор друг другу подчас противостоят два противоположных мнения: согласно одному из них от державы потомков Симеона уже в 969 г. при комитопулах откололось западноболгарское

Экспансионистские устремления Самуила прежде всего оказались направлены на юг. За нападениями на Серры и Фессалонику последовали вторжения во Фракию, которые в конце концов привели к значительному успеху: после долгой осады в конце 985 или в начале

государство (в Македонии), которое наряду с восточнoболгарским (на Дунае) вело самостоятельное существование; лишь восточная часть была покорена Цимисхием, в то время как западная продолжала существовать, составив ядро царства Самуила. Согласно второму мнению, которое наиболее подробно было обосновано Анастасиевичем (*Anastasijević D. L'hypothèse de la Bulgarie Occidentale // L'art byzantin chez les Slaves. Recueil Uspenskij. Paris, 1930. Pt. I. P. 20–36*), подобное разделение западной и восточной частей Болгарии не происходило, скорее же Цимисхий покорил всю Болгарию, и только лишь после восстания комитопулов в 976 г. страна была освобождена и воздвигнута новая держава в Македонии. Это последнее мнение представляется мне в своих важнейших пунктах более правильным, однако, по моему мнению, обе эти теории исходят из ложного представления в том отношении, что предполагают подчинение страны в форме прямой оккупации всей территории. На самом же деле источники, как это основательно подчеркивает Анастасиевич, не дают ни малейшего основания для того предположения, что наряду с восточной когда-либо существовала также и независимая западная болгарская держава, и точно так же невозможно на основании источников обосновать предположение о восстании комитопулов до 976 г. Подвергавшееся многочисленным толкованиям сообщение Скилицы (*Scylitzes–Cedren. II. P. 347*), которое достаточно произвольно помещается под 979 г. и совершенно произвольно объявляется сообщением о произошедшем в этом году восстании комитопулов, является на самом деле всего лишь вставленным между делом упоминанием, предвосхищающим последующие события (см. уже сомнения Рансимана и Адонца: *Runciman. Bulgarian Empire. P. 218; Adontz. Samuel l'Arménien. P. 5 sv.*); на самом деле Скилица в этом месте подчеркивает, что восстание комитопулов произошло после смерти Иоанна Цимисхия, т.е. только в 976 г. С другой стороны, из источников достаточно ясно следует, что Цимисхий, как и Святослав, никогда не вступал в Македонию (за отдельно стоящим позднейшим сообщением попа Дуклянина, согласно которому Цимисхий занял Сербию и, как следствие, также и Македонию, не следует признавать какого-либо значения). Взятие столицы и низложение главы государства означало именно покорение страны, и при этом не было необходимости шаг за шагом занимать всю ее территорию. Правда, господство, которое ограничивалось подчинением центра, при изменении общей обстановки могло быть без особого труда свергнуто с периферии; именно это и произошло после смерти Иоанна Цимисхия с началом внутренней борьбы в Византии. — Относительно этой проблемы высказался недавно и Г.Г. Литаврин (Болгария и Византия. С. 261 сл.), не приведя, впрочем, убедительных аргументов в поддержку тезиса о том, что «Болгария продолжала существовать на западе». Вывод о том, что «период с 969 до 976 г. был в Западной Болгарии временем консолидации сил при Комитопулах...», является утверждением, которое, как это можно видеть из наших предыдущих замечаний, не находит ни малейшего основания в источниках.

986 г. в руки Самуилу попал город Ларисса¹. Это вынудило императора Василия II предпринять контрнаступление, однако его первое столкновение с Самуилом оказалось весьма неудачным. Через так называемые Ворота Траяна он вторгся в область Сердики. Попытка взять город оказалась безрезультатной, а на обратной дороге имперская армия подверглась нападению и потерпела поражение (август 986)². После этого Самуил смог беспрепятственно укрепить свое могущество и раздвинуть границы своей державы широко во все стороны, поскольку в Византии разразилась новая тяжелая гражданская война.

Ободренные неудачей императора, против него восстали византийские магнаты. В 987 г. Варда Склир опять появился на византийской территории и облачился в царскую порфиру. Варда Фока, который потерял было свое положение из-за связи с паракимоменом Василием, вновь получил верховное командование в Азии и должен был снова выступить в поход против своего тезки. Однако вместо этого он поднял восстание против императора, на которого держал обиду за опалу в предыдущие годы, и, имея перед глазами пример своего великого дяди, 15 августа 987 г. провозгласил себя императором. Особенно опасным его восстание выглядело в силу того обстоятельства, что ему предшествовала встреча военачальников высшего звена и многочисленных представителей малоазийских семей крупных землевладельцев. За узурпатором стояли сплоченными рядами представители высшего армейского командования, раздраженные самовольством молодого императора, и крупная земельная аристократия, которая считала себя стесненной в своих устремлениях. Первым делом Варда Фока вступил в соглашение со своим бывшим соперником: планировалось разделение Империи, причем Фока получал европейскую часть вместе с Константинополем, а Склир — малоазийские области. Однако после недолгого периода союзничества Варда Фока, уверенный в своем превосходстве, приказал арестовать второго претендента и в дальнейшем выступал уже как единственный кандидат на престол. В его руках оказалась вся Малая Азия, а в начале 988 г.

¹ Относительно хронологии см. прежде всего: *Lemerle P. Prolégomènes à une édition critique et commentée des "Conseils et Récits" de Kékauménos // Mémoires de l'Acad. Royale de Belgique 54/1 (1960). P. 26–27.*

² См. подробные рассуждения об этом походе в: *Мутафчиев П. Старият друм през «Траянова врата» // Списание на Бълг. Акад. 55 (1937). С. 101 сл.*

он приблизился к Константинополю. Одна часть его войска стояла у Хрисополя, а другая у Авидоса; против столицы готовился одно-временный удар на суше и на море.

Положение законного императора было отчаянным. Только помощь из-за рубежа могла спасти его от гибели. Василий II своевременно осознал это и направил призыв о помощи в Киев, к князю Владимиру. Весной 988 г. русский военный отряд численностью 6000 человек прибыл на византийскую территорию, и эта знаменитая варяго-русская дружина в последний момент смогла спасти положение. Под личным предводительством императора она нанесла мятежникам при Хрисополе сокрушительное поражение. Сражение 16 апреля 989 г. при Авидосе, во время которого умер (вероятно, от сердечного приступа) Варда Фока, оказалось решающим. Мятежное движение было сокрушено. Новое восстание Варды Склира окончилось мирным соглашением и подчинением узурпатора. Варяго-русская дружина осталась на службе у Византии и, пополняемая благодаря притоку варягов и скандинавских норманнов, играла важную роль в византийском войске¹.

В качестве награды за «операцию спасения» киевский князь должен был получить в жены порфирородную Анну, сестру императора, с тем условием, что он и его народ примут крещение. Это было огромной уступкой: никогда еще порфирородную принцессу не выдавали замуж за рубеж. Болгарский царь Петр должен был удовольствоваться Лакапиной, Оттон II — родственницей узурпатора Цимисхия, и только правитель молодой русской державы удостоился уникальной в своем роде чести — породниться с законным императорским домом порфирородных. Эта связь настолько противоречила византийским традициям и имперскому самосознанию, что в Константинополе, когда опасность миновала, попытались отступить от данного в критическую минуту обещания. Чтобы добиться выдачи принцессы, Владимир был вынужден пойти войной на византийские владения в Крыму и занять Херсонес (лето 989 г.).

¹ О русских варягах и норманнах на византийской службе см. основополагающее исследование: *Васильевский В.Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе // Труды. Т. 1. С. 176–377. Об английских норманнах в Византии см. тж. работу Васильева: *The Opening Stages of the Anglosaxon Immigration to Byzantium in the Eleventh Century* // *Annales de l'Institut Kondakov* 9 (1937). P. 39–70.

Христианизация Киевского государства означала не только начало новой эры в развитии Руси, но также и важную победу Византии. Византийская сфера влияния неслыханно расширилась, крупнейшая славянская держава с богатейшим будущим подчинила себя духовному руководству Константинополя. Новая Русская Церковь подчинилась Константинопольскому Патриархату и первоначально управлялась греческими митрополитами, посылаемыми из Византии¹. Культурное развитие Руси стояло с тех пор на протяжении многих столетий под сильным византийским влиянием.

Из борьбы с малоазийской аристократией Василий II вышел победителем. В результате отчаянной борьбы и страшных гражданских войн все его враги и соперники были разгромлены. Впрочем, война продлилась много лет, и за это время тяжелейших испытаний характер императора сильно переменялся: все радости жизни, которым он предавался в юности с необузданной страстью, как бы умерли для него. Он стал мрачным и подозрительным, никому не доверял, не знал ни дружбы, ни любви. На протяжении всей своей жизни император оставался неженатым. Он жил один, погруженный в себя; так же в одиночку, избегая чужих советов, он управлял Империей, будучи самодержавным правителем в подлинном смысле этого слова. Его образ жизни был жизнью аскета или воина. Придворная роскошь не доставляла ему удовольствия, и даже искусства и науки он, внук ученого Константина Багрянородного, не жаловал. Совершенно чуждой была для него столь высоко ценимая в Византии риторика. Его способ выражаться был простым и кратким, а по мнению рафинированных византийцев, — безыскусным и грубым. Хотя и враг аристократии, он не искал расположения народа. От подданных он требовал повиновения, а не любви. Все его помыслы были устремлены на

¹ Как показывает Хонигманн (*Honigmann E. Studies in Slavic Church History // Byz 17 (1944–1945). P. 128–182*), Феофилакт, бывший до того митрополитом Севастии, был поставлен первым русским митрополитом. Весьма основательное и результативное исследование Хонигманна окончательно выбивает почву из-под ног теорий Н. Баумгартена (*Baumgarten N. Saint Vladimir et la conversion de la Russie // Orientalia Christ. 27 (1932). Nr. 1*) и М. Жюжи (*Jugie M. Les origines romaines de l'Église russe // EO (1937). P. 257–270 и Le schisme byzantin. 1941. P. 172 sv.*), которые тщились доказать, что Русь приняла христианство от Рима. Острая критика Хонигманном методики обоих названных авторов является более чем оправданной.

усиление могущества государства и на борьбу с внешними и внутренними врагами Империи¹.

После того как политические амбиции византийских магнатов были разгромлены в кровавой гражданской борьбе, следовало ограничить притязания аристократии и в экономической сфере. Насколько экспансионистский порыв провинциального крупного землевладения подвергал опасности социально-экономическую структуру византийского государства, знал уже Роман Лакапин; это направление его политики смог по-настоящему оценить лишь Василий II исходя из опыта своего детства и юности. Он возобновил начатую Романом Лакапином антиаристократическую аграрную политику, не только последовательно продолжив ее, но и значительно ужесточив. К проныцательности государственника, которая заставила его выступить за сохранение крестьянских и стратиотских имений, добавлялась и личная ненависть к семьям магнатов, которые оспаривали у него престол его предков. В своем радикализме он подчас выходил за рамки права и справедливости. Так было, к примеру, в случае с Евстафием Малейном, одним из бывших соратников Варды Фоки, гостеприимством которого Василий воспользовался при возвращении из сирийского похода. Чрезвычайное богатство этого каппадокийского магната, его огромные имения и, прежде всего, количество рабов и зависимых крестьян, которые могли составить военный контингент в несколько тысяч воинов, произвели на императора такое впечатление, что он пригласил своего гостеприимца в Константинополь и держал его там как почетного пленника, в то время как его имения были конфискованы государством.

Семьи Фок и Малейнов Василий II открыто называет в своей новелле от 996 г.² в качестве наиболее выдающихся представителей чрезмерно усилившейся земельной аристократии. Важнейшим определением, которым его новелла дополняет предшествующее законодательство, стало уничтожение сорокалетнего срока давности, по истечении которого по прежним правилам теряло силу всякое притязание на возврат противозаконно приобретенной земли. Новелла Василия II подчеркивает, что для династов, благодаря их влиянию,

¹ Ср. прекрасный очерк характера Василия у Пселла (I, 18 sq., ed. Renauld), а тж. у Зонары (III. P. 561).

² *Zepos. Jus*, I. P. 262 sq.; *Dölger. Regesten*. 783.

было нетрудно без ущерба для себя выдержать сорокалетний срок и тем самым прочно обеспечить за собой владение противозаконно приобретенным имением. Потому император определяет, что все приобретения, сделанные династами у бедных, имевшие место после первого соответствующего закона Романа Лакапина, возвращаются их прежним владельцам невзирая на срок давности и без какой-либо компенсации. Согласно Василию II, в отношении государственной казны не существует никакого срока давности: право государства на возмещение своих убытков простирается аж до времен Октавиана Августа!

Василий II стремится ограничить этой новеллой также и рост церковных земельных владений за счет земель крестьян. Возникшие в деревнях благодаря крестьянским пожертвованиям обители с небольшим количеством насельников отныне рассматривались не как монастыри, но лишь как моленные дома и как таковые подчинялись сельской общине, не платя подати епископу. Напротив, более крупные монастырские общины, которые насчитывали восемь и более монахов, подчиняясь епископу, не могли приобретать новых земель. В этом определении новелла Василия вновь смыкается со старым предписанием его прадеда Романа Лакапина. С другой стороны, он избегает какого бы то ни было намека на более радикальный закон Никифора Фоки, который был отменен Иоанном Цимисхием¹.

Против динатов Василий II выступает со все большей строгостью. Через несколько лет после упразднения срока давности он налагает на них обязанность платить аллиленгий за бедняков, т.е. возмещать государству недополученные с крестьян налоги². Тем самым бремя аллиленгия, которое до тех пор, согласно принципу круговой поруки сельской общины в деле уплаты налогов, лежало на соседях неплатежеспособных общинников, в одностороннем порядке перекладывалось на крупных землевладельцев. Эта радикальная мера возымела двойной эффект: она наносила динатам очередной тяжелый удар и обеспечивала казне более надежное поступление денег

¹ Датированный 4 апреля 988 г. хрисовул, приписываемый Василию II, в котором еще раз отменяется закон Никифора Фоки и содержится противоречащая новелле 996 г. благоприятная по отношению к монастырям тенденция, вряд ли может быть подлинным. Ср.: *Dölger. Regesten. 772.*

² *Scylitzes—Cedren. Т. II. P. 456.3 (о 1002 г.). Ср. тж.: Zonaras. III. P. 561.1.*

от аллиленгия, ибо уплата налогов за пришедшие в упадок имения соседей зачастую превышала возможности крестьян и вынуждала их к переселению, в силу чего государство терпело дополнительный ущерб¹. Василий II не дал себя обескуражить протестам динатов, несмотря на то что их поддержал даже патриарх Сергей: твердым намерением императора было сломать могущество знати, против которого безуспешно боролись его предки.

Сразу же по завершении гражданской войны Василий II с равной энергией повел войну против внешних врагов. Бесспорно, наиболее опасным из всех соперников был царь Самуил. Борьба с ним стала главной задачей, а уничтожение его царства — целью жизни Василия. Против могущественной македонской державы он, как кажется, искал поддержки правителей других балканских стран и установил связь с диоклейским князем Иоанном-Владимиром. Сербское посольство, вероятно из Диоклеи, ок. 992 г. после многочисленных приключений прибыло по морю в Византию². Императора оно застало уже на поле боя, поскольку весной 991 г. Василий II направился в Македонию и в течение нескольких лет вел там войну с Самуилом.

Осложнения на Востоке заставили его прервать операции в Македонии. Фатимиды вторглись в Сирию и нанесли имперскому наместнику Антиохии тяжелое поражение на Оронте (994); в результате был осажден Алеппо и опасность, казалось, угрожала самой Антиохии. Борьба одновременно на два фронта искони была уделом Византийской империи. Если она пыталась обмануть судьбу, следствием были тяжелые потери. Для Василия II балканская проблема стояла так же остро, как для Никифора Фоки — сирийская. Однако он не совершил ошибки своего отчима, который в борьбе за Восток упустил из виду

¹ См. об этом Трактат Эшбёрнера, § 12 и 14 (издание: *Dölger. Finanzverwaltung*. S. 119).

² Сообщение об этом содержит документ из Лавры от сентября 993 г.: *Rouillard-Collomp. Actes de Lavra*, I (1937). Nr. 12. Ср.: *Острогорский Г.* Сербское посольство к императору Василию II // *Глас Српске Акад. наука* 193 (1949). С. 15–29 и *Une ambassade serbe auprès de l'empereur Basile II* // *Byz* 19 (1949). P. 187–194 (в сокращении); см. также: *Дуйчев.* Проучвания. С. 27 сл. Дж. Радойичич (*Radojičić Dj. Sp. Srpsko Zagorje, das spätere Raszjen* // *Südost-Forsch.* 17 (1957). S. 276 ff.) высказывает догадку, что посольство прибыло из Рашки, т.к. лаврский акт называет прибывших сербами. Но византийцы называли сербами и жителей Диоклеи (Зеты). См. для этой эпохи прежде всего: *Skylitzes–Cedren.* II. P. 515.8; 526.14, 15; 543.13; 544.5, 8.

задачи, стоявшие на Балканах. В 995 г. Василий лично явился под стены Алеппо, отбил не ожидавшего нападения врага и занял Рафанию и Эмесу. Через несколько лет он вновь пошел походом на Сирию, чтобы вступить в войну с Фатимидами для спасения потерпевшего очередное поражение дукса Антиохии. Впрочем, его попытка занять Триполис и в этот раз потерпела неудачу. После восстановления положения в Сирии Василий направился на Кавказ, чтобы урегулировать дела в Армении и Грузии.

Отсутствием императора воспользовался Самуил, предприняв поход на Грецию и продвинувшись вплоть до Пелопоннеса. Однако на обратном пути его застал врасплох и нанес поражение способный византийский полководец Никифор Уран. Самуил при этом получил ранение и лишь случайно избежал гибели (997). Несмотря на это поражение, взлет Самуила продолжался: на последующие годы приходится взятие им Диррахия и присоединение Рашки и Дукли¹. Союз с Византией не принес местному князю Владимиру большой пользы. Его страна была включена в державу Самуила, а сам он сначала попал в плен, а затем женился на дочери могущественного царя и вновь сел в Дукле уже как его вассал.

Лишь в 1001 г. с появлением Василия II на Балканах после его возвращения из Азии началось крупное византийское контрнаступление, которое велось лично императором по четко проработанному плану и неумолимо приближало конец его противника. Прежде всего, Василий вторгся в область Сердики и овладел окрестными крепостями. Тем самым Самуил был отрезан от старых болгарских земель на Дунае, причем старые болгарские столицы — Плиска, Великий и Малый Преслав — были заняты императорскими полководцами. Затем Василий II вторгся в Македонию: Веррия сдалась, Сербия была взята штурмом, и тем самым был отвоеван доступ к Северной Греции. Было быстро восстановлено византийское господство в Фессалии, после чего Василий вновь появился в Македонии и в ожесточенной борьбе захватил сильно укрепленный город Воден. Следующий его удар был направлен на Видин, важнейшее укрепление на Дунае, которым он овладел после восьмимесячной осады, не поддавшись на смелый отвлекающий маневр Самуила — взятие и разграбление

¹ Относительно спорного вопроса о хронологии см. мои замечания в статье, указанной в предыдущей сноске.

Адрианополя. От Видина император двинулся походом на юг. На реке Вардар, недалеко от Скопье, он одержал решительную победу над войском Самуила, после чего Скопье открыл ему ворота (1004)¹. Посредством взятия Водена с одной стороны и Скопье с другой центральная область владений Самуила была взята в клещи. Через четыре года неустанной борьбы, во время которой византийцы шли от победы к победе, противник утратил больше половины своей территории. Только теперь Василий решился прервать войну и на зиму через Филиппополь отошел к Константинополю. Как говорил один из современников, «Василий II вел войны не так, как большинство императоров, которые весной выступают, а поздним летом возвращаются: момент возвращения домой определяло для него достижение цели, ради которой он выступил»².

В самом деле, исход войны более не подлежал сомнению. Византийское государство, опиравшееся на многовековые традиции, вновь доказало свое превосходство. Византийскому искусству ведения войны, организации войска и техническим средствам древней Империи храбрый царь ничего не смог противопоставить. От него начали отходить его военачальники и наместники; в 1005 г. Диррахий благодаря измене попал в руки византийского императора. Окончательный удар последовал лишь в июле 1014 г. после долгих боев, о ходе которых известно мало. Войско Самуила было окружено в узком проходе в горах Беласицы, в так называемом Клидии в верховьях Струмы. Царю удалось бежать в Прилеп, но значительная часть его воинов нашла здесь свою смерть, а еще большая попала в плен. Свою победу Василий Болгаробойца отметил ужасным образом: пленные, якобы числом в 14 тысяч³, были ослеплены, каждая сотня получила в качестве поводыря одноглазого, который должен был отвести их к их

¹ Без достаточного основания Адонц (*Adontz. Samuel l'Arménien. P. 24 sv.*) подвергает сомнению поход против Видина, а также сражение на Вардаре. И в других случаях его рассуждения также отличаются преувеличенным скептицизмом относительно данных Скилицы и столь же преувеличенным доверием к достоверности восточных источников.

² *Psellus. I, 10 (ed. Renauld).*

³ Так у Кекавмена (изд. Васильевский, 18); согласно Скилице–Кедрину (II, 485) — 15 тыс. Несмотря на подобное совпадение двух независимых источников, число является, конечно же, преувеличением, как это показал уже *Иванов Й.* Бела-сицката битка 29 юли 1014 год // *Известия на Истор. Друж. 3 (1911). С. 12, прим. 1.*

царю в Прилеп. Когда Самуил увидел приближающуюся ужасную процессию, он без чувств рухнул на землю. Через два дня отважный царь умер (6 октября 1014).

Держава Самуила пережила его смерть всего лишь на несколько лет. Внутренняя смута пришла на помощь завоевателю: сын и наследник Самуила, Гавриил-Радомир, уже в 1015 г. был убит своим двоюродным братом Иоанном-Владиславом. Судьбу царя разделили его жена и зять Иоанн-Владимир Диоклейский. Покорение страны постепенно продолжалось до тех пор, пока смерть Иоанна-Владислава, погибшего во время нападения на Диррахий в феврале 1018 г., не положила конец войне. Василий торжественно вступил в Охрид и принял изъявление покорности со стороны вдовы царя и выживших членов царского рода. Он достиг своей цели: мятежная страна, против которой он более тридцати лет назад начал борьбу, лежала у ног шестидесятилетнего властителя и была присоединена к его державе. Весь Балканский полуостров вновь находился под византийским скипетром: впервые со времен захвата этих земель славянами.

Объехав завоеванную страну и повсюду установив свою власть, Василий посетил древние Афины. Вызванные великой победой высокие чувства нашли свое впечатляющее выражение в празднике освящения, который победоносный император справил в Парфеноне, бывшем в то время церковью Богородицы.

Насколько страшен и безжалостен был Василий Болгаробойца на поле брани, настолько умеренной и проницательной была его политика по отношению к покоренной стране. Учитывая сложившиеся отношения и обычаи страны, он позволил своим новым подданным, в отличие от населения экономически более развитых частей Империи, платить налоги не деньгами, а натурой. Охридский патриархат был понижен до степени архиепископства, однако это архиепископство было автокефальным и получило значительные привилегии; ему были подчинены все епископы, которые некогда находились в державе Самуила. На практике автокефалия архиепископа Охридского означала, что он со своей епархией был подчинен не Константинопольскому патриарху, но, скорее, воле императора, поскольку тот удержал за собой право назначения архиепископа в Охрид¹. Этот ста-

¹ То, что архиепископ Охридский выбирался не местными епископами, а назначался императором, я показал в: Югосл. Истор. Часопис 1 (1935). С. 516–517 —

тус, бывший поистине шедевром имперской политики, предоставлял Византии контроль над церквями южнославянских народов, избегая при этом дальнейшего расширения и без того огромной юрисдикции константинопольского патриарха и в то же время подобающим образом подчеркивая особые права Охрида как церковного центра, автокефальные епископы которого занимали в греческой церковной иерархии значительно более высокое место, чем прочие подчиненные Константинополю иерархи.

В качестве составной части Византийской империи вновь покоренные области, как и все византийские территории, получили фемное устройство¹. Коренные земли бывшей державы Самуила были объединены в фему Булгария, которая с учетом ее большого значения получила статус катепаната, а затем дуката. Ее центром был Скопье².

вопреки Златарскому (История, II. С. 17 сл.). Ср. тж. занимательные рассуждения Гранича (*Granič B. Kirchenrechtliche Glossen zu den vom Kaiser Basileios II. dem autokephalen Erzbisum von Achrida verliehenen Privilegien // Byz 12 (1937). P. 395–415.*

¹ Неприемлемым является мнение Златарского (История, II. С. 1 сл. и SK 4 (1931). С. 49 сл.), согласно которому бывшая держава Самуила осталась неразделенной под византийским владычеством и представляла собой одну административную единицу. Ср.: *Dölger F. BZ 31 (1931). S. 443–444.* То, что земли прежнего царства Самуила были разделены на несколько фем, несомненно; но как в точности выглядели границы фем — вопрос сложный. См. об этой проблеме все еще важную, хотя в частностях и требующую исправлений работу: *Скабаланович. Византийское государство. С. 226 сл.* См. тж.: *Мутафчиев П. Съдбинете на средновековния Дръстър // Силистра и Добруджа 1 (1927). С. 158 сл.* Особое внимание этому вопросу уделил Н. Бэнеску в многочисленных специальных работах, а в конце концов и в особом сочинении, в котором он свел и дополнил результаты своих исследований: *Banescu N. Les duchés byzantins de Paristrion (Paradounavon) et de Bulgarie. Bucarest, 1946.* Ср. тж.: *Κυριακίδης. Βυζαντιναὶ Μελέται. Σ. 144 ἐπ.,* который тем не менее упускает из виду, что упоминание стратига в каком-либо конкретном городе еще никоим образом не доказывает, что этот город представлял собой столицу фемы. Так, даже его карта Балканского полуострова во времена Василия II кишит мелкими фемами, которые отчасти возникли лишь в позднейшее время, отчасти же вообще никогда не существовали. Эта проблема теперь подробно рассмотрена и Г. Г. Литавриным (Болгария и Византия. С. 250 сл.).

² Распространенным, но неверным является мнение о том, что резиденция стратига фемы сначала располагалась в Охриде и лишь позднее была перенесена в Скопье, затем в Сердику и наконец вновь в Скопье: так вслед за Скабалановичем полагают Златарски (История. II. С. 14 сл.), Мутафчиев (BZ 26 (1926). S. 251) и др. Если Василий II во время покорения державы Самуила поставил патрикия Евстафия Дафномила в Охриде в качестве ἀρχὼν τῆς πόλεως (*Scylitzes–Cedren. II. P. 468.4*), это означает лишь, что он назначил его комендантом города, но вовсе ➔

Болгарские земли на нижнем Дунае составили фему Паристрион, или Парадунавон, главным городом которой была Силистрия; позднее она также превратилась в катепанат, а затем в дукат. По всей видимости, пограничная область на Дунае и Саве также была организована как одна фема с центром в Сирмии¹. Адриатическое побережье с Задаром (Зарой) на севере и Дубровником (Рагузой) на юге, как и раньше, представляли собой фему Далмация. Напротив, земли Диоклеи, Захлумии, Рашки и Боснии не получили фемной организации, а подчинялись, так же, как Хорватия, своим прежним князьям и тем самым не составляли провинций, но являлись вассальными землями Византийской империи². Область к югу от озера Скадар (Скодра)

➤ не то, что он возвысил его до ранга стратига фемы Булгария. На самом же деле вскоре после этого Евстафий был сделан стратигем фемы Дирахий (Ibid. P. 474.3). Напротив, патрикий Давид Арианит был поставлен в Скопье в качестве *στратηγὸς αὐτοκρατορῶν* и одновременно в качестве *κατεπάνω Βουλγαρίας* (так однозначно в: *Prokič. Zusätze*. Nr. 41 к *Scylitzes–Cedren.* II. P. 468.1). Далее, если ок. 1067 г. Роман Диоген встречается в источниках в качестве дукса Сердики (*Attaleiotes*. P. 97.16; *Scylitzes–Cedren.* II. P. 663.12; *Zonaras.* III. P. 684.8), это не означает, что резиденция стратига фемы Булгария была перенесена из Скопье в Сердику, но является доказательством того, что область Сердики получила статус особой фемы и, как следствие, что тогда началось разделение старых фем и создание новых фемных единиц, причем резиденция стратига фемы Булгария, как и прежде, находилась в Скопье. Это верно отмечает уже Бэнеску (*Banescu. Duchés byzantins.* P. 121 сл.).

¹ Это предполагали уже Скабаланович (Византийское государство. С. 228 сл.) и после него Мутафчиев (Силистра и Добруджа 1 (1927). С. 159 и История, II. С. 1). К этому мнению склоняется теперь и Г.Г. Литаврин (Болгария и Византия. С. 273 сл.). Напротив, Бэнеску (*Banescu. Duchés byzantins.* P. 24 sv.) с большой решительностью отвергает это мнение. Он вполне прав, когда указывает на то, что Скабаланович привлек для этой фемы несколько сведений из источников, которые на самом деле относятся к феме Паристрион. Тем не менее остается свидетельство Скилицы (*Cedr.* II. P. 476.24) о том, что Константину Диогену после убийства Сермоны, коменданта Самуила в Сирмии, было доверено управление вновь завоеванной областью (*ἀρχεῖν ἐν τῇ τῆς νεοκτίτου χώρας*), что во всяком случае означает, что он был назначен не только комендантом города Сирмий, но и правителем всей области вокруг города. Также трудно себе представить, что фема Булгария, как это предполагает Бэнеску, простиралась от южной Македонии до Дуная и Савы. — В XII в. согласно Никите Хониату (р. 133.9) область Белграда и Браничева, а согласно Киннаму (р. 124.20) область Браничева и Ниша представляла собой особую фему. Ее дуксом был будущий император Андроник Комнин.

² Об этом говорят сведения попа Дуклянина (изд. Шишич. С. 346–347), поскольку наряду с князем Стефаном-Воиславом (Доброславом) Диоклейским, который в 30–40-е гг. XI в. находился в состоянии войны с византийцами, он упо-

по-прежнему относилась к дукату Диррахия, который представлял собой стратегически важный опорный пункт Византийской империи на Адриатике, подобно тому как повышенная до статуса дуката фема Фессалоники была важнейшим опорным пунктом на Эгейском море.

Отвоевание всего Балканского полуострова имело огромное значение также и с внутривосточной точки зрения. Определенно

минает также жупана Рашки, бана Боснии и князя Захлумии, которых византийский император посредством богатых даров привлек на свою сторону в борьбе с мятежным князем Диоклейским. — С этими ясными и недвусмысленными сообщениями можно лишь с трудом увязать две опубликованные недавно печати: на одной упоминается анфипат патрикий Константин, дукс Θεσσαλονίκης, Βουλγαρίας καὶ Σερβίας (*Swiencickij I. Byzantinische Bleisiegel in der Sammlung von Lwow* // Сборник в помят на П. Ников. София, 1940. С. 439–440), а на другой Константин Диоген, стратиг Σερβίας (*Laurent V. Le thème byzantin de Serbie au XIe siècle* // REB 15 (1957). P. 190). Загадки, которые нам задают эти надписи на печатях, разрешить не просто, и я не уверен, что они решены в изложении, которое приводит ученый издатель второй печати. Основываясь на этих печатях, Лоран (*Laurent. Op. cit. P. 185 sv.; ср. тж.: Le thème byzantin de Serbie* // *Balkanica* 6 (1943). P. 35–47) с большой определенностью придерживается мнения о том, что после покорения державы Самуила существовала, хотя и недолгое время, фема Сербия; впрочем, он не смог удовлетворительным образом определить ни территорию этой фемы, ни время, когда ею управлял Константин Диоген. Противоречия вышеупомянутым сведениям попа Дуклянина, с которыми, как ему казалось, он легко разделался, Лоран, по всей видимости, относил к этой феме территории Рашки и Захлумии (относит ли он туда и Диоклею, мне осталось неясным, ибо вообще его представления о географии и истории южнославянских земель этого времени лишены надлежащей основательности). При этом он опирается на неподлинный документ Лютовиды, мнимого стратига Сербии и Захлумии, который заставил уже Скаблановича (*Византийское государство. С. 219–220*) предполагать существование фемы Сербии и Захлумии (этому мнению я, к сожалению, последовал в первом издании этой книги, но уже во втором был вынужден указать на его неприемлемость). Константин Диоген, которому Лоран приписывает обе печати, является хорошо известной по источникам личностью (основные данные его биографии сведены в: *Banescu. Duchés byzantins. P. 121 сл.*). Мы знаем, что он в 1015 г. был назначен стратигом Фессалоники (*Scylitzes-Cedren. II. P. 461.16*) и занимал этот пост еще в 1017 г. (*Ibid. P. 466.7*), после убийства Сермона в 1019 г. принял управление областью Сирмия (*Ibid. P. 476.24*; см. предыдущую сноску), ок. 1026 г. одновременно занимал пост дуки Булгарии (*ibid. P. 483.21*) и ок. 1030 г., отозванный из Сирмии, был назначен дукой Фессалоники (*Ibid. P. 487.18*). Напротив, мы ничего не знаем о том, что он когда-либо был стратигом Сербии. Уже в 1031 г. он постригся в монахи (*Ibid. P. 497.8 — в 6539 г., 14 индикт*). Лоран, как кажется, полагает, что он принял управление «фемой Сербии» в то время, когда был дуксом Булгарии и Фессалоники (т.е. осуществлял его в краткий промежуток времени в 1030–1031 гг.?), однако не приводит объяснения, почему опубликованная им печать не упоминает оба эти дуката.

не является случайностью, что завоевания малоазийского магната Никифора Фоки в основном имели место в азиатских областях, в то время как Василий II, большой недруг малоазийской земельной аристократии, свое основное внимание уделял европейской части Империи. С тех пор, как территория Империи вновь распростерлась вплоть до Дуная и Адриатики, было покончено с тем исключительным значением, которое в истекшие столетия имела для Империи Малая Азия¹.

Впрочем, Василий II не пренебрегал и решением задач, которые имелись у Империи в Азии. В последние годы своего правления он был занят на другом конце византийского «круга земель» (*orbis terrarum*) — на Кавказе. В Армении после смерти Гагика I (990–1020), при котором держава Багратидов пережила время наибольшего расцвета, разразилась смута. Это дало императору возможность успешно вмешаться: область Васпуракана, а также часть Ивирии были присоединены к Византии; армянское царство Ани должно было оставаться во владении царя Иоанна Смбага, сына и преемника Гагика, однако после его кончины должно было перейти к византийскому императору. В результате славных побед в Азии на протяжении трех последних царствований по древним византийским территориям длинной дугой на юг и восток протянулись новые фемы: Антиохия, Телух, так называемые Приевфратские города (*παρευφρατιάδαι πόλεις*, позднее фема Эдесса), Мелитина, включившая старую фемную область Месопотамия, фема Тарон и далее вновь присоединенные провинции Васпуракан, Ивирия и Феодосиополь². В то время как старые фемы Малой Азии утрачивали авторитет, новые пограничные области приобретали большое значение, становясь, как Антиохия и позднее Месопотамия, дукатами или, как Эдесса и армяно-ивирийские провинции, катепанатами.³

Перед смертью неутомимый император обратил свои взоры на Запад. Положение Византии в Южной Италии, которая со времен Оттона Великого подвергалась опасности из-за экспансии немецкой империи, укрепилось благодаря неудачному для Оттона II исходу

¹ Ср. богатое идеями рассуждение в: *Neumann. Weltstellung*. S. 62.

² Примерное расположение отдельных тогдашних тем см. на приложенной карте.

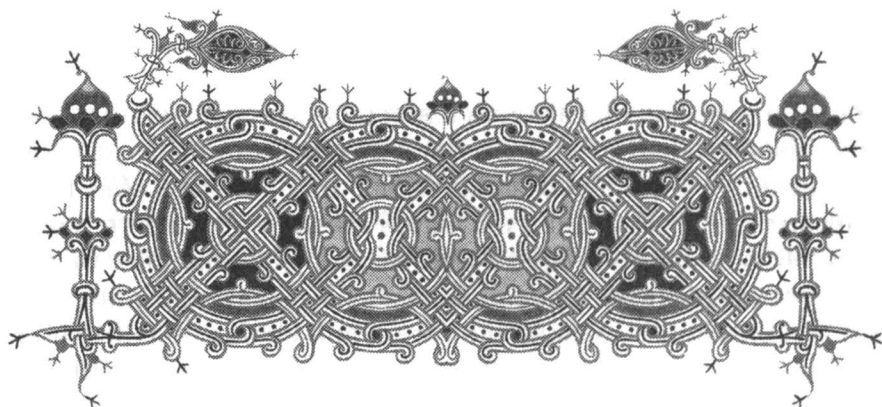
³ Ср.: *Скабаланович. Византийское государство*. С. 193 сл.

его войны с арабами. Идея обновления римского наследия при юном императоре Оттоне III, сыне гречанки Феофано, привела к усилению византийского влияния в западной империи. Благодаря объединению всех византийских владений в Южной Италии в один катепанат положение Византии получило более прочное основание с организационной точки зрения¹. Способный катепан Василий Воиоанн одерживал над врагами Византийской империи неоднократные победы. Эти победы Василий II задумал продолжить и начал готовить большой поход против сицилийских арабов. Однако 15 декабря 1025 г. он умер. После себя он оставил Империю, которая простиралась от нагорий Армении до Адриатики и от Евфрата до Дуная. К ней была присоединена большая славянская держава, а другая, еще бóльшая, находилась под ее духовным влиянием.

Еще в XIII в. один писатель назвал в качестве величайших императоров Ираклия и Василия II². Два этих имени, и в самом деле величайшие в византийской истории, олицетворяют собой героическую эпоху Византии; из них первое ее открывает, а второе завершает.

¹ *Gay*. Italie. P. 343 sv.

² *Mich. Choniates*. II. P. 354 (ed. Lambros).

V ПРАВЛЕНИЕ СТОЛИЧНОЙ ЧИНОВНОЙ АРИСТОКРАТИИ (1025–1081)

Источники

На первое место следует поставить «Хронографию» *Михаила (Константина) Пселла*¹. Пселл (род. 1018) был не только крупнейшим ученым и выдающимся умом своего времени, но и человеком искусства. Его «Хронография» является наиболее выдающимся мемуарным сочинением Средневековья, несравненным по своей интеллектуальной свежести, живости описания, тонкости психологического чувства и достоверности совершенных с художественной точки зрения характеров. Как государственный деятель, занимавший высокие посты, Пселл не только наблюдал вблизи историю своего времени, но также и делал ее. Этим, однако, объясняется предвзятость его изложения, которое многое замалчивает, а многое даже искажает. Произведение распадается на две части. Первая часть написана по настоянию друга, предположительно Константина Лихуда, примерно в 1059–1063 гг. и описывает время от Василия II до отречения Исаака

¹ Новое издание с фр. переводом: *Michel Psellos. Chronographie* / Ed. E. Renauld. Paris, 1926–1928. 2 vol. Ср. исправления А. Грегара (Byz 2 (1925). P. 550–567 и 4 (1927–1928). P. 716–728) и И. Сикутриса (BZ 27 (1927). S. 99–105 и 29 (1929–1930). S. 40–48). Англ. перевод: *The Chronographia of Michael Psellus* / Tansl. by E.R.A. Sewter. London, 1953.

Комнина. Повествование, которое в части, посвященной Василию II, чрезвычайно кратко, становится от царствования к царствованию все подробнее, особенно со времени Михаила V (1041–1042), при котором Пселл оказался при дворе в качестве императорского секретаря. Вторая часть, охватывающая время Дук (1059–1078), написана по высочайшему повелению еще при жизни Михаила VII, что сказывается на ее сильно тенденциозном характере. Далее, большое историческое значение имеют многочисленные письма, речи и сочинения по разным темам, принадлежащие перу Пселла¹. Для интеллектуальной истории XI в. важными являются письма, проповеди и стихи ученого *Иоанна Мавропода*, митрополита Евхаитского².

На очень высоком уровне написано также историческое сочинение *Михаила Атталиата*, который занимал высокое положение при дворе и в качестве очевидца описал историю с 1034 по 1079 г.³ В то время как Пселл был представителем гражданской партии, Атталиат был сторонником военно-феодальной аристократии; свой труд он посвятил Никифору Вотаниату (1078–1081). Его возвышение началось при Романе Диогене (1068–1071), и со времени царствования этого императора его изложение становится содержательней, но субъективнее. Большой ценностью обладает также заключительная часть уже упомянутой выше хроники *Иоанна Скилицы*, которая доводится до восшествия на престол Исаака Комнина. К ней примыкает составленное неизвестным автором продолжение для 1057–1079 гг., которое в целом восходит к труду Атталиата, подчас использует также

¹ Michaelis Pselli scripta minora / Ed. E. Kurtz, F. Drexl. Milano, 1936–1941. 2 vol. В первом томе содержится собрание речей и сочинений, написанных по случаю; среди них большое число прежде неизвестных работ. Во втором томе 273 письма Пселла, из которых лишь 60 издавались прежде. Ср. тж.: *Drexl F. Nachträge zur Ausgabe der Psellosbriefe von Kurtz-Drexl // BZ 41 (1941). S. 309–310 и Index Nominum zu den von Sathas, Boissonade, Hase, Ruelle und Tafel edierten Psellosbriefen // Ibid. P. 299–308.*

² Изд. P. De Lagarde. Göttingen, 1882. Дальнейшие указания в: *Hussey J.M. The Writings of John Mauropous: A Bibliographical Note // BZ 44 (1951). S. 278–282.* К оценке этого знаменитого человека см.: *Hussey J.M. Church and Learning. P. 39 sq., 52 sq.; The Canons of John Mauropous // Journal of Roman Studies 37 (1947). P. 70–73; The Byzantine Empire in the Eleventh Century // Transactions of the Royal Historical Society 32 (1950). P. 84–85.*

³ Перевод на французский (прежде всего до 1056 г.) см. в: *Michel Attaliatès. Histoire / Traduction française par H. Grégoire // Byz 28 (1958). P. 325–362.*

и Пселла, однако в некоторых местах (например, при описании восстания славян в 1072 г.) от них независимо. Хроника *Иоанна Зонары* в соответствующих частях заимствует материал у Скилицы и Пселла, в меньшей степени у Атталиата. Наряду с ними Зонара также использует не дошедший до нас ценный источник, и это обстоятельство, а также его самостоятельность в использовании своих источников сообщает его труду значительную ценность¹.

Весьма интересным источником как для византийской, так и для балканской истории является написанный между 1075 и 1078 гг. так называемый Стратегикон *Кекавмена*. Его автор, военачальник из знатного византийского рода, очень живо рассказывает о своем опыте и на его основании дает различные советы и поучения. Его непосредственные и живые, основанные на глубоком знании описываемых событий заметки содержат уникальные по важности сведения о политической и культурной истории его времени. В московской рукописи (XIV–XV вв.), единственной, где сохранилось это сочинение, за ним следует меньшее по объему произведение с советами императору, которое, вне сомнения, принадлежит перу того же автора².

¹ Как конкретно Скилица и Зонара относятся к своим источникам, показывают для этой эпохи выкладки Скабалановича (Византийское государство. С. XIII, XVIII). О соотношении Зонары и Пселла см. тж.: Λαμψίδης Ο. Ο Μιχαήλ Ψελλός ως πηγή τῆς Ἐπιτομῆς τοῦ Ἰωάννου Ζωναρά // ΕΕΒΣ 19 (1949). С. 170–188.

² Cecaumeni strategicon et incerti scriptoris de officiis regis libellus // Ed. V. Wassiliewsky, V. Jernstedt. Petropoli, 1896. Частичное издание с русским переводом и ценным комментарием: Васильевский В. Советы и рассказы византийского боярина XI в. // ЖМНП 215 (1881). С. 242–299; 216 (1881). С. 102–171, 316–357. Немецкий перевод с хорошим введением: Beck H.-G. Vademecum des byzantinischen Aristokraten. Das sogenannte Strategikon des Kekaumenos. Graz-Wien-Köln, 1956. (Byzantinische Geschichtsschreiber; Bd. V). Предположение Баклера (Buckler G. Authorship of the Strategikon of Cecaumenus // BZ 36 (1936). P. 7–26; Can Cecaumenus be the author of the Strategikon? // Byz 13 (1938). P. 139–141) о том, что автором обоих сочинений является прославленный византийский полководец Катакалон Кекавмен, поначалу было встречено с определенным скепсисом; см.: Banescu N. A propos de Kekaumenos // Byz 13 (1938). P. 129–138 (ср.: Autour de Kekaumenos // REB 6 (1948). P. 191–194); Orgels P. Kekaumenos et la guerre péchéne // Byz 13 (1938). P. 402 sv.; Gyóni M. L'oeuvre de Kekaumenos, source de l'histoire roumaine // Revue d'histoire comparée 23 (1945). P. 96–180. Напротив, X.-Г. Бек (указ. соч.) выступает в пользу предложенной Баклером идентификации; также и Моравчик, который поначалу был настроен скептически (Byzantinoturcica. Bd. I¹. S. 112, 201–202), теперь с нею согласился (Byzantinoturcica. Bd. I². S. 350–351). Лемерль в своей новейшей работе

Обильный материал по судебному делу, управленческой практике, налоговой системе, аграрным отношениям и проч. содержит «Пира» — собрание юридических суждений магистра Евстафия Ромея, которую, по всей видимости, составил после 1034 г. сотрудник этого чрезвычайно авторитетного византийского судьи¹. Ставший недавно известным фиванский кадастр 2-й половины XI в., а также «Трактат Эшбёрнера» сообщают о византийском налоговом управлении и прежде всего проливают свет на перемены, происшедшие в византийской деревне того времени². В высшей степени интересным с точки зрения социальной истории документом является завещание, составленное в 1059 г. протоспафарием хрисотриклиния Евстафием Воилой³.

Наиболее богатыми выводами о внутренней истории Империи мы обязаны прежде всего документам монастырских архивов; сохранившиеся от более раннего времени в малом числе, со второй половины XI в. они имеются в наличии в большом количестве⁴.

(*Lemerle P. Prolégomènes à une édition critique et commentée des «Conseils et Récits» de Kékauménos // Mémoires de l'Acad. Royale de Belgique 54.1 (1960). P. 37 sv.*), впрочем, сохраняет скептический настрой, причем, по моему мнению, не без основания. Скептическим характером отличается также по большому счету реферативная работа И. Караяннопулоса (*Karayannopoulos J. Zur Frage der Autorschaft am Strategikon des Kekaumenos // BZ 54 (1961). S. 257–265*). О времени возникновения этого сочинения см.: *Lemerle P. Op. cit. P. 20*. См. тж.: *Лутаврин Г.Г.* Был ли Кекавмен, автор «Стратегикона», феодалом? // *Византийские очерки*. М., 1961. С. 217–240.

¹ *Zepos. Jus, IV. P. 1–260*.

² Издано в: *Svoronos N. Recherches sur le cadastre byzantin et la fiscalité aux XIe et XIIe siècles: le cadastre de Thèbes*. Paris-Athènes, 1959.

³ Издано в: *Бенешевич В.Н.* Завещание византийского боярина XI в. // *ЖМНП*. Н.с. Ч. 9 (1907). С. 219–231. Англ. перевод: *Vryonis Sp. The Will of a Provincial Magistrate, Eustathius Boilas // DOP 11 (1957). P. 263–277*. Русский сокращенный перевод М.В. Левченко в: *Сборник документов по социально-экономической истории Византии*. М., 1951. С. 169–173. Исправления к тексту: *Бартикян Р.М.* Критические заметки о завещании Евстафия Воилы (1059 г.) // *ВВ 19 (1961). С. 26–37*.

⁴ Важнейшими публикациями, в том числе и для более поздних веков, являются следующие: *Miklosich-Müller; Actes de l'Athos; Zachariae. Jus III = Zepos. Jus. I*; *Акты Русского на св. Афоне монастыря св. великомученика Пантелеимона*. Киев, 1873; *Флоринский Т.* Афонские акты. СПб., 1880; *Meyer Ph. Haupturkunden zur Geschichte der Athosklöster*. Leipzig, 1894; *Regel W.* Χρυσόβουλλα καὶ γράμματα τῆς ἐν τῷ Ἁγίῳ Ὁρει Ἄθω ἱερᾶς καὶ σεβασμίας μονῆς τοῦ Βατοπεδίου. St. Petersburg, 1898; *Γούδας Μ.* Βυζαντιακὰ ἐγγράφα τῆς ἐν Ἄθῳ ἱερᾶς μονῆς τοῦ Βατοπεδίου // *ΕΕΒΣ 4 (1927). Σ. 211–248*; *Κτηνᾶς Χ.* Χρυσόβουλλοι λόγοι τῆς ἐν Ἄθῳ ἱερᾶς μονῆς τοῦ Δοχειαρίου // *ΕΕΒΣ 4 (1927). Σ. 285–311*; ➔

Центральное церковно-историческое событие этой эпохи — разделение Церкви в 1054 г. — в современной ему византийской историографии обходится совершенным молчанием. Важнейшим западным сообщением, которое лежит в основе всех позднейших латинских текстов на эту тему, является написанное, по-видимому, кардиналом Гумбертом «Commemoratio brevis»¹. Большой материал содержит переписка современных греческих и латинских церковных иерархов, особенно два письма Михаила Кирулария к Петру Антиохийскому и ответное послание Петра Антиохийского², письма Льва IX к императору Константину IX, Михаилу Кируларию, Льву Охридскому и Петру Антиохийскому³. Как показал А. Михель, указанные здесь папские послания, и в особенности большое полемическое сочинение против Михаила Кирулария, принадлежат перу кардинала Гумберта⁴. Тот же исследователь опубликовал трактат Гумберта об исхождении Св. Духа и ряд других богословских сочинений этого времени, среди них прежде всего пространную «Паноплию» Михаила Кирулария⁵.

- *Béris N.* Σερβικά καὶ βυζαντινὰ γράμματα Μετεώρου // *Βυζαντίς* 2 (1911/12). Σ. 1–100; *Ouspensky Th., Bénéchévitch V.* Actes de Vazelon. Leningrad, 1927; *Соловьев А., Мошин В.* Грчке повеље Српских владара. Београд, 1936; *Мошин В.* Акти из светогорских архива // *Споменик* 91 (1939); *Mošin V., Sovre A.* Supplementa ad acta graeca Ghilandarii. Ljubljana, 1948; *Rouillard G., Collomp P.* Actes de Lavra I (897–1178). Paris, 1937; *Lemerle P.* Actes de Kutlumus. Paris, 1945; *Dölger F.* Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948; *Dölger F.* Sechs byzantinische Praktika des 14. Jahrhunderts für das Athoskloster Iberon. München, 1949. (Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften; N. F. 28); *Guillou A.* Les archives de Saint-Jean-Prodrôme sur le mont Ménécée. Paris, 1955. К публикациям Руйар, Коллома, Лемерля и большому собранию документов Дёльгера приложены альбомы с репродукциями документов и печатей.

¹ *Will C.* Acta et scripta quae de controversiis ecclesiae graecae et latinae saec. XI composita extant. Leipzig-Marburg, 1861. P. 150–152.

² *Ibid.* P. 172–204.

³ *Ibid.* P. 85–89, 65–85, 89–92, 168–171.

⁴ *Michel.* Kerullarios. Bd. I. S. 44 ff.

⁵ *Michel.* Kerullarios. Bd. I. S. 76 ff.; Bd. II. S. 41 ff. Подлинность «Паноплии» подвергалась сомнению: Лоран (EO 31 (1932). P. 105 sv.) и Жюжи (Byz 8 (1933). P. 323–326) усматривали в ней сочинение современника Лионской унии. См., впрочем, возражение Михеля: *Michel A.* Von Photios zu Kerullarios // *Römische Quartalschrift* 41 (1933). S. 1–38 и особенно Die Echtheit der Panoplia des Michael Kerullarios // *Oriens Christianus* 36 (1941). S. 168–204.

1. Крушение средневизантийской государственной системы

Общая литература: *Bury*. Roman Emperors from Basil II to Isaac Komnenos // English Historical Review 4 (1889). P. 41–64, 251–285 (= *Idem*. Selected Essays. London, 1930. P. 126–214); *Schlumberger*. Épopée byzantine. Vol. III; *Скабаланович*. Византийское государство; *Neumann*. Weltstellung; *Fischer W*. Studien zur byzantinischen Geschichte des 11. Jahrhunderts. Plauen, 1883; *Mädler H*. Theodora, Michael Stratiotikos, Isaak Komnenos. Plauen, 1894; *Васильевский*. Печенеги; *Fuchs*. Höhere Schulen; *Hussey*. Church and Learning; *Zervos Chr*. Michel Psellos. Paris, 1920; *Ostrogorsky*. Féodalité; *Glykatzi-Ahrweiler H*. Recherches; *Bréhier*. Le schisme oriental du XIe siècle. Paris, 1899; *Bréhier*. The Greek Church: its Relations with the West up to 1054 // CMH, IV. 1923. P. 246–273; *Norden*. Das Papsttum und Byzanz; *Michel*. Kerullarios; *Суворов Н*. Византийский папа. М., 1902; *Runciman*. The Eastern Schism: A Study of the Papacy and the Eastern Churches during the XIth and XIIth Centuries. Oxford, 1955.

Смерть Василия II знаменует собой поворотный момент в византийской истории. Начинается эпоха эпигонов, которая внешне живет славой ушедшей эпохи, однако внутри дает свободный ход процессу разложения.

В результате героических деяний трех последних царствований Византия выглядела непобедимой. Начался период сравнительного спокойствия, подобного которому вряд ли знала византийская история. Этот мирный период, однако, стал для Византии не временем сплочения и консолидации, но, наоборот, эпохой внутреннего расслабления. Начинается распад системы, которую создал Ираклий и последним поддерживал Василий II. Вести далее борьбу против феодальных магнатов слабые преемники Василия II были не способны. Ликвидация крестьянских и солдатских наделов идет с огромной быстротой и приводит к упадку вооруженных сил и способности населения Византийской империи платить налоги. Экономическая и социальная структуры Империи переживают фундаментальные перемены. Императорская власть не только прекращает борьбу против феодальной знати, но и сама становится орудием той или иной усилившейся группы магнатов. Крупная землевладельческая аристократия победила, и речь отныне шла только о том, какая группа членов этого сословия получит

преобладание: чиновники или военные. Византийская история последующих десятилетий определяется борьбой между конкурирующими группами столичной гражданской и провинциальной военной знати. Поначалу сильная, однако ослабленная Василием II провинциальная военная аристократия оказывается на заднем плане, и у руля государства встает столичная знать. Ее господство становится символом данной эпохи. Нескончаемые придворные интриги являются лишь сопутствующим явлением этого режима; его последствия наиболее существенным образом проявляются, с одной стороны, в культурном расцвете столицы, а с другой — в упадке военной мощи государства.

Ряд эпигонов открывается фигурой преемника Василия II, его брата Константина VIII (1025–1028). В течение полувека он был бездейственным соправителем своего великого брата, и теперь, достигнув единоличного правления, продолжал играть роль представителя государства вместо того, чтобы управлять им. Ему недоставало не столько дарований, сколько силы характера и чувства ответственности. Государственные дела он поручил другим, а сам проводил время в пирах и играх ипподрома, беззаботно проматывая накопленные при Василии II казенные деньги.

Важной проблемой было урегулирование престолонаследия, поскольку престарелый император не имел потомства мужского пола. Из трех его дочерей старшая, Евдокия, лицо которой было обезображено оспой, приняла монашеский постриг; в противоположность ей две младшие, уже далеко не юные принцессы, Зоя и Феодора, в качестве последних представительниц Македонской династии сыграли значительную роль в византийской истории последующих десятилетий. Станным образом, лишь на смертном одре Константин VIII озабочен тем, чтобы выдать замуж одну из уже немолодых принцесс и присмотреть ей подходящего супруга. В последний момент выбор пал на эпарха города Романа Аргира.

Должность эпарха Константинополя с древности была в большой чести. В XI в. ее значение еще более возросло. Если уже в «Книге церемоний» говорилось, что эпарх является «отцом города», то в XI в. один писатель уже мог сказать, что власть у эпарха — царская, разве что без порфиры¹. Как носитель этого высокого достоинства и как

¹ De caerim. P. 264, 528; *Psellus*. I. 30 (ed. Renauld): βασιλειος δὲ αὐτῇ ἀρχή, εἰ μὴ ὅσον ἀπόρφυρος.

представитель одной из знатнейших византийских семей Роман Аргир был наиболее видным представителем столичной чиновной знати. 12 ноября 1028 г. он женился на пятидесятилетней Зое и через три дня, после смерти Константина VIII, вступил на престол¹. Как типичный аристократ, Роман III Аргир, хотя ему было уже за 60, отличался приятной наружностью и имел подобающее образование. Качества правителя у него совершенно отсутствовали, однако он вдохновлялся великими историческими примерами, которым, как истинный эпигон, одержимый безудержным тщеславием, он стремился подражать. То его идеалом был Марк Аврелий — и он вел философские беседы; то Юстиниан — и он возводил роскошные постройки; то затем Траян или Адриан — и тогда он воображал себя полководцем, который любит войну, пока наконец серьезное поражение, постигшее его в Сирии, не привело его несколько в чувство. Положение спас выдающийся военачальник Георгий Маниак, который здесь впервые появляется на исторической сцене. Благодаря своим победоносным операциям, которые увенчались взятием Эдессы (1032), он смог еще раз продемонстрировать превосходство Византийской империи.

Краткое правление Романа Аргира было прежде всего отмечено откровенным отказом от политики Василия II. Надбавка налога за пустующие крестьянские земли, которую Василий взвалил на динатов, была отменена по настоянию крупных землевладельцев². Так сама система налоговых надбавок, которая под названием «эпиболэ» или «аллиленгий» представляла собой основной элемент византийской налоговой системы, была упразднена навсегда³. Крестьяне выплачивать

¹ О возрасте Зои и о дате восхождения на престол Романа III (15 ноября) см.: Скабаланович. Византийское государство. С. 11, прим. 2; С. 14, прим. 1. Также и относительно дальнейших хронологических данных отсылаю читателя к изложению Скабалановича.

² *Scylitzes-Cedren.* II. P. 486.7: ἐξέκοψε δὲ καὶ τέλεον ἀπερρίζωσε τὸ ἀλληλέγγυον. Весьма красноречивым является сообщение Скилицы (Т. II. P. 486.8) о том, что уже Константин VIII решил отменить аллиленгий.

³ То, что эпиболэ существовало и в более позднее время, как полагает Дёльгер (*Dölger F.* Das Fortbestehen der Epibole in mittel- und spätbyzantinischer Zeit // Studi Albertoni. Vol. II. Padova, 1934. S. 3 ff. и Zu dem Abdankungsgedicht des Nikolaos Muzalon // BZ 35 (1935). S. 14) вопреки моим рассуждениям (см.: Steuergemeinde. S. 1 ff. и Byz 6 (1931). S. 229–240), противоречит ясным словам нашего источника. Благодаря приведенному Руйар материалу (*Rouillard G.* L'épibolé au temps→

надбавку были более не в состоянии¹, а динаты не желали этого делать, и потому император Роман III Аргир, сам типичный представитель динатов, не мог и помышлять о том, чтобы противостоять воле крупной землевладельческой аристократии. Впрочем, прежние законы, которые запрещали динатам приобретение крестьянских и стратиотских имений, не были официально отменены, так что некоторые судьи считали их в то время действующим правом². Однако достаточно было и того, что длинная череда законов в защиту мелкого земельного владения после смерти Василия II раз и навсегда оборвалась. Следует признать, что даже предписания X в. при всей их строгости не смогли предотвратить скупку крестьянских и воинских наделов; теперь же экспансионистские устремления крупных землевладельцев могли, при благожелательно-пассивной позиции правительства, проявить себя в полную силу. Магнаты победили на всех направлениях: и на политическом, и на экономическом. Плоти́на, которую центральная власть со времен Романа I и до Василия II воздвигала на пути земельных захватов со стороны знати, была прорвана. Ликвидация мелкого земельного владения продвигалась отныне беспрепятственно. Крупные землевладельцы поглотили крестьянские и стратиотские имения, превратив их бывших владельцев в крепостных. Тем самым система, на которой держалось византийское государство со времени своего обновления в VII в., была потрясена в своих основах: оборонная и податная сила страны пришли в упадок, а произошедшее в результате этого обеднение государства еще более ослабляло его военную мощь.

Естественно, правители той эпохи не были инициаторами этого процесса: они всего лишь готовили почву для его неудержимого развития и были ставленниками мощно пробивающей себе путь экономической силы. Таким образом, даже устранение Романа Аргира

→ d'Alexis Comnène // Byz 10 (1935). P. 81–90), это мнение Дёльгера можно считать опровергнутым, несмотря на его ответные возражения (BZ 36 (1936). S. 157–161). Ср. далее тж. тексты в: Rouillard G., Collomp P. Actes de Lavra, I (897–1178). Paris, 1937. № 43, 48, 53, где это слово очень часто встречается в документах позднейшего времени, но исключительно в общем значении обложения налогом или наделения землей. В этом смысле правильно уже у Брейе: Bréhier. Institutions. P. 260.

¹ Об этом вполне ясно уже в трактате Эшбёрнера (§ 12 и 14; издание: Dölger. Finanzverwaltung. S. 119). Ср.: Ostrogorsky. Steuergemeinde. P. 31.

² См.: судебные вердикты магистра Евстафия в «Пире»: Zepos. Jus. IV, 32 (VIII, 1) и 38 (IX, 1); ср. тж.: 51–52 (XV, 10); 176 (XL, 12); 228 (LVII, 1).

не многое изменило, несмотря на то что оно было осуществлено стороной, которая с социальной точки зрения представляла собой противоположный элемент. Между императором Романом и императрицей Зоей в течение многих лет царил глубокий разлад, поскольку с обретением императорского венца интерес Романа Аргира к стареющей императрице угас, он начал пренебрегать ею и даже стеснил ее в денежных средствах. Страсть к развлечениям стареющей женщины, для которой только-только начали раскрываться земные радости, не могла себя сдерживать. В поле ее зрения попал молодой Михаил, крестьянский сын из Пафлагонии, которого его брат, влиятельный евнух Иоанн Орфанотроф, ввел в гинекей царского дворца. Собственно кукловодом в этой интриге и был Иоанн Орфанотроф, в высшей степени способный, но совершенно беспринципный человек, который, будучи евнухом и монахом, не мог притязать на императорскую корону и потому действовал в пользу своего брата. Зоя влюбилась в красивого юношу с пылкостью поздней страсти, и случилось так, что 11 апреля 1034 г. Роман III умер в бане. Вечером того же дня императрица обвенчалась со своим молодым любовником, который и вззошел на престол в качестве Михаила IV (1034–1041).

Зоя опять просчиталась, ибо интерес к ней Михаила после вступления на престол также угас. У нее была даже отнята свобода передвижения: помня о судьбе Романа Аргира, Иоанн Орфанотроф весьма строго следил за ее контактами. Император Михаил оказался способным правителем и храбрым полководцем. Однако он страдал эпилептическими припадками, которые со временем стали более сильными и частыми. Наибольшие выгоды извлек хитрый евнух: все управление Империей сосредоточилось в его руках¹. Он с большой ловкостью держал бразды правления государством, однако немилосердно увеличил налоговое бремя и в деле взимания налогов не знал снисхождения². Выскочка из низов, Иоанн Орфанотроф воплощал собой внесловный бюрократический централизм старого образца; его режим имел антиаристократическую направленность. Основное бремя при этом легло в первую очередь на военную знать Малой

¹ Cp. *Janin R.* Un ministre byzantin: Jean l'Orphanotrophe // EO 30 (1929). P. 431 sv.

² У Скилицы (*Scylitzes–Cedren.* II. P. 521) говорится, что виды налогов стали в то время столь многочисленны, что он стыдится перечислять их.

Азии, и поэтому столичная чиновная аристократия поначалу поддерживала режим Орфанотрофа. Пселл, типичнейший представитель гражданской партии, с удовлетворением подчеркивает, что правление Михаила IV ничего не изменило в существовавшем порядке вещей и не причинило никакого ущерба членам сената¹. Беспощадные методы управления, применявшиеся правительством Орфанотрофа, были тяжким испытанием для населения, тем более что тот никогда не упускал из виду собственную выгоду и содержал за государственный счет всю свою родню.

Безжалостная финансовая политика правительства довела славянское население Балканского полуострова до восстания, ибо вопреки разумным постановлениям Василия II с этих областей также стали требовать уплаты налогов в деньгах. Сверх того, константинопольское правительство поставило архиепископом Охридским вместо скончавшегося в 1037 г. славянина Иоанна грека Льва, хартофилака Святой Софии. Восстание приняло огромный размах. Петр Делян, выдававший себя за внука Самуила², в 1040 г. в Белграде был провозглашен царем. Вскоре после этого, к несчастью для повстанческого движения, к нему присоединился бежавший из Константинополя Алусиан, сын Иоанна Владислава. Огонь восстания распространился на большей части славянского Балканского полуострова, а также охватил области Северной Греции. Вследствие отсутствия единства в руководстве восстания это движение было подавлено уже в 1041 г., быстрее, чем можно было бы предположить, имея в виду его размах. Тем не менее оно оставило глубокую трещину в созданном Василием II здании.

После подавления восстания Петра Деляна Византия попыталась принудить к повиновению непокорного князя Зеты Стефана Воислава. Князь Зеты (так все чаще называли древнюю Диоклею) уже в 1035 г. восстал против византийского протектората³. Первая попытка восстания ему не удалась, однако после временного заклю-

¹ *Psellus*. I, 57.

² Согласно Златарскому (*Zlatarski*. Wer war Peter Deljan? // *Annales Academiae Scientiarum Fennicae* 27 (1932). S. 354 ff. и История. Т. 2. С. 41 сл.), он и в самом деле был внуком Самуила (сыном Гавриила Радомира от его брака с венгерской принцессой). Ср., впрочем: *Литаврин*. Болгария и Византия. С. 379 сл., где автор обоснованно занимает сдержанную позицию.

³ См.: *Jireček*. Geschichte. Bd. I. S. 231 ff.

чения он вновь смог начать борьбу за независимость, победоносно воюя против все новых экспедиционных сил, отправляемых Византией. Очередная карательная экспедиция в 1042 г. окончилась полной неудачей, несмотря на то что Византия призвала на борьбу с непокорным князем Зеты также вассальных князей Рашки, Боснии и Захлумии¹. Стефан Воислав одержал в горной области своей страны решительную победу над сильным отрядом стратига Диррахия. Тем самым была окончательно обеспечена независимость его княжества. Его власть простиралась теперь не только на соседнюю Тревунию, но и на Захлумию². Так Зета первой из славянских стран на Балканах избавилась от господства византийцев.

После подавления восстания Деляна Михаил IV вернулся с Балкан смертельно больным. Предвидя скорый конец государя, Иоанн принял необходимые меры для того, чтобы сохранить императорский венец за своей семьей. Племянник обоих властителей Михаил, по профессии своего отца носивший прозвище Калафат, был усыновлен императрицей Зоей и в качестве кандидата на престол получил титул кесаря. 10 декабря Михаил IV, изнемогший от усилившихся страданий, удалился в монастырь святых Анаргиров (Бессребреников), где и скончался в тот же день.

Михаил V Калафат положил скорый конец господству пафлагонского семейства. Иоанн Орфанотроф пал жертвой своего ставленника: за благодеяния Михаил отплатил своему дяде тем, что приказал отправить его в изгнание. В защиту евнуха, который навлек на себя всеобщую неприязнь, никто не пошевелил и пальцем. Но когда Калафат, ободренный этим, приказал заключить в монастырь императрицу Зою, это стоило ему царского венца. Против дерзкого выскочки объединились знать и Церковь, найдя опору в приверженности населения византийской столицы к старой династии: за время правления Македонского дома чувство легитимности настолько окрепло в византийском народе, что он хранил верность даже Зое и Феодоре. 20 апреля

¹ Šišić F. Ljetopis popa Dukljanina. Zagreb-Beograd, 1928. S. 346–347.

² Однозначно лишь после победы 1042 г., а не после возвращения Воислава из византийского плена, как это, по всей видимости, полагает Иречек (Geschichte. Bd. I. S. 231). См.: Историја народа Југославије. Т. 1. 1953. С. 239. То, что во время византийского наступления на Зету в 1042 г. Захлумия была подчинена не Воиславу, ясно следует из приведенного выше сообщения попа Дуκληнина.

1042 г. Калафат, поднявший руку на Порфирородную, был свергнут и ослеплен. Скипетр должны были совместно держать Зоя и Феодора, поскольку за Феодорой, которая по требованию Зои приняла монашеский постриг, с давних пор стояла сильная партия и особенную поддержку ей оказывала Церковь. Право женщин осуществлять императорскую власть от собственного имени более не подвергалось сомнению. Однако обе Порфирородные были настолько неспособны к правлению, настолько неустраима была их взаимная ненависть, что уже через несколько недель власть была передана мужчине. Поскольку Феодора не желала вступать в брак, то охочая до замужества Зоя в возрасте 64 лет в третий раз вышла замуж. 11 июня 1042 г. состоялось ее бракосочетание с благородным сенатором Константином Мономахом, и на следующий день он был венчан на царство.

Как и Роман Аргир, с которым он состоял в родстве через свой второй брак с представительницей семьи Склиров, Константин IX Мономах (1042–1055) был типичным представителем византийской чиновной аристократии. Так же, как и Роман, он был незначительным и слабовольным правителем. К жизни и обязанностям императора он относился легко и таким образом положил начало нездоровому обороту событий¹. Обе престарелые императрицы, с которыми он официально делил власть, не испытывали теперь никаких ограничений. Им было вновь позволено расточать государственные средства совместно с жизнелюбивым императором. Зоя, в свою очередь, с возрастом становилась снисходительнее: любовная связь, которую Константин IX совершенно открыто поддерживал с умной и красивой Склиреной, племянницей своей второй жены, возмущала народ, но не трогала императрицу. Украшенная вновь изобретенным титулом севасты, фаворитка императора наряду с обеими императрицами принимала участие во всех придворных празднествах. После смерти Склирены ее титул, а равно и ее функции перешли к прекрасной аланской принцессе.

Легкомысленная и изящная жизнь столицы, естественно, имела притягательность, которой не стоит недооценивать. На это время приходится очередной расцвет византийской интеллектуальной жизни, которая несколько угасла во время военного правления Василия II. Без сомнения, столичная чиновная аристократия, которая в то время задавала тон, была наиболее образованным слоем в Империи. Трон

¹ Нойманн (*Neumann. Weltstellung*. S. 64 ff.) пытается его реабилитировать.

оказывали люди, обладавшие полноценным и глубоким образованием, такие, как Константин Лихуд, который в качестве первого министра (μεσάζων) управлял государственными делами, крупный юрист Иоанн Ксифилин и прославленный философ Михаил Пселл. В силу его активности, весьма плодотворной на культурном поприще и вредоносной на политическом, а также в силу глубокой аморальности Пселл является наиболее примечательной фигурой этого времени¹. Благочестие было ему не вполне чуждо, и по крайней мере эстетически религия предков при его впечатлительности действовала на него временами весьма глубоко. В порыве разочарования и отчаяния, когда в конце царствования Константина IX окружение Лихуда временно лишило его влияния при дворе, он одновременно со своим другом Ксифилином даже принял монашеский постриг. Однако все его существо было обращено к сему миру, к светскому знанию, которое он впитывал со всей страстью, и к делам человеческой жизни, которую он наблюдал в высшей степени трезвым глазом аналитика и, будучи политиком, умел подчинить своей воле. Как оратор и писатель он не знал себе равных: в восприимчивом к искусству красноречия византийском мире его риторическое дарование было оружием прямо-таки непреодолимой силы. Как политик Пселл широко применял это оружие и даже злоупотреблял им в такой мере, что любая оценка здесь может показаться мягкой. Однако никакая оценка не будет слишком высокой, чтобы охарактеризовать интеллектуальную силу этого человека. Его знание распространялось на все области и в глазах современников выглядело чудом. Он был исполнен пылкой любви к античной

¹ О нем см.: *Безобразов П.В.* Михаил Пселл. М., 1890; *Zervos Chr.* Michel Psellos. Paris, 1920; *Rambaud A.* Michel Psellos // *Études sur l'histoire byzantine*. Paris, 1912. P. 111–171; *Diehl.* Figures. Vol. I. P. 291–317; *Neumann.* Weltstellung. S. 81–93 (наилучшее и самое талантливое из всего, что написано о Пселле); *Renauld E.* Etudes de la langue et du style de Michel Psellos. Paris, 1920; *Hussey J.* Michael Psellus, the Byzantine Historian // *Speculum* 10 (1935). P. 81–90 и *Church and Learning*. P. 73 sq.; *Tatakis B.* La philosophie byzantine. Paris, 1949. P. 161 sv.; *Dräseke J.* Aus dem Byzanz des XI. Jahrhunderts // *Neue Jahrbücher für das klassische Altertum*. 27 (1911). S. 561–576; *Вальденберг В.* Философские взгляды Михаила Пселла // *Византийский сборник*. М., 1945. С. 249–255; *Joannou P.* Christliche Metaphysik in Byzanz, I: Die Illuminationslehre des Michael Psellos und Joannes Italos. Ettal, 1956. Ср. тж. литературу в: *Moravcsik.* Byzantinoturcica. Bd. I². S. 439 ff. — О Ксифилине: *Μπώνης Κ.Γ.* Ἰωάννης ὁ Ξιφίλιος. Β., 1938. (Texte und Forschungen zur byzantinisch-neugriechischen Philologie; 24).

мудрости и поэзии. Хотя традиции античности в Византии никогда не умирали, однако Пселл находился с древнегреческой культурой в особых, более непосредственных и одновременно более глубоких отношениях. Изучения неоплатоников было для него недостаточно, он нашел путь к источнику, ознакомился с Платоном и преподавал его, а тем самым бесконечно плодотворно повлиял на современный ему и позднейший мир. Он был величайшим византийским философом и одновременно — первым великим гуманистом.

Из круга ученых императорских советников, к которому принадлежали Пселл, Ксифилин и Лихуд, а также учитель Пселла, знаменитый поэт и ученый Иоанн Мавропод, исходил импульс к оживлению высшей школы. В 1045 г. в Константинополе было основано философское и юридическое училище. Философские исследования были устроены по системе тривиума и квадривиума: предметы грамматики, риторики и диалектики составляли низшую ступень обучения, арифметика, геометрия, музыка и астрономия — высшую, тогда как философия считалась наивысшим синтезом всего знания. Руководство занятиями было в руках Пселла, который получил звучный титул «ипата философов». Руководителем юридической школы стал с титулом «номофилака» (законохранителя) Иоанн Ксифилин. Так возник новый центр греческой образованности и изучения римского права, сохранение которого принадлежит к числу величайших с исторической точки зрения достижений Византии. Одновременно вновь основанная высшая школа удовлетворяла важную практическую потребность, служа образовательным центром для будущих судей и чиновников¹.

В два предшествующих столетия, во время расцвета императорского абсолютизма, сенат (синклит) играл лишь декоративную роль.

¹ См.: *Fuchs*. Höhere Schulen. S. 24 ff.; *Zervos*. Michel Psellos. 1920. S. 76 ff.; *Hussey*. Church and Learning. P. 51 sq. Ср. тж.: *Hussey J.M.* The Byzantine Empire in the Eleventh Century: Some Different Interpretations // Transactions of the Royal Historical Society 32 (1950). P. 71–85, где автор в противоположность моему восприятию развития Византийской империи в XI в. выступает за более благоприятную оценку этой эпохи; при этом она сосредотачивает свое внимание на достижениях в области интеллектуальной и религиозной жизни. Я не склонен недооценивать значение этих достижений, однако могу обозначить их здесь лишь в самой краткой форме и только с точки зрения их влияния на развитие государства. Для развития государства, которое является предметом этой книги, XI в. представляет собой роковое поворотное время, с которого начинается закат Византии.

Однако с тех пор, как высшие чиновники столицы, носители сенаторского титула, стали составлять господствующую прослойку, титул сенатора перестал быть просто почетным обозначением. Чем более глубокие корни пускал режим господства столичного чиновничества, тем более многочисленными становились носители сенаторского титула. Доступ в сенаторское сословие был теперь открыт и для более широких слоев столичного населения. Тем самым расширился базис правящего режима, поскольку в сохранении власти сената были теперь заинтересованы и новые элементы.

Преобладание столичной чиновной знати, тем не менее, несколько не означало укрепления центральной власти перед лицом феодальных магнатов. В то время как мелкое земельное владение все больше приходит в упадок, крупное земельное владение растет и укрепляется¹. Кроме того, крупные землевладельцы получают все большие привилегии. Льготой, которой главным образом добивались землевладельцы, было освобождение от налогов — иммунитет или, как его называли в Византии, *экскуссия*. В XI в. центральная власть все больше считается с желаниями феодалов и с большой щедростью раздает эту привилегию. Светские и церковные землевладельцы освобождаются от некоторых, а наиболее могущественные и влиятельные — даже от всех налогов и тем самым пользуются полным иммунитетом. Как следствие налоговые сборы и прочие подати зависимого населения идут уже не государственной казне, а землевладельцам. Наряду с фискальным в это время уже появляется и судебный иммунитет: землевладельцы сами судят зависимых от них крестьян. Так они все более выходят из сферы государственного суверенитета. Земельные владения, которые имеют теперь полный фискальный и судебный иммунитет, выпадают из системы управления и контроля

¹ Насколько изменилась социальная структура византийской деревни, показывает опубликованный недавно фиванский земельный кадастр второй половины XI в.: *Svoronos N. Recherches sur le cadastre byzantin et la fiscalité aux XIe et XIIe siècles: le cadastre de Thèbes*. Paris, 1959. В то время как, согласно трактату Эшбёрнера, византийская деревня представляла собой крестьянскую общину, в фиванском земельном кадастре мы имеем уже деревню, проникнутую феодальными отношениями, и именно в этом заключается чрезвычайное значение этого нового источника. Ср. мои рассуждения: *Византијска сеоска обштина* // Глас Српске Акад. наука и уметности 210 (1961). С. 141–160; французский перевод этой статьи: *Ostrogorskiј G. La commune rurale byzantine: Loi agraire, traité fiscal, cadastre de Thèbes* // *Byz* 32 (1962). P. 139–166.

центральной власти, а императорским чиновникам теперь даже запрещается вступать на территорию крупных землевладельцев¹.

С какой бы готовностью на первый взгляд центральное правительство ни шло навстречу требованиям крупной землевладельческой аристократии, тем не менее имелся один пункт, который представлял собой предел его щедрости, ибо так же, как и прежде, оно стремится ограничить рост числа крестьян в крупных имениях. Императорские документы, дарующие привилегии, определяют число париков, которые могут быть приняты в одном имении, и всегда подчеркивают, что эти парики не должны набираться среди государственных крестьян и стратиотов. Впрочем, когда речь заходила о влиятельных землевладельцах, правительство не могло избежать того, чтобы увеличить однажды утвержденное число париков посредством дарования новых привилегий. Тем не менее оно не выпускало контроля из своих рук. Если драматическая фаза борьбы между центральной властью и феодальными магнатами прекратилась, то спор о париках подспудно продолжался еще долгое время. Это еще раз показывает, что нахождение новых крестьян было более важной проблемой, чем приобретение земельных владений².

Упорство, которое центральная власть проявляет в этом предмете, является тем более бросающимся в глаза, что по всем остальным вопросам она идет на уступки. Новую брешь проделывает в порядке государственного управления возникновение системы прѳонии. В качестве платы за определенные услуги византийским вельможам даются «в опеку» (*εις πρόνοίαν*) земли с предоставлением им всех доходов с них. От обычного земельного дарения предоставление

¹ Вплоть до недавнего времени наука располагала только двумя специальными исследованиями по истории византийского иммунитета: *Яковенко П.А.* К истории иммунитета в Византии. Юрьев, 1908 и *Успенский Ф.И.* Экскуссия-иммунитет в Византийской империи // ВВ 23 (1917–1922). С. 74–117. Больше внимание было уделено этой проблеме лишь в последние годы, см.: *Горянов Б.Т.* Поздневизантийский иммунитет // ВВ 11 (1956). С. 177–199; 12 (1957). С. 97–116. *Острогорский Г.А.* К истории иммунитета в Византии // ВВ 13 (1958). С. 55–106 (фр. перевод: Pour l'histoire de l'immunité à Byzance // Byz 28 (1958). Р. 165–254), *Фрейденберг М.М.* Экскуссия в Византии XI–XII вв. // Ученые записки Великолукского государственного педагогического института 3 (1958). С. 339–365. *Каждан А.П.* Экскуссия и экскуссаты в Византии X–XII вв. // Византийские очерки. М., 1961. С. 186 и Город и деревня. С. 178 сл.

² См.: *Ostrogorsky.* Paysannerie. Р. 25 sv.

пронии отличается тем, что она — по крайней мере первоначально — дается на определенный срок (обычно на срок жизни прониара) и, соответственно, не может ни отчуждаться, ни передаваться по наследству. В истории Византии системе пронии, которая впервые упоминается в источниках в середине XI в., было уготовано большое будущее¹.

Для всемогущества и вездесущия императорского бюрократического аппарата возникают все новые препятствия. Даже взимание налогов центральное правительство частично выпускает из рук, отдавая подати в определенных местностях на откуп². Тем самым оно обеспечивает более или менее надежные доходы казне, поскольку откупщики обязуются вносить определенную сумму, а в остальном действуют в откупленных областях по собственному произволу и прежде всего к собственной выгоде стремятся получить большие доходы. Всё это означает, что владельцы привилегированных имений, прониары и откупщики налогов начинают содержать собственный штат управленцев, который строится по образцу государственного административного аппарата и существует наряду с ним. Далее, для народа это означает увеличение бремени налогов, лишь часть из которых достается государству.

Наглядным и роковым способом финансовое расстройство государства отразилось в порче монеты. При чеканке монет государство оказалось вынужденным примешивать в золото некоторое количество менее ценного металла. Так начинается обесценивание номисмы, которая на протяжении столетий была почти не подвержена

¹ Первым прониаром, известным в истории, был Константин Лихуд. См.: *Scylitzes—Cedren.* II. P. 645 и *Zonaras.* III. P. 670: *ὁ πρῶτος ὁ Μονομάχος καὶ τὴν τῶν Μαγυράνων ἀνέθετο πρόνοιαν καὶ τὰ περὶ τῆς ἐλευθερίας αὐτῶν ἐνεπίστευσεν ἑγγράφα.* То, что права центрального правительства в результате введения системы пронии претерпели заметные ограничения, показывает то обстоятельство, что позднее император Исаак Комнин не останавливался ни перед какими средствами, чтобы отобрать у Лихуда данное ему в пронию имение. Уже в 70-е годы имения отдаются в пронию в большом количестве; см.: *Attaleiates.* P. 200. Ср.: *Ostrogorsky.* *Féodalité.* P. 20 sv.

² То, что система откупа налогов возникла и широко распространилась уже при эпигонах Македонской династии, можно с надежностью заключить из слов Кекавмена (р. 39–40 в издании Васильевского и Эрнштедта). Ср.: *Ostrogorsky.* *Steuergemeinde.* P. 66 ff.

колебаниям курса¹. Византийская валюта теряет свою уникальную устойчивость и высокий авторитет, которым она до тех пор обладала в мире.

Но главным признаком данной эпохи был упадок византийского войска. Для того, чтобы держать под контролем влияние военной знати, правительство гражданской партии систематически сокращает армию и в поисках новых доходов превращает крестьян-стратиотов в налогоплательщиков. Мало того, что значительная часть стратиотских имений пала жертвой феодализации, но и оставшимся стратиотам предоставлялась возможность в обмен на внесение определенной суммы откупиться от воинской обязанности². Фемное войско прекращает свое существование, а само слово «фема» выходит в XI в. из употребления как обозначение отрядов провинциального стратиотского войска³. Одновременно стратиг фемы утрачивает свою власть наместника провинции, в то время как фемный судья (κρίτης или πραιτωρ) приобретает все большее значение и начинает преобладать в провинциальном управлении⁴. Ослабление фемной организации означает ни больше ни меньше, как разрушение государственного строя, который в предшествовавшие столетия делал Византию великой державой.

Нарастающая деградация национальных вооруженных сил вновь заставила выйти на первый план наемное войско. Это было возвратом ко временам до Ираклия; как тогда готы, так теперь норманны представляли в византийском войске наиболее ценный элемент. Под знаменами Георгия Маниака в Сицилии сражалась великолепная варяго-русская дружина и скандинавский герой Харальд, прославленный в сагах. Варяги теперь составляли императорскую лейб-гвардию, однако с 70-х гг. они рекрутировались уже не на Руси, как это было при Василии II, а преимущественно в Англии, так что варяго-русскую

¹ Как доказал Грирсон (*Grierson P. The Debasement of the Byzant in the Eleventh Century // BZ 47 (1954). P. 379–394*), порча византийской номисмы начинается не при Никифоре III Вотаниате, как предполагалось ранее, а уже при Константине IX Мономахе.

² *Scylitzes–Cedren. II. P. 608. Ср.: Neumann. Weltstellung. S. 69.*

³ *Glykatzi-Ahrweiler. Recherches. P. 23–24.*

⁴ См.: *Stadtmüller G. Landesverteidigung und Siedlungspolitik im oströmischen Reich // Bulletin de l'Inst. Archéol. Bulgare 9 (1935). P. 396–399* и особ. *Glykatzi-Ahrweiler. Recherches. P. 67 sv.*

дружину сменила варяго-английская¹. Соответственно, норманнская гвардия начала замещать старые византийские гвардейские полки, которые мало-помалу совершенно исчезли².

Военные деяния Георгия Маниака на Сицилии были последним кратким проблеском на повсеместно тускнеющем византийском горизонте. Во исполнение завета Василия II Георгий Маниак, последний представитель славной эпохи завоеваний Македонской династии, поставил себе целью отвоевание Сицилии. Ослабление сицилийских арабов сулило успех предприятию: быстрым победоносным походом Георгий Маниак отнял у мусульман восточную часть Сицилии с Мессиной и Сиракузами. Но все победы оказались тщетными из-за ревности властей предрежащих в Константинополе. В решающий момент Константин IX отстранил победоносного военачальника от командования. Маниак принял вызов: войска провозгласили его императором, после чего он переправился в Диррахий и двинулся на Фессалонику. Его победа, а тем самым и резкая перемена политического курса, казалась неминуемой. Однако во время одного из сражений, которое он уже практически выиграл, Маниак пал, насмерть пораженный стрелой (1043).

Несколькими годами позже дело дошло еще до одной попытки узурпации, которая приобрела особое звучание в силу того, что исходила из «Македонии», т.е. северо-западной Фракии. К недовольству войска враждебным армии чиновничьим режимом присоединилось противостояние провинции константинопольскому централизму. Во главе восставших встал предводитель «македонской партии» Лев Торник, который хотя и был армянского происхождения, однако жил в Адрианополе и был прочно связан с этой местностью³.

¹ См. *Васильевский В.Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе в XI и XII в. // Труды. Т. I. С. 176 сл.; *Vasiliev A.* The Opening Stages of the Anglo-Saxon Immigration to Byzantium in the Eleventh Century // *Annales de l'Inst. Kondakov* 9 (1937). P. 39–70. Ср. важные дополняющие замечания Дёльгера в: *BZ* 38 (1938). S. 235–236.

² Наиболее значительный византийский гвардейский полк схолариев в последний раз встречается под 1068 г.: ср.: *Attaleiates*. P. 112; *Scylitzes–Cedren*. II. P. 674. См. об этом важные замечания в: *Stein*. Untersuchungen. S. 47 ff. Сформированные в XI в. новые тагмы вскоре исчезли. Ср.: *Glykatzis-Ahrweiler*. Recherches. P. 28–29.

³ *Psellus*. II, 14 говорит, что он «Μακεδονικὴν ἐρυγάνων μεγαλαυχίαν» и «ἡ Μακεδονικὴ μερίς καθάπαξ αὐτῷ προσετέθη».

Восстание Торника приняло еще более угрожающие размеры, чем восстание Маниака: Константинополь подвергся осаде, и правительство Константина IX было спасено лишь нерешительностью узурпатора, который упустил удобный момент для взятия города.

Систематическое сокращение армии, которое практиковали константинопольские власти, отчасти можно объяснить тем, что после великих побед предшествующего времени внешнеполитическое положение казалось надежным. Успешные кампании на Востоке и на Сицилии подтверждали превосходство Византийской империи над арабами. В Армении Константин IX смог увенчать политику Василия II присоединением к Империи Анийского царства.

Между тем счастливый мирный период приближался к концу. Если силы прежних врагов Империи были подорваны, то вскоре на византийских границах объявились новые воинственные народы. Иными стали главные факторы византийской внешней политики. На Востоке турки-сельджуки заняли место арабов, на Западе объявились норманны, на Севере вместо болгар и русских — печенеги, узы и куманы. Русские в последний раз совершили нападение на Византию в 1043 г.: с продвижением степных народов и перемещением центра русской державы на северо-восток Русь надолго исчезает как непосредственный фактор византийской политики. В 1048 г. Дунай перешли печенеги, и это событие имело для Империи исключительно тяжелые последствия¹. На важное значение печенегов указывает уже Константин Багрянородный в своем внешнеполитическом трактате.² Византия использовала их как союзников на Севере. Сотрудничество с воинственным кочевым народом, который в нужное время мог ударить в тыл болгарам и венграм, а русским перекрыть путь на юг, было главной максимой византийской политики в X в. Однако после покорения Болгарии положение коренным образом изменилось: более не существовало преграды, которая отделяла бы Византию от кочевников; грабительские походы печенегов теперь были направлены не против врагов Византии, а против нее самой. Отбивать прорывавшиеся через Дунай ватаги кочевников Визан-

¹ Как показал А.П. Каждан (ЗРВИ 8/1 (1963). С. 177–184) на основании речи Иоанна Мавропода, первое вторжение печенегов на Балканы относится уж к 1047 или 1046 г.

² De administrando imperio / Ed. Moravcsik–Jenkins. Cap. 1–8 (особ. cap. 4).

тия была не в состоянии. Их поселяли на имперских землях и, превращая нужду во благо, привлекали к охране границы и военной службе. Но вскоре византийское правительство было вынуждено начать борьбу с новыми подданными, которые своими грабежами сделали небезопасной всю придунайскую область. Однако, потерпев несколько поражений, оно было вынуждено купить призрачный мир посредством даров, наделения новой землей и предоставления придворных титулов вождям печенегов¹.

На последний год слабого правления Константина IX приходится событие всемирно-исторического значения: разделение Церквей. После событий предшествующего столетия окончательное разделение Константинополя и Рима было вопросом времени. Слишком далеко разошлись пути развития Востока и Запада, слишком глубоко зашло отчуждение двух мировых центров, и накопившиеся в самых разных сферах жизни противоречия уже не могла надежно исправить фикция духовной и религиозной общности. Для сохранения церковного универсализма в идущем уже много столетий разными политическими и культурными путями христианском мире отсутствовали какие бы то ни было условия. Не византийский «цезарепапизм», как это часто полагали, виновен в разрыве. Совсем наоборот, в Византии самая сильная воля к церковному единству была у императорской власти. Чтобы спасти византийский государственный универсализм, чтобы сохранить притязания на Италию, византийские императоры (стоит вспомнить политику Василия I и его преемников) поддерживали римский церковный универсализм в ущерб своей собственной Церкви. Но так же, как государственное сомоутверждение Запада подрывало византийский государственный универсализм, так приобретение славянского мира Церковью Константинополя уводило почву из-под ног римского церковного универсализма на Востоке. За церковным присоединением южных славян последовало присоединение к Константинопольскому Патриархату Руси, и, естественно, не случайно, что вскоре после этого в Византии наступило усиление антиримских

¹ См. до сих пор остающуюся основополагающую работу: *Васильевский*. Печенеги. С. 1 сл. См. также: *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. 1903. S. 63 ff.; *Расовский Д.* Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // SK 6 (1933). С. 1–66 — и обширную литературу в: *Moravcsik.* Byzantinoturcica. Bd. I². S. 89 ff. См. также примечание Моравчика в: *Constantine Porphyrogenitus.* De Administrando Imperio. Commentary. London, 1962. P. 12 sq.

настроений. Опираясь на мощный славянский «хинтерланд», византийская Церковь уже могла не склоняться перед римской супрематией. От традиционной симпатии к Риму, присущей Македонскому дому, отошел уже Василий II: при патриархе Сергии (999–1019) имя папы исчезает из диптихов¹. Компромисс, на который в 1024 г. согласилось слабое папство, предусматривал мирное разграничение: Церковь Константинополя должна была признаваться «вселенской в своей области»². Но это компромиссное решение выбивало почву из-под ног у новых настроений, которые исходили от клюнийского реформаторского движения. Дело в конце концов дошло до предначертанного историей разграничения сфер, однако оно совершилось путем насильственного разрыва.

Предпосылкой для него был расклад сил, при котором сильному, чуждому всяческого компромисса папству противостояло столь же сильное, проникнутое сознанием своей самодержавности патриаршество, соседствующее с властью слабого императора, который уже не мог противостоять ходу событий. Такое положение сложилось к середине XI в., когда Лев IX, истый представитель клюнийского движения, занял престол св. Петра, а константинопольскую кафедру занимал Михаил Кируларий, самый честолюбивый первоиерарх в византийской истории, в то время как императорская власть находилась в слабых руках Константина IX Мономаха.

Михаил Кируларий прожил деятельную, полную превратностей жизнь. Как инициатор заговора византийской аристократии против Михаила IV Пафлагонянина, он провел несколько лет в ссылке. После свержения пафлагонского дома он вернулся в Константинополь,

¹ Заслуга особо указать на значение этого обстоятельства принадлежит Михелю (*Michel. Kerullarios. Bd. I. S. 20 ff. и Bd. II. 22 ff.*). Впрочем, он заходит слишком далеко, утверждая о разделении Церквей уже в это время. В этом отношении справедливы оговорки, сделанные относительно его изложения; см. особ.: *Laurent V. в EO 35 (1935). P. 97 sv.* Тем не менее верным остается то, что церковный раскол 1054 г. всего лишь подвел итог предшествующим событиям. О предыстории схизмы см. тж.: *Grumel V. Les préliminaires du schisme de Michel Cérulaire ou la Question Romaine avant 1054 // REB 10 (1952). P. 5–23.*

² *Glaber R. IV, 1: MGH. SS VII, 66. Ср.: Bréhier. Le schisme oriental du XIe siècle. Paris, 1899. P. 8 sv.; CMH. Vol. IV. 1923. P. 262; Grumel. Reg. 828.* Выдвинутые относительно достоверности этого сведения сомнения (ср.: *Michel. Kerullarios. Bd. I. S. 37 ff. и особ. HJb 70 (1951). S. 53 ff.*) лишены достаточного основания.

однако теперь ему оставалась открытой только церковная карьера, поскольку в ссылке он принял монашеский постриг. В 1043 г. он вступил на патриарший престол, и здесь его беспокойный бойцовский дух обрел новое поприще. Осознанием величия своего сана он был преисполнен ничуть не менее, чем его римский соперник, и это осознание увязывалось в нем с волей к власти, которая, не останавливаясь, сокрушала все препятствия. Приближенным папы был предводитель непримиримого антивизантийского направления в Риме кардинал Гумберт. В лице Михаила Кирулария и кардинала Гумберта столкнулись два безоглядных и необузданных человека, напрямую шедших к своей цели и готовых сорвать покров с подспудно копившихся столетиями противоречий и поставить мир перед выбором: или — или. Борьба разгорелась вопреки воле императора и без оглядки на политические требования момента. Она началась в Южной Италии, где с давних пор сталкивались притязания обоих церковных центров и где в это время после вторжения норманнов особую важность приобрело политическое сотрудничество Константинополя и Рима. Когда же затем спор перекинулся на догматические и литургические вопросы, дело дошло до опасных пунктов, которые в принципе исключали соглашение: западного учения о двойном исхождении Св. Духа, римского поста в субботу, запрета женатого священства, использования квасного хлеба при евхаристии в Константинопольской и опресноков — в Римской Церкви. Показательным образом этот последний пункт оспаривался тогда особенно жарко: не неизмеримо более важное и куда более сложное догматическое расхождение, но общепонятное литургическое разногласие Кируларий по тактическим соображениям выдвинул на первое место. За константинопольским патриархом стояли также православные Церкви Востока и славянских земель. Умеренный патриарх Петр Антиохийский дал Кируларию в конце концов увлечь себя; Лев, греческий архиепископ Охридский, был одним из первых полемистов в борьбе против Рима.

К драматическому завершению спора привело прибытие римского посольства во главе с кардиналом Гумбертом. Ободренные позицией императора, который выказал готовность принести своего патриарха в жертву ради дружбы с Римом, папские легаты 16 июля 1054 г. возложили на алтарь Св. Софии буллу с анафемой Кируларию и наиболее видным его единомышленникам. Между тем патриарх,

с опорой на симпатии Церкви и народа, сумел переубедить колеблющегося императора и навязать ему свою волю. С его согласия он созвал собор, который, давая симметричный ответ, произнес проклятие римским легатам. Последствия этих событий лишь позднее стали понятны человечеству. Современники не уделили им никакого особого интереса — обстоятельство, которое проливает своеобразный свет на римско-византийские отношения прошедшего времени. К недоразумениям между двумя церковными центрами все давно уже привыкли: кто мог тогда предположить, что размолвка 1054 г. имела иное значение, чем все предыдущие конфликты, и что это было решающим разрывом, который уже не суждено было уврачевать?¹

Константин IX Мономах скончался 11 января 1055 г. После этого Феодора еще раз от своего имени вступила в права императрицы. Она была единственной живущей представительницей Македонского дома, и с ее смертью (начало сентября 1056 г.) славная династия угасла. Примечательна была судьба этой величайшей византийской императорской династии. Сколь трудно ей было утвердиться в начале, столь же упорно она цеплялась за жизнь в конце, ведя на протяжении тридцати лет странное призрачное существование. И сколь великими были некогда ее славные деяния, столь же бесславным был ее закат.

Своим преемником умирающая императрица назначила человека, которого желала господствующая партия: пожилого чиновника, который «был мало способен править, но скорее — быть руководимым и направляемым»². Это был Михаил VI, который, по-видимому, занимал должность стратиотского логофета (λογοθέτης στρατιωτικῆς), т.к. его называли либо Старым, либо Стратиотиком. Его восшествие на престол было истинным триумфом гражданской партии. Повышениям чиновников по службе не было конца, а сенаторы были

¹ То, что этот разрыв в противоположность прошлым конфликтам уже не удалось исправить, а частые попытки объединения не достигали своей цели, обеспечивает за событиями 1054 г. особое место в истории отношений между Константинополем и Римом. Это следует подчеркнуть вопреки во многом подкупающим рассуждениям Рансимана (*Runciman St. The Eastern Schism. Oxford, 1955*), связывающего окончательное разделение лишь с событиями крестовых походов. Переговоры об унии, длинная череда которых начинается со второй половины XI в., уже сами по себе доказывают, что разрыв существовал.

² *Psellus*. II, 82.

особенно осыпавшись почестями и подарками. Депутацию стратиггов, предводительствуемую Исааком Комнином и Катакалоном Кекавменом, император, напротив, грубо отклонил. Тем самым он лишь обострил противоречия. Разгневанное военное командование восстало против властителей Константинополя. Где-то в Пафлагонии Исаак Комнин был провозглашен императором (8 июня 1057 г.). Сторонники стекались к нему со всех частей Малой Азии, и вскоре он со своей армией уже стоял в Никее. Высланное против него императорское войско потерпело поражение. Михаил VI был вынужден начать переговоры с узурпатором и предложил ему через посольство в составе Константина Лихуда, Льва Алопа и Михаила Пселла титул кесаря и наследника престола. Такие уступки лишь ободрили его противника и раздосадовали его сторонников. Теперь уже и в Константинополе восстала оппозиционная партия, которая протянула руку Исааку Комнину. Решающим, однако, оказалось вмешательство третьей силы, которая наряду с двумя конкурирующими партиями знати также представляла из себя важный фактор: это была Церковь. Могущественный патриарх Михаил Кируларий встал во главе оппозиции, Св. София превратилась в центр антиправительственной агитации¹. Именно сюда направил свои стопы Михаил VI после вынужденного отречения, чтобы стать монахом. 1 сентября 1057 г. Исаак Комнин вступил в Константинополь и получил из рук патриарха императорский венец.

От одного царствования к другому на протяжении последних десятилетий возрастало могущество чиновной аристократии. С восшествием на престол Исаака Комнина процесс пошел в обратную сторону. Как бы ни было кратким царствование этого первого представителя дома Комнинов, тем не менее оно укрепило Империю в военном отношении. Границы на Востоке были с успехом защищены, было отражено вторжение венгров, а печенеги, против которых оказались бессильны предшественники Исаака, также были поставлены на место. Ставленник малоазийской служилой знати, Исаак стремился

¹ Вопреки Скаблановичу (Византийское государство. С. 77 сл. и 384) руководящая роль Кирулария ясно выступает в изложении Атталиата (р. 56), Скилицы (II. P. 635 sq.) и Пселла (II, 89 и 106). Пселл открыто утверждает, что неспособность императора достичь договоренности с патриархом определила его свержение и что бунтовщики в Константинополе сделали патриарха *κορυφαῖον τοῦ ὁρόυ*.

установить прочное военное правление. На монетах он приказал изображать себя с обнаженным мечом¹. Сенаторам он по вступлении на престол оказал более чем холодный прием — такой же, какой его предшественник оказал предводительствуемой им депутации военачальников. Однако неумеренность, которой противная партия предавалась при Михаиле VI, была ему чужда. Прежние посредники между ним и Михаилом VI, которые, верно оценив ситуацию, своевременно сменили партийную принадлежность, достигли новых почестей. Пселл был отмечен высоким титулом проэдра, Лихуд, как и прежде при Константине IX, встал во главе государственного управления, а позднее вступил на патриарший престол. Большой радикализм Исаак проявил при ликвидации конкретных недочетов прежней системы управления. Огромные богатства, которые оставил в казне Василий II, были растрочены, фонд коронных земель практически сошел на нет из-за неумеренных дарений. Исаак прибег к опасной практике конфискации имений, причем распространил их даже на владения Церкви. Следствием был острый конфликт с могущественным патриархом.

Укрепление византийской Церкви в XI в. нашло свое воплощение в фигуре Михаила Кирулария. С обособлением от Рима программа патриарха была выполнена лишь отчасти. Не менее важным было новое урегулирование церковно-государственных отношений в Константинополе. Исааку патриарх помог взойти на престол. За это он ожидал ответных услуг, и таковые не заставили себя ждать. Заведывание собором Св. Софии, которое ранее было привилегией государя, было передано патриарху, и император, по-видимому, даже обязался отказаться от какого бы то ни было вмешательства в дела церковной жизни. Правление государством должно было быть обязанностью императора, а управление Церковью — обязанностью исключительно патриарха: по византийским понятиям это было серьезным усилением церковного могущества. Это первоначальное равновесие в разграничении сфер власти было нарушено с обеих сторон: император приступил к конфискации церковных имений, а патриарх носился с соблазнительной мыслью возвысить духовную власть над светской. Свои большие притязания Кируларий приме-

¹ *Scylitzes—Cedren.* II. P. 641; *Zonaras.* III. P. 666 (ср. тж.: *Attaleiates.* P. 60); *Wroth.* *Byzantine Coins.* Vol. II. P. 512, pl. LX, 12.

чательным образом обосновывал ссылкой на «Константинов дар», который здесь впервые оказал решающее воздействие на развитие событий в Византии. По-видимому, патриарх надел пурпурную императорскую обувь и пригрозил императору низложением¹.

Но император, так же, как и патриарх, был преисполнен самоуверенности и осознания возвышенности своего статуса. Разгорелась борьба, которая в конце концов принесла крушение обеим сторонам. Превосходство силовых средств поначалу принесло преимущество императору. Однако популярность патриарха была настолько велика, что на акт насилия по отношению к нему в Константинополе никто не отваживался. Лишь когда он покинул столицу, чтобы посетить монастырь за ее пределами, он был схвачен императорской стражей и увезен в ссылку (8 ноября 1058 г.). Но, поскольку его ничем нельзя было подвигнуть к отречению от своих прав, пришлось созывать Собор, чтобы тот провозгласил его низложение. Этот Собор император также не решился проводить в Константинополе, а перенес в один из провинциальных городов. Текст обвинения составил Пселл, который нисколько не постыдился обвинить своего прежнего друга в самых невероятных заблуждениях и пороках — что в свою очередь не помешало ему вскоре после этого воспеть его в эпитафии как прославленного поборника Православия и воплощение всех добродетелей, ибо Михаил Кируларий умер во время заседаний Собора. Патриархом был избран Константин Лихуд, а Пселл занял должность первого министра.

Император, казалось, победил. Между тем уже вскоре выяснилось, что покойный патриарх был для него куда более опасен как мученик, чем как живой противник. Длительное возбуждение народа, явившееся результатом устранения архипастыря, достигло после его смерти наивысшей точки. К оппозиции чиновной аристократии присоединились враждебность Церкви и недовольство народа. Трудностей становилось все больше, и в конце концов их количество стало для императора чрезмерным. Так же, как за два года до того союз Церкви с военной знатью привел к свержению Михаила VI, так теперь ее союз с оппозиционной чиновной знатью стал причиной падения Исаака Комнина. Пораженный болезнью, он в постигшем

¹ *Scylitzes—Cedren.* II. P. 643; *Zonaras.* III. P. 668. Ср. тж. Феодора Вальсамона в: *Ράλλης—Ποτλῆς. Σύνταγμα.* Т. I. Σ. 147.

его упадке духа по настоятельному совету Пселла в декабре 1059 г. снял с себя императорскую порфиру, постригся в монахи и удалился в Студийский монастырь.

2. Крах внутренней и внешней политики

Общая литература: *Скабаланович*. Византийское государство; *Neumann. Weltstellung*; *Jorga. Geschichte*. Bd. I; *Loewe H.M. The Seljuqs* // Cambridge Medieval History. Vol. IV. 1923. P. 299–317; *Witteck P. Deux chapitres de l'histoire des Turcs de Roum* // Byz 11 (1936). P. 285–319; *Cahen C. La première pénétration turque en Asie Mineure* // Byz 18 (1948). P. 5–67; *Гордлевский В.* Государство Сельджукидов в Малой Азии. М.; Л., 1941; *Gay. Italie*; *Chalandon F. Domination normande*. Vol. I; *Leib B. Rome, Kiev et Byzance à la fin du XIe siècle*. Paris, 1924.

Союз Церкви с гражданской партией, который выбил почву из-под ног Комнинов, доставил императорский венец Константину X Дуке (1059–1067). Близкий друг Пселла и патриарха Константина Лихуда, Константин Дука был женат на Евдокии Макремволитиссе, племяннице Михаила Кирулария. Как отречение Исаака Комнина, так и возвышение Константина Дуки было делом рук Пселла, который собственноручно в присутствии знатнейших представителей сенатской партии обул нового императора в пурпурную обувь. Пселл достиг своей цели: как первый советник императора и воспитатель его сына и наследника, он держал в своих руках все нити государственной политики. Император был исполнен восхищения блистательным философом и красноречивым ритором. «Он любил меня, — таковы подлинные высказывания Пселла, — сверх всякой меры. Он зависел от моих уст и моего разума. Если он не видел меня по несколько раз в день, то жаловался и бывал сердит... Он наслаждался мною, словно нектаром»¹.

Как Комнины представляли аристократию, так Дуки в это время представляли столичную гражданскую знать. Военная реакция при Исааке оказалась интерлюдией. Гражданская партия смогла не только вернуть себе прежнее положение, но и еще более укрепить его. Как

¹ *Psellus*. II. P. 135, 150.

уже во времена Константина IX, она стремилась упрочить свои позиции, открыв доступ в сенаторское сословие широким слоям граждан Константинополя. По словам современника, сенаторы тогда исчислялись мириадами¹. Управленческий аппарат все более утрачивал свой строго бюрократический характер. Константин Дука стал широко прибегать к откупам налогов и, кроме того, ввел в центральном финансовом управлении продажу должностей, так что можно было купить не только функции налогового сборщика, но и должности, связанные с финансовым контролем². Армия оказалась в полном небрежении, и ее состав уменьшился столь сильно, что это, хотя и в более позднее время, казалось чрезмерным даже Пселлу. После возвышения Исаака Комнина страх перед военными оказался еще сильнее. Сверх того, потребность в деньгах привела к мысли путем экономии на армии компенсировать недостаток налоговых поступлений и повышенные расходы на другие нужды: выросли траты на чиновничий аппарат, который все больше разбухал и, как правящая прослойка, выдвигал все большие притязания. Выросли расходы на содержание двора, который утопал в роскоши, в то время как государство беднело и приходило в упадок. Множились даяния на Церковь, благоволением которой нельзя было пренебрегать, а также подарки иностранным вождям, которых таким образом стремились умиротворить. Так политические цели господствующего слоя соединились с финансовыми трудностями, чтобы окончательно уничтожить вооруженные силы. Дела обстояли так же, как и во времена эпигонов Македонской династии, однако внешнеполитическое положение с тех времен значительно ухудшилось. Меры Дуки по ослаблению армии пришлось на период крупнейших внешнеполитических угроз и потому были вдвойне роковыми.

В Италии в это время все больших успехов достигали норманны, во главе которых с 1059 г. стоял Роберт Гвискар. Венгры совершили крупное вторжение и заняли важную дунайскую крепость Белград (1064). К печенегам присоединились родственные им узы, став новым грозным бедствием. Так же, как некогда печенеги под давлением узов, так теперь и узы под давлением идущих вслед за ними куманов (половцев) ушли с южнорусской равнины и осенью 1064 г. в огромном

¹ *Attaleiates*. P. 275.

² *Zonaras*. III. P. 676–677.

числе вторглись на Балканский полуостров¹. Болгарские земли, Македония, Фракия и даже Греция были опустошены их дикими ордами. Их грабительские походы были настолько ужасны, что, как сообщает современник, «все жители Европы думали о переселении»². Однако Империю избавила от узов опустошительная эпидемия: они вымерли в огромном количестве, частью отошли за Дунай, а оставшиеся были поселены на имперской территории и поступили на службу к императору.

Более тяжким по своим последствиям, чем натиск тюркских народностей с Севера, стало для истории Империи наступление тюрок-сельджуков на Востоке. Остатки арабской власти в Азии были сметены сельджуками с быстротой, которая затмила собой блеск прежних византийских завоеваний. Тюрки подчинили персидские земли, прошли через Месопотамию и овладели городом халифов — Багдадом. Халифат, у которого оставалось лишь религиозное главенство, оказался под протекторатом могущественного военного султана, который с тех пор политически господствовал над мусульманским миром в Азии. Вскоре вся Передняя Азия вплоть до границ Византийской империи и египетского халифата Фатимидов попала под власть сельджуков, которые теперь обратились против Византии. Как завоевание Болгарии разрушило заслон между Империей и северными кочевыми народами, так же и аннексия Армении при Константине IX предоставила сельджукам плацдарм для нападения. Внутренняя слабость Империи и упадок ее вооруженных сил вскоре открыли им путь вглубь византийских земель. При Алп-Арслане, втором султани сельджуков, турки пересекли Армению и заняли Ани (1065), опустошили Киликию, затем прорвались в Малую Азию и взяли штурмом Кесарию (1067)³. Тем самым был вынесен приговор политике тогдашних византийских правителей.

Смерть Константина X Дуки (май 1067) оставила власть в руках его супруги Евдокии, которая должна была стать регентшей при

¹ Хронологию Златарский (*Златарски*. История. Т. 2. С. 115) правильно устанавливает на основании: *Attaleiates*. Р. 83 и *Scylitzes—Cedren*. Р. 657. Об узах (торках русских летописей) ср. подробное исследование: *Расовский Д.* Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // *SK 6* (1933). С. 1–65.

² *Attaleiates*. Р. 84.

³ См.: *Cahen C.* La première pénétration turque en Asie Mineure // *Byz 18* (1948). Р. 23–67.

своих юных сыновьях Михаиле, Андронике и Константине. Фактически же делами заправляли Пселл и кесарь Иоанн Дука, брат почившего императора¹. Между тем, по мере того, как становился ясен размер катастрофы на театре военных действий, усиливалась оппозиционная партия, и ее требования по созданию сильного военного правления под давлением обстоятельств получили такой вес, что патриарх Иоанн Ксифилин, хотя и был другом Пселла, примкнул к ней. В конце концов была вынуждена уступить и императрица. Несмотря на сопротивление Пселла и кесаря Иоанна, Евдокия обвенчалась с военачальником Романом Диогеном, каппадокийским магнатом, который 1 января 1068 г. взошел на престол.

Роман IV Диоген (1068–1071) был деятельным и храбрым полководцем, отличившимся в войнах с печенегами, и вполне заслуживал того авторитета, которым он обладал в среде сторонников военной партии. Он тут же начал войну с сельджуками, однако разложение зашло слишком далеко, а из-за противодействия партии Пселла дело спасения Империи сталкивалось с препятствиями. С большим трудом он собрал войско, которое состояло главным образом из иностранных наемников: печенегов, узов, норманнов и франков. Два первых похода, несмотря ни на что, были весьма успешными, однако третий окончился тяжелейшим поражением, не в последнюю очередь вследствие предательства Андроника Дуки, сына кесаря Иоанна. У армянского города Манцикерт, недалеко от озера Ван, численно превосходящая противника, однако разнородная и недисциплинированная наемная армия 19 августа 1071 г. была наголову разбита войсками Алп-Арслана. Сам император попал в плен.

В плену Роман Диоген заключил с сельджуками договор, согласно которому ему возвращалась свобода на условиях выплаты ежегодной дани, выкупа за свою персону, обязательства выдачи сельджукских пленных и предоставления вспомогательных войск². Между тем

¹ О нем см.: *Leib B.* Jean Doukas, César et moine. Son jeu politique à Byzance de 1067 à 1081 // *Mélanges Peeters*. Vol. II. Bruxelles, 1950. P. 163–180.

² *Dölger*. Reg. 972; *Cahen C.* La campagne de Mantzikert d'après les sources musulmanes // *Byz* 9 (1934). P. 613–642; *Groisset R.* Histoire de l'Arménie. Paris, 1947. P. 624 sv. См. далее: *Mathieu M.* Une source négligée de la bataille de Mantzikert: les «Gesta Roberti Wiscardi» de Guillaume d'Apulie // *Byz* 20 (1950). P. 89–103. Ср. тж. его же образцовое издание с переводом и богатым комментарием: *Guillaume de Pouille*. La geste de Robert Guiscard. Palermo, 1961. P. 164 sq., 293 sq.

враждебная партия в Константинополе по совету кесаря Иоанна объявила его низложенным. Поначалу было введено совместное правление императрицы Евдокии и ее старшего сына Михаила Дуки, но вскоре императрица-мать была заключена в монастырь, а воспитанник Пселла Михаил VII был провозглашен единоличным правителем (24 октября 1071 г.). Против вернувшегося из турецкого плена императора Романа правители Константинополя выступили как против врага, разгорелась гражданская война. В конце концов Роман сдался, доверившись письменным гарантиям, подписанным от имени Михаила VII тремя митрополитами, которые обещали ему полную личную безопасность. Однако еще прежде, чем он достиг Константинополя, его схватили и раскаленным железом выжгли глаза. Пселл, превзойдя самого себя, направил ослепленному императору послание, в котором восхвалял свою жертву как мученика: Бог отнял у него глаза, поскольку-де счел его достойным высшего света¹. От ужасных ран Роман Диоген в скором времени скончался (лето 1072).

Только эта жуткая развязка превратила поражение при Манцикерте в подлинную катастрофу: заключенный Алп-Арсланом с императором Романом договор утратил силу, и турки использовали это в качестве повода к началу наступательной и завоевательной войны против Византии. Вновь, как и во время великого арабского нашествия, Империя стояла перед опасностью завоевания. В то время на пути идущего на штурм врага встала преградой героическая воля наследников Ираклия, а Империя внутренне была здорова. Теперь все находилось в состоянии глубокого разложения; сильная оборонительная система оседлых стратиотов пришла в упадок, а в качестве соперника могучих турецких султанов в столице Империи сидел окруженный придворными интриганами и болтливыми литераторами жалкий выкормыш Пселла, далекий от реальной жизни книжный червь, преждевременно увядший и телесно, и духовно. Малая Азия оказалась обречена. Дорога для сельджуков была открыта, не было больше ни сил, ни воли, которая могла бы им противостоять.

Катастрофа последовала одновременно на обоих концах византийского мира. Судьбе было угодно, чтобы в том же самом 1071 г., когда произошло поражение под Манцикертом, город Бари попал в руки Робера Гвискара. Тем самым завершилось норманнское завоевание

¹ Σάθας. Μεσ. βιβλ. 5. Σ. 316 έπ.

византийских владений в Италии, и с этой стороны Византии стала грозить большая опасность¹. В этом отчаянном положении правительство Михаила VII обратилось за помощью к папе Григорию VII и тем самым внесло свой вклад в устремления великого папы к церковной унии на основе идеи римского всемирного владычества.

Около этого времени зашаталась и византийская власть на Балканском полуострове. В областях бывшего царства Самуила в 1072 г. разгорелось новое восстание, которое нашло сильную поддержку со стороны независимого княжества Зеты. Константин Бодин, сын князя Михаила Зетского, был провозглашен царем в Призрене, и лишь с большим трудом императорским военачальникам удалось разгромить узурпатора². На Адриатическом побережье Византия все более утрачивала свои позиции. Признание византийского суверенитета, на которое перед лицом Василия II были вынуждены согласиться хорваты, продолжалось недолго, и после того как Петр Крешимир IV (1058–1074) значительно раздвинул границы своей державы, его преемник Дмитрий Звонимир в 1076 г. в качестве папского вассала был увенчан королевской короной легатами Григория VII³. Еще более чувствительным ударом оказалось для Византии то обстоятельство, что в 1077 г. королевскую корону получил из Рима также Михаил Зетский⁴. Грабительские походы печенегов и участвовавшие вторжения венгров еще больше усилили общее смятение.

К внешнеполитическим затруднениям добавился тяжелейший экономический кризис. Не в последнюю очередь он был вызван мерами самого правительства — обстоятельство, которому Михаил VII обязан своим насмешливым прозвищем Парапинака. Дороговизна была столь велика, что за одну золотую монету продавали уже не один медимн хлеба, а на один пинакий меньше медимна (παρὰ πινάκιον)⁵.

¹ Gay. *Italie*. P. 520 ff.; *Chalandon*. *Domination normande*. Vol. I. P. 189 sv.

² Jireček. *Geschichte*. Bd. I. S. 234 ff.; *Златарски*. *История*. Т. 2. С. 140 сл.; *Лутаврин*. *Болгария и Византия*. С. 397 сл.

³ Ср.: Šišić. *Geschichte*. Bd. I. S. 284 ff.

⁴ Ср.: *Станојевић Ст.* *Борба за самосталност католичке цркве у Немањинској држави*. Београд, 1912. С. 31 сл.

⁵ Zonaras. III. P. 712.13. Об этом Ф. Дёльгер в *Deutsche Literaturzeitung* 74 (1953). S. 598. О ценах на хлеб в Византии и их сравнительно большой устойчивости см.: *Ostrogorsky*. *Löhne und Preise in Byzanz* // *BZ* 32 (1932). S. 319–333.

Не лишено трагизма то обстоятельство, что Пселлу во время правления его питомца пришлось пережить крах своей карьеры, — и это ему, кто до сих пор независимо от всех перемен усиливал свое влияние от царствования к царствованию, кому семья Дук была обязана бесконечно многим, а Михаил VII — всем. Подавляющей воле логофета Никифорицы, под обаяние которого полностью подпал робкий император, удалось устранить как Пселла, так и кесаря Иоанна. Он сам встал у кормила власти и пользовался им с такой же энергией и такой же неосмотрительностью, как некогда Иоанн Орфанотроф. Как и тот, он был низкого происхождения и своим возвышением был обязан собственному уму и коварству. Стремящихся к самостоятельности феодальных магнатов он старался сломить на пользу центральной бюрократии. Логофет зашел так далеко, что превратил торговлю хлебом в государственную монополию: для привозимого в Константинополь хлеба он построил в Редесте государственные склады, запретив при этом под страхом наказания свободную торговлю¹. Как мы знаем из «Книги эпарха», византийское государство весьма строго контролировало снабжение столицы продуктами; кроме того, правительство располагало собственными запасами хлеба, которые продавались населению во время голода. Однако то, что было возможно в X в., оказалось невыполнимым во времена ослабления центральной власти. Так же, как и на селе запрет на скупку крестьянских имений, попытка государства контролировать торговлю потерпела неудачу. Мероприятия Никифорицы вызвали возмущение: они влекли за собой большой ущерб как для крупных землевладельцев, — главных поставщиков хлеба, — так и для потребителей — столичного населения, ибо монополия служила не обеспечению потребностей в хлебе, а преследовала исключительно фискальные цели, взвинчивая цены. Повышение цен на хлеб привело ко всеобщему подорожанию и в конце концов к росту заработной платы². Этот эксперимент стоил Никифорице

¹ См. поучительное описание у Атталиата (*Attaleiates*. P. 201–204), который сам имел владения в Редесте. Об этом интересные рассуждения в: *Bratianu G.I. Une expérience d'économie dirigée, le monopole de blé à Byzance au XIe siècle // Byz 9 (1934). P. 643–662 (= Idem. Études byzantines. P. 141 sv.)*.

² Наблюдения относительно связи между ценами на хлеб и ценами на прочие товары с одной стороны и заработной платой с другой приводит Атталиат (p. 204). Эти наблюдения заслуживают внимания историков экономических учений.

жизни: после свержения Михаила Парапинака он умер под пыткой, а склады в Редесте еще до его свержения были разрушены во время народного восстания.

Мятежи в армии в правление Михаила VII Дуки также не заставили себя ждать. Для отношений этого времени показательным, что героем одного из таких бунтов стал командир норманнских наемников Руселий (Урсель де Байоль); его кандидатом на престол был кесарь Иоанн Дука, которого он провозгласил императором¹. Не менее показательным и то, что византийское правительство призвало на помощь против него турок. Они захватили склонного к авантюрам кондотьера и за соответствующую плату выдали его императорскому военачальнику Алексею Комнину. Однако правительство не могло надолго отказаться от услуг такого хорошего воина: вскоре он был выпущен из тюрьмы для того, чтобы вместе с Алексеем Комнином бороться на стороне Михаила VII против новых узурпаторов.

Почти одновременно поднялись два претендента из среды византийской военной аристократии: один в Малой Азии, а другой — на Балканском полуострове. Дукс Диррахия Никифор Вриенний, подавивший в 1072 г. славянское восстание, был наиболее видным представителем византийской военной аристократии в европейской части Империи. В начале ноября 1077 г. провозглашенный императором, он вступил в свой родной город Адрианополь и оттуда отправил войско, которое продвинулось вплоть до стен византийской столицы. Стратиг фемы Анатоликов Никифор Вотаниат, который, что показательным, вел свой род от Фок, был типичным представителем малоазийской военной знати. 7 января 1078 г. он был провозглашен императором и со своей стороны пошел на Константинополь, заручившись поддержкой Сулеймана, двоюродного брата султана Алп-Арслана. Даже в том состоянии хаоса превосходство оказалось на стороне Малой Азии: Никифор Вотаниат упредил своего европейского соперника и тезку². Враждебная правительству партия в Константинополе, которая вследствие непопулярных мер Никифорицы значительно укрепилась, связала все свои

¹ См.: *Schlumberger G. Deux chefs normands des armées byzantines // Revue historique. 16 (1881). P. 296 sv.*

² Михаил Атталиат, сторонник Вотаниата, пренебрежительно говорит о Вриеннии (р. 288), что тот был менее известен и происходил всего лишь из западных провинций: αὐτὸς δὲ ἑσπέριος καὶ δυσγενής ἐστὶ. Ср.: *Neumann. Weltstellung. S. 62.*

надежды с Вотаниатом. Едва он в марте 1078 г. вышел к Никее, в столице разразилось восстание, в котором большое участие приняла и Церковь. Михаил Парапинак был вынужден отречься и удалился в Студийский монастырь. На престол призвали Никифора Вотаниата. 24 марта он вступил в Константинополь и в тот же день принял из рук патриарха императорский венец. Для того, чтобы установить связь с домом Дук и таким образом отдать должное византийскому чувству легитимности, он женился на императрице Марии, супруге своего предшественника, несмотря на то что тот был еще жив¹.

Впрочем, престарелый Вотаниат был неспособен избавить Империю от хаоса. Его краткое царствование представляло собой всего лишь заключительный акт этой эпохи разложения и было наполнено восстаниями и гражданскими войнами. После крушения сенатского правления началась ожесточенная борьба полководцев за верховную власть. В конце концов она досталась наиболее способному из них: молодому Алексею Комнину. Прежде всего Алексей на службе у нового правителя устранил претендента на престол, Никифора Вриенния, после чего разгромил Никифора Васибеки, который сменил Вриенния на посту дукса Диррахия, а затем в роли узурпатора. Но когда в конце 1080 г. в Никее провозгласил себя императором Никифор Мелиссин и, по примеру Вотаниата, призвал на помощь Сулеймана, Алексей отошел в тень, поскольку теперь он приступил к подготовке своего собственного возвышения.

Сотрудничество Вотаниата, а затем Мелиссина с Сулейманом значительно облегчило туркам завоевание Малой Азии. Около 1080 г. Сулейман овладел уже всей малоазийской областью от Киликии до Геллеспонта и там, на древней византийской почве, основал султанат Рума — «римский» султанат². После упадка некогда возникшего на малоазийской почве сильного военного и административного строя, после полного разрушения византийского

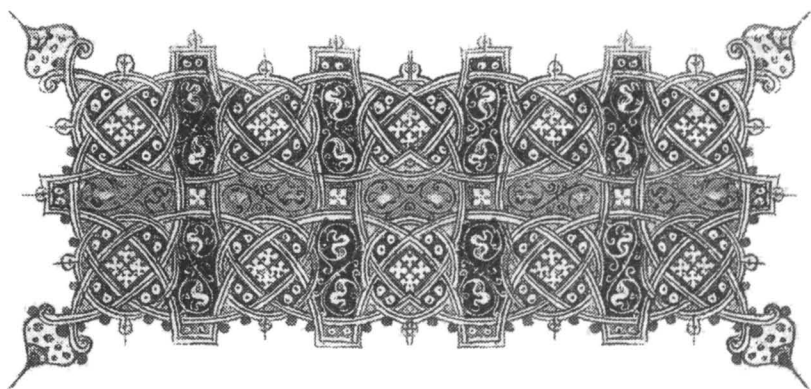
¹ См.: *Leib B.* Nicéphore III Botaneiatès (1078–1081) et Marie d'Alanie // Actes du VIe Congrès Intern. d'Études byzantines. Vol. I. 1950. P. 129–140.

² *Laurent J.* Byzance et les origines du Sultanat Roum // Mélanges Diehl. Vol. I. 1930. P. 177–182; *Wittek P.* Deux chapitres de l'histoire des Turcs de Roum // Byz 11 (1936). P. 285–319 и *Le Sultan de Rum* // Annuaire de l'Inst. de philol. et d'histoire orientales et slaves 6 (1938). P. 361–390; *Cahen C.* La première pénétration turque en Asie Mineure // Byz 18 (1948). P. 5–67.

стратиотского сословия сама Малая Азия оказалась потерянной в очень краткое время.

Среди всех представителей военной аристократии, которые добивались императорского венца, Алексей Комнин был не только наиболее выдающимся полководцем, но и единственным настоящим политиком, превосходя в этом и своего дядю Исаака Комнина, и несчастного Романа Диогена. В войсках и в столице он, благодаря уму и предусмотрительности, а также большому дипломатическому таланту, сумел подготовить себе почву и договориться с оппозиционной партией¹. Он был женат на Ирине Дукене, внучке кесаря Иоанна и дочери предательски отступившего при Манцикерте Андроника. Императрица Мария увидела в нем покровителя своего маленького сына Константина Дуки, которому она еще рассчитывала добыть императорский венец. Помимо старшего брата, Исаака Комнина, самого ревностного помощника Алексей нашел в лице кесаря Иоанна Дуки. Встреча во фракийском Цуруле, на которой было принято решение о его провозглашении императором, имела характер семейного совета Комнинов и Дук. Алексей объединился с узурпатором Никифором Мелиссином, своим свояком; тот предложил ему европейскую часть, в то время как азиатскую хотел сохранить за собой: так в умах феодальных господ вновь, как во время мятежа Варды Фоки и Варды Склира против Василия II, возник план разделения Империи. Алексей отклонил этот план и умиротворил своего родственника обещанием титула кесаря. В столицу, гарнизон которой большей частью состоял из иностранных, в том числе немецких, наемников, Алексей проник благодаря договоренности с командующим немецким отрядом. Армия Алексея так же, как и войска, защищавшие Константинополь, представляла собой пеструю смесь иноземных наемников, и на протяжении трех дней столица была ареной дикого грабежа и насилия. Вотаниат прекратил безнадежную борьбу, дал патриарху убедить себя отречься, и в пасхальное воскресенье 4 апреля 1081 г. Алексей Комнин стал правителем Византийской империи.

¹ Ср.: *Chalandon. Alexis I. P.* 28 sv., 41 sv.

VI ПРАВЛЕНИЕ ВОЕННОЙ АРИСТОКРАТИИ (1081–1204)

Источники

Эпоха Комнинов может быть обозначена как особый период расцвета византийской историографии, и прежде всего благодаря трудам Анны Комнины, Иоанна Киннама и Никиты Хониата¹. Старшая дочь императора Алексея I (1081–1118), умная и прекрасно образованная *Анна Комнина*, описала в своей «Алексиаде» историю своего отца с начала и вплоть до его смерти (1069–1118)². Написанное изысканным античным слогом произведение принцессы, воспитанной на античных образцах, знакомой с древнегреческим историописанием, поэзией и философией, является не только наиболее выдающимся памятником византийского гуманизма, но и первосортным историческим источником. Подробное повествование Анны составляет основу нашего знания об этой важной эпохе, на

¹ См.: *Neumann C.* Griechische Geschichtsschreiber und Geschichtsquellen im 12. Jahrhundert. Leipzig, 1888.

² Изд.: *Annae Comnenae porphyrogenitae Alexias* / Ed. A. Reifferscheid. Leipzig, 1884. 2 vol. Новое издание с французским переводом и подробным историческим комментарием: *Leib B.* Anne Comnène. Alexiade. Vol. I–III. Paris, 1937–1945. Английский перевод: *Dawes E.* The Alexias of the Princess Anna Comnena. London, 1928. Ср. тж. подробное исследование: *Buckler G.* Anna Comnena. London, 1929.

которую приходится восстановление византийской великодержавности, встреча Византии с Западом во время первого крестового похода, войны с норманнами и степными народами Севера и Востока. Панегирическая тенденция «Алексиады» и другие ее недостатки, к которым прежде всего относится хронологическая путаница, вполне искупаются объемностью и многосторонностью сообщаемой информации, овладеть которой писательница смогла благодаря своему положению и жажде знаний. В качестве историка пробовал себя и ее супруг, кесарь *Никифор Вриенний*, внук¹ того Никифора Вриенния, который в качестве провозглашенного императора выступал сначала против Михаила Дуки, а затем против Никифора Вотаниата. Оставшееся незавершенным сочинение Никифора Вриенния, которое не выдерживает сравнения с шедевром его супруги, кратко рассматривает историю дома Комнинов со времени Исаака Комнина, становится подробнее со времени Романа IV Диогена, однако обрывается уже посреди правления Никифора Вотаниата². Эпохи Алексея I Комнина касается и заключительная часть часто упоминавшейся выше всемирной хроники *Иоанны Зонары*. При сильной зависимости от «Алексиады» краткие сведения Зонары содержат тем не менее важные дополнения к труду Анны Комнины. Напротив, никакой самостоятельной исторической ценностью не обладают ни стихотворная всемирная хроника *Константина Манассии*, доходящая до восшествия на престол Алексея Комнина, ни доведенная до времени смерти того же правителя всемирная хроника *Михаила Глики*. На еще более низкой ступени стоит совсем скудная всемирная хроника *Иошля*, которая доведена вплоть до взятия латинянами Константинополя в 1204 г.

Чем «Алексиада» является для эпохи Алексея I, то же для времени Мануила I (1143–1180) значит труд *Иоанна Киннама* и как для этого времени, так и для эпохи последних Комнинов и Ангелов — труд *Никиты Хониата*. Хотя повествование как у Киннама, так и у Никиты Хониата начинается со смерти Алексея I, однако время правления Иоанна II (1118–1143) подается обоими писателями лишь как весьма

¹ А не его сын, как это предполагалось прежде; см.: *Wittek-de Jongh S.* Le César Nicéphore Bryennios, l'historien, et ses ascendants // *Byz 23* (1953). P. 463–468.

² Французский перевод Вриенния выполнен А. Грегуаром: *Byz 23* (1953). P. 469–530 и 25–27 (1955–1957). P. 881–926.

краткое введение. По этой причине мы осведомлены об эпохе этого важного правителя гораздо хуже, чем о времени его предшественника и преемника. Иоанна Киннам, родившийся после 1143 г. в знатной семье, был секретарем (βασιλικὸς γραμματικὸς) императора Мануила. Его труд, написанный вскоре после смерти Мануила, известен по единственной поврежденной в конце рукописи XIII в. (и списков с нее XVI и XVII вв.)¹. Его младший современник Никита², родившийся в городе Хоны во Фригии, также начал свою карьеру в качестве императорского секретаря, а при Ангелах занимал высшие посты, в том числе и пост великого логофета. Его труд, доведенный до 1206 г., был завершен после падения Константинополя в Никее³. По своему характеру оба произведения весьма различны и каждое имеет свои сильные стороны: Киннам отличается простотой и точной краткостью, Никита Хониат — большей проницательностью и редкой живостью изображения, которая делает его наряду с Пселлом одним из самых блестящих историков византийского средневековья. Оба историографа симпатизировавшего Западу императора Мануила I были пламенными греческими патриотами и своим отвращением к латинянам предвосхитили зарождение византийского национализма. Тем не менее объективная достоверность обоих сочинений и личная добросовестность их авторов для своего времени является чрезвычайно высокой⁴. В качестве дополнения к историческому сочинению Никиты Хониата возникло его небольшое сочинение о статуях, уничтоженных латинянами в Константинополе в 1204 г.⁵ Завоевание

¹ Колляция этой рукописи (Vatic. gr. 163) с неисправным изданием в Боннском корпусе приводится в: *Babos F. Symbolae ad historiam textus Cinnami*. Budapest, 1944.

² К нему (и к его брату Михаилу) прилагалось прозвание Акоминат — ошибочно, как показывает: *Stadt Müller. Michael Choniates*. S. 274 ff. Как появилась эта ошибка, объясняется в остроумной работе Грюмеля (*Grumel V. De l'origine du nom Ακομινάτος* // *ΕΕΒΣ* 23 (1953). Σ. 165–167).

³ Теперь имеется немецкий перевод этого сочинения, выполненный Ф. Грабе-ром в серии «Byzantinische Geschichtsschreiber». Bd. VII–IX. Graz; Wien; Köln, 1958.

⁴ О спорном вопросе, был ли Хониат знаком с сочинением Киннама, см.: *Grécy V. Nicéas Choniates a-t-il connu l'histoire de Jean Cinnamos?* // *REB* 7 (1950). P. 194–204; *Каждан А.П.* Еще раз о Киннаме и Никите Хониате // *BSI* 24 (1963). С. 4–31.

⁵ Возражения, выдвинутые Ф. Успенским (Византийский писатель Никита Акоминат из Хон. СПб., 1874. С. 144 сл.) против авторства Никиты Хониата, не-

норманнами Фессалоники в 1185 г. подробно и с большой живостью описал ученый митрополит *Евстафий Солунский*¹. Это сочинение Никита Хониат использовал в своем историческом труде.

Многочисленные западные источники, которые проливают свет на византийско-западные отношения этой эпохи, от «Деяний франков» (*Gesta Francorum*) до Виллардуэна и Робера де Клари², и содержат историю крестовых походов, здесь не могут быть рассмотрены подробно³. Особенно следует упомянуть в силу его значения для проблемы крестовых походов письмо Алексея I к графу Роберу Фландрскому, которое в дошедших до нас латинских версиях выглядит как призыв к крестовому походу⁴. В такой форме оно несомненно представляет собой фальшивку. Однако вполне можно предполагать, что в основе фальсификации лежит подлинное письмо императора, целью которого был наем на Западе вспомогательных войск⁵. Об отношениях в южнославянских землях этого времени наряду с сообщениями

основательны. См. теперь: *Grecu V.* Autour de «De signis» de Nicéas Choniate // *REB* 6 (1948). P. 58–66; согласно автору статьи, это произведение однозначно принадлежит Хониату, причем является составной частью его исторического сочинения.

¹ Снабженное предисловием и комментарием новое издание: *Kyriakides St.* Eustazio di Tessalonica. La espugnazione di Tessalonica (итал. перевод: V. Rotolo). Palermo, 1961. Переведено на немецкий язык Г. Хунгером в серии «Byzantinische Geschichtsschreiber» (Bd. III. Graz; Wien; Köln, 1955). О жизни и творчестве Евстафия см.: *Μπόνης Κ.* Εὐστάθιος ἀρχιεπίσκοπος Θεσσαλονίκης // *Ἐπετηρίς τῆς θεολογικῆς σχολῆς τοῦ Πανεπιστημίου Θεσσαλονίκης* 1 (1950). Σ. 45–88.

² Новейшие издания: *Geoffroy de Villehardouin.* La conquête de Constantinople / Ed. et trad. E. Faral. Paris, 1938, 1939. 2 vol.; *Robert de Clari.* La conquête de Constantinople / Trad. P. Charlot. Paris, 1939.

³ См.: *Bréhier.* L'Église et l'Orient au Moyen Âge. Les croisades. 1921. P. I sv.

⁴ Удобнее всего смотреть этот текст в приложении к «Алексиаде» Анны Комнины (ed. Bonn. T. II. P. 573–576 = PG 131. Col. 564–568 и PL. 155. Col. 466–470).

⁵ См.: *Chalandon.* Alexis I. P. 325 sv.; *Dölger.* Reg. 1152; *Vasiliev.* History. P. 386 f.; *Grousset R.* Histoire des croisades et du royaume franc de Jérusalem. Vol. I. Paris, 1934. P. 1–2. Эрдманн (*Erdmann C.* Die Entstehung des Kreuzzugsgedankens. Stuttgart, 1935. S. 365, Anm. 7) считает весьма вероятным, что фальшивка была изготовлена в 1105–1106 гг. и была запущена в оборот Боэмундом для возбуждения крестового похода против Византии. Подобным образом рассуждает и *Joransson E.* The Problem of the Spurious Letter of Emperor Alexius to the Count of Flanders // *American Historical Review* 55 (1950). P. 811–832, который также предлагает английский перевод письма и подробно обсуждает старую литературу.

византийских источников повествует сохранившаяся на латинском языке хроника *попа Дуклянина* середины или второй половины XII в.¹, славянские *жития Стефана Немани*, вышедшие из-под пера его сыновей св. Саввы и Стефана Первовенчанного², и два славянских *жития св. Саввы* Доментиана и Феодосия.³

Важные дополнения к историческим сочинениям содержатся в текстах разного содержания и в письмах византийских авторов этой эпохи. Неизмеримой ценностью обладает переписка архиепископа *Феофилакта Охридского*, поскольку она проливает яркий свет на отношения в Македонии во времена византийского владычества при Алексее I⁴. Некоторые исторические сведения о времени Иоанна II и первой половине правления Мануила I сообщают стихи чрезвычайно плодovitого поэта *Феодора Продрома*, объемное литературное наследие которого ставит исследователей перед трудными вопросами и дает повод некоторым из них предполагать существование двух и даже трех поэтов с одинаковым именем⁵. Заслуживают внимания речи, которые осужденный в 1156 г.

¹ Изд.: *Шишић Ф.* Летопис попа Дукљанина. Београд, 1928 — со старим италијанским и хорватским переводами и вельма ценним историческим комментарием. Ср. тж. новое издание (на основе издания Шишича) с хорощим комментарием и современным сербским переводом: *Мошин В.* Летопис попа Дукљанина. Загреб, 1950.

² Изд.: *Ђоровић В.* Списи св. Саве. Београд, 1928. С. 151 сл.; *Šafařík P.J.* Památký dřevního písemnictví Jihoslovanův. Praha, 1873. С. 1 сл. Немецкий перевод и комментарий: *Hafner St.* Stefan Nemanja nach den Viten des hl. Sava und Stefans des Erstgekrönten. Graz; Wien; Köln, 1962.

³ Изд. Дж. Даничич в 1860 и 1865 гг.

⁴ PG 126. Об этом: *Успенский.* Образование. С. 1–58 и Приложение. С 10–20, 25–29; *Васильевский.* Печенеги. С. 134–49 и ЖМНП 204 (1879). С. 144–217, 318–348; *Златарски.* История. Т. II. С. 262–350; *Xanatalatos.* Beiträge. Болгарский перевод писем: *Симеон, митр.* Пръвод на писмата на Теофилакта Охридски, архиепископ Български // Сборник на Бълг. Акад. на Науките. 27 (1931). С. 1–279. См. тж. предварительные замечания о необходимом и все еще отсутствующем новом издании: *Leroy-Molinghen A.* Prolégomènes à une édition critique des Lettres de Théophylacte de Bulgarie // Byz 13 (1938). P. 253–262. [См. критическое изд.: Théophylacte d'Achrida. Lettres / Introd., texte, trad. et notes par P. Gautier. Thessalonique, 1986. — *Прим. пер.*]

⁵ PG 133. Col. 1003–1424. О других изданиях, рукописной традиции и литературе по проблематике Продрома см. полный обзор: *Moravcsik.* Byzantinoturcica I². S. 522 ff.

как еретик *Михаил Фессалоникийский* в 1150–1156 гг. посвятил императору Мануилу¹. Речь ипата философов, а позднее патриарха Михаила Анхиальского содержит интересные данные о войнах Мануила с венграми и сербами². Далее, следует упомянуть траурную речь, посвященную императрице Ирине Василием из Охриды, архиепископом Фессалоникийским³, и «Путеводитель» Константина Манассии — пространную ямбическую поэму, которая описывает предварительные переговоры по поводу второго брака Мануила⁴. Весьма важные с исторической точки зрения разного рода сочинения, речи и письма, которые относятся ко времени с 60-х до 90-х гг. XII в., содержатся в наследии уже названного *Евстафия Фессалоникийского*⁵. Важные сведения встречаются в произнесенной, вероятно, в 1192 г. речи *Иоанна Сиропула* к Исааку II⁶. Также имеются речи и разнородные сочинения *Никиты Хониата*, которые восходят к периоду с 1180 по 1210 г. и содержат весьма важные сведения о событиях той эпохи, как, например, о возникновении второго болгарского царства и о ситуации после латинского завоевания⁷.

¹ *Regel* W. *Fontes rerum byzantinorum*. Т. I.1 (1892). P. 131–182; I.2 (1917). P. 183–228.

² Издание с комментарием: *Browning R.* A New Source on Byzantine-Hungarian Relations in the Twelfth Century // *Balkan Studies* 2 (1961). P. 173–214. Ср. тж.: *Wirth P.* Das bislang erste literarische Zeugnis für die Stephanskronen aus der Zeit zwischen dem X. und XIII. Jahrhundert // *BZ* 53 (1960). S. 79–82.

³ Изд. В.Г. Васильевский в ВВ 1 (1892). С. 55–132 с русским переводом и важным введением.

⁴ Изд.: *Horna K.* Das Hodoiporikon des Konstantin Manasses // *BZ* 13 (1904). S. 313–355.

⁵ Изд.: *Eustathii metropolitae Thessalonicensis Opuscula* / Ed. Th.L.F. Tafel. München, 1832 (впрочем, в этом издании Евстафию приписывается несколько писем Михаила Пселла; ср.: Σάθας. Μεσαιωνική βιβλιοθήκη. Т. IV. Σ. 30, 67; Т. V. Σ. 75); *Tafel Th.L.F.* De Thessalonica eiusque agro. Berlin, 1839. P. 401–439 (воспроизведено в PG 135 и 136). Семь политических речей Евстафия (две уже изданные Тафелем и пять еще неизвестных) изданы Перелем: *Fontes rerum byzantinorum*. Т. I.1 (1892). P. 1–131.

⁶ Изданы и подробно изучены в: *Bachmann M.* Die Rede des Johannes Syropoulos an den Kaiser Isaak II. Angelos. Diss. München, 1935, где также подробно рассматриваются произнесенные в 1193 г. речи Сергия Коливы и Георгия Торника (изд.: *Regel*. *Fontes rerum byzantinorum*. Т. I/2). Ср. тж.: *Дуйчев*. Проучвания. С. 52 сл.

⁷ Σάθας К. Μεσαιωνική βιβλιοθήκη. Т. I. 1872. Σ. 73–136; *Успенский*. Образование. (Приложение. С. 39–40); *Miller*. Recueil des historiens grecs des croisades. Т. II. 1881. P. 496–502, 615–619, 737–741.

Еще более важными являются письма и сочинения митрополита Афинского *Михаила Хониата*, старшего брата Никиты¹. Они содержат весьма наглядную картину неутешительного положения Византийской империи перед ее крушением и положения после латинского завоевания.

Материал по истории внутренних отношений в Империи, который содержится, с одной стороны, в письмах Феофилакта Охридского, а с другой — в письмах Михаила Хониата, значительно дополняет рассеянные по разным документам данные. Из документов этой эпохи следует специально указать на донесения финансового ведомства императору Алексею I и на решения (λύσεις) императора, которые являются чрезвычайно поучительными в отношении методов византийского налогового управления и состояния византийской валюты в начале XII в.² С политической и экономической точек зрения большое значение для развития Византийской империи также представляют договоры с Венецией³.

1. Восстановление Византийской империи при Алексее I Комнине

Общая литература: *Chalandon*. Alexis I; *Idem*. The Earlier Comneni // CMH. Vol. IV. 1923. P. 318–50; *Idem*. Domination normande. I; *Idem*. Histoire de la Première Croisade. Paris, 1925; *Buckler G.* Anna Comnena. Oxford, 1929; *Diehl Ch.* La société byzantine à l'époque des Comnènes. Paris, 1919; *Hussey*. Church and Learning; *Von Sybel H.* Geschichte des ersten Kreuzzuges. Leipzig, 1841; *Hagenmayer H.* Geschichte des ersten Kreuzzuges. Innsbruck, 1901; *Bréhier L.* L'Église et l'Orient au Moyen Age. Les Croisades. Paris, 1928; *Grousset R.* Histoire des Croisades et du royaume franc de Jérusalem. Vol. I. Paris, 1934; *Erdmann C.* Die Entstehung des Kreuzzugsgedankens. Stuttgart, 1935; *Runciman*. Crusades. Vol. I; *Kretschmayr*. Venedig. Bd. I; *Diehl*. Venise;

¹ Λάμπρος Σπ. Μιχαήλ Ἀκομινάτου τοῦ Χωνιάτου τὰ σωζόμενα. Τ. 1–2. Ἀθήναι, 1879–1880. См. об этом превосходную работу: *Stadtmüller*. Michael Choniates, в которой заново издан важный меморандум (ὑπομνηστικόν) Алексею III (S. 283–286).

² *Zepos*. Jus, I. S. 326 sq. О хронологии: *Dölger*. Reg. 1245.

³ *Tafel-Thomas*. Bd. I (814–1205).

Heyd. Commerce du Levant. Vol. I; Jireček. Geschichte. Bd. I; Васильевский. Материалы; Stein. Untersuchungen; Ostrogorsky. Féodalité.

Итогом внешней политики печальной эпохи, которая отделяет восшествие на престол Алексея Комнина от смерти Василия II, было полное крушение византийской власти в Азии, окончательная утрата италийских владений и резкое падение авторитета Византии на Балканском полуострове. Внутриполитическим итогом было сильное ослабление центральной власти, глубокий экономический упадок, обесценивание валюты и развал социально-экономической системы средневизантийского времени. Алексей I (1081–1118) был вынужден поставить дело восстановления державы на новый фундамент, а несущими конструкциями созданного им государства стали новые факторы.

Труд по восстановлению мог, тем не менее, иметь лишь внешний и преходящий успех. В раннее средневековье, во времена Ираклия и Льва III, Византия, казалось, также стояла перед пропастью. Однако тогда Империя обладала нерастраченными внутренними силами, которые в длительной перспективе делали возможным ее восстановление: несмотря ни на какие бури, коренные земли Империи в Малой Азии оставались в ее владении. Таким образом, она могла не только восстановиться, но и постепенно вернуть себе преобладание во всем регионе восточного Средиземноморья, как на суше, так и на море. Теперь же Империя была внутренне опустошена, поскольку система, на которой в предшествующие столетия основывалась ее сила, оказалась разрушена, а основу своей мощи, Малую Азию, Империя именно по этой причине утратила практически без сопротивления. Реставрационные усилия Комнинов в регионе сосредоточились прежде всего на приморских областях, однако преобладание на море Империя во времена Комнинов окончательно утратила: в торгово-политическом и в стратегическом отношении оно перешло к итальянским городам-республикам, что являлось важнейшим всемирно-историческим изменением этой эпохи, которое демонстрирует превосходство нарастающих сил Запада и венчается византийской катастрофой 1204 г. Положение государства Комнинов как великой державы было лишено внутренней прочности. Именно поэтому столь внушительные успехи умелой политики правителей из дома Комнинов не возымели все же длительного эффекта.

И в самом деле, политика Алексея Комнина изначально отличается необычайной гибкостью. Задача императора была бесконечно трудной, ему надлежало восстановить внутренне ослабленную, лишенную вооруженных сил Империю, в то время как враги осаждали ее со всех сторон: норманны, печенеги, сельджуки. С тем, что практически вся Малая Азия находилась под турецким господством, пришлось поначалу примириться. Алексею ничего не оставалось делать, как задним числом уступить Сулейману потерянную Империей территорию, а также земли для поселения, чтобы тем самым хотя бы формально сохранить суверенные права Византии и создать фикцию того, что властители Малой Азии не представляли суверенной державы, а были, подобно печенегам на Балканском полуострове, федератами Империи, державшими землю с согласия императора. Все свои силы Алексей был вынужден обратить на борьбу с норманнами, поскольку после захвата византийских владений в Южной Италии Робер Гвискар совершил нападение также и на побережье восточной Адриатики. Главной целью норманнов было не более и не менее, как императорский венец Византии; ближайшей целью было взятие Диррахия, которое должно было открыть им путь на Константинополь. Без достаточных военных сил и без денег Алексей I тотчас после своего восшествия на престол был вынужден начать борьбу, ставкой в которой было существование Империи. Императору пришлось заложить церковные сосуды и на эти средства собрать армию, которая естественным образом по преимуществу состояла из иноплеменных наемников, в значительной мере из английских норманнов. При этом, однако, нельзя было и думать о борьбе собственными силами. Алексей приложил все усилия для того, чтобы найти союзников против превосходящего врага: он начал переговоры как с папой Григорием VII, так и с германским императором Генрихом IV, а также заручился помощью Венеции.

Именно здесь впервые со всей ясностью выступает то обстоятельство, которое впоследствии стало основной пружиной венецианской военной и дипломатической политики: морская республика во что бы то ни стало стремилась обеспечить себе свободу рук на Адриатике, и потому она должна была препятствовать утверждению какой-либо державы на обоих берегах Адриатического моря. По этой причине в то время Робер Гвискар был естественным врагом Венеции, а Византия — ее союзником. Для Византии поддержка опытной в морском деле республики была особенно существенной, ибо византийский

флот пришел в еще больший упадок, чем сухопутные силы, так что на море Империя выглядела совершенно бессильной.

В самом деле, Венеция нанесла норманнскому флоту тяжелое поражение, и тем самым была снята осада Диррахия со стороны моря. На суше она продолжалась, и победа Робера Гвискара над императорской армией в октябре 1081 г. отдала город в его руки. Таким образом, Робер Гвискар все же смог взломать ворота Византии, после чего ватаги норманнов проникли глубоко на территорию Империи, пересекли Эпир, Македонию и Фессалию, подвергнув осаде Лариссу. Между тем уже весной 1082 г. Гвискар был отвлечен вестями о восстании, подстроенном сторонниками императора в Южной Италии, и был вынужден передать командование своему сыну Боэмунду. Соппротивление византийцев постепенно нарастало, и под давлением императорской армии норманны начали отступление. Тем временем венецианцы в качестве союзников Империи вновь заняли Диррахий. Хотя Робер Гвискар и смог подавить восстание и вновь вступил в войну с Византией, но в начале 1085 г. во время эпидемии его настигла смерть. Смута, которая после его смерти разгорелась в Южной Италии, надолго избавила Византию от норманнской опасности¹.

За оказанную Венецией помощь пришлось дорого заплатить. По договору от мая 1082 г. дож Венеции получил для себя и для своих преемников титул протосебаста с соответствующим годовым содержанием, патриарх Градо — достоинство ипертима, а Церковь Венеции ежегодный почетный дар в 20 фунтов золота. Но прежде всего морская республика получила необыкновенные преимущества для своей торговли. Впредь венецианцы могли вести свободную торговлю любыми товарами во всех частях Византийской империи, даже в самом Константинополе, не платя при этом никаких пошлин. Тем самым они получили сильное преимущество перед местными византийскими купцами. Кроме того, им было предоставлено в Константинополе несколько мастерских и три пристани в месте переправы в Галату².

¹ С походом Робера Гвискара А. Грегуар остроумно связал некоторые части «Песни о Роланде»: *Grégoire H. La Chanson de Roland de l'an 1085 // Bull. de l'Acad. de Belgique* 25 (1939). P. 211–273 и *Grégoire H., De Keyser R. La Chanson de Roland et Byzance, ou de l'utilité du grec pour les romanistes // Byz* 14 (1939). P. 265–316, 689–691.

² Tafel–Thomas. Bd. I. S. 51 ff.; *Dölger*. Reg. 1081. Cp.: *Heyd*. Commerce du Levant. Vol. I. P. 118 sv.; *Kretschmayr*. Venedig. Bd. I. S. 161 ff.

Тем самым был заложен камень в основание колониального могущества Венеции на Востоке и одновременно пробита глубокая брешь в торговой системе византийского государства. То, что Венеция и дальше признавала суверенные права императора, ничего не меняло в этом положении. Итальянскую морскую республику отныне невозможно рассматривать иначе, как мощный фактор византийского исторического развития.

Особую роль в византийско-норманнской войне играли соседние славянские земли, которых война великих держав за преобладание на Балканах касалась самым непосредственным образом. Дубровник и другие далматинские города, а также, по-видимому, Хорватия встали на сторону норманнов¹. Король Зеты Константин Бодин после долгих колебаний присоединился к византийскому императору. Впрочем, во время решающего сражения при Диррахии он со своими войсками оставался в стороне и тем самым внес свой вклад в поражение византийцев. Последующие войны Византийской империи с норманнами и с печенегами он использовал для того, чтобы распространить свою власть на Рашку и Боснию. Впоследствии из Рашки начались нападения на византийские области, что предопределило направление последующей сербской экспансии, а в самих сербских землях — последующее перемещение центра тяжести из Зеты в Рашку².

Едва была устранена норманнская опасность, как византийский император был вынужден начать войну с печенегами. Опасность со стороны печенегов, которая в предшествующие десятилетия висела дамокловым мечом над Империей, вновь обострилась вследствие помощи, которую наступающим печенежским ордам оказали богамилы Балканского полуострова. Кризис достиг своей наивысшей точки, когда после продолжительных, шедших с переменным успехом боев печенеги в 1090 г. продвинулись вплоть до стен византийской столицы. Этим дело не закончилось: одновременно Константинополь подвергся нападению с моря. Правитель Смирны Чахá, один из тех

¹ *Jireček*. Die Bedeutung von Ragusa in der Handelsgeschichte des Mittelalters. 1899. S. 9, 50; *Šišić*. Geschichte. S. 308 ff.; *Ферлуга*. Виз. управа в Далмацији. С. 123.

² См.: *Jireček*. Geschichte. Bd. I. S. 237–238; *Станојевић*. Историја српског народа. Београд, 1926. С. 75 сл.; Историја народа Југославије. Т. 1. Београд, 1953. С. 248 сл.

эмиров, что разделили между собой наследие Сулеймана (ум. 1085), заключил союз с печенегами и выступил против Константинополя со своим флотом. Когда-то Чаха жил в качестве пленника при дворе Никифора Вотаниата, был знаком с византийскими приемами ведения войны и прекрасно понимал, что решающий удар против столицы должен последовать с моря.

В 1090–1091 гг. Константинополь, осажденный с суши и с моря, пережил полную нужды и страданий зиму. И на сей раз спасение могло прийти лишь извне: в этих стесненных обстоятельствах Алексей I прибег к проверенному, хотя и не вполне безопасному средству византийской политики по отношению к варварам, а именно: пригласил на помощь против печенегов куманов (половцев). Куманы, которые шли по южнорусской равнине вслед за печенегами и узами, были, как и те, настоящим кочевым народом и если не по этническому происхождению, то по языку были тюрками¹. В руки вождей этого воинственного народа император Алексей вложил теперь судьбу своей Империи. С нетерпением ожидаемые куманы весной 1091 г. прибыли на территорию Империи, а 29 апреля у подножия горы Ливуний² между византийцами и куманами с одной стороны и между печенегами с другой произошло необычайно кровопролитное сражение, в котором печенеги потерпели полное поражение. Огромное впечатление, которое произвела на современников эта резня, передает Анна Комнина: «...народ, который насчитывал мириады, был уничтожен в один-единственный день»³. Кольцо блокады, созданное вокруг Константинополя, было прорвано. Чаха, планы которого после битвы у Ливуния рухнули, потерпел поражение и в результате очередного филигранного дипломатического шага императора был выведен из игры: подобно тому, как он сравил куманов с печенегами, Алексей противопоставил Чахе его зятя, эмира Nikei Абдулькаси-ма, заключив с ним, а затем и с его преемником Кылыч-Арсланом, сыном Сулеймана, союз.

¹ О куманах см. прежде всего важную серию статей: *Расовский Д.* Половцы, I–IV // SK 7 (1935). С. 245–265; 8 (1936). С. 161–182; 9 (1937). С. 71–85; 10 (1938). С. 155–177. Дальнейшую литературу см. в: *Moravcsik.* Byzantinoturcica. Bd. I². S. 92 ff.

² См.: *Leib B.* Alexiade. II, 141, n. 3; *Gyóni M.* Le nom de Βλάχοι dans l'Alexiade d'Anne Comnène // BZ 44 (1951). S. 243, Anm. 1.

³ Alexias II, 16, 15 (ed. Reifferscheid); II, 144, 2 (ed. Leib).

Освобождение Константинополя сделало возможным выступление против сербов, в первую очередь против жупана Рашки Вукана, который непрерывными нападениями тревожил соседние области. Однако уже в 1094 г. император был вынужден вновь прервать войну, удовлетвовавшись лишь видимым подчинением Вукана, поскольку его бывшие союзники, куманы, вторглись на имперскую территорию и в своем грабительском набеге достигли области Адрианополя. Во главе куманов стоял византиец, выдававший себя за Константина Диогена, сына императора Романа IV Диогена, и предъявлявший права на византийский престол¹. В этом обстоятельстве заключался особо опасный момент, но одновременно и слабость всего предприятия, поскольку после того как посредством хитрости претендента удалось захватить, императорская армия смогла рассеять потерявшие предводителя куманские шайки.

В европейской части империи главные опасности были устранены. Обстановка на Востоке, казалось, также начала проясняться, поскольку распад Румского султаната и продолжительные междоусобные войны эмиров делали возвращение Малой Азии византийцами делом вполне возможным. Однако в тот момент, когда Алексей I уже был готов перейти к решению этой задачи, произошло событие, которое перечеркнуло все его замыслы и поставило Империю перед новыми трудностями самого разного рода: приближались крестоносцы.

В идее крестовых походов нашло воплощение стремление вновь окрепшего папства к распространению своего могущества на христианский Восток. Призыв Урбана II на Клермонском Соборе нашел мощный отклик вследствие того религиозного одушевления, которое владело Западом со времени начала клюнийского реформаторского движения. Результатом его было устремление к Святой Земле, сила притяжения и беды которой (в 1077 г. Иерусалим был взят сельджуками) были хорошо известны западному христианству из сообщений всё большего числа пилигримов. Это устремление охватило жадных до новых земель феодалов, а также задавленные экономической нуждой и охваченные религиозным возбуждением народные массы Запада. Напротив, для Византийской империи идея крестовых походов была совершенно чуждой. Борьба с неверными не являлась здесь чем-то новым: будучи государственной необходимостью, она уже давно ста-

¹ См.: *Mathieu M. Les faux Diogenes // Byz 22 (1952). P. 133–148.*

ла для византийцев само собой разумеющимся явлением. Именно поэтому освобождение Святой Земли как задачу государства они не считали делом всего христианства, поскольку речь шла о старой имперской территории. С другой стороны, предпосылок для совместных действий с Западом теперь, после прекращения церковного общения, было гораздо меньше, чем когда-либо. С Запада ожидали наемников, а не крестоносцев.

И в самом деле: византийский император в тяжелые годы сельджукской и печенежской опасности, так же, как и в других случаях, вербовал солдат на Западе. Среди прочего он, по-видимому, написал и графу Роберу Фландрскому, который гостил у него в конце 1089 или начале 1090 г. во время паломнической поездки. Роберт принес ему вассальную клятву и пообещал прислать 500 фландрских рыцарей¹. В сущности, той же цели служили и просьбы о помощи, направленные Алексеем в Рим, а также переговоры об унии, которые он вел с Урбаном II². Оборот, который приняли события, был для Алексея нежеланным и неожиданным³. Он узнал о приближении крестоносцев

¹ О сношениях Алексея I и Робера Фландрского см. интересное исследование: *Ganshof F.-L. Robert le Frison et Alexis Comnène // Byz 31 (1961). P. 57–74.* И в самом деле, присланный графом Робером корпус сражался на византийской службе при Никомидии с эмиром Никеи, а также, кажется, принял участие в битве при Левунии.

² См.: *Holtzmann W. Studien zur Orientpolitik des Reformpapsttums und zur Entstehung des ersten Kreuzzuges // Historische Vierteljahrsschrift 22 (1924). S. 167–199, и Die Unionsverhandlungen zwischen Kaiser Alexios I. und Papst Urban II. im Jahre 1089 // BZ 28 (1928). S. 38–66.*

³ Заслугой Шаландона (*Chalandon. Alexis I*) является демонстрация того, что, вопреки прежним взглядам, византийский император никогда не призывал Запад к крестовому походу и что крестовый поход был для него не только неожиданным, но и случился совершенно некстати. Это мнение было впоследствии принято большинством исследователей. Его разделяет также и большинство современных историков крестовых походов: *Runciman. Crusades. Vol. I. P. 116 ff.* Напротив, П. Харанис (*Charanis P. Byzantium, the West, and the Origin of the First Crusade // Byz: 19 (1949). P. 17–36* и *Aims of the Medieval Crusades and how they were viewed by Byzantium // Church History 21.2 (1952). P. 123–134*) ссылается на сообщение «Синописиса Сафы» (Феодор Скутариот), который, кажется, показывает, что византийский император способствовал началу крестового похода своим воззванием к папе Урбану II. Однако в этом случае речь идет о значительно более позднем и дружественном по отношению к латинянам источнике. Ср., однако, замечание: *Munro D.C. Did the Emperor Alexius I ask for Aid at the Council of Piacenza, 1095? //→*

как раз в тот момент, когда положение Империи значительно улучшилось, так что он сам был в состоянии предпринять поход в Азию. Его статус защитника восточного христианства выглядел узурпированным крестоносцами; его Империя, которую он в результате чрезвычайно тяжелых боев, продолжавшихся пятнадцать лет, освободил от наиболее серьезных опасностей, погружалась в новые трудности, последствия которых невозможно было предвидеть. И хотя тогда еще никто не мог предположить, что священная война Запада против неверных со временем превратится в поход, направленный на уничтожение схизматической Византии, однако западных «братьев» с самого начала встретили там с глубоким недоверием. Уже тогда многие полагали, что государство стоит перед лицом нового вражеского нашествия, и поведение крестоносцев, казалось, оправдывало это предположение.

Началом послужило появление отшельника Петра Амьенского. За ним следовала толпа собравшегося отовсюду люда, и уже по пути через Венгрию и балканские земли недисциплинированные и лишенные продовольствия ватаги стали предаваться столь дикому грабежу, что их периодически приходилось усмирять силой оружия. 1 августа 1096 г. они, продолжая свои грабежи, достигли Константинополя, после чего император приказал переправить их через Босфор. В Малой Азии эти плохо вооруженные шайки были перебиты турками. Лишь небольшая часть смогла уйти в Константинополь на судах, которые предоставил в их распоряжение император.

С конца 1096 г. постепенно стали прибывать и крупные феодалы со своей свитой. В Константинополе собрался цвет западноевропейского рыцарства: прибыли, в частности, герцог Лотарингии Готфрид

-
- American Historical Review 27 (1922). P. 731–733. См. тж. критические замечания П. Лемерля к тезису Хараниса: *Lemerle P. Byzance et la Croisade // Relazioni di X Congresso Intern. di Scienze Storiche. Roma, 1955. Vol. III. P. 600, n. 3.* Суть проблемы, однако, заключается не в том, направлял ли Алексей I на Запад призывы о помощи, ибо то, что он это неоднократно делал, не подлежит сомнению. Скорее, проблема сводится к вопросу, какую цель преследовали эти призывы: вербовал ли он вспомогательные войска для своей Империи или желал инициировать на Западе крестовый поход? Приписывать византийскому императору этот последний план значило бы подозревать за ним намерения, которых у него вовсе не было, и кроме того, пренебрегать тем фактом, что крестоносное движение было плодом внутриазападных отношений и проистекало из западных настроений.

Бульонский, граф Раймунд Тулузский, брат французского короля Гуго Вермандуа, брат английского короля и сын Вильгельма Завоевателя Робер Нормандский, одноименный сын уже упомянутого графа Робера Фландрского, а также предводитель норманнов Боэмунд, сын Робера Гвискара. Алексей I попытался придать предприятию, которое перечеркивало его собственные планы и грозило обернуться опасностями для Византийской империи, приемлемый для государства оборот. Он потребовал от крестоносных рыцарей, чтобы они по западному обычаю принесли ему ленную присягу и обязались передать ему все покоренные ими города, которые прежде принадлежали Империи. Со своей стороны император пообещал поддерживать крестоносцев продовольствием и военными припасами, а также не исключил, что сам примет крест и со всеми своими войсками встанет во главе крестоносцев. За исключением Раймунда Тулузского, все предводители крестоносного войска — в конце концов, после долгих переговоров, даже Готфрид Бульонский — согласились на требования императора. На этой основе в начале 1097 г. с каждым из крестоносных предводителей был заключен договор¹, среди прочих также и с Боэмуном, который не только без возражений дал императору все требуемые обещания, но и старался воздействовать на Раймунда Тулузского в духе императорских требований, а сам предлагал императору свои услуги в обмен на звание императорского domestika Востока. Тем временем в Малую Азию прибыли отряды норманнов под предводительством его племянника Танкреда, который тем самым избежал принесения присяги. На самом же деле для Боэmunда крестовый поход был всего лишь новой возможностью добиться воплощения завоевательных планов его отца.

Первым значительным успехом крестоносцев было взятие Никеи (июнь 1097). Согласно договору город был передан императору и занят византийским гарнизоном. Этот успех Алексей I поспешил развить: его войска заняли Смирну, Эфес и Сарды, а также ряд других городов древней Лидии, так что византийское господство в западной части Малой Азии было вновь восстановлено. Крестоносцы, которые после взятия Никеи имели очередную встречу с императором

¹ Dölger. Reg. 1196, 1200, 1202, 1203. О чисто западном характере ленных отношений, в которые крестоносные рыцари вступили с Алексеем I, см.: *Ferluga J.* La ligesse dans l'Empire byzantin // ЗРВИ 7 (1961). С. 97–123.

в городе Плекане, во время которой возобновили уже данную присягу, в сопровождении византийского корпуса двинулись по старой военной дороге через Дорилей, Иконий, Кесарию и Германикию на Антиохию. Вплоть до прибытия под Антиохию согласие между крестоносцами и императором сохранялось, несмотря на то что Балдуин, брат Готфрида Бульонского, и Танкред, племянник Боэмунда, отклонились в Киликию и вступили в спор из-за владения киликийскими городами, которые согласно договору они должны были передать византийскому императору; наконец, Балдуин вторгся в область Месопотамии и основал собственное княжество с центром в Эдессе. Взятие Антиохии (3 июня 1098) было новым успехом крестоносцев, однако оно положило конец единомыслию между императором и крестоносцами, углубив при этом противоречия между самими предводителями крестового похода. Между Раймундом Тулузским и Боэмундом разгорелся горячий спор по поводу владения сирийской столицей. Хитрый норманн победил в этом споре и утвердился в качестве независимого правителя Антиохии; все протесты императора остались тщетны. В то время как Боэмунд остался в Антиохии, прочие предводители крестоносцев, не дожидаясь прибытия императора, отправились к Иерусалиму, несмотря на то что Алексей известил их о том, что примет дальнейшее участие в крестовом походе только при условии передачи ему Антиохии на основании данных крестоносцами обещаний. Раймунд Тулузский выступал теперь за передачу Антиохии императору: между обойденным графом Тулузским и Алексеем произошло сближение¹, и в то время как рыцари, давшие ленную присягу императору, основывали собственные княжества, Раймунд, отказавшийся от принесения клятвы, передал после завоевания несколько сирийских приморских городов императору. Согласие между Раймундом и императором Алексеем стало еще более прочным после взятия Иерусалима (15 июля 1099), поскольку Раймунд, который после взятия Антиохии, собственно, и был предводителем крестового похода, оказался вновь обойден и вместо него во главе нового королевства в качестве «защитника (*advocatus*) Святого Гроба» оказался Готфрид Бульонский.

¹ См. прежде всего: *Runciman. Crusades. Vol. I. P. 301 ff.*; *Hill J.H. Raymond of Saint Gilles in Urban's Plan of Greek and Latin Friendship // Speculum 26 (1951). P. 265–276.*

С возникновением в отдаленной Палестине Иерусалимского королевства Византия поначалу примирилась, однако она не смирилась с водворением Боэмунда в Антиохии. Норманнское княжество в Сирии непосредственно затрагивало жизненные интересы византийского государства, тем более что Боэмунд более не скрывал своей враждебности к Византии и уже в 1099 г. предпринял по отношению к ней враждебные действия. Однако он должен был одновременно воевать и с турками, для которых норманнское княжество в Антиохии равным образом было бельмом на глазу, и это последнее обстоятельство значительно облегчило императору дело. Уже в 1101 г. Боэмунд оказался в плену у эмира Малика Гази Данишменда, но вскоре был выкуплен крестоносцами и вернулся в Антиохию. В 1104 г. турки вновь наголову разгромили латинян при Харране, после чего императорская армия смогла овладеть важнейшими киликийскими крепостями Тарсом, Аданой и Мамистрой, в то время как византийский флот занял Лаодикию и прочие приморские города вплоть до Триполиса.

Боэмунд был вынужден признать, что одновременная борьба с турками и византийцами превышала его возможности. Оставив в Антиохии Танкреда, он отправился на Запад, чтобы подготовить крупномасштабный поход против Византии. Проезжая с вербовочными целями по Италии и Франции, Боэмунд как никто другой постарался распространить легенду о предательстве делу крестоносцев со стороны византийского императора¹. Он вновь приступил к выполнению программы и военных планов своего отца: в октябре 1107 г. высадился с большой армией у Авлоны, после чего пошел на Диррахий. Как и 25 лет назад, норманны и византийцы встретились под стенами Диррахия. Но, как и в тот раз, византийский император был с войсками: битва закончилась победой византийцев и полным усмирением Боэмунда. В договоре 1108 г. он покаянно обещал в качестве ленника (*λίγιος ἄνθρωπος* = *homme de liege*) императора сохранять ему верность и во исполнение своего вассального долга оказывать ему помощь в борьбе с любыми врагами Империи, в обмен на что в его руках на правах императорского лена оставалось

¹ См.: *Erdmann C.* Die Entstehung des Kreuzzugsgedankens. Stuttgart, 1935. S. 365 ff.; *Joranson E.* The Problem of the Spurious Letter of Emperor Alexius to the Count of Flanders // *American Historical Review* 55 (1950). P. 820–832.

Антиохийское княжество¹. Между тем Танкред, как и следовало ожидать, отказался признать этот договор, а после случившейся вскоре смерти Боэмунда (1111?) он стал единственным господином Антиохии. Попытка императора заключить союз против него с другими предводителями крестоносцев не достигла цели. Для возобновления войны со строптивым норманнским княжеством император Алексей уже не нашел возможности, посвятив последние годы жизни войне с турками в Малой Азии.

Итак, договор 1108 г. изначально не имел никакой действительной силы, однако сохранял свое значение в качестве направляющей линии для развития политики последующих царствований. Кроме того, одержанная на Адриатическом побережье победа над Боэмундом послужила значительному укреплению положения Византии на Балканском полуострове. Впрочем, в отношении на Балканах в качестве нового могущественного фактора вмешалась Венгрия, которая к началу XII в. подчинила своей власти Хорватию и Далмацию. Весомость, которую приобрела Венгрия в политике Византии, нашла свое выражение в том, что император Алексей женил своего сына и наследника престола Иоанна на венгерской принцессе. Тем не менее дело неизбежно должно было дойти до борьбы между двумя державами за влияние на Балканском полуострове и на Адриатике. Таким образом, в последующие десятилетия Венгрия стала главным противником Византии.

После непрерывной борьбы, длившейся почти четыре десятилетия, Алексей Комнин в значительной мере восстановил могущество Византийской империи. Каждый этап этой борьбы свидетельствует о величии Алексея как государственного деятеля и его несравненном дипломатическом искусстве. Против Робера Гвискара он смог выставить Венецию, против Чахи — его соперников-эмиров; печенегов он одолел с помощью куманов, против турок использовал крестоносцев, а против крестоносцев — турок. Но наряду с этим искусным манипулированием иноземными силами он также применял во все большем масштабе и собственные войска. Можно видеть, как от одной

¹ Текст этого весьма важного с государственно-правовой точки зрения документа приводит Анна Комнина: Alexias II, 209 sq. (ed. Reifferscheid); III, 125 sq. (ed. Leib); *Dölger*. Reg. 1243. Подробный анализ договора см. в: *Ferluga J.* La ligesse dans l'Empire byzantin // ЗРВИ 7 (1961). С. 99–104.

войны к другой растут вооруженные силы византийского государства. Во время войны с Робером Гвискарсом у Византии не существовало военно-морских сил, однако уже во время войны с Чахой и особенно с Боэмундом византийский флот оказывал эффективную помощь. Поражения первых лет сменились победоносными походами против куманов и сельджуков. Со всей ясностью усиление византийской армии видно из сопоставления двух столкновений византийцев с норманнами на восточном побережье Адриатики. Алексей I не только раздвинул границы Империи, он также внутренне упрочил государство и вновь сделал его способным к обороне. Впрочем, государственная система, которую он создал, была полностью отличной от строгого государственного строя средневизантийского времени. Наиболее сомнительные явления XI в., такие, как откуп налогов, предоставление права иммунитета светским и церковным землевладельцам, порча монеты, продолжают существовать и далее и даже увеличиваются в масштабах. Новым фактором оказывается вторжение итальянских торговых республик в византийскую торговлю: Венеция с 1082 г. становится всемогущей в византийских водах, а после заключения в октябре 1111 г. соответствующего договора Алексей I предоставляет важные торговые привилегии также и Пизе¹.

В высшей степени показательно для упадка византийского бюрократического государственного устройства предпринятое Алексеем I изменение придворной титулатуры, которое также смыкается с процессами, шедшими на протяжении предшествующей эпохи². Вследствие щедрой раздачи титулов во времена правления чиновничьей аристократии старые титулы обесценились, и таким образом для высокопоставленных персон следовало ввести новые титулы. Титул патрикия, протоспафария и спафарокандидата, которые носили в X в. чиновники высокого ранга, уже к середине XI в. значили совсем немного, а на рубеже XI и XII вв. вовсе выходят из употребления. Только три титула средневизантийского времени — кесарь, новииссим и куропалат — пережили эту «инфляцию титулов», однако и они потеряли в значении. Для своего брата Исаака Алексей I ввел новый титул севастократора, которому он дал преимущество перед титулом кесаря. После этого он без колебаний смог сдержать

¹ Miklosich–Müller III. P. 9 sq.; Dölger. Reg. 1254 и 1255.

² Stein. Untersuchungen. S. 29 ff; Bréhier. Institutions. P. 138 sv.

обещание, данное им претенденту на престол Никифору Мелиссину, предоставив ему титул кесаря, который отныне означал высокое, но отнюдь не высшее властное достоинство. В то время как старые названия чиновных должностей исчезают, высшим функционерам даются титулы, которые раньше бытовали в качестве эпитетов императора или младших членов императорского дома, а именно: из комбинации отдельных титулов и эпитетов возникают всё новые возможности для повышения: севаст, протосеваст, паниперсеваст; севастоиперпат, пансевастоиперпат, протопансевастоиперпат; энtimerпат, панэнтимойперпат, протопанэнтимойперпат; новилиссим, протоновилиссим, протоновилиссимойперпат и тому подобное. Это изменение титулатуры олицетворяет собой глубокие перемены, которые претерпела византийская государственная система с XI в.: вместе со строгим бюрократическим централизмом отмирает и строгая иерархическая система средневизантийского времени.

Также весьма типичным проявлением обесценивания титулатуры является то, что из трех титулов, применявшихся к правителям провинций в конце X в., удерживается только высший, так что во времена Комнинов все правители провинций носят титул дуксов (дук), в то время как катепанами теперь называются подчиненные дукса фемы, причем старое доброе наименование «стратиг» уже в XI в. полностью исчезает. То, что одновременно с этим уменьшается значение и территория самих фем, выставляет этот процесс в весьма характерном свете¹. Титул великого дукса (μέγας δούξ) со времени Алексея I и вплоть до падения Империи носит адмирал, которому подчиняется весь византийский флот². К доместикам Востока и Запада, которые со второй половины X в. делили между собой

¹ Рассуждения Штайна (*Stein. Untersuchungen. S. 21 ff.*) о возникновении титула дукса следует поправить на основе сказанного выше, поскольку Штайн упустил из виду тот факт, что уже в конце X в. правители наиболее важных византийских фем регулярно носят этот титул, а с этого времени (как это показал уже Скабаланович: *Византийское государство. С. 187 сл.*) между дуксом, катепаном и стратигом существовала известная иерархическая разница. Ср. тж. богато документированное изложение вопроса в: *Glykatzis-Ahrweiler. Recherches. P. 52 sv.*

² *Stein. Untersuchungen. S. 57; Guiland R. Études de titulature et de prosopographie byzantines. Les chefs de la marine byzantine: Drongaire de la flotte, Grand Drongaire de la flotte, Mégaduc // BZ 44 (1951). S. 212–240.* Гийан приводит весьма подробный список известных по источникам носителей этого титула.

верховное командование армией, уже с середины XI в. обыкновенно прилагается титул великого доместика¹. В качестве контролера над всеми гражданскими учреждениями при Алексее I появляется логофет секретов (λογοθέτης τῶν σεκρέτων), который с конца XII в. называется великим логофетом². С этой должностью, так же, как в средневизантийское время с логофетом дрома, впредь связываются, хотя и не вполне регулярно, функции первого министра — месадоны (μεσάζων)³.

Упадок армии и острая нехватка денежных средств были двумя обстоятельствами, которые накладывали отпечаток на внутреннее положение Византийской империи с середины XI в. и которыми в первую очередь обуславливается внутривластная деятельность Алексея I. Порча монеты, которая началась в середине XI в., в огромном масштабе практиковалась и при Алексее Комнине, так что наряду со старой полноценной золотой монетой циркулировали новые монеты меньшей и притом весьма различной ценности⁴. По понятным причинам это положение вызвало в экономической жизни большой беспорядок, однако одновременно отсюда происходили определенные выгоды для казны, которая эмитировала плохую монету, при этом требуя с налогоплательщиков полноценную. Но такое положение невозможно было поддерживать долго, и вскоре государство оказалось вынуждено принимать и неполноценные монеты. Поначалу имели место сильнейшие колебания курса, сборщики налогов производили оценку по собственному произволу, обогащаясь при этом самым неприличным образом, пока, наконец, император не приказал считать в номисме четыре милиарисия, благодаря чему было официально признано, что византийская золотая монета обладала лишь третью ее первоначальной

¹ Stein. Untersuchungen. S. 50–51 и 56–57; Guillard R. Le grand domesticat à Byzance // EO 37 (1938). P. 53–64; Laurent V. Le grand domesticat. Notes complémentaires // EO 37 (1938). P. 65–72.

² См.: Diehl Ch. Un haut fonctionnaire byzantin, le logothète τῶν σεκρέτων // Mélanges Jorga. 1933. P. 217–227. Обсуждение этой статьи: Stadtmüller G. // BZ 34 (1934). S. 373–379.

³ См. Beck H.-G. Der byzantinische “Ministerpräsident” // BZ 48 (1955). S. 321–338.

⁴ От времени Алексея I наряду с полноценными золотыми номисмами до нас дошли шесть различных типов номисм, которые были изготовлены из различных типов металлов; см.: Wroth. Byzantine Coins. Vol. I. P. LXI и II. P. 540 ff.

стоимости¹. К основным налогам было добавлено несколько дополнительных, которые назывались *δικέρατον*, *ἐξάφολλον*, *συνήθεια* и *ἐλατικόν*, которые вместе составляли примерно 23 % от суммы основных налогов. И если при исчислении основных налогов исходили из троекратной потери ценности золотой монеты, то при исчислении дополнительных налогов поначалу продолжали держаться старого курса; когда же налогоплательщики заявили протест, император принял компромиссное решение и разрешил снизить сумму, с которой начислялись дополнительные налоги, наполовину. Фактически это означало повышение дополнительных налогов на 50 %, доход же казны оказался еще выше: поскольку дополнительные налоги начислялись только при определенной величине основной суммы налогов, а с обесцениванием золотой монеты номинальные суммы налогов, соответственно, повысились, тем самым к уплате дополнительных налогов могли быть привлечены даже беднейшие плательщики, на которых они ранее не распространялись. Так император хитроумным способом смог извлечь из деградации валюты разного рода пользу.

Потерпевшей стороной при этом оказывался налогоплательщик, положение которого становилось все тяжелее. Более тягостным, чем само бремя налогов, был произвол налоговых чиновников и откупщиков: на злоупотребления сборщиков налогов приходится слышать жалобы чаще, чем на повышение налогов. Откуп налогов выглядит в начале XII в. вполне обычной процедурой, причем отдельным откупщикам предоставляются целые провинции. Ничего экстраординарного не приходится видеть и в том, что откупщики обязуются взыскать налоги в двойном размере². К денежным налогам присоединяются также многочисленные натуральные повинности и отработки, которые в это время представляются особенно тяжелыми. Для постройки кораблей, крепостей, мостов и дорог население поставляет материал и рабочую силу. Оно также обязано заботиться о расквартировании и продовольствии императорских

¹ Фактически потеря византийской номисмой своей ценности была еще больше. Важные решения (*λύσεις*) императора по этой теме, а также по поводу направленных ему запросов сборщиков налогов: *Zepos. Jus*, I. P. 319 sq. Об этом: *Васильевский*. Материалы. С. 385 сл.; *Chalandon. Alexis* I. P. 320 sv.; *Ostrogorsky. Steuergemeinde*. P. 63 ff.; *Dölger. Reg.* 1230, 1234, 1245, 1246, 1247.

² *Zepos. Jus*, I. P. 334. Об этом: *Dölger. Finanzverwaltung*. S. 75.

чиновников и военных, о предоставлении тяглового скота и о поставке проходящим войскам всевозможных продуктов по низким ценам¹. Это означает, что обеспечение войска лишь частично берет на себя государство: значительная часть его содержания обеспечивается непосредственно населением, причем эта часть является в это время особенно большой. Таким образом выходит из положения государство, финансовые возможности которого пришли в упадок, но которое вынуждено незамедлительно создавать новые вооруженные силы и в большом числе вербовать наемников. И в самом деле, в это время византийская армия представляет собой пеструю смесь народов, таких как варяги-русь², печенеги, куманы, турки, франки, немцы, англичане, болгары, абазги и аланы³.

Наряду с наемническими отрядами все больший вес вновь приобретает местное войско. Основной единицей византийской армии уже не мог быть мелкий землевладелец, поскольку старые солдатские наделы пали жертвой процесса феодализации, и хотя крестьяне-стратиоты не исчезли полностью, они отныне играли лишь вспомогательную роль. Византийское военное устройство получает свою новую основу в виде феодальной ленной системы; собственно ее носителем становится созданная для военных целей система проники, введение которой является главной причиной военного усиления Византийской империи в период господства военной аристократии, олицетворяемой Комнинами. Действительно, раздачи проники, которые известны со времени эпигонов Македонской династии и дома Дук, не имели ничего общего с задачами обороны. Однако уже при Алексее I система проники получает военный характер⁴, который она сохраняет с тех пор вплоть до падения Империи. Получатель

¹ Ср., к примеру, многостраничные перечисления видов налога и натуральных повинностей в документах Алексея I: Miklosich–Müller. T. VI. P. 27 sq., 47 sq.

² О тождестве терминов «варанги» и «росы» в византийских источниках см.: Васильевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе // Труды. Т. 1. С. 176–377. — *Прим. пер.*

³ Ср., к примеру, перечисления в документах Алексея I от мая 1086 и апреля 1088 г.: Rouillard–Collomp. Actes de Lavra. I. P. 111 и Miklosich–Müller. T. VI. P. 47. См. тж. интересные наблюдения над этническим составом византийской армии в 70-е и 80-е гг. XI в.: Vasiliev A. The Anglo-Saxon Immigration to Byzantium // Annales de l'Inst. Kondakov 9 (1937). P. 58–59.

⁴ См.: Ostrogorski. Féodalité. P. 26 sv.

надела, отданного в пронию, обязуется исполнять воинскую службу и потому, как правило, называется просто «военным» — стратиотом (στρατιώτης). Он является конником и, исходя из величины своего надела, сопровождается бóльшим или меньшим числом дружинников¹. Наряду с ним и прочие землевладельцы, в том числе и церковные, привлекаются посредством принудительной рекрутской разверстки к поставке солдат, но лишь легковооруженных пехотинцев².

Надел не представлял собой собственности прониара, был неотчуждаем и первоначально даже не наследовался. Право собственности и право неограниченного распоряжения прониарными владениями сохраняло за собой государство, которое по собственному произволению раздавало в пронию и отчуждало наделы. Впрочем, все то время, что прониар владел выделенными ему имениями и живущими на них крестьянами (а как правило, он владел ими до конца жизни), он был их всемогущим господином и повелителем. Прониары и стратиоты средневизантийского времени в социальном плане принадлежали к двум различным мирам. Если прежние стратиоты представляли собой крестьянское ополчение, то прониары, несмотря на то что они также назывались стратиотами, выходили из рядов феодальной аристократии, прежде всего из знати средней руки. Они являлись более или менее крупными феодалами, имения которых обрабатывались зависимыми крестьянами. Раздача земель в пронию означает не только передачу определенных владений, но также и живущих на них крестьян, которые автоматически становятся париками прониара³ и обязуются платить ему подати. В праве на эти подати

¹ Несмотря на то что в византийских источниках отсутствуют непосредственные сведения, мы можем тем не менее предполагать это ввиду многочисленных и точных данных, с одной стороны, в Морейской хронике, с другой — в венецианских документах из области Скадара. См.: *Ostrogorskij. Féodalité*. P. 55–56, 237 sv.

² Феофилакт Охридский (PG 126. Col. 532–533) показательным образом именует рекрутов «пехотинцами» (πεζοί). Дальнейшие указания: *Мутафчиев. Војнишки земи*. С. 53 сл. и *Xanatalos. Beiträge*. S. 44 ff.

³ Харанис (*Charanis. Monastic Properties*. P. 90), в работе которого содержатся несколько верных замечаний по вопросу о пронии, несомненно, ошибается, полагая, что крестьянское население в имениях прониаров могло сохранять свою независимость. См. тж.: *Charanis P. On the Social Structure and Economic Organisation in the Byzantine Empire in the Thirteenth Century and Later* // BSI 12 (1951). P. 142, 152 ff. Впрочем, ср. заметку Дёльгепа в BZ 45 (1952). S. 476. — *Ostrogorskij. Féodalité*. P. 71 sv. et passim.

и прочие доходы от имения, полученного в пронию, и состоял, таким образом, для получателя смысл и привлекательность этого владения.

Большое значение, которое с учетом новых задач получает с этого времени система пронии, выразалось в том, что имения отдавались в пронию во все большем количестве. Тем самым был ускорен процесс феодализации в Византии, ибо система пронии является наиболее ярким явлением византийского феодализма. За пределами Византийской империи этой системе было суждено получить большое распространение в южнославянских землях и сыграть значительную роль в процессе феодализации этих стран¹.

При Алексее I претерпела изменение также система так называемого харистикия, т.е. передачи монастырей и монастырских владений светским управляющим. Эта практика, которая с XI в. получила особенно большое распространение, имела своей целью экономическое развитие монастырей, однако зачастую приводила к серьезным злоупотреблениям и потому вызывала протесты части клира и неоднократно осуждалась на Соборах². То, что она тем не менее продолжала существовать и даже находила себе защитников в лице многих уважаемых иерархов, объясняется тем, что это была некая отдушина для ограниченного принципом неотчуждаемости церковной собственности монастырского хозяйства. Но в то время как в более ранний период такие пожалования монастырской собственности осуществлялись главным образом церковными властями, то теперь сам император раздавал церковные имения в качестве своего рода бенефициев³. В противоположность пронии имения харистикариев не несли никаких социально-правовых функций, представляя при

¹ *Ostrogorskij. Féodalité. P. 187 sv.*

² *Успенский Ф.* Мнения и постановления константинопольских Поместных Соборов XI и XII вв. о раздаче церковных имуществ // ИРАИК 5 (1900). С. 1–48. См. далее: *Васильевский.* Материалы. С. 400 сл.; *Ferradou A.* Des biens des monastères à Byzance. Bordeaux, 1896. P. 233 sv.; *Nissen W.* Die Diataxis des Michael Attaleiates von 1077. Jena, 1894. P. 52 ff.; *Chalandon. Alexis I. P. XXVIII sv., 233 sv.; Xanatalos.* Beiträge. S. 32 ff.; *Charanis.* Monastic Properties. P. 72 ff.

³ Это верно понял Шаландон (*Chalandon. Alexis I. P. 283*). Часто выдвигаемое и повторяемое, в том числе Шаландоном, утверждение о том, что система харистикиев смыкается с враждебными по отношению к монастырям мерами иконоборцев, является уже потому необоснованным, что эта система сама по себе не несла в себе никаких враждебных монастырям тенденций.

этом для государства недорогое средство вознаграждения своих слуг. Вполне возможно, что император также руководствовался стремлением ограничить непомерно разросшиеся церковные владения. Во всяком случае, неудивительно, что пожалования монастырских земель императором вызывали в церковных кругах сильное раздражение¹.

Равным образом Алексей I натолкнулся на сильную оппозицию церковных кругов, когда во время войн с норманнами и печенегами он оказался вынужден наложить руку на церковные сокровища: под давлением оппозиции императору пришлось не только обещать возмещение взятых сокровищ, но и издать в 1082 г. эдикт, в котором он дезавуировал свои действия и на будущее запрещал конфискацию церковных имений². Это, впрочем, не помешало ему через несколько лет, когда он оказался перед лицом новых трудностей, вновь прибегнуть к конфискации церковных сосудов³. Несмотря на эти временные осложнения, между светской и церковной властями преобладало единодушие и сотрудничество, которое было основано на глубокой общности интересов. Церковь и император рука об руку боролись против еретических движений, которые угрожали как государственной, так и церковной организации, и именно императору принадлежало здесь решающее слово. Возникшее некогда под влиянием восточных ересей на славянских Балканах учение богомилов с течением времени получило столь широкое распространение и нашло в среде византийского населения, в том числе и в столице, столь многочисленных приверженцев, что император считал насущнейшей государственной задачей выступление против опасной ереси. Предводитель богомилов Василий и его ученики, оставшиеся верными своим убеждениям, были сожжены на костре⁴.

¹ Ср. проповедь против системы харистикиев, составленную патриархом Иоанном Антиохийским, современником Алексея I (ср.: *Chalandon. Alexis I. P. XXVIII sv.*: PG 132. Col. 1117 sq. (указание на иконоборцев является здесь лишь полемическим выпадом). Вальсамон, впрочем, не одобрил этой проповеди, и Евстафий Фессалоникийский также поддерживал харистикариат.

² *Zepos. Jus. I. P. 302 sq.*; *Dölger. Reg. 1085*. Об этом эдикте и его спорной хронологии см.: *Grumel V. L'affaire de Léon de Chalcédoine. Le chrysobulle d'Alexis Ier sur les objets sacrés // Etudes byzantines 2 (1949). P. 126–133.*

³ См.: *Grumel. Op. cit. P. 131 sv.*

⁴ См.: *Angelov D. Der Bogomilismus auf dem Gebiet des byzantinischen Reiches. 1948. S. 12 ff. et passim; Runciman St. The Medieval Manichee. 1946. P. 69 ff.; Obolensky D. The Bogomils. 1948. P. 197 ff.*

Как защитник Православия император принял живое участие в беседах, направленных против «ипата философов» Иоанна Итала, который, подобно своему великому предшественнику Пселлу, был большим поклонником Платона и неоплатоников, а также много занимался Аристотелем. В лице Иоанна Итала античная философия, которая со времени Пселла господствовала в высшей школе Империи, вступила в конфликт с христианским догматическим учением. В отличие от Пселла, Иоанн Итал не смог удержаться в предписанных христианским догматом границах и за свою приверженность «нелепой и суетной мудрости язычников» поплатился анафемой¹. Алексей I, выступавший как за неприкосновенность догматического вероучения, так и за чистоту христианского образа жизни, поддерживал строгий аскетизм монастырей на горе Афон и особенно поощрял деятельность монаха Христодула, который выступил на острове Патмос в качестве реформатора монашеской жизни. Патмос и соседние острова были переданы ему в вечное владение и, наделенные широкими правами иммунитета, подобно Афону, представляли собой монашескую республику².

Как и сама Империя, укрепился при Алексее Комнине и авторитет императора. Впрочем, по своей структуре Империя Комнинов очень сильно отличается от строгого централистского государства средневизантийского времени. Эпоха Комнинов привела к углублению процесса феодализации, и феодальные силы провинций, против которых императоры X в. боролись с величайшими усилиями, стали фундаментом нового государственного здания. Наиболее сильным в социальном отношении факторам, которые в средневизантийское время смогли укрепиться вопреки центральной власти, Алексей

¹ Успенский Ф. Делопроизводство по обвинению Иоанна Итала в ереси // ИРАИК 2 (1897). С. 38 сл. и Очерки. С. 146 сл.; *Hussey*. Church and Learning. P. 89 ff.; *Salaville S.* Philosophie et Théologie, ou épisodes scolastiques à Byzance de 1059 à 1117 // EO 29 (1930). P. 141 sv.; *Stephanou P.E.* Jean Italos // EO 32 (1933). P. 413 sv. и особенно: *Jean Italos*, philosophe et humaniste. Rome, 1949. (*Orientalia Christiana Analecta*; 134); *Dujčev J.* L'umanesimo di Giovanni Italo // *Studi bizantini e neoellenici* 5 (1939). P. 432–436; *Tatakis B.* La philosophie byzantine. Paris, 1949. P. 210 sv.; *Joannou P.* Christliche Metaphysik in Byzanz, I. Die Illuminationslehre des Michael Psellos und Joannes Italos. Ettal, 1956.

² См. многочисленные документы Алексея I, касающиеся пожалования привилегий и дарений Христодулу и монастырю Предтечи на Патмосе: *Dölger*. Reg. 1123, 1139, 1141, 1147, 1150, 1153, 1170, 1214.

предоставил первенство, создав с их помощью новый государственный и военный строй. В этом заключается секрет его успеха, в этом же заключаются и его слабости. Византия окончательно отошла от прежних крепких основ: ее вооруженные силы, экономика и финансы уже не были прежними. Это необходимо учитывать, чтобы понять, почему блеск эпохи Комнинов продержался недолго и почему концом этой эпохи было крушение византийского государства.

В углубление процесса феодализации внесли свой вклад и контакты с Западом. Судьбе было угодно, чтобы Византия вошла в более близкое соприкосновение с западным миром после того, как церковное общение — а оно в то время означало и интеллектуальное общение вообще — окончательно распалось. Ненависть и презрение были теми чувствами, которые испытывали друг к другу византийцы и латиняне, а при более близком знакомстве эти чувства лишь обострились. Тем не менее с этого времени влияние Запада на Византию дает себя чувствовать самыми разными способами как в культурной, так и в государственной сфере. Разумеется, феодализация византийского государства была следствием внутреннего развития Византии¹. В дальнейшем также не могло не оказать продолжительного влияния и то обстоятельство, что в Передней Азии возник ряд латинских государств, в которых западный феодализм нашел свое чистейшее оформление. Оформленные на западный манер отношения, в которые вожди крестоносцев вступили с Алексеем I, внесли в византийскую государственную картину мира новый принцип. Вскоре отношения вассалитета начали применяться и по отношению к другим правителям в византийской сфере влияния и таким образом стали прочной составной частью поздневизантийской государственной системы².

¹ Совершенно неприемлемо сводить византийский феодализм к заимствованию с Запада, хотя это мнение часто встречается в науке вплоть до сего времени. См., напротив: *Ангелов Д.* Феодализъмът във Византия // Истор. преглед 2 (1946–1947). С. 217–232; *Сюзюмов М.Я.* К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии // ВВ 17 (1960). С. 3–16.

² Тем не менее типичные для западного феодализма отношения взаимных клятвенных обязательств между государем и подданными государства остаются невысказанными в Византии. См., впрочем: *Svoronos N.* Le serment de fidélité à l'empereur byzantin et sa signification constitutionnelle // REB 9 (1951). P. 106–142; *Ferluga J.* La ligesse dans l'Empire byzantin // ЗРВИ 7 (1961). P. 97–123.

2. Новый взлет византийского могущества и первые поражения: Иоанн II и Мануил I

Общая литература: *Chalandon*. Les Comnènes. Vol. II; Domination normande. Vol. I–II; *Kap-Herr*. Kaiser Manuel; *Caspar E.* Roger II. und die Gründung der normannisch-sizilischen Monarchie. Innsbruck, 1904; *Kugler B.* Studien zur Geschichte des zweiten Kreuzzuges. Stuttgart, 1866; *Analekten zur Geschichte des zweiten Kreuzzuges*. Tübingen, 1878; *Neue Analekten zur Geschichte des zweiten Kreuzzuges*. Tübingen, 1883; *Grousset R.* Histoire des croisades. Paris, 1934–1935. 2 vol.; *Runciman*. Crusades. Vol. II; *Lamma P.* Comneni e Staufer. *Richerche sui rapporti fra Bisanzio e l'Occidente nel secolo XII*. Roma, 1955–1957. 2 vol. См. тж. литературу к гл. 1.

Результатом укрепления императорского авторитета было основание новой династии Комнинов. Несмотря на разногласия, господствовавшие в императорской семье, и на упорную борьбу за престолонаследие, которые отравляли последние дни и часы жизни императора Алексея, его преемником стал старший сын Иоанн. Достигнув высшей власти в союзе с Дуками, Алексей I сначала объявил наследником престола юного Константина Дуку, сына Михаила VII, и помолвил его со своей старшей дочерью Анной¹. Однако после рождения своего первенца Иоанна он перенес право наследия престола на него (1092)². Тем самым был сделан решающий шаг в сторону основания династии Комнинов, и после того как через некоторое время молодой Константин Дука умер, стало казаться, что все препятствия на пути к этому устранены. Между тем на пути такого способа урегулирования вопроса престолонаследия встало своеобразие принцессы Анны. После преждевременной смерти своего жениха она была обвенчана с Никифором Вриеннием (1097) и возжелала доставить ему императорский престол. Великий государственный деятель и полководец, Алексей был всегда подвержен влиянию женщин: поначалу

¹ При аккламациях во время придворных празднеств имена Анны Комнины и ее жениха возглашались наряду с императором и императрицей: Alexias I, 204.8 (ed. Reifferscheid); II, 62.13 (ed. Leib).

² Связь между провозглашением Иоанна Комнина и размолвкой с семьей Дук продемонстрировал Шаландон (*Chalandon*. Alexis I. P. 371 sv.).

он находился под обаянием вдовы императора Марии, супруги двух своих предшественников и матери наследника престола Константина Дуки. К этой красивой и умной женщине Алексей был привязан с истинной страстью, так что даже был готов пожертвовать ради нее своей женой Ириной Дукеной: от этого политически неверного шага его удержало энергичное вмешательство патриарха Космы, который настоял на коронации Ирины. Далее, решающее влияние на Алексея оказывала его мать Анна Далассина, которая в его отсутствие во время войны с Робером Гвискараром исполняла обязанности регентши. Наконец, большое влияние получила и поначалу пренебрегавшаяся Алексеем императрица Ирина. В вопросе о престолонаследии она, вопреки своему сыну Иоанну, приняла сторону дочери Анны и ее супруга кесаря Никифора Вриенния. Мать и дочь совместными усилиями взялись за императора, чтобы вынудить его решить дело в пользу передачи прав на престол Вриеннию. Даже на смертном одре обе женщины осаждали его своими мольбами и уговорами. Не решившись на ясно выраженный отказ, Алексей присудил императорский венец своему сыну, а тот оказался достаточно ловким и энергичным для того, чтобы реализовать свое право. Впрочем, из-за интриг матери и сестры вступление на престол законного наследника приобрело вид государственного переворота. Анна не сразу смирилась со своей судьбой. Она планировала покушение на своего брата, и только когда это крайнее средство не достигло цели, она вышла из игры с тем, чтобы искать утешения в ученых занятиях. В своем вынужденном уединении в одном монастыре она описала историю своего отца, «Алексиаду», которая обессмертила ее имя¹.

Согласно суждению современников и потомков, Иоанн II (1118–1143) был величайшим среди Комнинов². Он был правителем, в котором разумная трезвость сочеталась с целеустремленной энергией и к тому же еще прямым человеком с твердым характером и благородным образом мыслей, что намного возвышает его над современниками. Исполненный умеренности, но твердый и неумолимый в достижении своих целей, он продолжал политику своего отца с упорством и выдержкой, никогда не упуская из вида границы возможного.

¹ См. блестящие эссе Ш. Диля об Анне Комнине: *Figures*, II. P. 26–52; об Ирине Дукене: *Ibid.* P. 53–85; об Анне Далассине: *Ibid.* I. P. 317–342.

² *Nic. Choniates*. P. 63–64.

На первом плане стояла война с норманнским княжеством в Антиохии. Одновременно на Западе возникли новые большие проблемы, которые требовали величайшей бдительности. Из Антиохии нити тянулись на Сицилию; норманнская проблема в Южной Италии, так же, как и сербская на Балканском полуострове, привели Империю в соприкосновение с целым рядом западных держав. Тщетно Иоанн II стремился рассечь узы, связывавшие Империю с Венецией, которые стесняли византийскую торговлю. Морская республика не дала себя вытеснить с позиций, которые ей предоставил договор 1082 г.: венецианский флот напал на византийские острова в Эгейском море, после чего император был вынужден посредством нового договора в полном объеме подтвердить венецианские привилегии (1126)¹.

На Балканах Иоанн, напротив, смог достичь важных успехов. После победы, которую Алексей I одержал с помощью куманов над печенегами, Империя в течение тридцати лет была свободна от их грабительских набегов. Однако в 1122 г. новая орда печенегов перешла через Дунай и двинулась на Македонию и Фракию, разоряя все на своем пути². Это было последнее нападение печенегов, которое пережила Византия: сокрушительное поражение, которое им нанес Иоанн II (1122), окончательно освободило Империю от этого бедствия. Многочисленные пленники были поселены в Империи, а в имперскую армию были включены новые печенежские отряды, но в качестве могущественного внешнего фактора печенеги с тех пор для Византийской империи перестали существовать. В воспоминание об этой победе император ввел особый «печенежский праздник», который справлялся еще в конце XII в.³

После разгрома печенегов Иоанн пошел на Сербию, которая представляла собой постоянный очаг напряженности. Если его отец был вынужден довольствоваться частичным успехом, то Иоанн одержал решительную победу над жупаном Рашки и вернулся домой с богатой добычей и множеством пленников, которых он приказал поселить в Малой Азии. Сербь были вынуждены признать византийский суверенитет. Однако их стремление к свободе и дальше выражалось

¹ Tafel-Thomas. Vol. I. P. 96; *Dölger*. Reg. 1304.

² О хронологии см.: *Kurtz E.* Unedierte Texte aus der Zeit des Kaisers Johannes Komnenos // BZ 16 (1907). S. 86.

³ *Nic. Choniates*. P. 23.2.

в частых восстаниях, которые доставляли много забот Империи, поскольку находили поддержку у венгров. Усиление Венгрии как новой балканской и адриатической державы, а также тесная связь между Сербией и Венгрией на последующие несколько десятилетий определили развитие событий на Балканах. Родственные связи императора с венгерским королевским домом дали ему повод для вмешательства в частые венгерские споры о престолонаследии посредством поддержки тех или иных кандидатов на престол. Эта политика, которая дала Византии возможность оказывать влияние на венгерские дела, внесла также свой вклад в создание и усиление напряженности в византийско-венгерских отношениях. Стефан II (1114–1131), ослепленный брат которого Алмош нашел приют в Константинополе, около 1128 г. начал войну против Византии. Венгры разрушили Белград и Браничево¹, но были принуждены к отступлению и заключению мирного договора ввиду превосходящих сил византийского императора.

Около 1130 г. Иоанн смог, наконец, обратиться на Восток, чтобы возобновить войну, которую он начал тотчас по своем вступлении на престол, однако был вынужден прервать из-за осложнений на Балканском полуострове. Главным противником в Малой Азии был в то время не Иконийский султанат, ослабевший из-за внутренних неурядиц, а эмират Данишмендидов в Мелитине. После победы над ним в 1135 г. оставалось решить еще одну проблему, прежде чем император получил бы возможность приступить собственно к выполнению своей главной задачи: подчинению Антиохии. Путь в Сирию был отрезан армянским княжеством в Киликии, созданным армянским князем Рубеном, который около 1071 г. утвердился в горах Тавра². Князь Малой Армении Левон, потомок Рубена, с 1129 г., опираясь на государства крестоносцев, стал захватывать важнейшие крепости Киликии, и таким образом между византийской территорией и антиохийским княжеством был вбит клин. Поход Иоанна II против Малой Армении весной 1137 г. превратился в триумфальный: друг за другом быстро пали Тарс, Адана и Мамистра; князь Малой Армении искал спасения в бегстве, однако

¹ О ненадежной хронологии этих событий см.: *Радойчић Б.* О хронологии угарско-византийских борьбы и устанку Срба у време Јована II Комнина // ЗРВИ 7 (1961). С. 177–186. См., однако, тж.: *Каждан А.П.* Из истории международных отношений на Балканах в XII в. // Вопросы истории. 1962. № 2. С. 202.

² См.: *Adontz N.* L'aïeul des Roubéniens // Byz 10 (1935). P. 185–203.

год спустя попал в руки византийцев и вместе с обоими своими сыновьями в качестве пленника был доставлен в Константинополь. После покорения Киликии путь на Сирию был открыт, и уже в августе 1137 г. Иоанн II стоял под стенами Антиохии. Город сдался после кратковременной осады, его правитель, Раймунд де Пуатье, зять Боэмунда II, присягнул императору на верность и вывесил над городскими стенами имперские знамена. Через год Иоанн вновь вернулся в Сирию и совершил триумфальный вход в Антиохию¹.

Подчинив силой оружия Антиохийское княжество, Иоанн принял дипломатические меры против державы норманнов в Южной Италии. После периода упадка государство норманнов приобретало новый блеск. Рожер II объединил под своей властью Сицилию и Апулию и на Рождество 1130 г. короновался в Палермо королевской короной². Взлет норманнского могущества в Южной Италии угрожал как Византии, так и Германии, на основе чего началось сближение двух держав. Против нового норманнского королевства Иоанн II заключил союз с Лотарем, а после его смерти — с Конрадом III. Пизу также удалось включить в антинорманнский фронт: в 1136 г. Иоанн подтвердил торговому городу привилегии, которые ему в свое время предоставил его отец³. Тем самым Иоанну удалось укрепить свои тылы при проведении активной политики на Востоке, поскольку проблема Антиохии еще не была окончательно решена. Отношения с государствами крестоносцев все более осложнялись, а в 1142 г. князь Антиохии, побуждаемый латинским духовенством, отступил от заключенных с императором соглашений. Император решил на новый поход против Антиохии, который должен был оказаться прелюдией к более крупному предприятию: по всей вероятности, Иоанн питал надежду восстановить византийское господство в Палестине. Впрочем, смерть положила конец его замыслам. Раненный на охоте отравленной стрелой, император Иоанн II умер 8 апреля 1143 г.⁴ Результатами его активной

¹ *Chalandon. Les Comnènes. Vol. II. P. 110 sv., 119 sv.*

² *Chalandon. Domination normande. Vol. II. P. 1 sv.; Caspar E. Roger II. und die Gründung der normannisch-sizilianischen Monarchie. Innsbruck, 1904.*

³ *Dölger. Reg. 1312.*

⁴ Согласно Браунингу (*Browning R. The Death of John II Comnenus // Byz 31 (1961). P. 229–236*), речь в данном случае может идти не о несчастном случае, а, по-видимому, о покушении.

и целеустремленной политики были рост авторитета византийского государства, усиление его военного могущества и значительное восстановление византийского господства на Востоке и на Балканах.

Оба старших сына Иоанна II, Алексей и Андроник, умерли еще в 1142 г. Согласно его последнему волеизъявлению, императорский венец перешел к его четвертому, младшему сыну Мануилу. Мануил I (1143–1180) оказался блестящим правителем, обладающим многочисленными талантами. Он был прирожденным полководцем и храбрым воином, лично не боявшимся никакой опасности. Но прежде всего он был хитроумным дипломатом и государственным деятелем с грандиозными и смелыми идеями. Мануил был настоящим византийцем, проникнутым идеей об универсальной Империи и одержимым страстью к богословским диспутам. Одновременно он по своему складу был рыцарем в западном смысле слова и в силу этого представляет собой новый тип правителя в византийской истории. На его примере можно видеть, насколько глубоким было воздействие крестоносцев на византийский мир. Он любил западные обычаи и заводил их при своем дворе. Оба его брака с западными принцессами также внесли свой вклад в то, что византийская императорская резиденция приобрела новый вид. Во Влахернском дворце Комнинов господствовала атмосфера веселья и радостей жизни. Величественной роскоши, напоминавшей восточный стиль, которая некогда окружала византийского императора в Большом дворце на Золотом Роге, больше не было: теперь царствовала легкая рыцарская эlegantность западного пошиба. Здесь устраивались рыцарские турниры, причем сам император принимал в них участие, — неслыханное и чуждое для византийцев зрелище. Иностранцы с Запада все больше задавали тон и все чаще занимали высшие должности в Империи, к вящему раздражению греков¹.

Естественно, что личные склонности Мануила влияли на проводившуюся им политику. Пылкий темперамент толкал его на рискованные поступки, которых его отец при своей разумной осторожности избегал. Впрочем, обычно неверно усматривают принципиальное противоречие между ориентированной на Запад политикой Мануила и ориентированными на Восток устремлениями его отца: во времена

¹ *Chalandon*. Les Comnènes. Vol. II. P. 200 sv., 266 sv.; *Diehl Ch.* La société Byzantine à l'époque des Comnènes. Paris, 1919. P. 13 sv., 23 sv.

Мануила менее чем когда-либо можно было разделить проблемы Востока и Запада, и развитие событий при Иоанне II уже демонстрирует это со всей очевидностью. Мануил продолжил политику отца, так же, как тот продолжал политику Алексея I. Как и при Иоанне, на первом плане при Мануиле стояли византийско-норманнские противоречия. Только изменением политической обстановки было обусловлено то, что в полном согласии с меняющейся расстановкой сил Иоанн подходил к норманнской проблеме с антиохийской, а Мануил — с итальянской стороны. Западная ориентация Мануила была не его капризом, а его судьбой, которую взвалили на него события на Западе. Началась эпоха общеевропейской политики, нити которой сходились в бассейне Средиземного моря. В качестве средиземноморской державы Византия не могла остаться в стороне. То, что она активно вмешалась в эту политику, было обусловлено ее положением великой средиземноморской державы, а то, что она выводила свои притязания из имперской идеи, было обусловлено всей ее историей. Стремление Мануила к универсализму было исконным стремлением Византийской империи, которое нисколько не было чуждо и Иоанну. Его программа была в существенных чертах предначертана умеренным и разумным Иоанном. Политическая воля обоих правителей была одинакова, но именно в том и заключалась роковая ошибка Мануила, что он слишком поспешил, перейдя от желаний к делу без учета того, что средств было недостаточно.

Союз с Германией, краеугольный камень которого был заложен его отцом, Мануил стремился укрепить. Как было уговорено уже при Иоанне, новый император женился на Берте Зульцбахской, сестре жены Конрада III¹. Однако совместные действия обоих правителей против короля норманнов — главная цель союза — потерпели неудачу из-за начала второго крестового похода, в котором принял участие не только французский король, но и немецкий, увлеченный зажигательными проповедями Бернара Клервоского. Для западника Мануила крестовый поход оказался так же некстати, как некогда и для его деда. Успех крестоносцев мог бы поддержать латинские государства на Востоке, и в первую очередь Антиохийское княжество, старого противника Византийской империи. Во всяком случае, уход Конрада в Святую Землю изолировал византийского императора на Западе,

¹ См.: *Lamma P. Comneni e Staufer*. Vol. I. Roma, 1955. P. 43 sq.

а распри с крестоносцами полностью лишали его свободы действий по отношению к норманнскому королю.

Поход крестоносцев через территорию Империи, сопровождавшийся обычными эксцессами, в высшей степени осложнил отношения между немцами и византийцами. Личная встреча между Мануилом и его свойственником, кажется, вовсе не состоялась¹. Еще более безрадостно складывались отношения с французским королем Людовиком VII, другом Рожера II. В его окружении уже тогда играли с мыслью о взятии Константинополя войском крестоносцев. Как некогда Алексей, так теперь и Мануил приложили все усилия к тому, чтобы как можно быстрее переправить пришельцев в Малую Азию; так же, как и Алексей, он потребовал от предводителей крестоносцев принесения ленной присяги и передачи ему завоеванных земель². Не столько вследствие настойчивых требований Мануила, сколько ввиду приближения французов Конрад III решился на переправу. В Малой Азии его армию постигла несчастная судьба: при первом же столкновении с войсками иконийского султана она была наголову разбита. После долгих и бесплодных переговоров Людовик VII также переправился в Малую Азию. Его армия соединилась с остатками немецких войск, однако план похода на Иконий пришлось оставить, и крестоносцы двинулись в направлении Атталии. Переход через трудную местность, сопровождаемый актами насилия по отношению к местному населению, ссорами между французами

¹ Насколько обострилась обстановка, показывает подробное сообщение Киннама, согласно которому под Константинополем между немцами и византийцами дело дошло до вооруженного столкновения (*Cinnam.* P. 77). Вопреки Куглеру (*Kugler B.* Studien zur Geschichte des zweiten Kreuzzuges. Stuttgart, 1866. S. 36 ff.; *Analekten zur Geschichte des zweiten Kreuzzuges.* Tübingen, 1878. S. 60 ff.), Гизебрехт (*Giesebrecht W.* Geschichte der deutschen Kaiserzeit. Bd. IV. Braunschweig, 1872. S. 479 ff.) и Кап-Херр (*Kap-Herr.* Kaiser Manuel. S. 16 ff.) не признают за сообщением Киннама, а именно за его сведениями о переписке между Мануилом и Конрадом III, никакого значения. Это мнение было обоснованно отвергнуто Шаландоном (*Chalandon.* Les Comnènes. Vol. II. P. 279). См. тж.: *Dölger.* Reg. 1360.

² Характерными в этом отношении являются два письма Мануила к папе Евгению III от августа 1146 и марта 1147 г. См.: *Ohnsorge W.* Ein Beitrag zur Geschichte Manuels I. von Byzanz // Brackmann-Festschrift. Weimar, 1931. S. 371–393; *Grumel V.* Au seuil de la deuxième croisade: deux lettres de Manuel Comnène au pape // *Études byzantines* 3 (1945). P. 142–167. Требование ленной присяги со стороны королей Франции и Германии Мануил во втором послании обходит молчанием.

и немцами, стычками между латинянами и греками, окончательно исчерпал силы крестоносцев. Заболев по дороге, Конрад III в Эфесе покинул крестоносное войско. Из Атталии Людовик VII и его бароны отправились на кораблях в Сирию, оставив своих людей погибать в нужде¹.

Единственным, кому этот бесславный поход принес выгоду, был, наряду с турками, норманнский король Рожер II. В то время как Мануил из-за недоразумений с крестоносцами был прочно скован на Востоке, он осенью 1147 г. совершил прямое нападение на Византийскую империю, захватил Корфу и занял Фивы и Коринф, богатейшие города тогдашней Греции и важные центры византийской шелковой промышленности. Оба города были разграблены, а опытные византийские ткачи были увезены в Палермо, где нашли себе применение во вновь созданной норманнской шелковой промышленности². Впрочем, неудача крестового похода вновь сделала возможным сближение между Византией и Германией. По пути домой из Азии Конрад был с почетом принят в Константинополе и обязался предпринять поход против Рожера II. Венеция также присоединилась к антинорманнской коалиции и помогла византийскому императору отвоевать Корфу (1149). Однако последствия несчастного крестового похода продолжали давать о себе знать к выгоде норманнского короля и к вящему ущербу византийского императора и его немецкого союзника.

План византийско-немецкого похода в Италию потерпел неудачу из-за успешной дипломатической контр-акции Рожера II. Он заключил союз с герцогом вельфом и поддержал его в борьбе с господством Штауфенов, так что Конрад был вынужден как можно скорее вернуться в Германию, где в последующее время его удерживали внутренние смуты. Против византийского императора Рожер поддержал Венгрию и сербов: уже в 1149 г. Мануил был вынужден выступить на подавление восстания жупана Рашки, после чего разгорелась война с Венгрией, открывшая собой долгую череду византийско-венгерских столкновений. Далее, естественным союзником Рожера II был

¹ Новейшее подробное изложение событий второго крестового похода: *Run-ciman. Crusades. Vol. II. P. 261 ff.* См. тж.: *Lamma P. Comneni e Staufer. Vol. I. Roma, 1955. P. 56 ff.*

² *Chalandon. Les Comnènes. Vol. II. P. 317 sv.; Domination normande. Vol. II. P. 136–137.*

французский король Людовик VII, который, исполненный злости на византийского императора, готовил новый крестовый поход. Его план нашел отклик как у Бернара Клервоского, так и у папы Евгения III, который стремился отвлечь германского короля от союза со схизматической Византией. Так во главе с Рожером II возникла сильная антивизантийская коалиция. План крестового похода, который на этот раз означал не что иное, как франко-норманнское нападение на Византию, потерпел неудачу из-за сопротивления французского рыцарства, в то время как Конрад III сохранил верность своему союзнику. Европейские государства разделились на два больших лагеря: с одной стороны стояли Византия, Германия и Венеция, а с другой — норманны, Гвельфы, Франция, Венгрия и Сербия, за которыми маячило папство. Началось выстраивание разветвленной европейской системы государств, которой в дальнейшем было суждено претерпевать изменения и вводить в свой круг всё новые державы. Противостояние Византии и Венгрии дало о себе знать даже в отдаленной Руси: обе державы вмешались в спор русских удельных князей, и в то время как Венгрия связала себя с Изяславом Киевским, Византия поддержала князя Суздальского Юрия Долгорукого и Владимира Галицкого¹. С другой стороны, Мануил простер свои связи вплоть до Англии и в 70-е гг. завязал активные контакты с королем Генрихом II².

После подчинения Гвельфов Конрад III приступил к подготовке своего итальянского похода. Однако в тот момент, когда наконец должна была начаться византийско-немецкая война с норманнами, он умер (1152). С наследником Конрада, Фридрихом I Барбароссой, Мануил так и не смог достичь настоящего взаимопонимания. Как для Мануила, так и для Фридриха I имперская идея была основанием его политических деяний. Зарождающееся знакомство Запада с римским правом Юстиниана укрепило и там осознание универсализма Империи. Фридрих выступил против византийских притязаний в Италии и с подозрением относился к универсалистским устремлениям Мануила, который был для него всего лишь королем греков. Вместо союза между Германией и Византией возникло соперничество обеих

¹ Васильевский В.Г. Союз двух империй // Труды. Т. 4. С. 45 сл. Ср.: *Vernadskij G. Relations byzantino-russes au XIIe siècle* // *Byz 4* (1927–1928). P. 269–276.

² См.: *Vasiliev A. Manuel Comnenus and Henry Plantagenet* // *BZ 29* (1929–1930). P. 233–244.

держав. Каждая только себе присваивала название Империи и римское наследство. Вместо совместных действий против норманнов с обеих сторон обнаружилось стремление упредить соперника в Италии.

Мануил между тем на время выправил положение на Балканах; война с Венгрией прекратилась; на Киевском престоле утвердился союзник Византии Юрий Долгорукий. Тем временем умер враг Византии Рожер II (1154). Следовало начать наступление в Италии: с немецким императором или без, а если придется, то и против него. В 1155 г. Мануил направил в Анкону флот и оттуда начал широкомасштабные операции. С помощью изменивших норманнам вассалов полномочные представители императора смогли с ничтожными силами и в кратчайшее время подчинить важнейшие города Апулии и таким образом вновь утвердиться на италийской земле: вся область Анконы вплоть до Тарента признала власть византийского императора¹.

Этот успех превзошел самые смелые ожидания и направил политику Мануила в другое русло. Ему показалось, что восстановление Римской империи, последняя и величайшая цель Византии, находится в области возможного. Есть два меча, писал еще Иоанн II в 1141 г. папе Иннокентию II, — мирским мечом должен был управлять император, а духовный он вверял папе для того, чтобы восстановить единство христианской Церкви и утвердить всемирное господство единой Римской империи². Эту программу требовалось теперь осуществить. Требовалось воплотить неизбывную мечту византийского мира и с помощью папы, ценой церковной унии, обновить всемирную Империю Константина и Юстиниана³.

¹ См.: *Chalandon. Les Comnènes. Vol. II. P. 349 sv.* и *The Later Comneni // CMH. Vol. IV. P. 369.*

² *Λάμπρος Σπ. Αὐτοκράτορων τοῦ Βυζαντίου χρυσόβουλλα καὶ χρυσὰ γράμματα ἀναφερόμενα εἰς τὴν ἔνωσιν τῶν ἐκκλησιῶν // Νέος Ἑλληνομνήμων 11 (1914). Σ. 109–111 (= Theiner A., Miklosich F. Monumenta spectantia ad unionem ecclesiarum graecae et romanae. Vindobonae, 1872. P. 4–6); Dölger. Reg. 1303. Касательно уточнения даты (1141, а не 1126 г.): *Haller J. Das Papsttum. Bd. II/2. Stuttgart, 1939. S. 555.* Мысли, которые здесь развивает император Иоанн, не являются просто «общими местами о благах воссоединения» («*généralités sur les bienfaits de la réunion*»: *Chalandon. Les Comnènes. Vol. II. P. 163*); они выражают большую политическую программу создания римского всемирного владычества под византийским скипетром.*

³ Когда Халлер (op. cit.) полагает, что Мануил «первоначально не стремился к чему-то большему, чем отвоевание Апулии и Калабрии, а также создание опорной»

Но если даже при Юстиниане дело реставрации оказалось недолговечным, дело Мануила потерпело крах прежде, чем был сделан первый шаг. Еще большим, чем во времена Юстиниана, было несоответствие между целями, которые ставил перед собой император, и средствами, находившимися в его распоряжении. Более сильным было и сопротивление окружающего мира. Выстроившийся сложный мир европейских государств не оставлял места для создания мировой Империи. Все державы, заинтересованные в Италии, объединились против византийского императора. Высадка в Анконе и первоначальный успех византийского наступления заставили не только Фридриха I стать явным врагом византийского императора. Даже Венеция, старый союзник Византийской империи против норманнов и венгров, почувствовала в утверждении Византии в Италии угрозу и отошла от византийского императора. Норманнский король Вильгельм I быстро нанес ответный удар: в 1156 г. он наголову разбил византийцев при Бриндизи, а вскоре и вся завоеванная область вновь вернулась под его власть. Обнаружилась слабость византийского положения в Италии, которая более основывалась на деньгах и дипломатии, чем на силе оружия. Мануил, который углядел противника своих универсалистских устремлений не столько в норманнах, сколько во Фридрихе Барбароссе, при посредстве папы в 1158 г. заключил с Вильгельмом I мирный договор. Идея всемирного владычества очаровывала его по-прежнему и по-прежнему определяла его политику. Но фактически заключение мирного договора с норманнами и эвакуация из Италии византийских войск означали конец византийской мечты о всемирном господстве.

В противоположность этой неудаче, на Востоке Мануил, продолжая политику своего отца, сумел достичь больших успехов в борьбе с ослабевшими латинскими государствами. Армянский князь Торо, утвердившийся в Киликии и заключивший союз с Рейнальдом Антиохийским, был покорен в 1158 г., и император «включил его в число рабов римлян»¹. Еще большее значение имело окончательное покорение Антиохийского княжества. Его правитель был вынужден

- точки в Анконе против неудобных для него венецианцев», то представляется, что он не распознал целей политики Мануила и воплощенных в ней традиционных универсалистских устремлений византийской императорской власти. Правда, в слове «первоначально» заключается существенное ограничение.

¹ *Cinnamus*. P. 186.16.

признать суверенные права византийского императора и обязался поставлять вспомогательные войска. Кроме того, византийский император присвоил себе право назначать патриарха Антиохийского. В знак подчинения Рейнальд явился в лагерь императора с непокрытой головой, босой, с обнаженными до локтей руками и с петлей на шее, неся при этом меч в левой руке¹. Также и иерусалимский король Балдуин III нанес визит императору и поставил себя под его покровительство. Современный византийский историк пишет: «Он поспешил к нам из Иерусалима, покоренный славой и благодеяниями императора, и признал его верховенство»². Выдающееся положение византийского императора на латинском Востоке нашло свое наиболее впечатляющее выражение в торжественном входе, который Мануил совершил в Антиохию в 1159 г. Украшенный всеми императорскими инсигниями, Мануил ехал верхом на коне; король Иерусалимский следовал за ним на большом расстоянии, сидя на коне, но без каких бы то ни было знаков достоинства; князь Антиохийский шел пешком рядом с конем императора и «должен был следить за стремянами императорского седла»³. Это был своеобразный спектакль, который самым наглядным образом демонстрировал иерархию держав⁴. Катастрофа, которая постигла Мануила в конце его правления во время войны с турками, не должна затмевать собой значительные успехи его политики на латинском Востоке. Трудные проблемы, перед которыми была поставлена Византия созданием крестоносных государств, трудности, с которыми на протяжении десятилетий боролись Алексей I и Иоанн II, казалось, были устранены, а византийская гегемония восстановлена. Византийский император владел всем христианским Востоком, а теснимые турками государства латинян видели в нем своего защитника.

¹ *Cinnamus*. P. 182.13.

² Евстафий Фессалоникийский: *Regel*. *Fontes rerum byzantinorum*. Vol. I. P. 39. Еще во время преемника Балдуина в одной надписи 1169 г. в церкви Рождества в Вифлееме на первом месте упоминается «великий порфирородный василевс Мануил Комнин», а после него «великий король (rex) Иерусалима Амальрик». Ср.: *Vincent H., Abel F.M. Bethléem: Le sanctuaire de la Nativité*. Paris, 1914. P. 157 sv.; *De Jerphanion G. Les inscriptions cappadociennes et l'histoire de l'Empire grec de Nicée* // *OCP* 1 (1935). P. 239–256; *Chalandon*. Vol. II. P. 449; *Vasiliev*. *History*. P. 427.

³ *Cinnamus*. P. 187–188.

⁴ См.: *Ostrogorsky G. Die byzantinische Staatenhierarchie* // *SK* 8 (1936). P. 56.

Также и в отношении Венгрии Мануил шел проторенной его отцом дорогой и прибегал к тем же методам, когда, подобно Иоанну, вмешивался в венгерские споры о престолонаследии. Но и здесь его политика была более наступательной, а цели — более далекоидущими: в конечном итоге он мечтал о покорении страны и ее присоединении к Византийской империи¹. Смерть Гезы II в 1161 г. дала возможность вновь вмешаться в венгерские дела. Против Стефана III, сына и преемника Гезы, Мануил деньгами и оружием поддержал братьев Гезы, Стефана IV и Ласло II. Началась долгая, шедшая с переменным успехом борьба. Мануил смог найти в Венгрии, особенно в части венгерского клира, значительное количество сторонников. Противная партия старалась заручиться поддержкой германского императора и нашла поддержку у короля Богемии Владислава. Между тем богемский король со времени второго крестового похода, в котором он принимал участие на стороне Конрада, считался вассалом византийского императора². Он высказался за прекращение враждебных действий и даже выступил в качестве посредника между Стефаном III и Мануилом. В 1164 г. состоялось заключение договора, который сулил византийскому императору большие выгоды: брат Стефана III Бела был признан наследником венгерского престола и, будучи наделен хорватской и далматинской областью, был отправлен в Константинополь³. Впрочем, для того, чтобы добиться выгод, которые предоставлял договор, потребовались новые сражения. Вооруженному столкновению предшествовали военные и дипломатические приготовления. Специальный посланник императора отправился даже на Русь и заручился поддержкой князей Киева и Галича. Успех соответствовал затраченным усилиям: Далмация, Хорватия, Босния и область Сирмия отошли под скипетр византийского императора (1167)⁴.

¹ См.: *Moravcsik Gy.* Pour une alliance byzantino-hongroise // *Byz* 8 (1933). P. 555–568; *Dölger F.* Ungarn in der byzantinischen Reichspolitik // *Archivum Europae Centro-Orientalis* 8 (1942). S. 315–342.

² Как говорит Киннам (р. 223), Владислав был *λιζιος* Мануила (см. тж. *Vicentius Pragensis* в: *MGH SS. XVII*. P. 681). По представлениям византийского историкографа, этот феодальный термин обозначал не кого иного, как добровольного раба: *δοῦλος ἐθελόδουλος*.

³ *Dölger*, *Reg.* 1455; *Šišić. Povijest* II. S. 80 sl.

⁴ *Šišić. Povijest* II. S. 91.

Какое значение Мануил придавал венгерской проблеме, показывает его решение женить венгерского наследного принца Белу, получившего в Константинополе имя Алексей, на своей дочери и сделать наследником престола, чтобы таким образом осуществить воссоединение Венгрии с Империей¹. В качестве предполагаемого наследника Беле-Алексею был дан титул деспота, который до тех пор обозначал только императора, а после этого получил значение особого титула, в иерархии титулатуры следующего непосредственно за василевсом, севастократором и кесарем². Рождение сына заставило императора впоследствии отказаться от этого плана, который вызывал в Константинополе большое недовольство. Однако после смерти Стефана III ему удалось возвести своего протеже Белу-Алексея на венгерский престол и тем самым обеспечить себе влиятельное положение в Венгрии.

Одновременно с войнами в Венгрии велись сражения с сербами. В своей освободительной борьбе против византийского владычества сербы нашли поддержку у венгров. В Рашке одно восстание следовало за другим. Хотя Мануилу каждый раз удавалось подавлять мятежи, он был не в состоянии положить им конец, как бы часто не сменялись оказавшиеся неверными жупаны. В 1166 г. великим жупаном Рашки был сделан Стефан Неманя³. Однако и он вскоре восстал против византийского императора, нанеся византийцам тяжелое поражение. Между тем успехи Мануила в Венгрии привели к переменам и здесь, поскольку сербы лишились венгерской помощи. Союз с Венецией оказался не слишком эффективен, и когда в 1172 г. император во главе большого войска вторгся в Сербию, Неманя прекратил оказавшееся бессмысленным сопротивление. Таким же театральным способом, как и Рейнальд Антиохийский, побежденный мятежник был вынужден выказать свою покорность⁴, после чего

¹ См.: *Moravcsik Gy.* Pour une alliance byzantino-hongroise // *Byz* 8 (1933). P. 555–568; *Dölger F.* Ungarn in der byzantinischen Reichspolitik // *Archivium Europae centro-orientalis* 8 (1942). S. 315–342.

² См.: *Ostrogorsky G.* Urum-Despotes. Die Anfänge der Despoteswürde in Byzanz // *BZ* 44 (1951). S. 448–460; *Guilland R.* Études sur l'histoire administrative de l'Empire Byzantin. Le despote // *REB* 17 (1959). P. 52–89; *Ферjanчић.* Деспоти. С. 27 сл.

³ Относительно хронологии см. прежде всего: *Новаковић Р.* Кад се родио и кад се почео да влада Стеван Немања? // *Истор. гласник* (1958). № 3–4. С. 165–192.

⁴ *Cinnamus.* P. 287.

присутствовал при триумфальном въезде императора в Константинополь. Покорение беспокойной славянской страны придворные риторы прославляли в воодушевленных речах¹, а настенные изображения в императорском дворце увековечивали победу византийского императора над непокорным сербским великим жупаном². Стефан, родоначальник славной династии Неманичей и будущий основатель сербской независимой государственности, находясь поначалу в изолляции, воздерживался от каких бы то ни было враждебных действий по отношению к Византийской империи, сохраняя вассальную верность императору Мануилу вплоть до его смерти.

Как нападение византийцев на Анкону положило конец их сотрудничеству с венецианцами в борьбе против норманнов, так аннексия Далмации означала конец общности венециано-византийских интересов в отношении Венгрии. С другой стороны, особое положение венецианских торговцев в Империи было тяжелым бременем для византийской торговли. Мануил, стремясь упрочить связь с другими итальянскими морскими республиками, в 1169 г. заключил договор с Генуей, а в 1170 г. — с Пизой³. Так отношения с Венецией еще более обострились, а в 1171 г. вспыхнул ожесточенный конфликт. 12 марта, в течение одного дня — что служит доказательством основательной подготовки мероприятия и расторопности византийского правительственного аппарата, — на всей территории Империи были арестованы все венецианцы, а их имущество, корабли и товары подверглись конфискации. Ответный удар Венеции не заставил себя долго ждать: сильный флот напал на византийское побережье и сжег острова Хиос и Лесбос. После этого начались долгие переговоры, которые однако оказались безрезультатными. Отношения между Византией и Венецией были прерваны на целое десятилетие⁴.

¹ Евстафий Фессалоникийский (изд. Перель: *Fontes rerum byzantinorum*. Vol. I. P. 43 sq.); Константин Манассия (изд. Курц: ВВ 12 (1906). С. 89.44 сл.).

² См.: *Grabar*. Empereur. P. 40 sv., 84, с указаниями на источники.

³ *Dölger*. Reg. 1488, 1497, 1498 (Генуя), 1499 (Пиза).

⁴ Впрочем, Никита Хониат (p. 225) утверждает, что союз между Венецией и норманнским королем Вильгельмом II принудил Мануила к уступкам, заставив его восстановить венецианцев в их правах и компенсировать их убытки. Согласно хронике Андреа Дандоло (*Murator*. Т. XII. P. 309) и анонимной хронике дождей начала XIII в. (*MGH SS*. Т. XIV. P. 92), отношения между Византией и Венецией были восстановле-

Несмотря на блестящие успехи на латинском Востоке и в Венгрии, изоляция Византийской империи сказывалась все сильнее, и к концу 70-х гг. положение Мануила стало весьма шатким. Надежды на совместные с Римом действия оказались обманчивыми: для церковного объединения отсутствовали предпосылки с обеих сторон, причем повсюду — в Венеции, в Далмации, в Венгрии — византийскому императору противодействовала именно клерикальная партия¹. Подозрительность по отношению к схизматикам-грекам была на Западе неискоренимой, так же, как в Византии отвращение к латинянам. Никита Хониат передает общее настроение византийцев, когда говорит: «Проклятые латиняне... жаждут наших богатств и желают уничтожить наш род... Между нами и ими утвердилась бездна раздора, и мы несоединимы с ними образом мыслей и диаметрально противоположны»². Неистощимый в нахождении новых способов и средств, Мануил богатыми субсидиями оказал помощь союзу ломбардских городов в их борьбе с Фридрихом Барбароссой. Однако и это оружие было отнято у него вследствие венецианского договора (1177), который прекратил войну императора Фридриха I с Ломбардской лигой и привел к его примирению с папой. После завершения западной схизмы, которой с большой ловкостью умел пользоваться Мануил, исчезли последние предпосылки для сотрудничества между Византией и папством³.

ны только при Андронике I. Большинство исследователей (*Chalandon*. Les Comnènes. Vol. II. P. 592; *Heyd*. Commerce du Levant. Vol. I. P. 220; *Kretschmayr*. Venedig. Bd. I. S. 261 и многие др.) полагали, что сообщению Хониата надо отдать предпочтение (я также присоединялся к этому мнению в прежних изданиях настоящего труда). Вопреки этому уже Коньяссо (*Cognasso F.* Partiti politici e lotte dinastiche in Bizanzio alla morte di Manuele Comneno. Torino, 1912. P. 249 sq.) высказался в пользу большей достоверности венецианских источников. Не будучи знаком с рассуждениями Коньяссо, также и Н.П. Соколов (К вопросу о взаимоотношениях Византии и Венеции в последние годы правления Комнинов // ВВ 5 (1952). С. 139–151) отстаивает теперь этот тезис на основе неотразимых аргументов, опирающихся на данные *Documenti del commercio veneziano* / Ed. R. Morozzo della Rocca e A. Lombardo. Torino, 1940.

¹ Это весьма наглядно показано у Кап-Херра (*Kap-Herr*. Kaiser Manuel. S. 90 ff.), работой которого в остальном следует пользоваться с осторожностью.

² *Nic. Choniates*. P. 391–392.

³ См.: *Ohnsorge W.* Ein Beitrag zur Geschichte Manuels I. von Byzanz // Brackmann-Festschrift. Weimar, 1931. S. 371–393.

Как Мануил в любом враге Барбароссы видел своего друга, так и Фридрих I искал связей с противниками византийского императора. С 1173 г. он вступил в контакт с иконийским султаном Кылыч-Арсланом. Выдающееся положение, которое создал себе Мануил на латинском Востоке, обеспечивало Византии надежные позиции и по отношению к Иконийскому султанату. При помощи ловкой игры на противоречиях между сельджукидскими правителями и некоторых военных успехов в Малой Азии император смог увеличить свое превосходство. В 1162 г. султан Кылыч-Арслан провел три месяца в Константинополе и обязался поставлять войска и передать несколько городов Византии¹. Впрочем, эти обязательства остались невыполненными, и пока Мануил был занят в Венгрии и на Западе, Кылыч-Арслан смог укрепить свою власть в Малой Азии. Поддержка немецкого императора утвердила его в намерении защищаться, и в 1175 г. между Византией и Иконием произошел разрыв. В следующем году византийский император двинулся против Икония с большими силами. Однако в горных проходах Фригии при Мириокефале 17 сентября 1176 г. византийская армия была окружена и разбита турками². Сам Мануил сравнил это поражение с катастрофой, которая постигла Византию за 105 лет до этого при Манцикерте³.

Эта неудача была тем более тяжела, что совпала с провалами императорской политики на Западе. Авторитет Византийской империи был сильно подорван. Насколько сильно, показывает послание, которое Мануил получил тогда от Фридриха I⁴: как римский император, Фридрих требовал от него, короля греков, выражения покорности. Не было секретом, что политика Мануила потерпела крах. Бесчисленные авантюры, в которые он давал себя впутать и на которые в своем рвении с радостью пускался, оказались ему в конечном итоге не по

¹ *Dölger. Reg.* 1446.

² См.: *Vasiliev A.* Das genaue Datum der Schlacht von Myriokephalon // *BZ* 27 (1927). S. 288–290.

³ *Nic. Choniates.* P. 248. См. тж. послание Мануила к английскому королю Генриху II: *Chronica magna Rogeri de Houedene* / Ed. W. Stubbs. Vol. II. P. 102–104; *Vasiliev A.* Manuel Comnenus and Henry Plantagenet // *BZ* 29 (1929–1930). P. 237–240. Как установил П. Вирт (*BZ* 55 (1962). S. 21–29), после Мириокефала Мануил обязался разрушить Дорилей. Т.о., в конце его правления граница Византии проходила намного западнее, чем считалось ранее и чем показано на нашей карте.

⁴ Напечатано в: *Kap-Herr.* Kaiser Manuel. S. 156–157.

плечу. Хотя он и был способен одержать триумфальные победы над латинскими государствами на Востоке, достичь блестящих успехов в Венгрии и временно даже занять большие территории в Италии, но удерживать в этих областях свои позиции в долговременной перспективе и вести активную, если не сказать агрессивную политику одновременно на европейском и переднеазиатском направлениях было невозможно: повсюду случались жестокие неудачи. Доминирующее положение на Востоке оказалось похороненным, из Италии Византия была окончательно вытеснена и, обессиленная, стояла в полной изоляции перед лицом враждебной коалиции западных держав.

Еще более тяжкими, чем внешнеполитические, были внутривнутриполитические последствия этого безмерного перенапряжения. Жертвы, которых требовали масштабные предприятия и постоянные войны, превосходили силы и средства тогдашней Византийской империи. В экономическом и военном отношении Империя оказалась в полном упадке. Иоанн II предпринял попытку поставить на новое основание стратиотское землевладение, столп прежнего военного могущества Византийской империи. После победы над печенегами он приказал поселить пленных в Империи и записать их в воинское сословие; после победы над Сербией захваченные сербы были поселены в области Никомидии: одни в качестве стратиотов, другие в качестве налогоплательщиков¹. Мануил последовал этому примеру и также приказал поселить военнопленных на территории Империи близ Сердики и в других местах². После заключения мирного договора с венгерским королем Гезой II он удержал десять тысяч венгерских пленников, несомненно, для того, чтобы также сделать их византийскими стратиотами³. Создание новых стратиотских имений и приток новых, хотя и иноплеменных, крестьян-стратиотов означал возврат к сильной военной организации средневизантийской эпохи. Однако этот приток не мог удовлетворить возросших военных потребностей своего времени. Число пожалованных в пронию имений с обязательством прониаров нести воинскую повинность при Мануиле сильно

¹ О печенегах: *Cinnamus*. P. 8. О сербах: *Nic. Choniates*. P. 23.11 (καὶ κατὰ τὴν Νικομήδους ἐπαρχίαν ἀποτάξας αὐτῷ κατοίκους καὶ γῆν διαρκεστάτην ἀποδοσάμενος, τὸ μὲν τοῦ δορυκτῆτος λεῶ τοῖς στρατεύμασιν ἐγκατέμισε, τὸ δὲ παρήκεν εἰς δασμοφόρους).

² *Cinnamus*. P. 103.

³ *Cinnamus*. P. 120.

возросло. Зачастую даже выходцы с Запада наделялись прониями, причем местные крестьяне передавались им в качестве париков¹.

Режим военной аристократии развивал и поощрял крупное землевладение, особенно светское. В своем хрисовуле от марта 1158 г. Мануил запрещал монастырям Константинополя и его окрестностей укрупнять свои земельные владения². Одновременно он постановлял, что пожалованная земельная собственность может продаваться только лицам сенаторского звания и представителям сословия стратиотов, т.е. прониарам. Это красноречивое постановление было повторено в последующем указе³. Определенно, императору Мануилу была чужда какая-либо враждебность по отношению к монастырям. Наличие церковные владения не только торжественно подтверждались, но и наделялись широкими привилегиями и правами иммунитета⁴. Однако в споре между крупным светским и церковным землевладением Мануил поддерживал первое, недвусмысленным образом поощряя владение землей светскими магнатами и служилые имения прониаров, причем эти последние в первую очередь.

Наряду с прониарами в византийской армии, как и прежде, служили многочисленные наемники, а население больше, чем когда бы то ни было, привлекалось к содержанию войск посредством разного

¹ *Nic. Choniates*. P. 273. Об этом: *Ostrogorskij*. Féodalité. P. 28 sv.

² *Zepos*. Jus, I. P. 381 sq.; *Dölger*. Reg. 1418, 1419. Эта мера упоминается также у Хониата (*Nic. Choniates*. P. 270–271) и Киннама (*Cinnamus*. P. 276). Ср.: *Charanis*. Monastic Properties. P. 82 ff.

³ *Dölger*. Reg. 1333, 1398. Оба указа известны лишь по упоминаниям у Вальсамона (Ράλλης–Ποτλῆς. Т. II. Σ. 653). С учетом указания индикта Дёльгер относит появление первого указа к сентябрю 1143, 1158 или 1173 г., а его повторение — к февралю 1156 или 1170 г. Но в таком случае 1173 г. очевидным образом не имеет отношения к этому указу. По всей вероятности, первый указ был издан в сентябре 1158 г., вскоре после изданного в марте 1158 г. запрещения дальнейшего увеличения монастырских владений, а второй — в феврале 1170 г.

⁴ Ср. характерную формулу иммунитета в упомянутом хрисовуле от марта 1158 г. касательно расположенных в Константинополе и его окрестностях монастырей (*Zepos*. Jus, I. P. 384): «Мое царское величество желает, чтобы все недвижимые имущества названных монастырей рассматривались практорами как не подпадающие под их власть и полномочия, и точно так же, как практоры в неподчиненных им фемах не имеют никакого права взимать подати и вообще что-либо делать, так и во владениях монастырей практоры тех фем, к которым относятся эти владения, не должны считаться практорами».

рода принудительных поставок и работ. Поскольку государственных средств не хватало, войска были вынуждены доставать необходимое у населения. «Жители провинций терпели тяжелейший ущерб вследствие неуголимой алчности солдат, которые отнимали у них не только деньги, но и срывали с тела последнюю рубаху»¹.

Военные были господствующим сословием государства, которое кормилось за счет прочего населения. По сравнению с докомниновским временем ситуация изменилась кардинально. Тогда, во времена правления гражданской аристократии при Дуках, военной службы избегали: «Солдаты отложили оружие и стали адвокатами и юристами»². Теперь же все шли в армию: «Каждый должен стать воином: одни отложили иглу, ибо она лишь с большим трудом приносила самые ничтожные средства к существованию, другие покинули конюшню, третьи отряхнули с себя кирпичную пыль, четвертые — копать кузницы, и все устремлялись к вербовщикам, дарили им персидского коня или несколько золотых и немедленно записывались в армию»³. Военная служба была в то время единственной доходной профессией.

Армия поглощала силы Империи. Население изнывало под непомерным бременем. Росли налоговые требования государства, а обычные злоупотребления сборщиков, среди которых теперь, к вящему озлоблению плательщиков, встречались и иностранцы, переполняли меру терпения⁴. В городах многие продавали свою свободу, чтобы поступить на службу и под защиту к могущественному господину: нередкое явление в Византии во все времена. Против этого обычая Мануил выступил, издав закон, по которому свободным от рождения, если они продали себя в рабство, возвращалась свобода, причем кажется, что император (по крайней мере в столице) выкупал их на государственные средства⁵. Впрочем, суть социального развития, выражавшегося в росте крупного землевладения с одной стороны и обеднении и неплатежеспособности низших сословий с другой,

¹ *Nic. Choniates*. P. 272–273.

² *Scylitzes–Cedren*. II. P. 652.

³ *Nic. Choniates*. P. 273.

⁴ *Nic. Choniates*. P. 265–266.

⁵ *Cinnamus*. P. 275; *Dölger*. Reg. 1476; *Chalandon*. Les Comnènes. Vol. II. P. 611–612; *Hadjinicolaou–Marava* A. Recherches sur la vie des esclaves dans le Monde Byzantin. Athènes, 1950. P. 54 sv., 94 sv.

заклучалась в том, что всё более широкие слои населения утрачивали свободу и становились если не рабами, то, во всяком случае, зависимыми людьми. Победно шествующий процесс феодализации в конце концов привел к ослаблению византийского государственного организма и подорвал силы сопротивления государства. Византия еще была способна с напряжением всех сил время от времени одерживать победы во внешних войнах. Но ей недоставало сил переносить неудачи и поражения. За эпохой призрачного блеска при Мануиле вскоре последовал внутренний надлом византийского государства.

3. Попытка реакции при Андронике Комнине

Общая литература: *Успенский Ф.И.* Императоры Алексей II и Андроник Комнины // ЖМНП 212 (1880). С. 95–130 и 214 (1881). С. 52–85; *Он же.* Последние Комнины: начало реакции // ВВ 25 (1927–1928). С. 1–23; *Radojčić N.* Dva posljednja Komnena na carigradskom prijestolu. Zagreb, 1907; *Cognasso F.* Partiti politici e lotte dinastiche in Bizanzio alla morte di Manuele Comneno. Torino, 1912; *Diehl Ch.* Figures. Vol. II. P. 86–133; *Сюзюмов М.Я.* Внутренняя политика Андроника Комнина и разгром пригородов Константинополя в 1187 г. // ВВ 12 (1957). С. 58–74; *Jurewicz O.* Andronik I. Komnenos. Warschau, 1962.

Дряхлость византийской государственной системы с особой ясностью проявилась после того, как по смерти Мануила на престол вступил его двенадцатилетний сын Алексей II, а регентство возглавила вдова императора Мария Антиохийская. Распорядителем государственных дел благоволением императрицы был избран протосеваст Алексей Комнин, племянник почившего императора. Выбор был не слишком удачен: выдвижение тщеславного и ничем себя не зарекомендовавшего Алексея вызвало большое недовольство у прочих представителей семьи Комнинов. Народу латинянка Мария и ее фаворит были одинаково ненавистны. Естественным образом при таком регентстве латинофильский курс получил более четкое направление, и именно этому обстоятельству византийские граждане приписывали быстрое ухудшение внешне- и внутривнутриполитического положения. Росло недовольство против латинян — итальянских

купцов, обогащавшихся в Византии, и западных наемников, составлявших главную опору регентства. Представители дома Комнинов неоднократно делали попытки свергнуть правительство посредством дворцового переворота, однако ни одна из них не удалась. Оппозиции в Константинополе не хватало лидера. Решающим оказалось участие Андроника Комнина, двоюродного брата Мануила, который пребывал тогда наместником в области Понта.

Андроник Комнин — одна из наиболее примечательных фигур в византийской истории¹. В то время ему было уже за шестьдесят, и за плечами у него была весьма бурная жизнь. Его дерзкие проделки и авантурные любовные приключения с давних пор были предметом разговоров в Византии. Он обладал импозантной внешностью, был блестяще образован, остроумен, красноречив, отважен в бою и прямодушен при дворе. Он единственный отваживался открыто вставать в оппозицию к императору Мануилу. Андроник и Мануил издавна были соперниками, и, вероятно, не без основания Мануил подозревал своего честолюбивого кузена в желании добиться императорского венца. Андроник был способен на все, его жажда власти и почестей была неутолима, он не стеснялся ни в каких средствах и действовал безоглядно. После неоднократных попыток примирения всегда следовали новые ссоры. Спасаясь от подозрительности императора, Андроник много лет вел полную приключений бродячую жизнь, был желанным гостем при дворе русского князя в Галиче, а также при дворах мусульманских правителей Передней Азии. Не только личное соперничество, но и политические разногласия разделяли двух великих Комнинов. Андроник был врагом феодальной аристократии и решительным противником западного направления. Поэтому теперь, когда требовалось свергнуть пролатинское регентство в Константинополе, все взоры обратились к нему.

Во время своего похода через Малую Азию Андроник практически не сталкивался с сопротивлением. Его поначалу скромные вооруженные силы возрастали по мере продвижения к столице благодаря притоку недовольных. Весной 1182 г. он достиг Халкидона и там разбил свой лагерь. Протосеваст Алексей попытался заблокировать Босфор, рассчитывая на флот, личный состав которого в значительной мере

¹ Диль (*Diehl. Figures. Vol. II. P. 86 sv.*) предлагает весьма живо написанную биографию, содержащую рельефный образ Андроника.

состоял из выходцев с Запада. Однако командующий флотом, великий дукс Андроник Кондостефан, перешел на сторону узурпатора, в результате чего дело регентства оказалось проигранным. В столице вспыхнуло восстание, протосеваст Алексей был брошен в тюрьму и ослеплен. Ненависть византийцев против латинян нашла свое выражение в ужасном побоище (май 1182). В слепой ярости толпа врывалась в дома живущих в Константинополе выходцев с Запада. Их имущество было разграблено, и те, кто не успел заблаговременно скрыться, были жестоко убиты. Это было отправной точкой для начала правления Андроника Комнина. Под ликование жителей он торжественно вступил в Константинополь.

Прежде всего Андроник объявил себя спасителем и защитником юного императора Алексея II. Обвиненные в происках против государства и законного императора его противники отправились на плаху. Среди них оказалась и мать императора Мария, смертный приговор которой юный Алексей был вынужден собственноручно подписать. Подготовив таким образом почву, Андроник наконец решился, якобы уступая просьбам двора и клира, облечься в порфиру, и в сентябре 1183 г. был венчан в качестве соправителя своего протеже. А уже через два месяца несчастный отрок был задушен людьми Андроника, а его тело бросили в море. Следуя принципу легитимности, престарелый Андроник обвенчался с тринадцатилетней вдовой своего убитого племянника, дочерью Людовика VII Агнессой-Анной.

Как и сама личность Андроника, его государственная деятельность была полна противоречий¹. Он стремился к обновлению Империи и восставал против всякого зла, которое его предшественники оставляли безнаказанным. Засилье знати он хотел полностью искоренить. Но поскольку он не признавал других методов управления, кроме безоглядного применения насилия, его правление превратилось в че-

¹ По замечанию Евстафия Фессалоникийского (*Opuscula*, ed. Tafel. P. 270 sq.), Андроник был настолько противоречивой личностью, что о нем можно было говорить как с величайшей похвалой, так и с уничтожающим порицанием, смотря по тому, какая сторона его характера описывалась. Согласно этому высказыванию строит свое изложение и крупнейший историограф того времени Никита Хониат, у которого выражения высочайшего восхищения следуют за выражениями отвращения и возмущения. Во всяком случае, его наивное описание ближе подходит к исторической правде, чем большинство описаний современных историков, которые либо видят в Андронике тирана, либо же стремятся оправдать все его злодеяния.

реду актов террора, заговоров и злодеяний. Не подлежит сомнению и признается даже его противниками, что предпринятые им меры привели к быстрому и ощутимому улучшению положения провинций. Некоторые пороки дряхлеющего государства, которые представлялись современникам неизлечимыми, он устранил с неумолимой строгостью. Продажа должностей прекратилась. Повсюду разыскивали способных к службе и платили чиновникам подобающие оклады, чтобы сделать их менее склонными к взяточничеству. Все виды коррупции беспощадно подавлялись. Своим слугам император внушал, что они должны «или прекратить творить несправедливость, или прекратить жить»¹. С такими принципами ему удалось приступить к исправлению наибольшего из всех зол: злоупотреблений при взимании налогов. Именно это обстоятельство прежде всего объясняет улучшение ситуации, которое фиксируется в провинциях Империи при Андронике, ибо бремя, лежавшее на населении, делали невыносимым не только требования государства, но прежде всего вымогательства чиновников. Энергичной борьбы со считавшимися неискоренимыми злоупотреблениями было достаточно, чтобы сделать положение населения более сносным: это дало многострадальному византийскому крестьянству совершенно непривычное для него чувство правовой защищенности. «От того, кто воздал кесарю кесарево, ничего более не требовалось; никто не отнимал у него, как бывало прежде, последнюю рубашку, никто не мучил его до смерти, ибо имя Андроника, словно некое заклинание, изгоняло алчных сборщиков»². На современников большое впечатление произвела также отмена старого обычая грабить потерпевшие крушение корабли. Этому злу, с которым тщетно боролись его предшественники, Андроник положил конец, издав приказ вешать виновных на мачтах разграбленных кораблей³. Его непоколебимым убеждением было то, что «нет ничего, чего бы императоры не могли исправить, и нет такой несправедливости, которая бы не могла быть уничтожена их властью»⁴.

¹ *Nic. Choniates*. P. 430.

² *Nic. Choniates*. P. 422. Следует сравнить с этими высказываниями Никиты Хониата совпадающие с ними сообщения его брата Михаила Хониата, митрополита Афинского, письма и речи которого проливают свет на положение в Аттике: *Michael Choniates* / Ed. Sp. Lampros. T. I. P. 142 sq., 157 sq.; T. II. P. 54.

³ *Nic. Choniates*. P. 423 sq.

⁴ *Nic. Choniates*. P. 424.

В этом преувеличенном представлении о собственном могуществе и заключалась опасность. Правление Андроника превратилось во власть террора. Борьба со знатью выродилась в страшные репрессии. Безоглядные, зачастую насильственные, а часто и постыдные средства борьбы, к которым он прибегал, выбивали почву из-под ног его стремления к справедливости. На насилие он отвечал насилием. Мятежам и заговорам не было видно конца. Озлобленный сопротивлением, император, вспыльчивость и подозрительность которого со временем приняли явно болезненные формы, действовал со все большей жестокостью, чем лишь создавал себе новых врагов. Империя оказалась в состоянии латентной гражданской войны. Оказалось, что есть вещи, против которых император был бессилен. Тщетно Андроник пытался повернуть колесо истории вспять. Крупная земельная аристократия уже давно стала оплотом государства и его военной мощи. Она не могла позволить списать себя со счетов, а ее уничтожение посредством массовых казней потрясло основание византийских вооруженных сил¹.

Неумолимая жестокость, с которой Андроник подавлял коррупцию, была спасительна, как были вынуждены без обиняков признать даже его противники — Никита Хониат и Евстафий Солунский. Однако его программа радикальной реакции потерпела поражение. Антилатинский курс усилил враждебность западных держав к Византии, а антиаристократический — обессилил уже и без того ослабленное византийское государство: когда наступила неизбежная расплата, военная система Империи полностью отказала, и тем самым политике Андроника был вынесен приговор.

Ослепительный блеск созданной Мануилом великой державы поблек очень быстро, и первые тучи пришли с той стороны, где его политика, казалось, была наиболее успешной: из Венгрии и Сербии. Не в последнюю очередь личный авторитет Мануила удерживал венгерского короля Белу III в состоянии мира, а сербского великого жу-

¹ М.Я. Сюзюмов (Внутренняя политика Андроника Комнина и разгром пригородов Константинополя в 1187 г. // ВВ 12 (1957). С. 64–65) на основании недостаточных свидетельств полагает возможным говорить об упразднении системы проний при Андронике. Однако с другой стороны он оспаривает тот факт, что террор Андроника был направлен против аристократии как таковой. Неубедительным является и его тезис о том, что политика Андроника служила интересам торговых кругов Константинополя.

пана Стефана Неманю принуждал хранить верность. После смерти Мануила личные узы распались, а очевидная слабость Империи, которая при слабом регентстве вдовы императора Марии, а затем при жестоком правлении Андроника не выходила из состояния внутренних смут, давала надежду на легкий успех. Уже в 1181 г. Бела III овладел Далмацией, Хорватией и областью Сирмия¹, чем полностью уничтожил достижения долгих и чрезвычайно затратных венгерских войн Мануила. Столь же быстро погибли плоды долгой и изнурительной борьбы с сербами, ибо теперь Стефан Неманя без труда добился отделения от Византии. Казнь императрицы Марии Андроник сам дал оружие в руки короля венгров, ибо теперь Бела III выступил в качестве мстителя за смерть вдовы Мануила². В 1183 г. венгры и сербы, заключив союз, совершили нашествие на Империю: Белград, Браничево, Ниш и София были опустошены. Через шесть лет крестоносцы нашли эти города незаселенными и частично разрушенными. В борьбе против Византии Неманя смог теперь обеспечить независимость своей страны и сильно расширить свое государство на восток и на юг за счет Империи. Одновременно он распространил свою власть на Зету, которая в его правление объединилась с Рашкой в одно государственное образование³.

В Азии внутреннее напряжение разрядилось частыми восстаниями. Семьи магнатов, с семейством Комнинов во главе, оказывали режиму Андроника отчаянное сопротивление. В конце концов дело дошло до того, что Исаак Комнин, внучатый племянник Мануила, утвердил свою собственную власть на Кипре, отложившись от Империи. Несмотря на то что он принял титул императора и начал чеканить собственную монету⁴, его дерзость осталась безнаказанной. Император удовлетворялся жестокой казнью его друзей, которые были схвачены в Константинополе. В высшей степени важный

¹ Источники сведены воедино в: *Radojčić N. Dva posljednja Komnena na carigradskom prijestolu*. Zagreb, 1907. S. 25, prim. 3.

² Моравчик (*Moravcsik Gy.* Pour une alliance byzantino-hongroise // *Byz 8* (1933). P. 555–568) делает интересное наблюдение касательно политики Белы III, однако, как представляется, заходит слишком далеко, приписывая венгерскому королю намерение овладеть византийским императорским престолом и таким образом с венгерской стороны воплотить замысел Мануила об объединении Византии и Венгрии в единое государство.

³ См.: *Jireček. Geschichte*. Bd. I. S. 264 ff.

⁴ *Wroth. Byzantine Coins*. Vol. II. P. 597–598.

в стратегическом отношении остров был потерян для Византии. Так началось распадение Византийской империи.

Но самый тяжелый удар нанесли Империи сицилийские норманны: в очередной раз они предприняли большой завоевательный поход против Византии. Тщетно Андроник заключил союз с могущественным Саладином (Салах ад-Дином), который с 1171 г., после ликвидации халифата Фатимидов, владел Египтом, а после смерти своего бывшего господина, великого сирийского правителя Нур ад-Дина (1174), подчинил своей власти и Сирию¹. Так же тщетно он, невзирая на свою враждебность к латинянам, стремился укрепить византийские позиции на Западе, возобновив прерванные в 1171 г. отношения с Венецией². Как в свое время при Робере Гвискаре, норманны первым делом напали на Диррахий (июнь 1185). Город был быстро взят приступом, и норманнское войско двинулось на Фессалонику. К той же цели устремился и сицилийский флот, попутно заняв острова Корфу, Кефаллинию и Закинф. Оказалось, что теперь, через несколько лет после завершения славного правления Мануила, Византия была слабее, чем в те достопамятные дни, когда Алексей I после отчаянных неудач возобновил войну с Робером Гвискаром. Тогда при Диррахии, а после падения крепости — в глубине своей территории Алексей Комнин смог оказать противнику ожесточенное сопротивление: до Фессалоники норманны тогда дойти не смогли. Теперь же они во время своего марша не встретили никакого сопротивления и уже 6 августа достигли цели. 15 августа в гавань Фессалоники вошел норманнский флот, началась осада с суши и с моря. Оборона города была слабой, его снабжение недостаточным, командующий Давид Комнин

¹ Сомневаться в договоре с Саладином, упомянутом в Рейхерсбергских анналах (MGH SS. XVII. P. 511; *Dölger*. Regesten. 1563) нет основания. См.: *Brand Ch.M.* The Byzantines and Saladin, 1185–1192: Opponents of the Third Crusade // *Speculum* 37 (1962). P. 167–181.

² Нормализация торговых отношений с Венецией не оправдывает того вывода, что Андроник, как это утверждал Коньясцо (*Cognasso F.* Partiti politici e lotte dinastiche in Bizanzio alle morte di Manuele Comneno. 1912. P. 294 sq. и *Un imperatore bizantino della decadenza: Isacco II Angelo* // *Bessarione* 19 (1915). P. 44 sq.), полностью порвал со своей антилатинской политикой. На это указывает М.Я. Сюзюмов (Внутренняя политика Андроника Комнина // *ВВ* 12 (1957). С. 66) против М.М. Фрейденберга (К истории классовой борьбы в Византии в XII в. // *Ученые записки Великолукского гос. педагогического института* (1954). С. 37).

оказался некомпетентен, а посланная из Константинополя помощь не смогла прибыть вовремя. Таким образом, 24 августа второй по значению город Империи попал в руки норманнов. Жадность и ненависть захватчиков не знали границ. В покоренном городе творились ужасающие насилия¹. Как тремя годами ранее латиняне от греков, так теперь жители Фессалоники подвергались со стороны норманнов унижениям, пыткам и убийствам.

Из Фессалоники часть норманнского войска направилась против Серр, в то время как большая часть двинулась маршем на Константинополь. А в самой византийской столице атмосфера становилась все напряженнее. Сильнее, чем когда-либо, свирепствовал правительственный террор, все большим становился страх перед вражеским завоеванием, которое после падения Фессалоники, казалось, приближается неумолимо. Буря разразилась 12 сентября 1185 г. Последний правитель из рода Комнинов умер страшной смертью: император, за несколько лет до того прославляемый как спаситель отечества, был зверски растерзан на улицах Константинополя возмущенной толпой.

4. Катастрофа

Общая литература: *Cognasso F.* Un imperatore bizantino della decadenza: Isaaco II Angelo // *Bessarione* 19 (1915). P. 29–60; *Bachmann M.* Die Rede des Johannes Syropoulos an den Kaiser Isaak II. Angelos. Diss. München, 1935; *Stadtmüller.* Michael Choniates; *Norden.* Papsttum und Byzanz; *Norden.* Der vierte Kreuzzug im Rahmen der Beziehungen des Abendlandes zu Byzanz. Berlin, 1898; *Runciman.* Crusades. Vol. III; *Frolov A.* Recherches sur la déviation de la IVe croisade vers Constantinople. Paris, 1955; *Diehl Ch.* Venise; *Kretschmayr.* Venedig. Bd. I; *Heyd.* Histoire du Commerce du Levant. Vol. I; *Успенский Ф.* Образование; *Златарски.* История. Т. 2–3; *Мутафчиев.* История. Т. 2; *Jireček.* Geschichte. Bd. I.

Трагический конец Андроника запечатлел собой неудачу его попытки возрождения Империи. Феодалная знать победила и за время

¹ Свидетельством очевидца являются сведения Евстафия Фессалоникийского (ed. Kyriakidis. P. 110 sq.).

правления династии Ангелов смогла не только утвердить свою власть, но и приумножить ее. После нескольких лет отчаянной борьбы против нестигаемого абсолютизма последнего Комнина центробежные силы стали действовать без всякого стеснения.

Семья Ангелов не принадлежала к числу старых аристократических родов Византии. Своим возвышением незначительная фамилия из Филадельфии была обязана тому обстоятельству, что младшая дочь Алексея I, Феодора, следуя склонности своего сердца, вышла замуж за красавца Константина Ангела. С того времени Ангелы, как родственники императорского дома, стали занимать высокие посты и особенно выдвинулись при Мануиле I. С Андроником они уже боролись в первых рядах византийской аристократии. Случаю было угодно, чтобы победа знати подняла на щит одного из представителей этой семьи.

Исаак II (1185–1195), внук Константина Ангела и порфирородной Феодоры, был во всем противоположностью властного Андроника. Процессам, с которыми энергично насильственными мерами боролся Андроник, он дал свободно развиваться. Старые пороки, скрытые при великих Комнинах блеском внешнего могущества, теперь без прикрас выступили наружу, и обветшалость византийского государственного организма проявилась с пугающей ясностью. Никто больше не пытался обуздать злоупотребления в центральном и провинциальном управлении: продажа должностей, взяточничество чиновников, вымогательства сборщиков налогов достигли вопиющих размеров. Об императоре Исааке II говорили, что он продавал чины и должности, как овощи на рынке¹. Для покрытия расходов на торжества по случаю собственной свадьбы, которая справлялась с большой роскошью, он ввел в провинциях особый налог. Империю, которую отдал ему в руки счастливый случай, Исаак, кажется, рассматривал в качестве личного владения и распоряжался ею как патриархальный помещик своим имением. При его брате Алексее III (1195–1203) положение оказалось еще печальнее. Население провинций изнывало от бремени налогов, поскольку злоупотребления налоговых чиновников все увеличивались, а запросы правительства росли². Огромные суммы поглоща-

¹ *Nic. Choniates*. P. 584. Ср.: *Mich. Choniates*. II. P. 99 (ed. Lampros).

² Особенно поучительным является с этой точки зрения меморандум (ὑπομνηστικόν) Михаила Хониата императору Алексею III от 1198 г. (ed. Lampros. T. I. P. 307–311). Новое издание: *Stadt Müller*. Michael Choniates. S. 283–286.

лись страстью к роскоши беззаботного двора и выплатами другим народам, в которых слабое правительство видело средства защиты от превосходящего противника. Тем не менее провинции постоянно подвергались нападению врагов, а приморские области — грабительским налетам корсаров. Против бедствий, причинявшихся пиратами, находившееся в состоянии разложения государство было бессильно. Не помогало и то, что в некоторых округах подчас в течение года по три раза взимались подати на постройку и оснастку кораблей¹. Но в то время как налоговое бремя населения становилось все более тяжелым, влиятельные крупные землевладельцы сохраняли и приумножали свои привилегии. Все старания государственных органов положить конец непрерывному умножению привилегий оставались тщетными, поскольку слабое императорское правительство не умело отбиваться от настойчивых требований магнатов, которые всегда оставались в выигрыше². От фемного устройства, некогда станового хребта византийского административного и военного строя, оставался лишь призрак. Несмотря на то что территория Империи значительно уменьшилась, Византия в последние годы XII в. насчитывала вдвое больше фем, чем во времена Македонской династии³. Византийское провинциальное управление было раздроблено на мелкие области, которые лишь по имени напоминали старые фемы. При постоянном росте частных земельных владений административные органы карликовых провинций неизбежно попадали в зависимость к местным землевладельцам. Отсюда, при слабости центра, оставался лишь шаг до замещения власти наместника властью земельного магната и до возникновения независимых удельных княжеств⁴.

Удачей оказалось то, что страх перед норманнской опасностью, который сверг с престола Андроника, оказался преувеличенным.

¹ Так было в округе Аттики в 1197–1198 гг. См. меморандум Михаила Хониата: ed. Lampros. T. I. P. 308; *Stadt Müller*. Michael Choniates. S. 283–284, а также рассуждения Штадтмюллера (S. 174, 289).

² См. содержательное исследование: *Lemerle P. Notes sur l'administration byzantine à la veille de la IVe croisade d'après deux documents inédits des archives de Lavra //* REB 19 (1961). P. 258–272.

³ См. список византийских фем в хрисовуле Алексея III Венеции от ноября 1198 г.: *Zepos*. Jus I. P. 469–480 (= *Tafel-Thomas*. Bd. I. S. 248–278). *Dölger*. Reg. 1647.

⁴ На эту тенденцию указал уже Штайн: *Stein*. Untersuchungen. S. 19 ff. Ср.: *Stadt Müller*. Michael Choniates. S. 145 f.

Норманнское войско было деморализовано жадной к грабёжам и наслаждениям, а разразившаяся эпидемия сильно проредила его ряды. Это дало возможность опытному военачальнику Алексею Вране нанести противнику решающее поражение при Мосинополе, а 7 ноября 1185 г. при Димитриче. Норманны отступили, оставив Фессалонику, а позднее также Диррахий и Корфу. Только Кефаллиния и Закинф остались во владении западных господ и окончательно отпали от Византии. С другим врагом, угрожавшем Империи при Андронике, венгерским королем Белой III, Исаак Ангел заключил договор о дружбе, женившись на его десятилетней дочери Маргарите.

Устранение опасности с норманнской и венгерской стороны имело тем большее значение, что уже в конце 1185 г. разразилось восстание в Болгарии¹. Выступление братьев Петра (Феодора) и Асеня поначалу означало не что иное, как то, что на болгарской почве ослабли узы, непосредственно связывавшие эту страну с Империей. Как и в других частях Империи, также и здесь дали о себе знать территориальные аппетиты местных магнатов. Поначалу Петр и Асень требовали отдать некоторые земли им в пронию². Заносчивость византийского правительства, которое резко отклонило их притязания, тем более выраженные не слишком почтительным образом, запустила череду событий: обделенные Петр и Асень подняли в обремененной налогами и недовольной стране восстание, которое в конечном итоге привело к полному отпадению Болгарии от Византии и к основанию второго болгарского царства.

Двухсотлетнее правление византийцев как в Болгарии, так и в Македонии имело своим результатом существенное ослабление местного славянского элемента, причем стала заметна не только усилившаяся эллинизация этих территорий, но и усиление других народов за счет славян³. В области Фессалоники можно было встретить много евреев и армян. Подунавье приютило множество куманов. Влахи, предки современных румын, жили как в Подунавье, так и в Македонии и Фессалии, которые обозначались как Великая Валахия. В начатом

¹ Относительно хронологии см.: *Dujčev I. La date de la révolte des Asêvides // BSl 13 (1953). P. 227–232.*

² *Nic. Choniates. P. 482.15–17; об этом: Успенский Ф.И. Значение византийской и южнославянской пронии // Сборник в честь В.И. Ламанского. СПб., 1883. С. 32; Златарски. История. Т. 2. С. 435 сл.; Ostrogorski. Féodalité. S. 53–54.*

³ См.: Успенский Ф.И. Образование. С. 66 сл.

Петром и Асенем движении куманы и особенно вlahи приняли значительное участие¹.

¹ Этнический состав второго болгарского царства является трудным и спорным вопросом. В соответствующих пассажах Никиты Хониата показательным образом речь идет не только о болгарях, но и о влахх; о них же в первую очередь говорят и современные западные источники (Ансберт, Робер де Клари, Виллардуэн). Напротив, современные славянские источники, а также византийские историки последующей эпохи, начиная уже с Георгия Акрополита, совершенно умалчивают о влахх. В переписке между Иннокентием III и Калояном правитель болгар называется папой «господином болгар и влахов», а сам он себя в четырех письмах называет «*imperator totius Bulgarie et Vlachie*», а в одном письме — «*imperator Bulgarorum*» (новое издание: *Дуйчев И.* Преписката на папа Инокентий III с българите // *Годишник на Софийск. Университет, Ист-фил. фак.* 38.3 (1942). № II, XV, XVIII, XXX и IX). С другой стороны, Калоян не только себя, но и Симеона, Петра и Самуила обозначает как «*imperatores Bulgarorum et Blachorum*» (*Ibid.*, № XV), а Никита Хониат (р. 482.3) однозначно говорит, что варвары области Гема, которых прежде называли мисийцами, теперь называются влахами (τοὺς κατὰ τὸν Αἴμον τὸ ὄρος βαρβάρους, οἱ Μυσοὶ πρότερον ὠνομάζοντο, νυνὶ δὲ Βλάχοι κικλήσκονται). Феодор Скутариот (*Sathas*. Т. VII. Р. 19) позднее прибавляет разъяснение: Βλάχοι δὲ νῦν καὶ Βούλγαροι. Всё это приводит нас к выводу о том, что уже тогда влахими (это имя, понятно, имело не только этническое значение, но также служило в качестве собирательного понятия для скотоводческих племен) называлось население древней Мёзии, т.е. тогдашней фемы Паристрий, поскольку под болгарями прежде всего понимались жители фемы Болгария, т.е. Македонии (см.: *Мутафчиев П.* Произходът на Асеневци // *Макед. Преглед* 4.4 (1928). С. 1–42; *Он же.* История. Т. 2. С. 36 сл.; *Дуйчев.* *Op. cit.* С. 85 сл. и Проучвания. С. 45–46; *Златарски.* История. Т. 2. С. 416 сл.). Н. Бэнеску (*Bănescu N.* Un problème d'histoire médiévale. Création et caractère du second empire bulgare. Bucarest, 1942) отвергает это с нашей точки зрения единственно возможное объяснение, подвергая критике некоторые неудачные аргументы Успенского и Златарского, и полагает, что ему удалось доказать, что второе болгарское царство было творением влахов. При этом он не смог предложить подходящего объяснения упомянутому выше сообщению Никиты Хониата, а глоссу Скутариота и переписку Калояна с Иннокентием III оставил вовсе без внимания. Ср. тж.: *Wolff R.L.* The "Second Bulgarian Empire". Its Origin and History to 1204 // *Speculum* 24 (1949). Р. 167–203. Невозможно сомневаться в том, что держава Асенидов была болгарской державой. Конечно же, нельзя отрицать участия влахов, а также и куман в основании этой державы, так же, как и невозможно согласиться с Мутафчиевым в том, что в это время в болгарских землях не проживала никакая часть народа влахов. Тот факт, что в то время население Болгарии обыкновенно называли влахими, с достаточной ясностью доказывает обратное. См. взвешенные рассуждения В.Г. Васильевского в ЖМНП 204 (1879). С. 173 сл.; критика: *Успенский.* Образование. См. тж., наконец: *Литаврин.* Болгария и Византия. С. 431 сл. — Что касается братьев Петра и Асеня, то, согласно Васильевскому (ук. соч.), они были болгаро-влашского происхождения; по Златарскому (Потеклото на Петра и Асеня // *Списание на Бълг. Акад.* 45 (1933).→

Внутренние осложнения дополнительно отягощали положение Империи. Отправленный против восставших победитель норманнов Алексей Врана облекся в Адрианополе в порфиру и обратился против правительства Исаака II, однако погиб в сражении под Константинополем. Летом 1186 г. уже сам император во главе войска вторгся в Болгарию. Недостаток активности при подавлении болгарского восстания нельзя поставить Исааку II в упрек. Конечно, Исаак не был государственным мужем, но не был он и трусливым слабаком, каким его обыкновенно изображают. Безусловно, его правление не стало удачным, но при всем отчаянии сложившегося положения по крайней мере ход норманнской и болгарской войн показывает, что в это время Империя не была настолько беспомощной в военном отношении, как во времена господства режима террора при Андронике¹.

Восставшие были рассеяны, Петр и Асень бежали за Дунай, но вскоре вернулись от куманов с сильными подкреплениями, и война разгорелась вновь². С большой поспешностью, уже в октябре 1186 г., Исаак выступил против врага, однако теперь он находился в более тяжелом положении и потому лишь ценой больших потерь сумел отбросить болгаро-куманские отряды. Весной 1187 г. он предпринял

- С. 7–48), они происходили из благородного болгаро-куманского рода (подобное уже у Успенского: Образование. С. 105 сл.); Мутафчиев (Op. cit. P. 3 sv.) предполагает их русское происхождение, указывая при этом на многочисленность тогдашних русских поселений в нижнем течении Дуная, и, с другой стороны, подчеркивает, что куманское имя Асень часто встречается в древнерусских летописях и что Юрий Долгорукий в 1107 г. женился на внучке куманского вождя Асеня: родившийся от этого брака Василько получил от императора Мануила I четыре города на Дунае. В. Николаев (Потеклото на Асеновци и етническият характер на основаната от тях държава. София, 1940) отвергает все прочие разъяснения и в противоположность им придерживается уже давно признанного безосновательным тезиса о том, что Петр и Асень происходили из старой болгарской царской династии. См. отрицательный отзыв Д. Ангелова в BSl 9 (1948). P. 358.

¹ К более благоприятному суждению об Исааке II приходит и М. Бахманн: *Bachmann M. Die Rede des Johannes Syropulos an den Kaiser Isaak II. Angelos. München, 1935.*

² Д. Расовский (Роль половцев в войнах Асений с византийской и латинской империями в 1186–1207 гг. // Списание на Бълг. Акад. 1939. С. 203–211) очень хорошо показал, что участие куманов всегда имело решающее значение для исхода византийско-болгарских, а также более поздних латино-болгарских войн, однако куманы из-за климатических условий никогда не принимали участие в болгарских походах летом.

новый поход с целью обойти восставших, которые укрылись в горах, через область Сердики. Однако и на этот раз не удалось достигнуть решающего успеха, а вести продолжительную кампанию войска императора оказались не в состоянии. Трудности возникали со всех сторон: сербский великий жупан Стефан Неманя поддержал восставших болгар и воспользовался византийско-болгарской войной, чтобы расширить свою территорию за счет Византийской империи. Таким образом, Исаак II был вынужден прервать войну в Болгарии и решил договориться с мятежниками, которые предоставили ему в заложники Калояна, младшего брата Петра и Асеня.

Заключение мира означало молчаливое признание вновь создавшегося положения. Византия отказалась от области между Балканскими горами и Дунаем. Вновь возникла самостоятельная болгарская держава. Вероятно, тогда же была основана Тырновская архиепископия, и из рук нового болгарского архиепископа Асень в церкви св. Димитрия в Тырново получил царский венец¹. Говорили, что св. Димитрий после взятия Фессалоники норманнами покинул город и перешел в Тырново, столицу второго болгарского царства. Эпоха господства Византийской империи на Балканах навсегда ушла в прошлое, ибо после сербов теперь уже и болгары окончательно ушли из-под власти разваливающейся Империи. Какие опасности в этом заключались, стало ясно со всею отчетливостью, когда на Византию обрушилось бедствие очередного крестового похода.

Святой Гроб вновь попал в руки неверных. Саладин, распространивший свою власть от Египта до Сирии, в 1187 г. вторгся в Палестину, нанес 4 июля при Хиттине тяжелое поражение войскам латинян, захватил в плен короля Ги де Лузиньяна, а 2 октября вступил в Иерусалим. Самые видные государи Запада — Фридрих I Барбаросса, Филипп II Август и Ричард Львиное Сердце — приняли крест. Летом 1189 г. Фридрих I, избравший путь по суше через Венгрию, прибыл на Балканский полуостров. Он попытался вступить в соглашение с византийским императором: уже осенью 1188 г. в Нюрнберге был заключен договор о проходе немецкого крестоносного войска через Византию². Недоверие византийцев было, однако, тем самым отнюдь не устранено, ибо на самом деле Барбаросса вел переговоры не только

¹ См.: *Златарски*. История. Т. 2. С. 472 сл.

² *Dölger. Reg.* 1581.

с Византией, но и с врагами Империи, через земли которых шла дорога в Святую Землю: с сербами и с иконийским султаном. Насколько нежелательным был приход Фридриха для византийцев, настолько же желанным он был для южных славян. Неизбежная напряженность между Византией и германским императором могла быть только выгодна для славянских держав. Опора на Венгрию, которая на протяжении десятилетий была краеугольным камнем сербской политики, была более невозможна, поскольку теперь Венгрия сотрудничала с Византией, могущества которой ей уже не нужно было опасаться: осмотрительный Стефан Неманя искал поддержки у могущественного германского императора, а его примеру следовали и болгары. В Нише Барбаросса был принят с большими почестями и провел переговоры как с сербским великим жупаном, так и с болгарскими посланниками. Сербия и Болгария предложили принести ленную присягу, а также заключить союз против Византии¹.

В Константинополе эти переговоры по понятным причинам вызвали большую озабоченность. Византийское правительство бросилось в объятия Саладина, самого ненавистного врага крестоносцев: оно возобновило заключенный при Андронике союзный договор с намерением воспрепятствовать проходу немецких крестоносцев². Таким образом отношения между Византией и германским императором крайне обострились. Фридрих занял Филиппополь, как будто этот город находился на вражеской территории. За этим последовала оживленная переписка, в которой обе стороны не стеснялись в упреках и обвинениях. Дело зашло так далеко, что Барбаросса принял решение в случае необходимости покорить Византию силой оружия и занять Константинополь. После взятия Адрианополя, где он еще раз встретился с сербскими и болгарскими послами, его армия отправилась маршем на Константинополь. Своему сыну Генриху он приказал явиться к стенам Константинополя с флотом. Тогда Исаак II уступил: в феврале 1190 г. в Адрианополе был заключен договор, на основании которого германский император получил корабли для переправы, ему были переданы знатные заложники и предоставлено

¹ См.: *Paulová M. Účast Srbů při třetí výpravě křížové* // BSl 5 (1933–1934). S. 235–303.

² *Dölger. Reg. 1591. Ср.: Brand M. The Byzantines and Saladin, 1185–1192: Opponents of the Third Crusade* // *Speculum* 37 (1962). P. 170 ff.

продовольствие по низким ценам¹. Все требования Барбароссы были исполнены: Византии пришлось склониться перед превосходящей мощью германского императора. Весной года Фридрих переправился со своим войском в Малую Азию и поспешил в Святую Землю, достичь которой, однако, ему было не суждено.

Походы королей Англии и Франции, которые предпочли морской путь в Святую Землю, лишь в незначительной степени затронули Византию, ибо сфера ее влияния больше не простиралась до Палестины. Впрочем, предприятие обоих королей осталось безрезультатным: согласно договору 1192 г., Саладин удержал Иерусалим, в то время как латинские владения свелись к узкой полоске земли между Яффой и Тиром. Лишь один второстепенный эпизод этого похода непосредственно затронул Византию: Ричард Львиное Сердце занял Кипр, взяв в плен его правителя Исаака Комнина, и сначала остров достался ордену тамплиеров, а затем (в 1192) — бывшему королю Иерусалима Ги де Лузиньяну. С того времени Кипр оставался во владении латинян.

После ухода и трагической гибели Барбароссы Византия вновь получила свободу действий на Балканах. Исаак II незамедлительно выступил против болгар, которые вторглись во Фракию, и против сербов, которые воспользовались соперничеством двух империй, чтобы вновь совершить значительные завоевания и разрушить важнейшие города от Призрена и Скопье до Софии. Осенью 1190 г. Стефан Неманя был разбит на Мораве и на основании заключенного после этого мирного договора был вынужден вернуть захваченные в последние годы территории. Однако земли, занятые прежде, остались в его владении². По-видимому, победа императора не была столь полной, как это пытаются представить византийские источники. Кроме того, заключение формального мирного договора означало очевидное признание государственной самостоятельности Сербии. Этот акт был также скреплен брачным союзом между двумя правителями: Стефан, второй сын Немани, женился на племяннице императора Евдокии

¹ Dölger. Reg. 1603; Zimmert K. Der Friede zu Adrianopel // BZ 11 (1902). S. 303–320. См. тж.: Zimmert K. Der deutsch-byzantinische Konflikt vom Juli 1189 bis Februar 1190 // BZ 12 (1903). S. 42–77.

² Jireček. Geschichte. Bd. I. S. 273–274; Bachmann M. Die Rede des Johannes Syropoulos an Isaak II. Angelos. München, 1935. S. 68 ff.

и получил высокий титул севастократора¹. Брак с императорской принцессой и чин севастократора были высокой честью, но в то же время встраивание сербского наследника престола в византийскую иерархию подчеркивало формальное превосходство византийского императора — василевса и автократора².

Менее удачно сложилась для Византии возобновленная война с болгарами. Большой поход 1190 г. окончился тяжелым поражением. Несмотря на то что византийцы продвинулись до самых стен Тырново, осада болгарской столицы не принесла результатов, а на обратном пути византийское войско было разбито в балканских горных проходах, а сам император лишь с большим трудом избежал гибели. Дальнейшие попытки ослабить давление болгар также не принесли успеха, и в 1194 г. византийцы потерпели под Адрианополем еще одно поражение. Тем не менее император не прекратил борьбы: он возобновил дружеские отношения с венгерским королевским двором (несколько осложнившиеся вследствие нападения венгров на Сербию)³, чтобы в союзе с венграми предпринять новый поход против болгар. Однако едва Исаак выступил в поход, как его старший брат Алексей 8 апреля 1195 г. узурпировал императорскую власть и приказал его ослепить.

Алексей III (1195–1203), слабохарактерный властолюбец, был типичным продуктом времени упадка. Словно желая создать карикатуру на великих правителей из династии Комнинов, он именовал себя Комнином, поскольку имя Ангел представлялось ему недостаточно благородным⁴. Если при Исааке II Империя, при всей своей ветхости и рыхлости, все же смогла выстоять, то теперь последние силы к сопротивлению оставили ее. Из года в год внутренний упадок становился все отчетливей, а во внешнеполитическом плане переворот 1195 г. имел многообразные и далеко идущие последствия.

Особого рода были последствия перемены на престоле для отношений Империи с Сербией. Отец выданной в Сербию замуж прин-

¹ См.: *Ласкарис*. Виз. принцезе. С. 7 сл.

² См. мою работу: *Die byzantinische Staatenhierarchie* // SK 8 (1936). P. 41–61.

³ См.: *Laurent V. La Serbie entre Byzance et la Hongrie à la veille de la quatrième croisade* // RHSEE 18 (1941). P. 109–130; *Радочић Н.* Промена у српско-мађарским односима крајем XII века // Глас Српске акад. наука 213 (1954). С. 1–21.

⁴ *Nic. Choniates*. P. 605.

цессы Евдокии стал императором, и это, без сомнения, оказало свое влияние на перемену правления в Сербии, где вскоре после этого пришел к власти севастократор Стефан, зять императора. 25 марта 1196 г.¹ престарелый Неманя отрекся в пользу Стефана, а сам, постригшись в монахи, ушел сначала в монастырь в Студенице, а затем на Афонскую гору, где уже много лет подвизался его младший сын Савва. Могло показаться, что вступление на престол Стефана откроет новую эру византийского влияния в Сербии, однако ничего подобного не произошло, поскольку бессильное византийское правительство не смогло воспользоваться желанным для него разрешением этого вопроса. Не византийский тесть сербского правителя, но могущественная Римская Церковь приобрела в последующие годы решающее влияние как в Рашке, так и в Боснии. Старший сын Немани Вукан, который был вынужден удовольствоваться областью Зеты (Дукли) и потому чувствовал себя обделенным, начал войну против своего брата, рассчитывая на поддержку Венгрии и римской курии. Брошенный Византией на произвол судьбы, Стефан также стал искать спасения в сближении с Римом. Он полагал, что с Константинополем уже можно настолько не считаться, что прогнал свою супругу. Однако Вукан упредил его: с венгерской помощью он выгнал своего брата из страны и принял власть, признав супрематию папы и суверенные права Венгрии (1202). Подобным образом обстояли

¹ В составленном св. Саввой Житии Стефана Немани приведено 25 марта 6703 (= 1195) г., однако эта дата однозначно не принадлежит Саве, а была добавлена позже. Уже И. Павлович (*Павловић И.* Хронолошке бележки св. Саве о Стевану Немањи // Гласник срп. уч. друштва 47 (1879). С. 284 сл.) придерживался мнения, что отречение Немани следует датировать 1196 г., и с этим мнением впоследствии согласились практически все сербские исследователи. Однако В. Чорович (*Чоровић В.* Питање о хронологији у делима св. Саве // Годишњица Н. Чупића 49 (1940). С. 65 сл.), а недавно также Р. Новакович (*Новаковић Р.* Један покушај тумачења Савиних хронолошких података у житију св. Симеуна // Ист. гласник (1955). № 3–4. С. 96 сл.) высказались за 1195 г. Однако принятие этой даты сталкивается со значительными трудностями, коль скоро отречение Немани связывается, как это было уже у Чоровича, с переменой на византийском престоле 8 апреля 1195 г. Напротив, достаточно большой временной промежуток между переворотом в Византии 8 апреля 1195 г. и отречением Немани 25 марта 1196 г. едва ли должен кого-то смущать. Как с основанием подчеркивает Новакович (Кад се родио и кад је почео да влада Стеван Немања? // Ист. гласник (1958). № 3–4. С. 181), решение Немани об отречении, разумеется, было принято задолго до его официального провозглашения.

дела и в соседней Боснии, где бан Кулин смог спасти свою власть только благодаря тому, что отрекся от богомильского учения, принял римо-католическое вероисповедание и поставил себя под покровительство Венгрии (1203). Впрочем, вскоре Стефану удалось вернуть себе престол, однако сделал он это не с византийской, а с болгарской помощью. Поведение византийского правительства в сербском вопросе дает однозначное представление, сколь быстро приходило в упадок могущество Империи: в 1196 г. Византия еще могла принять участие в решении вопроса о престолонаследии в Сербии, а уже через несколько лет она полностью вышла из игры и была вынуждена предоставить страну влиянию Рима и Венгрии.

Поначалу Алексей III попытался выйти из войны с Болгарией посредством заключения мирного договора, однако болгары слишком далеко зашли в своих требованиях, и потому переговоры были прерваны. Вновь разразилась война, которая приняла для Византии неудачный оборот. Болгарами была опустошена область Серр (в 1195 и 1196), византийская армия разбита, а ее командующий, севастократор Исаак Комнин, захвачен в плен¹. Для мирных переговоров Византия оказалась слишком гордой, а для ведения войны — слишком слабой. Оставался еще третий способ: поддержка оппозиции во вражеской стране. В 1196 г. Асень пал жертвой заговора бояр. Впрочем, его убийца, боярин Иванко, не смог долго продержаться в Тырново, поскольку ожидаемая из Византии помощь не смогла прибыть из-за мятежа в византийском войске. Иванко был вынужден уступить сцену Петру, а сам бежал в Константинополь. Но и Петр, принявший царский венец вместо Асеня, в 1197 г. пал от руки убийцы.

В Константинополе Иванко приняли с почестями, назначили наместником Филиппополя, а затем даже главнокомандующим сражавшихся с болгарами императорских войск. Однако вскоре хитрый боярин, в руки которого Алексей III вручил судьбу византийско-болгарской борьбы, отпал от Империи и создал в Родопах собственное независимое княжество. Еще более значительное удельное княжество возникло в Македонии, где воевода Добромир Хрис сначала добился независимости в области Стримона, а затем значительно увеличил свои владения и утвердился в труднодоступном Просеке на Вардаре. Он

¹ См. тж. о последующем: *Златарски*. История. Т. 3. С. 82 сл.; *Мутафчиев*. История. Т. 2. С. 45 сл.

добился признания со стороны византийского правительства и получил в жены родственницу императора. Однако уже вскоре Византия была вынуждена выступить против него с оружием в руках. С опорой на Тырновское царство он начал против Византии военные действия, занял довольно большую часть Западной Македонии с Прилепом и Битолой и даже прорвался в Среднюю Грецию. В конце концов византийцы хитростью захватили своего бывшего друга Иванко, после чего его владения вновь отошли к Империи. Шедшие с переменным успехом сражения с Добромиром Хрисом, к которому присоединились даже некоторые византийские высокопоставленные военачальники, закончились тем, что его владения перешли к царю Калояну, и таким образом значительная часть Македонии присоединилась к державе болгар.

В лице Калояна (1197–1207), который некогда был отдан своими братьями Петром и Асенем в заложники в Константинополь, у Византийской империи появился опасный противник. Под его сильной властью новое болгарское царство пережило свой первый бурный расцвет. Оно стало одним из важнейших игроков на Балканах и неоднократно оказывало определяющее воздействие на судьбы Южной Европы.

Своей державе, которая отстаивала независимость в борьбе против Византии, Калоян смог обеспечить признание Рима. Коронация Асеня назначенным его собственной властью архиепископом Тырновским не создала для новой державы прочного правового основания. Право на коронацию имели только два мировых центра — Рим и Константинополь, и легитимным был царский венец, присланный только из Рима или Византии. Неудивительно при этом, что Калоян обратился в Рим, а не в охваченную разложением и враждебную ему Византийскую империю. Так Рим в преддверии заката Константинополя подчинил себе в духовном отношении не только Сербию, но и Болгарию, распространив свою сферу влияния на значительную часть Балканского полуострова. После продолжительных переговоров Калоян выразил признание папской супрематии. Заключительный акт последовал уже после падения Константинополя: 7 ноября 1204 г. отправленный папой Иннокентием III в Тырново кардинал посвятил болгарского архиепископа Василия в примаса Болгарии, а на следующий день возложил на голову Калояна королевскую корону.

Бросающаяся в глаза все более жалкая беспомощность византийской политики на Балканах была в значительной мере обусловлена тем,

что наибольшие опасности грозили Империи с Запада. На протяжении многих лет ее величайшей заботой были отношения с императором Генрихом VI. Обвенчанный с наследницей норманнско-сицилийского престола Констанцией, Генрих после смерти Барбароссы вступил не только в отеческое наследство, но в наследство умершего в конце 1189 г. Вильгельма II. Соппротивление на Сицилии, которое сосредоточилось вокруг фигуры Танкреда, племянника Вильгельма II, а также поддерживалось папской курией и Византией, после смерти Танкреда утратило почву: на Рождество 1194 г. в Палермо Генрих получил королевскую корону. Для Византии объединение двух злейших врагов означало смертельную опасность. Присоединение Сицилии к германской державе придало плану мирового господства Генриха прочное основание. Первым и важнейшим пунктом этого плана было завоевание Византийской империи¹. Прежде всего, как наследник Вильгельма II, Генрих потребовал уступки завоеванных норманнами, а затем ими потерянных областей между Диррахием и Фессалоникой, а кроме того, — выплаты большой суммы и участия Византии в новом крестовом походе посредством военного флота. После перемены на византийском престоле в 1195 г. положение еще больше обострилось. Посредством брака своего брата Филиппа с дочерью Исаака II Ириной Генрих создал себе династический повод для притязаний на константинопольский престол². Выступив в роли мстителя за Исаака и защитника семьи лишенного престола и ослепленного императора против узурпатора Алексея, он придал своим завоевательным планам вид стремления к восстановлению поправленной справедливости. Испуганное правительство Алексея III приложило величайшие усилия, чтобы умиротворить германского императора путем удовлетворения его финансовых требований. Оно обязалось платить огромную ежегодную дань в размере шестнадцати кентинариев золота³. Во всех провинциях

¹ См.: Norden. Papsttum und Byzanz. S. 122 ff. Оспаривает Нордена Леонхардт (Leonhardt W. Der Kreuzzugsplan Kaiser Heinrichs VI. Leipzig, 1923), который считает, что Генрих никогда не думал о завоевании Византийской империи. Ср. веские возражения Дельгера: Dölger. Reg. 1619.

² В 1193 г., еще в царствование своего отца, Ирина была выдана за Рожера, сына и наследника Танкреда Сицилийского, но вскоре овдовела. Брак с Филиппом состоялся в 1197 г. — Прим. пер.

³ Nic. Choniates. P. 631.4. Первоначально Генрих VI затребовал 50 кентинариев (Ibid. P. 630.16).

начал взиматься особый «германский налог» (τὸ ἀλαμανικόν). Однако несмотря на то что были задействованы все податные возможности и без того чрезмерно обремененной и опустошенной страны, условленной суммы собрать не смогли. Византия пришла в такой упадок, что правительство, чтобы собрать сумму дани и тем самым купить милость могущественного противника, было вынуждено лишить драгоценных украшений могилы императоров в храме Свв. Апостолов¹. То, что Генрих вообще снизошел до переговоров с Византией и удовольствовался для начала вымогательством и унижением противника, объяснялось вмешательством папы, который настоял на том, чтобы германский император отправился не на Константинополь, а крестоносцем на Иерусалим, ибо если Византийской империи реализация немецкого плана мирового господства угрожала уничтожением, то папству она грозила потерей влияния. В силу этого папа выступил за сохранение схизматической Константинопольской империи. Впрочем, речь шла не об отмене, а скорее об отсрочке выполнения завоевательного плана. Византия уже была взята в клещи: король Кипра Амальрик и Левон, правитель Малой Армении, заранее принесли ленную присягу германскому императору. Однако прежде, чем последовал решающий удар, Генриха VI настигла смерть (сентябрь 1197).

Отмена «германского налога» вызвала в Византии большое ликование, а жалкий император Алексей Ангел Комнин, который незадолго перед этим, задолжав германскому императору, в смертельном страхе приказал сорвать украшения с гробниц своих предшественников, счел, что пришло время ему самому заявить о претензиях на мировое господство и, в стиле великих Комнинов, предложить папе союз между единой Церковью и единой Империей². Между тем смерть Генриха VI означала всего лишь кратковременную отсрочку уже неотвратимого нападения Запада на слабую и своей слабостью провоцировавшую нападение Византию: смертельный удар последовал через несколько лет, но был нанесен уже из другого центра.

Западная империя распалась: Италия вышла из-под немецкого владычества, в самой Германии против брата Генриха, Филиппа Швабского, выступил узурпатор Оттон Брауншвейгский. Доминирование

¹ Nic. Choniates. P. 631–632.

² Ср. ответное послание Иннокентия III от августа 1189 (Epist. I, 353: PL. T. 214. Col. 327BC). Norden. Papsttum und Byzanz. S. 134.

германского императора сменилось доминированием великого папы Иннокентия III, а это означало, что на первый план европейской политики по отношению к Востоку вновь выступила идея крестовых походов. Согласно плану папы, Византию следовало не покорять силой оружия, а посредством церковной унии подчинить престолу св. Петра и вместе с западным христианством задействовать в крестовом походе.

Наряду с Иннокентием III, духовным отцом крестового похода, во главе нового крестоносного движения, руководя всем предприятием, стояла могущественная фигура дожа Энрико Дандоло, целью которого было обратить силы Запада против Византии. Будучи крупным государственным деятелем, способным к масштабным решениям и, по всей видимости, совершенно чуждым идее крестового похода, Дандоло усмотрел в уничтожении Византийской империи предпосылку долгосрочного обеспечения венецианского преобладания на Востоке. Конечно, уже со времен Алексея I Венеция пользовалась широкими привилегиями в византийских землях и водах: ни Иоанн II, ни Мануил I не смогли избавиться от тягостных обязательств; также и оба императора из дома Ангелов ясно подтвердили права венецианцев¹. Но периодические попытки Империи, которая с крайним недовольством уступала давлению Венеции, возмутиться, а также спонтанные проявления недовольства со стороны византийского населения, как это было в 1171 и 1182 гг., создавали постоянное ощущение нестабильности. Морская республика была вынуждена постоянно быть на чеку: при каждой перемене правления в Константинополе она должна была заново добиваться признания ее преимущественных прав и с оружием бороться против любых проявлений протеста. Кроме того, у нее появились опасные конкуренты в лице Генуи и Пизы, поскольку Византия в своем стесненном положении наделила привилегиями и эти растущие морские державы, чтобы тем самым по крайней мере создать противовес венецианскому засилью. Пока в Константинополе правил византийский император, Венеция никогда не могла быть уверенной в своем монопольном положении. Единственным решением представлялось ниспровержение Византийской империи. Лучшим поводом для этого было участие в крестовом походе, который необходимо было превратить в завоевательный поход против

¹ Tafel–Thomas. T. I. P. 189 sq.: *Dölger. Reg.* 1576 (ср. тж. 1577, 1578, 1589, 1590); Tafel–Thomas. T. I. P. 248 sq.: *Dölger. Reg.* 1647.

Византии. Византийцы позволили Венеции лишиться их господства на море: теперь им было суждено потерять и свою Империю.

Поворот четвертого крестового похода на Константинополь, для объяснения которого предлагались различные теории¹, не является для нас чем-то загадочным. Он с почти вынужденной необходимостью является результатом предшествующих событий. Со времени разделения Церквей и еще более — со времени начала крестовых походов на Западе постоянно усиливаются враждебные Византии настроения. Агрессивная западная политика Мануила I и вызывающая враждебность к латинянам Андроника I внесли свой вклад в то, что эти настроения переросли в открытую враждебность. Ввиду очевидной слабости и беспомощности Византийской империи при Ангелах враждебность к Империи приняла на Западе форму завоевательных планов. В качестве старого наследия норманнов идея завоевания Константинополя уже во время второго крестового похода увлекала окружение Людовика VII; во время крестового похода Фридриха Барбароссы ее реализация, казалось, приблизилась к границам возможного; наследник Барбароссы и норманнских королей Генрих VI положил ее во главу угла своих политических планов. Когда же Венеция бросила на чашу весов свои торговые и военно-политические интересы, идея превратилась в реальность. Прогрессирующее обмирщение идеи крестовых походов достигло своей логической цели: крестовый поход стал инструментом завоевания и обратился против христианской Империи на Востоке. Стечение определенных обстоятельств облегчило этот оборот событий и поспособствовало тому, что крестоносные рыцари поставили себя на службу венецианским интересам.

Крестоносцы собрались в Венеции, чтобы на венецианских кораблях отправиться в Египет. Но поскольку они оказались не в состоянии покрыть транспортные расходы, то вынуждены были согласиться на предложение венецианского дожа компенсировать недостающую сумму посредством оказания морской республике военной помощи при завоевании перешедшей на сторону Венгрии Зары (Задара). Так произошло первое отклонение от цели крестового похода. На службе Венеции крестоносцы выступили в поход против христианской Венгрии, несмотря на то что венгерский король сам принял крест.

¹ Новейший обзор: *Frolow A. Recherches sur la déviation de la IVe Croisade vers Constantinople. Paris, 1955.*

В ноябре 1202 г. Зара была взята штурмом, хотя население города установило на стенах распятия: такой была весьма символичная прелюдия четвертого крестового похода.

За первым отклонением вскоре последовало второе, которое было связано с личностью Алексея Ангела, сына Исаака II. Юному Алексею удалось бежать из тюрьмы, в которую он был заключен вместе со своим ослепленным отцом. В поисках помощи он поспешил на Запад и после безрезультатной аудиенции у папы Иннокентия III прибыл ко двору Филиппа Швабского. Филипп, который по мере сил старался следовать политике Генриха VI, поддержал притязания своего родственника на византийский императорский престол с величайшей готовностью. Удержанный внутренними затруднениями от прямого вмешательства, он тем не менее вступил в переговоры с крестоносцами и венецианцами, стремясь увлечь их идеей восстановления на престоле Исаака II и его сына.

Для дожа ничто не могло быть так кстати, как это предложение, однако и предводитель крестоносцев Бонифаций Монферратский, семья которого поддерживала с Востоком тесные связи, с радостью ухватился за возможность вмешаться в византийские дела. Пока крестоносцы зимовали в завоеванной Заре, туда прибыли посланники германского короля и его протеже. Тогда и состоялось желанное для обеих сторон соглашение. С щедростью претендента Алексей пообещал крестоносцам и венецианцам громадные суммы денег, а для умиротворения папы посулил церковную унию и обязался после своего восстановления на престоле деятельно поддерживать дальнейший крестовый поход. Подавляющее большинство рыцарей последовало уговорам Дандоло и Бонифация: искушение было велико, и голос совести молчал, ибо после экспедиции против Константинополя крестовый поход должен был продолжиться благодаря огромным средствам, обещанным византийским претендентом на престол. Уже в Заре Алексей присоединился к крестоносцам, а в мае 1203 г. на Корфу был подписан договор в отношении уже решенного отклонения крестового похода. 24 июня крестоносный флот появился у византийской столицы, «царицы всех городов».

После взятия Галаты была разбита цепь, которая преграждала вход в Золотой Рог. Корабли крестоносцев вошли в гавань, одновременно начался штурм города с суши. Несмотря на то что византийский гарнизон и особенно варяжская гвардия оказывали отчаян-

ное сопротивление, 14 июля 1203 г. Константинополь попал в руки крестоносцам. Ничтожный император Алексей III с императорской казной и сокровищами бежал. Слепой Исаак II был восстановлен на престоле, а его сын Алексей IV, ставленник крестоносцев, был коронован как соправитель.

Пока еще в Константинополе сохранялось византийское правление, но оно полностью зависело от милости расположившихся лагерем под стенами города крестоносцев. Этой милости между тем надолго не хватило, ибо очень быстро выяснилось, что Алексей IV был не в состоянии выполнить данные в Заре и на Корфу обещания. Теперь он находился между двух огней: крестоносцы и венецианцы требовали немедленной уплаты и решительно отвергали просьбы об отсрочке, византийское же население бунтовало против императора, который привел в страну крестоносцев, а себя и свой народ сделал рабами латинян. В конце января 1204 г. в Константинополе разразилось восстание, и Алексей IV потерял не только с такими жертвами приобретенную корону, но и жизнь; его отец вскоре умер. На престол вступил Алексей V Дука Мурцуфл, зять Алексея III и супруг Евдокии, некогда отданной за сербского короля Стефана¹.

Опять в Византии восторжествовало враждебное латинянам направление, однако его триумф только ускорил развязку трагедии. Крестоносцы снова вооружились для штурма византийской столицы. Требовалось вновь захватить Константинополь, однако на этот раз не для того, чтобы установить там очередное византийское правительство, а для того, чтобы на развалинах Византийской воздвигнуть собственную империю. В марте крестоносцы и венецианцы заключили под стенами византийской столицы детальный договор о разделе завоеванной Империи и о создании латинской империи в Константинополе². Начался штурм, и случилось то, что должно было случиться: 13 апреля 1204 г. византийская столица пала под ударами превосходящего противника. Победители вступили в Константинополь. Так город, неколебимо стоявший со времен Константина Великого, отражавший нападения персов и арабов, аваров и болгар,

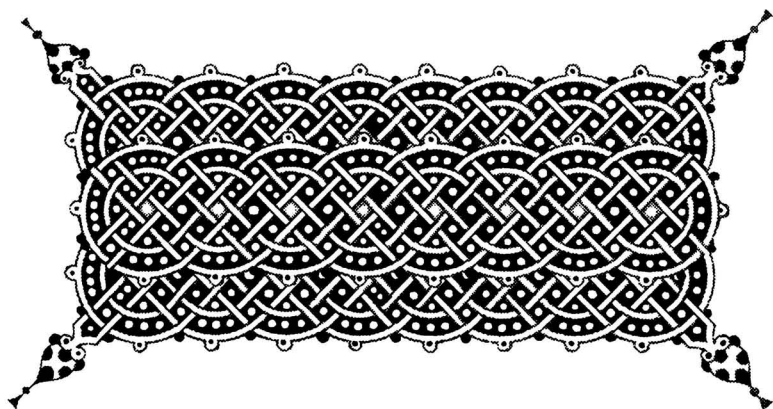
¹ ¹ Официально брак Алексея V и Евдокии состоялся уже после падения Константинополя, летом 1204 г., хотя и до этого между ними были близкие отношения. — *Прим. пер.*

² Tafel-Thomas. T. I. P. 464–488.

оказался добычей крестоносцев и венецианцев. Три дня Константинополь был во власти грабежа и убийств. Драгоценные сокровища величайшего культурного центра тогдашнего мира были разделены между захватчиками, а частью были варварским образом уничтожены. «С тех пор, как был создан мир, не было захвачено столько добычи в одном городе», — пишет историк крестоносцев¹. Даже исмаилиты более «человеколюбивы и кротки» по сравнению с этими «людьми, которые носят на своих плечах знак креста Христова!» — замечает византийский автор². За разделом военной добычи последовал раздел Византийской империи, который увенчал собой катастрофу и более чем на полстолетия перенес работу созидательных сил византийцев из центра на периферию.

¹ *Villehardouin*. La conquête de Constantinople / Ed. E. Faral. T. II. 1939. P. 52: «Et bien tesmoigne Joffrois de Vilehardoin li mareschaus de Champaigne a son escient par verté, que, puis que li siècles fu estorez, ne fu tant gaainié en une ville».

² *Nic. Choniates*. P. 761–762. В качестве очевидца описывает бесчинства крестоносцев в Константинополе также митрополит Эфеса Николай Месарит в надгробной речи своему брату Иоанну: *Heisenberg*. Neue Quelle. I. S. 41 ff.

VII ЛАТИНСКОЕ ГОСПОДСТВО И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1204–1282)

Источники

Первые годы латинского господства описывает упомянутое выше историческое сочинение *Никиты Хониата*, доведенное до 1206 г.¹ Собственно историописателем Византийской империи в Никее является *Георгий Акрополит* (с 1217 до 1282 г.), который был известен и как ученый, и как государственный деятель. Он был старшим соучеником, а затем учителем наследника престола Феодора II Ласкаря, в 1246 г. стал логофетом геникона, а позднее — великим логофетом. На Лионском Соборе он присутствовал в качестве представителя императора и руководителя византийской делегации. Из-под пера этого хорошо информированного современника вышло историческое сочинение (*χρονική συγγραφή*), которое ясно и искусно излагает события от нападения латинян на Константинополь до отвоевания императорской столицы византийцами (1203–1261)². Из прочих сочинений Георгия

¹ См. тж. выше о сочинениях Никиты Хониата на разные темы, которые отчасти приходятся на время после 1204 г., а также о посланиях и сочинениях Михаила Хониата.

² Критическое издание: *Heisenberg A. Georgii Acropolitae Opera. Vol. I. Leipzig, 1903.*

Акрополита особую историческую ценность имеет надгробная речь императору Иоанну III Ватацу¹. Компильативным произведением является доходящая до 1282 г. хроника *Феодора Скутариота* из Кизика, повествование которой идет от сотворения мира до отвоевания Константинополя в 1261 г. Период до Комнинов рассматривается в нем весьма кратко, а основная часть представляет собой выдержки из Никиты Хониата и Акрополита; тем не менее в части, основывающейся на Акрополите, присутствует ряд добавлений, в которых, собственно, и заключается немалая ценность этого произведения как источника². Как продолжение Акрополита построено весьма значительное историческое сочинение *Георгия Пахимера* (1242 – ок. 1310), которого Крумбахер назвал крупнейшим византийским полигистором XIII в. Сочинение охватывает время с 1255 по 1308 г. и содержит наиболее подробное историческое повествование современника богатыми событиями царствования Михаила VIII Палеолога. Для Пахимера является характерной подчеркнута греко-православная точка зрения и решительное неприятие унии с Римом, а также склонность к пространному изложению догматики, которое остается признаком позднейшего византийского историописания палеологовской эпохи. Универсальный ученый *Никифор Григора* (1295–1359), о большом историческом сочинении которого, обнимающем период с 1204 по 1359 г., подробнее будет сказано в следующем разделе, сжато рассматривает период Никейской империи и первые десятилетия после византийской реставрации. Однако несмотря на то, что события этого периода он описывает не как современник и только в качестве введения, его сочинение даже в этих частях содержит чрезвычайно важный материал и существенно дополняет изложение Акрополита и Пахимера. Приведение западных исторических источников по эпохе латинского господства увело бы нас слишком далеко³. Впрочем, особо следует указать на «*Морейскую хронику*»,

¹ Ed. Heisenberg. Opera. Vol. II. P. 12–29.

² Эта компиляция была опубликована Сафой как анонимное произведение (Σάφας. Μεσ. βιβλ. 7. Σ. 1–556) и с тех пор в научной литературе обозначается как «Синописис Сафы». С Феодором Скутариотом автор хроники отождествлен Гейзенбергом: Heisenberg A. Analecta. Mitteilungen aus italienischen Handschriften byzantinischer Chronographen. München, 1901. S. 3 ff. Дополнения к изданию Акрополита Гейзенберг приводит в своем издании Акрополита (Vol. I. P. 275 ff.).

³ См., к примеру, данные в: Bréhier L. L'Église et l'Orient au Moyen Âge. 1921. P. I sv. и 114–115.

произведение эллинизированного франка, составленное в первой половине XIV в., которое сохранилось в двух стихотворных редакциях на народном греческом языке, а также во французской, итальянской и арагонской версиях. Оно содержит обильные сведения о положении на Пелопоннесе под франкским господством¹.

Наше знание о политических и особенно церковных отношениях начального периода существования Латинской империи в Константинополе и Византийской империи в Никее существенно дополняется сочинениями *Николая Месарита*; особенно важными являются надгробная речь Иоанну Месариту (ум. 1207), переписка с императорской семьей, которой предшествовало избрание Михаила Авториана патриархом и венчание на царство Феодора Ласкаря в 1208 г., а также сообщения о переговорах с представителями Римской Церкви в 1206 и 1214–1215 гг.² Ученый *Никифор Влеммид*, учитель Георгия Акрополита и будущего императора Феодора II Ласкаря, оставил наряду с научно-теоретическими также несколько сочинений более злободневного характера, как, например, две составленные в 1264 и 1265 гг. автобиографии, которые хотя и представляют собой панегирик автора самому себе и мало заботятся об общеисторических событиях, тем не менее не лишены значения для истории церковных и придворных отношений того времени³. Заслуживают внимания и письма к Феодору II Ласкарю, а также посвященное этому императору сочинение об обязанностях правителя⁴. С другой стороны, политические стихи Влеммида мало что дают историку⁵. От императора

¹ Греческие редакции: *Schmitt J.* The Chronicle of Morea. London, 1904. Староитальянская версия: *Cronaca di Morea* // *Hopf C.* Chroniques gréco-romanes. Berlin, 1873; старофранцузская версия: *Longnon J.* Livre de la Conquete de la Princée de l'Amorée. Paris, 1911; арагонская версия: *Morel-Fatio A.* Libro de los Fechos et Conquistas del Principado de la Morea. Genève, 1885.

² Издание с комментарием: *Heisenberg.* Neue Quellen. I/III.

³ *Heisenberg A.* Nicephori Blemmydae curriculum vitae et carmina. Lipsiae, 1896. В предисловии подробно рассказывается о жизни и сочинениях Влеммида.

⁴ *Emminger K.* Studien zu den griechischen Fürstenspiegeln, I. Zum ἀνδρὶς βασιλικός des Nikephoros Blemmydes. Gymnasial-Programm. München, 1906. См. также замечания Э. Курца в BNJ 3 (1922). S. 337 ff. и С.Дж. Меркати в BSl 9 (1947–1948). P. 182–185.

⁵ *Heisenberg.* Nicephori Blemmydae. P. 100–119; *Bury J.* An unpublished poem of Nicephorus Blemmydes // BZ 10 (1901). S. 418–423.

Феодора II Ласкаря сохранилось большое количество писем, которые, несмотря на их риторический характер, имеют большое значение¹. Из числа других сочинений плодовитого в литературном отношении императора² большим историческим значением обладает некролог императору Фридриху II³, энкомий Иоанну III Ватацу⁴, а также хвалебная речь городу Никее⁵. Помолвку Иоанна Ватаца с Констанцией-Анной и коронацию юной дочери Гогенштауфена описывают стихи хартофилака *Николая Ириника*, которые имеют важность как источник по византийскому придворному церемониалу⁶. Чрезвычайно большим значением для отношений Фридриха II с Византией обладают четыре греческих послания Фридриха II Иоанну III Ватацу и деспоту Эпира Михаилу II⁷. Об эфирском государстве мы, к сожалению, знаем весьма немного, причем прежде всего из сочинений, происходящих с территории Никеи. Наряду с этими скудными и весьма предвзятыми сообщениями важные, хотя и случайные сведения содержатся в документах эфирских правителей⁸,

¹ *Festa N. Theodori Ducae Lascaris Epistolae* CCXVII. Firenze, 1898. Среди адресатов на первом месте стоят Георгий Музалон, Никифор Влеммид и Акрополит. В Append. III. S. 290–329 воспроизведены письма Влеммида: 31 послание Феодору II и по одному — эфирскому деспоту Михаилу II и патриарху Мануилу.

² Список сочинений Феодора II Ласкаря: *Papadopoulos J.B. Théodore II Lascaris, empereur de Nicée*. Paris, 1908. P. IX sv.

³ Издание: *Papadopoulos J.B. Appendice*. P. 183–189.

⁴ Некоторые отрывки опубликованы в: *Успенский Ф.И.* О некоторых рукописях истории Никиты Акомината в Парижской Национальной библиотеке // ЖМНП. 194 (1877). С. 76. О содержании сочинения подробнее сообщается в: *Andreeva M. A propos de l'éloge de l'empereur Jean III Batatzès par son fils Théodore II Lascaris* // SK 10 (1938). P. 133–144.

⁵ *Bachmann L. Theodori Ducae Lascaris imperatoris in laudem Nicaeae urbis oratio*. Rostock, 1847. Неизданная речь об обязанностях подданного по отношению к своим владыкам подробно анализируется в: *Lappa-Zizicas E. Un traité inédit de Théodore II Lascaris* // Actes du VIe Congrès Intern. d'Études Byzantines. T. I. Paris, 1950. P. 199 sv.

⁶ Издано с комментарием в: *Heisenberg. Palaiologenzzeit*. S. 97 ff.

⁷ Miklosich-Müller. T. III. P. 68–76. Критическое издание с многочисленными исправлениями и подробным комментарием: *Festa N. Le lettere greche di Federico II* // Archivio storico italiano. Ser. V. T. 13. 1894. P. 1–34.

⁸ Список пятнадцати известных на настоящий момент (отчасти сохранившихся лишь в латинском переводе) документов см.: *Lemerle P. Trois actes du despote d'Épire Michel II concernant Corfou* // Профсфорὰ εἰς Στ.Π. Κυριακίδην. 1953. P. 407 sv.

а также в эпистолярных собраниях. Так, переписка *Иоанна Апокавка*, митрополита Навпактского, освещает положение в Эпире при Михаиле I и Феодоре Ангеле Дуке Комнине¹. Важные сведения как о внутреннем положении Эпира, так и о эпиро-никейских и греко-славянских отношениях в первой половине XIII в. содержит богатое литературное наследие ученого архиепископа *Димитрия Хоматиана* из Охрида². Следует специально упомянуть послание от 1220 г. к св. Савве, против поставления которого в архиепископа Сербского Хоматиан заявляет энергичный протест, и послание от 1223 г. к никейскому патриарху Герману, в котором Хоматиан пытается опровергнуть упреки в совершенном им венчании императором Феодора Ангела³. Типикон *Михаила VIII Палеолога* от 1282 г. монастырю св. Димитрия в Константинополе начинается введением, которое представляет собой нечто вроде автобиографии императора⁴. В этой автобиографии, которая обнаруживает даже некоторый литературный талант ее автора, император настойчиво подчеркивает свои заслуги и успехи, обходя при этом по понятным причинам молчанием неудачи и темные стороны своей жизни. Это сочинение описывает

См. тж.: Lemerle P. Le privilege du despote d'Épire Thomas I pour le vénitien Jacques Contareno // BZ 44 (1951). P. 389–396; Марковић М. Византиске повеље Дубровачког архива // ЗРВИ 1 (1952). С. 205–258.

¹ Васильевский В.Г. Epirotica saeculi XIII // ВВ 3 (1896). С. 233–299; Pétrides S. Jean Apokaukos, lettres et autres documents inédits // ИРАИК 14 (1909). С. 69–100; Παπαδόπουλος-Κεραμεύς Α. Ἰωάννης Ἀπόκαυκος καὶ Νικήτας Χωνιάτης // Τεσσαρακονταετηρίς τῆς καθηγησίας Κ.Σ. Κοντοῦ. Ἀθήναι, 1909. Σ. 379–383. Ср. тж.: Wellnhofe M. Johannes Apokaukos, Metropolit von Naupaktos in Aetolien (с. 1155–1233). Sein Leben und seine Stellung im Despotate von Epiros unter Michael Dukas und Theodoros Komnenos. Freising, 1913.

² Pitra J.-B. Analecta sacra et classica spicilegio Solesmensi parata. T. VI. 1891. Материал подвергнут оценке в: Ангелов Д. Принос към народностните и поземелни отношения в Македония (Епирский деспотат) през първата четвърт на XIII век // Изв. на Камарата на нар. култура IV/3 (1947). С. 1–46. См. тж.: Дринов М. О некоторых трудах Димитрия Хоматиана как историческом материале // ВВ 1 (1894). С. 319–340; 2 (1895). С. 1–23.

³ Послание патриарху Герману (№ 114) в Pitra. P. 487–498. Новое издание послания с протестом ко св. Савве с сербским переводом в моей работе: Писмо Димитрија Хоматијана св. Сави // Светосавски Сборник 2 (1938). С. 91–113.

⁴ Новое издание с фр. переводом: Grégoire H. Imperatoris Michaelis Palaeologi de vita sua // Byz 29/30 (1959–1960). P. 447–476.

события бурного царствования Михаила VIII с его собственной точки зрения и потому представляет значительный интерес для составления суждения о его личности. Также типикон Михаила VIII монастырю Архангела на горе Авксентия содержит во введении некоторые сведения о жизни императора¹. Попытка привести здесь обширную греческую и латинскую литературу по вопросу унии увело бы нас слишком далеко. Также здесь не могут быть детально рассмотрены документы, относящиеся к данному отрезку времени. Об императорских документах см.: *Dölger. Regesten. Bd. III (1204–1282)*; о прочих см. главу об источниках следующего раздела. Специально следует упомянуть простагму Михаила VIII от ноября 1272 г., которая регламентирует права коронованного соправителем Андроника и содержит важные сведения по внутренней истории Византийской империи².

1. Возникновение новой системы государств

Общая литература: *Gerland. Lateinisches Kaiserreich*; *Miller. Latins; The Empire of Nicaea and the Recovery of Constantinople* // СМН, IV. 1923. P. 478–516; *Greece and the Aegean under Frank and Venetian Domination (1204–1571)* // Ibid. P. 432–477; *Essays on the Latin Orient. Cambridge, 1921*; *Longnon. Empire latin*; *Kretschmayr. Venedig. Bd. I–II*; *Diehl. Venise*; *Heyd. Commerce du Levant. Vol. I*; *Gardner. The Lascarids*; *Андреева. Очерки; Με-λιαράκης. Ἱστορία; Ρομάνος Ι. Περί τοῦ Δεσποτάτου τῆς Ἠπείρου. Κέρκυρα, 1895*; *Nicol D.M. The Despotate of Epiros. Oxford, 1957*; *Fallmerayer J.Ph. Geschichte des Kaisertums von Trapezunt. München, 1827*; *Miller W. Trebizond, the Last Greek Empire. London, 1926*; *Успенский Ф. Очерки из истории Трапезундской империи. Л., 1929*; *Vasiliev A. The Foundation of the Empire of Trebizond* // *Speculum. 11 (1936). P. 3–37*; *Runciman. Crusades. Vol. III.*

Редко в истории проводились более последовательные мероприятия, чем раздел поверженной Византийской империи. На основании

¹ См.: *Дмитриевский А. Описание литургических рукописей. Т. 1. Киев, 1895. С. 769–794* и поправки к тексту приведенных у Дёльгера (*Dölger. Reg. 2065*) пассажей.

² Издана с комментарием: *Heisenberg. Palaiologenzeit. S. 33 ff. Ср. тж.: Dölger. Reg. 1994.*

договора, заключенного крестоносцами и венецианцами в марте 1204 г. под стенами Константинополя, была предпринята попытка создать новую систему государств на греческом Востоке. Великий дож Энрико Дандоло, чья воля направляла события последних лет и который был вдохновителем договора о разделе, удерживал за собой право решающего голоса и при проведении договора в жизнь. Прежде всего следовало провести выборы императора: для этой цели согласно определению договора собрался совет из шести франков и шести венецианцев. Все говорило в пользу того, что выбор падет на маркграфа Бонифация Монферратского: его прежняя роль предводителя крестоносцев, его связи с Византией и личные качества. Для дожа, однако, была предпочтительнее какая-нибудь менее выдающаяся фигура, и поскольку в лагере франков произошел раскол на партии, а венецианцы выступали сплоченно, то он смог провести избрание графа Балдуина Фландрского. 16 мая Балдуин в храме Св. Софии был коронован в качестве императора латинской Константинопольской империи. Владыкой Св. Софии и первым латинским патриархом Константинополя стал венецианец Томазо Морозини, так как, согласно определениям мартовского договора, если император избирался из числа рыцарей, то новый патриарх должен был ставиться венецианской стороной.

Как император Балдуин получил четверть всей территории Империи, а из прочих трех четвертей половина отходила венецианцам, другая же половина распределялась между рыцарями в качестве императорского лена. Балдуину выделили Фракию и северо-западную часть Малой Азии, так что его область охватывала с двух сторон Босфор и Геллеспонт. Кроме того, в собственность император получил несколько эгейских островов, среди которых Лесбос, Хиос и Самос. Бонифаций Монферратский был вынужден удовольствоваться малоазийскими областями, однако предпочитал владение в европейской части. После горячих споров и борьбы он овладел Фессалоникой и основал там королевство, которое включало прилегающие к Фессалонике области Македонии и Фессалии.

Наибольший выигрыш получили от этого предприятия венецианцы: новое могущество Венеции основывалось на овладении важнейшими гаванями и островами. Морская республика отказалась от выделенных ей территорий в Эпире, Акарнании, Этолии и на Пелопоннесе, удовольствовавшись взятием портовых городов Корона и Модона на Пелопоннесе, а впоследствии также Диррахия и Рагузы

на Адриатике (1205). Венецианскими стали также Ионические острова, Крит (первоначально предложенный Бонифацию Монферратскому), большинство островов Архипелага с Эвбеей, Андросом и Наксосом, важнейшие портовые города на Геллеспонте и Мраморном море: Галлиполи, Редест и Ираклия, а также Адрианополь в глубине императорской Фракии. Сверх того, подобно территории Империи, был разделен и сам Константинополь: Венеция получила здесь три восьмых части, в то время как пять восьмых осталось за императором. Таким образом, дож по праву назывался «господином четверти и еще половины (от четверти) Римской империи» и, в то время как франкские феодалы должны были приносить ленную присягу константинопольскому императору, Дандоло, как это было однозначно обусловлено по договору, освобождался от ленных обязательств. На Востоке возникла венецианская колониальная держава: венецианцы владели всеми морскими путями из своего города до Константинополя, в их руках были проливы, так что они контролировали подходы к Константинополю с моря, в самом городе им принадлежали три восьмых его территории вместе со Святой Софией.

На фоне этой мощи слабость рыхлой франкской державы выглядит еще более жалкой. Будучи типично феодальной структурой, Латинская империя распадалась на ряд более или менее крупных удельных владений. На развалинах византийского государства возникла сложная ленная система.

В средней и южной Греции возникли крупные княжества, которые находились в слабой зависимости от империи Балдуина, поскольку их владельцы подчинялись не непосредственно императору, а королю Фессалоникийскому. Из Фессалоники Бонифаций совершил поход на Афины и возложил правление в Аттике и Беотии на бургундца Эда де ла Рош. Пелопоннес, также при поддержке короля Бонифация, был покорен Гильомом Шамплиттом и Жоффруа Виллардуэном, племянником историка: так появились французские княжества Ахайи или Мореи, наиболее своеобразные среди всех княжеств, которые возникли на развалинах Византийской империи, чисто западные по своему образу жизни и наиболее выдающиеся в силу своего феодального характера. Они представляли собой частицу Франции на греческой почве, которая при Гильоме Шамплитте, а затем под властью дома Виллардуэнов вела самостоятельное существование.

Но если феодальный порядок в западном смысле, с его сложными и многочисленными вассальными отношениями, был чужд византийскому миру, то и сама Византия уже многое утратила от своего прежнего централизма, и прежде всего вся экономическая и военная система Византийской империи уже давно была построена на феодальной основе. На протяжении столетий в Византии успешно шел процесс феодализации: экономическая структура и социальные отношения Византийской империи теперь уже не столь сильно отличались от западных, и это весьма значительно облегчало утверждение западного господства.

Так, кое-что могло быть воспринято без изменений¹: действительно, между византийской пронией и западным феодем не существовало практически никакого различия. Но провинциальные прониары составляли наиболее авторитетный слой и фактически представляли собой единственную силу, с которой завоевателям приходилось считаться всерьез. При завоевании Мореи, о ходе которого мы осведомлены лучше всего, сопротивление, как правило, продолжалось до тех пор, пока его оказывали прониары. Они покорялись без борьбы лишь в том случае, если им гарантировалось дальнейшее владение их имениями. При этом условии они по большей части подчинялись с готовностью². В сущности, тем самым они просто меняли сюзерена. Положение народных масс, подчинялись ли они латинским или греческим господам, оставалось в целом без изменений.

Тем не менее византийское население сносило чужеземное владычество с крайним неудовольствием, не в последнюю очередь из-за заносчивости завоевателей, а также вследствие вероисповедного антагонизма, который отделял покоренных от покорителей. Формально было достигнуто церковное подчинение греков римской власти хотя и не посредством предпочтительной для папства церковной унии, а через принуждение со стороны завоевателей. Однако внутреннее единство оставалось как никогда далеким: осознание культурных и религиозных особенностей лишь углубилось из-за господства чужеземцев.

¹ Особенно поучительными в этой связи являются данные Мореийской хроники. Ср.: Tafel—Thomas. Т. II. P. 57: «Omnes debemus in suo statu tenere, nihil ab aliquo amplius exigentes, quam quod facere consueverant temporibus graecorum imperatorum».

² См.: *Ostrogorskij*. Féodalité. P. 55 sv.

Если многие византийские феодалы встроились в структуру управления завоевателей, а народные массы, внутренне не смирившись, оставались на своей родине, то немалое число византийских вельмож покинуло свои занятые латинянами области и бежало в местности, оставшиеся свободными от завоевателей. При поддержке местного населения эти беглецы создали новую государственную структуру, которая спасла византийский мир от гибели. В Малой Азии при Феодоре Ласкаре, зяте Алексея III Ангела, возникла Никейская империя, а в Эпире утвердился Михаил Ангел, двоюродный брат императоров Исаака II и Алексея III.

Незадолго перед этим, без непосредственной связи с завоеванием Константинополя, на юго-восточном побережье Черного моря возникла Трапезундская империя под властью Великих Комнинов Алексея и Давида, внуков Андроника I¹. По-видимому, уже после свержения Андроника I мальчики Алексей и Давид были отправлены ко двору родственного им грузинского правящего дома. При деятельной поддержке великой царицы Тамары (1184–1212) в апреле 1204 г. они завладели Трапезундом². Оттуда младший брат, храбрый и любящий войну Давид, совершил прорыв вдоль побережья на запад, занял Синоп, приведя под свою власть Пафлагонию и понтийскую Ираклию. Впрочем, его дальнейшее продвижение было остановлено Феодором Ласкарем.

Недооценка значения Малой Азии оказалась роковой для Латинской империи. Поскольку Бонифаций Монферратский ушел в Фессалонику, махнув рукой на Малую Азию, там вокруг Феодора Ласкаря начали собираться силы государственного возрождения Византии. Первые шаги были чрезвычайно трудны. Старая государственная структура распалась, полным ходом шло создание удельных владений. В Филадельфии в качестве независимого владетеля утвердился

¹ См.: *Vasiliev. Foundation*. P. 3–37 (и дополнительно: *Vasiliev A. Mesarites as a Source // Speculum* 13 (1938). P. 180–182). Об имени династии трапезундских императоров Великие Комнины (Μεγάλοι Κομνηνοί) Дельгер в *BZ* 36 (1936). S. 233, интерпретация которого (дериват от византийского титула μέγας βασιλεὺς) является более обоснованной, чем у Н. Йорги (*RHSEE* 13 (1936). P. 176: в пику властителям Эпира).

² О роли царицы Тамары см.: *Vasiliev. Foundation*. P. 12 ff., документированное изложение которого, по моему мнению, не было подорвано возражениями Йорги (*Ibid.* P. 172 sv.).

Феодор Манкафа, в долине Меандра — Мануил Маврозом, в Сампсоне у Милета — Савва Асидин¹. С востока вдоль побережья надвигался Давид Комнин. Но самое главное — латиняне стремились теперь наверстать упущенное. Брат Балдуина Генрих Фландрский и вассалы Людовика, графа Блуа, которому согласно разделу предназначалась Никея, в конце 1204 г. приступили к завоеванию малоазийских земель. Еще до того, как византийцы смогли там закрепиться и организоваться в политическом и военном отношении, они были вынуждены начать войну с превосходящими силами латинян. Феодор Ласкарь потерпел поражение у Пимамена, после чего большинство городов Вифинии попало в руки латинян. Византийское дело, казалось, было проиграно и в Малой Азии. Однако в критический момент принесла спасение разразившаяся вскоре катастрофа, которая постигла Латинскую империю на Балканах.

Византийская земельная аристократия во Фракии поначалу выразила полную готовность признать латинское господство и, при условии сохранения за нею ее прежних владений и проний, поступить на службу новым господам. Но латиняне с близорукой заносчивостью отвергли ходатайство готовой к компромиссу греческой знати; равным образом они считали для себя возможным пренебречь и готовностью к переговорам могущественного болгарского царя. Оскорбленная фракийская аристократия восстала против латинского господства и призвала в страну царя Калояна, предложив ему свою службу и императорский венец². Восстание быстро распространялось. В императорском Дидимотихе, а затем в венецианском Адрианополе и в некоторых других фракийских городах латинские гарнизоны были перебиты или изгнаны. Калоян вторгся во Фракию и встретился с латинянами недалеко от Адрианополя. Там 14 апреля 1205 г. произошла достопамятная битва, в которой рыцарская армия латинян была уничтожена болгаро-половецкими войсками Калояна. Сам император Балдуин попал в плен, из которого ему уже было

¹ О Савве см.: *Orgels P. Sabas Asidéno, dynaste de Sampson // Byz 10 (1935). P. 67–77.* Касательно идентификации Сампсона, который путают с Самсуном (Амисом) на Черном море, см. тж.: *De Jerphanion G. Σαμψών et Ἀμισός. Une ville à déplacer de neuf cents kilomètres // OCP 1 (1935). P. 257–267.*

² *Nic. Choniates. P. 791 и 808. Villehardouin. II, 145 (ed. Faral).* Об этом: *Gerland. Lateinisches Kaiserreich. S. 41; Longnon. Empire latin. P. 64 sv.; Примов Б. Гръцко-български съюз в начало на XIII век // Исторически преглед 4 (1947). С. 22–39.*

не суждено вернуться; многие знаменитые франкские рыцари нашли здесь свою смерть, среди них и претендент на владение Никеей Людовик Блуа¹. Ровно через год после завоевания Константинополя могущество латинян было потрясено до основания. Феодор Ласкарь получил свободу рук. Латиняне отступили из Малой Азии, только город Пиги остался в их владении.

В борьбе со своими соперниками — державой Великих Комнинов и малоазийскими магнатами — Феодор Ласкарь утвердил свое господство в западной Малой Азии и приступил к организации нового византийского государства с центром в Никее. Внешне он во всех деталях держался примера старой Византии. Административный строй, чиновничий аппарат, придворный штат были выстроены по старым византийским принципам². Государственные и церковные традиции Византийской империи, которые находили свое наглядное выражение в императорской и патриаршей власти, вновь возродились в Никее. Вместо титула деспота, который он носил до того, Феодор принял императорский титул. Ученый Михаил Авториан был поставлен на патриаршество, после чего совершил над Феодором венчание и помазание. При тогдашних запутанных обстоятельствах предварительные переговоры заняли много времени, так что избрание патриарха осуществилось в третью неделю Великого поста, а помазание императора — в Страстную седмицу 1208 г.³ Хотя Феодор уже и ранее ощущал себя императором и в качестве такового рассматривался своими сторонниками⁴, однако лишь торжественное венчание и помазание

¹ Подробное изложение хода битвы при Адрианополе: *Gerland. Lateinisches Kaiserreich*. S. 46 ff.; *Longnon. Empire latin*. P. 77 sv.

² Об устройстве двора в Никее см.: *Андреева*. Очерки. С. 55 сл.

³ *Heisenberg. Neue Quellen*, II. S. 8 ff.

⁴ Как это убедительно продемонстрировал Б. Зиноговитц (*Sinogowitz B. Über das byzantinische Kaisertum nach dem Vierten Kreuzzuge (1204–1205) // BZ 45 (1952). S. 345–356*), не Феодор, а его брат Константин Ласкарь был, согласно Никите Хониату (р. 756.2), 13 апреля 1204 г., после бегства Алексея V и непосредственно перед вступлением в Город крестоносцев, провозглашен императором в Св. Софии. Если ранее я следовал противоположному толкованию Дёльгера (*Dölger. Reg. Bd. III. S. 1*), то теперь я присоединяюсь (как это уже сделал и Дёльгер: *Deutsche Literaturzeitung 74 (1953). S. 598*) в этом пункте к мнению Зиноговитца, которое, впрочем, уже высказывалось некоторыми исследователями (ср. особенно: *Андреева*. Очерки. С. 5–6 и *BSI 4 (1932). С. 178*). В отличие от Дёльгера, я, однако, не могу

патриархом дало ему соответствующее посвящение и придало его сану общевизантийское значение. В качестве василевса и автократора римлян он вступил в наследие византийских императоров в Константинополе. Отныне он считался единственным законным императором византийцев, и таким же законным считался пребывавший в Никее патриарх, который носил титул вселенского Константинопольского патриарха, будучи единственным законным главой греческой Церкви. Латинскому императору и патриарху в Константинополе были противопоставлены византийский император и православный патриарх в Никее. Никея стала государственным и церковным центром изгнанного из Константинополя византийского мира.

Для Латинской империи уничтожение этого греческого центра, возникновению которого она не смогла воспрепятствовать, было жизненно важным вопросом. Место Балдуина занял его способный брат Генрих. Поначалу как регент, а затем как император (с 20 августа 1206) он с большой осмотрительностью вел в Константинополе государственные дела. Латинское господство во Фракии он смог в значительной мере восстановить, поскольку греко-болгарский союз продержался недолго и по отношению к грекам Генрих, в отличие от Балдуина, занял примиренческую позицию, чем смог привлечь на свою сторону часть греческой знати¹.

согласиться с мнением Зиновитца о том, что Константин Ласкарь, который, по Никите Хониату (р. 756.11), отклонил предложенную ему царскую власть, в 1204–1205 гг. действительно выполнял в Никее функции императора, а Феодор Ласкарь был провозглашен императором лишь в 1205 г., после того как его брат, предположительно, пал в битве с турками. О Константине Ласкаре греческие источники после падения Константинополя ничего не сообщают, однако Виллардуэн, единственный, кто вообще упоминает его в связи со сражениями в Малой Азии (ed. Faral. II. P. 130), говорит о нем только как о верном соратнике Феодора и как об «одном из лучших греков Романии» (ср.: Ibid. I. P. 168), что определенно не может означать императора. С другой стороны, из слов Акрополита (ed. Heisenberg. S. 11, 18) следует, что Феодор Ласкарь вплоть до своего венчания на царство в 1208 г. носил титул деспота и тем самым не был провозглашен императором уже в 1205 г., как это считает возможным заключить Зиновитц на основе одной речи Никиты Хониата (Σάθας. Μεσ. βιβλ. 1. Σ. 113.22). Это, разумеется, не исключает того, что он уже до церемонии венчания фактически считался правителем, и вполне естественно, что тот же Акрополит (S. 31.22) говорит, что он правил 18 лет, считая, таким образом, началом его правления 1204 г.

¹ См.: Gerland. Lateinisches Kaiserreich. S. 82 ff; Lognon. Empire latin. P. 89 sv., 128 sv.

Уже в конце 1206 г. Генрих во главе латинских войск вновь вторгся в Малую Азию. Однако из-за новых нападений Калояна он был вынужден прервать боевые действия и весной 1207 г. заключил с Феодором Ласкарем перемирие на два года. Впрочем, болгарская опасность нависала над латинской державой недолго, поскольку в октябре 1207 г. Калоян погиб при осаде Фессалоники. От опустошительных болгарских вторжений греческое население Фракии и Македонии страдало не меньше, чем латинское. О Ромеобойце, как по примеру Василия II Болгаробойцы называл себя Калоян, византийцы хранили мрачные воспоминания. Тем не менее ни кто иной, как Калоян спас от гибели возрождавшуюся в Малой Азии Византийскую империю.

Никейская империя была вынуждена вести тяжелую борьбу как против латинского Константинополя, так и против Румского султана-та. Перемещение центра Византии в Малую Азию обострило старые византийско-сельджукские противоречия, ибо оно создавало более сильное препятствие продвижению сельджуков к морскому побережью. При посредстве Венеции султанат в 1209 г. заключил секретный союз с Латинской империей¹. Со своей стороны Феодор Ласкарь вступил в союз с царем Малой Армении в Киликии Левом II, который в свою очередь также опасался Иконийского султаната². Орудием в борьбе против молодой греческой Империи стал для сельджуков бывший император Алексей III, который после долгих скитаний в европейских областях прибыл ко двору султана Икония. Теперь султан смог облечь свои завоевательные планы в легитимно звучащие формулировки, а именно: Феодор Ласкарь должен был уступить императорский престол своему тестю. Сражения, разгоревшиеся вслед за этим при Антиохии на Меандре, велись ожесточенно, и потери для весьма скромных сил никейского императора, ядро которых составлял небольшой отряд в 88 латинских наемников, были чрезвычайно чувствительны. Тем не менее он одержал победу (весна 1211)³: султан пал в бою, бывший император Алексей III попал в плен и окончил жизнь в никейском

¹ Указание на это привел Герланд: *Gerland. Lateinisches Kaiserreich*. S. 210 ff.

² В 1214 г. Феодор I женился на племяннице Левона II, однако брак распался по истечении года. См.: *Heisenberg A. Zu den armenisch-byzantinischen Beziehungen am Anfang des 13. Jahrhunderts // Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie 1929*. H. 6.

³ О хронологии см.: *Longnon J. La campagne de Henri de Hainaut en Asie Mineure en 1211 // Bulletin de l'Acad. de Belgique 34 (1948)*. P. 447.

монастыре. Эта победа, по-видимому, не принесла Никейской империи территориальных приобретений, однако ее психологическое воздействие было чрезвычайно важным. Молодая Империя возобновила традиционную борьбу с неверными и выдержала первое испытание.

После этого вновь оживилась борьба с латинянами. Как представляется, в это время Феодор Ласкарь, который уже несколько лет как располагал флотом, стал думать о нападении на Константинополь¹. В действительности же дело дошло только до небольших столкновений в западной Малой Азии, причем удача улыбнулась латинскому императору. Генрих выиграл сражение при Риндаке (15 октября 1211) и прорвался к Пергаму и Нимфею². Решающего успеха та малая война, которую с обеих стороны вели небольшие военные контингенты, не могла принести. Обе стороны были обессилены, и поэтому в конце 1214 г. в Нимфее был заключен мирный договор, который устанавливал границы между Византийской империей и державой латинян: латиняне удержали за собой северо-западный угол Малой Азии с Адрамиттием на юге; остальные области вплоть до сельджукской границы оставались за Никейской империей³: так оба государства по крайней мере признали друг за другом право на существование. Ни одно из них не было достаточно сильным, чтобы уничтожить другое. Установилась ситуация равновесия и определенная стабилизация отношений.

Однако в то время как для Никейской империи за стабилизацией вскоре последовал дальнейший расцвет, для латинского Константинополя после смерти Генриха (ум. 1216) началось время упадка. Поначалу никейско-латинский мир еще держался. Феодор Ласкарь третьим браком женился на Марии, дочери Иоланты, сестры и наследницы обоих первых латинских императоров. С венецианским

¹ По крайней мере, Генрих приписывает ему это намерение в отправленном 13 января 1212 г. из лагеря под Пергамом на Запад послании: *Buchon. Recherches et matériaux. Vol. II. P. 211 sv.*

² *Acropolites. P. 27. См. тж.: Lauer Ph. Une lettre inédite d'Henri I d'Ange, empereur de Constantinople, aux prélats italiens (1213?) // Mélanges Schlumberger. Vol. I. 1924. P. 201. Лоньон, как кажется, преувеличивает значение победы Генриха: Longnon J. Op. cit. P. 442 sv. и Empire latin. P. 127–128.*

³ *Acropolites. P. 28; Ramsay W. Historical Geography of Asia Minor. L., 1890. P. 129, 159; Gerland. Lateinisches Kaiserreich. S. 218; Gardner. The Lascarids. P. 84 ff.; Dölger. Reg. 1684; Longnon. Empire latin. P. 128 и Op. cit. P. 450–451; согласно последнему, мирный договор был заключен в начале декабря 1214 г.*

подеста Константинополя он заключил в августе 1219 г. договор, который предоставлял венецианцам в Никейской империи, как и в прежней Византии, полную свободу торговли и освобождение от податей¹. Он не остановился перед тем, чтобы в этом официальном документе назвать венецианского дожа «деспотом и господином (dominator) четверти и еще полчетверти Ромейской империи», самого же себя именовал следующим образом: «Феодор, во Христе Боге благоверный император и правитель ромеев², вечно август, Комнин Ласкарь» (Theodorus in Christo Deo fidelis Imperator et moderator Romeorum et semper augustus Comnenus Lascarus).

Никейская империя считалась уже и у южных славян наследницей старой Византии и средоточием греческого Православия. Сын Немани Савва в обход архиепископа Охридского, которому до тех пор была подчинена Сербская Церковь, обратился в Никею и в 1219 г. получил от никейского патриарха посвящение в автокефального архиепископа Сербского. За два года до того его брат, Стефан Первовенчаный, получил из Рима королевскую корону³. Достижение церковной самостоятельности было для молодого сербского королевства большим приобретением. Немалой была и выгода Никейской империи: признание верховных прав ее патриарха, от которого первый архиепископ Сербский получил посвящение и имя которого автокефальная Сербская Церковь должна была при богослужениях поминать на первом месте⁴, было признаком растущего авторитета Никейской империи.

Важным следствием примирения между никейцами и латинянами было крушение власти Великих Комнинов на Понте. Борьбу с Феодором Ласкарем Давид Комнин вел при поддержке латинян,

¹ Zepos. Jus. T. I. P. 481–482 (= Tafel–Thomas. T. II. P. 205 sq.); Dölger. Reg. 1703.

² Так в Intitulatio; в подписи — Grecorum.

³ См.: Jireček. Geschichte. Bd. I. S. 296 ff. со ссылками на источники. Предположение Анастасиевича (Анастасијевић Д. Је ли св. Сава крунисао Првовенчаног? // Богословље. 10 (1935). С. 211 сл.) о том, что коронованный папским легатом Стефан затем еще раз был коронован своим братом Саввой, является, по моему мнению, не выдерживающим критики, несмотря на то что Дж. Радойичич недавно вновь к нему вернулся (XIIe Congrès International des Études byzantines. Rapports complémentaires. Belgrade; Ochride, 1961. P. 102).

⁴ Доментијан (изд. Даничић). С. 221. Об этом: Станојевић Ст. Свети Сава и независност српске цркве // Глас српске акад. наука 161 (1934).

сам будучи вассалом латинского императора. Предоставленный самому себе, он не смог противостоять никейскому правителю. В 1214 г. Феодор аннексировал всю находящуюся к западу от Синопа подвластную Давиду область, включая Ираклию и Амастриду, и тем самым создал себе сильную позицию на южном побережье Черного моря. Правда, теперь в дело вмешались сельджуки: они захватили Синоп и разгромили императора Алексея Комнина, который оказался захвачен в плен и затем восстановлен на трапезундском престоле в качестве вассала Иконийского султана¹. Трапезундская империя представляла собой отныне всего лишь узкую полосу суши, отрезанную турецким Синопом от западной Малой Азии. Политическая и социально-экономическая судьба Трапезундской империи представляет сама по себе большой исторический интерес. Впрочем, на общевизантийское развитие удаленная крошечная империя уже не оказывала существенного влияния. Четверть тысячелетия она жила в изоляции своей собственной жизнью, не принимая участия в борьбе за Константинополь и в восстановлении Византийской империи и на несколько лет пережив падение Византии².

Тем большее значение приобрела Эпирская держава³. Энергичный и талантливый полководец Михаил Ангел подчинил себе

¹ См.: *Vasiliev*. Foundation. P. 25 ff.

² См.: *Miller W.* Trebizond, the Last Greek Empire. London, 1926; *Успенский Ф.И.* Очерки из истории Трапезундской империи. Л., 1929. Для истории экономических и социальных отношений особенно важными являются документы монастыря Вазелон: *Ouspensky Th., Bénéchévitch V.* Actes de Vazélon. Leningrad, 1927.

³ До сих пор обыкновенно говорилось об «эпирском деспотате», поскольку бытовало общее мнение, что эпирские правители, начиная с основоположника государства Михаила Ангела, носили титул деспота и что этот титул принадлежал главе эпирского государства как таковому. В недавнее время независимо друг от друга Л. Стирнон (*Stiernon L.* Les origines du despotat d'Épire // *REB* 17 (1959). P. 90–126 (ср. тж.: XIIe Congrès International des Études byzantines. Résumés des Communications. Belgrade; Ochride, 1961. P. 100–101) и Ферьянчиц (*Ферьянчић.* Деспоти. С. 49 сл.) неопровержимо доказали, что Михаил Ангел никогда не носил титул деспота (так же, как и его преемник Феодор) и, следовательно, не основывал никакого «деспотата». Кроме того, Ферьянчиц в своей богатой выводами работе ясно показал, что ни здесь, ни где-либо в другом месте в Византии титул деспота не был связан с правителем какой-либо определенной области и что ни Эпир, ни какая-либо другая византийская территория не имела особого статуса «деспотата».

территорию от Диррахия до Коринфского залива с центром в Арте, установив здесь жесткое военное правление. Как самостоятельная византийская держава, эпирское государство, которое включало в себя Эпир, Акарнанию и Этолию, противопоставило себя латинскому королевству в Фессалонике на востоке, венецианцам в Адриатике и славянам на севере и северо-востоке. Так же, как Никейская империя в Малой Азии, Эпир стал для византийского мира на Балканском полуострове центром культурного самосохранения и зародышем политического объединения. За периодом государственного строительства и внутренней консолидации как там, так и здесь последовало время победоносной экспансии. Оба греческих центра видели своей заветной целью отвоевание Константинополя и восстановление Византийской империи.

Преемником на престоле основателя эпирского государства Михаила Ангела стал в 1215 г. его сводный брат Феодор. После падения Константинополя он продолжительное время находился в никейских областях и только по просьбе своего брата отправился к эпирскому двору в Арту. Никейскому императору он принес клятву верности и тем самым признал его верховенство — по крайней мере, так сообщает никейская историография¹. Тем не менее соперничество между двумя византийскими центрами было неизбежным, ибо они, одушевляемые одними и теми же идеалами, стремились к достижению одной и той же цели. Со всей остротой спор разгорелся как раз во времена могущественного и властолюбивого Феодора, который с гордостью и самоуверенностью носил сразу три императорских имени: Ангел Дука Комнин². Отвагой и предприимчивостью он даже превзошел своего предшественника. При нем западногреческая держава пережила свой стремительный взлет.

Первым деянием, которое заставило имя Феодора прозвучать далеко за границами эпирской державы, было отважное нападение

¹ Acropolites. P. 24–25. Мелиаракис (*Μελιάρakis*. *Ιστορία*. Σ. 53–54) подвергает сомнению это сообщение. Гарднер (*Gardner*. *The Lascarids*. P. 91) выступает за его достоверность.

² Михаил был незаконным, а Феодор — законным сыном севастократора Иоанна Ангела. (О нем см. мою статью: Возвышение рода Ангелов // Юбилейный сборник Русского Археологического общества в Белграде. 1936. С. 111 сл.). Фамилию Дука он взял по своей матери, Комнином же называл себя по своей бабке Феодоре, дочери Алексея I.

на вновь избранного латинского императора Петра де Куртене, супруга сестры Балдуина и Генриха Иоланты. Будучи призван после кончины Генриха на престол Константинополя, Петр поспешил из Франции в Рим, где папа — пусть и не в соборе св. Петра, где короновались германские императоры, а в скромной церкви св. Лаврентия (Сан-Лоренцо-фуори-ле-мура) — возложил на него императорскую корону; затем он достиг со своей свитой окрестностей Диррахия, чтобы отправиться в Константинополь. Но в албанских горных проходах Петр попал в руки Феодора и окончил свои дни в эпирском плену. Регентство в Константинополе приняла его супруга Иоланта, а когда в 1219 г. она умерла, венец константинопольского императора оказался в руках у ее слабого сына Робера.

Тем временем Феодор Ангел Дука Комнин начал с латинянами полномасштабную войну. Прежде всего он обратился против Фессалоникийского королевства. Обстоятельства складывались для него чрезвычайно выгодно: королевство, основатель которого Бонифаций Монферратский пал в сражении с болгарами еще в 1207 г., было ослаблено отъездом многих рыцарей на Запад; кроме того, ему уже недоставало прикрытия, которое при жизни Генриха ему обеспечивал латинский Константинополь. Так Фессалоника стала добычей отважного эпирского правителя, который в конце 1224 г. после долгой осады вступил в этот город¹. Одно из основанных на византийской почве крестоносных государств прекратило свое существование. Власть Феодора Ангела простиралась теперь от Адриатики до Эгейского моря, включая старую область эпирского государства, Фессалию, и значительную часть Македонии.

Обладая такой властью, Феодор облекся в порфиру. Теперь он также называл себя василевсом и автократором ромеев, — и это означало ни что иное, как притязание на наследие византийских императоров и на ведущую роль в борьбе за Константинополь; тем самым он вступил в открытое противоборство с Никейской империей. Венчание и помазание над ним осуществил охридский архиепископ Димитрий Хоматиан. Хоматиан не смог простить никейскому патриарху

¹ То, что Фессалоника была взята не в 1222 или в 1223, а лишь в конце 1224 г., показал Лоньон на основании западных источников (*Longnon J. La reprise de Salonique par les Grecs en 1224 // Actes du VIe Congrès Intern. d'Études byzantines. Vol. I. 1950. P. 141–146*).

посвящения Саввы в архиепископа Сербского и желал теперь отплатить той же монетой¹.

Так на византийской почве возникли три империи: одна латинская и две греческие. В качестве четвертой на заднем плане находилось болгарское царство. Дальнейшие события в византийских землях определялись прежде всего действиями этих четырех держав.

2. Взлет и падение Эпира. Победа Никеи

Общая литература: та же, что и в предыдущей главе.

Падение Фессалоникийского королевства лишило Латинскую империю важнейшего вассального государства. Ограниченная прилегающей к Константинополю местностью, отрезанная от франкских княжеств в Греции, обессиленная изнутри и лишенная лидера, Латинская империя в Константинополе, казалось, созрела для падения. Могущество византийцев быстро росло как в Малой Азии, так и на Балканах. Сильный взлет переживала и держава болгар. Однако отсутствие единства среди противников — соперничество между обоими греческими государствами и вмешательство Болгарии — продлило существование обескровленной Латинской империи.

Императорский престол в Никее основатель государства Феодор I Ласкарь оставил своему зятю Иоанну Дуке Ватацу, супругу умной и образованной Ирины. Иоанн III Ватац (1222–1254) был, без сомнения, величайшим государственным деятелем никейского периода и одним из крупнейших правителей в византийской истории. Он с блеском продолжил труды своего предшественника на внешне- и внутривполитическом поприще. Маленькую, перенесенную в провинцию Империю он превратил в могущественную державу. Следует признать, что его задача облегчилась благодаря слабости Латинской империи и ошибкам его греческих и болгарских соперников.

Уже в первые годы его правления соотношение сил в Малой Азии окончательно изменилось в пользу Никеи. Бунт братьев Феодора I, которые при поддержке латинян попытались отнять у него царский

¹ См. письменный протест Хоматиана, обращенный к Савве, от мая 1220 г. и его послание к патриарху Герману от 1223 г.

венец, пошел на пользу императору и его державе. При Пимамене, где за двадцать лет до того Феодор Ласкарь потерпел поражение от латинян, Иоанн Ватац одержал победу над латинской армией претендентов, после чего в его руках оказались почти все латинские владения в Малой Азии. По мирному договору 1225 г. латиняне сохранили на азиатской стороне лишь побережье напротив Константинополя и окрестности Никомидии¹. Одновременно никейский флот занял Лесбос, Хиос, Самос и Икарию; позднее Родос также был вынужден признать власть императора. Так Никейская империя укрепила свое положение на суше и на море, а вскоре перекинулась на европейские области. Поводом отправить войска во Фракию послужил для Ватаца призыв жителей Адрианополя. Никейская армия заняла несколько прибрежных городов и, не встречая сопротивления, вошла в Адрианополь. Восстановление византийского господства в Константинополе, казалось, было вопросом ближайшего времени: со стороны Латинской империи едва ли можно было ожидать серьезного сопротивления. Однако от последнего удара руку никейского императора удержал его западногреческий соперник.

Феодор Ангел шел от победы к победе. В то время к нему отошла часть Фракии за пределами прежнего Фессалоникийского королевства, после чего он устремился к Адрианополю и принудил войска никейского императора к отступлению. Уверенный в победе, он обратился против Константинополя. К заветной цели он подошел еще ближе, чем никейский император. Но к ней же стремился и болгарский царь Иван Асень II. Эпоха Ивана Асеня II (1218–1241), сына Асеня I, знаменует наивысшую точку развития второго болгарского царства. Как в свое время Симеон, так теперь и Иван Асень II замыслил не больше и не меньше, чем основание болгаро-византийской империи с центром в Константинополе, и в течение некоторого времени был в непосредственной близости от своей цели. В 1228 г. умер латинский император Робер Куртене, и императорская корона перешла к его несовершеннолетнему брату Балдуину II. В ситуации отсутствия вождя при нарастающем давлении извне в Константинополе приняли решение вручить регентство болгарскому правителю, поскольку он один казался в состоянии спасти императорский город от натиска византийцев. Связь Асеня II с домом Куртене, которая основывалась

¹ См.: Longnon. Empire latin. P. 161–162.

на обоюдном родстве с венгерским королевским домом, было решено укрепить помолвкой юного латинского императора с дочерью царя Еленой. Этот брачный проект, казалось, создает прочное основание для реализации планов Асеня. Как некогда Симеон, так теперь Иван Асень в качестве будущего тестя несовершеннолетнего императора уже видел себя господином Константинополя.

Но здесь его пути пересеклись с Феодором Ангелом, который также мечтал о прочном овладении Константинополем. Феодор расторг заключенный с Иваном Асенем против Иоанна Ватаца союз и, недолго думая, начал войну против правителя болгар. Такая дерзость оказалась для него роковой. У Клокотницы на р. Марица его войска весной 1230 г. были наголову разбиты болгарами. Сам он попал в плен и позже был ослеплен. Стремительно созданное им могущество в мгновение ока обратилось в прах.

Его брат Мануил, занявший после него престол Фессалоники, поначалу сохранял также власть над Фессалией и Эпиром. Однако от прежнего могущества Феодора осталась лишь тень. Претендентом на овладение Константинополем западногреческая держава более не являлась. Завоеванные Феодором незадолго перед этим земли во Фракии и Македонии, а также часть Албании без сопротивления перешли к Асеню II. Сербия, где прежде преобладало влияние императора Фессалоники, также попала под влияние болгарского царя. Зять Феодора Радослав был свергнут, власть перешла к его брату Владиславу, который обвенчался с дочерью Асеня II. С оправданной гордостью в одной надписи Асень II утверждает, что он завоевал все земли от Адрианополя до Диррахия. Только Константинополь и окрестные города, говорит он, остались в руках франков. «Но и они, — продолжает царь болгар, намекая на малолетство латинского императора и проект регентства, — подчинились моему царству, ибо у них не было другого царя, кроме меня, и они живут по моей воле, ибо Бог так повелел»¹.

Сражение при Клокотнице, положившее конец возвышению западногреческого государства, ознаменовало собой новый взлет бол-

¹ Надпись Асеня II в тырновской церкви Сорока Мучеников воспроизведена Ф.И. Успенским: ИРАИК 7 (1901). Табл. 5. См. тж. привилегию Асеня II, данную Дубровнику: Ильинский Г.А. Грамота царя Иоанна Асеня II // ИРАИК 7 (1901). С. 25–39; Дуйчев И. Из старата българска книжнина. Т. 2. С. 42.

гарского царства. Асень II, казалось, стал безраздельно вершить дела на Балканском полуострове. Но если приглядеться внимательнее, главный выигрыш от битвы при Клокотнице получил не болгарский царь, а никейский император, мудро выжидавший в отстраненности. Победа Асеня над Феодором освободила Никею от ее западногреческого соперника, но самого болгарского царя его крупная победа не приблизила к достижению конечной цели; более того, для латинского Константинополя мысль о регентстве Асеня потеряла всякую привлекательность, поскольку ему уже не надо было бояться Феодора Ангела, сомнительные же стороны этого плана с ростом могущества Болгарии проявились еще более отчетливо. По этой причине в императоры Константинополя был избран престарелый Иоанн Бриенн, титулярный король Иерусалимский. Следствием этого выбора была полная политическая переориентация Асеня II, перед которым настоятельно вставала необходимость военного противостояния с латинским Константинополем. Он связался с Иоанном Ватацем и достиг с ним соглашения на основе направленного против латинской Империи греко-болгарского союза. К союзу также присоединился Мануил Фесалоникский, который, впрочем, мог играть лишь подчиненную роль.

Политическая переориентация Асеня II также требовала и церковной переориентации. Следует отметить, что заключенная Калояном уния с Римской Церковью не смогла пустить в Болгарии глубоких корней. Однако даже формальное подчинение Римской Церкви было более неприемлемо для Асеня II, инициатора антилатинского союза православных государей. Требовалось восстановить собственный патриархат в Тырново, получив на это согласие от Никеи и восточных патриархов. После продолжительных переговоров церковное и государственное руководство в Никее решило одобрить основание Болгарского патриархата. Болгарское царство достигло церковной независимости, однако, подобно автокефальной сербской архиепископии, болгарский патриархат должен был признавать верховные права никейского патриарха, почитать его как Константинопольского патриарха в богослужениях и платить ему подати. Весной 1235 г. в Галлиполи, незадолго перед этим завоеванным Ватацем, был подписан союзный договор, а затем в Лампсаке с большим великолением была отпразднована свадьба сына императора Иоанна Ватаца Феодора Ласкаря с дочерью болгарского царя, некогда предназначенной Балдуину II. Там же при согласии

восточных патриархов было объявлено о новом достоинстве первоиерарха Болгарской Церкви¹.

Союзники тотчас приступили к делу и предприняли осаду Константинополя с суши и с моря. Прерванные из-за наступления зимы военные действия были возобновлены в 1236 г. Осажденная столица держалась, поддерживаемая флотом Венеции. Тем не менее положение латинян было настолько отчаянным, что юный Балдуин II покинул Константинополь и поспешил за помощью на Запад. Латинский Константинополь спасло лишь отсутствие единства среди осаждавших. Болгарский царь придал своей политике новый оборот, исходя из запоздалого, хотя и верного осознания того, что падение латинской власти пойдет на пользу прежде всего Никейской империи, которая станет для него гораздо более опасным соседом, чем обессиленная Латинская империя. Он порвал с Ватацем, соединился с латинянами и в союзе с продвигавшимися по Балканам половцами начал войну против своего прежнего союзника. Вскоре Цурул, основной опорный пункт никейской власти во Фракии, оказался осажден болгарскими, латинскими и половцами. Затем, однако, в переменчивой политике Асеня II произошел новый и последний перелом, на этот раз вследствие тяжкого душевного потрясения. В Тырново случился мор: внезапная смерть его супруги, одного из его сыновей и болгарского патриарха явились для царя знамением Божьего гнева за совершенное им в отношении Иоанна Ватаца клятвопреступление. Он отступил от Цурула и заключил с никейским императором мир (конец 1237)². Тот факт, что латинские и половецкие войска смогли все же временно овладеть Цурулом, не мог ничего изменить в случившемся

¹ См.: *Васильевский В.Г.* Обновление болгарского патриаршества при царе Иоанне Асене II с 1235 г. // ЖМНП 238 (1885). С. 1–56, 206–224; *Ников П.* Църковната политика на Иван Асеня II // Бълг. историч. библ. 3 (1930). С. 65–111. То, что инициатива союза исходила от Асеня II, кажется мне (несмотря на *Dölger. Reg.* 1730) надежно установленным благодаря доказательствам Васильевского. Ср. тж.: *Златарски*. История. Т. 3. С. 379 сл. — Согласно восточных патриархов на основание Болгарского патриархата С. Станоевич (*Станојевић См.* Св. Сава и проглас булгарске патријаршије // Глас Српске Краљ. Акад. 156 (1933). С. 173 сл.) приписывает посредничеству св. Саввы, который в 1233–1234 гг. предпринял вторичное путешествие в Святую Землю, посетив кроме Иерусалима также Александрию и Антиохию, а на обратном пути отправился в Тырново, где и умер 14 января 1235 г. Ср., впрочем: *Радойчић Н.* Свети Сава // Годишница 44 (1935). С. 46.

² Касательно хронологии: *Dölger. Reg.* 1758.

для Никейской империи благоприятном обороте событий. В 1241 г. Иван Асень II умер, а некоторое время спустя с вторжением монголов начался закат болгарского могущества.

Иоанн Ватац более не имел серьезных соперников: безоглядная и бурная воля к завоеваниям отважного императора Фессалоники была сломлена; сильное, но непостоянное стремление к преобладанию болгарского царя окончилось ничем; Латинская империя уже давно опустилась на уровень объекта политики соседних держав и все еще существовала только в силу распрей ее противников. Теперь никейскому императору следовало пожать плоды своей разумной выдержки и своего превосходства как государственного деятеля. Уже в 1242 г. он предпринял поход против Фессалоники, где в то время при поддержке отпущенного Иваном Асенем на свободу Феодора Ангела управлял его сын Иоанн. После быстрого победоносного похода Иоанн Ватац приблизился к западногреческой столице, однако вторжение монголов в Малую Азию принудило его к отступлению и заключению мира. Хотя и преждевременно прерванный, этот поход имел один существенный результат. Западногреческая держава отказалась от любых форм дальнейшего соперничества с превосходящей Никейской империей: правитель Фессалоники сложил с себя знаки императорского достоинства и признал суверенные права никейского императора, в обмен на что тот признал за ним титул деспота¹.

Монгольское нашествие ввергло всю Восточную Европу и Переднюю Азию в состояние глубокого потрясения. Русская держава пала под ударами завоевателей и более чем на два столетия подпала под иго монголо-татар, которые основали в нижнем течении Волги и на Дону так называемую Золотую Орду. Польша, Силезия, Богемия, Моравия, Венгрия и вся область Дуная были опустошены, монголы прорвались вплоть до Адриатического побережья. На обратном пути через Балканский полуостров они опустошили южнославянские земли, принудив при этом Болгарию к уплате дани. Одновременно с тем же неудержимым порывом они вторглись в Переднюю Азию.

¹ *Acropolites*. P. 67. См.: *Ферпанчић*. Деспоти. С. 62–63. Несмотря на то что Иоанн носил знаки императорского достоинства и, как и его предшественник Мануил, подписывался в документах красными чернилами, ни тот ни другой не носили титула императора, как это показал Ферьянчич (Указ. соч. С. 58–59, 62–63).

Существование восточного соседа Никейской империи, султаната Рум, и маленькой Трапезундской империи оказалось под угрозой. Опасалась за свою судьбу и Никейская империя. Для отражения общей опасности Иоанн Ватац заключил союз с иконийским султаном (1243)¹. Впрочем, небольшие малоазийские государства не могли оказать серьезного сопротивления врагу, могущество которого простиралось от Тихого океана до Центральной Европы. Потерпев от монголов тяжелое поражение, император Трапезунда стал их данником; обязался платить дань и иконийский султан. За такую цену им было позволено и дальше влачить свое существование, поскольку более крупные предприятия отвлекли монголов от Малой Азии. Никейская империя осталась незатронутой и извлекла значительную выгоду из ослабления своих восточных соседей.

Иоанн Ватац смог вновь обратиться к балканским землям и в 1246 г. без больших усилий одержал решительную победу как над болгарами, так и над западногреческой державой. Еще недавно сильнейшая держава на Балканах, болгарское царство, подчиненное теперь татарам и управляемое малолетними сыновьями Асеня II, находилось в плачевном положении. Внезапная смерть двенадцатилетнего Коломана (1241–1246), которого сменил на престоле его еще более юный сводный брат Михаил (1246–1256), усугубила всеобщее замешательство. Без сопротивления Ватац овладел областями, которые Иван Асень II некогда отнял у западногреческого государства, распространил свою власть во Фракии вплоть до верхнего течения Марицы, а в Македонии вплоть до Вардара. После этого с равным сокрушительным успехом он обратился против Фессалоники, где на колеблющемся престоле ослепленного Феодора сменялись его слабые потомки, обладавшие лишь видимостью власти. С опорой на сильную оппозицию, которая желала его прихода, Ватац в декабре 1246 г. без боя вступил в Фессалонику. Феодор удовольствовался небольшим владением близ Водена, его сын Димитрий, последний правитель Фессалоники (1244–1246), был увезен в качестве пленника в Малую Азию. В дальнейшем в Фессалонике в качестве наместника всех европейских провинций Никейской империи пребывал Андроник Палеолог. Его сын и будущий император Михаил Палеолог был комендантом Серр и Мельника.

¹ Dölger. Reg. 1776.

Эпир, прежнее ядро западногреческой державы, уже вскоре после поражения при Клокотнице отделился от Фессалоники и вместе с Фессалией сохранял независимость под властью деспота Михаила II, сына Михаила I Ангела. Во избежание осложнений Ватац заключил с ним договор о дружбе и помолвил свою внучку Марию с наследником эпирского престола Никифором (1249). Однако под влиянием Феодора, беспокойный дух которого ничто не могло усмирить, Михаил нарушил мир и занял в Македонии несколько городов, принадлежавших никейскому императору. Военное противостояние, которое он этим вызвал, приняло для него несчастный оборот: он был вынужден принять продиктованный императорскими посланниками в Лариссе мир и уступить никейскому императору не только занятые незадолго до этого города, но и отвоеванную у болгар западномакедонскую область вместе с албанской Кроей, а также отослал к нему своего сына Никифора (1252). Взамен признания суверенных прав никейского императора отец и сын получили от него титулы деспотов¹. Феодор Ангел был при этом выдан императору и окончил свою бурную жизнь в никейском плену.

Иоанн Ватац находился в живом общении с обоими важнейшими центрами власти Запада: папой и германским императором. Особенно дружественными были его отношения с Фридрихом II Гогенштауфеном. То, что один из них находился в борьбе с папой, а другой — с Латинской империей, обеспечило сближение между обоими правителями и сделало их союзниками. Союз был скреплен тем, что Иоанн Ватац после смерти своей первой жены Ирины Ласкарины женился на юной дочери Фридриха Констанции. Письма Фридриха к Иоанну Ватацу свидетельствуют об искренней симпатии и восхищении греками, которых «этот так называемый первосвященник (т.е. папа) отваживается бесстыдным образом поносить еретиками, в то время как именно от них вышла христианская вера и достигла крайних пределов мира»². Хотя ощутимых следствий этот союз не имел, тем не менее он, без сомнения, поднял авторитет Никейской империи.

Как почти каждый византийский император последних веков, Иоанн Ватац вел переговоры об унии с Римской Церковью. В качестве предпосылки для унии он требовал от папы сдачи Латинской

¹ *Ферјанчић*. Деспоти. С. 63 сл.

² Le lettere greche di Federigo II / Ed. Festa. P. 22.

империи. Поначалу переговоры проходили столь же безрезультатно, как и все предыдущие собеседования; в качестве отягчающего обстоятельства оказывало свое действие и сближение греческого императора с Фридрихом II. Однако в понтификат Иннокентия IV, а именно — после смерти Фридриха II, переговоры приняли более многообещающий оборот. Как дальновидный политик, Иннокентий IV не мог не признать, что приобретение усиливающейся византийской Никейской империи принесло бы для Рима больше пользы, чем поддержка дышащей на ладан Латинской империи. Как греческий император выражал готовность за возвращение Константинополя пожертвовать независимостью своей Церкви, так и папа был готов в обмен на унию с греками сдать им Латинскую империю¹. Кажется, стороны сблизились как никогда; но и на этот раз последний шаг не был сделан. Связанная с условием далеко идущих уступок поддержка Рима оказалась излишней: дни латинского Константинополя и без того были сочтены, ибо благодаря великим победам Ватаца восстановление Византийской империи на Босфоре было вопросом времени.

Ватацу удалось удвоить протяженность Никейской империи. Ее владения в Малой Азии были надежно защищены, значительная часть Балканского полуострова также пребывала под его скипетром. Прежние соперники Никейской империи были выведены из игры или же обессилены. Латинская империя свелась к окрестностям Константинополя, ее окружали владения никейского императора. Нужда латинян была столь крайней, что Балдуин II заложил венецианским купцам своего единственного сына Филиппа, чтобы получить от них заем². Требовалось последнее усилие, чтобы взятием Константинополя завершить дело реставрации. Этот последний триумф выпал на долю другого императора, но все предпосылки для него создал уже Иоанн Ватац, и заслуга в деле восстановления Византийской империи принадлежит в первую очередь ему.

Не менее значительной, чем внешняя политика Иоанна Ватаца, была его внутривластная деятельность. Он заботился об усилении законности и боролся с традиционными злоупотреблениями

¹ Norden. Papsttum und Byzanz. S. 359 ff.

² См.: Wolff R.L. Mortgage and Redemption of an Emperor's Son: Castile and the Latin Empire of Constantinople // Speculum 29 (1954). P. 45–84.

администрации. Поддерживаемый своей супругой Ириной Ласкариной, он стремился уменьшить нужду беднейших слоев населения, основывая многочисленные больницы и богоугодные заведения¹. Возведение капитальных церковных построек удовлетворяло вкусам византийского благочестия, а крепостей в пограничных областях — требованиям обороны. В лучших традициях византийского государства Иоанн Ватац учредил стратиотские наделы и усилил контингенты войск с помощью привлечения вытесненных монголами половцев, которых он приказал расселить в качестве стратиотов во Фракии и Македонии, а также в долине Меандра и во Фригии². Так на Востоке была восстановлена система пограничной обороны, и в этом византийский историк Георгий Пахимер справедливо усматривает одно из наиболее значительных достижений Никейского государства³. Наряду с этим земли в Никейской империи в большом количестве продолжали отдаваться в пронию⁴, причем представляется, что Иоанн Ватац прежде всего поощрял пожалование в пронию имений небольшой площади мелкому служилому дворянству⁵.

Особого внимания заслуживают хозяйственные мероприятия Иоанна Ватаца, которые привели к такому процветанию, которого уже давно не знала Византийская империя⁶. Прежде всего император

¹ *Nic. Gregoras*. I. P. 44.

² *Nic. Gregoras*. I. P. 37. О расселении половцев на Востоке говорит также Акрополит (р. 65, ed. Heisenberg). Это расселение половцев имел в виду Феодор II Ласкарь, говоря в похвальном слове своему отцу: «Переселив скифа из западных областей, ты добыл для своего рода полезный народ, а посадив их на место сынов перса (т.е. турок), ты смирил их неудержимый порыв на Запад...» См. отрывок из этого все еще неопубликованного сочинения: *Успенский Ф.И.* К истории крестьянского землевладения // ЖМНП 225 (1883). С. 339. См. тж.: *Мутафчиев*. Војнишки земи. Прим. 2.

³ *Pachymeres*. I. P. 16 sq. См. тж. интересные рассуждения о значении системы пограничной обороны: *Witteke*. *Mentesche*. P. 9 ff.

⁴ См.: *Ostrogorsky*. *Féodalité*. P. 62 sv.

⁵ См.: *Glykatzi-Ahrweiler H.* La politique agraire des empereurs de Nicée // *Byz* 28 (1958). P. 51–66, 135–136.

⁶ См. далее: *Nic. Gregoras*. I. P. 41 sq. См.: *Xanatalos D.* Wirtschaftliche Aufbau- und Autarkie-Maßnahmen im 13. Jahrhundert (Nikänisches Reich 1204–61) // *Leipziger Vierteljahrschrift für Südosteuropa* 9 (1939). S. 129 ff. Рассуждения Ксаналатоса страдают тем, что приводят не слишком удачные сопоставления с современными отношениями и отношениями в недавнем прошлом.

заботился о подъеме сельского хозяйства и животноводства, сам показывая в этом пример остальным. Императорские имения были призваны служить образцом и демонстрировать подданным, к чему должно приводить тщательное и осмысленное ведение хозяйства, связанного с обработкой полей и виноградников, а также разведением скота. Своей супруге император подарил украшенный жемчугом и другими драгоценными камнями венец, который он приобрел на деньги, вырученные со своего имения от продажи яиц. Этот «яичный венец», как его назвал сам император, олицетворял для него целую программу, ибо первым принципом его хозяйственной политики было стремление к экономической самодостаточности страны. Он желал освободить Империю от ввоза иностранных товаров и тем самым избавиться от экономического засилья итальянских городов. Со всей строгостью он запретил своим подданным покупать предметы роскоши иностранного производства. Каждый должен был довольствоваться тем, «что родит ромейская земля и производят руки ромеев». Этот протекционизм, хотя и основанный на этических принципах, был, без сомнения, направлен против Венеции. Прямые таможенные меры против венецианского импорта привели бы к тяжелым осложнениям как нарушение торгового договора, на котором стояли подписи всех византийских императоров от Алексея I Комнина до Феодора I Ласкаря. Напротив, право императора запрещать своим подданным пользоваться чрезмерной роскошью никто не смог бы оспорить. Из соседнего Иконийского султаната в Империю текли в большом количестве благородные металлы и драгоценные ткани. Монгольское вторжение, которое обошло Никейскую империю стороной, причинив соседним государствам тяжелые опустошения, с экономической точки зрения пришлось для византийцев как нельзя кстати: турки покупали в Никейской империи продовольствие, платя за него высокую цену деньгами и товарами. Таким образом, в Никее, несмотря на частые войны, не ощущалось недостатка в деньгах. Финансовые и хозяйственные отношения в никейском государстве при Иоанне Ватаце были более здоровыми, чем отношения в Византийской империи при последних Комнинах и Ангелах. Более благополучным было и само государство, что в свою очередь указывает на то, что жизненная сила византийцев еще не была исчерпана и что возрождение Византийской империи было возможно.

Иоанн Ватац, в последние годы своей жизни страдавший от тяжелых эпилептических припадков, умер 3 ноября 1254 г.¹ Его выдающиеся заслуги нашли широкое признание: через сто лет после своей смерти он был причислен к лику святых, и с тех пор вплоть до нынешнего времени в сооруженной им церкви в Магниси, месте его последнего упокоения, и в Нимфее, его излюбленной резиденции, ежегодно празднуется память святого императора Иоанна Милостивого².

3. Накануне реставрации

Общая литература: та же, что и к предыдущей главе. Кроме того: *Papadopoulos J.B.* Theodore II Lascaris, empereur de Nicée. Paris, 1908; *Dräseke J.* Theodoros Laskaris // BZ 3 (1894). S. 498–515; *Chapman.* Michel Paléologue; *Geanakoplos.* Michael Palaeologus.

Если Иоанн Ватац в победоносной борьбе вновь объединил большую часть византийских земель и создал внутренне прочную государственную систему, каковой Византийская империя уже давно не знала, то правление Феодора II Ласкаря (1254–1258) показало, что Никейская империя и в культурном отношении ни в чем не уступает старой Византии. Иоанн Ватац активно поощрял образование в Империи и всегда обнаруживал живой интерес к науке. Его сын, прилежный ученик ученого Никифора Влеммида, сам стал ученым и плодовитым писателем. Научные исследования, философские штудии и богословские размышления наполняли его жизнь вплоть до восшествия на престол. Будучи призван к власти, Феодор II, который по своей матери носил императорское имя Ласкарь, превратил никейский двор в центр наук: Никею сравнивали с древними Афинами³. Жаждающего знания правителя окружали многочисленные ученые.

¹ Касательно даты см.: *Laurent.* Notes. P. 162 sv.

² См.: *Heisenberg A.* Kaiser Johannes Batatzes der Barmherzige // BZ 14 (1905). S. 160–233 (на S. 193–233 издано составленное в XIV в. житие Иоанна Ватаца).

³ Автобиографию Григория Кипрского издал В. Ламеер (*Lameere W.* La tradition manuscrite de la Correspondance de Grégoire de Chypre. Bruxelles; Rome, 1937. P. 176–191); сам Григорий, правда, на основании собственного опыта негативно оценивает возможности получения образования в Никее (loc. cit. P. 183).

Никейская империя переживала культурный расцвет, который напоминает времена Константина VII Багрянородного.

В отличие от Константина Багрянородного, Феодор II был не только ученым, но и человеком действия, и это несмотря на тяжелую болезнь, которая подтачивала его силы: подобно своему отцу, но в еще большей степени, он страдал эпилепсией. О достоинстве правителя Феодор II имел чрезвычайно высокие представления, государством он управлял сам по своему разумению и усмотрению. Властный и своеправный, он оттолкнул от себя наиболее могущественных магнатов Империи и сделал их своими недругами. О преимуществах аристократии он ничего не желал знать; первым советником императора был его друг Георгий Музалон, человек низкого происхождения. Церковью Феодор стремился управлять так же, как и государством. На патриарший престол он возвел монаха Арсения, ограниченного аскета. По отношению к Риму он занимал сдержанную позицию, а к планам унии, которые вынашивал его отец, относился весьма прохладно. О подчинении греческой Церкви Риму для него не могло быть и речи. Если объединению суждено было случиться, то только на основе полного равноправия, причем он сам, как император, в качестве беспристрастного судьи должен был выносить суждение по поводу всех расхождений¹. Конечно же, эта гордая позиция в конечном итоге являлась результатом крупных внешнеполитических успехов Иоанна Ватаца, после которых помощь папства в борьбе за Константинополь стала казаться излишней.

Краткое правление Феодора II не принесло никаких существенных внешнеполитических изменений и не приблизило византийцев сколько-нибудь значительно к их конечной цели — отвоеванию Константинополя. Но, по крайней мере, удалось сохранить достигнутые позиции по отношению ко всем врагам Империи, которых смерть Иоанна Ватаца могла подвигнуть к нападению. Тяжелыми осложнениями грозила связь сельджуков с Михаилом Палеологом, который, подозреваемый в предательских намерениях, бежал к иконийскому султану, найдя у него поддержку своим планам узурпации. Однако новое наступление монголов полностью изменило ситуацию, так что

¹ См. характерные рассуждения о Св. Духе в сочинении Феодора: *Dräseke J.* в *BZ* 3 (1894). S. 512–513. Ср. тж. послания Феодора II (ed. Festa. P. 202 sq.). Об этом: *Norden. Papsttum und Byzanz.* S. 380 ff.

султан, вместо того чтобы выступить против греков, был вынужден просить у них помощи, а Михаилу Палеологу после возвращения пришлось покаяться и примириться с императором. В то время византийцы вступили в более близкое соприкосновение с монголами, приняв их посольство с театральной роскошью, которая должна была убедить повелителей Передней Азии в неодолимом могуществе и неистощимых богатствах Никейской империи¹.

На Балканском полуострове Империя была вынуждена воевать с Болгарией и Эпиром. Молодой болгарский царь Михаил Асень занял обширные территории во Фракии и Македонии. В результате двух кровопролитных походов он был в 1256 г. отброшен назад и заключил выгодный для Никейской империи мирный договор. Дальнейшее облегчение наступило в результате свержения Михаила Асенья, внутренних потрясений, которые разразились вслед за тем в Болгарии, и воцарения отпрыска Неманичей Константина Тиха (1257–1277), который взял в жены дочь Феодора II Ирину. Запланированный уже при Иоанне Ватаце брачный союз был заключен также с Эпиром: сын Михаила II Никифор женился на дочери императора Марии. Феодор II воспользовался этой возможностью, чтобы привести под свою власть Диррахий и македонскую крепость Сервию. Этот выигрыш стоил ему, однако, дружбы с Эпиром, и с 1257 г. между двумя греческими государствами вновь бушевала жестокая война, успех в которой клонился то в одну, то в другую сторону. Опасным моментом, проявившимся в болгарской и в особенности в эпирской войне, были растущие противоречия между императором и знатными семьями Империи, члены которых занимали важнейшие командные посты в армии. Феодор II приписывает им вину за временные неудачи: в самом деле, можно усомниться в верности военачальников враждебному знати правителю. Однако многочисленные процессы, которые начинались против представителей аристократии, и жестокие наказания, которым подвергал их гневливый и болезненно возбудимый император, вели лишь к дальнейшему обострению отношений. Подавляя своеволие аристократии, Феодор II явно перегнул палку и тем самым вызвал к жизни конфликт, который имел своим следствием крушение династии Ласкарей.

¹ Андреева М. Прием татарских послов при никейском дворе // Recueil Kon-dakov. Prague, 1926. P. 187–200.

Когда в августе 1258 г. император скончался в возрасте 36 лет от тяжелого заболевания, императорский венец перешел к его 7-летнему сыну Иоанну IV. Регентом своего малолетнего сына Феодор II назначил своего друга Георгия Музалона, невзирая на ту яркую ненависть, которую испытывала к выскочке имперская аристократия. Эту ненависть не смогла умерить клятва, которую магнаты Империи во главе с Михаилом Палеологом принесли умирающему императору, а затем и самому Георгию Музалону. Уже на девятый день после смерти Феодора II во время траурного богослужения по почившему императору Георгий Музалон и его братья подверглись в церкви нападению и были убиты перед самым алтарем. Регентство было передано Михаилу Палеологу, наиболее способному и авторитетному представителю аристократии. Он происходил из старого аристократического рода, был обвенчан с внучатой племянницей Иоанна Ватаца и среди своих предков имел представителей старых императорских фамилий¹. Будучи блестящим полководцем, он пользовался любовью армии, а особенно — полков латинских наемников, обладал привлекательными манерами и имел приверженцев во всех слоях общества, не в последнюю очередь и среди могущественного клира. Он был назначен великим дуксом, а затем деспотом, но эти чины были для него лишь ступенькой к верховной власти: на рубеже 1258 и 1259 гг. он принял императорский венец, став соправителем малолетнего Иоанна Ласкара².

Молниеносное восхождение Палеолога объясняется не только его выдающейся ловкостью, но и обострением внешнеполитической ситуации, которая требовала уверенного правления. Манфред, король

¹ См.: *Laurent V. La généalogie des premiers Paléologues. A propos d'un sceau inédit du despote Alexis († 1203) // Byz 8 (1933). P. 130–149.*

² Согласно Никифору Григоре (I. P. 78), поднятие на щит состоялось 1 декабря 1258 г., а венчание — в конце декабря (вероятно, на Рождество); этой даты придерживается *Dölger. Reg. III. 30. Ср. тж.: BZ 37 (1937). S. 537 и Die dynastische Familienpolitik des Kaisers Michael Palaiologos // E. Eichmann Festschrift. Paderborn, 1940. S. 180 (= Paraspora. S. 179).* Согласно Пахимеру (I. P. 81, 96), Михаил был возведен в императоры 1 января 1259 г.: этой даты придерживается *Laurent. Notes. P. 165 sv.; см., впрочем, уже Miller в СМН, IV. 1923. P. 508, который в противоположность Лорану обоснованно различает поднятие на щит и венчание. Уже с начала 1259 г. у нас имеются документы Михаила VIII: ср. Dölger. Reg. 1867 ff. Дата, приводимая Пахимером, может считаться точной, поскольку, как показал П. Вирт (JÖBG 10 (1961). S. 87–88), она же приводится в краткой хронике, изданной Б.Т. Горяновым (ВВ 2 (1949). С. 281.18), — хотя и с неправильным указанием дня недели.*

Сицилийский, в отличие от своего отца Фридриха II был врагом Никейской империи. Растущее могущество византийского государства, которое с середины столетия неуклонно приближалось к реставрации, сведя Латинскую империю к черте Константинополя, заставило Манфреда возобновить антивизантийскую политику Генриха VI и норманнских правителей Сицилии. Уже в 1258 г. он занял Корфу, а затем важнейшие города эпирского побережья: незадолго до того приобретенный Феодором II Ласкарем Диррахий и принадлежавшие деспоту Михаилу II Авлону и Бутринто. Дружба с сицилийским королем показала Михаилу II стоящей этой утраты: отдав за Манфреда замуж свою дочь, он признал захваченные города в качестве приданого и заключил с ним союз против Никейской империи. Третьим в этом союзе стал Гильом Виллардуэн из Ахайи, который взял замуж другую дочь Михаила II. Звезда ахейского князя была тогда на восходе: соседнее латинское герцогство Афинское и три властителя Эвбеи признали его своим сувереном. Так явилась сильная коалиция, которая в последний момент грозила уничтожить дело никейской реставрации. Сепаратистские силы западногреческого государства-конкурента и все силы латинян Греции объединились в союзе с сицилийским королем, чтобы начать войну на уничтожение с Никейской империей. Тройственный союз нашел поддержку со стороны растущей сербской державы Уроша I. Его войска заняли в 1258 г. Скопье, Прилеп и Кичево.

Борьба против тройственного союза стала для Михаила VIII первым большим испытанием, причем испытанием, в котором на кону стояла судьба Империи и которое он блестяще выдержал. Его брат, севастократор Иоанн Палеолог, повел против войск коалиции сильную армию, в состав которой входили крупные половецкие и сельджукские контингенты¹. Осенью 1259 г. в Пелагонской долине

¹ Как подчеркивает Дарко (*Darkó E. Byzantinisch-ungarische Beziehungen in der zweiten Hälfte des 13. Jahrhunderts. Weimar, 1933. S. 10 ff.*), Морейская хроника (ed. J. Schmitt. Vers. 2250 sq.) упоминает также и венгерские вспомогательные войска. На основании этого вполне можно предположить, что в битве при Пелагонии на византийской стороне наряду с прочими союзниками сражались и венгры. Отсутствие упоминания о них в византийских источниках наводит на мысль, что они были не слишком многочисленны. Во всяком случае, вызывают изумление фразы о том, что «славная битва при Пелагонии окончилась полной победой венгерско-византийских войск» или что «удачное сотрудничество двух держав (т.е. Никеи и Венгрии) сокрушило враждебный союз со всеми его притязаниями и, кроме того,»

союзники потерпели сокрушительное поражение¹. Четыреста рыцарей, которых прислал король Манфред, остались лежать на поле боя, а Гильом Виллардуэн был взят в плен. Эпирское государство, казалось, было обречено: императорская армия вступила в Арту, и если Эпир все-таки смог вновь воспрянуть после такого удара, то произошло это только благодаря прибывшей с Сицилии помощи. Сербы также очистили занятые ими незадолго перед этим македонские города.

Теперь вокруг уже не осталось сухопутной державы, которая смогла бы помешать ходу византийской реставрации. Помех можно было ожидать лишь от венецианской морской республики, которая, собственно, и вызвала к жизни Латинскую империю в Константинополе и была главным бенефициаром создавшегося после 1204 г. положения. Чтобы обезопасить себя с этой стороны, Михаил VIII начал переговоры с генуэзцами — главными соперниками Венеции. 13 марта 1261 г. в Нимфее был подписан достопамятный договор, который заложил основы величия Генуи на Востоке, так же, как в свое время договор 1082 г. создал величие Венеции. Генуэзцы взяли на себя обязательство предоставлять Империи военную помощь против Венеции, в обмен на что им были предоставлены чрезвычайно широкие привилегии: свобода от налогов и податей во всех частях Империи и во всех ее портовых городах, а после возвращения Константинополя и в нем; кроме того, им предоставлялись места для сбыта товаров². Другими словами, Генуя должна была получить торговое верховенство на Востоке, которое с конца XI в. было исключительной прерогативой Венеции. В действительности же Византия оказалась заложницей обоих городов-республик,

→ открыло никейцам путь на Константинополь» (*Darkó E.* Op. cit. S. 16, 54). Отметим кстати, что связанный Дарко (Op. cit. S. 36–53) с византийско-венгерскими отношениями XIII в. гренобльский триптих едва ли старше XVIII в.; см.: *Moravcsik J.* Inscription grecque sur le triptyche de Grenoble. 1935; ср.: Н. Радойчич в Летопис Матице Српске 340 (1934). С. 112 сл.

¹ Подробное описание сражения и его предыстория предлагается в: *Geanakoplos D.J.* Greco-Latin Relations on the Eve of the Byzantine Restoration: the Battle of Pelagonia // DOP 7 (1953). P. 99–141; *Geanakoplos.* Michael Palaeologos. P. 47 ff.

² *Zepos.* Jus, I. P. 488 sq.; *Dölger.* Reg. 1890. Ср.: *Heyd.* Commerce du Levant. Vol. I. P. 351, 427 sv.; *Bratianu G.J.* Recherches sur le commerce génois dans la Mer Noire au XIIIe siècle. Paris, 1929. P. 81–82.

которые постепенно оттеснили ее морское могущество и торговлю на задний план.

Великое событие, к которому на протяжении жизни двух поколений были обращены все помыслы византийцев и которое на военном и дипломатическом поприще подготавливалось с величайшей осмотрительностью, в конце концов свершилось с ошеломляющей легкостью: случай оборвал жизненную нить прогнившей Латинской империи и вновь сделал Константинополь владением византийцев. Отправленный с небольшим войском для наблюдения за болгарской границей императорский военачальник Алексей Стратигопул проходил мимо Константинополя и, к своему удивлению, нашел столицу практически неохраняемой. В то время все еще действовало перемирие, заключенное в августе 1260 г. сроком на один год, и венецианский флот с большей частью франкских рыцарей покинул столицу, чтобы осадить крепость Дафнусий на одном острове в южной части Черного моря. Недолго думая, Стратигопул напал на беззащитный город и на рассвете 25 июля 1261 г. овладел им практически без сопротивления. Бегство Балдуина II и его людей положило конец латинскому владычеству в Константинополе.

15 августа император Михаил VIII совершил торжественный вход в город Константина Великого. За годы латинского господства Константинополь во многом лишился своего блеска и богатства. За варварским грабежом 1204 г. последовала систематическая эксплуатация византийских богатств: их вывозили на Запад, ибо пораженная страхом и финансовой нищетой Латинская империя видела в этом средство сохранить благоволение западных держав. Церкви стояли пустыми, лишенными своего убранства и реликвий, Влахернский дворец запустел. Тем большим было теперь ликование византийского населения: прием императора в освобожденном городе превратился в религиозный праздник. Навстречу Михаилу вынесли образ Одигитрии, который по преданию считался произведением евангелиста Луки. Пешком, «скорее как Христос, нежели как государь», Михаил VIII в торжественной процессии направился в Студийский монастырь, а затем в Святую Софию. Здесь, в возвращенном Православию храме Премудрости Божией, где венчались на царство прежние императоры Византии, в сентябре того же года Михаил и его супруга Феодора были повторно увенчаны царскими венцами. Торжественный акт олицетворял обновление Византийской империи

в восставшей к новой жизни имперской столице. Одновременно сын императора Андроник, тогда трехлетний ребенок, был провозглашен василевсом как возможный наследник престола, и тем самым был сделан решительный шаг в сторону основания новой династии¹.

Напротив, законный государь Иоанн IV Ласкарь оказался не-причастным ко всем этим торжествам, а через несколько месяцев Михаил VIII приказал ослепить несчастного юношу. Так же, как Андроник Комнин избавился от сына Мануила, Михаил Палеолог устранил последнего Ласкаря, хранитель права которого он некогда торжественно поклялся. Но в то время как Андроника ждал ужасный конец, хитроумный Палеолог смог создать основу правления самой продолжительной династии в византийской истории, династии, которой было суждено править Империей вплоть до ее последних дней.

4. Восстановление византийской великой державы: Михаил VIII

Общая литература: *Chapman*. Michel Paléologue; *Geanakoplos*. Michael Palaeologus; *Norden*. Papsttum und Byzanz; *Runciman St.* The Sicilian Vespers. Cambridge, 1958 (немецкий перевод: München, 1961); *Miller*. Latins; *Zakythinos*. Despotat. I–II; *Longnon*. Empire latin; *Kretschmayr*. Venedig. Bd. II; *Heyd*. Commerce du Levant. Vol. I.

Господство на юго-востоке Империя сумела вернуть уже при Иоанне Ватаце, однако лишь после завоевания Константинополя Византия вновь смогла стать великой державой. Естественно, что отвоевание старой столицы было результатом политических и военных успехов прошедших десятилетий: добыча как зрелый плод упала в руки византийцам. Однако после завоевания царствующего града на Босфоре всемирно-политическое значение Византийской

¹ То, что Андроник II был провозглашен императором уже в конце лета 1261 г., в то время как известная простакма Михаила VIII от ноября 1272 г. была вызвана его торжественным венчанием (с пожалованием титула автократора), показывает Дёльгер: *Dölger F.* Die dynastische Familienpolitik des Kaisers Michael Palaiologos // *E. Eichmann Festschrift*. Paderborn, 1940. S. 183 ff. (= *Paraspora*. S. 182 ff.).

империи в мгновение ока изменилось. Теперь Византия вновь приобрела определяющее влияние на политическое оформление европейской системы государств, она вновь стала одним из центров, вокруг которых вращалась политика в Средиземноморье.

Впрочем, вновь завоеванное положение великой державы таило в себе и опасности: его поддержание требовало больше средств и сил, чем те, которыми Империя обладала в то время. Она возложила на себя новые обязанности и новое бремя. Выросли расходы, требовались бóльшая армия и бóльший флот. Вновь завоеванная столица, которая была опустошена и нуждалась в восстановлении, поглощала огромные суммы и явилась тяжелым бременем для провинций. При этом уже в конце XII в. оказалось, что византийцы были более не в состоянии поддерживать былой статус великой державы. Будучи вытеснены в Малую Азию, они создали государство, которое изнутри было прочнее и здоровее, чем старая Империя, однако это провинциальное государство никогда не было для них самоцелью, оно было мостом к достижению прежнего державного величия; таким образом в героической борьбе была отвоевана позиция, которую однажды уже оказалось невозможным удержать.

Между тем период латинского господства оставил глубокие следы: на государственном теле Византии остались раны, которых не смогло излечить восстановление Империи. Великая глава, Константинополь, венчала ослабевшее, подвергающееся со всех сторон нападением тело. Итальянские морские республики господствовали в византийских водах, их колонии были рассеяны по всей Империи, а большинство островов восточного Средиземноморья были им подчинены. Греция, как и прежде, находилась под франкским владычеством, а находившийся под греческим управлением Эпир вместе с Фессалией стоял в стороне от дела объединения, упорствуя в своей враждебности по отношению к Империи. Север Балканского полуострова удерживали две славянских державы — болгарская и сербская, которые создали свое величие за счет Византийской империи. Конечно, ни одна из этих держав не была в силах предпринять крупномасштабное нападение на Византию, однако все они были в состоянии поддержать направленную против нее атаку с Запада. В Западной Европе не было недостатка во врагах восстановленной Византийской империи: ими были все державы, заинтересованные в существовании Латинской империи. Таким образом,

оттуда в любой момент следовало ожидать нападения. Объединение враждебных Византии сил на Западе и на Балканах означало бы смертельную опасность для восстановленной Империи. Эту опасность можно было предотвратить только искусным маневрированием. К счастью, способность к дипломатическим маневрам была сильной стороной Михаила VIII.

Перед Палеологами стояла двойная задача: отпор западным агрессивным планам дипломатическим путем и восстановление византийской власти на старых византийских территориях путем устранения эпирского государства и остатков латинского владычества в Греции. Последнее могло иметь успех только в том случае, если бы удалось первое¹. Центром агрессивных планов в отношении Византии была Сицилия как при Манфреде, так и при Карле Анжуйском, и потому отношения с Сицилийским королевством стали осью, вокруг которой вращалась политика Михаила VIII на всем протяжении его правления. Впрочем, настоящую ударную силу завоевательные планы сицилийских королей могли приобрести только в том случае, если бы их поддержал папа. Поэтому главным устремлением Палеолога было воспрепятствовать заключению союза Сицилийского королевства с Римом. Пока Сицилией управлял Манфред, это было нетрудным делом. Тем не менее поначалу в Риме господствовало отрицательное отношение к восстановленной Византийской империи: папа не мог просто так смириться с тем, что Константинополь оказался потерян для Римской Церкви, а место латинской державы заняла схизматическая греческая. Урбан IV (1261–1264) поначалу оказывал моральную поддержку франкам в Греции в их борьбе с Византией, а генуэзцев, которые не желали отступить от союза с византийским императором, предал анафеме. Несмотря на это, заключению союза папства с королем Манфредом препятствовало старое римское отвращение к дому Штауфенов. Ничуть не думая поддерживать завоевательные планы Манфреда, Урбан IV стремился поскорее положить конец господству Штауфенов в Южной Италии и потому предложил Сицилийское королевство Карлу Ан-

¹ Противоречия между оборонительной политикой Михаила VIII в отношениях с Западом и его наступательной политикой в отношении Балканского полуострова я, в отличие от Нордена (*Norden. Papsttum und Byzanz. S. 390 ff.*), не могу усмотреть.

жуйскому, брату французского короля. Благодаря противоречию между папой и Штауфенами Михаил VIII смог найти подход к Риму и обещаниями унии — испытанной приманкой византийской политики по отношению к Риму — смог достичь того, что папа переменял настроение¹.

Это было тем более важно, что усилия по восстановлению власти на Балканах, которые вынуждали Империю сражаться на нескольких фронтах и распылять силы, не приводили к одним успехам. Поначалу казалось, что император находится в весьма выгодном положении относительно франкской Греции, ибо Гильом II Виллардуэн со времени битвы под Пелагонией был у него в плену. Благодаря этому Михаил VIII смог продиктовать ему условия, прежде чем, примерно в конце 1261 г., отпустить его в Ахайю и позволить вновь вступить во владение своим княжеством. Гильом II принес императору вассальную клятву, получил титул великого доместика, был вынужден уступить Византии крепости Монеувасия, Мистра́, Майна и Иеракий². Впрочем, Гильом недолго хранил верность: пока лед в отношениях между Римом и Византией еще не был растоплен, папа освободил его от принесенной клятвы. Кроме того, Гильом нашел деятельную поддержку у Венеции, могущественной соперницы восстановленной Византии, интересы которой из-за падения вызванной ею к жизни Латинской империи, а также в силу союза между Византией и Генуей оказались под угрозой. Разгорелась борьба. Михаил VIII отправил на Пелопоннес под командованием брата, севастократора Константина, сильное войско, в составе которого находилось 5000 сельджукских наемников. Началось быстрое и победоносное наступление византийцев. Одновременно византийско-генуэзский флот напал на латинские острова.

В то же самое время велись войны в Эпире и Болгарии. Вмешавшись во внутренние болгарские конфликты, Михаил VIII в 1262 г. занял важные портовые города Анхиал и Месемврию на западном побережье Черного моря, а также смог значительно расширить свои владения за счет Болгарии на суше. Впрочем, в Эпире завоеватель Константинополя Алексей Стратигопул, довольно посредственный

¹ См.: *Loenertz R.-J.* Notes d'histoire et de chronologie byzantines // *REB* 20 (1962). P. 171–180.

² Подробнее см.: *Zakythinos.* Despotat. Vol. I. P. 15 sv.; *Dölger.* Reg. 1895.

военачальник, в 1260 г. и после возобновления войны в 1262 г. достиг весьма скромных успехов. Брат императора, деспот Иоанн Палеолог, летом 1264 г. одержал значительную победу, принудив эпирского деспота Михаила II к заключению мира и признанию суверенных прав императора. Ранее обвенчанный с дочерью Феодора II Ласкаря сын Михаила II, деспот Никифор I, теперь обвенчался с племянницей Михаила VIII¹.

Напротив, сражения в Южной Греции после первоначальных успехов приняли неблагоприятный оборот. Боевые действия затянулись, денежные средства иссякли, и турецкие вспомогательные войска, которым деньги выплачивались нерегулярно, перешли к франкам. Победоносно двигавшиеся вперед византийцы потерпели в 1264 г.² при Макри-Плагии тяжелое поражение и были вынуждены отступить. Кроме того, и союзники императора потерпели поражение на море: весной 1263 г. генуэзский флот был разбит венецианцами при Сеттепоцци, в заливе Навплия. Это принудило императора изменить свою позицию относительно итальянских морских республик: он разорвал союз с Генуей, который для Империи был сопряжен с большими жертвами, не принося при этом ожидаемых выгод, отправил домой генуэзские корабли и вступил в переговоры с более сильной венецианской республикой. 18 июня 1265 г. был выработан договор, согласно которому венецианцы вновь получили широкие привилегии. Между тем разрыв с Генуей оказался лишь временным. Поскольку горизонт на Западе омрачался, а венецианцы затягивали с ратификацией договора, Михаил VIII вновь протянул руку Генуе. Генуэзцы, которые вновь потерпели поражение в войне с Венецией (1266), с большой готовностью приняли предложения императора. Им было позволено вновь свободно торговать в Империи, а кроме того, предоставлено для поселения константинопольское предместье Галата на Золотом Роге (1267). Там они оставались вплоть до турецкого завоевания, быстро пре-

¹ *Dölger. Reg.* 1931.

² Мы придерживаемся традиционной хронологии, которая опирается на данные Морейской хроники, поскольку критика Драгумиса (*Δραγούμης Σ. Χρονικὼν Μορέως τοπωνυμικά, τοπογραφικά, ἱστορικά. Αθήναι, 1921*) и Закитиноса (*Zakythinos. Despotat. Vol. I. P. 41 sv.*) не привела к какому-либо удовлетворительному результату. Хронологии Морейской хроники следует также Лоньон (*Longnon. Empire latin. P. 232–233*).

вратив Галату в цветущий генуэзский торговый город. Повторный допуск генуэзцев в Византию положил конец колебаниям Венеции: 4 апреля 1268 г. византийско-венецианский договор был ратифицирован, несмотря на то что пункт об изгнании генуэзцев был теперь опущен¹. Показательным образом договор должен был действовать в течение всего пяти лет: Венеция ввела новую систему краткосрочных соглашений с возможностью их расторжения. Вопреки прежней политике, которая однобоко связывала Византию с одной из двух морских республик, тогда как вторая при этом становилась ее врагом, одновременная связь с Генуей и Венецией представлялась выгодной в том смысле, что уменьшала опасность объединения как генуэзского, так и венецианского флота с антивизантийскими западными силами, давая при этом Византии возможность использовать соперничество итальянских морских городов-государств и сталкивать их друг с другом.

Между тем на Западе произошли важные события. Карл, граф Анжуйский и Прованский, по призыву папы явился в Италию и занял место Манфреда, который 26 февраля 1266 г. пал в битве при Беневенто. Для Византийской империи новый сицилийский король был куда более опасным противником, чем Манфред. Штауфен был врагом, а Анжуец — любимцем папы; тем самым назревала опасность поощрения папой антивизантийских агрессивных планов². И действительно, в согласии с папой и в его присутствии 27 мая 1267 г. Карл Анжуйский заключил в Витербо союз и договор о разделе покоренной Византийской империи с изгнанным латинским императором Балдуином II. Союз должен был скрепить брак между дочерью Карла Беатрисой и сыном Балдуина Филиппом. Так, едва став повелителем Сицилии, Карл Анжуйский приступил к исполнению своих завоевательных планов. Вскоре он переправился в Грецию и обеспечил за собой эпирские владения Манфреда и содействие Гильома II Виллардуэна. Князь Ахайи, силы которого были подорваны войной с византийцами и который чувствовал себя в опасности из-за ненависти к нему греческого населения, бросился в объятия Анжуйского и отдал свои земли под его покровительство; свою дочь и наследницу

¹ Dölger. Reg. 1934, 1941, 1960.

² См.: Gay J. Notes sur le second royaume français de Sicile // Mélanges Jorga. Paris, 1933. P. 309 sv.

Изабеллу он помолвил с сыном Карла Анжуйского¹. Но сицилийский король нашел и других союзников, ибо у византийского императора были и иные враги. Сербия и Болгария охотно протянули руку Карлу, ибо государственно-политические и династические основания в равной степени диктовали присоединение южнославянских земель к антивизантийскому фронту: царь болгар Константин Тих был зятем свергнутого и ослепленного Михаилом VIII Иоанна Ласкаря, а король сербов Урош I был женат на французской принцессе и мог ожидать от союза с Карлом Анжуйским расширения своих земель за счет Византийской империи. Между тем положение Карла Анжуйского в Италии окончательно упрочилось и он уже начал отправку денег и войск в Ахайю.

Положение Византийской империи было крайне тяжелым. Тем не менее Михаил VIII не сдавался. Даже в такое время он не оставлял надежды привлечь на свою сторону папу, и действительно, Климент IV откликнулся на его предложение о новых переговорах по вопросу унии. То, к чему стремился Рим, было в первую очередь устранение греческой схизмы, во вторую — освобождение Святой Земли, но отнюдь не завоевание Византийской империи, о котором грезил король Сицилийский. События после 1204 г. показали, что делу церковного единства невозможно было помочь простой оккупацией Византии. Дальновидная восточная политика Рима не желала дать себя отождествить с завоевательными планами Карла Анжуйского, и когда Климент IV дал повод думать, что поддерживает эти планы, то сделал он это с целью оказать давление на византийского императора и принудить его к повиновению Римской Церкви, тем самым стремясь к победе не анжуйской, а римской политики². Когда затем Климент IV скончался (1268) и папский престол в продолжение длительного времени оставался незамещенным, хитроумный Палеолог нашел себе опору во французском короле, ибо Людовик Святой не меньше, чем современные ему папы, стремился к освобождению Святой Земли от неверных и к восстановлению мира в католической Церкви. Укрепленный в своем намерении посольствами византийского императора, он сумел удержать своего воинственного брата от войны против греческих христиан: Карл Анжуйский был

¹ *Longnon*. Empire latin. P. 236–237.

² См. превосходное изложение Нордена: *Norden*. Papsttum und Byzanz. S. 443 ff.

вынужден последовать за ним в крестовый поход в Тунис. Благодаря этому запланированная война с Византией в решающий момент была сорвана. В сентябре 1271 г. вакансия на римском папском престоле заместилась: несмотря на противодействие Карла Анжуйского, папский престол занял уже не француз, а итальянец Григорий X. Пламенный сторонник идеи крестового похода и церковной унии, Григорий X не приветствовал завоевательные планы Анжуйца. Уния с греками более, чем когда-либо, стала приоритетом папской восточной политики¹.

За время отсутствия Карла Анжуйского в Европе ситуация во франкской Греции изменилась в пользу византийцев, которые смогли вновь укрепить свое положение на Пелопоннесе. Впрочем, крестовый поход в Тунис был лишь кратким эпизодом: вскоре после прибытия в Африку Людовик IX умер во время эпидемии, а Карл Анжуйский после краткой победоносной кампании вернулся на Сицилию. Прибытие новых войск в Морею в 1271–1272 гг. положило конец успехам византийцев.

Влиянию Карла Анжуйского в греческих и славянских землях на Балканах Михаил VIII попытался противодействовать посредством упрочения династических связей. Западногреческая держава после смерти деспота Михаила II (1271) распалась: власть над Эпиром принял законный наследник, деспот Никифор, женатый на племяннице византийского императора; в Фессалии утвердился внебрачный сын Михаила II Иоанн. За ним император признал титул севастократора и женил своего племянника Андроника Тарханиота на дочери Иоанна. Эти предосторожности оказались, впрочем, недостаточными: энергичный и агрессивный повелитель Фессалии вскоре стал ожесточенным врагом Империи, а Тарханиот вступил в сговор со своим тестем. Восстановление согласия между Византией и сепаратистскими греческими государствами

¹ Подробное описание восточной политики Григория X с особым вниманием к его планам крестовых походов предлагает Лоран: *Laurent V. La croisade et la question d'Orient sous le pontificat de Grégoire X* // RHSEE 22 (1945). P. 105–137. См. тж.: *Его же. Grégoire X et un projet de ligue antiturque* // EO 37 (1938). P. 257 sv. и *Le rapport de Georges le Métochite, apocrisiaire de Michel VIII Paléologue auprès du pape Grégoire X (1275–1276)* // RHSEE 23 (1946). P. 233 sv. Статья: *Fliche A. Le problème oriental au second concile oecuménique de Lyon (1274)* // ОСР 13 (1947). P. 475–485 — с содержательной точки зрения не привносит ничего нового.

было более чем сложным, ибо главной задачей Империи было их поглощение.

Рестаурационные планы императора также служили препятствием на пути сближения со славянскими державами. То, что, по его мнению, не только греческие и латинские государства Балкан, но и южнославянские земли должны были влиться в восстановленную Империю, яснее всего показывает указ (правда, не возымевший действия) от 1272 г., посвященный церковно-политическим делам, посредством которого Михаил VIII вознамерился лишить Сербскую и Болгарскую Церкви автокефалии и по примеру Василия II подчинить южнославянские Церкви греческой Охридской архиепископии¹. Брачный союз с Сербией, несмотря на зашедшие достаточно далеко переговоры, так и не состоялся. Зато Михаил VIII смог заключить союз с Венгрией и таким образом создать противовес союзной Карлу Анжуйскому Сербии. Его наследник престола Андроник женился на дочери венгерского короля Стефана V; вскоре после этого, в ноябре 1272 г., он был венчан как соправитель, получив широкие полномочия, каковыми ранее не обладали византийские соправители². Напряжение в отношениях с Болгарией, казалось, ослабло после того, как около 1270 г. скончалась царица Ирина Ласкарина и болгарский царь Константин Тих женился на племяннице императора Марии, сестре супруги эпирского деспота. Поскольку, однако, Михаил VIII удержал за собой обещанные в качестве приданого портовые города Анхиал и Месемврию, находившиеся с 1262 г. во владении византийцев, в 1272 г. разразилась война. Болгары вторглись на византийскую территорию, но под давлением татар, которых Михаил VIII сумел привлечь в союзники, они были вынуждены отступить и отказаться от спорных городов.

Важнейшими силами на Востоке были тогда монголы Золотой Орды в Южной России, монголы хана Хулагу в Передней Азии и мамлюки в Египте³. Русские и переднеазиатские монголы более не представ-

¹ Бенешевич В.Н. Описание греческих рукописей св. Екатерины на Синае. Т. 1. СПб., 1911. С. 542 сл.

² Pachym. I. P. 318–319. Простагма Михаила VIII от 8 ноября 1272 г.: Heisenberg. Palaiologenzzeit. S. 37 ff. (с подробным комментарием). Dölger. Reg. 1994, 1995.

³ См.: Успенский Ф.И. Византийские историки о монголах и египетских мамлюках // ВВ 24 (1923–1926). С. 1–16; Вернадский Г. Золотая Орда, Египет и Византия в их взаимоотношениях в царствование Михаила Палеолога // SK 1 (1927). С. 73 сл.

ляли собой политического единства, ибо уже около 1259 г. между ними произошло разделение. Вскоре после этого (1260) монголы Хулагу, который в 1258 г. овладел городом халифов Багдадом и распространил свою власть по всей Передней Азии от Индии до Средиземного моря, потерпели тяжелое поражение от египетских мамлюков. Будучи изначально гвардией египетских Айюбидов, которая состояла прежде всего из половцев и других степных народов Южной России, мамлюки в 1250 г. стали господами Египта и основали вместо Айюбидов собственную династию, которая правила Египтом вплоть до XVI в.¹ С этого времени к ним во все большем числе стекались их сородичи из Южной России, что привело мамлюков в ближайшее соприкосновение с Золотой Ордой. Ввиду враждебности обеих держав по отношению к монголам Передней Азии связь между ними была возможна лишь по морю, ключи от которого были в руках византийцев. В силу этого соглашение между византийским императором и южнорусскими монголами было неизбежным, что служит еще одним доказательством того, насколько после завоевания Константинополя возрос вес Византийской империи в мировой политике. Достижению договоренности поначалу препятствовали дружественные отношения, которые Михаил VIII поддерживал с монголами Передней Азии, поскольку дружба с Хулагу была для него средством давления на соседний Иконийский султанат. Из-за этого южнорусские татары уже в 1264 г. в союзе с болгарями совершили ужасающее нападение на Империю: византийская армия была наголову разгромлена, причем жизнь самого Михаила VIII подверглась серьезной опасности, а фракийские земли были опустошены в такой степени, что нигде «не было видно ни пашущего вола, ни возделываемого поля»². Другой опустошительный набег татары совершили в 1271 г., отозвавшись на призыв Иоанна Фессалийского и Андроника Тарханиота. Набеги и осложнения с Болгарией заставили Михаила VIII урегулировать отношения с южнорусскими татарами. В 1272 г. он заключил мирный договор с великим татарским вождем Ногаем, который занимал господствующее положение в Золотой Орде, что он вскоре и доказал, пресекши всякие враждебные

¹ См.: Lane-Poole St. A History of Egypt in the Middle Ages. London, 1901. P. 242 ff.; Poliak A. Le caractère colonial de l'État Mamelouk dans ses rapports avec la Horde d'Or // Revue des études islamiques 9 (1935). P. 231 sv.

² Nic. Gregoras. I. P. 101.

действия болгар против Византии¹. Император отдал ему в жены свою внебрачную дочь Евфросинию и отправил ему богатые дары. С этого времени сношения византийского императора как с Золотой Ордой, так и с мамлюками оставались безоблачными, а обмен посольствами между Византией и Египтом был все более активным. Вокруг кольца враждебных Византии держав, окружавших Империю, Михаил VIII провел еще одно кольцо, которое должно было держать в узде врагов Импери: как монголы Хулагу оказывали давление на султанат Рум, так теперь и татары Ногай оказывали давление на болгар; за спиной у сербов стояли союзные Византии венгры; Карла Анжуйского, главного врага византийцев, от нападения на Империю удерживало папство, окрыленное надеждами на унию.

Впрочем, Григорий X не желал довольствоваться одними обещаниями унии, которыми Михаил VIII кормил Рим на протяжении более чем десяти лет: он поставил императора перед выбором, обещая ему в случае церковного подчинения полную безопасность со стороны католических держав, а в противном объявив, что не сможет долее сдерживать устремлений Карла Анжуйского². Истечение византийско-венецианского договора папа превратил в повод для оказания жесточайшего давления на Михаила VIII: он убедил венецианцев воздержаться от возобновления договора до заключения унии. Со своей стороны Карл Анжуйский приложил величайшие усилия, чтобы перетянуть Венецию на сторону врагов Византии. Одновременно он развил бурную активность на Балканах. Карл заключил дружественный союз с резко враждебным императору властителем Фессалии, а в Морею отправил в 1273 г. более сильное, чем когда-либо, войско. В Албании, этих воротах для вторжения в Византию, он уже укрепился достаточно прочно: католическая часть страны

¹ Хронологические зацепки в источниках крайне скудны. См.: *Dölger. Reg.* 1969, 1976, 1977. Избранная здесь хронология получает свое основание путем сопоставления описанных событий: союз с Ногаем не может быть датирован ранее весны 1272 г., поскольку ему предшествуют, с одной стороны, татарский набег, вызванный Иоанном Фессалийским, который случился самое раннее в 1271 г., а с другой — болгарско-византийская война, которая едва ли могла начаться ранее начала 1272 г., поскольку между нею и случившейся, вероятно, ок. 1270 г. смертью царицы Ирины Ласкарины находится еще свадьба царя с племянницей императора Марией и рождение сына от этого брака.

² *Norden. Papsttum und Byzanz. S. 489 ff.*

признавала его своим господином. Союз с Сербией и Болгарией он укрепил еще больше: в 1273 г. к его двору прибыли посланцы царя болгар и короля сербов¹. Все враги Империи — латиняне и греки, славяне и албанцы — соединились под предводительством Карла Анжуйского, который, вступив в союз и породнившись с титулярным императором Константинополя и владыкой франкской Греции, протянул теперь руку к византийскому императорскому венцу.

При таких обстоятельствах угрозы Григория X приобрели прямо-таки подавляющий вес: для императора не оставалось другого выхода, кроме как подчиниться воле папы. Несмотря на отчаянное сопротивление византийского духовенства, Михаил VIII вступил в унию с прибывшим в 1273 г. в Константинополь папским легатом, а затем смог наконец принудить к принятию унии часть византийского клира. На Соборе в Лионе 6 июля 1274 г. состоялся исторический акт. Великий логофет Георгий Акрополит от имени императора клятвенно признал не только папский примат, но и римскую веру. Также и члены византийского посольства из числа духовенства, бывший патриарх Герман и митрополит Феофан Никейский, поставили свои подписи под императорским исповеданием. Церковная уния — одна из главных целей римской политики на протяжении последних двух столетий и предмет многочисленных, но всегда безрезультатных переговоров — стала действительностью.

Политические выгоды, которых Михаил VIII ожидал от церковного подчинения, и в самом деле не замедлили явиться. Под давлением папы Карл Анжуйский был вынужден отказаться от запланированного завоевательного похода на Византию и обязался соблюдать перемирие до 1 мая 1276 г. Венеция в марте 1275 г.² также возобновила договор с византийским императором, однако сроком всего лишь на два года. Византия, которая незадолго перед этим находилась в тяжелой обороне, вновь перехватила инициативу и повсеместно перешла в наступление. Еще во время заседаний Лионского Собора византийцы захватили важные города Берат и Бутринто, а затем приступили к осаде Диррахия и Авлоны. В 1275 г. император отправил

¹ *Jireček*. Geschichte. Bd. I. S. 323.

² А не 19 марта 1277 г., когда договор был продлен еще на два года. См.: *Norden*. Papsttum und Byzanz. S. 540, Anm. 1. *Chapman*. Michel Paléologue. P. 132 и *Geanakoplos*. Michael Palaeologus. S. 301 помещают заключение договора под 1277 г.

своего брата Иоанна с сильным войском в Фессалию, которая под властью севастократора Иоанна Ангела превратилась во враждебный императору центр. Победоносно начатый поход, который привел императорские войска под стены столицы Фессалии города Неопатры, потерпел неудачу из-за личной отваги и ловкости севастократора Иоанна, который в решающий момент смог привлечь к себе на помощь войско из соседнего франкского Афинского герцогства. Неудачный исход имел и второй поход против Фессалии в 1277 г. Напротив, большие успехи ожидали Империю на море. Особенно удачными с 1276 г. были морские операции назначенного великим дуксом итальянца Ликарио: Эвбея и большое количество эгейских островов попали в его руки, так что в результате византийский флот вновь господствовал в Эгейском море.

Важная перемена случилась на Пелопоннесе: в 1278 г. умер Гильом II Виллардуэн, после чего морейское княжество попало под непосредственное господство Карла Анжуйского. На первый взгляд это событие могло показаться опасным для Византии, но на самом деле оно означало ослабление системы франкского владычества и пошло Империи на пользу. Трудности, с которыми приходилось бороться Гильому Виллардуэну, оказались чрезмерны для наместников Карла Анжуйского: страна была обескровлена непрерывными войнами, а греческое население бунтовало против чужеземного владычества. При таких обстоятельствах византийцы смогли распространить свою власть вплоть до Аркадии, что одновременно с недавними успехами на Архипелаге означало заметное укрепление позиций Империи.

Впрочем, улучшение внешнеполитического положения было куплено ценой тяжелого внутреннего потрясения. Византийский народ, значительное большинство византийского клира и особенно фанатично преданное Православию монашество ничего не желали слышать об унии и оказали императору ожесточенное сопротивление. Отношения Михаила VIII с Греческой Церковью уже раньше переживали осложнения. После ослепления юного Иоанна Ласкаря патриарх Арсений подверг Михаила анафеме. Лишь с большим трудом Михаилу VIII в конце концов удалось устранить строгого аскета (1266) и от его второго преемника Иосифа добиться разрешения от клятвы. Тем не менее часть Церкви и народ остались верны изгнанному Арсению. Сложилась партия так называемых арсенистов, которые упорно не признавали императора и новое церковное руко-

водство. Когда же Михаил VIII подчинился папе и стал требовать от своей Церкви признания римского верховенства, разразилась буря, охватившая все население. Осложнения усиливались еще и тем, что патриарх Иосиф не давал уговорить себя признать унию, и потому оказалась необходимой очередная насильственная перемена священноначалия. На патриарший престол вззошел хартофилак Иоанн Векк, ловкий и многосторонне одаренный человек, который после некоторого сопротивления все же примкнул к унии. Теперь друг другу противостояли два враждебных лагеря: навязанная сверху ликвидация греко-римского раскола вызвала к жизни глубокий раскол внутри Византийской империи. Византийский народ, для которого Православие издревле считалось величайшей святыней, а ненависть к латинянам проникла в плоть и кровь, возмутился против императора, который предал веру отцов. Сам император, невзирая ни на что, твердо придерживался унии, в которой он усматривал спасение для своей Империи. Начались жестокие преследования, обращенные против всех противников унии, невзирая на их положение. Тюрьмы были переполнены клириками и мирянами, бедняками и вельможами царской крови, ибо пропасть пролегла через все слои населения, и даже семья самого императора оказалась расколота¹.

За пределами византийских границ объединительная политика императора также вызвала серьезные осложнения. Любимая сестра Михаила Евлогия (Ирина)², решительная противница унии, отправилась к своей дочери, болгарской царице Марии, в результате чего под влиянием обеих женщин болгарский двор превратился в очаг интриг, направленных против императора. Однако на этом направлении вскоре наступила, хотя и кратковременная, перемена: в разрушенном, подвергающемся тяжелым монгольским набегам и разрываемом социальными противоречиями Тырновском царстве произошло сильное народное возмущение и началась тяжелая внутренняя борьба. Посредством вооруженного вмешательства в болгарскую усобицу

¹ См.: *Evert-Kappesova H.* La société byzantine et l'Union de Lyon // BSl 10 (1949). P. 28–41. Cp. ee же: Une page des relations byzantino-latines. Le clergé byzantin et l'Union de Lyon (1274–1282) // BSl 13 (1952–1953). P. 68–92 и Byzance et le St. Siège à l'époque de l'union de Lyon // BSl 16 (1955). P. 297–317; *Geanakoplos. Michael Palaeologus.* P. 265 ff.

² *Papadopoulos.* Genealogie der Palaiologen. № 29.

византийскому правительству удалось противопоставить вождю восстания Ивайло эллинизированного и обвенчанного с византийской принцессой отпрыска Асений и посадить его на шатающийся царский престол под именем Ивана Асеня III (1279).

Роковые последствия ненависть по отношению к политике унии возымела в греческих удельных государствах. Даже отличавшийся миролюбием Никифор Эпирский выступил против Палеолога. Он занял незадолго перед этим завоеванный византийцами портовый город Бутринто, который затем передал Карлу Анжуйскому (1279). Иоанн Фессалийский, старый враг Михаила VIII, который много лет боролся с Византийской империей, опираясь на западные державы, теперь выставил себя предводителем православных греков и собирал византийских противников унии, которые стекались к нему в большом числе. В 1278 г. он даже провел Собор, который осудил императора как еретика¹.

Ради сохранения римско-византийского единства тяжелую борьбу пришлось выдерживать не только императору, но и папе. После смерти Григория X (1276) в Риме окрепло влияние сицилийского короля, после чего римско-византийское сотрудничество застопорилось. Затем Николай III (1277–1280) придал еще один сильный импульс римским универсалистским притязаниям, а наряду с ними и политике унии. Как на Западе между Рудольфом Габсбургом и Карлом Анжуйским, так и на Востоке между Карлом и византийским императором он пытался создать равновесие для того, чтобы утвердить вселенскую власть Римской Церкви над всеми светскими державами. Во время его понтификата Михаил VIII чувствовал себя вне опасности со стороны Запада. На это время приходится значительные византийские успехи в Морее и на Архипелаге. Однако при выборе следующего папы верх одержало влияние Карла Анжуйского: произошла полная смена декораций. 22 февраля на престол святого Петра вступил француз Мартин IV, слепое орудие в руках могущественного сицилийского короля. Курия отказалась от своей роли независимого третейского судьи, поставив себя целиком на службу анжуйской завоевательной политике. Под патронатом папы Карл Анжуйский и титулярный латинский император Филипп, сын Балдуина II, заключили 3 июля 1281 г. в Орвието с венецианской республикой договор о «восстанов-

¹ См.: *Grumel V. En Orient après le concile de Lyon // EO 24 (1925). P. 321 sv.*

лении узурпированной Палеологом Римской Империи»¹. Более того, Мартин IV настолько отошел от политики своих предшественников и настолько слепо следовал указаниям Карла Анжуйского, что византийского императора, который исповедовал унию и из-за этого был вынужден вести тяжелую борьбу с собственным народом, осудил как схизматика, объявил низложенным и запретил всем христианским властителям общаться с ним.

Тем самым церковно-объединительная политика Михаила VIII потерпела полный крах, ибо от нее отказался сам Рим. Западные державы объединились в борьбе против Византии: Венеция предоставила Карлу Анжуйскому флот, а папа — моральную поддержку. По договоренности с Карлом Иоанн Фессалийский и новый сербский король, энергичный Милутин (1282–1321), в 1282 г. вторглись в Македонию. Милутин занял важный город Скопье, который оказался отныне навсегда потерян для византийцев. В Болгарии протее императора Иван Асень III уже в 1280 г. лишился царского венца. Его преемник, родом половчанин, Георгий I Тертер (1280–1292), который, будучи предводителем бояр, отнял у него власть, естественно обратился против Византии и заключил союз с Карлом Анжуйским и Иоанном Фессалийским. Еще никогда Карл не стоял так близко к достижению своей цели и никогда еще положение Михаила VIII не было более критическим. Казалось, Византийская империя была обречена на уничтожение.

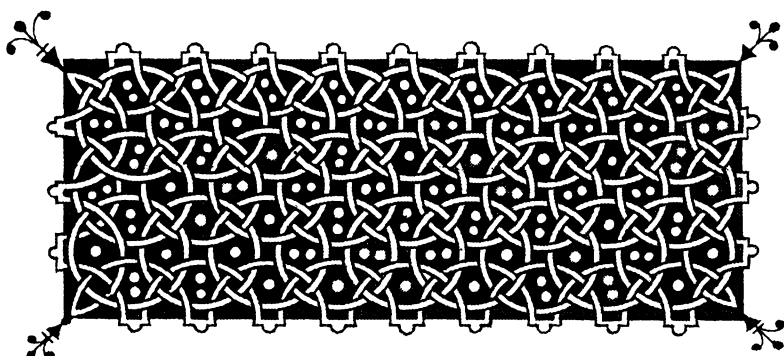
Но именно тогда, в самый критический момент, произошла решительная перемена: ужасная катастрофа постигла уверенного в своей победе Анжуйца, а дипломатическое искусство Палеолога отпраздновало свой величайший триумф. План широкомасштабного заговора против анжуйского владычества на Сицилии, в котором сыграл посредническую роль Иоанн из Прочиды, эмигрировавший из Южной Италии ученый врач, а впоследствии — канцлер Арагона, готовился уже несколько лет². При посредстве Иоанна Михаил VIII еще в понтификат Николая III завязал сношения с королем Арагонским Педро III, зятем Манфреда. Педро должен был ударить в спину Карлу Анжуйскому и отнять у него королевство, которое тот в 1266 г.

¹ Tafel-Thomas, I. P. 287 sq.

² См.: *Runciman St. The Sicilian Vespers*. Cambridge, 1958. P. 201 ff. и App. P. 288 ff. — о спорной роли Иоанна из Прочиды.

похитил у короля Манфреда. Византийский император предоставил ему денежные средства для постройки флота. Одновременно византийские и арагонские агенты, богато снабженные византийскими деньгами, питали на Сицилии дух мятежа против чужеземного владычества. В недовольной стране, обессиленной постоянными военными расходами Карла и злоупотреблениями местной администрации, началось брожение. Однако именно византийские деньги заставили вырваться на поверхность подспудное недовольство и они же сделали возможным вооружение арагонского короля. «Если бы я сказал, — гласит автобиография Михаила VIII, — что свободу им (сицилийцам) дал Бог и что Он это сделал моими руками, то я бы сказал правду»¹. В тот момент, когда опасность для Палеолога была наибольшей, в Палермо 31 марта 1282 г. вспыхнуло восстание, которое с быстротой молнии распространилось по всему острову: во время знаменитой «сицилийской вечерни» анжуйское владычество на Сицилии нашло свой кровавый конец. В августе явился со своим флотом Педро Арагонский. В Палермо он возложил на себя корону Манфреда и стал повелителем Сицилии, в то время как Карл Анжуйский лишь с большим трудом смог удержать свои владения на материке в Италии. О походе на Византию более не могло быть и речи: южноитальянское королевство было расколото, Карл Анжуйский выбыл из игры в результате беспримерной катастрофы, которой был весьма тяжело затронут и римский папа, титулярного императора Филиппа более никто не воспринимал всерьез, а Венеция искала сближения с византийским императором и королем Арагонским. Буря, которая на протяжении двадцати лет была готова обрушиться на восстановленную Византийскую империю, рассеялась благодаря дипломатическому гению Михаила Палеолога.

¹ Издал Грегуар в Byz 29–30 (1959–1960). Р. 461.

VIII УПАДОК И КРУШЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1282–1453)

Источники

Первую группу историографов этой эпохи составляют Георгий Пахимер, Никифор Григора и Иоанн Кантакузин. О доведенном до 1308 г. историческом труде *Георгия Пахимера* мы говорили в предыдущем разделе: для первого периода правления Андроника II этот труд столь же важен, как и для предшествующего царствования Михаила VIII. Среди прочего он повествует о покорении турками Малой Азии, о византийско-сербских отношениях во времена взлета сербского могущества при короле Милутине, содержит подробное описание авантюрных походов Каталанской компании, которое, впрочем, следует сравнить с противоположным в своей тенденции повествованием каталонца Мунтанера, одного из участников экспедиции¹. Еще большее значение имеет масштабный труд *Никифора Григоры*, который озаглавлен значимым для византийского государственного самосознания названием «Римская история» (Ρωμαϊκὴ ἱστορία). Эта история в 37 книгах излагает события с 1204 по 1359 г.; период примерно до 1320 г. сведен в семь книг, в то время как эпоха, в которую действовал сам Григора, с нарастающей подробностью излагается

¹ Об этом: *Rubió i Lluch A. Paquiemeres y Muntaner // Sec. hist. arqueol. de l'Institut d'Estudis Catalans. Mémoires 1 (1927). P. 33 sq.*

в 30 книгах. Никифор Григора (1290/1291–1360)¹ является одной из наиболее примечательных личностей XIV в. и одним из наиболее значительных и плодovitых византийских ученых, который оставил свой авторский след во всех областях знаний той эпохи². Его историческое сочинение изобилует важными сведениями и в ряде случаев позволяет прояснить некоторые обыкновенно упускаемые из виду в средневековой историографии вопросы государственного устройства, управления и экономики. Повествование его живо и в целом отличается большой достоверностью. Лишь при описании исихастского спора, в котором Григора в 50-е гг. XIV в. принимал участие в качестве ведущего противника исихастов, труд его полностью утрачивает объективный характер, превращаясь в растянутое и занудное повествование, тенденциозное и перегруженное цитатами из актов. Наряду с историческим трудом большое историческое значение в чрезвычайно обширном литературном наследии Никифора Григоры имеют прежде всего его письма³.

Знаменитое историческое сочинение императора *Иоанна VI Кантакузина* (1341–1354), которое начинается восшествием на престол Андроника III в 1320 г. и завершается описанием нескольких лет, последовавших за отречением Кантакузина, будучи мемуарным произведением, преследует апологетические цели. Свою деятельность Кантакузин стремится выставить в максимально благоприятном свете, подчас просто замалчивая или приукрашивая неприятные факты. В силу этого его сообщения следует рассматривать критически. Тем не менее в целом предложенный фактический материал является подлинным, хотя и подается в тенденциозном освещении. Повествование многоопытного государственного мужа, основанное на дневниковых записях, а часто и на документах, содержит множество важных

¹ О годе рождения см.: V. Grecu в Bull. de l'Acad. Roumaine 27 (1946). P. 56 sv.

² О жизни и сочинениях Никифора Григоры см.: *Guilland R.* Essai sur Nicéphore Gregoras. Paris, 1926.

³ *Bezdeki S.* Nicephori Gregorae epistolae XC // *Ephemeris Dacoromana* 2 (1925). P. 239–377; *Guilland R.* Correspondance de Nicéphore Gregoras. Paris, 1927, где напечатана часть писем Никифора Григоры (всего сохранившихся писем 161) с переводом на французский язык, а большая часть представлена только изложением содержания. Ценными являются тщательно выполненные примечания об адресатах Григоры (P. 291–389). Применительно к текстам и переводам следует учесть поправки А. Грегуара: Byz 3. P. 468 sv.

сведений. Его следует рассматривать не только как литературный памятник, но и как исторический источник высокого качества.

Вторую группу составляют историки, писавшие уже после падения Византийской империи: Лаоник Халкокондил, Дука, Георгий Сфрандзи и Критовул. Афинянин *Лаоник Халкокондил*, ученик гуманиста Георгия Гемиста Плифона, берет в качестве образцов Фукидида и Геродота и, после краткого обзора мировой истории от ассирийцев и до начала Османской империи, приступает к описанию времени турецкого завоевания и падения Византийской империи¹. Труд Лаоника завершается описанием взятия Лемноса в 1463 г. По всей видимости, он был написан в 80-е гг. XV в. Изложение Халкокондила отличается искусным стилем, свидетельствуя тем самым о литературном таланте и, несмотря на хронологическую путаницу, об исторической компетентности автора. В соответствии с исторической обстановкой он ставит в центр повествования не Византию, а османскую державу, грандиозное распространение могущества которой собственно и является темой Халкокондила, причем темой совершенно новой для византийского историописания. Очень подробно Халкокондил, который много лет провел при дворе деспотов Мистры, разбирает важные для истории Византийской империи в XV в. события на Пелопоннесе.

В другой перспективе рассматривает эти события *Дука*, который долгое время находился на службе у генуэзцев². В отличие от гуманиста Халкокондила, Дука пользуется народным греческим языком.

¹ *Laonici Chalcocandylae historiarum demonstrationes* / Ed. J. Darkó, I–II. Budapest, 1922, 1923 и 1927. Румынский перевод: *Grecu V. Laonic Chalcocondil: Expuneri istorice* / Ed. Acad. Rep. Pop. Romine. 1958. Ср. тж.: *Güterbock K. Laonikos Chalkondyles // Zeitschrift für Völkerrecht* 4 (1910). S. 72 ff.; *Darkó J. Zum Leben des Laonikos Chalkondyles // BZ* 24 (1923). S. 29–39; *Idem. Neue Beiträge zur Biographie des Laonikos Chalkokandyles // BZ* 27 (1927). S. 276–285; *Idem. Neue Emendationsvorschläge zu Laonikos Chalkokandyles // BZ* 32 (1932). S. 2–12; *Miller W. The Last Athenian Historian: Laonikos Chalkokandyles // JHS* 42 (1922). P. 36–49; *Καμπούρογλου Δ. Οι Χαλκοκονδύλαι. Αθήναι*, 1926. Σ. 104–171; *Nimet A. Die türkische Prosopographie bei Laonikos Chalkokandyles. Diss. Hamburg, 1933. Дальнейшая литература в: Moravcsik. Byzantinoturcica. I². S. 396 ff.*

² Его имя не сохранилось. То, что его, как предполагает Греку (*Grecu V. Pour une meilleure connaissance de l'historien Doukas // Mémoial L. Petit. Paris, 1948. P. 128 sv.*), звали так же, как и его отца — Михаилом, пока что остается просто предположением.

Его доведенное до 1462 г. произведение отличается надежностью и свежестью повествования. Подчас оно в подлинном смысле драматично, как, например, при описании завоевания Константинополя. Как и Халкокондил, Дука предпосылает своему сочинению всемирно-исторический обзор, само же изложение событий начинается со вступления на престол Иоанна Кантакузина в 1341 г., становясь более подробным лишь с началом правления султана Баязида в 1389 г.¹ Это сочинение сохранилось также в староитальянском переводе, который заполняет некоторые лакуны в оригинале (в Боннском корпусе напечатан после греческого текста). Более ограниченный временной отрезок византийской истории находит свое освещение в историческом труде *Георгия Сфрандзи*², который в своей оригинальной версии охватывает период с 1413 до 1477 г., а в возникшей позднее расширенной начинается с начала правления династии Палеологов³. Друг

¹ Новое критическое издание с введением и румынским переводом: *Grecu V. Ducas, Istoria turco-bizantină (1341–1462)*. București, 1958.

² Относительно имени см.: *Laurent V. Σφραντζής et non Φραντζής // BZ 44 (1951). P. 373–378 и Sphrantzès à nouveau // REB 9 (1951). P. 170–171.*

³ Новое издание первых двух книг: *Papadopoulos J.B. Georgii Phrantzae Chronicon. Vol. I. Leipzig, 1935.* Согласно заявленному уже в другом месте (см. *Bulletin de l'Inst. Archéol. Bulgare 9. P. 177 sv.*) мнению Пападопулоса, пространная хроника (*Chronicon Maius*), которую он издал, принадлежит не Сфрандзи: она была подготовлена в 1573–1575 гг. на основе краткой хроники (*Chronicon Minus*: перепечатана в PG 156. Col. 1025–1080) Макарием Мелиссином. Согласно Ф. Дёльгеру (*Otto-Glauning-Festschrift. 1936. S. 29 ff. и BZ 37 (1937). S. 502–503*), краткая хроника является дневником Сфрандзи, который им самим был расширен и переработан в историю, т.е. пространную хронику, которая в дальнейшем была изменена Макарием посредством новых прибавок. Это мнение впоследствии принял и Пападопулос: *Papadopoulos J.B. Über "Maius" und "Minus" des Georgios Phrantzes und über die Randnoten des angeblichen Pachomios // BZ 38 (1938). S. 323–331.* См. тж.: Дёльгер: *Ibid. S. 489–491.* Напротив, В. Грюмель (*EO 36 (1937). P. 88–89*) и А. Грегвар (*Byz 12 (1937). P. 388–391*) придерживались мнения, что скорее пространная хроника является подлинным сочинением Сфрандзи, а краткая — составленным в позднейшее время ее сокращением. К этому мнению поначалу также склонялся Моравчик (*Moravcsik. Byzantinoturcica. Bd. I¹. S. 152*). Между тем тезис о неподлинности пространной хроники получил основательную поддержку со стороны Р. Лёнерца (*Loenertz R.J. La date de la lettre θ' de Manuel Paléologue et l'inauthenticité du «Chronicon Maius» de Georges Phrantzes // EO 39 (1940). P. 91 ff. и oc. Autour du Chronicon Maius attribué à Georges Phrantzes // Miscellanea G. Mercati. Vol. III. 1946. P. 273 sq.*). Согласно Лёнерцу, пространная хроника является компиляцией, сделан-

императорской семьи и высокопоставленный византийский сановник при трех последних Палеологах, Сфрандзи отличается своим традиционным византийским мировоззрением как от Халкокондила, так и от друга генуэзцев Дуки. Также в отличие от Дуки он является жестким противником латинян. Его повествование содержательно, в нем уделяется особое внимание хронологической точности. Способ изложения в определенном смысле представляет собой компромисс между искусственным архаизмом Халкокондила и нарочитым вульгаризмом Дуки. Трое близко стоящих друг к другу по времени историков взаимно дополняют друг друга как в отношении фактологии, так и в способе восприятия действительности. Наиболее достоверным является, пожалуй, Дука¹. Наряду с трудами Халкокондила, Дуки и Сфрандзи следует также привлекать сочинение *Критовула*, уроженца острова Имброс (Имвриота). Если уже Халкокондил ставит турецкое государство в центр своего повествования, то Критовул, знатный грек, который стремится примириться с турецким владычеством и понравиться новым господам, совершает следующий шаг и пишет историю султана Мехмеда II. Особенно важным для византиноведа является его подробное описание завоевания Константинополя, которое занимает значительную часть сочинения, обнимавшего период с 1451 по 1467 г.² Впрочем, Критовул в отличие от Сфрандзи и так же, как Халкокондил и Дука, не был непосредственным очевидцем

ной Макарием Мелиссином из подлинной краткой хроники Сфрандзи, и прежде всего из Халкокондила и хроники Дорофея Монеувасийского. Доказательства основываются на весомых, по сути неотразимых аргументах. Их неопровержимость подтверждается дальнейшими исследованиями, так что ныне этот вопрос может считаться разрешенным. Мнению Лёнерца теперь следует и Моравчик (*Moravcsik*. *Byzantinoturcica*. Bd. I². S. 287 ff.). См. тж. заметку Дёльгера: *BZ* 43 (1950). S. 63.

¹ См.: *Черноусов Е.А.* Дука, один из историков конца Византии // *ВВ* 21 (1914). С. 171–221; *Miller W.* The Historians Doukas and Phrantzes // *JHS* 46 (1926). P. 63–71; *Grecu V.* Pour une meilleure connaissance de l'historien Doukas // *Mémorial L. Petit*. Paris, 1948. P. 128 sv; *Moravcsik*. *Byzantinoturcica*. Bd. I². S. 250 ff.

² FHG. T. V. 1870. P. 40–161. Английский перевод: *Riggs Ch.T.* History of Mehmed the Conqueror by Kritovoulos. Princeton, 1954; издание: *Grecu V.* Critobuli Imbriotae De rebus per annos 1451–1467 a Mechemete II gestis. Bucarest, 1963. О Критовуле и его сочинении: *Радонић Ј.* Критовул, византијски историк XV в. // Глас Српске Краљ. Акад. 138 (1930). С. 59 сл.; *Удальцова З.В.* Византийский историк Критовул о южных славянах // *ВВ* 4 (1951). С. 91–121. См. тж.: *Moravcsik*. *Byzantinoturcica*. Bd. I². S. 434 ff.

рокового события¹. Несколько сообщений о падении Константинополя мы имеем благодаря иностранным свидетелям. Особенно важным в силу своей точности является повествование венецианца *Николо Барбаро*². Также нашли своих описателей в Византии и отдельные события поздневизантийской истории, которые произвели наиболее сильное впечатление на современников. Подобно Иоанну Каминиате, описавшему некогда завоевание Фессалоники арабами, Иоанн Анагност оставил свидетельство очевидца о завоевании этого же города турками в 1430 г., а Иоанн Канан — о нападении Мурада II на Константинополь в 1422 г. (оба автора изданы в Боннском корпусе после сочинения Георгия Сфрандзи).

Итак, мы сравнительно хорошо информированы о времени примерно до 1360 г., а также о последних десятилетиях византийской

¹ Сообщения этих четырех историков о падении Константинополя сведены вместе и перепечатаны с предисловием: *Τωμαδάκης Ν. Δούκα — Κριτοβούλου — Σφραντζή — Χαλκοκονδύλου περί ἀλώσεως τῆς Κωνσταντινουπόλεως* (1453). *Συναγωγή κειμένων μετὰ προλόγου καὶ βιογραφικῶν μελετημάτων περί τῶν τεσσάρων ἱστοριογράφων*. Ἀθήναι, 1953. Снабженный предисловием и комментарием немецкий перевод сведений из приписываемой Сфрандзи пространной хроники см. в: *von Ivánka E. Die letzten Tage von Konstantinopel*. Graz; Wien; Köln, 1954. (*Byzantinische Geschichtsschreiber*; Bd. I). Русский перевод с предисловием сообщений Псевдо-Сфрандзи и Дуки см. в: *Степанов А.А. Византийские историки Дука и Франдзи о падении Константинополя // ВВ 7 (1953). С. 385–430. Содержащуюся в Codex Barberinus graecus 111 доходящую до 1512 г. хронику турецких султанов на народном греческом языке см. в: Ζόρβας Γ. Χρονικὸν περὶ τῶν Τοῦρκων Σουλτάνων*. Ἀθήναι, 1958. Впрочем, эта хроника, как показала Е. Захариаду (*Заχαριάδου Ε.Α. Τὸ χρονικὸ τῶν Τοῦρκων Σουλτάνων καὶ τὸ ἰταλικὸ τοῦ πρότυπο. Θεσσαλονίκη, 1960. (Ελληνικά, Παράρτημα 14)*), восходит к итальянскому оригиналу.

² *Nicolo Barbaro. Giornale dell'assedio di Constantinopoli 1453 / Ed. E. Cornet. Wien, 1856.* Большого внимания заслуживает также донесение, отправленное 16 августа 1453 г. папе Николаю V Леонардом Хиосским; ср.: *Moravcsik Gy. Bericht des Leonardus Chiensis über den Fall von Konstantinopel in einer vulgärgriechischen Quelle // BZ 44 (1951). S. 428–436.* Очень интересным является рассказ русского Нестора-Искандера, который принимал участие в сражениях за Константинополь с турецкой стороны: *Смирнов Н.А. Историческое значение русской «Повести» Нестора Искандера о взятии турками Константинополя в 1453 г. // ВВ 7 (1953). С. 50–71.* Что касается других рассказов негреческих очевидцев взятия Константинополя, то их список см. в: *Gibbon (ed. Bury). Vol. VII. P. 332 ff. и Vasiliev. History. P. 649.* О сообщениях турецких источников: *Moschopoulos A. Le siège et la prise de Constantinople selon les sources turques // Le cinq-centième anniversaire de la prise de Constantinople. Athènes, 1953. P. 23 sv.*

истории. Напротив, весьма скудны сведения о промежуточной эпохе, которую уже не рассматривают Никифор Григора и Иоанн Кантакузин, а историки XV в. Халкокондил, Дука и Сфрандзи описывают очень кратко и без особых подробностей. Здесь нам на помощь приходят хотя и весьма бедные в содержательном плане, но хронологически точные малые хроники¹. Дополнением служит также одна болгарская хроника, которая охватывает период с 1296 по 1413 г.² Наиболее значительным произведением старосербской литературы является жизнеописание Стефана Лазаревича (1389–1427), которое составил в 1431–1432 гг. Константин Философ, принадлежащий к окружению патриарха Евфимия Тырновского³. Богатое подробностями повествование помещено в широкие исторические рамки и имеет значение в том числе и для византийской истории первых

¹ Важную хронику, доходящую до 1391 г., издал И. Мюллер: *Müller J. Byzantinische Analekten // Sitzungsberichte der Wiener Akademie IX (1852). S. 389 ff.* В сокращенной версии (за вычетом не имеющей практически никакого значения начальной части, охватывающей период с 1204 по 1282) она воспроизведена в издании Ламброса и Амандоса: *Βραχέα Χρονικά. № 52. Σ. 88 έτ.; ср. тж.: № 15. Σ. 31 έт.* Это важное собрание содержит более 50 малых хроник, часть которых представляет достаточно большую ценность для хронологии Палеологов. Относительно издания см. важные критические замечания П. Виттека: *BZ 12 (1937). S. 309–323.* Ценный исторический комментарий к малым хроникам предлагает Харанис (*Charanis. Short Chronicle*). Похожую достойную внимания хронику, доведенную до 1352 г., опубликовал по московской рукописи с русским переводом Б.Т. Горянов (Неизданный анонимный византийский хронограф XIV века // *ВВ 27 (1949). С. 276–293*). Предпосланное введение, впрочем, не приводит никаких сведений о многочисленных известных ранее источниках того же жанра; издание текста и перевод также оставляют желать лучшего. Еще одна краткая хроника, содержащая интересные сведения по второй половине XIV и первой половине XV в., в недавнее время опубликована Р.-Ж. Лёнерцем (*Loenertz R.-J. Chronicon breve de Graecorum imperatoribus ab anno 1341 ad annum 1453 codice Vaticano graeco 162 // ЕЕВЗ 28 (1958). Р. 204–215*). См. тж.: *Chronicon breve Thessalonicense*, опубликованную Лёнерцем в: *Demetrius Cydonès. Correspondance. Vol. I. Rome, 1956. (Studi e Testi; 186). Р. 174* и его исследование: *Chroniques brèves byzantines // ОСП 24 (1958). Р. 155–164.*

² Изд. И. Богданом в: *Archiv für slavische Philologie 13 (1891). S. 526–535.* Важные рассуждения: *Jireček K. Zur Würdigung der neuentdeckten bulgarischen Chronik // Archiv für slavische Philologie 14 (1892). S. 235–277.*

³ Изд. В. Ягичем в: *Гласник српског ученог друштва 42 (1875). С. 223–228, 372–277.* Об этом: *Stanojević St. Die Biographie Stephan Lazarevićs von Konstantin dem Philosophen als Geschichtsquelle // Archiv für slavische Philologie 18 (1896). S. 409–472.*

трех десятилетий XV в. Истории Эпира во второй половине XIV в. посвящена анонимная хроника, ошибочно приписанная монахам *Комнину и Проклу*¹. Хроника *Михаила Панарета* содержит краткую историю Трапезундской империи в период с 1204 по 1426 г.²

Дополнением к историческим сочинениям в узком смысле слова служат различные разножанровые сочинения и письма, а также риторические и богословские произведения, которыми с литературной точки зрения в высшей степени плодovitая эпоха Палеологов является особенно богатой. Исследование и издание этого массива произведений только начинается. Здесь следует назвать лишь наиболее содержательные с исторической точки зрения источники. Ученый патриарх *Григорий (Георгий) Кипрский* (1283–1289) оставил наряду с обширной перепиской ясно и просто написанную автобиографию, которая своей обстоятельностью и простотой изложения, к примеру, весьма выгодно отличается от автобиографии Никифора Влеммида. Напротив, энкомии Михаилу VIII и Андронику II перегружены общепринятой риторикой³. *Никифор Хумн*, ученик Григория Кипрского, принадлежавший при Андронике II к кружку наиболее вы-

¹ Издание: Историческое сказание инокa Комнина и инокa Прокла о разных деспотах Эпирских и о тиране Фоме Прелумбове Комнине, деспоте / Пер. Г.С. Дестунис. СПб., 1858 (с русским переводом); *Аврамовић Ј.* Гласник 14 (1862). С. 233–275 (с сербским переводом); тж. И. Беккер в Боннском корпусе: *Historia politica et patriarchica Constantinopoleos. Epirotica.* Bonn, 1849. P. 209–239. Новое издание этой важной хроники с очень подробным комментарием, предваряемым историей Эпира (впрочем, слишком беглой): *Cirac Estopañán S.* Bizancio y España: El legado de la basilissa Maria y de los déspotas Thomas y Esaú de Joannina, I–II. Barcelona, 1943. Об эпирских хрониках см. тж.: *Βρανούσης Α.* Χρονικά της μεσαιωνικής καὶ τουρκοκρατουμένης Ἠπείρου. Ἰωάννινα, 1962; *Schirò G.* Struttura e contenuto della Cronaca dei Tocco // *Byz* 32 (1962). P. 203–250, 343–.

² Критическое издание с предисловием и комментарием: *Λαμψίδης Ο.* Μιχαήλ τοῦ Παναρέτου περὶ τῶν μεγάλων Κομνηνῶν. Ἀθήναι, 1958.

³ Подробное исследование рукописной традиции переписки см. в: *Lameere W.* La tradition manuscrite de la Correspondance de Grégoire de Chypre. Bruxelles; Rome, 1937. На p. 176–191 опубликован сам текст автобиографии, а также его перевод на французский. К сожалению, Ламеер не дает нового издания писем. Недоступное мне издание Евстратиадаса (*Εὐστρατιάδης Σ.* Γρηγορίου τοῦ Κυπρίου οἰκογενικοῦ πατριάρχου ἐπιστολαὶ καὶ μῦθοι. Ἀλεξάνδρεια, 1910) основывается на недостаточном количестве рукописей (как указывает Ламеер: p. 5 sv.). Оба хвалебных слова Михаилу VIII и Андронику II опубликовал Буассонад (*Boissonade Fr.* Anecdota Graeca. T. I. P. 313–393). Все вместе издано в: PG 142. Col. 20–469, где наряду с автобиогра-

дающихся византийских интеллектуалов, занимал высокие посты на государственной службе, в качестве первого министра исполнял функции месадо́на (μεσάδων) и состоял в родстве с императорской семьей (его дочь Ирина была замужем за деспотом Иоанном Палеологом, сыном Андроника II). Он написал несколько богословских и философских сочинений, в которых он отстаивал аристотелизм, математических и астрономических трактатов, а наряду с ними многочисленные риторические произведения, среди которых один многословный энкомий Андронику II¹. В качестве ὁ ἐπὶ τοῦ κανικλείου он по поручению императора составил несколько документов: особый интерес вызывает эдикт 1296 г. о реформе судебной системы и хрисовул от 1313 г., предисловие которого упоминает помощь в борьбе против турок, оказанную византийцам сербским королем Милутином. Важной с исторической точки зрения также является переписка этого влиятельного человека². Крупный филолог *Фома (Феодул) Магистр*, сочинитель многочисленных филологических, риторических и богословских трактатов, оставил после себя также сочинения о царской власти (περὶ βασιλείας) и о государстве (περὶ πολιτείας), которые содержат важные сведения об имперской администрации во время правления Андроника II и при этом не умалчивают об их недостатках³. *Феодор Метохит*, наиболее выдающийся ученый и государственный деятель эпохи Андроника II, сменивший Хумна на посту месадо́на, наряду с философскими и чисто научными сочинениями написал также ряд риторических трактатов и поэм, которые содержат важные во многих отношениях исторические сведения. Далее, особого внимания заслуживает донесение Метохита о его посольстве к сербскому двору, целью которого было заключение мирного договора и брака между королем Милутином и дочерью

фией и энкомиями воспроизведены также сочинения в опровержение латинского догмата и византийских сторонников унии.

¹ О его жизни, политической деятельности и литературном творчестве см. подробно: Verpeaux J. Nicéphore Choumnos, homme d'État et humaniste byzantin (ca. 1250/1255–1327). Paris, 1959.

² Большинство опубликованных до сих пор сочинений Никифора Хумна содержатся у Ф. Буассонада (*Boissonade Fr. Anecdota Graeca*. Т. I–III, V). Упомянутые документы также в: Zepos. Jus, I. P. 558 sq. и 549 sq. Ср. тж.: Actes de l'Athos, 17, № 26. См. подробные сведения: Verpeaux. Op. cit. P. 17 sv.

³ PG 145. Col. 447–548.

императора Симонидой¹. Некоторой ценностью для истории первых Палеологов также обладают стихи *Мануила Оловола*² и его панегирик Михаилу VIII³. Кроме того, важны также стихи *Мануила Фила*, в частности его описание путешествия с посольством на Русь, а также стихи по разным случаям к членам правящего дома и высшим чиновникам государства и Церкви; достойны внимания также его эпиграммы, которые содержат описания предметов искусства⁴.

К важнейшим историческим источникам эпохи Палеологов принадлежат сочинения выходца из Фессалоники *Димитрия Кидониса*, одного из наиболее плодотворных и интересных писателей XIV в., который на протяжении своей долгой жизни занимал высокие посты на государственной службе при нескольких императорах, в качестве неоплатоника играл значительную роль в развитии философии, в качестве сторонника унии и противника исихастов — в богословии, а в качестве переводчика ряда латинских сочинений, среди которых была «Сумма теологии» Фомы Аквинского, внес свой вклад в культурное сближение Византии и часто посещавшегося им Запада. Наибольшее значение с исторической точки зрения

¹ Донесение о посольстве см. в: Σάβας. Μεσ. βίβλ. 1. Σ. 154–193. Риторическое наследие Метохита остается большей частью неизданным. Похвальное слово Никее также опубликовано у Сафы: Μεσ. βίβλ. 1. Σ. 139–153. Большой труд смешанного содержания — главное произведение Метохита — доступен в старом издании Х.Г. Мюллера и Т. Кисслинга (Leipzig, 1821). Из двадцати известных в настоящее время поэм изданы лишь три: *Treu M. Dichtungen des Großlogotheten Theodoros Metochites. Gymnasialprogramm. Potsdam, 1895* (особенно важной является первая, поскольку подробно рассказывает о жизни Метохита) и *Guilland R. Le palais de Théodore Métochite // Revue des Études grecques 35 (1922). P. 82*. О неизданных поэмах сообщает Р. Гийан: *Guilland R. Les Poésies inédites de Théodore Métochite // Byz 3 (1926). P. 265–302*. Ср. тж. его же *Correspondance de Nicéphore Grégoras. P. 358 sv*. Общую оценку Метохита и его творчества см. в: *Beck H.-G. Theodoros Metochites. Die Krise des byzantinischen Weltbildes im 14. Jahrhundert. München, 1952*. Равно важным как для исследования творчества Метохита, так и для исследования интеллектуальной жизни того времени является пронизательное сочинение И. Шевченко: *Ševčenko I. Études sur la polémique entre Théodore Métochite et Nicéphore Choumnos. Bruxelles, 1962*.

² *Boissonade Fr. Anecdota Graeca. T. V. P. 159–182; Treu M. в BZ 5 (1896). S. 546–547*.

³ *Previale L. Un panegirico inedito per Michele VIII Paleologo // BZ 42 (1942). S. 1–49*.

⁴ *Miller E. Manuelis Philae carmina. T. I–II. Paris, 1855–1857; Martini A. Manuelis Philae carmina inedita. Napoli, 1900*.

имеют его обширная переписка¹ и риторические сочинения, прежде всего две речи к Иоанну VI Кантакузину, речь к Иоанну V Палеологу², «Монодия на павших в Фессалонике» (Μονωδία ἐπὶ τοῖς ἐν Θεσσαλονίκῃ πεσοῦσιν, весьма мрачное описание владычества зилотов в Фессалонике) и две наставительные речи (συμβουλευτικοί), которые призывают византийский народ к объединению с латинянами и сопротивлению туркам, давая при этом наглядную и с исторической точки зрения точную картину неутешительного положения Византийской империи около 1370 г.³ Перу Кидониса также принадлежит ряд преамбул к хрисовулам Иоанна V⁴. Интересная переписка сохранилась от сторонника унии и противника исихастов *Мануила Калеки*, ученика Кидониса, окончившего свою жизнь в монастыре доминиканцев на Лесбосе⁵. О движении исихастов и споре вокруг исихазма наряду с историческими сочинениями Никифора Григоры и Иоанна Кантакузина повествуют прежде всего сочинения

¹ Подборку из 50 писем предлагает Дж. Камелли: *Cammelli G. Démétrius Cydonès. Correspondance*. Paris, 1930 (с французским переводом упомянутых текстов и ценным биографическим введением). Ср. важные замечания в: *Mercati G. Per l'epistolario di Demetrio Cidone // Studi bizantini e neoellenici*. 3 (1931). P. 203 sq. — и его же очень ценная работа: *Notizie di Procoro e Demetrio Cidone, Manuele Caleca e Teodoro Meliteniota ed altri appunti per la storia della teologia e della letteratura bizantina del secolo XIV*. Roma, 1931. (Studi e testi; 56) — с несколькими дополнительными письмами и важными сочинениями. Опубликованная там на с. 359 сл. автобиография Димитрия Кидониса была переведена Ж.-Г. Беком: *Beck H.-G. Ostkirchliche Studien* 1 (1952). S. 208–225, 264–282. См. далее весьма результативные исследования: *Loenertz. M. Paléologue et D. Cydonès* и, прежде всего, *Loenertz. Lettres de D. Cydonès*, которое является подготовительной работой к полному изданию переписки и содержит основательное исследование всей рукописной традиции, а также включает издание еще пяти писем и двух небольших текстов. — См. вышедшие в последнее время издания: *Démétrius Cydonès. Correspondance / Publ. par R.-J. Loenertz*. Vol. I–II. Rome, 1956, 1960 (Studi e Testi; 186, 208).

² *Cammellius G. Demetrii Cydonii orationes tres adhuc ineditae // BNJ* 3 (1922). P. 67–76; 4 (1923). P. 77–83, 282–295.

³ PG 109. Col. 640 sq; T. 154. Col. 961 sq., 1009 sq.

⁴ *Zachariä von Lingenthal C. Prooemien zu Chrysobullen von D. Cydonès // Sitzungsberichte der Berliner Akademie* (1888). S. 1409 ff. Ср. тж.: *Lampros Sp. Ein Proömium zu einem Chrysobull von D. Kydonès // BZ* 5 (1896). S. 339–340.

⁵ Издание с подробным биографическим введением и важными просопографическими сведениями об адресатах Калеки: *Loenertz R.-J. Correspondance de Manuel Calécas*. Rome, 1950. (Studi e Testi; 152).

родоначальника движения исихастов *Григория Синаита*, великого предводителя исихастов *Григория Паламы*, патриарха *Филофея*, противников исихастов *Варлаама Калабрийского* и *Григория Акиндина*, знаменитого мистика *Николая Кавасилы*, а также акты созываемых для улаживания этого спора Соборов¹. Наряду с богословскими сочинениями и письмами² перу Николая Кавасилы принадлежат два интересных трактата о ростовщическом проценте против ростовщиков³, а также весьма важное сочинение против отчуждения церковных имений⁴. Огромным значением с социально-экономической

¹ Значительная часть исихастских и антиисихастских сочинений все еще не опубликована. Изданное до сего времени большей частью находится в: PG 150–151. Публикация и перевод трех важных сочинений Григория Паламы: *Meyendorff J. Grégoire Palamas: Défense des saints hésychastes*. Louvain, 1959. Более близкое знакомство как с изданными, так и неизданными исихастскими и антиисихастскими сочинениями делает возможным исследование: *Meyendorff J. Palamas*. См. тж.: *Beck. Kirche*. S. 712 ff.

² *Epenekides P. Der Briefwechsel des Mystikers Nikolaos Kabasilas* // BZ 46 (1953). S. 18–46. См. интересные замечания об этом И. Шевченко: *Ševčenko I. Nicolaus Cabasilas' Correspondence and the Treatment of Late Byzantine Literary Texts* // BZ 47 (1954). P. 49–59.

³ *Guilland R. Le traité inédit «Sur l'usure» de Nicolas Cabasilas* // Εἰς μνήμην Σ. Λάμπρου. Θεσσαλονίκη, 1935. P. 269–277; PG 150. Col. 727–750. Об этом: *Zakythinos. Crise monétaire*. P. 120 sv.

⁴ Вплоть до недавнего времени это сочинение было известно лишь в отрывках, которые привел Тафрали (*Tafrali*. Thessalonique. P. 261 sv.). Теперь оно полностью имеется в нашем распоряжении в издании И. Шевченко (*Ševčenko I. Nicolas Cabasilas' "Anti-Zealot" Discourse: a Reinterpretation* // DOP 11 (1957). P. 81–171), который также посвятил ему важное, глубоко проникающее в проблематику византийской социальной истории исследование. Конкретно, Шевченко показывает, что сочинение Кавасилы, вопреки более раннему мнению, направлено не против владычества зилотов в Фессалонике, но против попыток отчуждения церковных имуществ, предпринимаемых правительством в военных целях, т.е. в пользу прониаров. В более позднем исследовании он разбирает некоторые тексты из Parisinus graecus 1276, которые, по-видимому, представляют собой более ранние редакции текста с собственноручными исправлениями и дополнениями Кавасилы: *Ševčenko I. The Author's Draft of Nicolas Cabasilas' "Anti-Zealot" Discourse in Parisinus graecus 1276* // DOP 14 (1960). P. 179–201. Поскольку на основании водяных знаков эту рукопись следует датировать последними десятилетиями XIV в., то написание этого сочинения Кавасилы должно приходиться не на 40-е гг. XIV в., как это предположил Шевченко в своем первом исследовании, и тем самым было направлено не против регентства Анны

точки зрения является недавно опубликованный «Диалог богатых и бедных» *Алексея Макремволита*, представляющий собой резкий протест против социального неравенства и обнищания византийского населения¹.

Среди византийских правителей, подвизавшихся на литературном поприще, *Мануилу II Палеологу* (1391–1425) принадлежит одно из первых мест. Наряду с богословскими трактатами образованный и литературно одаренный император составил несколько риторических сочинений и сочинений на разные темы, а также оставил большое количество писем, которые имеют большую историческую ценность и представляют интерес в плане суждения о его личности². Неопубликованное до сих пор сочинение *Иоанна Хортасмена*, прославляющее поражение Баязида при Анкаре (1402) как чудо Божие, содержит важные сведения о беспомощном положении Империи перед переменой, наступившей в 1402 г.³ О последних десятилетиях истории Византийской империи у нас имеется особенно большое количество риторических сочинений, которые освещают положение умирающей Империи и прежде всего отношения на отвоеванном греками Пелопоннесе, а также богословских и полемических трудов по вопросу унии, ставшему жгучим в результате Флорентийского Собора. В первую очередь следует упомянуть сочинения философа и гуманиста *Георгия Гемиста Плифона*, который мечтал о возрождении античного греческого мира на Пелопоннесе, ученого

«Р. 1911»

Савойской, а, что выглядит убедительнее, против широкомасштабного отчуждения церковных имуществ и их раздачи прониарам после битвы при Марице в 1371 г. Позднее происхождение, без сомнения, является сильным аргументом в пользу гипотезы Шевченко о том, что сочинение Кавасилы не имеет ничего общего с зилотами.

¹ Издан, переведен на английский и снабжен комментарием в: *Ševčenko I.* Alexios Makrembolites and his "Dialogue between the Rich and the Poor" // ЗРВИ 6 (1960). P. 187–228.

² *Legrand E.* Lettres de l'empereur Manuel Paléologue. Paris, 1893. PG 156. Col. 82 sq.

³ Частичный перевод этого сочинения по Венской рукописи Suppl. gr. 75 предлагается в: *Hunger H.* Byzantinische Geisteswelt. Baden-Baden, 1958. S. 282–286. О прочих сочинениях и переписке Иоанна Хортасмена см.: *Hunger H.* Zeitgeschichte in der Rhetorik des sterbenden Byzanz // Wiener Archiv für Geschichte des Slawentums und Osteuropas 3 (1959). S. 152–161.

предводителя сторонников унии и позднее кардинала Римской Церкви *Виссариона*, великого поборника Православия *Марка Евгеника* и его брата *Иоанна Евгеника*, ритора *Иоанна Докиана* и, наконец, *Геннадия Схолария*, первого патриарха Константинополя после падения Империи¹. В поэзии XV в. историк подчас также может почерпнуть довольно важные сведения. Прежде всего это касается поэмы на народном языке, сохранившейся в двух вариантах под именем Зотика Параспондила или Георгия Аргиропула, которая содержит описание битвы при Варне в 1444 г. и дополняет некоторыми деталями сообщения исторических сочинений².

Огромным значением для исследования поздневизантийской административной системы обладает ошибочно приписанное куропалату Георгию Кодину сочинение о дворцовых и церковных должностях (περί τῶν ὀφφικίων τοῦ παλατίου Κωνσταντινουπόλεως καὶ τῶν ὀφφικίων τῆς μεγάλης ἐκκλησίας), возникшее либо при Иоанне VI Кантакузине, либо вскоре после его правления. Для поздневизантийского времени сочинение *Псевдо-Кодина* имеет такое же значение, как «Книга церемоний» Константина Багрянородного и «Клиторолгий» Филофея для средневизантийской Империи. Оно рассказывает об обычаях придворных празднеств, описывает ритуал венчания императора и других важных с государственно-правовой точки зрения актов, приводит списки и упорядоченные по чину перечни церковных и прежде всего государственных должностей и званий с указанием функций и внешних отличий отдельных чиновников и сановников. Случайные указания на время возникновения обычая или должности повышают ценность этого произведения для истории устройства византийского двора и административного аппарата.

Наиболее важным правовым памятником поздневизантийского времени является созданное в 1345 г. произведение номофилака Фессалоники *Константина Арменопула*, названное по своему де-

¹ См. прежде всего собрание текстов в: *Λάμπρος Σ. Παλαιολογία καὶ Πελοποννησιακά. Αθήναι, 1912–1930. Т. 1–4. Большое новое издание Геннадия Схолария: Oeuvres complètes de Gennade Scholarios / Ed. L. Petit, X.A. Siderides, M. Jugie. Paris, 1928–1936. Т. I–VII.*

² Изд. *Moravcsik Gy. Έλληνικὸν ποίημα περὶ τῆς μάχης τῆς Βάρνης // Οὐγγροελληνικά Μελέται, I. Budapest, 1935.*

лению на шесть книг «Шестикнижием» (Εξάβιβλος)¹. Это произведение охватывает области гражданского и уголовного права и представляет собой компендиум юридических книг и законодательных сборников более раннего времени. Основу компендиума составляет Прохирон, как дополнение к нему привлекаются Большой и Малый Синописисы, Эпанагога, Эклога, новеллы, Пира и др. Правовой компендиум Арменопула пользовался большой популярностью и нашел распространение даже за пределами Византийской империи. То же касается и составленной в 1335 г. «Синтагмы» Матфея Властаря, которая в алфавитном порядке содержит собрание законов и канонов. Вскоре после своего появления она по приказу Стефана Душана была переведена на сербский язык². Впрочем, эти компилятивные сочинения лишь критически можно воспринимать в качестве источников по действующему праву XIV в., поскольку они содержат непозволительно много устаревшего и более не действовавшего материала.

Бесценным источником для изучения внутренних отношений в поздневизантийской Империи являются монастырские акты, которые от палеологовского времени дошли до нас в большом числе. Особого внимания заслуживают многочисленные документы афонских монастырей, которые содержат богатую информацию об административной и финансовой системе, а также экономических и социальных отношениях поздневизантийского времени. Несмотря на то что содержащийся в монастырских архивах материал еще далеко не исчерпан современными публикациями, наше знание об этом в высшей степени важном роде источников было значительно обогащено публикациями последнего времени³.

¹ Изд. G.E. Heimbach. Leipzig, 1851. По случаю 600-летия «Шестикнижия» Юридический факультет Фессалоникского университета опубликовал объемистый «Τόμος Κωνσταντίνου Ἀρμενοπούλου» (Θεσσαλονίκη, 1951) с большим количеством важных исторических и историко-правовых исследований.

² Изд. Ράλλης-Ποτλῆς, VI. Сербский перевод: *Новаковић Ст.* Матије Властаря Синтагмат. Београд, 1907.

³ См. особ.: *Dölger F.* Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948; *Lemerle P.* Actes de Kutlumuş. Paris, 1945; *Guillou A.* Les Archives de Saint-Jean-Prodrome sur le mont Menacée. Paris, 1955; *Dölger F.* Sechs byzantinische Praktika des 14. Jahrhunderts für das Athoskloster Iberon // Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. N.F. 28 (1949); *Мошин В.* Акти из светогорских архива //→

По сношениям западных держав, особенно итальянских морских республик, с Востоком Н. Йорга собрал весьма содержательный архивный материал¹. Полезным пособием являются опубликованные Ф. Тирье регесты относящихся к византийским землям постановлений венецианского сената от 1329 до 1463 г.² Особое значение для изучения экономической жизни в Константинополе перед его падением имеет не так давно ставшая известной «Книга счетов» венецианца Джакомо Бадоэра, который в 1436–1440 гг. пребывал в Константинополе и тщательно фиксировал все свои сделки³.

1. Византия как второстепенное государство: Андроник II

Общая литература: *Stein*. Untersuchungen; *Zakythinos*. Crise monétaire; *Ostrogorsky*. Féodalité; *Ostrogorsky*. Paysannerie; *Schlumberger G.* Expédition des “Almugavares” ou routiers catalons en Orient. Paris, 1902; *Rubió y Lluch A.* La Expedicion y Dominación de los Catalanes en Oriente // Mem. de la R. Acad. de buenas letras de Barcelona 4 (1883); Atenes en temps dels Catalans // Anuari de l'Inst. d'Estudis Catal. 1 (1907); *Setton K.M.* Catalan Domination of Athens 1311–1388. Cambridge (Mass.), 1948 (с подробной библиографией); *von Hammer-Purgstall I.* Geschichte des osmanischen Reiches. Pest, 1827–1835. Bd. I–X; *Jorga*. Geschichte. Bd. I; *Oberhammer E.* Die Türken und das osmanische Reich. Leipzig-Berlin, 1917; *Gibbons H.* The Foundation of the Ottoman Empire. Oxford, 1916; *Langer W.L., Blake R.P.* The Rise of the Ottoman Turks and its Historical Background // American Historical Review 37 (1932). P. 468–505; *Wittek*. Montesche; *Wittek*. The Rise of the Ottoman Empire. London, 1938;

- Споменик Српске акад. наука 91 (1939); *Mošin V., Soure A.* Supplementa ad acta Chilandarii. Ljubljana, 1948. — Собрание греческих документов сербских правителей представлено в: *Соловьев А., Мошин В.* Грцке повеље српских владара. Београд, 1936.

¹ *Jorga N.* Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades au XVe siècle. Paris, 1899–1916. Vol. I–VI.

² *Thiriet F.* Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Roumanie. Paris; La Haye, 1958–1961. Vol. I–III.

³ Il libro dei conti di Giacomo Badoer / Ed. U. Dorini e T. Bertelé. Roma, 1956. Интересным источником по поздневизантийской экономике служит счетная книга, изданная Х. Хунгером и К. Фогелем: *Denkschriften der Österr. Akad. d. Wissensch., Philos.-hist. Kl. Bd. 78, Abh. 2.* Wien, 1963.

Γεωργιάδης Αρνάκης Γ. Οἱ πρῶτοι Ὀθωμανοί. Ἀθήναι, 1947; *Jireček*. Geschichte. Bd. I; *Мутафчиев*. История. Т. 2; *Miller*. Latins; *Kretschmayr*. Venedig. Bd. II; *Heyd*. Commerce du Levant. Vol. I; *Bratianu G.I.* Recherches sur le commerce génois dans la Mer Noire au XIIIe siècle. Paris, 1929; *Скрябинская Е.Ч.* Генуэзцы в Константинополе в XIV в. // ВВ 1 (1947). С. 215–234.

В оборонительной борьбе против завоевательного натиска с Запада Михаил VIII оказался победителем. Напротив, наступательные действия в старых византийских землях несмотря на все усилия имели небольшой успех. В северной части Балканского полуострова господствовали славяне, и если у ослабевшей Болгарии Михаилу VIII удалось отнять некоторые территории, то со стороны растущей сербской державы ему грозили новые потери. На море, как и прежде, господствовали итальянские города-республики. Правда, часть Пелопоннеса благодаря чрезвычайному напряжению сил была вновь подчинена Византийской империи, однако бо́льшая часть полуострова продолжала оставаться в руках франков. Под франкским владычеством оставались также Аттика с Беотией и прилегающие острова. Фессалия и Эпир с Этолией и Акарнанией находились под властью Ангелов и упорно сопротивлялись императорской власти. Нигде попытки Палеологов возратить потерянные территории не сталкивались с меньшим успехом, чем в этих греческих сепаратистских государствах. Как катастрофа 1204 г. была подготовлена внутренним разложением Византии, так теперь сильнее всего противодействовали делу воссоединения силы греческого сепаратизма: страна греческих магнатов, Фессалия, играла ведущую роль в борьбе против объединительных устремлений византийского императора.

Между тем постоянные войны на Балканах и утомительная оборонительная война против анжуйской опасности полностью подрывали силы Византийской империи. Своими принципами и методами, отвагой и идейным величием, так же, как и ориентацией на Запад, своими положительными достижениями и отрицательными последствиями политика Михаила VIII напоминает политику Мануила I. Это была имперская политика крупного стиля, которая влияла на мировые события от Египта и до Испании. Но при этом она взваливала на византийское государство непосильное бремя. Как устремленность Мануила Комнина к универсальной Империи за сто лет до того, так и теперь стремление Михаила Палеолога

к великодержавности отняло у Империи последние силы. Как и тогда, оказалась подорванной обороноспособность Византийской империи в Азии, но теперь этому суждено было иметь более тяжкие последствия. Как и тогда Византия оказалась истощенной в военном и в финансовом отношении. Как и тогда произошел сильный откат назад. Начинается упадок Византийской империи без перспективы дальнейшего улучшения. Громадная разница лежит между гордой Империей Михаила VIII и жалким государством его преемников. При наследниках Михаила VIII Византия превращается во второразрядное государство и в конце концов — в объект политики своих соседей.

Обычно эту перемену объясняют очень просто: Михаил VIII был гениальным государственным деятелем, а его наследник Андроник III, напротив, слабым и неспособным правителем. На самом деле начинающийся с конца XIII в. упадок византийского государственного могущества имеет более глубокие основания. Внутренняя дряхлость государства была неизлечима, а растущие внешнеполитические осложнения неотвратимо вели государство к катастрофе. Государственный организм был подорван, и после неумеренного перенапряжения Империи при Михаиле VIII наступила неотвратимая реакция. Кроме того, началась экспансия быстро растущих держав османов и сербов, которая наложила свой отпечаток на эпоху. Против двойного натиска с Востока и с Балкан истощенное в военном и в финансовом отношении византийское государство оказалось бессильно. Этими тяжелыми внутри- и внешнеполитическими причинами, а не личными качествами правителя объясняется упадок византийского могущества.

Андроник II (1282–1328) действительно не был государственным деятелем крупного масштаба, но он не страдал слабоволием и ограниченностью, как это обыкновенно утверждается. Его политика не была свободна от крупных ошибок, однако следует признать, что он принял и целый ряд разумных и важных мер и что он достаточно хорошо осознавал потребности государства. Не следует возлагать на него вину за то, что все его попытки исправить сложившееся неутешительное положение имели ограниченное действие и были перечеркнуты последующими событиями. Кроме того, Андроник был очень хорошо образован и имел ярко выраженный интерес к науке и литературе. Люди высоких интеллектуальных способностей, такие как Феодор Метохит и Никифор Григора, входили в круг его ближайших совет-

ников. Если эпоха Палеологов была временем сильного культурного расцвета, если Константинополь, несмотря на политический упадок, оставался интеллектуальным центром мира, то не в последнюю очередь это было заслугой столь сильно порицаемого Андроника.

Уже в правление своего отца он стал принимать участие в государственных делах в качестве соправителя¹. Еще более значительную роль суждено было играть при нем его сыну и соправителю Михаилу IX (ум. 1320). Растущее значение достоинства соправителя является характерным явлением эпохи Палеологов; оно находит в том числе и формальное выражение в титулярном уравнивании императора и его соправителя, поскольку отныне не только сам правящий император, но, с его согласия, также и первый соправитель и предполагаемый наследник престола имеет право носить титул не только василевса, но и автократора². В этом заключается начало превращения единодержавия в совместное правление императорского дома над распадающимися частями Империи.

Уже появляется мысль о разделении державы, поначалу, впрочем, как отголосок чуждых западных воззрений. Вторая супруга императора Ирина (Иоланта) Монферратская в интересах своих сыновей потребовала раздела территории Империи между всеми императорскими отпрысками. Показательным для этой стадии развития является то решительное отторжение, с которым столкнулся этот план императрицы. Андроник II отклонил притязания своей супруги, из-за чего между ними произошла крупная ссора: императрица, покинув столицу, отправилась в Фессалонику и, вступив в переговоры со своим зятем сербским королем Милутином, попыталась обеспечить одному из своих сыновей наследование сербского престола. Однако и в этом случае из ее планов ничего не вышло, поскольку избалованному принцу не приглянулась непритязательная жизнь в Сербии³.

¹ Информация о правах и функциях соправителя содержится в простатме Михаила VIII от ноября 1272 г.

² *Pseudo-Codinus*. P. 86. Об этом Ф. Дёльгер в BZ 33 (1933). S. 141; *Острогорски*. Автократор. С. 108 сл. и SK 10 (1938). С. 179 сл., где показывается, что титул автократора не прилагался к соправителям до палеологовского времени.

³ *Nic. Gregoras*. I. P. 243 sq. Об этом: *Ласкарис*. Виз. принцезе. С. 73; *Динић М.* Однос између краља Милутина и Драгутина // ЗРВИ 3 (1955). С. 77–80 (Динић помещает этот эпизод во время ок. 1315 г.).

В Византии хорошо понимали, что в этом конфликте проявилось противоречие римско-византийских и западных воззрений и что в основе требований императрицы лежало смещение государственно- и частноправовых воззрений. «Неслыханное дело, — писал Никифор Григора, — она желала, чтобы сыновья императора правили не в единой державии по старому римскому обычаю, а по примеру латинян разделили римские города и земли так, чтобы каждый из ее сыновей правил особой частью, которая ему выпадет, как собственным владением, и чтобы каждая часть по закону собственности частных людей наследовалась ими от родителей, а затем передавалась их детям и более отдаленным потомкам!.. Эта императрица, — прибавляет Никифор в объяснение, — была латинского происхождения и от латинян переняла это новшество, которое стремилась ввести у римлян»¹.

Византия все еще придерживалась принципа единства Империи. Однако государственная структура становилась все более слабой, а связь между центром и провинциями — все менее крепкой. В сущности, провинции связывала теперь с центральным правительством лишь личность наместника, и потому наместниками становятся по большей части императорские родственники или придворные из ближайшего окружения императора. Они часто меняются, поскольку доверие к ним сохраняется недолго; когда обрывается эта последняя связь, провинция подпадает под власть местных землевладельцев². Административная система византийского государства, его гордость и крепкий становой хребет, утрачивает строго централизованный характер и четкость иерархической структуры.

Утверждение династии Палеологов на императорском престоле означало победу византийской крупной аристократии. Процесс феодализации переживает очередной взлет и в XIV в. достигает своего пика. Светские и церковные землевладельцы приумножают свои владения и число своих париков, получают всё большие привилегии и зачастую достигают полного иммунитета³. Посреди всеобщей

¹ *Nic. Gregoras*. I. P. 233–234.

² См. верные рассуждения в: *Stein*. Untersuchungen. S. 20 ff.

³ Особ. см.: *Charanis P.* On the Social Structure and Economic Organization of the Byzantine Empire in the Thirteenth Century and Later // *BSI*. 12 (1951). S. 94–153; *Каждан А.П.* Аграрные отношения в Византии XIII–XIV вв. М., 1952; *Rouillard G.* La vie rurale dans l'Empire byzantin. Paris, 1953; *Ostrogorsky*. Paysannerie; *Горянов Б.Т.* Поздне-

нищеты они ведут богатую частную жизнь, отбирая у государства все больше и больше. Напротив, в упадок приходят не только крестьянские владения, но и непривилегированные земельные имения мелкой аристократии, которая утрачивает свою землю и рабочие руки в пользу крупных землевладельцев. Это происходит тем чаще, чем более страшные опустошения причиняют вражеские вторжения, поскольку только большие и состоятельные поместья оказываются способными их пережить.

Эта тенденция ослабляла государство не только в политическом, но и в финансовом и, не в последнюю очередь, в военном отношении. Поскольку крупное землевладение во все большем масштабе выводилось из-под налогообложения и, сверх того, поглощало еще и платившие подати государству владения крестьян и мелкой аристократии, то налоговые поступления государства очень сильно сокращались, чему способствовал также растущий развал системы взимания налогов. Прониары, как и прочие землевладельцы, добились новых привилегий. Если изначально пожалование пронии, будучи условным и ограниченным по времени держанием, считалось ненаследуемым, то теперь прониарам все чаще предоставляется право передавать пожалованные им владения и доходы с них своим наследникам. Уже Михаил VIII при своем восшествии на престол позволил превратить пронии своих сторонников в наследственные владения: по образному выражению Пахимера, пожизненные пронии он сделал бессмертными¹. Со временем императорское правительство все чаще изъявляет готовность удовлетворять соответствующие ходатайства прониаров. Тем не менее пожалования в пронию, как и прежде, представляют собой владение особого рода, поскольку даже наследственные прониарные имения не могли отчуждаться и оставались связанными с обязательством нести службу, которая наследовалась вместе с владением². Но хотя наследственное прониарское владение и оставалось неотчуждаемым служебным имением, все более частое

византийский иммунитет // BB 11 (1956). С. 177–199; 12 (1957). С. 97–116; *Острогорский Г.А.* К истории иммунитета в Византии // BB 13 (1958). С. 55–106 (= *Ostrogorskiy G.* Pour l'histoire de l'immunité à Byzance // Byz 28 (1958). P. 165–254); *Ангелов Д.* Аграрные отношения в северной и средней Македонии през XIV век. София, 1958.

¹ *Pachymeres*. I. P. 97.21.

² См.: *Ostrogorsky*. Féodalité. P. 92 sv.

наследование таких имений означало чувствительное ослабление изначальной системы и являлось явным признаком растущей слабости центральной власти и ее возрастающей уступчивости по отношению к требованиям крепнущей феодальной аристократии.

Недостаточная действенность системы проники во времена Палеологов со всей очевидностью проявляет себя также и в том, что византийское войско отныне не в значительной мере, как при Комнинах, а уже почти исключительно состоит из иностранных наемников. В силу этого обстоятельства на государство ложится тяжелое финансовое бремя. Формирование многочисленного наемного войска, которого требовало стремление Михаила VIII к созданию великой державы и вырастающая из этого разноплановость военных задач, привели Империю к финансовой разрухе. Несомненно, византийские вооруженные силы при Михаиле VIII насчитывали несколько десятков тысяч солдат, поскольку в 1263 г. только на Пелопоннесе для несения гарнизонной службы было определено 6000 всадников¹, а в одном походе против Болгарии в 1279 г. приняло участие не менее 10 000 солдат². В сравнении со средневизантийской эпохой или даже с эпохой Комнинов это, конечно, достаточно скромные цифры. Но для обедневшего государства позднего времени это войско, с его наемными отрядами, являлось прямо-таки невыносимым бременем³. Вооруженные силы пришлось радикально сократить, что и сделал Андроник II. При этом он, однако, зашел слишком далеко. Он полагал, что может полностью отказаться от содержания флота, который требовал наибольших расходов⁴; при этом он положился на военно-морскую мощь генуэзских союзников и тем самым усугубил бремя экономической зависимости от Генуи военной несамостоятельностью. Сухопутная армия также была сильно сокращена, и византийские вооруженные силы достигли такого упадка, что, по словам современника, они «бы-

¹ Морейская хроника. 4657 сл.

² *Pachymeres*. I. P. 466.9.

³ К. Чапман (*Chapman*. Michel Paléologue. P. 154), как кажется, исчисляет общее количество войск в 20 000, считая 15 000 в мобильном войске и 5000 в гарнизонах по городам. Без сомнения, 15 000 воинов, которые (как полагает Чапман вслед за Хопфом) сражались в 1263–1265 гг. на Пелопоннесе, представляли собой лишь часть наличных войск, поскольку одновременно боевые действия велись и в других областях.

⁴ *Nic. Gregoras*. I. P. 174.20.

ли смехотворны» и даже просто «не существовали»¹. Несомненно, в подобных суждениях содержится сильное преувеличение, однако они передают впечатление, которое создавало у населения ставшее необходимым, но слишком скоропалительно осуществленное сокращение византийской военной мощи. Разница между все же довольно внушительными вооруженными силами Михаила VIII и более чем скромными оборонительными средствами его преемника была слишком разительной. В самом деле, с конца XIII в. в Византии редко встречается армия, которая бы состояла из более чем нескольких тысяч воинов. Одно это уже объясняет, почему Византия утратила свое положение великой державы и почему она стояла беззащитной перед лицом намного превосходящих ее вооруженных сил османов.

Важным симптомом финансового кризиса было обесценивание византийской золотой монеты, которая ухудшалась из-за примеси менее ценного металла. От сильного обесценивания, которое номисма переживала с середины XI в., она смогла до определенной степени оправиться в XII в., поскольку общее улучшение ситуации сделало возможной чеканку монет со значительно бóльшим содержанием золота, и таким образом в начале XIII в. цена византийской золотой монеты составляла 90 % от ее номинальной стоимости². Затем иперпир, как обыкновенно называли византийскую золотую монету со времени Алексея I³, претерпел дальнейшую порчу, которая окончательно похоронила ее авторитет в глазах внешнего мира. Былое прочное доверие к византийской валюте повсеместно сменилось растущим недоверием, и уже с середины XIII в. византийская золотая монета, которая некогда безраздельно господствовала в мировой торговле, все больше вытесняется новой «доброй золотой монетой» (*la buona moneta d'oro*) итальянских морских республик⁴. Реальное содержание золота в византийском иперпире уже при Иоанне Ватаце составляло лишь три четверти от номинала, т.е. 16 карат, после возвращения Константинополя при Михаиле Палеологе — лишь 15, а в первые годы правления Андроника II — уже только 14 карат.

¹ Nic. Gregoras. I. P. 223.20 и 158.10.

² См.: Stein. Untersuchungen. S. 11 ff.; Zakythinos. Crise monétaire. P. 6, 23.

³ См.: Dölger F. Zur Textgestaltung der Lavra-Urkunden und zu ihrer geschichtlichen Auswertung // BZ 39 (1939). S. 64–65; Zakythinos. Crise monétaire. P. 2.

⁴ См.: Bratianu. Études byzantines. P. 221 sv.

Во времена новых трудностей в начале XIV в. иперпир опустился до половины своей первоначальной лицевой стоимости¹. Следствием был сильный рост цен. Вздорожание продуктов питания во многом означало для народных масс голод, который многих заставлял ходить с протянутой рукой².

Это зло уже не удалось устранить: в последующее время при нарастающем ухудшении общей ситуации и растущей хозяйственной нужде византийская валюта все больше приходила в упадок, а население все сильнее страдало от продовольственного кризиса. Чтобы повысить сильно сократившиеся государственные доходы, Андроник II провел ряд мероприятий в налоговой сфере и сумел достичь существенного увеличения доходов. Ежегодные налоговые поступления поднялись до 1 000 000 иперпиров³. Соответственно, усилилось и налоговое бремя, из-за чего положение народа ухудшилось еще больше. Более того, натуральные повинности также возросли, поскольку была введена новая подать, так называемый *σιτόκριον*: каждый крестьянин был обязан отдавать государству натурой часть урожая, а именно — 6 модиев пшеницы и 4 модия ячменя с зевгария⁴. Впрочем, увеличение доходов было достигнуто не только посредством повышения налогов, но и за счет того, что Андроник II стремился ограничить права иммунитета крупных земельных владений: на определенные виды налогов (в первую очередь на поземельный налог) иммунитет, как правило, не распространялся, и их должны были платить даже обладатели документа об освобождении от налогов⁵. Несмотря на то что император зачастую был вынужден отступать от этого правила

¹ *Pachymeres*. II. P. 493–494. Об этом: *Zakythinos*. Crise monétaire. P. 8 sv. (Закифинос верно истолковывает данные Пахимера, вскрывая ошибочность прежних интерпретаций).

² *Pachymeres*. II. P. 494. Весьма впечатляющие сведения о нужде и голоде византийского населения содержат письма патриарха Афанасия Константинопольского; см. отрывки в: *Guiland R.* La correspondance inédite d'Athanase, Patriarche de Constantinople (1289–1293; 1304–1310) // *Mélanges Ch. Diehl*, I. Paris, 1930. P. 138–139. Кроме того: *Bratianu*. Études byzantines. P. 162 sv.; *Zakythinos*. Crise monétaire. P. 109–110.

³ *Nic. Gregoras*. I. P. 317.18.

⁴ *Pachymeres*. II. P. 493.9.

⁵ См.: *Ostrogorskij G.* Pour l'histoire de l'immunité à Byzance // *Byz* 28 (1958) 211 sv.

перед лицом наиболее могущественных феодальных господ и влиятельных монастырей, эта мера, очевидно, внесла немалый вклад в рост государственных доходов.

То, что собранная Андроником II сумма казалась современникам огромной, показывает, насколько обеднела Византия: ведь в раннем Средневековье ежегодный доход византийского государства составлял примерно 7–8 миллионов полновесных номисм¹. Теперь с грехом пополам удалось довести поступления от налогов до 1 миллиона золотых монет, при том, что золотая монета обладала лишь половиной своей прежней ценности. До реформы Андроника доходы были очевидным образом значительно меньше. Конечно, налоговые поступления не были единственной статьёй дохода Византийской империи², но тем не менее они составляли бесспорно важнейшую часть государственного бюджета, коль скоро доходы от сбора пошлин шли по большей части уже не Империи, а итальянским морским республикам.

Дополнительные доходы должны были, с одной стороны, использоваться для покрытия текущих административных расходов, а с другой — идти на выплаты опасным соседям и на поддержание флота, состоявшего из 20 триер, и постоянного войска из 3000 солдат, из которых 2000 были расквартированы в Европе и 1000 — в Азии³. Император стремился компенсировать слишком поспешное сокращение вооруженных сил, на которое по своему вступлении на престол он решился под давлением финансовой нужды. Но насколько жалкой была программа, которая ему при этом грезилась! Неудивительно, что выплаты соседним державам превратились в одну из важнейших статей расхода в бюджете Византийской империи. Император старался на сэкономленные деньги купить мир, поскольку защититься от врага силой оружия не было возможности. Никифор Григора

¹ См.: *Stein. Studien.* S. 142 ff.

² Штайн (*Stein. Untersuchungen.* S. 10) воспринимает упомянутую у Никифора Григоры сумму в 1 000 000 иперпиров как общую сумму всех государственных доходов, что едва ли верно. Тем не менее его суждение о том, что государственные доходы к концу XIII в. (т.е. перед налоговой реформой Андроника II) «составляли самое большое одну восьмую того, что собирали императоры-иконоборцы», с учетом обесценивания иперпира не следует воспринимать как преувеличенное.

³ *Nic. Gregoras.* I. P. 317.23.

привел в этой связи весьма резкое сравнение: «Как если бы кто-то, желая купить дружбу волков, вскрыл себе вены в разных частях тела и позволил волкам сосать собственную кровь и насыщаться ею!»¹ Византия превратилась в малое государство, государство, живущее своим великим прошлым и гибнущее от того, что оно уже не могло справляться с унаследованными задачами и не могло отстоять свое существование в данном ему географическом пространстве.

Как и во многих других отношениях, политика Андроника II принципиально отличалась от политики его отца и в церковном вопросе, поскольку и здесь обстоятельства диктовали полную перестройку. Продолжение политики унии потеряло всякий смысл: уния была мертва если уже не после начала понтификата Мартина IV, то уж точно после «сицилийской вечерни». Сразу после своего вступления на престол Андроник II торжественно отрекся от унии, чтобы придерживаться подчеркнуто православного курса. Иоанн Векк был вынужден покинуть кафедру Константинополя, вслед за чем сан патриарха был возвращен низложенному после Лионского Собора Иосифу, а после его скорой смерти передан ученому Григорию Кипрскому. Тяжелый духовный кризис был преодолен, и Империя освободилась от давления, которому она подвергалась со времени Лионского Собора. Впрочем, прошло достаточно много времени, прежде чем церковная жизнь в Византии восстановила утраченное равновесие. Вновь вспыхнул старый спор между радикальной аскетической партией зилотов и умеренным, лояльным правительству направлением так называемых «политиков». Зилоты, которые все еще хранили верность давно умершему патриарху Арсению, противостояли и правительству, и церковному руководству. Но какие бы острые формы ни принимала эта борьба, она постепенно сошла на нет, и к началу XIV в. арсениты, за исключением нескольких фанатиков, вступили в общение с церковным священноначалием.

Значение Церкви и ее влияние на всю духовную жизнь Империи достигли своей наивысшей точки в правление твердо приверженного православию императора Андроника II. В особенности выросло влияние монашества. После долгого кризиса, вызванного латинским господством, и после тяжких испытаний времен церковной унии для

¹ Nic. Gregoras. I. P. 317.12.

византийских монастырей наступает эпоха духовного и материального расцвета. Византийские монастыри, а особенно — исстари славные обители горы Афон, переживали свой золотой век, приумножая как свое духовное влияние, так и земельные владения. В это время афонские монастыри, которые со времен Алексея I Комнина подчинялись напрямую императору, на основании императорского хрисовула от ноября 1312 г. были подчинены патриарху. Прот Святой Горы, председательствующий в совете настоятелей всех афонских монастырей, должен был утверждаться уже не императором, а патриархом¹. Предпринимается новое разделение епископств и перераспределение ранговых отношений между отдельными епископскими кафедрами, чтобы приспособить к обстоятельствам эпохи старый церковный порядок, который со времен Льва VI претерпел лишь незначительные изменения². Более заметным становится различие между сферой влияния византийской Церкви и тающей территорией государства. В то время как государство чахнет, Константинопольский Патриархат становится центром православного мира, имея подчиненных себе митрополитов как на утраченных имперских землях в Малой Азии и на Балканах, так и в кавказских областях, на Руси и в Литве. Церковь остается наиболее устойчивым элементом Византийской империи.

Ввиду военной и финансовой слабости государства Андроник II с большой умеренностью выступает на внешнеполитической арене. Он стремился обезопасить себя со всех сторон посредством договоров о мире и дружбе, в том числе и в отношениях с заинтересованными в Византии западными державами, хотя после «сицилийской вечерни» со стороны Запада какое-то время можно было не ожидать серьезной опасности. После преждевременной смерти своей супруги, Анны Венгерской, Андроник в 1284 г. женился на Ирине, дочери маркграфа Монферратского. Тем самым были устранены притязания монферратского дома на королевскую корону Фессалоники,

¹ *Meyer Ph.* Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster. Leipzig, 1894. S. 190 ff.; *Порфирий (Успенский)*. История Афона. Т. III/2. СПб., 1892. С. 140 сл.

² *Gelzer H.* Ungedruckte und ungenügend veröffentlichte Texte der Notitiae episcopatum // Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften 21. Abh. 3 (1903). S. 595 ff. О Notitiae episcopatum см. обобщающий обзор в: *Beck.* Kirche. S. 148 ff.

поскольку маркграф, тогдашний титулярный король Фессалонийский, отказался от не слишком достижимого права в пользу своей дочери, ставшей теперь византийской императрицей. В том же направлении лежат усилия императора по устройству брака своего сына и наследника престола Михаила IX с Екатериной де Куртене, дочерью Филиппа и внучкой Балдуина II, которая на Западе считалась титулярной императрицей Константинополя. Но несмотря на то что переговоры о браке велись в течение нескольких лет с 1288 г., он так и не состоялся¹, и в 1296 г. Михаил IX² женился на армянской принцессе. Старые антивизантийские планы на Западе были еще живы, и там не хотели выпускать из рук инструмента, который мог способствовать их осуществлению. Главную поддержку эти планы находили во Франции и в Неаполитанском королевстве, их наиболее ревностными сторонниками были Филипп Тарентский, сын неаполитанского короля Карла II, и Карл Валуа, брат французского короля Филиппа Красивого. Устремления обоих принцев были лишь слабыми отголосками большой завоевательной политики Карла Анжуйского, и только ввиду бессилия Византийской империи они получили определенный вес. Филипп Тарентский, которому Карл II в 1294 г. передал права и владения дома Анжу в Романии, управлял анжуйским наследством в Эпире и от имени короля Неаполитанского притязал на сюзеренитет над франкскими владениями в Греции и даже над Фессалией. Владения в Эпире он обеспечил себе благодаря браку с Тамарой, дочерью деспота Никифора, а в 1295 г. эфирцы уступили ему также города в Этолии.

Силы сепаратистских греческих государств приходили в упадок еще быстрее, чем могущество Византийской империи. Сверх того, между самими Эпиром и Фессалией существовала сильная напряженность, так что периодически дело доходило до вооруженных столкновений. В этих обстоятельствах уже в 1290 г. Византия смогла с успехом вмешаться: византийская армия пересекла Фессалию, глубоко проникла на территорию Эпира и осадила Янину. На краткое

¹ См.: *Bratianu G.* Notes sur le projet de mariage entre l'empereur Michel IX Paléologue et Catherine de Courtenay // RHSEE 1 (1924). P. 59–63.

² См.: *Schmid P.* Zur Chronologie von Pachymeres, Andronikos L. II–VII // BZ 51 (1958). S. 84.

время Империя вновь оказалась на Адриатике, ибо Диррахий также перешел тогда к византийцам.

Связь с Филиппом Тарентским хотя и стоила эпирскому государству части территории, однако не смогла укрепить его положения и лишь усугубила разрыв с Фессалией, в которой претензии Филиппа на главенство вызвали большое недовольство. В 1295 г. сыновья севастократора Иоанна вторглись в Эпир, эпироты потерпели поражение и обратились за помощью к византийскому императору. Так развитие событий в сепаратистских греческих государствах, казалось, приняло для Византии благоприятный оборот, тем более что в 1296 г. умерли деспот Эпира Никифор и старый враг византийцев севастократор Иоанн Фессалийский, после чего в Эпире византийская принцесса Анна, племянница императора Михаила VIII¹, приняла регентство при своем несовершеннолетнем сыне Фоме, придав политике государства дружественное по отношению к Византии направление. Однако в этот момент в дело вмешались превосходящие силы Сербии, которые заняли незадолго перед этим отвоеванный Византией Диррахий².

Сербское наступление на византийский юг, которое началось уже при Немане, теперь перешло в свою решающую стадию. С того времени, как Милутин (1282–1321) в первый год своего правления отнял у византийцев Скопье, нападения сербов на македонское пограничье не прекращались. В 1297 г. Византия предприняла контрнаступление, которым командовал Михаила Глава, наиболее способный военачальник Империи. Однако и это усилие осталось безуспешным: нерастраченной силе молодой славянской страны старая Империя в военном отношении ничего не могла противопоставить. Тогда Андроник II решил заключить с сербским королем прочный мир и предложил ему руку своей сестры Евдокии, вдовы трапезундского императора Иоанна. Для Милутина связь с Византией означала желанную поддержку в борьбе с его старшим братом Драгутином³. Брак с порфирородной византийской принцессой представлял собой немалый выигрыш для его статуса: хотя могущество византийского

¹ Дочь его сестры Евлогии: *Papadopoulos*. Genealogie der Palaiologen. № 30.

² См.: *Jireček*. Geschichte. Bd. I. S. 339.

³ См.: *Ласкарис*. Виз. принцезе. С. 55 сл.; *Динић М.* Однос између краља Милутина и Драгутина // ЗРВИ 3 (1955). С. 57 сл.

государства ушло в прошлое, однако старые традиции были живы и императорский дом не утратил своего престижа в глазах окрестных народов. Тем большим было раздражение Милутина, когда Евдокия решительно отвергла идею такого брака. Однако и для Византии уже не было возможности отыграть ход назад, и потому ввиду угрожающего поведения сербского короля Андроник II решился отдать ему в жены свою маленькую дочь, пятилетнюю Симониду¹. Он пренебрег противодействием своего клира браку маленькой принцессы с сербским властителем, жившим уже в третьем браке (с болгаркой). Тому в свою очередь предстояло подавить противодействие знати, возражавшей против заключения мира с Византией², ибо сербская крупная аристократия получала от завоевания новых византийских земель наибольшую выгоду и была подлинной движущей силой направленных против Византии войн³. После долгих переговоров, которые вел при сербском дворе в качестве императорского уполномоченного Феодор Метохит, весной 1299 г. был подписан мир и устроена женитьба Милутина на маленькой Симониде. Завоеванные земли за линией Охрид—Прилеп—Штип Милутин получил в качестве приданого.

Мирный договор с Византией способствовал значительному усилению византийского влияния в сербской державе. Именно тогда началась сильная эллинизация сербского двора и государства, которая достигла своего полного развития в правление Душана⁴. Хотя политическая линия менялась еще неоднократно, культурная византинизация сербской державы продолжалась и становилась тем интенсивнее, чем больше Сербия расширяла свою территорию за счет византийской и чем дальше ее завоевания распространялись на старые византийские области.

Слабость византийских позиций на Балканах была с внутриполитической точки зрения обусловлена военным и финансовым ослаблением Империи, а с внешнеполитической — судьбоносными событиями в Малой Азии и, не в последнюю очередь, перипетиями

¹ См.: *Ласкарис*. Виз. принцезе. С. 58.

² См. сообщение о посольстве Феодора Метохита: Σάθας. Μεσ. βιβλ. 1. Σ. 166.

³ См. *Острогорски Г.* Душан и његова властела у борби за Византијом // *Зборник у част шесте стогодишњице Законника цара Душана*. Т. 1. 1951. С. 79–86.

⁴ См.: *Мошин В.* Византиски утицај у Србији у XIV в. // *Југосл. Историски Часопис* 3 (1937). С. 147 сл.

генуэзско-венецианской войны. Тогда как Михаил VIII был озабочен тем, чтобы не дать ни венецианцам, ни генуэзцам приобрести слишком большое влияние, Андроник II в одностороннем порядке и безусловно встал на сторону Генуи, что было его самой крупной политической ошибкой. Если Венеция владела южной частью Эгейского моря, то Генуя создала себе сильные позиции на севере Архипелага, в Мраморном море и на Понте. Из Галаты она контролировала морской путь из Средиземного в Черное море и лежащие за ним земли¹. Но с ростом генуэзского могущества обострялось и старое венецианско-генуэзское соперничество, и в 1294 г. между двумя морскими республиками разразилась война, в которую тотчас была втянута и Империя. Поскольку император предоставил подвергшимся нападению в Галате генуэзцам защиту за стенами столицы, венецианцы обратили враждебные действия на находившиеся за пределами стен пригороды Константинополя, на что византийцы ответили мерами против живших в Константинополе венецианцев. Венецианско-генуэзская война превратилась в войну между Венецией и Византией, ибо генуэзцы смогли выйти из игры, заключив с Венецией в 1299 г. «вечный мир» и хладнокровно бросив своего союзника на произвол судьбы². Византия, которая обладала маленьким флотом, оказалась в весьма опасной ситуации, и хотя Империя из соображений престижа противилась требованиям Венеции о возмещении ущерба, в конце концов она была вынуждена под угрозой венецианских кораблей в Золотом Роге покориться более сильному противнику и выплатить требуемые суммы. Несчастливая война закончилась в 1302 г. заключением перемирия на десять лет. Венецианцам были предоставлены старые привилегии и ряд новых колоний в Архипелаге. Генуэзцы же воспользовались опытом этой войны в качестве предлога обнести Галату крепкой стеной, и так рядом с византийской столицей возникла сильная генуэзская крепость. Мало того — генуэзский военачальник Бенедетто Дзаккариа из Фокеи, адмирал, отличившийся на службе у французского короля Филиппа Красивого, наживший несметные богатства благодаря фокейским квасцовым рудникам, в 1304 г. овладел византийским островом

¹ См.: *Bratianu G.J. Recherches sur le commerce génois dans la Mer Noire au XIIIe siècle. Paris, 1929. P. 250 sv.*

² *Tafel-Thomas. T. III. P. 391 sq.*

Хиос¹. Обе морские республики вышли из войны укрепившимися, а Империи эта несчастная война, в которую она по неосмотрительности дала себя вовлечь, принесла лишь новые утраты и унижения.

Однако важнейшие во всемирно-историческом отношении события разыгрывались в это время в Малой Азии, и именно там Империя подверглась наиболее тяжкому удару. Из-за монгольского нашествия, приведшего в середине XIII в. в движение весь Передний Восток, многочисленные тюркские племена были вытеснены в Малую Азию. Всё новые массы людей стекались к византийско-сельджукской границе, и вскоре пришельцы в поисках земли и добычи начали вторжения в византийскую западную Малую Азию. Со временем турецкие вторжения становились все более сильными, а сопротивление с византийской стороны было крайне слабым. Созданная в никейское время система обороны границы пришла в упадок, и страна оказалась беззащитной перед вражескими вторжениями.

Не может вызывать сомнения, что реставрация 1261 г. значительно ослабила оборонные возможности Византии в Малой Азии. После этого не только государственный центр отдалился от восточной границы, но и центр императорской политики был перенесен на Запад. Новые задачи, которые возникли у восстановленной Империи на Балканах, и опасности, грозившие с Запада, требовали концентрации всех сил в европейской части Империи. Для обороны в Азии недоставало ни военных, ни финансовых средств. Уже при Михаиле VIII случилось так, что акриты на сельджукской границе перестали получать жалование и ушли с границы², а предназначенные для защиты рубежей Империи в Азии войска были отозваны на европейский театр военных действий. «Таким образом, — говорит современник, — ослаблялись восточные области, в то время как персы (т.е. турки) становились все более дерзкими и вторгались в земли, которые были лишены всякой защиты»³. Сверх того, нарастающий процесс феодализации Палеологовской державы вносил свой вклад в упадок созданных в никейское время в пограничных районах

¹ *Hopf*. Geschichte. Bd. I. S. 372 ff.; *Heyd*. Commerce de Levant. Vol. I. P. 445 sv., 461 sv.; *Miller*. Essays. P. 283 ff.

² *Nic. Gregoras*. I. P. 138.9.

³ *Pachymeres*. I. P. 310.14. См. тж. прекрасное изложение Виттека: *Witteke*. Mentische. S. 16 ff., 24 ff.

воинских наделов. Так финансовые, социальные и общеполитические причины соединились вместе, чтобы подорвать систему обороны в Малой Азии.

Турецкое завоевание распространилось по всем областям, и если византийские города время от времени еще оказывали сопротивление врагам, то в сельской местности они, как кажется, вовсе не столкнулись с сопротивлением. Около 1300 г. уже почти вся Малая Азия подпала под турецкое владычество. Вскоре лишь отдельные утесы стояли в море турецкого завоевания: Никея, Никомидия, Бруса, Сарды, Филадельфия, Магнисия, а также несколько портовых городов, таких как Ираклия на Понте и Фокея со Смирной на Эгейском побережье¹. Завоеванную землю турецкие вожди делили между собой, так что западная Малая Азия распалась на ряд турецких владений. Бывшая Вифиния досталась Осману, основателю османской династии, которой суждено было объединить под своей властью все турецкие племена и покорить как Византию, так и южнославянские страны.

При своей военной слабости Византия оказалась беспомощной перед лицом этой катастрофы. Малая Азия, прежде представлявшая собой становой хребет Империи, была теперь потеряна для нее навсегда. Тщетно Андроник II рассчитывал на помощь аланов, которые просили его о поселении в пределах Империи и взамен вызывались сражаться с турками. Согласно договору, они явились числом 10 000 вместе с женами и детьми, однако результат был полностью отрицательным. Поведенные соправителем Михаилом IX в Малую Азию отряды аланов в первом же столкновении с турками потерпели тяжелое поражение и поспешно отступили, чтобы утолить свою жажду грабежа на византийском населении.

Впрочем, в этот отчаянный момент императору представился новый шанс: Рожер де Флор, славный предводитель Каталанской компании, предложил ему свои услуги в борьбе против турок. Опытная в военном деле Каталанская компания оказала помощь королю Фредерику Сицилийскому в борьбе против попыток повторного завоевания Сицилии со стороны анжуйцев. После заключения мира в Кальтабелотте, положившего конец анжуйско-арагонской войне и отстоявшего самостоятельность Сицилии под властью Арагонского дома, каталанские наемники оказались без заработка и искали, где

¹ См.: *Witteh. Mentesche. S. 18.*

приложить свои силы. Византийский император с готовностью принял их предложение, и в конце 1303 г. Рожер де Флор с 6500 воинами прибыл в Константинополь¹. Андроник II, возложивший все свои надежды на каталанцев, приказал выдать им по договору плату за четыре месяца вперед, отдал Рожеру де Флору в жены свою племянницу Марию Асанину², назначил его великим дуксом, а позднее даже предоставил ему титул кесаря.

В начале 1304 г. каталанцы переправились в Кизик, а затем направились к осажденной турками Филадельфии. Турки были наголову разгромлены, а Рожер де Флор победителем вступил в город. Эта победа показала, что для того, чтобы спасти положение, достаточно было даже небольшой, но опытной вооруженной силы. Трагедия Византийского государства заключалась в том, что оно вообще не обладало такой вооруженной силой и не могло обрести ее иначе, как путем привлечения наемников. Иноплеменное войско было, однако, обоюдоострым оружием, особенно если оно представляло из себя самостоятельный корпус и могло в любой момент избавиться от контроля не располагавшей никакими средствами войны и принуждения Империи.

После своей победы каталанцы перешли к грабительским рейдам, сделав небезопасными все окрестности как на суше, так и на море: они без разбора нападали и на византийцев, и на турок, а в конце концов, вместо того чтобы воевать с турками, напали на византийскую Магнисию. В Константинополе были счастливы, когда удалось принудить их вернуться в Европу. Зимой 1304–1305 гг. они провели в Галлиполи, а весной вновь должны были отправиться в Малую Азию. Однако напряженность в отношениях между императорским правительством и Каталанской компанией все более увеличивалась: в Константинополе росло недовольство дерзкими наемниками, осо-

¹ Особые заслуги в деле изучения истории каталан на Востоке принадлежат A. Rubió y Lluch. Его многочисленные работы приведены и отчасти отрецензированы у Сертона (*Setton K.M.* P. 286 ff.; см. тж. далее). Ср. далее: *Schlumberger G.* Expédition des "Almugavares" ou routiers catalans en Orient. Paris, 1902; *Miller. Latins.* P. 211 ff.; *D'Olwer L.N.* L'expansio de Catalunya en la Mediterrània oriental. Barcelona, 1926, и особенно *Setton K.M.* Catalan Domination of Athens 1311–1388. Cambridge (Mass.), 1948.

² Дочь бежавшего в Константинополь царя болгар Ивана Асеня III (1279–1280) и Ирины Палеологины, сестры Андроника II; см.: *Papadopoulos.* Genealogie der Palaiologen. № 44.

бенно враждебно был настроен по отношению к ним соправитель Михаил IX. Каталанцы в свою очередь были недовольны нерегулярными выплатами и выставляли причиной своих бесчинств задержку жалования. В апреле 1305 г. Рожер де Флор был убит во дворце Михаила IX. Последний полагал таким способом избавиться от ставших обузой наемников, но это оказалось лишь началом бед. Возмущенные каталанцы начали грабить византийские земли, и таким образом между Империей и Каталанской компанией разгорелась открытая война. У крепости Апри пестрое, усиленное турками и аланами войско Михаила IX потерпело решительное поражение. Наследник престола, который отважно сражался в первых рядах, получил ранение и спасся бегством в Дидимотих. После этого ему пришлось ограничиться лишь защитой важнейших городов Фракии, в то время как сельская местность была предоставлена ярости врага. Два полных года земли Фракии опустошали и грабили каталанцы, сплоченное войско которых было усилено притоком новых воинов с родины и включением в него турецких контингентов.

Положение еще ухудшилось из-за того, что начало усиливаться болгарское давление с севера. Болгария, которая, казалось, была расколота на несколько отдельных государств и в последние годы XIII в. полностью подпала под власть татар, вследствие осложнений в Золотой Орде после смерти Ногая (1299) смогла освободиться от татарского владычества и под властью Феодора Святослава (1300–1322) вновь переживала лучшие времена. Воспользовавшись отчаянным положением Византийской империи, болгарский царь стал расширять границы своего государства на юг Балканского полуострова и занял несколько важных крепостей и портовых городов на побережье Черного моря, среди которых были и столь горячо в свое время оспаривавшиеся двумя державами опорные пункты Месемврия и Анхиал. Византийское правительство было вынуждено примириться с потерей, заключив с болгарским царем мирный договор и оставив за ним завоеванные им территории (1307)¹. Между

¹ Согласно Дёльгеру (*Dölger F. Einiges über Theodora, die Griechin, Zarin der Bulgaren [1308–1330] // Mélanges Grégoire. Vol. I. Bruxelles, 1949. S. 215–216, Anm. 2 (= Parasporga. S. 225–226, Anm. 8)*), в связи с этим мирным договором, а именно уже в 1308 г. (а не в 1320 г., как это предполагалось ранее), Феодора, дочь Михаила IX, была отдана в жены царю Феодору Святославу.

тем каталанцы, полностью разграбив Фракию, перешли через Родопские горы и осенью 1307 г. осели в Кассандрии. Оттуда они продолжили свои дикие грабительские походы. Они не пощадили даже монастырей Афонской горы. Впрочем, их нападение на укрепленную Фессалонику (нач. 1308) было отбито.

В этой отчаянной ситуации вновь дали о себе знать антивизантийские планы на Западе. Филипп Тарентский, стремившийся укрепить свое положение в эпирско-албанских областях, соединился с албанцами-католиками и овладел Диррахием. Его поход против симпатизировавшей византийцам деспины Анны Эпирской оказался, впрочем, безуспешен (1306). Но более опасным, чем «деспот Романии и господин королевства Албании», как величал себя Филипп, был для Византии предприимчивый Карл Валуа. Этот безземельный феодал, женившийся в 1301 г. на некогда желанной для Византии Екатерине де Куртенэ, с большим рвением трудился над возрождением завоевательных планов Карла Анжуйского и теперь, когда Византия, казалось, погрузилась в хаос, протянул руку за императорским венцом Константинополя. В 1306 г. он заключил соглашение с Венецианской республикой, которая не смогла удержаться от искушения еще раз вернуться к политике четвертого крестового похода. В 1308 г. последовало заключение договора с сербским королем Милутином, который, однако, как представляется, не полностью порвал с Византией: увязший в многолетней войне (1301–1312) со своим братом Драгутином, он не мог активно выступить против Византии, вновь приступив к завоеваниям в Македонии¹. Папа Климент V оказал антивизантийской акции моральную поддержку: в 1307 г. он вновь подверг императора анафеме. Карлу Валуа удалось найти поделщиков и среди византийских магнатов — обстоятельство, проливающее яркий свет на степень разложения Византии. Наместник Фессалоники Иоанн Мономах и комендант Сард Константин Дука Лампидар заявили о своей готовности признать французского принца своим повелителем. Но самым важным при тогдашнем положении вещей было достигнуть соглашения с Каталанской компанией, которая фактически владела ситуацией на византийском Востоке. Карлу Валуа

¹ См. работу М. Динича: *Динић М.* Однос између краља Милутина и Драгутина // ЗРВИ 3 (1955). С. 49–82, которая проливает новый свет на события этого времени.

удалось даже это, несмотря на то что король Фредерик Сицилийский также ревностно добивался сюзеренитета над каталанцами. В 1308 г. уполномоченный Карла, Тибо де Сепуа, прибыл с одиннадцатью венецианскими кораблями на Эвбею, оттуда направился в Кассандрию и от имени своего господина принял у Каталанской компании вассальную клятву.

Однако уже вскоре наступило разочарование. Нисколько не приняв во внимание намерения и планы Валуа, каталанцы двинулись из Кассандрии в Фессалию. Здесь правил Иоанн II (1303–1318), внук севастократора Иоанна, тяжело больной юноша, которого поначалу опекал герцог Афинский Ги II де ла Рош. После смерти последнего (1308) Иоанн обратился к византийскому императору и был обручен с его внебрачной дочерью Ириной. Страной безраздельно владели крупные феодалы, и как государство Фессалия находилась в агонии. От внушительного могущества, которым она обладала во времена севастократора Иоанна I, остался лишь слабый отблеск. Соппротивление каталанцам было немыслимо. Компания беззаботно прожила целый год, пользуясь дарами плодородной страны. Затем весной 1310 г., снабженная фессалийскими деньгами, она направилась в среднюю Грецию, поступив на службу к герцогу Афинскому Готье де Бриенну. Но, как прежде с византийцами, каталаны теперь поссорились с французами, и результатом опять была открытая война. При р. Кефисс в Беотии они нанесли численно превосходящей французской армии сокрушительное поражение. Сам герцог Готье и большинство его рыцарей нашли смерть в кровопролитной битве. Власть французов в Афинах и Фивах была сокрушена, на их место пришли каталанцы. Афины, которые на протяжении столетия пребывали под властью французов, на последующие более чем семьдесят лет подпали под власть каталанцев¹.

Таков был удивительный результат своеобразной каталанской экспедиции: кучка опытных в военном деле авантюристов с крайнего Запада проложила себе путь из Константинополя и Филадельфии в Афины и основала в одном из старейших и славнейших культурных очагов человечества собственное княжество. Наполненное приключениями хозяйничанье каталанцев в Малой Азии, Фракии

¹ См.: *Setton K.M. Catalan Domination of Athens, 1311–1388. Cambridge (Mass.), 1948.*

и Македонии, в северной и средней Греции, их победоносные войны против турок, византийцев и французов с весьма большой наглядностью демонстрируют, насколько слабыми были уже в то время как Византийская империя, так и соперничавшие с нею греческие и латинские государства. Каталанцы прибыли на Восток в момент безвластия: византийское могущество уже пришло в упадок, а турецкое еще не набрало силу.

Уход каталанцев во франкскую Грецию заметно облегчил положение Византийской империи. Наступательные планы Карла Валуа потеряли почву. Уже в Фессалии де Сепуа отделился от каталанцев, от которых ни ему, ни его хозяину очевидным образом уже нечего было ждать. К тому же притязания Валуа на императорский венец Константинополя угасли, поскольку его супруга, титулярная императрица Екатерина де Куртенэ, в 1308 г. умерла. Права на титул перешли к ее дочери Екатерине Валуа, а она еще ребенком (1313) была помолвлена с Филиппом Тарентским, для которого связь с титулярной императрицей казалась настолько важной, что он расторг брак с Тамарой Эпирской. Впрочем, завоевательные планы Филиппа, хотя за ними стояли Франция и Неаполь, не пошли далее стадии подготовки. Так планы Карла Валуа и Филиппа Тарентского — слабое подобие завоевательной политики Карла Анжуйского — потерпели крушение. Реставрационным устремлениям тем самым пришел конец. Венеция в 1310 г. заключила с византийским императором перемирие сроком на 12 лет. Сербский король также вновь вступил в более тесные сношения с Византией: он стал присылать императору вспомогательные войска, которые временами достигали двух тысяч всадников¹. Когда в 1314 г. против него восстал его сын Стефан, его после подчинения и ослепления отправили к византийскому двору².

Позиции Византии на Пелопоннесе также укрепились. Уже в 1308 г. Андроник II предпринял важные изменения в способе управления Мореей: он положил конец не слишком удачной системе, согласно которой византийские наместники Мореи сменялись ежегодно. После этого Михаил Кантакузин, отец будущего императора

¹ Nic. Gregoras. I. P. 268.3. См. тж. хрисовул Андроника II Хиландарскому монастырю от октября 1313 г.: Actes de l'Athos 17. № 26.

² Jireček. Geschichte. Bd. I. S. 346 ff.; Дунин М. Однос између краља Милутина и Драгутина // ЗРВИ 3 (1955). С. 77 сл.

Иоанн VI Кантакузина, первым управлял византийскими владениями в Морее вплоть до своей преждевременной смерти в 1316 г., положив начало возрождению византийского могущества на Пелопоннесе. Его дело продолжил Андроник Асень (1316–1323), сын бывшего болгарского царя Ивана Асеня III и сестры императора Ирины Палеологины, который в удачной борьбе с франками смог упрочить и расширить византийское господство в Морее. Город Монемвасию, важнейшую византийскую гавань в Морее, он наделил торговыми привилегиями, чтобы создать на Пелопоннесе византийский торговый центр в противовес венецианским центрам в Короне и Модоне¹.

Важные перемены произошли в обоих сепаратистских греческих государствах, поскольку в 1318 г. династия Ангелов угасла как в Эпире, так и в Фессалии. Деспот Фома пал жертвой покушения со стороны своего племянника Николая Орсини с Кефаллинии. Этот последний, будучи врагом анжуйцев, перешел в православную веру и объявил себя в Эпире наследником убитого, женившись на его вдове Анне, дочери Михаила IX. Годом позже он получил из Византии титул деспота². Янина и ряд других замков страны перешли под

¹ Один несохранившийся хрисовул был выдан городу уже Михаилом VIII, вероятно, вскоре после возвращения Константинополя (*Dölger. Reg.* 1897). Еще один хрисовул был им получен от Андроника II в 1284 г.: Miklosich–Müller, V. P. 154–155 (*Reg.* 2102). Датировка этого очень важного хрисовула, о котором сообщается лишь в пространной хронике Сфрандзи (*ed. Bonn.* P. 400–404) и который с большой подробностью и точностью перечисляет привилегии монемвасийских купцов, является ненадежной. *Zachariae. Jus.* III. P. 635–638 (= *Zepos. Jus.* I. P. 538–541) и Miklosich–Müller, V. P. 165–168 — приводят его как хрисовул Андроника II от ноября 1317 (правильнее: 1316) г. Дёльгер поначалу неоднократно (*Facsimiles byzantinischer Kaiserurkunden.* Sp. 34; *Reg.* 1897 и BZ 34 (1934). S. 126–127) высказывался в пользу того, что речь идет о хрисовуле Андроника III от 1336 г., однако в последнем томе «Регест», опровергая свое прежнее мнение и пытаясь подробно обосновать свое новое воззрение, он приводит его как хрисовул Андроника II от ноября 1316 г. (*Reg.* 2383). Между тем из Miklosich–Müller, V, p. 165.5 следует, что автор этого хрисовула издает для монемвасийцев этот хрисовул впервые. Как следствие этот хрисовул, даже если отвлечься от прочих немалых трудностей, восходит никак не к Андронику II, а скорее к Андронику III, если не к Андронику IV, будучи издан в 1376 г. Впрочем, ни один признак не подходит ни к одному, ни к другому; кроме того, в приведенной дате пришлось бы предпринять некоторые изменения (в случае с Андроником III даже весьма сильные). Но как бы то ни было подлинность этого важного документа не вызывает вопросов.

² *Ферjanчић.* Деспоти. С. 74–75.

управление византийского императора. Еще более решительными были перемены в Фессалии, поскольку после смерти Иоанна II там пресеклась самостоятельная государственность. Византийский император заявил притязания на эту провинцию как на выморочный имперский лен, однако смог заставить признать свое господство только в северной части страны, да и то лишь номинально¹. Наиболее могущественные фессалийские магнаты, и прежде всего знатная семья Мелиссинов, стремились обособиться и основать свои собственные удельные владения. Кроме того, в Фессалию прорвалось огромное множество албанцев: началась албанская миграция, которая в последующие десятилетия распространилась по всей Греции. Наиболее значительную часть исчезнувшего государства со столицей городом Неопатры отхватило каталанское Афинское герцогство, в то время как портовый город Птелеон оказался в руках у венецианцев. Византия вновь была вынуждена смириться. Даже весьма незначительные признаки улучшения, которые, казалось, стали проявляться после прекращения каталанского кризиса, были полностью уничтожены из-за страшной распри, которая случилась между старым императором и его внуком Андроником III, погрузив Империю в затяжную гражданскую войну.

2. Эпоха гражданских войн. Господство Сербии на Балканах

Общая литература: *Parisot V.* Cantacuzène homme d'État et historien. Paris, 1840; *Флоринский*. Андроник и Кантакузин; *Флоринский Т.Д.* Южные славяне и Византия во второй четверти XIV в. СПб., 1862; *Muratore D.* Una principessa Sabauda sul trono di Bisanzio. Chambéry, 1905; *Dölger F.* Johannes VI. Kantakuzenos als dynastischer Legitimist // *Annales de l'Inst. Kondakov* 10 (1938). S. 19–30 (= *Paraspora*. S. 194–207); *Lemerle*. L'Émirat d'Aydin; *Tafrahi*. Thessalonique; *Ševčenko*. Nicolas Cabasilas; *Meyendorff*. Palamas; *Guilland R.* Essai sur Nicéphore Grégoras. Paris, 1926; *Zakythinos*. Despotat. Vol. I–II; *Jireček*. Geschichte. Bd. I; *Станојевић Ст.* Историја српскога

¹ *Nic. Gregoras*. I. P. 229 sq., 278 sq. См.: *Соколов И.* Крупные и мелкие власти в Фессалии в эпоху Палеологов // *ВВ* 24 (1923–1926). С. 35–44; *Он же*. Фессалийские архонты в XIV в. // *BSI* 4 (1932). С. 159–171.

народа. Београд, 1926; *Чоровић В.* Историја Југославија. Београд, 1933; Историја народа Југославије. Т. I. Београд, 1953; *Новаковић Ст.* Срби и Турци XIV и XV века. Београд, 1960 (с исправлениями и дополнениями С. Чирковича); *Мутафчиев.* История. Т. II; *Бурмов А.* История на България през времето на Шишмановци // Годишник на Софийския Университет. Ист.-филол. фак. 43 (1947); *Stein.* Untersuchungen.

Внутреннее разложение Византийской империи выразилось также в длинной череде междоусобных войн, начало которым положило противостояние между старшим и младшим Андрониками. Этой династической семейной распрей началась эпоха тяжелой внутренней борьбы, которая отняла у Империи последние силы и открыла путь экспансии турок и сербов. Ссора между дедом и внуком имела поначалу личные причины. Андроник III, старший сын Михаила IX, красивый и одаренный юноша с привлекательным характером, прежде был любимцем старого императора. Уже в раннем возрасте он получил титул соправителя и считался вторым возможным наследником престола после своего отца. Однако со временем с обеих сторон стало проявляться недовольство: легкомысленный образ жизни молодого Андроника, его похождения серьезно испытывали терпение строгого старого императора, а молодому принцу опека со стороны отца и деда становилась все более тягостной. Неудачный исход одной любовной аферы ускорил разрыв. Преследуя соперника своего господина, люди Андроника по трагическому недоразумению убили его брата Мануила. Ужасная новость ускорила смерть в Фессалонике тяжело больного Михаила IX (ум. 12 октября 1320 г.), а старого императора наполнила глубоким гневом, так что он принял решение лишить Андроника прав на наследование престола.

Однако юный Андроник имел много сторонников, главным образом в среде молодого поколения византийской знати, и против непопулярного старого императора составила сильная оппозиция. Во главе нее стояли Иоанн Кантакузин, молодой и богатый магнат, лучший друг Андроника III, и хитроумный авантюрист Сиргианн, бывший по своему отцу половецкого происхождения, а по матери состоявший в родстве с императорской семьей. Ведущую роль в заговоре играли также Феодор Синадин и амбициозный выскочка Алексей Апокавк, которые занимали важные командные посты во Фракии и Македонии. Посредством внушительных взяток Сиргианн

и Кантакузин также приобрели себе наместничества во Фракии. Пагубная продажа должностей была очень распространена в империи Палеологов: ей, как кажется, потворствовал даже просвещенный великий логофет Феодор Метохит¹. На сей раз это дорого обошлось правительству, поскольку Сиргианн и Кантакузин превратили приобретенные округа в базу для подготовки мятежа. Опираясь на недовольство чрезмерно обремененной налогами провинции, византийская аристократия смогла создать сильное движение против константинопольского правительства. На Пасху 1321 г. Андроник III покинул столицу и присоединился к армии, которую его друзья собрали у Адрианополя. В предстоящей борьбе он занимал психологически более выигрышную позицию, чем старый император, правление которого было сопряжено для Империи с многочисленными утратами и тяжелыми лишениями. Чтобы приобрести сторонников, он с большой щедростью стал раздавать земельные пожертвования и привилегии. Фракию он, кажется, полностью освободил от уплаты налогов². Эти действия оказали на исход гражданской войны большее влияние, чем соотношение вооруженных сил противников. Неудивительно, что фракийское население пошло за щедрым молодым императором, и когда его армия под предводительством Сиргианна выступила в поход на Константинополь, старый император поспешил заключить мир, опасаясь возмущения в столице.

Андроник III получил Фракию и некоторые территории Македонии, которые он уже роздал своим сторонникам. Остальные земли вместе со столицей остались за Андроником II. Так в конце концов произошло разделение территории Империи, о котором в Византии незадолго перед этим не хотели и думать. Для того, чтобы сохранить единство Империи хотя бы внешне, Андроник II удержал за собой право переговоров с иностранными государствами. Однако это условие вскоре было нарушено, и каждый из двух императоров проводил свою собственную внешнюю политику, противоположную и даже направленную против своего противника. Мир также продолжался недолго: уже в 1322 г. гражданская война вспыхнула вновь. В лагере молодого Андроника возникли разногласия, главная причина которых заключалась в соперничестве между великим дук-

¹ *Nic. Gregoras. I. P. 302.3 и 426.3.*

² *Nic. Gregoras. I. P. 319.14.*

сом Сиргианном и великим domestikом Кантакузином. Поскольку Андроник III занял сторону своего друга Кантакузина, Сиргианн, собственно, и бывший до того предводителем всего предприятия, перешел на сторону императора, чтобы на его службе возглавить борьбу против своего прежнего господина и протезе. Однако на- строения в Империи все больше склонялись на сторону Андроника Младшего. После того как несколько городов в непосредственной близости к Константинополю присягнули ему на верность, император вновь уступил, и мир был восстановлен на прежних условиях. После этого наступило долгое затишье, а 2 февраля 1325 г. Андроник III был коронован в соправители своего деда.

Несмотря на то что эта гражданская война обошлась без крупных сражений, ее внутри- и внешнеполитические последствия были достаточно тяжелыми. Военное положение с постоянными перемещениями войск затрудняло земледелие, особенно во Фракии, и повсеместно нарушало нормальную экономическую жизнь. Авторитет центральной власти заметно пошатнулся даже в тех областях, которые по договору остались за старым императором. Наместник Фессалоники, паниперсеваст Иоанн Палеолог, племянник Андроника II и зять великого логофета Феодора Метохита¹, принял решение отделить свое наместничество от Империи. Его намерение нашло поддержку обоих сыновей великого логофета, которые командовали Струмицей и Мельником. Особенно опасным это событие выглядело из-за того, что паниперсеваст попросил о помощи сербского короля и своего зятя Стефана Дечанского, отправившись к его двору. Озабоченное имперское правительство поспешило предложить ему титул кесаря, однако он умер еще во время своего пребывания при сербском дворе (1327).

А в Малой Азии турки продолжали свои завоевания: 6 апреля 1326 г.² пала взятая измором Бруса, которую Орхан, сын Османа, сделал собственной столицей и которая, став местом последнего упокоения Османа, превратилась в священное для осман место.

Между тем весной 1327 г. между двумя императорами в третий раз разразилась война, причем теперь южнославянские государства

¹ См.: *Papadopoulos. Genealogie der Palaiologen.* № 38.

² О дате см.: *Charanis. Short Chronicle.* P. 341–342; на основе анонимной хроники 1391 года: Λάμπρος-Ἀμαντός. Βραχέα Χρονικά. № 52, 5.

с куда большим размахом вмешались во внутривизантийское противостояние. Сербско-болгарские противоречия переплетались с соперничеством, которое раскалывало византийский императорский дом и с ним Империю. Поскольку Андроник II благодаря старым связям с сербским правящим домом пребывал в союзе с Сербией, Андроник III заключил союз с болгарским царем Михаилом Шишманом, который развелся со своей женой, сестрой сербского короля, и женился на вдове своего предшественника, сестре Андроника Младшего Феодоре. И в этот раз удача склонилась на сторону Андроника III, поскольку тяжелое положение лишь увеличивало недовольство в Империи, а вместе с ним и число сторонников молодого императора. Предпринятое войсками старого императора контрнаступление из Македонии потерпело неудачу еще до того, как к нему присоединился сербский король. Вся византийская Македония перешла под скипетр молодого Андроника. Присоединилась к нему и Фессалоника. Свою армию, стоявшую уже недалеко от Константинополя, Андроник III оставил под командованием Синадина, а сам в сопровождении Кантакузина направился в Фессалонику, где его встретили с императорскими почестями (январь 1328). В самой столице оппозиция также достигла опасных размеров, и Андроник II уже подумывал о новых мирных переговорах, когда вдруг болгарский царь Шишман изменил свою позицию и прислал ему вспомогательный болгарский корпус. Это вселило в старого императора новые надежды, а молодого Андроника заставило предпринять энергичные меры. Посредством переговоров и угроз он смог принудить болгарского царя отозвать посланные им войска, а сам вступил в переговоры со своими сторонниками в Константинополе. 24 мая 1328 г. он вступил в столицу и без боя захватил власть. Принудив своего деда к отречению, он позволил ему поначалу жить во дворце; лишь через два года сторонники молодого Андроника заставили старого императора принять монашескую схиму. Еще через два года, 13 февраля 1332 г., он скончался под иноческим именем Антоний.

С Андроником III (1328–1341) к власти пришло новое поколение — поколение, типичным представителем которого был Иоанн Кантакузин. Именно он, возглавлявший мятежное движение в последние годы, стал теперь правителем государства. Своим политическим дарованием Кантакузин наголову превосходил всех своих современников, в том числе и рыцарски отважного, но внутренне

непостоянного императора. Андроник III с рвением и не без успеха выступал в качестве полководца, однако в качестве политика государственного масштаба делами управлял Кантакузин. Время демагогических обещаний ушло с завершением гражданской войны, и Андроник III с Кантакузином, которые вместе с властью взвалили на себя и бремя ответственности, во многих отношениях стали следовать политике сверженного правительства. Впрочем, последствий гражданской войны во многих отношениях уже невозможно было исправить. Финансовая нужда стала еще более тяжелой, а ценность иперпира в годы внутренней смуты претерпела очередное снижение. Более удачливым новое правительство оказалось в реформировании судебно-правовой системы.

Ставшая притчей во языцех продажность византийских судов заставила уже Андроника II предпринять реформу судебной системы. В 1296 г. он учредил в Константинополе судебную коллегия, состоявшую из 12 представителей Церкви и чиновничества сенаторского ранга, которая в качестве высшей судебной инстанции должна была способствовать торжеству справедливости. Впрочем, результат был разочаровывающим: вновь созданный высший суд вскоре вызвал недоверие и прекратил свою деятельность. Поэтому в 1329 г. Андроник III создал новую судейскую коллегия, которая состояла только из четырех членов: двух духовного звания и двух светского. Наделенные чрезвычайно широкими полномочиями, эти четверо «вселенских судей ромеев» (καθολικοί κριταὶ τῶν Ῥωμαίων) надзирали за судебной системой всей Империи. Их приговоры были окончательными и не подлежали обжалованию. Впрочем, Андронику III было суждено пережить глубокое разочарование в своих высших судьях. Уже в 1337 г. троих из них пришлось отстранить по обвинению в коррупции и сослать. Однако коллегия вселенских судей продолжила свое существование: она прожила вплоть до падения Империи, хотя с течением времени претерпела некоторые изменения, приспособляясь к практическим потребностям. На судебных слушаниях в провинции по понятным причинам не могли присутствовать все четверо судей, и потому вскоре стало достаточно приговора одного из вселенских судей, который он выносил от имени всей судебной коллегии. С ослаблением связи между отдельными частями Империи, которое все сильнее давало о себе знать с середины XIV в., задуманное слишком централизованное устройство

судебной системы было ослаблено, уступив место более гибкой системе. Наряду со вселенскими судьями ромеев в Константинополе появились, так сказать, местные вселенские судьи: в позднейшее время появляются собственные вселенские судьи в Фессалонике, в Морее, на Лемносе, а также и в Серрах под сербским господством. Показательным для правовой системы эпохи Палеологов является активное участие клира в государственном судопроизводстве. Влияние Церкви на судебное дело в Империи было тем большим, что наряду с императорской судебной инстанцией вселенских судей, из которых, как правило, двое принадлежали к клиру, существовала духовная судебная инстанция при Патриархии, которая действовала совместно с императорской, поддерживая и дополняя ее, а подчас и противодействуя ей. В кризисные времена церковная судебная инстанция даже заступала место императорской¹.

Внешнеполитическое положение было отмечено непрекращающимся натиском османов в Малой Азии и сербов в Македонии, а также дальнейшим ослаблением греческих и латинских сепаратистских государств. В то время как Византия была бессильна перед лицом османов и сербов, в северной Греции и на побережье Эгейского моря она смогла достичь определенных успехов, не в последнюю очередь благодаря содействию сельджуков. Политику нового правительства особенно отличало сотрудничество между Кантакузином и сельджукскими эмирами, которые так же, как и Византийская империя, чувствовали угрозу экспансии османов. Напротив, от союза с Генуей правительство стремилось освободиться, чтобы вернуть себе самостоятельность на море и в торговой политике. Предпосылкой для этого было усиление собственного военно-морского могущества, и таким образом постройка кораблей стала для императора Андро-

¹ Наряду с Цахариэ (*Zachariä*. Geschichte. S. 385 ff.) и Л. Пети (*Petit L.* La réforme judiciaire d'Andronic Paléologue (1329) // EO 9 (1906). P. 134–138) см. прежде всего важные исследования П. Лемерля, которыми, собственно, и начинается более детальное исследование проблемы: *Le Juge general des Grecs et la réforme judiciaire d'Andronic III* // *Mémorial L. Petit*. Paris, 1948. P. 292–316; *Recherches sur les institutions judiciaires à l'époque des Paléologues*, I: *Le tribunal impérial* // *Mélanges H. Grégoire*. Vol. I. Bruxelles, 1949. P. 369–384; *Recherches sur les institutions judiciaires à l'époque des Paléologues*. II: *Le tribunal du patriarcat ou tribunal synodal* // *Mélanges P. Peeters*. Bruxelles, 1950. P. 320–333. Ср. тж.: *Ševčenko I.* Léon Bardalès et les juges généraux ou la corruption des incorruptibles // *Byz* 19 (1949). P. 247–259.

ника и его великого доместика Кантакузина одной из важнейших задач. Поскольку государственных средств не хватало, Кантакузин и другие магнаты профинансировали строительство флота из собственных средств¹. Следствием этого было то, что государство и его вооруженные силы попали в зависимость от магнатов еще и в финансовом отношении.

Усиление сербского королевства вновь свело вместе Византию и Болгарию. Хотя размолвка, которая в конце византийской гражданской войны произошла между Андроником III и его болгарским шурином, отозвалась обоюдными нарушениями границы и грабительскими набегами, однако вскоре был восстановлен мир и заключен направленный против Сербии союз. Правда, до совместной византийско-болгарской операции дело не дошло: хотя Андроник III и вторгся на сербскую приграничную территорию, но еще прежде, чем он вступил в бой, 28 июля 1330 г. между Сербией и Болгарией произошло решающее сражение при Вельбужде (совр. Кюстендил), и по получении известий о поражении своего союзника императору пришлось отступить. Болгарское войско было уничтожено, а сам царь Михаил был смертельно ранен в сражении. Победоносный сербский король посадил на престоле в Тырново свою сестру Анну и ее сына Ивана Стефана, а сестра Андроника Феодора была изгнана из страны².

Сражение при Вельбужде ознаменовало собой поворотный пункт в судьбе балканских стран: оно решило исход битвы за Македонию и заложило краеугольный камень сербского преобладания, под знаком которого стоит развитие событий в Южной Европе в последующие десятилетия. Из поражения своего болгарского союзника Андроник III попытался извлечь по крайней мере одно преимущество для своей Империи. Под видом мести за свою сестру Феодору он занял несколько крепостей в византийско-болгарском пограничье, овладев также спорными портовыми городами Месемврией и Анхиалом. Между тем в Болгарии, а затем и в Сербии произошли перевороты. Болгарские бояре изгнали царицу Анну с ее сыном и возвели на престол племянника Михаила Шишмана Ивана Александра (1331–1371). В Сербии знать восстала против

¹ Это однозначно засвидетельствовано Кантакузином для 1341 г. (II. P. 58 sq.).

² *Jireček. Geschichte. Bd. I. S. 361 ff.; Бурмов А. История на България през времето на Шишмановци // Годишник на Софийския Университет 43 (1947). С. 40 сл.*

короля Стефана Дечанского и вручила бразды правления в руки его сына Стефана Душана (1331–1355). Оба славянских властителя заключили прочный мир, а Душан женился на сестре болгарского царя Елене. Тотчас Иван Александр начал войну с Византией. Ему удалось отвоевать занятые Андроником города и закрепить договором прежнюю границу (1332). А в это время сербские магнаты вместе со своим новым повелителем вторглись в византийскую Македонию с целью ее завоевания.

С начала и на протяжении всего своего блистательного правления Душан поддерживал мощный завоевательный порыв сербской крупной аристократии, которая сумела отнять земли у дышавшей на ладан Империи¹. Внутренние осложнения в Византии шли по нарастающей и сопутствовали этому завоевательному натиску. В начале 1334 г. один видный византийский перебежчик поступил на службу к сербскому правителю: Сиргианн, который во время византийской гражданской войны поочередно играл ведущую роль в обоих противоборствующих лагерях, бежал из Константинополя, пробыл некоторое время в Галате, на Эвбее и в Албании и в конце концов появился при дворе Душана. Сербскому королю этот энергичный и опытный в военном деле человек оказал большие услуги в борьбе с Византийской империей. Уже в то время пали несколько важных византийских крепостей в Македонии, такие как Охрид, Прилеп, Кастория и Струмица. Только прочные стены Фессалоники смогли остановить победоносное наступление сербов. В конце концов агенту императора удалось устранить Сиргианна, а Душан принял мирные предложения императора, поскольку с севера ему угрожало вторжение венгров. При личной встрече между Душаном и Андроником III в августе 1334 г. был заключен мирный договор, согласно которому сербы сохраняли большую часть своих завоеваний в Македонии с Охридом, Прилепом и Струмицей².

Если в Европе разыгрывалось лишь начало катастрофы, то в Азии можно было видеть последний акт трагедии. Впрочем, Андроник III и Иоанн Кантакузин предприняли попытку противостоять судьбе:

¹ См.: *Острогорски Г.* Душан и његова властела у борби за Византијом // *Зборник у част 600-годишњице Законика цара Душана*. Т. 1. Београд, 1951. С. 79–86.

² *Jireček. Geschichte*. Bd. I. S. 367 ff.; *Динић М.* За хронологију Душанових освајања византиских градова // *ЗРВИ* 4 (1956). С. 7.

уже в 1329 г. они с двумя тысячами воинов выступили против османов, чтобы освободить осажденную Никею. Однако византийцам пришлось уступить в неравном бою: превосходящие силы противника одержали победу в битве при Филокрине, а в начале марта 1331 г.¹ Орхан овладел городом, который за два поколения до того был центром византийского мира. Через шесть лет в руки осман попала также Никомидия². Остатки владений Империи в Малой Азии ограничивались несколькими разрозненными городами, такими как Филадельфия и Ираклия на Понте. То, что византийцы, окруженные морем турок, смогли продержаться здесь еще несколько десятилетий, достойно удивления, хотя это и не оказало влияния на последующее развитие событий. После завоевания вифинского побережья османы, которые с течением времени значительно расширили свою власть за счет соседних турецких племен, приступили к морским экспедициям и постоянным нападениям на европейское побережье Империи, и хотя Андроник III смог отразить эти нападения, на будущее они были сопряжены с большими опасностями.

Если османы крейсировали в северной части Эгейского моря, то сельджуки прибрежных малоазийских эмиратов — в южной. Их нападения в первую очередь были направлены против латинян, господствовавших в этой части моря; византийцев, владения которых были ограничены островами у фракийского и малоазийского побережья, они касались лишь в малой степени. Такое положение дел наводило на мысль о возможности сельджукско-византийского сотрудничества. Опираясь на сельджукские эмираты, которые, как и Империя, были вынуждены сражаться против османов и латинян, Андроник и Кантакузин стремились укрепить византийские позиции на море с помощью вновь созданного флота. В 1329 г. имперский флот выступил против острова Хиос, который находился под властью генуэзской семьи Дзаккариа, которая поначалу признавала имперский сюзеренитет, однако впоследствии полностью обособилась. Важный остров был покорен и до 1346 г. оставался во владении

¹ Согласно *Λάμπρος-Άμαντος*. Βραχέα Χρονικά. № 26.4, — 2 марта; Согласно хронике, опубликованной Горяновым (ВВ 27 (1949). С. 283, 286), — 1 марта 1331 г. Об этом тж.: *Laurent V.* в REB 7 (1949). Р. 209.

² О взятии Никомидии в 1337 г.: *Γεωργιάδης Ἀρνάκης Γ.* Οἱ πρῶτοι Ὀθωμανοί. Ἀθήναι, 1947; *Laurent V.* в REB 7 (1949). Р. 211.

Империи. Фокею, которая находилась в руках генуэзцев, император при деятельном содействии соседних сельджукских эмиров также смог принудить к признанию византийского верховенства. И наконец он спас Лесбос от попытки завоевания со стороны западных держав. Здесь в миниатюре повторилась история 1204 г.: коалиция христианских держав, составленная для войны с турецкими морскими разбойниками, напала на византийский остров, несмотря на то что император формально также примкнул к коалиции. Теперь он был вынужден с сельджукской помощью защищать свои владения против «собратьев-христиан», что ему удалось после драматической борьбы.

Наиболее значительные успехи были достигнуты Империей в Фессалии и Эпире. После смерти самого могущественного из фессалийских владетелей Стефана Гавриилопула Мелиссина (ум. 1333) страна погрузилась в полный хаос. Императорский наместник в Фессалонике Иоанн Мономах быстро вмешался в ситуацию, за ним последовал император, и вскоре вся северная половина Фессалии вплоть до каталанской границы была присоединена к Византийской империи. Эпирский деспот Иоанн Орсини (1323–1335), который попытался захватить западную часть Фессалии, был отбит, после чего был вынужден оставить эту территорию. Даже вторгшиеся в Фессалию албанские племена, которые вплоть до этого времени сохраняли свою независимость¹, присягнули императору.

После присоединения Фессалии на повестке дня стоял пункт о решении эпирского вопроса. Вследствие бесконечной партийной борьбы, сталкивавшихся между собой властных притязаний и вмешательства соседей в эпирской области царил хаос. Крушение обессиленного государства было теперь вопросом времени. Победа византийской партии в Арте ускорила его конец. Деспот Иоанн был отравлен своей супругой, а деспина Анна, принявшая вместе со своим сыном Никифором правление, начала переговоры с императором. Во главе довольно крупного войска, ядро которого составляли турецкие отряды, Андроник и Кантакузин явились в Фессалию, первым делом подавили разразившееся в албанской области восстание и добились подчинения страны (1337). Эпир вместе с Акаранией без борьбы был присоединен к Империи. Деспина просчиталась: признав византийский сюзеренитет над страной, она надеялась и дальше править

¹ По выражению Кантакузина (I. P. 474), они были ἀβασίλευτοι.

от имени своего малолетнего сына, но император ничего не хотел слышать о правлении старой династии деспотов, олицетворявшей традицию эпирской государственной независимости. Управление страной взял на себя в качестве императорского наместника протостратор Синадин. Анна и Никифор были вынуждены удалиться в Фессалонику.

Между тем заинтересованные в эпирских областях западные державы постарались отнять у Империи слишком легко доставшуюся добычу. В качестве инструмента они использовали обойденного Никифора, которого они рассчитывали задействовать против Палеолога. По поручению титулярной латинской императрицы Екатерины Валуа, правившей тогда Ахейским княжеством, анжуйский наместник Диррахия смог разжечь восстание в пользу низложенного юноши. В Арте провозгласили Никифора II, а протостратор Синадин был брошен в тюрьму. Впрочем, лишь несколько городов присоединились к этому движению, в то время как большая часть страны сохраняла верность греческому императору. Когда весной 1340 г. Андроник III и Кантакузин вновь пришли с небольшим войском¹, мятежное движение быстро улеглось. Никифор вернулся в свою ссылку в Фессалонику, вынужденный удовольствоваться титулом паниперсеваста и честью обручения с дочерью Кантакузина взамен утраченных владельческих прав. Наместником Эпира был назначен Иоанн Ангел, отличившийся при подавлении восстания, в то время как Синадин получил наместничество в Фессалонике. Одно из тяжелейших последствий крушения Византии в 1204 г., казалось, было наконец устранено. Хотя на территории Греции еще имелись латинские владения, но на Балканах больше уже не было независимых греческих государств: бывшие сепаратистские государства были воссоединены с Империей в качестве ее провинций. В высокопарных выражениях Кантакузин восхваляет этот успех, которого прежним правительствам не удавалось достигнуть несмотря на все усилия².

Этот успех был, однако, не столько следствием завоевательных усилий византийцев, сколько результатом внутреннего разложения сепаратистских государств, которые некогда могли противостоять

¹ Относительно хронологии см.: *Флоринский*. Андроник и Кантакузин. Т. 204. С. 241–242, прим. 3.

² *Cantacuzenus*. I. P. 504.

внушительной мощи Михаила VIII, а ныне практически без борьбы покорились слабой Империи. Кроме того, византийцам недолго суждено было радоваться своему приобретению. Не лишено трагизма то, что в тот момент, когда состоялось воссоединение с Империей отколовшихся областей, на них обратился завоевательный порыв сербов. Албанскую область Душан завоевал уже в ближайшие годы, а вскоре после этого, еще до того, как они успели внутренне срастись с Империей, Эпир и Фессалия также попали под власть великого сербского правителя. Византия еще была способна при благоприятных обстоятельствах, умном государственном руководстве и ловкой политике союзов достигать определенных успехов, однако она более не была в состоянии прочно удерживать приобретенное в течение длительного времени. Едва Империя пришла в себя после гражданских войн двадцатых годов настолько, чтобы вновь приступить к решению важных государственных задач, одерживая верх если не над османами и сербами, то, по крайней мере, над более слабыми противниками, как все рухнуло окончательно. Правление Андроника III оказалось лишь паузой между периодами внутренних смут. После его смерти разразилась новая гражданская война, которая была намного более ужасной и кровавой, чем смуты двадцатых годов, и имела более тяжелые последствия. От этой гражданской войны Империи уже не суждено было оправиться.

Когда 15 июня 1341 г. Андроник III умер, его сыну Иоанну V было всего лишь девять лет¹. Великий доместик Иоанн Кантакузин, который уже при жизни Андроника III фактически правил государством, как ближайший соратник императора претендовал на руководство регентством. Однако против него составила сильная оппозиция, которая концентрировалась вокруг матери императора Анны Савойской и патриарха Иоанна Калеки. Наиболее опасным противником великого доместика стал его бывший сподвижник хитроумный Алексей Апокавк, который во время последних гражданских войн отличился как сторонник Андроника III, а затем благодаря Кантакузину достиг почестей и богатства.

Придворные интриги и партийная борьба наполнили жизнь византийской столицы. Между тем внешние опасности не заставили

¹ О дате рождения Иоанна V (ноябрь 1331 г.) см.: *Charanis. Short Chronicle*. P. 344 — на основании *Λαμπρος-Άμαντος*. Βραχέα Χρονικά. № 47, 11.

себя ждать: турки грабили фракийское побережье, сербы вновь продвинулись до Фессалоники, угрожали войной и болгары. Против врагов Империи Кантакузин выступил во главе армии, которую он собрал на собственные средства, и вскоре ему удалось восстановить мир и даже укрепить положение византийцев в Греции. Феодалы Ахайи через своих представителей донесли великому доместику, что они готовы признать сюзеренитет императора, поскольку в стране царил беспорядок, и потому французские бароны предпочли бы подчиниться византийскому императору, чем представителям флорентийского банковского дома Аччаюоли, которые с недавнего времени управляли княжеством в качестве представителей титулярной императрицы Екатерины. Кантакузин исполнился гордыми надеждами: «Если нам, — говорил он на военном совете, — с Божьей помощью удастся подчинить Империи живущих на Пелопоннесе латинян, то живущие в Аттике и Беотии каталаны по необходимости либо добровольно, либо через принуждение силой присоединятся к нам. После этого держава римлян, как и в прошлые времена, будет простираться от Пелопоннеса до Византия, и очевидно, что тогда будет легко потребовать от сербов и других соседних варварских народов удовлетворение за унижения, которые они причиняли нам на протяжении столь долгого времени»¹.

Из этих надежд ничего не вышло. Разразившаяся гражданская война не только исключила какое бы то ни было расширение державы, но разрушила и то небольшое, чем Византия еще обладала. Отсутствие Кантакузина в столице соперничающая партия использовала для проведения государственного переворота. Великого доместика, увлеченного высокими патриотическими планами, объявили врагом отечества, приказав разрушить его дом и разграбить его имущество, а тех из его сторонников, кто не успел своевременно бежать из Константинополя, бросили в тюрьму. Во главе регентства вместе с матерью императора встал патриарх Иоанн; возведенному в сан великого дукса Апокавку было поручено управление столицей с соседними городами и островами, а все его помощники получили высокие места и звания. Кантакузин принял вызов и 26 октября 1341 г. провозгласил себя в Дидимотихе императором. Однако в строгом соответствии с принципом легитимности, которого он на всем протяжении

¹ *Cantacuzenus*. II. P. 80.

гражданской войны твердо придерживался, на первом месте он всегда упоминал имена императрицы Анны и законного императора Иоанна V и лишь после них ставил свое имя и имя своей супруги Ирины¹. Ему было важно подчеркнуть, что он сражался не против законного императорского рода, а против узурпации Апокавка, который в Константинополе вскоре достиг диктаторской власти. Как некогда Андроник III в борьбе против своего деда, так и Кантакузин в борьбе против константинопольского регентства прежде всего опирался на фракийскую знать, и как тогда, так и сейчас провинции было суждено одержать победу над столицей.

Византия стояла на пороге одного из тяжелейших кризисов, которые она когда-либо переживала. Гражданская война 20-х гг. значительно ослабила Империю, гражданская же война 40-х гг. отняла у нее последние жизненные силы. В еще большем масштабе зарубежные державы вмешивались теперь во внутреннюю борьбу византийцев, а сама эта борьба еще больше усиливалась социальными и религиозными противоречиями. Византия переживала не только политический, но и глубокий социальный кризис. В движении зилотов воплотилось сильное социально-революционное течение, а с политической и социальной борьбой переплелось наиболее значительное религиозное противостояние поздневизантийского времени — исихастский спор.

Исихастами в Византии уже с самого раннего времени назывались монахи, которые в священном безмолвии (ἐν ἡσυχίᾳ) вели строгую отшельническую жизнь. В XIV в. исихазм приобрел значение особого мистико-аскетического течения. Это течение непосредственно восходит к великому мистику XI в. Симеону Новому Богослову, с которым исихасты очень близко соприкасаются в своем учении и делании². Непосредственно своим возникновением поздневизантийский исихазм обязан деятельности Григория Синаита, который в тридцатые годы

¹ Вероятно, мать императора Анна некоторое время даже формально считалась в Константинополе за старшего императора. См. печати и монеты: *Bertelè F. Monete e sigilli di Anna di Savoia, imperatrice di Bisanzio*. Roma, 1937; замечания об этом Ф. Дёльгепа в BZ 38 (1938). S. 195–196. Ср. тж.: *Dölger F. Johannes VI. Kantakuzenos als dynastischer Legitimist* // SK 10 (1938). S. 19–29 (= *Paraspora*. S. 194–204).

² Ср.: *Holl K. Enthusiasmus und Bußgewalt beim griechischen Mönchtum. Eine Studie zu Symeon dem neuen Theologen*. Leipzig, 1898. Дальнейшая литература в: *Beck. Kirche*. S. 585–587.

XIV в. объезжал византийские земли. Мистико-аскетическое учение Синаита нашло сильнейший отклик в византийских монастырях. Особенно большое воодушевление оно вызвало на Афонской горе: священная обитель византийского Православия стала средоточием исихастского движения. Высшей целью для исихастов было созерцание Божественного света. Путь к нему лежал через определенное аскетическое делание. В удаленном уединении исихаст должен был произносить так называемую Иисусову молитву («Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного») и всякий раз во время произнесения молитвенной формулы задерживать дыхание: постепенно молящегося должно было охватить чувство несказанного блаженства и он должен был увидеть себя окруженным лучами неземного Божественного света, того нетварного света, который ученики Иисуса созерцали на Фаворской горе.

Впрочем, вера в вечную видимость фаворского света столкнулась с возражениями, а используемая исихастами практика особенно подверглась насмешливому отвержению. Поход против исихастов открыл приехавший из Калабрии монах Варлаам, человек большой учености, однако самоуверенный и сварливый, беспокойный ум которого соединял западную заносчивость и греческую любовь к словопрениям. Он прибыл в Константинополь, чтобы помериться силами со светочами византийской науки, но потерпел поражение в публичном диспуте с носителем энциклопедической учености Никифором Григорой, поскольку его основанный на Аристотеле рационалистический способ мышления не нашел никакого отклика у византийской публики. После этого полемический задор уязвленного в своей самооценке калабрийца сделал своей мишенью мистицизм афонских монахов, который представлялся ему воплощением самого темного суеверия. В качестве защитника исихастской мистики против него выступил великий богослов Григорий Палама¹. Разгорелся горячий спор: вопрос

¹ О Григории Паламе и его учении см.: *Василий (Кривошеин)*. Аскетическое и богословское учение св. Григория Паламы // SK 8 (1936). С. 99–154 (нем. пер.: *Mönch Wassilij*. Die asketische und theologische Lehre des hl. Gregorius Palamas. Würzburg, 1939. (Das östliche Christentum; 8)), а теперь прежде всего: *Meyendorff*. Palamas. P. 173 ff.; *Beck*. Kirche. 323 ff., 712 ff. См. тж.: *Beck H.-G.* Palamismus und Humanismus // XIIe Congrès International des Études byzantines. Rapports, III. Belgrade–Ochride, 1961, и кроме того, сообщения Дж. Скиро (Schirò) и о. Иоанна Мейендорфа: XIIe Congrès International des Études byzantines. Rapports complémentaires. S. 35 ff., 39–40.

о применяемых исихастами аскетических методах, служивший поначалу мишенью для сарказма Варлаама, вскоре совершенно отошел на задний план по сравнению с вопросом о философско-богословском ядре исихастского учения. Варлаам оспорил возможность видеть фаворский свет, который, не будучи тождественным Богу, не мог иметь вечного существования, но, как и всякое творение Бога, имел начало во времени. Если же признать существование вечного света, то он был бы ни чем иным, как Самим Божеством, которое одно является вечным и непреходящим, и в таком случае будет совершенно невозможно воспринять этот свет, поскольку Бог невидим. Вопреки этому Палама различал трансцендентную Божественную сущность (*οὐσία*) и Божественные энергии (*ἐνέργειαι* или *δυνάμεις*), которые действуют в мире и являют себя человечеству и в свою очередь являются не тварными, но вечными проявлениями Бога. Если бы не имелось никакого проявления Божественной сущности, то не существовало бы и никакой связи между имманентным миром и трансцендентным Божеством. Ничем иным, как Божественными энергиями, являются мудрость, любовь и благодать Божия, и виденный на Фаворской горе апостолами и другими просвещенными вечно видимый свет также является Божественной энергией. В то время как Варлаам проводит между вечным и временным абсолютную разделительную линию, в системе Григория Паламы между Богом и человеком выступает нечто среднее и посредствующее, что исходит от Бога и сообщается человеку. Так исихастская система становится средством выражения исконного устремления греческой религиозности, которая уже во времена христологических споров и борьбы за иконопочитание определяла позицию византийской Церкви: стремления к преодолению пропасти между миром сим и потусторонним. И потому исихастское учение, столь резко отвергнутое Римом, было полностью одобрено византийской Церковью.

Впрочем, исихазм смог утвердиться в Византии лишь после продолжительной борьбы, поскольку в самой византийской Церкви также поначалу существовало сильное сопротивление выглядевшему новшеством, в сущности же исконно древнему учению. На проведенном 10 июня 1341 г. под председательством Андроника III Соборе Палама одержал однозначную победу¹. Но когда после случившейся

¹ См.: *Meyendorff*. Palamas. P. 77 ff.

через несколько дней смерти императора Варлаам возобновил свои нападки, вместе с ним обратился против паламитского учения Григорий Акиндин из славянского Прилепа, который поначалу пытался посредничать между двумя противниками. Он также был осужден на Соборе в присутствии великого доместика Иоанна Кантакузина (август 1341). Политические перемены, наступившие вскоре после этого, привели к новому перевороту: патриарх Иоанн Калека, решительный противник Паламы, стал занимать все более антиисихастскую позицию. Палама впал в немилость, а позднее был брошен в тюрьму и даже подвергнут отлучению. Тем более тесной стала связь исихастов с объявившим себя императором Иоанном Кантакузином, и хотя далеко не все сторонники Кантакузина благоволили исихастам, так же, как не все его противники с ними боролись¹, тем не менее религиозный спор теснейшим образом оказался переплетенным с политической борьбой, которая расколола Империю на два враждебных лагеря.

Еще более глубоким был социальный разрыв. Именно в социальном расколе Империи и заключалась тяжесть разразившейся гражданской войны, а также причина ее опустошительных последствий. Растущая экономическая нужда усугубила социальные противоречия. В той мере, в какой Империя приходила в упадок и беднела, в сельской местности и в городах росла нужда широких народных масс. Как на селе, так и в городах богатства сосредотачивались в руках узкого аристократического слоя, и именно против него было направлено недовольство нищающих масс.

Во времена своего расцвета византийский абсолютизм воздвиг на развалинах старого городского муниципального строя всемогущество своего административного аппарата и подчинил городскую жизнь всеохватному централизму. С ослаблением центральной власти местные силы стали сильнее заявлять о себе, а собственно городская жизнь, казалось, вновь оживилась². Но, напротив, именно ослабление центральной власти феодалами, а не появление новых общественных сил привело в Византии к возрождению прав городской автономии: не пробивающий себе дорогу класс торговцев и ремесленников, как на Западе, а местная земельная аристократия

¹ До сих пор этим моментом часто пренебрегали; особенно четко его подчеркнул Мейендорф (*Meyendorff. Palamas*).

² См.: *Bratianu. Privilèges. P. 101 sv.; Bréhier. Institutions. P. 208 sv.*

господствовала в поздневизантийское время в жизни городов¹. Эту разницу следует иметь в виду, сколь бы верным ни было то обстоятельство, что события, которые разразились в жизни византийского города в середине XIV в., находят себе много параллелей в современной им истории итальянских и даже фламандских городов и вписываются в общие рамки социальной борьбы в городах Европы². Это принципиальное различие объясняет, почему некогда лидирующее экономическое могущество Византии было столь быстро и полно превзойдено итальянскими торговыми городами, а под конец и полностью ими уничтожено.

Противоречия между регентством в Константинополе и предводителем аристократов Кантакузином заставило вспыхнуть тлевшую в Империи социальную вражду. В своей борьбе против Кантакузина Алексей Апокавк опирался на народные массы, возбуждая дух социального недовольства против аристократической партии своего противника. Легковоспламеняющийся материал вспыхнул: в Адрианополе разразилось восстание против местной аристократии, а вскоре этот пожар охватил и другие фракийские города. Представители аристократических и богатых семей, сторонники магната Кантакузина, уничтожались повсюду.

Наибольшего размаха и ожесточения достигла классовая борьба в Фессалонике, в этом крупном портовом городе с пестрым составом населения, где величайшее богатство соседствовало с крайней бедностью. Фессалоника, которая занимала в Империи особое положение и была местом выражения старых свободолюбивых устремлений, имела сильную народную партию с крепкой организацией и более или менее ясной политической идеологией: партию зилотов (ревнителей). Таким образом, антиаристократическое движение выражалось здесь не просто в примитивном выплеске народных настроений, но со времени захвата зилотами власти в 1342 г. превратилось в господствующую на протяжении продолжительного

¹ См.: *Frances E.* La féodalité et les villes byzantines au XIIIe et XIVe siècles // *ByzSlav* 16 (1955). P. 76–96; *Kirsten E.* Die byzantinische Stadt // *Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongreß*. München, 1958. S. 34 ff.; *Пугулевская Н.В., Луншиц Е.Э., Сюзюмов М.Я., Каждан А.П.* Город и деревня в Византии в IV–XII вв. // XIIe Congrès International des Études byzantines. Rapports I. Belgrade; Ochride, 1961. P. 35 ff. и ко-реферат Д. Ангелова: *Ibid.* Rapports complémentaires. P. 18 sv.

² *Bratianu.* Privilèges. P. 119.

времени систему. После изгнания сторонников Кантакузина зилоты установили в Фессалонике собственный режим.

Наместник Феодор Синадин был вынужден бежать из города. Также и другие представители знати искали спасения в бегстве. Их имущества и имущество были конфискованы. Зилоты, которых в консервативных церковных кругах рассматривали как учеников Варлаама и Акиндина, стояли в жесткой оппозиции по отношению к исихастам, союзникам Кантакузина. Зилоты-политики были врагами церковных зилотов. С социальным ниспровергательством зилоты соединяли своеобразный легитимизм: как противники Кантакузина, они признавали законного императора Иоанна Палеолога. Действительно, наиболее известные предводители этой антиаристократической партии были членами палеологовского дома. Управление городом находилось в руках назначенного из Константинополя наместника и предводителей партии зилотов. Определяющим влиянием обладал предводитель зилотов, так что фактически Фессалоника жила по своим собственным законам, почти в полной независимости от всех прочих властей. Второй город Империи на протяжении семи лет находился под властью революционной аристократической партии, которая с большой решимостью утверждала свою власть и без колебаний устранила своих противников¹.

¹ Современники, сообщавшие о правлении зилотов, описывают их в мрачайших тонах, однако во всех этих случаях речь идет об убежденных противниках зилотов. Их сообщения о правлении зилотов, к сожалению, являются весьма скудными. То, что можно прочесть об этом в специальной литературе и в предыдущих изданиях этой книги, главным образом основывается на речи Николая Кавасилы. Между тем И. Шевченко (*Ševčenko. Nicolas Cabasilas. P. 81 ff.*) показал, что это сочинение имело в виду не правление зилотов, а определенные меры императорского правительства, и весьма вероятно, что ее составление относится к более позднему времени. Таким образом, общепринятые представления о владычестве зилотов и предпринимаемых ими мерах должны быть пересмотрены. Так, в частности, упреки Кавасилы в адрес продажи государственных должностей и епископских кафедр не следует прилагать к зилотам. Также и его выпады против отчуждения монастырских имений (этот вопрос является главным предметом его исполненной упреков речи и тем самым рассматривался как главный пункт программы зилотов) не доказывают, коль скоро не находят подтверждения в других источниках, что зилоты принимали меры по секуляризации церковных имений. Насколько я могу видеть, Никифор Григора лишь утверждает, что они отнимали у богатых их собственность (II. P. 796.15: καὶ τῶν πλουτοῦντων ἀφαρῶμενοι τὰς οὐσίας). Кантакузин (II. P. 234.7) сообщает, что они вторгались в дома бежавших аристократов, разрушали их и грабили их собственность

Повсеместно от Фессалоники вплоть до Константинополя власть знати была сломлена. Дело Кантакузина, казалось, было проиграно. Его ближайшие сторонники, среди них даже Синадин, отреклись от него, ибо это было единственным способом сохранить жизнь и имущество. Лишенный из-за народного восстания всякой поддержки в Империи, Кантакузин с примерно двумя тысячами человек отошел к сербской границе и попросил помощи у Стефана Душана. Вмешательство в византийскую гражданскую войну вполне отвечало захватническим планам сербского короля и жадной до завоеваний сербской знати. Король и королева Сербии приняли византийского узурпатора в Приштине с большими почестями (июль 1342). Кантакузин провел в Сербии достаточно долгое время. Его переговоры с Душаном и сербскими вельможами имели своим итогом заключение союза, причем каждая из сторон преследовала свои цели. Нападения союзников на укрепленные Серры в 1342 и 1343 гг. успеха не имели. Свита Кантакузина между тем сократилась до пятисот человек. Но в это время к нему прибыло посольство, сообщившее, что Фессалия признает его императором. Страна крупных землевладельцев присоединилась к предводителю византийской аристократии. Кантакузин отдал провинцию своему старому другу и родственнику Иоанну Ангелу в пожизненное управление. Тот стал почти независимо, но при этом неизменно признавая суверенные права своего господина править Эпиром с Акарнанией и Этолией, а также Фессалией. Вскоре он смог дополнительно расширить свои значительные области за счет каталанских владений в Фессалии. Если из старых имперских областей Кантакузин оказался вытеснен, то ему сохраняли верность недавно возвращенные греческие земли, которым он всегда

(τὰς οὐσίας διήρπασεν). Очевидным образом здесь идет речь не об изъятии земельных владений, а лишь о конфискации имущества в самой Фессалонике, которой, собственно, и ограничивалась сфера влияния зилотов. Итак, основа наших знаний о характере правления зилотов и их правительственных мер становится более скудной, зато более надежной. Настроение, которое одушевляло движение зилотов, позволяет понять недавно опубликованное проникнутое духом глубокого социального недовольства сочинение Алексея Макремволита, которое представляет собой диалог между богатыми и бедными; см. *Ševčenko I. Alexios Makrembolites and his "Dialogue between the Rich and the Poor" // ЗРВИ 6 (1960). Р. 187–228. [Поляковская М.А. Алексей Макремволит. Разговор богатых и бедных: Что сказали бы бедные богатым и что богатые ответили бы бедным (пер. и коммент.) // ВВ 33 (1972). С. 278–285. — Прим. пер.]*

уделял особое внимание и присоединение которых к Империи, в сущности, было его заслугой.

Этот успех претендента на византийский престол ускорил разрыв между ним и правителем Сербии. В планы Душана не входило помочь одержать победу одной из византийских партий. Он отвернулся от Кантакузина и протянул руку регентству в Константинополе, которое ревностно добивалось его благосклонности. Его сын и наследник Урош был помолвлен с сестрой юного императора Иоанна Палеолога (лето 1343). Вместо соратника Кантакузин получил теперь в лице Душана могущественного противника. Однако у него был еще один союзник: Умур, эмир Айдына, с которым его еще при Андронике III связывало тесное сотрудничество¹. Уже в конце 1342 г. он обратился к Умуру за помощью, и с тех пор Кантакузин постоянно пользовался поддержкой турок — сначала сельджуков, а затем осман. Эта поддержка дала ему преимущество над противниками, можно даже сказать, что она в конечном итоге с военной точки зрения решила исход византийской гражданской войны. Впрочем, даже с помощью Умура он не смог овладеть Фессалоникой. Город оказал узурпатору отчаянное сопротивление: грозная внешняя опасность лишь обострила радикализм зилотского правления². Так Кантакузин был вынужден отказаться от овладения Фессалоникой и оставить Македонию за Душаном, но при этом при поддержке сельджуков начал покорение Фракии. Уже в начале 1343 г. Умур вступил в Дидимотих³. Правда, ценой этого успеха было полное разграбление захваченных земель турецкими войсками.

Со своей стороны регентство в Константинополе связывало свои надежды с поддержкой южных славян: наряду с Душаном оно смогло привлечь на свою сторону и царя болгар Ивана Александра. К нему переметнулся связанный поначалу союзом с Умуром и Кантакузином отважный гайдук Момчило, укрепившийся с собственной

¹ Умур является главным героем важнейшей части труда турецкого хрониста Энвери, который подробно описал его походы и подвиги в византийских землях. Эта часть была опубликована и переведена на французский; см.: *Mélikoff-Sayar I. Le destân d'Umûr Pacha*. Paris, 1954. Глубокое исследование этого важного источника произвел П. Лемерль: *Lemerle P. L'Émirat d'Aydin, Byzance et l'Occident. Recherches sur «La geste d'Umur Pacha»*. Paris, 1957.

² *Cantacuzenus*. II. P. 393–394.

³ См.: *Lemerle P. L'Émirat d'Aydin*. P. 144 sv.

вооруженной ватагой на византийско-болгарском пограничье¹. Однако дружба славянского вождя принесла законному императору мало пользы, византийскому же государству она стоила многочисленных жертв. Положение все больше осложнялось: в то время как союзники Кантакузина опустошали византийские земли, союзники Апокавка отняли у Империи большие территории. На протяжении 1343 г. Душан захватил Воден, Касторию и Лерин и завершил покорение Албании, которая отныне, за исключением анжуйского Диррахия, полностью находилась под его властью². Болгарский царь заставил заплатить за свою дружбу уступкой еще большей территории на верхней Марице с городами Филиппополем и Стенимахом, не предоставив при этом правительству, которое бездумно согласилось на такую уступку, ни малейшей помощи. Момчило, неоднократно переходя из одного лагеря в другой, утвердил в южных Родопах собственное господство. Оттуда дерзкий авантюрист, которому Кантакузин дал титул севастократора, а императрица Анна — даже деспота, совершал набеги на все окрестности, пока наконец Умур не нанес ему поражение и не приказал его казнить (1345).

К лету 1345 г. Кантакузин покорил всю Фракию. В самом Константинополе партия его противников понесла тяжелую утрату: наиболее сильный ее представитель, великий дукс Алексей Апокавок, 11 июня 1345 г. нашел свой конец. Во время посещения тюрьмы в императорском дворце он подвергся нападению заключенных и был убит. Также и в Фессалонике произошло серьезное выступление против режима зилотов, которое, впрочем, поначалу привело лишь к еще большему всплеску революционных страстей. Показательным образом попытка реакции исходила от императорского наместника, которым был не кто иной, как великий примикирий Иоанн Апокавок, сын константинопольского диктатора. Хотя его заданием и было поддерживать антиаристократический режим в Фессалонике, но вскоре он поссорился с партией зилотов и ее предводителем Михаилом Палеологом, который сделался правителем города. Он приказал перебить руководителей зилотов и в качестве полновластного

¹ Интересные сведения о Момчило приводит упомянутая выше турецкая хроника: *Melikoff-Sayar I. Le destân d'Umûr Pacha*. P. 101, 124.

² См.: *Динић М.* За хронологију Душанових освајања византиских градова // ЗРВИ 4 (1956). С. 1–10.

наместника взял бразды правления в свои руки, а после того как его отец был убит в Константинополе, открыто перешел на сторону Кантакузина¹. Однако зилоты под предводительством Андрея Палеолога приготовились нанести ответный удар. Иоанн Апокавк был схвачен и примерно с сотней своих сторонников умер ужасной смертью: одного за другим пленников бросали с крепостной башни города, а собравшиеся внизу зилоты рубили их на куски. После этого началось массовое избиение представителей высших слоев: их «как рабов с петлей на шее влекли по улицам. Тут слуга тащил господина, а там раб — того, кто его купил. Крестьянин толкал стратига, а сельский работник — воина (т.е. прониара)»². Власть зилотов была восстановлена и продержалась еще несколько лет в полной независимости. Связи между Фессалоникой и остальной Империей стали еще менее прочными.

Несмотря на эти события, Кантакузин после свержения великого дукса Алексея Апокавка мог быть уверен в победе. Поддержанный экономически и политически сильнейшими элементами, он неотвратимо приближался к цели, в то время как власть константинопольского регентства таяла на глазах. Впрочем, претендент на престол уже не пользовался в той же мере, что и раньше, поддержкой своего друга Умура, а вскоре совсем ее утратил: Умур был отвлечен войной с союзом западных государств, которые вновь приступили к действиям и в 1344 г. захватили Смирну. Ведшаяся с переменным успехом борьба полностью отвлекла Умура, в ней он нашел и свой конец (1348)³. Между тем Кантакузин обрел еще более могущественного союзника в лице османского султана Орхана (1346). Он не остановился перед тем, чтобы отдать ему в жены свою дочь Феодору⁴. Все переменялось до крайности: некогда величайшие правители христианского мира не считались

¹ Радость, которую этот временный переворот вызвал у сторонников Кантакузина, передает, как это хорошо отметил Лёнерц (*Loenertz R.J. Note sur une lettre de Démétrius Cydonès à Jean Cantacuzène // BZ 44 (1951). P. 405–408*), письмо Димитрия Кидониса, написанное, вероятно, летом 1345 г. в Веррии. То, что настроение Кидониса вскоре переменялось, показывает приведенное ниже место.

² *Demetr. Cydones. PG 109. Col. 648–650.*

³ Об истории западной лиги в 40-е гг. XIV в. см. подробное изложение в: *Gay. Clément VI. P. 32 sv. Sp.: Lemerle. L'Émirat d'Aydin. P. 180 sv., 218 sv.*

⁴ Согласно Энвери, который приводит пространный занимательный рассказ об этом (ed. I. Mélikoff-Sayar. P. 106 sv.), он предложил ее уже Умуру.

достойными вступить в брак с византийской принцессой, теперь же византийская принцесса оказалась в гареме турецкого султана!

Уверенный в победе, Кантакузин 21 мая 1346 г. короновался в Адрианополе императорским венцом. Венчание произвел патриарх Иерусалимский. Оно должно было легализовать провозглашение в Дидимотихе, с которого в 1341 г. началась гражданская война. Территория, на которую распространялась власть императрицы Анны, ограничивалась теперь столицей и ее окрестностями. Тем не менее амбициозная женщина не сдавалась. Ее вербовка турок наконец достигла цели: летом 1346 г. пришли 6000 сельджуков из эмирата Сарухан, однако вместо того, чтобы выступить против Кантакузина, они вторглись в Болгарию, где они ожидали большей добычи, чем в опустошенной Фракии, а на обратном пути подвергли дикому грабежу окрестности Константинополя. Не помогло даже то, что императрица в последний момент протянула руку исихастам, приказав низложить патриарха Иоанна Калеку (2 февраля 1347)¹, освободив Паламу из тюрьмы и поставив на патриаршую кафедру его сторонника Исидора: 3 февраля 1347 г. перед Кантакузином открылись ворота Константинополя. Гарнизон города перешел на его сторону, и императрица была вынуждена прекратить сопротивление. Кантакузин был признан императором: десять лет он должен был править Империей, и только после этого законный правитель Иоанн V Палеолог мог принять участие в управлении государственными делами. Кантакузин женил его на своей дочери Елене.

13 мая состоялась новая церемония венчания на царство: теперь Кантакузин получил императорский венец из рук патриарха Константинопольского, ибо полностью и неоспоримо правомочным было только венчание, осуществленное епископом столицы. Между Кантакузином и семьей Палеологов установилось духовное родство, которое должно было узаконить положение нового правителя. В известном смысле Кантакузин заступил место умершего Андроника III: он считался его «духовным братом» и «общим отцом» Иоанна Палеолога и своих собственных детей и тем самым — главой правящего дома².

¹ См.: *Laurent*. Notes. P. 170.

² См. важное исследование Ф. Дёльгега: *Dölger F. Johannes VI. Kantakuzenos als dynastischer Legitimist // SK 10 (1938). S. 19–29, особ. 25 и 30 со ссылками на источники (= Paraspora. S. 194 ff., особ. 202–203).*

Победа Кантакузина временно положила конец гражданской войне. Однако в Фессалонике все еще держались зилоты, которые упорно отказывались признавать Кантакузина и отвергали любые присланные из Константинополя распоряжения. Впрочем, их свержение было лишь вопросом времени. Они сами понимали это и потому начали переговоры со Стефаном Душаном в решимости отдать город скорее сербскому правителю, чем Кантакузину. Но в конце 1349 г. их режим рухнул. После того, как предводитель зилотов Андрей Палеолог бежал к сербам, наместник Алексей Метохит отправил воззвание к Кантакузину. Тот в сопровождении Иоанна Палеолога в 1350 г. совершил торжественный вход в город, который дольше и упорнее всех сопротивлялся ему. Поставленный митрополитом Фессалоники Григорий Палама, которому зилоты не давали занять свою кафедру, также вступил наконец в город св. Димитрия.

Утверждение Кантакузина на константинопольском престоле закрепило победу исихастов. Тем не менее религиозное противостояние продолжалось, и в качестве вождя антиисихастского движения выступил теперь ученый Никифор Григора, который некогда одержал верх в научном состязании с Варлаамом. Однако в 1351 г. на Соборе во Влахернском дворце было торжественно признано православие исихастов, а над Варлаамом и Акиндином произнесена анафема. Несмотря на продолжавшуюся еще некоторое время борьбу, исихазм считался теперь официальным учением греческой Церкви. Григорий Палама вскоре после своей кончины (ум. 1357/1358)¹ был причислен к лику святых, а исихастские идеи легли в основу дальнейшего развития греческой Церкви. Учениками исихастов были знаменитый мистик Николай Кавасила, ученый канонист Симеон Солунский, поборник православия в борьбе с латинской унией в XV в. Марк Евгеник. Для Византийской империи принятие исихазма было не только религиозным, но и культурным исповеданием. После сильной латинизации XII–XIII вв. в Византии в первой половине XIV в. господствующим становится консервативное греческое направление, направление, которое жестко противостояло не только Римской Церкви, но и всей западной культуре. Если Мануил I Комнин и Михаил VIII Палеолог были представителями латинофильской

¹ См.: Βέης Ν. Τὸ ἔτος τῆς τελευτῆς τοῦ Γρηγορίου Παλαμᾶ // Ἀθηνᾶ 16 (1904). Σ. 638 и 18 (1905). Σ. 39–40.

линии, то Андроник II и Иоанн VI Кантакузин (выступивший в свое время противником старого Андроника, но во многом оказавшийся его вернейшим последователем) были носителями охранительного православно-византийского мировоззрения.

Наибольшие выгоды гражданская война в Византии принесла правителю сербов. Эта война, которая повергла Византийскую империю в руины, сделала Душана великим. За исключением Фессалоники вся Македония находилась под его скипетром, поскольку после неоднократных нападений 25 сентября 1345 г. пали сильно укрепленные Серры, после чего и прочие территории вплоть до Месты (Неста) попали под власть Душана¹. Вскоре после этого Стефан Душан провозгласил себя императором, именуясь «царем сербов и греков»². Тем самым было открыто выражено намерение заменить старую Византийскую империю новой сербско-греческой. Как некогда для Симеона, так теперь для Душана война с Византией за преобладание увенчалась притязаниями на Империю, наивысший символ византийского политического и духовного господства. И как в свое время в Болгарии, так теперь и в Сербии наряду с царством и в сочетании с ним появился собственный Патриархат. В пасхальную субботу 16 апреля 1346 г. новый сербский патриарх совершил торжественную коронацию Стефана Душана. На церемонии корона-

¹ О дате взятия Серр: *Соловьев А.* Цар душан у Серезу // *Југосл. Истор. Часопис*. 1 (1935). С. 474. По вопросу о юго-восточной границе державы Душана см. замечания Иречека в *Archiv für slavische Philologie* 17 (1892). S. 262–263, направленные против Ст. Новаковича, который доводил сербские границы вплоть до Марицы. См. тж.: *Lemerle P. Philippes*. P. 197 sv. Вопрос был недавно также исследован в: *Шкриванић Г.* О јужним и југоисточним границама српске државе за време цара Душана и после његове смрти // *Истор. часопис* 11 (1960). С. 1–15.

² О более точном определении времени венчания на царство Душана (конец ноября или декабрь 1345 г.) см.: *Ласкарис М.* Повеле српских владалаца у грчким публикацијама // *Прилози за књижевност* 8 (1928). С. 185–192. В своих греческих документах Душан именуется на византийский манер: «Στέφανος ἐν Χριστῷ τῷ Θεῷ πιστὸς βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ Σερβίας καὶ Ῥωμανίας». Сербская титулатура Душана, которая в деталях обнаруживает некоторые колебания, звучит: «Стефан в Христа Бога верни цар србљем и грком». См.: *Станојевић Ст.* Студије о српској дипломатици // *Глас САН* 106 (1923). С. 40 сл. и *Острогорски*. Автократор. С. 154 сл. Интересный вклад в исследование истории царского титула Душана и его признания или же непризнания иностранными державами вносит: *Динић Н.* Душанова царска титула у очима савременика // *Зборник у част шестестогодишњице Законика цара Душана*. Т. 1. Београд, 1951. С. 87–118.

ции, на которую по понятным причинам невозможно было получить согласия Константинополя, присутствовали патриарх Тырновский, автокефальный архиепископ Охридский и представители афонских монастырей. Поскольку Афонская гора также находилась под юрисдикцией сербского царя, он не преминул сделать все для того, чтобы завоевать благосклонность и признание со стороны наиболее священного центра греческого Православия. Он совершил длительное паломничество на Святую Гору и осыпал ее чтимые монастыри земельными пожалованиями и привилегиями¹. Никогда еще афонские монастыри не обладали такими далекоидущими правами иммунитета, как в правление Стефана Душана². Через три года после коронации в мае 1349 г. на съезде в Скопье, а затем в расширенной редакции в 1354 г. в Серрах был одобрен «Законник» Душана, который придавал новому царству прочное правовое основание³.

Передышка во внутренних войнах византийцев не прекратила продвижения сербов. Более того, в первые годы правления Кантакузина Душан довершил покорение Эпира и завладел Фессалией (1348). Впрочем, после подчинения зилотской Фессалоники Кантакузин вмешался в ситуацию в Македонии и смог занять Веррию и Воден (1350). Однако вскоре эти крепости вернулись к Душану.

С ничтожной затратой сил и без единой крупной битвы Душан отобрал у Византийской империи более половины оставшейся у нее территории, почти удвоив тем самым протяженность собственной державы. В целом военные действия ограничивались осадой отдельных городов, которые по большей части не сопротивлялись правителю сербов⁴. Его держава простиралась теперь от Дуная до Коринфского залива и от Адриатического побережья до Эгейского. Его царство было на самом деле наполовину греческой державой,

¹ Его греческие дарственные во всех деталях подражают византийским императорским документам. См. тексты в: *Соловьев А., Мошин В.* Грчке повеље српских владара. Београд, 1936.

² См.: *Острогорский Г.* К истории иммунитета в Византии // ВВ 13 (1958). С. 87 сл.

³ Подробный обзор пространной литературы о «Законнике» Душана приводится Н. Радойчицем в: *Зборник у част шестестогодишњице Законика цара Душана.* Т. 1. Београд, 1951. С. 207 сл.

⁴ См.: *Jireček.* Geschichte. Bd. I. S. 369.

которая в значительной мере состояла из греческих и грекоговорящих земель, и именно греческие земли были опорой новой империи. В свое непосредственное управление как император сербов и греков Душан взял по преимуществу южную, греческую часть своей державы, тогда как управление коренными сербскими землями на севере он поручил своему сыну, королю Урошу¹. В создании придворного штата, устройстве управления империя Душана широко пользовалась византийскими образцами, особенно в южной, царской части страны. Византийские органы управления и суды беспрепятственно продолжали свою деятельность, и нередко даже греческие архонты поступали на службу к сербскому правителю. Важнейшие посты даже в покоренных греческих областях тем не менее занимали украшенные византийскими почетными титулами представители сербской знати — соратники Душана и основные бенефициары успешных завоевательных войн². В сущности же жизнь протекала в соответствии со старыми законами, сменился лишь правящий слой.

Греческая аристократия после тяжелой гражданской войны смогла утвердить свое господство над остатками Византийской империи, но в борьбе с внешним врагом она была бессильна, утратив свое положение и владения в обширных областях в пользу победоносной сербской знати. Но даже и остатки византийских владений находились под угрозой: правитель сербов, величавший себя «*fere totius Imperii Romani dominus*» (господин почти всей Римской империи)³, казалось, стоит непосредственно перед своей конечной целью. Казалось, требовалось одно последнее усилие, чтобы вступить в Константинополь и посредством взятия имперской столицы воплотить великую мечту. Но как некогда Симеону, так ныне и Душану было отказано в этом последнем успехе: он точно так же не имел флота, без которого захват Константинополя был немыслим. Все его попытки заручиться помощью Венеции остались бесплодными: венецианцы

¹ Nic. Gregoras. I. P. 747.

² См.: Jireček. Geschichte. Bd. I. S. 386; Соловьев А. Греческие архонты в сербском царстве XIV в. // BSl 2 (1930). С. 275–286; Острогорски Г. Душан и његова властела у борби за Византијом // Зборник у част шестестогодишњице Законака цара Душана. Т. 1. Београд, 1951. С. 83–86.

³ Документ от 1345 г., адресованный Венеции и выданный в захваченных Серапах: Ljubić S. Listine o jednošajih između južnoga Slavenstva i Mletačke republike. Т. II. Zagreb, 1870. S. 278.

не желали утвердить на месте слабой Византийской империи могущественного сербского царя.

На море гражданская война также принесла Империи новые потери. Генуэзцы в 1346 г. вновь завладели Хиосом, и вскоре остров стал главной базой семьи торговцев Джустиниани, продержавшейся там вплоть до середины XVI в.¹ Византийское морское могущество, воссоздание которого при Андронике III стоило величайших жертв, за время гражданской войны пришло в упадок. Как на суше между сербами и османами, так и на море Империя стояла между Венецией и Генуей в полном бессилии. Сфера византийского суверенитета ограничивалась Фракией и островами в северной части Эгейского моря, отрезанной завоеваниями Стефана Душана мятежной Фессалоникой и частью отдаленного Пелопоннеса.

Еще худшим, чем территориальные потери, был экономический и финансовый коллапс византийского государства. Население на могло уже платить подати, поскольку во Фракии, представлявшей собой главное владение Империи, сельское хозяйство в годы гражданской войны практически прекратилось. Страна, испытывавшая на себе ужасы социальной борьбы, а затем страшные опустошения, причиненные турецкими шайками, была подобна пустыне². Византийская торговля лежала в руинах: в то время как генуэзские таможи в Галате каждый год собирали 200 000 иперпиров, ежегодные доходы от пошлин Константинополя опустились примерно до 30 000³. Сам иперпир представлял собой совершенно неопределенную величину, поскольку, как утверждают современники, его покупательная способность снижалась день от дня⁴. Если в начале XIV в. византийский государственный доход составлял ничтожную часть бывшего византийского бюджета, то теперь доходы Империи представляли собой лишь осколок скромного бюджета времен Андроника II. Хуже того, о сколь-нибудь упорядоченном бюджете не могло уже быть и речи, поскольку при совершении крупных расходов правительство зависело от доходов из чрезвычайных источников: оно могло взымать к сознательности имущих слоев или прибегало к займам или даяниям из-за рубежа.

¹ См.: *Miller. Essays*. P. 298 ff.

² *Nic. Gregoras*. II. P. 683; *Cantacuzenus*. II. P. 302 sq.

³ *Nic. Gregoras*. II. P. 842.

⁴ *Nic. Gregoras*. III. P. 52.

Уже к началу гражданской войны императрица Анна заложила в Венеции императорские драгоценности; несмотря на то что об этом долге венецианцы напоминали Империи при каждом возобновлении торгового договора, она уже не смогла его выплатить, и императорские драгоценности остались в сокровищнице Сан-Марко¹. Около 1350 г. великий князь Московский прислал деньги на реставрацию Святой Софии. Но мало того, что на такое дело византийцы были вынуждены привлекать деньги из-за рубежа: благочестивое даяние русского великого князя было тотчас же взято в казну и роздано византийским правительством неверным — его пустили на наем турецких вспомогательных войск². Всё это показывает размеры обнищания византийцев. Даже в императорском дворце, где некогда все купалось в роскоши и богатстве, царила такая бедность, что во время празднества по поводу венчания на царство Иоанна Кантакузина использовались чаши уже не из золота и серебра, но из свинца и глины³. В довершение всех несчастий в 1348 г. на Империю обрушилась чума, причинившая ужасные опустошения главным образом в столице, а затем проделавшая свое шествие по всей Европе⁴.

Странным образом, несмотря на то что протяженность Империи сильнейшим образом сократилась, все чаще дает о себе знать потребность раздела высшей власти. Столь малой территорией уже невозможно было управлять из одного центра, и единовластие императора превращается в многочленный семейный режим правящего дома. Это происходит либо посредством мирного соглашения, либо путем деления между противниками в гражданской войне. Византийские владения в Морее на Пелопоннесе Кантакузин передал своему второму сыну Мануилу⁵. Его старший сын Матфей получил

¹ Miklosich–Müller. T. III. P. 124, 140; *Hopf. Geschichte*. Bd. I. S. 444; *Zakythinos. Crise monétaire*. P. 92, 99.

² *Nic. Gregoras*. III. P. 199–200.

³ *Nic. Gregoras*. II. P. 788. При Кантакузине на царский стол расходовалось в десять раз меньше, чем расходовалось ранее: *Nic. Gregoras*. II. P. 811.

⁴ Согласно одной западной хронике, в Константинополе вымерло 8/9 всего населения (*Chronicon Estense*, ed. Muratori. T. XV. P. 448). Во всяком случае, количество жертв было весьма велико: *Cantacuzenus*. III. P. 49 sq.

⁵ Утвердилось представление о том, что византийские владения в Морее с этого времени представляли собой «деспотат». По мнению Ферьянчица (*Ферьянчић. Деспоти*. С. 126 сл.), это воззрение следует оставить. Хотя сыновья императора,

в западной Фракии, теперь граничившей с Сербией, собственное владение, которое простиралось от Дидимотиха до Хрисополя. Ясно, что действиями Кантакузина руководило стремление укрепить свою новую династию перед лицом законного правящего дома Палеологов. Руководящим при проведении этой меры было, пожалуй, то обстоятельство, что распадающиеся части Империи не позволяли держать себя вместе иначе как посредством создания сильной родовой власти¹. Так созданная Кантакузином система правления, предпосылки возникновения которой встречаются уже в более раннее время, была сохранена и развита его преемниками из дома Палеологов. Перед лицом крупных феодалов правитель стремится опереться на членов своего дома, поскольку в феодальном государстве правящая династия в сущности является всего лишь наиболее сильной среди многочисленных конкурирующих семей магнатов.

Внешняя политика Кантакузина обнаруживает достойную внимания преемственность. В качестве великого доместика при Андронике III, затем в качестве узурпатора во время гражданской войны и, наконец, в качестве правителя он по существу следовал одним и тем же принципам. Это проявляется как в сотрудничестве с турками, которого он до конца прочно придерживался, так и в дружественной по отношению к Генуе линии, которая при некоторых колебаниях представляла собой отличительную черту его политической позиции. Чтобы иметь возможность противостоять подавляющему могуществу Генуи, был необходим собственный флот, и тем самым в качестве первой и наиболее спешной задачи вставала проблема создания флота. Поскольку государственная казна была пуста, Кантакузин обратился с воззванием к частным владельцам. Но и частное богатство в страшные годы гражданской войны сильно уменьшилось, и готовность имущих слоев к пожертвованиям была крайне низкой. С грехом пополам было собрано около 50 000 иперпиров, которые

правившие в Морее, по большей части носили титул деспота, однако они носили его не как правители морейской области, но именно как сыновья императора либо же его братья. Предоставляемое им звание деспота ни в содержательном, ни во временном отношении не стояло в связи с их отправкой на Пелопоннес. Морейское владение представляло собой их апанаж, подобно другим областям Империи, которые в это время предоставлялись членам правящего дома в качестве апанажей.

¹ См.: *Stein. Untersuchungen. S. 25–26.*

и были потрачены на постройку кораблей¹. Император не мог смириться с тем, что из таможенных сборов на Босфоре 87 % шло генуэзцам, и стремился положить конец этому позорному положению. Он понизил константинопольский тариф для большинства ввозимых товаров и этим достиг того, что прибывающие торговые корабли все больше приставали в византийской гавани, пренебрегая генуэзской Галатой². Как и следовало ожидать, терпевшие ущерб генуэзцы взялись за оружие, и Империя проиграла в неравной борьбе. Византийский флот весной 1349 г. был уничтожен. Все усилия и жертвы оказались напрасны: Империи уже было не суждено освободиться от опеки генуэзцев.

Едва окончилось противостояние между Византией и Галатой, как в византийских водах вновь разгорелась война между Генуей и Венецией. Она была вызвана стремлением Генуи добиться контроля над всей черноморской торговлей. Генуэзцы пытались закрыть плавание в Черном море для других кораблей и зашли так далеко, что конфисковали в Каффе несколько венецианских торговых кораблей, которые ускользнули от их наблюдения (1350). Венеция вступила в союз с Педро IV Арагонским, а также с Кантакузином, который, будучи не уверен в исходе войны, сначала занял колеблющуюся позицию и лишь затем примкнул к союзу. 13 февраля 1352 г. в Босфоре произошло крупное морское сражение: с одной стороны стояли генуэзские корабли, а с другой — венецианские и арагонские, рядом с которыми, как небольшой довесок, были 14 кораблей, которые император смог снарядить с помощью венецианцев. Сражение продолжалось вплоть до ночи, не принеся никому решающей победы, так что успех приписывали себе обе стороны. Дальнейшая борьба протекала в западных водах, пока, наконец, взаимное истощение не принудило стороны заключить в 1355 г. мирное соглашение. Уход венецианско-арагонского флота после сражения на Босфоре поставил Кантакузина в сложное положение: оказавшись в изоляции, он был вынужден заключить с генуэзцами мир, тем более что те вступили в союз с Орханом. Эта вынужденная смена союзников привела к тому, что венецианцы вступили в соглашение с Иоанном V. Палеолог получил от венецианцев заем в 20 000 дукатов для борьбы с Кантакузином, в обмен на что

¹ *Cantacuzenus*. III. P. 80.

² *Cantacuzenus*. III. P. 68 sq. Cp.: *Heyd*. Commerce du Levant. Vol. I. P. 498 sv.

пообещал передать республике остров Тенедос. К разрыву с Кантакузином его также побуждал могущественный царь сербов. Византия стояла на пороге очередной гражданской войны.

Вокруг фигуры законного государя с самого начала сосредотачивались противники Кантакузина, а став старше, Иоанн V и сам начал бунтовать против своего приниженного положения. Посредством хитрого маневра Кантакузин попытался уладить конфликт: подвластная Матфею Кантакузину область была передана Палеологу, в то время как сам Матфей получил еще более важное владение с центром в Адрианополе. Впрочем, соглашение долго не продержалось, и когда неизбежный разрыв все же последовал, то враждебные действия начались в своеобразной форме войны между двумя автономными владениями — Иоанна Палеолога и Матфея Кантакузина. Снабженный венецианскими деньгами, Иоанн V осенью 1352 г. во главе маленькой армии вторгся в область своего шурина. Он нигде не столкнулся с сопротивлением, Адрианополь сам открыл ворота перед законным императором, в то время как Матфей заперся в цитадели города. Однако ему на помощь поспешил Иоанн Кантакузин с турецкими войсками и быстро восстановил статус-кво. Адрианополь и другие города, отпавшие от Кантакузинов, в качестве наказания подверглись сильному разграблению со стороны турок. После этого загнанный в угол Палеолог призвал на помощь болгар и сербов и получил от Стефана Душана, которому он прислал в качестве заложника своего брата, деспота Михаила, 4000 всадников¹. Но и Орхан не покинул своего друга Кантакузина, послав к нему под командованием своего сына Сулеймана новый отряд, который насчитывал не менее 10 000 человек². Так исход сражения между двумя противоборствующими византийскими императорами находился в руках османов и сербов. Победила превосходящая мощь турок: после того как болгары отошли ввиду приближения огромных масс турок, сербские войска вместе с греческими отрядами Иоанна V были наголову разбиты при Дидимотихе (конец 1352).

¹ Так у Никифора Григоры (III. P. 181). Согласно очевидным образом преувеличенным данным Кантакузина (III. P. 246), — 7000. О деспоте Михаиле Палеологе: *Papadopoulos. Genealogie der Palaiologen*. № 74.

² См.: *Cantacuzenus*. III. P. 248. Согласно Григору (III. P. 181), турок насчитывалось даже 12 000.

Если прежде Кантакузин, несмотря на то что он уже десять лет находился в состоянии войны с Палеологами, старался сохранять принцип легитимности, то теперь он считал, что пришло время поставить могущество своего дома на более прочное основание и окончательно устранить законного императора. Матфей Кантакузин в 1353 г. был провозглашен соправителем и наследником престола своего отца, в то время как Иоанн V Палеолог более не должен был поминаться при богослужениях и в аккламациях во время публичных празднеств¹. На протест патриарха Каллиста Иоанн Кантакузин не обратил внимания, однако приказал низложить строптивного первоиерарха, на место которого был поставлен Филофей. В 1354 г. во влахернской церкви Матфей принял из рук императора и нового патриарха императорский венец.

Однако триумфу Кантакузина не суждено было продлиться долго: оппозиция заявляла о себе все сильнее, и сам ход войны между Иоанном Палеологом и Матфеем Кантакузином ясно свидетельствовал о перемене настроений в Империи. Благодаря туркам Иоанн Кантакузин вновь смог победить своего соперника, однако турецкая помощь была палкой о двух концах: время бессистемных турецких грабежей подходило к концу, начиналась эпоха прочного закрепления османов на европейской почве. Уже в 1352 г. они обосновались в крепости Цимпе близ Галлиполи (Каллиполя), а в марте 1354 г., после страшного землетрясения, которое выгнало византийцев из этой области, — сын Орхана Сулейман занял и сам Галлиполи². Тщетно

¹ Согласно Кантакузину (III. P. 33), Матфей поначалу не имел никакого особого титула, имея лишь достоинство, которое «было выше деспота и следовало непосредственно за императорским». Эту позицию между василевсом и деспотом, для которой не было найдено никакого обозначения, первым занимал сын Михаила VIII Константин Палеолог (*Cantacuzenus*. Ibid.). Это обстоятельство является своеобразным результатом обесценивания и дифференциации титулов: иерархия высших степеней являлась настолько запутанной, что не позволяла выразить себя в ясных терминах.

² О хронологии см. в: *Charanis*. Short Chronicle. P. 347 ff. на основании *Λάμπρος-Ψαυτος*. Βραχέα Χρονικά. № 52, 22. Ср. тж.: *Jireček* в *Archiv für slavische Philologie* 14 (1892). S. 259. Перенесение даты взятия Галлиполи на март 1355 г., которое предлагает Арнакис на основе косвенных выводов (*Georgiades Arnakis* G. Gregory Palamas among the Turks and Documents of his Captivity as Historical Sources // *Speculum* 26 (1951). P. 111–112 и Gregory Palamas, the χιόνες and the Fall of Gallipoli // *Byz* 22 (1952). P. 310–312), невозможно уже потому, что доподлинно известно, что

Кантакузин апеллировал к дружбе Орхана и, несмотря на обнищание государства, предлагал ему большие суммы за возвращение захваченного города. Османы и не думали возвращать крепость, которая предоставляла им прекрасную оперативную базу для дальнейших захватов во Фракии. В Константинополе население было охвачено паническим страхом: полагали, что турки уже непосредственно угрожают столице¹. Свои позиции Кантакузину было уже не удержать, почва для переворота была подготовлена.

Между тем Иоанн V вступил в соглашение с генуэзцами, старыми врагами Кантакузина, и без труда снискал их расположение и поддержку. Некому генуэзскому корсару, Франческо Гаттилузио, владельцу двух галер, на которых он в поисках добычи и приключений крейсировал по Эгейскому морю, было суждено вернуть Палеолога на престол предков. За услуги Иоанн V пообещал ему руку своей сестры Марии, а в качестве приданого — остров Лесбос, самый большой и значительный из островов, которые еще оставались во владении Империи². В ноябре 1354 г. заговорщики проникли в Константинополь. Иоанн Кантакузин был принужден отречься и принял монашескую схиму³. Под именем Иоасафа он прожил еще почти тридцать лет, не вполне отрекшись от мира. За это время он написал не только свою знаменитую «Историю» и несколько богословских сочинений, в которых защищал исихастское учение, но и подчас активно вмешивался в политические события в Константинополе и Морее. Влияние Кантакузина на гибнущую Империю и разрываемый нескончаемыми смутами правящий дом прекратилось только с его смертью. Он умер 15 июня 1383 г. на Пелопоннесе⁴.

город попал под власть турок еще во время правления Иоанна Кантакузина. — См.: *Charanis. On the Date of the Occupation of Gallipoli by the Turks* // BSI 16 (1955). P. 113–117, который недавно основательно выступил в защиту тезиса о том, что город был взят в марте 1354 г.

¹ *Demetr. Cydones*. PG 154. Col. 1013.

² О господстве Гаттилузио на Лесбосе, которое продолжалось вплоть до турецкого завоевания в 1462 г., см.: *Miller. Essays*. P. 313 ff.

³ О дате свержения Иоанна Кантакузина (22 ноября 1352 г.): *Loenertz. Lettres de D. Cydonès*. P. 109.

⁴ См.: *Meyendorff J. Projet de Concile Oecuménique en 1367: un dialogue inédit entre Jean Cantacuzène et le légat Paul* // DOP 14 (1960). P. 149–177.

Могущество и историческая роль дома Кантакузинов пережили смерть бывшего императора. Его сын и соправитель Матфей еще некоторое время держался в Родопах. Оттуда он даже вторгся в соседние сербские области, однако был схвачен сербами при Филиппах и выдан Иоанну V Палеологу. Таким образом он был вынужден отказаться от своих прав на верховную власть (1357). Напротив, попытка лишить власти над Мореей Мануила Кантакузина потерпела неудачу и закончилась признанием ловкого деспота правительством Палеологов. Вплоть до своей смерти в 1380 г. Мануил управлял владениями Византии на Пелопоннесе. Ему наследовал его брат Матфей (до 1382), который после своего низложения отправился в Морею. За время своего долгого правления Маниул Кантакузин упорядочил дела в Морее и упрочил греческую власть посредством успешной борьбы с турецкими вторжениями. Во мраке безвозвратного упадка византийского могущества возрождающаяся греческая Морея оставалась единственным светлым пятном. Однако поскольку страна находилась под автономным правлением дома Кантакузинов, длительное время она оставалась фактически недоступной для центральной власти Палеологов.

Бессилие Византийской империи было еще более глубоким, чем в то время, когда Кантакузин взойшел на престол Константинополя, еще большей была дезинтеграция имперской территории и еще более непреодолимой хозяйственная и финансовая нужда. Для Империи, которая при жизни одного поколения пережила три гражданских войны, уже не было спасения. Основаниями прежнего могущества византийского государства было его денежное богатство и его превосходный административный аппарат. Теперь в византийской государственной казне царила зияющая пустота, а система управления находилась в состоянии полного разложения. Валюта пришла в упадок, все источники дохода были исчерпаны и даже старые сокровища растрочены. От фем и ведомств логофетов, станового хребта византийского провинциального и центрального управления, остались одни названия. Важнейшие должности превратились в пустые титулы, угасла даже память об их прежних функциях: у Кодина можно прочесть, что было уже неизвестно, чем, собственно, занимались логофет геникона и логофет дрома¹. Если

¹ *Codinus*, 34, 36. В пустые титулы также превратились должности прочих логофетов и даже некогда в высшей степени важная должность префекта города (*Codinus*, 35, 39–40).

вспомнить прежнее значение этих должностей и учесть тот факт, что Феодор Метохит при Андронике II еще в 20-е гг. XIV в. занимал должность логофета геникона, а затем великого логофета¹, то можно понять масштаб и скорость упадка византийского административного строя в роковые десятилетия византийских гражданских войн. С крушением финансового могущества и разложением управленческого аппарата существование Византийской империи лишилось всякого прочного основания. Процесс упадка длился еще долго, поскольку вплоть до самого конца Византия сохраняла свою удивительную жизнестойкость. Тем не менее история последнего столетия существования Византии представляет собой не что иное, как историю непрекращающегося упадка.

3. Османское завоевание Балканского полуострова. Византия как зависимое от турок государство

Общая литература: *Halecki*. Un empereur; *Dölger*. Johannes VII; *Κολίας*. Ἡ ἀνταρσία Ἰωάννου Ζ'; *Charanis*. Palaeologi and Ottoman Turks; *Loenertz*. M. Paléologue et D. Cydonès; *Loenertz*. Péloponèse; *Loenertz*. Lettres de D. Cydonès; *Gay*. Clément VI; *Silberschmidt*. Das orientalische Problem; *Jorga N.* Philippe de Mézières et la croisade au XIVe siècle. Paris, 1896; *Ostrogorsky G.* Byzance, État tributaire de l'Empire turc // ЗРВИ 5 (1958). С. 49–58; *Viller M.* La question de l'Union des églises entre Grecs et Latins depuis le concile de Lyon jusqu'à celui de Florence // Revue d'histoire ecclésiastique 17 (1921). P. 261–305, 515–532; 18 (1922). P. 20–60. — Касательно истории осман, южных славян, итальянских морских республик и франкской Греции см. библиографию к гл. 1–2 раздела VIII.

6 августа 1354 г. венецианский байло, посланник Венеции в Константинополе, донес дожу Андреа Дандоло, что византийцы, находящиеся

¹ *Nic. Gregoras*. I. P. 271, 303, 305. Таким образом, не следует считать вслед за Дёльгером (*Dölger*. Finanzverwaltung. S. 20), что должность логофета геникона исчезла уже после 1204 г. См., напротив, *Stein*. Untersuchungen. P. 33; *Laurent V.* в ЕО 38 (1939). P. 368 sv.; *Lemerle P.* Actes de Kutlumus. № 34. P. 131; *Verpeaux J.* Le cursus honorum de Théodore Métochite // REB 18 (1960). P. 195–198; *Ševčenko I.* Études sur la polémique entre Théodore Métochite et Nicéphore Choumnos. Bruxelles, 1962. P. 272 sv. См. тж.: *Андреева*. Очерки. С. 39.

под угрозой со стороны турок и генуэзцев, готовы подчиниться любой из держав: Венеции, правителю Сербии или даже королю Венгрии¹. А 4 апреля 1355 г. дож Марино Фальер просто посоветовал республике аннексировать Империю, поскольку в противном случае она, находясь в таком жалком положении, окажется добычей турок². Ни для кого не было секретом, что Византия стоит на пороге крушения, и оставался единственный вопрос, отойдут ли остатки Империи туркам или одной из христианских держав.

Один из наиболее вероятных претендентов на византийское наследство между тем достаточно скоро исчез: 20 декабря 1355 г. Стефан Душан умер в расцвете сил, а с ним ушло в могилу и его великое дело. Молодой царь Стефан Урош V (1355–1371), не обладавший ни авторитетом, ни энергией своего отца, не смог удержать непрочно сбитые, неоднородные части царства. Держава, которую сильная рука Душана выковала со слишком большой поспешностью, распалась. Повсюду выдвинулись независимые и полунезависимые владетели: на развалинах греко-сербского царства Душана возник пестрый конгломерат малых государств. Впрочем, византийцам распад сербской державы не принес ощутимого облегчения. Несмотря на то что смерть Душана освободила Империю от одного из могущественных противников, она была настолько ослаблена, что не смогла извлечь из распада сербского царства никаких выгод и не предприняла никакой серьезной попытки вновь овладеть старыми византийскими землями. Правда, великий стратопедарх Алексей и великий примикерий Иоанн на службе у Иоанна V заняли полосу побережья вплоть до Хрисополя в устье Струмы, однако наступление двух братьев вскоре застопорилось: они удержали за собой города побережья, в то время как внутренние земли прочно оставались в руках сербов³. Лишенный престола Никифор II Эпирский предпринял более масштабный поход с целью вернуть себе отцовское наследство. Как в Эпире, так и в Фессалии он достиг значительных успехов, однако в 1358 г. погиб в сражении с албанцами. Опасность турецкого завоевания

¹ *Ljubić*. Listine o jednošajih izmedju južnoga Slavenstva i Mletačke republike. T. III. Zagreb, 1875. S. 266; Шафарик в: Гласник српског ученог друштва 12 (1860). С. 13.

² *Hopf*. Geschichte. Bd. I. S. 448.

³ См. подробное изложение П. Лемерля (*Lemerle*. Philipppes. P. 206 sv.), который впервые пролил более яркий свет на деятельность обоих братьев.

с распадом державы Душана стала еще более угрожающей, поскольку теперь на всем Балканском полуострове не было силы, которая могла бы повести борьбу с османами.

Следует признать, что Иоанн V вполне осознавал серьезность положения. Конечно, заблуждаться вряд ли было уже возможно, поскольку турки стояли на пороге Фракии, единственной провинции, которая еще оставалась у Империи. Для предотвращения грозящей опасности император прибег к испытанному средству — переговорам об унии, которые столь ловко использовал в свое время родоначальник династии Палеологов. Однако между тогдашней и нынешней ситуацией существовало фундаментальное различие: при Михаиле VIII Империи угрожали западные силы, на которые папство могло духовно воздействовать, в то время как Иоанну V приходилось иметь дело с неверными, против которых могла помочь только военная сила. С этой точки зрения недавний опыт с находившейся под покровительством папы лигой христианских держав был не слишком обнадеживающим. Обещание церковной унии было козырем в византийской политической игре, которым императорский двор время от времени пользовался. После неудачи Лионской унии переговоры с Римом хотя и прекратились на целых 40 лет, однако уже сам Андроник II временно прибегал к ним в тяжелые годы гражданской войны. Затем и при Андронике III, и особенно при императрице Анне, а в наиболее трудное время даже при Иоанне Кантакузине вновь велись переговоры о церковной унии, однако без какого-то ощутимого результата¹. Однако Иоанн V подошел к этому делу серьезно. Он с большим рвением стремился к унии, делу которой он, выросший под влиянием своей матери-католички, был искренне предан. 15 декабря 1355 г., едва ли через год после начала правления, он направил в Авиньон пространное и весьма наивное послание, в котором просил папу о присылке пяти галер и пятнадцати транспортных кораблей с тысячей пеших солдат и пятьюстами всадниками. За это он обещал в течение шести месяцев обратить своих подданных к римской вере и предоставлял папе столь далеко идущие гарантии

¹ Halecki. Un empereur. P. 17 sv.: автор, кажется, преувеличивает значение проводившихся при Иоанне Кантакузине переговоров; Ж. Ге (*Gay*. Clément VI. P. 111 sv.), на которого он при этом ссылается, куда более сдержан. Ср. тж.: *Viller M.* La question de l'union des églises // *Revue d'hist. eccl.* 18 (1922). P. 26 sv.

исполнения своего обещания, что их лишь с трудом может объяснить даже крайне тяжелое положение Империи. Так, среди прочего, второй сын императора Мануил, бывший тогда пяти или шести лет от роду, должен был отправиться в качестве заложника к папскому двору и воспитываться папой. В случае, если он не исполнит своих обещаний, император намеревался отказаться от власти, после чего папский выкормыш Мануил, а вплоть до его совершеннолетия сам папа в качестве его приемного отца, должен будет управлять Империей¹. По-видимому, Иннокентий VI не достаточно серьезно воспринял эти неслыханные обещания; во всяком случае, в своем ответном послании он вообще не остановился на детальных предложениях Иоанна V, ограничившись тем, что похвалил настроения императора в весьма теплых, но слишком общих выражениях и отправил в Византию своего легата. Вскоре император был вынужден донести в Рим, что ему — по крайней мере пока — не удалось привести к унии все население Византии, ибо папское посольство, поелику оно не сопровождалось оснащенными галерами, не обладало достаточной убедительной силой, а его собственных увещаний многие подданные не послушались. После этого в переговорах об унии наступила пауза протяженностью в несколько лет.

Действительно, оппозиция, на которую император намекал в своем письме, была очень сильной. Хотя в Византии и существовала значительная партия сторонников унии, наиболее выдающимся представителем которой был Димитрий Кидонис, подавляющее большинство византийского клира и народа как во время предшествующих переговоров об унии, так и теперь неукоснительно придерживалось древних вероучительных традиций. Патриарх Каллист, который после начала правления Иоанна V как личный враг Кантакузина вновь вступил на патриарший престол Константинополя, был настроен строго консервативно и всегда заботился о сохранении преимуществ своего патриархата. Греческая Церковь смогла охранить свои права лучше, чем ослабевшая Империя. По собственной воле возникший Сербский Патриархат Каллист подверг анафеме еще во время своего первого патриаршества², а от болгарского патриарха он добился

¹ Подробный анализ послания в: *Halecki. Un empereur*. P. 31 sv.

² Согласно В. Мошину (Св. патријарх Калист и српска црква // Гласник српске прав. цркве 27 (1946). С. 202), между осенью 1352 и весной 1354 г.

признания верховенства Константинопольского престола: в Тырново с тех пор имя Константинопольского патриарха возглашалось при богослужении на первом месте. Тем самым был предначертан и путь к улаживанию конфликта с Сербской Церковью. Византийская Церковь отвоевала свои позиции, государство же, напротив, теряло их одну за другой.

Вскоре после утверждения Сулеймана в Галлиполи началось систематическое завоевание турками балканских земель. В 1359 г. Константинополь впервые увидел турецкие отряды под своими стенами¹. Обессиленная держава не могла оказать сопротивления, и если сильно укрепленной столице пока не грозила непосредственная опасность, то более отдаленная Фракия, у которой гражданские войны отняли последние силы, была отдана на произвол врага. Города сдавались один за другим: уже в 1361 г. в руки турок окончательно перешел Дидимотих, а где-то через год настала очередь Адрианополя².

При Мураде I (1362–1389) покорение балканских земель, причем не только греческих, но и прежде всего южнославянских, вступило в решающую фазу. Так же, как и Византия, южные славяне оказались бессильными против наступления превосходящих сил врага. Если

¹ Matteo Villani / Ed. Muratori. T. XIV. P. 567.

² Хронология турецких завоеваний очень ненадежна. Согласно Маттео Виллани (ed. Muratori. T. XIV. P. 567–568), Дидимотих впервые был взят уже в 1359, а окончательно в ноябре 1361 г. У Панарета Трапезундского (ed. O. Lampsidis. 1958. P. 74.15) Адринополь в византийском владении в последний раз фигурирует в марте 1362 г. Ср. Иречек в: Archiv für slavische Philologie 14 (1892). S. 260 и BZ 18 (1909). P. 582–583. Бабингер (*Babinger*. Beiträge. S. 46–47) сдвигает взятие Дидимотиха к 1360 г., а Адрианополя — к 1361 г., что, впрочем, с учетом вышеприведенных сведений источников, по моему мнению, затруднительно. Лёнерц (*Loenertz R.-J.* Études sur les chroniques brèves byzantines // ОСП 24 (1958). P. 155–164) относит падение Адрианополя даже к 1360 г. (p. 159), опираясь при этом на одну венецианскую хронику и краткую хронику № 36 из издания Ламброста-Амандоса. Впрочем, оба источника очевидным образом содержат ошибки и перепутанные сведения. Относительно краткой хроники № 36 это отмечает сам Лёнерц; относительно венецианского источника см. замечания С. Чирковича в: *Новаковић С.* Срби и турци XIV и XV века. Београд, 1960. С. 445–446. — Нелепым является мнение А. Бурмова (Кога е завладан Одрин от турците? // Изв. на Бълг. истор. дружество 21 (1945). С. 23 сл.) о том, что Адринополь пал только после битвы на Марице в 1371 г. Это мнение, которое прежде всего опирается на позднейшие сербские источники, было обоснованно опровергнуто М.Н. Тихомировым (Вопросы истории. 1948. Вып. 6. С. 91–92) и Бабингером (REB 7 (1950). S. 205).

даже сербская держава после смерти Душана находилась в состоянии разложения, то куда более тяжелым было положение Болгарии, которая, распавшись на части и будучи ослаблена тяжелой хозяйственной нуждой и религиозным брожением, пребывала в полном упадке. Опытный полководец Лалá Шахин в 1363 г. вошел в Филиппополь и в качестве первого бейлербея Румелии сделал его своей резиденцией. Сам султан также перенес резиденцию на Балканы, разместив свой двор сначала в Дидимотихе, а затем (примерно с 1365 г.) в Адрианополе¹. Так османы прочно встали на ноги уже и в Европе, тем более что турецкое наступление сопровождалось систематической колонизацией. Местное население массами отправлялось в рабство в Малую Азию, а в покоренных областях поселялись турецкие колонисты и турецкие вельможи, прежде всего военачальники султана, наделяемые обширными земельными владениями.²

Устрашенная силой турецкого наступления, Болгария искала спасения в договоре с могущественным завоевателем и потому разорвала отношения как с Венгрией, так и с Византийской империей³. В 1364 г. между Болгарией и Византией даже произошло вооруженное столкновение, и византийский император смог занять портовый город Анхиал на Черном море. Так эта несвоевременная война принесла византийцам по крайней мере одно удовлетворение: оказалось, что есть страна еще более слабая, чем их преследуемая несчастьями Империя.

При всех своих надеждах на римскую помощь византийский император искал и других союзников против наступающих турок. Сам патриарх Каллист отправился в Серры, где встретился со вдовой Душана, однако вскоре, пораженный внезапной болезнью, умер. Никакого прочного успеха не имели и переговоры с итальянскими морскими республиками. Тогда император вновь обратился в Авиньон. Теперь, казалось, на Западе всерьез готовятся к крестовому походу; и действительно, осенью 1365 г. состоялась экспедиция под началом короля Кипрского Петра, которая, впрочем, оказалась обращена против Египта, так что Иоанн V опять обманулся в своих надеждах. Тогда он самолично — а в энергии ему было не отказать —

¹ См.: *Babinger*. Beiträge. S. 48 ff.

² См.: *Ников*. Турското завладяване. С. 46 сл.; *Babinger*. Beiträge. S. 48–49, 57 ff.

³ Так *Ников*. Турското завладяване. С. 55 сл.

направился весной 1366 г. в Венгрию, чтобы заручиться поддержкой могущественного короля Людовика (Лайоша) Великого.

Впервые византийский император отправился за границу не в качестве полководца во главе армии, а в качестве ищущего помощи просителя. Но все было напрасно, Рим оставался верен своему принципу: сначала обращение, затем предоставление помощи. Венгерский король, более непреклонный, чем сам Рим, потребовал, чтобы византийский император не только перешел в католическую веру, но и заново крестился по римскому обряду¹. Иоанн V уехал с пустыми руками, а на обратном пути его постигла неприятность: достигнув занятого венграми Видина, он был вынужден прервать путешествие, поскольку болгары не разрешили ему проезд по их территории. Крайне маловероятно, что это произошло без ведома его сына Андроника, женатого на болгарской принцессе. Во всяком случае, тот не предпринял ничего, чтобы освободить своего отца, и только вмешательство «Зеленого графа» Амадея Савойского выручило несчастного правителя. «Зеленый граф», кузен императора, летом 1366 г. появился с крестоносным войском в византийских водах. С налету он отнял у турок Галлиполи, а затем обратился против Болгарии и принудил ее к освобождению императора, а также к сдаче Месемврии и Созополя, так что положение Византии на западном побережье Черного моря заметно укрепилось.

Между тем крестоносная экспедиция и для Амадея Савойского была неразрывно связана с планами унии. По его просьбе сопровождавший его папский легат Павел в 1367 г. был принят членами византийского правящего дома в присутствии верховных представителей Церкви и государства для собеседования об унии. С греческой стороны главным был ни кто иной, как низложенный Иоанн Кантакузин, «отец» правящего императора, чья сильная личность господствовала в этом собрании. Кантакузин требовал созыва Вселенского Собора в Константинополе и смог добиться от папского легата согласия на это². В Риме, однако, его требование не нашло

¹ Это явствует из опубликованного недавно И. Мейендорфом текста, который упоминается в следующем примечании.

² См.: *Meyendorff J. Projet de Concile Oecuménique en 1367: un dialogue inédit entre Jean Cantacuzène et le légat Paul // DOP 14 (1960). P. 147–177*, где публикуется сообщение современника о переговорах с образцовым комментарием в предваряющем исследовании. Правда, это интересное и важное сообщение очевидным образом принадлежит стороннику Кантакузина. См. тж.: *Meyendorff J. Jean-Joasaph*

отклика. Папе больше импонировало непосредственное единение с готовым к обращению Иоанном, которое в конце концов и состоялось. В августе 1369 г. Иоанн V через Неаполь прибыл в Рим. В его свите было несколько высокопоставленных светских сановников, но ни одного представителя византийского духовенства. После отклонения представленных Кантакузином требований византийская Церковь устранилась от дальнейших переговоров, и в то время как император отрекался в Риме от веры отцов, патриарх Филофей, друг Кантакузина, после смерти Каллиста вновь призванный на константинопольский престол, стремился посредством увещаний и посланий укрепить в верности своей вере не только византийцев, но и православных христиан за границей Империи — в Сирии и Египте, а также в южнославянских землях и на Руси¹. Так с большой торжественностью совершенный Иоанном V в октябре 1369 г. переход в римскую веру остался индивидуальным актом, который касался лишь лично императора. Церковной унии не последовало² и отношения между двумя Церквями не переменились. Но политический результат путешествия оказался сугубо отрицательным, поскольку все надежды на западную помощь оказались призрачными.

Собственно, цель путешествия и перехода в другую веру оказалась недостигнутой. Тем не менее Иоанн V вернулся на родину не сразу: весной 1370 г. он отправился в Венецию. К этому его побудила большая нужда в деньгах. Он уже не просил о военной помощи для своей державы, а пытался просто получить денег. Между тем длительное пребывание в Венеции принесло ему только новые разочарования и тяжелые унижения. Впрочем, было достигнуто и одно соглашение: Иоанн V выразил свою готовность уступить Венеции весьма желанный для нее остров Тенедос, в обмен на что Венеция согласилась вернуть заложенные тридцатью годами ранее его матерью византийские императорские драгоценности, предоставить 6 транспортных судов и выплатить 25 000 дукатов наличными. Дело казалось

Cantacuzène et le projet de Concile Oecuménique en 1367 // Akten des XI. Intern. Byzantinisten-kongresses. München, 1960. P. 363 sv.

¹ См.: *Halecki*. Un empereur. P. 235 sv.

² Это правильно подчеркивается в: *Halecki*. Un empereur. P. 205. Напротив, ошибочно в: *Vasiliev A.* Il viaggio di Giovanni V Paleologo in Italia e l'unione di Roma del 1369 // Studi bizantini e neoellenici 3 (1931). P. 153–192.

улаженным, и император получил потребованные им 4000 дукатов задатка. Однако Андроник, который в его отсутствие возглавлял регентство в Константинополе, отказался передать Тенедос Венеции, поскольку остров в силу своего положения у входа в Дарданеллы был желателен для его друзей, генуэзцев. Так Иоанн V оказался в весьма незавидном положении: у него не было денег для возвращения домой, а также и возможности уплатить свои долги и полученный задаток. Его отчаянный призыв о помощи Андроник холодно отклонил: он заявил, что народ не даст прикоснуться к церковным сокровищам (других ценностей, очевидно, уже не имелось). Теперь Иоанн V мог благодарить небо за то, что его планы 1355 г. остались на бумаге и что молодой Мануил не был, как он того хотел, отправлен заложником в Авиньон: Мануил, управлявший Фессалоникой, поспешил на помощь отцу и выручил его в трудном положении¹. В октябре 1371 г.² измученный император возвратился, наконец, после более чем двухлетнего отсутствия в Константинополь, так ничего и не добившись. Бесперспективную попытку при таких обстоятельствах привести свою страну к церковной унии он, по всей видимости, даже не предпринимал. Согласно Димитрию Кидонису, который сопровождал

¹ Лёнерц (*Loenertz R.-J.* Jean V Paléologue à Venise (1370–1371) // *REB* 16 (1953). P. 217–232) образцово восстановил историю пребывания Иоанна V в Венеции и тем самым разрешил весьма спорный вопрос. О. Халецкий (*Halecki.* Un empereur. P. 335 sv. и *Two Palaeologi in Venice, 1370–1371* // *Byz* 17 (1944–1945). P. 331–335) утверждает, что задержание Иоанна V в Венеции из-за его долгов является позднейшей легендой и что тот в течение одного года добровольно пребывал в Венеции. Дёльгер (*Dölger.* Johannes VII. S. 22 ff. и *BZ* 33 (1933). S. 134 и 43 (1950). S. 441) и Харанис (*Charanis.* Palaeologi and Ottoman Turks. P. 286 ff.) указали на невозможность такого утверждения и выразили мнение, что Иоанн V действительно был задержан в Венеции как неплатежеспособный должник. После исчерпывающего исследования Лёнерца тезис Халецкого окончательно был опровергнут, в то время как мнение Дёльгера и Хараниса (которое я разделял в более ранних изданиях этого труда) подверглось уточнению, которое, впрочем, коснулось не сути вопроса, а лишь некоторых нюансов. Сам Лёнерц говорит: «Он (Иоанн V) фактически был пленником в Венеции; не пленником за долги, как ошибочно писали, но все же пленником... своих долгов или, по крайней мере, отсутствия у него денег» (p. 218). И далее: «Сеньории, чтобы воспрепятствовать отъезду императора, не требовалось одевать ему на ноги кандалы; без денег и без кредита он не мог оснастить свои галеры для возвращения» (p. 225).

² Касательно даты: *Λάμπρος-Ἀμαντός.* Βραχέα Χρονικά. № 47, 32. Об этом: *Charanis.* Short Chronicle. P. 340 и *Palaeologi and Ottoman Turks.* P. 292.

несчастливого императора во время его неудачного путешествия, это были «тщетные хлопоты без всякой пользы для нашей родины»¹.

Между тем очередная крупная турецкая победа показала, сколь действительно необходимой была помощь, о которой тщетно хлопотал Иоанн V. После утверждения осман во Фракии сербская Македония оказалась под непосредственной угрозой. Деспот Иоанн Угleshа, правивший в Серрах, был первым, кто «взялся за оружие против безбожных мусульман»². Он попытался организовать большое контрнаступление против завоевателей и призвал Византию «к общей войне против общего врага»³. Угleshа пошел на такие уступки византийцам, что осудил в самых резких выражениях возвышение Душана и создание Сербского Патриархата, и в подвластной ему области признал юрисдикцию Константинопольского Патриархата⁴. Тем не менее к нему присоединился только его брат, король Вукашин. Братья выступили со своими войсками против Адрианополя и сошлись с врагом у Черномена на Марице. Там 26 сентября 1371 г. их воинство было уничтожено турками. Сами Угleshа и Вукашин нашли свою смерть на поле боя, и тем самым сошли со сцены две наиболее сильные личности тогдашних Балкан. После этой катастрофы македонские земли утратили независимость. Местные князья, среди них и сын Вукашина, герой сербских народных песен Марко Королевич, были вынуждены признать верховенство султана, обязались платить дань и поставлять войска туркам. Окончательное подчинение их владений, как и прочих балканских земель, было теперь лишь вопросом времени.

Победа осман на Марице, наиболее важная и имевшая наибольшие последствия вплоть до 1453 г., чрезвычайно сильно затронула и Византию, несмотря на то что та не принимала участия в сражении. То, что Мануил, двигаясь из Фессалоники, вторгся в область погибшего Угleshы и вступил в Серры (ноябрь 1371)⁵, было слабым

¹ *D. Cydonès. Correspondance* / Ed. Loenertz. Vol. I. № 37, 5.

² *Соловьев–Мошин*. Грчке повеље српских владара. № 38, 6.

³ *D. Cydonès* // PG 154. Col. 1034.

⁴ *Соловьев–Мошин*. № 35.

⁵ См. опубликованный П.Н. Папагеоргиу в BZ 3 (1894). S. 316, Anm. 2 текст из рукописи Протата № 21. Ср. тж.: *Loenertz*. M. Paléologue et D. Cydonès. P. 278; *Le-merle*. Philippes. P. 214 sv. — Тогда Мануилу со всей торжественностью пожизненно было вверено правление Фессалоникой и завоеванные в Македонии территории:

утешением и доставило всего лишь мимолетную выгоду. Насколько обострилось положение Византийской империи, демонстрирует тот факт, что императорское правительство, как об этом сообщает сам Мануил в одном позднейшем документе, «сразу после смерти деспота Сербии, блаженного Углеши», приняло решение лишить византийские монастыри половины принадлежавшей им земли и раздать ее в пронию, чтобы укрепить оборону страны перед лицом «весьма тягостного и невыносимого турецкого вторжения»¹. Более того, вскоре после битвы при Марице Византия также оказалась в формальной зависимости от османских властителей и обязалась выплачивать дань и поставлять им войско². Около этого времени Болгария также признала верховную власть турок. Так, менее чем через двадцать лет после начала утверждения осман на европейской территории, и Византийская империя, и ее бывший сильный соперник, болгарское царство, опустились до положения турецких вассалов.

Уже весной 1373 г. мы видим императора Иоанна V во исполнение его вассального долга сопровождающим султана в походе в Малую Азию. Его отсутствием в Константинополе воспользовался Андроник, поднявший открытый мятеж против отца. Он вступил в соглашение с османским принцем Савджи-челеби, и дело дошло до своеобразного общего мятежа византийского и османского принцев против своих отцов (май 1373). Впрочем, Мурад быстро разгромил мятеж, приказал ослепить Савджи и потребовал, чтобы Иоанн V точно так же наказал и своего сына. Император не мог воспротивиться приказу султана, однако в то время как Савджи скончался от ужасных ран, наказание над Андроником и его маленьким сыном Иоанном было произведено в более мягкой форме, так что они не совсем утратили зрение и, к вящему ущербу для Империи, смогли играть и далее значительную роль. Вместо мятежников, которые

см. составленный Димитрием Кидонисом прооймион хрисовула, изд. Цахариэ фон Лингенталем в: *Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften* 1888. II. S. 1417 ff.

¹ См. изданную В. Мошиным (Акти из светогорских архива // Споменик 91 (1939). С. 165 сл.) протагму Мануила II от декабря 1408 г. Подробности о секуляризации византийских монастырских земель, их разделе между прониарами см. в: *Ostrogorskiy. Féodalité*. P. 161 sv.

² См.: *Ostrogorsky G. Byzance, État tributaire de l'Empire turc* // ЗРВИ 5 (1958). С. 49–58.

были заключены под стражу и лишены прав на престол, в статусе наследника престола выступил Мануил. 25 сентября 1373 г. он был венчан отцом в качестве соправителя¹.

Распря в византийском правящем доме вскоре переплелась с венецианско-генуэзским спором за Тенедос. Поскольку Иоанн V присудил его венецианцам, генуэзцы, недолго думая, решили провозвести в Константинополе смену правительства и тем самым воспрепятствовать передаче важного со стратегической и торгово-политической точки зрения острова Венеции. Они помогли Андронику бежать из заключения в Галату и использовали его в качестве претендента на престол против Иоанна V, а в конечном итоге против Венеции. 12 августа 1376 г. Андроник IV при поддержке турок после 32 дней осады вошел в Константинополь и арестовал отца и брата. Через несколько дней он уступил Тенедос генуэзцам. Туркам он вернул отвоеванный за десять лет до того Амадеем Савойским Галлиполи². Однако генуэзцам не удалось вступить во владение Тенедосом. Жители острова сохранили верность Иоанну V, а в октябре 1376 г. он был оккупирован венецианцами. Генуэзцы, со своей стороны, не смогли с этим смириться, и через год за спорный остров началась война³.

Со своей стороны Иоанн V и Мануил II с венецианской помощью смогли бежать из тюрьмы и затем с позволения турок вновь занять потерянный престол. Благоволение народа, как представляется, было на их стороне, однако это обстоятельство оказалось второстепенным: для судеб Империи распределение внутренних сил стало уже неваж-

¹ См.: *Charanis. Palaeologi and Ottoman Turks*. P. 293 ff.; *Loenertz R.-J. La première insurrection d'Andronic IV Paléologue (1373) // EO 38 (1939). P. 340 sv.; Dölger F. Zum Aufstand des Andronikos IV. gegen seinen Vater Johannes V. im Mai 1373 // REB 19 (1961). P. 328–332.*

² *Dem. Cydonès. Correspondance / Ed. Loenertz. Vol. II. № 167, 15.* Согласно Харанису (*Charanis. Palaeologi and Ottoman Turks*. P. 296 ff.), сдача Галлиполи последовала лишь в начале 1377 г. При этом он основывается на данных хроники, восходящей к XVI в. (*Λάμπρος-Ἀμαντός. Βραχέα Χρονικά. № 45.6*); насколько мало можно доверять данным этой хроники, показывает то обстоятельство, что по ее данным Мурад примерно в это же время покорил Сербию. *Loenertz. Lettres de D. Cydonès. P. 114* помещает сдачу Галлиполи под сентябрём 1376 г.

³ См.: *Thiriet F. Venise et l'occupation de Ténédos au XIVe siècle // Mélanges d'archéologie et d'histoire 65 (1953). P. 225 sv.*

ным. Всё теперь зависело от воздействия внешних сил, ибо Византия была теперь объектом в политических играх задействованных на Востоке крупных держав: обеих итальянских республик и османской державы. В своей борьбе за императорский престол Иоанн V и Андроник IV, в сущности, были лишь действующими лицами в борьбе противоположных интересов Венеции и Генуи. Конец этому спору положила в конце концов воля султана: при помощи турок Иоанн V и Мануил 1 июля 1379 г. вступили в город. Условием предоставления помощи было то, что они вновь обязались уплачивать султану дань и поставлять ему свои войска. Мануил должен был ежегодно являться ко двору султана с условленной данью и вспомогательными войсками, а также сопровождать повелителя осман в его походах, куда бы он ни приказал¹.

Между тем венецианско-генуэзская война за Тенедос продолжалась. Борьба велась с обеих сторон с нарастающим ожесточением, но не приводила к результату. В конце концов обессиленные противники при посредничестве графа Амадея Савойского заключили 8 августа 1381 г. в Турине мирный договор. Был достигнут компромисс: Тенедос не доставался ни Генуе, ни Венеции, его укрепления должны были быть срыты, а жители переселены на Крит и Эвбею. Демилитаризованный остров должен был быть передан уполномоченному графа Савойского. Византия оставалась полностью в стороне от происходящего, как будто остров ей никогда не принадлежал. Между тем венецианский байло Тенедоса отказался сдать остров, так что постановления договора вступили в силу лишь зимой 1383–1384 гг., но и после этого венецианцы еще долгое время использовали остров как базу флота².

После возвращения на престол Иоанн V был вынужден, несмотря на недавние события, признать Андроника IV и его сына Иоанна VII в качестве законных наследников и уступил им Силимврию, Ираклию, Редест и Панид. Это признание, которое означало по сути

¹ Согласно Халкокондилу (ed. Darkó. Vol. I. P. 57.13, 58.1), размер дани составлял 30 000 золотых монет ежегодно, в то время как византийские вспомогательные войска, согласно Сфрандзи (ed. Papadopoulos. P. 60.21), составляли 12 000 человек пехоты и конницы.

² *Thiriet F. Venise et l'occupation de Ténédos au XIVe siècle // Mélanges d'archéologie et d'histoire 65 (1953). P. 228.*

отстранение Мануила и имело своими последствиями новые конфликты в правящем доме, было закреплено 2 ноября 1382 г. формальным договором¹. После этого остатки Византийской империи распались на несколько уделов, которые управлялись членами императорского дома: в Константинополе правил Иоанн V; оставшиеся города на Мраморном море держал Андроник IV, больше зависимый от султана, чем от своего отца; обойденный Мануил получил в свой удел ранее управлявшуюся им область Фессалоники²; в Морее же с 1382 г. правил третий сын императора, Феодор I³.

Палеологам удалось наконец отобрать у Кантакузинов византийские владения на Пелопоннесе. Это было единственным успехом, который могла записать на свой счет палеологовская династия в эти мрачные времена. Феодор I (1382–1406) был вынужден признать главенство султана и поначалу, как послушный вассал, пользовался турецкой поддержкой в борьбе против своих внешних и внутренних соперников⁴. В борьбе против местной аристократии и небольших соседних латинских государств он смог довольно значительно укрепить византийское господство в Морее. Посредством расселения больших масс мигрировавших к югу албанцев он приобрел для страны новую рабочую силу⁵. В византийском центре при этом ситуация, напротив, выглядела весьма плачевно. Давление извне и изнутри становилось все более сильным, призрачный мир между императором и его старшим сыном также продолжался недолго. Андроник вновь взялся за оружие и попытался захватить одну крепость на дороге из Селимврии к Константинополю. Лишь после тяжелого боя, который едва не стоил ему жизни, Иоанн V смог отразить нападение. Вскоре после этого Андроник IV умер (июнь 1385)⁶.

¹ См.: Loenertz. M. Paléologue et D. Cydonès. P. 287, 477. См. тж.: Loenertz. Fragment d'une lettre de Jean V Paléologue à la commune de Gênes 1387–1391 // BZ 51 (1958). P. 37–40.

² См.: Dennis. Manuel II. P. 46 ff.

³ Касательно хронологии см.: Loenertz. Péloponnèse. P. 161 sv.

⁴ См.: Loenertz. Péloponnèse. P. 166 sv.

⁵ См.: Zakythinos. Despotat. Vol. II. P. 31 sv.

⁶ Λάμπρος-Ψαυτος. Βραχέα Χρονικά. № 15, 23; Loenertz. M. Paléologue et D. Cydonès. P. 477 sv. и Loenertz. Fragment d'une lettre de Jean V Paléologue à la commune de Gênes 1387–1391 // BZ 51 (1958). P. 39–40.

В сражениях между османами и христианскими странами Балкан наметился решительный поворот. Наиболее сильное сопротивление все еще могли оказывать сербы. Среди владетелей, правивших остатками царства Душана, в то время выделялся в качестве сильнейшего и наиболее значительного государственного деятеля князь Лазарь. После смерти царя Уроша (1371), последнего прямого потомка Немани, он взял на себя правление Рашкой. Местных правителей он смог отчасти привлечь на свою сторону, отчасти же подчинить своему влиянию. Наибольшее значение в предстоящей борьбе имела связь Лазаря с Твртко Боснийским, могущество которого быстро возрастало¹. В качестве потомка дома Неманичей по боковой линии Твртко в 1377 г. принял королевскую корону, а после смерти Людовика Венгерского (1382) начал быстрое и мощное продвижение в Хорватию и Далмацию, что привело к созданию большого, хотя и недолговечного южнославянского государства, а его сделало самым могущественным в то время христианским правителем на Балканах. То, что Твртко присоединил к своей державе и сербские земли, не помешало сотрудничеству между двумя правителями. Отношения с Византией благодаря дипломатическому таланту Лазаря также стали более дружественными, поскольку церковный спор, вызванный самовольным учреждением сербского Печского Патриархата, был в 1375 г. улажен в духе компромисса, наложенная на сербскую Церковь анафема была снята, а за ее предстоятелем признан сан патриарха².

Нападения осман становились все более частыми и причиняли как грекам, так и славянам все большие потери. Правда, в 1382 г. Мануил II Фессалоникийский начал наступление против турок³.

¹ См.: Чоровић В. Историја Босне. Београд, 1940. С. 276 сл.; Историја народа Југославије. Т. 1. 1953. С. 530 сл.

² Животи краља и архиепископа српских / Изд. Даничић. 1866. С. 381 сл. Ласкарис (*Lascaris M.* Le patriarcat de Peć a-t-il été reconnu par l'Eglise de Constantinople en 1375? // *Mélanges Diehl*, I. Paris, 1930. P. 171–175) неосновательно подвергает сомнению признание сербского патриархата Византией в 1375 г. Ср. мои замечания в SK 5 (1932). P. 323–324, См. тж.: *Laurent V.* L'archevêque de Peć et le titre de patriarche après l'union de 1375 // *Balkanica* 7 (1944). P. 303–310.

³ Заслуга указания на это принадлежит интересному исследованию Денниса: *Dennis.* Manuel II. Впрочем, кажется, что Деннис преувеличивает успехи этого византийского контрнаступления. Соответствующие пассажи в письмах Димитрия Кидониса — единственном источнике, который вообще его упоминает, — весьма

Это было открытым бунтом против османских сюзеренов и смелым вызовом, который был полной противоположностью политике его отца в Константинополе. Однако успехи этого наступления не могли быть ни значительными, ни устойчивыми. Турки одержали верх, и 19 сентября 1383 г. Серры окончательно перешли в их руки¹. Вскоре после этого началась осада Фессалоники. Сильный портовый город оборонялся более трех лет, но в конце концов в апреле 1387 г. был вынужден открыть османам ворота². Мануил покинул город незадолго до его падения и бежал на Лесбос.

Между тем пали также София (ок. 1385)³ и Ниш (1386). Впрочем, после падения Ниша Лазарю удалось разгромить войска Мурада при Плочнике, а в 1388 г. вторгшаяся в Боснию турецкая армия была наголову разбита боснийским воеводой Влатко Вуковичем при Билеце. Тогда Мурад с большим войском выступил на решительную войну с южными славянами. Первый удар обрушился на болгарского царя,

ярки риторически, однако не содержат ни одного конкретного сведения о том, что происходило на самом деле.

¹ Согласно Тешнеру и Виттеку (*Taeschner F., Wittek P. Die Vezirfamilie der Ğandarlyzâde und ihre Denkmäler // Der Islam 18 (1929). S. 71–72*), турки временно заняли Серры уже в 1373 г. Так же считает Лёнерц: *Loenertz. M. Paléologue et D. Cydonès. P. 278* (начало 1372 г.); более сдержан Лемерль: *Lemerle. Philippes. P. 217 sv.* и особенно Деннис: *Dennis. Manuel II. P. 66–67*. Мнение о промежуточном занятии города турками в 1372 или 1373 г. основывается на данных турецкой хроники Саадеддина и прежде всего на греческом переводе сохранившегося документа Мурада I, который хранился в монастыре Продрома в Серрах и гарантировал этому монастырю (? — речь идет о монахах τῆς ἐκκλησίας Μαργαρίτου) защиту султана. См. теперь текст в: *Guillou A. Les archives de Saint-Jean-Prodrôme sur le mont Ménécée. Paris, 1955. P. 155*, где этот документ датируется 1372 г., в то время как Тешнер и Виттек, а также приведенное ими (*Op. cit. S. 72, Anm. 1*) сообщение Мордтманна датирует его 1373 г. Во всяком случае, достойно внимания, что византийские акты этого времени, которые часто упоминают сербскую власть до 1371 г. (особ. см.: *Lemerle. Actes de Kutlumus. № 33* от августа 1375 г. и № 34 от октября 1375 г.), ни единым словом не упоминают якобы последовавшее после этого завоевание города турками.

² Относительно хронологии взятия Фессалоники: *Charanis. Short Chronicle. P. 359 ff.*; *Loenertz. M. Paléologue et D. Cydonès. P. 478 ff.*; *Dennis. Manuel II. P. 151 ff.* Вероятно, затем Фессалоника была освобождена от турок и, как показывает Лёнерц (*Loenertz. Op. cit. P. 483*), вновь была взята штурмом Баязидом I 12 апреля 1394 г. Новые свидетельства того, что еще в январе 1394 г. Фессалоника была византийской, приводит М. Ласкарис: *Τόμος Κ. Ἀρμενοπούλου. 1951. Σ. 331 έπ.*

³ Относительно хронологии см.: *Babinger. Beiträge. S. 65 ff.*

который, ободренный сопротивлением Лазаря, отважился противиться султану и отказал ему в уплате дани. Османы вступили в Болгарию, сломили сопротивление царя и принудили его к подчинению (1388). Затем султан обратился против сербов.

Князь Лазарь с сербскими и боснийскими войсками выступил на Косово Поле (что значит по-сербски «поле дроздов»), где 15 июня 1389 г. произошла историческая битва, которая после катастрофы при Марице стала наиболее значительной вехой в истории покорения Балканского полуострова османами, а в народном сознании продолжает жить как центральное событие средневековой сербской истории. Вначале казалось, что удача улыбается сербам: сам султан был убит, однако под предводительством наследника престола Баязида превосходящие силы осман в конце концов взяли верх¹. Князь Лазарь попал в плен и был казнен вместе со своими вельможами. Его преемникам оставалось лишь склониться перед победителем и признать османское владычество. Последний сильный центр сопротивления был сломлен, и после этого турецкое завоевание с еще большей силой стало распространяться по балканским странам.

Как византийские императоры и болгарские цари, так и сербские феодалы один за другим были вынуждены согласиться на уплату дани и на поставку войск султану. Дань туркам как в Византии, так и в южнославянских землях легла бременем на все население. Распределенный по всей земле и на всех землевладельцев без учета их прежних привилегий, турецкий харадж представлял собой в тогдашних греческих и славянских землях важнейшую подать, от которой никого не мог освободить даже правитель страны, если только не соглашался сам вносить уплату за освобожденного².

Со времени битвы на Косовом Поле и восшествия на престол Баязида I османский гнет стал еще более тяжелым и в Византии.

¹ О ходе сражения нам известно мало надежных фактов, поскольку современные сведения о нем недостаточны, а сами события вскоре обросли легендами. См. критическую разработку вопроса С. Чирковичем в: *Новаковић С.* Срби и турци. 1960. С. 453 сл. Там же (с. 470) новая литература по битве на Косовом Поле. О сведениях византийских источников см. особ.: *Radović N.* Die griechischen Quellen zur Schlacht am Kosovo Polje // *Byz* 6 (1931). P. 241–246. См. тж.: *Braun M.* Kosovo, die Schlacht auf dem Amselfeld in geschichtlicher und epischer Überlieferung. Leipzig, 1937.

² См.: *Божућ И.* Доходак царски. Београд, 1956. С. 54 сл.; *Ostrogorsky G.* Byzance, État tributaire de l'Empire turc // *ЗРВИ* 5 (1958). С. 53–58.

Положение Империи становилось все более плачевным, все больше она зависела от султана, который повелевал не только окружающими землями, но умел навязать свою волю и самой столице, подавляя в зародыше всякое поползновение к независимости. В качестве своего орудия он использовал молодого Иоанна VII, который, как истинный сын Андроника IV, своими претензиями на престол играл на руку султану. Баязид предоставил ему свою поддержку, и 14 апреля 1390 г. Иоанн VII овладел столицей и императорским престолом¹. Если в 1386 г. во время узурпации Андроника IV главную роль играли Генуя и Венеция, что теперь султан единолично принимает решение о замещении Константинопольского престола, тогда как обессиленные войной за Тенедос итальянские морские республики, особенно ослабленная внутренними потрясениями Генуя, отступают на задний план. И все же достойным внимания является то, что Иоанн VII имел сторонников в Константинополе, что облегчило ему вступление в город и восшествие на престол².

Возвышение Иоанна VII выглядело как первый шаг к завоеванию Константинополя султаном. Венецианский сенат, который снарядил тогда посольство в Константинополь, дал своему уполномоченному особые инструкции на тот случай, если он уже застанет в Константинополе «сына Мурада»³. Однако правление Иоанна VII оказалось недолгим. Бежавший на Лемнос Мануил нанес ответный удар. После двух неудачных нападений ему удалось 17 сентября 1390 г. войти в Константинополь, изгнать соперника и восстановить на престоле себя и своего отца⁴. Однако теперь в Константинополе понимали, что императорский венец может носить лишь тот, кто беспрекословно подчинялся воле султана и исполнял все требования. В то время как Иоанн V осуществлял свою призрачную власть в Константи-

¹ См.: Dölger. Johannes VII. S. 27 ff.; Charanis. Palaeologi and Ottoman Turks. P. 303 ff. Новейшее и важнейшее исследование об узурпации Иоанна VII: Κολί-ας. Ἡ ἀνταρσία Ἰωάννου Ζ', где впервые привлекается рассказ очевидца — Игнатия Смоленского.

² Это показывают сведения Игнатия Смоленского; см.: Κολίας. Ἡ ἀνταρσία Ἰωάννου Ζ'. Σ. 39 ἐπ., 43 ἐπ.

³ См. цитированное Зильбершмидтом (Silberschmidt. Das orientalische Problem. S. 68) «поручение» (commissio) венецианскому послу.

⁴ Λάμπρος-Ἀμαντός. Βραχέα Χρονικά. № 52, 44. Ср.: Charanis. Palaeologi and Ottoman Turks. P. 304; Dölger. Johannes VII. S. 28; Κολίας. Ἡ ἀνταρσία Ἰωάννου Ζ'. Σ. 41, 49 ἐπ.

нополе, Мануил пребывал при дворе султана, как покорный вассал снося все унижения. Хотя и он, и его отец сопровождали со своими войсками уже Мурада I, однако тогда они на стороне султана воевали с сельджуками. Теперь же Мануил на стороне Баязида был вынужден выступить против византийской Филадельфии и помогать своими войсками султану в завоевании последнего византийского города в Малой Азии¹. Не менее жестоким было унижение, которое постигло примерно в то же время старого императора в Константинополе: новые укрепления, которые он приказал возвести, осознавая грозящую столице опасность, он был вынужден вновь разрушить по приказу Баязида². 16 февраля 1391 г. Иоанн V завершил свой исполненный страданий жизненный путь³.

По получении известий о смерти своего отца Мануил ускользнул из Брусы и поспешил в Константинополь для того, чтобы упредить

¹ *Chalcocondyles*. Vol. I. P. 58 (ed. Darkó). Относительно взятия Филадельфии в 1390 г. (а не в 1379 г., как часто утверждалось в старых исследованиях) см.: *Wittek. Montesche*. S. 78 ff. Из нарисованного выше контекста явствует, что это событие приходится на время после восстановления на престоле Иоанна V и Мануила, когда зависимость от султана приняла особенно тяжелые формы и когда Мануил был принужден находиться в лагере Баязида. К этому заключению приходит также Харанис (*Charanis. Palaeologi and Ottoman Turks*. P. 304 ff.), который правильно подчеркивает, что завоевание города во всяком случае приходится на время между 17 сентября 1390 и 16 февраля 1391 г., а именно, по всей вероятности, еще на конец 1390 г. См. тж.: *Babinger. Beiträge*. S. 9. Anm. 37. — Хунгер (*Hunger H. Byzantinische Geisteswelt von Konstantin dem Großen bis zum Fall Konstantinopels*. Baden-Baden, 1958. S. 282 ff.) приводит в переводе интересный отрывок из неизданного сочинения Иоанна Хортасмена, который описывает бедственное положение Империи перед битвой при Анкире. Чтобы проиллюстрировать тогдашнее «неслыханное порабощение» Империи ромеев, он напоминает о том, как «варвары нашему благочестивейшему императору не давали, как говорится, ни часу продыха, но гоняли его туда и сюда по всему миру и с его помощью приводили под свою власть еще не порабощенные города...» (S. 285).

² *Dukas*. P. 77.11 (ed. Grecu). Зильбешмидт (*Silberschmidt. Das orientalische Problem*) ставит все с ног на голову, говоря для этого времени о «турецко-византийской унии» («союзе», или «Антанте») и распространяясь о «протурецкой политике императора», при которой «турки были оружием императора против всех его врагов», а венецианскому сенату приписывает страх перед возникновением некоей «греческой империи турецкой нации» (S. 52, 68, 70, 79 и пр.).

³ Относительно даты: *Λάμπρος-Άμαντος. Βραχέα Χρονικά*. № 52, 47; ср. тж.: № 29, 23. Кроме того: *Charanis. Short Chronicle*. P. 357–358.

своего амбициозного племянника Иоанна VII и обеспечить за собой владение императорским престолом. Мануил II (1391–1425) был просвещенным, многосторонне одаренным правителем. Он имел вкус к искусствам и науке, охотно и хорошо писал. С человеческой точки зрения он был одной из наиболее симпатичных фигур эпохи заката Византии. Несмотря на свое унижительное положение при дворе султана, которое возложила на него судьба, его поведение внушало уважение даже туркам. Говорят, что Баязид сказал о нем: «Если бы кто-то не знал, что он император, то уже по его виду понял бы, кто он такой»¹. В качестве правителя он вступил в Город на Босфоре в один из наиболее мрачных моментов византийской истории.

Императорский город был теперь тождественен Империи, ибо за исключением Мореи византийцы более ничем не владели на континенте, кроме собственной древней столицы, которая лишь крепости своих стен была обязана тому, что, окруженная турецкими владениями, еще могла влачить свое существование². Однако она обнищала и запустела: число жителей сократилось до 40–50 тысяч³. Баязид недолго довольствовался использованием и унижением своего уstraшенного вассала, правителя Константинополя и Мореи. Вскоре в обоих этих местах он перешел к открытым враждебным действиям. Перелом ознаменовался драматической встречей, на которую он зимой 1393–1394 гг. созвал в Серры своих византийских и славянских вассалов⁴. В это время он взял в блокаду Константинополь, стремясь отрезать город от всяких сообщений с суши⁵. Бедствия в византийской столице и продовольственный кризис, который на протяжении последних десятилетий сказывался все сильнее,

¹ *Phrantzes* / Ed. Papadopoulos. Vol. I. P. 120.

² Согласно Дуке (77.26, ed. Grecu), Баязид, разгневанный бегством Мануила, прислал к нему послание, которое заканчивалось словами: «Если ты хочешь не сделать и не дать мне того, что я приказываю, то закрой ворота твоего города и властвуй в нем, ибо все, что вне его, — мое!»

³ См.: *Schneider A.M.* Die Bevölkerung Konstantinopels im XV. Jahrhundert // *Nachrichte der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-historische Klasse.* 1949. Heft. 9. S. 236 ff.

⁴ См.: *Zakythinos.* Despotat. Vol. I. S. 153–154 и особ.: *Loenertz.* Péloponnèse. P. 172 ff. См. тж.: *Laurent V.* Un acte grec inédit du despote serbe Constantin Dragas // *REB* 5 (1947). P. 180.

⁵ О начале блокады в 1394 г. см. замечания Иречека в: *BZ* 18 (1909). S. 584–585.

достигли своей наивысшей точки. Морея также оказалась перед лицом опустошительных турецких набегов.

Уже в 1393 г. крупный полководец Евренос-бей овладел Фессалией, после чего османы обратились против остальной Греции. Отсутствие единства среди владетелей, повелевавших в ней, облегчило им работу. Гоподство каталанцев в Греции было в прошлом. Уже в 1379 г. наваррская компания отняла у них Фивы. В Аттике же господствовал герцог Афинский Нерио I Аччаюоли (1388–1394), представитель флорентийской купеческой фамилии, которая с середины XIV в. играла в Греции особую роль и уже долгое время правила в Коринфе¹. Между Нерио и деспотом Феодором Палеологом, его зятем, преобладали дружеские отношения. Напротив, отношения обоих правителей с Венецией неоднократно испытывали осложнения, а с наваррцами в Ахайе византийский правитель Мистры был в непрестанном конфликте. Когда в 1394 г. Нерио умер и почти все его владения достались его второму зятю Карло Токко, графу Кефалонии, Феодор, который чувствовал себя обойденным, вступил и с ним в жесткое противостояние, стремясь вооруженным путем отнять у удачливого наследника Коринф. Тогда Карло Токко призвал на помощь осман. Войска Евренос-бея нанесли Палеологу под стенами Коринфа поражение, вторглись в византийскую Морею и заняли при активной поддержке наваррцев византийские крепости Леонтарий и Акову (начало 1395).²

С равной энергией продолжалось османское завоевание севера Балканского полуострова. Уже в 1393 г. было окончательно подчинено болгарское царство. Царская столица Тырново пала 17 июля после жестокой осады и стала жертвой жажды завоевателей к уничтожению. После этого остальные земли быстро подпали под власть турок³. На пятьсот последующих лет Болгария стала провинцией османской державы.

¹ См.: *Setton K.M. Catalan Domination of Athens. Cambridge (Mass.), 1948. P. 125 ff. Тж.: Miller. Essays. P. 135 ff.; Longnon. Empire latin. P. 323 ff.*

² См.: *Zakythinos. Despotat. Vol. I. P. 155 sv.; Loenertz. Péloponnèse. P. 185–186.*

³ Уже Ников (Турското завладеване. С. 69, прим. 1) обоснованно подчеркнул, что сведения турецких источников, как представляется, содержат известную путаницу или же удвоения событий с 1388 по 1393 г. См. подробнее: *Babinger. Beiträge. S. 29 ff.*, который, однако, пожалуй, заходит слишком далеко, когда пытается вовсе признать не имевшим места болгарский поход 1388 г.

Более тяжелое противостояние ожидало турок в борьбе с валашским князем Мирчей Старым, который пользовался сильной поддержкой Венгрии. На равнине Ровине 17 мая 1395 г. дело дошло до кровавой битвы. На стороне осман во исполнение своего вассального долга сражались сербские князья Стефан Лазаревич, сын и наследник косовского героя, сын Вукашина Марко, владевший маленькой областью вокруг Прилепа, и тесть Мануила II Константин Драгаш, правивший в Восточной Македонии. Король Марко и Константин Драгаш нашли в этой битве свою смерть. С военной точки зрения Мирча, казалось, одержал победу, однако он тоже был вынужден покориться власти султана и обязался платить дань¹. Добруджа, бывшая в последние десятилетия болгарским удельным государством и незадолго до этого подчинившаяся власти Мирчи, оказалась теперь во владении осман, а переправы через Дунай были заняты турецкими гарнизонами.

Последние успехи осман произвели на Западе огромное впечатление. После подчинения Болгарии Венгрия почувствовала непосредственную угрозу, а латинские княжества в Греции смогли близко познакомиться с мощью наступательного порыва турок. Если до сих пор византийские призывы о помощи и папские увещания оставались неслышанными, то теперь на Западе стали осознавать необ-

¹ Высказываемое уже в старой литературе, а затем вновь оставленное мнение о том, что битва при Ровине с военной точки зрения была поражением турок, приобретает весьма большое правдоподобие после достойных внимания аргументов Дж. Радойичича (*Радойичић Ђ.Сп.* Једна глава из «Живота Стефана Лазаревића» од Константина Филозофа // *Хришћански живот* 6 (1927). С. 138 сл.) и М. Динича (*Динић М.* Хроника сен-дениског калуђера као извор за бојеве на Косову и Ровинама // *Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор* 17 (1937). С. 51 сл.). Согласно Бабингеру (*Babinger. Beiträge. S. 3 ff.*), который опирается на турецкие источники, битва не имела решающего исхода. — То, что сражение при Ровине произошло не 10 октября 1394 г., как полагали ранее, а скорее 17 мая 1395 г., было установлено после того, как Радойичич (ук. соч. и Листина манастира Петре од октобра 1395 г. као извор за хронологију битке на Ровинама // *Богословље* 2 (1927). С. 293–300 = *La chronologie de la bataille de Rovine* // *RHSEE* 5 (1928). P. 136–139) безупречно доказал, что 17 мая 1395 г. является датой смерти павшего в этой битве Константина Драгаша. Эта уже сама по себе неопровержимая констатация находит дальнейшее подтверждение в важных разъяснениях М. Динича (указ. соч.). Она никоим образом не теряет своей силы после аргументов Бабингера (*Babinger. Beiträge. S. 3 ff.*), который высказывается в пользу 1393 г. Таким образом, Закифинос (*Zakythinos. Despotat. Vol. I. P. 153, n. 3*), Лёнерц (*Loenertz. Péloponnèse. P. 175*) и др. вполне справедливо присоединяются к хронологии Радойичича. Ср. тж.: Laurent V. в *REB* 5 (1947). P. 180, n. 3 и 6 (1948). P. 282.

ходимость совместного выступления христианских народов против турецкой опасности. На призыв венгерского короля Сигизмунда откликнулось рыцарство нескольких европейских стран, и прежде всего легко загоравшиеся идеей крестового похода французские рыцари. Венеция после долгих колебаний также примкнула к коалиции и отправила в Дарданеллы небольшую эскадру, которая должна была наблюдать за проливами и поддерживать связь между Византией и собравшимся в Венгрии крестоносным войском. Однако это перспективное предприятие потерпело полный крах. В битве при Никополе 25 сентября 1396 г. сильное, но слишком пестрое воинство потерпело от турок сокрушительное поражение из-за недостаточной координации между венгерскими и французскими войсками¹. Король Сигизмунд лишь бегством смог спастись от плена и в сопровождении великого магистра иоаннитов и нескольких немецких рыцарей на корабле прибыл в Константинополь, чтобы оттуда кружным путем через Эгейское и Адриатическое море прибыть домой. Его плавание через Дарданеллы сопровождалось горестными криками христианских пленников, которых султан приказал выставить на берегах пролива для унижения побежденного короля².

После этой новой катастрофы положение балканских стран стало еще более безысходным. В это время османами была занята последняя болгарская область, удельное княжество Видин. В 1397 г. турками были временно заняты Афины³, а Морея подверглась новому опустошительному набегу. Турки перешли через Истм, взяли приступом венецианский Аргос, разбили армию византийского деспота и прошли, сжигая на своем пути византийские владения, вплоть до южного побережья⁴. Бедственное положение Константинополя достигло своего пика, падение блокированного турками императорского города, казалось, непосредственно приблизилось.

¹ См.: *Kling G.* Die Schlacht bei Nikopolis im Jahre 1396. Berliner Diss. 1906; *Atiya A.S.* The Crusade of Nicopolis. London, 1934; *Rosetti R.* The Battle of Nicopolis (1396) // *The Slavonic Review* 15 (1937). P. 629–638.

² См. описание в путевых записках баварца Шильтбергера, который принимал участие в сражении при Никополе и попал в плен (ed. V. Langmantel. Tübingen, 1885. S. 7).

³ См.: *Mordtmann J.H.* Die erste Eroberung von Athen durch die Türken zu Ende des 14. Jahrhunderts // *BNJ* 4 (1923). S. 346–350.

⁴ См.: *Zakythinos.* Despotat. Vol. I. P. 156 sv., со ссылками на источники.

4. Падение

Общая литература: *Berger de Xivrey J.* Mémoires sur la vie et les ouvrages de l'empereur Manuel Paléologue // Mémoires de l'Acad. des Inscriptions et Belles-Lettres. 19.2 (1853); *Μομφερράτος Α.* Διπλωματικά ἐνέργεια Μαυροῦ ἢ Π. Ἀθῆναι, 1913; *Васильев.* Путешествие Мануила; *Norden.* Papsttum und Byzanz; *Zakythinos.* Despotat. Vol. I–II; *Радонић Ј.* Западна Европа и балкански народи према Турцима у првој половини XV века. Нови Сад, 1905; *Jireček.* Geschichte. Bd. II; *Jorga.* Geschichte. Bd. I–II; *Pears E.* The Destruction of the Greek Empire and the Story of the Capture of Constantinople by the Turks. London, 1903; *Idem.* The Ottoman Turks to the Fall of Constantinople // СМН. IV. 1923. P. 633–705; Le Cinqcentième anniversaire de la prise de Constantinople: 1453–1953. Athènes, 1953; *Babinger F.* Mehmed der Eroberer und seine Zeit. München, 1953.

Не только политическое положение, но и духовное мировоззрение Византийской империи было потрясено событиями прошедших десятилетий. Даже верная традициям Московская держава отказалась признавать турецкого вассала наследником Константина Великого и духовным главой православного мира. Великий князь Василий I, сын победителя татар Дмитрия Донского, запретил упоминание византийского императора в русских церквах, сформулировав принцип: «У нас есть Церковь, но нет царя». Суверенные права греческой Церкви оставались для него неприкосновенными, но идеологическое верховенство жалкого византийского императора правитель крепнущей русской державы более не считал возможным признавать. В данном случае еще раз проявилось то, что уже часто проявлялось в последние десятилетия византийской истории: авторитет византийской Церкви в православных странах имел большее значение, чем авторитет византийского государства. Протест византийцев не заставил себя долго ждать, однако слово взял не император, а патриарх Константинопольский. Как некогда византийская Церковь опиралась на авторитет могущественного государства в своих отношениях с внешним миром, так теперь падающий мирской авторитет Византийской империи опирался на авторитет патриарха Константинопольского. Роли поменялись местами: не государство защищает Церковь, но Церковь — государство. «Совсем нехорошо, сын мой, — писал патриарх Антоний великому князю

Василию Дмитриевичу, — когда ты говоришь: у нас есть Церковь, но нет царя. Совершенно невозможно, чтобы у христиан была Церковь, а царя не было, ибо царство и Церковь составляют единство и общность, и совсем невозможно разделить их... Послушай первоапостола Петра, который в Первом послании говорит: “Бойтесь Бога, царя почитайте”. Он не сказал “царей”, чтобы тем самым никто не думал о так называемых царях отдельных народов, но сказал “царя”, чтобы показать, что в мире царь один... Если некоторые другие христиане присвоили себе имя царя, то это случилось вопреки природе и закону посредством тирании и насилия. Какие отцы, какие Соборы, какие канонические определения говорят об этих царях? Всегда и повсюду раздается их голос о едином природном царе, которого законы, предписания и указы по всему миру имеют законную силу, его одного и никого другого христиане повсюду поминают»¹.

Еще никогда учение об одном вселенском императоре не излагалось с большей недвусмысленностью и более пламенным красноречием, как в этом послании, которое патриарх отправил в Москву из заблокированного турками Константинополя. Вплоть до самого конца и несмотря ни на что византийцы крепко придерживались догмата о том, что их правитель является единственным законным императором и как таковой является естественным главой христианской ойкумены. «И если теперь по суду Божьему язычники окружили державу царя, то и по сей день он принимает от Церкви то же освящение, ту же честь и те же молитвы и помазуется, и освящается тем же миром, как царь и самодержец римлян, сиречь всех христиан»². Византия цеплялась за идеи, посредством которых она некогда духовно покорила восточный мир. Однако жестокая действительность немилосердно лишала эти идеи почвы. После сражения при Никополе положение Византийской империи еще более ухудшилось, и уже в 1398 г. к князьям русских земель, прежде всего к тому же Василию Московскому, посыпались ходатайства, просьбы о помощи и о милостыне для их

¹ Miklosich–Müller. T. II. P. 191–192. Это послание патриарха Антония (1388–1390; 1391–1397), которое в конце повреждено и потому не имеет даты, следует датировать не 1393 г., как это обычно делают, но скорее 1394–1397 гг., поскольку в нем говорится об окружении Константинополя, а блокада Баязида началась только в 1394 г.

² Miklosich–Müller. T. II. P. 190.

христианских собратьев в Константинополе, которые «в нужде и несчастье томятся в осаде турецкой»¹.

В самом деле, положение Византии в последние годы XIV в. было таково, что императору не оставалось ничего другого, как рассылать по миру призывы о помощи. Так же, как и в Россию, Мануил II направил прошения о помощи папе, венецианскому дожу, королям Франции, Англии и Арагона. При этом Иоанн VII пытался — и это не менее показательно для положения Империи, чем призывы Мануила II о помощи — продать свои права на византийский престол французскому королю: он просил за них замок во Франции и ежегодную ренту в 25 000 флоринов². Впрочем, Карлу VI, видимо, не были интересны предложенные с торгов права на престол. Просьбам Мануила он, напротив, уделил внимание и отправил в Византию отборное войско из 1200 воинов под предводительством маршала Бусико (Boucicaut). Храбрый маршал смог пробиться в Константинополь и отважно сражался с турками. Но понятно, что небольшие воинские силы, как бы удачны ни были их акции, не могли избавить Империю от турецкой опасности. Таким образом, Мануил принял решение отправиться на Запад и там лично просить помощи для своего несчастного отечества. Бусико, который подвигнул его к этому решению, также смог устроить примирение обоих враждующих византийских императоров: во время отсутствия Мануила Иоанн VII должен был править в Константинополе. Между тем Мануил ничуть не обольщался относительно положения столицы; кроме того, несмотря на состоявшееся примирение, он питал столь малое доверие к отставляемому в городе правителю, что счел за благо отправить жену и ребенка к своему брату Феодору в Морею.

10 декабря 1399 г. Мануил в сопровождении Бусико отправился в свое путешествие на Запад³. Прежде всего он посетил Венецию и некоторые другие города Италии, а оттуда продолжил свой путь в Париж, а затем в Лондон. Повсюду его встречали с почетом: на всех

¹ ПСРЛ. Т. 11. 1897. С. 168.

² Акт о предоставлении полномочий, который он 15 августа 1397 г. издал с этой целью для своих французских переговорщиков, издан и откомментирован С. Ламбросом в: Νέος Ἑλληνομνήμων 10 (1913). Σ. 248 ἐπ.

³ Лучшее и наиболее подробное описание этого знаменитого путешествия с многочисленными ссылками на источники: *Васильев*. Путешествие Мануила. См. тж.: *Schlumberger G.* Un empereur de Byzance à Paris et à Londres // *Byzance et les croisades asiens*. Paris, 1927. P. 87–147, 361–362.

производил впечатление сам факт визита императора и его внушавшая благоговение личность. Чувства и мысли, которые вызвал его приезд, лучше всего, пожалуй, передают слова одного английского историографа и ученого того времени: «Я размышлял в своем сердце, насколько ужасно, что сей христианский владыка с отдаленного Востока был принужден угрозой со стороны неверных посетить в поисках помощи отдаленные западные острова. Мой Бог! Где ты, древняя слава Рима? Разбито ныне величие твоей Империи, и поистине можно сказать словами Иеремии: “Великая между народами, княгиня над областями сделалась рабою”. Кто бы поверил, что в такое глубокое бедствие погрузишься ты, который некогда с престола величества правил всем миром, а теперь не имеешь силы, чтобы защитить веру христианскую!»¹ С культурно-исторической точки зрения пребывание императора и его свиты в западноевропейских центрах имело большое значение, поскольку дало возможность ближе соприкоснуться византийскому и западноевропейскому мирам в эпоху раннего Ренессанса. Впрочем, своей непосредственной цели Мануил не достиг: император получил лишь ни к чему не обязывающие обещания, которые так и остались неисполненными. Удивительно долго он пробыл вдали от своей державы, которой его соперник Иоанн VII управлял по своему смотрению, все больше попадая в зависимость от султана. Как будто не имея сил для возвращения домой, на обратном пути он вновь остановился в Париже и провел в нем два года, несмотря на то что уже не мог заблуждаться относительно бесплодности своего пребывания там. Однако затем пришла радостная весть о том, что Баязид пал в сражении с монголами Тимура при Анкаре (Ангоре) и Византия освобождена от турецкой опасности.

Тимур был величайшим повелителем монголов со времен Чингисхана и одним из величайших завоевателей в мировой истории. Отпрыск по боковой линии одного из небольших тюркских княжеских родов Туркестана, он поставил себе целью восстановление громадной державы Чингисхана и после долгой и кровопролитной борьбы в значительной мере ее осуществил². После того как

¹ Chronicon Adae de Usk / Ed. E.M. Thompson. London, 1904. P. 57. Ср.: Васильев. Путешествие Мануила и History. P. 634.

² См. Barthold V. Zwölf Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens. 1935. P. 209 ff.; Grousset R. L'empire des Steppes. Paris, 1939. P. 486 sv.

Средняя Азия и Золотая Орда в Южной России подчинились его власти, он в 1398 г. предпринял грандиозный поход в Индию, а затем обрушился на Персию, Месопотамию и Сирию, после чего, наконец, напал на османскую державу в Малой Азии. Его походы сопровождались чудовищными опустошениями. Местности, которые покидали его орды, были похожи на безжизненную пустыню: «Там не было слышно ни лая собаки, ни голоса домашней птицы, ни плача ребенка»¹.

Этим необузданным завоевательным порывом было сметено и могущество Баязида. В решающем сражении при Анкаре 28 июля 1402 г.² после тяжелой и продолжительной битвы Тимур сокрушил османское войско. Великий султан попал в руки победителя и окончил свою жизнь в монгольском плену. Впрочем, Тимур уже в 1403 г. покинул малоазийские области, а через два года престарелый повелитель народов умер во время похода в Китай³. Тем не менее его столь же краткое, сколь и мощное вмешательство в судьбы Малой Азии имело далеко идущие последствия. Он сокрушил могущество осман и тем самым продлил жизнь Византийской империи еще на полстолетия.

В разрушенной османской державе начались тяжелые неурядицы⁴. Несмотря на это, Византия не смогла вполне воспользоваться той передышкой, которая была ей предоставлена разрушением турецкой державы, ибо обессиленная изнутри Византийская империя оказалась уже неспособной к возрождению. Тем не менее положение на Востоке полностью изменилось, что означало для Византии заметное облегчение. Старший сын Баязида Сулейман, утвердившийся в европейской части и пребывавший в состоянии войны со своими правившими в Малой Азии братьями, заключил договор с Византией, с сербским деспотом Стефаном Лазареви-

¹ Dukas. P. 109.20, ed. Grecu.

² Касательно даты см.: *Васильев*. Путешествие Мануила. С. 285, прим. 3.

³ Ролофф (*Roloff G.* Die Schlacht bei Angora // *Historische Zeitschrift* 161 (1940). S. 244–262) видит причину отхода Тимура и отказа от установления власти в Малой Азии в недостаточной силе его уменьшившегося из-за больших потерь войска, изначальную численность которого при Анкире он, в противоположность сильно преувеличенным данным источников, исчисляет двадцатью тысячами, так же, как и османское войско.

⁴ См. подробное описание в: *Jorga*. Geschichte. Bd. I. S. 325 ff.

чем¹, а также с морскими державами Венецией, Генуей и Родосом (1403)². Византия освободилась от своих вассальных обязательств и прекратила выплату дани туркам. Более того, ей были возвращены Фессалоника с окрестностями, Халкидика с горой Афон, а также группа островов Скиафос—Скопелос—Скирос и важные прибрежные полосы на Черном и Мраморном море³.

Обратной стороной этого было то, что византийцы в силу договора о дружбе с Сулейманом были втянуты во внутреннюю борьбу турецких претендентов на престол. Сербские властители также не смогли остаться в стороне от этой борьбы, определявшей развитие событий на юго-востоке. Падение Сулеймана, который после всех перипетий той войны уступил своему брату Мусе (1411), грозило Империи новым кризисом, поскольку Муса жестоко мстил союзникам Сулеймана и даже приступил к осаде Константинополя. Впрочем, окончательную победу в междоусобной борьбе братьев одержал Мехмед I (1413–1421), который посвятил себя по преимуществу внутренней консолидации своей державы и укреплению своей власти в Малой Азии, прочно придерживаясь при этом соглашения с византийским императором. На протяжении его правления византийско-османские отношения оставались в целом безоблачными.

В миролюбии нового султана Византия была уверена настолько, что Мануил II вскоре после восшествия на престол Мехмеда покинул

¹ Титул деспота был предоставлен ему Иоанном VII, когда после битвы при Анкире, в которой он принимал участие как вассал Баязида, он нанес визит в Константинополь. См.: *Ферйанчић*. Деспоти. С. 182 сл.

² Относительно хронологии см.: *Heyd. Commerce du Levant. Vol. II. P. 286; Ostrogorsky G. Byzance, État tributaire de l'Empire turc // ЗРВИ 5 (1958). С. 53, прим. 20.*

³ В одном документе от 29 сентября 1404 г. Мануил II дает указания Димитрию Вулиоту, которого он отправляет своим полномочным представителем на освобожденный Афон (издан Аркадием Ватопедским в: Γρηγόριος Παλαμάς 2 (1918). Σ. 449–452). Этот важный документ показывает, что Мануил передал область Фессалоники Иоанну VII и составил с ним об этом договор. Из того же документа мы узнаём, что отмена дани туркам не означала полного освобождения от уплаты хараджа, поскольку император «дарил» афонским монастырям, а также и прочим землевладельцам две трети суммы, которая взималась «во времена блаженного эмира Баезид-бека», а треть продолжала взиматься и дальше, поступая теперь под старым названием хараджа в византийскую казну. *Ostrogorsky G. Byzance, État tributaire de l'Empire turc // ЗРВИ 5 (1958). С. 54. О территориальных изменениях с конца XIV в. до 1453 г. см. статью А. Вакалопулоса: BZ 55 (1962). S. 56–65.*

столицу: длительное время он провел в Фессалонике, а затем весной 1415 г. оправился на Пелопоннес. В то время как центр Византии, несмотря на уменьшение внешнего давления, медленно угасал, в Мистре жизнь была ключом. В эти годы там воплотилась утопия гуманиста Георгия Гемиста Плифона, который мечтал о возрождении эллинизма в Южной Греции и по примеру «Государства» Платона создавал идеальный образ государственного строя. В меморандумах, которые он направлял императору и деспоту Мистры, философ-неоплатоник также давал практические советы по упрощению налоговой системы и созданию туземных вооруженных сил, которые должны были заменить наемное войско¹. Здесь, на византийском Пелопоннесе, накануне катастрофы Византийской империи проявилась воля эллинизма к жизни и новому государственному строительству. Морея представлялась оплотом греческого мира, который не только удержал здесь свои позиции, но и, казалось, их расширял. Для того, чтобы сохранить это бесценное владение, император приказал восстановить на Истме крепкие стены, так называемый Эксамиллий. Не без влияния осталось пребывание Мануила на Пелопоннесе и для выстраивания внутренних отношений в стране, поскольку оно привело к повышению авторитета правительства перед лицом центробежных устремлений местной аристократии. Императора, в марте 1416 г. покинувшего Пелопоннес, сменил его старший сын Иоанн, который вскоре после этого также через Фессалонику прибыл в Морею, чтобы помогать своему брату, деспоту Феодору II, в управлении страной².

¹ *Λάμπρος Σπ.* Παλαιολόγεα και Πελοποννησιακά. Т. III. Αθήναι, 1926. Σ. 246–65; Т. IV. Αθήναι, 1930. Σ. 113–135; PG. Т. 160. Col. 821–866. Об идеях Плифона см.: *Tozer H.F.* A Byzantine Reformer // JHS 7 (1886). P. 353–380; *Dräseke J.* Plethons und Bessarions Denkschriften über die Angelegenheiten im Peloponnes // Neues Jahrbuch für das klassische Altertum 27 (1911). S. 102–119; *Zakythinos.* Despotat, I. P. 175 sv.; II. P. 322 sv.; *Anastos M.V.* Pletho's Calendar and Liturgy // DOP 4 (1948). P. 183–305; *Μαμαλάκης Ι.Π.* Γεώργιος Γεμιστός-Πλήθων. Αθήναι, 1939, и прежде всего: *Masai F.* Plethon et le platonisme de Mistra. Paris, 1956. Дальнейшая литература в: *Moraycsik.* Byzantinoturcica. Bd. I². S. 478 ff. — Важным для понимания тогдашних отношений на Пелопоннесе является также «Путешествие в Аид Мазариса»: *Boissonnade.* Anecdota graeca. Т. III. 1831. P. 122–86; [Пребывание Мазариса в подземном царстве / Пер. С.П. Кондратьева, предисловие и комм. Т.М. Соколовой // BB 14 (1958). С. 318–357].

² О пребывании Иоанна VIII в Фессалонике в 1416 г. см.: *Λάσκαρις Μ.* Ἰωάννης Η' ὁ Παλαιολόγος ἐν Θεσσαλονίκῃ κατὰ τὴν πολιορκίαν τοῦ 1416 // Τόμος Ἀρμενοπούλου. Θεσσαλονίκη, 1952. Σ. 340–344.

Под командованием Иоанна началось победоносное выступление византийских войск против латинской Ахайи. Князь Чентурионе Дзаккариа потерял часть своих владений, и лишь вмешательство Венеции отсрочило окончательное крушение его власти¹.

Передышка, которую судьба подарила Византии, окончилась со смертью Мехмеда I и вступлением на престол его сына Мурада II (1421–1451). Османское могущество было восстановлено, и новый султан вновь приступил к агрессивной политике Баязида. Вновь события вернулись в то положение, в котором они находились до битвы при Анкире. Тщетно Иоанн, венчанный 19 января 1421 г. как соправитель², пытался использовать против Мурада II претендента на османский престол Мустафу, который на случай своей победы давал византийцам весьма соблазнительные обещания³. Византия проиграла и навлекла на себя гнев повелителя осман, ибо Мурад II одержал верх над претендентом, а затем с юношеским нетерпением устремился на Константинополь. 8 июня 1422 г. началась самая настоящая осада города. Сила укреплений еще раз спасла византийскую столицу, а когда против Мурада выступил новый претендент, его брат Мустафа Младший, султан был вынужден отступить, не завершив дела. Решающему сражению было суждено произойти лишь тридцатью годами спустя, однако можно сказать, что штурмом Константинополя в 1422 г. началась последняя фаза смертельной борьбы Византийской империи.

Весной 1423 г. турки вновь вторглись в Южную Грецию. Построенная с такими усилиями Мануилом стена Эксамилий на Истме была разрушена, а вся Морея опустошена. В конце концов императорскому правительству удалось заключить договор с Мурадом II, вновь обязавшись выплачивать дань (1424). Так Византия вновь оказалась в вассальной зависимости, от которой она на некоторое время смогла освободиться благодаря сражению при Анкире. Уже ничто не могло избавить Империю от этого подданства, в котором она оставалась вплоть до конца.

Вскоре свершилась и судьба Фессалоники: в жестоко стесненном турками и голодающем городе правил третий сын Мануила, деспот Андроник. Положение было настолько безнадежным, а бедствия

¹ См.: *Zakynthinos. Despotat*. Vol. I. P. 180 sv.

² См.: *Dölger F. Die Krönung Johannis VIII. zum Mitkaiser* // BZ 36 (1936). S. 318–319.

³ См.: *Jorga. Geschichte*. Bd. I. S. 378 ff.

настолько тяжелыми, что летом 1423 г. он передал город венецианцам. Морская республика обязалась уважать права и обычаи граждан и взяла на себя оборону и снабжение города¹. Как и следовало ожидать, это соглашение вызвало недовольство повелителя осман, который рассматривал город как верную добычу. Венецианцы попытались достичь с ним взаимопонимания, причем по мере усиления турецкого давления и растущей нехватки продовольствия в городе их предложения становились от года к году все более щедрыми: если поначалу они с колебаниями готовы были согласиться на ежегодную уплату тех 100 000 аспров, которые выплачивали османам византийские деспоты, то при дальнейших попытках переговоров эта сумма возросла до 150 000, а под конец и до 300 000 аспров². Но все переговоры остались тщетными, и после краткого семилетнего правления Фессалоника была для венецианцев потеряна. Мурад II лично явился во главе большого войска и 29 марта 1430 г. после короткого штурма овладел городом.

Мануил II отошел от дел управления уже после возведения сына в соправители. Надломленный душевно и телесно, престарелый правитель умер под именем Матфея 21 июля 1425 г. В качестве василевса и автократора римлян Иоанн VIII (1425–1448) принял власть над Константинополем и окрестностями. Прочими обломками Византийской империи на Мраморном море и на Пелопоннесе как самостоятельные правители управляли его братья. В хозяйственном и финансовом отношении обессиленная Империя была полностью разорена. Уже при Мануиле II золотые монеты чеканились лишь в редких случаях, а при Иоанне VIII византийский золотой чекан полностью прекращается и страна переходит исключительно к серебряной валюте³.

¹ Как показывают важные документы из венецианского архива, которые приводит К. Мерциос (*Μέρτζιος Κ. Μνημεία Μακεδονικῆς Ἱστορίας. Θεσσαλονίκη*, 1947. Σ. 34 ἐπ.), воспроизведенная во всех специальных исследованиях (в том числе и в первом издании этой книги) история о том, что Андроник продал город Венеции за 50 000 дукатов, является поздней выдумкой. Она восходит к так называемой пространной хронике Сфрандзи, которую, как показали новейшие исследования, применительно к другим событиям также следует использовать с величайшей осторожностью. Ср. тж.: *Lemerle P. La domination vénitienne à Thessalonique // Miscellanea O. Galbiati. Vol. III. Vicenza, 1951 (Fontes Ambrosiani; 27). P. 219 sv.*

² *Μέρτζιος Κ. Μνημεία Μακεδονικῆς Ἱστορίας. Σ. 66 ἐπ.*

³ См.: *Wroth. Byzantine Coins. Vol. I. P. LXVIII–LXVIX; Blanchet A. Les dernières monnaies d'or des empereurs byzantins // Revue numismatique 14 (1910). P. 78–90; Stein. Untersuchungen. S. 113–114; Zakythinos. Crise monétaire. P. 17 sv.*

Единственным светлым пятном в истории Византии этого времени остается Морея, управление которой делили между собой три брата: Феодор, Константин и Фома. Не сломленная опустошительным турецким вторжением 1423 г., византийская Морея продолжала свою победоносную борьбу с мелкими соседними латинскими государствами. Граф Карло Токко, который в 1427 г. уступил византийцам в морском сражении, пошел на переговоры: отдав свою племянницу замуж за деспота Константина, он в качестве приданого передал ему остатки своих владений на Пелопоннесе (1428). Весной 1430 г. Константин после долгой осады вступил в Патры, а еще через два года латинское княжество Ахайя прекратило свое существование¹. За исключением венецианских колоний — Корона и Модона на юго-западе Пелопоннеса и Навплия и Аргоса на востоке — весь Пелопоннес теперь находился под греческой властью. Борьба между греками и франками, которая началась здесь во времена Михаила VIII и велась с тех пор почти без перерыва, окончилась накануне турецкого завоевания победой греков. Главные заслуги в этом последнем успехе принадлежали молодому Константину, который два десятилетия спустя в качестве последнего императора Византии окончит жизнь в сражении за Константинополь. Еще более явственно, чем во времена Мануила, проступает контраст между умирающим византийским центром и ведущей экспансию южногреческой провинцией.

Крайне стесненный турками, император Иоанн VIII в отчаянии опять вступил на путь переговоров об унии, чтобы ценой церковного подчинения Риму получить неоднократно обещанную западную помощь против турок. Впрочем, прошлые прецеденты были не слишком ободряющими. Всякий раз переговоры Византии с Римом двигались по кругу, участники обманывали друг друга и сами себя: византийское правительство ожидало от Рима спасения от турецкой опасности и за это обещало церковную унию, которой оно не могло осуществить ввиду настроений византийского населения; Рим в качестве предварительного условия требовал признания папской супрематии и за это обещал помощь против турок, которую он даже католическим державам на Востоке мог предоставить лишь в ограниченном объеме. При таких условиях многоопытный император Мануил относился к идее унии с большим скепсисом. Незадолго до смерти он будто бы настоятельно

¹ *Zakynthinos*. Despotat. Vol. I. P. 204 sv.

предупреждал своего сына не питать надежд на унию: объединение между греками и латинянами невозможно, из-за попыток унии раскол только углубится¹. Но как бы ни было сильно в целом византийское отвращение к унии, в Константинополе всегда имелись ее влиятельные сторонники, которые в трудные времена усматривали спасение в присоединении к Риму. Во главе этих кругов теперь встал император Иоанн VIII. Уже после осады Константинополя в 1422 г. он, еще в качестве наследника престола, посетил западные дворы в поисках помощи; с 1431 г. велись новые переговоры, которые имели своей целью заключение унии. Из-за противостояния между папой Евгением IV и Базельским Собором переговоры затянулись, но в конце концов стороны договорились о созыве Собора в Италии, на котором должен был присутствовать лично император. На время своего отсутствия Иоанн VIII поставил регентом в Константинополе своего брата Константина, благодаря чему был прекращен бесплодный спор, который разгорелся в Море между братьями-правителями.

24 ноября 1437 г. Иоанн VIII покинул столицу и, подобно своему отцу почти за сорок и своему деду почти за семьдесят лет до того, отправился на Запад. Впрочем, он поехал не просто, чтобы искать помощь, как Мануил, но, по примеру Иоанна V, чтобы совершить переход в римскую веру и, сверх того, привести к унии свой народ и греческий клир. В сопровождении своего брата Димитрия, патриарха Иосифа, нескольких митрополитов и многочисленных епископов и игуменов он в 1438 г. достиг Феррары, где 9 апреля был открыт Собор. Несмотря на то что его исход ввиду стесненного положения греков был заранее предрешен, дебаты в Ферраре, а затем во Флоренции продолжались весьма долго², причем периодически дело доходило

¹ *Sphrantzes*. I. P. 178 (ed. Papadopoulos).

² Подробное описание соборных переговоров см. в: *Hofmann G.* Die Konzilsarbeit in Ferrara // ОСП 3 (1937). P. 110–140, 403–455; Die Konzilsarbeit in Florenz // ОСП 4 (1938). P. 157–188, 372–422. О предыстории Собора см.: *Hofmann G.* Rodrigo, Dekan von Braga; Kaiser Johann VIII. Palaiologos. Zwei Briefe aus Konstantinopel, 13. Oktober und 18. November 1437, zur Vorgeschichte des Konzils von Florenz // ОСП 9 (1943). P. 171–187; Laurent V. Les préliminaires du concile de Florence // REB 20 (1962). P. 5–60. Важнейшие публикации источников по истории Собора: *Hofmann G.* Epistolae pontificiae ad Concilium Florentinum spectantes. T. I–III. Roma, 1940–1946. Ср. тж.: *Gill J.* The Council of Florence. Cambridge, 1958 и *Greeks and Latins in a Common Council. The Council of Florence (1438–1439)* // ОСП 25 (1959). P. 265–287.

до жестких стычек, особенно вследствие того упорного сопротивления, которое оказал представителям Римской Церкви и византийским сторонникам унии митрополит Эфесский Марк Евгеник. Лишь 6 июля 1439 г. в соборе Флоренции кардинал Джулиано Чезарини и архиепископ Виссарион Никейский по-латыни и по-гречески торжественно провозгласили унию¹. Впрочем, пункт о папском примате получил довольно размытую формулировку, грекам было позволено сохранить свой церковный обряд, однако все спорные вопросы были решены в римском смысле.

Идея унии, казалось, одержала еще большую победу, чем во времена Лионского Собора, поскольку на этот раз император лично явился на Собор и вместе с ним верховные представители византийской Церкви дали исповедание римской веры. В действительности же флорентийскими постановлениями еще ничего не было достигнуто. Мнение о том, что заключение унии приведет лишь к усилению раскола, оправдалось. С фанатической страстью византийский народ восстал против ферраро-флорентийской сделки, и в то время как все предупреждения сторонников унии остались безрезультатными, пламенные проповеди Марка Евгеника повсюду нашли сильнейший отклик. Флорентийская уния обнаружила куда меньшую жизненную силу, чем лионская, поскольку, с одной стороны, основоположник династии Палеологов имел куда больше возможностей навязать противникам свою волю, чем Иоанн VIII, а с другой — уния 1274 г., задачей которой было защитить Византию от завоевательных планов Запада, доставила ощутимые политические выгоды, которых уния 1439 г., призванная освободить Византию от турецкой опасности, вовсе не могла принести.

Вместо того, чтобы предоставить помощь против внешнего врага, уния ввергла Византию во внутреннюю борьбу, посеяла вражду и рознь как среди византийского населения, так и за пределами Византии в славянском мире, которые лишили империю остатков ее авторитета. Далекая от византийских бедствий Москва, которую византийцы сами воспитали в ненависти к Риму, усмотрела в перемене

¹ См.: *Mercati A.* Il decreto d'unione del 6 luglio 1439 nell'Archivio Vaticano // *ОСР* 11 (1945). Р. 3–44. В собрании источников Хоффмана (см. предыдущее прим.; Т. II. № 176. С. 68–79) декрет об унии опубликован с оригинала на латинском и греческом языке.

веры императором и патриархом Константинопольским непостижимое предательство. Поставленный митрополитом Руси грек Исидор, выдающийся представитель партии унии, после своего возвращения из Флоренции был низложен великим князем Василием II и брошен в тюрьму. Впредь Россия стала сама избирать своего митрополита. Она отвернулась от отступнической Византии, которая, предав правую веру, утратила право главенства в православном мире. Так Россия была потеряна, в самой Византии разгорелась ожесточенная распря, а Рим практически ничего не приобрел. Ожидаемая акция по спасению Византии Западом не состоялась, равно как и внедрение унии в Константинополе. Как и прежде, римо-католическая и греко-православная Церкви противостояли друг другу. И в то время как византийский народ непоколебимо держался своей веры, наиболее значительные поборники унии закономерно перешли полностью на сторону Рима: предводитель греческой униатской партии ученый Виссарион¹ и бежавший из заключения в России Исидор стали кардиналами Римской Церкви. Не приведя ни к какому политическому результату, переговоры в Ферраре и Флоренции вызвали гнев Мурада II, и Иоанн VIII был вынужден умиротворять султана, пытаясь внушить ему, что эти переговоры преследовали исключительно религиозные цели.

Но настоящие трудности возникли у османской державы с другой стороны. Как и при Баязиде, продвижение турок на Балканском полуострове вынудило вновь вступить в борьбу Венгрию. Легендарный воевода Трансильвании, Янош Корвин Хуньяди, одержал над турками в Сербии и в Валахии блестящие победы, которые повсюду вызвали воодушевление и пробудили новые надежды. Папа призывал христианские народы к крестовому походу, и вскоре в Южной Венгрии собралось пестрое воинство числом до 25 000 человек под предводительством молодого короля Владислава III Ягеллона, который под своим скипетром объединил Польшу и Венгрию, Яноша Хуньяди и изгнанного из своих земель турками сербского деспота Георгия Бранковича. В начале октября 1443 г.², пока Мурад II

¹ *Mohler L.* Kardinal Bessarion als Theologe, Humanist und Staatsmann. Paderborn, 1923. Дальнейшая литература и источники в: *Beck. Kirche.* S. 767 ff.

² См.: *Крекић Ђ.* Учешће Дубровника у ратовима против Турака 1443 и 1444 г. // ЗРВИ 2 (1953). С. 148–158.

сражался в Малой Азии с эмиром Карамана, крестоносное войско перешло Дунай близ Семендрии (Смедерево). Оно быстро пересекло сербские земли, причем Хуньяди, командовавший авангардом, близ Ниша одержал новую убедительную победу над армией турецкого наместника Румелии. Беспрепятственно крестоносное войско вторглось в Болгарию и осадило Софию, чтобы оттуда двинуться на Фракию. Здесь, однако, турецкое сопротивление стало более ожесточенным, а страшные зимние холода заставили христианскую армию вернуться. Однако уже на пути отступления в первые дни 1444 г. она нанесла османам новое тяжелое поражение.

Казалось, страница перевернулась: османы, вплоть до недавнего времени всегда победоносные, были принуждены к обороне, причем с нескольких сторон. В Албании, где уже много лет полыхали восстания, поднялся отважный Скандербег (Георгий Кастриоти), и под его руководством освободительное движение достигло немалого размаха. Длительное время (1443–1468) этот «капитан Албании» вел героическую борьбу против осман, которая привела весь христианский мир в радостное одушевление¹. Из Южной Греции перешел в наступление деспот Константин: он обменял свой апанаж на Мраморном море на область Феодора в Морее и с 1443 г. управлял важнейшей частью Пелопоннеса с центром в Мистре, в то время как Фома удерживал свою прежнюю, менее важную часть. Его первым деянием было восстановление разрушенной турками в 1423 г. стены Эксамиллий на Истме. Затем он вторгся в Среднюю Грецию и занял Афины и Фивы. Герцог Нерио II Аччаюоли, данник турок, был вынужден признать теперь суверенитет деспота Мистры и обязался платить ему дань².

В этой изменившейся обстановке Мурад II попытался достигнуть примирения со своими противниками. В июне он принял в Адрианополе представителей короля Владислава, Георгия Бранковича и Хуньяди и договорился с ними о перемирии на десять лет. Сербский деспот должен был получить назад свою землю, в то время как зависимость Валахии от осман должна была несколько смягчиться. Султан, который после заключения этих договоренностей

¹ Материал источников и сочинения о Скандербеге весьма полно собраны в: *Радоњић Ј. Ђурађ Кастриот Скендербег и Албанија у XV веку*. Београд, 1942.

² См.: *Zakynthinos. Despotat*. Vol. I, P. 226 sv.

ушел в Малую Азию, отправил своего уполномоченного в Венгрию с целью достигнуть ратификации договора королем Владиславом. В конце июля тот подписал его в Сегедине и принес соответствующие клятвы. Это соглашение, несомненно, означало значительное ограничение турецкой власти на Балканах и давало христианам передышку сроком на десять лет. Тем не менее оно вызвало разочарование в христианском лагере, и особенно у римской курии, которая под впечатлением от недавних успехов и в надежде на обещанную помощь венецианского флота надеялась на полное изгнание турок из Европы и требовала продолжения столь удачно начатой войны. Кардинал Джулиано Чезарини освободил колеблющегося молодого короля от недавно принесенной клятвы, и уже в сентябре христианская армия вновь выступила в поход. Однако ее силы значительно сократились, прежде всего недоставало помощи со стороны сербов, поскольку Георгий Бранкович, удовлетворенный достигнутым соглашением, полностью воздержался от участия. В надежде на помощь венецианского флота поход был направлен к черноморскому побережью и после тяжелого марша по болгарской территории достиг моря. Между тем венецианскому флоту, к которому присоединились также две галеры из Дубровника¹, не удалось воспрепятствовать подходу турецких войск из Малой Азии. Мурад II поспешил явиться во главе сильного войска, и 10 ноября 1444 г. при Варне развернулось ожесточенное сражение, которое положило решительный конец всем гордым надеждам христиан. В результате жестокого и исполненного перипетий сражения христианская армия была уничтожена. Король Владислав пал в бою, погиб и кардинал Чезарини, непосредственный виновник этого несчастного крестового похода². Поражение христи-

¹ *Крекић Б.* Учешће Дубровника у ратовима против Турака 1443 и 1444 г. // ЗРВИ 2 (1953). С. 149–158.

² Совершенно новый свет на события 1444 г. и особенно на адрианопольское соглашение проливает собрание писем гуманиста Чириако д'Анкаона, которое сделал доступным исследователям Ф. Палл (*Pall F.* Ciriaco d'Ancona e la crociata contro i Turchi // Bull. hist. de l'Acad. Roumaine 20 (1938). P. 9–68), а О. Халецкий переиздал в другой последовательности (*Halecki O.* The Crusade of Varna. A Discussion of Controversial Problems. New York, 1943). В суждении относительно причин, приведших к катастрофе при Варне, мнения этих двух исследователей полностью расходятся. Халецкий, присоединяясь к одному высказанному ранее в польской историографии положению, стремится показать, что король Владислав никогда

ан было еще более тяжелым по своим последствиям, чем в свое время при Никополе, поскольку с ним потерпела крах последняя попытка общехристианской операции по спасению от турецкого завоевания. Еще более глубоким, чем тогда, было отчаяние в христианском лагере. Достойный лишь жалости император Константинополя принес победителю свои поздравления и почетные дары.

Напротив, Константин даже после катастрофы при Варне продолжил свои походы в Греции. Он вновь появился в Беотии и распространил свою власть на Фокиду и дальше на греческие земли вплоть до Пинда. В последний час, казалось, на древней греческой земле возникает новая Греция как наследница умирающей Византии. Однако вскоре отважного деспота настигла месть победителя при Варне. Со своим огромным войском Мурад II в 1446 г. вторгся в Грецию и быстро пересек среднегреческие земли. Лишь у стены Эксамилий византийский деспот смог оказать ему более или менее сильное сопротивление, но пушечный огонь турок разрушил и это препятствие: 10 декабря 1446 г. Эксамилий был взят штурмом, и тем самым решился исход войны. Турки вторглись в Морею, опустошили византийские города и деревни и увели около 60 000 пленников¹. Взамен на обязательство уплаты дани византийскому деспоту был предоставлен мир, поскольку султану еще предстояло бороться со Скандербегом

не подписывал с султаном мирного соглашения, а Сегединский договор является, таким образом, легендой и молодого Ягеллона нельзя обвинять в нарушении клятвы. Однако этому противоречат согласные и при этом независимые друг от друга данные многочисленных и хорошо осведомленных источников, доказательную силу которых Халецкий (р. 67 ff.) тщетно пытается уменьшить. Противоположное тому, что он пытается доказать, свидетельствуют многочисленные современники из разных стран, занимающие разные позиции, такие как, например, Мехмед II, Энео Сильвио Пикколомини (будущий папа Пий II), польский историк Длугош и ученый Галка, бургундец Валеран де Ваврин (Walerand de Wawrin), византийцы Дука и Халкокондил. Таким образом, с полным основанием Палл отвергает всякое сомнение в исторической достоверности Сегединского договора и в факте его нарушения (см.: *Pall F. Autour de la croisade de Varna: la question de la paix de Sceged et de sa rupture // Bull. hist. de l'Acad. Roumaine* 22 (1941). P. 144–158 и *Un moment décisif de l'histoire du Sud-Est européen: la croisade de Varna // Balcania* 7 (1944). P. 102–120). Подробное изложение этого спорного вопроса дается в: *Babinger F. Von Amurath zu Amurath. Vor- und Nachspiel der Schlacht bei Varna // Oriens* 3 (1950). P. 229–265. См. тж.: *Babinger F. Mehmed der Eroberer und seine Zeit. München, 1953. S. 28 ff.*

¹ См.: *Zakythinos. Despotat. Vol. I. P. 235*, со ссылками на источники.

и Хуньяди. Как отголосок битвы при Варне в октябре 1448 г. армии Мурада II и Хуньяди встретились на Косовом Поле. Здесь, где когда-то решилась судьба Сербии, Хуньяди в ожесточенной битве уступил превосходящим силам осман. Скандербег же удержался в албанских горах и еще долгое время оставался непобедим.

Между тем деспот Константин вскоре после крушения его попытки возродить Грецию был призван занять престол Константинополя. 31 октября 1448 г. умер император Иоанн VIII, оставшийся бездетным, а поскольку незадолго до этого умер и Феодор, то на императорском престоле Иоанна сменил отважный деспот Константин Драгаш, названный так по своей матери Елене, происходившей из сербского княжеского рода Драгашей из Восточной Македонии¹. Будучи коронован 6 января 1449 г. императорским венцом в Мистре, Константин через два месяца прибыл в столицу. Власть в Морее разделили Фома и Димитрий, который неоднократно при поддержке турок добивался императорского венца, а вскоре вступил в жесткое противостояние со своим братом, вновь полагаясь на турецкую помощь.

Ни храбрость, ни энергия государственного деятеля, присущие последнему императору, не могли спасти Империю от неминуемой гибели. Когда после смерти Мурада II (февраль 1451) на престол вступил его сын Мехмед II, пробил час гибели Империи. Византийский Константинополь лежал в самом центре османских областей, разделяя азиатские и европейские владения осман. Удалить это чужеродное тело и дать растущей Османской империи прочный государственный центр в Константинополе было целью молодого султана. С неослабной энергией и большой осмотрительностью он подготавливал взятие города, которое должно было естественным образом довершить дело его предшественников. Относительно намерений осман при византийском дворе не могло быть никаких сомнений,

¹ История жизни этой императрицы подробно изложена в: *Анастасијевић Д.* Једина византијска царица Српкиња // Браство 30 (1939). С. 26–48; см. т.ж.: Там же 31 (1940). С. 78 сл. и 32 (1941). С. 50 сл. Она была дочерью «господина» Константина Драгаша, который в последние десятилетия XIV в. со своим братом, деспотом Иоанном Драгашем, а затем единолично правил в Восточной Македонии, а в 1395 г. пал в битве при Ровине. То, что только Константин XI, а не его братья принял фамилию Драгаш, вероятно, объясняется тем обстоятельством, что он носил имя своего деда.

особенно после того, как султан приказал выстроить на Босфоре вблизи города сильную крепость (Румели-Хисар).

Как и его брат, император Константин XI возложил все свои надежды на помощь Запада. Эти надежды были слабыми, но других не было вовсе. Так, в последний момент он сделал попытку оживить потерпевшее крах дело унии. В качестве папского легата в Константинополь прибыл кардинал Исидор, бывший русский митрополит: 12 декабря 1452 г., за пять месяцев до падения столицы, в Святой Софии была провозглашена уния и совершена католическая месса. Византийский народ охватило сильнейшее возбуждение, ибо он во время величайшей опасности крепче, чем когда-либо, придерживался своей веры и более болезненно, чем когда-либо, реагировал на оскорбление своих религиозных чувств. Настроение отчаяния и непримиримой ненависти к латинянам выразил тогда один из высших сановников императора в следующих лапидарных словах: «Я предпочел бы увидеть посреди города турецкий тюрбан, чем латинскую митру»¹. Чем ближе был час гибели, тем более сильным становилось в Византии течение, которое выступало за мир с турками и видело во владычестве осман меньшее зло, чем в подчинении Риму.

Но совершенно определенно, что западная помощь не прибыла в Константинополь не только лишь из-за враждебности византийского населения к унии. Противоречащие друг другу интересы западных держав изначально исключали предоставление эффективной помощи Византии. Король Арагона и Неаполя Альфонс V, в то время наиболее могущественный правитель на Средиземном море, в последние годы существования Византийской империи проводил политику, которую издавна вели по отношению к Византии его норманнские, немецкие и французские предшественники. Он стремился к основанию новой латинской империи в Константинополе и мечтал об императорском венце. Те скромные средства, которые папа Николай V (1447–1455) рассчитывал использовать для защиты Константинополя от турок, поглотил завоевательный порыв неаполитанского короля, чьи непрестанные требования денег в Риме беспрекословно исполняли².

¹ *Ducas*. P. 329.11 (ed. Grecu).

² См.: *Norden*. Papsttum und Byzanz. P. 731 ff.; *Cerone Fr*. La politica orientale di Alfonso di Aragona // *Archivio Storico per le provincie Napoletane* 27 (1902). P. 3 sq., 380 sq., 555 sq., 774 sq. и 28 (1903). P. 153 sq.; *Marinescu C.G*. Le pape Nicolas V et son

Если бы дело дошло до активного вмешательства Запада в судьбу Константинополя, ясно, что он не ставил бы себе целью спасение Византийской империи. Однако и для нового утверждения латинского господства на Востоке отсутствовали теперь всякие предпосылки. Было время, когда можно было задаваться вопросом, попадет ли Византия в руки латинян или турок; однако развитие событий в последнее столетие дало на этот вопрос решительный ответ, и наименьший вклад в поиск ответа на него внесла сама Византийская империя. Великие события, бывшие решающими для ее судьбы, разыгрывались вне поля ее досягаемости и без ее участия, ибо уже давно Византия была объектом политических амбиций других держав. Обессиленная и парализованная внутренне, она деградировала до положения города-государства и в конце концов попала в руки турок.

В первые дни апреля 1453 г. Мехмед II собрал под стенами города огромное войско¹. С византийской стороны ему противостояло лишь 5000 греческих и 2000 иностранных защитников. Основной контингент иностранцев составляли 700 генуэзцев, которые под командованием Джустиниани к вящей радости византийцев на двух галерах прибыли в Константинополь незадолго перед началом осады. Не будет ошибкой предположить, что силы нападавших десятикратно превосходили силы оборонявшихся. Главным оплотом Константинополя была не его хотя и героическая, но численно совершенно недостаточная дружина защитников, а уникальное положение города и крепость его стен, для поддержания которых как Иоанн VIII, так и Константин XI приложили много усилий.

→ attitude envers l'Empire byzantin // Bull. de l'Inst. Archéol. Bulgare 9 (1935). P. 331–342 и Contribution à l'histoire des relations économiques entre l'Empire byzantin, la Sicile et le royaume de Naples de 1419 à 1453 // Studi bizantini e neoellenici 5 (1939). P. 209–219; *Guilland R.* Αἱ πρὸς τὴν Δύσιν ἐκκλήσεις Κωνσταντίνου ΙΑ' τοῦ Δράγασης πρὸς σωτηρίαν τῆς Κωνσταντινουπόλεως // ΕΕΒΣ 22 (1952). Σ. 60–74.

¹ О сражении за Константинополь см.: *Pears E.* The Destruction of the Greek Empire and the Story of the Capture of Constantinople by the Turks. London, 1903. Сочинение Шлюмберже (*Schlumberger G.* Le siège, la prise et le sac de Constantinople par les Turcs en 1453. Paris, 1914) не имеет самостоятельной ценности. Ср. тж. *Pears E.* СМН, IV. 1923. P. 693 ff. — и прекрасную библиографию там же, p. 883 ff. См. далее: *Babinger F.* Mehmed der Eroberer und seine Zeit. München, 1953. S. 88 ff.; *Amantos C.* La prise de Constantinople // Le cinq-centième anniversaire de la prise de Constantinople. Athènes, 1953. P. 9–22.

Удачное стратегическое положение и крепость городских стен уже нередко спасали Византию, однако всегда в сочетании с превосходством византийцев над окружающим миром в технике военного дела. Теперь же техническое превосходство было на стороне турок. Мехмед предпринял грандиозные меры по вооружению и прежде всего с помощью западных мастеров создал сильную артиллерию. В невиданном прежде объеме турки применили при штурме Константинополя новое оружие, и, по словам греческого современника, «пушки решили все»¹. Маленькие бомбарды, которыми располагали защитники Константинополя, не могли сравниться с большими турецкими орудиями.

7 апреля началась собственно осада города. Прежде всего приступ был направлен против городской стены со стороны суши, особенно против ворот Пемптон, в которых турки признали наиболее слабый пункт византийской линии укреплений. Золотой Рог был перекрыт тяжелой цепью, прорвать которую туркам, несмотря на все усилия, не удалось. Во время одной из попыток прорыва 20 апреля завязалось морское сражение, из которого имперский флот вышел победителем. Победа вызвала в Константинополе воодушевление и вселила в защитников новые надежды, однако не принесла городу никакого заметного облегчения. Хуже того, 22 апреля Мехмеду II удалось протаскать в Золотой Рог по суше довольно большое количество кораблей, и теперь город подвергался бомбардировке как с суши, так и с моря. С упорством смертников небольшая кучка защитников сопротивлялась неотвратимой судьбе. Сам император подавал пример своим войскам, сражаясь впереди с мужественной решимостью. До самого конца он оставался на своем посту, как будто решил не пережить крушения своего дела². Несколько крупных приступов потерпели неудачу, решимость врага стала ослабевать, однако после семи недель штурма в стенах осажденного города стали показываться бреши. Приближалась развязка.

На 29 мая Мехмед II назначил решительный штурм. Накануне, в то время как султан готовил свои войска к бою, христиане, греки и латиняне совершали в Святой Софии последнее богослужение.

¹ Kritobulos // FHG. V. P. 80.

² Kolias G. Constantin Paléologue, le dernier défenseur de Constantinople // Le cinquantième anniversaire de la prise de Constantinople. Athènes, 1953. P. 41–54.

После завершения литургии бойцы вернулись на свои места, до самой поздней ночи император обходил линии обороны. С первыми лучами солнца начался штурм: город подвергся одновременному нападению со всех сторон. Несмотря на это, героические защитники города в течение длительного времени сдерживали натиск и отразили все нападения. Тогда султан бросил в бой свои резервы, отряды янычар, и этим элитным войскам османской армии после тяжелой битвы удалось взобраться на стены. В решающий момент Джустиниани, сражавшийся бок о бок с императором, получил смертельную рану и был унесен прочь. Его уход внес смятение в ряды оборонявшихся, и это ускорило проникновение турок в город. Вскоре город оказался в их руках. Константин XI сражался до последней минуты и нашел в бою смерть, которой и искал. Три дня и три ночи продолжался грабеж, который султан обещал своим солдатам во время подготовки к последнему штурму, чтобы поднять их упавший боевой дух. Были уничтожены предметы огромной ценности, произведения искусства и драгоценные рукописи, изображения святых и церковная утварь. Мехмед II торжественно вступил в покоренный город. Константинополь стал столицей Османской империи. Византийская империя перестала существовать.

Империя, начало которой было положено основанием Константином Великим столицы на Босфоре, с ее падением при последнем Константине опустилась в могилу. Впрочем, южногреческая Морей и Трапезундская империя на несколько лет пережили падение Константинополя. Однако их подчинение не составляло для турок проблемы. Взятие Константинополя проложило мост между азиатскими и европейскими владениями османов, упрочило единство османского государства и придало новый размах его завоевательному порыву. Вскоре могущественная держава турок поглотила остатки греческих, латинских и славянских владений на Балканах. В 1456 г. в руки османов попали Афины, и Парфенон, бывший на протяжении тысячелетия церковью Пресвятой Богородицы, превратился в турецкую мечеть. В 1460 г. прекратила свое существование византийская Морей; Фома бежал в Италию, тогда как враг латинян Димитрий отправился ко двору султана. В 1461 г. пала и Трапезундская империя¹,

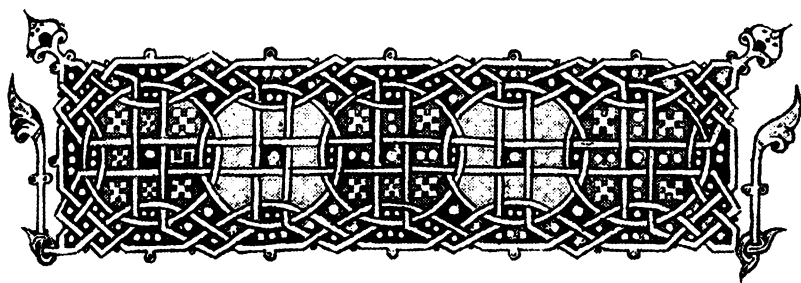
¹ См.: *Babinger F.* La date de la prise de Trébizonde par les Turcs // REB 7 (1950). P. 205–207.

и тем самым последняя греческая область оказалась под властью турок. Сербский деспотат погиб уже в 1459 г., за ним последовало Боснийское королевство. До конца столетия и другие славянские и албанские земли вплоть до Адриатики оказались в руках турок. Вновь образовалась империя, которая простиралась от Месопотамии до Адриатики, имея своим естественным центром Константинополь: турецкая держава, выросшая на обломках Византийской империи, вновь на столетия смогла соединить в одном государстве старые византийские земли.

Византия пала в 1453 г., но ее духовные и политические традиции продолжали жить и действовать как на старой византийской почве, так и за пределами бывших границ Империи, оплодотворяя государственную и культурную жизнь европейских народов. Христианская религия в ее специфической греческой форме как воплощение византийского духа и одновременно альтернатива римскому католицизму осталась для греков, а также для южных и восточных славян наиболее заветной святыней. В столетия турецкого владычества православная вера стала для греков и южных славян выражением их духовного и этнического своеобразия, она сохранила балканские народы от растворения в турецком потоке и тем самым сделала возможным национально-государственное возрождение. Православие стало также духовным знаменем, под которым было проведено объединение русских земель, а Московское государство достигло положения великой державы. Вскоре после падения византийской и славянских держав Москва окончательно стряхнула с себя татарское иго и стала в качестве единственной независимой православной державы естественным центром православного мира. Иван III, великий объединитель и освободитель русских земель, женился на дочери деспота Фомы Палеолога, племяннице последнего императора Византии. Он принял в качестве герба византийского двуглавого орла, ввел в Москве византийские обычаи, и вскоре России досталась ведущая роль на христианском Востоке, которую прежде исполняла Византийская империя. Если Константинополь был Новым Римом, то Москва стала «Третьим Римом». Духовное наследие Византии, ее вера, ее политические идеи и духовные идеалы столетиями продолжали жить в русском царстве.

Еще большую притягательную силу имела византийская культура, которая смогла захватить и Восток, и Запад. Если византийское

влияние в романских и германских странах было далеко не столь всеохватным, как в славянских, то все же Византия культурно оплодотворила и Запад. Византийское государство стало сосудом, в котором культура греко-римской античности продолжала жить на протяжении столетий. Именно поэтому Византия была дающей, а Запад — берущей стороной. В эпоху Ренессанса, когда человечество с наибольшей силой охватило вожделение к античной культуре, западный мир нашел в Византии источник, из которого текли культурные сокровища античности. Византия сохранила античное наследие и тем самым исполнила всемирно-историческую миссию. Она сохранила от гибели римское право, греческую поэзию, философию и науку, чтобы затем передать это великое наследство созревшему до его принятия европейскому человечеству.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Книга Г. Острогорского создавалась не только как очерк истории Византийского государства, но и как справочное пособие, охватывавшее по возможности весь научно-библиографический материал по отдельным вопросам византийской истории. Предлагая вниманию читателей долгожданный русский перевод этой классической работы, мы отдаем себе отчет в том, что за полвека, истекшие после ее последней авторской переработки, научные исследования в области истории Византии ушли далеко вперед. Многие частные вопросы, обстоятельно обсуждаемые автором в основном тексте и примечаниях, нашли свое решение; немалое число источников было вновь открыто или вышло в новых критических изданиях. Впрочем, по нашему убеждению, основные идеи великого византиниста выдержали испытание временем и не нуждаются в корректировке. Что же касается деталей, то и они заслуживают внимания — на сей раз уже с точки зрения истории науки.

Призывая читателей с осторожностью относиться к частным выводам и особенно полемическим рассуждениям Острогорского и проверять их по новейшим работам, мы сочли необходимым сопроводить русское издание библиографическим приложением. В него включены книги по истории Византии и сопредельных стран, вышедшие в свет после 1963 г. (и некоторые более ранние, не упомянутые Острогорским). Мы не ставили перед собой задачу охватить все без исключения исследования, издания и переводы, ограничившись по формальному признаку только монографическими публикациями. Преимущественное внимание уделено книгам на русском и английском языках. В разделе «Источники» даны лишь новые издания основных текстов, тогда как русские переводы учтены полнее (с включением работ богословского и иного содержания).

ВВЕДЕНИЕ. РАЗВИТИЕ НАУКИ ОБ ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ

Бурный рост научных публикаций по всем областям византиноведения за последние десятилетия отражен в библиографических обзорах, регулярно публикуемых в журнале «Byzantinische Zeitschrift» (библиография с 1990 г. доступна в электронном виде). Работы в области славяно-византийских исследований отслеживались в пражском журнале «Byzantinoslavica» (с 1994 г. это издание отказалось от библиографического раздела).

Периодика (с 60-х годов): Австралия: «Byzantine Studies in Australia», с 1980. — Армения: «Кавказ и Византия», с 1979. — Бельгия: «The Journal of Eastern Christian Studies», с 2002. — Болгария: «Byzantinobulgarica», с 1962. — Великобритания: «Byzantine and Modern Greek Studies», с 1984; «Basilissa: Belfast, Byzantium and Beyond», с 2004. — Венгрия: «Posztbizanci közlemények [Studia Postbyzantina Hungarica]», с 1994. — Греция: «Σύμμεκτα Κέντρου Βυζαντινῶν Ἑρευνῶν», с 1966; «Βυζαντινά», с 1969; «Δίπτυχα Ἑταιρείας Βυζαντινῶν καὶ Μεταβυζαντινῶν Μελετῶν», с 1979; «Βυζαντιακά», с 1981; «Μεσαιωνικά καὶ Νέα Ἑλληνικά», с 1984; «Ἱστορικογεωγραφικά», с 1986; «Βυζαντινός Δόμος», с 1987; «Βυζαντιναὶ Μελέται», с 1988. — Испания: «Erytheia», с 1980. — Италия: «Θησαυρίσματα», с 1962; «Rivista di studi bizantini e slavi», с 1981 (с 1991: «Rivista di bizantinistica»); «Ἱταλοελληνικά», с 1988; «Πορφύρα», с 2004. — Нидерланды: «Byzantinische Forschungen», с 1966. — Словакия: «Byzantinoslovaca», с 2006. — США: «Byzantine Studies / Études byzantines», с 1974; «Patristic and Byzantine Review», с 1982; «Studies in Byzantine Sigillography», с 1989. — Украина: «Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики», с 1990. — Финляндия: «Acta Byzantina Fennica», с 1985. — Франция: «Travaux et Mémoires du Centre de Recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance», с 1965. — ФРГ: «Mitteilungen zur spätantiken Archäologie und Byzantinischen Kunstgeschichte», с 1998. — Швеция: «Bulletin av Svenska kommittén för bysantinska studier», с 1983; «Göttinger Beiträge zur byzantinischen und neugriechischen Philologie», с 2001. — ЮАР: «Acta Patristica

et Byzantina», с 1990. — В России за последние годы к старым журналам («Византийский временник», «Античная древность и Средние века») добавилось несколько периодических изданий, альманахов и сборников конференций: «Причерноморье в Средние века», с 1991; «Byzantinorussica», 1994; «Христианский Восток» (новая серия), с 1999; «Византинороссика», с 1995; «Россия и христианский Восток», с 1997; «Мир Православия», с 1997; «Средневековое Православие от прихода до патриархата», с 1997; «Кафедра византийской и новогреческой филологии», 2000; «Московия: Проблемы византийской и новогреческой филологии», 2001; «Scrinium: Журнал патрологии, критической агиографии и церковной истории», с 2005; «Монфокоп: Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике», 2007.

Книжные серии: *Studia Byzantina Upsaliensia*; *Berliner Byzantinistische Arbeiten*; *Bibliothèque byzantine*; *Bibliothèque de l'Institut hellénique d'études byzantines et post-byzantines de Venise*; *Birmingham Byzantine and Ottoman Monographs*; *Byzantina Australiensia*; *Byzantina et Slavica Cracoviensia*; *Byzantina Neerlandica*; *Byzantina Sorbonensia*; *Byzantina Vindobonensia*; *Byzantine Art in Greece*; *Byzantinisches Archiv*; *Byzantino-Sicula*; *Centre de Recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance, Monographies*; *Classical and Byzantine Monographs*; *Collection byzantine, publiée sous le patronage de l'Association Guillaume Budé*; *Documents et recherches sur l'Economie des Pays Byzantins, Islamiques, Slaves et leurs Relations Commerciales au Moyen-Age*; *Dumbarton Oaks Studies*; *Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte*; *Greek, Roman and Byzantine Monographs*; *Hellenica et Byzantina Neapolitana*; *Meletemata: Beiträge zur Byzantinistik und Neugriechischen Philologie*; *Milion: Collana di studi e ricerche d'Arte Bizantina*; *Miscellanea Byzantina Monacensia*; *Oxford Studies in Byzantium*; *Réalités Byzantines*; *Studi bizantini e neogreci*; *Studi di filologia bizantina*; *Studia Patristica et Byzantina*; *Studien und Texte zur Byzantinistik*; *Subsidia Byzantina lucis ope iterata*; *Supplementa Byzantina*; *Testi e Studi Bizantino-Neellenici*; *Textes, documents, études sur le monde byzantin, néohellénique et balkanique par Association Pierre Belon*; *Veröffentlichungen der Kommission für Byzantinistik der Österreichischen Akademie der*

Wissenschaften; Wiener byzantinistische Studien; Βυζαντινή και Νεοελληνική Βιβλιοθήκη; Βυζαντινά Κείμενα καὶ Μελέται; Βυζαντινά Μνημεῖα; Βυζαντινή πραγματικότητα και νεοελληνικές ερμηνείες; Ελληνορθόδοξος βυζαντινός πολιτισμός; Θεσσαλονικεῖς Βυζαντινοὶ Συγγραφεῖς; Ποικίλα Βυζαντινά. В России: Subsidia Byzantinoglossica; Византийская библиотека; Византийская историческая библиотека.

Справочные издания

- История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М., 1985–1986. 2 т.
 Кирило-Методиевска енциклопедия. София, 1985–2003. 4 т.
 Культура Византии. [I–III]. М., 1984–1991.
 Православная энциклопедия. М., 1999–2010–. Т. 1–23– [до буквы И].
 A [Blackwell] Companion to Byzantium / Ed. L. James. Oxford, 2010.
 A [Blackwell] Companion to Greek Rhetoric. Oxford, 2007.
 The Blackwell Companion to Late Antiquity. Oxford, 2009.
 The Blackwell Companion to the Eastern Christianity / Ed. K. Perry. Oxford, 2010.
 The Cambridge History of Christianity. I–II, Cambridge, 2006–2007.
 The Cambridge History of Early Christian Literature. Cambridge, 2004.
 The Cambridge History of Greek and Roman Warfare. Cambridge, 2007. 2 vol.
 The Cambridge History of Iran. III: The Seleucid, Parthian and Sasanian periods. Cambridge, 1983. 2 vol.
 The Cambridge History of Later Greek and Early Medieval Philosophy. Cambridge, 1967.
 The Cambridge History of the Byzantine Empire, c. 500–1492 / Ed. J. Shepard. Cambridge, 2008.
 The Cambridge Medieval History, IV: The Byzantine Empire / Ed. J.M. Hussey. Cambridge, 1966–1967. 2 vol.
 Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastique. Paris, 1912–2009-. Т. 1–29– [до слова Lombardi].
 Di Berardino A. (ed.). Patrology: The Golden Age of Latin Patristic Literature from the Council of Nicea to the Council of Chalcedon. Westminster, 1986.
 Di Berardino A. (ed.). Patrology: The Eastern Fathers from the Council of Chalcedon (451) to John of Damascus († 750). Cambridge, 2006.

- Encyclopedia of the Early Church / Ed. A. di Berardino. Cambridge, 1992. 2 vol.
- Late Antiquity: a guide to the postclassical world / Ed. G.W. Bowersock e.a. Cambridge (Mass.), 1999.
- Le Monde byzantin, I–II (330–1204). Paris, 2004–2007.
- Lexikon der antiken christlichen Literatur / Hrsg. S. Döpp, W. Geerlings. Freiburg, 1998.
- Lexikon der Byzantinistik / Hrsg. J. Irmscher. Amsterdam, 1998–1999. Bd. 1–2 [перевался на слове Elfenbein].
- Lexikon der christlichen Ikonographie / Hrsg. E. Kirschbaum u.a. Rom u.a., 1968–1976 (Nachdr., 1994). 8 Bde.
- Lexikon des Mittelalters. München, 1977–1999 (Nachdr.: 2009). 8 Bde.
- Lexikon für Theologie und Kirche. 3. Aufl. Freiburg, 1993–2001 (durchges. Ausg., 2009). 11 Bde.
- Mazal O.* Handbuch der Byzantinistik. Graz, 1989.
- Nyssen W., Schulz H.-J., Wiertz P.* Handbuch der Ostkirchenkunde. Düsseldorf, 1984–1989. 2 Bde.
- The Oxford Classical Dictionary. 3 ed. Oxford, 2003.
- The Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. A. Kazhdan e.a. Washington, 1991. 3 vol.
- The Oxford Dictionary of the Christian Church. 3 ed. Oxford, 2005.
- The Oxford Handbook of Byzantine Studies / Ed. E. Jeffreys e.a. Oxford, 2008.
- Quasten J.* Patrology. I–III [to the Council of Chalcedon]. Utrecht, 1950–1953 (repr.: Westminster, 1990).
- A People's History of Christianity. III: Byzantine Christianity. Minneapolis, 2006.
- Reallexikon der Byzantinistik / Hrsg. P. Wirth. Amsterdam, 1968 [перевался на букве A].
- Reallexikon für Antike und Christentum / Hrsg. E. Dassmann u.a. Leipzig; Stuttgart, 1941–2009-. Bd. 1–24- [до буквы M]. Supplementen 1–4 [A–Athen].
- Reallexikon zur byzantinischen Kunst / Hrsg. K. Wessel, M. Restle. Stuttgart, 1963–2009-. Bd. 1–7- [до слова Numidien].
- Schreiner P.* Byzanz. München, 1994 (2. Aufl.).
- Tusculum-Lexikon griechischer und lateinischer Autoren des Altertums und des Mittelalters. München, 1982 (3. Aufl.).
- Θρησκευτική καὶ ἠθικὴ ἐγκυκλοπαιδεία. Ἀθήναι, 1962–1968. 12 τ.

Просопография и биография:

- Prosopography of the Later Roman Empire, I: *Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J.* A.D. 260–395. Cambridge, 1971. — II: *Martindale J.R.* A.D. 395–527. Cambridge, 1980; III: *Martindale J.R.* A.D. 527–641. Cambridge, 1992.
- Prosopographie chrétienne du Bas-Empire, I: *La Bonnardière A.-M.* Afrique (303–533). Paris, 1982; II: *Pietri Ch. & L. (ed.)*. Prosopographie de l'Italie chrétienne (313–604). Paris; Rome, 1999–2009. 2 vol.; III: *Destephen S.* Prosopographie du Diocèse d'Asie (325–641). Paris, 2008.
- Cosentino S.* Prosopografia dell'Italia Bizantina (493–804). Bologna, 1996–2000-. Vol. I–II/1- [до буквы O].
- Lilie R.-J. u.a.* Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit, I: 641–867. Berlin, 1998–2002. Prolegomena, 6 Bde; II: 867–1025. Berlin, 2009-. Prolegomena.
- Martindale J.R. (ed.)*. Prosopography of Byzantine Empire, I: 641–867. Aldershot, 2001 [CD-Rom].
- Trapp E. u.a.* Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. Wien, 1976–1996. 12 Fasz., Reg.
- Σαββίδης Α.Γ.Κ.* (εκδ.). Εγκυκλοπαιδικό προσωπογραφικό λεξικό βυζαντινής ιστορίας και πολιτισμού. Αθήνα, 1996–1998-. Τ. 1–3- [буква Α].
- Nicol D.M.* A biographical dictionary of the Byzantine Empire. London, 1991.
- Fedalto G.* Hierarchia Ecclesiastica Orientalis: Series episcoporum Ecclesiarum Christianarum Orientalium. Padova, 1988. 2 vol.
- Ferluga J. e.a.* Glossar zur frühmittelalterlichen Geschichte im östlichen Europa. Serie B: Griechische Namen bis 1025. Wiesbaden, 1980–1988. Bd. 1–3 [прегвался на букве Α].

География

- Ангелов Д., Коледаров П. и др.* Атлас по българска история. София, 1963.
- Еремян С.Т.* Атлас Армянской ССР. М., 1961.
- Коледаров П.* Политическа география на средновековната българска държава. София, 1979–1989. 2 т.
- Мусхелишвили Д. и др.* Исторический атлас Грузии. Тбилиси, 2003 (на груз. яз.).
- Atlas of the Early Christian World. London, 1966 (3 ed.).
- Haldon J.* The Palgrave atlas of Byzantine history. Basingstoke, 2005.

- Hewsen R.H.* Armenia: a historical atlas. Chicago, 2001.
- Hild F.* Das byzantinische Straßensystem in Kappadokien. Wien, 1977.
- Janin R.* La géographie ecclésiastique de l'Empire byzantin, [I]: Les églises et les monastères [de Constantinople]. Paris, 1969; [II]: Les églises et les monastères des grands centres byzantins: Bithynie, Hellespont, Latros, Galésios, Trébizonde, Athènes, Thessalonique. Paris, 1975.
- Kennedy H. (ed.).* An historical atlas of Islam. Leiden, 2002 (2 ed.).
- Malamut E.* Les îles de l'empire byzantin. Paris, 1988.
- Riley-Smith J. (ed.).* The atlas of the Crusades. London, 1991.
- Talbert R.J.A. e.a. (ed.).* The Barrington atlas of the Greek and Roman World. Princeton, 2000.
- Tabula Imperii Byzantini: 1: *Koder J., Hild F.* Hellas und Thessalia. Wien, 1976; 2: *Hild F., Restle M.* Kappadokien (Kappadokia, Charsianon, Sebasteia und Lykandos). Wien, 1981; 3: *Soustal P., Koder J.* Nikopolis und Kephallēnia. Wien, 1981; 4: *Belke K., Restle M.* Galatien und Lykaonien. Wien, 1984; 5: *Hild F., Hellenkemper H.* Kilikien und Isaurien. Wien, 1990. 2 Bde; 6: *Soustal P.* Thrakien (Thrakē, Rodopē und Haimimontos). Wien, 1991; 7: *Belke K., Mersich N.* Phrygien und Pisidien. Wien, 1990; 8: *Hellenkemper H., Hild F.* Lykien und Pamphylien. Wien, 2004. 3 Bde; 9: *Belke K.* Paphlagonien und Honōrias. Wien, 1996; 10: *Koder J.* Aigaion Pelagos (Die nördliche Ägäis). Wien, 1998; 12: *Külzer A.* Ostthrakien (Eurōpē). Wien, 2008.

Λεξικογραφία

- Conca F. e.a.* Lessico dei romanzieri greci, I–III. Hildesheim, 1983–1997.
- Lampe G.W.H.* A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1968 (2 ed.).
- Sophocles E.A.* Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods (from B. C. 146 to A. D. 1100). Hildesheim, 1992 (repr.).
- Thesaurus Linguae Graecae [электронный ресурс].
- Trapp E. e.a.* Lexikon zur byzantinischen Gräzität besonders des 9–12. Jahrhunderts. Wien, 1994–2007-. Fasz. 1–6- [до слова προσπελαγίζω].
- Δημητράκος Δ.Β.* Μέγα Λεξικόν ὅλης τῆς Ἑλληνικῆς Γλώσσης. Ἀθῆναι, 1964. 15 τ.
- Κριαράς Ε.* Λεξικό της μεσαιωνικής ελληνικής δημώδους γραμματείας, 1100–1669. Θεσσαλονίκη, 1968–2008-. Τ. 1–16- [до слова πνεύμονας].

Нумизматика и сфрагистика

- Бутырский М.Н., Заикин А.А.* Золото и благочестие. М., 2005.
- Климанов Л.Г.* Византийские отражения в сфрагистике: Коллекция металлических печатей VII–XX вв. Н.П. Лихачева в Западно-европейской секции Архива Санкт-Петербургского филиала Института Российской истории РАН. СПб., 1999.
- Лихачев Н.П.* Моливдовулы греческого Востока / Сост. В.С. Шандровская. М., 1991.
- Романчук А.И., Шандровская В.С.* Введение в византийскую археологию и сфрагистику. Екатеринбург, 1995.
- Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983.
- Соколова И.В.* Печати византийских императоров: каталог коллекции (Гос. Эрмитаж). СПб., 2007.
- Толстой И.И.* Византийские монеты. Вып. 1–9. СПб., 1912–1914; Вып. 10. Барнаул, 1991.
- Bulgakova V.* Byzantinische Bleisiegel in Osteuropa: die Funde auf dem Territorium Altrusslands. Wiesbaden, 2004.
- Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich: 1: *Seibt W.* Kaiserhof. Wien, 1978; 2: *Wassiliou A.K., Seibt W.* Zentral- und Provinzialverwaltung. Wien, 2004.
- Hahn W.* Moneta Imperii Byzantini: Die Ostprägung des Römischen Reiches im 5. Jahrhundert (408–491). Wien, 1989. — Von Anastasius I bis Justinian I. (491–565), einschließlich der ostgotischen und vandalischen Prägungen. Wien, 1973. — Von Justinus II. bis Phocas (565–610), einschließlich der Prägung der Heraclius-Revolt. Wien, 1975. — Von Heraklius bis Leo III., Alleinregierung (610–720). Wien, 1981.
- Hahn W., Metlich M.A.* Money of the Incipient Byzantine Empire (Anastasius I — Justinian I, 491–565). Wien, 2000.
- Κολτσίδα-Μακρή Ι.* Βυζαντινά μολυβδόβουλλα. Αθήναι, 1996.
- Laurent V.* Le corpus des sceaux de l'empire byzantin. Paris, 1963–1972. 5 vol.
- Metlich M.A.* Coin Identification Program. Wien, 1999 [CD-Rom].
- Morisson C.* Catalogue des monnaies byzantines de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1970. 2 vol.
- Nesbitt J. e.a.* Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art: 1: Italy, North of the Balkans, North of the Black Sea. Washington, 1991. — 2: South of the Balkans,

the Islands, South of Asia Minor. Washington, 1994. — 3: West, Northwest and Central Asia Minor and the Orient. Washington, 1996. — 4: The East. Washington, 2001. — 5: The East (continued), Constantinople and Environs, Unknown Locations, Addenda, Uncertain Readings. Washington, 2005. — 6: Emperors, Patriarchs of Constantinople, Addenda. Washington, 2009.

Oikonomides N. Byzantine Lead Seals. Washington, 1985.

Oikonomides N. A Collection of Dated Byzantine Lead Seals. Washington, 1986.

Speck P. Byzantinische Bleisiegel in Berlin (West). Bonn, 1986. — *Sode C.* Byzantinische Bleisiegel in Berlin (West), II. Bonn, 1997.

Zacos G., Vegléry A. Byzantine Lead Seals, I. Basel, 1972. 3 vol. — *Zacos G., Nesbitt J.W.* Byzantine Lead Seals, II. Bern, 1984–1985. 2 vol.

Регесты и клависы

Lounghis T.C. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 476 bis 565. Nicosia, 2005.

Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches: 1/1: *Dölger F., Müller A.E.* Regesten von 565–867. München, 2009 (2. Aufl.). — 1/2: *Dölger F., Müller A.E., Beihammer A.* Regesten von 867–1025. München, 2003 (2. Aufl.). — 2: *Dölger F., Wirth P.* Regesten von 1025–1204. München, 1995 (2. Aufl.). — 3: *Dölger F.* Regesten von 1204–1282. München, 1977 (2. Aufl.). — 4: *Dölger F.* Regesten von 1282–1341. München, 1960. — 5: *Dölger F., Wirth P.* Regesten von 1341–1453. München, 1965.

Les registres des actes du Patriarcat de Constantinople, I: Les actes des Patriarches: 1: *Grumel V.* Les registres de 381 à 715. Paris, 1972 (2 éd.). — 2–3: *Grumel V., Darrouzès J.* Les registres de 715 à 1043 et de 1043 à 1206. Paris, 1989 (2 éd.). — 4: *Laurent V.* Les registres de 1206 à 1310. Paris, 1971. — 5: *Darrouzès J.* Les registres de 1310 à 1376. Paris, 1977. — 6: *Darrouzès J.* Les registres de 1377 à 1410. Paris, 1979. — 7: *Darrouzès J.* Les registres de 1410 à 1453, tables générales. Paris, 1991.

Halkin F. Bibliotheca Hagiographica Graeca, 3 éd. Bruxelles, 1957. 3 vol. — Auctarium. Bruxelles, 1969. — Novum Auctarium. Bruxelles, 1984.

Bibliotheca Hagiographica Latina antiquae et mediae aetatis. Bruxelles, 1898–1901 (repr. 1992). — Supplementi. Bruxelles, 1911. — *Fros H.* Novum Supplementum. Bruxelles, 1986.

Dekkers E., Gaar E. Clavis Patrum Latinorum [a Tertulliano ad Bedam]. Turnhout, 1995 (3 ed.).

Geerard M. e.a. Clavis Patrum Graecorum, I–V. Turnhout, 1983–1987; Supplementum. Turnhout, 1998; *Noret J.* Addenda volumini III. Turnhout, 2003.

Источники

Серии

«Corpus Fontium Historiae Byzantinae» (подсерии: Washingtonensis (с 1967), Thessalonicensis (с 1973), Vindobonensis (с 1975), Italica (с 1975), Bruxellensis (с 1975), Parisiensis (с 1984), Atheniensis (с 1990)); «Analecta Hymnica Graeca»; «Belfast Byzantine Texts and Translations»; «Byzantinische Geschichtsschreiber»; «Byzantine Texts»; «Corpus Christianorum, Series Graeca»; «Corpus Philosophorum Medii Aevi, Philosophi Byzantini»; «Κείμενα Βυζαντινής Λογοτεχνίας»; «Κείμενα Βυζαντινής Ιστοριογραφίας»; «Monumenta Musicae Byzantinae»; «Monumenta Slavico-Byzantina et mediaevalia Europensia»; «Monuments de l'art byzantin»; «Sources chrétiennes»; «Древнейшие источники по истории народов СССР [с 1991 — Восточной Европы]»; «Византийская библиотека. Источники»; «Византийские исторические сочинения» и др.

Акты

Archives de l'Athos: 1: Actes de Lavra, 897–1178 / Ed. G. Rouillard, P. Collomp. Paris, 1935. — 2: Actes de Kutlumuş / Ed. P. Lemerle. Paris, 1988 (2 éd.). — 3: Actes de Xéropotamou / Ed. J. Bompaire. Paris, 1964. — 4: Actes de Dionysiou / Ed. N. Oikonomidès. Paris, 1968. — 5: Actes de Lavra, I: Des origines à 1204 / Ed. P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos, avec la collaboration de D. Papachryssanthou. Paris, 1970. — 6: Actes d'Esphigménou / Ed. J. Lefort. Paris, 1973. — 7: Actes du Prôtaton / Ed. D. Papachryssanthou. Paris, 1975. — 8: Actes de Lavra, II: De 1204 à 1328 / Ed. P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos, avec la collaboration de D. Papachryssanthou. Paris, 1977. — 9: Actes de Kastamonitou / Ed. N. Oikonomidès. Paris, 1978. — 10: Actes de Lavra, III: De 1329 à 1500 / Ed. P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos, avec la collaboration de D. Papachryssanthou. Paris, 1979. — 11: Actes de Lavra, IV: Études historiques. Actes serbes / Ed. P. Lemerle, A. Guillou, D. Papachryss-

anthou, avec la collaboration de S. Ćirković. Paris, 1982. — 12: Actes de Saint-Pantéléèmon / Ed. P. Lemerle, G. Dagron, S. Ćirković. Paris, 1982. — 13: Actes de Docheiariou / Ed. N. Oikonomidès. Paris, 1984. — 14: Actes d'Iviron, I: Des origines au milieu du XIe siècle / Ed. J. Lefort, N. Oikonomidès, D. Papachryssanthou, avec la collab. d'H. Métrévél. Paris, 1985. — 15: Actes de Xénophon / Ed. D. Papachryssanthou. Paris, 1986. — 16: Actes d'Iviron, II: Du milieu du XIe siècle à 1204 / Ed. J. Lefort, N. Oikonomidès, D. Papachryssanthou avec la collab. de V. Kravari et d'H. Métrévél. Paris, 1990. — 17: Actes du Pantocrator / Ed. V. Kravari. Paris, 1991. — 18: Actes d'Iviron, III: De 1204 à 1328 / Ed. J. Lefort, N. Oikonomidès, D. Papachryssanthou avec la collab. de V. Kravari et d'H. Métrévél. Paris, 1994. — 19: Actes d'Iviron, IV: De 1328 au début du XVIe siècle / J. Lefort, N. Oikonomidès, D. Papachryssanthou, V. Kravari, avec la collab. d'H. Métrévél. Paris, 1995. — 20: Actes de Chilandar / Ed. M. Živojinović, Ch. Giros, V. Kravari. I: Des origines à 1319. Paris, 1998. — 21: Actes de Vatopédi / Ed. J. Bompaire, J. Lefort, V. Kravari, Chr. Giros. I: Des origines à 1329. Paris, 2001.

Corpus des Actes grecs d'Italie du sud et de Sicilie: 1: Saint-Nicolas de Donnosio (1030–1060/61) / Ed. A. Guillou. Città del Vaticano, 1967. — 2: Saint-Nicodème de Kellarana (1023/24–1232) / Ed. A. Guillou. Città del Vaticano, 1968. — 3: La Théotokos de Hagia-Agathè (Oppido) (1050–1064/1065) / Ed. A. Guillou. Città del Vaticano, 1972. — 4: Le brébion de la métropole byzantine de Règion (vers 1050) / Ed. A. Guillou. Città del Vaticano, 1974. — 5: Saint-Jean Théristsès (1054–1264) / Ed. S.G. Mercati, C. Giannelli, A. Guillou. Città del Vaticano, 1980.

Акты Афонские / Изд. В. Регель и др. СПб., 1903–1915. 6 т. (репр.: Amsterdam, 1964–1975).

Акты Русского на Святом Афоне монастыря св. Пантелеимона. Киев, 1873.

Своды и подборки

Беневич Г.И. и др. Антология восточно-христианской богословской мысли: Ортодоксия и гетеродоксия. М.; СПб., 2009. 2 т.

Бибиков М.В. Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004–2009. 2 т.

- Византијски извори за историју народа Југославије. Београд, 1955–1971. 4 т.
- Гръцки извори за българската история. София, 1954–1980. 10 т.
- Лидов А.М. (ред.) Реликвии в Византии и Древней Руси: Письменные источники. М., 2006.
- Максимов Ю.В. Византийские сочинения об исламе. М., 2006.
- Памятники византийской литературы IV–IX веков. М., 1968.
- Памятники византийской литературы IX–XIV веков. М., 1969.
- Памятники позднего античного ораторского и эпистолярного искусства. М.; Л., 1964.
- Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков. М., 1970.
- Поздняя греческая проза. М., 1960.
- Полякова С.В. Византийские легенды. М., 1972 (репр.: М., 1994; СПб., 2004).
- Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951.
- Свод древнейших письменных известий о славянах [до IX в.]. М., 1994–1995. 2 т.
- Beck H.-G. Byzantinisches Lesebuch. München, 1982.
- Βυζαντινὰ ἔγγραφα τῆς Μονῆς Πάτμου. Τ. Α': Αὐτοκρατορικά / Έκδ. Ε.Λ. Βρανούση. Τ. Β': Δημοσίων Λειτουργῶν / Έκδ. Μ. Νυσταζοπούλου-Πελεκίδου. Ἀθήναι, 1980.
- Byzantine Monastic Foundation Documents: A Complete Translation of the Surviving Founders' Typika and Testaments / Ed. J. Thomas, A.C. Hero e.a. Washington, 1998–2000. 5 vol.
- Byzantinische Geschichtsschreiber. Graz; Wien, 1954-. Bd. 1–18-.
- Die byzantinischen Kleinchroniken / Hrsg. P. Schreiner. Wien, 1975–1979. 3 Bde.
- Dölger F. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948.
- Dumbarton Oaks Hagiography Database (электронный ресурс).
- Epistoliers byzantines du Xe siècle / Ed. J. Darrouzès. Paris, 1960.
- Fontes Minores / Hrsg. D. Simon. Frankfurt am Main, 1976-. Bd. 1–9-.
- Geanakoplos D.J. Byzantium: Church, Society and Civilization Seen through Contemporary Eyes. Chicago, 1984.
- Géométries du fisc byzantin / Édition, traduction, commentaire par J. Lefort e.a. Paris, 1991.
- Mango C. The art of the Byzantine Empire 312–1453: Sources and documents. Engelwood Cliffs, 1972.

Обзоры по истории и культуре Византии

- Бенешевич В.Н. (ред.).* Очерки по истории Византии. СПб., 1912–1914. 4 вып.
- Васильев А.А.* История Византийской империи / Пер. под ред. А.Г. Грушевого. [Т. 1]: Время до Крестовых походов (до 1081 г.). [Т. 2]: От начала Крестовых походов до падения Константинополя. СПб., 1998.
- Вейс Г.* История культуры народов мира, 6: Арабские завоевания; Расцвет Византии / Пер. с нем. М., 2005.
- Величко А.М.* История византийских императоров: В 5 т. М., 2009.
- Гийу А.* Византийская цивилизация / Пер. с фр. Екатеринбург, 2007.
- Дашков С.Б.* Императоры Византии. М., 1996.
- Диль Ш.* История Византийской империи / Пер. с фр. М., 1948. История Византии. 3 т. М., 1967.
- Каждан А.П.* Византийская культура (X–XII вв.). СПб., 1999 (3-е изд.).
- Кулаковский Ю.А.* История Византии (395–717 гг.). 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2003 (переиздание работы 1910–1915 гг.).
- Курбатов Г.Л.* История Византии: (От античности к феодализму). М., 1984.
- Левченко М.В.* История Византии: Краткий курс. М., 1940.
- Лемерль П.* История Византии / Пер. с фр. // На перекрестке цивилизаций. М., 2006.
- Норвич Дж.* История Византии / Пер. с англ. М., 2010.
- Удальцова З.В.* Византийская культура. М., 1988.
- Успенский К.Н.* История Византийской империи: [Литогр. курс]. М., 1912–1915. 2 ч.
- Успенский К.Н.* Очерки по истории Византии, 1 [IV–VIII вв.]. М., 1917.
- Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. I: VI–IX вв. М., 1996; Т. II: Период Македонской династии (867–1057). М., 1997; Т. III: XI–XV вв.; Восточный вопрос. М., 1997.
- Шейнэ Ж.-К.* История Византии / Пер. с фр. М., 2006.
- Ahrweiler H.* L'Empire byzantin. Bruxelles, 1973.
- Beck H.-G.* Das byzantinische Jahrtausend. München, 1978.
- Browning R.* The Byzantine Empire. Washington, 1992 (2 ed.). — Нем. пер.: Byzanz, Roms goldene Tochter: Die Geschichte des Byzantinischen Weltreiches. Bergisch Gladbach, 1982.

- Cameron Av.* The Byzantines. Oxford, 2006.
- Cavallo G. (ed.).* L'uomo bizantino. Roma; Bari, 1992. — Αγγλ. περ.: Byzantines. Chicago, 1997.
- Chastagnol A.* Le Bas-Empire. Paris, 1969.
- Chrysos E.* L'Empire byzantin: 565–1025. Aix-en-Provence, 2004.
- Χριστοφιλοπούλου Αι.* Βυζαντινή Ιστορία, Ι–ΙΙΙ/1 [324–1204]. Θεσσαλονίκη, 1992–2001.
- Ducellier A.* Les byzantins: Histoire et culture. Paris, 1988.
- Every G.* The Byzantine Patriarchate, 451–1204. London, 1962.
- Gregory T.E.* A History of Byzantium. Maiden, 2005.
- Guillou A.* La civilisation byzantine. Paris, 1974.
- Haldon J.* Byzantium: A History. Stroud, 2005.
- Harris J. (ed.).* Palgrave Advances in Byzantine History. Basingstoke, 2005.
- Haussig H.W.* Byzantinische Geschichte. Stuttgart, 1969. — Αγγλ. περ.: A History of Byzantine Civilization. London, 1971.
- Haussig H.W.* Kulturgeschichte von Byzanz. Stuttgart, 1966 (2. Aufl.).
- Herrin J.* Byzantium: the Surprising Life of a Medieval Empire. London, 2007.
- Καραγιαννόπουλος Ι.Ε.* Ιστορία Βυζαντινού Κράτους [324–1204]. Θεσσαλονίκη, 1978–1990. 3 τ.
- Laiou A.E. e.a. (ed.).* The economic history of Byzantium: from the seventh through the fifteenth century. Washington, 2002. 3 vol.
- Lemerle P.* Le monde de Byzance: histoire et institutions. London, 1978.
- Lilie R.-J.* Byzanz: Geschichte des oströmischen Reiches 326–1453. München, 1999.
- Lilie R.-J.* Byzanz: Das zweite Rom. Berlin, 2003.
- Maier F.G.* Fischer-Weltgeschichte, 13: Byzanz. Frankfurt am Main, 1973 (Nachdr., 1992).
- Mango C.* Byzantium: the Empire of New Rome. London, 1980.
- Mango C. (ed.).* The Oxford History of Byzantium. Oxford, 2002.
- Piganiol A.* L'Empire chrétien. Paris, 1972.
- Σαββίδης Α.Γ.Κ., Δεριζιώτης Λ.Α.* Ιστορία του Βυζαντίου, με αποσπάσματα από τις πηγές, 1 (284–717 μ.Χ.). Αθήνα, 1996 (2 έκδ.).
- Σαββίδης Α.Γ.Κ.* Ιστορία του Βυζαντίου, με αποσπάσματα από τις πηγές, 3: Η ύστερη Βυζαντινή αυτοκρατορία και ο μεσαιωνικός Ελληνισμός (1025–1461). Αθήνα, 2006.
- Treadgold W.* A History of the Byzantine State and Society. Stanford, 1997.

- Treadgold W.* A Concise History of Byzantium. Basingstoke, 2001.
- Venning T. (ed.).* A Chronology of the Byzantine Empire. Basingstoke, 2005.
- Wessel K.* Die Kultur von Byzanz. Frankfurt am Main, 1970.
- Winkelman F., Gomolka-Fuchs G.* Frühbyzantinische Kultur. Leipzig, 1987.
- Wirth P.* Grundzüge der byzantinischen Geschichte. Darmstadt, 1989 (2. Aufl.).
- Zachariae von Lingenthal K.E.* Geschichte des griechisch-römischen Rechts. Aalen, 1955 (Nachdr. d. 3. Aufl., 1892).
- Zakythinos D.* Byzantinische Geschichte, 325–1071. Wien; Köln; Graz, 1979.

Общие работы

- Аверинцев С.С. (ред.).* Византийская литература. М., 1974.
- Акентьев К.К. (ред.).* Литургия, архитектура и искусство византийского мира. СПб., 1995.
- Акентьев К.К. (ред.).* Истоки и последствия: Византийское наследие на Руси. СПб., 2005.
- Алексеев А.А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
- Андреева Л.А.* Сакрализация власти в истории христианской цивилизации: Латинский Запад и православный Восток. М., 2007.
- Арранц М.* Избранные сочинения по литургике. М.; Рим, 2003–2006. 5 т.
- Архинов В.В. (ред.).* Византийские пророчества о судьбе Царьграда. М., 2002.
- Афиногенов Д.Е. и др. (ред.).* Традиции и наследие Христианского Востока. М., 1996.
- Афиногенов Д.Е. и др. (ред.).* В поисках утраченной Византии: Культура Древней Руси как источник для синхронно-стадиальной реконструкции византийской цивилизации IX–XV вв. СПб.—Великий Новгород, 2007.
- Банк А.В.* Византийское искусство в собраниях Советского Союза. М.; Л., 1966.
- Банк А.В.* Прикладное искусство Византии IX–XII вв.: Очерки. М., 1978.
- Банк А.В. и др. (ред.).* Искусство Византии в собраниях СССР. М., 1977. 3 т.

- Беляев Д.Ф.* Βυζαντινά. СПб., 1891–1906. 3 т.
- Бибииков М.В.* Византийская историческая проза. М., 1996.
- Бибииков М.В.* Историческая литература Византии. СПб., 1998.
- Бибииков М.В.* Византийские источники по истории Древней Руси и [Северного] Кавказа. СПб., 1999.
- Бычков В.В.* Византийская эстетика: Теоретические проблемы. М., 1977.
- Бычков В.В.* 2000 лет христианской культуры sub specie aestetica, I: Раннее христианство, Византия. М., 1999.
- Бычков В.В.* Феномен иконы: История. Богословие. Эстетика. Искусство. М., 2008.
- Вальденберг В.Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти. М., 2007.
- Вальденберг В.Е.* История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб., 2008.
- Васильевский В.Г.* Избранные труды по истории Византии. М., 2010 (переизд.). 2 т.
- Величко А.М.* Политико-правовые очерки по истории Византийской империи. М., 2008.
- Вельманс Т., Корач В., Шупут М.* Византийский мир: Храмовая архитектура и живопись / Пер. М., 2006.
- Византийская цивилизация в освещении российских ученых. М., 1999. 2 т.
- Герцман Е.В.* Византийское музыкознание. Л., 1988.
- Грабар А.Н.* Император в византийском искусстве / Пер. с фр. М., 2000.
- Даркевич В.П.* Светское искусство Византии: Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе, X–XIII вв. М., 1975.
- Демус О.* Мозаика византийских храмов: Принципы монументального искусства Византии / Пер. с англ. М., 2001.
- Залесская В.Н.* Прикладное искусство Византии IV–XII вв.: Опыт атрибуции. СПб., 1997.
- Залесская В.Н.* Памятники византийского прикладного искусства IV–VII веков: Каталог. СПб., 2006.
- Залесская В.Н. (ред.).* Византия и Христианский Восток. СПб., 1999.
- Залесская В.Н. (ред.).* Византия в контексте мировой истории. СПб., 2004.

- Залесская В.Н. (ред.).* Византийская идея: Византия в эпоху Комнинов и Палеологов. СПб., 2006.
- Иванов С.А.* Блаженные похабы: Культурная история юродства. М., 2005.
- Иванов С.А.* Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003.
- Ивонин Ю.Е.* Становление европейской системы государств. Минск, 1989.
- Иностранцы в Византии — Византийцы за рубежами своего отечества.* М., 1997.
- Каждан А.П.* Книга и писатель в Византии. М., 1973.
- Карпов С.П., Могаричев И.М. (ред.).* Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995.
- Колпакова Г.С.* Искусство Византии. СПб., 2004. 2 ч.
- Кондаков Н.П.* Византийские церкви и памятники Константинополя. М., 2006 (переизд.).
- Курбатов Г.Л. и др.* Христианство: Античность, Византия и Древняя Русь. Л., 1988.
- Лазарев В.Н.* Византийское и древнерусское искусство. М., 1978.
- Лазарев В.Н.* История византийской живописи. М., 1986 (2-е изд.). 2 т.
- Лидов А.М.* Иеротопия: Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М., 2009.
- Лидов А.М. (ред.)* Восточнохристианский храм: Литургия и искусство. М., 1994.
- Лидов А.М. (ред.)* Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996.
- Лидов А.М. (ред.)* Восточнохристианские реликвии. М., 2003.
- Лидов А.М. (ред.)* Иеротопия: Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М., 2006.
- Лидов А.М. (ред.)* Новые Иерусалимы: Иеротопия и иконография сакральных пространств. М., 2009.
- Литаврин Г.Г.* Византия и славяне. СПб., 1999.
- Литаврин Г.Г.* Как жили византийцы. СПб., 2000 (2-е изд.).
- Литаврин Г.Г. (ред.).* Раннефеодальные государства на Балканах, VI–XII вв. М., 1985.
- Литаврин Г.Г. (ред.).* Византия между Западом и Востоком: Опыт исторической характеристики. СПб., 1999.
- Литаврин Г.Г. (ред.).* Византия и Запад: (950-летие схизмы христианской церкви; 800-летие захвата Константинополя крестоносцами). М., 2004.

- Литаврин Г.Г. (ред.).* Русь и Византия: Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада. М., 2008.
- Лихачева В.Д.* Византийская миниатюра: Памятники византийской миниатюры X–XV веков в собраниях Советского Союза. М., 1977.
- Лихачева В.Д.* Искусство Византии IV–XV веков. М., 1986 (2-е изд.).
- Логинов А.В.* Государство и церковь в Византийской империи: тысячелетняя модель государственно-вероисповедных отношений. М., 2005.
- Лосский В.Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991.
- Любарский Я.Н.* Византийские историки и писатели. СПб., 1999.
- Макарова Т.И., Плетнева С.А. (ред.).* Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья, IV–XIII века. М., 2003.
- Манандян Я.А.* О торговле в городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н.э. – XV в. н.э.). Ереван, 1954 (2-е изд.).
- Матеос Х., Тафт Р.* Развитие византийской литургии. Киев, 2009.
- Махнач В.Л.* Очерки православной традиции. М., 2000.
- Медведев И.П.* Очерки византийской дипломатики: (Частноправовой акт). Л., 1988.
- Медведев И.П.* Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001.
- Мейендорф И., прот.* Византийское богословие: История направления и вероучение / Пер. с англ. М., 2001.
- Мейендорф И., прот.* Византийское наследие в Православной Церкви. Киев, 2007.
- Мейендорф И., прот.* Единство Империи и разделения христиан. — Святой Григорий Палама и православная мистика. — Византия и Московская Русь. М., 2003.
- Мейендорф И., прот.* История Церкви и восточно-христианская мистика. М., 2003 (2-е изд.).
- Мейендорф И., прот.* Рим — Константинополь — Москва: Исторические и богословские исследования. М., 2005.
- Мокрецова И.П. и др.* Материалы и техника византийской рукописной книги. М., 2001.
- Мусин А.Е. (ред.).* Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии. СПб., 2006.

- Оболенский Д. Византийское содружество наций. — Шесть византийских портретов / Пер. с англ. М., 1998.
- Оустерхаут Р. Византийские строители / Пер. с англ. Киев; М., 2005.
- Пигулевская Н.В. Ближний Восток. Византия. Славяне. Л., 1976.
- Пигулевская Н.В. Культура сирийцев в Средние века. М., 1979.
- Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.) / Пер. с нем. СПб., 1996.
- Поляковская М.А., Чекалова А.А. Византия: быт и нравы. Свердловск, 1989.
- Поляковская М.А. Византия, византийцы, византинисты. Екатеринбург, 2003.
- Полывянный Д.И. Культурное своеобразие средневековой Болгарии в контексте византийско-славянской общности IX–XV веков. Иваново, 2000.
- Попова О.С. Византийские и древнерусские миниатюры. М., 2003.
- Попова О.С. Проблемы византийского искусства: Мозаики, фрески, иконы. М., 2006.
- Попова Т.В. Византийская народная литература: История жанровых форм эпоса и романа. М., 1985.
- Порфирий (Успенский), еп. История Афона. М., 2007 (переизд.). 2 т.
- Райс Т.Т. Византия: Быт, религия, культура / Пер. с англ. М., 2006.
- Рансимен С. Восточная схизма. — Византийская теократия / Пер. с англ. М., 1998.
- Романчук А.И. Исследования Херсонеса — Херсона: Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Тюмень, 2008. 2 т.
- Росси К. Сокровища монастыря святой Екатерины. М., 2007.
- Россия — Афон: Тысячелетие духовного единства. М., 2008.
- Рудаков А.П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. СПб., 1997 (2-е изд.).
- Семеновкер Б.А. Библиографические памятники Византии. М., 1995.
- Соколов И.И. О византинизме в церковно-историческом отношении. — Избрание патриархов в Византии с середины IX до начала XV века (843–1453 гг.). — Вселенские судьбы в Византии. СПб., 2003 (переизд.).
- Соколов И.И. Византологическая традиция в Санкт-Петербургской духовной Академии. — Печалование патриархов перед василевсами в Византии IX–XV вв. — Патриарший суд над убийцами в Византии X–XV вв. — О поводах к разводу в Византии IX–XV вв. СПб., 2005 (переизд.).

- Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (2-я половина VI – 1-я половина X в.): Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. 2 ч.
- Тафт Р.* Византийский церковный обряд: Краткий очерк / Пер. с англ. СПб., 2000.
- Успенский Б.А.* Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000.
- Успенский Б.А.* Царь и патриарх: Харизма власти в России: (Византийская модель и ее русское осмысление). М., 1998.
- Успенский Н.Д.* Собрание сочинений, II: Византийская литургия: Историко-литургическое исследование. — Анафора: Опыт историко-литургического анализа. М., 2006.
- Фонкич Б.Л.* Греческие рукописи европейских собраний: Палеографические и кодикологические исследования 1988–1998 гг. М., 1999.
- Фонкич Б.Л., Поляков Ф.Б.* Греческие рукописи Московской Синодальной библиотеки: Палеографические, кодикологические и библиографические дополнения к каталогу архимандрита Владимира (Филантропова). М., 1993.
- Фонкич Б.Л. (ред.).* Греческие документы и рукописи, иконы и памятники прикладного искусства московских собраний. М., 1995.
- Фрейберг Л.А., Попова Т.В.* Византийская литература эпохи расцвета: IX–XIV вв. М., 1978.
- Хвостова К.В.* Особенности византийской цивилизации. М., 2005.
- Хвостова К.В.* Византийская цивилизация как историческая парадигма. СПб., 2009.
- Хоружий С.С. (ред.).* Синергия: Проблемы аскетики и мистики Православия. М., 1995.
- Хэлдон Дж.* История византийских войн / Пер. с англ. М., 2007.
- Чичуров И.С.* Политическая идеология Средневековья: Византия и Русь. М., 1990.
- Шевцова Т.И.* Спаситель мира: Образ Христа Спасителя в православной культуре. М., 2003.
- Шеррард Ф.* Греческий Восток и Латинский Запад — исследование христианской традиции / Пер. с англ. М., 2006.
- Шалина И.А.* Реликвии в восточнохристианской иконографии. М., 2005.
- Шмеман А.Д., прот.* Исторический путь Православия. М., 2007 (переизд.).

- Щапова Ю.Л.* Византийской стекло: Очерки истории. М., 2010 (4 изд.).
- Этингоф О.Е.* Византийские иконы VI – первой половины XIII века в России. М., 2005.
- Юркова Й., Пенчев В. (ред.).* Български средновековни печати и монети. София, 1990.
- Якобсон А.Л.* Средневековый Крым: Очерки истории материальной культуры. М.; Л., 1964.
- Якобсон А.Л.* Закономерности в развитии средневековой архитектуры IX–XV вв.: Греция, Византия, Южнославянские страны, Русь, Закавказье. Л., 1987.
- Ahrweiler H.* Byzance et la mer: la marine de guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VIIe–XVe siècles. Paris, 1966.
- Ahrweiler H.* Etudes sur les structures administratives et sociales de Byzance. London, 1971.
- Ahrweiler H.* L'idéologie politique de l'Empire byzantin. Paris, 1975.
- Ahrweiler H., Laiou A.E. (ed.).* Studies on the internal diaspora of the Byzantine empire. Washington, 1998.
- Akurgal E.* L'art en Turquie. Fribourg, 1981.
- Alexander P.J.* Religious and political history and thought in the Byzantine Empire. London, 1978.
- Anastos M.V.* Studies in Byzantine intellectual history. London, 1979.
- Anastos M.V.* Aspects of the mind of Byzantium: political theory, theology and ecclesiastical relations with the See of Rome. Aldershot, 2001.
- Άγγελίδη Χ.Γ. (εκδ.).* Η καθημερινή ζωή στὸ Βυζάντιο: Τομὲς καὶ συνέχειες στὴν ἑλληνιστικὴ καὶ ῥωμαϊκὴ παράδοση. Ἀθήναι, 1989.
- Balard M. e.a. (ed.).* Byzance et le monde extérieur: contacts, regions, échanges. Paris, 2005.
- Ball J.L.* Byzantine dress: representations of secular dress in eighth to twelfth century painting. Basingstoke, 2005.
- Bauer F.A. (hrsg.).* Visualisierungen von Herrschaft: frühmittelalterliche Residenzen – Gestalt und Zeremoniell. Istanbul, 2006.
- Baun J.* Tales from another Byzantium: celestial journey and local community in the medieval Greek Apocrypha. Cambridge, 2007.
- Beck H.-G.* Geschichte der byzantinischen Volksliteratur. München, 1971.

- Beck H.-G.* Ideen und Realitäten in Byzanz. London, 1972.
- Beck H.-G.* Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1977 (2. Aufl.).
- Beck H.-G.* Geschichte der orthodoxen Kirche im byzantinischen Reich. Göttingen, 1980.
- Beckwith J.* Early Christian and Byzantine art. Harmondsworth, 1979 (2 ed.).
- Belke K. e.a. (hrsg.).* Byzanz als Raum: Zu Methoden und Inhalten der historischen Geographie des östlichen Mittelmeerraumes. Wien, 2000.
- Bellier P. e.a.* Paysages de Macédoine: leurs caractères, leur évolution à travers les documents et les récits des voyageurs. Paris, 1986.
- Berschin W.* Griechisch-lateinisches Mittelalter: von Hieronymus zu Nikolaus von Kues. Bern; München, 1980. Англ. пер.: Greek letters and the Latin middle ages: from Jerome to Nicholas of Cusa. Washington, 1988.
- Βλυσίδου Β.Ν. κ.ά. (εκδ.).* Η Μικρά Ασία των θεμάτων: Έρευνες πάνω στη γεωγραφική φυσιογνωμία και προσωπογραφία των βυζαντινών θεμάτων της Μικράς Ασίας (7ος–11ος αι.). Αθήνα, 1998.
- Böhlendorf-Arslan B.* Glasierte byzantinische Keramik aus der Türkei. Istanbul, 2004. 3 Bde.
- Browning R.* Studies on Byzantine history, literature and education. London, 1977.
- Browning R.* Medieval and Modern Greek. Cambridge, 1983 (2 ed.).
- Brubaker L., Linardou K. (ed.).* Eat, drink, and be merry (Luke 12:19): Food and wine in Byzantium. Aldershot, 2007.
- Burgmann L. u.a. (hrsg.).* Cupido legum. Frankfurt am Main, 1985.
- Burke J., Scott R. (ed.).* Byzantine Macedonia: identity, image and history. Melbourne, 2000.
- Cavallo G. e.a. (ed.).* Scritture, libri e testi nelle aree provinciali di Bisanzio. Spoleto, 1991. 2 vol.
- Cavanagh W. e.a.* Continuity and change in a Greek rural landscape: the Laconia survey. London, 1996–2002. 2 vol.
- Charanis P.* The Armenians in the Byzantine empire. Lisbon, 1963.
- Cheyne J.-C.* The Byzantine aristocracy and its military function. Aldershot, 2006.
- Cheyne J.-C., Vannier J.-F.* Études prosopographiques. Paris, 1990.
- Chrysos E. u.a. (hrsg.).* Griechenland und das Meer. Mannheim; Möhnesee, 1999.

- Χρυσός Ε.Κ. (εκδ.). Το Βυζάντιο ως Οικουμένη. Αθήνα, 2005.
- Χριστοφιλοπούλου Αι. Το πολίτευμα και οι θεσμοί της Βυζαντινής Αυτοκρατορίας (324–1204): Κράτος — Διοίκηση — Οικονομία — Κοινωνία. Αθήνα, 2004.
- Χριστοφιλοπούλου Αι. Βυζαντινή αυτοκρατορία — Νεότερος Ελληνισμός: Συμβολή στην έρευνα. Αθήνα, 2006. 3 τ.
- Connor C.L. Women of Byzantium. New Haven; London, 2004.
- Constantelos D. Byzantine philanthropy and social welfare. New Rochelle (NY), 1991 (2 ed.).
- Cormack R. Writing in gold: Byzantine society and its icons. London, 1985.
- Cormack R. Painting the soul: icons, death masks, and shrouds. London, 1997.
- Cormack R. Byzantine art. Oxford, 2000.
- Corrigan K.A. Visual polemics in the ninth-century Byzantine psalters. Cambridge, 1992.
- Cutler A. The aristocratic psalters in Byzantium. Paris, 1984.
- Cutler A., Spieser J.-M. Byzance médiévale, 700–1204. Paris, 1996.
- Dagron G. La Romanité chrétienne en Orient. London, 1984.
- Dagron G. Empereur et prêtre: étude sur le césaropapisme byzantin. Paris, 1996.
- Dagron G. Emperor and priest / Tr. J. Birrell. Cambridge, 2003.
- Dark K. Byzantine pottery. Stroud, 2001.
- Dark K., Özgümüş F. Istanbul Rescue Archaeology Survey. London, 1998–2005. 5 vol.
- Dark K. (ed.). Secular buildings and the archaeology of everyday life in the Byzantine empire. Oxford, 2004.
- Deér J. Byzanz und das abendländische Herrschertum. Sigmaringen, 1977.
- Demus O. Byzantine art and the West. London, 1970.
- Dimitroukas I. Reisen und Verkehr im byzantinischen Reich: vom Anfang des 6. Jhr. bis zur Mitte des 11. Jh. Athen, 1997. 2 Bde.
- Dölger F., Karayannopoulos J. Byzantinische Urkundenlehre, I: Die Kaiserurkunden. München, 1968.
- Ducellier A. e.a. Byzance et le monde orthodoxe. Paris, 1986. Нем. пер.: Das Reich und die Stadt. Frankfurt, 1990.
- Ducellier A. e.a. Le moyen-âge en Orient: Byzance et l'Islam, des barbares aux Ottomans. Paris, 1990.
- Dujčev I. Medioevo bizantino-slavo. Roma; Sofia, 1965–1996. 4 vol.
- Durand J., Flusin B. (ed.). Byzance et les reliques du Christ. Paris, 2004.

- Easterling P., Handley C. (ed.).* Greek scripts: an illustrated introduction. London, 2001.
- Eastmond A. (ed.).* Eastern approaches to Byzantium. Aldershot, 2001.
- Eastmond A., James L. (ed.).* Icon and word: the power of images in Byzantium. Aldershot, 2003.
- Eickhoff E.* Macht und Sendung: Byzantinische Weltpolitik. Stuttgart, 1981.
- Engels O., Schreiner P. (hrsg.).* Die Begegnung des Westens mit dem Osten. Sigmaringen, 1993.
- Evans H.C., Wixom W.D. (ed.).* The glory of Byzantium: art and culture of the middle Byzantine era, AD 843–1261. New York, 1997.
- Farmakides A.* A manual of modern Greek, I. New Haven; London, 1983.
- Ferluga J.* Byzantium on the Balkans: studies on the Byzantine administration and the Southern Slavs from the VIIth to the XIIth centuries. Amsterdam, 1976.
- Ferluga J.* L'amministrazione bizantina in Dalmazia. Venezia, 1978 (2 ed.).
- Fine J.V.A.* The early medieval Balkans: a critical survey from the sixth to the late twelfth century. Ann Arbor, 1983.
- Foss C.* Byzantine and Turkish Sardis. Cambridge (Mass.), 1976.
- Foss C.* Ephesus after Antiquity: A Late Antique, Byzantine and Turkish City. Cambridge, 1979.
- Foss C.* History and archaeology of Byzantine Asia Minor. London, 1990.
- Foss C.* Cities, fortresses and villages of Byzantine Asia Minor. Aldershot, 1996.
- Foss C.* Survey of medieval castles of Anatolia, I: Kütahya; II: Nicomedia. Oxford; Ankara, 1985–1996. 2 vol.
- Foss C., Winfield D.* Byzantine fortifications: an introduction. Pretoria, 1986.
- Franklin S.* Byzantium — Rus — Russia. Aldershot, 2002.
- Freely J., Çakmak A.S.* Byzantine monuments of Istanbul. Cambridge, 2004.
- Frolov A.* Les reliquaires de la Vraie Croix. Paris, 1965.
- Garland L.* Byzantine empresses: women and power in Byzantium, AD 527–1204. London, 1999.
- Garland L. (ed.).* Conformity and non-conformity in Byzantium. Amsterdam, 1997.
- Garland L. (ed.).* Byzantine women: varieties of experience, 800–1200. Aldershot, 2006.
- Garsoïan N.G. e.a. (éd.).* L'Arménie et Byzance: histoire et culture. Paris, 1996.

- Γεννάδιος (Ἀραμπατζόγλου), *μητρ. Ἡλιουπόλεως. Ἱστορία τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου, Α': Βυζαντινοὶ χρόνοι. Θεσσαλονίκη, 1953.*
- Geyer B., Lefort J. (ed.). *La Bithynie au moyen âge. Paris, 2003.*
- Given M., Knapp A.B. *The Sydney Cyprus survey project: social approaches to regional archaeological survey. Los Angeles, 2003.*
- Gouillard J. *La vie religieuse à Byzance. London, 1981.*
- Grierson P. *Byzantine coins. London, 1982.*
- Grumel V. *La chronologie. Paris, 1958.*
- Grünbart M. (ed.). *Theatron: Rhetorische Kultur in Spätantike und Mittelalter. Berlin, 2007.*
- Grünbart M. e.a. (ed.). *Material culture and well-being in Byzantium, 400–1453. Wien, 2007.*
- Guiland R. *Recherches sur les institutions byzantines. Berlin; Amsterdam, 1967. 2 vol.*
- Guiland R. *Etudes de topographie de Constantinople byzantine. Berlin; Amsterdam, 1969. 2 vol.*
- Guillou A. *Studies on Byzantine Italy. London, 1970.*
- Guillou A. *La civilisation byzantine. Paris, 1974.*
- Guillou A. *Culture et société en Italie byzantine (VIe–XIe s.). London, 1978.*
- Günsenin N. *Les amphores byzantines (X^e–XIIIe siècles): typologie, production, circulation d'après les collections turques. Lille, 1990.*
- Hackel S. (ed.). *The Byzantine Saint. London, 1981.*
- Haldon J. *State, army and society in Byzantium. Aldershot, 1995.*
- Haldon J. *Warfare, state and society in the Byzantine world, 565–1204. London, 1999.*
- Haldon J. *The Byzantine wars: battles and campaigns of the Byzantine era. Stroud, 2001.*
- Haldon J. (ed.). *Byzantine warfare. Aldershot, 2007.*
- Halkin F. *Etudes d'épigraphie grecque et d'hagiographie byzantine. Aldershot, 1973.*
- Harrison R.M., Hayes J.W. *Excavations at Sarāḫane in Istanbul. Princeton, 1986–1992. 2 vol.*
- Head C. *Imperial Byzantine portraits: a verbal and graphic gallery. New Rochelle, 1982.*
- Hendy M.F. *Coinage and money in the Byzantine Empire, 1081–1261. Washington, 1969.*
- Hendy M.F. *Studies in the Byzantine monetary economy, c. 300–1450. Cambridge, 1985.*

- Hendy M.F.* The economy, fiscal administration and coinage of Byzantium. Northampton, 1989.
- Herren M.W., Brown S.A. (ed.).* The sacred nectar of the Greeks: the study of Greek in the west in the early middle ages. London, 1988.
- Herrin J.* The formation of Christendom. Oxford, 1987.
- Herrin J.* Women in purple: rulers of medieval Byzantium. London, 2001.
- Hoffmann L.M., Monchizadeh A. (ed.).* Zwischen Polis, Provinz und Peripherie: Beiträge zur byzantinischen Geschichte und Kultur. Wiesbaden, 2005.
- Holmes C., Waring J. (ed.).* Literacy, education and manuscript transmission in Byzantium and beyond. Leiden, 2002.
- Holo J.* Byzantine Jewry in the Mediterranean economy. Cambridge, 2009.
- Hörandner W., Grünbart M. (éd.).* L'épistolographie et la poésie épigrammatique: projets actuels et questions de méthodologie. Paris, 2003.
- Holton D. e.a.* Greek: an essential grammar of the modern language. London, 2004.
- Horden P., Purcell N.* The corrupting sea: a study of Mediterranean history. Oxford, 2000.
- Horrocks G.* Greek: a history of the language and its speakers. London, 1997.
- Hunger H.* Prooimion: Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden. Wien, 1964.
- Hunger H.* Reich der neuen Mitte: der christliche Geist der byzantinischen Kultur. Graz, 1965.
- Hunger H.* Byzantinische Grundlagenforschung. London, 1973.
- Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. 2 Bde.
- Hunger H.* Phänomen Byzanz — aus europäischer Sicht. München, 1984.
- Hunger H.* Epidosis: Gesammelte Schriften zur byzantinischen Geistes- und Kulturgeschichte. München, 1989.
- Hunger H. (hrsg.).* Das Byzantinische Herrscherbild. München, 1975.
- Hussey J.M.* The Orthodox Church in the Byzantine Empire. Oxford, 1986.
- Irmischer J.* Einführung in die Byzantinistik. Berlin, 1971.
- Jacoby D.* Trade, commodities and shipping in the medieval Mediterranean. Aldershot, 1997.
- James L.* Light and colour in Byzantine art. Oxford, 1996.
- James L. (ed.).* Women, men and eunuchs: gender in Byzantium. London, 1997.
- James L. (ed.).* Desire and denial in Byzantium. Aldershot, 1999.

- James L. (ed.).* Art and text in Byzantine culture. Cambridge, 2007.
- Janin R.* Constantinople byzantine. Paris, 1964.
- Jeffreys E. (ed.).* Rhetoric in Byzantium. Aldershot, 2003.
- Jeffreys E. (ed.).* Byzantine style, religion and civilization: In honour of Sir Steven Runciman. Cambridge, 2006.
- Jehel G. (ed.).* Orient et Occident du IXe au XVe siècle. Paris, 2000.
- Jenkins R.J.H.* Byzantium: the imperial centuries AD 610–1071. London, 1966.
- Kalavrezou I. (ed.).* Byzantine women and their world. Cambridge (Mass.), 2003.
- Kaplan M.* La Chrétienté byzantine du début du VIIe siècle au milieu du XIe siècle: images et reliques, moines et moniales, Constantinople et Rome. Paris, 1997.
- Kaplan M. (éd.).* Le Sacré et son inscription dans l'espace à Byzance et en Occident: études comparées. Paris, 2001.
- Καραγιαννόπουλος Ι.Ε.* Βυζαντινή Διπλωματική, 1: Αυτοκρατορικά έγγραφα. Θεσσαλονίκη, 1972 (2 έκδ.).
- Καραγιαννόπουλος Ι.Ε.* Το βυζαντινό κράτος. Αθήνα, 1983–1985. 2 τ.
- Καραγιαννόπουλος Ι.Ε.* Πηγαι της Βυζαντινης Ιστορίας. Θεσσαλονίκη, 1987 (5 έκδ.).
- Καραγιαννόπουλος Ι.Ε.* Η πολιτική θεωρία των Βυζαντινών. Θεσσαλονίκη, 1988.
- Karayannopoulos J., Weiss G.* Quellenkunde zur Geschichte von Byzanz (324–1453). 1. Halbbd.: Methodik, Typologie, Randzonen. 2. Halbbd.: Hauptquellen, allgemeine Quellenlage. Wiesbaden, 1982.
- Karlin-Hayter P.* Studies in Byzantine political history: sources and controversies. London, 1981.
- Käser K.* Südosteuropäische Geschichte und Geschichtswissenschaft: Eine Einführung. Wien, 1990.
- Kazhdan A., Constable G.* People and power in Byzantium: An introduction to modern byzantine studies. Washington, 1982.
- Koch G. (ed.).* Byzantinische Malerei: Bildprogramme, Ikonographie, Stil. Wiesbaden, 2000.
- Koder J.* Der Lebensraum der Byzantiner: historisch-geographischer Abriss ihres mittelalterlichen Staates im östlichen Mittelmeerraum. Graz, 1984.
- Κουκουλές Φ.* Βυζαντινών βίος και πολιτισμός. Αθήναι, 1947–1955. 6 τ.
- Κουντούρα-Γαλάκη Ε.* (εκδ.). Οι ήρωες της Ορθόδοξης Εκκλησίας. Οι Νέοι Άγιοι (8ος–16ος αι.). Αθήνα, 2004.

- Krautheimer R., Ćurčić S.* Early Christian and Byzantine architecture. Harmondsworth, 1986 (4th ed.).
- Kravari V. e.a. (ed.).* Hommes et richesses dans l'empire byzantin, I: IVe–VIIe s. Paris, 1989. II: VIIe–XVe s. Paris, 1991.
- Külzer A.* Peregrinatio graeca in Terram Sanctam: Studien zu Pilgerführern und Reisebeschreibungen über Syrien, Palästina und den Sinai aus byzantinischer und metabyzantinischer Zeit. Frankfurt am Main, 1994.
- Laiou A.E., Maguire H. (ed.).* Byzantium: a World Civilization. Washington, 1992.
- Laiou A.E., Morrisson C.* The Byzantine economy. Cambridge, 2007.
- Λαμπάκης Σ. (εκδ.).* Η Βυζαντινή Μικρά Ασία (6ος–12ος αι.). Αθήνα, 1998.
- Lefort J. e.a. (éd.).* Les villages dans l'empire byzantin: IVe–XVe siècle. Paris, 2005.
- Lemerle P.* Le monde de Byzance: Histoire et Institutions. London, 1978.
- Lemerle P.* The agrarian history of Byzantium from the origins to the twelfth century: the sources and problems / Tr. G. Mac Niocaill. Galway, 1979.
- Lemerle P.* Essais sur le monde byzantin. London, 1980.
- Littlewood A.R. (ed.).* Originality in Byzantine literature, art and music: a collection of essays. Oxford, 1995.
- Littlewood A.R. e.a. (ed.).* Byzantine garden culture. Washington, 2002.
- Lock P., Sanders G.D.R. (ed.).* The archaeology of medieval Greece. Oxford, 1996.
- Loenertz R.-J.* Byzantina et Franco-Graeca. Rome, 1970–1978. 2 vol.
- Lopez R.S.* Byzantium and the world around it: economic and institutional relations. London, 1978.
- Lounghis T.C.* Les ambassades byzantines en Occident: depuis la fondation des états barbares jusqu'aux Croisades (407–1096). Athènes, 1980.
- Louth A., Casiday A. (ed.).* Byzantine orthodoxies. Aldershot, 2006.
- Lowden J.* Early Christian and Byzantine Art. London, 1997.
- Ludwig C. (hrsg.).* Siegel und Siegler. Frankfurt am Main, 2005.
- McCormick M.* Eternal Victory: Triumphal Rulership in Late Antiquity, Byzantium, and the Early Medieval West. Cambridge, 1990 (2 ed.).
- Macrides R.* Kinship and justice in Byzantium, 11th–15th centuries. Aldershot, 1999.
- Macrides R. (ed.).* Travel in the Byzantine world. Aldershot, 2002.

- Magdalino P.* Tradition and transformation in medieval Byzantium. Aldershot, 1991.
- Magdalino P.* Constantinople medievale: études sur l'évolution des structures urbaines. Paris, 1996.
- Magdalino P.* L'Orthodoxie des astrologues: la science entre le dogme et la divination à Byzance, VIIe–XIVe siècle. Paris, 2006.
- Magdalino P.* Studies on the history and topography of Byzantine Constantinople. Aldershot, 2007.
- Magdalino P. (ed.).* New Constantines: the rhythm of imperial renewal in Byzantium, 4th–13th centuries. Aldershot, 1994.
- Magoulias H.J.* Byzantine Christianity: Emperor, Church und West. New York, 1970.
- Maguire E., Maguire H.* Other icons: art and power in Byzantine secular culture. Princeton, 2007.
- Maguire H.* Art and eloquence in Byzantium. Princeton, 1981.
- Maguire H.* The icons of their bodies: saints and their images in Byzantium. Princeton, 1996.
- Maier F.G.* Die Verwandlung der Mittelmeerweit. Frankfurt am Main, 1968.
- Makdisi G. e.a. (éd.).* Predication et propagande au moyen âge: Islam, Byzance, Occident. Paris, 1983.
- Malamut E.* Sur la route des saints byzantins. Paris, 1993.
- Mango C.* Byzantine architecture. London, 1979.
- Mango C.* Byzantium and its image: history and culture of the Byzantine empire and its heritage. London, 1984.
- Mango C.* Studies on Constantinople. Aldershot, 1993.
- Mathews T.F.* The Art of Byzantium: between antiquity and the Renaissance. London, 1998.
- Μάτσης Ν.Π.* Ζητήματα βυζαντινού δικαίου. Αθήναι, 1976 (2 έκδ.).
- Mayer W., Trzcionka S. (ed.).* Feast, fast or famine: food and drink in Byzantium. Brisbane, 2005.
- Mercati S.G.* Collectanea byzantina. Bari, 1970. 2 vol.
- Meyendorff J.* Byzantine theology: Historical trends and doctrinal themes. London; Oxford, 1974.
- Meyer-Plath B., Schneider A.M.* Die Landmauer von Konstantinopel. Berlin, 1938–1943. 2 Bde.
- Miller T.S.* The birth of the hospital in the Byzantine empire. Baltimore, 1997 (2 ed.).

- Miller T.S.* The orphans of Byzantium: child welfare in the Christian empire. Washington, 2003.
- Miller T.S., Nesbitt J. (ed.).* Peace and war in Byzantium. Washington, 1995.
- Millingen A. van.* Byzantine Constantinople, the walls of the city and adjoining historical sites. London, 1899.
- Mitchell S. (ed.).* Armies and frontiers in Roman and Byzantine Anatolia. Oxford, 1983.
- Moravcsik Gy.* Einführung in die Byzantinologie. Darmstadt, 1976.
- Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica, I: Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker; II: Sprachreste der Türkvölker in den byzantinischen Quellen. Berlin, 1983 (3. Aufl.).
- Morris R. (ed.).* Church and people in Byzantium. Birmingham, 1990.
- Moss C., Kiefer K. (ed.).* Byzantine East, Latin West: art-historical studies. Princeton, 1995.
- Μπαρτικιάν Χ.* Τὸ Βυζάντιον εἰς τὰς Ἀρμενικὰς πηγὰς. Θεσσαλονίκη, 1981.
- Müller-Wiener W.* Bildlexikon zur Topographie Istanbuls: Byzantion — Konstantinupolis — Istanbul bis zum Beginn des 17. Jhs. Tübingen, 1977.
- Muthesius A.* Studies in Byzantine and Islamic silk weaving. London, 1995.
- Muthesius A.* Byzantine silk weaving: AD 400 to AD 1200. Wien, 1997.
- Necipoğlu N. (ed.).* Byzantine Constantinople: monuments, topography and everyday life. Leiden, 2001.
- Nesbitt J.W. (ed.).* Byzantine authors: literary activities and preoccupations. Leiden, 2003.
- Nicol D.M.* Byzantium: its ecclesiastical history and relations with the western world. Collected studies. London, 1972.
- Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe 500–1453. London, 1971.
- Obolensky D.* The Byzantine inheritance of eastern Europe. London, 1982.
- Obolensky D.* Six Byzantine Portraits. Oxford, 1988.
- Obolensky D.* Byzantium and the Slavs. Crestwood, 1994.
- Odorico P., Agapitos P.A. (éd.).* Les Vies des saints à Byzance: genre littéraire ou biographie historique? Paris, 2004.
- Ohnsorge W.* Abendland und Byzanz. Darmstadt, 1963.
- Ohnsorge W.* Konstantinopel und der Okzident. Darmstadt, 1966.
- Ohnsorge W.* Ost-Rom und der Westen: gesammelte Aufsätze zur Geschichte der byzantinisch-abendländischen Beziehungen und des Kaisertums. Darmstadt, 1983.

- Oikonomidès N.* Documents et études sur les institutions de Byzance, 7e–15e s. London, 1976.
- Oikonomides N.* Social and economic life in Byzantium / Ed. E. Zachariadou. Aldershot, 2004.
- Oikonomides N.* Society, culture, and politics in Byzantium / Ed. E.A. Zachariadou. Aldershot, 2005.
- Ostrogorsky G.* Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954.
- Ostrogorsky G.* Zur byzantinischen Geschichte. Darmstadt, 1973.
- Ousterhout R.* Master builders of Byzantium. Princeton, 1999.
- Παναγιωτοπούλου Δ.Γ.* Θεωρία και πράξις τῆς βυζαντινῆς ἐκκλησιαστικῆς μουσικῆς. Ἀθήναι, 1982.
- Παπαδόπουλλος Θ.* (ἐκδ.). Ἱστορία τῆς Κύπρου. Τ. 4–5. Λευκωσία, 1995–1996.
- Parani M.G.* Reconstructing the reality of images: Byzantine material culture and religious iconography (11th to 15th centuries). Leiden, 2003.
- Patlagean E.* Figures du pouvoir à Byzance (IXe–XIIe siècle). Spoleto, 2001.
- Πατούρα Σ.* Οι αιχμάλωτοι ως παράγοντες επικοινωνίας και πληροφόρησης (4ος–10ος αι.). Αθήνα, 1994.
- Ρεννύ Ο.Ζ. (ed.).* Perceptions of Byzantium and its neighbors (843–1261). New York, 2000.
- Podskalsky G.* Byzantinische Reichsideologie: Die Periodisierung der Weltgeschichte in den vier Grossreichen und dem Tausendjährigen Friedensreiche. Eine motivgeschichtliche Untersuchung. München, 1972.
- Podskalsky G.* Theologie und Philosophie in Byzanz. München, 1977.
- Prinzing G. e.a. (ed.).* Byzantium and east central Europe. Cracow, 2001.
- Prinzing G., Salamon M. (hrsg.).* Byzanz und Ostmitteleuropa, 950–1453. Wiesbaden, 1999.
- Pryor J.H.* Geography, technology and war: studies in the maritime history of the Mediterranean, 649–1571. Cambridge, 1988.
- Pryor J.H., Jeffreys E.* The age of the Dromon: the Byzantine navy, ca. 500–1204. Leiden, 2006.
- Ravegnani G.* I bizantini in Italia. Bologna, 2004.
- Ringrose K.M.* The perfect servant: eunuchs and the social construction of gender in Byzantium. Chicago, 2003.
- Rodley L.* Byzantine art and architecture: an introduction. Cambridge, 1994.
- Rosenqvist J.O.* Die byzantinische Literatur: Vom 6. Jahrhundert bis zum Fall Konstantinopels 1453. Berlin, 2007.
- Rotman Y.* Les esclaves et l'esclavage de la Méditerranée antique à la Méditerranée médiévale, VIe–XIe siècles. Paris, 2004.

- Runciman S.* The Byzantine Theocracy. Cambridge, 1977.
- Said S. (éd.).* Hellenismos: quelques jalons pour une histoire de l'identité grecque. Leiden, 1991.
- Schilbach E.* Byzantinische Metrologie. München, 1970.
- Schilbach E.* Byzantinische metrologische Quellen. Thessalonike, 1982 (2. Aufl.).
- Schminck A.* Studien zu mittelbyzantinischen Rechtsbüchern. Frankfurt am Main, 1986.
- Schramm P.E.* Kaiser, Könige und Päpste: gesammelte Aufsätze zur Geschichte des Mittelalters. Stuttgart, 1968–1971. 4 Bde.
- Schule W.* Bibliographie der Übersetzungen griechisch-byzantinischer Quellen. Wiesbaden, 1982.
- Ševčenko I.* Ideology, Letters and Culture in the Byzantine World. London, 1982.
- Ševčenko I.* Byzantium and the Slavs in Letters and Culture. Cambridge (Mass.), 1982.
- Sharf A.* Byzantine Jewry: from Justinian to the Fourth Crusade. London, 1971.
- Shepard J. (ed.).* The expansion of orthodox Europe: Byzantium, the Balkans and Russia. Aldershot, 2007.
- Shepard J., Franklin S. (ed.).* Byzantine diplomacy. Aldershot, 1992.
- Simon D.* Rechtsfindung am byzantinischen Reichsgericht. Frankfurt am Main, 1973.
- Smythe D. (ed.).* Strangers to themselves: the Byzantine outsider. Aldershot, 2000.
- Spatharakis I.* The portrait in Byzantine illuminated manuscripts. Leiden, 1976.
- Spatharakis I.* Corpus of dated illuminated Greek manuscripts: to the year 1453. Leiden, 1981. 2 vol.
- Speck P.* Understanding Byzantium: studies in Byzantine historical sources. Aldershot, 2003.
- Στάθης Γ.* Οἱ ἀναγραμματισμοὶ καὶ τὰ μαθήματα τῆς Βυζαντινῆς μουσικῆς. Ἀθῆναι, 1979.
- Stephenson P.* The Byzantine World. London, 2010.
- Strunk O.* Essays on music in the Byzantine world. New York, 1977.
- Svoronos N.* Etudes sur l'organisation intérieure, la société et l'économie de l'Empire byzantin. London, 1973.
- Taft R.F.* Beyond East and West: problems in liturgical understanding. Rome, 1997 (2 ed.).

- Taft R.F.* Divine liturgies — human problems in Byzantium, Armenia, Syria and Palestine. Aldershot, 2001.
- Talbot A.-M.* Women and religious life in Byzantium. Aldershot, 2001.
- Talbot Rice D.* Byzantine Art. Harmondsworth, 1968 (2 ed.).
- Tăpkova-Zaimova V.* Byzance et les Balkans à partir du VIe siècle: les mouvements ethniques et les états. London, 1979.
- Thierry N.* La Cappadoce de l'antiquité au moyen âge. Turnout, 2002.
- Thomas C.* Private religious foundations. Washington, 1988.
- Thomson F.J.* The reception of Byzantine culture in mediaeval Russia. Aldershot, 1999.
- Thomson R.W.* Studies in Armenian literature and Christianity. Aldershot, 1994.
- Thomson R.W.* A bibliography of classical Armenian literature to 1500 AD. Turnhout, 1995.
- Tinnefeld F.* Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie, von Prokop bis Niketas Choniates. München, 1971.
- Tougher S. (ed.).* Eunuchs in antiquity and beyond. London, 2002.
- Treadgold W.* Byzantium and its army, 284–1081. Stanford, 1995.
- Τρωϊάνος Σ.Ν.* Οί πηγές του βυζαντινού δικαίου: Εισαγωγικό βοήθημα. Αθήνα, 1999 (2 έκδ.).
- Τρωϊάνος Σ.Ν.* (εκδ.). Έγκλημα και τιμωρία στο Βυζάντιο. Αθήνα, 1997.
- Troianos S. (ed.).* Analecta Atheniensia ad ius byzantinum spectantia, I. Athens, 1997.
- Tsougarakis D.* Byzantine Crete: from the fifth century to the Venetian conquests. Athens, 1988.
- Vassilaki M. (ed.).* Mother of God: representations of the Virgin in Byzantine art. Milan, 2000.
- Vassilaki M. (ed.).* Images of the Mother of God: perceptions of the Theotokos in Byzantium. Aldershot, 2005.
- Vroom J.* After Antiquity: ceramics and society in the Aegean from the 7th to the 20th century AC: a case study from Boeotia, central Greece. Leiden, 2003.
- Vroom J.* Byzantine to modern pottery in the Aegean, 7th to 20th century: an introduction and field guide. Utrecht, 2005.
- Vryonis S.* Byzantium and Europe. London, 1967.
- Vryonis S.* The decline of medieval Hellenism in Asia Minor and the process of Islamization from the eleventh through the fifteenth century. Berkeley, 1971.

- Vryonis S.* Byzantium: its internal history and relations with the Muslim world. London, 1971.
- Walter C.* Art and ritual of the Byzantine church. Aldershot, 1982.
- Weiss G.* Byzanz: Kritischer Forschungs- und Literaturbericht 1968–1985. München, 1986.
- Weitzmann K.* Studies in classical and Byzantine manuscript illumination. Chicago, 1971.
- Weitzmann K.* Ivories and steatites. Washington, 1972.
- Wellesz E.* A History of Byzantine Music and Hymnography. Oxford, 1961 (2 ed.).
- Wharton A.J.* Art of Empire: painting and architecture of the Byzantine periphery: a comparative study of four provinces. University Park, 1988.
- Whittow M. (ed.).* Byzantium: the economic turn. Oxford, 2010.
- Wilson N.G.* Scholars of Byzantium. London, 1996 (2 ed.).
- Winkelmann F., Brandes W. (hrsg.).* Quellen zur Geschichte des frühen Byzanz (4.–9. Jahrhundert): Bestand und Probleme. Berlin, 1990.
- Zakythinos D.* Byzance: Etat, Société, Economie. London, 1973.

История византиноведения

- Басаргина Е.Ю.* Русский археологический институт в Константинополе: Очерки истории. СПб., 1999.
- Византиноведение в СССР: Состояние и перспективы исследований. М., 1991.
- Каковкин А.Я.* Изучение коптского искусства учеными России. СПб., 2006.
- Курбатов Г.Л.* История Византии: (Историография). Л., 1975.
- Курбатов Г.Л. (ред.).* Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991.
- Кызласова И.Л.* История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси: 1920–1930 годы (по материалам архивов). М., 2000.
- Медведев И.П. (ред.).* Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995.
- Медведев И.П. (ред.).* Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб., 1999.
- Медведев И.П. (ред.).* Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга. СПб., 2004.

Медведев И.П. Петербургское византиноведение: страницы истории. СПб., 2006.

Российское византиноведение: Итоги и перспективы. М., 1994.

Удальцова З.В. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969.

I. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ РАЗВИТИЯ РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА (324–610)

Источники

Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана / Пер. М.В. Левченко. М., 1996 (репр.).

Аммиан Марцеллин. Римская история / Пер. Ю.А. Кулаковского. СПб., 1994 (2-е изд.).

Византийские историки: Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец. Рязань, 2003.

Восточные отцы и учителя Церкви IV века: Антология / Ред. Иларион (Алфеев). Долгопрудный, 1998–1999. 2 т. — Восточные отцы и учителя Церкви V века / Ред. Иларион (Алфеев). Долгопрудный, 2000.

Дигесты Юстиниана / Пер. с лат. под ред. Л.Л. Кофанова. М., 2002–2006 (2 изд.: 2008–). 8 т.

Творения *аввы Евагрия*: Аскетические и богословские трактаты / Пер. А.И. Сидорова. М., 1994.

Евагрий Схоластик. Церковная история / Пер. И.В. Кривушина. СПб., 2001–2005. 3 т.

Евсевий Памфил. Церковная история. М., 1993.

Евсевий Памфил. Жизнь Константина. М., 1998 (переизд.).

Житие преподобного отца нашего Феодора, архимандрита Сикеонского, написанное Георгием, учеником его и игуменом той же обители / Пер. Д.Е. Афиногенова. М., 2005.

Зосим. Новая история / Пер. Н.Н. Болгова. Белгород, 2010.

Избранные новеллы Юстиниана / Пер. В.А. Сметанина. Екатеринбург, 2005.

Хроника *Иоанна Малалы* в славянском переводе / Изд. В.М. Истрин. М., 1994 (репр.).

- Иордан*. О происхождении и деяниях гетов (*Getica*) / Пер. Е. Ч. Скржинской. СПб., 1997 (2 изд.).
- Преп. Макарий Египетский*. Духовные слова и послания. Собрание типа I (*Vatic. graec. 694*) / Пер. А. Г. Дунаев. М., 2002.
- Марцеллин Комит*. Хроника / Пер. Н. Н. Болгова. Белгород, 2010.
- О стратегии: Византийский военный трактат VI в. / Пер. В. В. Кучма. СПб., 2007.
- Олимпиодор Фиванский*. История / Пер. Е. Ч. Скржинской. СПб., 1999 (2 изд.).
- От берегов Босфора до берегов Евфрата: Антология ближневосточной литературы I тысячелетия н.э. / Пер. С. С. Аверинцева. М., 1994 (2 изд.).
- Орозий Павел*. История против язычников / Пер. В. М. Тюленева. СПб., 2001–2003.
- Пасхальная хроника [I: Пролог; от Адама до Фарры] / Пер. Л. А. Самуткиной. СПб., 2004.
- Прокопий Кесарийский*. Война с готами. — О постройках / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1996 (переизд.). 2 т.
- Прокопий Кесарийский*. Война с персами; Война с вандалами; Тайная история / Пер. А. А. Чекаловой. М., 1998 (2-е изд.).
- Римские историки IV века. М., 1997.
- Синезий Киренский*. О царстве / Пер. М. В. Левченко // ВВ 6 (1953). С. 327–357.
- Сократ Схоластик*. Церковная история. М., 1996 (переизд.).
- Стратегикон Маврикия / Пер. В. В. Кучма. СПб., 2004.
- Творения древних отцов-подвижников: св. Аммон, св. Серапион Тмуитский, преп. Макарий Египетский, св. Григорий Нисский, Стефан Фиваидский, блаж. Иперехий / Пер. А. И. Сидорова. М., 1997.
- У истоков культуры святости: Памятники древнецерковной аскетической и монашеской письменности / Пер. А. И. Сидорова. М., 2002.
- Феодорит, епископ Кирский*. Церковная история. М., 1993 (переизд.).
- Творения *блаж. Феодорита, епископа Кирского* / Ред. А. И. Сидоров. М., 2003.
- Летопись византийца *Феофана* / Пер. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского. М., 1884 (2-е изд.).
- Феофилакт Симокатта*. История / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1996 (репр.).

Филосторгий // Георгий Пахимер. История о Михаиле и Андронике Палеологах; Патриарх Фотий. Сокращение церковной истории Филосторгия. Рязань, 2004.

Церковная история *Эрмия Созомена Саламинского*. СПб., 1861.

Церковные историки IV–V вв. М., 2007.

Agathiae Myrinaei Historiarum libri quinque / Ed. R. Keydell. Berlin, 1967. (CFHB; 2).

Agathias. The Histories / Tr. J.D. Frendo. Berlin, 1975. (CFHB; 2a).

Agazia Scolastico. Epigrammi / Testo e trad. G. Viainsino. Milano, 1967.

Ammianus Marcellinus. Römische Geschichte / Lateinisch und deutsch v. W. Seyfarth. Berlin, 1968–1971. 4 Bde.

Chronicon Paschale, 284–628 AD / Tr. M. and Mary Whitby. Liverpool, 1989.

Eusebius von Caesarea. Kirchengeschichte. Darmstadt, 1967.

Eusèbe de Césarée. Histoire ecclésiastique / Ed. G. Bardy. Paris, 1983–1986 (3 éd.). 4 vol.

Eusebius. Werke, I/1: Über das Leben des Kaisers Konstantin. Berlin, 1975.

Giorgio di Pisidia. Poemi / Ed. e trad. A. Pertusi. Ettal, 1960.

Ioannis Malalae Chronographia / Ed. I. Thurn. Berlin, 2000. (CFHB; 35).

The Chronicle of *Malalas* / Tr. E. Jeffreys e.a. Melbourne, 1986.

L'empereur Julien. Oeuvres complètes / Ed. J. Bidez, G. Rochefort, Ch. Lacombrade. Paris, 1932–1964. 2 vol.

Mauricius. Arta militară / Ed., trad. H. Mihăescu. București, 1970.

Das Strategikon des *Maurikios* / Ed. G.T. Dennis, übers. E. Gamillscheg. Wien, 1981.

Procopii Caesariensis Opera omnia / Ed. J. Haury, G. Wirth. Lipsiae, 1963–1964. 4 vol.

Sokrates Kirchengeschichte / Hrsg. G. Ch. Hansen. Berlin, 1995.

Sozomenus Kirchengeschichte / Hrsg. J. Bidez, G. Ch. Hansen. Berlin, 1995 (2. Aufl.).

Sozomène. Histoire Ecclésiastique / Trad. A.-J. Festugière e.a. Paris, 1983–2008. 4 vol.

Theodoret. Kirchengeschichte / Hrsg. L. Parmentier, G. C. Hansen. Berlin, 1998.

Theodoros Anagnostes. Kirchengeschichte / Hrsg. G. Ch. Hansen. Berlin, 1971.

Theophanis Chronographia / Ed. C de Boor. Lipsiae, 1963 (2 ed.). 2 vol.

The Chronicle of *Theophanes Confessor*. Byzantine and Near Eastern History A.D. 284–813. Oxford, 1997.

- Theophylactus Simocatta. Historiae* / Ed. C. de Boor, P. Wirth. Stuttgart, 1972.
Vie de Théodore de Sykéôn / Ed. A.-J. Festugière. Bruxelles, 1970. 2 vol.
Zacharias Rhetor. Die sogenannte Kirchengeschichte / Ed. K. Ahrens, G. Krüger. Leipzig, 1898.
Zosime. Histoire nouvelle / Ed. et trad. F. Paschoud. Paris, 1971–1989. 3 vol.
Zosimos. Neue Geschichte. Stuttgart, 1990.

Литература

- Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.
Адоңц Н.Г. Армения в эпоху Юстиниана. Ереван, 1971 (2 изд.).
Бойс М. Зороастрийцы: верования и обычаи / Пер. с англ. СПб., 1994.
Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
Бейкер Дж. Константин Великий: Первый христианский император / Пер. с англ. М., 2004.
Бейкер Дж. Юстиниан: Великий Законодатель / Пер. с англ. М., 2004.
Бенешевич В.Н. Синагога в 50 титулов и другие юридические сборники Иоанна Схоластика. СПб., 1914 (репринт: Leipzig, 1972).
Бернштам Е.Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951.
Болгов Н.Н. Закат античного Боспора: Очерки истории Боспорского государства позднеантичного времени (IV–VI вв.). Белгород, 1996.
Болгов Н.Н. Проблемы истории, историографии, палеографии Северного Причерноморья в IV–VI вв. Белгород, 2002.
Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в 8 тт. М., 1999– (переизд.).
Бородин О.Р. Византийская Италия в VI–VIII вв.: (Равеннский экзархат и Пентаполь). Барнаул, 1991.
Бородин О.Р. Равеннский экзархат: Византийцы в Италии. СПб., 2001.
Браун П. Культ святых: Его становление и роль в латинском христианстве. М., 2004.
Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб., 1999 (2 изд.).
Буркхард Я. Век Константина Великого / Пер. с англ. М., 2003.
Бухарин М.Д. Аравия, Восточная Африка и Средиземноморье: Торговые и историко-культурные связи. М., 2009.
Вальденберг В.Е. Государственное устройство Византии до конца VII века / Подгот. к изд. В.И. Земсковой. СПб., 2007.

- Войтенко А.А. Египетское монашество в IV в.: Житие св. Антония, «Лавсаик», «История монахов». М., 2010.
- Вольфрам Х. Готы: От истоков до середины VI века / Пер. с нем. СПб., 2003.
- Геростергиос А. Юстиниан Великий — император и святой / Пер. с англ. М., 2010.
- Глушанин Е.П. Военная знать ранней Византии. Барнаул, 1991.
- Давыденков О., прот. Традиционная христология нехалкидонитов с точки зрения святых отцов и Вселенских Соборов Православной Церкви. М., 1998.
- Дашков С.Б. Цари царей — Сасаниды: Иран III–VII вв. в легендах, исторических хрониках и современных исследованиях. М., 2008.
- Диснер Г.-И. Королевство вандалов: Взлет и падение / Пер. с нем. СПб., 2002.
- Дьяконов А.П. Иоанн Ефесский и его церковно-исторические труды. — Типы высшей богословской школы в древней Церкви в III–VI вв. — Кир Батнский, сирийский церковный историк VII в. — К истории сирийского сказания о св. Мар-Евгене. СПб., 2006 (переизд.).
- Иларион (Алфеев), митр. Жизнь и учение св. Григория Богослова. М., 1998.
- Казаков М.М. Епископ и империя: Амвросий Медиоланский и Римская империя в IV в. Смоленск, 1995.
- Казаков М.М. Христианизация Римской империи в IV веке. Смоленск, 2002.
- Казанский П.С. История православного монашества на Востоке. М., 2000 (переизд.). 2 т.
- Карнеев А. Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. СПб., 1890.
- Карташёв А.В. Вселенские соборы. М., 1994 (переизд.).
- Клауде Д. История вестготов / Пер. с нем. СПб., 2002.
- Кобищанов Ю.М. Северо-Восточная Африка в раннесредневековом мире (VI – середина VII в.). М., 1980.
- Корсунский А.Р. Готская Испания. М., 1969.
- Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М., 1984.
- Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.

- Кривушин И.В.* История между порядком и хаосом: концепция политических конфликтов Феофилакта Симокатты. Иваново, 1996.
- Кривушин И.В.* Ранневизантийская церковная историография. СПб., 1998.
- Культура Византии, [I]: IV – первая половина VII в. М., 1984.
- Культура раннефеодальной Армении (IV–VII вв.). Ереван, 1980.
- Курбатов Г.Л.* Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв.: (Конец античного города в Византии). Л., 1971.
- Курбатов Г.Л.* Ранневизантийские портреты: К истории общественно-политической мысли. Л., 1991.
- Лазарь (Афанасьев), мон. (ред.).* Аскетирион: Монашеская жизнь в Египте IV–V вв. М., 2003 (2 изд.).
- Лебедева Г.Е.* Социальная структура ранневизантийского общества: (По данным кодексов Феодосия и Юстиниана). Л., 1980.
- Лебедева Г.Е.* Стефан Византийский и его эпоха: (К истории византийской науки VI в.). СПб., 2003.
- Липшиц Е.Э.* Право и суд в Византии в IV–VIII вв. Л., 1976.
- Луконин В.Г.* Древний и раннесредневековый Иран. М., 1987.
- Лурье В.М.* Призвание Авраама: Идея монашества и ее воплощение в Египте. СПб., 2000.
- Лурье В.М., Баранов В.А.* История Византийской философии: формативный период. СПб., 2006.
- Майоров Г.Г.* Формирование средневековой философии. М., 1979.
- Манандян Я.А.* Новеллы Юстиниана о порядке наследования у армян. Ереван, 1952.
- Митрофанов А.Ю.* История церковных соборов в Италии (IV–V вв.). М., 2006.
- Нуцубидзе Ш.И.* Петр Ивер и философское наследие античности: Проблемы ареопагетики. Тбилиси, 1963.
- Перетерский И.С.* Дигесты Юстиниана. М., 1956.
- Пигулевская Н.В.* Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI вв. М.; Л., 1964.
- Пигулевская Н.В.* Культура сирийцев в Средние века. М., 1979.
- Пигулевская Н.В.* Сирийская средневековая историография: Исследования и переводы. СПб., 2000.
- Редин Е.К.* «Христианская топография» Косьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. М., 1917.

- Реньё Л.* Повседневная жизнь отцов-пустынников IV века / Пер. с фр. М., 2008.
- Рудоквас А.Д.* Очерки религиозной политики Римской империи времени императора Константина Великого. СПб., 2001 [только сетевая версия].
- Седов В.В.* Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002.
- Серов В.В.* Финансовая политика ранневизантийского императора: (Анализ мероприятий Анастасия I). Барнаул, 2000.
- Сидоров А.И.* Древнехристианский аскетизм и зарождение монашества. М., 1998.
- Сильвестрова Е.В.* Lex generalis: Императорская конституция в системе источников греко-римского права V–X вв. М., 2007.
- Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: Этюды рынка. Структура механизмов обмена. Харьков, 2001 (2-е изд.).
- Сукиасян А.Г.* Общественно-политический строй и право Армении в эпоху раннего феодализма. Ереван, 1963.
- Тюленев В.М.* Лактанций: христианский историк на перекрестке эпох. СПб., 2000.
- Тюленев В.М.* Рождение латинской христианской историографии. СПб., 2005.
- Удальцова З.В.* Италия и Византия в VI в. М., 1959.
- Удальцова З.В.* Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV–VII вв.). М., 1974.
- Уколова В.И.* «Последний римлянин» Боэций. М., 1987.
- Уколова В.И.* Античное наследие и культура раннего Средневековья (конец V – середина VII века). М., 1989.
- Уоллес-Хедрилл Дж.* Варварский Запад: раннее Средневековье 400–1000 / Пер. с англ. СПб., 2002.
- Утченко С.Л.* Политические учения древнего Рима. М., 1977.
- Фихман И.Ф.* Оксирих — город папирусов. М., 1976.
- Фихман И.Ф.* Введение в документальную папирологию. М., 1987.
- Фокин А.Р. (ред.).* Леонтий Византийский: Сборник исследований. М., 2006.
- Фрейберг Л.А. (ред.).* Античность и Византия. М., 1975.
- Хонигман В.* Петр Ивер и сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита / Пер. с нем. Тбилиси, 1955.
- Хосроев А.Л.* Из истории раннего христианства в Египте. М., 1997.

- Хосроев А.Л.* Пахомий Великий: (Из ранней истории общежительного монашества в Египте). СПб., 2004.
- Хрушкова Л.Г.* Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). М., 2002.
- Чекалова А.А.* Константинополь в VI веке: Восстание Ника. СПб., 1997 (2-е изд.).
- Чекалова А.А.* Сенат и сенаторская аристократия Константинополя: IV — 1-я половина VII в. М., 2010.
- Штаерман Е.М.* Кризис античной культуры. М., 1975.
- Шувалов П.В.* Секрет армии Юстиниана: Восточноримская армия в 491–641 гг. СПб., 2006.
- Щукин М.Б.* Готский путь: Готы, Рим и черняховская культура. СПб., 2005.
- Allen P., Jeffreys E. (ed.).* The sixth century: end or beginning? Brisbane, 1996.
- Angold M.* Byzantium: the bridge from antiquity to the middle ages. London, 2001.
- Bagnall R.* Egypt in late antiquity. Princeton, 1993.
- Bagnall R. (ed.).* Egypt in the Byzantine world, 300–700. Cambridge, 2007.
- Baker D. (ed.).* The Orthodox Churches and the West. Oxford, 1976.
- Barnwell P.S.* Emperor, prefects and kings: the Roman west, 395–565. London, 1992.
- Beck H.-G. (hrsg.).* Studien zur Frühgeschichte Konstantinopels. München, 1973.
- Blockley R.C.* East Roman Foreign Policy: Formation and Conduct from Diocletian to Anastasius. Leeds, 1992.
- Bonini R.* Introduzione allo studio dell' età Guistiniana. Bologna, 1977.
- Bonner M. (ed.).* Arab-Byzantine relations in early Islamic times. Aldershot, 2004.
- Bowersock G.W.* Roman Arabia. Cambridge (Mass.), 1983.
- Brock S.* From Ephrem to Romanos: interactions between Syriac and Greek in late antiquity. Aldershot, 1999.
- Brock S. (ed.).* The Hidden Pearl: the Syrian Orthodox Church and its ancient Aramaic heritage. Rome, 2001. 4 vol.
- Brown P.* The World of Late Antiquity: AD 150–750. London, 1971.
- Brown P.* The Cult of the Saints: Its Rise and Function in Latin Christianity. Chicago, 1981.
- Brown P.* Society and the Holy in Late Antiquity. London, 1982.

- Brown P.* Power and Persuasion in Late Antiquity: towards a Christian empire. Madison, 1992.
- Brown P.* The rise of western Christendom: triumph and diversity, AD 200–1000. Oxford, 2003 (2 ed.).
- Browning R.* The Emperor Julian. London, 1975.
- Browning R.* Justinian and Theodora. London, 1987 (2 ed.).
- Cameron Al.* Circus factions: Blues and Greens at Rome and Byzantium. Oxford, 1976.
- Cameron Al.* Literature and society in the early Byzantine world. London, 1985.
- Cameron Av.* Continuity and change in sixth century Byzantium. London, 1981.
- Cameron Av.* Procopius and the sixth century. London, 1985.
- Cameron Av.* Christianity and the rhetoric of empire: the development of Christian discourse. Berkeley, 1991.
- Cameron Av.* The Mediterranean world in the Antiquity, AD 395–600. London, 1993.
- Cameron Av.* Changing cultures in early Byzantium. Aldershot, 1996.
- Cameron Av. (ed.).* Fifty years of prosopography: the Later Roman empire, Byzantium and beyond. Oxford, 2003.
- Caseau B. e.a. (ed.).* Pèlerinages et lieux saints dans l'antiquité et le moyen âge. Paris, 2006.
- Chadwick H.* The Church in Ancient Society: from Galilee to Gregory the Great. Oxford, 2001.
- Chadwick H.* Studies on Ancient Christianity. Aldershot, 2006.
- Chaumont M.-L.* La Christianisation de l'empire iranien: des origines aux grandes persécutions du IV siècle. Louvain, 1988.
- Χρυσός E.K.* Ἡ ἐκκλησιαστικὴ πολιτικὴ τοῦ Ἰουστινιανοῦ κατὰ τὴν ἔριν περὶ τὰ Τρία Κεφάλαια καὶ τὴν Ε' Οἰκουμένην Σύνοδον. Θεσσαλονίκη, 1969.
- Χρυσός E.K.* Τὸ Βυζάντιον καὶ οἱ Γότθοι. Θεσσαλονίκη, 1972.
- Chrysos E., Schwarcz A. (ed.).* Das Reich und die Barbaren. Wien, 1989.
- Clover F.M.* The late Roman West and the Vandals. Aldershot, 1993.
- Croke B.* Christian chronicles and Byzantine history, 5th–6th centuries. Aldershot, 1992.
- Curta F.* The making of the Slavs: history and archaeology of the lower Danube region, c. 500–700. Cambridge, 2001.
- Curtis J. (ed.).* Mesopotamia and Iran in the Parthian and Sasanian periods: rejection and revival c. 238 BC – AD 642. London, 2000.

- Dagron G.* Naissance d'une capitale: Constantinople et ses institutions de 330 à 451. Paris, 1974.
- Deichmann F.W.* Ravenna: Hauptstadt des spätantiken Abendlandes. Wiesbaden, 1969–1989. 2 Bde.
- Deichmann F.W.* Rom, Ravenna, Konstantinopel, Naher Osten: Gesamelte Studien zur spätantiken Architektur, Kunst und Geschichte. Wiesbaden, 1982.
- Demandt A.* Die Spätantike: Römische Geschichte von Diocletian bis Justinian 284–565 n. Chr. München, 1989.
- Dempf A.* Die Geistgeschichte der frühchristlichen Kultur. Wien, 1964.
- Dignas B., Winter E.* Rome and Persia in late antiquity: neighbours and rivals. Cambridge, 2007.
- Drake H.A. e.a. (es.).* Violence in late antiquity: perceptions and practices. Aldershot, 2006.
- Dvornik F.* Early Christian and Byzantine political philosophy: origins and background. Washington, 1966.
- Eibach D.* Untersuchungen zum spätantiken Kolonat in der kaiserlichen Gesetzgebung unter besonderer Berücksichtigung der Terminologie. Köln, 1977.
- Engelhardt I.* Mission und Politik in Byzanz: ein Beitrag zur Strukturanalyse byzantinischer Mission zur Zeit Justins und Justinians. München, 1974.
- Erdkamp P. (ed.).* The Roman army and the economy. Amsterdam, 2002.
- Esler P.E. (ed.).* The early Christian world. London, 2000. 2 vol.
- Evans J.A.S.* The age of Justinian: the circumstances of imperial power. London, 1996.
- Evans J.A.S.* The Empress Theodora: partner of Justinian. Austin, 2002.
- Feissel D., Gascou J. (ed.).* La Pétition à Byzance. Paris, 2004.
- Fenster E.* Laudes constantinopolitanae. München, 1968.
- Flusin B.* Saint Anastase le Perse et l'histoire de la Palestine au début du VIIe siècle. Paris, 1992. 2 vol.
- Fowden E.K.* The barbarian plain: Saint Sergius between Rome and Iran. Berkeley, 1999.
- Fowden G.* Empire to Commonwealth: consequences of monotheism in late antiquity. Princeton, 1993.
- Freeman P., Kennedy D. (ed.).* The defence of the Roman and Byzantine east. Oxford, 1986. 2 vol.

- Frend W.H.C.* The rise of the monophysite movement: chapters in the history of the church in the fifth and sixth centuries. Cambridge, 1972.
- Frolow A.* La relique de la Vraie Croix: recherches sur le développement d'un culte. Paris, 1961.
- Gabra G.* Coptic monasteries: Egypt's monastic art and architecture. Cairo, 2002.
- Garsoïan N.G.* Armenia between Byzantium and the Sasanians. London, 1985.
- Garsoïan N.G.* Church and culture in early medieval Armenia. Aldershot, 1999.
- Garsoïan N.G.* L'Eglise arménienne et le grand schisme d'Orient. Louvain, 1999.
- Garsoïan N.G. e.a. (ed.).* East of Byzantium: Syria and Armenia in the formative period. Washington, 1982.
- Garsoïan N.G., Mahé J.-P.* Des Parthes au califat: quatre leçons sur la formation de l'identité arménienne. Paris, 1997.
- Goetz H.-W. e.a. (ed.).* Regna and gentes: the relationship between late antique and early medieval peoples and kingdoms in the transformation of the Roman world. Leiden, 2003.
- Gottlieb G.* Ost und West in der christlichen Kirche des 4. und 5. Jahrhunderts. München, 1978.
- Grazianskij M.* Die Politik Kaiser Justinians I. gegenüber den Monophysiten. Jena, 2005.
- Gray P.T.R.* The defense of Chalcedon in the east (451–553). Leiden, 1979.
- Greatrex G.* Rome and Persia at war, 502–532. Leeds, 1998.
- Grillmeier A.* Jesus der Christus im Glauben der Kirche, I–II. Freiburg i. Br., 1979–1990. — Англ. пер.: Christ in Christian tradition, I–II. London, 1975–1996.
- Gunn J.D. (ed.).* The years without summer: tracing AD 536 and its aftermath. Oxford, 2000.
- Haarer F.* Anastasius I: politics and empire in the late Roman world. Liverpool, 2006.
- Haas C.* Alexandria in late antiquity: topography and social conflict. Baltimore, 1997.
- Haldon J.* Recruitment and conscription in the Byzantine army, c. 550–950: a study on the origins of the stratiotika ktemata. Vienna, 1979.

- Hamarneh B.* Topografia cristiana ed insediamenti rurali nel territorio dell'odierna Giordania nelle epoche bizantina ed islamica: V–IX sec. Città del Vaticano; Roma, 2003.
- Harries J.* Law and empire in late antiquity. Cambridge, 1999.
- Harris A.* Byzantium, Britain and the West: the archaeology of cultural identity AD 400–650. Stroud, 2003.
- Harrison R.M.* A temple for Byzantium: the discovery and excavation of Anicia Juliana's palace-church in Istanbul. London, 1989.
- Harrison R.M.* Mountain and plain: from the Lycian coast to the Phrygian plateau in the late Roman and early Byzantine period. Ann Arbor, 2001.
- Hatlie P.* The monks and monasteries of Constantinople, c. 350–850. Cambridge, 2007.
- Hattersley-Smith K.* Byzantine public architecture between the fourth and early eleventh centuries AD, with special reference to the towns of Byzantine Macedonia. Thessalonica, 1996.
- Hayes J.W.* Late Roman pottery. London, 1972.
- Heather P.* The Fall of the Roman Empire: a new history of Rome and the barbarians. London, 2005.
- Hill S.* The early Byzantine churches of Cilicia and Isauria. Aldershot, 1996.
- Honoré A.M.* Justinian's Digest: work in progress. Oxford, 1971.
- Honoré A.M.* Tribonian. London, 1978.
- Howard-Johnston J.D.* East Rome, Sasanian Persia and the end of Antiquity: historiographical and historical studies. Aldershot, 2006.
- Humphrey J.H. (ed.).* The Roman and Byzantine Near East: some recent archaeological research. Ann Arbor; Portsmouth, 1995–2002. 3 vol.
- Hundsichier H. (hrsg.).* Kommunikation zwischen Orient und Okzident: Alltag und Sachkultur. Wien, 1994.
- James L.* Empresses and power in early Byzantium. London, 2001.
- Jones A.H.M.* The Later Roman Empire 284–602: A Social, Economic, and Administrative Survey. Oxford, 1964. 3 vol.
- Kaegi W.E.* Byzantium and the Decline of Rome. Princeton, 1968.
- Kaegi W.E.* Byzantine military unrest 471–843: an interpretation. Amsterdam, 1981.
- Kaldellis A.* Procopius of Caesarea: tyranny, history, and philosophy at the end of antiquity. Philadelphia, 2004.
- Kaplan M.* Les propriétés de la Couronne et de l'église dans l'Empire byzantin (V^e–VIe siècles). Paris, 1976.
- Kelly C.* Ruling the later Roman empire. Cambridge (Mass.), 2004.

- Kitzinger E.* Byzantine art in the making: main lines of stylistic development in Mediterranean art, 3rd–7th century. London, 1977.
- Klíma O.* Beiträge zur Geschichte des Mazdakismus. Prag, 1977.
- Kolb F.* Diocletian und die Erste Tetrarchie: Improvisation oder Experiment in der Organisation monarchischer Herrschaft? Berlin, 1987.
- Köpstein H.* Zur Sklaverei im ausgehenden Byzanz. Berlin, 1966.
- Lamma P.* Ricerche sulla storia e la cultura del VI secolo. Brescia, 1950.
- Lavan L., Bowden W. (ed.).* Theory and practice in late antique archaeology. Leiden, 2003.
- Lee A.D.* Information and frontiers: Roman foreign regions in late antiquity. Cambridge, 1993.
- Lee A.D.* War in late antiquity. Oxford, 2007.
- Leipoldt J.* Griechische Philosophie und frühchristliche Askese. Berlin, 1961.
- Lemerle P.* Le premier humanisme byzantin: Notes et remarques sur enseignement et culture à Byzance des origines au Xe siècle. Paris, 1971.
Авторизованный англ. пер.: *Lemerle P.* Byzantine humanism: the first phase. Canberra, 1986.
- Liebeschuetz J.H.W.G.* Decline and fall of the Roman city. Oxford, 2001.
- Lieu S.N.C.* Manichaeism in Mesopotamia and the Roman East. Leiden, 1994.
- Little L.K. (ed.).* Plague and the end of antiquity: the pandemic of 541–750. New York, 2007.
- Louth A.* Denys the Areopagite. London, 2001.
- Maas M.* John Lydus and the Roman past: antiquarianism and politics in the age of Justinian. London, 1992.
- Maas M.* Exegesis and empire in the early Byzantine Mediterranean. Tübingen, 2003.
- MacAdam H.I.* Geography, urbanisation and settlement patterns in the Roman Near East. Aldershot, 2002.
- MacCormack S.* Art and ceremony in late antiquity. Berkeley, 1981.
- McCormick M.* Origins of the European economy: communications and commerce AD 300–900. Cambridge, 2001.
- Magness J.* Jerusalem ceramic chronology, c. 200–800 CE. Sheffield, 1993.
- Mango C.* Le développement urbain de Constantinople (IVe–VIIe siècles). Paris, 1990 (2 éd.).
- Martin J.* Spätantike und Völkerwanderung. München, 1990 (2. Aufl.).
- Martin J.-M.* La Pouille du VIe au XIIe siècle. Rome, 1993.
- Mathews T.F.* The early churches of Constantinople: architecture and liturgy. University Park, 1971.

- Meier M.* Das andere Zeitalter Justinians: Kontingenzerfahrung und Kontingenzbewältigung im 6. Jahrhundert n. Chr. Göttingen, 2003.
- Meimarīs Y.E. e.a.* Chronological Systems in Roman-Byzantine Palestine and Arabia: The Evidence of the Dated Greek Inscriptions. Paris, 1992.
- Meyendorff J.* Imperial unity and Christian divisions: the church 450–680 AD. Crestwood, 1989.
- Merrills A.H.* History and geography in late antiquity. Cambridge, 2005.
- Métivier S.* La Cappadoce (IVe–VIe siècle): Une histoire provinciale de l'Empire romain d'Orient. Paris, 2005.
- Millar F.* The Roman Near East, 31 BC – AD 337. Cambridge (Mass.), 1993.
- Momigliano A. (ed.).* The Conflict between Paganism and Christianity. Oxford, 1963.
- Moorhead J.* Justinian. London, 1994.
- Moorhead J.* The Roman Empire divided, 400–700. London, 2001.
- Morrisson C. e.a. (ed.).* Le Monde byzantin, I: L'Empire romain d'orient (330–641). Paris, 2004.
- Patlagean E.* Pauvreté économique et pauvreté sociale à Byzance, 4e–7e siècles. Paris, 1977.
- Patlagean E.* Structure sociale, famille, chrétienté à Byzance: IVe–XIe siècle. London, 1981.
- Piccirillo M. (ed.).* Mosaiques byzantines de Jordanie. Lyons, 1989.
- Pohl W. (ed.).* Kingdoms of the Empire: the integration of barbarians in late antiquity. Leiden, 1997.
- Pohl W., Reimitz H. (ed.).* Strategies of distinction: the construction of the ethnic communities, 300–800. Leiden, 1998.
- Potter D.S.* Prophecy and history in the crisis of the Roman Empire: a historical commentary on the Thirteenth Sibylline Oracle. Oxford, 1990.
- Pringle D.* The defence of Byzantine Africa from Justinian to the Arab conquest: an account of the military history and archaeology of the African provinces in the sixth and seventh centuries. Oxford, 2001 (2 ed.).
- Recherches sur la Chronique de Jean Malalas, I–II.* Paris, 2004–2006.
- Rich J. (ed.).* The city in late antiquity. London, 1992.
- Richards J.* Consul of God: the life and times of Gregory the Great. London, 1980.
- Rösch G.* ONOMA ΒΑΣΙΛΕΙΑΣ: Studien zum offiziellen Gebrauch der Kaisertitel in spätantiker und frühbyzantinischer Zeit. Wien, 1978.
- Roueché C. e.a. (éd.).* De aedificiis: le texte de Procope et les réalités. Turnhout, 2002.

- Rubin B.* Das Zeitalter Justinians. Berlin, 1960–1995. 2 Bde.
- Sansterre J.-M.* Les moines grecs et orientaux à Rome aux époques byzantine et carolingienne: milieu du VIe s. – fin du IXe s. Bruxelles, 1983. 2 vol.
- Sarkissian K.* The council of Chalcedon and the Armenian church. New York, 1965.
- Schäfer P.* Judeophobia: attitudes towards the Jews in the ancient world. Cambridge (Mass.), 1997.
- Scharf R.* Foederati: von der völkerrechtlichen Kategorie zur byzantinischen Truppengattung. Wien, 2001.
- Segal J.B.* Edessa: 'the blessed city'. Oxford, 1970.
- Seibt W. (hrsg.).* Die Christianisierung des Kaukasus. Wien, 2002.
- Shahid I.* Rome and the Arabs: a prolegomenon to the study of Byzantium and the Arabs. Washington, 1984.
- Shahid I.* Byzantium and the Arabs in the fifth century. Washington, 1989.
- Shahid I.* Byzantium and the Arabs in the sixth century. Washington, 1995–2002. 2 vol.
- Shaw B.D.* Rulers, nomads and Christians in Roman North Africa. Aldershot, 1995.
- Spieser J.-M.* Urban and religious spaces in late antiquity and early Byzantium. Aldershot, 2001.
- Stathakopoulos D.C.* Famine and pestilence in the late Roman empire and early Byzantine empire: a systematic survey of subsistence crises and epidemics. Aldershot, 2004.
- Stetz S.* Θεία βασιλεία: Hellenistic theory and the foundations of imperial legitimacy, AD 270–395. Ann Arbor, 1974.
- Teixidor J.* The pagan god: popular religion in the Greco-Roman Near East. Princeton, 1977.
- The Cambridge Companion to the Age of Constantine / Ed. N. Lenski. Cambridge, 2006.
- The Cambridge Companion to the Age of Justinian / Ed. M. Maas. Cambridge, 2005.
- Treadgold W.* Early Byzantine historians. Basingstoke, 2007.
- Trimingham J.S.* Christianity among the Arabs in pre-Islamic times. London, 1979.
- Verosta S.* Johannes Chrysostomus: Staatsphilosoph und Geschichtstheologe. Graz; Wien; Köln, 1960.

- Wallis R.T.* Neoplatonism. London, 1972.
- Ward-Perkins B.* The fall of Rome and the end of civilization. Oxford, 2005.
- Whitby Ma. (ed.).* The propaganda of power: the role of panegyric in late antiquity. Leiden, 1998.
- Whitby Mi.* The emperor Maurice and his historian: Theophylact Simocatta on Persian and Balkan warfare. Oxford, 1988.
- Wickham C.* Framing the early middle ages: Europe and the Mediterranean 400–800. Oxford, 2005.
- Widengren G.* Der Feudalismus im alten Iran. Köln, 1976.
- Wiesehöfer J.* Das antike Persien von 550 v. Chr. bis 650 n. Chr. München, 1994. Англ. пер.: Ancient Persia: from 550 BC to 650 AD. London, 1996.
- Wilder A.M.* Early Christian Rhetorik. Cambridge, 1971.
- Winkelmann F.* Die östlichen Kirche in der Epoche der christologischen Auseinandersetzung. Berlin, 1980.
- Winkelmann F.* Studien zu Konstantin dem Grossen und zur byzantinischen Kirchengeschichte. Ausgewählte Aufsätze. Birmingham, 1993.
- Winkelmann F. (hrsg.).* Volk und Herrschaft im frühen Byzanz: Methodische und quellenkritische Probleme. Berlin, 1991.
- Winkler G.* Das armenische Initiationsrituale. Rom, 1982.
- Wolska-Conus W.* La Topographie chrétienne de Cosmas Indicopleustes: Théologie et science en VIe siècle. Paris, 1962.
- Zaehner R.C.* The dawn and twilight of Zoroastrianism. London, 1975.
- Zanini E.* Le Italie bizantine: territorio, insediamenti ed economia nella provincia bizantina d'Italia (VI–VIII sec.). Bari, 1998.
- Zuckerman C.* Du village à l'empire: autour du registre fiscal d'Aphroditô, 525–526. Paris, 2004.

II. БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ И ОБНОВЛЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА (610–711)

Источники

- Преп. Анастасий Синаит.* Избранные творения / Пер. А.И. Сидорова, М.В. Никифорова. М., 2003.
- Арутюнова-Фиданян В.А.* «Повествование о делах армянских» (VII век): Источник и время. М., 2004.

- Византийский Земледельческий закон / Изд. и пер. под ред. И.П. Медведева. Л., 1984.
- Дополнение к «Добротолюбию»: Вторая сотница *преп. Иоанна Карпафийского* / Пер. А.Г. Дунаева. М., 2001.
- Творения *преп. Максима Исповедника*, I: Богословские и аскетические трактаты / Пер. А.И. Сидорова. М., 1993; II: Вопросы-ответы к Фалассию, 1: Вопросы I–LV / Пер. С.Л. Епифановича, А.И. Сидорова. М., 1994.
- Избранные творения *преп. Максима Исповедника* / Пер. и вступ. ст. А.И. Сидорова. М., 2004.
- Преп. Максим Исповедник*. О различных недоумениях у святых Григория и Дионисия (Амбигвы) / Пер. архим. Нектария (Яшунского). М., 2006.
- Преп. Максим Исповедник*. Письма / Пер. Е. Начинкина. СПб., 2007.
- Преп. Максим Исповедник*. Вопросы и затруднения / Пер. П.К. Доброцветова. М., 2008.
- Диспут с Пирром: прп. Максим Исповедник и христологические споры VII столетия / Пер. Д.Е. Афиногенова, отв. ред. Д.А. Поспелов. М., 2004.
- История епископа Себеоса / Пер. С. Малхасянца. Ереван, 1939.
- Летопись византийца *Феофана* / Пер. В.И. Оболенского и Ф.А. Терновского. М., 1884 (2-е изд.).
- Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения [о славянах]: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора / Тексты, пер., комм. М., 1980.
- Giorgio di Pisidia*. Poemi / Ed., trad. A. Pertusi. Ettal, 1960.
- Lemerle P.* Les plus anciens recueils des miracles de saint Démétrius et la pénétration des slaves dans les Balkans, I–II (Paris, 1979, 1981).
- Theophanis Chronographia* / Ed. C de Boor. Lipsiae, 1963 (2 ed.). 2 vol.
- The Chronicle of *Theophanes*, anni mundi 6095–6305 (A.D. 602–813) / Tr. H. Turtledove. Philadelphia, 1982.
- The Chronicle of *Theophanes Confessor*. Byzantine and Near Eastern History A.D. 284–813 / Tr. C. Mango, R. Scott, G. Greatrex. Oxford, 1997.

Литература

- Большаков О.Г.* История Халифата, I–IV [570–750гг.]. М., 1989–2010.
- Бородин О.Р.* Византийская Италия в VI–VIII вв.: (Равеннский экзархат и Пентаполь). Барнаул, 1991.

- Бородин О.Р.* Равеннский экзархат: Византийцы в Италии. СПб., 2001.
- Дворецкая И.А.* Формирование политической идеологии в раннефеодальной Италии VII–VIII вв. М., 1984.
- Златарски В.* История на българската държава през средните векове, I/1. София, 1970 (3 изд.).
- Епифанович С.Л.* Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие. М., 1996 (переизд.).
- Каждан А.П. и др.* История византийской литературы (650–850 гг.) / Пер. с англ. СПб., 2002.
- Колесников А.И.* Завоевание Ирана арабами: (Иран при «праведных» халифах). М., 1982.
- Культура Византии, [II]: вторая половина VII–XII в. М., 1988.
- Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е.* Византия: проблема перехода от античности к феодализму. Л., 1984.
- Кривов М.В.* Византия и арабы в раннем Средневековье. СПб., 2002.
- Липшиц Е.Э.* Право и суд в Византии в IV–VIII вв. Л., 1976.
- Максим Исповедник: Полемика с оригенизмом и моноэнергизмом. СПб., 2007.
- Мишин Д.Е.* Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее Средневековье. М., 2002.
- Петров В.В.* Максим Исповедник: онтология и метод в византийской философии VII в. М., 2007.
- Радосевич Н.* Шестоднев Георгија Писиде и његов словенски превод. Београд, 1979.
- Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М., 1980.
- Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: Этюды рынка. Структура механизмов обмена. Харьков, 2001 (2-е изд.).
- Тер-Гевондян А.Н.* Армения и Арабский халифат. Ереван, 1977.
- Тъпкова-Заимова В.* Нашествия и етнически промени на Балканите. София, 1966.
- Хрушкова Л.Г.* Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). М., 2002.
- Шумовский Т.А.* Арабы и море. М., 1964.
- Augenti A.* Il Palatino nel medioevo: archeologia e topografia (secoli VI–XIII). Roma, 1996.
- Auzépy M.-F. e.a.* La Chrétienté orientale du début du VIIe siècle au milieu du XIe siècle: textes et documents. Paris, 1996.

- Avramea A.* Le Péloponnèse du IVe au VIIIe siècle: changements et persistances. Paris, 1997.
- Balthasar H. U. v.* Kosmische Liturgie: Das Weltbild Maximus' des Bekenners. Einsiedeln, 1961 (2. Aufl.).
- Beihammer A.D.* Nachrichten zum byzantinischen Urkundenwesen in arabischen Quellen (565–811). Bonn, 2000.
- Berardi D. e.a. (ed.).* Storia di Ravenna. Venezia, 1990–1996. 5 vol.
- Bosworth C.E.* The Arabs, Byzantium and Iran: studies in early Islamic history and culture. Aldershot, 1996.
- Brandes W.* Die Städte Kleinasien im 7. und 8. Jahrhundert. Berlin, 1989.
- Brown T.S.* Gentlemen and officers: imperial administration and aristocratic power in Byzantine Italy, 554–800. London, 1984.
- Brown P.* The rise of western Christendom: triumph and diversity, AD 200–1000. Oxford, 2003 (2 ed.).
- Canard M.* L'expansion arabo-islamique et ses repercussions. London, 1974.
- Canivet P., Rey-Coquais J.-P. (ed.).* La Syrie de Byzance à l'Islam, VIIe–VIIIe siècles. Damascus, 1992.
- Cheynet J.-C. e.a. (ed.).* Le Monde byzantin, II: L'Empire Byzantin (641–1204). Paris, 2007.
- Cook M., Crone P.* Hagarism: the making of the Islamic world. Cambridge, 1977.
- Corsi P.* La spedizione italiana di Costante II. Bologna, 1983.
- Crone P.* Slaves on horses: the evolution of the Islamic polity. Cambridge, 1980.
- Crone P.* From Kavad to al-Ghazali: religion, law and political thought in the Near East, c. 600 – c. 1100. Aldershot, 2005.
- Curta F.* Southeastern Europe in the middle ages 500–1250. Cambridge, 2006.
- Dagron G. e.a. (ed.).* Evêques, moines et empereurs (610–1054). Paris, 1993.
- Delogu P. e.a.* Longobardi e bizantini. Torino, 1980.
- Ditten H.* Ethnische Verschiebungen zwischen der Balkanhalbinsel und Kleinasien vom Ende des 6. bis zur zweiten Hälfte des 9. Jahrhunderts. Berlin, 1993.
- Donner F.M.* The early Islamic conquests. Princeton, 1981.
- Eickhoff E.* Seekrieg und Seepolitik zwischen Islam and Abendland: das Mittelmeer, 650–1040. Berlin, 1966.

- Ηλιάδης Α.Κ.* Νεότερες απόψεις για την εσωτερική ιστορία του Βυζαντίου κατά τον 7ο αιώνα. Τρίκαλα, 2006.
- Fontaine J., Hillgarth J.N. (ed.).* The seventh century: change and continuity. London, 1992.
- Geiger A.* Was hat Mohammed aus dem Judenthume aufgenommen? Bonn, 1833.
- Guillou A.* Régionalisme et indépendance dans l'empire byzantin au VIIe siècle: l'exemple de l'Exarchat et de la Pentapole d'Italie. Rome, 1969.
- Gunn J.D. (ed.).* The years without summer: tracing AD 536 and its aftermath. Oxford, 2000.
- Haldon J.* Recruitment and conscription in the Byzantine army, c. 550–950: a study on the origins of the stratiotika ktemata. Vienna, 1979.
- Haldon J.* Byzantine praetorians: an administrative, institutional and social survey of the Opsikion and the Tagmata, c. 580–900. Bonn, 1984.
- Haldon J.* Byzantium in the seventh century: the transformation of a culture. Cambridge, 1997 (2 ed.).
- Hamarneh B.* Topografia cristiana ed insediamenti rurali nel territorio dell'odierna Giordania nelle epoche bizantina ed islamica: V–IX sec. Città del Vaticano; Roma, 2003.
- Hoyland R.G.* Seeing Islam as others saw it: a survey and evaluation of Christian, Jewish and Zoroastrian writings on early Islam. Princeton, 1997.
- Hübinger P.E. (hrsg.).* Bedeutung und Rolle des Islam beim Übergang vom Altertum zum Mittelalter. Darmstadt, 1968.
- Hübinger P.E. (hrsg.).* Zur Frage der Periodengrenze zwischen Altertum und Mittelalter. Darmstadt, 1969.
- Kaegi W.E.* Byzantium and the decline of Rome. Princeton, 1968.
- Kaegi W.E.* Byzantine military unrest 471–843: an interpretation. Amsterdam, 1981.
- Kaegi W.E.* Army, society and religion in Byzantium. London, 1982.
- Kaegi W.E.* Byzantium and the early Islamic conquests. Cambridge, 1992.
- Kaegi W.E.* Heraclius, emperor of Byzantium. Cambridge, 2003.
- Kaplan M.* Les hommes et la terre à Byzance du VIe au XIe siècle: propriété et exploitation du sol. Paris, 1992.
- Kaplony A.* Konstantinopel und Damaskus: Gesandtschaften und Verträge zwischen Kaisern und Kalifen 639–750. Berlin, 1996.
- Kennedy H.* The armies of the caliphs: military and society in the early Islamic state. London, 2001.

- Kennedy H.* The prophet and the age of the caliphates: the Islamic Near East from the sixth to the eleventh century. Harlow, 2004 (2 ed.).
- Köpstein H., Winkelmann F. (hrsg.).* Studien zum 7. Jahrhundert in Byzanz: Probleme der Herausbildung des Feudalismus. Berlin, 1976.
- Κουντούρα-Γαλάκη Ε.* Ο Βυζαντινός κλήρος και η κοινωνία των «σκοτεινών αιώνων». Αθήνα, 1996.
- Κουντούρα-Γαλάκη Ε. (εκδ.).* Οι σκοτεινοί αιώνες του Βυζαντίου, 7ος–9ος. Αθήνα, 2001.
- Laurent J.* L'Arménie entre Byzance et l'Islam depuis la conquête arabe jusqu'en 886 / Rev. éd. M. Canard. Lisbon, 1980.
- Lauxtermann M.* Byzantine poetry from Pisides to Geometres: texts and contexts, I. Wien, 2003.
- Lecker M.* Jews and Arabs in pre- and early Islamic Arabia. Aldershot, 1998.
- Letsios D.G.* Nomos Rhodion Nautikos: das Seegesetz der Rhodier: Untersuchungen zu Seerecht und Handelsschiffahrt in Byzanz. Rhodes, 1996.
- Lilie R.-J.* Die byzantinische Reaktion auf die Ausbreitung der Araber: Studien zur Strukturwandlung des byzantinischen Staates im 7. und 8. Jahrhundert. München, 1976.
- Little L.K. (ed.).* Plague and the end of antiquity: the pandemic of 541–750. New York, 2007.
- Llewellyn P.A.B.* Rome in the dark ages. London, 1971.
- Louth A.* Maximus the Confessor. London, 1996.
- McCormick M.* Origins of the European economy: communications and commerce AD 300–900. Cambridge, 2001.
- Malingoudis Ph.* Studien zu den slavischen Ortsnamen Griechenlands. Wiesbaden, 1981.
- Magness J.* The archaeology of the early Islamic settlement in Palestine. Winona Lake, 2003.
- Mango C.* Le développement urbain de Constantinople (IVe–VIIe siècles). Paris, 1990 (2 éd.).
- Martin J.-M.* La Pouille du VIe au XIIe siècle. Rome, 1993.
- Meyendorff J.* Imperial unity and Christian divisions: the church 450–680 AD. Crestwood, 1989.
- Moorhead J.* The Roman Empire divided, 400–700. London, 2001.
- Morrisson C. e.a. (ed.).* Le Monde byzantin, I: L'Empire romain d'orient (330–641). Paris, 2004.
- Nedungatt G., Featherstone J.M. (ed.).* The Council in Trullo revisited. Rome, 1995.

- Noble T.F.X.* The republic of St. Peter: the birth of the papal state, 680–825. Philadelphia, 1984.
- Patlagean E.* Structure sociale, famille, chrétienté à Byzance: IVe–XIe siècle. London, 1981.
- Piccirillo M.* The mosaics of Jordan. Amman, 1993.
- Pohl W.* Die Awaren: Ein Steppenvolk in Mitteleuropa, 567–822 n. Chr. München, 1988.
- Polat M.* Der Umwandlungsprozess von Kalifat zur Dynastie: Regierungspolitik und Religion beim ersten Umayyadenherrscher Mu'awiya ibn Abi Sufyan. Frankfurt am Main, 1999.
- Rotter G.* Die Umayyaden und der zweite Bürgerkrieg (680–692). Wiesbaden, 1982.
- Sansterre J.-M.* Les moines grecs et orientaux à Rome aux époques byzantine et carolingienne: milieu du VIe s. – fin du IXe s. Bruxelles, 1983. 2 vol.
- Schick R.* The Christian communities of Palestine from Byzantine to Islamic rule: a historical and archaeological study. Princeton, 1995.
- Schramm G.* Eroberer und Eingesessene: Geographische Lehnennamen als Zeugen der Geschichte Südosteuropas im ersten Jahrtausend n. Chr. Stuttgart, 1981.
- Simon R.* Meccan trade and Islam: problems of origin and structure. Budapest, 1989.
- Spanu P.G.* La Sardegna bizantina tra VI e VII secolo. Oristano, 1998.
- Στράτος Α.Ν.* Τὸ Βυζάντιον στὸν Ζ' αἰῶνα. Ἀθῆναι, 1965–1978. 6 τ. АНГЛ. пер.: *Stratos A.N.* Byzantium in the seventh century, 602–711. Amsterdam, 1968–1980. 5 vol.
- Taha A.D.* The Muslim conquest and settlement of North Africa and Spain. London, 1989.
- Walmsley A.* Early Islamic Syria: an archaeological assessment. London, 2007.
- Weithmann M.* Die slavische Bevölkerung auf der griechischen Halbinsel. München, 1978.
- Whittow M.* The making of orthodox Byzantium, 600–1025. London, 1996.
- Wickham C.* Framing the early middle ages: Europe and the Mediterranean 400–800. Oxford, 2005.
- Winkelmann F.* Der monenergetisch-monotheletische Streit. Frankfurt am Main, 2001.

- Winkelmann F. e.a.* Byzanz im 7. Jahrhundert: Untersuchungen zur Herausbildung des Feudalismus. Berlin, 1978.
- Winkler G.* Über die Entwicklungsgeschichte des armenischen Symbolums. Rom, 2000.
- Wood D. (ed.).* Christianity and Judaism. Oxford, 1992.
- Zanini E.* Le Italie bizantine: territorio, insediamenti ed economia nella provincia bizantina d'Italia (VI–VIII sec.). Bari, 1998.

III. ЭПОХА ИКОНОБОРЧЕСКОГО КРИЗИСА (711–843)

Источники

- Свт. Герман Константинопольский.* Сказание о Церкви и рассмотрение Таинств / Пер. Е.М. Ломизе. М., 1995.
- Иоанн Дамаскин.* Точное изложение православной веры / Пер. А. Бронзова. СПб., 1894.
- Иоанн Дамаскин.* Христологические и полемические трактаты, слова на богородичные праздники / Пер. свящ. М. Козлов, Д.Е. Афиногенов. М., 1997.
- Продолжатель Феофана.* Жизнеописания византийских царей / Пер. Я.Н. Любарского. СПб., 1992.
- Свт. Спиридон Тримифунтский, Кипрский Чудотворец:* Агиографические источники IV–X столетий / Публ. и пер. А.Ю. Виноградова. М., 2008.
- Преп. Феодор Студит.* Послания. М., 2003 (переизд.). 2 т.
- Летопись византийца Феофана* / Пер. В.И. Оболенского и Ф.А. Терновского. М., 1884 (2-е изд.).
- Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения [о славянах]: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора / Тексты, пер., комм. М., 1980.
- Эклога:* Византийский законодательный свод VIII века / Пер. Е.Э. Липшиц. М., 1965 (переизд.: Рязань, 2006).
- Ecloga: Das Gesetzbuch Leons III. und Konstantinos' V.* / Hrsg. L. Burgmann. Frankfurt am Main, 1983.
- The Correspondence of Ignatios the Deacon* / Ed. and tr. C. Mango. Washington, 1997.

- Die Schriften des *Johannes von Damaskos* / Hrsg. B. Kotter, R. Volk. Berlin, 1969–2009. 6 Bde.
- Cameron A., Herrin J.* Constantinople in the early eighth century: the Parastaseis syntomoi chronikai. Leiden, 1984.
- Cronaca di Monemvasia / Ed. e tr. I. Dujčev. Palermo, 1976.
- Nikephoros Patriarch of Constantinople.* Short History / Text, translation, and commentary by C. Mango. Washington, 1990.
- Theodori Studitae* Epistulae / Ed. G. Fatouros. Berlin, 1992. 2 vol.
- Theophanis* Chronographia / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1963 (2 ed.). 2 vol.
- Rochow I.* Byzanz im 8. Jahrhundert in der Sicht des Theophanes: Quellenkritisch-historischer Kommentar zu den Jahren 715–813. Berlin, 1991.
- The Chronicle of *Theophanes*, anni mundi 6095–6305 (A.D. 602–813) / Tr. H. Turtledove. Philadelphia, 1982.
- The Chronicle of *Theophanes Confessor*. Byzantine and Near Eastern History A.D. 284–813 / Tr. C. Mango, R. Scott, G. Greatrex. Oxford, 1997.

Литература

- Ангелов Д. Образуване на българската народност. София, 1981.
- Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.
- Афиногенов Д.Е. Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784–847). М., 1997.
- Безансон А. Запретный образ: Интеллектуальная история иконоборчества / Пер. с фр. М., 1999.
- Бешевлиев В. Първобългари: История. София, 1984.
- Бешевлиев В. Първобългарски надписи. София, 1992 (2 изд.).
- Дворник Ф. Идея апостольства в Византии и легенда об апостоле Андрее / Пер. с англ. СПб., 2007.
- Доброклонский А.П. Преподобный Феодор, исповедник и игумен Студийский. Одесса, 1913–1914. 2 т.
- Иванов Й. Български старини из Македония. София, 1970.
- Каждан А.П. и др. История византийской литературы (650–850 гг.) / Пер. с англ. СПб., 2002.
- Культура Византии, [II]: вторая половина VII–XII в. М., 1988.
- Левандовский А.П. Карл Великий: Через Империю к Европе. М., 1995.
- Липшиц Е.Э. Очерки истории византийского общества и культуры (VIII – первая половина IX века). М.; Л., 1961.

- Литишц Е.Э.* Право и суд в Византии в IV–VIII вв. Л., 1976.
- Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XIII в.). СПб., 2000.
- Мишин Д.Е.* Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее Средневековье. М., 2002.
- Могаричев Ю.М. и др.* Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009.
- Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: Этюды рынка. Структура механизмов обмена. Харьков, 2001 (2-е изд.).
- Петрухин В.Я. и др. (ред.).* Хазары. Иерусалим; Москва, 2005.
- Плетнева С.А.* Саркел и «шелковый путь». Воронеж, 1996.
- Помяловский И.В.* Житие иже во святых отца нашего Феодора, архиепископа Эдесского. СПб., 1892.
- Тер-Гевондян А.Н.* Армения и Арабский халифат. Ереван, 1977.
- Чичуров И.С.* «Хронография» Феофана (IX в.) и ранневизантийская историографическая традиция (IV–VIII вв.). М., 1976.
- Agapitos P.A.* Narrative structure in the Byzantine vernacular romances: a textual and literary study of «Kallimachos, Belthandros and Libistros». München, 1991.
- Auzépy M.-F.* L'hagiographie et l'iconoclasme byzantin: le cas de la Vie d'Etienne le Jeune. Aldershot, 1999.
- Auzépy M.-F. e.a.* La Chrétienté orientale du début du VIIe siècle au milieu du XIe siècle: textes et documents. Paris, 1996.
- Avramea A.* Le Péloponnèse du IVe au VIIIe siècle: changements et persistance. Paris, 1997.
- Barber C.* Figure and likeness: on the limits of representation in Byzantine iconoclasm. Princeton, 2002.
- Barnard L.W.* The Graeco-Roman and oriental background of the iconoclastic controversy. Leiden, 1974.
- Beihammer A.D.* Nachrichten zum byzantinischen Urkundenwesen in arabischen Quellen (565–811). Bonn, 2000.
- Berger A.* Untersuchungen zu den «Patria Konstantinupoleos». Bonn, 1988.
- Berndt R. (hrsg.).* Das Frankfurter Konzil von 794: Kristallisationspunkt karolingischer Kultur. Mainz, 1997. 2 Bde.
- Bertolini O.* Roma e i Longobardi. Roma, 1972.

- Beševliev V.* Bulgarisch-byzantinische Aufsätze. London, 1978.
- Beševliev V.* Die protobulgarische Periode der bulgarischen Geschichte. Amsterdam, 1981.
- Blankinship K.Y.* The end of the Jihad state: the reign of Hisham ibn Abd al-Malik and the collapse of the Umayyads. Albany, 1994.
- Bonner M.* Aristocratic violence and holy war: studies in the jihad and the Arab-Byzantine frontier. New Haven; London, 1996.
- Borgolte M.* Der Gesandtenaustausch der Karolinger mit den Abbasiden and mit den Patriarchen von Jerusalem. München, 1976.
- Boscolo A.* La Sardegna bizantina e alto-giudicale. Sassari, 1978.
- Brandes W.* Die Städte Kleinasiens im 7. und 8. Jahrhundert. Berlin, 1989.
- Brandes W.* Finanzverwaltung in Krisenzeiten: Untersuchungen zur byzantinischen Administration im 6.–9. Jahrhundert. Frankfurt am Main, 2002.
- Brogiolo G.P. e.a. (ed.).* Towns and their territories between late antiquity and the early middle ages. Leiden, 2000.
- Brown P.* The rise of western Christendom: triumph and diversity, AD 200–1000. Oxford, 2003 (2 ed.).
- Brubaker L., Haldon J.* Byzantium in the iconoclast era (c. 680–850): the Sources. An annotated survey. Aldershot, 2001.
- Bryer A., Herrin J. (ed.).* Iconoclasm. Birmingham, 1977.
- Cheynet J.-C. e.a. (ed.).* Le Monde byzantin, II: L'Empire Byzantin (641–1204). Paris, 2007.
- Cholij R.* Theodore the Stoudite: the ordering of holiness. Oxford, 2002.
- Christides V.* The conquest of Crete by the Arabs (ca. 824): a turning point in the struggle between Byzantium and Islam. Athens, 1984.
- Cilento N.* Italia meridionale langobarda. Napoli, 1971 (2 ed.).
- Classen P.* Karl der Grosse, das Papsttum and Byzanz: die Begründung des karolingischen Kaisertums. Sigmaringen, 1985 (3. Aufl.).
- Cobb P.M.* White banners: contention in Abbasid Syria, 750–880. Albany, 2001.
- Curta F.* Southeastern Europe in the middle ages 500–1250. Cambridge, 2006.
- Dagron G.* Constantinople imaginaire: études sur le recueil des Patria. Paris, 1984.
- Dagron G. e.a. (ed.).* Evêques, moines et empereurs (610–1054). Paris, 1993.
- Delogu P. e.a.* Longobardi e bizantini. Torino, 1980.

- Ditten H.* Ethnische Verschiebungen zwischen der Balkanhalbinsel und Kleinasien vom Ende des 6. bis zur zweiten Hälfte des 9. Jahrhunderts. Berlin, 1993.
- Eickhoff E.* Seekrieg und Seepolitik zwischen Islam and Abendland: das Mittelmeer, 650–1040. Berlin, 1966.
- Ηλιάδης Α.Κ.* Οι βίοι των αγίων της βυζαντινής περιόδου ως ιστορικές πηγές: Σημειώσεις και παρατηρήσεις για τα βυζαντινά αγιολογικά κείμενα της μέσης περιόδου: 7ος–10ος αιώνας. Τρίκαλα, 2006.
- Fiori F.* Costantino, hypatos e doux di Sardegna. Bologna, 2001.
- Gero S.* Byzantine iconoclasm during the reign of Leo III, with particular attention to the oriental sources. Louvain, 1973.
- Gero S.* Byzantine iconoclasm during the reign of Constantine V, with particular attention to the oriental sources. Louvain, 1977.
- Gill M.A.V.* Amorium reports, finds 1: the glass (1987–1997). Oxford, 2002.
- Γρηγορίου-Ιωαννίδου Μ.* Παρακμή και πτώση του θεματικού θεσμού. Θεσσαλονίκη, 1985.
- Griffith S.H.* Arabic Christianity in the monasteries of ninth-century Palestine. Aldershot, 1992.
- Griffith S.H.* The beginnings of Christian theology in Arabic: Muslim-Christian encounters in the early Islamic period. Aldershot, 2002.
- Gutas D.* Greek thought, Arabic culture: the Graeco-Arabic translation movement in Baghdad and early Abbasid society (2nd–4th/8th–10th centuries). New York, 1998.
- Haldon J.* Recruitment and conscription in the Byzantine army, c.550–950: a study on the origins of the stratotika ktemata. Vienna, 1979.
- Haldon J.* Byzantine praetorians: an administrative, institutional and social survey of the Opsikion and the Tagmata, c. 580–900. Bonn, 1984.
- Haldon J., Brubaker L.* Byzantium in the iconoclast era (680–850): a history. Cambridge, 2010.
- Hamarnah B.* Topografia cristiana ed insediamenti rurali nel territorio dell'odierna Giordania nelle epoche bizantina ed islamica: V–IX sec. Città del Vaticano; Roma, 2003.
- Hansen I.L., Wickham C. (ed.).* The long eighth century: production, distribution and demand. Leiden, 2000.
- Kaczynski B.M.* Greek in the Carolingian age: the St Gall manuscripts. Cambridge (Mass.), 1988.
- Kaegi W.E.* Byzantine military unrest 471–843: an interpretation. Amsterdam, 1981.

- Kazhdan A.P.* A history of Byzantine literature, 650–850. Athens, 1999.
- Kennedy H.* The early Abbasid caliphate: a political history. London, 1981.
- Kennedy H.* The armies of the caliphs: military and society in the early Islamic state. London, 2001.
- Kennedy H.* The prophet and the age of the caliphates: the Islamic Near East from the sixth to the eleventh century. Harlow, 2004 (2 ed.).
- Kislinger E.* Regionalgeschichte als Quellenproblem: die Chronik von Monembasia und das sizilianische Demenna, eine historisch-topographische Studie. Wien, 2001.
- Köpstein H., Winkelmann F. (hrsg.).* Studien zum 8. und 9. Jahrhundert in Byzanz. Berlin, 1983.
- Κουντούρα-Γαλάκη Ε.* Ο Βυζαντινός κλήρος και η κοινωνία των «σκοτεινών αιώνων». Αθήνα, 1996.
- Κουντούρα-Γαλάκη Ε. (εκδ.).* Οι σκοτεινοί αιώνες του Βυζαντίου, 7ος–9ος. Αθήνα, 2001.
- Koutrakou N.-C.* La Propagande imperiale byzantine: persuasion et réaction (VIIIe–Xe siècles). Athènes, 1994.
- Lamberz E.* Die Bischoflisten des VII. Ökumenischen Konzils (Nicaenum II). München, 2004.
- Laurent J.* L'Arménie entre Byzance et l'Islam depuis la conquête arabe jusqu'en 886 / Rev. éd. M. Canard. Lisbon, 1980.
- Lightfoot C.S. (ed.).* Amorium reports, 2: research papers and technical reports. Oxford, 2003.
- Lilie R.-J.* Byzanz unter Eirene und Konstantin VI. (780–802). Frankfurt am Main, 1996.
- Lilie R.-J.* Die Patriarchen der ikonoklastischen Zeit: Germanos I. — Methodios I. (715–847). Frankfurt am Main, 1999.
- Llewellyn P.A.B.* Rome in the dark ages. London, 1971.
- Louth A.* St John Damascene: tradition and originality in Byzantine theology. Oxford, 2002.
- McCormick M.* Origins of the European economy: communications and commerce AD 300–900. Cambridge, 2001.
- Malamut E.* Les îles de l'Empire byzantin, VIIIe–XIIe siècles. Paris, 1988. 2 vol.
- Martin J.-M.* La Pouille du VIe au XIIe siècle. Rome, 1993.
- Meersseman G.G.* Kritische glossen op de Griekse Theophilus-legende (7e eeuw) en haar Latijnse vertaling (9e eeuw). Brussel, 1963.

- Nerlich D.* Diplomatische Gesandtschaften zwischen Ost- und Westkaisern, 756–1002. Bern, 1999.
- Noble T.F.X.* The republic of St Peter: the birth of the papal state, 680–825. Philadelphia, 1984.
- Patlagean E.* Structure sociale, famille, chrétienté à Byzance: IVe–XIe siècle. London, 1981.
- Pratsch T.* Theodoros Studites (759–826) – zwischen Dogma und Pragma: der Abt des Studiosklosters in Konstantinopel im Spannungsfeld von Patriarch, Kaiser und eigenem Anspruch. Frankfurt am Main, 1998.
- Rochow I.* Kaiser Konstantin V. (741–755): Materialien zu seinem Leben und Nachleben. Frankfurt am Main, 1994.
- Sansterre J.-M.* Les moines grecs et orientaux à Rome aux époques byzantine et carolingienne: milieu du VIe s. – fin du IXe s. Bruxelles, 1983. 2 vol.
- Speck P.* Kaiser Konstantin VI.: die Legitimation einer Fremden und der Versuch einer eigenen Herrschaft. München, 1978. 2 Bde.
- Speck P.* Artabasdos, der rechtgläubige Vorkämpfer der göttlichen Lehren: Untersuchungen zur Revolte des Artabasdos und ihrer Darstellung in der byzantinischen Historiographie. Bonn, 1981.
- Speck P.* “Ich bin’s nicht, Kaiser Konstantin ist es gewesen”: die Legenden vom Einfluss des Teufels, des Juden und des Moslem auf den Ikonoklasmus. Bonn, 1990.
- Thümmel H.G.* Bilderlehre und Bilderstreit: Arbeiten zur Auseinandersetzung über die Ikone und ihre Begründung vornehmlich im 8. und 9. Jahrhundert. Würzburg, 1991.
- Treadgold W.* The Byzantine revival, 780–842. Stanford, 1988.
- Τσικνάκης Κ.Γ. (ed.).* Το εμπόλεμο Βυζάντιο (9ος–12ος αι.). Αθήνα, 1997.
- Turlej S.* The Chronicle of Monemvasia: the migration of the Slavs and church conflicts in the Byzantine source from the beginning of the ninth century. Cracow, 2001.
- Whittow M.* The making of orthodox Byzantium, 600–1025. London, 1996.
- Wickham C.* Framing the early middle ages: Europe and the Mediterranean 400–800. Oxford, 2005.
- Winkelmann F.* Byzantinische Rang- und Ämterstruktur im 8. und 9. Jahrhundert: Faktoren und Tendenzen ihrer Entwicklung. Berlin, 1985.
- Winkelmann F.* Quellenstudien zur herrschenden Klasse von Byzanz im 8. und 9. Jahrhundert. Berlin, 1987.

IV. РАСЦВЕТ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (843–1025)

Источники

- Византийская Книга епарха / Пер. М.Я. Сюзюмова. М., 1962 (перезд.: Рязань, 2006).
- Временник *Геоργия Монаха* (Хроника *Геоργия Амартола*): Русский текст / Пер. В.А. Матвеевко, Л.И. Щеголевой. М., 2000.
- Геопоники: Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X в. / Пер. Е.Э. Липшиц. М.; Л., 1960.
- Два византийских военных трактата конца X века / Пер. В.В. Кучма. СПб., 2002.
- Две византийские хроники X века: Псамафийская хроника / Пер. А.П. Каждана; *Иоанн Камениата*. Взятие Фессалоники / Пер. С.В. Поляковой и И.В. Феленковской. М., 1959.
- Дигенис Акрит: Византийская эпическая поэма / Пер. А.Я. Сыркина. М., 1994 (2-е изд.).
- «Опровержительные слова» *Евстратия Никейского* / Пер. А.В. Бармин. М., 2010.
- Константин Багрянородный*. Об управлении империей / Пер. под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1991 (2-е изд.).
- Лев Диакон*. История / Пер. М.М. Копыленко. М., 1988.
- Лиутпранд Кремонский*. Антаподосис. — Книга об Оттоне. — Отчет о посольстве в Константинополь / Пер. И.В. Дьяконова. М., 2006.
- Житие Андрея Юродивого / Пер. Е.В. Желтовой. СПб., 2001.
- Повествование вардапета *Аристакэса Ластиверци* / Пер. К.Н. Юзбашяна. М., 1968.
- Продолжатель Феофана*. Жизнеописания византийских царей / Пер. Я.Н. Любарского. СПб., 1992.
- Basilicorum libri LX* / Ed. H. Scheltema e.a. Series A. Groningen, 1955–1988. 8 vol.; Series B: Scholia. Groningen, 1953–1985. 9 vol.
- Constantinus Porphyrogenitus*. De administrando imperio / Ed. G. Moravcsik, R.J.H. Jenkins. Washington, 1967 (2 ed.).
- Constantine Porphyrogenitus*. Three Treatises on Imperial Military Expeditions / Ed. and tr. J.F. Haldon. Wien, 1997 (2 ed.).
- Darrouzès J.* Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae: Textes critiques, introduction et notes. Paris, 1981.

- Ioannis Caminiatae*. De expugnatione Thessalonicae / Ed. G. Bohlig. Berlin, 1973.
- Iosephi Genesisii*. Rerum libri quattuor / Ed. A. Lesmüller-Werner, I. Thurn. Berlin, 1978.
- Das Eparchenbuch Leons des Weisen / Ed. und übers. J. Koder. Wien, 1991.
- Οι Νεαρές Λέοντος ΣΤ' του Σοφού / Εκδ. Σπ. Τρωιάνου. Αθήνα, 2007.
- The Correspondence of *Leo, Metropolitan of Synada and Syncellus* / Ed. and tr. M. Pollard Vinson. Washington, 1985.
- Three Byzantine Military Treatises / Ed. and tr. G.T. Dennis. Washington, 1985.
- Le traité sur la guérilla (de velitatione) de l'empereur *Nicéphore Phocas* (963–969) / Ed. G. Dagron, H. Mihaescu. Paris, 1986.
- Nicolai I, Constanunopolitani Patrarchae*. Epistolae / Ed. R.J.H. Jenkins, L.G. Westerink. Washington, 1973.
- Nicholas I, Patriarch of Constantinople*. Miscellaneous Writings / Ed. and tr. L.G. Westerink. Washington, 1981.
- Oikonomidès N.* Les listes de préseance byzantines des IXe et Xe siècles. Paris, 1972.
- The Homilies of *Photius, Patriarch of Constantinople* / Transl. C. Mango. Cambridge (Mass.), 1958.
- Photius*. Bibliothèque / Ed. et tr. R. Henry. Paris, 1959–1974. 7 vol.
- Photii, patriarchae Constantinopolitani*. Epistulae et Amphilochia / Ed. B. Laourdas, L.G. Westerink. Leipzig, 1983–1988. 6 vol.
- Suidae*. Lexicon / Ed. A. Adler. Stuttgart, 1967–1971 (2 ed.). 4 vol.
- Symeonis, Magistri et Logothetae*. Chronicon / Ed. S. Wahlgren. Berlin, 2006.
- Synodicon Vetus / Ed. and tr. J. Duffy, J. Parker. Washington, 1979.

Литература

- Арутюнова-Фиданян В.А.* Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.): Результаты взаимодействия культур. М., 1994.
- Афиногенов Д.Е.* Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784–847). М., 1997.
- Афиногенов Д.Е.* «Повесть о прощении императора Феофила» и Торжество Православия. М., 2003.
- Бармин А.В.* Полемика и схизма: История греко-латинских споров IX–XII веков. М., 2006.
- Бартикян Р.М.* Источники для изучения павликианского движения. Ереван, 1961.

- Божилев И.* Цар Симеон Велики (893–927): Златният век на средновековна България. София, 1983.
- Верещагин Е.М.* История возникновения древнего общеславянского литературного языка: Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., 1997.
- Дворник Ф.* Идея апостольства в Византии и легенда об апостоле Андрее / Пер. с англ. СПб., 2007.
- Златарски В.* История на българската държава през средните векове, I/1–2. София, 1970–1971 (3 изд.).
- Иванов Й.* Български старини из Македония. София, 1970.
- Иларион (Алфеев), митр.* Преподобный Симеон Новый Богослов и православное Предание. М., 1998.
- Јанковић М.* Средновековно насеље на Великом Градцу у X–XI веку. Београд, 1981.
- Каждан А.П.* Деревня и город в Византии, IX–X вв.: Очерки по истории византийского феодализма. М., 1960.
- Каждан А.П.* Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван, 1975.
- Кузьмин А.Г.* Крещение Руси. М., 2004.
- Литвиц Е.Э.* Законодательство и юриспруденция в Византии в IX–XI вв.: Историко-юридические этюды. Л., 1981.
- Литаврин Г.Г.* Византийское общество и государство в X–XI вв.: Проблемы истории одного столетия, 976–1081 гг. М., 1977.
- Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000.
- Максимович К.А.* «Законъ соудный людѣмъ»: Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника. М., 2004.
- Мец А.* Мусульманский Ренессанс / Пер. с нем. М., 1996.
- Мишин Д.Е.* Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее Средневековье. М., 2002.
- Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001.
- Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
- Попов Н.Г.* Император Лев VI Мудрый и его царствование в церковно-историческом отношении. М., 2008 (переизд.).

- Пириватрић С.* Самуилова држава: Обим и карактер. Београд, 1998.
- Рансимен С.* История первого Болгарского царства / Пер. с англ. СПб., 2009.
- Россейкин Ф.М.* Первое правление Фотия, патриарха Константинопольского. Сергиев Посад, 1915.
- Рыбаков В.А., прот.* Святой Иосиф Песнописец и его песнотворческая деятельность. М., 2002.
- Сахаров А.Н.* Дипломатия Древней Руси: IX – первая половина X в. М., 1980.
- Сахаров А.Н.* Дипломатия Святослава. М., 1991 (2-е изд.).
- Соколов Н.П.* Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963.
- Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: Этюды рынка. Структура механизмов обмена. Харьков, 2001 (2-е изд.).
- Сыркин А.Я.* Поэма о Дигенисе Акрите. М., 1964.
- Флоря Б.Н.* Сказания о начале славянской письменности. СПб., 2000 (2-е изд.).
- Флоря Б.Н., Турилов А.А., Иванов С.А.* Судьбы Кирилло-Мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб., 2000.
- Флоря Б.Н. (ред.)* Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М., 2002.
- Фроянов И.Я.* Загадка крещения Руси. М., 2007.
- Шиваров Н. и др. (ред.)* Международен симпозиум 1100 години от блажената кончина на св. Методий. София, 1989. 2 т.
- Юзбашян К.Н.* Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX–XI вв. М., 1988.
- Althoff G.* Die Ottonen: Königsherrschaft ohne Staat. Stuttgart, 2005 (2. Aufl.).
- Ἀγγελίδη Χ.* Ὁ βίος τοῦ ὁσίου Βασιλείου τοῦ Νέου. Ἰωάννινα, 1980.
- Antonopoulou T.* The homilies of the emperor Leo VI. Leiden, 1997.
- Auzépy M.-F. e.a.* La Chrétienté orientale du début du VIIe siècle au milieu du XIe siècle: textes et documents. Paris, 1996.
- Beaton R., Ricks D. (ed.)* Digenes Akrites: new approaches to Byzantine heroic poetry. Aldershot, 1993.
- Belting H.* Bild und Kult: Eine Geschichte des Bildes vor dem Zeitalter der Kunst. München, 1990. Англ. пер.: Likeness and presence: a history of the image before the era of art. Chicago, 1994.

- Blöndal S.* The Varangians of Byzantium: an aspect of Byzantine military history / Rev. and trans. B.S. Benedikz. Cambridge, 1978.
- Βλυσίδου Β.Ν.* Ἐξωτερικὴ πολιτικὴ καὶ ἐσωτερικὲς ἀντιδράσεις κατὰ τὴν ἐποχὴ τοῦ Βασιλείου Α'. Ἀθήνα, 1991.
- Bonarek J.* Romajowie i obcy w kronice Jana Skylitzesa: identyfikacja etniczna Bizantyńczyków i ich stosunek do obcych w świetle kroniki Jana Skylitzesa. Toruń, 2003.
- Bonner M.* Aristocratic violence and holy war: studies in the jihad and the Arab-Byzantine frontier. New Haven; London, 1996.
- Borsari S.* Il monachesimo bizantino nella Sicilia e nell'Italia meridionale prenormanne. Napoli, 1963.
- Browning R.* Byzantium and Bulgaria: a comparative study across the early medieval frontier. London, 1975.
- Brubaker L.* Vision and meaning in ninth-century Byzantium: image as exegesis in the homilies of Gregory of Nazianzus. Cambridge, 1999.
- Brubaker L. (ed.).* Byzantium in the ninth century: dead or alive? Aldershot, 1998.
- Brühl C.* Fodrum, gistum, servitium regis: Studien zu den wirtschaftlichen Grundlagen des Königtums im Frankenreich und in den fränkischen Nachfolgestaaten Deutschland, Frankreich und Italien vom 6. bis zur Mitte des 14. Jahrhunderts. Köln, 1968. 2 Bde.
- Carile A., Fedalto G.* Le origini di Venezia. Bologna, 1978.
- Charanis P.* Studies on the demography of the Byzantine empire. London, 1972.
- Charanis P.* Social, economic and political life in the Byzantine empire. London, 1973.
- Cheynet J.-C.* Pouvoir et contestations à Byzance (963–1210). Paris, 1990.
- Cheynet J.-C. e.a. (ed.).* Le Monde byzantin, II: L'Empire Byzantin (641–1204). Paris, 2007.
- Ciggaar K.N.* Western travellers to Constantinople: the West and Byzantium, 962–1204. Leiden, 1996.
- Cilento N.* Italia meridionale langobarda. Napoli, 1971 (2 ed.).
- Connor C.L.* Art and miracles in medieval Byzantium: the crypt at Hosios Loukas and its frescoes. Princeton, 1991.
- Curta F.* Southeastern Europe in the middle ages 500–1250. Cambridge, 2006.
- Custurea G.* Circulația monedei bizantine în Dobrogea: secolele IX–XI. Constanța, 2000.

- Dagron G. e.a. (ed.).* Evêques, moines et empereurs (610–1054). Paris, 1993.
- Darrouzès J.* Recherches sur les ΟΦΦΙΚΙΑ de l'égglise byzantine. Paris, 1970.
- Dauids A. (ed.).* The empress Theophano: Byzantium and the west at the turn of the first millennium. Cambridge, 1995.
- Delogu P. e.a.* Longobardi e bizantini. Torino, 1980.
- Dorfmann-Lazarev I.* Arméniens et byzantins à l'époque de Photius: deux débats théologiques après le triomphe de l'orthodoxie. Louvain, 2004.
- Dvornik F.* The idea of apostolicity in Byzantium and the legend of the apostle Andrew. Cambridge (Mass.), 1958.
- Dvornik F.* Byzantine missions among the Slavs: SS Constantine-Cyril and Methodius. New Brunswick, 1970.
- Dvornik F.* Photian and Byzantine ecclesiastical studies. London, 1974.
- Eickhoff E.* Seekrieg und Seepolitik zwischen Islam and Abendland: das Mittelmeer, 650–1040. Berlin, 1966.
- El-Cheikh N.M.* Byzantium viewed by the Arabs. Cambridge (Mass.), 2004.
- Ηλιάδης Α.Κ.* Οι βίοι των αγίων της βυζαντινής περιόδου ως ιστορικές πηγές: Σημειώσεις και παρατηρήσεις για τα βυζαντινά αγιολογικά κείμενα της μέσης περιόδου: 7ος–10ος αιώνας. Τρίκαλα, 2006.
- Epstein A.W.* Tokale Kilise: tenth-century metropolitan art in Byzantine Cappadocia. Washington, 1986.
- Euw A. von, Schreiner P. (hrsg.).* Kaiserin Theophanu: Begegnung des Ostens und Westens um die Wende des ersten Jahrtausends. Köln, 1991. 2 Bde.
- Euw A. von, Schreiner P. (hrsg.).* Kunst im Zeitalter der Theophanu. Köln, 1993.
- Falkenhausen V. von.* Untersuchungen über die byzantinische Herrschaft in Süditalien vom 9. bis ins 11. Jahrhundert. Wiesbaden, 1967.
- Falkenhausen V. von.* La dominazione bizantina nell'Italia meridionale dal IX all' XI secolo. Bari, 1978.
- Felix W.* Byzanz und die islamische Welt im früheren 11. Jahrhundert: Geschichte der politischen Beziehungen von 1001 bis 1055. Wien, 1981.
- Frohnes H. u.a. (hrsg.).* Kirchengeschichte als Missionsgeschichte. München, 1974–1978. 2 Bde.
- Γρηγορίου-Ίωαννίδου Μ.* Παρακμή και πτώση του θεματικού θεσμού. Θεσσαλονίκη, 1985.
- Haldon J.* Recruitment and conscription in the Byzantine army, c. 550–950: a study on the origins of the stratotika ktemata. Vienna, 1979.

- Haldon J.* Byzantine praetorians: an administrative, institutional and social survey of the Opsikion and the Tagmata, c. 580–900. Bonn, 1984.
- Harvey A.* Economic expansion in the Byzantine empire, 900–1200. Cambridge, 1989.
- Hergenröther J.* Photius, Patriarch von Constantinopel: sein Leben, seine Schriften und das griechische Schisma. Regensburg, 1867–1889. 3 Bde.
- Hiestand R.* Byzanz und das Regnum Italicum im 10. Jahrhundert. Zürich, 1964.
- Holmes C.* Basil II and the governance of empire (976–1025). Oxford, 2005.
- Howard-Johnston J.D. (ed.).* Byzantium and the West, c. 850 – c. 1200. Amsterdam, 1988.
- Farag W.* The truce of Safar AH 359 (December – January 969–970). Birmingham, 1977.
- Franklin S., Shepard J.* The emergence of Rus, 750–1200. London, 1996.
- Gjuzelev V., Pillinger R. (hrsg.).* Das Christentum in Bulgarien und auf der übrigen Balkanhalbinsel in der Spätantike und im frühen Mittelalter. Wien, 1987.
- Goitein S.D.* A Mediterranean society: the Jewish communities of the Arab world as portrayed by the documents of the Cairo Geniza. Berkeley, 1967–1993. 6 vol.
- Görich K.* Otto III. Romanus Saxonicus et Italicus: kaiserliche Rompolitik und sächsische Historiographie. Sigmaringen, 1993.
- Grégoire H.* Autour de l'épopée byzantine. London, 1975.
- Gutas D.* Greek thought, Arabic culture: the Graeco-Arabic translation movement in Baghdad and early Abbasid society (2nd–4th / 8th–10th centuries). New York, 1998.
- Györffy G.* King Saint Stephen of Hungary. Boulder, 1994.
- Jenkins R.J.H.* Studies on Byzantine history of the 9th and 10th centuries. London, 1970.
- Jolivet-Lévy C.* La Cappadoce médiévale: images et spiritualité. Paris, 2001.
- Kaplan M.* Les hommes et la terre à Byzance du VIe au XIe siècle: propriété et exploitation du sol. Paris, 1992.
- Kazanski M. e.a. (éd.).* Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Paris, 2000.
- Keller H.* Ottonische Königsherrschaft: Organisation und Legitimation königlicher Macht. Darmstadt, 2002.

- Kennedy H.* The prophet and the age of the caliphates: the Islamic Near East from the sixth to the eleventh century. Harlow, 2004 (2 ed.).
- Konstantinou E. (hrsg.).* Methodios und Kyrillos in ihrer europäischen Dimension. Frankfurt am Main, 2005.
- Koutrakou N.-C.* La Propagande imperiale byzantine: persuasion et réaction (VIIIe–Xe siècles). Athènes, 1994.
- Kreutz B.M.* Before the Normans: southern Italy in the ninth and tenth centuries. Philadelphia, 1991.
- Krivochéine B.* Dans la lumière du Christ: S. Syméon le Nouveau Théologien. Chevetogne, 1980.
- Kühn H.-J.* Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert: Studien zur Organisation der Tagmata. Vienna, 1991.
- Laiou A.E., Simon D. (ed.).* Law and society in Byzantium: ninth – twelfth centuries. Washington, 1994.
- Λαμπάκης Σ.* Οι καταβάσεις στον κάτω κόσμο στη βυζαντινή και μεταβυζαντινή λογοτεχνία. Αθήνα, 1983.
- Laurent J.* L'Arménie entre Byzance et l'Islam depuis la conquête arabe jusqu'en 886 / Rev. éd. M. Canard. Lisbon, 1980.
- Lavermicocca N.* Bari bizantina: capitale mediterranea. Bari, 2003.
- Lemerle P.* Le premier humanisme byzantin: Notes et remarques sur enseignement et culture à Byzance des origines au Xe siècle. Paris, 1971. Авторизованный англ. пер.: *Lemerle P.* Byzantine humanism: the first phase. Canberra, 1986.
- Lilie R.-J.* Die byzantinische Reaktion auf die Ausbreitung der Araber: Studien zur Strukturwandlung des byzantinischen Staates im 7. und 8. Jahrhundert. München, 1976.
- McCabe A.* A Byzantine encyclopaedia of horse medicine: the sources, compilation and transmission of the Hippitrica. Oxford, 2007.
- Magdalino P. (ed.).* Byzantium in the year 1000. Leiden, 2003.
- McGeer E.* Sowing the dragon's teeth: Byzantine warfare in the tenth century. Washington, 1995.
- Maguire H. (ed.).* Byzantine court culture from 829 to 1204. Washington, 1997.
- Malamut E.* Les îles de l'Empire byzantin, VIIIe–XIIe siècles. Paris, 1988. 2 vol.
- Maliaras N.* Die Orgel im byzantinischen Hofzeremoniell des 9. und des 10. Jahrhunderts: eine Quellenuntersuchung. München, 1991.
- Mango C.* The brazen house: a study of the vestibule of the imperial palace of Constantinople. Copenhagen, 1959.

- Markopoulos A.* History and literature of Byzantium in the 9th–10th centuries. Aldershot, 2004.
- Μαρκόπουλος Α. (εκδ.).* Κωνσταντίνος Ζ' ο Πορφυρογέννητος και η εποχή του. Αθήνα, 1989.
- Martin J.-M.* La Pouille du VIe au XIIe siècle. Rome, 1993.
- Martin J.-M.* Guerre, accords et frontières en Italie méridionale pendant le haut moyen âge: Pacta de Liburia, Divisio principatus Beneventani et autres actes. Rome, 2005.
- Morris R.* Monks and laymen in Byzantium, 843–1118. Cambridge, 1995.
- Μπουρδάρα Κ.* Καθοσίωσις καὶ τυραννὶς κατὰ τοὺς μέσους Βυζαντινοὺς χρόνους: Μακεδονικὴ δυναστεία (867–1056). Ἀθήναι, 1981.
- Nerlich D.* Diplomatische Gesandtschaften zwischen Ost- und Westkaisern, 756–1002. Bern, 1999.
- Neville L.* Authority in Byzantine provincial society, 950–1100. Cambridge, 2004.
- Oikonomidès N.* Fiscalité et exemption fiscale à Byzance (IXe–XIe s.). Athènes, 1996.
- Παπαστάθης Χ.Κ.* Τὸ νομοθετικὸν ἔργον τῆς κυριλλομεθοδιανῆς ἱεραποστολῆς ἐν Μεγάλῃ Μοραβίᾳ. Θεσσαλονίκη, 1978.
- Patlagean E.* Structure sociale, famille, chrétienté à Byzance: IVe–XIe siècle. London, 1981.
- Poppe A.* The rise of Christian Russia. Aldershot, 1982.
- Pratsch T.* Der hagiographische Topos: griechische Heiligenviten in mittelbyzantinischer Zeit. Berlin, 2005.
- Rentschier M.* Liudprand von Cremona: eine Studie zum ost-westlichen Kulturgefälle im Mittelalter. Frankfurt am Main, 1981.
- Rodley L.* Cave monasteries of Byzantine Cappadocia. Cambridge, 1985.
- Schwarz U.* Amalfi im frühen Mittelalter (9.–11. Jahrhundert): Untersuchungen zur Amalfitaner Überlieferung. Tübingen, 1978.
- Seibt W.* Die Skleroi: eine prosopographisch-sigillographische Studie. Wien, 1976.
- Simeonova L.* Diplomacy of the letter and the cross: Photios, Bulgaria and the papacy, 860s–880s. Amsterdam, 1998.
- Skinner P.* Family power in southern Italy: the duchy of Gaeta and its neighbours, 850–1139. Cambridge, 1995.
- Speck P.* Die Kaiserliche Universität von Konstantinopel: Präzisierungen zur Frage des höheren Schulwesens in Byzanz im 9. und 10. Jahrhundert. München, 1974.

- Stathopoulos D.L.* Die Gottesliebe (θεῖος ἔρως) bei Symeon, dem neuen Theologen. Bonn, 1964.
- Stephenson P.* Byzantium's Balkan frontier: a political study of the northern Balkans, 900–1204. Cambridge, 2000.
- Stephenson P.* The legend of Basil the Bulgar-Slayer. Cambridge, 2003.
- Striker C.L.* The Myreleion (Bodrum Camii) in Istanbul. Princeton, 1981.
- Tachiaos A.-E.N.* Cyril and Methodius of Thessalonica: the acculturation of the Slavs. Crestwood, 2001.
- Taviani-Carozzi H.* La principauté lombarde de Salerne (IXe–XIe siècle): pouvoir et société en Italie lombarde méridionale. Rome, 1991.
- Ter-Ghewondyan A.* The Arab emirates in Bagratid Armenia / Tr. N. Garsoïan. Lisbon, 1976.
- Thierry N.* Les peintures d'Asie Mineure et de Transcaucasie aux Xe et XIe s. London, 1977.
- Thierry N.* Haut moyen-âge en Cappadoce: les églises de la région de Çavuşin. Paris, 1983–1994. 2 vol.
- Tougher S.* The reign of Leo VI (886–912): politics and people. Leiden, 1997.
- Toynbee A.J.* Constantine Porphyrogenitus and his world. Oxford, 1973.
- Τσικνάκης Κ.Γ. (εκδ.).* Το εμπόλεμο Βυζάντιο (9ος–12ος αι.). Αθήνα, 1997.
- Vavřínek V. (hrsg.).* Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9.–11. Jahrhundert. Prag, 1978.
- Vavřínek V. (ed.).* Byzantium and its neighbours from the mid- 9th till the 12th centuries. Prague, 1993.
- Vlasto A.P.* The entry of the Slavs into Christendom. Cambridge, 1970.
- Whittow M.* The making of orthodox Byzantium, 600–1025. London, 1996.
- Winkelmann F.* Byzantinische Rang- und Ämterstruktur im 8. und 9. Jahrhundert: Faktoren und Tendenzen ihrer Entwicklung. Berlin, 1985.
- Winkelmann F.* Quellenstudien zur herrschenden Klasse von Byzanz im 8. und 9. Jahrhundert. Berlin, 1987.
- Wolf G. (hrsg.).* Kaiserin Theophanu: Prinzessin aus der Fremde — des Westreichs Grosse Kaiserin. Köln, 1991.

V. ПРАВЛЕНИЕ СТОЛИЧНОЙ ЧИНОВНОЙ АРИСТОКРАТИИ (1025–1081)

Источники

Повествование вардапета *Аристахэса Ластивертци* / Пер. К.Н. Юзбашьяна. М., 1968.

- Кекавмен.* Советы и рассказы: Поучение византийского полководца XI века / Пер. Г.Г. Литаврина. СПб., 2003 (2-е изд.).
- Михаил Пселл.* Богословские сочинения / Пер. архим. Амвросия (Погодина). СПб., 1998.
- Михаил Пселл.* Хронография / Пер. Я.Н. Любарского. — Краткая история / Перевод Д.Р. Абдрахмановой и Д.А. Черноглазова. СПб., 2003.
- Никифор Вриенний.* Исторические записки. М., 1997 (переизд.).
- «Диоптра» *Филиппа Монотропа:* Антропологическая энциклопедия православного Средневековья / Подг. Г.М. Прохоров и др. М., 2008.
- The Letters of *Ioannes Mauropous, Metropolitan of Euchaita* / Ed. and tr. A. Karpozilos. Thessaloniki, 1990.
- Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum* / Ed. I. Thurn. Berlin; New York, 1973.
- Micaele Psello.* Epistola a Giovanni Xiphilino / Ed. U. Criscuolo. Napoli, 1973.
- Michele Psello.* Imperatori di Bisanzio (Cronografia) / Ed. S. Impellizzeri, tr. S. Ronchey. Milano, 1984.
- Michaelis Pselli Historia syntomos* / Ed. W.J. Aerts. Berlin, 1990.
- Michaelis Pselli Orationes forenses et acta* / Ed. G.T. Dennis. Stuttgart, 1994.
- Michaelis Pselli Orationes panegyricae* / Ed. G.T. Dennis. Stuttgart, 1994.
- Nicéphore Bryennius.* Histoire / Ed. et tr. P. Gautier. Bruxelles, 1975.
- Théophylacte d'Achrida.* Discours, Traités, Poésies / Ed. et tr. P. Gautier. Thessalonique, 1980.
- Théophylacte d'Achrida.* Lettres / Ed. et tr. P. Gautier. Thessalonique, 1986.

Литература

- Алексидзе А.Д.* Византийская литература XI–XII веков. Тбилиси, 1989.
- Арутюнова-Фиданян В.А.* Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.): Результаты взаимодействия культур. М., 1994.
- Бармин А.В.* Полемика и схизма: История греко-латинских споров IX–XII веков. М., 2006.
- Бартикян Р.М.* О значании завещания Евстафия Воилы (1059 г.) для изучения истории Армении и Грузии в эпоху византийского владычества (XI век). М., 1960.
- Бибииков М.В.* Византийский прототип древнейшей славянской книги: (Изборник Святослава 1073 г.). М., 1996.
- Златарски В.* История на българската държава през средните векове, II. София, 1972 (3 изд.).

- Каждан А.П.* Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974.
- Каждан А.П.* Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван, 1975.
- Липшиц Е.Э.* Законодательство и юриспруденция в Византии в IX–XI вв. Л., 1981.
- Литаврин Г.Г.* Византийское общество и государство в X–XI вв.: Проблемы истории одного столетия, 976–1081 гг. М., 1977.
- Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000.
- Лихачева В.Д.* Искусство книги: Константинополь, XI век. М., 1976.
- Лозовая И.Е.* Древнерусский нотированный Параклитик XII века: византийские источники и типология древнерусских списков. М., 2009.
- Лосева О.В.* Русские месяцесловы XI–XIV веков. М., 2001.
- Любарский Я.Н.* Михаил Пселл, личность и творчество: К истории византийского предгуманизма. М., 1978.
- Максимович К.А.* Пандекты Никона Черногорца в древнерусском переводе XII века: (Юридические тексты). М., 1998.
- Морозов М.А.* Монастыри средневековой Византии: Хозяйство, социальный и правовой статус. СПб., 2005.
- Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001.
- Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
- Пентковский А.М.* Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001.
- Скабаланович Н.А.* Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 2004 (переизд.). 2 т.
- Соколов Н.П.* Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963.
- Юзбашян К.Н.* Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX–XI вв. М., 1988.
- Anastasi R.* Studi sulla «Chronographia» di Michele Psello. Catania, 1969.
- Angold M.* The Byzantine empire, 1025–1204: a political history. London, 1997 (2 ed.).
- Angold M. (ed.).* The Byzantine aristocracy, IX to XIII centuries. Oxford, 1984.

- Ankori Z.* Karaites in Byzantium: the formative years, 970–1110. New York, 1959.
- Azzara C.* Venetiae: determinazione di un'area regionale fra antichità e alto medioevo. Treviso, 1994.
- Bass G.F. e.a. (ed.).* Serçe Limanı: an eleventh-century shipwreck, I: The ship and its anchorage, crew and passengers. College Station, 2004.
- Βλυσίδου Β.Ν. (εκδ.).* Η αυτοκρατορία σε κρίση; Το Βυζάντιο τον 11ο αιώνα, 1025–1081. Αθήνα, 2003.
- Büttner E.* Erzbischof Leon von Ohrid (1037–1056): Leben und Werk (mit den Texten seiner bisher unedierte asketischen Schrift und seiner drei Briefe an den Papst). Bamberg, 2007.
- Cheyne J.-C.* Pouvoir et contestations à Byzance (963–1210). Paris, 1990.
- Cheyne J.-C. e.a. (ed.).* Le Monde byzantin, II: L'Empire Byzantin (641–1204). Paris, 2007.
- Ciggaar K.N.* Western travellers to Constantinople: the West and Byzantium, 962–1204. Leiden, 1996.
- Clucas L.* The trial of John Italos and the crisis of intellectual values in Byzantium in the eleventh century. München, 1981.
- Cowdrey H.E.J.* Pope Gregory VII, 1073–1085. Oxford, 1998.
- Curta F.* Southeastern Europe in the middle ages 500–1250. Cambridge, 2006.
- Dagron G. e.a. (ed.).* Evêques, moines et empereurs (610–1054). Paris, 1993.
- Dédéyan G.* Les Arméniens entre Grecs, Musulmans et Croisés: étude sur les pouvoirs arméniens dans le Proche-Orient méditerranéen (1068–1150). Lisbon, 2003. 2 vol.
- Diaconu P.* Les Petchénègues au Bas-Danube. Bucarest, 1970.
- Diaconu P.* Les Coumans au Bas-Danube aux XIe et XIIe siècles. Bucarest, 1978.
- Felix W.* Byzanz und die islamische Welt im früheren 11. Jahrhundert: Geschichte der politischen Beziehungen von 1001 bis 1055. Wien, 1981.
- Gadolin A.R.* A theory of history and society with special reference to the «Chronographia» of Michael Psellus. Stockholm, 1970.
- Hamilton B.* Monastic reform, Catharism and the crusades, 900–1300. London, 1979.
- Howard-Johnston J.D. (ed.).* Byzantium and the West, c. 850 – c. 1200. Amsterdam, 1988.
- Hussey J.M.* Ascetics and humanists in eleventh-century Byzantium. London, 1960.

- Kaplan M.* Les hommes et la terre à Byzance du VIe au XIe siècle: propriété et exploitation du sol. Paris, 1992.
- Καρπόζιλος Α.* Συμβολή στη μελέτη του βίου και του έργου του Ιωάννη Μαυρόποδος. Ίωάννινα, 1982 (2 έκδ.).
- Kazhdan A.P., Epstein A.W.* Change in Byzantine culture in the eleventh and twelfth centuries. Berkeley, 1985.
- Kazhdan A.P., Franklin S.* Studies on Byzantine literature of the eleventh and twelfth centuries. Cambridge, 1984.
- Kazhdan A.P., Ronchey S.* L'aristocrazia bizantina: dal principio dell' XI alla fine del' XII secolo. Palermo, 1999 (2 ed.).
- Kaldellis A.* The argument of Psellos' «Chronographia». Leiden, 1999.
- Kühn H.-J.* Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert: Studien zur Organisation der Tagmata. Vienna, 1991.
- Laiou A.E., Simon D. (ed.).* Law and society in Byzantium: ninth – twelfth centuries. Washington, 1994.
- Lemerle P.* Prolégomènes à une édition critique et commentée des «Conseils et récits» de Kékauménos. Bruxelles, 1960.
- Lemerle P.* Cinq études sur le XIe siècle byzantin. Paris, 1977.
- Loud G.A.* Conquerors and churchmen in Norman Italy. Aldershot, 1999.
- Loud G.A.* The age of Robert Guiscard: southern Italy and the Norman conquest. Harlow, 2000.
- Maguire H. (ed.).* Byzantine court culture from 829 to 1204. Washington, 1997.
- Malamut E.* Les îles de l'Empire byzantin, VIIIe–XIIe siècles. Paris, 1988. 2 vol.
- Martin J.-M.* La Pouille du VIe au XIIe siècle. Rome, 1993.
- Morris R.* Monks and laymen in Byzantium, 843–1118. Cambridge, 1995.
- Μουρίκη Ντ.* Τα ψηφιδωτά της Νέας Μονής Χίου. Αθήνα, 1985. 2 τ.
- Μπούρας Χ.* Η Νέα Μονή της Χίου. Ιστορία και Αρχιτεκτονική. Αθήναι, 1981.
- Μπουρδάρα Κ.* Καθοσίωσις καὶ τυραννὶς κατὰ τοὺς μέσους Βυζαντινοὺς χρόνους, 1056–1081. Αθήναι, 1984.
- Mullett M., Kirby A. (ed.).* The Theotokos Evergetis and eleventh-century monasticism. Belfast, 1994.
- Mullett M., Kirby A. (ed.).* Work and worship at the Theotokos Evergetis, 1050–1200. Belfast, 1997.
- Neville L.* Authority in Byzantine provincial society, 950–1100. Cambridge, 2004.

- Oikonomides N.* Byzantium from the ninth century to the Fourth Crusade. Aldershot, 1992.
- Oikonomidès N.* Fiscalité et exemption fiscale à Byzance (IXe–XIe s.). Athènes, 1996.
- Patlagean E.* Structure sociale, famille, chrétienté à Byzance: IVe–XIe siècle. London, 1981.
- Polemis D.I.* The Doukai: a contribution to Byzantine prosopography. London, 1968.
- Poppe A.* The rise of Christian Russia. Aldershot, 1982.
- Pratsch T.* Der hagiographische Topos: griechische Heiligenviten in mittelbyzantinischer Zeit. Berlin, 2005.
- Σαββίδης Α.Γ.Κ.* Μελέτες Βυζαντινής Ιστορίας 11ου–13ου αιώνα. Αθήνα, 1995 (2 έκδ.).
- Σαββίδης Α.Γ.Κ.* Γεώργιος Μανιακής: Κατακτήσεις και υπονόμευση στο Βυζάντιο του 11ου αιώνα. Αθήνα, 2004.
- Seibt W.* Die Skleroi: eine prosopographisch-sigillographische Studie. Wien, 1976.
- Smith M.H.* And taking bread...: Cerularius and the azyme controversy of 1054. Paris, 1978.
- Stephenson P.* Byzantium's Balkan frontier: a political study of the northern Balkans, 900–1204. Cambridge, 2000.
- Thierry N.* Les peintures d'Asie Mineure et de Transcaucasie aux Xe et XIe s. London, 1977.
- Tsamakda V.* The illustrated Chronicle of Ioannes Skylitzes in Madrid. Leiden, 2002.
- Τσιγκάκης Κ.Γ. (ed.).* Το εμπόλεμο Βυζάντιο (9ος–12ος αι.). Αθήνα, 1997.
- Τσολάκης Ε.Θ.* Ἡ συνέχεια τῆς χρονογραφίας τοῦ Ἰωάννη Σκυλίτζη (Ioannes Scylitzes continuatus). Θεσσαλονίκη, 1968.
- Vavřínek V. (hrsg.).* Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9.–11. Jahrhundert. Prag, 1978.
- Vavřínek V. (ed.).* Byzantium and its neighbours from the mid-9th till the 12th centuries. Prague, 1993.
- Weiss G.* Oströmische Beamte im Spiegel der Schriften des Michael Psellos. München, 1973.
- Whitby Ma. (ed.).* Byzantines and crusaders in non-Greek sources, 1025–1204. Oxford, 2007.
- Zervos Ch.* Un philosophe néoplatonicien du XIe siècle: Michel Psellos. Paris, 1920.

VI. ПРАВЛЕНИЕ ВОЕННОЙ АРИСТОКРАТИИ (1081–1204)

Источники

- Анна Комнина*. Алексиада / Пер. Я.Н. Любарского. СПб., 1996 (2-е изд.).
- Бибииков М.В.* Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы. М., 1997.
- Византийская любовная проза: *Аристенет*. Любовные письма. — *Евмафий Макремволит*. Повесть об Исминии и Исмине / Пер. С.В. Поляковой. М., 1995 (2-е изд.).
- Византийский сатирический диалог: Патриот, или Поучаемый. — Тимарион. — Мазарис / Пер. С.В. Поляковой и И.В. Феленковской. Л., 1986.
- Заборов М.А.* История крестовых походов в документах и материалах. М., 1977.
- Никита Евгениан*. Повесть о Дросилле и Харикле / Пер. Ф.А. Петровского. М., 1969.
- Никита Хониат*. История со времени царствования Иоанна Комнина. Рязань, 2003. 2 т. (переизд.).
- «Хождение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. / Под ред. Г.М. Прохорова. СПб., 2007.
- Annae Comnenae Alexias* / Ed. A. Kambylis et D.R. Reinsch. Berlin, 2001.
- Constantini Manassis Breviarium Chronicum* / Ed. O. Lampsidis. Athenae, 1996. 2 vol.
- Ephraem Aenii Historia Chronica* / Ed. O. Lampsides. Athenae, 1990.
- Eustazio di Tessalonica*. La espugnazione di Tessalonica / Ed. S. Kyriakidis. Palermo, 1961.
- Eustathii Thessalonicensis Opera minora* / Ed. P. Wirth. Berlin, 2000.
- Nicetae Choniatae Historia* / Ed. I.A. van Dieten. Berlin, 1975. 2 vol.
- Nicetae Choniatae Orationes et Epistulae* / Rec. I. A. van Dieten. Berlin, 1977.
- O City of Byzantium! Annals of *Niketas Choniates* / Tr. H.J. Magoulias. Detroit, 1984.

Литература

- Алексидзе А.Д.* Византийская литература XI–XII веков. Тбилиси, 1989.
- Бармин А.В.* Полемика и схизма: История греко-латинских споров IX–XII веков. М., 2006.

- Добиаш-Рождественская О.А.* Эпоха крестовых походов: (Запад в крестоносном движении). М., 2003 (2 изд.).
- Ермилов П.В., Фокин А.Р. (ред.)*. Епископ Николай Мефонский и византийское богословие. М., 2007.
- Заборов М.А.* Крестовые походы. М., 1956.
- Заборов М.А.* Крестоносцы на Востоке. М., 1980.
- Заров И.* Византиската естетика и средновековниот живопис во Македонија од XI и XII век. Скопје, 2003.
- Златарски В.* История на българската държава през средните векове, II–III. София, 1972 (3/2 изд.).
- Каждан А.П.* Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974.
- Каждан А.П.* Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван, 1975.
- Каждан А.П.* Два дня из жизни Константинополя. СПб., 2002 (2-е изд.).
- Каждан А.П.* Никита Хониат и его время. СПб., 2005.
- Князький И.О.* Византия и кочевники южнорусских степей. СПб., 2003.
- Культура Византии, [II]: вторая половина VII–XII в. М., 1988.
- Литаврин Г.Г.* Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960.
- Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000.
- Лосева О.В.* Русские месяцесловы XI–XIV веков. М., 2001.
- Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997.
- Морозов М.А.* Монастыри средневековой Византии: Хозяйство, социальный и правовой статусы. СПб., 2005.
- Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001.
- Оке Ж.-К.* Средневековая Венеция / Пер. с фр. М., 2006.
- Пападимитриу С.* Феодор Продром: Историко-литературное исследование. Одесса, 1905.
- Полякова С.В.* Из истории византийского романа: Опыт интерпретации «Повести об Исмине и Исминии» Евмафия Макремволита. М., 1979.
- Рутенбург В.И.* Итальянский город от раннего Средневековья до Возрождения. Л., 1987.
- Степаненко В.П.* Византия в международных отношениях на Ближнем Востоке (1071–1176). Свердловск, 1988.

- Успенский Ф.И.* Очерки по истории византийской образованности; История крестовых походов. М., 2001.
- Щапов Я.Н.* Византийское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978.
- Этингоф О.Е.* Образ Богоматери: Очерки византийской иконографии XI–XIII веков. М., 2000.
- Юзбашян К.Н.* Классовая борьба в Византии в 1180–1204 гг. и Четвертый крестовый поход. Ереван, 1967.
- Юревич О.* Андроник I Комнин / Пер. с англ. СПб., 2004.
- Abulafia D.* Italy, Sicily and the Mediterranean, 1100–1400. London, 1987.
- Angold M.* Church and society in Byzantium under the Comneni, 1081–1261. Cambridge, 1995.
- Angold M.* The Byzantine empire, 1025–1204: a political history. London, 1997 (2 ed.).
- Angold M. (ed.).* The Byzantine aristocracy, IX to XIII centuries. Oxford, 1984.
- Βαρζός Κ.* Ἡ γενεαλογία τῶν Κομνηνῶν. Θεσσαλονίκη, 1984. 2 τ.
- Beaucamp J., Dagron G. (ed.).* La Transmission du patrimoine: Byzance et l'aire méditerranéenne. Paris, 1998.
- Birkenmeier J.W.* The development of the Komnenian army, 1081–1180. Leiden, 2002.
- Boase T.S.R. (ed.).* The Cilician kingdom of Armenia. Edinburgh, 1978.
- Brand C.M.* Byzantium confronts the West, 1180–1204. Cambridge (Mass.), 1968 (repr. 1992).
- Cahen C.* La Turquie pré-ottomane. Istanbul, 1988.
- Cahen C.* The formation of Turkey: the Seljukid sultanate of Rum, eleventh to fourteenth century / Ed. and tr. P.M. Holt. Harlow, 2001.
- Cheynet J.-C.* Pouvoir et contestations à Byzance (963–1210). Paris, 1990.
- Cheynet J.-C. e.a. (ed.).* Le Monde byzantin, II: L'Empire Byzantin (641–1204). Paris, 2007.
- Ciggaar K.N.* Western travellers to Constantinople: the West and Byzantium, 962–1204. Leiden, 1996.
- Curta F.* Southeastern Europe in the middle ages 500–1250. Cambridge, 2006.
- Day G.W.* Genoa's response to Byzantium, 1155–1204: commercial expansion and factionalism in a medieval city. Urbana, 1988.

- Dédéyan G.* Les Arméniens entre Grecs, Musulmans et Croisés: étude sur les pouvoirs arméniens dans le Proche-Orient méditerranéen (1068–1150). Lisbon, 2003. 2 vol.
- Diaconu P.* Les Coumans au Bas-Danube aux XIe et XIIe siècles. Bucarest, 1978.
- Ducellier A.* La façade maritime de l'Albanie au moyen âge: Durazzo et Valona du XIe au XVe siècle. Thessalonique, 1981.
- Edwards R.W.* The fortifications of Armenian Cilicia. Washington, 1987.
- Eleuteri P., Rigo A.* Eretici, dissidenti, musulmani ed ebrei a Bisanzio: una raccolta eresiologica del XII secolo. Venezia, 1993.
- Galatariotou C.* The making of a saint: the life, times and sanctification of Neophytos the Recluse. Cambridge, 1991.
- Gouma-Peterson T. (ed.).* Anna Komnene and her times. New York, 2000.
- Harvey A.* Economic expansion in the Byzantine empire, 900–1200. Cambridge, 1989.
- Hehl E.-D. u.a. (hrsg.).* Das Papsttum in der Welt des 12. Jahrhunderts. Stuttgart, 2002.
- Hoffmann J.* Rudimente von Territorialstaaten im byzantinischen Reich (1071–1210): Untersuchungen über Unabhängigkeitsbestrebungen und ihr Verhältnis zu Kaiser und Reich. München, 1974.
- Hohlweg A.* Beiträge zur Verwaltungsgeschichte des Oströmischen Reiches unter den Komnenen. München, 1965.
- Howard-Johnston J.D. (ed.).* Byzantium and the West, c. 850 – c. 1200. Amsterdam, 1988.
- Johns J.* Arabic administration in Norman Sicily: the royal diwan. Cambridge, 2002.
- Jotischky A.* Crusading and the crusader states. Harlow, 2004.
- Kazhdan A.P., Epstein A.W.* Change in Byzantine culture in the eleventh and twelfth centuries. Berkeley, 1985.
- Kazhdan A.P., Franklin S.* Studies on Byzantine literature of the eleventh and twelfth centuries. Cambridge, 1984.
- Kazhdan A.P., Ronchey S.* L'aristocrazia bizantina: dal principio dell'XI alla fine del XII secolo. Palermo, 1999 (2 ed.).
- Klaić N.* Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. Zagreb, 1971.
- Laiou A.E.* Mariage, amour et parenté à Byzance aux XIe–XIIIe siècles. Paris, 1992.
- Laiou A.E., Simon D. (ed.).* Law and society in Byzantium: ninth – twelfth centuries. Washington, 1994.

- Λαμψίδης Ο.* Δημοσιεύματα περί τὴν Χρονικὴν Σύνοψιν Κωνσταντίνου τοῦ Μανασσῆ. Ἀθήναι, 1980.
- Lilie R.-J.* Byzanz und die Kreuzfahrerstaaten: Studien zur Politik des byzantinischen Reiches gegenüber den Staaten der Kreuzfahrer in Syrien und Palästina bis zum Vierten Kreuzzug (1096–1204). München, 1981. — Αγγλ. περ.: *Lilie R.-J.* Byzantium and the Crusader States, 1096–1204. Oxford, 1993.
- Lilie R.-J.* Handel und Politik zwischen dem byzantinischen Reich und den italienischen Kommunen Venedig, Pisa und Genua in der Epoche der Komnenen und der Angeloi, 1081–1204. Amsterdam, 1984.
- Lilie R.-J.* Byzanz und die Kreuzzüge. Stuttgart, 2004.
- Magdalino P.* The empire of Manuel I Komnenos 1143–1180. Cambridge, 1993.
- Maisano R. (ed.).* Storia e tradizione culturale a Bisanzio fra XI e XII secolo. Napoli, 1993.
- Maguire H. (ed.).* Byzantine court culture from 829 to 1204. Washington, 1997.
- Malamut E.* Les îles de l'Empire byzantin, VIIIe–XIIe siècles. Paris, 1988. 2 vol.
- Morris R.* Monks and laymen in Byzantium, 843–1118. Cambridge, 1995.
- Mullett M.* Theophylact of Ohrid: reading the letters of a Byzantine archbishop. Aldershot, 1997.
- Mullett M., Kirby A. (ed.).* Work and worship at the Theotokos Evergetis, 1050–1200. Belfast, 1997.
- Mullett M., Smythe D. (ed.).* Alexios I Komnenos. Belfast, 1996.
- Nicol D.M.* Byzantium and Venice: a study in diplomatic and cultural relations. Cambridge, 1988.
- Oikonomides N.* Byzantium from the ninth century to the Fourth Crusade. Aldershot, 1992.
- Οικονομίδης Ν. (ἐκδ.).* Τὸ Βυζάντιο κατὰ τὸν 12ο αἰῶνα: Κανονικὸ δίκαιο, κράτος καὶ κοινωνία. Ἀθήνα, 1991.
- Pahlitzsch J.* Graeci und Suriani im Palästina der Kreuzfahrerzeit: Beiträge und Quellen zur Geschichte des griechisch-orthodoxen Patriarchats von Jerusalem. Berlin, 2001.
- Pratsch T.* Der hagiographische Topos: griechische Heiligenviten in mittelbyzantinischer Zeit. Berlin, 2005.

- Reinsch D.R., Agapitos P.A. (hrsg.).* Der Roman im Byzanz der Komnenenzeit. Frankfurt am Main, 2000.
- Riley-Smith J.* What were the crusades? Basingstoke, 2002 (3 ed.).
- Σαββίδης Α.Γ.Κ.* Το Βυζάντιο και οι Σελτζούκοι Τούρκοι τον ενδέκατο αιώνα. Αθήνα, 1988 (2 έκδ.).
- Σαββίδης Α.Γ.Κ.* Βυζαντινά στασιαστικά και αυτονομιστικά κινήματα στα Δωδεκανησία και στη Μικρά Ασία 1189–1240 μ.Χ.: Συμβολή στη Μελέτη της Υστεροβυζαντινής Πρωτοπογραφίας και Τοπογραφίας τήν εποχή των Αγγέλων, των Λασκαριδών της Νίκαιας και των Μεγαλοκομνηνών του Πόντου. Αθήνα, 1987.
- Σαββίδης Α.Γ.Κ.* Μελέτες Βυζαντινής Ιστορίας 11ου–13ου αιώνα. Αθήνα, 1995 (2 έκδ.).
- Skoulatos B.* Les personnages byzantins de l’Alexiade: analyse prosopographique et synthèse. Louvain, 1980.
- Stephenson P.* Byzantium’s Balkan frontier: a political study of the northern Balkans, 900–1204. Cambridge, 2000.
- Steindorff L.* Die dalmatinischen Städte im 12. Jahrhundert: Studien zu ihrer politischen Stellung und gesellschaftlichen Entwicklung. Köln, 1984.
- Striker C.L., Kuban Y.D. (ed.).* Kalenderhane in Istanbul: the buildings, their history, architecture and decoration. Final reports on the archaeological exploration and restoration at Kalenderhane Camii 1966–1978. Mainz, 1997.
- Thiriet E.* Etudes sur la Romanie gréco-vénitienne IX–XV siècles. London, 1977.
- Τσικνάκης Κ.Γ. (ed.).* Το εμπόλεμο Βυζάντιο (9ος–12ος αι.). Αθήνα, 1997.
- Tyerman C.* Fighting for Christendom: holy war and the crusades. Oxford, 2004.
- Vásáry I.* Cumans and Tatars: oriental military in the pre-Ottoman Balkans, 1185–1365. Cambridge, 2005.
- Vavřínek V. (ed.).* Byzantium and its neighbours from the mid-9th till the 12th centuries. Prague, 1993.
- Whitby Ma. (ed.).* Byzantines and crusaders in non-Greek sources, 1025–1204. Oxford, 2007.

VII. ЛАТИНСКОЕ ГОСПОДСТВО И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1204–1282)

Источники

- Георгий Акрополит*. История / Пер. П.И. Жаворонкова. СПб., 2005.
- Георгий Пахимер*. История о Михаиле и Андронике Палеологах. Рязань, 2004 (переизд.).
- Жоффруа де Виллардуэн*. Завоевание Константинополя / Пер. М.А. Заборова. М., 1993.
- Никифор Григора*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1 (1204–1341). Рязань, 2004 (переизд.).
- Михаил Панарет*. Трапезундская хроника / Пер. А. Хаханова. М., 1905.
- Робер де Клари*. Завоевание Константинополя / Пер. М.А. Заборова. М., 1986.
- Demetrii Chomateni* Ponemata diaphora / Ed. G. Prinzing. Berlin, 2002.
- Georges Pachymérès*. Relations historiques / Ed. A. Failler; trad. V. Laurent. Paris, 1984–2000. 5 vol.

Литература

- Алексидзе А.Д.* Мир греческого рыцарского романа: XIII–XIV вв. Тбилиси, 1979.
- Ангелов Д.* Богомилство в Болгарии / Пер. с болг. М., 1954.
- Ангелов П.* Българската средновековна дипломатия. София, 1988.
- Дестунис Г.* Разыскания о греческих богатырских былинах средневекового периода. СПб., 1883.
- Златарски В.* История на българската държава през средните векове, III. София, 1972 (2 изд.).
- Карнов С.П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981.
- Карнов С.П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: Проблемы торговли. М., 1990.
- Карнов С.П.* Пути средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской республики в XIII–XV вв. М., 1994.
- Карнов С.П.* Латинская Романия. СПб., 2000.
- Карнов С.П.* История Трапезундской империи. СПб., 2007.

- Культура Византии, [III]: XIII – первая половина XV в. М., 1991.
- Морозов М.А. Монастыри средневековой Византии: Хозяйство, социальный и правовой статусы. СПб., 2005.
- Рансимен С. Сицилийская Вечерня: История Средиземноморья в XIII в. / Пер. с англ. СПб., 2007.
- Флоря Б.Н. У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.). СПб., 2004.
- Шукуров Р.М. Великие Комнины и Восток (1204–1461). СПб., 2001.
- Aalst V.D. van, Ciggaar K.N. (ed.). The Latin empire: some contributions. Hernen, 1990.
- Abulafia D. Italy, Sicily and the Mediterranean, 1100–1400. London, 1987.
- Akbaygil I. e.a. (ed.). Iznik throughout history. Istanbul, 2003.
- Amitai-Preiss M.J. Mongols and Mamluks: the Mamluk-Ilkhanid war 1260–1281. Cambridge, 1995.
- Angelov D.G. Imperial ideology and political thought in Byzantium, 1204–1330. Cambridge, 2007.
- Angold M. A Byzantine government in exile: government and society under the Laskarids of Nicaea, 1204–1261. Oxford, 1975.
- Angold M. Church and society in Byzantium under the Comneni, 1081–1261. Cambridge, 1995.
- Angold M. The Fourth Crusade: event and context. Harlow, 2003.
- Asdracha C. La Région des Rhodopes aux XIIIe et XIVe siècles: étude de géographie historique. Athènes, 1976.
- Barber M. Crusaders and heretics, 12th–14th centuries. Aldershot, 1995.
- Bartusis M. The late Byzantine army: arms and society 1204–1453. Philadelphia, 1992.
- Bon A. La Morée franque: recherches historiques, topographiques et archéologiques sur la principauté d'Achaïe, 1205–1430. Paris, 1969. 2 vol.
- Borsari S. Studi sulle colonie veneziane in Romania nel XIII secolo. Napoli, 1966.
- Bowman S.B. The Jews of Byzantium (1204–1453). Tuscaloosa, 1985.
- Bredenkamp F. The Byzantine empire of Thessaloniki, 1224–1242. Thessalonica, 1996.
- Cahen C. Turcobyzantina et Oriens Christianus. London, 1984.
- Cahen C. The formation of Turkey: the Seljukid sultanate of Rum, eleventh to fourteenth century / Ed. and tr. P.M. Holt. Harlow, 2001.

- Carile A.* Per una storia dell'impero latino di Costantinopoli 1204–1261. Bologna, 1978 (2 ed.).
- Constantinides C.N.* Higher education in Byzantium in the thirteenth and early fourteenth centuries, 1204 – c. 1310. Nicosia, 1982.
- Curta F.* Southeastern Europe in the middle ages 500–1250. Cambridge, 2006.
- Ducellier A.* La façade maritime de l'Albanie au moyen âge: Durazzo et Valona du XIe au XVe siècle. Thessalonique, 1981.
- Edbury P.* The Kingdom of Cyprus and the Crusades, 1191–1371. Cambridge, 1991.
- Foss C.* Nicaea: a Byzantine capital and its praises; with the speeches of Theodore Laskaris, In praise of the great city of Nicaea, and Theodore Metochites, Nicene oration. Brookline, 1996.
- Franchi A.* I vespri siciliani e le relazioni tra Roma e Bisanzio: studio critico sulle fonti. Palermo, 1984.
- Franchi A.* La svolta politico-ecclesiastica tra Roma e Bizanzio, 1249–1254: la legazione di Giovanni da Parma, il ruolo di Federico II: studio critico sulle fonti. Roma, 1981.
- Gill J.* Byzantium and the Papacy, 1198–1400. New Brunswick, 1979.
- Gill J.* Church Union: Rome and Byzantium, 1204–1453. London, 1979.
- Hamilton B.* The Latin Church in the Crusader States: the Secular Church. London, 1980.
- Hunger H.* Graeculus perfidus — Ἰταλὸς ἱταμός: Il senso dell'alterità nei rapporti greco-romani ed italo-bizantini. Roma, 1987.
- Ilieva A.* Frankish Morea, 1205–1262: socio-cultural interaction between the Franks and the local population. Athens, 1991.
- Jackson P.* The Mongols and the West, 1221–1410. Harlow, 2005.
- Jacoby D.* La Féodalité en Grèce médiévale: les assises de Romanie: sources, application et diffusion. Paris, 1971.
- Jacoby D.* Studies on the Crusader States and on Venetian Expansion. Northampton, 1989.
- Jacoby D.* Byzantium, Latin Romania and the Mediterranean. Aldershot, 2001.
- Jacoby D.* Commercial exchange across the Mediterranean: Byzantium, the Crusader Levant, Egypt and Italy. Aldershot, 2005.
- Karpozilos A.D.* The Ecclesiastical Controversy between the Kingdom of Nicaea and the Principality of Epiros, 1217–1233. Thessalonica, 1973.

- Kindlimann S.* Die Eroberung von Konstantinopel als politische Forderung des Westens im Hochmittelalter: Studien zur Entwicklung der Idee eines lateinischen Kaiserreichs in Byzanz. Zürich, 1969.
- Kolbaba T.M.* The Byzantine lists: errors of the Latins. Urbana, 2000.
- Kordoses M.S.* Southern Greece under the Franks (1204–1262): a study of the Greek population and the orthodox church under the Frankish dominion. Ioannina, 1987.
- Laiou A.E.* Mariage, amour et parenté à Byzance aux XIe–XIIIe siècles. Paris, 1992.
- Laiou A.E. (ed.).* Urbs capta: the Fourth Crusade and its consequences. Paris, 2005.
- Langdon J.S.* Byzantium's last imperial offensive in Asia Minor: the documentary evidence for and hagiographical lore about John III Ducas Vatatzes' crusade against the Turks, 1222 or 1223 to 1231. New Rochelle, 1992.
- Lock P.* The Franks in the Aegean, 1204–1500. London, 1995.
- Metcalf D.M.* Coinage in south-eastern Europe, 820–1396. London, 1979 (2 ed.).
- Nicol D.M.* Byzantium and Venice: a study in diplomatic and cultural relations. Cambridge, 1988.
- Phillips J.* The Fourth Crusade and the sack of Constantinople. London, 2004.
- Prinzing G.* Die Bedeutung Bulgariens und Serbiens in den Jahren 1204–1219. München, 1972.
- Queller D.E., Madden T.F.* The Fourth Crusade: the conquest of Constantinople. Philadelphia, 1997 (2 ed.).
- Riebe A.* Rom in Gemeinschaft mit Konstantinopel: Patriarch Johannes XI. Bekkos als Verteidiger der Kirchenunion von Lyon (1274). Wiesbaden, 2005.
- Roberg B.* Das Zweite Konzil von Lyon (1274). Paderborn, 1990.
- Roncaglia M.* Les Frères mineurs et l'église grecque orthodoxe au XIIIe siècle (1231–1274). Le Caire, 1954.
- Savvides A.G.K.* Byzantium in the Near East: its relations with the Seljuk sultanate of Rum in Asia Minor, the Armenians of Cilicia and the Mongols, AD c. 1192–1237. Thessalonica, 1981.
- Σαββίδης Α.Γ.Κ.* Μελέτες Βυζαντινής Ιστορίας 11ου–13ου αιώνα. Αθήνα, 1995 (2 έκδ.).
- Σαββίδης Α.Γ.Κ.* Οι Τούρκοι και το Βυζάντιο, Α': Προ-Οθωμανικά φύλα στην Ασία και τα Βαλκάνια. Αθήνα, 1996.

- Σαββίδης Α.Γ.Κ. Βυζαντινά στασιαστικά και αυτονομιστικά κινήματα στα Δωδεκανησία και στη Μικρά Ασία 1189–1240 μ.Χ.: Συμβολή στη Μελέτη της Υστεροβυζαντινής Πρωτοπογραφίας και Τοπογραφίας τήν εποχή των Αγγέλων, των Λασκαριδών της Νίκαιας και των Μεγαλοκομνηνών του Πόντου. Αθήνα, 1987.
- Setton K.M. The Papacy and the Levant (1204–1571). Philadelphia, 1976–1984. 5 vols.
- Setton K.M. (ed.). A History of the Crusades. Madison, 1969–1989 (2 ed.). 6 vols.
- Thiriet E. La Romanie vénitienne au moyen âge: le développement et l'exploitation du domaine colonial vénitien (XIIe–XVe siècles). Paris, 1975 (2 ed.).
- Thiriet E. Etudes sur la Romanie gréco-vénitienne IX–XV siècles. London, 1977.
- Topping P. Studies on Latin Greece AD 1205–1715. London, 1977.
- Vásáry I. Cumans and Tatars: oriental military in the pre-Ottoman Balkans, 1185–1365. Cambridge, 2005.
- Vauchez A. e.a. (éd.). Apogée de la papauté et expansion de la chrétienté (1054–1274). Paris, 1993.
- Wellas M.B. Griechisches aus dem Umkreis Kaiser Friedrichs II. München, 1983.
- Wolff R.L. Studies in the Latin empire of Constantinople. London, 1976.

VIII. УПАДОК И КРУШЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1282–1453)

Источники

- Византийские историки о падении Константинополя в 1453 году. СПб., 2006.
- Проповеди св. Геннадия II (Георгия) Схолария, патриарха Константинопольского / Пер. архим. Амвросия (Погодина). СПб., 2007.
- Георгий Сфрандзи. Хроника / Пер. Е.Д. Джагацпанян // Кавказ и Византия. 5 (1987). С. 156–256.
- Георгий Трапезундский. Об истинности христианской веры / Пер. К.И. Лобовиковой. Самарканд, 2009.

- Георгий Факрасис.* Диспут свт. Григория Паламы с Григорой Философом: Философские и богословские аспекты паламитских споров / Пер. Д.А. Поспелова. М.; Афон, 2009.
- Свт. Григорий Палама.* Триады в защиту священнобезмолвствующих / Пер. В. Вениаминова. М., 2003.
- Свт. Григорий Палама.* Сто пятьдесят глав / Пер. А.И. Сидорова. Краснодар, 2006.
- Свт. Григорий Палама.* Полемика с Акиндином / Изд. и пер. А.Г. Дунаев. М., 2009.
- Свт. Григорий Палама.* Слово на житие преп. Петра Афонского / Пер. А. Крюковой. Афон, 2007.
- Свт. Григорий Палама.* Трактаты / Пер. архим. Нектария (Яшунского). Краснодар, 2007.
- Иоанн Кантакузин.* Беседа с папским легатом, Диалог с иудеем и другие сочинения / Пер. Г.М. Прохорова. СПб., 1997.
- Иоганн Шильтбергер.* Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год / Пер. Ф.К. Куна. Баку, 1984.
- Каллист I, патриарх Константинополя.* Житие и деятельность иже во святых отца нашего Григория Синаита / Изд. и пер. Х.-Ф. Байера. Екатеринбург, 2006.
- Никифор Григора.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1 (1204–1341). Рязань, 2004 (переизд.).
- Сильвестр Сиропул.* Воспоминания о Ферраро-Флорентийском Соборе (1438–1439), в 12 частях / Пер. А.В. Занемонца. СПб., 2010.
- The Correspondence of Athanasius I, Patriarch of Constantinople: Letters to the Emperor Andronicus II, Members of the Imperial Family, and Officials / Ed. and tr. A.-M. Talbot. Washington, 1975.*
- Critobul din Imbros.* Din domnia lui Mahomed al II-lea: anii 1451–1467 / Ed. V. Grecu. București, 1963.
- Critobuli Imbriotae Historiae / Ed. D.R. Reinsch. Berlin, 1983.*
- Démétrius Cydonès.* Correspondance / Ed. R.-J. Loenertz. Città del Vaticano, 1956–1960. 2 vol.
- Demetrios Kydones.* Briefe / Übers. F. Tinnefeld. Stuttgart, 1981–2003. 4 Bde.
- Ignoti auctoris Chronica Toccozum Cephallenensium (Cronaca dei Tocco di Cefalonia di anonimo) / Ed. G. Schirò. Roma, 1975.*
- George Gémiste Pléthon.* Traité des vertus / Ed. et trad. B. Tambrun-Krasker. Leiden, 1987.

- Georges Pachymérès*. Relations historiques / Ed. A. Failler, trad. V. Laurent. Paris, 1984–2000. 5 vol.
- Oeuvres complètes de *Georges (Gennade) Scholarios* / Ed. L. Petit e.a. Paris, 1928–1936. 8 vol.
- Georgios Sphrantzes*. Memorii 1401–1477; *Pseudo-Phrantzes, Macarie Melissenos Cronica* (1258–1481) / Ed. V. Grecu. Bucureşti, 1966.
- Giorgio Sfranze*. Cronaca / Ed. R. Maisano. Roma, 1990.
- Letters of *Gregory Akindynos* / Ed. and tr. A. Constantinides Hero. Washington, 1983.
- Saint Gregory Palamas*. The One Hundred and Fifty Chapters / Ed. and tr. R.E. Sinkewicz. Toronto, 1988.
- Pseudo-Kodinos*. Traité des offices / Ed. et tr. J. Verpeaux. Paris, 1966.
- Κωνσταντίνου Ἀρμενοπούλου Πρόχειρον Νόμων ἢ Ἐξάβιβλος / Ἐκδ. Κ.Γ. Πιστάκης. Ἀθήναι, 1971.
- The letters of *Manuel II Palaeologus* / Ed. and tr. G.T. Dennis. Washington, 1977.
- Manuel II Palaeologus*. Funeral Oration on his Brother Theodore / Ed. and tr. J. Chrysostomides. Thessalonike, 1985.
- Μιχαήλ τοῦ Παναρέτου Περὶ τῶν Μεγάλων Κομνηνῶν / Ἐκδ. Ο. Λαμπίδης. Ἀθήναι, 1958.
- Nicephori Gregorae* Epistulae / Ed. P.A.M. Leone. Matino, 1982–1983. 2 vol.
- Niceforo Gregora*. Fiorenzo o intorno della sapienza / Ed. P. Leone. Napoli, 1975.
- Ein byzantinisches Rechenbuch des 15. Jahrhunderts: 100 Aufgaben aus dem Codex Vindobonensis Phil. gr. 65 / Ed. u. übers. H. Hunger, K. Vogel. Wien, 1963.
- Das Register des Patriarchats von Konstantinopel. 1. Teil: Die Urkunden aus den Jahren 1315–1331. 2. Teil: Die Urkunden aus den Jahren 1337–1350 / Hrsg. H. Hunger, O. Kresten. Wien, 1981–1995.
- Schreiner P.* Texte zur spätbyzantinischen Finanz- und Wirtschaftsgeschichte in Handschriften der Biblioteca Vaticana. Vatikan, 1991.
- Les «Mémoires» du Grand Ecclésiarque de l'Église de Constantinople *Silvestre Syropoulos* sur le Concile de Florence (1438–1439) / Ed. V. Laurent. Rome, 1971.
- Theodori Metochitae* Miscellanea Philosophica et historica / Ed. Chr. Müller, Th. Kiessling. Amsterdam, 1966.

Литература

- Алексидзе А.Д.* Мир греческого рыцарского романа: XIII–XIV вв. Тбилиси, 1979.
- Амвросий (Погодин), архим.* Святой Марк Эфесский и Флорентийская уния. М., 1994 (репр.).
- Ангелов Д.* Богомилство в Болгарии / Пер. с болг. М., 1954.
- Байер Х.-Ф.* История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001.
- Божилев И., Гюзелев В.* История на средновековна България, I: VII–XIV век. София, 1999.
- Васильев А.А.* Ласкаръ Канан, византийский путешественник XV в. по Северной Европе и в Исландию. Харьков, 1914.
- Гарретт М.* Венеция: История города / Пер. с англ. М., 2007.
- Горянов Б.Т.* Поздневизантийский феодализм. М., 1962.
- Домбровский О.И., Махнева О.А.* Столица Феодоритов. Симферополь, 1973.
- Ђурић И.* Сумрак Византије: (Време Јована VIII Палеолога, 1392–1448). Београд, 1984.
- Еманов А.Г.* Север и Юг в истории коммерции. Тюмень, 1995.
- Жуков К.А.* Эгейские эмираты в XIV–XV вв. М., 1988.
- Занемонец А.В.* Иоанн Евгеник и православное сопротивление Флорентийской унии. СПб., 2008.
- Занемонец А.В.* Геннадий Схолярый, патриарх Константинопольский (1454–1456). М., 2010.
- Каждан А.П.* Аграрные отношения в Византии XIII–XV вв. М., 1952.
- Каллист (Властос), мон.* Марк Эфесский и Флорентийский Собор. М., 2009.
- Карнов С.П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981.
- Карнов С.П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: Проблемы торговли. М., 1990.
- Карнов С.П.* Путиями средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской республики в XIII–XV вв. М., 1994.
- Карнов С.П.* Латинская Романия. СПб., 2000.
- Карнов С.П.* История Трапезундской империи. СПб., 2007.
- Киприан (Керн), архим.* Антропология св. Григория Паламы. М., 1996 (переизд.).
- Культура Византии, [III]: XIII – первая половина XV в. М., 1991.

- Курбатов Г.Л.* Скандербег — народный герой Албании. Л., 1961.
- Лебедева И.Н.* Поздние греческие хроники и их русские и восточные переводы. Л., 1968. (Палестинский сборник. 18).
- Литаврин Г.Г. (ред.).* Развитие этнического самосознания народов Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы в XV в.
- Лосева О.В.* Русские месяцесловы XI–XIV веков. М., 2001.
- Макаров Д.И.* Антропология и космология св. Григория Паламы (на примере гомилий). СПб., 2003.
- Медведев И.П.* Мистра: Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973.
- Медведев И.П.* Византийский гуманизм XIV–XV вв. СПб., 1997 (2-е изд.).
- Мейендорф И., прот.* Жизнь и труды святителя Григория Паламы: Введение в изучение / Пер. с фр. СПб., 1997.
- Мейендорф И., прот.* Византия и Московская Русь: Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке / Пер. с англ. СПб., 1990.
- Мыц В.Л.* Каффа и Феодоро в XV веке: контакты и конфликты. Симферополь, 2009.
- Наумов Е.П.* Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII–XV вв. М., 1975.
- Николь Д.* Падение Константинополя. *Хэлдон Дж.* Последние дни Византии. *Тернбулл С.* Полумесяц над Босфором / Пер. с англ. М., 2008.
- Норвич Дж.* История Венецианской республики / Пер. с англ. М., 2009.
- Норвич Дж.* Срединное море: История Средиземного моря / Пер. с англ. М., 2010.
- Осташенко Е.Я.* Андрей Рублёв: Палеологовские традиции в московской живописи конца XIV – первой трети XV века. М., 2005.
- Пашкин Н.Г.* Византия в европейской политике первой половины XV в. (1402–1438 гг.). Екатеринбург, 2007.
- Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
- Поляковская М.А.* Общественно-политическая мысль Византии (40–60-е гг. XIV в.). Свердловск, 1981.
- Пономарев А.Л.* Деньги Золотой Орды и Трапезундской империи: (Квантитативная нумизматика и процессы средневековой экономики). М., 2002.
- Попова О.С.* Аскеза и Преображение: Образы византийского и русского искусства XIV в. Милан, 1996.

- Попова О.С.* Искусство Новгорода и Москвы первой половины XIV в.: Его связи с Византией. М., 1980.
- Поповић М.* Београдска тврђава. Београд, 1982.
- Прохоров Г.М.* «Так воссияют праведники...»: Византийская литература XIV в. в Древней Руси. СПб., 2009.
- Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 г. / Пер. с англ. М., 1983; М., 2008.
- Рансимен С.* Великая Церковь в пленении: История Греческой церкви от падения Константинополя в 1453 г. до 1821 г. / Пер. с англ. СПб., 2006.
- Сметанин В.А.* Византийское общество XIII–XV веков: (по данным эпистолографии). Свердловск, 1987.
- Фонкич Б.Л.* Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв.: (Греческие рукописи в России). М., 1977.
- Фонкич Б.Л.* Греческие рукописи и документы в России в XIV – начале XVIII в. М., 2001.
- Хвостова К.В.* Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии (XIV–XV вв.). М., 1968.
- Хвостова К.В.* Социально-экономические процессы в Византии и их понимание византийцами-современниками (XIV–XV вв.). М., 1992.
- Хоружий С.С. (ред.).* Исихазм: Аннотированная библиография. М., 2004.
- Шукуров Р.М.* Великие Комнины и Восток (1204–1461). СПб., 2001.
- Abulafia D.* Italy, Sicily and the Mediterranean, 1100–1400. London, 1987.
- Angelov D.* Les Balkans au moyen âge: la Bulgarie des Bogomils aux Turcs. London, 1978.
- Angelov D.G.* Imperial ideology and political thought in Byzantium, 1204–1330. Cambridge, 2007.
- Antoniadis-Bibicou H.* Recherches sur les douanes à Byzance. Paris, 1963.
- Argenti P.P.* The occupation of Chios by the Genoese and their administration of the island (1346–1566). Cambridge, 1958. 3 vols.
- Asdracha C.* La Région des Rhodopes aux XIIIe et XIVe siècles: étude de géographie historique. Athènes, 1976.
- Balard M.* La Roumanie génoise, XIIe – début du XVe siècle. Genève; Rome, 1978. 2 vol.
- Balard M. et al. (ed.).* Les Italiens à Byzance. Paris, 1987.
- Balivet M.* Roumanie byzantine et pays de Roum turc: histoire d'un espace d'imbrication gréco-turque. Istanbul, 1994.

- Barker J.W.* Manuel II Palaeologus, 1391–1425: a study in late Byzantine statesmanship. New Brunswick (NJ), 1969.
- Bartusis M.* The late Byzantine army: arms and society 1204–1453. Philadelphia, 1992.
- Beaton R.* The medieval Greek romance. London, 1996 (2 ed.).
- Bertele T.* Numismatique byzantine: suivie de deux études inédites sur les monnaies des Paléologues. Wetteren, 1978.
- Bianconi D.* Tessalonica nell'età dei Paleologi: le pratiche intellettuali nel riflesso della cultura scritta. Paris, 2005.
- Bisaha N.* Creating East and West: Renaissance humanists and the Ottoman Turks. Philadelphia, 2004.
- Blanchet M.-H.* Georges-Gennadios Scholarios (vers 1400 – vers 1472): un intellectuel orthodoxe face à la disparition de l'Empire byzantin. Paris, 2008.
- Bojović B.I.* L'idéologie monarchique dans les hagio-biographies dynastiques du moyen âge serbe. Rome, 1995. (OCA; 248).
- Bon A.* La Morée franque: recherches historiques, topographiques et archéologiques sur la principauté d'Achaïe, 1205–1430. Paris, 1969. 2 vol.
- Borsari S.* L'Eubea veneziana. Venezia, 2007.
- Bosch U.V.* Kaiser Andronikos III. Palaiologos: Versuch einer Darstellung der byzantinischen Geschichte in den Jahren 1321–1341. Amsterdam, 1965.
- Bowman S.B.* The Jews of Byzantium (1204–1453). Tuscaloosa, 1985.
- Braude B., Lewis B. (ed.).* Christians and Jews in the Ottoman Empire. New York; London, 1982. 2 vols.
- Bryer A.* The empire of Trebizond and the Pontos. London, 1980.
- Bryer A.* Peoples and settlement in Anatolia and the Caucasus, 800–1900. London, 1988.
- Bryer A. e.a.* The post-Byzantine monuments of the Pontos: a source book. Aldershot, 2002.
- Bryer A., Lowry H. (ed.).* Continuity and Change in Late Byzantine and Early Ottoman Society. Birmingham; Washington, 1986.
- Buchthal H., Belting H.* Patronage in thirteenth-century Constantinople: an atelier of the Byzantine book illumination and calligraphy. Washington, 1978. (DOS; 16).
- Cahen C.* The formation of Turkey: the Seljukid sultanate of Rum, eleventh to fourteenth century / Ed. and tr. P.M. Holt. Harlow, 2001.

- Chadwick H.* East and West, the Making of a Rift in the Church: From Apostolic Times until the Council of Florence. Oxford, 2003.
- Clucas L. (ed.).* The Byzantine legacy in eastern Europe. Boulder, 1988.
- Constantelos D.J.* Christian Hellenism: essays and studies in continuity and change. New Rochelle, 1998.
- Constantinides C.N.* Higher education in Byzantium in the thirteenth and early fourteenth centuries, 1204 — ca. 1310. Nicosia, 1982.
- Conticello C.G., Conticello V. (ed.).* La théologie byzantine et sa tradition, II (XIIIe–XIXe s.). Turnhout; Louvain, 2002.
- Ćurčić S., Mouriki D. (ed.).* The twilight of Byzantium: aspects of cultural and religious history in the late Byzantine empire. Princeton, 1991.
- Dendrinis C.* Byzantium and the Franks, 1350–1420. London, 1982.
- Dennis G.T.* The reign of Manuel II Palaeologus in Thessalonica, 1382–1387. Rome, 1960. (OCA; 159).
- Dieten J.L. van.* Entstehung und Überlieferung der «Historia Rhomaike» des Nikephoros Gregoras. Köln, 1975.
- Ducellier A.* L'Albanie entre Byzance et Venise, X^e–XVe siècles. London, 1987.
- Ducellier A.* La façade maritime de l'Albanie au moyen âge: Durazzo et Valona du XIe au XVe siècle. Thessalonique, 1981.
- Dunbabin J.* Charles I of Anjou: Power, Kingship and State-Making in Thirteenth-Century Europe. London, 1998.
- Edbury P.* The Kingdom of Cyprus and the Crusades, 1191–1371. Cambridge, 1991.
- Fine J.V.A.* The late medieval Balkans. Ann Arbor, 1987.
- Fryde E.* The Early Palaeologan Renaissance (1261 — c. 1360). Leiden, 2000.
- Gallina M.* Una società coloniale nel trecento: Creta fra Venezia e Bisanzio. Venezia, 1989.
- Geanakoplos D.J.* Interaction of the sibling Byzantine and western cultures in the middle ages and Italian renaissance 330–1600. New Haven and London, 1976.
- Geanakoplos D.J.* Constantinople and the West: Essays on the Late Byzantine (Palaeologan) and Italian Renaissances and the Byzantine and Roman Churches. Madison, 1989.
- Gill J.* The Council of Florence. Cambridge, 1959.
- Gill J.* Byzantium and the Papacy, 1198–1400. New Brunswick, 1979.
- Gill J.* Church Union: Rome and Byzantium, 1204–1453. London, 1979.

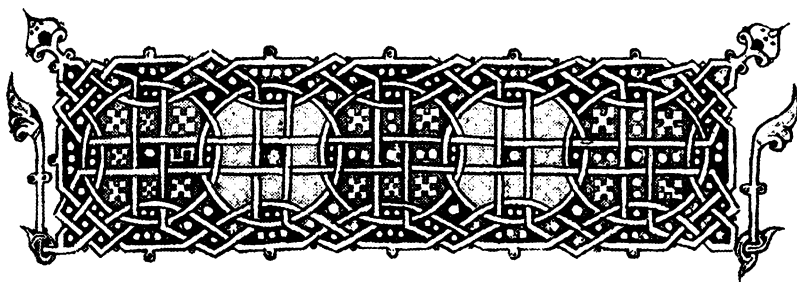
- Guillou A. (ed.).* La civiltà bizantina dal XII al XV secolo: aspetti e problemi. Roma, 1982.
- Guran P., Flusin B. (ed.).* L'Empereur hagiographe: culte des saints et monarchie byzantine et post-byzantine. Bucharest, 2001.
- Harris J.* Greek Emigres in the West, 1400–1520. Camberley, 1995.
- Heers J.* Gênes au XVe siècle: activité économique et problèmes sociaux. Paris, 1971.
- Heisenberg A.* Quellen und Studien zur spätbyzantinischen Geschichte. London, 1973.
- Hrochová V.* Aspects des Balkans médiévaux. Prague, 1989.
- Imber C.* The Ottoman Empire, 1300–1481. Istanbul, 1990.
- Inalcik H.* The Ottoman Empire: the Classical Age, 1300–1600. London, 1973.
- Inalcik H.* The Ottoman Empire: Conquest, Organization and Economy. London, 1978.
- Iorga N.* Byzantium after Byzantium / Tr. L. Treptow. Oxford, 2000.
- Jacoby D.* Recherches sur la Méditerranée orientale du XIIe au XVe siècle: peuples, sociétés, economies. Londres, 1979.
- Kaimakamova M. e.a. (ed.).* Byzantium, new peoples and powers: the Byzantino-Slav contact-zone, from the ninth to the fifteenth century. Cracow, 2007.
- Kalligas H.A.* Byzantine Monemvasia: the sources. Monemvasia, 1990.
- Kazhdan A.P.* Authors and texts in Byzantium. Aldershot, 1993.
- Kermeli E., Özel O. (ed.).* The Ottoman empire: myths, realities and 'black holes'. Istanbul, 2006.
- Kraus C.R.* Kleriker im späten Byzanz: Anagnosten, Hypodiakone, Diakone, Priester, 1261–1453. Wiesbaden, 2007.
- Kravari V.* Villes et villages de Macédoine occidentale. Paris, 1989.
- Krekić B.* Dubrovnik (Raguse) et le Levant au moyen âge. Paris; La Hague, 1961.
- Kresten O.* Die Beziehungen zwischen den Patriarchaten von Konstantinopel und Antiocheia unter Kallistos I. und Philotheos Kokkinos im Spiegel des Patriarchatsregisters von Konstantinopel. Mainz, 2000.
- Κύρρης Κ.Π.* Τό Βυζάντιον κατά τόν 14ο αἰ., 1: Ἡ πρώτη φάσις τοῦ ἐμφυλίου πολέμου καί ἡ πρώτη συνδιαλλαγή τῶν δύο Ἀνδρονίκων (20.06. – φθινόπωρον 1321). Λευκωσία, 1982.
- Laiou A.E.* Constantinople and the Latins: the foreign policy of Andronicus II, 1282–1328. Cambridge (Mass.), 1972.

- Laiou-Thomadakis A.* Peasant society in the late Byzantine empire: a social and demographic study. Princeton, 1977.
- Laiou A.E.* Gender, society and economic life in Byzantium. Aldershot, 1992.
- Λαμπιδής Ο.* Άνδρέου Λιβαδηνοῦ βίος καὶ ἔργα. Ἀθήναι, 1975.
- Λαμπιδής Ο.* Δημοσιεύματα περὶ τὸν Ἑλληνικὸν Πόντον καὶ τοὺς Ἑλλήνας Ποντίους. Ἀθήναι, 1982.
- Lefort J.* Villages de Macédoine: notices historiques et topographiques sur la Macédoine orientale au moyen âge, I: La Chalcidique occidentale. Paris, 1982.
- Lefort J.* Société rurale et histoire du paysage à Byzance. Paris, 2006.
- Lemerle P.* L'Émirat d'Aydin, Byzance et l'Occident: recherches sur «La Geste d'Umur pacha». Paris, 1957.
- Lewis B.* The Jews of Islam. London, 1984.
- Lock P.* The Franks in the Aegean, 1204–1500. London, 1995.
- Loenertz R.-J., Schreiner P.* Les Ghisi: dynastes vénitiens dans l'Archipel, 1207–1390. Florence, 1975.
- Luttrell A.T.* Latin Greece, the Hospitaliers, and the Crusades, 1291–1440. Aldershot, 1982.
- Luttrell A.T.* The Hospitallers of Rhodes and their Mediterranean world. Aldershot, 1992.
- McKee S.* Uncommon dominion: Venetian Crete and the myth of ethnic purity. Philadelphia, 2000.
- Madden T.F.* Enrico Dandolo and the rise of Venice. Baltimore, 2003.
- Maksimović L.* The Byzantine provincial administration under the Palaiologoi / Transl. M. Heppell. Amsterdam, 1988.
- Μαλτέζου Χ.* Ὁ θεσμὸς τοῦ ἐν Κωνσταντινουπόλει Βενετοῦ βαΐλου (1268–1453). Ἀθήναι, 1970.
- Μαλτέζου Χ., Ανδρεάδη Ε. (εκδ.).* Ἡ Βενετία των Ελλήνων — Ἡ Ελλάδα των Βενετῶν: Σημάδια στον χώρο και στον χρόνο. Ἀθήνα, 1999.
- Mansouri M.T.* Recherches sur les relations entre Byzance et l'Egypte, 1259–1453: d'après les sources arabes. Tunis, 1992.
- Matschke K.-P.* Fortschritt und Reaktion in Byzanz im 14. Jahrhundert: Konstantinopel in der Bürgerkriegsperiode von 1341 bis 1354. Berlin, 1971.
- Matschke K.-P.* Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz. Weimar, 1981.
- Μάτσης Ν.* Τὸ οἰκογενειακὸν δίκαιον κατὰ τὴν νομολογίαν τοῦ Πατριαρχείου Κωνσταντινουπόλεως τῶν ἐτῶν 1315–1401. Ἀθήναι, 1962.

- Metcalf D.M.* Coinage in south-eastern Europe, 820–1396. London, 1979 (2 ed.).
- Meyendorff J.* Byzantine hesychasm: historical, theological and social problems. Collected studies. London, 1974.
- Monfasani J.* Byzantine scholars in Renaissance Italy: Cardinal Bessarion and other emigres. Selected essays. Aldershot, 1995.
- Monfasani J.* Greeks and Latins in Renaissance Italy: studies on humanism and philosophy in the 15th century. Aldershot, 2004.
- Necipoğlu N.* Byzantium between the Ottomans and the Latins: Politics and Society in the Late Empire. Cambridge, 2009.
- Nelson R.S.* Theodore Hagiopetrites, a late Byzantine scribe and illuminator. Vienna, 1991. 2 vols.
- Nicol D.M.* The Byzantine family of Kantakouzenos (Cantacuzenus), ca. 1100–1460: a genealogical and prosopographical study. Washington, 1968. (DOS; 11).
- Nicol D.M.* Church and society in the last centuries of Byzantium. Cambridge, 1979.
- Nicol D.M.* The Despotate of Epiros, 1261–1479: a contribution to the history of Greece in the middle ages. Cambridge, 1984.
- Nicol D.M.* The Last Centuries of Byzantium, 1261–1479. Cambridge, 1993 (2 ed.).
- Nicol D.M.* Studies in late Byzantine history and prosopography. London, 1986.
- Nicol D.M.* Byzantium and Venice: a study in diplomatic and cultural relations. Cambridge, 1988.
- Nicol D.M.* The Byzantine lady: ten portraits, 1250–1500. Cambridge, 1994.
- Nicol D.M.* The Reluctant Emperor: A biography of John Cantacuzene, Byzantine emperor and monk, c. 1295–1383. Cambridge, 1996.
- Νικολάου Θ.Σ.* Αἱ περὶ πολιτείας καὶ δικαίου ἰδέαι τοῦ Γ. Πλήθωνος Γεμιστοῦ. Θεσσαλονίκη, 1989 (2 ἔκδ.).
- Oikonomidès N.* Hommes d'affaires grecs et latins à Constantinople (XIIIe–XVe siècles). Paris; Montreal, 1979.
- Papadopoulou E., Dialete D. (ed.).* Byzantium and Serbia in the 14th century. Athens, 1996.
- Pistarino G.* Genovesi d'oriente. Genova, 1990.
- Primov B.* Les Bougres: histoire du pape Bogomile et de ses adeptes. Paris, 1975.

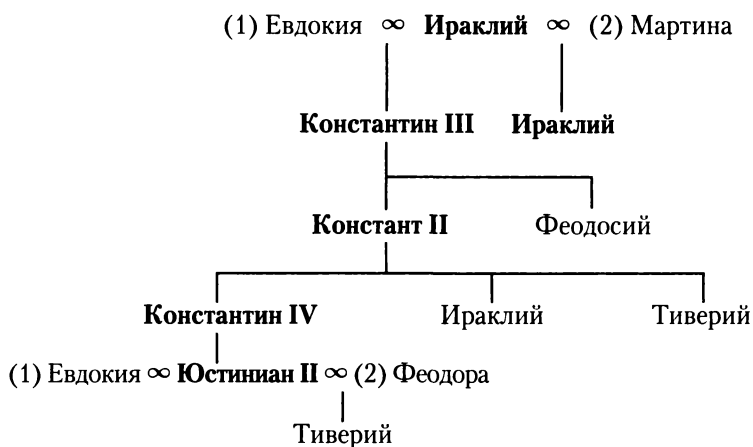
- Roux M.* Les Albanais en Yougoslavie, minorité nationale, territoire et développement. Paris, 1992.
- Runciman S.* The Fall of Constantinople: 1453. Cambridge, 1965.
- Runciman S.* The Great Church in captivity: a study of the patriarchate of Constantinople from the eve of the Turkish conquest to the Greek war of independence. Cambridge, 1968.
- Runciman S.* The last Byzantine renaissance. Cambridge, 1970.
- Runciman S.* Mistra: Byzantine capital of the Peloponnese. London, 1980.
- Σαββίδης Α.Γ.Κ.* Οι Μεγάλοι Κομνηνοί της Τραπεζούντας και του Πόντου: Ιστορική επισκόπηση της βυζαντινής αυτοκρατορίας του μικρασιατικού ελληνισμού (1204–1461). Αθήνα, 2005.
- Setton K.M.* Catalan domination of Athens. London, 1975 (2 ed.).
- Setton K.M.* The Papacy and the Levant (1204–1571). Philadelphia, 1976–1984. 5 vols.
- Ševčenko I.* Etudes sur la polémique entre Théodore Métochite et Nicéphore Choumnos: la vie intellectuelle et politique à Byzance sous les premiers Paléologues. Bruxelles, 1962.
- Ševčenko I.* Society and intellectual life in late Byzantium. London, 1981.
- Ševčenko I.* Ideology, letters and culture in the Byzantine world. London, 1982.
- Ševčenko I.* Byzantium and the Slavs in letters and culture. Cambridge (Mass.); Naples, 1991.
- Soulis G.C.* The Serbs and Byzantium during the reign of Tsar Stephen Dušan (1331–1355) and his successors. Washington, 1984.
- Stöckly D.* Le système de l'incanto des galées du marché à Venise (fin XIIIe – milieu XVe siècle). Leide, 1995.
- Thiriet E.* Etudes sur la Romanie gréco-vénitienne IX–XV siècles. London, 1977.
- Todt K.-P.* Kaiser Johannes VI. Kantakuzenos und der Islam: politische Realität und theologische Polemik im palaiologenzeitlichen Byzanz. Würzburg, 1991.
- Topping P.* Studies on Latin Greece AD 1205–1715. London, 1977.
- Vásáry I.* Cumans and Tatars: oriental military in the pre-Ottoman Balkans, 1185–1365. Cambridge, 2005.
- Walter C.* Prayer and power in Byzantine and papal imagery. Aldershot, 1993.
- Weiss G.* Joannes Kantakuzenos, Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch, in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert. Wiesbaden, 1969.

- Wilson N.G.* From Byzantium to Italy: Greek studies in the Italian renaissance. London, 1992.
- Winnifrith T.* The Vlachs: the history of a Balkan people. London, 1987.
- Woodhouse C.M.* George Gemistos Plethon: the Last of the Hellenes. Oxford, 1986.
- Yiannias J.J. (ed.).* The Byzantine Tradition after the Fall of Constantinople. Charlottesville; London, 1991.
- Zachariadou E.A.* Trade and Crusade: Venetian Crete and the emirates of Monteshe and Aydin, 1300–1415. Venice, 1983.
- Zachariadou E.A.* Romania and the Turks (c. 1300 –c. 1500). London, 1985.
- Zakythinos D.A.* Le Despotat grec de Morée, I–II / Rev. ed. by C. Mal-tézou. London, 1975.

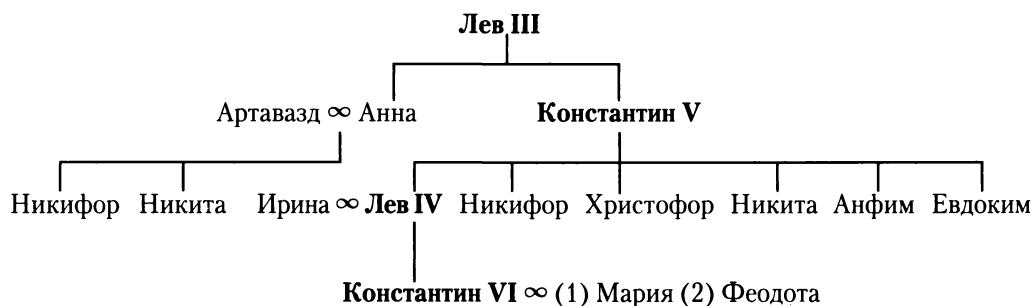

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ И СПИСКИ ПРАВИТЕЛЕЙ

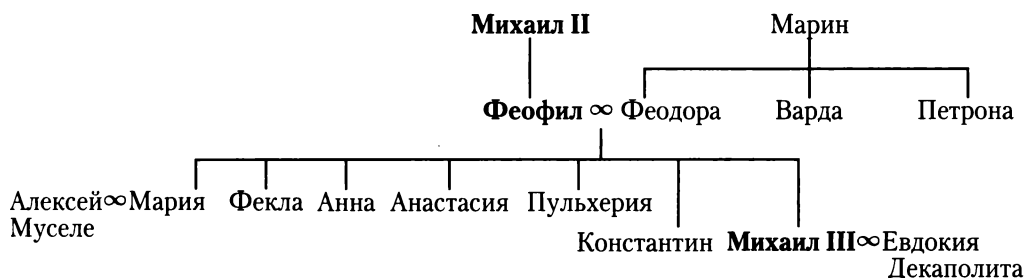
1. Династия Ираклия (610–711)

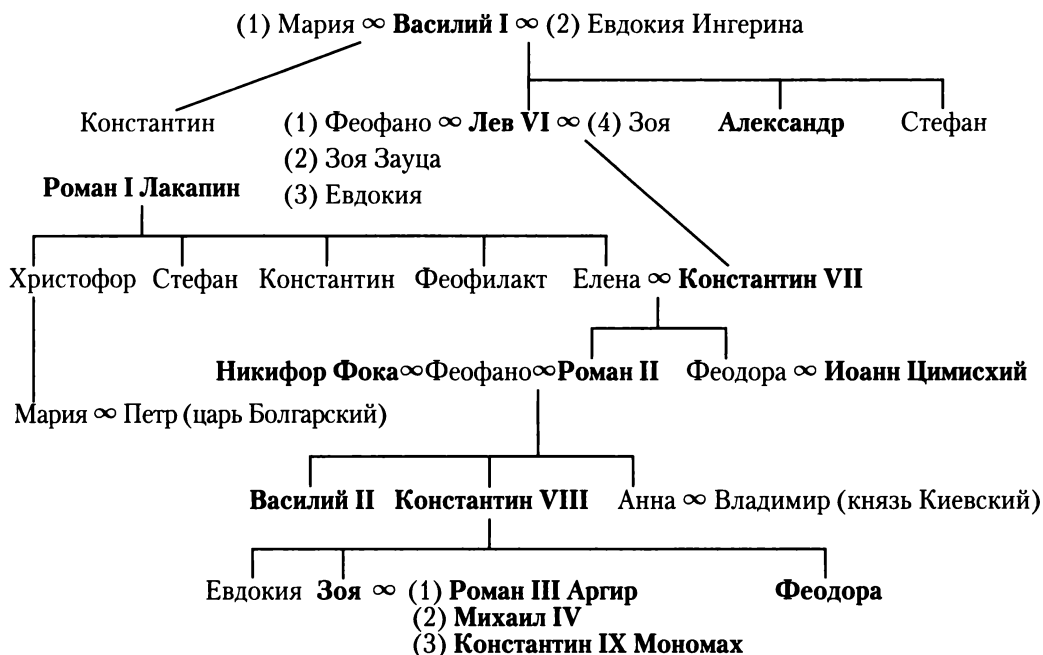
2. Сирийская династия (717–802)

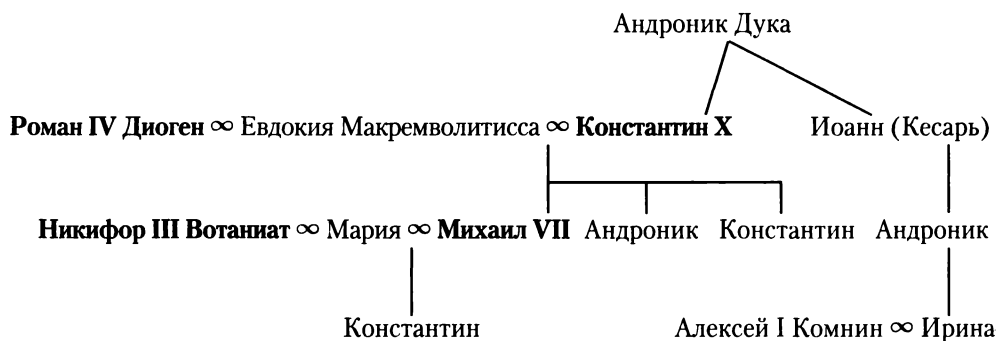
3. Аморийская династия (820–867)

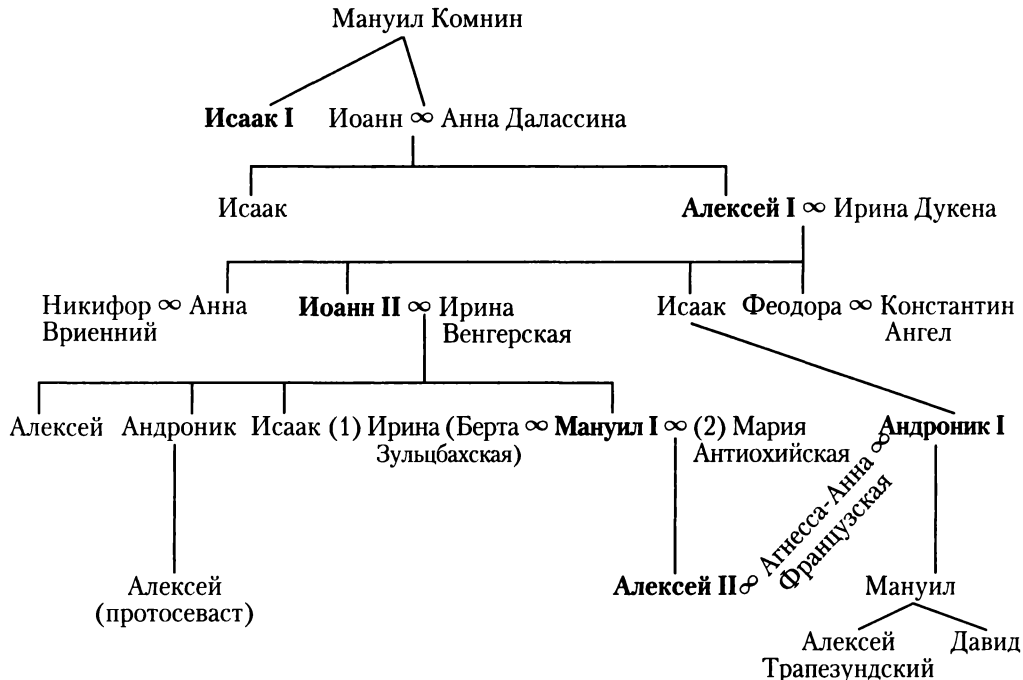
4. Македонская династия (867–1056)

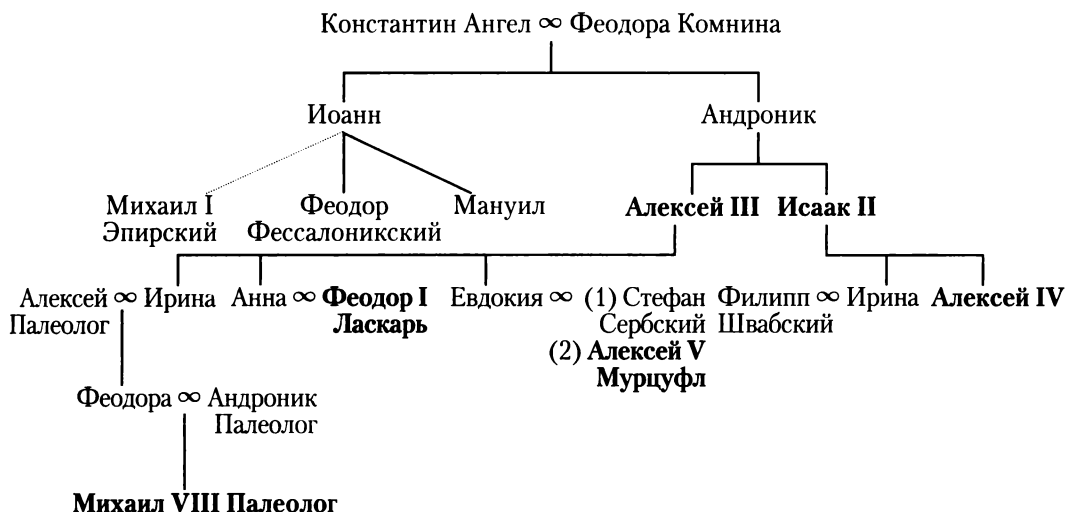
5. Династия Дук (1059–1078)

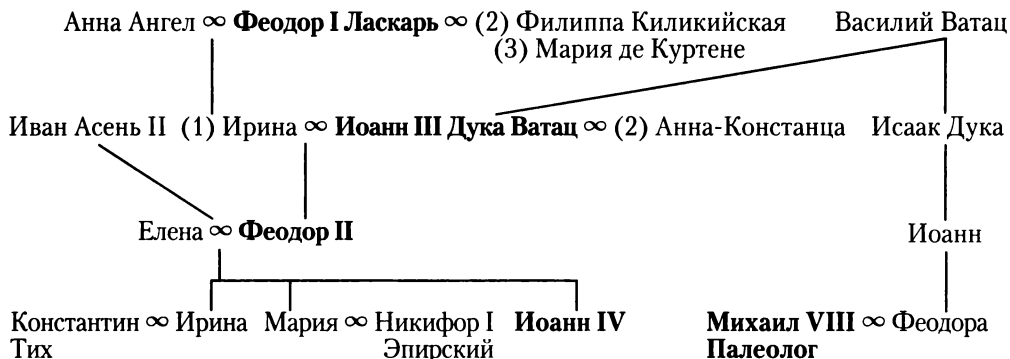
6. Династия Комнинов (1081–1185)

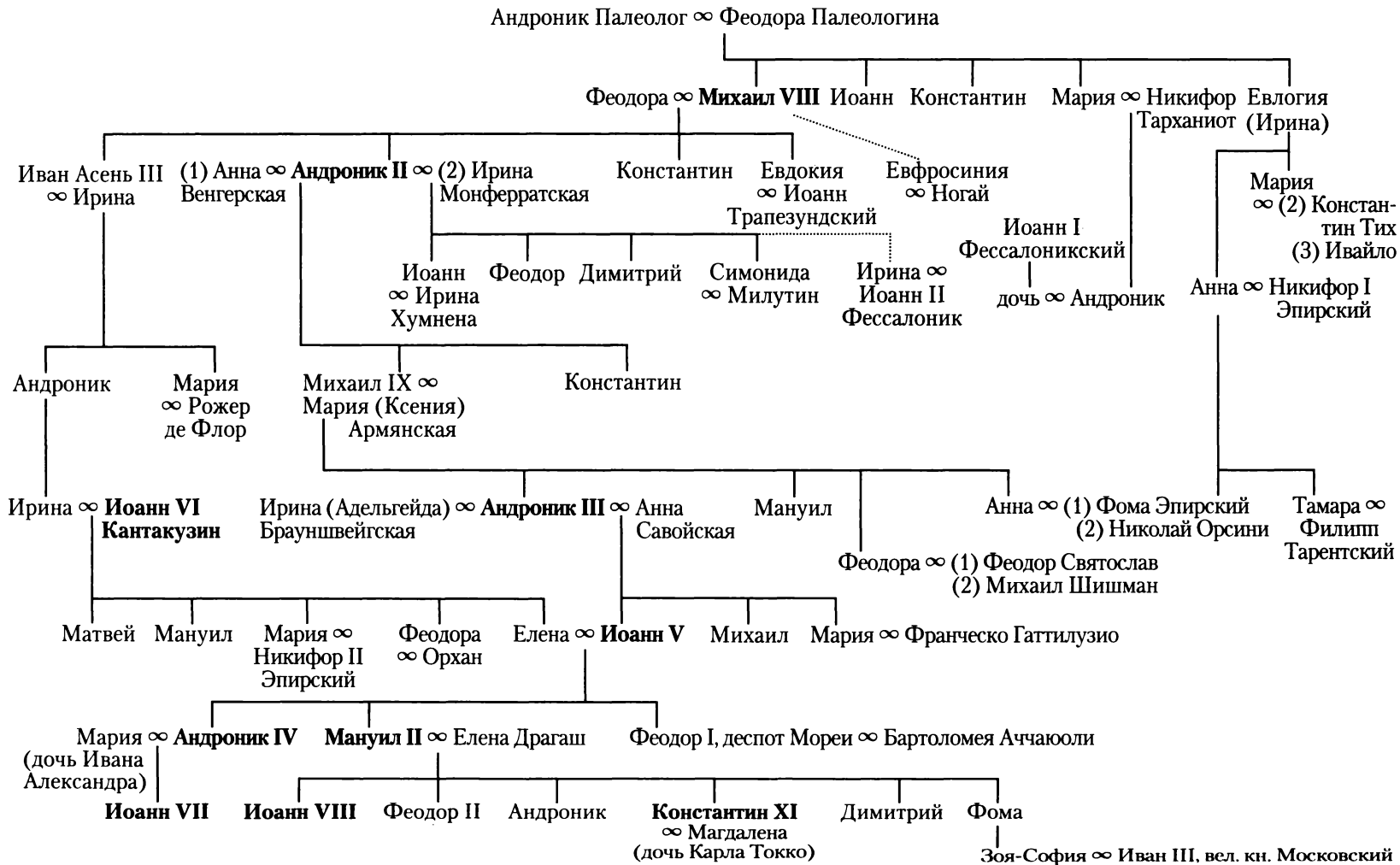
7. Династия Ангелов (1185–1204)

8. Династия Ласкаридов (1204–1261)

9. Династия Палеологов

СПИСКИ ПРАВИТЕЛЕЙ¹

1. ВОСТОЧНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ (ВИЗАНТИЯ)

Императоры в Константинополе

Константин I Великий	306–324*–337
Констанций II	353–361
Юлиан Отступник	361–363
Иовиан	363–364
Валент	364–378
Феодосий I	379–395
Аркадий	395–408
Феодосий II	408–450
Маркиан	450–457
Лев I	457–474
Лев II	474
Зинов	474–475
Василиск	475–476
Зинов (повторно)	476–491
Анастасий I	491–518
Юстин I	518–527
Юстиниан I Великий	527–565
Юстин II	565–578
Тиверий I Константин	578–582
Маврикий Тиверий	582–602
Фока	602–610
Ираклий	610–641
Ираклий Константин III	641
Ираклий Младший (Ираклона)	641
Констант II (Константин)	641–668
Константин IV	668–685

¹ Исправлены и дополнены редактором перевода.

* На Востоке.

Юстиниан II	685–695
Леонтий	695–698
Тиверий II (Апсимар)	698–705
Юстиниан II (повторно)	705–711
Филиппик (Варданий)	711–713
Анастасий II (Артемий)	713–715
Феодосий III	715–716
Лев III Исавр	717–741
Константин V	741–775
Лев IV	775–780
Константин VI	780–797
Ирина	797–802
Никифор I	802–811
Ставракий	811
Михаил I Рангаве	811–813
Лев V	813–820
Михаил II	820–829
Феофил	829–842
Михаил III	842–867
(Регентство Феодоры)	842–856
Василий I Македонянин	867–886
Лев VI	886–912
Александр	912–913
Константин VII	
Багрянородный	913–945*–959
+ Роман I Лакапин	920–944
Роман II	959–963
Василий II	963–976*–1025
+ Никифор II Фока	963–969
+ Иоанн Цимисхий	969–976
Константин VIII	1025–1028
Роман III Аргир	1028–1034
Михаил IV	1034–1041
Михаил V	1041–1042
Зоя и Феодора	1042
Константин IX Мономах	1042–1055

* Самостоятельно.

Феодора	1055–1056
Михаил VI Вринга	1056–1057
Исаак (Исаакий) I Комнин	1057–1059
Константин X Дука	1059–1067
Михаил VII Дука	1067–1071*–1078
+ Роман IV Диоген	1068–1071
Никифор III Вотаниат	1078–1081
Алексей I Комнин	1081–1118
Иоанн II Комнин	1118–1143
Мануил I Комнин	1143–1180
Алексей II Комнин	1180–1183
Андроник I Комнин	1183–1185
Исаак (Исаакий) II Ангел	1185–1195
Алексей III Ангел Комнин	1195–1203
Исаак II Ангел (повторно)	1203–1204
+ Алексей IV Ангел	1203–1204
Алексей V Дука Мурцуфл	1204

Императоры в Никее

Феодор I Ласкарь	1206–1221
Иоанн III Дука Ватац	1221–1254
Феодор II Дука Ласкарь	1254–1258
Иоанн IV Дука Ласкарь	1258–1261

В Константинополе

Михаил VIII Палеолог	1259–1261**–1282
Андроник II Палеолог	1282–1328
+ Михаил IX Палеолог	1295–1320
Андроник III Палеолог	1328–1341
Иоанн V Палеолог	1341–1354***–1376
+ Иоанн VI Кантакузин	1347–1354
Андроник IV Палеолог	1376–1379

* Самостоятельно.

** В Константинополе.

*** Самостоятельно.

Иоанн V Палеолог	
(повторно)	1379–1391
Иоанн VII Палеолог	1390
Мануил II Палеолог	1391–1425
+ Иоанн VII Палеолог	1399–1408
Иоанн VIII Палеолог	1425–1448
Константин XI Палеолог	
Драгаш	1449–1453

2. ЛАТИНСКИЕ ИМПЕРАТОРЫ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

Балдуин I Фландрский	1204–1205
Генрих	1206–1216
Петр Куртене	1217
Иоланта	1217–1219
Роберт Куртене	1219–1228
+ Иоанн Бриенн	1231–1237
Балдуин II Куртене	1240–1261

Титулярные

Балдуин II Куртене	1261–1273
Филипп I Куртене	1273–1283
Екатерина I Куртене	1283–1308
+ Карл Валуа	1302–1308
Екатерина II	
Валуа-Куртене	1308–1346
Филипп II	
Анжу-Тарентский	1313–1331
Роберт II	
Анжу-Тарентский	1346–1364
Филипп III	
Анжу-Тарентский	1364–1373
Иаков де Бо	1373–1383

3. ЭПИРСКАЯ ДЕРЖАВА В Эпире

Михаил I Ангел Комнин

Дука 1204/5–1215/6

Феодор Ангел Комнин

Дука 1215/6–1224/7

В 1224 (или 1227?) занял Фессалонику и принял императорский титул

В Фессалонике

Феодор Ангел Комнин

Дука (император) 1224/7–1230

Мануил 1230–1237/8

Иоанн (сложил

имп. титул в 1242) 1237/8–1242–1244

Димитрий 1244–1246

В 1246 Фессалоника включена в Никейскую империю

В Эпире

Михаил II Ангел Комнин

Дука ок. 1231–1271

Никифор I 1271–1296

Фома 1296–1318

(регентство Анны Палеологины

Кантакузины) 1296–ок. 1313

Николай Орсини Дука

Ангел Комнин 1318–1323

Иоанн Орсини 1323–1335

Никифор II Орсини 1335–1337–1340

(регентство Анны

Палеологины) 1335–1337

В 1337/40 Эпир подчинен Византийской империи;
в 1348 захвачен Сербией

В Фессалии

Иоанн I Ангел Дука	
Комнин	1266/7–до 1289
Константин Ангел Дука	до 1289–1303
Иоанн II Ангел Дука	1303–1318

В 1318 Фессалия поделена между Византией и латинскими государствами;
в 1348 захвачена Сербией

4. ТРАПЕЗУНДСКАЯ ИМПЕРИЯ (ВЕЛИКИЕ КОМНИНЫ)

Алексей I	1204–1222
Андроник I Гид	1222–1235
Иоанн I Аксук	1235–1238
Мануил I	1238–1263
Андроник II	1263–1266
Георгий	1266–1280
Иоанн II	1280–1284, 1284–1297
Феодора	1284
Алексей II	1297–1330
Андроник III	1330–1332
Мануил II	1332
Василий	1332–1340
Ирина Палеологина	1340–1341
Анна Анахутлу	1341–1342
Иоанн III	1342–1344
Михаил	1344–1349
Алексей III Иоанн	1349–1390
Мануил III	1390–1417
Алексей IV Василий	1417–1429
Иоанн IV	1429–1460
Давид	1460–1461

В 1461 Трапезунд захвачен османами

5. БОЛГАРИЯ

Аспарух	680/1–701/2
Тервель	701/2–718/9
неизвестный	718/9–725
Севар	725–739
Кормисош	739–754/6
Винех	754/6–762
Телец	762–765
Сабин	765–767
Умор	767
Токту	767–772
Паган	772
Телериг	772/3–777
Кардам	777/8–ок. 803
Крум	ок. 803–814
Дукум	814
Дицевг	814–815
Омуртаг	815–831
Маламир	831–836
Пресиан	836–852
Борис I Михаил	852–889
Владимир Расате	889–893
Симеон (царь)	893–927
Петр	927–969
Борис II	969–971

В 971 Болгария присоединена к Византии

Западное болгарское царство

Самуил	976–997–1014
Гавриил Радомир	1014–1015
Иоанн Владислав	1015–1018
Пресиан II	1018

В 1018 Западная Болгария присоединена к Византии

Второе болгарское царство

Асень I	1186–1196
Петр II	1196–1197
Калоян (Иоанн)	1197–1207
Борил	1207–1218
Иван Асень II	1218–1241
Коломан Асень	1241–1246
Михаил I Асень	1246–1256
Коломан II	1256–1256/7
Константин Тих	1257–1277
Михаил II	1277–1279
+ Ивайло	1278–1280
Иван Асень III	1279–1280
Георгий I Тертер	1280–1292
Смилец	1292–1298
Чака, сын Ногая	1299
Феодор Святослав Тертер	1300–1322
Георгий II Тертер	1322–1323
Михаил Шишман	1323–1330
Иван Стефан	1330–1331
Иван Александр	1331–1371
Иван Шишман (Тырново)	1371–1393
Иван Срацимир (Видин)	1360–1396

В 1393/6 Болгария захвачена Османской империей;
в Видине на правах вассала султана до 1422 правил Константин,
сын Ивана Срацимира

6. СЕРБИЯ

Властимир, великий жупан	ок. 825–ок. 860
Мутимир	ок. 860–891
Первослав	891–892
Петар Гойникович	892–917
Павле Бранович	917–920/1
Захарий Первославлевич	920/1–ок. 924

Часлав Клониимирович 927–после 950
 После 950 Сербия присоединена к Византийской империи

В Зете (Дукле)

Иоанн Владимир	до 1016
Стефан Воислав	1040–1051/2
Михайло Воиславлевич (король)	ок. 1052–1077–1081
Константин Бодин	1082–ок. 1101
Владимир II	1103–1114
Георгий (Джордже)	1114–1118, 1125–1131
Грубеша Браниславлевич	1118–1125
Градишна Браниславлевич	1131–1142
Радослав Грубишнич (князь)	1142–1148/9
Михайло III	ок. 1162–1189

Ок. 1189 Зета (Дукля) включена в состав владений Стефана Немани, который поставил королем Дукли своего сына Вукана Неманича (1189–1208)

В Рашке

Вукан ок. 1083–ок. 1114

Хронология следующих великих жупанов не может быть точно установлена; важнейшие из них: Урош I, Урош II, Деса, Тихомир

Стефан Неманя	1166/8–1196
Стефан Первовенчанный (король)	1196–1217–1227/8
Стефан Радослав	1227/8–1234
Стефан Владислав	1234–1243
Стефан Урош I	1243–1276
Стефан Драгутин	1276–1282 (до 1316 в Среме)
Стефан Урош II Милутин	1282–1321
Стефан Урош III Дечанский	1321–1331
Стефан Урош IV Душан (царь)	1331–1345–1355

Стефан Урош V (царь)	1355–1371
+ Вукашин Мрнявчевич (король)	1365–1371

После битвы при Марице (1371) государство распалось на несколько владений,
крупнейшими из которых правили Лазарь Хрбелянович, Марко Мрнявчевич,
Вук Бранкович и Константин Драгаш

Лазарь Хрбелянович (князь)	1371–1389
Стефан Лазаревич (деспот)	1389–1402–1427
Георгий (Джурадж) Бранкович	1427–1456
Лазарь Бранкович	1456–1458
Стефан Бранкович	1458–1459
Стефан Томашевич	1459

В 1459 последние остатки сербского государства захвачены османами

7. ИРАН (САСАНИДЫ)

Ардашир I Папакан	224–241
Шапур I	241–272
Хормизд I	272–273
Бахрам (Варахран) I	273–276
Бахрам II	276–293
Бахрам III	293
Нарсе	293–302/3
Хормизд II	303–309/10
Адарнарсе	310
Шапур II	310–379
Ардашир II	379–383
Шапур III	383–387/8
Бахрам IV	388–399
Йездигерд I	399–420
Бахрам V Гур	420–437/8
Йездигерд II	438/9–457
Хормизд III	457–459

Пероз	459–484
Балаш (Валагш)	484–488
Кавад I	488–496
Замасп (Джамасп)	496–499
Кавад I (повторно)	499–531
Хосров I Ануширван	531–579
Хормизд IV	579–590
Бахрам Чубине	590–591
Хосров II Парвиз	590, 591–628
Кавад II Широе	628
Ардашир III	628–630
Фаррухзад (Шахрвараз)	630
Борандохт	630
Пероз II	630
Азармедохт	630–631
Хосров III	631
Йездигерд III	632–651

В 636–651 Иран завоеван арабами и включен в состав исламского Халифата

8. АРАБСКИЙ ХАЛИФАТ

а) «Праведные халифы»

Абу Бакр	632–634
Умар (Омар) I	634–644
Усман (Осман)	644–656
Али	656–661

б) Омейяды (в Дамаске)

Муавия I	661–680
Йазид (Язид)	680–683
Муавия II	683–684
Марван	684–685
Абдальмалик	685/8–705
Валид I	705–715
Сулайман	715–717

Умар II	717–719
Йазид II	720–724
Хишам	724–743
Валид II	743–744
Йазид III	744
Ибрахим	744
Марван II	744–750

в) Аббасиды (в Багдаде)

Абдаллах ас-Саффах	750–754
Абдаллах аль-Мансур	754–775
Мухаммад аль-Махди	775–785
Муса аль-Хади	785–786
Харун ар-Рашид	786–809
аль-Амин	809–813
аль-Мамун	813–833
аль-Мутасим	833–842
аль-Васик	842–847
аль-Мутаваккиль	847–861
аль-Мунтасир	861–862
аль-Мустаин	862–866
аль-Мутазз	866–869
аль-Мухтади	869–870
аль-Мутамид	870–892
аль-Мутаид	892–902
аль-Муктафи	902–908
аль-Муктадир	908–932
аль-Кахир	929, 932–934
ар-Ради	934–940
аль-Муттаки	940–944
аль-Мустакфи	944–946

В 945 Багдад захвачен Буидами, лишившими халифа светской власти и основавшими султанат

Ахмад Муизз ад-Даула	
(султан)	945–967
аль-Мути (халиф)	946–974

Хосров Азуд ад-Даула	
(шаханшах)	977–983
ат-Таи (халиф)	974–991
Самсам ад-Даула	
(султан)	983–987
Баха ад-Даула (султан)	989–1012
Султан ад-Даула (султан)	1012–1021
аль-Кадир (халиф)	991–1031
аль-Каим (халиф)	1031–1075

В 1055 Багдад захвачен Сельджукидами,
которые сменили Буидов в качестве султанов

Тогрул-бек (султан)	1055–1063
Алп-Арслан (султан)	1063–1072
Малик-шах (султан)	1072–1092
аль-Муктади (халиф)	1075–1094
аль-Мустазхир	1094–1118
аль-Мустаршид	1118–1135
ар-Рашид	1135–1136
аль-Муктафи	1136–1160
аль-Мустанджид	1160–1170
аль-Мустади	1170–1180
ан-Насир	1180–1225
аз-Захир	1225–1226
аль-Мустансир	1226–1242
аль-Мустасим	1242–1258

В 1258 халифат ликвидирован монголами

9. СЕЛЬДЖУКИДЫ РУМА

Сулейман ибн Кутулмыш	1077–1086
Дауд Кылыч-Арслан I	1092–1107
Малик-шах	1107–1116
Рукн ад-Дин Масуд I	1116–1156
Изз ад-Дин	
Кылыч-Арслан II	1156–1188

В 1188 сыновья Кылыч-Арслана II (малики) разделили султанат на уделы

Гияс ад-Дин Кей-Хусрав I 1192–1196

Рукн ад-Дин

Сулейман-шах 1196–1204

Изз ад-Дин

Кылыч-Арслан III 1204–1205

Гияс ад-Дин Кей-Хусрав I

(повторно) 1205–1210

Изз ад-Дин Кей-Кабус I 1211–1219

Ала ад-Дин Кей-Кубад I 1219–1236

Гияс ад-Дин

Кей-Хусрав II 1236–1245/6

В 1243 Рум подчинен монгольской державе ильханов; последний султан убит монголами в 1307

10. ОСМАНЫ

Осман (бей) 1299–1326

Орхан 1326–1359

Мурад I (султан) 1359–1389

Баязид I 1389–1402

В 1402 Баязид разгромлен Тимуром;
до 1413 борьба за власть между сыновьями Баязида

Мехмед I 1402–1413–1421

Мурад II 1421–1444, 1446–1451

Мехмед II 1444–1446, 1451–1481

ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

А

- Абазги (абхазы)* 152, 158, 455
Аббасиды, арабская династия в Багдаде 227, 243, 272, 352, 374
Абд аль-Малик, халиф в Дамаске 182
Абдаррахман III, халиф в Кордове 358
Абсолютизм 76, 89, 110, 121, 128, 166, 328, 408, 490, 619
Абулькасим, эмир в Никее 443
Авары 63, 126, 144, 150, 151, 154–156, 177, 188, 245, 260; — вторжение на Балканы 127, 128, 131, 137, 141–142, 257; — неудачная осада Константинополя (626) 133, 152–154
Август, титул 72, 157
Авидос, г. 243, 251, 331, 378, 381
Авиньон, г. 641, 647
Авлон, г. 449, 543, 557
Австрия, византиноведение 40, 47
Автократия, самодержавие 67, 71, 116
Автократор, титул старшего императора 164, 182, 292, 335, 498, 521; — в Никейской империи 520, 546; — в Фессалонике 527; — при Палеологах присваивается также соправителям 581, 670
Агафий, историк 35, 61, 278
Агнесса-Анна, дочь Людовика VII, супруга Алексея II и Андроника I 484
Адана, г. 331, 449, 464
Адата, г. 358
Администрация, административный аппарат 67–69, 72–78, 317–325, 328, 350, 408, 418–419, 451, 485, 491, 519; — служилая знать 77, 399–400, 403, 406, 409, 419–420, 451
Адрамиттий, г. 523
Адриан I, римский папа (772–795) 210, 245–247
Адриан II, римский папа (867–872) 305
Адриан, император 120, 401
Адрианополи, г. 260–261, 265, 267, 302, 413, 429, 444, 494, 498, 529, 530, 604, 626, 648; битва с вестготами (378) 93; — захват Крумом (813) 266; — Симеоном (914, 923) 337, 339; — Самуилом (1004) 386–387; — Фридрихом I (1189) 496; — под властью Венеции 516, 519; — победа Калояна над латинянами (1205) 519–520; — социальная революция 620; — удел Матфея Кантакузина 635; — турецкое завоевание (после 1362) 643

¹ Сокращения: г. — город; о. — остров; р. — река.

- Адриатика, Адриатическое море* 116, 141–142, 258, 272, 306–307, 390–393, 427, 440, 450–451, 516, 527, 533, 591, 629, 661, 683
- Азия* (Внутренняя) 119, 666
- Азия* (Передняя) 73, 84, 115–116, 124, 126, 130–131, 143–144, 150, 178, 183, 189, 201, 244, 274, 330, 353, 358, 360, 371, 374, 392, 404, 460, 483, 541, 554–555, 587. — *См. также Малая Азия*
- Айюбиды*, египетская династия 555
- Акакий*, патриарх Константинопольский (472–488) 106
- Акарнания* 515; — часть Эпирского царства 526; — франкская 579; — византийская 612, 622
- Акиндин, Григорий*, противник исихастов 574, 619, 621, 627
- Акко (Акра)*, г. в Палестине 373
- Акова*, г. в Морее 659
- Акроин*, г. в Малой Азии, битва (740) 216
- Акрополит, Георгий*, историк и политик 493, 509–512, 521, 537, 557
- Аксумская держава*, в Эфиопии 119
- Аламаны* 93
- Аланы* 103–104, 406, 455, 595
- Аларих*, вождь вестготов 96–97, 106
- Албания, албанцы* 527, 535, 556–557, 610, 640; — часть владений Самуила 378; Асеня II 530; — королевство Филиппа Тарентского 598; — расселение в Фессалии 602, 612, 652; — походы Андроника III 612; Душана 614, 624; — борьба Скандербега против турок 675, 678, 683
- Александр*, император 277, 284, 304–305, 311; — соправитель Льва VI 313; — самостоятельное правление 335
- Александрия* 85, 227, 532; — арабское завоевание 166–167; — Александрийский патриархат 100–102, 164
- Алексей Комнин*, протосеваст, племянник Мануила I 482–484
- Алексей Комнин*, сын Иоанна II 466
- Алексей I Великий Комнин*, трапезундский император 518, 525
- Алексей I Комнин*, полководец 429, 431; — император 257, 432–433, 435–436, 438–440, 441–455, 458–460, 461–463, 467–468, 473, 488, 504, 585
- Алексей II Комнин*, император 482–484
- Алексей III Ангел Комнин*, император 490–491, 498–500, 502–503, 507, 518, 522
- Алексей IV Ангел*, сын и соправитель Исаака II 506–507
- Алексей V Дука Мурицфл*, император 507, 520
- Алексей*, великий стратопедарх при Иоанне V 640
- Алексей*, стратиг фемы Армениаков при Константине VI 241
- «Алексиада»*, сочинение Анны Комнины 432–433, 435, 462
- Алеманн, Николай* 32
- Алетто (Верия, Халеб)*, г. в Сирии 352, 360, 366, 385–386
- Али*, племянник Мухаммада, халиф 168

- Аллиленгий* (τὸ ἀλληλέγγυον) 192–193, 251, 253, 384–385, 401
Алляций, Лев 52
Алмош, брат Стефана II Венгерского 464
Алон, Лев, проэдр 419
Алп-Арслан, сельджукский султан 424, 425–426, 429
Алусиан, сын царя Иоанна Владислава 404
Альбигойцы 343. — *См. также Богомилы*
Альфонс V, король Арагона и Неаполя 679
Амадей Савойский, «Зеленый граф» 645, 650–651
Амальрик, король Иерусалима 473
Амальрик, король Кипра 503
Аман, горный хребет в Сирии 185
Амандос, Константинос 54, 569, 643
Амастрида, г. в Пафлагонии 525
Амида, г. 115, 297, 353
Амис, г. 297
Аммиан Марцеллин, историк 59
Аморий, г. 167, 216, 225, 269, 376; — взятие арабами (838) 275
Амр ибн аль-Ас, арабский полководец 166–167
Аназарв, г. в Киликии 360
Анастасиевич, Драгутин 7, 14, 44, 135, 155, 301, 368, 372, 379, 524, 678
Анастасий Библиотекарь 135.
Анастасий I, император 107–113, 115–117
Анастасий II (Артемий), император 212–215, 217
Анастасий, патриарх Константинопольский (730–754) 224, 226, 233
Анастасия, дочь Феофила 288
Анастасо — *см. Феофано*.
Анастос, Милтон 230
Анатолики — *см. Фемы*.
Ангел, Иоанн, наместник Эпира при Андронике III 613, 622
Ангел, Иоанн, севастократор, отец Феодора Эпирского 526, 558
Ангел, Константин, родоначальник Ангелов 490
Ангел, Мануил, деспот Фессалоники 530, 531, 533
Ангел, Фома, деспот Эпира 601
Ангелов, Димитр 30, 54, 344, 460, 494, 513, 583, 620
Ангелы, византийская фамилия и династия 12, 433–434, 490, 498, 504–505, 538; — в Эпире и Фессалии 513, 525–526, 579, 601
Англия, англичане 381, 412–413, 440, 447, 455, 470, 478, 497, 664, 665; — византиноведение 42
Андреадис, Андреас 43, 85
Андрей, апостол 256
Андроник Дука, брат и соправитель Михаила VII 183, 425
Андроник Дука, сын кесаря Иоанна Дуки 425, 431

- Андроник Комнин*, сын Иоанна II 466
Андроник Палеолог, сын Мануила II, деспот в Фессалонике 669–670
Андроник I Комнин, император 390, 477, 482–492, 494, 496, 505, 518, 546
Андроник II Палеолог, император 514, 546, 554, 563, 570–571, 578–609, 628, 631, 639, 641
Андроник III Палеолог, император 564, 580, 601–618, 623, 626, 631, 633, 641
Андроник IV Палеолог, император 601, 645, 647, 649–652, 656
Андрос, о. 516
Ани, г. 424; — Анийское царство 392, 414
Анкира (Ангора, Анкара), г. 259; — разрушение арабами (838) 275; — восстановление Михаилом III 297; — битва при (1402) 575, 657, 665–667, 669
Анкона, г. в Италии 471–472
Анна Венгерская, 1-я супруга Андроника II 589
Анна Далассина, мать Алексея I 462
Анна Комнина, дочь Алексея I, историк 33, 432–433, 435, 443, 450, 461–462
Анна Палеологина, дочь Михаила IX, супруга Фомы Эпирского и Николая Орсини 601
Анна Савойская, супруга Андроника III, регентша (1341–1347) 574, 614, 616, 624, 626, 632, 641
Анна Эпирская, деспина, мать деспота Никифора II 612–613
Анна Эпирская, деспина, мать деспота Фомы 591, 598
Анна, дочь Романа II, супруга Владимира Киевского 381
Анна, дочь Феофила 288
Анна, сестра Стефана Дечанского, 1-я супруга Михаила Шишмана 609
Аннона (аппона), налог 76, 79–81, 108
Антиохия, г. в Сирии 119, 373, 385–386, 392, 448, 532; — резиденция Юлиана 91; — богословская школа 100; — разрушение персами (540) 115; — арабское завоевание 161–162; — византийское отвоевание (969) 365–366; — захват крестоносцами (1098), норманнское Антиохийское княжество 448–450, 463; — подчинение при Иоанне II (1137) 464–465; при Мануиле II (1159) 467, 472–473; — Антиохийский патриархат 271, 398, 458
Антиохия-на-Меандре, г. в Малой Азии 522
Антоний I Кассимата, патриарх Константинопольский (821–834) 269
Антоний IV, патриарх Константинопольский (1389–1390, 1391–1397) 662–663
Антоний, монашеское имя Андроника II 606
Анты 63, 116
Анфим, новилиссим, сын Константина V 236–237
Анфипат, титул 321, 342, 391
Анхиал, г., битва при (763) 228; — битва при (917) 338; — захват Михаилом VIII (1262) 549, 554; — болгарами 597; — Андроником III 609; — Иоанном V 644

- Апокавк, Алексей*, великий дукс, противник Иоанна Кантакузина 603, 614, 620; — убийство 624–625
- Апокавк, Иоанн*, великий примикирий, наместник Фессалоники 624–625
- Апокавк, Иоанн*, митрополит Навпактский — см. *Иоанн Апокавк*.
- Апостолов свв.*, храм в Константинополе 175, 236, 239, 503
- Апр*, крепость во Фракии, битва при (1305) 597
- Апсимар* — см. *Тиверий II*
- Апулия* 471
- Арабы* 42, 53, 55, 69, 134, 205–206, 220–221, 272–273, 278–279, 393, 414, 424; — арабское завоевание Сирии, Палестины, Персии 160–163; — Месопотамии, Египта 164–166; — войны при Константе II 167–170, 174; — осада Константинополя при Константине IV 175–178; — войны при Юстиниане II 183, 185, 188; завоевание Северной Африки и Испании 196–197; — вторжения в Малую Азию 199–201; — осада Константинополя при Льве III 212–213, 215–216; — войны при Константине V 225–227; — Ирине 239, 243–244; — Никифоре I 259; — Михаиле II 270–272; — Феофиле 273–275; Михаиле III 290–292, 296–298, 300; — Василии I 306–309, 320; — Льве VI 329–332; — Романе I 339, 352–353; — Константине VII 358; — Никифоре Фоке 360, 373; — Иоанне Цимисхии 373; — Василии II 393; — кампании Георгия Маниака 413
- Арагон* 511, 561–562, 595, 634, 664, 679
- Аракс*, р. 152
- Аргиропул, Георгий* 576
- Аргиропул, Иоанн*, ученый 31
- Аргирь*, византийское семейство магнатов 345, 400
- Аргос*, г., под властью венецианцев 661, 671
- Ардабурий*, сын Аспара 104
- Ардашир I*, основатель династии Сасанидов 152
- Ариадна*, дочь Льва I, супруга Зинона и Анастасия I 104, 107
- Ариане*, *арианство* 88–90, 92–94, 100, 104, 113; — полуариане 89
- Арианит, Давид*, катепан фемы Булгария 390
- Арий*, александрийский пресвитер, еретик 88
- Аристократия* 345, 395, 490; — борьба против Фоки; — против Юстиниана II; — усиление при Льве VI 337; — отношения с центральной властью при Романе I 347, 351; при Никифоре Фоке и Иоанне Цимисхии 361–362, 365, 370; — при Василии II 380, 382–383, 392; — в XI в. 399–403, 406, 410, 416, 419, 421–422, 429, 431; в XII в. 451, 455–456, 480–481, 483, 486; — при латинском владычестве 519; — в Никейской империи 540–542; — при Палеологах 582–584, 604, 619–622, 624, 630; — в Морее 652, 668. — См. тж. *Знать*, *Землевладельцы*, *Крупное землевладение*, *Феодализация*.
- Аристотель*, *аристотелики* 459, 571, 617
- Арифм*, армейское подразделение 323

- Аркадий Ватопедский* 667
Аркадий, император 95–96
Аркадиополь, г. 271
Аркадия, область на Пелопоннесе 558
Армениаки — см. *Фемы*.
Армения, *армяне* 98–99, 181, 199, 211, 216, 270, 289, 302, 313, 343, 361, 377, 413, 492, 590; — в византийско-персидских войнах IV и V вв. 92, 115; — при Юстиниане I 124; — Юстине II и Маврикии 125; — Ираклии 136, 143–144, 151–153, 158–159; — монофелитство; — арабские завоевания 162; — при Константе II 164, 167–168, 175; — Юстиниане II 183, 185; — Константине V 227; — расцвет при Багратидах 308, 373; — в византийско-арабских войнах при Льве VI 330; — при Романе I 337, 351–352; — Василии II 386, 392; — Константине IX 414, 424–425; — княжество в Киликии (Малая Армения) 464, 472, 503
Арменопул, Константин, юрист 576–577
Армия (войско) 131, 157, 185, 237, 323, 413–414, 542; — политическая роль 237–238, 241, 380; — при Диоклетиане и Константине 81–83; — германизация 91, 94, 96, 103, 112; — коренизация, фемная реформа 131, 145–146, 148, 164, 253–255; Никифора I 368; — в X в.; — упадок в XI в. 412–414, 423, 429; — реорганизация при Комнинах 431, 440, 451, 453, 455, 463, 480–481; — при Палеологах 547, 584–585
Арсений Авториан, патриарх Константинопольский (1255–1260, 1261–1267) 540, 558, 588
Арта, г. в Эпире 526, 544, 612–613
Артавазд, стратиг 214, 217; узурпатор 225–226, 231
Артеми — см. *Анастасий II*.
Архипелаг в Эгейде 331, 516, 558, 560, 593
Архонты, *архонтат* 217, 320, 630
Асень (Осень), половецкий князь, отец тестя Юрия Долгорукого 494
Асень I, болгарский царь 492–495, 500–501
Асень II — см. *Иван Асень II*.
Асень III — см. *Иван Асень III*.
Асень, Андроник, сын Асеня III, наместник Морей (1316–1321) 601
Асиана, диоцез 73
Асидин, Савва, владетель Сампсона 519
Асохик, армянский историк 377
Аспар, алан, военачальник 103–105
Аспарух, болгарский хан 178, 377
Атталиат, Михаил, историк 390, 395–396, 413, 419–420, 423–424, 428–429
Атталия, г. 185, 331–332, 468–469
Аттика 485, 491, 516, 579, 615, 659
Аттила, гуннский вождь 59, 99, 158, 266

- Афанасий Афонский*, основатель Великой Лавры 362
Афанасий Великий, архиепископ Александрийский 60, 89–90, 101
Афанасий I, патриарх Константинопольский (1292–1293, 1303–1309) 586
Афинаида-Евдокия, супруга Феодосия II 97–98
Афинская Академия 122
Афины 45, 48, 97, 109, 174, 236, 256, 388, 438, 539, 565; — академия 122; — под властью франков 516, 545, 558, 599; каталанцев 599, 602, 659; — захваты турками (1397, 1456) 661, 682; — завоевание Константином Палеологом 675
Афон (Святая гора), афонские монастыри 362, 459, 499, 667; — рост влияния при Палеологах 589; — разорение каталанцами 598; — средоточие исихазма 617; — под властью Душана 629; — документы 48, 397, 577
Африка 73; — при вандалах 99, 104, 124–126, 170, 172, 186, 272, 553; — отвоевание Велисарием 114–116; — монофелитские споры 169, 171; — завоевание арабами 166, 174, 196–197
Ахайя, франкское княжество на Пелопоннесе 516, 543, 549, 551–552, 613, 615; — под властью наваррцев 659, 669, 671
Ахелой, р., битва на (917) 338
Ахемениды, древнеперсидская династия 84, 144
Ахен, г. в Германии 263
Аччаюоли, Нерио — см. *Нерио Аччаюоли*.
Аччаюоли, флорентийское семейство в Греции 615
Ашот I, царь Армении 308
Ашот III, царь Армении 373
Аэтий, внук, министр Ирины 243
Аэций, западноримский полководец 99

Б

- Баальбек*, г. в Сирии 373
Бабек, основатель секты хуррамитов 274
Бабуны 343. См. также *Богомилы*.
Бавария, баварцы 46, 245, 661
Багдад, столица халифата Аббасидов 227, 272, 352, 374; — завоевание сельджуками 424; — монголами 555
Багратиды (Багратуни), армянская династия 308, 392
Бадозр, Джакомо, венецианский купец 578
Балдуин I, гр. Эдесский, король Иерусалимский 448
Балдуин I, латинский император Константинополя 515–516, 519, 521
Балдуин II, латинский император Константинополя 529, 531–532, 538, 545, 551
Балдуин III, король Иерусалимский 473

Балканы, Балканский полуостров 44, 73, 113, 147, 177, 187, 189–190, 201, 244, 267, 429, 439, 450, 458, 464, 466, 495, 528, 534, 536, 541, 547–549, 553–554, 556, 579–580, 589, 592, 594, 597, 613; — вторжения готов 93, 96, 105; — гуннов 99; — славян и аваров 115–116, 126–129, 131, 137, 141–144, 155–156; — поход Константа II 168–169; — вторжение болгар 178–179; — поход Юстиниана II 183; — усиление византийского влияния 229, 231, 254–255, 257, 259–260, 307; — подчинение Константинопольскому патриархату 287, 306; — фемная организация 272–273, 288; — войны Симеона 329–330, 338, 340; — войны Святослава 367–368, 370–372; — восстание Самуила 377–378, 385–386; — византийское господство 388–389, 391, 396; — славянские восстания 404–405; — набеги узов и печенегов 414, 424, 440, 442, 463; — прохождение крестоносцев 446; — второе болгарское царство 494–495, 498, 501; — прохождение Фридриха I 495–497; — римское влияние 501; — Латинская империя 519; — Эпирская держава 526; — гегемония Асеня II 531; — набеги половцев 532; — монголов 533; — господство сербов 609; — турецкие завоевания 641–644, 648, 653, 655, 659, 661, 674, 676, 682

Бандури, Ансельмо 34

Барбаро, Николо, венецианец, описавший падение Константинополя 568

Бари, г. в Италии 308–309, 367; — захват Робертом Гвискаром (1071) 426

Батей, Андре 51

Баязид I, османский султан 566, 575, 654–658, 663, 665–667, 669

Баян, аварский хакан 126

Беатриса, дочь Карла Анжуйского 551

Безобразов Павел Владимирович 41–42, 407

Бейнз, Норман 55, 64, 86, 92, 112, 130, 144–145, 150, 220

Бейрут (Берит), г. 373

Бек, Ханс-Георг 27, 50, 396, 573

Бела III (Алексей), престолонаследник 474–475; венгерский король 487

Беласица, гора в Македонии 387

Белград, г. 142, 390, 404, 423, 464, 487. — См. тж. *Сингидун*.

Беневент, г. и княжество 174, 367, 551

Беотия 516, 579, 599, 615, 677

Берат, г. в Албании 557

Беренгарий II, король Италии 366

Берже де Ксивре, Жюль 36, 662

Бёри, Джон Бэгнолл 35, 42, 63, 67, 71, 73, 81, 91, 98, 104, 107, 109, 111–114, 116, 126, 128, 130, 140, 149–150, 156, 158, 187, 194–195, 212, 243–244, 249, 252, 258, 261, 263, 265, 270, 274–276, 283, 286, 288, 297, 303, 306, 319, 322, 399, 511

Бернар Клервоский 467, 470

Берта Зульцбахская (Ирина), 1-я супруга Мануила I 467

Билеца, г., битва при (1388) 654

Битола, г. 501

Богемия 474, 533

Богомил, основатель секты 343

Богомилы, *богомилство* 281, 343–344, 442, 458, 500

Бодин, *Константин*, король Зеты 427, 442

Болгария: византиноведение 44, 56; — при Юстиниане I 116; — при Ираклии 152, 154–155; — образование болгарской державы на Дунае 178–179; — отношения с Византией при Юстиниане II 183, 198–199, 201; — Льве III 212, 215; — Константине V 226–229; — Константине VI 241, 244; — Никифоре I 204–205, 255, 259–260; — Михаиле I, Льве V и Михаиле II 266–167, 271; — обращение в христианство 299–301, 305–307, 329; — эпоха Симеона 281–282, 329–331, 335–344; — богомилство в 281, 343, 344, 442, 458; — войны с Византией при Никифоре Фоке 367–368; — при Иоанне Цимисхии 370–372; — держава Самуила 377–379, 386–387; — под властью Византии 388–390, 424; — образование второго болгарского царства 437, 492–498, 500; — расцвет при Калояне 501, 519, 521–522; — при Асене II 529–532; — господство татар 533; — отношения с Византией при Иоанне Ватаце 534–535, 541; — Михаиле VIII 545, 547, 549, 552, 554–557, 559, 561, 584; — Андронике II 597, 601; — Андронике III 606, 609–610; — во время гражданской войны 622–624, 626, 635; — упадок 644–645; — турецкое завоевание 649, 654, 659–661, 675

Бон, патрикий 150

Бонифаций Монферратский, король Фессалоники 506, 515–516, 518, 527

Бонифаций III, папа (607) 130

Борис II, болгарский царь 345, 367, 372, 377

Борис-Михаил, болгарский князь 300–301, 305, 329

Босния 442, 474, 499–500, 653–655, 683

Боспор (Керчь), г. в Крыму 119

Босфор, пролив 64, 84–86, 144, 152, 162, 172, 198, 212, 230, 232, 290, 352–353, 446, 483, 515, 536, 546, 634, 658, 679, 682

Бозмунд I, сын Роберта Гвискара, князь Антиохийский 435, 441, 447–451

Бозмунд II, князь Антиохийский 465

Браничево, г. 390, 487

Брейе, *Луи* 30, 38, 54, 68, 85, 97, 138, 157, 164, 209, 215, 222, 232, 294, 319, 399, 402, 416, 435, 438, 451, 510, 619

Бриндизи, г. в Италии 472

Британия, римская провинция 73, 95

Брумалии, праздник 194

Бруса (Пруса, Бурса), г. 595, 605, 657

Будва (Бутуа), г. в Черногории 142, 306

Булгарофиг, битва при (896) 330

Бусико, Жан II Ле Менгр, маршал Франции 664

Бутринто, г. в Албании 557, 560

Бутуа — см. *Будва*.

В

Вазелонский монастырь, акты 525

Валахия, влахи 492–493, 674–675

Валент, император 92–94, 260

Валентин Аршакуни, военачальник при Константе II 164

Валентиниан I, император 92–93, 95

Валентиниан III, император 97–99

Валюта, денежная система 51, 70; — кризис III в. 79–81; — реформа Константина Великого 81; — обесценение в XI в. 412, 438; — при Алексее I 439, 454; — положение в XII–XIV вв. 585–586, 638; — конец золотой валюты 670.

Ван, озеро в Армении 425

Вандалы 104, 114

Варда, кесарь, дядя Михаила III 287–289, 292–293, 297, 299, 301–303, 305–306, 310

Вардан Турок, военачальник 259

Вардан, император — см. *Филиппик*.

Вардар, р. 387, 500, 534

Варлаам Калабрийский, противник исихастов 574, 617–619, 621, 627

Варна, г. 178, 576, 676–678

Варяги 332, 381, 412–413, 455

Василаки, Никифор, узурпатор 430

Василевс, византийский императорский титул 157–158, 233; — у Ирины 243; — у Карла Великого 263–264; — у Симеона Болгарского 337, 340–341; — у Феодора Ласкаря в Никее 521; — у Феодора Ангела в Фессалонике 527

Василеопатор, титул: Стилиана Зауци 314; — Романа Лакапина 338

Василий I, император 252, 277, 286, 302–312, 315, 320, 322, 329, 333, 345, 355, 415

Василий I Дмитриевич, великий князь Московский 662–663

Василий II, император 251, 278–279, 281, 361, 369, 374–393, 394–395, 399–402, 404, 406, 412–413, 416, 420, 427, 522, 554

Василий II Васильевич, великий князь Московский 674

Василий Великий, архиепископ Кесарийский 60, 268

Василий Охридский, архиепископ Фессалоники 437

Василий паракимомен, незаконный сын Романа I 341

Василий Тырновский, архиепископ и примас Болгарии 501

Василий, предводитель богомилов 458

Василики, свод законов Льва VI 33, 286

- Василиск*, император 104–106
- Васильев Александр Александрович* 41, 53, 127, 143, 184, 207, 255, 270, 298, 330, 332–333, 344, 373, 662, 664–666
- Васильевский, Василий Григорьевич* 30, 37, 40–42, 190, 192–193, 204, 210, 273, 288, 344, 350, 396, 399, 411, 413, 415, 436–437, 439, 454–455, 457, 470, 493, 513, 532
- Василько*, сын Юрия Долгорукого 494
- Веис, Никос* 44, 205, 256, 398, 627
- Велегезиты*, славянское племя в Греции 255
- Великая Лавра* св. Афанасия на Афоне 362, 385
- Великий domestик* — см. *доместик*.
- Великий дукс (дука)* 452, 484, 542, 558, 596, 615, 624–625
- Великий логариаст* 323
- Великий логофет* — см. *логофет*.
- Велисарий*, полководец Юстиниана 61, 113–115, 117
- Вельбужд (Кюстендиль)*, г., сражение при (1330) 609
- Вельфы (Гвельфы)*, немецкая династия 469–470
- Венгры*, появление на Паннонской равнине 329–330; — вторжения в Империю 358, 414, 419, 423, 427; — проход крестоносцев 446; — усиление в XII в. 450; — войны с Византией при Иоанне II 464; Мануиле I 437, 469–472, 474–479; — крупное вторжение при Андронике I 486–487; — влияние в Сербии 496, 499–500; — взятие Зары крестоносцами 505; — татарские вторжения 533; — союз с Михаилом VIII 554, 556; — путешествие Иоанна V 645; — борьба с османами 660–661, 674, 676
- Венеты (синие, голубые)*, партия ипподрома 109–111, 116–117, 129–131, 195–197, 324. — См. также *димы*.
- Венеция, венецианцы* 263, 275, 298, 456, 568, 578, 602, 630–632, 639–640, 643, 656–657, 659, 661, 669, 671, 676; — отношения с Византией при Алексее I 438, 440–442, 450–451; — Иоанне II 463; — Мануиле I 469–470, 472, 475–477; — Андронике I 488; — в четвертом крестовом походе 504–508; — после завоевания Константинополя 515–516, 522–524, 526, 536; — отношения с Никейской империей 532, 538; — при Михаиле VIII 544–545, 549, 551, 556–557, 560–562, 598–600; — войны с Генуей 550, 593, 634, 650–651; — с Византией 634–635; — визит Иоанна V 646–647; — Мануила II 664; — договор с Сулейманом 667; — приобретение Фессалоники 670
- Вениамин*, коптский патриарх Александрии 167
- Веррия*, г. в Македонии 386, 625, 629
- Версиникия*, г., сражение при (813) 265
- Верховный понтифик* 88
- Вестготы*, на Балканском полуострове 93, 96; в Галлии и в Испании 99, 115, 124, 197
- Видин*, г. в Болгарии 386–387, 645, 661

- Византий*, г. на месте Константинополя 84, 615
«Византийский временник», журнал 41–42
«Византийское обозрение», журнал 42
Викарии префектуры претория 74
Виллардуэн, Гильом — см. *Гильом II Виллардуэн*.
Виллардуэн, Жоффруа, историк 435, 493, 521
Виллардуэн, Жоффруа, князь Ахайи — см. *Жоффруа I Виллардуэн*.
Вильгельм I Завоеватель, король Англии 447
Вильгельм I, король Сицилийский 472
Вильгельм II, князь Ахайи — см. *Гильом II Виллардуэн*.
Вильгельм II, король Сицилийский 476, 502
Виминакий (Костолац), г. 126, 142
Виндики (vindices) 107
Виссарион, митрополит Никейский затем римский кардинал 31, 576, 673–674
Виталиан, военачальник при Анастасии I 111
Виталиан, папа (657–672) 174
Витербо, договор (1267) 551
Витигес, король остготов 114
Вифиния 169, 184–185, 228, 519, 595
Вифлеем 473
Владимир, болгарский князь 329
Владимир, князь Киевский (972–1015) 381
Владимирко, князь Галицкий, союзник Мануила I 470
Владислав (Стефан Владислав), сербский король 530
Владислав II, чешский король (1140–1174) 474
Владислав III, король Венгрии и Польши (1440–1444) 674–676
Властарь, Матфей, канонист 140, 312, 577
Властимир, сербский князь 306
Влатко Вукович, боснийский воевода 654
Влахерны, дворец 198, 466, 545, 627; — церковь Богородицы 233, 636
Влеммид, Никифор, ученый 511–512, 539, 570
Воден, г. 386–387, 534, 624, 629
Вошла, Евстафий, магнат 397
Воиоанн, Василий, катепан Италии 393
Воислав (Стефан Воислав), князь Зеты 404–405
Волга, р. 330, 533
Вольтер 34
Вольф, Иероним 31
Восток, префектура и диоцез 73
Врана, Алексей, полководец и узурпатор 492, 494
Вриенний, Никифор, военачальник, претендент на престол 429–430, 433

Вриенний, Никифор, кесарь, супруг Анны Комнины, историк 33, 433, 461–462
Вриенний, Феоктист, стратиг Пелопоннеса 291
Вринга, Иосиф, глава правительства при императрице Феофано 360–361
Вселенские судьи 607–608
Вукан, брат Стефана Первовенчанного 499
Вукан, жупан Рашки 444
Вукашин, сербский король 648
Вукеллари, фема 217, 273, 320, 325
Вукинатор 168
Вулканий, Бонавентура 32
Вурца, Михаил, полководец Никифора II 365

Г
Гавриил-Радомир, сын Самуила, болгарский царь 388, 404
Гагик I, армянский царь (990–1020) 392
Газе (Hase), Карл Бенедикт 35
Гайна, предводитель готов 96
Галата, пригород Константинополя 441, 506; — генуэзский квартал 550–551, 593, 610, 650; — осада 634; — доходы от пошлин 631
Галерий, цезарь, император 87
Галич, русское княжество 470, 474, 483
Галлиполи (Каллиполь), г., владение венецианцев 516; — освобождение Иоанном Ватацем 531; — зимовка каталанцев 596; — захват османами (1354) 636, 643; — освобождение Амадеем Савойским 645; — возвращение туркам 650
Галлия 73–74, 95, 99
Ганзак, г. 152
Гаттилузио, Франческо, генуэзский корсар, правитель Лесбоса 637
Геза II, венгерский король (1141–1161) 474, 479
Гейзенберг, Август 21, 23, 24, 39, 55, 508, 510–512, 514, 520–522, 539, 554
Гейзерих, король вандалов 104, 114
Гелимер, король вандалов 114
Геллеспонт (Дарданеллы) 430, 515–516, 647, 661
Гельцер, Генрих 21, 39, 94, 125, 129, 141, 145, 161, 186–187, 206, 216–217, 258, 319, 377, 589
Гемист, Георгий (Плифон), философ 565, 575, 668
Генесий, Иосиф, историограф 204, 270, 277, 288
Геннадий II (Георгий Схоларий), патриарх Константинопольский (1454–1456, 1463, 1464–1465) 576
Генрих I, латинский император Константинополя 519, 521–523, 527
Генрих II, английский король 470, 478

- Генрих IV*, германский император 440
Генрих VI, германский император 496, 502–503, 505–506, 543
Генуя, генуэзцы 504, 548–550, 565, 567, 584, 593, 647, 656; — договор с Мануилом I (1169) 476; — с Михаилом VIII (1261) 544; — в Галате 551, 593; — войны при Андронике III 608, 611–612, 631; — при Иоанне VI 633–634, 637; — война за Тенедос 650–651; — договор с Сулейманом 667; — обороняют Константинополь 680
«Геопоники», трактат 282
Георгий Бранкович, сербский деспот 674–676
Георгий Кипрский, иконопочитатель 207–208, 231
Георгий Монах, хронист 196, 203–204, 280, 298
Георгий Синкелл, хронист 134
Георгий I Тертер, болгарский царь 561
Гепиды 152
Герман I, патриарх Константинопольский (715–730) 207, 211, 223–224, 232–233, 238
Герман II, патриарх в Никее (1223–1240) 513, 528, 557
Германикия, г. 213, 227, 358, 360, 448
Германия, византиноведение в 31, 36, 38, 40; — связи с Византией при Иоанне II 465; — при Мануиле I 467–470; — при Ангелах 502–503
Германцы 94, 104, 115, 124, 127; — в византийском войске 96; — влияние на Византию 105–106
Геродот 565
Ги де Лузиньян, король Иерусалимский 495, 497
Ги II де ла Рош, герцог Афинский 599
Гиббон, *Эдуард* 34–35, 109, 176
Гибралтар 197
Гийан, *Родольф* 53, 76, 78, 215, 217, 320–324, 452–453, 475, 564, 572, 574, 586, 602, 680
Гийу, *Андре* 49, 398, 577, 654
Гильом Апулийский 425
Гильом I Шамплитт, князь Ахайи 516
Гильом II Виллардуэн, князь Ахайи 543–544, 549, 551, 558
Глава, *Михаил*, полководец при Андронике II 591
Глика, *Михаил*, хронист 433
Гоар, *Жак* 32–33
Голландия, византиноведение 32
Гольцман (Ксиландер), *Вильгельм* 31
Гонгила, *Константин*, полководец при Константине VII 358
Гонорий I, римский папа (625–638) 159–160, 180
Гонорий, император 95–96
Город, *горожане*, *городская жизнь* 66–67, 74–75, 80, 107–111, 117, 128, 188–189, 243, 317, 324–328, 364, 481, 595, 619–621

- Готфрид Бульонский*, крестоносец, «защитник Святого Гроба» 446–448
Готы, обращение в христианство 90; — влияние при Феодосии I 93–94; — «гото-греки» 213
Готье де Бриенн, герцог Афинский 599
Градо, патриархат 441
Гранич, *Филарет* 44, 389
Грациан, император 93
Грегуар, *Анри* 27, 45, 59, 87, 129, 156, 175, 184, 205–206, 209, 256, 264, 280, 293, 313, 331, 333, 371, 394, 433, 441, 562, 564
Греция 73; — византиноведение в 43, 186, 187, 222, 255–256; — вторжения вестготов 96; — расселение славян 127, 142–143, 157, 255–256, 291; — набеги арабов 309; — походы Симеона 338; — Самуила 386; — восстание Петра Деляна 404; — вторжения узов 424; — нападение норманнов 469; — под латинским владычеством 516, 543, 547–551, 553, 557, 590; — утверждение каталанцев 599–600; — миграции албанцев 602; — успехи византийцев 608, 613, 615, 675–678; — завоевания турок 659–660, 669
Григора, *Никифор*, ученый 31, 510, 542, 563–564, 569, 580, 582, 587, 621, 627, 635
Григорий (Георгий) Кипрский, патриарх (1238–1289) 539, 570, 588
Григорий Назианзин (Богослов) 60
Григорий Нисский 60
Григорий Палама, богослов, вождь исихастов 574, 617–618, 627
Григорий Синаит, основатель исихазма 574, 616
Григорий I Великий, римский папа (590–604) 129, 246
Григорий II, римский папа (715–731) 209, 222–223
Григорий III, римский папа (731–741) 209, 224
Григорий VII, римский папа (1073–1085) 427, 440
Григорий X, римский папа (1271–1276) 553, 556–557, 560
Григорий, экзарх в Карфагене 170, 172
Грузия 386, 518. — См. тж. *Ивирия*.
Груссе, *Рене* 53, 308, 435, 438, 461, 665
Грюмель, *Венанс* 50–51, 95, 135, 141, 159, 209, 230, 239, 275, 280–281, 283, 289, 302–304, 310, 313, 317, 330–334, 338–339, 416, 434, 458, 468, 560
Гуго Вемандуа, крестоносец 447
Гуго Прованский, король Италии 359
Гумберт, кардинал 398, 417
Гунны 59, 93, 99, 103
Гфрёрер, *Август Фридрих* 37

Д

- Давид Великий Комнин*, основатель Трапезундской империи 518–519, 524–525
Дазимон, г. в Каппадокии, битва (838) 275

- Дакия*, диоцез 73, 95
Далмация 73, 114; — славянское переселение в VII в. 142, 306; — фема 259, 307, 320, 390; — арабские набеги 309; — под властью Венгрии 450, 487; — присоединение к Византии 474, 476–477; — походы Твртко Боснийского 653
Дамаск, г. 144, 167, 223, 227, 373
Дамиан, арабский флотоводец 332
Дамьетта (Думьят), г. в Египте 292, 297
Дандоло, Андреа, венецианский дож, хронист 476, 639
Дандоло, Энрико, венецианский дож 504, 506, 516
Данишмендиды, сельджукская династия 449, 464
Дара, крепость 131, 353
Дарданеллы — см. *Геллеспонт*.
Дарко, Енё 146, 151, 543–544, 565
Дастагерд, г. в Иране 153
Дафни, дворец в Константинополе 195
Дафномил, Евстафий, комендант Охрида 389–390
Дафнопат, Феодор, писатель 278
Дафнусий, крепость 545
Двин, г. в Армении 152, 162
де ла Рош, Ги — см. *Ги II де ла Рош*.
де ла Рош, Эд, правитель Аттики и Беотии 516
Девельт, г. 260, 264
Декаполит, Григорий, преподобный 258
Декаполит, Феодор, квестор при Константине VII и Романе II 349, 356–357
Дёльгер, Франц 24–25, 27, 43, 49–50, 58, 98, 129, 135, 139, 181, 250–251, 261, 263–264, 285, 319, 371–372, 398, 401–402, 413, 427, 456, 480, 502, 514, 518, 520, 546, 566–567, 581, 597, 601, 616, 626, 639, 647
Делян, Петр, предводитель восстания славян (1040) 404–405
Деньги, финансы, денежная экономика 51, 70, 79–81, 108, 189, 252, 255, 262, 364, 384, 388, 400, 404, 423, 453–454, 472, 506, 538, 550, 562, 632, 638, 646–647, 679
Деспот, титул: Белы-Алексея 475; — Феодора Ласкаря 520–521; — венецианского дожа 524; — Михаила I Эпирского 525; — Иоанна Фессалоникийского 533; — Михаила II Эпирского 535; — Михаила VIII Палеолога 545
Децим, пригород Карфагена, битва при (533) 114
Джустиниани, генуэзское семейство на Хиосе 631
Джустиниани, Джованни, защитник Константинополя 680
Дзакарриа, Бенедетто, правитель Фокеи и Хиоса 593
Дзакарриа, Чентурионе, князь Ахайи 669
Дзаккариа, генуэзское семейство 611

- Диадема* 103
- «*Дигенис Акрит*», эпос 206
- «*Дигесты*» («*Пандекты*»), юридический сборник 120, 139, 315
- Дидимотих* (*Димотика*), г. 519, 597, 633; — провозглашение императором Иоанна Кантакузина 615; — взятие Кантакузином в гражданской войне 623, 626, 635; — турецкое завоевание (1361) 643–644
- Диль, Шарль* 38, 53, 112, 114, 116, 125–126, 141, 145, 151, 166, 175, 186, 200, 215–218, 273, 303, 328, 338, 360–361, 407, 438, 453, 462, 466, 482–483, 489, 514
- Димархи* 324
- Димитриада*, г. 331
- Димитрий Ангел*, деспот в Фессалонике (1244–1246), сын Феодора Ангела 534
- Димитрий Палеолог*, деспот в Морее (1449–1460), сын Мануила II 672, 678, 682
- Димитрий Солунский*, великомученик 127, 131, 137, 142, 183, 187, 256, 627
- Димитрица*, г. 492
- Димитрия св.*, монастырь в Константинополе 513
- Димитрия св.*, церковь в Тырново 495
- Димитрия св.*, церковь в Фессалонике 183–184
- Димы*, партии ипподрома 67, 109–111, 116–117, 128, 130–131, 196, 261, 324
- Динафы*, скупают мелкие земельные владения 347; — борьба с ними Романа I 348–351; Константина VII 356; — торжество при Никифоре Фоке 362, 364; — борьба с ними при Василии II 383–385, 401–402; — окончательная победа 402
- Диоген, Константин*, стратиг 390–391
- Диоген, Константин*, сын (?) Романа IV 444
- Диоклетиан*, император 67, 71–74, 79–82, 84, 87, 118, 120, 134, 145, 192, 319
- Диоклея (Дукля)* 378, 385–386, 390–391, 404. — См. тж. *Зета*.
- Дионис* 194
- Дионисий Ареопагит* (Псевдо-) 172
- Диоскор*, патриарх Александрийский 101
- Диоцезы* 73
- Диррахий (Дурраццо)*, г. 258, 320, 337, 378, 386–388, 390–391, 405, 413, 429–430, 440–442, 449, 488, 492, 502, 515, 526–527, 530, 541, 543, 557, 591, 598, 613, 624
- Дисипат*, титул 321
- Дицевг*, болгарский хан 266
- Дмитрий Донской*, великий князь Московский 662
- Дмитрий Звонимир*, король Хорватии 427
- Днепр*, р. 329
- Добромир Хрис*, воевода 500–501

- Добруджа*, турецкое завоевание (1395) 660
Додеканис, архипелаг 251
Докиан, Иоанн, ритор 576
Документы, акты 34, 42, 48–50, 58, 212, 263, 281, 370, 385, 397–398, 402, 410, 438, 455, 456, 459, 512, 514, 524, 533, 542, 564, 571, 586, 649, 667; — соборные 33, 57, 60, 181, 208, 268, 574; — монастырские 48–49, 397, 577, 654; — сербских правителей 578, 628–630; — османские 654; — венецианские 670
Должности, чины 130, 238, 319–324, 328, 350, 452, 466, 576, 638–639; — продажа 423; — отмена при Андронике I 485; — возобновление при Исааке II 490; — при Палеологах 604, 621
Доментиан, автор Жития св. Саввы 438
Доместик экскувитов 234, 325; — оптиматов 323, 325; — тагм 323; — схол 308, 325, 330, 336–337, 345, 356, 360; — Востока 323, 361, 375, 447, 452; — Запада 323, 361, 452; — великий доместик 453, 549, 605, 609, 614–615, 619, 633
Доминат 67
Дон, р. 274, 533
Дорилей, г. 448, 478
Драгаш, Иоанн, сербский князь 678
Драгаш, Константин, сербский князь 678
Драгутин, сербский король 591, 598
Дружина, варяго-русская 381, 412–413
Друнгариат 320
Друнгарий Кивирреотов 196, 217; — императорского флота (τῶν πλοῶν) 324–325, 330, 337–338; — арифмов 323
Дубровник (Рагуза), г. 307, 390, 442, 530, 676
Дука, Андроник, сын кесаря Иоанна Дуки
Дука, Андроник, сын Константина X 183
Дука, Иоанн, кесарь 425–426, 428–429, 431
Дука, историк 565–569, 658, 677
Дука, Константин, доместик схол при Константине VII 336
Дука, Константин, сын Константина X Дуки 425, 431
Дука, Константин, сын Михаила VII 431, 461–462
Дука Лампидар, Константин, комендант Сард 598
Дукат, военно-административный округ 320, 389–392
Дукена, Ирина, супруга Алексея I Комнина 431, 462
Дуки, византийская фамилия и династия 422, 428, 430–431, 455, 461, 481, 526
Дуклянин, поп, хронист 379, 390–391, 405, 436
Дукс (дука), командующий войсками ранневизантийского времени 74, 83; — правитель фемы 386, 429, 452. См. также *Великий дукс*.
Дукум, болгарский хан 266

Дулук — см. *Телух*.

Дунай, р. 83, 115–116, 126–129, 141–142, 228, 266, 329, 371, 378–379, 386, 390, 392–393, 423–424, 492, 494–495, 533, 629, 660; — переход вестготов 93; — славян 116, 128; — болгар 178–179; — появление венгров 330; — русских 352, 367; — переход печенегов 414–415, 463

Душан — см. *Стефан Душан*.

Дюканж, Шарль Дюфрен (Du Cange) 33–34, 39

Е

Евагрий Схоластик, церковный историк 60, 106

Евгений III, римский папа (1145–1153) 470

Евгений IV, римский папа (1431–1447) 672

Евгеник, Иоанн, брат Марка Евгеника 576

Евгеник, Марк — см. *Марк Евгеник*.

Евдоким, сын Константина V 237

Евдокия (Афинаида), супруга Феодосия II — см. *Афинаида-Евдокия*.

Евдокия (Фавия), супруга Ираклия 162–163

Евдокия Вайана, третья супруга Льва VI 333

Евдокия Декаполита, супруга Михаила III 292

Евдокия Ингерина, супруга Василия I 292, 302–304

Евдокия Макремволитисса, супруга Константина X и Романа IV 422, 424–426

Евдокия, дочь Алексея III, супруга Стефана Первовенчанного и Алексея V 497, 499, 507

Евдокия, дочь Константина VIII 400

Евдокия, сестра Андроника II, супруга трапезундского императора Иоанна II 591–592

Евлогия (Ирина), сестра Михаила VIII 559, 591

Евнатий Сардский, историограф 59

Евномiane, последователи Евномия 90

Евномий, еретик-арианин 89

Евнухи 76, 240, 243, 245, 321, 324, 360–361, 375–376, 403, 405

Евреи, иудеи 130, 167, 220–221, 299, 492

Евренос-бей, османский полководец 659

Евсевий, епископ Кесарийский, историк 58

Евсевий, епископ Никомидийский 90

Евстафий Ромей, магистр, византийский судья XI в. 397, 402

Евстафий Солунский, митрополит Фессалоникийский 435, 437, 458, 473, 476, 484, 486, 489

Евстафий, друнгарий императорского флота при Льве VI 330

Евтих, архимандрит в Константинополе, еретик 101

Евфимий, патриарх Константинопольский (907–912) 282, 304, 334–336, 346

- Евфимий*, патриарх Тырновский 569
Евфрат, р. 308, 352, 358, 392–393
Евфросиния, внебрачная дочь Михаила VIII, супруга Ногая 556
Египет 73, 80, 84, 88, 100–101, 111, 123, 131, 136, 164, 166–167, 170, 271, 292, 339, 352, 505, 579, 644, 646; — монофиситство 102; — персидское завоевание 144; — возвращение при Ираклии 154; — монофелитство 159; — арабское завоевание 160–162, 167; — при Фатимидах 373, 377, 424; — при Саладине 488, 495; — при мамлюках 554–556
Единосушный, богословский термин 88–89, 232
Езериты, славянское племя на Пелопоннесе 256, 291
Екатерина Валуа, титулярная императрица Константинополя, супруга Филиппа Тарентского 600, 613, 615
Екатерина де Куртенэ, титулярная императрица Константинополя, супруга Карла Валуа 590, 598, 600
Елена Драгаш, супруга Мануила II 678
Елена Кантакузина, дочь Иоанна VI, супруга Иоанна V 626
Елена Лакапина, дочь Романа Лакапина, супруга Константина VII 338, 355, 359–360
Елена, дочь Асеня II, супруга Феодора II Ласкаря 530
Елена, сестра Ивана Александра, супруга Душана 610

Ж

- Женщины* в политике 163, 288, 360, 369, 403, 461–462, 559; — право на высшую власть 242, 245, 248, 406
Жития святых 57
Жоффруа I Виллардуэн, князь Ахайи 516
Жупан Рашки 391, 444, 463, 469, 475–476, 495–496
«Журнал Министерства Народного Просвещения» 41

З

- Закинф (Занте)*, о. 488, 492
Запетра, г. 308
Зара (Задар, Ядер), г. 142, 390, 505–507
Захария, папа Римский (741–752) 226
Захария, сербский князь 341
Захлумия 342, 390–391, 405
Зеек, Отто (Seesk) 40, 50, 62–63, 71, 79, 85, 91, 98
Зеленые — см. *Прасины*.
Земельные владения, землевладельцы 42, 66–67, 77, 79–80, 94, 110, 121, 148, 161, 188, 190, 193, 195, 286, 328, 342, 347–348, 350–351, 362–365, 370, 380, 383–384, 399, 401–402, 409–410, 428, 451, 455–456, 471, 479–480, 481, 491, 582–583, 622, 655

Земледельцы — см. *Крестьяне*.

Земледельческий закон, трактат 137–140, 189–190, 192, 251, 285

Зета 385, 404–405, 427, 442, 487, 499. — См. тж. *Диоклея*.

Зикхи 158

Зилоты, радикальная монашеская партия 240, 242, 249, 289–290, 294–295, 588, 620–621

Зилоты, радикальная политическая партия 573, 574–575, 621–625, 627, 629

Зинон, император 104–107, 170

Златарски, Васил 44, 56, 175, 179, 224, 228–229, 249, 281–282, 301, 306, 329–330, 334–335, 338, 374, 378, 389, 404, 424, 427, 430, 489, 492–493, 495, 500, 532

Знать 329, 352, 365, 370; — подавление при Василии II 380–385; — торжество в XI в. 400, 401–402, 404, 419; — подавление при Андронике I 484–485; — торжество при Ангелах 490; — при латинском владычестве 518, 520; — подавление при Феодоре II 539–542; — торжество при Палеологах 582–584; — в Сербии 592, 603, 610, 614, 631; — преследование зилотами 621–622; — мелкая знать 363, 583; — военная знать 400, 403–404, 412, 419–422, 429–430, 455, 480; — гражданская знать 400–402, 422–423. — См. тж. *Служилая знать, Аристократия, Вельможи, Землевладельцы, Крупное землевладение, Феодализация*.

Золотая Орда 533, 554–556, 597, 666

Золотой Рог, залив 85, 466, 506, 550, 593, 681

Зонара, Иоанн, хронист 31, 33, 279, 383, 396, 433

Зороастр 152

Зосим, церковный историк 59

Зоя Карвонопсина, четвертая супруга Льва VI 333–336; — регентша 337–338, 340–341

Зоя, дочь Стилиана Зауцы, вторая супруга Льва VI 313, 333

Зоя, императрица, дочь Константина VIII, супруга Романа III, Михаила IV и Константина IX 400–401, 403, 405–406

И

Иберийский полуостров 73, 115

Ибн аль-Факих, арабский географ 206

Ибн Хордадбех, арабский географ 206, 251

Ива, епископ Эдесский 123

Ивайло, болгарский народный вождь и царь 560

Иван Александр, болгарский царь 609–610, 623

Иван Асень II, болгарский царь 529–534

Иван Асень III, болгарский царь 560–561, 596, 601

Иван Стефан, болгарский царь 609

Иван III Васильевич, великий князь Московский 683

- Иванко*, болгарский боярин, убийца Асеня I 500–501
- Ивирия (Иверия)*, иверы 115, 152, 183, 352, 392
- Игнатий Смоленский* 656
- Игнатий*, патриарх Константинопольский (847–858; 867–877) 282, 290, 294–296, 305–306, 310
- Игорь*, князь Киевский 352–353
- Иеракий*, г. на Пелопоннесе 549
- Иерархия государств* 64, 248
- Иерия*, пригород Константинополя, императорский дворец 154, 162, 232
- Иерокл*, византийский географ 282
- Иерусалим* 223, 252, 373, 503, 532; — взятие персами (624) 144, 152; — возвращение при Ираклии (630) 154; — взятие арабами (638) 162; сельджуками (1077) 444; крестоносцами (1099) 448; — Саладином (1187) 495, 497
- Иерусалимский патриархат* 159, 626
- Иерусалимское королевство* 449, 473, 497, 531
- Изабелла*, дочь Вильгельма II Виллардуэна 552
- «*Известия Русского Археологического Института в Константинополе*» 41
- Изображения святых* — см. *Иконы*.
- Изяслав Мстиславич*, великий князь Киевский 470
- Иканаты*, гвардейский полк 323
- Икария*, о. 529
- Иконий*, г. 448, 468
- Иконийский султанат (Рум)*, его возникновение 430; — сношения с Византией при Алексее I 444; Иоанне II 464; — во время второго крестового похода 468; — при Мануиле I 478; — во время третьего крестового похода 496; — во времена Никейской империи 522, 534, 538; — сюзерен Трапезундской империи 525; — при Михаиле VIII 540, 555–556
- Иконоборчество*, борьба с иконами 135; — при Льве III 203–204, 206, 210–211, 221–224; — при Константине V 207, 224–225, 231–236; — прекращение при Ирине 239–241, 246; — возобновление в IX в. 208–209, 262, 265–269, 272–276; — прекращение при Феодоре 289
- Иконы* 211, 219–224, 226, 232–235, 240, 246–247, 267–268, 276, 289
- Илия Нисибинский*, сирийский хронист 137, 169
- Илл*, полководец при Зиноне 106
- Иллирийцы* 83
- Иллирик*, диоцез 95; — префектура 73–74, 83, 95–96, 126, 187; — подчинен Константинопольскому патриарху 230–231, 245
- Имерий*, флотоводец при Льве VI 309, 332
- Иммунитет (экскуссия)* крупных земельных владений 409–410, 451, 582; — монастырей 480; — попытка ограничения при Андронике II 586; — афонских монастырей при Душане 629

- Император*, императорская власть 51, 67–68, 71–72, 77, 82, 110, 113, 116–117, 121–122, 128, 172, 182, 237, 242, 289, 312, 317–318, 369–370, 406, 415–416, 520, 527, 632
- Индийский океан* 119
- Индикт*, 15-летний период 135
- Индия* 118–119, 555, 666
- Иннокентий II*, римский папа (1130–1143) 471
- Иннокентий III*, римский папа (1198–1216) 493, 501, 503–504, 506
- Иннокентий IV*, римский папа (1243–1254) 536
- Иннокентий VI*, римский папа (1352–1362) 642
- «*Институции*», юридическое руководство 120, 139, 311, 315
- Иоанн Анагност*, историк 568
- Иоанн Ангел*, сын Феодора Ангела Комнина, деспот в Фессалонике 533
- Иоанн Апокавк*, митрополит Навпактский 513
- Иоанн Бриенн (Жан де Бриенн)*, регент латинской империи (1231–1237), титулярный король Иерусалимский 531
- Иоанн Векк*, патриарх Константинопольский (1275–1282) 559, 588
- Иоанн Грамматик*, патриарх Константинопольский (837–843), иконоборец 267, 269, 272, 275, 289, 294
- Иоанн Дамаскин*, отец Церкви 207–208, 223, 232–233, 240
- Иоанн Диакон*, венецианский хронист 298
- Иоанн Златоуст*, отец Церкви, патриарх Константинопольский (398–404) 60
- Иоанн Иерусалимский*, богослов, иконопочитатель 208
- Иоанн из Прочиды (Джованни да Прочиды)*, сицилиец 561
- Иоанн Итал*, философ 459
- Иоанн Калека*, патриарх Константинопольский (1334–1347) 614–615, 619, 626
- Иоанн Каппадокиец*, префект претория при Юстиниане I 113, 117, 317
- Иоанн Ксифилин*, патриарх Константинопольский (1064–1075) 408
- Иоанн Лид*, писатель 62
- Иоанн Малала*, хронист 62, 205
- Иоанн Милостивый*, патриарх Александрийский (610–619) 252
- Иоанн Никиуский*, хронист 136, 155, 165
- Иоанн Оксит*, патриарх Антиохийский (1092–1098) 193, 458
- Иоанн Орфанотроф*, брат Михаила IV 403, 405, 428
- Иоанн Эфесский*, церковный историк 60, 127
- Иоанн I Ангел Дука*, сын Михаила II, правитель Фессалии 553, 555, 558, 560–561, 591
- Иоанн I Цимисхий*, император 278, 285, 353, 358, 361, 368–370, 372–375, 377, 379, 381, 384
- Иоанн II Ангел Дука*, внук Иоанна I, правитель Фессалии 599, 602
- Иоанн II Великий Комнин*, трапезундский император 591
- Иоанн II Комнин*, император 433, 436, 450, 461–467, 471, 473, 479

- Иоанн III Дука Ватац*, император 510, 512, 529–541, 585
Иоанн IV Ласкаръ, император 542, 546, 552, 558
Иоанн V Палеолог, император 573, 614, 616, 621, 623, 626–627, 634–642, 645–652, 657
Иоанн VI Кантакузин, император 36, 573, 576, 601; — как историк 32, 563–564, 569; — соратник Андроника III 603, 606, 610, 614; — претендент на престол 619, 623; — император 626–628, 632, 635–636, 641; — как инок Иоасаф 637, 645
Иоанн VII Палеолог, сын Андроника IV 181, 649, 651, 656, 658, 664, 667
Иоанн VIII Палеолог, император 668–674, 678
Иоанн VIII, римский папа (872–882) 281, 310
Иоанн, архиепископ Охридский 404
Иоанн, архиепископ Фессалиникийский, агиограф 137
Иоанн, великий примикирий при Иоанне V 640
Иоанн, епископ Готский 207
Иоанн-Владимир, князь Диоклейский 385, 388
Иоанн-Владислав, племянник Самуила, болгарский царь 388, 404–405
Иоанниты, орден 661
Иоанница, гора в Фокиде 338
Иоанн-Смбат, царь Ани (1020–1040) 392
Иоасаф, монашеское имя Иоанна VI Кантакузина 637
Иовиан, император 92
Иоиль, хронист 433
Иоланта, регентша латинской империи (1217–1219) 523, 527
Ионические острова 258, 516
Иосиф I, патриарх Константинопольский (1268–1275; 1282–1283) 558–559, 588
Иосиф II, патриарх Константинопольский (1416–1439) 672
Иосиф, священник, освятивший второй брак Константина VI 250, 262
Ипат (консул), титул 321
Ипат философов 408, 437, 459
Иперпир, византийская золотая монета 585–587, 607, 631, 633
Ипертим, титул 441
Ипподром 67, 109, 111, 117, 195, 226, 229, 255, 324, 400
Ираклий Новый Константин — см. *Константин III*.
Ираклий Старший, экзарх Карфагена 131
Ираклий, брат Константина IV 173, 181
Ираклий, император 118, 130–131, 133–134, 136, 140–163, 170, 200–201, 219, 294, 393, 399
Ираклия Понтийская, г. 518, 525, 595, 611
Ираклия Фракийская, г. 144; — под властью Венеции 516; — апанаж Андроника IV 651
Ираклона (Ираклий Младший), император 158, 163–165

- Иречек, Константин* (Jire56, 116, 127, 142, 341–342, 404–405, 427, 439, 442, 487, 489, 497, 524, 557, 569, 579, 591, 600, 602, 609–610, 628–630, 636, 643, 658, 662
- Ирина (Иоланта) Монферратская*, вторая супруга Андроника II 581, 589
- Ирина Ангелина*, дочь Исаака II, супруга Филиппа Швабского 502
- Ирина Асанина*, супруга Иоанна VI Кантакузина 616
- Ирина Дукена*, супруга Алексея I 431, 437, 462
- Ирина Ласкарина*, дочь Феодора I, первая супруга Иоанна Ватаца 528, 535, 537
- Ирина Ласкарина*, дочь Феодора II, супруга Константина Тиха 541, 554
- Ирина Палеологина*, внебрачная дочь Андроника II, невеста Иоанна II Фесалийского 599
- Ирина Палеологина*, дочь Михаила VIII, супруга Асеня III 546, 601
- Ирина Хумнена*, дочь Никифора Хумна, супруга деспота Иоанна Палеолога 571
- Ирина*, первая супруга Мануила I — см. *Берта Зульцбахская*.
- Ирина*, супруга Льва IV, императрица 236, 238–243, 246, 248–251, 255–256, 259, 261, 263, 289, 295
- Ириник, Николай*, поэт XIII в. 512
- Исаак I Комнин*, император 394–395, 411, 419–423, 431, 433
- Исаак II Ангел*, император 437, 490, 492, 494–498, 502, 506–507, 518
- Исаврия, исавры* 104–106, 108, 213–214
- «*Исагога*» («*Эпанагога*»), правовое уложение 286, 311–312
- Исидор*, митрополит Российский, позднее кардинал 674, 679
- Исидор*, патриарх Константинопольский (1347–1349) 626
- Исихазм*, исихасты, исихастские споры 564, 572–574, 616–619, 621, 626–627, 637
- Испания* 95, 271, 579; — при вестготах 99; — отвоение части при Юстиниане 115; — повторное завоевание вестготами 124; — арабское завоевание 197
- Истм*, Коринфский перешеек 661, 668–669, 675
- Истрия*, полуостров 263
- Италия* 449, 664, 672, 682; — византиноведение в 32, 44; — административные реформы Диоклетиана 72–73; — вторжение Алариха 97; — вторжения гуннов 99; — владычество Одоакра 105; — Теодориха Великого 106; — отвоение при Юстиниане 114–116; — вторжение лангобардов 124; — предлагаемый удел сына Маврикия 126; — мятеж экзарха Олимпия 171; — при Константе II 172, 174; — борьба с иконоборчеством 194, 223–224, 230
- Италия Южная*, подчинена Константинопольскому патриарху 231; — эмиграция монахов 235; — церковный спор 245, 287; — войны с арабами 246, 306–307, 330, 358; — активная политика Василия I 309–310; — спор с Оттоном Великим 366–367; — катепанат 392–393; — схизма 417; — захват норманнами 423, 427, 440–441, 463; — держава норманнов 465; — экспансия при Мануиле I 469, 471–472, 479; — королевство Карла Анжуйского 503, 548, 551–552, 562
- Ихшидиды*, арабская династия в Египте 352

Й

Йазид II, халиф 221

Йорга, Николае 44, 422, 578, 639, 662, 666, 669

К

Кавад-Широе, персидский шах 153

Кавасила, Николай, мистик XIV в. 574–575, 621, 627

Кавказ, кавказские племена 119, 147, 152–153, 155, 214, 216, 270, 386, 392, 589

Калабрия, область в Италии 230, 471, 617

Калека, Мануил, византийский богослов 573

Каллиник, изобретатель греческого огня 176–177

Каллиник, патриарх Константинопольский (694–705) 199

Каллист, патриарх Константинопольский (1350–1354; 1355–1363) 636, 642, 644, 646

Калоян, болгарский царь 493, 495, 501, 519, 522

Кальтабелотта, мирный договор 595

Каминиата, Иоанн, историк 278, 568

Канан, Иоанн, историк 568

Кантакузин, Михаил, отец Иоанна VI 600

Кантакузин, Мануил деспот Морей 632, 638

Кантакузин, Матфей, удельный владетель в Западной Фракии 632, 635; —
соправитель Иоанна VI 636, 638; — деспот Морей (1380–1382) 638

Кантакузины, род и династия 636–637

Каппадокия 152, 167, 199, 383, 425; — фема 273, 320, 325

Капуя, княжество 367

Карл Валуа, брат Филиппа IV Красивого 590, 598–600

Карл Великий 43, 210, 245–248, 260, 262–264, 287

Карл Мартелл, майордом 177

Карл I Анжуйский, король Сицилии и Неаполя 548, 551–554, 556–558, 560–562, 590

Карл II, король Неаполитанский 590

Карл VI, король Франции 664

«*Карловы книги*» (*Libri Carolini*) 246, 248

Карпаты 155

Карфаген, экзархат 125–126, 131, 145, 170; — планируемая столица при
Иракии 141; — взятие арабами 196–197

Каспийское море 154

Кассандрия, г. и полуостров 598–599

Кастория, г. 610, 624

Катакалон, Лев, domestik схола при Льве VI 330

Каталаунские поля, битва на (451) 99

- Каталонцы, Каталанская компания* 563, 599–600; — на службе Византии 595–596; — разрыв и война 597–598; — в Фессалии, Беотии и Аттике 599–600, 602, 612, 615, 622, 659
- Катары, еретики* 343
- Катасирты, битва при* (917) 338
- Катепан, катепанат* 320, 389–390, 392–393, 452
- Каффа, г., генуэзская колония в Крыму* 634
- Квадривиум, курс обучения* 408
- Квады, племя* 93
- Квестор, чин* 76, 120, 219, 356
- Кедрин, Георгий, хронист* 251, 279, 354, 389
- Кекавмен, автор «Стратегикона»* 387, 396–397, 411
- Кекавмен, Катакалон, военачальник* 396–397, 419
- Кератий, серебряная монета* 250, 252–253
- Кесария Каппадокийская* 60, 448; — взятие персами 131; — эвакуация персами 143; — занятие арабами 167, 216; — провозглашение Никифора Фоки 361; — оплот Фок 376; — взятие сельджуками 424
- Кесария Палестинская* 58, 60; — взятие Иоанном Цимисхием 373
- Кесарь, высший сан после императорского* 158, 321; — присвоен болгарскому хану Тервелю 198–199; — сыновьям Константина V 236–238, 241; — Варде 293, 297, 301–303; — Роману Лакапину 339; — Варде Фоке 361; — Михаилу (V) 405; — предложен Исааку Комнину 419; — присвоен Иоанну Дуке 425–426, 428–429, 431; — Никифору Мелиссину 431, 452; — Никифору Вриеннию 462; — Рожеру де Флору 596; — предложен Иоанну Палеологу 605; — обойден титулом севастократора 451, 475
- Кефаллиния, о.; — поселение мардаитов* 185; — становится фемой 258, 320; — захват норманнами 488; — остается во владении норманнов 492; — владение Николая Орсини 601; — владение графа Карло Токко 659
- Кефалония, см. Кефаллиния*
- Кефисс, р. в Беотии, сражение при* (1311) 599
- Кидонис, Димитрий, писатель и государственный деятель* 573, 625, 642, 647, 649, 653
- Киев, г.* 299, 332, 353, 359, 367, 381, 474
- Кизик, г. и полуостров, захвачен Муавией* 176; — место поселения киприотов при Юстиниане II 185; — место рождение Феодора Скутариота 510; — переправа каталан в 596
- Киликия, 131; — во время войны Ираклия с персами* 152; — нападения арабов 176, 330; — командование Никифора Фоки Старшего в 331; — покорение Никифором Фокой 365, 366; — завоевание сельджуками 424, 430; — движение части крестоносцев в 448; — княжество Малая Армения в Киликии: подчинено Иоанном II 464, 465; — при Мануиле I 472; — при царе Левоне II 522

- Киннам, Иоанн*, историк 33, 390, 432–434, 468, 474, 480
- Кипр*, о., захвачен арабами 167–168, 176; — раздел доходов с 183; — переселение жителей в Кизик 185–186; — уничтожение арабского флота при 227; — временно византийский при Василии I 309; — фема 320; — экспедиция Имерия 332; — отвоеван Никифором Фокой 365, 367; — при Исааке Комнине 487; — занят Ричардом Львиное Сердце 497; — король Амальрик 503; — король Петр 644
- Кир*, патриарх Александрийский 159, 164, 166, 180
- Киренаика*, в составе префектуры Восток 73
- Кирилл*, патриарх Александрийский 100–101
- Кирилл*, см. Константин (Кирилл)
- Китай*, шелковая торговля 118; — поход Тимура 666
- Кичево*, г. 543
- Клермонский Собор* 444
- Клидий*, горный проход 387
- Климаты* 274
- Климент IV*, римский папа (1265–1268) 552
- Климент V*, римский папа (1305–1314) 598
- Клисурь* 273–274, 319–320
- «*Клиторологий*» Филофея 43, 283, 306, 320–321, 324, 576
- Клокотница*, сражение при (1230) 530–531, 535
- Клюнийское реформаторское движение* 416, 444
- «*Книга церемоний*» Константина VII 35, 62, 79, 103, 283, 320, 332, 357, 359, 400, 576
- «*Книга епарха*» 284–285, 326, 428
- Кодин, Георгий (Псевдо-)* 110, 261, 576, 638
- Кодификация римского права* 97, 113, 119–120, 218, 285, 310, 313
- Козма*, болгарский пресвитер 281
- Коллом, Пьер* 398
- Коломан*, болгарский царь 534
- Колония*, г. 352; — фема 320, 325
- Колоны* 79, 94, 121
- Кольбер, Жан-Батист* 32
- Комбефис, Франсуа* 32–33
- Комит Опсикия* 151, 323
- Комитопулы*, сыновья комита Николая 377–379
- Комнин, Алексей*, протосеваст 483–484
- Комнин, Алексей*, сын Иоанна II 466
- Комнин, Андроник*, сын Иоанна II 466
- Комнин, Давид*, наместник Фессалоники при Андронике I 489
- Комнин, Исаак*, брат Алексея I, севастократор 451
- Комнин, Исаак*, правитель Кипра 487

- Комнин, Исаак*, севастократор, военачальник при Алексее III 500
- Комнины*, византийская семья и династия 419, 422, 429, 431–433, 439, 452, 455, 459–462, 466, 482–483, 487, 489–490, 498, 503, 510, 538, 584; — *Великие Комнины* в Трапезунде 518, 520, 524–525
- Кондаков, Никодим Павлович* 6–7, 10, 40, 46
- Кондостефан, Андроник*, великий дукс 484
- Конрад III*, германский король, отношения с Иоанном II 465; — с Мануилом I 467–470, 474
- Констант I*, западноримский император 89, 92
- Констант II*, император 135, 160, 165, 168, 169, 172–175, 180, 182, 184, 196, 200, 257
- Константин (Кирилл)* из Фессалоники, просветитель славян 281, 287; — миссия в державу хазар 299; — в Моравию 299; — создание славянской письменности 300
- Константин Бодин* 427, 442
- Константин Тих*, болгарский царь 541, 552, 554
- Константин Философ*, автор жизнеописания Стефана Лазаревича 569
- Константин I Великий*, император 53, 55, 59, 71–77, 79–82, 84, 86–90, 95, 97, 107, 118, 144, 145, 239, 294, 319, 471, 507, 545, 662, 682
- Константин I*, римский папа (708–715) 199
- Константин II*, западноримский император 89
- Константин III*, император 154, 162–165
- Константин IV*, император 173, 175, 177, 178, 180–183, 186, 198, 200, 202, 215, 237
- Константин V*, император 138, 203, 207, 209, 216, 218, 219, 224–239, 241, 244, 246, 256, 267, 268, 275, 287
- Константин VI*, император 237, 238, 240–242, 244, 246, 247, 250, 270
- Константин VII Багрянородный*, император 32, 37, 62, 103, 155, 156, 204, 272, 277, 278, 282, 285, 304, 309, 313, 316, 320, 322, 332, 334, 335–338, 344, 345, 349, 354–359, 361, 366, 369, 372, 382, 414, 540, 576
- Константин VIII*, император 361, 369, 375, 400, 401
- Константин IX Мономах*, император 398, 406, 407, 412–418, 420, 423, 424
- Константин X Дука*, император 422–424
- Константин XI Палеолог Драгаш*, деспот Морей 671, 675, 677, 678; — регент в Константинополе 672; — император 16, 678–680, 682
- Константин*, анфипат, дукс 391
- Константин*, епископ Наколийский, иконоборец 221
- Константин*, патриарх Константинопольский (754–766) 233
- Константин*, пресвитер 179
- Константин*, сын и соправитель Василия I 304, 310, 312, 313
- Константин*, сын императора Феофила 288
- Константинов дар* 421

Константинополь 33, 43, 76–77, 85–86, 88, 93–94, 96, 104–105, 107, 111, 114–116, 141, 142, 149, 151, 155, 159, 162, 167, 168, 171, 172, 175, 183, 197–200, 212, 214, 222, 225, 226, 229, 233, 234, 237–239, 258, 261, 275, 299, 307, 310, 323, 329, 331, 342, 346, 365, 367, 371, 372, 374, 377, 380–383, 387, 389, 404, 419, 421, 426, 440, 444, 464, 465, 474, 475, 480, 483, 484, 487, 494, 496, 500, 501, 523, 525, 526, 540, 546, 548, 557, 578, 581, 593, 616, 617, 621, 622, 625, 630, 637, 645, 652, 656, 661, 663, 664, 672, 674, 678–680; — основание 85, 682; — население 85; — равное положение с Римом 73–75, 90; — Университет 97; — церковно-политическая борьба против Александрии 100–102; — антигерманское движение 103–104; — раскол с Римом 106–107; — Ипподром и димы 109–110; — восстание Ника; — центр торговли 118; — производство шелка 119; — Пятый Вселенский Собор 123; — свержение Маврикия 128; — вступление на престол Ираклия 131; — осада аварами и славянами 133, 152–154; — антагонизм по отношению к восточным провинциям 161; — отъезд Константа II 172, 173; — осада арабами 176–178; — Шестой Вселенский Собор 180, 194; — вторая осада арабами 197, 213, 215, 216, 221, 297, 302, 303, 305; — борьба с иконами 222, 224; — права юрисдикции по отношению к Балканскому полуострову и Южной Италии 230, 231, 287; — Седьмой Вселенский Собор 245; — коронация Карла Великого 246–248, 263; — нападение Крума 266; — осада Фомой Славянином 270, 271; — нападение руси (860) 298; — конфликт с Римом при Фотии 281, 287, 294, 296, 301, 302, 305; — эпарх 284, 322, 326, 400; — торговля и ремесла 326, 327; — нападение Олега 332, 333, 353; — нападения Симеона 335, 336, 339; — нападения Игоря 352, 353; — визит Ольги 359; — вступление Никифора Фоки 361; — посольство Луитпранда 366, 367; — нападение Варды Фоки 376; — основание высшей школы (1045) 408; — осада Львом Торником 414; — разделение Церквей 413–416; — вступление Исаака Комнина 419; — обеспечение зерном 428; — вступление Никифора III 429, 430; — Алексея I 431; предоставление льгот венецианцам 441; — осада печенегами 442, 443; — прибытие крестоносцев 446; — визит Конрада III 469; — резня латинян 484; — убийство Андроника I 489; — Барбаросса под Константинополем 496; — взятие крестоносцами (1204) 433, 434, 503–509, 518, 521; — латинское владычество 511, 515, 516, 520–522, 527–532, 536, 543, 544; — отвоевание (1261) 510, 545, 555, 585, 601; — культурный центр при Палеологах 581; — репрессии против венецианцев 593; — прибытие каталанцев 596, 599; — вступление Андроника III 606; — судопроизводство 607, 608; — вступление Иоанна VI 626; — чума 632; — таможенные сборы 634; — Андроник IV захватывает власть 649, 650; — блокада 658; — нападение Мусы 667; — осада Мурадом II (1422) 669, 672; — противодействие Флорентийской унии; — осада Мехметом II и падение 566–568, 678, 680–682; — столица Османской империи 682, 683

- Константинопольский Патриархат* 101, 230, 287, 296, 301, 306, 382, 415, 416, 589, 648
- Констанций*, император 77, 89, 90, 92
- Констанция*, супруга Генриха VI 502
- Констанция-Анна*, дочь Фридриха II, вторая супруга Иоанна III 512, 535
- Копты* 102, 109, 123, 161, 167
- Корвин* — см. *Хуньяди*
- Кордова*, г. 124, 358
- Коринф*, г. 257, 659, коринфский залив 116, 338, 526, 629; — взят Рожером II 469
- Корон*, г. в венецианском владении 515, 601, 671
- Корфу*, о. захвачен норманнами (1147) 469; — захвачен норманнами (1185) 488; — эвакуирован норманнами 492; — договор (1203) 507; — взят Манфредом 543
- Кос*, о., захвачен арабами 168, 176
- Косма*, патриарх Константинопольский (1075–1081) 462
- Косово Поле*, битва на (1389) 655, 678
- Котор* (Коттаро), г. 306
- Красное море* 119
- Крестовые походы* 53, 150, 373, 418, 433, 435, 444–446, 470; — первый 447, 448; — второй 467, 469, 474, 505; — третий 495, 502, 505; — четвертый 504–507, 598; — позднейшие 553, 644, 661, 674, 676; — крестоносные государства (тж. латинские государства) 448, 460, 464, 465, 467, 473, 477–479, 497, 527
- Крестьяне, крестьянство, крестьянское землевладение* 66, 67, 79, 80, 94, 139, 147, 186–193, 195, 201, 250, 253, 254, 270, 285, 302, 329, 347–351, 356, 357, 362, 364, 370, 383–385, 399–402, 409, 410, 412, 428, 455, 456, 479, 480, 485, 583, 586, 625
- Крит*, о. 292, 303, 651; — высадка славян 142; — ограбление арабами 168; — фема 217; — взятие арабами 271, 272; — экспедиция логофета Феоктиста 290; — экспедиция Имерия 332; — экспедиция Константина Гонгилы 358; — отвоевание Никифором Фокой 360; — в венецианском владении 516
- Критовул*, историк 565, 567
- Кроя*, г. 535
- Крум*, болгарский хан 249, 260, 264–267, 510
- Крумбахер*, Карл 21–24, 37–39, 49, 56,
- Крупное землевладение* 94, 110, 428, 622; — рост в ранневизантийское время 77; — в Египте 161; — скупка мелких земельных владений и ответные меры правительства 328, 347, 350, 351, 362, 365, 370, 383, 384; — победа над центральной властью в XI в. 399, 401, 402; — привилегии 409, 410, 491; — основа вооруженных сил при Комнинах 456; — способствование ему 481, 482; — рост при Палеологах 582, 583

Крым 119, 200, 274, 381
Ксифилин, Иоанн — см. *Иоанн Ксифилин*.
Ктесифон, г. 144
Куврат, старобулгарский князь 154–156
Кудам, арабский писатель 206
Кукулес, Федон 55
Кулаковский, Юлиан Андреевич 42, 150, 152, 179, 184, 213
Кулин, бан Боснии 500
Куманы — см. *Половцы*
Куник, Арист Аристович (Эрнст) 40
Куркуас, Иоанн, полководец при Романе I и Константине VII 345, 351–353, 370
Куропалат, титул 214, 225, 261, 321, 361, 370, 451
Кылыч-Арслан I, никейский эмир 443
Кылыч-Арслан II, иконийский эмир (султан) 478

Л

Лаббе, Филипп 32, 33
Лазарь, сербский князь 653–655
Лазика 115, 119, 153, 172
Лакатин, Константин, сын и соправитель Романа I 344, 354
Лакатин, Стефан, сын и соправитель Романа I 344, 354, 372
Лакатин, Христофор, сын и соправитель Романа I 341, 342, 344, 345, 353
Лакатины, династия 337–340, 342, 344–346, 354–356
Лала Шахин, бейлербек Румелии 644
Ламброс, Спиридон 569, 643
Лампсак, г. 531
Лангобарды 63, 223; — в Италии 124; — войны при Константе II 174; — за-
 нимают Равенну 230; — подчинены Карлом Великим 245, 246
Лаодикия, г. 332, 449
Ларисса, г. 380, 441, 535
Ласкарь, Константин, брат Феодора I 520, 521
Ласло II, король Венгерский (1162) 474
Латинская империя 36, 43, 53, 511, 522, 527, 528–530, 547–549, 588; воз-
 никновение 437, 438, 507, 515, 516, 519, 521; — войны с Феодором I
 522, 523; — Иоанном Ватацем 529, 531, 535; — упадок и крушение 532,
 533, 536, 543, 545
Латинский язык, литература, источники 97, 98, 135, 157, 315, 435, 436, 512,
 514, 572
Латиняне, византийское отвращение к 434, 460, 477, 482, 483, 486, 488; —
 резня в Константинополе (1182) 484; — после четвертого крестового
 похода 507, 518–520, 523
Лаханодрокон Михаил, стратиг фемы Фракисийцев при Константине V 241

- Лебо, Шарль* 34, 35
Лев I Великий, римский папа (440–461) 99–101, 106
Лев I, император 103, 104
Лев II, император 104
Лев II, князь Малой Армении
Лев III, император 138, 177, 209, 210, 213–227, 230, 231, 235, 265, 271, 284, 294, 297, 311, 439
Лев III, римский папа (795–816) 247, 262
Лев IV, император 236–238
Лев V Армянин, император 134, 205, 263, 265–268, 270
Лев VI Мудрый, император 140, 253, 277, 282, 284–286, 303–305, 309–318, 322, 325, 328, 329, 333–335, 337, 339, 346, 347, 354, 358, 589
Лев IX, римский папа (1049–1054) 398, 416
Лев Грамматик, хронист 204, 205
Лев Диакон, историк 35, 278, 371
Лев Математик, ученый 294
Лев Триполит, арабский адмирал; — взял Фессалонику (904) 331, 332, 351
Лев, архиепископ Охридский 398, 404, 417
Левон, киликийский князь 464, 503, 522
Левуний, нагорье, сражение при (1091) 445
Левченко, Митрофан Васильевич 54, 130, 195, 196, 359, 397
Лекъен, Мишель 34
Лемерль, Поль 51, 54, 146, 187, 191, 251, 254, 258, 347, 396, 398, 446, 608, 623, 640, 654
Лемнос, о. 351, 565, 608, 656
Леонард Хиосский 568
Леонтарий, г. 659
Леонтий, император 195–197, 199
Леонтий, узурпатор при Зиноне 106
Лерин, г. 624
Лесбос, о.; место ссылки императрицы Ирины 248; — нападение Венеции 476; — владение латинского императора 515; — занят никейским флотом 529; — спасен от захвата латинянами 612; — при Гаттилузио 637; — место бегства Мануила 654
Леунклавий, Иоганн 32, 210
Либаний, ритор 60
Ливия 73
Лидия 447
Ликарио, великий дукс при Михаиле VIII, покоряет Эвбею и другие острова 558
Лимес 83, 146
Лимпидар, Константин Дука, комендант Сард 598

- Лисс (Лежа)*, г. 142
Литва 589
Лихуд, Константин, государственный деятель и ученый; — патриарх Константинопольский (1059–1063) 394, 407, 411, 419, 421, 422
Лициний, император 84
Логофеты, ведомства логофетов 149, 196, 255, 325, 428, 638; — логофет дрома 149, 289, 290, 322, 323, 332, 453, 638; — логофет геникона 149, 195, 248, 323, 509, 638, 639; — логофет идикона 149; — логофет страстиотикона 149, 418; — логофет секретов 453; — великий логофет 434, 453, 509, 557, 604, 605, 639
Лондон, визит Мануила II в 664
Лоран, Виталиан 50, 51, 63, 391, 398, 542, 553
Лотарингия 446
Лотарь III, германский император 465
Луитпранд, епископ Кремонский, посланник Оттона I в Константинополе 279, 366
Людovic Благочестивый 263, 269
Людovic I Великий, король Венгрии 645, 653
Людovic II, германский император 308, 309
Людovic VII, французский король 468–470, 484, 505
Людovic IX Святой, французский король 552, 553
Людovic XIII и византиноведение 32
Людovic XIV и византиноведение 32
Людovic, граф Блуа 519, 520

М

- Мабийон, Жан* 34
Маврикий, император 60–62, 125, 126, 129, 131, 134, 141, 150, 169, 173, 256, 284
Мавритания 73, 114, 124, 170, 197
Маврозом, Мануил, владетель в долине Меандра 519
Мавропод, Иоанн, поэт и ученый 395, 408, 414
Мавропотам, р., сражение при (844) 291
Магистр, титул 288, 325, 397, 402; — магистр оффиций 62, 75, 76, 82, 149; — магистр армии 82, 96, 105, 113; — магистр пехоты 82; — магистр конницы 82
Магн Магненций, узурпатор 89
Магнавра, дворец; высшая школа в Магнавре 238, 240, 293
Магнисия, г. 539, 595, 596
Майна, область 549
Майяфарикин — см. *Мартирополь*
Македония 265, 436, 600; — диоцез префектуры Иллирик 73, 95; — вторжение славян 169; — нападения болгар 229; — фема 257–259, 265, 291, 302, 307,

- 320, 325; — богомильство 342, 343; — в составе державы Самуила 378, 379, 385, 386, 390; — вторжения узов; — норманнов 441; — печенегов 463; — при Ангелах 492, 493, 500, 501; — под латинским владычеством 515, 522; — завоевания Феодора Ангела 527; — при Асене II 530; — при Иоанне Ватаце 534, 535, 541; — поселение половцев 537; — вторжение сербов 598; — походы каталанцев; — гражданская война между Андроником II и Андроником III 603, 606; — сербское владычество 608, 610, 623, 628, 629, 648; — битва при Марице 648. — См. тж. *фема Македония*
- Макремволит, Алексей*, византийский писатель 575, 622
- Макри-Плаги*, сражение при 550
- Макроливада* 267
- Максим Исповедник* 137, 169, 172, 173
- Максимиан*, соправитель Диоклетиана 84
- Малая Азия*, войны с персами 131, 141, 143–144, 146, 150–152; — поселения славян при Константе II 169; при Юстиниане II 184–185; — войны с арабами при Константе II 167; при Константине IV 176–177; при Льве III 216; при Константине VI 244; — враждебность к иконам 221, 235, 239; — мятеж Артавазда 226; — наделы моряков 254; — восстание Фомы 270–271; — войны с арабами при Феофиле 274–275; при Михаиле III 297–298; — павликиане 291, 308; — мятежи Варды Склира и Варды Фоки 375, 380; — военная аристократия 404, 419, 429; — завоевания сельджуков 424–426, 430–431, 439–440; — турки-сельджуки и Алексей I 444, 446, 450; — первый крестовый поход 447; — поселение сербов при Иоанне II 463; — походы Иоанна II 464; — второй крестовый поход 468–469; — войны Мануила I 478; — при Андронике I 483, 487; — Никейская империя 518–523, 529, 536, 547; — вторжение монголов 533–534; — завоевания турок 563, 592, 594–596, 605, 608, 610–611, 649, 657, 667, 675; — вторжение Тимура 666
- Малая Армения* 464, 503, 522
- Малеин, Евстафий*, каппадокийский магнат 383
- Малеины*, византийский род магнатов 383
- Малик Гази*, эмир из династии Данишмендидов 449
- Мальта*, о., взятие арабами 308
- Мамистра*, см. *Мопсуэстия*
- Мамлюки* 554–556
- Мамун*, багдадский халиф 274, 275
- Манассия, Константин*, хронист 437, 476
- Маниак, Георгий*, военачальник; — узурпатор 401, 412–414
- Манихейство* 343
- Манкафа, Феодор*, владетель Филадельфии 519
- Мануил I Комнин*, император 433, 434, 436, 437, 466–483, 486–488, 490, 494, 505, 579, 627

- Мануил II Палеолог*, император 36, 575, 642; — правитель Фессалоники 647, 648, 649; — соправитель 650–655, 657; — самостоятельное правление 657, 658, 660, 662, 664–672
- Мануил*, военачальник при Константе II 166, 167
- Манфред*, король Сицилийский 542–544, 548, 551, 561, 562
- Манцикерт*, г., битва при (1071) 425, 426, 431, 478
- Маргарита Венгерская*, вторая супруга Исаака II 492
- Мардаиты* 185, 186
- Марица*, р., 530, 534, 624, 628; — сражение при (1371) 575, 643, 648, 649, 655
- Мария*, дочь императора Феофила 288
- Мария*, первая супруга Василия I 304
- Мария Антиохийская*, вторая супруга Мануила I 482, 484, 487
- Мария Асанина*, племянница Андроника II, супруга Рожера де Флора 596
- Мария де Куртенэ*, третья супруга Феодора I 523
- Мария Дукена*, супруга Михаила VII и Никифора III 430, 431, 462
- Мария Лакапина*, супруга Петра Болгарского 341
- Мария Ласкарина*, дочь Феодора II, супруга Никифора I Эпирского 535, 541
- Мария Палеологина*, племянница Михаила VIII, вторая супруга Константина Тиха 554, 559
- Мария Палеологина*, сестра Иоанна V, супруга Франческо Гаттилузио с Лесбоса 637
- Мария Пафлагонская*, первая супруга Константина VI 241
- Марк Евгений*, митрополит Эфесский 576, 627, 673
- Маркеллы*, крепость, сражение при (792) 244
- Маркиан*, император 103, 180
- Марко Королевич*, сын Вукашина 648, 660
- Марсе*, Жорж 53
- Мартин I*, папа Римский (649–655) 170–174, 194, 196
- Мартин IV*, папа Римский (1281–1285) 560, 561, 588
- Мартина*, вторая супруга Ираклия 162–166
- Мартирополь* (Майферкат, Майяфарикин), г. 115, 373
- Матфей*, монашеское имя Мануила II 670
- Меандр*, р. 519, 522, 537
- Медина* 168
- Мезезий*, узурпатор 175
- Мезия (Мёзия)*, занята славянами 73, 105, 179, 493
- Мельник*, г. 534
- Мелиссин*, Макарий, хронист 566, 567
- Мелиссин*, Никифор, претендент на престол, кесарь 430, 431, 452
- Мелиссин*, Стефан Гаврилопул, фессалийский владетель 612
- Мелиссины*, византийский род 262, 602

- Мелитина*, г.; отвоевана византийцами (ок. 747) 227; — расселение павликиан 291; — поражение Василия I под 308; — взята византийцами (934) 352; — эмиры Мелитины 291, 297, 464
- Мелкое земельное владение*; упадок в ранневизантийское время 66, 117–118; — укрепление в VII в. 148, 188, 189; — меры к его защите в X в. 286, 346–348, 350, 351, 356, 363, 365, 370; — упадок в XI в. 402, 409, 455
- Менандр Протиктор*, историк 61
- Меркати, Сильвио Джузеппе* 511
- Месадзон* 453, 571
- Месарит, Иоанн*, брат Николая Месарита 511
- Месарит, Николай*, епископ Эфесский, писатель 508, 511
- Месемврия (Несебр)*, г., взята Крумом 265; — победа Льва V 266; — занята Михаилом VIII 549, 554; — в руках болгар 597; — в руках византийцев 645
- Месопотамия*, во время византийско-персидских войн 92, 154; — захвачена арабами 162, 167; — византийское наступление в VIII в. 227; — византийское наступление в X в. 352, 353, 358, 373; — вторжение сельджуков 424; — вторжение крестоносцев 448; — вторжение Тимура 666; — в составе державы осман 683
- Мессалиане* 343
- Мессина*, г. 413
- Места (Нест)*, р. 628
- Метохит, Алексей*, наместник Фессалоники 627
- Метохит, Феодор*, государственный деятель, ученый 571, 572, 580, 592, 604, 605, 639
- Меурсий, Иоанн* 32
- Мефодий*, апостол славян 281, 287; — миссия в Моравии 299, 300
- Мефодий*, патриарх Константинопольский (843–847) 269, 289, 290, 294, 295
- Мехмед I*, османский султан (1413–1421) 667, 669
- Мехмед II*, османский султан (1451–1481); — осаждает и берет приступом Константинополь 567, 677, 678, 680–682
- Миклошич, Франц* 48
- Милет*, г. 519
- Милицарисий*, византийская серебряная монета 250, 253, 453
- Милинги*, славянское племя на Пелопоннесе 256, 291
- Миллер, Уильям* 43
- Милутин*, сербский король 563, 571; — покоряет византийские земли 561, 581, 591; — брак с Симонидой 571, 572, 592; — союз с Карлом Валуа 598; — с Андроником II 591, 592
- Мириокефал*, г., сражение при (1176) 478
- Мирча Старый*, валахский князь 660
- Мистра*, г. 549, 565, 668, 675, 678

- Михаил Авториан*, патриарх Константинопольский в Никее (1208–1212) 511, 520
- Михаил Анхиальский*, патриарх Константинопольский 437
- Михаил Асень*, болгарский царь 541
- Михаил Захлумский*, 342
- Михаил Зетский*, получает из Рима королевскую корону (1077) 427
- Михаил Кируларий*, патриарх Константинопольский (1043–1058) 398, 422; — разделение Церквей 416, 417, 419, 420; — при Исааке I 420, 421
- Михаил Сириец*, хронист 137
- Михаил Фессалоникийский*, еретик, ритор 437
- Михаил Шишман*, болгарский царь 606, 609
- Михаил*, царь болгарский (1246–1256) 534
- Михаил I Ангел*, владетель Эпира 513, 518, 525, 526, 535
- Михаил I Рангаве*, император 261–265, 290, 291
- Михаил II Ангел*, деспот Эпира 512, 541, 543, 550
- Михаил II*, император 204, 269–272, 274
- Михаил III*, император 204, 277, 283, 287, 288, 292, 293, 296, 302–305, 321
- Михаил IV*, император 403–405, 416
- Михаил V Калафат*, император 395, 405
- Михаил VI*, император 418, 419–421
- Михаил VII Дука Паратинак*, император 183, 395, 425–430, 433, 461
- Михаил VIII Палеолог* 281, 510, 513, 514, 570, 572, 579–581, 601, 614, 627, 671; — комендант в Серрах и Мельнике 534; — при дворе Иконийского султана 540, 541; — великий дукс, деспот, соправитель 542–545; — самостоятельное правление 546, 548–550, 552–562, 583–585, 591, 593, 594
- Михаил IX Палеолог*, соправитель Андроника II 590, 595, 597, 601, 603
- Михианский спор* 242, 249, 262
- Модон*, г., под венецианским владычеством 515, 601, 671
- Модрина*, г. 226
- Моммзен*, Теодор 37
- Момчило*, гайдук 623, 624
- Монашество*: в V в. 100; — в VII в. 193; — сопротивление иконоборчеству 234, 235, 275; — после победы православия 239, 242; — при Никифоре Фоке 362; — при Василии II 384; — при Андронике II 588, 589; — исихазм, 573, 574, 616–619, 621, 626, 627, 637. — См. тж. *Зилоты*, *Афон*
- Монголы*, вторжение в Европу и Переднюю Азию 533, 534, 537, 538, 540, 555; — вторжение хана Хулагу 554–556; — Тимура 665, 666. — См. тж. *Татары*
- Монемвасия*, г. 255, 549, 601; — монемвасийская хроника 205, 256, 257
- Монескьё* 34
- Монетное дело*; реформа Константина I 81; — Анастасия I 107; — достоинства монет 285; — порча при Никифоре II 368; — обесценение при

- Константине IX 411, 451; — при Алексее I 453, 454; — при Палеологах 585; — окончательный упадок 670. — См. тж. *солид, номисма, иперпир, милиарисий, кератий, фоллис, тетартерон*
- Мономах, Иоанн*, наместник Фессалоники 598, 612
- Монофелитство*, при Ираклии 160, 164; — при Константе II 169, 170; — осуждено на Шестом Вселенском Соборе 180; — реакция при Филлипике 211–213, 232
- Монофиситство и Халкидонский Собор* 101, 102; — при Василиске и Зигоне 106, 107; — при Анастасии I 109–111; — при Юстиниане I 113, 122, 123; — при Фоке 130; — при Ираклии 159, 260, 167, 169; — при иконоборцах 211, 220, 227, 232, 233, 268
- Моноэнергизм* 159
- Монут, Феофан* 225
- Монфокоп, Бернар* 34
- Мопсуэстия (Мамистра)*, г. 365, 449, 464
- Морава*, р., сражение на (1190) 497
- Моравия*, миссия Константина и Мефодия 281, 298–300; — изгнание учеников Мефодия 307; — татарские вторжения 533
- Моравчик, Дьюла* 56, 279, 396, 415, 487, 566, 567
- Морея*, под французским владычеством 516, 517; — войны при Михаиле VIII 553, 556, 560; — реорганизация при Андронике II 600, 601, 608; — усиление при Мануиле Кантакузине 632, 633, 637, 638; — при Палеологах 652, 658, 664, 672, 678; — османские вторжения 659, 661; — взлет в XV в. 668, 671, 675; — опустошение османами 669; — покорение 677, 682; — «Морейская хроника» 456, 510, 517, 543, 550, 584. — См. тж. *Ахайя, Пелопоннес*
- Морской закон* 140
- Мосинополь*, г., сражение при (1185) 492
- Москва*, византиноведение в 47; — Московская держава 662, 663; — отвергает Флорентийскую унию 673; — наследие Византии 683. — См. тж. *Россия*
- Мосул*, эмир 352
- Мраморное море* 85, 516, 593, 652, 667, 670, 675
- Муавия*, наместник Сирии, затем халиф; — завоевания, строительство флота и первые операции на море 167–169, 171; — осада Константинополя и заключение мира 175, 176, 177, 182
- Музалон, Георгий*, регент при Иоанне IV Ласкарисе 512, 540, 542
- Муниципальное устройства*, его упадок 67
- Мунтанер, Рамон*, каталанский историк 563
- Мурад I*, османский султан 643, 649, 650, 654, 657
- Мурад II*, османский султан 568, 669, 670, 674–678
- Муральт, Эдуард фон* 40
- Муса*, сын Баязида I 667

Муселе, византийский род 345
Мустафа, брат Мурада II 669
Мутасим, багдадский халиф 291, 297; — берет Аморий и Анкиру 275
Мутафчиев, Петр 44, 338, 389, 390, 493, 494
Мухаммад, основатель ислама 53, 161
Мюллер, Иван фон 21, 22
Мюллер, Йозеф 48

Н

Наваррцы, в Ахайе 659
Навплий, г., под венецианский владычеством 550, 671
Наемники, в ранневизантийское время 83, 96, 125, 147; — в XI в. 412, 425; — при Комнинах 431, 440, 445, 455, 480, 483; — при Палеологах 549, 584, 595, 596, 668
Назарет, г., взят Иоанном Цимисхием 373
Наисс, г. 142. — См. тж. *Ниш*
Налоги (подати), налоговая система 8, 190–192, 285, 291, 348, 366, 384, 454, 456, 481, 485, 490, 583; — система Диоклетиана-Константина 79, 80, 107; — меры Юстиниана I 118; — меры Анастасия I 107, 108; — меры Никифора I 250, 251; — откуп налогов 411, 423, 451, 454; — налоговые льготы 93, 250, 409, 491, 524, 544, 583, 586, 604; — налог на наследство 251; — налог с нашедшего клад 251; — поземельный налог 108, 191, 192, 250; — налог с дыма 250; — подушный налог 80, 192, 259; — городские налоги 107, 243; — исчисление налогов при Алексее I 453–455; — «германский налог» 503; — мероприятия Андроника II 586, 587; — налог для постройки кораблей 491
Нарсес, полководец Юстиниана I 113, 115, 117
Натуральные подати 79, 81, 454, 455, 586
Неаполь, г. 600, 646, 679; — взят Велисарием 114; — при Константе II 174; — неаполитанское королевство при Карле Анжуйском 590
Неккар, р. 93
Неманичи, сербская династия 476, 541, 653
Неманя, Стефан, великий жупан Рашки 436, 475, 524, 591; — войны против Мануила I, сдача 475; — освобождение от Византии 487, 495; — переговоры с Фридрихом I 496; — поражение на Мораве 497; — монах 499
Неопатры, столица удельного государства Фессалии 558; — присоединена к каталанскому афинскому герцогству 602
Неоплатонизм, неоплатоники 91, 223, 408, 459, 572, 668.
Нерио I Аччаюоли, герцог Афинский 659
Нерио II Аччаюоли, герцог Афинский 675
Несторианство, несториане 101, 102, 123, 233, 268
Несторий, патриарх Константинопольский (428–431) 100, 101
Нестор-Искандер, повествование о падении Константинополя 568

- Нибур, Бертольд Георг* 35, 36
- Ника*, восстание 116
- Никея*, г. 375, 419, 430, 434, 443, 445, 509, 572, 595; — Собор (325) 88, 89, 208; — нападения арабов 216; — Собор (787) 208, 210, 240, 245, 246, 267; — укрепление 297; — взята крестоносцами 447; — взята турками (1331); — Никейская империя 510–512, 518: при Феодоре I 519, 520, 521–527; — при Иоанне Ватаце 528, 529, 531–538; — при Феодоре II 539–541, 543; — взятие османами (1331) 611.
- Никита Давид Пафлагон*, автор Жития патриарха Игнатия 282
- Никита*, игумен Мидикийский 207
- Никита*, новилиссим, сын Константина V 236
- Никита*, сын Артавазда 225, 226
- Никитиат, Сергей*, магистр, дядя Феодоры 288, 289
- Никуу*, г., сражение при (646) 167
- Никифор I*, деспот Эпира 535, 550, 553, 560, 590, 591
- Никифор I*, император 204, 205, 248–256, 258–262, 264, 323
- Никифор II Фока*, император 278, 279, 285, 353; — военачальник 358, 360; — правление 361–370, 373–375, 384, 385, 392
- Никифор II*, деспот Эпира 612, 613, 640
- Никифор III Вотаниат*, император 395, 412, 429, 430, 433, 443
- Никифор*, кесарь, сын Константина V 236–238, 241
- Никифор*, патриарх Константинопольский (806–815), историк 134–136, 149, 154, 155, 165, 176, 203, 208, 228; — богослов 208; — патриарх 261, 265, 267, 269, 290, 295; — низложен 267
- Никифор*, сын и соправитель Артавазда 225, 226
- Никифорица*, логофет при Михаиле VII 428, 429
- Ников, Петр* 659
- Николай Мистик*, патриарх Константинопольский (901–907; 912–925) 282, 333, 334, 335–340, 345, 346
- Николай III*, патриарх Константинопольский (1084–1111) 257
- Николай I*, римский папа (858–867) 281, 295, 296, 301, 302
- Николай III*, римский папа (1277–1280) 560, 561
- Николай V*, римский папа (1447–1455) 568, 679
- Николай*, игумен Студитский 294
- Николай*, комит, отец Комитопулов 377
- Никомидия*, г. 214, 445, 479, 529, 595; — резиденция Диоклетиана 84; — взята турками (1337) 611
- Никополь*, г. в Эпире 185. — См. тж. *фема Никополь*
- Никополь*, г. на Дунае, сражение при (1396) 661, 663, 677
- Нимфей*, г., договор Феодора I с императором Генрихом Константинопольским 523; — Михаила VIII с Генуей (1261) 544; — любимая резиденция Иоанна Ватаца 539

- Ниневия*, г., сражение при (627) 153
Нисибин, г. 353, 373
Ниш, г. 113, 142, 390, 487; — переговоры Фридриха Барбароссы с сербами в 496; — взят османами (1386) 654. — См. тж. *Наисс*
Новеллы, Юстиниана I 62, 117, 120, 157; — Юстина II и Тиверия 315; — Льва VI 286, 315–317; — в защиту мелкого землевладения 286, 328, 329, 345, 347–351, 356, 357, 369, 383, 384
Новилиссим, титул 237, 321, 451, 452
Новоперсидская держава 84. — См. тж. *Персия*
Ногай, татарский военачальник 555, 556, 597
Нойманн, Карл 39
Номисма, византийская золотая монета 250–253, 368; — обесценение при Константине IX 412; — при Алексее I 453, 454; — при Палеологах 587
Номофилак, руководитель юридической высшей школы 576
Норик 73
Норманны, 502, 505, 543; — в византийском войске 381, 412, 413, 425, 429; — в Южной Италии 414, 417, 423, 426, 463; — нападение на Империю при Робере Гвискаре 440–442; — при Боэмунде 447, 448, 449, 458; — норманнское королевство в Сицилии, отношения с Византией при Иоанне II и Мануиле I 465, 467, 468–472; — взятие Фессалоники и поражение (1185) 434, 435, 488, 489, 491, 492, 495; — норманнское княжество в Антиохии 463–465, 467
Нумизматика, данные нумизматики 33, 38, 50, 51, 63, 189, 257
Нур ад-Дин, султан Дамаска 488
Нюрнберг, договор (1188) 495

О

- Огонь греческий* 176, 177, 215, 265, 352
Одоакр, германский вождь в Италии 105, 106, 113
Олег, князь Киевский 332, 333, 353
Олимпий, экзарх Равенны, узурпатор 171, 172, 174
Олимпиодор из Фив, историк 59
Оловол, *Мануил*, византийский поэт 572
Ольга, киевская княгиня 359, 367
Омар, эмир Мелитины; подчиняется византийцам (863) 297
Омейяды, арабская династия 221, 227, 272, 358
Омуртаг, болгарский хан 266, 271
Опсикий — см. *Фемы*
Орвието, договор (1281) 560
Оронт, р. 385
Орсини, *Иоанн*, деспот Эпира (1323–1355) 612
Орсини, *Николай*, граф Кефаллинии, деспот Эпира (1318–1323) 601

- Орхан*, османский султан (1326–1359) 605, 611, 625, 634–637
Орхан, протобългарский князь 155
Осман, султан (1288–1326) 595, 605
Османы 580, 585; — покорение Малой Азии 605, 608, 611, 625; — продвижение в Европе 611, 623, 635–637, 641, 644, 648, 649, 653, 654, 659–661; — победа на Марице (1371) 648; — взятие Фессалоники 654; — битва на Косовом Поле (1389) 655; — вторжения в Грецию 659, 661; — покорение Болгарии (1393) 659; — победа при Никополе (1396) 661; — разгром Тимуром при Анкире (1402) 666; — смута 666, 667, 669; — второе взятие Фессалоники 669, 670; — победа при Варне 674–676, 678; — взятие Константинополя 678–682; — взятие Афин, Мореи и Трапезунда 682. — См. тж. *Турки*
Остготы, вторжения в Империю 93; — поселение в качестве федератов 93, 103, 104; — королевство в Италии 105, 106; — войны при Юстиниане I 114; — «готовреки» 213
Оттон I Великий, германский император, отношения с Никифором Фокой 279, 358, 366, 367, 372, 392
Оттон II, германский император, бракосочетание с Феофано 372, 381
Оттон III, германский император 393
Оттон IV Брауншвейгский, германский император 503
Охрид, столица державы Самуила 378; — вступление Василия II 388, 389; — взятие Душаном 592, 610; — архиепископство Охридское 281, 388, 389, 404, 417, 437, 524, 527, 554, 629; — XII международный конгресс византийцев в 284, 348

П

- Павел*, папский легат 645
Павел, патриарх Константинопольский (641–653) 165, 171
Павел, патриарх Константинопольский (780–784) 238
Павел, принц-регент Югославии 7
Павликиане, секта 220, 280, 291, 308, 343
Палама, Григорий — см. *Григорий Палама*.
Палеолог, Андрей, предводитель партии зилотов 625
Палеолог, Андроник, отец Михаила VIII, наместник в Фессалонике 534
Палеолог, Иоанн, брат Михаила VIII 543, 550, 558
Палеолог, Иоанн, племянник Андроника II, наместник в Фессалонике 605
Палеолог, Иоанн, сын Андроника II 571
Палеолог, Константин, севастократор, брат Михаила VIII 549
Палеолог, Константин, сын Михаила VIII 636
Палеолог, Мануил, сын Михаила IX 603
Палеолог, Михаил, брат Иоанна V 635
Палеолог, Фома, деспот Мореи 671, 675, 678, 682, 683

- Палеологи*, византийский род и династия 36, 53, 534, 542, 548, 566, 567, 569, 570, 572, 579, 581, 582, 604, 613, 621, 633, 636, 638, 641, 652, 673
- Палермо*, Сицилийский институт византийских и новогреческих исследований в 48; — взятие арабами (831) 274; — коронация Рожера II (1130) 465; — норманнское шелковое производство 469; — коронация Генриха VI (1194) 502; — сицилийская вечеря 562; — коронация Педро Арагонского (1282) 562
- Палестина*, 131, 255, 275; — возвращена Империи при Ираклии 154; — завоевана арабами 160, 162; — вторжение Иоанна Цимисхия 373; — возникновение Иерусалимского королевства 449; — планы Иоанна Комнина 465; — завоевание Саладином 495
- Панарет*, Михаил, хронист 570, 643
- Панид*, г. 651
- Паниперсеваст*, титул 452, 605, 613
- Панкалия*, сражение при (979) 376
- Паннония* 73, 93, 95, 126, 260
- Панорм*, г. — См. *Палермо*
- Пансевастоипертат*, титул 452
- Панченко, Борис Амфианович* 41, 42, 138, 169, 184, 190, 228, 258
- ПанэнтимоиPERTAT*, титул 452
- Папарригопуло, Константин* 43, 192
- Парадинастевон* 322, 360
- Паракимомен*, должность 321, 352, 360, 361, 369, 375–377, 380. — См. тж. *Василий Паракимомен, Феофан Паракимомен*
- Парапинак*, прозвище Михаила VII 427, 429, 430
- Параспондил, Зотик*, поэт 576
- Париж*, пребывание Мануила II в 664, 665
- Паризо, Валентен* 36
- Парики*, зависимые крестьяне 250, 347, 351, 370, 410, 456, 480, 582
- Парфенон*, церковь Богоматери 388; — мечеть 682
- Парфянская держава* 84
- Пасхальная хроника* 33, 134, 149, 151
- Патарены* 343. — См. тж. *Богомилы*
- Патмос*, о. 459
- Патрикий*, сын Аспара 104
- Патрикий*, титул 150, 155, 321, 325, 342, 356, 389–391, 451
- Патры*, г. 671
- Пафлагония*, родина императрицы Марии 241; — родина императрицы Феодоры 241, 289; — Михаила IV 273, 403; — Пафлагоняне 403, 405, 416; — провозглашение Исаака Комнина в 419; — при Давиде Комнине 518. — См. тж. *фема Пафлагония*
- Пахимер, Георгий*, историк 510, 537, 542, 563, 583, 586

- Педро III*, король Арагонский 561, 562
Педро IV, король Арагонский 634
Пелагония, г., сражение при (1259) 543, 549
Пелопоннес, вторжение славян и их господство на 142, 143, 205, 255–257; — поселение мардаитов на 185; — нападения арабов 309, 331; — Самуила 386; — под французским владычеством 511, 516, 558; — войны при Михаиле VIII 549, 553, 579, 584; — положение при Андронике II 600, 601; — при Иоанне VI и его сыновьях 615, 631, 632, 633, 637, 638, 652; — в XV в. 565, 575, 668, 670, 671, 675. — См. тж. *Ахайя*, *Морея*
Пемптон, ворота Константинополя 681
Пентаполь 166
Пергам, г. 523
Персия, *персы* 55, 63, 83, 118, 188, 270, 274, 286; — отношения с Империей (войны) при Юлиане 91; — Иовиане 92; — Феодосии I и Феодосии II 99; — Анастасии I 115; — Юстиниане I 115, 119, 122, 127; — Юстине II 119, 124; — Тиверии и Маврикии 125, 128; — Фоке 131, 141; — Ираклии 133, 143, 144, 146, 149–156, 158–162, 200, 201; — подчинение арабами 161, 162
Пето, *Дени* 32
Петр Амьенский 446
Петр де Куртене, латинский император 527
Петр Крешимир IV, король Хорватии (1058–1074) 427
Петр Патрикий 62, 103
Петр Сицилийский, сочинение о павликианах 280
Петр Асень II, болгарский царь 534
Петр, болгарский царь 281, 341–343, 367, 378, 381
Петр, король Кипра 644
Петр, патриарх Антиохийский 398, 417
Петр, предводитель восстания 1185 г., болгарский царь 492–495, 500, 501
Петра собор в Риме 527
Петрона, стратиг Фракисиев, брат кесаря Варды 288, 297
Печ, г., сербский патриархат в 653
Печенеги 40, 423, 425; — союз с Симеоном Болгарским 330; — союз с князем Игорем 352; — нападение на Киев (969) 367; — убийство Святослава 372; — вторжение на Балканы 414; — грабительские походы 415, 427; — в византийском войске 425, 455; — войны при Алексее I 440, 442, 443, 450, 458, 463; — подчинение Иоанном II 463; — поселение в качестве стратиотов 479
Пиги, г. 520
Пиза, г. 476, 504; — договоры с Алексеем I (1111) 451; — Иоанном II (1136) 465; — Мануилом I (1170) 476
Пимамен, г., поражение Феодора I (1204) 519, 529; — победа Иоанна Ватаца (1225) 529

- Пинд*, гора 677
Пипин, король франков 230
Пипин II, сын Карла Великого 263
«Пира», собрание судебных решений Евстафия Ромея 397, 402, 577
Пирр, патриарх Константинопольский (638–641; 654) 160, 164, 165, 171, 180
Писиды, *Георгий*, византийский поэт 133
Платон, настоятель монастыря Саккудий 242
Платон, философ 408, 459, 668
Плиска, г., первая столица болгар 260; — захвачена Никифором I 260; — Василием II 386
Плифон — см. *Гемист*, *Георгий*.
Плочник, г. сражение при 654
Погонат, прозвище Константа II 165
Подати — см. *Налоги*
Полиевкт, патриарх Константинопольский (956–970) 368
Половцы (куманы), теснят печенегов 423; — победа над печенегами (1091) 443, 450, 463; — война с Алексеем I 444, 451; — в византийском войске 455; — и второе болгарское царство 492–494, 519, 532; — поселены Иоанном Ватацем в качестве стратиотов 537; — участвуют в сражении при Пелагонии 543; — в составе мамлюков 555
Польша, татарское вторжение в 533; — владение Владислава III Ягеллона 674
Понт 73, 119, 152, 273, 274, 483, 524, 593, 595, 611
Понтион, место встречи Пипина с папой Стефаном II 230
Понтифик — см. *Верховный понтифик*.
Пошлины таможенные 243, 250, 251, 329, 441, 587, 631
Право предпочтительной покупки (протимисис) 345, 347–349, 362
Прасины 109, 111, 116, 117, 128–131, 196, 197, 324. — См. тж. *Димы*
Препозит священной опочивальни 76
Препоясанная патрикия, придворный титул 321
Преслав (Великий Преслав), болгарская столица 342; — захвачена Иоанном Цимисхием 371; — Василием II 386
Преслав (Малый Преслав), захвачен Василием II 386
Преспа, г. 378
Префект города 74, 75, 187, 638. — См. тж. *Энарх*
Префектура претория, префект претория 73–76, 78, 107, 113, 117, 149, 317; — Галлий 73, 74; — Иллирика, Италии и Африки 73; — Иллирика 73, 74, 187; — Востока 73; — исчезновение 148, 149
Привилегии, столиц 86; — крупным землевладельцам 115, 328, 363, 409–411, 491, 582, 604, 655; — Церкви 480, 582, 629; — проиарам 583; — русским 372; — Генуе 504, 544; — Пизе 451, 465, 504; — Венеции 451, 463, 504, 550, 593; — Монемвасии 601

- Призрен*, г. 427, 497
Прилеп, г. 387, 388, 501, 543, 592, 610, 619, 660
Принцевы острова 248
Принципат 67
Прихирон, уложение Василия I 286, 310–312, 315, 577
Приштина, г. 622
Провинции 72–76, 102, 106, 118, 127, 142, 144, 145, 148, 154, 159–161, 169, 214, 217, 220, 230, 231, 282, 319, 323, 327, 353, 355, 365, 390, 392, 412, 413, 429, 452, 454, 459, 481, 485, 490, 491, 502, 534, 547, 582, 604, 607, 613, 616, 641, 659, 671
Продром, *Феодор*, поэт 436
Прокопий Кесарийский, историк 60, 61
Прония, *прониары* 8, 363, 492; — при эпигонах Македонской династии 410, 411; — при Комнинах 455–457, 479, 480, 486; — под латинским владычеством 517, 519; — в Никейской империи 537; — при Палеологах 574, 575, 583, 584, 625, 649
Просек, г. 500
Прот Афона 589
Протимисис — см. *Право предпочтительной покупки*
Протасикрит, должность 212
Протовестиарий, должность 322, 345
Протоновилиссим, титул 452
Протоновилиссимоипертат, титул 452
Протопансевастоипертат, титул 452
Протопреосит, титул 322
Протосеваст, титул 441, 452, 483, 484
Протоспафарий, титул 315, 321, 397, 451
Протостратор, должность 234, 322, 613
Процентная ставка 252, 253, 574
Проздр 361, 420
Пселл, *Михаил (Константин)* 278, 376, 377, 383, 394–396, 404, 407, 408, 419, 420–423, 425, 426, 428, 434, 437, 459
Птелеон, г., под венецианским владычеством 602
Пуатье, сражение при (732) 177
Пульхерия, дочь *Феофила* 288
Пульхерия, императрица, сестра *Феодосия II* 97, 101
Пуссин, *Пьер* 32
Пято-Шестой Собор 137, 193, 194, 199

Р

- Рабан*, г. 360
Рабы, *рабовладение* 119, 121, 251, 252, 383, 472, 625

- Равенна* 38; — занята Велисарием 114; — основание Равеннского экзархата 125, 145, 171, 175, 194, 199, 200; — завоевана лангобардами 230
- Рагуза*, г. 34, 307, 390, 515. — См. тж. *Дубровник*
- Радойчич, Никола* 44, 544, 629
- Радониц, Йован* 44
- Радослав*, сербский король 530
- Разбойничий Собор* в Эфесе (449) 101
- Раймунд де Пуатье*, князь Антиохийский 465
- Раймунд Тулузский*, крестоносец 447, 448
- Райске, Иоганн Якоб* 35, 283
- Рамбо, Альфред* 37
- Ранке, Леопольд* 37
- Рансимен, Стивен* 228, 229, 244, 335, 338, 339, 378, 379, 418
- Рафаня*, г. 386
- Рашка* 405; — захват Самуилом 378, 385, 386, 390, 391; — отношения с Империей (войны) при Алексее I 442, 444; — Иоанне II 463; — Мануиле I 469, 475; — объединение Зеты и Рашки при Стефане Немани 487; — римское влияние в 499; — при князе Лазаре 653. — См. тж. *Сербия*
- Редест*, г. 428, 429, 516, 651
- Рейн*, р. 93
- Рейнальд*, князь Антиохийский 472, 473, 475
- Ректор*, придворный титул 322, 325
- Ремесла*, упадок в III в. 66; — поощрение при Анастасии I 108, 111; — при Юстиниане I 119; — в X в. 326
- Реция* 73
- Рим, римская идея* 86, 109, 112, 114, 122, 126, 247, 248, 263, 264; — управление 74, 90, 126; — утрата значения и сокращение населения 85, 86; — взятие Аларихом 97; — взятие Велисарием 114; — арест Мартина I 171; — визит Константа II 174; — при Юстиниане II 194, 200; — при Оттоне Великом 264, 366; — брак Оттона II с Феофано 373; — обращение Алексея Комнина за помощью 445
- Римская Церковь* 99; — и христологические споры в V в. 100, 101, 107, 113, 123; — и титул «Вселенского патриарха» 129, 130; — и монофелитство 160, 170, 171; — и Шестой Вселенский Собор 180, 194; — и Пятошестой Собор 194; — и монофелитская реакция Филиппика 211, 212; — и иконоборчество при Льве III 224; — при Константине V 226, 230, 231; — и франки 230; — и Седьмой Вселенский Собор 238, 245; — и Карл Великий 245–248, 262; — и второй период иконоборчества 269; — и Фотий 281, 287, 295, 296, 301, 302, 305, 310, 313; — и обращение Болгарии 281, 301, 305–307, 310; — и крещение Моравии 300; — и Василий I 308, 309; — и четыре брака Льва VI 334; — и Роман I 346; — великая схизма 415–418, 420; — коронация правителей Хорватии и Зеты па-

- пой 427; — и Иоанн II 471; — планы унии при Мануиле I 477; — и Сербия 499–501, 524; — и Калоян Болгарский 501, 531; — Латинская и Никейская империя 527, 535, 536, 540; — и Мануил VIII 548, 549, 552, 556, 560, 561; — и исихазм 618, 627, 628; — и Иоанн V 641, 642, 645, 646; — и Флорентийская уния 671–674, 679
- Риндак*, р., сражение на (1211) 523
- Ричард Львиное Сердце*, король Английский, в третьем крестовом походе 495, 497
- Робер Гвискар*, предводитель норманн, покоряет Южную Италию 423, 426; — война с Алексеем I 440, 441, 447, 450, 451, 462, 488
- Робер де Клари*, историк 435, 493
- Робер Нормандский*, крестоносец 447
- Робер де Куртене*, латинский император 527, 529
- Робер Фландрский*, отношения с Алексеем I 435, 445, 447
- Ровине*, сражение при (1395) 660
- Родопские горы* 500, 624, 638
- Родос*, о., место ссылки Мартины и Ираклоны 165; — занят арабами 166–167, 176, 213; — занят Иоанном Ватацем 529; — договор с Сулейманом 667
- Рожер*, сын Танкреда Сицилийского 502
- Рожер II*, король Сицилийский 465, 468–471
- Рожер де Флор*, предводитель каталанской компании 595–597
- Роман I Лакапин*, император 277, 278, 282, 291, 304, 337–342, 344–349, 353, 354, 356, 361, 383, 384, 402
- Роман II*, император 278, 355, 357, 359–361, 365, 372, 373, 375
- Роман III Аргир*, император 400–403, 406
- Роман IV Диоген*, император 390, 395, 425, 426, 431, 433, 444
- Роман*, сын болгарского царя Петра 377, 378
- Россия, русские* 554, 555, 666; — византиноведение в 40, 41, 42, 43, 47, 48; — нападения на Константинополь 298, 299, 332, 352; — миссионерская работа византийцев 298; — торговые договоры 332, 333, 353, 372; — визит Ольги в Константинополь 358, 359; — поход Святослава, война с Иоанном Цимисхием 367, 370–372; — помощь Василию II и крещение Владимира 381, 382; — в византийском войске 412; — последнее нападение (1043) 414; — отношение при Мануиле I 470, 483; — вторжение монголов 533; — обращения византийцев за помощью 632, 664; — отказ от принятия Флорентийской унии 674, 679; — византийское наследие 683. — См. тж. *Московская держава*
- Ростислав*, князь Моравский 299
- Ростовщичество*, запрет его 252
- Рубен*, основатель княжества Малой Армении 464
- Рудольф Габсбург*, немецкий король 560
- Руяр*, Жермена 6, 398, 401

Рум (султанат) 430, 444, 522, 534, 556. — См. *Иконий*

Румелия 644, 675

Румыния, румыны 492; — византиноведение в 44, 54

С

Сабатье, Жан 38

Сава, р. 126, 390

Савва, архиепископ Сербский 436, 499, 513, 524, 528, 532

Савджи-челеби, сын Мурада I 649

Сайф ад-Даула, эмир Мосула и Алеппо 352, 358, 360, 366

Сакелларий, глава финансового ведомства 149, 195, 196, 323, 325

Сакеллий 149, 323

Саксония 245

Саладин (Салах ад-Дин), султан Египта и Сирии 488, 495–497

Салона, г. 142

Само, основатель западнославянского государства 154

Самос, о., под латинским владычеством 515; — взятие Иоанном Ватацем 529

Самосата, г. 297, 308, 358

Сампсон, г. 519

Самуил, предводитель восстания в Македонии, царь 279, 281, 377–380, 385–391, 404, 427

Сарацины 272, 362, 373. — См. тж. *Арабы*

Сарды, г. 59, 226, 447, 595, 598

Саркел, г. 274

Сарматы 93

Сасаниды, Сасанидская держава 69, 83, 84, 118, 152, 161, 162. — См. тж. *Персия*

Святая София, собор, вновь построен при Юстиниане I 117; — размещение декретов о вере 160; — венчания императоров 214, 261; — Шестой Вселенский Собор 267; — убийство Льва V в 269; — крещение Константина VII 334; — римская булла с анафемой Кируларию 417; — подчинение патриарху 420; — под латинским владычеством 515, 516, 520; — после византийской реставрации 545; — денежные пожертвования из Москвы 632; — провозглашение унии 679; — последнее христианское богослужение 681

Святослав, великий князь Киевский 367, 368, 370–372, 379

Себеос, армянский историк 136, 152

Севаст, титул 452

Севаста, титул 406

Севастия, г. 152, 382, 152

Севастоипертат, титул 452

Севастократор, титул, введен Алексеем I для своего брата Исаака 451, 475, 500; — вручен Стефану Первовенчанному 498, 499; — Константин

- Палеолог 549; — Иоанн Фессалийский 526, 558, 591, 599; — Иоанн Палеолог 543, 553; — гайдук Момчило 624
- Севастополь*, г. 185
- Северяне*, славянское племя 179
- Сегедин*, мирный договор в (1444) 676, 677
- Селевкия*, г. 273
- Сельджуки*, вторжение в Переднюю Азию 414, 424; — победа при Манцикерте 425, 426, 440; — взятие Иерусалима 444; — при Алексее I 451; — при Мануиле I 478; — войны с Никейской империей 522; — взятие Синопа 525; — отношения с Михаилом Палеологом 540; — сотрудничество с Византией против османов и латинян 543, 549, 594, 608, 611, 612, 623, 626; — войны осман и сельджуков 657
- Сельская община* 190, 191, 251, 253, 254, 357, 384, 409
- Семендрия (Смедерево)*, г. 675
- Сенат (синклит)* 67, 71, 74, 90, 103, 171, 172, 261; — учреждение константинопольского сената 76–78; — его значение в VII и VIII вв. 128, 129, 154, 165, 166, 181, 237; — утрата значения при Македонской династии 317; — влияние в XI в. 404, 408, 409, 418, 420, 423, 430; — венецианский сенат 573, 656, 657
- Септем*, крепость 197
- Сербия, сербы*, появление на Балканском полуострове 155, 156; — при князе Властимире 306; — крещение 307; — в византийско-болгарской войне 340–342; — богомилы 343; — при Василии II 385, 391; — отношения с Византией (войны) при Алексее I 444; — Иоанне II 463, 464; — Мануиле I 469, 470, 475, 476, 479; — отделение от Византии 486, 487, 495; — переговоры с Барбароссой 496; — отношения с Византией при Ангелах 497–500; — подчинение Риму 501; — основание автокефальной архиепископии 524, 531; — влияние болгарского царства 530; — отношения с Византией при Михаиле VIII 543, 544, 552, 554, 556, 557; — расширение при Милутине 561, 580, 581, 591, 592, 598, 600; — победа при Вельбужде (1330) 609; — преобладание на Балканах при Душане 610, 614, 615, 622, 627, 635; — создание царства и патриархата 628–630; — упадок после смерти Душана 640, 644; — Сербский Патриархат 642, 643, 653; — сербы и османы 653, 654; — битва на Косовом Поле (1389) 655; — дальнейшие сражения с турками 660, 666, 667; — под турецким владычеством 683
- Сервия*, г. 386, 541
- Сергий III*, римский папа (904–911) 334
- Сергий*, патриарх Константинопольский (610–638) 133, 134, 141, 150, 152, 154, 159, 160, 171, 180, 211, 213
- Сергий*, патриарх Константинопольский (999–1019) 385, 416
- Сердика*, г. 142, 260, 380, 386, 389, 390, 479, 495. — См. тж. *София*

- Сермона*, комендант Сирмия 390
Серры, г., 379, 489, 500, 534, 608, 622, 629, 644, 648; — взяты Душаном 628; — возвращены византийцами 648; — под властью осман 654, 658
Сеттепоци, сражение при (1263) 550
Сигизмунд, король Венгрии 661
Сидон, г. 373
Силезия, татарские вторжения в 533
Силиква, серебряная монета 81. — См. тж. *Кератий*
Силимврия, г. 651
Силистрия (Доростол), г. 371, 390
Симватий, протоспафарий, юрист времен Льва VI 315
Симеон Гордый, великий князь Московский 632
Симеон Логофет, хронист 165, 166, 204, 278, 298
Симеон Новый Богослов 616
Симеон Солунский, писатель 627
Симеон, болгарский царь 282, 493, 529, 530, 628, 630; — войны против Византии при Льве VI 329–300; — при регентстве и при Романе I 335–342, 346, 351, 377, 378
Симонида, дочь Андроника II, четвертая супруга Милутина 572, 592
Синадин, Феодор, сторонник Андроника III во время гражданской войны 603, 606; — наместник Эпира, а затем Фессалоники 613, 621, 622
Сингидун, г. 126, 142. — См. тж. *Белград*
Синесий, ритор 60, 96
Синклит — см. *Сенат*
Синоп, г. 518, 525
«*Синтагма*» Матфея Властаря 140, 312, 577
Сиракузы, резиденция Константа II 174, 175; — остаются в руках византийцев 297; — взяты арабами (878) 309; — взяты Георгием Маниаком 413
Сиргианн, великий дукс при Андронике II и Андронике III 603–605; — у Душана 610
Сирия, монофиситство в 102, 111, 123, 232; — персидские вторжения 115; — центр ремесел 118; — захвачена персами 153; — возвращена в лоно Империи, монофелитство 154, 159; — арабское завоевание 160–162, 167, 168; — расселение славян при Муавии 169, 185; — место рождения Льва III 213; — походы Константина V 227; — вторжение византийцев при Иоанне Куркуасе 352, 353; — Никифор Фока 358, 365, 366; — Иоанн Цимисхий 373; — Василий II 385, 386; — Роман Аргир 401; — норманнское княжество в 449; — подчинено Иоанном II 464, 465; — при Саладине 488, 495; — походы Тимура 666
Сирмий, г., область 390, 391, 474, 487; — Собор в 90
Сиропул, Иоанн, ритор 437

Сицилия, взятие Велисарием 114; — мятеж Олимпия 171; — Константин II на 174, 175; — подчинена Константинопольскому патриархату 230; — фе-
ма 234; — арабское завоевание 272, 274, 296, 307–309, 331; — попытки
отвоевания Василием II 393; — Георгием Маниаком 412–414; — под
властью норманнов 463, 465, 488; — при Генрихе VI 502; — при Ман-
фреде 542–544, 548; — при Карле Анжуйском 548, 551–553, 560, 561; —
при Педро III Арагонском 561, 562; — сицилийская вечерня 562, 588,
589; — и каталанская компания 595

Скадарское озеро 390

Скандербег (Георгий Кастриот) 675, 677, 678

Скиафос, о. 667

Скилица, Иоанн, хронист 251, 278, 279, 285, 354, 376, 379, 387, 390, 395, 396,
401, 403, 419

Скирос, о. 667

Склавинии 143, 168, 183, 254, 259

Склир, Варда, свояк Иоанна Цимисхия 370; — узурпатор 374–376, 380,
381, 431

Склирена, возлюбленная Константина IX 406

Склирена, первая супруга Иоанна Цимисхия 370

Скодра (Скадар), г. 142, 390

Скопелос, о. 667

Скопье, г. 378; — взятие Василием II 387; — центр фемы Болгария 389,
390; — разрушен Стефаном Неманей 497; — взят Урошем I 543; — взят
Милутином Сербским 561, 591; — принятие «Законника» Стефана
Душана в 629

Скутариот, Феодор 445, 493, 510

Славяне 55, 63, 140; — вторжение и жизнь на Балканском полуострове 116,
126–129, 131, 137, 141–143, 155, 156, 188, 190, 191, 259, 260, 272, 343,
388; — осада Константинополя (626) 133, 144, 152–154; — государ-
ство Само 154; — поход Константа II 168, 169; — при Константине IV
177; — вторжение булгар 179; — при Юстиниане II 183, 185, 187; — в
Малой Азии 147, 184, 185, 186, 228, 270; — в Греции 205, 255–258,
291; — в Болгарии 228, 301; — христианизация 281, 287, 296, 298–300,
306, 382, 389, 393, 415–417; — византийское право 311, 312; — втор-
жение венгров 330; — восстание при Михаиле IV 404; — славяне
и третий крестовый поход 496; — и Никейская империя 513, 524,
526; — и борьба Михаила VIII с Карлом Анжуйским 552–554, 557,
579; — и византийские гражданские войны 605, 610, 623, 624; — и
турецкое завоевание 643, 653–655, 658, 682, 683; — славяне и Фло-
рентийская уния 673; — наследие Византии 684. — См. тж. *Болгары*,
Русские, *Сербы* и др.

Смирна, г. 176, 442, 447, 595, 625

Соборы церковные 101, 122, 169, 212, 224, 231, 238, 250, 318, 560, 645, 663; — акты Соборов 33, 57, 60, 171, 181, 208, 280, 281, 574; — Вселенские: Первый Никейский 88, 89, 94, 107; — Второй Константинопольский 88, 94, 102, 107; — Третий Эфесский 100, 107; — Четвертый Халкидонский 101–103, 106; — Пятый Константинопольский 123; — Шестой Константинопольский 137, 180, 181, 194, 211–213; — Трулльский (Пято-Шестой) 193, 194, 199; — Седьмой Никейский 208, 210, 239, 240, 245, 246, 267, 269; — Поместные: в Сердице 90; — в Аримине (Римини) 90; — в Сирмии; — в Латеране (649) 165, 170, 171; — иконопочитательский (843) 208, 289, 295; — в Латеране (863); — фотианский 281, 296, 302; — второй фотианский 310; — объединительный (920) 339, 346; — против Михаила Кирулария 421; — против харистикариев 457; — по поводу исихастского спора 574, 618, 619, 627; — Еретические: — первый иконоборческий 207, 231–235, 238, 240, 246; — второй иконоборческий 208, 209; — во Франкфурте 246; — антифотианский 281, 305; — Клермонский 444; — в Лионе 509, 557, 588, 673; — в Базеле 672; — в Ферраре и Флоренции 575, 673, 674

Советский Союз — см. СССР

Созомен, церковный историк 59

Созополь, г. 645

Сократ, церковный историк 59

Солид 81. — см. тж. *Номисма*, *Иперпир*

Соправление, соправитель 72, 77, 104, 158, 163, 165, 173, 181, 182, 184, 198, 225, 237, 241, 263, 284, 303, 304, 313, 335, 337, 339, 344, 354, 400, 484, 507, 514, 542, 554, 581, 595, 597, 603, 605, 636, 638, 650, 670; — его растущее значение при Палеологах 581

София, г. 142, 497, 654, 675, 679. — см. тж. *Сердика*

Софоклис, *Евангелинос Апостолидис* 34

Софроний, патриарх Иерусалимский 159, 162

Спафарий, титул 214, 321

Спафарокандидат, титул 321, 451

Средиземное море 115, 167, 272, 288, 308, 309, 331, 358, 360, 365, 439, 467, 547, 555, 593, 679

СССР, византиноведение в 47, 48, 188, 191. — см. тж. *Россия*

Ставракий, евнух, государственный деятель при Ирине 240, 243, 255, 258

Ставракий, император 249, 261, 262

Станоевич, *Станое* 44

Стенимах, г. 624

Стефан Воислав — см. *Воислав*

Стефан Гаврилопул Мелиссин, фессалийский владетель 612

Стефан Диакон, составитель жития Стефана Нового 207

Стефан Драгутин — см. *Драгутин*

- Стефан Душан*, сербский король и царь 140, 312, 577, 610, 622, 627–629, 631, 635
- Стефан Лазаревич*, сербский деспот 569, 660, 666
- Стефан Неманя* — см. *Неманя*
- Стефан Новый*, мученик иконоборческого периода 206, 217, 234
- Стефан Первовенчаный*, сербский король 436, 497, 499, 500, 507, 524
- Стефан Таронский* — см. *Асохик*
- Стефан Урош Милутин* — см. *Милутин*
- Стефан Урош III Дечанский*, сербский король 509, 605, 610
- Стефан Урош* — см. *Урош*
- Стефан II*, венгерский король (1114–1131) 464
- Стефан II*, римский папа (752–757) 230, 247
- Стефан III*, венгерский король (1161–1173) 474, 475
- Стефан IV*, венгерский король (1162–1163) 474
- Стефан V*, венгерский король (1270–1272) 554
- Стефан*, младший сын Василия I, патриарх Константинопольский (886–893) 304, 305, 313, 316, 317
- Стефан*, сакелларий Юстиниана II 195, 196
- Стилиан Зауца*, логофет дрома при Льве VI; — василеопатор 313, 315, 317, 322, 329, 330, 339
- Стиликхон*, регент Западно-Римской империи 96
- Стратиги* 145, 186, 187, 195, 213, 214, 216, 217, 221, 225, 227, 234, 235, 241, 258, 265, 266, 274, 291, 297, 307, 309, 319, 320, 323–325, 328, 331, 378, 389, 390, 391, 405, 412, 419, 429, 452, 625. — См. тж. *Фемы*
- «*Стратегикон*» Кекавмена 396
- «*Стратегикон*» (Псевдо)-Маврикия 62, 284
- Стратигопул, Алексей*, военачальник при Михаиле VIII 545, 549
- Стратиотские наделы*, возникновение и развитие в VII в. 146–148, 184, 186–188, 191, 195, 201, 253; — реформы Никифора I 253–255, 259, 260; — охранительные меры правительства в X в. 347–349, 356, 357, 362–364, 370, 383, 402; — разложение в XI в. 410, 412, 426, 431; — попытки восстановления при Комнинах 455, 456, 479, 480; — в Никейской империи 537
- Стримон* 187, 258, 320, 500. — См. *Струма* и *Фема Стримон*
- Струма (Стримон)*, р. 387, 640
- Струмица*, г. 605, 610
- Студеница*, монастырь 499
- Студийский монастырь* 422, 430
- Студиты* 250, 262, 265, 290, 294
- Судебное дело, судопроизводство* 75, 219, 311, 397, 409, 571, 607, 608, 630
- Суздаль*, г. 470
- Сулейман*, сельджукский султан 429, 430, 440, 443

Сулейман, сын Баязида I 666, 667
Сулейман, сын Орхана 635, 636, 643
Суфетула, г. 170
Сфрагистика 50
Сфрандзи, Георгий, историк 565–569, 601, 651, 670
Схимарий, г. 172
Схолы 308, 323–325, 330, 336, 337, 345, 356, 361, 413. — *См. тж. Доместик схол*

Т
Табари, арабский историк 205, 206, 331
Тавр, горы 308, 351, 352, 365, 464
Тагмы, полки 323, 413
Тайгет, горы 256
«Тактика» Льва VI 140, 284, 328, 337
Тактикон Бенешевича 284, 306, 320
Тактикон Успенского 258, 283, 324
Тамара, дочь Никифора I Эпирского, первая супруга Филиппа Тарентского 590, 600
Тамара, царица Грузии (1184–1212) 518
Тамплиеров орден, на Кипре 497
Танкред, племянник сицилийского короля Вильгельма II 502
Танкред, предводитель норманнов, племянник Боэмунда 447–450
Таормина, г. 297, 331
Тапробана (Цейлон), о. 118
Тарасий, патриарх Константинопольский (784–806) 238–240, 242, 245, 249, 290, 294, 295
Тарасикодисса 104. — *См. Зинон*
Тарент, г. 174, 471,
Тарс, г. 144, 365, 449, 464
Тарханиот, Андроник, племянник Михаила VIII 553, 555
Татары, вторжение в Европу и Малую Азию 534; — союзники Михаила VIII 554–556, 597, 662. — *См. тж. Монголы*
Тафель, Готтлиб Лукас Фридрих 36, 437
Твртко, король Боснийский (1353–1391) 653
Телериг, болгарский хан 229
Телец, болгарский хан 228, 229
Телух, г. 360, 392. — *См. тж. Фема Телух*
Тенедос, о. 635, 646, 647, 650, 651, 656
Теодорих (Амал) Великий, остготский король 105, 106, 113
Теодорих Страбон, предводитель остготов 105
Тервель, болгарский хан 198, 199, 212, 267, 271

- Тетартерон*, монета при Никифоре Фоке 285, 368
Тетрархия 72
Тефрика, г. 297, 308
Тиана, г. 199, 259
Тибо де Сепуа, уполномоченный Карла Валуа в каталанской кампании 599
Тивериада, г. 373
Тиверий I Константин, император 125, 315
Тиверий II Ансимар, император 196–199, 233
Тиверий, сын Константа II 173, 181
Тиверий, сын Маврикия 126
Тиверий, сын Юстиниана II 184, 200
Тимур, владыка монголов 665, 666
«Типос», вероучительный эдикт Константа II 170, 171, 172
«Типукитос», регистр к Василикам 316
Тир, г. 119, 497
Титулатура, военная и гражданская в ранневизантийское время 78, 82; — титулатура императоров 88, 129, 157, 158, 163, 242, 337, 518; — претензии Карла Великого и его потомков на титул императора 247, 248, 262–264, 308; — претензии Симеона Болгарского на императорский титул 340, 341; — «вселенский патриарх» 129, 245, 521; — титулы чиновников в X в. 320, 321, 325, 350; — при Комнинах 431, 451–453; — при Палеологах 546, 581, 636, 638
Токко, Карло, граф Кефаллинии 659, 671
Томазо Морозини, латинский патриарх Константинополя (1204–1211) 515
Томас, Георг Мартин 36
Томислав, король Хорватии (910–928) 341
Томос Льва Великого 101, 106
Торговля, упадок в III в. 66, 80; — поощрение при Антасии I 107, 108, 111; — при Юстиниане I 118, 119; — в X в. 284, 326; — государственный контроль 326–328; — с Болгарией 329; — с Россией 280, 332, 353, 372; — торговля зерном 428; — участие итальянских морских республик 441, 451, 463, 476, 488, 505, 524, 544, 550, 601, 608, 620, 631
Торник, Лев, узурпатор 413, 414
Торос, армянский князь 472
Тотила, король остготов 114
Трагурий (Трогир), г. 142
Трапезунд, Трапезундская империя, возникновение 518; — оттеснена на второй план Феодором I 525; — данница татар 534; — завоевана османами 682
Траяновы Ворота 380
Тревуния (Требинье), область 405
Трибониан, юрист, квестор при Юстиниане I 113, 120

- Тривиум*, учебная программа 408
Трикамар, сражение при 114
Триполис, г. на Сирте 166
Триполис, г. в Финикии 386, 449
Тунис, крестовый поход в 553
Турин, мирный договор между Венецией и Генуей (1381) 651
Туркестан 665
Турки 55; — вторжение в армении, Переднюю и Малую Азию 414, 424, 430; — турки и первый крестовый поход 446; — войны при Алексее I 449, 450; — разгром латинян 449; — в византийском войске 455; — победа при Мириокефале 478; — завоевание Малой Азии 563, 594, 595; — сражения с каталанцами 596, 597; — взятие Брусы 605; — сотрудничество с Андроником III и Иоанном Кантакузином 633, 636; — покорение балканских земель 637, 641, 643, 648, 650, 654; — покорение Болгарии 644; — победа при Никополе 661; — вторжения в Южную Грецию 661, 677; — победа при Варне 676; — осада и взятие Константинополя 681, 682. — См. тж. *Сельджуки и Османы*
Тырново, столица второго болгарского царства 495, 498, 500, 532, 609; — архиепископия 495, 501; — патриархат 531, 629, 643; — завоевано османами 659

У

- Углеша, Иоанн*, сербский деспот в Серрах 648, 649
Уиттмор, Томас 46
Ульфила, переводчик Библии 90
Умар, арабский халиф, захватывает восточные провинции Империи 161, 162, 166, 167
Умар II, арабский халиф 221
Умур, эмир Айдына 623–625
Университет Феодосия II 97, 98, 294; — высшая школа Варды 293, 294; — Константина IX 408, 459
Уния, переговоры при Михаиле VII 427; — при Алексее I 445; — при Иоанне II 471; — при Мануиле I 471; — накануне четвертого крестового похода 504; — У. и латинское владычество 517; — при Иоанне Ватаце 535, 536; — при Феодоре II 540; — при Михаиле VIII 510, 549, 552, 553, 556, 557; — Лионская уния 398, 557–560, 673; — отступление от нее при Андронике II 588; — переговоры об унии при Андронике II, Андронике III, Анне, Иоанне VI 641; — при Иоанне V 641, 642, 645–647; — при Иоанне VIII 671, 672; — Флорентийская уния 672, 673, 679
Уран, Никифор, военачальник при Василии II 386
Урбан II, римский папа (1088–1099) 444, 445
Урбан IV, римский папа (1261–1264) 548

Урош I, сербский король 543, 552
Урош, сербский царь 623, 630, 653
Урсель де Байоль (Руселий), предводитель норманнских наемников 429
Усман, арабский халиф 166, 168
Успенский, Федор Иванович 41, 42, 47, 109, 146, 190, 192, 254, 323, 434, 493, 494, 530

Ф

Фабрициус, Иоганн Альберт 35
Фабро, Шарль Аннибаль 32, 33
Фалльмерайер, Якоб Филипп 142
Фальер, Марино, венецианский дож 540
Фатимиды, арабская династия в Египте 292, 373, 377, 385, 386, 424, 488
Федераты 93, 94, 96, 440
Фекла, сестра Михаила III 288
Фемистий, ритор 60
Фемное устройство, фемный строй 126; — возникновение при Ираклии 144–148, 151, 156; — развитие при его преемниках 186–188; — при Сирийской (Исаврийской) династии 216, 217; — при Никифоре I 257–259; — при Феофиле 273, 274; — при Македонской династии 319, 320, 324; — при Василии II 389, 390, 392; — ослабление в XI в. 412, 452; — при Комнинах 491; — дальнейший упадок при Ангелах 491; — при Палеологах 638.
Фемы: Анатоликов 146–147, 150, 181, 186, 213–214, 216, 221, 225, 265–266, 273, 275, 320, 325, 429; — Антиохия 392; — Армениаков 146–147, 151, 186, 214, 225–226, 241, 271, 273, 297, 320, 325; — фема Болгария 390; — фема Васпуракан 392; — фема Вукеллариев 217, 273, 320, 325; — фема Далмация 259, 307, 320, 390; — фема Диррахий 258, 320, 390; — фема Ивирия 392; — фема Каппадокия 273, 320, 325; — фема Карависиев 147, 186, 217; — фема Кефаллиния 258, 320; — фема Кивирреотов 186, 217, 254, 271, 274, 320, 357; — фема Кипр 320; — фема Колония 320, 325; — фема Крит 217; — фема Леонтокомис 320; — фема Ликанд 320; — фема Лонгивардия 320; — фема Македония 146–147, 150, 187, 273, 320, 325; — фема Мелитина 392; — фема Месопотамия 320, 392; — фема Никополь 258, 320; — фема Опсикия 146, 147, 151, 184–186, 212–214, 216, 225, 226, 234, 271, 273, 320, 323, 325; — фема Оптиматов 147, 320, 323, 325; — фема Паристрион (Парадунавон) 390; — фема Пафлагония 274, 297, 320, 325; — фема Пелопоннес 258, 291, 320; — фема Приевфратских городов 392; — фема Самос 320, 357; — фема Севастия 320; — фема Селевкия 273, 320; — фема Сицилия 234, 320; — фема Стримон 258, 320; — фема Тарон 392; — фема Телух 392; — фема Феодосиополь 392; — фема Фессалоника 187, 258, 259,

- 320, 391; — фема Фракисиев 147, 150, 186, 216, 225, 226, 235, 243, 273, 297, 320, 325, 331; — фема Фракия 186, 225, 257, 259, 320, 325; — фема Халдия 273, 274, 320; — фема Харсиан 273, 320, 325; — фема Херсонес 274, 320; — фема Эгейское море 217, 320, 357; — фема Эдесса 392; — фема Эллада 187, 195, 222, 257, 320
- Феодализм*, феодализация Империи 8, 329, 412, 455, 457, 459, 460, 482, 517, 594
- Феодор Ангел Дука Комнин*, владыка Эпира 513, 525–527; — император в Фессалонике 527, 529–531, 533–535
- Феодор Мопсуэстийский*, богослов 123
- Феодор Начертанный*, мученик 275
- Феодор Святослав*, болгарский царь 597
- Феодор Синкелл* 133
- Феодор Студит*, богослов 187, 208, 242, 243, 249, 258, 262, 265, 267, 269, 289, 296
- Феодор I Ласкарь*, никейский император 511, 518–525, 528, 529, 538
- Феодор I Палеолог*, деспот Морей (1384–1407), сын Иоанна V 652, 659, 664
- Феодор II Ласкарь*, никейский император 509, 511, 512, 531, 537, 539, 540–543, 550
- Феодор II Палеолог*, деспот Морей (1407–1443), сын Мануила II 668, 671, 675, 678
- Феодор*, брат Ираклия 153
- Феодора Дукена*, супруга Михаила VIII 545
- Феодора Кантакузина*, дочь Иоанна VI, супруга Орхана 625
- Феодора Комнина*, дочь Алексея I, супруга Константина Ангела 490
- Феодора*, дочь Иоанна VI, жена Орхана 625
- Феодора*, дочь Константина VII, супруга Иоанна Цимисхия 369
- Феодора*, дочь Константина VIII, императрица 400, 405, 406, 418
- Феодора*, дочь Михаила IX, супруга Феодора Святослава 597
- Феодора*, сестра Андроника III, вторая супруга болгарского царя Михаила Шишмана 606, 609
- Феодора*, супруга Феофила 274, 282, 283; — регентша 288–295, 322
- Феодора*, супруга Юстиниана I 61, 117
- Феодора*, супруга Юстиниана II 197
- Феодорит Кирский*, церковный историк и богослов 60, 123
- Феодосий Мелитинский*, хронист 204
- Феодосий I*, император 43, 53, 93–96, 99, 122
- Феодосий II*, император 62, 97, 98, 101, 110, 294
- Феодосий III*, император 213, 214
- Феодосий*, брат Константа II 173, 180
- Феодосий*, епископ Эфесский 233
- Феодосий*, логофет 196
- Феодосий*, составитель жития св. Саввы 436

- Феодосий*, сын императора Маврикия 126
Феодосиополь, г. 115, 227, 392
Феодот Мелиссин, патриарх Константинопольский (815–821) 267, 269
Феодот, логофет геникона при Юстиниане II 195
Феодота, вторая супруга Константина VI 242, 250
Феоктист, логофет дрома при Феодоре 289, 290, 292, 293, 310, 322, 323
Феостерикт, агиограф 207, 249
Феофан Исповедник, хронист 8, 62, 103, 134, 135, 136, 151, 152, 165, 166, 168, 169, 175–179, 183–185, 199, 203, 204, 213, 225, 229, 238, 244, 249, 250, 251, 253, 254, 262, 278; — Продолжатель Феофана 204, 270, 277, 278, 288, 298, 345
Феофан Начертанный, исповедник 275, 276
Феофан Паракимомен, государственный деятель при Романе I 345, 352
Феофан, митрополит Никейский 557
Феофано, первая супруга Льва VI 282, 333
Феофано, супруга Ставракия 249, 261
Феофано (Анастасо), супруга Романа II и Никифора II 359, 361, 368, 369
Феофано, племянница Иоанна Цимисхия, супруга Оттона II 372, 373, 393
Феофил, император 208, 258, 269, 272–276, 288, 294
Феофил, патрикий и квестор при Константине VII 356
Феофилакт Симокатта, историк 61, 110, 126, 128
Феофилакт, архиепископ Охридский 436, 438, 456
Феофилакт, патриарх Константинопольский (933–956) 281, 304, 345, 346
Феофилакт, первый русский митрополит 382
Феррара, Собор в 672, 674
Фессалия, нападения славян 142; — арабов 331; — завоевания Самуила 378; — восстановление византийского владычества 386; — вторжение норманнов 441; — «Великая Валахия» 492; — часть королевства Фессалоникийского 515; — часть державы Феодора Ангела 527; — часть эпирской державы 530; — удельное государство 535, 547, 553, 556, 558, 579, 590, 591; — пребывание каталанцев в 599, 600, 622; — конец удельного существования 601, 602; — по большей части византийская 612, 622; — сербская 614, 629, 640
Фессалоника, центр префектуры Иллирик 74, 95, 187; — нападения славян 127, 137, 142; — пребывание Константа II в 174; — походы Юстиниана II 183; — учреждение фемы 187, 258, 259, 320, 391; — поход логофета Ставракия (783) 255; — перенос болгарского рынка в 329; — захват арабами (904) 278, 331, 332; — нападения Симеона 337, 378, 379; — Самуила; — поход Георгия Маниака 413; — взята норманнами (1185) 435, 488, 489, 495; — эвакуирована норманнами 492; — расселение евреев и армян 492; — королевство Бонифация Монферратского 515, 516; — осада Калояном 522; — в державе Феодора Ангела 527, 530; — взята Иоанном

Ватацем 533, 534; — нападения каталанцев 598; — смерть Михаила IX в 603; — признает Андроника III 606; — вселенские судьи в 608; — владычество зилотов 574, 620, 621–625, 627, 629; — наместничество Мануила (II) 647, 648, 652, 653; — захвачена османами 654; — вновь в византийских руках 667; — пребывание Мануила II в 668; — передана Венеции (1423) 669, 670; — захвачена османами (1430) 670

Фивы, г. 59, 119, 469, 599, 659, 675

Фил, Мануил, византийский поэт 572

Филадельфия, г. 490; — владение Феодора Манкафы 518; — вступление каталанцев 596, 599, 611; — под турецким владычеством 657

Филипп Красивый, французский король 590

Филарет Милостивый, житие 207

Филипп Тарентский 590, 591, 593, 598, 600

Филипп Швабский, немецкий король 502, 503, 506

Филипп II Август, король французский, в третьем крестовом походе 495

Филипп, сын Балдуина II, титулярный император Латинской империи 536, 551, 560, 562, 590

Филиппик (Вардан), император 200, 210–213, 232

Филиппополь, г. 260, 267, 387, 500; — занят Фридрихом I 496; — под болгарским владычеством 624; — под турецким владычеством 644

Филиппы, г. 638

Филокрина, г. сражение при (1331) 611

Филофей, автор «Клиторология» 43, 283, 284, 320, 321, 323–325, 576

Филофей, патриарх Константинопольский (1354–1355; 1364–1376) 574, 636, 646

Финикия 373

Финлей, Джордж 36

Флоренция, Собор в 575, 672–674

Флот: 1) Имперский. Действия: в VI в. 111; в VII в. 131, 153, 166, 168, 196; — в VIII в. 200, 222, 227, 228; — в IX в. 271, 272, 290, 292, 297, 300, 307, 330; в X в. 332, 351, 365, 371; — в XII в. 449, 471, 483, 502; — в XIII в. 549, 558; — в XIV в. 611; — в 1453 г. 681. *Состояние:* — в X в. 323–325, 332, 337; — упадок в XI в. 441; — восстановление при Алексее I 451; — в никейской Империи 523, 529; — при Михаиле VIII 547; — развал при Андронике II 584, 587, 593; — усиление при Андронике III 609, 611; — упадок 633, 634; — матросы, моряки и наделы моряков 254, 357; **2) Иностранные флоты:** — арабский 167, 176, 177, 213, 215, 227, 307; — арагонский 562, 634; — венецианский 463, 476, 532, 545, 551, 561, 634, 651, 676; — генуэзский 549, 550; — германский 496; — крестоносный (1203–1204) 506; — норманнский 441, 488, 562; — русский 298, 332; — сельджукский 443;

Фока, император 128–132, 141, 294

- Фока, Варда*, кесарь, отец Никифора II 337, 356, 361
Фока, Варда, племянник Никифора II, узурпатор 370, 375–376, 380–381, 383, 431
Фока, Константин, брат Никифора II 358
Фока, Лев, domestик схол, дядя Никифора II 337, 338
Фока, Лев, куропалат, брат Никифора II 361
Фока, Никифор, военачальник при Василии I и Льве VI 309, 330, 331
Фока, Петр, военачальник при Никифоре II 365
Фокея, г. 593, 595, 612
Фоки, род магнатов 278, 356, 370, 376, 383, 429
Фокида, покорена Константином XI 338, 677
Фоллис, медная монета 107, 253
Фома (Феодул) Магистр, ученый 571
Фома Аквинский 572
Фома Палеолог, деспот Морей (1430–1460), сын Мануила II 671, 675, 678, 682
Фома, деспот Эпирский (1296–1318) 591, 601
Фома, митрополит Клавдиопольский 221
Фома Славянин, предводитель восстания 269–271
Фотий, патриарх Константинопольский (858–867; 877–886) 204, 280, 281, 287, 290, 293–296, 298, 299, 301, 302, 304–306, 309, 310, 312, 313
Фракия 108, 111, 142, 147, 178, 214, 216, 227, 239, 255, 291, 302, 343, 497, 519, 603; — диоцез 73, 83; — вторжение готов 93, 105; — славян 183; — Ф. и византийско-болгарские войны 212, 228, 267, 379; — вторжения узов 424; — печенегов 463; — в составе латинской империи 515, 516, 519, 521, 522; — завоевания Феодора Ангела 529, 530; — Асеня II 532, 534; — во времена Иоанна Ватаца и Феодора II 529, 537, 541; — походы каталанцев 597–599; — во время гражданских войн XIV в. 604, 605, 623, 624, 626, 631, 633; — османские завоевания 637, 641, 643, 648, 675. — См. тж. *фема Фракия*
Франки 63, 256, 263, 299, 300, 425, 455, 515, 520, 530, 545, 548, 550, 579, 601, 671
Франкская держава 230, 245, 246, 247, 260, 275, 307, 516
Франция 343, 449, 468, 470, 497, 516, 527, 590, 600, 664; — византиноведение в 32, 34, 36, 38, 51, 53, 54; — *французы* 468, 553, 560, 599, 600, 661. — См. тж. *Франки*
Фредерик, король Сицилийский 595, 599
Фригия 167, 434, 478; — центр иконоборчества 269; — поселение половцев 537
Фридрих I Барбаросса, германский император 470, 472, 477, 478, 495–497, 505, 512, 535
Фридрих II, германский император, отношения с Иоанном Ватацем 536
Фуггер, Антон 31
Фуггеры 31
Фукидид 61

Х

Хазары, Хазарская держава, союз с Ираклием 153, 178; — пребывание Юстиниана II 197, 198, 200; — союз с Львом III 216; — отношения с Византией при Феофиле 274; — при Михаиле III 299; — миссия Константина-Кирилла 299; — разгром русскими 367, 372

Халеп — см. *Алеппо*.

Халкидика, полуостров 667

Халкидон, г., Халкидонский Собор и догмат 60, 101, 102, 106, 107, 159; — захват персами 131, 152; — эвакуация персами 153; — мятеж против Мартины и Ираклоны 165; — захват арабами 176; — мятеж Андроника 483

Халкокондил, Лаоник, историк 565–567, 569, 651, 677

Хамданиды, арабская династия Алеппо 352, 360, 366

Хандак (Кандия), г. 360

Харадж, налог 655, 667

Харальд Норвежский, варяг на византийской службе 412

Харистикарии 457, 458

Харран, г., сражение при (1104) 449

Хартманн, Лудо Мориц 40, 155, 209

Хартуларий вестиария 323; — сакеллия 323

Харун ар-Рашид, багдадский халиф 259, 267, 273

Хасси, Джоан 53

Херсонес, г. 119; — место ссылки папы Мартина 172; — Юстиниана II 196, 197; — карательная экспедиция Юстиниана II 200; — место ссылки сторонников кесаря Никифора 237; — центр византийской фемы 274, 320, 372; — взятие русским князем Владимиром 381

Хёшель, Давид 31

Хиос, о., захват арабами 176; — место ссылки Варды Фоки 370; — нападение венецианцев 476; — владение латинского императора 515; — освобождение Иоанном Ватацем 529; — под властью генуэзцев 594; — византийцев (1329–1346) 611; — генуэзцев 631

Хирсфакт, Лев, посол 282

Хирш, Фердинанд 37

Хиттин, г., сражение при (1187) 495

Хоматиан, Димитрий, архиепископ Охридский 513, 527, 528

Хониат Михаил, митрополит Афинский 438, 485, 490

Хониат Никита, брат предыдущего, историк 31, 390, 432–435, 437, 476, 477, 480, 484–486, 493, 509, 510, 520, 521

Хонф, Карл 36

Хорватия, хорваты, миграция 155, 156; — византийское влияние 307; — поражение Симеона 341; — под византийской властью 390, 427; — в союзе с норманнами 442; — под властью венгров 450, 474; — под византийской властью 474; — вновь под властью венгров 487; — наступление Твртко в 653

Хортасмен, Иоанн, ритор 575, 657
Хосров I Ануширван, персидский шаханшах 115
Хосров II Парвиз, персидский шаханшах 125, 131, 136, 152–154
Хрисолора, Мануил, ученый 31
Хрисополь, г. 199, 214, 381, 633, 640
Хрисохир, вождь павликиан 308
Христодул, игумен монастыря Иоанна Предтечи на Патмосе 459
Христополь, г. 199, 214, 381, 633, 640
Христофор, domestik схол при Василии I 308
Христофор, кесарь, сын Константина V 236
Хулагу, монгольский хан в Передней Азии 554–556
Хумн, Никифор, ученый и государственный деятель при Андронике II 570, 571
Хуньяди, Янош (Иоанн Корвин) 674, 675, 678
Хуррамнты, секта 274

Ц

Цахариз фон Лингенталь, Карл Эдуард 40, 42, 138–140, 190, 192, 210, 286, 311, 326, 329, 347, 348, 349, 608, 649
Цезарепапизм 318, 319, 415
Цезарь, титул (соправитель августа) 72, 158
Церковь св. Лаврентия (San Lorenzo) в Риме 527
Церковь, рецепция античной философии 70; — отношения с государством в целом 67, 68, 78, 89, 103; — со времени Константина Великого 89, 90, 99, 109, 111; — при Юстиниане I 116, 122, 123; — при Константе II 169–171; — при Юстиниане II 182, 193; — при Никифоре I 251; — при Михаиле I 262; — при Льве V 267; — при Фотии 294, 296, 299, 309–310, 312; — в X в. 313, 314, 316, 318, 319, 333, 334, 346, 369; — при Кируларии 398, 415–417, 420; — разделение Церквей 417–418; — Церковь как внутривосточный фактор в XI в. 406, 409, 420; — при Алексее I 440, 445, 456–458; — Лионская уния 557; — растущее значение в XIV в. 582, 588, 589, 642; — влияние на судопроизводство 608; — исихастский спор 618; — авторитет в православном мире 642, 643, 646, 653, 662, 663; — Флорентийская уния 671, 673; — церковные и монастырские владения 193, 250, 251, 342, 363, 364, 369, 384, 409, 420, 423, 440, 451, 456–458, 480, 574, 582, 621, 647
Цеха (гильдии, корпорации) 284, 326–328
Цимпе, крепость близ Галлиполи 636
Цурул, г. 431, 532

Ч

Чаха, эмир Смирнский 442, 443, 450, 451
Чезарини, Джулиано, кардинал 673, 676

Черное море 85, 115, 119, 154, 178, 198, 228, 264, 297, 338, 518, 519, 525, 545, 549, 597, 644, 645, 667; — генуэзские колонии 593, 634
Черномен, битва при (1371) 648
Чеслав, сербский князь 342
Чехия — см. *Богемия*
Чингисхан, повелитель монголов и завоеватель 665
Чириако д'Анкаона, гуманист 676
Чудеса св. Димитрия 127, 131, 142, 183, 184, 187

Ш

Шаландон, *Фердинанд* 38, 445, 457, 461, 468
Шахин, персидский военачальник 153
Шахрвараз, персидский военачальник 151–153
Шварци, *Эдуард* 33, 40, 58
Шелк, торговля 118, 119, 326; — производство 119, 326, 469
«Шестикнижие», судебник Арменопула 577
Шишич, *Фердо* 44, 155, 156, 342, 436
Шлюмберже, *Гюстав* 38, 184, 376, 680
Штайн, *Эрнст* 43, 52, 85, 98, 146, 148, 149, 151, 246, 288, 319, 325, 452, 491, 587
Штин, г. 592

Э

Эвбея, о. 516, 543, 558, 599, 610, 651
Эгейское море 85, 116, 141, 217, 258, 331, 332, 351, 391, 558, 593, 608, 611, 629, 631, 637, 661; — острова Эгеиды 217, 463, 515, 527, 558. — См. тж. *Фемы*
Эдесса, г. 167, 353, 392, 401, 448. — См. тж. *Фемы*
Экзархат 146; — Карфагенский 125, 126, 131, 145, 170, 196, 197; — Равеннский 38, 125, 145, 170–172, 175, 186, 230
Эклога, уложение Льва III 138, 139, 210, 218, 219, 311, 312, 577
Эксамиллий, стена на Истме 668, 669, 675, 677
Экскувиторы (*экскувиты*), гвардейский полк 113, 234, 323, 325
Экскуссия — см. *Иммунитет*.
Эктесис, эдикт о вере Ираклия 160, 170, 171
Эллинизация, Восточной Римской империи 64, 65, 98; — других племен и территорий 213, 256, 259, 492, 511, 560, 592
Эмеса, г. 373, 386
Энвери, турецкий хронист 623, 625
Энотикон, эдикт Зинона о вере 107, 109, 170
Энтимоипертат, титул 452
«Эпанагога» — см. *«Исагога»*.
Эпарх Константинополя 75, 322, 324, 326, 327, 400. — См. тж. *Префект города*.

Эпир 378, 441, 512, 513, 515, 518, 525, 526, 530, 535, 541, 544, 547, 549, 553, 570, 579, 590, 591, 601, 612–614, 622, 629, 640

Эра, александрийская 134

Эрхард, Альберт 21, 23, 39

Этолия 515; — часть Эпирской державы 526, 579; — византийская 590, 622

Эфес, г. 101, 214, 447, 508

Эфиопия 119, 158

Ю

Югославия 7, византиноведческие исследования в 44

Юлиан, император 60, 90–92

Юрий Долгорукий, князь Суздальский, великий князь Киевский, союзник Мануила I 470, 471, 494

Юстин I, император 113, 116, 272

Юстин II, император 119, 124, 125, 315

Юстиниан I Великий, император 23, 38, 43, 61, 62, 85, 97, 113–128, 133, 138, 139, 144, 166, 180, 182, 218, 219, 251, 272, 310, 314, 315–317, 401, 470–472

Юстиниан II, император 138, 139, 181–187, 192–201, 212, 214

Я

Ядер, г. — см. *Зара*.

Язычество 94, 122

Яковенко, Петр Александрович 41, 42

Янина, г. 590, 601

Ярмук, р., битва при (636) 161

Яффа, г. 497

Яхья Антиохийский, арабский историк 279, 376, 378

ἀλαμανικόν 503

ἀριθμός 323

«Βυζαντίς» 44

γενική τράπεζα 149

«Δελτίον τῆς Ἐθνολογικῆς Ἑταιρείας» 44

δικέρατον 454

δρουγγάριος τῶν πλωϊμῶν 324

ἐλατικόν 454

«Ἑλληνικά» 45

ἐξάφολλον 454

«Ἐπετηρίς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν» 45

ἐπιβολή 80

ιδική τράπεζα 149
καπνικόν 250
κόμης τοῦ στάβλου 322
μεσιτεῦων 322
«Νέος Ἑλληνομνήμων» 44
ὁ ἐπὶ τῶν δεήσεων 323
ὁ ἐπὶ τοῦ κανικλείου 323
ὁ ἐπὶ τῆς καταστάσεως 322
παραδυναστεύων 322
πρωτοασηκρήτις 323
τὸ στρατιωτικόν 149
συνήθεια 454
σύνοδος ἐνδημοῦσα 101
συνωνή 108
τόμος ἐνώσεως 346
χρυσάργυρον 107, 108
χρυσοτέλεια 108

«Annales de l'Institut Kondakov» 46
«Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves» 45
adiectio sterilium 80
agentes in rebus 75
annona 76, 79
auri lustralis collatio 80, 107
«Bulletin of the Byzantine Institute» 46
«Byzantinische Zeitschrift» 23, 39, 41, 45, 52
«Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher» 45
«Byzantinoslavica» 45
«Byzantion» 45
capitatio-iugatio 79, 80, 192
caput 79
clarissimus 77, 78
Codex Gregorianus 120; — Hermogenianus 120; — Justinianus 120; — Theodosianus 62
coëemptio 108
comes rerum privatarum 76; — sacrarum largitionum 76, 149; — consistorii 78
comitatenses 83
consilium principis 78
consistorium 76
Corpus Iuris Civilis 97, 120
cubiculum 76

- curiosi 75
 cursus publicus 75
 duces 83
 «Dumbarton Oaks Papers» 46
 «Dumbarton Oaks Studies» 46
 «Échos d'Orient» 46
 gloriosus 78
 illustris 77
 iugum 79
 «Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft» 47
 Libri Carolini 209, 246
 limitanei 83
 magistri militum 82; — magister militum praesentalis 83, 96; — magister equitum
 et peditum praesentalis 82; — per Illyricum 83, 96; — per Italiam 105; —
 per Orientem 83; — per Thracias 83; — magister equitum 82; — magister
 peditum 82; — magister officiorum 62, 75
 Notitia dignitatum 62
 «Revue des Études byzantines» 46
 «Seminarium Kondakovianum» 46
 silentium 78
 spectabilis 77
 «Studi Bizantini e Neoellenici» 45

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

часто цитируемых работ и периодических изданий

<i>Actes de l'Athos</i>	<i>Petit L., Korablev B., Regel V., Kurtz E.</i> Actes de l'Athos // ВВ. Прилож. 10 (1903), 12 (1906), 13 (1907), 17 (1911), 19 (1912), 20 (1913).
<i>Adontz. Basile I.</i>	<i>Adontz N.</i> L'âge et l'origine de l'empereur Basile I // Byz. 8 (1933). P. 475–550; 9 (1934). P. 223–260.
<i>Adontz. Samuel l'Arménien.</i>	<i>Adontz N.</i> Samuel l'Arménien, roi des Bulgares // Mémoires de l'Académie Royale de Belgique, Classe des Lettres 38 (1938). P. 1–63.
<i>Alexander. Patr. Nicephorus.</i>	<i>Alexander P.J.</i> The Patriarch Nicephorus of Constantinople. Ecclesiastical Policy and Image Worship in the Byzantine Empire. Oxford, 1958.
<i>Babinger. Beiträge.</i>	<i>Babinger F.</i> Beiträge zur Frühgeschichte der Türkenherrschaft in Rumelien (14.–15. Jahrhundert). Brünn-München-Wien, 1944. (Südosteuropäische Arbeiten; 34).
<i>Banescu. Duchés byzantins.</i>	<i>Banescu N.</i> Les Duchés byzantins de Paristrion (Paradounavon) et de Bulgarie. Bucarest, 1946.
<i>Beck. Kirche.</i>	<i>Beck H.-G.</i> Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959. (Handbuch der Altertumswissenschaft XII. 2. 1: Byzantinisches Handbuch II 1).
<i>Benešević. Ranglisten.</i>	<i>Benešević V.N.</i> Die byzantinischen Ranglisten nach dem Kletorologion Philothei und nach den Jerusalemer Handschriften // BNJ 5 (1926). S. 97–167; 6 (1928). S. 143–145.
<i>BNJ</i>	Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher. Berlin–Athen, 1920–1960.
<i>Bon. Le Péloponnèse</i>	<i>Bon A.</i> Le Péloponnèse byzantin jusqu'en 1204. Paris, 1951.
<i>Bratianu. Études byz.</i>	<i>Bratianu G.I.</i> Études byzantines d'histoire économique et sociale. Paris, 1938.
<i>Bratianu. Privilèges.</i>	<i>Bratianu G.I.</i> Privilèges et franchises municipales dans l'Empire byzantin. Paris-Bucarest, 1936.
<i>Bréhier. Institutions.</i>	<i>Bréhier L.</i> Les institutions de l'Empire byzantin. Le Monde Byzantin, II. Paris, 1948. (L'évolution de l'humanité; 32 bis).

- Bréhier. Civilisation.* *Bréhier L.* La civilisation byzantine. Le Monde Byzantin III. Paris, 1950. (L'évolution de l'humanité; 32 ter).
- Bréhier. Vie et Mort.* *Bréhier L.* Vie et mort de Byzance. Le Monde Byzantin, I. Paris, 1947. (L'évolution de l'humanité; 32).
- Bréhier–Aigrain.* *Bréhier L., Aigrain R.* Grégoire le Grand, les États barbares et la conquête arabe. Paris, 1938. (Histoire de l'Église depuis les origines jusqu'à nos jours, publ. par A. Fliehe et V. Martin; T. 5).
- BSI *Byzantinoslavica.* Praha, 1933–.
- Bury. Admin. System.* *Bury J.B.* The Imperial Administrative System in the Ninth Century, with a Revised Text of the Kletorologion of Philotheos. London, 1911; repr. New York, [1958].
- Bury. Constitution* *Bury J.B.* The Constitution of the Later Roman Empire. Cambridge, 1909.
- Bury. Eastern Rom. Empire.* *Bury J.B.* A History of the Eastern Roman Empire from the Fall of Irene to the Accession of Basile I (802–867). London, 1912.
- Bury. Later Rom. Empire (1)* *Bury J.B.* A History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene (395–800). 2 vol. London, 1889.
- Bury. Later Rom. Empire (2)* *Bury J.B.* A History of the Later Roman Empire from the Death of Theodosius I to the Death of Justinian (395–565), 2 vol. London, 1923.
- Byz *Byzantion.* Bruxelles, 1924–.
- BZ *Byzantinische Zeitschrift.* Leipzig; München, 1892–.
- CAH *The Cambridge Ancient History.* Cambridge, 1923–1939. 12 vols.
- Chalandon. Alexis I.* *Chalandon F.* Essai sur le règne d'Alexis I Comnène (1081–1118). Paris, 1900.
- Chalandon. Domination normande.* *Chalandon F.* Histoire de la domination normande en Italie et en Sicilie. 2 vol. Paris, 1907.
- Chalandon. Les Comnènes II.* *Chalandon F.* Les Comnènes II: Jean Comnène (1118–1143) et Manuel Comnène (1143–1180). Paris, 1912.
- Chapman. Michel Paléologue.* *Chapman C.* Michel Paléologue, Restaurateur de l'Empire byzantin. Paris, 1936.
- Charanis. Monastic Properties.* *Charanis P.* The Monastic Properties and the State in the Byzantine Empire // DOP 4 (1948). P. 51–119.
- Charanis. Palaeologi and Ottoman Turks.* *Charanis P.* The Strife among the Palaeologi and the Ottoman Turks, 1370–1402 // Byz 16 (1942/43). P. 286–315.

<i>Charanis</i> . Short Chronicle.	<i>Charanis P.</i> An Important Short Chronicle of the Fourteenth Century // Byz 13 (1938). P. 335–362.
CMH	The Cambridge Medieval History. Cambridge; New York, 1924–1936. 8 vols.
CSCO	Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium. Paris–Louvain, 1903–.
CB	Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Bonnae, 1828–1897.
<i>Dennis</i> . Manuel II.	<i>Dennis G.</i> The Reign of Manuel II in Thessalonica (1382–1387). Rome, 1960.
<i>Diehl</i> . Exarchat.	<i>Diehl Ch.</i> Études sur l'administration byzantine dans l'exarchat de Ravenne (568–751). Paris, 1888.
<i>Diehl</i> . Figures.	<i>Diehl Ch.</i> Figures byzantines. T. I ¹⁰ . Paris, 1925; T. II ⁸ . Paris, 1927.
<i>Diehl</i> . Justinien.	<i>Diehl Ch.</i> Justinien et la civilisation byzantine au VI ^e siècle. Paris, 1901.
<i>Diehl</i> . Régime des thèmes.	<i>Diehl Ch.</i> L'origine du régime des thèmes dans l'Empire byzantin // <i>Idem</i> . Études byzantines. Paris, 1905. P. 276–292.
<i>Diehl</i> . Venise.	<i>Diehl Ch.</i> Une république patricienne: Venise. Paris, 1916.
<i>Dölger</i> . Byz. Diplomatik.	<i>Dölger F.</i> Byzantinische Diplomatie. 20 Aufsätze zum Urkundenwesen der Byzantiner. Ettal, 1956.
<i>Dölger</i> . Byzanz u. d. europ. Staatenwelt.	<i>Dölger F.</i> Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ausgewählte Vorträge und Aufsätze. Ettal, 1953.
<i>Dölger</i> . Finanzverwaltung.	<i>Dölger F.</i> Beiträge zur byzantinischen Finanzverwaltung, besonders des 10. u. 11. Jahrh. (Byz. Archiv; 9). Leipzig; Berlin, 1927.
<i>Dölger</i> . Johannes VII.	<i>Dölger F.</i> Johannes VII., Kaiser der Rhomäer 1390 bis 1408 // BZ 31 (1931). S. 21–36.
<i>Dölger</i> . Parasporea.	<i>Dölger F.</i> Παράσπορα. 30 Aufsätze zur Geschichte, Kultur und Sprache des byzantinischen Reiches. Ettal, 1961.
<i>Dölger</i> . Reg.	<i>Dölger F.</i> Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches. Teil I: 565–1025; II: 1025–1204; III: 1204–1282; IV: 1282–1341. München; Berlin 1924, 1925, 1932, 1960. (Corpus der griechischen Urkunden des Mittelalters und der neueren Zeit, Reihe A, Abt. I).
DOP	Dumbarton Oaks Papers. Washington, 1941–.

- Dvornik*. Légendes. *Dvornik F.* Les légendes de Constantin et de Méthode vues de Byzance. Prague, 1933. (Byzantinoslavica, supplementa; 1).
- Dvornik*. Les Slaves. *Dvornik F.* Les Slaves, Byzance et Rome au IXe siècle. Paris, 1926.
- Dvornik*. Photian Schism. *Dvornik F.* The Photian Schism. History and Legend. Cambridge, 1948.
- EO. Échos d'Orient. Kadiköy; Bucarest, 1897–1943.
- Fuchs*. Höhere Schulen. *Fuchs F.* Die höheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter. Leipzig; Berlin, 1926. (Byz. Archiv; 8).
- Gardner*. The Lascarids. *Gardner A.* The Lascarids of Nicaea, the Story of an Empire in Exile. London, 1912.
- Gay*. Clément VI. *Gay J.* Le pape Clément VI et les affaires d'Orient (1342–1352). Paris, 1904.
- Gay*. Italie. *Gay J.* L'Italie méridionale et l'Empire byzantin depuis l'avènement de Basile I jusqu'à la prise de Bari par les Normands (867–1071). Paris, 1909.
- Geanakoplos*. Michael Palaeologus. *Geanakoplos D.J.* Emperor Michael Palaeologus and the West. Cambridge (Mass.), 1959.
- Gelzer*. Themenverfassung. *Gelzer H.* Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Leipzig, 1899. (Abb. d. Kgl. Sachs. Ges. d. Wiss., Phil.-hist. Kl. 18, Nr. 5).
- Gerland*. Lat. Kaiserreich. *Gerland E.* Geschichte des lateinischen Kaiserreiches von Konstantinopel, I: Geschichte der Kaiser Balduin I. und Heinrich, 1204–1216. Homburg v. d. Hohe, 1905.
- Gibbon–Bury*. *Gibbon E.* The History of the Decline and Fall of the Roman Empire / Ed. in 7 vol. with introd., notes, appendices, and index by J.B. Bury. London, 1923.
- Glykatzi-Ahrweiler*. Recherches. *Glykatzi-Ahrweiler H.* Recherches sur l'administration de l'Empire byzantin aux IXe–XIe siècles // Bull. de correspondance hell. 84 (1960). P. 1–111.
- Grabar*. Empereur. *Grabar A.* L'empereur dans l'art byzantin. Recherches sur l'art officiel de l'Empire de l'Orient. Paris, 1936. (Publications de la Faculté des Lettres de l'Univ. de Strasbourg; 75).
- Grabar*. Iconoclisme. *Grabar A.* L'iconoclisme byzantin. Dossier archéologique. Paris, 1957.
- Grafenauer*. Nekaj vprašanj. *Grafenauer B.* Nekaj vprašanj iz dobe naseljevanja južnih Slovanov // Zgodovinski časopis 4 (1950). S. 23–126.

- Grégoire*. Épopée byzantine. *Grégoire H.* Études sur l'épopée byzantine // Revues des études grecques 46 (1933). P. 29–69.
- Grégoire*. Inscriptions. *Grégoire H.* Inscriptions historiques byzantines. Ancyre et les Arabes sous Michel l'Ivrogne // Byz 4 (1927/1928). P. 437–468.
- Grégoire*. Michel III. *Grégoire H.* Michel III et Basile le Macédonien dans les inscriptions d'Ancyre // Byz 5 (1929/30). P. 327–346.
- Grégoire*. Neuvième siècle. *Grégoire H.* Études sur le neuvième siècle // Byz 8 (1933). P. 515–550.
- Grosse*. Rom. Militärgeschichte. *Grosse R.* Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung. Berlin, 1920.
- Grumel*. Chronologie. *Grumel V.* La Chronologie. Paris, 1958. (Bibliothèque byzantine, Traité d'Études byzantine; 1).
- Grumel*. Reg. *Grumel V.* Les Regestes des Actes du Patriarchat de Constantinople, Vol. I: Les Actes des Patriarches, fasc. I: 381–715; II: 715–1043; III: 1043–1206. Socii Assumptionistae Chalcedonenses, 1932, 1936, 1947.
- Halecki*. Un empereur. *Halecki O.* Un empereur de Byzance à Rome. Vingt ans de travail pour l'union des églises et pour la défense de l'Empire d'Orient: 1355–1375. Varsovie, 1930.
- Hartmann*. Byz. Verwaltung. *Hartmann L.M.* Untersuchungen zur Geschichte der byzantinischen Verwaltung in Italien (540–750). Leipzig, 1889.
- Heisenberg*. Neue Quellen. *Heisenberg A.* Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und der Kirchenunion I–III. München, 1923. (Sitz.-Ber. der Bayer. Akad. der Wiss., Philos.-philol. u. hist. Kl., 1922, 5. Abh.; 1923, 2. Abh.; 1923, 3. Abh.).
- Heisenberg*. Palaiologenzeit. *Heisenberg A.* Aus der Geschichte und Literatur der Palaiologenzeit. München, 1920. (Sitz.-Ber. der Bayer. Akad. d. Wiss., Philos.-philol. u. hist. Kl. 1920, 10. Abh.).
- Heyd*. Commerce du Levant. *Heyd W.* Histoire du commerce du Levant au Moyen âge. Leipzig, 1923 (repr.). 2 vol.
- HJb. Historisches Jahrbuch der Görres-Gesellschaft. Köln, München, 1880–.
- Honigmann*. Ostgrenze. *Honigmann E.* Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches von 363 bis 1071 nach griechischen, arabischen, syrischen und armenischen Quellen. Bruxelles, 1935. (Corpus Bruxellense Hist. Byz.; III).

- Hopf.* Geschichte. *Hopf K.* Geschichte Griechenlands vom Beginn des Mittelalters bis auf die neuere Zeit. Leipzig, 1867–68. (Ersch-Gruber, Allgem. Encyclopädie der Wiss. und Künste, Bd. 85–86).
- Hussey.* Church and Learning. *Hussey J.M.* Church and Learning in the Byzantine Empire 867–1185. London, 1937.
- HZ Historische Zeitschrift. München, 1859–.
- JEH The Journal of Ecclesiastical History. Cambridge, 1950–.
- JHS Journal of Hellenic Studies. London, 1880–.
- Jireček.* Geschichte. *Jireček K.* Geschichte der Serben. Bd. I (bis 1371) und II (bis 1537). Gotha, 1911, 1918. (Geschichte der europäischen Staaten).
- Jorga.* Geschichte. *Jorga N.* Geschichte des osmanischen Reiches. Bd. I (bis 1451) und II (bis 1538). Gotha, 1908, 1909. (Geschichte der europäischen Staaten).
- Kap-Herr.* Kaiser Manuel. *Kap-Herr H. von.* Die abendländische Politik Kaiser Manuels mit besonderer Rücksicht auf Deutschland. Straßburg, 1881.
- Kornemann.* Doppelprinzipat. *Kornemann E.* Doppelprinzipat und Reichsteilung im Imperium Romanum. Leipzig; Berlin, 1930.
- Kornemann.* Weltgeschichte. *Kornemann E.* Weltgeschichte des Mittelmeerraumes von Philipp II. von Makedonien bis Muhammed. München, 1948, 1949. 2 Bde.
- Kretschmayr.* Venedig. *Kretschmayr A.* Geschichte von Venedig. Gotha, 1905, 1920. 2 Bde. (Geschichte der europäischen Staaten).
- Laurent.* Notes. *Laurent V.* Notes de Chronographie et d'histoire byzantine // EO 36 (1937). P. 157–174.
- Lemerle.* Histoire agraire. *Lemerle P.* Esquisse pour une histoire agraire de Byzance: les sources et les problèmes // Revue historique 219 (1958). P. 32–74, 254–284; 220 (1958). P. 43–94.
- Lemerle.* Invasions. *Lemerle P.* Invasions et migrations dans les Balkans depuis la fin de l'époque romaine jusqu'au VIIIe siècle // Revue hist. 211 (1954). P. 265–308.
- Lemerle.* L'Émirat d'Aydin. *Lemerle P.* L'Émirat d'Aydin, Byzance et l'Occident. Recherches sur «La Geste d'Umur Pacha». Paris, 1957.
- Lemerle.* Philippes. *Lemerle P.* Philippes et la Macédoine orientale à l'époque chrétienne et byzantine. Paris, 1945. (Bibl. des Écoles françaises d'Athènes et de Rome; 158).

- Loenertz.* Lettres de D. Cydonès. *Loenertz R.-J.* Les recueils de lettres de Démétrius Cydonès. Città del Vaticano, 1947. (Studi e testi; 131).
- Loenertz. M.* Paléologue et D. Cydonès. *Loenertz R.-J.* Manuel Paléologue et Démétrius Cydonès. Remarques sur leurs correspondances // EO 36 (1937). P. 271–281, 474–487; 37 (1938). P. 107–124.
- Loenertz.* Péloponnèse. *Loenertz R.-J.* Pour l'histoire du Péloponnèse au XIVe siècle (1382–1404) // Études byzantines 1 (1943). P. 152–196.
- Longnon.* Empire latin. *Longnon J.* L'Empire latin de Constantinople et la principauté de Morée. Paris, 1949.
- Lot.* Fin du monde antique. *Lot F.* La fin du monde antique et le début du Moyen âge. Paris, 1927. (L'évolution de l'humanité; 231)
- Manojlović.* Peuple de C/ple. *Manojlović G.* Le peuple de Constantinople // Byz. 11 (1936). P. 617–716 (= Carigradski narod // Nastavni vijesnik 12 (1904). S. 1–91).
- Mansi.* *Mansi J.D.* Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio. Florentiae, 1759–1798.
- Maricq.* Partis populaires. *Maricq A.* La durée du régime des partis populaires à Constantinople // Bull. de l'Acad. Royale de Belgique, Cl. des Lettres 35 (1949). P. 63–74.
- MDAI.R* Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Römische Abteilung. München; Rom, 1886–.
- Meyendorff.* Palamas. *Meyendorff J.* Introduction à l'étude de Grégoire Palamas. Paris, 1959. [Рус. пер.: *Мейендорф И.* Жизнь и труды святителя Григория Паламы: Введение в изучение. СПб., 1997].
- MGH SS* Monumenta Germaniae historica, Scriptores. Hannover, 1826–.
- Michel.* Kerullarios. *Michel A.* Humbert und Kerullarios. Paderborn, 1925, 1930. 2 Bde.
- Mickwitz.* Geld u. Wirtschaft. *Mickwitz G.* Geld und Wirtschaft im römischen Reich des 4. Jahrhunderts. Helsingfors, 1932.
- Mickwitz.* Zünfte. *Mickwitz G.* Die Kartellfunktionen der Zünfte und ihre Bedeutung bei der Entstehung des Zunftwesens. Helsingfors, 1936.
- Miklosich–Müller.* *Miklosich F., Müller J.* Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Wien, 1860–1890. 6 vol.
- Miller.* Essays. *Miller W.* Essays on the Latin Orient. Cambridge, 1921.

- Miller*. Latins. *Miller W.* The Latins in the Levant. A History of Frankish Greece (1204–1566). London, 1908.
- Monnier*. Épiholé. *Monnier H.* Études de droit byzantin: l'épiholé // Nouv. rev. hist. de droit français et étranger 16 (1892). P. 125–164, 497–542, 637–672; 18 (1894). P. 433–486; 19 (1895). P. 59–103.
- Moravcsik*. Byzantinoturcica. *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Bd. I: Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvolker. Bd. II: Sprachreste der Türkvolker in den byzantinischen Quellen. 2. Auflage. Berlin, 1958.
- Müller*. FHG. *Müller C.* Fragmenta Historicorum Graecorum, IV–V. Paris, 1885, 1883.
- Neumann*. Weltstellung. *Neumann C.* Die Weltstellung des byzantinischen Reiches vor den Kreuzzügen. Leipzig, 1894.
- Niederle*. Manuel. *Niederle L.* Manuel de l'Antiquité Slave. Paris, 1926.
- Norden*. Papsttum und Byzanz. *Norden W.* Das Papsttum und Byzanz. Die Trennung der beiden Mächte und das Problem ihrer Wiedervereinigung bis zum Untergange des byzantinischen Reiches. Berlin, 1903.
- OCP *Orientalia Christiana Periodica*. Roma, 1935–.
- Ostrogorsky*. Bilderstreit. *Ostrogorsky G.* Studien zur Geschichte des byzantinischen Bilderstreites. Breslau, 1929.
- Ostrogorsky*. Chronologie. *Ostrogorsky G.* Die Chronologie des Theophanes im 7. und 8. Jahrh. // BNJ 7 (1930). S. 1–56.
- Ostrogorsky*. Féodalité. *Ostrogorsky G.* Pour l'histoire de la féodalité byzantine / Traduction française de H. Grégoire. Bruxelles, 1954. (Corpus Bruxellense Hist. Byz., Subsidia I).
- Ostrogorsky*. Paysannerie. *Ostrogorsky G.* Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1956. (Corpus Bruxellense Hist. Byz., Subsidia II).
- Ostrogorsky*. Querelle des Images. *Ostrogorsky G.* Les débuts de la Querelle des Images // Mélanges Ch. Diehl, I. Paris, 1930. P. 235–255.
- Ostrogorsky*. Steuergemeinde. *Ostrogorsky G.* Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im 10. Jahrh. // Vierteljahrschr. f. Sozial- u. Wirtschaftsg. 20 (1927). S. 1–108.
- Papadopoulos*. Genealogie der Palaiologen. *Papadopoulos A.* Versuch einer Genealogie der Palaiologen, 1259–1453. Diss. München, 1938.

<i>Pernice</i> . Eraclio.	<i>Pernice</i> A. L'imperatore Eraclio, Saggio di storia bizantina. Firenze, 1905.
PG	<i>Migne J.P.</i> Patrologiae cursus completus, Series Greco-latina. Paris, 1857–1887.
<i>Piganiol</i> . Empire chrétien.	<i>Piganiol</i> A. L'Empire chrétien (325–395) (Histoire générale, fondée par G. Glotz: Histoire romaine IV, 2). Paris, 1947.
PL	<i>Migne J.P.</i> Patrologiae cursus completus, Series Latina. Paris, 1844–1880.
RHSEE	Revue historique du Sud-Est européen. Bucarest, 1924–.
<i>Rostovtzeff</i> . Gesellschaft und Wirtschaft.	<i>Rostovtzeff</i> M. Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich. Leipzig, 1930. 2 Bde.
<i>Runciman</i> . Bulgarian Empire.	<i>Runciman</i> St. A History of the First Bulgarian Empire. London, 1930.
<i>Runciman</i> . Crusades.	<i>Runciman</i> St. A History of the Crusades, I–III. Cambridge, 1951, 1952, 1955.
<i>Runciman</i> . Romanus Lecapenus.	<i>Runciman</i> St. The Emperor Romanus Lecapenus and his Reign. Cambridge, 1929.
SBN	Studi bizantini e neoellenici. Roma, 1934–.
<i>Schlumberger</i> . Épopée byzantine.	<i>Schlumberger</i> G. L'épopée byzantine à la fin du X ^e siècle. Paris, 1896. 3 t. (repr. 1925), 1900, 1905.
<i>Schlumberger</i> . Nicéphore Phocas.	<i>Schlumberger</i> G. Un empereur byzantin au X ^e siècle: Nicéphore Phocas. Paris, 1890 (repr. 1923).
<i>Schwarzlose</i> . Bilderstreit.	<i>Schwarzlose</i> K. Der Bilderstreit. Ein Kampf der griechischen Kirche um ihre Eigenart und um ihre Freiheit. Gotha, 1890.
<i>Seeck</i> . Untergang.	<i>Seeck</i> O. v. Geschichte des Untergangs der antiken Welt. Stuttgart, 1920–1923. 6 Bde.
<i>Ševčenko</i> . Cabasilas.	<i>Ševčenko</i> I. Nicolas Cabasilas' „Anti-Zealot“ Discourse: A Reinterpretation // DOP 11 (1957). P. 81–171.
<i>Silberschmidt</i> . Das oriental. Problem.	<i>Silberschmidt</i> M. Das orientalische Problem zur Zeit der Entstehung des türkischen Reiches nach venezianischen Quellen. Ein Beitrag zur Geschichte der Beziehungen Venedigs zu Byzanz, Ungarn und Genua und zum Reiche von Kiptschak (1381–1400). Leipzig; Berlin, 1923.
<i>Šišić</i> . Geschichte.	<i>Šišić</i> F. Geschichte der Kroaten I (bis 1102). Zagreb, 1917.
<i>Šišić</i> . Povijest.	<i>Šišić</i> F. Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara. Zagreb, 1925.

- Šišić. Povijest II.* *Šišić F. Povijest Hrvata za kraljeva iz doma Arpadovica.* Zagreb, 1944.
- SK *Seminarium Kondakovianum (Annales de l'Institut Kondakov).* Praha, 1927–1940.
- Stadtmüller. Michael Choniates.* *Stadtmüller G. Michael Choniates, Metropolit von Athen // Orientalia Christiana 33/2 (1934). P. 128–324.*
- Stein. Bas Empire.* *Stein E. Histoire du Bas Empire II. De la disparition de l'Empire d'Occident à la mort de Justinien (476–565).* Paris-Bruxelles-Amsterdam, 1949.
- Stein. Ein Kapitel.* *Stein E. Ein Kapitel vom persischen und vom byzantinischen Staat // BNJ 1 (1920) 50–89.*
- Stein. Geschichte.* *Stein E. Geschichte des spätromischen Reiches I. Vom römischen zum byzantinischen Staate (284–476).* Wien, 1928.
- Stein. Studien.* *Stein E. Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches, vornehmlich unter den Kaisern Justinus II. und Tiberius Constantinus.* Stuttgart, 1919.
- Stein. Untersuchungen.* *Stein E. Untersuchungen zur spätbyzantinischen Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte // Mitt. zur Osman. Gesch. 2 (1923–25). S. 1–62.*
- Stein. Vom Altertum.* *Stein E. Vom Altertum im Mittelalter. Zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung // Vierteljahrschr. f. Sozial- u. Wirtschaftsgesch. 21 (1928). S. 158–170.*
- Stöckle. Zünfte.* *Stöckle A. Spätromische und byzantinische Zünfte Untersuchungen zum sog. ἐπαρχικὸν βιβλίον Leos des Weisen.* Leipzig, 1911. (Klio, Beiheft 9).
- Tafel–Thomas. *Tafel G.L.F., Thomas G.M. Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig. Theil I–III.* Wien, 1856–57. (Fontes Rerum Austr., Abt. II, Bd. 12–14).
- Tafrali. Thessalonique.* *Tafrali O. Thessalonique au XIVe siècle.* Paris, 1913.
- Treitinger. Kaiseridee.* *Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell.* Jena, 1938 (Neudruck: Darmstadt, 1956).
- Vasiliev. Byzance et les Arabes, I.* *Vasiliev A.A. Byzance et les Arabes, I: La dynastie d'Amorium (820–876). Édition française préparée par H. Grégoire et M. Canard.* Bruxelles, 1935. (Corpus Bruxellense Hist. Byz.; I).
- Vasiliev. Byzance et les Arabes, II.* *Vasiliev A.A. Byzance et les Arabes, II: La Dynastie macédonienne (867–959). Édition française préparée par H. Grégoire et M. Canard. Deuxième partie: Extraits des sources arabes, trad. par M. Canard.* Bruxelles, 1950. (Corpus Bruxellense Hist. Byz.; II).

- Vasiliev*. Foundation. *Vasiliev A.A.* The Foundation of the Empire of Trebizond // *Speculum* 11 (1936). P. 3–37.
- Vasiliev*. History. *Vasiliev A.A.* History of the Byzantine Empire. Madison, 1952.
- Vogt*. Basile I. *Vogt A.* Basile I, empereur de Byzance et la civilisation byzantine à la fin du IXe siècle. Paris, 1908.
- Wittek*. Mentесhe. *Wittek P.* Das Fürstentum Mentесhe, Studien zur Geschichte Westkleinasiens im 13.–15. Jahrh. Istanbul, 1934.
- Wroth*. Byz. Coins. *Wroth W.* Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum. 2 vol. London, 1908.
- WZKM *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*
- Xanatalos*. Beiträge. *Xanatalos D.A.* Beiträge zur Wirtschafts- und Sozialgeschichte Makedoniens im Mittelalter, hauptsächlich auf Grund der Briefe des Erzbischofs Theophylaktos von Achrida. Diss. München, 1937.
- Zachariä*. Geschichte. *Zacharia v. Lingenthal K.E.* Geschichte des griechisch-römischen Rechtes. Berlin, 1892³ (Neudruck: Aalen in Württemberg, 1955).
- Zachariae*. Jus. *Zachariae a Lingenthal C.E.* Jus Graeco-Romanum. Leipzig, 1856–1884. 7 vol.
- Zakythinos*. Crise monétaire. *Zakythinos D.* Crise monétaire et crise économique à Byzance du XIII au XV siècle. Athènes, 1948.
- Zakythinos*. Despotat. *Zakythinos D.* Le despotat grec de Morée, I–II. Paris, 1932; Athen 1953.
- Zepos*. Jus. *Zepos J. & P.* Jus graecoromanum. Athenae, 1931. 8 vol.
- ZKiG *Zeitschrift für Kirchengeschichte*. Gotha, 1876–.
-
- Ῥάλλης–Ποτλῆς. Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων / Ἐκδοθὲν ὑπὸ Κ. Ῥάλλη καὶ Μ. Ποτλῆ. Τ. 1–6. Ἀθῆναι, 1852–1859.
- ΕΕΒΣ Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν. Ἀθῆναι, 1924–.
- Κολίας. Ἡ ἀνταρσία Ἰωάννου Ζ' ἐναντίου Ἰωάννου Ε' Παλαιολόγου (1390) // Ἑλληνικά 12 (1951). Σ. 34–64.
- Κυριακίδης. Βυζ. Μελέται. *Κυριακίδης Στ.Π.* Βυζαντιναὶ Μελέται, II–V. Θεσσαλονίκη, 1937.
- Λάμπρος–Ἀμαντος. *Λάμπρος Χρ.* Βραχέα Χρονικά, ἐκδ. ἐπιμέλεια Κ. Ι. Ἀμάντου. Ἀθῆναι, 1932. (Μνημεῖα τῆς ἑλληνικῆς ἱστορίας Ι, 1).
- Βραχέα Χρονικά. *Μελιάρακης Α.* Ἱστορία τοῦ Βασιλείου τῆς Νικαίας καὶ τοῦ Δεσποτάτου τῆς Ἡπείρου (1204–1261). Ἀθῆναι, 1898.

Σάθας. Μεσ. βιβλ.	Σάθας Κ.Ν. Μεσαιωνική βιβλιοθήκη (Bibl. graeca medii aevi). Venetiis & Parisiis, 1872–1894. 7 vol.
Χριστοφίλόπουλος. Ἐπαρχικὸν βιβλίον.	Χριστοφίλόπουλος Α. Τὸ ἐπαρχικὸν βιβλίον Λέοντος τοῦ Σοφοῦ καὶ αἱ συντεχνίαι ἐν Βυζαντίῳ. Ἀθῆναι, 1935.
Андреев. Герман и Тарасий.	Андреев И. Герман и Тарасий, патриархи Константинопольские. Сергиев Посад, 1907.
Андреева. Очерки.	Андреева М. Очерки по культуре византийского двора в XIII в. Прага, 1927.
Баришић. Чуда Димитрия Солунског.	Баришић Фр. Чуда Димитрия Солунског као историски извор. Београд, 1953.
Васильев. Византия и арабы, II.	Васильев А.А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии (867–959), Санкт-Петербург, 1902.
Васильев. Путешествие Мануила.	Васильев А.А. Путешествие византийского императора Мануила II Палеолога по Западной Европе // ЖМНП. Н.с. 39 (1912). С. 41–78, 260–304.
Васильевский. Материалы.	Васильевский В.Г. Материалы для внутренней истории византийского государства // ЖМНП 202 (1879). С. 160–232 (= Труды, IV. Л., 1930. С. 250–331), 368–438; 210 (1880). С. 98–170, 355–440.
Васильевский. Печенеги.	Васильевский В.Г. Византия и печенеги // Труды, I. СПб., 1908. С. 1–175.
ВВ	Византийский временник. СПб., 1894–1927; М., 1947–.
ВИИНЈ	Византијски извори за историју народа Југославије. Београд, 1955–1971. 4 т.
Глас САН	Глас Српске Академије Наука. Београд, 1887–.
Дуйчев. Проучвания.	Дуйчев И. Проучвания върху българското средновековие. София, 1943.
Дьяконов. Византийские димы.	Дьяконов А.П. Византийские димы и факции в V–VII вв. // Византийский сборник. М.–Л., 1945. С. 144–227.
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1803–1917.
Златарски. Известията.	Златарски В. Известията за българите в хрониката на Симеона Метафраста и Логотета // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина 24 (1908). С. 1–161.

<i>Златарски.</i> История.	<i>Златарски В.</i> История на Българската държава през средните векове. Т. I/1–2, II, III. София, 1918, 1927, 1934, 1940.
ЗРВИ	Зборник радова Византолошког института. Београд, 1952–.
ИРАИК	Известия Русского археологического института в Константинополе. 1895–1914.
<i>Каждан.</i> Деревня и город.	<i>Каждан А.П.</i> Деревня и город в Византии IX–X вв. М., 1960.
<i>Кулаковский.</i> История.	<i>Кулаковский Ю.А.</i> История Византии. Т. I: 395–518 гг. Т. II: 518–602 гг. Т. III: 602–717 гг. Киев, 1913, 1912, 1915.
<i>Ласкарис.</i> Виз. принцезе.	<i>Ласкарис М.</i> Византиске принцезе у средњевековној Србији: Прилог историји византиско-српских односа од краја XII до средине XV века. Београд, 1926.
<i>Левченко.</i> Материалы.	<i>Левченко М.В.</i> Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V–VI вв. // Византийский сборник. М.–Л., 1945. С. 12–95.
<i>Левченко.</i> Очерки.	<i>Левченко М.В.</i> Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.
<i>Липшиц.</i> Виз. крестьянство.	<i>Липшиц Е.Э.</i> Византийское крестьянство и славянская колонизация // Византийский сборник. М.–Л., 1945. С. 96–143.
<i>Липшиц.</i> Очерки.	<i>Липшиц Е.Э.</i> Очерки истории византийского общества и культуры, VIII — первая половина IX века. М.–Л., 1961.
<i>Литаврин.</i> Болгария и Византия.	<i>Литаврин Г.Г.</i> Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960.
<i>Мелиоранский.</i> Георгий Кипрянин.	<i>Мелиоранский Б.М.</i> Георгий Кипрянин и Иоанн Иерусалимлянин, два малоизвестных борца за православие в VIII в. СПб., 1901.
<i>Мутафчиев.</i> Войнишки земи.	<i>Мутафчиев П.</i> Войнишки земи и войници в Византия през XIII–XIV вв. София, 1923. (Списание на Бълг. Акад. на Науките; 27).
<i>Мутафчиев.</i> История.	<i>Мутафчиев П.</i> История на българския народ. София, 1943. 2 т.
<i>Ников.</i> Турското завладяване.	<i>Ников П.</i> Турското завладяване на България и съдбата на последните Шишмановци // Известия на Истор. Дружество 7/8 (1928). С. 41–112.

- Острогорски.* *Острогорски Г.* Автократор и Самодржац // Глас Српске Акад. 164 (1935). С. 95–187.
- Панчеко.* Крестьянская собственность. *Панченко Б.А.* Крестьянская собственность в Византии // ИРАИК 9 (1904). С. 1–234.
- Розен.* Болгаробойца. *Розен В.Р.* Император Василий Болгаробойца: Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883.
- Скабаланович.* Виз. государство. *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884. [Переизд.: СПб., 2004].
- Станојевић.* Византија и Срби. *Станојевић Ст.* Византија и Срби. Т. I–II. Нови Сад, 1903–1906. (Књиге Матице Српски; 7–8, 14–15).
- Успенский.* Военное устройство. *Успенский Ф.И.* Военное устройство византийской империи // ИРАИК 6 (1900). С. 154–207.
- Успенский.* История. *Успенский Ф.И.* История византийской империи. Т. I, II/1, III. СПб., 1913, Л., 1927, М.–Л., 1948. [Более полное переиздание: М., 1996–1997].
- Успенский.* Образование. *Успенский Ф.И.* Образование второго болгарского царства. Одесса, 1879.
- Успенский.* Очерки. *Успенский Ф.И.* Очерки по истории византийско образованности. СПб., 1891.
- Ферјанчић.* Деспоти. *Ферјанчић Б.* Деспоти у Византији и јужнословенским земљама. Београд, 1960.
- Ферлуга.* Византиска управа. *Ферлуга Ј.* Византиска управа у Далмацији. Београд, 1957.
- Флоринский.* Андроник и Кантакузин. *Флоринский Т.* Андроник Младший и Иоанн Кантакузин // ЖМНП 204 (1987). С. 87–143, 219–251; 205 (1879). С. 1–48.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к русскому изданию	5
ГЕОРГИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ОСТРОГОРСКИЙ (1902–1976).....	7
Список работ Г.А. Острогорского	10
Предисловие В. Отто ко второму изданию	21
Из предисловия автора к первому изданию	25
Предисловие автора ко второму изданию	26
Предисловие автора к третьему изданию	27
Введение. РАЗВИТИЕ НАУКИ ОБ ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ	30
I. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ РАЗВИТИЯ РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА (324–610)	57
Источники	57
1. Христианизированная Римская империя.....	63
2. Эпоха переселения народов и христологических споров	91
3. Реставрационная политика Юстиниана и ее крушение.....	112

II. БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ И ОБНОВЛЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА (610–711)	133
Источники	133
1. Войны с персами и с аварами. Реформы Ираклия	140
2. Время арабского вторжения: последние годы Ираклия; Константин II	160
3. Спасение Константинополя и укрепление нового строя: Константин IV и Юстиниан II	175
4. Закат династии Ираклия	196
III. ЭПОХА ИКОНОБОРЧЕСКОГО КРИЗИСА (711–843)	203
Источники	203
1. Чехарда на престоле	210
2. Иконоборчество и войны с арабами: Лев III	215
3. Иконоборчество и войны с болгарами: Константин V	224
4. Закат иконоборчества и восстановление иконопочитания	236
5. Византия и Карл Великий	244
6. Реформы Никифора I и внешнеполитические опасности: Византия и Крум	249
7. Иконоборческая реакция	265
IV. РАСЦВЕТ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (843–1025)	277
Источники	277
1. На заре новой эпохи	286
2. Эпоха кодификации права: Василий I и Лев VI	303
3. Византия и Симеон Болгарский	334

4. Борьба центральной власти против могущества феодалов. Культурный расцвет при византийском императорском дворе: Роман Лакапин и Константин Багрянородный	344
5. Эпоха завоеваний: Никифор Фока и Иоанн Цимисхий	359
6. Наивысшая точка византийского могущества: Василий II.....	374
V. ПРАВЛЕНИЕ СТОЛИЧНОЙ ЧИНОВНОЙ АРИСТОКРАТИИ (1025–1081).....	394
Источники.....	394
1. Крушение средневизантийской государственной системы.....	399
2. Крах внутренней и внешней политики	422
VI. ПРАВЛЕНИЕ ВОЕННОЙ АРИСТОКРАТИИ (1081–1204).....	432
Источники.....	432
1. Восстановление Византийской империи при Алексее I Комнине	438
2. Новый взлет византийского могущества и первые поражения: Иоанн II и Мануил I	461
3. Попытка реакции при Андронике Комнине	482
4. Катастрофа	489
VII. ЛАТИНСКОЕ ГОСПОДСТВО И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1204–1261).....	509
Источники.....	509
1. Возникновение новой системы государств	514
2. Взлет и падение Эпира. Победа Никеи.....	528

3. НАКАНУНЕ РЕСТАВРАЦИИ	539
4. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВЫ: Михаил VIII	546
VIII. УПАДОК И КРУШЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1282–1453).....	563
Источники	563
1. Византия как второстепенное государство: Андроник II	578
2. Эпоха гражданских войн. Господство Сербии на Балканах	602
3. Османское завоевание Балканского полуострова. Византия как зависимое от турок государство.....	639
4. Падение.....	662
БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ.....	685
ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ И СПИСКИ ПРАВИТЕЛЕЙ.....	786
ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.....	805
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ часто цитируемых работ и периодических изданий.....	874

Георгий Острогорский

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Перевод с немецкого М.В. Грацианского
под редакцией П.В. Кузенкова

Корректор *О.В. Грецова*
Художественное оформление *С.Ю. Губин*
Макет, верстка *Г.Н. Шафигуллина*
Техническое сопровождение *Ю.В. Мосягин*

Сибирская Благозвонница

Подписано в печать 12.07.2011. Формат 70х100/16
Бумага офсетная. Печ. л. 56. Тираж 4 000 экз.
Заказ № 5808.

Адрес издательства:
109012, г. Москва, ул. Никольская, д. 7/9, строение 6,
E-mail: syb-blag@yandex.ru, www.blagozvon.ru.

Отдел оптовых продаж:
109202, г. Москва, шоссе Фрезер, д. 17а,
телефон/факс: 8(495) 363-45-10.

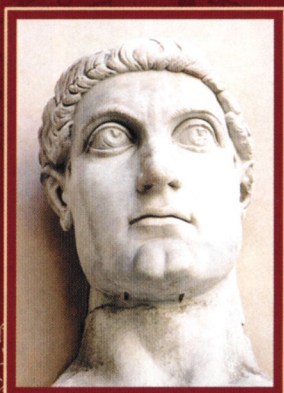
Отпечатано с электронных носителей издательства:
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, д. 5.
Телефон: +7(4822) 44-52-03, 44-50-34, телефон/факс +7(4822) 44-42-15.
Home page – www.tverpk.ru. Электронная почта (E-mail): sales@tverpk.ru.

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

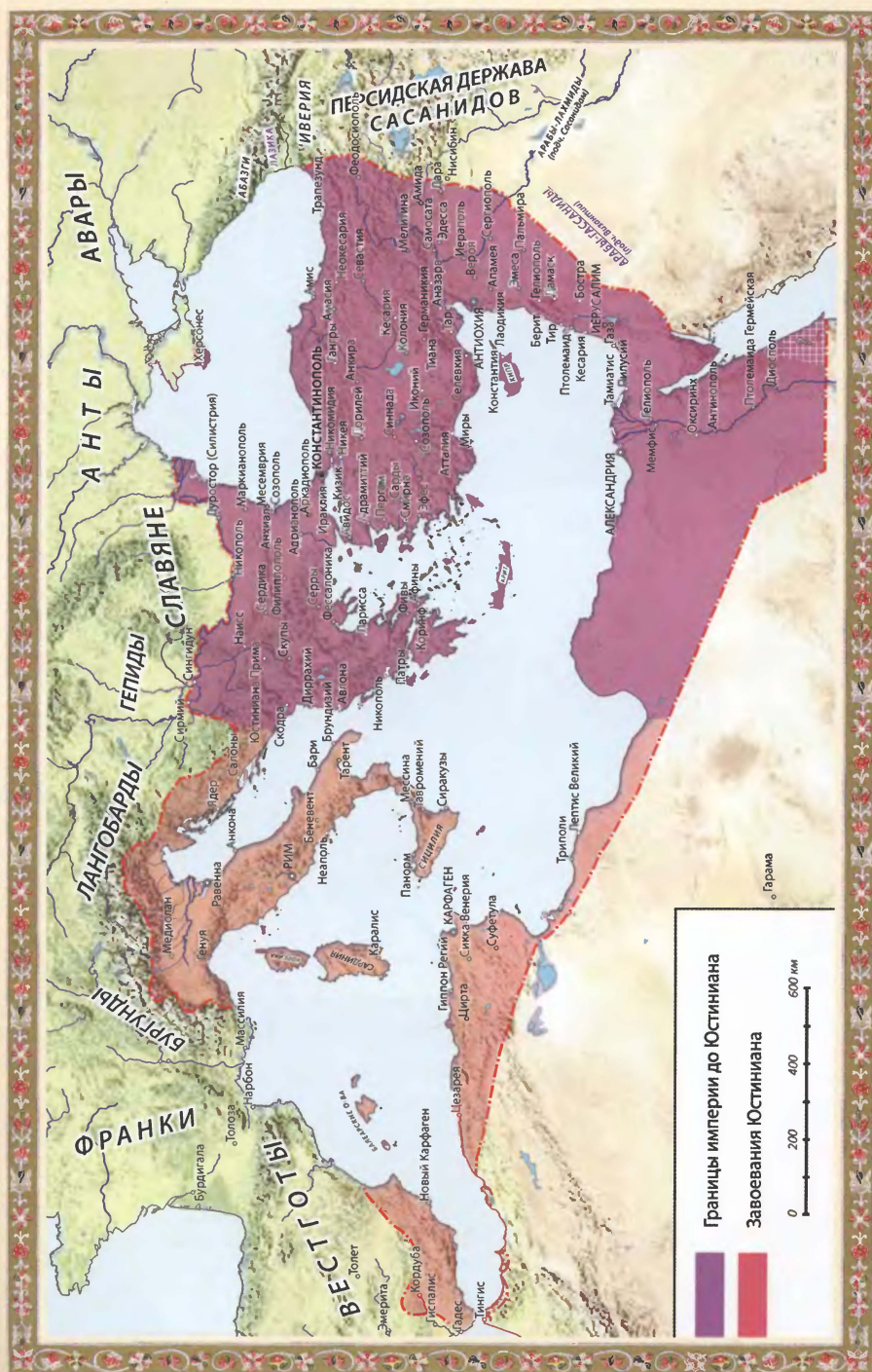
Лев VI перед Христом

Константин
Великий

Большой дворец
в Константинополе

Империя Юстиниана I (около 565 г.)

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Венец Льва VI

Михаил I

Коронация византийского
императора

Михаил II

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

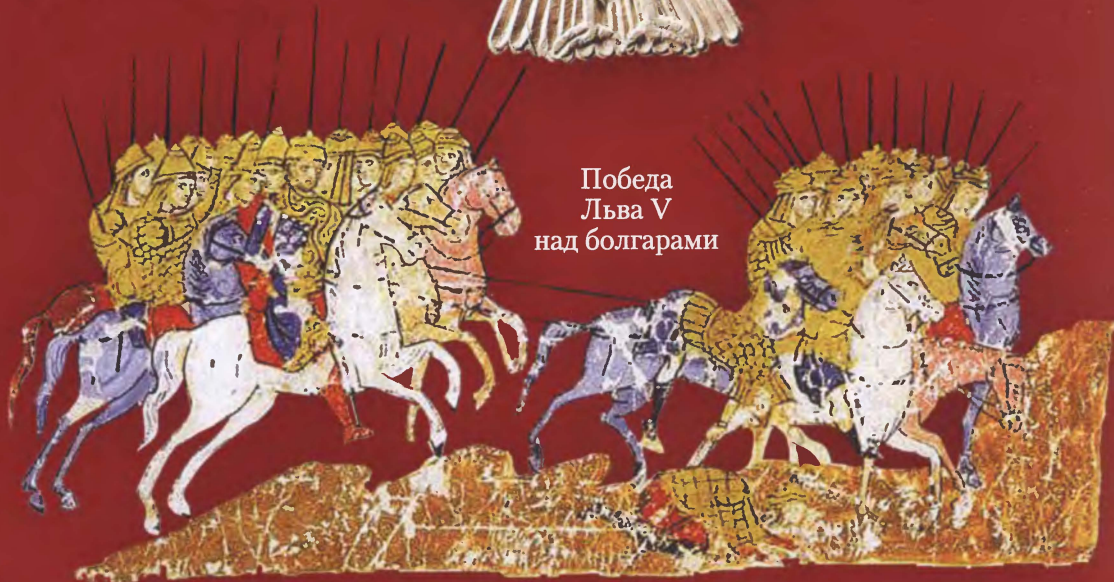

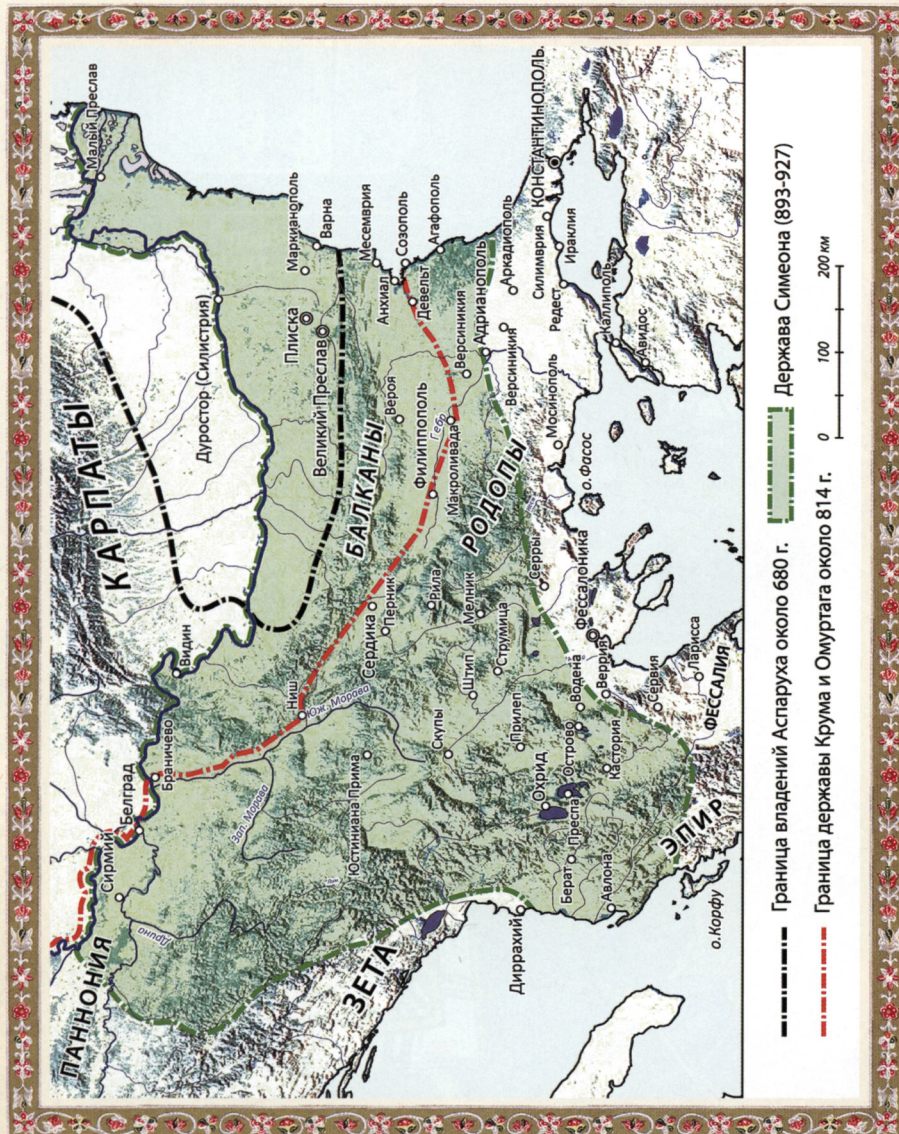
Греческий огонь

Орел
из Болгарии

Победа
Льва V
над болгарями

Первая Болгарская держава

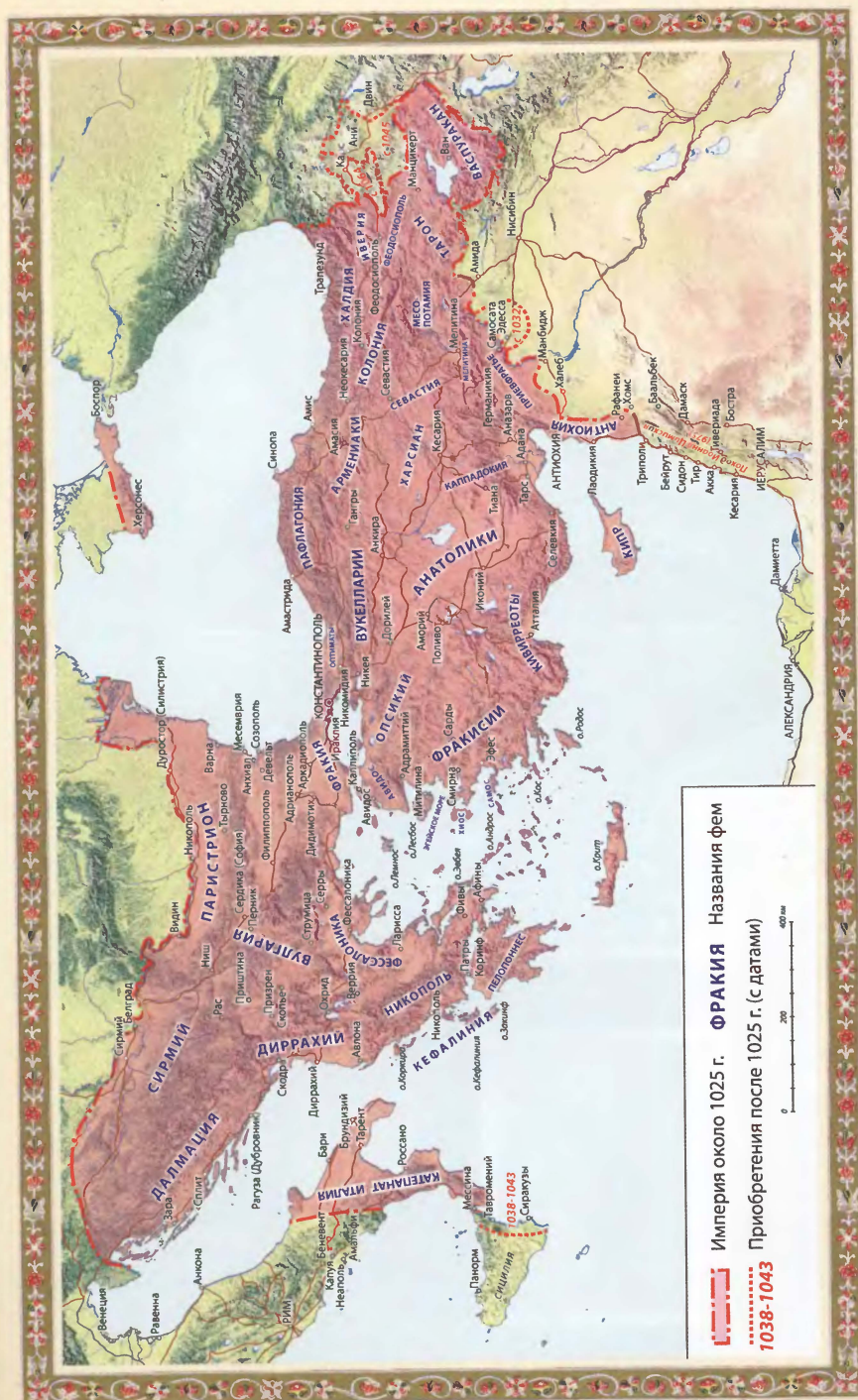
Константин VII Багрянородный

Венец
Константина IX Мономаха

Константин IX и его жена Зоя (Св. София Константинопольская)

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Деисус.
Лик Христа
(Св. София
Константинопольская)

Иоанн
Комнин
и Ирина
(Св. София
Константинопольская)

Алексей I
Комнин

Исаак I
Комнин

Карл Анжуйский
(Неаполь)

Э. Делакруа.
«Крестоносцы
в Константинополе»

«Крестоносцы у Константинополя»
(Французская миниатюра 15 в.)

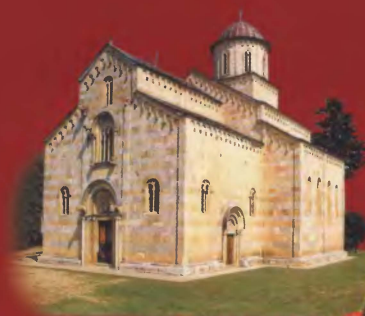

ИСТОРИЯ БИЗАНТИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Иоанн VI Кантакузин

Стефан Душан
(Лесново, 1349 г.)

Дечани.
Церковь
Вседержителя
(1327-35 гг.)

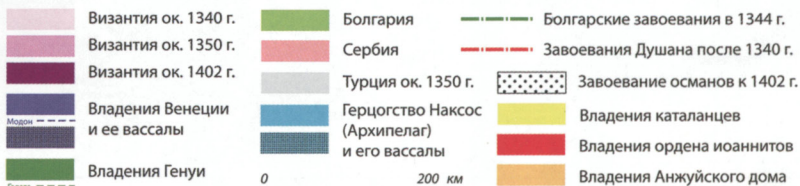

Крушевац.
Церковь
Лазаря
(1377-78 гг.)

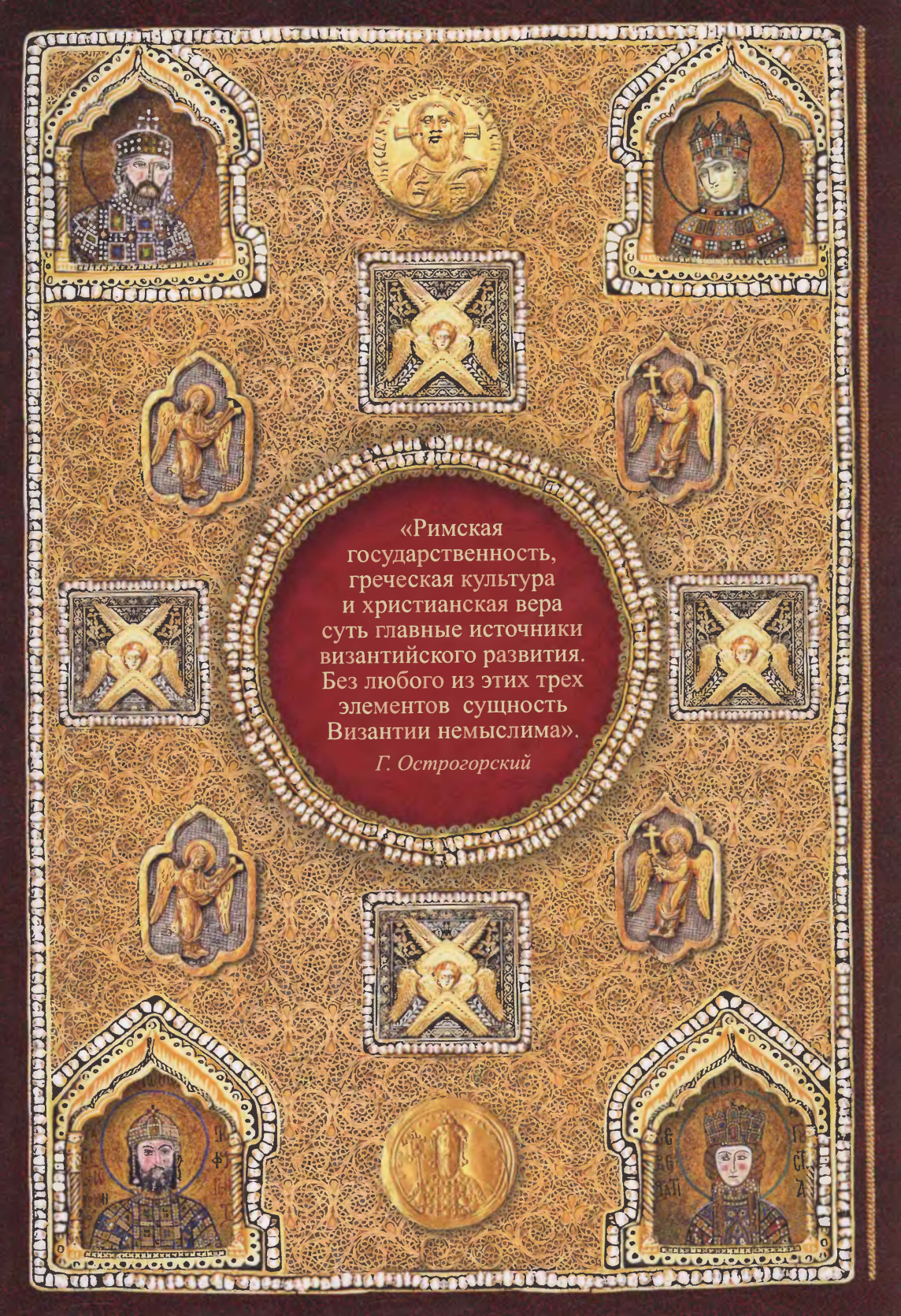
Мануил II Палеолог

Мехмед II
(медаль)

«Римская
государственность,
греческая культура
и христианская вера
суть главные источники
византийского развития.
Без любого из этих трех
элементов сущность
Византии немыслима».

Г. Острогорский